

Сергей Зеленин.

Я ВАМ НЕ СТАЛИН..
Я - ХУЖЕ!

Часть первая:

ПЕРЕЗАГРУЗКА
СИСТЕМЫ.

2023 г.

Annotation

Как можно догадаться — о "нашем человеке", вселившемся в "великого и ужасного" Сталина почти за полгода до 22 июня 1941 года. Вот только ТАКОГО(!!!) попутанца в Вождя, литература в стиле АИ ещё не знала — могу полностью ручаться в этом.

Предисловие: Почему же так всё получилось?

Лев Троцкий:

«У каждой страны есть свой подвал. Где-то лежит древний хлам и обломки бывшего могущества, где-то религиозные и философские трактаты изображающие вселенскую мудрость, а где-то живут поистине ужасные чудовища, которых лучше не беспокоить».

Радищев Александр Николаевич:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй».

Стрелков Игорь Иванович:

«Прихожу к однозначному выводу — нет никакого рационального обоснования стремлению всей иерархии нашего командования от взводника до генерала к скорейшему {потере} любой колёсной или гусеничной техники. Это инстинкт какой-то, практически основной, с... Это {похотливые} лемминги, простите мой французский.

Военная система естественно стремится к сохранению своей жизни как Голема. Интересы страны совершенно однозначно не являются граничным условием. Для сохранения системы в нынешнем виде нужен МИР. Для достижения мира (с точки зрения Голема) надо все {проиграть}, и тогда политическое руководство будет вынуждено заключить Хасавюрт. Иначе не сохранить чины, должности, ипотеки, журналы и журналы учета журналов. И самое главное — возможность «пилить» бюджет.

Так что рациональное обоснование есть...»[1].

Цитата из Святослав Логинов «Колодезь»:

«Перед вами странная книга — фантастический роман, в котором автор старался по мере сил соблюсти историческую правду, причём ради самой правды, не обращая внимания на конъюнктуру момента. А ведь давно известно, что история — это политика, опрокинутая в прошлое, а правда колет глаза. В результате большое количество людей может быть обижено и даже оскорблено моей книгой. У них я заранее прошу прощения.

Правда, господа, ничего, кроме правды!».

Генерал Епишев Алексей Алексеевич:

«Кому нужна ваша правда, если она мешает нам жить?».

Сперва написанное в самый последний момент «предисловие перед предисловием», так сказать — навеянное событиями творящимися в нашем богоспасаемом Отечестве и вокруг него, в последнее время ...

Начну с того, что расставляю все точки над «i», чтоб потом не было вопросов типа:

— Да как посмел ты своими погаными ручонками затронуть наше самое святое?

— Да вот так и «посмел»! Ибо в отличии от некоторых — научился разделять мух от котлет, а не хавать их вместе — да ещё и нахваливать это кишащее жирными опарышами вонючее дерьмо.

Есть «история» — а есть «пропаганда» и, не надо их смешивать.

Пропаганда — вещь нужная и полезная, но сиюминутная!

Она необходима например, во время жесточайшей войны на выживание целой нации — обречённой на уничтожение в случае поражения. Во имя победы, пропаганда требует безмерно возвеличивать полководческие таланты своих полководцев, неустанно восхвалять героизм своих воинов и, не стесняясь — унижать таковы же качества у врагов.

Почему?

Да потому, что если вера в способность своей армии защитить свой народ пошатнётся, как это было в России в 1917 году — это приведёт к поражению страны в войне, со всеми вытекающими отсюда трагически-фатально-катастрофическими последствиями.

История же, в отличие от пропаганды — есть набор объективных знаний о прошлом и нацелена она на будущее страны. И главное её предназначение, не надувание щёк — какие мы, мол, великие: Берлин взяли и если надо — «повторим», а предотвращение повторения ошибок совершённых в прошлом... А для этого она, история Отечества — должна быть объективной и называть все вещи своими именами.

Это правило касается всего и вся, но сейчас у нас разговор про личности и их культы.

После завершения войны герой должен быть назван героем и, поставлен «потомству в пример» — а не предан забвению, как большинство истинных героев любой войны ведущейся Россией.

Трус, подлец и предатель — должен быть назван трусом и подлецом, а вовсе не почётным гражданином большого российского города и Героем России.

Дутая величина, тупая бездарность — должна быть так и названа: дutoй величиной и тупой бездарностью — а вовсе не «маршалом Победы»...

И всё это вовсе не красного словца ради — а во имя грядущих поколений!

Ведь для организации обороны страны в будущем — нужны реальные факты о прошедшей войне, а не голая пропаганда.

Вот к примеру если бы заклеями позором после Отечественной войны 1812 года Кутузова за то, что тот после Бородинского сражения — бросил тридцать тысяч раненых, разве не поостереглись бы делать это следующие поколения генералов?

Сами то как считаете?

Но произошло страшное... Никита Кукурузный, пришедший к власти не в малой степени из-за поддержки советского генералитета — заказывал советским военным историкам не историю, а пропаганду и, с тех пор пошёл деструктивный самообман и непрерывные ошибки в военном строительстве. В результате этого, все генералы той войны — вне зависимости от совершенных ими подвигов или промахов на грани измены — стали безусловными «героями» и «великими полководцами» и, даже не смей дышать в их сторону.

Даже те, кто оказался в плену и вёл себя там трусливо и недостойно с точки зрения любого вида морали.

Каких генералов, какое офицерство — стал в итоге иметь к своему концу Советский Союз?

Тупых и подлых скотов — забывших, что такое совесть и честь!

Офицеры и генералы Российской Империи (к которым, кстати, у меня тоже немало

претензий) — хотя бы худо-бедно два года сражались за «Единую и неделимую»... Но эти же, с визгливо-восторженным хрюканьем разбежались по «национальным квартиркам» — в ожидании чинов и должностей от незалежно-суверенных правительств. Все они, как один — не колеблясь забыв присягу, данную советскому народу — предали выкормившую их страну, предали собственный народ. В большинстве своём, они не только равнодушно смотрели на развал страны — но и весьма охотно в этом процессе участвовали.

Поэтому я считаю: если историческую правду не восстановить, если не назвать вещи своими именами, а людей возвеличивать не по истинным заслугам — а по мнимым, то армию неумолимо заполнят и возглавят тупые бездарности — бесполезные для страны и опасные для собственной армии.

И ТОГДА СТРАНА, АПРИОРИ, ВЕЧНО НЕ БУДЕТ ГОТОВА К ВОЙНЕ!!!

22 июня 1941 — не готовы...

Афганская война — не готовы...

Чечня: товарищи офицеры и генералы — обосрались даже воюя с собственным народом.

Читаем про войну на Донбассе 2014-15 годов и снова видим нечто нам до боли знакомое:

«Второй волной дезертирства подразделения Народной Милиции накрыло после первых крупных боестолкновений с противником, в которых многие руководившие ими российские советники проявили себя не лучше, а местами даже хуже «атаманов-махновцев» образца лета 2014-го года. Даже вполне обученные и мотивированные бойцы отказывались идти в бой и покидали ряды Народной Милиции перед лицом того, как методично раз за разом российские советники посылают их на убой без всякого смысла и результата.

Фраза «Идите, там никого нет!» предваряла множество типовых расстрелов противником как наступающих боевых порядков, так и выдвигающихся колонн, посланных в разведку боем, но не уведомленных об этом (типовой случай — “выдвижение” колонны 4-й омсбр НМ ЛНР, отправленной российским советником полковником К.В.Степанищевым (позывной “Алмаз”), прямым на взводный опорный пункт ВСУ “Лёха”). Апогеем такого подхода стала СМС-ка(!!!), присланная одним из российских советников подчиненному “местному” комбату НМ ДНР:

“Идите, там никого нет! Сейчас арта отработает и идите!”.

В настоящий момент, вышеупомянутый К.В. Степанищев уже Герой России, имеет звание генерал-майора и учится в Академии Генерального Штаба ВС РФ. Авторы доклада искренне желают читателям не оказываться под его командованием[2]».

Наконец 2022 год... Посмотрите на происходящие в данный момент события и, положив руку на сердце, скажите:

Разве я не прав?

Послушаем Игоря Ивановича Стрелкова:

«Это диалог, состоявшийся у меня с человеком ещё за несколько дней до публикации укропами скандальных фотосъёмок переправы под Белогоровкой, на которых хорошо видны уничтоженные и тяжело поврежденные танки и другие бронемашины ВС РФ численностью примерно в батальонную тактическую группу. Насколько я понимаю, в процессе трёх попыток наведения переправы БТГр работала мишенью для украинской артиллерии и,

возможно, ударных БПЛА. Что-то успели утащить, но большая часть — уже обгоревший металлолом.

В Телеграме я этот печальный памятник фразе "Идите, там никого нет!" уже прокомментировал — кто видел Дебаль, тот в этом цирке не смеётся. Прокомментировал и вспомнил другой диалог, уже более чем месячной давности, где уже я выступал в роли мудреца, пояснявшего за реальное положение дел.

— Мурз, ну как же так? Неужели они не сделали выводов из Дебали?

— Сделали. Конечно сделали. Они сделали вывод, что ВСЁ ОТЛИЧНО ПОЛУЧИЛОСЬ. Они же не из разговоров со мной или с вами выводы делали, в их официальных докладах. А в официальных докладах у них "сетцентрическое взятие Дебальцево за три дня", {нецензурно} В официальных докладах у них полковнику Степанищеву, позывной "Алмаз", ногу прострелили укропы, когда он батальон в атаку поднимал, а не ополченцы, которым повезло выжить после того, как полковник Степанищев походной колонной кинул их на укроповский опорник и они узнали о том, что участвуют в "разведке боем" в тот момент, когда головная машина колонны на mine подорвалась. И полковник Степанищев вместо трибунала сначала орден получает, а потом генералом становится, а сейчас участвует в руководстве группировкой ВС РФ на Харьковском направлении. С закономерными последствиями под Белогоровкой.

В общем, "второй этап специальной операции" идёт в полном соответствии с планом, да.

И план этот по-военному лаконичен:

1. {Потерять} всю технику и хоть сколько-нибудь обученный личный состав.
2. Начать удивляться[3]».

Ну а теперь — собственно предисловие к сему опусу.

***

Сталин И.В.:

«Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять».

Действительно, парадокс — регулярно вызывающий когнитивный диссонанс у всех наших соотечественников на постсоветском пространстве, кто хоть мало-мальски интересуется историей Великой Отечественной войны.

Вся огромная, богатая ресурсами страна и её Красная Армия, долго и напряженно готовились к надвигающейся буре. «Если завтра война, если враг нападёт...», — звучало с экранов, из рупоров громкоговорителей, читалось с газетных полос, — всколыхнется страна, и сумеет она, чтобы враг поплатился жестоко».

А когда враг всё же напал, жестоко поплатился именно советский народ — до войны, не жалеющий никаких сил и средств для своей Красной Армии!

Поплатился тотальными разрушениями от Бреста — до Сталинграда и, от Мурманска — до Владикавказа... Поплатился десятками миллионов убитых и не меньшим числом

изувеченных, которых смело можно отнести к первой категории — ибо век их в большинстве своём, оказался недолог.

А сколько вдов, сирот и просто — искалеченных войной судеб?

Сколько не рождённых граждан? Не состоявшихся гениальных учёных и художников, не свершённых великих открытий, не написанных великих шедевров?

А как подчитать уничтоженные материальные средства, из-за чего быть может — мы до сих пор не можем зажить по-человечески?

Почему так?

Почему при наличии двух десятков тысяч танков — в том числе «лучших в мире», немецкие танки без всякой наклонной брони и дизельных двигателей — за неполные полгода доехали до Ленинграда, Москвы и Ростова?

Почему, при по крайней мере не меньшем числе боевых самолётов у ВВС РККА — «Люфтваффе» имело абсолютное превосходство в воздухе до 1943-го, а локальное — по крайней мере до 1944-го года?

При Сталине такие вопросы задавать было как-то непринято — «вероломное и внезапное нападение» и всё. Ежели кого-то интересуют «подробности» — зайдите по известному адресу, там вам всё объяснят и надолго обеспечат непыльной работой на свежем воздухе.

...Куда же вы?

Разве вам уже не интересно?!

После смерти же онного и разоблачения его же «Культа личности», на все вопросы ответ был один:

Виноват главный усатый Бармалей!

Это он расстрелял «сто тысяч пятьсот миллионов» талантливых конструкторов вундерваффлей и гениальных стратегов иже с ними. А остальных — зашугал до такой степени, что они забыли что любая армия — всегда должна быть ВСЕГДА(!!!) в состоянии боеготовности и, без команды сверху — в любой момент давать отпор врагу.

Все остальные были белыми и пушистыми, даже сам главный лысый разоблачитель — когда-то чемоданами таскавший к «Кровавому тирану» списки репрессированных на утверждение.

Однако, то был «выстрел в собственную ногу».

После развала Советского Союза, когда чуть-чуть приоткрылись архивы — авторы многочисленных мемуаров написанных по принципу «я здесь ни при чём, это всё он» — стали выглядеть если уж не откровенными саботажниками, ради «борьбы с режимом» предавшими Родину — то откровенными лузерами, не сумевшими воспользоваться самой современной техникой им даденной.

Действительно, зная реальное соотношение сил по бронетехнике, кем ещё — как ни жалким неудачником, считать Георгия Константиновича Жукова — после его слов в «Размышлизмах после беспамятства»:

— Но танков у них было больше!

ЛУЗЕР!!!

Не считая «лёгких и устаревших», у него больше чем полторы тысячи «Т-34» — лучших

танков Второй мировой войны и изрядное число неуязвимых «КВ» — привозивших из каждого боя по сотне отметин от снарядов без единого пробития...

А он уже на пятый день Минск Гудериану сдал!

Если не тупой лузер, то тогда кто он?

ИЗМЕННИК И ПРЕДАТЕЛЬ?!

Не знаю кому как, а у меня стойкое ощущение, что у руля российской исторической науки — одни и те же идеологические шаманы, просто сменившие тупые пляски с бубном насчёт «единственно-верного учения» — на влажно-эротические стоны о «России, которую мы потеряли».

У них до сих пор не нашлось мужества на признание наличия каких-либо глубоких процессов и неустранимых факторов — больше повлиявших на такой трагический ход войны, чем пресловутый культ личности Сталина.

Доказательство?

Пожалуйста!

Лишь сравнительно недавно (да и то — из уст не профессионального историка, а скажем так: интересующегося(!) историей[4] дилетанта) мы узнали о предвоенном провале производства бронебойных снарядов. 76-ти миллиметровых для длинноствольных пушек «лучших в мире в мире танков» — практически вообще не было. 45-ти миллиметровые — для противотанковых сорокапятки, а также «лёгких и устаревших» — были и, причём — в значительных количествах... Но они попросту бессильно раскалывались об цементированную броню немецких «Pz.Kpfw. III», «Pz IV» и «Штурмгешюцев».

Значит, что?

Значит, заводы гнали брак или говоря терминами того времени — занимались сущим вредительством.

Имеет к этому хоть какое-то отношение «Культ личности»?

Конечно, имеет, скажите вы:

— Мало их Сталин стрелял!

Видите, да? Опять когнитивный диссонанс: как бы «Вождь всех народов» не поступал — один куй он овно.

В каждой шутке, как известно, есть доля шутки...

Остальное всё — чистейшая правда!

Беда в том, что с одной стороны мы с вами до сих пор остаёмся под идейным прессом представлений о «Культуре личности» — негативных или позитивных, не суть важно... Когда сажали и даже расстреливали невиновных — виновных в браке надо живьём на кол сажать и всё будет тип-топ.

А с другой стороны, проецируем реалии позднесоветского периода, реалии нашего времени на сталинскую эпоху. Да что там какие-то бронебойные снаряды (сварные бронекорпуса, дизели, коробки передач с синхронизаторами и прочее) — болванки из легированной стали, закалённые должным образом...

Фигня, какая-то!

Однако, это далеко не так.

Специалисты оборонного комплекса, в большинстве своём — были едва ли не вчера из колхозной глубинки (в лучшем случае — недавними выпускниками ФЗУ), ещё довольно

часто путали гаечный ключ с отвёрткой и, не всегда с первого раза выговаривали довольно мудреное буржуйское слово — «синхронизатор».

Требовать с них качество можно, да!

И с них его должным образом требовали...

Но ждать его от них, значит быть наивным как юная институтка — поверившая на слово матёрому гусару обещавшему жениться и раздвинувшая перед ним ноги.

«Говорят, что невозможно коммунистам, особенно же рабочим коммунистам-хозяйственникам, овладеть химическими формулами и вообще техническими знаниями...».

В 1928 году говорил Сталин по поводу сплошного брака, который гнал его любимое детище — Сталинградский тракторный завод (СТЗ) и тут же сам излишне оптимистично опровергал:

«...Это неверно! Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики».

Однако всё же есть такие «крепости», которые с наскока взять невозможно. Для этого требуются многие и многие десятилетия, которых у довоенного СССР попросту не было.

Та воистину великая, без всякого сомнения ужасная и по-настоящему героическая эпоха — была совсем другой, чем мы её представляем по книгам, фильмам и даже рассказам более старших родственников.

Жесточайшие наказания за ненароком «криво» сказанное слово, в ней вполне благополучно уживались с полнейшей безнаказанностью за откровенное разгильдяйство, а величайшие технические достижения — соседствовали с откровенной халтурой на всех уровнях: от конструкторского бюро — где проектировалось продукция военного назначения, до испытательного полигона — где она тестировалась и цехах — где массово производилась.

Однако, это так — частности, для разминки, так сказать.

С тех пор, ка на «одной шестой части суши» пиплу разрешили гафкать — появилось великое множество версий о том, «почему в 1941 году получилось так хреново». Вроде бы уже немало лет прошло, чуть ли не век — а интерес к этой всё почему-то не утихает... Выдвинуто множество теорий причин такого катастрофического для Красной Армии, Советского Союза и прежде всего — для советского народа, начала Великой Отечественной Войны...

Вот и я подумав «Pourquoi pas?» и, вовсе не претендуя на истину в последней инстанции, решил внести свою малую толику.

Итак, перейдём наконец к главной причине, из-за которой по моему мнению(!) — мы научились воевать, лишь после того как пролили океаны собственной крови.

***

Как известно, серьёзная проблема не появляется вдруг — как «вскакивает» фурункул на носу, а зреет подспудно в течении столетий... Для экономии бумаги глубоко забираться не будем, начнём сразу с двадцатого века.

К 1914-му году, в Русской Императорской Армии и флоте уже были прочно забыты не только уставы Петра Великого:

«Буде же офицеры, матросы и солдаты, безо всякой причины допустят командира своего корабль сдать или из боевой линии уйти без законной причины и ему того не

отсоветуют или в том его не удержат, тогда офицеры казнены будут смертью, а прочие — с жребия десятый повешены...».

...Но и слова Александра Суворова: «Воевать надо не числом, а умением».

Поэтому, даже в мирное время — она уже насчитывала полтора миллиона штыков и сабель.

К примеру, армия несравнимо более индустриально развитой кайзеровской Германия — тоже имевшей вполне себе определённые имперские амбиции, до Великой войны насчитывала вдвое меньше личного состава. Не говоря уже про главного врага — Австро-Венгрию, от ига которой — мы с такой маниакальной настойчивостью стремились освободить «братушек» южных славян, чтоб навязать им своё — самодержавное иго.

А для чего тогда?

Чтоб демократические режимы там установить?!

Ой, как интересно...

После мобилизации же, русская армия превращалась во всепокрушающий — пяти с половиной миллионный «паровой коток», в теории — могущий размазать «Срединные державы» в тонкий блин с паюсной икрой...

Вам это ничего не напоминает?

На практике же получилось с точностью наоборот: несмотря на то, что большая и лучшая часть германской армии воевала на Западе против союзников — русские сперва потерпели сокрушительное поражение в Восточной Пруссии, а затем оставили Польшу, Литву и часть Белоруссии...

Естественно, у думающих людей появился вопрос к гениальным имперским стратегам — которых кстати, никто перед Первой мировой войной не стрелял и не запугивал до полной потери вменяемости, как сталинских маршалов:

— Почему?

У тех, ответ был готов:

— Но танков у них было больше!

Ой, извините...

Не «танков» — снарядов.

В этот раз без всякого стёба: современных тяжёлых артиллерийских снарядов было мало, остальные — лёгкие и устаревшие.

Хм, гкхм... Которых тоже было мало.

Союзная Франция, одних только тяжёлых 155-мм «чемоданов» — расходовала без малого столько же, сколько Россия — легких трехдюймовых. Регулярно «гадящая» Англия — только тяжёлых 114-мм и 152-мм расходовала почти на 40 % больше, чем Россия снарядов всех калибров...

И это при том, что союзники нам не только «гадили» — но и иногда поставляли оружие и снаряжение.

Воюющие же с нами немцы, одних только тяжёлых снарядов — потратили в три с половиной раз больше, чем русская армия всех вместе взятых. Даже сравнимая с нами по промышленной немощи Австро-Венгрия — израсходовала заметно больше снарядов, нежели Россия.

Никакого Сталина рядом не оказалось — чтоб свалить всех дохлых кошек на него,

поэтому Император и Верховный Главнокомандующий — снял с себя вообще всякую ответственность за творящийся бардак. Оказавшись обезглавленной, Российская Империя рухнула и развалилась на гнилые куски.

Приехавшие из Швейцарии в «блиндированном» вагоне большевики, подобрали власть валяющуюся на дороге, отымели во всех позах и во все дырки всех других кандидатов на неё, собрали все куски распавшейся Империи до кучи — назвав всё это «Союзом Советских Социалистических Республик» (СССР) и стали думать, что делать дальше...

Вообще-то, было немного не так.

Сперва, они думали что-то вот-вот — грянет всемирная пролетарская революция по Марксу и, всё само собой рассосётся — как нежелательная беременность.

Затем видя, что сама она грянуть что-то не торопиться — хотели втихотя её чуть-чуть подтолкнуть через Коминтерн.

Свершить, так сказать «аборт».

Однако, кроме населённой потомками Киргиз-Хана братской Монголии, дураков повторить наш опыт на Свете оказалось на удивление мало (на то этот «Свет» и называется «белым» — а не «красным») и, «рассосалась» наоборот — как раз надежда на Мировую революцию. А проблема думать о стране, к великому сожалению, осталась.

В том числе думать и об обороне страны от возможной агрессии со стороны... Ибо даже не думая, а просто читая мировую прессу — можно было прекрасно догадаться, что наступивший после Первой мировой войны мир — это не мир вовсе, а короткая передышка перед новой мировой войной.

Но так как думать в этом направлении «ленинские гвардейцы» совершенно не умели, думать об военной доктрине они предоставили доставшиеся им по наследству от Империи военным специалистам, которые во время Первой мировой войны получили урок.

Урок жестокий, кровавый...

Но, увы, не пошедший впрок!

Главной причиной своих неудач они видели не в профессиональных качествах своих незадачливых предшественников, а в первую очередь — в «снарядном», «винтовочном», «патронном» и прочих «голодах» и стали искать способы их преодоления в будущей войне.

***

Когда Сталин взяв власть, сцанным веником разогнал «ленинских пламенных большевиков» — мрьющих об Мировой революции, как нищий импотент мечтает об соитии с голливудской кинодивой, замыслы наших военных теоретиков оказались близки к реализации.

Оставалось только запугать ничего не понимающего в военной стратегии Вождя и его политическое окружение.

За это взялся человек с непререкаемым авторитетом: Ян Карлович Берзин, с 1924-го по 1935-й год — возглавляющий советскую разведку.

Кто, если не он?!

В написанной им книге «Будущая война» с графой «только для служебного пользования», судя по происходящему в дальнейшем — ставшая настольной «Кама Сутрой» для не для одного поколения советских военных теоретиков, картина воистину

апокалипсическая:

«Однако в первую очередь мы должны всесторонне проанализировать условия будущей войны при наиболее вероятном ее варианте. Таким вариантом мы считаем первый вариант: нападение на наши западные границы вооруженных сил западных соседей при материальной и технической поддержке Англии, Франции и их союзников».

Кто был в те годы нашими западными соседями?

Германия?

Нет, однако: ими были так называемые «лимитрофы» — совокупность государств, образовывавшихся после 1917 года на территории, входившей в состав Российской империи.

Серьёзная сила в 20-е годы, я согласен.

Против ста дивизий на конец 20-х годов имеющихся в РККА СССР — только Польша Финляндия, Румыния, Литва, Латвия и Эстония — способны выставить сто тридцать.

При «технической поддержке» промышленно развитых стран, продолжает Ян Карлович, превосходство будет подавляющим:

«Возможности танкостроения в будущую войну весьма значительны. Так, месячная продукция танков к 7-му месяцу войны (по состоянию производственных возможностей к 1928 году) может выразиться:

во Франции ок. 1500 танков

в Англии ок. 2500 танков

в Чехо-Словакии ок. 200 танков

в Польше ок. 100 танков».

То есть, только Англия и Франция случае войны — будут способны производить около четырёх тысяч танков в месяц и всё это обрушится на наши западные границы.

А ведь ещё существует, связанная с Центром лишь тонкой нитью Транссиба, восточная граница — где на богатства нашего Дальнего Востока, искоса поглядывает своим алчным косооком оком милитаристская Япония.

Воспоминания об её недавней вооружённой интервенции и сжигаемых в паровозных топках вместо дров коммунистах — ещё были свежи в памяти и, война на два фронта — пугала кремлёвское руководство до геморроидальных колик.

***

Нет, безусловно Ян Карлович Берзин и стоящая за ним советская военная клика были правы — опасность вооружённого вторжения существует, да и вообще:

«Si vis pacem, para bellum»!

Но как они представляли себе и предлагали политическому руководству повышение обороноспособности страны? Да так, чтоб дать по соплям не только «гиенам Европы», но и тем кто их откармливает, точит им клыки и их на нас наускивает?

Овладение какими-то передовыми тактическими методами ведения войны?

Нет!

Мы и, так вооружившись передовыми всеильными идеями Маркса и Энгельса, набравшись боевого опыта Гражданской войны — в теоретическом отношении впереди планеты всей.

Поиск сильного, заинтересованного в нас союзника?

Два раза — нет!

Вокруг — «капиталистическое окружение», которое спит и видит только, как бы нас схарчить.

Увы, но суть российской военной доктрины не поменялась со времён одноглазого Кутузова, сдавшего Наполеону Москву. Возможно по какому-то договорняку — сейчас уже ничего не докажешь.

Сменившие царских генералов красные маршалы — вновь решили задавить врага численным превосходством, завалить — хотя в этот раз не чисто трупами мобилизованных русских мужиков, а горелым железом с начинкой из жаренного человеческого ливера...

На лицо явный прогресс, однако!

Как будто не было не только Суворова — учившего побеждать «не числом, а умением», но и Ленина — с его бессмертным «лучше меньше, но лучше». Эту фразу в советский период втыкали где надо и где не надо — ибо вообще ни к чему, но никогда ей в реальной жизни не следовали.

«Мы в прошлую войну были умными и теоретически подкованными. Просто из-за того, что последний царь бы дурак — нам не хватало оружия... Если ставший на место царя Генеральный секретарь умный, значит — он должен понимать, что надо в первую очередь развивать тяжёлую промышленность».

Думаю, после примерно таких слов кого-либо из военного клана, не захотев оказаться подобно Никалашке-Недержанце дурачком и, ещё менее желая — быть как тот расстрелянным вместе с семьёй, Сталин сказал своё знаменитое:

«Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Нисколько не сомневаясь в необходимости индустриализации, всё-таки осмелюсь задать вопрос:

— Это как мы должны «бежать» догоняя, чтоб иметь возможность успешно воевать со всем миром — если исходить из постулатов книги «Будущая война» Берзина?

Этого, даже у Германии два раза за век не получалось — а ведь ей «догонять» никого не надо!

Зачем ставить заранее невыполнимые задачи?

Тем более, даже то — что можно было сделать в этом отношении, не делалось.

***

Выскажу свою точку зрения — надеюсь тапками с начинкой из гексогена, меня не закидают...

Вообще-то, подготовка к войне со всем миром была какой-то странно-криво-однобокой. К примеру, казалось бы: если слаб и боишься — ищи сильного союзника!

Это аксиома не только политики, но и просто здравого смысла. Можно было перевести борьбу за мир в дипломатическую плоскость, как это все люди делают, имеющие хотя бы одну прямую извилину в голове. Победённая и униженная Версалем Германия искала союзника, а мы вместо руки дружбы — регулярно подсовывали ей свой пролетарский... Хм, гкхм...

Гимн!

Если бы вместо Эрнста Тельмана, СССР морально и материально поддерживал Йоханнеса фон Секта[5] — глядишь бы и никакого 22 июня не было.

А был бы один сплошной Пёрл-Харбор. Ибо и с Японией — тоже можно было бы найти свои точки соприкосновения...

Если захотеть, конечно и не совать свой красный нос в Китай.

Ещё вот...

Все знали, что город Ленинград (это треть всей нашей военной промышленности!) — находится в зоне действия не то что авиации, а даже дальнобойной артиллерии противника. Случись хоть сколько-нибудь серьёзная война — заводы придется эвакуировать и, когда еще они развернутся на новом месте...

И чем воевать до тех пор?

И никаких мер не предпринималось, если не считать таковыми «Незнаменитую» войну, конечно, признанную отодвинуть Советско-финскую границу.

Так разве Финляндия — весь мир?

Встаю на место Сталина начала 30-х годов, смотрю на карту и ужасно боюсь...

Кругом враги выпускающие по четыре тысячи танков в месяц и только и, ждущие момента как бы напасть и отыметь по-беспределу.

А не перенести ли всю промышленность на Алтай, с перепуга?

Уголь и железная руда там есть, не лишнее на войне золотишко тоже имеется, а если поковыряться в земле — глядишь и ещё что-нибудь полезное обнаружится.

Однако, не фиг!

Единственным нефтедобывающим районом в довоенном СССР был Кавказ, до которого бомбардировщик взлетевший из Турции или Персии долетит за час и после этого Красная Армия останется без капли горючего... Почему, готовясь воевать со всем Белым светом, все силы и средства вбухивались в танки и самолёты — но не в поиск и разработку месторождений «чёрного золота» внутри страны?

Разве не понятно, что если мы зацепимся в клинче — даже не со всем миром, а лишь с одной Британской Империей — «над которой никогда не заходит Солнце», первый удар будет нанесён именно по Бакинским нефтепромыслам — которые находились буквально под носом от её колониальных владений на Ближнем Востоке и Персидском заливе?

И на чём тогда мы с вами ездить — «гремя огнём, сверкая блеском стали», будем?

На чём «всё выше, выше и выше» — будем стремить полёт наших «птиц»?

И это чуть было не произошло в конце Зимней войны!

Да финны вовремя задрали лапки вверх, чем как это не парадоксально звучит — спасли Советский Союз.

А ведь ещё до Революции, уже знали о нефти Охты, Поволжья и даже Тюмени!

Почему алюминиевые заводы строили возле Днепра и того же Ленинграда, а не за Уралом и дальше?

Почему... Почему... Почему...

И таких вопросов возникает столь много, что поневоле думаешь: а ведь прав был Резун!

Сталин готовил страну не к обороне от всего мира по книжке Берзина, а к нападению на весь мир. А умница Гитлер вовремя прочуял его коварные замыслы и 22 июня 1941-го

года, «ровно в четыре утра» — нанёс превентивный удар.

Однако, если послушать самого Адика — а не Резуна, то с «внезапным и вероломным», дело обстояло не совсем так... Вернее, совсем не так.

31 июля 1940 года, на совещании в Бергхофе, Бесноватый обосновал необходимость нападения на СССР следующими соображениями:

«Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии — Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии».

Ему вторит в своём «Военном дневнике» Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии Франц Гальдер:

«Решение о проведении операции «Барбаросса». Оно имеет далеко идущие последствия. Причина — лишить Англию последней надежды на поддержку со стороны России и завершить реконструкцию Европы без Англии».

Вот такие пироги с «Гитлерюгендом», малята!

Значит, на сам Бесноватый, ни его генералы — никакой угрозы исходящей от СССР не замечали?

А почему?

У меня к Резуну накопилось немало вопросов, например:

Ведь если «сто тысяч» советских разведчиков и просто тайных и явных доброжелателей вплоть до Черчилля, предупреждали Сталина о «внезапном и вероломном» — то почему столько же или больше немецких шпионов и просто друзей Рейха, не предупреждали Гитлера?

Если за полгода до начала войны, немецкие разведывательные самолёты 87 раз вторгались в советское воздушное пространство, ведя аэрофотосъёмку, то почему этого не делали перед нападением на Третий Рейх их советские коллеги, готовящие Третьему Рейху свой пролетарский Блицкриг?

Если накануне 22 июня, десятки прокоммунистически настроенных солдат Вермахта переплывали Буг и предупреждали советское командование о близком вторжении — то почему не было ни одного антисоветски настроенного красноармейца, зеркально предупредившего германское?

Кажется, на этой теории можно поставить большую жирную точку.

Я больше поверю Гитлеру, которому не надо было зарабатывать на горький эмигрантский хлеб писаниной — чем Резуну, известного также под никеймом «Виктор Суворов».

Хотя согласен, да: складно и главное — красиво брешет, собака!

Сам захлёб зачитывался когда-то.

***

Однако, вернёмся к нашим баранам...

Понимая, что как бы советская тяжёлая индустрия не развивалась — ей в военное время не сравняться со «всем миром» по выпуску оружия, боеприпасов, боевой техники и снаряжения — советские стратеги придумали изящный до безобразия «ход конём»:

Все это должно быть накоплено ещё в мирное время!

Поэтому первая же программа перевооружения (так называемая «Программа 10 000»), среди всего прочего — предполагала выпуск двух тысяч танков «БТ», три тысячи «Т-26» и пять тысяч танкеток «Т-27».

И никому в голову не пришло, что в то время когда техника стремительно развивается, эти горы накопленного оружия к началу войны окажутся горами бесполезного металлолома, а затраченные на их создание усилия — деньгами выброшенными на ветер.

Никому, кроме старого вояки Будённого, который как-то стоя на витрине Мавзолея и наблюдая парад на Красной площади, высказался в адрес проходящей стройными рядами могучей военной техники:

— В случае войны, всё это превратится в бесполезный железный хлам.

За это, он был признан за ретрограда, окрещён «Лошадником» — часто с приставкой «тупой» и, до сих пор в этом амплуа находится.

«Мобзапаса» сделать не вышло, ибо танковая «Программа 10 000» была провалена с эпическим масштабом, вполне соответствующим первоначальному размаху. Из всего заявленного с превеликой помпой количества, на вооружение РККА было принято около полутора тысяч танков «Т-26», полтысячи «БТ» и две с небольшим тысяч танкеток. 2146 танкеток «Т-27» и 522 танка «БТ».

Да и те с таким аховым качеством, что по «Управлению механизации и моторизации РККА» пришлось издать приказ:

«В целях сбережения моторных ресурсов танков «БТ» 50 % машин в войсках держать в неприкосновенном запасе, 25 % эксплуатировать наполовину и 25 % — эксплуатировать полностью».

«Эксплуатировать» технику при известном советском качестве и извечном дефиците запасных частей — значило попросту её гробить, невзирая на проценты. Так что говоря об количестве бронетехнике РККА на 22 июня 1941-го года — можно смело делить это количество надвое: половина — это никуда не годный железный хлам, после объявления тревоги — даже не способный выйти из мест стоянки...

Оказывается, прав был Лошадник!

Хотя и наполовину — но прав.

***

Время идёт, несмотря на репрессии и вопреки им, число «самоходных стальных ящичков» в Красной Армии увеличивается — а между тем, советская военная клика продолжает стращать руководство страны устами своих разведчиков:

«ЗАПИСКА НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ НАРКОМУ ОБОР СССР МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВОРОШИЛОВУ

24 марта 1938 г.

Совершенно секретно

Только лично

Написано в одном экземпляре...

«...При войне на два фронта СССР должен считаться с сосредоточением на его границах: от 157 до 173 пехотных дивизий, 7 780 танков и танкеток, 5136 самолетов».

Из подготовленной весной 1939 года справки Разведывательного управления РККА по вооруженным силам ряда европейских стран:

«Боевой состав германской армии с учетом вооруженных сил Чехословакии...

Вооружение: танков в германской армии 7300, в чехословацкой 350, всего 7650.

Бронемашин немецких 4360, чехословацких 120, всего 4480.

Самолетов немецких 4470 без гражданских и учебно-тренировочных военных, чешских 550, итого 5020».

Из справки Разведуправления Красной армии «О наличии танков и автобронемашин в иностранных армиях», подготовленной в мае 1939 года:

«Германия.

По расчетным данным, к началу 1939 года в Германии имелось 7300 танков и 4360 бронемашин.

Исходя из штатных расчетов существующих мотомехсоединений и частей (при полном укомплектовании их танками), общее число танков и бронемашин в армии в настоящее время должно составлять: танков — 7852... Кроме того, в Чехословакии захвачено 469 танков...

Польша.

Общее количество танков и автобронемашин, по ориентировочному расчету на 1.5.39 г., с учетом запасов и производства, составляет:

танков — 2100 (модернизированный Виккерс)

танкеток — 2450 («ТК-2», «ТК-3» — модернизированная танкетка Карден-Лойд)

автобронемашин — 725...

Англия.

При полном насыщении частей английской армии бронетанковыми средствами в английской армии к настоящему моменту должно было бы иметься 2100 танков и бронемашин. По данным прессы, фактическое наличие не превышает 1/3, т. е. в армии имеется около 700 танков и бронемашин.

Франция.

Общее наличие танков, по иностранным источникам, определяется в 4500 единиц, из которых 1700 танков в армии... Ориентировочное количество бронемашин составляет около 300–350...».

Не стоит удивляться, что после подобных докладов советских военачальников, не имеющие соответственного образования и опыта, руководство страны требовало от промышленности «больше, еще больше, как можно больше» танков.

Ведь в нас, заложено верить специалистам!

Если квалифицированный сантехник, поигрывая разводным ключом — говорит, что надо менять канализационные трубы — надо менять, иначе их прорвёт и всё зальёт дерьмом...

То значит, надо доставать из загашников «бабосики»!

Ведь, если дипломированный врач в белом халате прописал от кашля клизму — её надо

делать, а то сдохнешь...

Не помогает?

Значит, надо делать чаще и с большим литражом.

Стало хуже?

Железных опилок в клизму добавить.

Пациент умер?

Ну, значит болезнь была заведомо неизлечима, а доктор... Да, ведь он же не Господь бог, в самом деле?!

К тому же каждый врач имеет право на своё личное кладбище.

***

Меж тем, роковое число всё ближе и ближе и всё тревожнее донесения советской разведки... О чём же они?

Об том, что «22 июня, ровно в четыре утра...»?

Вовсе нет!

Всё те же страшилки, что и в книжке Березина:

«Танковая промышленность.

Средняя производительная мощность основных танковых заводов Германии колеблется в пределах 70–80 танков в месяц.

Суммарная производственная мощность 18 известных нам в настоящее время заводов Германии (включая Протекторат и Генерал-Губернаторство) определяется в 950-1000 танков в месяц.

Имея в виду возможность быстрого развертывания танкового производства на базе существующих автотракторных заводов (до 15–20 заводов), а также увеличение выпуска танков на заводах с налаженным производством их, можно считать, что Германия в состоянии будет выпускать до 18–20 тысяч танков в год.

При условии использования танковых заводов Франции, расположенных в оккупированной зоне, Германия сможет дополнительно получить до 10 000 танков в год...

Начальник Разведывательного управления

Генштаба Красной армии

генерал-лейтенант Голиков».

Но на лицо явный прогресс: от тупо-простого перечисления количества танков у супостата, наши «Рихарды Зорге» наконец-то перешли к качеству, что говорит о явном повышении уровня наших разведорганов.

Вот ещё образчик:

«СООБЩЕНИЕ «МАРСА» ИЗ БУДАПЕШТА ОТ 1 МАРТА 1941 г.

Начальнику Разведуправления Генштаба Красной армии

Во время наступления на Францию немцы применяли тяжелые танки — вес 32 тонны, вооружение: одна 105-миллиметровая пушка, одна 77-миллиметровая пушка и 4–5 пулеметов. Команда 7 человек. Ширина больше 2 метров. Боевая скорость до 18 километров. Всего в наступлении участвовало 10 мотомехдивизий (в каждой 1 полк легких и средних танков — 250 штук и тяжелый полк — 150 танков)».

Не знаю кого как, а от выражения «боевая скорость» — меня просто вшторивает!

Но как тут товарищу Сталину не наложить в штаны и не подписать в марте 1941 года проект Жукова об увеличении количества механизированных корпусов в РККА до двадцати девяти?!

Не случись война — он бы согласился на сто, а то и на все двести мехкорпусов — по сто тысяч пятьсот танков в каждом.

И в то же время, как же Вождю не расслабиться, как же не спокойно спать — когда та же разведка, сообщает ему, что у западных границ СССР — сосредоточенно всего лишь каких-то три с половиной тысяч немецких танков?!

Каких-то неполных десять танковых дивизий — против наших-то двадцати девяти(!) механизированных корпусов(!).

— Хахаха! И ви на полном сэръёзе мне втыраете, что Гытлер нападаты собрался? Смэшно право... Идыте на хэр, пока нэ расстрэлял.

Переворачиваемся на другой бочок и беззаботно баллоним дальше.

***

Кстати, для сторонников «превентивного удара» со стороны Третьего Рейха: не попадалось ни одного официально опубликованного документа — свидетельствующего о преуменьшении советской разведкой сил Вермахта... Таких, чтоб «Вождь всех народов, писателей и физкультурников» прочитал их и хмыкнув в усы, азартно потёр руки:

— Ха! Да у этого лузерка с косою чёлкой всёго-навсёго тысяча танков против наших двадцати двух... Будёновками закидаем, нах! Товарищ Жюков, срочно готовьте присоединение Германской Советской Социалистической Республики к СССР. А также всех ею незаконно оккупированно-анексированных с 1939 года территорий.

— Слушаюсь и повинуюсь, товарищ Сталин! Разрешите бегом?

В отличие от советской разведки, в докладах Гитлеру Абвер почему-то всегда преуменьшал военную мощь СССР, отчего тот уже в 1942 году как-то сказал с изрядной досадцей:

«Если бы я знал, что у русских столько много таков, мне было бы труднее принимать решение о начале войны с СССР...».

Сюрпризом и довольно неприятным, послужило для него и его генералов и, наличие среди «лёгких и устаревших» — новейших танков с непробиваемой бронёй.

Спрашивается: ну и на хрена тогда самолёты Люфтваффе, в разведывательных целях перед войной — более восьмидесяти семи раз нарушавшие воздушное пространство СССР?

Не могли танки в парках «по головам» подчитать? Заметить, что среди них находятся отличающиеся своим внешним видом новинки?

Кстати, даже после Победы наши доблестные «штирлицы» — продолжали завышать мощь Панцерваффе. В мае 1945 года Главное разведывательное управление Генштаба выдало такие цифры:

«К 22.06.1941 г. Германия располагала 21 000 танков и САУ, из которых 9000 находились на советско-германском фронте и 12 000 внутри страны и на других театрах военных действий. Потери немецкой бронетанковой техники на советско-германском фронте за 1941 год, по оценке ГРУ, составили 12 тыс. единиц, производство — 8 тыс. единиц».

И иди попробуй, товарищ Сталин, проверь!

И Сталину приходилось верить НА СЛОВО(!!!) своим военным и разведчикам, всё более и более напрягая промышленность с выпуском оружия и боевой техники. В связи с якобы имеющимися на вооружении Вермахта тяжёлыми танками, прекратили выпуск 45-ти миллиметровых противотанковых и 76-ти дивизионных пушек, а вместо них в авральном-пожарном порядке была спроектированная и, уже было — была принята на вооружение 107-ти противотанковая пушка «М-75».

Готовилось прекращение выпуска танков новейших «КВ» и, переход на выпуск суперновейшего сверхтяжёлого «КВ-3» — для которого конструкторское бюро Грабина, не только в авральном порядке запилила 107-ми миллиметровое орудие «ЗИС-6» — но и успела поставить сию вундервафлю на массовое производство.

Это так Сталин советским разведчикам не верил?!

***

Что напоминает мне подготовка СССР к войне в тридцатые годы?

Пример сантехника с газовым ключом и дипломированного врача с клизмой, я уже приводил...

Вот же досада!

Хорошо, вот ещё.

Предположим, живёте вы — глава большого и не слишком дружного семейства, проживающего в большом же деревянном доме. Все ваши домочадцы — среди которых попадают разные, трудятся в поте лица под вашим мудрым и чутким руководством — добывая свой хлеб насущный, то да сё...

Ну, в общем-то понятно, да?

И вдруг один из них в самый разгар этой вечной страды, разгибает согребённую спину и со всей силой убеждения говорит, показывая мозолистой дланью на дом:

— Папаша, а ведь погорим!

Вы нахмурившись:

— А ты кто таков, чтоб меня учить? Аль оглоблей давно по хребтине не получал?!

Тот, достаёт из широких штанин какую-то смятую бумажку:

— Пожарник я, батя, вот и справка об окончании трёхдневных курсов есть.

«Бумажка» (без которой вы — какашка, а с бумажкой — специалист), испокон веков вызывала на Руси уважение.

Вы, озадаченно чешете затылок:

— Дык, ить бдим! Ящик с песком поставили, воду в бочку налили, лопаты, вёдра и кошму приготовили... И ребят малых я еженедельно по субботам порю для профилактики — шоб не баловали на сеновале с огнём.

Тот, с бегающими глазёнками:

— Отец родной... Так ведь подожгут!

— КТО?!

— КРУГОМ ВРАГИ!!!

— А пошто?

— Чтоб захватить!

Вы в сильнейшем перепуге озираетесь:

— А ить правда... Слышь, мил человек! Бросай мотыгу и оборони дом от поджигателей

— раз документ имеешь и знаешь, как!

Через неделю, он к вам приходит позёывая и, предъявляет плод бессонных ночей:

— Слышь, бать! Один в поле не воин, поэтому нужна пожарная дружина, пожарная вышка, пожарная машина... Ров с водой вокруг дома выкопать, стену возвести унд лектрическую сигнализацию провести. Всем дружинникам — медные каски, а мне — синие штаны с лампасами! И это... Шоб песни про нас все пели и по синема показывали, какие мы молодцы!

Вы, в диком афуе хватаетесь за голову:

— Да ить, где столько грошей на это взять?!

Тот, почёсывая пузо и сыто попёрдывая:

— А это, бать — уже твои проблемы! Если не хочешь погореть — средства на пожарную безопасность найдёшь.

И вот вы десять лет подряд, дни и ночи гоняете оглоблей в поле домочадцев, благо уже возведённая вокруг дома стена не даёт им разбежаться... Дружина пожарников растёт как грибы по тёплой осени и их предъявки соответственно, но вы более или менее исправно их выполняете.

И вдруг...

БЛИЦ!!! КРИГ!!!

При полном штиле — неожиданно и вероломно сверкнула молния и, ваш дом загорелся сверху донизу. Пожарные машины выехали по тревоге, но все до одной сломались. Электричество кончилось, а воду в водопроводе — кто-то заранее всю выпил.

Вы за оглоблю и резвой иноходью к главному пожарнику:

— Ты чегой это не оборонил, сцукин сын?!

Главный пожарник плачет размазывая сопли и кричит на вас с обидой:

— Бать! Что ж ты не дал команду громоотвод придумать?!

Его пожарная дружина бестолково бегаёт в нижнем белье вокруг горящего дома между своими визжащими дебелыми бабами в «неглиже» и, кричит на вас:

— Вот если бы за месяц... А ещё лучше за год, нас о молнии предупредили... Что ты, сцуко, на экстрасекса грошей пожалел?!

Короче, в крайних оказались вы.

Осознав это и решив любыми способами искупить вину, вы привычно хватаете любимую оглоблю и, гоняя ею падающих от недосыпа, истощавших до скелетообразного состояния ещё до пожара домочадцев и не совсем ещё проснувшихся разжиревших пожарников, на бегу постигая искусство огнеборца, тушите пожар.

Конечно, полдома сгорело — но задницу приткнуть есть где, что всех не по-детски радует.

И тут, не успели головёшки дотлеть в впережку с обгоревшими косточками, является главный пожарник, успевший облачиться в белое, и:

— А я что говорил, бать? Подожгли-таки! И если бы не заранее предпринятые меры — камня на камне бы от твоего дома не осталось.

И вам остаётся только с ним согласиться, иначе пришлось бы признать перед всеми — что вас развели как последнего лоха и поймали как простого ушастого кролика. А по народному чукотскому обычаю, домочадцы такого облажавшегося главу семейства — могут задницей на льдину посадить и ногой её подтолкнуть в сторону экватора.

А нахахуя вам это надо?!

А тот, вновь зовёт напрячься:

— И первым делом — пожарную каланчу надо поправить, а то что-то накренилась... И новые пожарные машины... И новые каски всем и штаны с лампами. Но, главное: чтоб все меня славили и Единственным нарекли.

И вы согласно киваете:

— Конечно, а как же... А вдруг опять грянет? Кругом же — ВРАГИ!!!

***

Знаю, мне скажут:

— Критиковать ты горазд! А что-нибудь дельное предложить, свой «велосипед» изобрести, слабо?

Да, не надо ничего «изобретать»!

Надо лишь воспользоваться чужим опытом, знаниями и умениями тех — кто умеет воевать, тем более нам его чуть ли не на блюдечке предлагают.

Я говорю про Германию, с которой у нас в двадцатых годах было налажено довольно тесное сотрудничество.

В принципе, перед продувными по очкам Великую войну немецкими генштабистами стояла проблема, в чем-то схожая с их советскими коллегами: в Первую мировую на Германию и Австро-Венгрию работала промышленность двух крупных держав Европы. На Антанту — весь оставшийся мир.

Наши военачальники знали, что советская промышленность недоразвито-слабая и открытого столкновения с крупными западными державами — они попросту не выдержат... Но всё одно решили биться лбом об бронированную стену — делая ставку на количество.

Немцы знали, что военная промышленность у них сильная, развитая — но войну на истощение с целым миром тем не менее, она не выдержит...

И сделали ставку на качество.

Молниеносная война, блицкриг!

Так если мы никого не боимся и, готовимся к мировому господству — мастурбируя на групповой портрет бородатых классиков, почему бы нам не перенять у немцев эту военную технологию?

Ан, хрен: про «блицкриг» мы узнали только 22 июня 1941-го года и причём — на собственной шкуре...

А где была разведка?

А разведка — предупреждала!

***

Ежели мынапротив — ни кого нападать не собираемся и, об «Всемирной республике

Советов» ни в коем случае не мрием, то нам надо брать пример с «фиников».

Без всякой политизации, кстати!

Чисто военный аспект.

Пресловутая «Линия Маннергейма» здесь совершенно не причём — я убеждён голосую против подобных дорогостоящих затей. Уж лучше где-нибудь далеко на Востоке — с десятков «лишних» заводов и фабрик построить...

Но финская армия, используя природные условия и климатические условия своей страны, сумела здорово накостылять РККА!

И это при том, что крупные западные державы — словами Берзина выпускающие по четыре тысячи танков в месяц, довольно слабо ей помогали.

Вот это пример страны — готовой к оборонительной войне!

Нам бы тоже так, да?

Затянуть войну до наступления распутицы и холодов, а потом — «малой кровью, могучим ударом» прогнать врага за пределы страны, как это сделали наши славные прадеды в 1812-ом...

Даже по плану «Барбаросса» — далее линии «Астрахань-Архангельск», Вермахт продвинуться за один год и не мечтал... А если ещё и вдобавок — регулярно вставлять наши стальные палки в колёса Блицкрига?

Первое, что на ум приходит: посадить при каждом мосту батальон, а то и полк НКВД из проверенных товарищей — чтоб взрывали при приближении. А в каждой лесной чаще — партизанский отряд, чтоб поезда под откос пускали. Пока их сапёры те мосты восстановят, а зондер-команды — все кусты вдоль дорог прочешут...

Вот и лето прошло!

Но, ни фиги.

Как не странно, та же Советско-финская «зимняя» война показала, что к оборонительной войне на своей территории мы не готовились. Нет ни зимнего обмундирования в достаточном количестве, ни внедорожной техники, ни тактики действий зимой на сложно-пересечённой местности в уставах...

Нет даже достаточного количества лыж для спешно формирующихся по примеру финнов лыжных батальонов!

Осенью 1941 года же, наша тотальная неготовность к войне приобрела чётко выраженные черты национальной катастрофы...

Если уж немцы с их полугусеничными «Ганомагами» — жаловались на «генерала Грязь», то что говорить нашим — такой техники не имеющих?

А где она?

Почему не позаботились до войны?

Почему у наших танков не было печек и масло-водо-подогревателей и экипажам приходилось сутками гонять двигатель, сжигая драгоценный моторесурс? Или разжигать костры под днищами — рискуя сжечь свои танки раньше немцев?

Когда в свои права вступил «генерал Мороз» — лыжные батальоны у нас, в принципе то имелись... Можно было бы повторить трюки «фиников» с их «мотти», тем более как говорится — учены.

За одного битого — двух небитых дают.

Умный учится на чужих ошибках, дурак — на чужих...

А наши генералы?

Однако, ниши стратеги — оказались просто удивительно необучаемыми и лыжников использовали как обычную пехоту:

— УРА!!! ВПЕРЁД!!! ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!!! КОЛИ ФАШИСТОВ ШТЫК ПРИБЛИЖАЕТСЯ К НАМ — ПУСТЬ ПОДЖИГАЕТСЯ!!!

По сути из всех уроков Советской войны, мы переняли только шапку-ушанку. И то подозреваю, только потому что на «финку» как на элемент обмундирования обратил внимание лично Сталин. Иначе, в будёновках мы бы ещё в Южной Осетии рассекали, распугивая американских инструкторов афро-негритянского происхождения и их туземных подопечных.

И в отличии от 1812-го — война на территории СССР, затянулась ещё на три года.

Вот я и делаю вывод: советское военное руководство к оборонительной войне тоже не готовилось.

А к какой тогда?

Да, ни к какой!

Советский генералитет ИММИТИРОВАЛ(!!!) подготовку к войне, надеясь на авось небось и как-нибудь. Не из-за какого-то там злого умысла, а просто из-за непонимания что это.

Что это напоминает?

Во время войны с японцами на Тихом океане, у американцев был такой забавный случай.

Построили их бравые морпехи базу на одном из островов, куда прилетали транспортные самолёты и привозили всякие ништяки в том числе и съедобные, которыми те делились с местными туземцами... Вполне возможно за какие-то «вполне определённые» услуги, не суть важно.

Потом война закончилась и морпехи отправились по домам, предварительно снеся базу ниже фундаментов.

И шо вы думали?

Привыкшие к дармовщине папуасы, как смогли восстановили базу из подручных материалов и подражая морпехам имитировали её деятельность, рассчитывая на «манну небесную»...

Вот и наше довоенное военное руководство — занималось практически тем же самым!

Это и доказывает «Директива № 2» Начальника РККА Жукова, где он приказывает войскам...

«ОБРУШИТЬСЯ!!!

...На вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу».

Не, это ваше балдёжно!

Я знаю, что «обрушиться» может курс валюты, или там криво построенное здание...

Да, до хрена чего может обрушиться.

Но, чтоб специально приказывать «обрушиться» армии...

Это надо обязательно Маршалом Победы быть!

Войска, заранее подготовленные к войне любого типа — наступательной или оборонительной, должны получать чёткие и ясные приказы — не допускающие их двойного толкования. А ещё лучше, если эти приказы готовы ещё до войны и запечатанными лежат в сейфах воинских, с грифом «Открыть в случае X». Тогда и перерезанные «Бранденбургом» высоковольтные провода не помешают: каждый командир будет знать свой маневр на случай войны[6].

Кто-то найдётся что-то возразить?

Приходилось читать такое:

«22 июня 1941-го на поле боя столкнулись два принципа, два подхода к ведению войны.

Одна страна готовилась наступать — готовилась к быстрой и короткой войне. К войне, для которой не нужно напрягать население и промышленность — достаточно обеспечить сравнительно небольшие по численности войска запасными частями и ремонтными средствами. Если поле боя будет оставаться за нами, процент безвозвратных потерь все равно будет невелик — главное, чтобы наступление развивалось успешно.

Вторая страна готовилась к войне долгой и жестокой. К эвакуации промышленности. К большим потерям».

Утверждающие, что второй подход лучший — раз «мы всё равно победили» (вариант — «раз мы взяли Берлин, а не немцы Москву»), забывают про то, что со времён Яна Берзина и его книги «Будущая война» — мы якобы готовились воевать со всем миром. А в реальности — воевали против одной Германии с кучкой маломощных сателлитов, при поддержке всего остального цивилизованного и не очень цивилизованного мира...

А случись всё с точностью наоборот?!

***

Исходя из всего выше написанного, делаем вполне логичный вывод: руководство СССР было как двухголовая гидра: одна голова — политическая, другая — военная.

Политическая глава, которую олицетворял товарищ Сталин — плела какие-то внутренние и внешние политические интриги — всё как ей положено, занималась модернизацией страны, индустриализацией, коллективизацией и так далее... И делала это надо признать — она достаточно успешно, отчего без всякого стеба — к началу 40-х годов «жить стало лучше, жить стало веселей». А СССР — стал второй экономикой мира.

Военную главу, сперва олицетворял товарищ Троцкий... Затем якобы зарезанный Фрунзе и наконец «долгожитель» Ворошилов.

Всех трёх их объединяло одно: они не были не то чтобы «Клаузевицами» — но даже военными и, любой корнет — закончивший при Царизме юнкерское училище и после Октября вставший на сторону красных — мог свободно «любить» им мозги, играя терминами типа «диспозиция» или «дислокация». Ну а если он труд какой по стратегии напишет, на каждой странице не забыв раз десять помянуть Карла, Маркса и Энгельса с Фридрихом... А ещё лучше — Ленина-Сталина, то ваше...

Короче!

Без понятия: само оно так сложилось или это чей-то злой умысел, но к концу тридцатых годов из старых имперских военспецов и рабоче-крестьянского происхождения краскомов

образовалась некая субстанция — военная каста: рыхлое, безликое образование, без единого управляющего центра, зато с довольно чётко поставленной задачей для каждого...

Особо не напрягаясь и, желательно красиво дожить до незаслуженной пенсии.

Сетевая структура, мыслящий океан — Солярис, растудрить его в качель!

Они не занимались подготовкой страны к войне, а узрев слабости политического руководства страны, пользуясь его некомпетентностью в военных вопросах — лишь очковтирательством и пусканием пыли в глаза.

За историческими примерами далеко ходить не надо.

Взятие Константинополя (Стамбула) с черноморскими проливами и выход в Средиземное море — было идеей-фикс элиты Российской империи с тех пор, когда она начала осознавать себя таковой. Всю свою историю, Черноморский флот только тем и занимался, как готовился по приказу Императора захватить Босфор и Дарданеллы и прибить к вратам Царьграда олегов щит. Для этого штабы планировали десантные операции, а конструкторские конторы судостроительных заводов проектировали особые корабли...

Долгое время осуществлению этих замыслов мешали великие европейские державы: «англичанка гадила» — так сказать, поэтому ждали только удобного случая, чтоб водрузить православный крест над Софией.

И вот благоприятный момент настал: началась Первая мировая война и, насмерть сцепившиеся с так называемыми «Срединными державами» (Германией и Австро-Венгрией) страны Антанты «Британия и Франция», не только не возражали против осуществления давней задумки России — но и решительно были настроены ей помочь, начав так называемую Дарданелльскую операцию...

А что же Императорский Русский Черноморский флот?

А он не придя на помощь союзникам, так и простоял всю войну в севастопольской бухте, а потом уже после распада Империи — был утоплен собственными же морячками, осатаневшими за три года от безделья.

А как же планы десантных операций?

А так же как и в 1941-м году: это была бурная имитация, а не реальная подготовка к войне. Написали тысячи томов «планов», провели сотню «командно-штабных» учений со стрелочками на картах, бойко отрапортовали руководству получив очередных «Владимиров» да «Георгиев» на грудь, и...

Забыли!

Хотя согласен: абсолютное большинство командиров РККА низового и даже среднего уровня — честно исполняли свой долг пред народом и Отечеством. Возможно и в самых военных верхах — парочка таких «адекватов» имелась, отчего забуксовал и затем сломался Блицкриг.

Но до войны погоду в подготовке к войне делали не они, отчего мы и имеем столь трагично-плачевное её начало.

Согласен: постулат довольно смелый...

И спорный!

Но объяснить чем-то другим все выше приведённые странности, я не нашёлся.

ВОТ ИСХОДЯ ИЗ ЭТОГО И, ПОСТРОЕН СЮЖЕТ ЭТОЙ КНИГИ.

Ну а там, как писано в инструкции русского царя своим послам:

— С ляхами о вере не спорить!

[1] <https://t.me/strelkovii/2553>

[2] А. Любимов, А. Морозов: «Как Россия проигрывает войну на Донбассе?». 2019 г.

[3] <https://ext-3913188.livejournal.com/91425.html>

[4] Этот факт был впервые озвучен исследователем М.Н. Свириным только в конце 1990-х годов.

[5] Ханс фон Сект (нем. Hans von Seeckt — Ханс фон Зеект; 22 апреля 1866 — 27 декабря 1936) — немецкий генерал-полковник, участник Первой мировой войны, командующий сухопутными войсками Рейхсвера. Во внешней политике Сект был сторонником союза с СССР против Польши. Сект наладил близкие отношения с командованием Красной Армии, по договоренности с которым на территории РСФСР были созданы секретные учебные центры для подготовки кадров танковых войск — Кама, авиации — Липецкий авиацентр и школа «химической войны» — Томка (которые Германии запрещено было иметь). Поддерживал заключение Рапалльского договора.

[6] Рекомендую интересную статью на эту тему: <http://zhistory.org.ua/direkt2p.htm>

Глава 1. Что называется — «попал», так попал!

В. Молотов, со слов писателя И. Стаднюка о кризисе в Наркомате обороны СССР
29.06.1941 г.:

«Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет... Изумленный такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу».

Был я ярим любителем фантастики в жанре «альтернативная история», истовым «заклёпочником» (кто в теме, тот знает — что это и кто это такие, другие же, нехай скажут лесом — эта книга не для них) и, мало того — сам пописывал в меру своих скромных литературных способностей.

Почему «был», спрашиваете?

Да, потому что умер и, меня уже нет!

Дело было так...

Сижу я за компом, строчу свою очередную «нетленку» и, до того увлёкся — что пропустил приём пилюль, в последнее время поддерживающих мою угасающую жизнедеятельность:

«...Наши же гениальные стратеги (зачастую с тремя классами образования и ускоренными кавалерийскими курсами), повелись на такую вундерваффлю влёт, зарубив ими же ранее одобренную программу выпуска 35-ти тысяч полугусеничных тягачей по типовой схеме французского «Кегресс-Сомуа».

И после этого мне кто-то скажет, что генералы — не тупые?

И после этого — кто-то скажет мне, что зря их Сталин стрелял, как собак?!

Единственное, что можно поставить в вину — не всех он их истребил, ибо обладал непростительной для Вождя мягкотелостью характера.

Эх!

Так и хочется написать альтернативку, где Иосиф Виссарионович — действительно был бы деспотом, тираном, кровавым маньяком и всем тем — кого в нём некоторые особо одарённые особи видят... Мда...[1]».

Закончив главу, занёс руку, чтоб нажать на «Enter»...

Как вдруг меня всего пронзила острая, никогда не испытываемая прежде боль. Мгновенье и всё вокруг потемнело, как будто перерубив кабель — выключили электричество в кинотеатре и, успев лишь подумать:

«Ну всё... Game over! Забанили нах и, отправили в чёрный список, ёбс тудей».

Тут чувствую, надутым водородом воздушным шариком — приподнимаюсь над своей обмякшей в кресле брэнной тушкой тела, и, кинув тоскливо-прощальный взгляд на монитор на компьютерном столе — несусь неведомо откуда взявшимся чёрным тоннелем... Ни мыслей, ни эмоций... Лишь невероятное чувство лёгкости или точнее — облегчённости, от всей этой земной суеты сует... Ничего нет — только я, туннель и маняще-притягивающий свет в конце этого туннеля.

Так хорошо!!!

***

Казалось, это происходило целую вечность и, я никуда не торопился, как вдруг...

БАЦ!!!

...Как вдруг, без всякого переходного промежуточного состояния, я обнаруживаю себя сидящим в первых рядах кресел в зале полным народом.

Сперва сжав голову в плечи и, стараясь пореже дышать, осторожно, посматриваю по сторонам:

На стене справа от стола висит здоровущая карта западной части СССР, только без Калининградской области и выступающей на Запад «опухоли» небратского Закарпатья... Два, знакомых до фантомной боли мужика в чудных синих галифе с широкими лампасами, вода по ней едва ль не двухметровыми деревянными указками, что-то на полном серьёзе трут по ушам доверчиво подставившему их, столь же военно-экзотично разодетому электорату.

Прямо предо мной (кажется — только руку протяни), президиум с длинным — покрытым красной скатертью столом на нём и обязательным графином и стаканом.

Над столом висят портреты бородатых классиков и усатый продолжатель их дела меж ними.

За столом, прямо посередине сидит товарищ Молотов собственной персоной.

По его левую руку — Нарком обороны Тимошенко, а за ним — Начальник Генерального штаба генерал Мерецков, маршал Кулик... Ещё кто-то, на лицо незнакомый, хотя возможно — исторически-известная мне личность.

По правую же руку — Микоян, Каганович, Ворошилов... А это кто? Никак «Андрейка и кубе» — Андрей Андреевич Андреев? Кто ж кроме него... Последним в сей славной когорте, зеваает прикрывая рот ладошкой Всесоюзный староста Калинин, в народе называемый «Дедушкой», а меж своими — по-простецки Козлом. Короче, только Жданов и Хрущёв отсутствуют — а так Политбюро ВКП(б) в полном составе. И даже двое из кандидатов в члены — Маленков и Берия.

Хотя стоп!

Кого-то среди них не хватает... Кого?

Смотрю на портрет напротив и вдруг показалось, что товарищ Сталин с изрядной ехидцей подмигнул мне...

Чего это он?!

...Неужели?!

Испытывая чувство лёгкой тошноты и головокружения от смутных подозрений, провожу ладонью по лицу и натываюсь под носом на жёсткий ёжик «трамплина для мандавошек»...

«ЕТТИТЬ!!!».

Скашиваю взгляд вниз и вижу стального цвета френч полувоенного образца с накладными карманами, шаровары и хромовые сапоги — не более, чем сорок второго размера:

«Малорослик!».

Подношу к глазам обе руки... Обе, явно не мои... Левая плохо слушается и имеет следы никотиновой желтизны на большом и указательном пальце. Вспоминаю фильмы, картины, фотографии:

«В левой руке, он любил держать трубку».

Правой рукой хлопаю себя по карманам... Да, где же она? И к ней коробка папирос «Герцеговина Флор» и коробок спичек.

Слышу слева сзади почтительно-вежливым шёпотом:

— Желаете закурить, товарищ Сталин?

Ставлю об заклад что угодно, например Кемску волость — против гражданства Гондураса (куда бы я с большим удовольствием смылся): это Александр Николаевич Поскрёбышев — с августа 1935-го года бессменный личный секретарь, заведующий канцелярией Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Иосифа Сталина, автор Сталинской конституции и Краткого курса ВКП(б).

Прислушался к себе...

Нет, «там» не курил и «здесь» в этом теле желания закурить не испытываю, поэтому стараюсь так же — как можно более вежливо:

— Нэ курю и Вам катэгорически нэ совэтую, Александр Николаевич.

Поворачиваюсь вправо и встречаюсь глазами с Николаем Сидоровичем Власиком — личным охранником, за глаза называемым «тенью» Вождя, а то и «цепным псом»...

А глаза у него действительно — по-собачьи преданные!

И слегка встревоженные:

— Товарищ Сталин... Вам плохо?

Сперва вырвалось было:

— Мне писец, как куёво...

Но затем увидев его глаза, посмешно поправился:

— Да, нэт... Всё нормалёк, расслабтесь, Николай Сидорович.

Глаза у того стали ещё больше и я со смешанными чувствами решил не продолжать диалог, а заняться чем-нибудь другим.

Сунув руку, достаю из левого нагрудного кармана партбилет, раскрываю... Хотя и, так всё понятно — даже самому тупому лесному ежу.

Судя по времени уплаты последних членских взносов, сейчас январь 1941 года. Судя по декорациям и действующим лицам — это «разбор полётов и раздача слонов» в Генштабе после оперативно-стратегических игр на картах, проведенных с участием высшего командного состава РККА[2].

И только после этого, я окончательно уверовал в происходящее. Короче, можно себя поздравить:

«Твою ж — деву Марию, мать... Я — Сталин!».

«Попал» я стало быть, причём — попал конкретно!

Убрав партбилет на место, машинально сую руку в другой карман и достаю оттуда, что-то типа записной книжки. Раскрываю, листаю, читаю...

Это оказался карманный справочник с основными характеристиками иностранных кораблей, танков, самолетов, артиллерийских орудий и прочих очень дорогих игрушек для очень взрослых «мальчиков». Сравниваю с теми ТТХ, что хорошо помню:

Хм, гкхм...

Судя по хорошенько завышенным данным, «Главному другу всех советских писателей» — кто-то регулярно впаривает галимую дезу, подсовывая рекламные буклеты «ведущих западных производителей».

***

Вместо радости, что вновь жив — чувство досады и даже злобы на того «затейника», благодаря которому я оказался в сталинском теле:

Во-первых, мне понравилось то состояние — когда ты вроде бы и есть, но тебя не существует. Словами это передать трудно, это надо испытать самому!

Во-вторых, я был бы не против — вселиться в самого себя молодого, чтоб начать жизнь заново и исправить кой-какие — совершённые по юности, да по глупости «косяки»...

А кто бы отказался?

Но это не я, к тому же тело реципиента — уже довольно приличного возраста и, в состоянии — повышенной степени ушатанности, что чувствуется по лёгкой одышке злостного курильщика с многолетним стажем. Там побаливает, тут ноет, а здесь постреливает...

Если у вас ничего не болит после сорока — вы уже мёртвый!

Да к тому же, я знаю точную дату его смерти — 5 марта 1953 года: осталось немногим более двенадцати лет... Приговорённому к казни легче — ему, её время казни не сообщают!

В-третьих, раз я «попал»... А это, согласитесь — не может быть какой-нибудь случайной игрой неких природно-стихийных сил, стало быть — от меня что-то хотят.

Кто, от меня хочет?

Боюсь, я этого никогда не узнаю, ибо это выше понимания моего земного разума.

Что, от меня хотят?

Ну, здесь как раз то всё понятно — «перезагрузки» катастрофического начала Великой Отечественной Войны.

Смогу я это сделать?

Категорически нет!

Мне бы и тот ход войны, что был «в реале» — не пролюбить. Ведь я же не Сталин, я не смогу как он...

Что-то я очкую.

Постой-ка...

А может, так сказать — двойной разум?

Вполне определённые «навыки» и незаурядные организаторские способности Реципиента и моё «послезнание»?

«Бакалейщик Бонасье и кардинал Ришелье — это сила! Вместе мы спасём Францию!».

Прислушался к себе... Никаких мыслей или воспоминаний Реципиента не слышно.

Может, не всё ещё пропало?

Крепко зажмурил глаза:

«Иосиф Виссарионович! Товарищ Сталин! Вождь, учитель и друг всех трудящихся мира!

Кровавый диктатор, злодей и тиран! Чёрт, дьявол, сатана... ДА ПРОСНИСЬ ЖЕ ТЫ!!!».

Тишина...

Я в отчаянии:

«Марксом, Энгельсом и Лениным тебя заклинаю... ОЧНИСЬ!!!».

Нет ответа.

Чувствуя, что свирепею:

«Отзовись, сцуко, иль я тебе лобешник прострелю! Повешусь, утоплюсь, лампочкой электрической подавлюсь... Я вдуряд помру, но и ты, гад — ПОДОХНЕШЬ!!!».

В ответ, виски пронзила такая острая боль, что чуть было не вскрикнул... Но не смог, будучи как бы парализованным.

«Опаньки... Так вдобавок ко всем своим несчастьям — я ещё и на строгом поводке!».

***

Как только немного успокоился, смирившись с неизбежностью, от нефуй делать стал размышлять:

«А чего это товарищ Сталин не в Президиуме во главе соратников, а в зале?».

Хотя и в первом ряду среди генералов, командующих округами, армиями...

Тоже вроде почётно, а всё же?

Потом вспомнил: ах, да — скромность Сталина украшала, как российского олигарха — собственная яхта размером с танкер!

Он и Парад Победы принимать отказывался из чувства скромности, отдав эту честь белому жеребцу с сидящим на нём Жуковым...

А вот кстати и он!

Затем, точно также от нефуй делать, стал присматриваться к двум лампасникам у карты — в коих влёт признал Жукова и Павлова, да прислушиваться о чём они там бухтят... Кстати, за последнего не скажу, а вот Георгий Константинович — так же похож на самого себя, играемого актёром Ульяновым — как матёрый пёс бойцовой породы, похож на комнатного шпица.

Рожа... Такая запуганно-перепуганная кровавым тираном, что увидишь ночью на улице в свете фонаря и вмиг обосрёшься.

Павлов Дмитрий Григорьевич, кстати тоже...

Эдакий матёрый человечище, со следами незаурядного интеллекта на надбровных дугах!

Питекантроп-питекантропом: одень его в набедренную вышиванку вместо синих штанов с лампасами, вручи дубину в руки вместо этой не идущей ему учительской указки и, любой мамонт — сам из собственной шкуры с перепуга выскочит!

Прислушался к тому, что они говорят и влёт понял две вещи:

Во-первых, оба они долбо... Как бы так потолерантнее сказать...

Долболюбы!

Во-вторых, они считают долболюбами всех — ради кого они тут распинаются, в том числе (и прежде всего?) и товарища Сталина.

Одна карта чего стоит, по которой немцы вдруг наступать попёрлись через непроходимые Припятские болота. А наши в ответку, не будь дураками — контратаковали их через Дулинский перевал в Карпатах.

Смех смехом, но постепенно — овно во мне начало закипать...

Уж три поколения историков безбедно жили-ели, рассказывая нам как Сталин-параноик — спокойно ложился спать перед самым «внезапным и вероломным» нападением: с одной стороны — получая от Риббентропа заверения в мире и дружбе и, от своей разведки с другой — сообщения о военных приготовлениях Гитлера...

Pourquoi pas?

Ведь по этой «игре», только в Восточной Пруссии — должно быть сосредоточенно четыре тысячи танков и не менее двух тысяч самолётов условного противника. Это больше, чем 22 июня 1941-го года на всём протяжении советско-германской границы — от Северного ледовитого океана до Чёрного моря.

И при всём при этом Красная Армия, не только более-менее успешно оборонялась в Прибалтике — но и даже наступала. Не шибко шустро правда — всего лишь десять километров в сутки, но всё же наступала. При всего лишь же двукратном численном превосходстве — «восточные» разносят «западных» в пух и прах.

Историю предвоенных событий я изучил достаточно хорошо и достоверно знаю: эта «война на картах» — была отнюдь не единственной.

В период с января по май 1941-го года, подобное развлекалово проводилось не менее пятнадцати раз. На всех уровнях: от Генштаба — до штабов приграничных военных округов, армий и других воинских объединений и соединений. И всегда, без всяких портящих «статистику» исключений происходило одно и, тоже: прорвать оборону РККА — противнику удавалось лишь при подавляющем превосходстве в пехоте, авиации и танках...

И причём, это отнюдь не приводило к катастрофе, как «в реале»...

А с точностью наоборот!

Лопоухие немецкие генералы таким образом, как будто специально подставлялись под сокрушительный удар соседних частей, соединений и фронтов Красной Армии и были в результате своих же прорывов — окружены и наголову разгромлены.

Так почему у товарища Сталина должна быть бессонница, если накануне нападения разведка сообщала ему о прибытии в вышеуказанные районы — жалких пятисот немецких танков и ничтожных трёхсот самолётов?!

Нам втирали в уши, что перепуганный германской мощью Сталин — отдавал приказ за приказом не провоцировать немцев и не отвечать на провокации...

А с чего бы это вдруг, не подскажите?

Сверх всяких человеческих сил напрягая народ, Вождь гордился мощью Красной

Армией — для которой ничего не жалел, которую ещё до войны довёл численно до пяти миллионов бойцов и командиров, которую накачивал современной техникой и, был уверен, что в любом случае — она даст достойный отпор, как в случае провокаций — так и при прямой агрессии.

Не логично как-то, не находите?

А вот наши военначальники всех уровней, те да...

Те вполне могли запретить сбивать немецкие самолёты-нарушители и, даже утром 22 июня арестовывать подчинённых — решивших на свой страх и риск открыть ответный огонь. Те были способны с великого перепуга издавать такие идиотско-дилетантские приказы, типа как: «обрушиться на противника», «действовать по-боевому», «уничтожить вторгнувшиеся войска противника, но границу не переходить».

И смех и грех!

Себя обмануть гораздо труднее, чем товарища Сталина и прекрасно зная цену себе и возглавляемой ими рыхлой орды под названием РККА — они боялись войны, как черти ладана. Ведь, та сразу выявит — кто они такие и чего стояли их довоенные заверения.

Знаю, сурово насупив брови, спросите:

— Каковы будут ваши доказательства?

Да как забором об асфальт!

Это-то доказать проще всего и причём — словами самих «виновников торжества».

К примеру в своих послевоенных мемуарах, маршал Баграмян без тени смущения заявляет, что когда он будучи одним из руководителей штаба Юго-Западного фронта, вечером 22 июня получил приказ Наркома обороны о контрнаступлении силами пяти(!) мехкорпусов на Люблин, у него от возмущения «перехватило дыхание»...

Как так?

А почему на довоенных командно-штабных играх у него ничего не «перехватывало»?!
От того самого «возмущения»?

Прославленный полководец Жуков, распинающийся сейчас передо мной — с легко читаемым на волевом лице и твёрдой интонации в голосе, желанием произвести впечатление на товарища из Политбюро — в своих «Размышлизмах после беспамятства», с линейно-квадратной солдатской прямоотой поведал следующее:

«Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М.А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения ее в жизнь».

Уебалтуриться всем хавающим пиплом, говоря словами одного моего знакомого по переписке...

Согласно вполне официальным данным, в распоряжении самого мощного Юго-Западного фронта и лично товарища Пуркаева, кроме всего прочего имелось почти пять(!) тысяч танков, в том числе новейших «Т-34» и «КВ» — против как бы не менее 800 немецких у Клейста, а он что-то вякает об отсутствии сил и средств!

Дальше, как говорить — на эту тему и говорить нечего.

«Лампасники» типа Тимошенко, Жукова и Павлова — прекрасно знали цену боеспособности подчинённых им соединений, объединений и отдельных воинских частей

Красной Армии и, их способности противостоять Вермахту. Ибо, многие армейские штабы сбежали в тыл ещё днём 22 июня — когда ещё ничего не было предрешиено, увлекая за собой партийное, чекистское и прочее советское руководство.

Современные мне историки критикуют предвоенное размещение войск в Брестской крепости. Мол, оттуда в случае «внезапного и вероломного» — их было невозможно было вывести, чтоб дать отпор агрессору в чистом поле...

Это писец лютый!

...Но нет ничего невозможного для наших стратегов: корпусные и дивизионные штабы были успешно «выведены» и героической обороной крепости руководили максимум майоры да политработники, возможно не успевшие оттуда вовремя свалить.

Так зачем товарищи генералы писали «военную игру» на нескольких сотнях страниц? Зачем, они рисовали стрелочки на картах? Кого они хотели обмануть? Народ — считающий себя за ними, как за каменной стеной? Сталина и высшее партийное руководство — надеющихся на их профессионализм?

КОГО, Я СПРАШИВАЮ?!

К сожалению, выбирать у Сталина особенно было не с кого... Даже, после начала войны и в её продолжении.

Он был прав, отвечая Мехлису накануне Керченской катастрофы:

«Гиндербургов у меня для вас нет».

***

Судя по всему, это вторая игра. В первой, если верить мемуарам Жукова — он играя за «западных» (за немцев, то есть), начистил холку Павлову. В этой же, уже играя за «своих» — он в пух и перья разгромил того же Павлова, прикинувшегося кривоногим фашистом в рогатой каске.

Закончив, Павлов и Жуков, не удостоив Реципиента даже взглядом, устали в Президиум — то ли на Молотова то ли на Тимошенко, как впрочем и остальные присутствующие на заседании:

— Товарищ Народный комиссар обороны СССР! Докладываю: военная игра «Наступательная операция фронта с прорывом УР» закончена... Разрешите перейти к обсуждению?

— Разрешаю.

Павлов, с заметным чувством облегчения уселся на свободный стул в зале и, у карты остался один Жуков которого стали о чём-то спрашивать.

***

Меня же осенила новая мысль:

Обрадовало, что впервые услышанный мой новый голос прозвучал с небольшим акцентом — хотя и, не очень-то похожим, на «киношный».

А как с почерком?

Не оборачиваясь, негромко:

— Товарищ Поскребышев! Карандаш мне и бумагу. И какую-нибудь картонку, чтоб вместо стола.

Не успел и глазом моргнуть, как передо мной появилось требуемое. Как приходилось читать, Сталин предпочитал писать остро заточенным карандашом. И это «послезнание» было первым, которое меня не подвело.

Сперва, в целях дезавуировать свои намерения — нарисовал портрет Жукова с длинными ослиными ушами, затем Павлова — в виде заросшей шерстью гориллы, в будёновке и генеральских галифе. Посмотрев на «натурщиков» и с удовлетворением обнаружив несомненное сходство, написал: «Расстрелять обоих пидоров» и, расписался снизу — имея в виду подпись на партбилете.

Первые три раза получалась какая-то кривая загогулина — как курица лапой, но когда расписывался в четвёртый раз — заслушался одного военного и, «подмахнул» как на автопилоте... Потом, присмотрелся...

Ух, ты! У меня получилось!

Должно быть мышечная память сработала. Поэтому впредь, во время подписания документов надо думать об чём-то постороннем... Например, о бабах.

Кстати о бабах...

Интересно, а у моего Реципиента — ещё «стоит»?

Закрыв глаза, представил пару порнографических сцен с Любовью Орловой и, в шароварах — тут же знакомо «зашевелилось».

Ну, что ж... Не всё так плохо, оказывается!

Минута, другая...

УПС!!!

И вдруг дошло как до верблюда на четвёртые сутки: а ведь мне — как и всякому порядочному попаданцу, положены «рояли».

Повертев головой по сторонам и ничего не обнаружив кроме паскудных высше-номенклатурных и генеральских рож, заглянул себе в «черепушку». Если память Реципиента отсутствует как волосы на ладони у рукоблуда — то, как дело обстоит дело с моей собственной памятью?

Минут пять, а то и все десять — как курица в мусорной куче роюсь в подсознании, отыскивая «послезнание».

И где ж, воно?!

Нет, про это вспоминать пожалуй не след...

Ой, как стыдно!

Это, разве было со мной?!

НЕТ!!!

Эээ... Что я там недавно читал?

Арсан Эмануэль: «Девственность, как порок».

Нет, это совсем не то!

Так, так, так...

Да. Как она работает?!

Крепко зажмурив глаза, мысленно произнёс:

«Мне бы вспомнить что-нибудь про предвоенный период... Ну, пожалуйста!».

К вящему удивлению, перед глазами как бы всплыл экран монитора компьютера и немного помешкав в нерешительности, я мысленно на нём напечатал:

«Что-нибудь про приведении войск противовоздушной обороны в боевую готовность накануне 22 июня».

И тут же высветился когда-то читанный документ:

«1. Частям ПВО зоны, батальонам ВНОС и средствам ПВО войсковых соединений и частей принять готовность № 2 (повышенная боевая готовность)...

3. Части ПВО, находящиеся в лагерях, в том числе и войсковые, немедленно вернуть в пункты постоянной дислокации...

6. Срок готовности 18.00 19 июня 1941-го. Исполнение донести 20.00 19 июня 1941-го.

Начальник штаба ПриБОВО генерал-лейтенант Клёнов».

Откуда это взято?

Ответ не промедлил:

(ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 1, л. 14. ВИЖ № 5, 1989 г., с. 29).

О! Да тут даже с ссылочкой!

Вот только на ляд она мне нужна.

Так, так, так... Склероз здоровью не помеха...

Вбиваю следующий вопрос:

«А чё тогда 22 июня всё так печально в Прибалтике случилось?».

Тут же высветился документ:

«Вами без санкции наркома дано приказание по ПВО о введении в действие положения № 2 — это значит провести по Прибалтике затемнение, чем и нанести ущерб промышленности. Такие действия могут проводиться только по решению правительства. Сейчас Ваше распоряжение вызывает различные толки и нервирует общественность.

Требую немедленно отменить незаконно отданное распоряжение и дать объяснение для доклада наркому.

Начальник генерального штаба Красной Армии генерал армии ЖУКОВ. 21 июня 1941 года».

(ЦАМО, ф. 251, оп. 1554, д. 4, л. 437. ВИЖ № 5, 1989 г., с. 29. <http://liewar.ru/content/view/186/2>).

Ух ты, как здорово!

А вот ещё весьма интересный фактик:

«Солодовников (командир 345-й стрелкового полка) попросил у Кузнецова (Командующий ПриБОВО) разрешения выдать личному составу каски, но получил отказ. Тогда он пошёл на конкретный шантаж — сообщил, что завтра, в воскресенье, по плану в полку должен состояться строевой смотр; командарм сдался и разрешил выдать каски, но с предупреждением, чтобы об этом не узнали немцы. Потом генерал и армейский комиссар 2 ранга уехали, а комполка и уполномоченный остались в состоянии удивления, граничащего с возмущением».

Откуда сие?

Из фондов Белгосмузея ИВОВ.

Кто опубликовал?

Некто Д. Егоров.

Жесть...

Да я ж теперь — ну прям ходячая «Википедия», мать твою генералиссимуса, етти!

Имеется-таки «рояль», да ещё и какой:

ИНФОРМАЦИЯ!!!

Которая, как известно правит миром. Если её правильно применять, конечно.

Настроение сразу несколько поднялось и, спрятав бумагу в карман, я став внимательно слушать, что говорят «перешедшие к обсуждению» генералы.

***

Жуков ответил на несколько вопросов, после чего стали по одному выступать присутствующие в зале стратеги, вставляя свои «пять копеек».

Даже меня, человека далеко не военного (имеющему за плечами лишь военную кафедру машиностроительного института и полтора года срочной службы в образцово-показательной учебке, после которой я дембельнулся «лейтёхой запаса») поразила основополагающая идея советской военной доктрины. Фетишем советских генералов было священное слово «рубеж»: его следовало любой ценой достигать при наступлении и до последней капли крови отстаивать при обороне.

А как же уничтожение врага?

Про это прямо не говорится, но видимо подразумевается — что такое является побочным эффектом при захвате или обороне рубежа.

У немцев же, насколько мне известно, всё было с точностью наоборот: приоритетным считалось именно уничтожение противника, а захват или удержание рубежа — всего лишь приятным бонусом.

Хотя, надо обязательно добавить: своих дураков у Алоизовича тоже хватало — поэтому у них получалось по-разному, нередко с точностью наоборот...

Иначе, с чего это вдруг ему стреляться пришлось?

«Тупость» — профессиональное заболевание военных и, она интернациональна. Просто немецкие генералы — тупые профессионалы, а наши — тупые любители.

Главным же видом боевых действий, у наших генералов считалось концентрация на каком-то одном узком участке превосходящих сил и за счёт этого — нанесение удара сокрушительной силы.

Вот, например, Начальник Главного управления ВВС РККА — к сожалению ещё не расстрелянный Реципиентом генерал-лейтенант Рычагов, делает такую заявку:

— Из опыта современных прошедших и идущих войн авиационная плотность достигается до 25-ти самолётов на один километр фронта...

Только диву даюсь...

Это где, на каком фронте он такую плотность нашёл?

В мае сорокового, немцы имели плотность в десять раз меньшую и, ничего...

Раскуярили франко-наглов за милую душу!

А этот, меж тем не унимается:

— Необходимо сделать вывод, что в современной войне на главном, решающем направлении (по фронту, примерно 100–150 километров) в составе фронта будет действовать не менее 15–16 дивизий, то есть где-то в районе 3500–4000 самолётов.

Лёгкость мысли, просто необычайная!

Это ж, сколько одного авиабензина скока надо... Где его взять при нашем предвоенным топливным кризисе? На чём подвести при тотальным дефиците авто- и железнодорожных цистерн? Где складировать?

А боеприпасы? Запчасти?

А аэродромы с твёрдым покрытием взлётно-посадочных полос, наконец?

А что противник? Играя с нашими «гениальными» — но недострелянными Реципиентом стратегами в поддавки, будет безучастно на всё это безобразие смотреть?

Однако, не все были согласны с такой постановкой вопроса...

Какой-то незнакомый мне сухопутный генерал-лейтенант, с места бросил:

— Я считаю, что эта цифра сильно занижена и самолётов должно быть значительно больше.

Конкретно офонарев от такой заявки, непроизвольно спрашиваю вполголоса, конкретно ни к кому не обращаясь:

— Что за говнюк?

Сидящий справа генерал Власик, после короткого замешательства подсказывает:

— Генерал-лейтенант Кузнецов — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа...

Напряг память, но так ничего не смог про него вспомнить. Генералов и адмиралов с такой фамилией — в войну было намного больше, чем просто до фи́га и, какой именно из них — командовал именно этим округом и, главное — чем в войну прославился, категорически не помню.

Но судя по уровню интеллекта и профессиональным познаниям — ничем особенно хорошим.

***

Меж тем товарищ Жуков, как будто оправдывая ослиные уши на моём рисунке, тут же охотно поддакнул своему коллеге:

— Если общая ширина участков главного удара в предпринимаемой операции должна быть не менее 100–150 километров, то для обеспечения операции — потребуется тридцать-тридцать пять авиационных дивизий, общим количеством до восьми тысяч самолётов.

Эко, его с перепуга перед законными сталинскими репрессиями, вшторивает!

Однако, слушаем дальше:

— Для того, чтобы уничтожить материальную часть на аэродромах противника — а мы считаем в среднем на аэродроме будет стоять 25–30 вражеских самолётов, нужно подумать о мощном ударе на этот аэродром. Значит, наша ударная группа должна быть не менее 100–150 самолётов...

Ёкарный бабай!

Да за всю войну, советские «соколы» едва-едва группами по 15–20 самолётов летать

научились.

Просто повернув голову вправо, получаю ответ на свой немой вопрос:

— Генерал-лейтенант Птухин — Командующий ВВС Киевского особого военного округа.

Шибко злоупотреблять «провалами в памяти» не следовало, поэтому я достаточно бодро:

— Ну, а кто же ещё? Второго такого дурака, ещё поискать надо.

Этого деятеля, снимут с должности ещё незадолго до войны за повышенную аварийность и, пришив стандартную антисоветчину — расстреляют уже во время неё, вместе с Рычаговым и группой других генералов, конструкторов и иже с ними.

Единственное что в тот раз услышал разумное:

— Немцы с 10 мая 1940 года в течение трёх дней проводили налёт на сто французских аэродромов на глубину до 400 километров мелкими группами без прикрытия истребителей...

Но эти слова были пропущены мимо генеральских ушей, аж сквозняком в открытую форточку дунуло.

Не удержался и просил:

— Что за умник?

— Генерал-лейтенант Смушкевич — генерал-инспектор ВВС РККА и помощник начальника Генерального штаба РККА по авиации.

— Аааа... То-то вижу — лицо вроде знакомое.

Тоже кстати, весьма мутный тип — зато, хоть и не явный дурак вроде Рычагова.

Его и группу высших авиационных командиров, арестуют 15 мая 1941 года — после как немецкий военно-транспортный самолёт «Юнкерс-52», взлетев в Кёнигсберге — беспрепятственно приземлился в районе московского стадиона «Динамо».

Хм, гкхм... Коль не свернут мне бошку Реципиента в результате какого-нибудь право-лево-центристского троцкистского заговора, надо будет обязательно постараться как-нибудь предотвратить этот досадный инцидент... Хотя...

Хотя, думаю дело здесь не в этом инциденте.

А теперь сравним командно-штабные учения и случившуюся через полгода реальность.

Немцы, имея против себя почти десять тысяч советских самолётов — завоевали господство в воздухе силами всего двух с половиной тысяч самолётов — а не 75 000, как следовало из «плотностей» Рычагова... И, громя РККА — наступали на фронте более чем 1 3000 километров.

И особо не напрягаясь, делали они это — вплоть до сорок третьего года и, даже после онного!

Когда дошли до обсуждения действий сухопутных войск, мне стало совсем «интересно».

Недаром, материалы по этому совещанию были засекречены даже в двадцатые годы двадцать первого века... И теперь, я стопудово уверен: вовсе не потому, что на нём — якобы планировали нападение на Гитлеровскую Германию.

Нет-нет, вовсе не поэтому.

А из-за непроходимой глупости наших недострелянных стратегов...

Чтоб потомкам, сцуко, стыдно за них не было!

***

Конечно же, здесь ярко блистал Жуков — в «реале» ставший после этого Совещания Начальником Генерального штаба:

— Для наступательной операции на фронте 400–450 километров, с главным ударом на фронте 100–150 километров — требуется порядка 85-100 стрелковых дивизий, 4–5 механизированных корпуса, 2–3 кавалерийских корпуса...

Мысленно включаю на том же «мониторе» калькулятор, ибо в арифметике никогда не блистал, и... Ого! По приблизительным прикидкам, лишь для первой линии — ему потребуется порядка двух миллионов рыл пехотинцев на сто погонных километра фронта!

Немцы в ходе «Барбароссы», начинали наступать с 85-ю пехотными дивизиями на фронте в три тысячи вёрст — использовав всего-навсего три с половиной миллионов солдат в первой линии.

Однако, наш стратег продолжает нести околесицу дальше:

— На участке главного удара шириною 20–30 километров — следует сосредоточить около 200 000 людей, 1500–2000 орудий, масса танков...

Здесь, я уже просто не выдержал и с места произнёс вслух:

— Ну, ни себе ху... «Двести тысяч человек на двадцать километров фронта»? Конечно, я далеко не Лобачевский по математическим способностям... И даже не Альберт Эйнштейн по теории относительности. Но даже по приблизительным прикидкам — это двадцать человек на погонный метр фронта. Так на кой хрен Вам артиллерия и «массы танков», товарищ Жюков? С такой плотностью — противника ногами затоптать можно!

Соскочив и под недоумёнными взглядами из Президиума, прохожу мимо стола и подхожу к карте:

— Кто отвечает за тыловое снабжение «восточных»?

Поднимается один из «синешароварников» и, приняв вид «лихой и слегка придурковатый», этак бодренько пожирая меня глазами представился:

— Заместитель Начальника штаба по тылу, генерал-майор Уткин!

— Вы сможете обеспечить боевые действия двухсот тысяч человек, артиллерии, авиации и «массы танков» — скученных на участке в двадцать километров? Сколько у Вас для этого имеется автомашин? Цистерн? Стационарных ёмкостей под топливо...?

Вместо него ответил маршал Кулик:

— Мы очень плохо обеспечены емкостями. Всего на тридцать процентов. Я много раз просил Правительство усилить строительство емкостей для нужд обороны, но воз и ныне там.

«Правительство» молчало и после небольшой паузы, я продолжил кошмарить генерала Уткина:

— ...Какова пропускная способность железных и шоссейных дорог на этом участке? Сколько человек личного состава потребуется дополнительно для разгрузки-погрузки и охраны? Какой процент потери войскового имущества, предполагается в результате авиаударов, воздействия дальнебойной артиллерии, действия диверсионных групп противника или в результате разгильдяйства ваших подчинённых? Вы это просчитали?

Чес слово надеялся, что он тут же предоставит мне хоть какие-то выкладки. Но проклятый Уткин молчал, аки рыбой об лёд.

— Молчите? Садитесь, майор! Да, да — именно «майор», Вы не ослышались...

Тот сперва глянул в Президиум, пожал плечами — мол, что с психопатом связываться и не возражая сел.

Разделавшись с этим, пламенным взором ищу следующую жертву:

— Кто отвечает за разведку у «восточных»?

Поднимается ещё один стратег и уже не так бодро, как его предшественник:

— Начальник Оперативного отдела фронта, генерал-майор Кузнецов...

«Ещё один Кузнецов! Пожалуй, мне их скоро пронумеровать придётся». Вкрадчивым тоном спрашиваю:

— Скажите мне: а разве по такому скоплению войск, что предлагает товарищ Жюков — противник не догадается о месте удара? Или, у него нет разведки? Так ведь она и не нужна! Если двести тысяч красноармейских задниц — скученных на двадцати погонных километрах, хотя бы по разу пёрнут — о предстоящем наступлении узнают даже в Чикаго, не токмо в Берлине!

Тот, поняв — куда сейчас ветра подуют, долго не раздумывая:

— Догадается, товарищ Сталин.

Указав на Жукова:

— Так почему Вы не подскажите это вашему Командующему фронтом? ...Трусите? А если бы это была настоящая война?

Краснеет, потеет, прямо-таки покрывается буро-малиновыми пятнами, но молчит.

— Трусам не место в Красной Армии! Мы с товарищем Тимошенко ждём от Вас заявления об увольнении «по собственному»...

Оставив того стоять с разинутым ртом, подхожу к тут же вскочившему на ноги Начальнику Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенанту Рычагову, по условиям «игр» — Командующему ВВС у «восточных»:

— А у Вас имеются в достаточном количестве аэродромы, что обеспечить пресловутые «двадцать пять самолётов на километр фронта»? А у Вас имеется достаточно автоцистерн и грузовиков — чтоб обеспечить их топливом и боеприпасами? Иль, ваши лётчики будут совершать по боевому вылету раз в неделю?

Тот, мальчишка-мальчишкой — молоко на губах не обсохло, задорно и даже несколько с вызовом:

— Всё перечисленное Вами, товарищ Сталин — есть функции тыловых служб.

— Вот, как? Хорошо... А смогут ли ваши «соколы» — имеющие по десять часов налёта на рыло, совершать налёты группами по сто пятьдесят машин? Ведь, даже стрелковую роту, чтоб она маршировала в ногу и совершала при этом некоторые перестроения — надо дрессировать значительно больше времени...

Уверенно, с изрядным гонорливым апломбом, отвечает:

— Так точно! Смогут!

— А вот мне — судя по аварийности у ваших подопечных, так не кажется. Два-три разбитых самолёта в сутки в мирное время, восемьсот погибших лётчиков за год — это знаете ли, уже изрядный перебор.

Краснеет раком и, не задумываясь, выпаливает:

— Дело не в налёте! Дело в том, что нас заставляют летать на «гробах»!

«Где-то я это уже слышал. Или читал?».

Однако, после того как уловив его взгляд, у меня мелькнула догадка:

«Эге... Да кажись эти его слова были адресованы не мне... Не Реципиенту, в смысле.

Каганович и Микоян: два могущественных клана чиновников — поделившие меж собой предвоенный советский авиапром. Только они могут делать «гробы» и заставлять на них летать».

Тем не менее, недоумённо оглядев его с ног до головы:

— Ах, вот значит как... Мы Вас заставляем летать... Прямо так насильно усаживаем в самолёт, пристёгиваем ремнями и даём прощального пинка под хвост... Хорошо! Прямо с этой минуты можете подыскивать себе другую работу. Вы уволены!

***

На прощанье наградив Рычагова испепеляющим взглядом, с видом — ничего хорошего не обещающим, подхожу к соскочившему со своего места Павлову:

— А ты что здесь наплёл, троглодит синешпанный? «Для уничтожения пушки ПТО, тяжелому танку потребуется [снарядов] или ничего, или один выстрел[3]»... А ты с танкистами — воевавшими в Финляндии разговаривал? А ты у них спрашивал — сколько снарядов они тратили, чтоб уничтожить один «Бофорс»?

То, на удивление вполне спокойно, как терпеливый родитель своему юному несмышлёнышу — закатившему истерику по поводу игрушек:

— Товарищ Сталин, речь идёт именно о тяжёлых танках «КВ» — особенно с большой башней вооружённой шестидюймовой гаубицей, которых в Финляндии не было...

А я брызгая слюной, так что ему пришлось поднять руку защищаясь ладонью, ору:

— Да, ты что?! А ты хоть раз сидел в «КВ»? А ты знаешь, что при движении — из нег видны только мелькающие поочерёдно землю и небо, ибо приборы наблюдения ни к чёрту? А ты знаешь, что противотанковые орудия во всех армиях мира принято маскировать? А скажи мне: сколько шестидюймовых снарядов в среднем потратил твой танкист-наводчик на полигоне — чтоб в бою уничтожить цель одним выстрелом? А сколько часов намотал за рычагами тяжёлого танка твой механик-водитель, чтоб не застряв и не заглохнув — доехать до этого самого орудия ПТО и раскатать его в тонкий блин? А какой моторесурс имеет твой «КВ с большой башней», чтоб вообще — добраться от железнодорожной станции до поля боя и не сломаться по дороге?

Ответить тому было нечего, поэтому немного подождав, цитирую по памяти далее:

— «Первый эшелон [танков] для самостоятельных действий в глубине. Он идет, не обращая внимания на противника, находящегося в обороне, и только своими фланговыми частями решает задачу по уничтожению или разрушению целей, мешающих продвижению»...

Вот так они и воевали — «не обращая внимания».

— ...Да, ты чё ваще несёшь, олень полорогий?! Твой первый эшелон, «не обращающий внимания на противника» — обратит на себя внимание противника и, без всяких вариантов — будет последним уничтожен.

Начинает сердиться, покрываясь бурыми пятнами:

— Я повторяю: первый эшелон состоит из тяжелых танков — которые не знает, что такое воздействие противотанковой пушки!

Интересно, а есть ли у него пистолет в кобуре? Может, пристрелит если его сильно разозлить? А не посчитают ли «сверху» это завуалированной попыткой суицида и не дадут ли мне за это по ушам?

А ну-ка попробуем...

Я, предельно ехидно:

— Да Вы никак вновь с финнами воевать собрались, Ваше превосходительство...!

В те времена, это являлось смертельным оскорблением и, Павлов свекольно-бордово покраснел, однако кобуру лапать не стал, к великой моей досаде.

Чуть не плюнув тому в морду от разочарования, продолжаю:

— Думаешь, фрицы с тобой в поддавки играть будут? В пехотной дивизии Вермахта, уже появились орудия ПТО — намного мощней известной тебе 37-ти миллиметровой «пукалки» и, специальные подкалиберные снаряды — пробивающие с близкого расстояния толстую броню... Кроме того, для борьбы с сильно бронированными целями — немцы широко применяют зенитную и полевую артиллерию.

Слышу, как Тимошенко негромко обронил:

— А я ему говорил, что всё это до поры до времени.

Пришлось прочитать целую лекцию, работая в основном на Президиум, где все были просто в афуде от такой «импровизации» (и, это ещё слабо сказано!):

— Ты же воевал в Испании, «генерал Пабло» и должен прекрасно знать, что в состав немецкого легиона «Кондор» сражавшегося на стороне франкистов — входили несколько батарей 88-ми миллиметровых зенитных пушек «Flak-18», применявшихся не только против воздушных — но и против наземных целей, в первую очередь танков...

На его морде (лицом его рожу назвать, значит сильно согрешить против истины), было как будто фломастером написано, что для него сие — откровение Божие.

— После испанской войны, немцы создали специальную модификацию этой пушки — предназначенную для взаимодействия с полевыми частями Вермахта и разработали для неё специальные бронебойные снаряды «Pzgr 40» — пробивающие 123-х миллиметровую бронеплиту с расстояния в полтора километра.

— Во французской компании прошлого года, именно 88-ти миллиметровые зенитки — помогли немецкой 7-й танковой дивизии генерала Роммеля, отбить атаку британских «Матильд» из 1-ой армейской танковой бригады — имеющих схожее с «КВ» бронирование.

Заметив реакцию ведущего советского генерала-танкиста, недоумённо спрашиваю:

— Ты всего этого не знаешь? А почему я знаю...?

Ищу глазами в зале:

— А где наш главный разведчик — Начальник ГРУ Голиков?

Встаёт из-за спин, отсвечивая лысой как бильярдный шар «бестолковкой»:

— Я здесь, товарищ Сталин.

— Когда «по профилю» работать начнём, вместо снабжения членов правительства «липой» от Канариса? Почему наши военачальники ничего не знают об армии

вероятного противника?

Не получив ответ, спустя какое-то время продолжаю:

— ...Кроме крупнокалиберных зениток, немцы активно применяли корпусные пушки и гаубицы в качестве противотанковых средств. Сам то, как считаешь: выдержит 75-ти миллиметровая броня «КВ» попадание 105-ти миллиметрового бронебойного снаряда? 150-ти миллиметрового фугасного «чемодана»?

Тот, вынужден признать:

— Нет, не выдержит, товарищ Сталин.

— Так что тогда ты мне здесь мозги «любишь» неуязвимостью своих тяжёлых танков?!

Помолчав, продолжаю:

— И дело даже не в этом! Если тяжёлые танки первого эшелона «не будут обращать внимания» на оборону противника — сопровождающая их пехота будет выбита его миномётами, пулемётами и стрелковым оружием. Будут уничтожены и корректировщики собственной артиллерии. Затем, эти толстобронные, но слепо-шаро-глухонемые стальные коробки — будут банально подорваны гранатами и сожжены копеечными бутылками с зажигательной смесью... Затем, та же участь ждёт и последующие три эшелона.

Смотрю на него и недоумённо вопрошаю:

— Ты что, чудо-юдо трёхмоторное? Не знаешь, что танки без пехоты и артиллерии не воюют? Как же ты воевал в Испании? Какой ты там боевой опыт приобрёл? Как просрать Красную Армию, а затем страну?

Цитирую Павлова ещё, дословно приводя его слова относительно Освободительного похода на Западную Украину и Белоруссию в сентябре 1939 года:

— «Танковые бригады за время операции против поляков прошли от 600 до 1000 км, а среднесуточные переходы были от 50 до 100 км. Выдвижение танковых бригад вперед парализовало всякое организованное сопротивление со стороны поляков и дало возможность нашей армии в кратчайшее время выполнить поставленную задачу»...

— Здесь, прям и не знаешь — смеяться, плакать или насцать тебе прямо в бесстыжие зенки... Немцы, наступающие с запада — «парализовали всякое организованное сопротивление со стороны поляков», а не твои танковые бригады, конь ты педальный! Иначе надрали бы тебе ляхи твою мозолистую задницу — как Мишке Тухачу в двадцатом, или финны — Мерецкову в тридцать девятом!

Укоризненно обращаюсь к последнему, заседающему в Президиуме:

— Товарищ генерал! Что ж Вы не подсказали своему коллеге, что недооценивать противника опасно? Хотя бы для собственной карьеры?

Не получив ответа, со смехом обращаюсь ко всей аудитории в зале:

— Он, ничтоже сумняшеся, блеет: «Немцы ничего нового не выдумали. Они взяли то, что у нас было, немножко улучшили и применили»...

Разведя руками, обводя офуевавшую аудиторию глазами, недоумённо спрашиваю у всех разом:

— ...Да что у вас взять то можно — кроме медицинских анализов, долбодятлы краснозвёздные?!

Так и не дождавись, когда Павлов выйдет из себя — выхватит табельный «ТТ» и пристрелит меня нах, испытывая чувство лёгкой досады по этому поводу, подойдя вплотную и снизу вверх пристально глядя в его глаза:

— А может, ты это специально, да? Так сказать — План разгрома РККА, «а-ля маршал Тухачевский»...

И здесь этот горилл из свекольно-красного — стал бело-бледным с хорошо заметной прозеленью, начав было что-то мямлить:

— Товарищ Сталин...

— Эфиопский носорог тебе товарищ!

Пара минут звенящей до погребального звона кладбищницей тишины в зале, после чего я изволил сменить гнев на милость:

— Будем считать, что не по злomu умыслу — а исключительно по причине врождённой тупости, за что в мирное время — лоб дырять не принято. Поэтому, настоятельно рекомендую немедленное увольнение из РККА по собственному желанию и без выходного пособия, гражданин Павлов. Трудоустройся в колхоз трактористом — на большее ты не способен, танкист фуев...

***

Пошарив взглядом по лицам военных в зале, наткнулся на совершенно ошарившего от происходящего маршала Шапошникова:

— Борис Михайлович, голубчик! Не ответите ли на один единственный вопрос?

Приподнявшись, тот с готовностью:

— Конечно, Иосиф Виссарионович!

— Что за «План прикрытия» такой, по которому соединения Красной Армии — должны совершить марш по чёрт те знает, сколько вёрст, прежде чем занять оборону для защиты священных рубежей нашего социалистического Отечества и заодно прикрытия мобилизации...?

Вот типичная хроника первого дня войны:

«У Эржвилкаса 6-й танковой дивизией (немецкой. Авт) были разгромлены колонны двигавшейся к границе 48-й стрелковой дивизии. Выдвигавшаяся походным порядком от Риги дивизия в первой половине дня попала под сильнейший удар авиации противника, а затем была атакована немецкими танками. В результате она за один день потеряла до 70 % своего состава»[4].

— ...А если в тех районах, куда они выдвигаются — уже находится противник? Трудно что ли моторизованной части, совершить за день пробег километров в тридцать-пятьдесят?

Да, что там «от Риги»!

После начала войны, к примеру, одна из самых боеспособных дивизий РККА — Первая московская мотострелковая, выдвигалась по «Плану прикрытия» аж из Москвы. И «прикрывать» границу она начала где-то в районе Смоленска, причём не как одно целое — а по частям. Сперва немцы раскуячили выгружающийся из эшелонов артиллерийский полк без снарядов, затем штаб дивизии без полков, следом — стрелковые полки без штабов и, так далее...

Конечно, с августа прошлого года, Шапошников был как бы не при делах: на должности Начальника генерального штаба РККА его сменил генерал Мерецков. Он же был назначен Заместителем Наркома обороны по сооружению укрепрайонов.

Однако его «Мобилизационный план» от 1938 года, часть которого являлся «План прикрытия», продолжал действовать лишь слегка корректируемый его приемниками в соответствии и изменившейся линией границей и политической обстановкой.

Тот, с чувством собственного достоинства (сразу видно старую, имперскую школу!), отвечает:

— Предполагается, что перед полномасштабным вторжением будет некий «угрожаемый» период, за время которого войска Первого эшелона займут предполье.

Спрашиваю Шапошникова:

— А если его не будет? В отличии от 1914-го года, германская армия уже полностью **ОТМОБИЛИЗОВАНА(!!!)** и не нуждается ни в каком «периоде». Ведь, большая европейска война началась в сентябре 1939-го года и до сих пор продолжается. А великолепная германская дорожно-транспортная сеть, позволит очень быстро сосредоточить ударные группировки возле наших границ...

Неужели, чтоб понять это — надо обязательно быть попаданцем?!

— ...Просто нападут и все, без предварительных угроз. Ведь, они уже продемонстрировали в Польше такое.

Пока Шапошников соображал, что мне ответить, из зала раздался выкрик:

— Мы не Польша!

Всматриваясь в ту сторону, отвечаю:

— Видите ли, генерал... Помня как они воевали в Первую мировую, немцы не считают СССР чем-то отличным от Польши, разве что своими размерами. И что мы с вами сделали товарищи командиры, чтоб их в этом разубедить? Три месяца провозились с Финляндией?

***

Наконец, оборачиваюсь к тому — кто уже никогда не напишет «Воспоминания и размышления». По крайней мере, я на это очень сильно надеюсь.

Показывая рукой на карту:

— Слышь, стратег! Судя по этой карте и стрелочкам на них — немцы у тебя наступают прямо по Припятским болотам и напрямиком через горные Карпатские хребты. Мне вот что непонятно: ты сам — дурак, немцев за дураков держишь, или всё-таки за идиотов считаешь товарища Сталина с присутствующими здесь членами Политбюро?

Не получив ответа, указующим перстом вверх:

— Тупость, это не преступление — а профессиональная болезнь военных и, к тебе это относится в полной мере, товарищ Жюков. Не помню, кто-то из великих сказал: «Генералы всегда готовятся не к будущей, а к уже прошедшей войне[5]»... Но ты ж, сцука — всех превзошёл по скудоумию и по наглости при этом! Ты, к какой войне готовишься с такими плотностями пехоты? К Первой мировой...? А может к Первой Пунической?

— И откуда мне любопытно было бы знать, из какой такой «тумбочки» — ты эти самые плотности взял? А ну-ка, иди сюда...!

Схватив за шиворот пошитой из хорошего сукна гимнастёрки, подтаскиваю сопротивляющегося «маршала Победы» к карте и, буквально тыча носом в линию советско-германской границы, спрашиваю:

— ...Ведь здесь у тебя, очковтиратель, одна неполной комплектации стрелковая

дивизия растянута на сорок вёрст! А вот здесь — на шестьдесят! Откуда ты двести тысяч красноармейских душ наскребёшь, фокусник жоппорукий?

Не получив ответа, спросил почти ласково:

— Что молчишь, сволочь?

***

Здесь надо пояснить, что в истории известны две версии поведения Начальника Генерального Штаба РККА Жукова 29 июня 1941 года — когда к нему, узнав про падение Минска из «Радио Лондона»(!) приехали члены Политбюро во главе со Сталиным.

Непосредственный участник событий, А. И. Микоян предлагает такую версию:

«Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь.

Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не могли.

Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д.

Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует.

Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилен руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним...».

Эта версия среди историков основная, хотя сам Георгий Константинович — при всей своей в последние годы стариковской болтливости, ни о чём таком подобном в своих «мемуарах» и в беседах с «общественностью» не сообщает.

Второй вариант развития событий принадлежит В. Молотову (если верить писателю И. Стаднюку, записавшего и сохранившему его до поры до времени) — тоже бывшему при том скандале:

«Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет... Изумленный такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу».

Какой, из двух вариантов верен?

Я раньше тоже признаюсь, склонялся более к первому варианту... Но теперь глядя на живого Жукова, понял что ошибался. А официальные историки — преднамеренно лгут.

Да!

Конечно, как военначальник Георгий Константинович — где-то на уровне моего ротного старшины, чуть ниже... Как человек тоже — спиной к нему лучше не поворачиваться...

Но надо отдать ему должное:

ЭТО — МУЖИК!!!

Мужик с большой буквы. Такие не плачут — разве что если «яйца» ему без наркоза отрезать. Такие...

Посылают!

А историки вслед за Хрущёвым и Микояном нагло врут, ибо в противном случае — Сталин окажется не таким уж и, диктатором и тираном — как про то нам с XX съезда в уши дуют.

Действительно, что за диктатор такой, что его собственные генералы посылают «по матушке» не неся за это никакой ответственности?

Таких диктаторов не бывает.

От него, от диктатора — плакать должны и, убегать в слезах и соплях — даже такие мужики с «кремнёвыми яйцами», как Жуков.

Вот так и пишется история, други мои!

***

Наконец Жуков не менее трёх раз на моих глазах поменяв цвет морды лица, задыхаясь от с трудом сдерживаемого гнева выпалил:

— Вы не обладаете компетентностью в таких вопросах, товарищ Сталин!

Всплеснув руками, насмешливо:

— Ну, конечно! Куда мне до Вас — с вашими-то тремя классами церковно-приходской школы и ускоренными кавалерийскими курсами...

Это было удар, что называется — ниже пояса.

Не успел я договорить, как будущий «маршал Победы» заревел взбесившимся бычарой:

— Кто ты такой, чтобы нам указывать?

В ответ, я тоже ору:

— Кто я такой, спрашиваешь?! Тебе, что? Справку с места работы принести?

Жуков, указывая на Президиум с обалдевшим Политбюро:

— Есть Политбюро ВКП(б), есть подчиняющийся ему и только ему Главный военный совет РККА, есть Ставка при «ГВС», наконец есть назначенный по решению Политбюро Нарком обороны СССР товарищ Тимошенко... Я подчиняюсь только им и, знать не хочу всех прочих начальников.

И показывая мне (нет, не мне... СТАЛИНУ!!!) на дверь, как гаркнет командным голосом:

— ПШЁЛ ВОН!!!

Ага... Значит я всё же был прав!

С места соскочил генерал Власик хватаясь за кобуру, да из Президиума Лаврентий Павлович грозно поблескивая очками своего знаменитого пенсне:

— Товарищи!!! Держите себя в руках!

Тимошенко:

— Товарищ Жуков! Успокойтесь!

Кулик тоже что-то такое едва слышно вякнул, а остальные — хоть аплодировать Жукову

стоя не стали и, на том спасибо.

— Ладно... Вон, так вон.

Обхожу покрасневшего от обиды генерала вокруг, с изумлением его рассматривая сверху доверху и в обратном порядке. Затем смотрю в зал полный его коллег и вижу в их глазах полную солидарность с Жуковым. Кроме пожалуй Будённого, неодобрительно крутившего головой...

И стало мне не так обидно, как досадно:

И чё это я тут пред ними распинаясь?! Чё бисер то перед этими свиньями метал?!

И не сдержавшись, я возопил в сердцах:

— Да пошло оно всё нахуй!!!

Сперва хотел просто свалить — «по-английски», так сказать... Затем, думаю, надо всё-таки предупредить предков об «внезапном и вероломном».

Сделать так сказать «всё что могу»!

Подхожу к столу с Президиумом и, в упор глядя на Молотова:

— 31 июля прошлого года на совещании в Бергхофе Гитлер заявил: «Россия это тот фактор, на который более всего ставит Англия... Но если Россия окажется разбитой, последняя надежда Англии угаснет. Властелином Европы и Балкан тогда станет Германия». С этого момента началась подготовка к войне с СССР по плану с кодовым названием «Барбаросса», которая в данный момент в самом разгаре. Предположительно, боевые действия начнутся 22 июня «ровно в четыре утра» с внезапного удара немецкой авиации по аэродромам, штабам, складам и местам дислокации воинских частей. Главное направление удара — центральное: Минск, Смоленск, Москва. Вспомогательные — через Прибалтику на Ленинград и на Юге — на Киев.

У того глаза по «полтиннику» (впрочем и другие не лучше):

— Ты это откуда знаешь?

Сделав рожу топором:

— От верблюда. Это более надёжный источник информации, чем товарищ Голиков со своей «конторой».

Соратники знают, что Сталин никогда не болтает попусту — поэтому уверен: отнесутся со всей серьёзностью.

Переведя взгляд на Тимошенко:

— Возможно, я что-то не понимаю в военной стратегии, например: почему все долбо... ёбы без исключения — предпочитают синие штаны. Зато очень хорошо знаю историю и прекрасно соображаю в политике. В Первую мировую войну, русские генералы изобретая стратегию «Парового катка» и создав «плотности» подобные вашим — гнали войска в Галицию и Пруссию... В результате кадровая армия была истреблена, а запасные не захотев быть «пушечным мясом» — воткнули штыки в землю и в спины своим офицерам и, разбежались по деревням делить колхозную... Ой, извините! Барскую землю.

Затем, большим пальцем показывая на Жукова:

— ...Так вы что, товарищи генералы? Решили так сказать повторить?!

Глядишь, после такого предупреждения — хоть чуть-чуть «живую силу» будут жалеть наши власть предержащие и военначальнички, не захотев разделить судьбу своих предшественников.

Затем указательным пальцем поочерёдно тыкаю в членов Политбюро:

— И когда этим летом Гитлер нападёт — точно такая же котовасия и с Красной Армией произойдёт! Ибо, если мудрец — сам учит, дурак — учится на своих ошибках, а умный — на ошибках дурака...

Глядя снова на Молотова, переведя стрелку» снова на Жукова, продолжаю:

— ...То наш генерал — вообще не способен учиться и, обречён вовек скакать на одних и тех же граблях. Поэтому этим же летом, германский Вермахт — порвёт Красную Армию как забравшийся в курятник хорёк безмозглую курицу. А потом и до вас доберётся!

Думаю, этому говнюку я карьеру испортил...

Чем смог, тем и помог, уважаемые предки!

Затем дав им время осмыслить свои слова:

— Дальше разгребайте это дерьмо сами, без меня, соратнички! Я же ухожу на заслуженную пенсию — как это и положено каждому советскому человеку по достижению вполне определённого возраста... Всё!

Сразу стало так легко, как будто вагон цемента с плеч скинул.

Все только зевальники разинули, а Козёл... В смысле «дедушка Калинин», начал было обеспокоенно блеять:

— Коба, послушай...

Рявкаю кровавым тираном:

— Клички отставить!

— Товарищ Сталин...

— Заткнись, тебя никто не спрашивает! И чё ты здесь — в Генеральном штабе, ваще делаешь? Шёл бы в Большой театр — «мохнатые пилотки» балеринам нюхать.

Как известно Дедушка Калинин, был большим любителем этого высокого искусства.

Направившись у двери, через шаг останавливаюсь кое-что вспомнив, как о деле уже решённом:

— Машину и Ближнюю дачу оставляю за собой — в счёт моих былых заслуг перед Революцией, Партией и Советским Государством. Так же не вздумайте кинуть насчёт услуги, «персоналки» и «кремлёвки» — не создавайте прецедент для самих себя, товарищи. Аукнется!

Уже в дверях оборачиваюсь, и:

— Смотрите не просрите великое государство, которое оставил нам Ленин!

***

А как же страна и народ?

В отличии от большинства своих современников, я вовсе не заиклен ни на личности, ни на культе личности Сталина.

Свято место пусто не бывает!

Народ привык видеть во главе себя не какой-нибудь коллегиальный орган власти, а вполне определённого человека — царя, императора, генерального секретаря... Называй как хочешь.

Ну а раз он так хочет, «Система» ему его предоставит.

Чем положим, Молотов плох — в качестве портрета на стене?

Ничем не хуже рябого Сталина, а как бы не наоборот — фотогеничнее!

А Третий Рейх во главе с Бесноватым — так и так продует эту войну: со Сталиным во главе СССР, или кем-то другим. Ибо как сказал (теперь — «как сказал бы») Реципиент в своём знаменитом обращении к советскому народу 3 июля 1941 года:

«Наши силы неисчислимы».

Добавлю к его словам свои:

А помощь союзников по Ленд-Лизу — неисчерпаема!

Ибо западные демократии предпочитают платить деньги, чем проливать кровь своих избирателей. Поэтому при практически любом раскладе, у Германии попросту пупок развяжется, воюя против такой коалиции ведущих государств мира.

Так что за судьбу страны и народа я абсолютно спокоен: речь может идти лишь о сроке Победы и о её цене...

Ну, а чем я смогу помочь в этом отношении?

Подсказать конструкторам про командирскую башенку на «Т-34»?

Так они и без меня про неё знают.

Приказать Красной Армии спать не раздеваясь, в касках и с заряженной винтовкой в обнимку, а лётчикам так вообще — в кабинах самолётов...?

Не поможет, да и приказываю здесь не я, оказывается!

Так что проживу в своё удовольствие сколько смогу, а там...

Умирать не страшно, ибо не впервой.

Одел поданную гардеробщиком шинель (знаменитая сталинская шинель!) и шапку и, вышел на улицу, напоследок подумав:

«Да и вообще: всё это — если не какая-нибудь навороченная компьютерная стратегия, то параллельная Вселенная — это точно. Потому что в нашей — попаданцев не бывает. Так что не фиг ваще париться!».

И тогда вообще успокоился.

[1] Взято из романа автора «Я — Ангел», часть 4 «И аз создам», глава 8 «Отвёртка рулит». <https://author.today/reader/171063/1716588>

[2] Двухсторонние оперативно-стратегические игры на картах были проведены сразу же после окончания декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА и явились его логическим продолжением и завершением. Первая игра состоялась 2–6 января, вторая — 8—11 января 1941 года.

В первой игре (2–6 января) Жуков командовал «Западными», нападавшими с территории Восточной Пруссии и Польши. Северо-Западный фронт «Восточных» (Д.Г. Павлов), к 1 августа остановил «Западных» и перешёл в наступление, выполняя задачу выйти к 3 сентября 1941 года на нижнее течение реки Висла. «Восточные» по условиям игры обладали примерно полуторным превосходством в силах (в танках — почти тройным). В первые дни войска Павлова форсировали Неман, овладев сувалкинским выступом (окружив в нём крупную группировку «западных»), а на левом крыле прорвали фронт, возглавляемый

Жуковым. В прорыв была введена конно-механизированная армия, которая к 13 августа вышла в район, расположенный в 110–120 километрах западнее Государственной границы СССР. В ответ Жуков сумел нанести контрудар, на чём посредники остановили игру.

Во второй игре (8-11 января) Жуков командовал группировкой «Восточных», отражавших агрессию «Западных», «Юго-западных» и «Южных» на территории Украины и Бессарабии. Вторая игра завершилась принятием «Восточными» решения об ударе на Будапешт, прорыву к озеру Балатон и форсирования Дуная.

По итогам военных игр Жуков был выдвинут на пост начальника Генерального Штаба.

[3] Здесь и дальше — буквальные слова из доклад командующего войсками Западного особого военного округа генерал-полковника танковых войск Д. Г. ПАВЛОВА, на совещании высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.: «Для уничтожения пушки ПТО, как правило, применяется 122-мм гаубица. Нужно 70–90 снарядов. Я спрашиваю вас: сколько потребуется тяжелому танку [снарядов] для того, чтобы подавить одну пушку ПТО? Или ничего, или один выстрел. Я повторяю, для тяжелого танка, который не знает, что такое воздействие противотанковой пушки».

[4] Исаев И. В. «Чёрный день календаря».

[5] Эти слова принадлежат Уинстону Черчиллю.

Глава 2. Шило, выскочившее из мешка

Фаина Раневская:

«Думайте и говорите обо мне что пожелаете. Где вы видели кошку, которую бы интересовало, что о ней говорят мыши?».

У Константина Симонова описание спора с западным журналистом о свободе слова:

«Журналист:

— Я могу перед Белым Домом кричать, что наш президент дурак. К.Симонов:

— Я тоже могу на Красной площади кричать, что ваш президент дурак.

Журналист:

— А про Сталина можете?

К.Симонов:

— Не могу. Потому что это неправда».

Выйдя в сопровождении понуро-кислых Власика и Поскребышева, а также четырех охранников и на задний двор Наркомата обороны (это где-то внутри то ли Садового, то ли Бульварного кольца) несколько минут стоял, возбуждённо дыша остро-морозным вечерним воздухом и не смог сдержать бьющих из меня эмоций:

— Эх... Как всё же хороша ты, жизнь!

Отвык от такого, пАнимаешь... Из-за своих «болячек» в «той» жизни, я уж лет как бы не пять, почти на свежем воздухе не бывал. Разве что на балконе постоишь часок и снова назад — за компьютер. Но это — совсем не то.

А тут дышишь полной грудью и чувствуешь, что ты жив и что жить — хорошо.

Очень хорошо!

Тут откуда-то сбоку подъехали два чёрных одинаковых «Паккарда», насколько я понял — один под мою «жоппу», другой для охраны. Залюбовался этим «раритетом», прикидывая сколько бы он стоил «у нас», пока Власик не спросил:

— Куда прикажите ехать, товарищ Сталин?

Я ответил по-одесски:

— А какие Вы можете предложить варианты?

Удивившись, но быстро взяв себя в руки — привыкает должно быть, перечисляет:

— Рабочий кабинет в Кремле, квартира, Ближняя дача...

Я, с лёгким раздражением:

— Какой может быть «кабинет» в Кремле у пенсионера? Иль Вы кемарили с открытыми глазами, Николай Сидорович, в тот момент — когда я с таким грандиозным кипишем подал в отставку?

ВО!!!

Пенсию же по русскому обычаю обмыть надо.

И вдруг так захотелось «накатить»... Должно быть пережитый стресс даёт о себе знать.

Не, я вовсе не алкаш какой. «Употреблял» довольно редко, но как говорила одна из

моих «бывших» — метко. А последние лет десять «с хвостиком» — вообще, ничего «такого» даже не нюхал... Кроме медицинского спирта, конечно, которым мне протирали различные участки тела (в основном жоппу) перед тем как сделать инъекцию.

Подумал, подумал:

«А почему бы и нет? Один раз... Второй раз живём!».

Вскинув привычно руку (что не осталось незамеченным) и, не обнаружив на них часов, спрашиваю:

— А который час, не подскажите? А то я свои на фортепиано оставил...

Власик закатив рукав генеральской шинели взглянул на внушительных размеров «котлы» с противоударной решёткой, а Поскребышев не поленился достать карманный «будильник»:

— Почти семь часов вечера.

— На моих без четырёх минут семь.

Предлагаю:

— Тогда поехали в ресторан! Обмоем мою пенсию по древнему русскому обычаю.

Оба, перепугано:

— Товарищ Сталин!

Деланно удивляюсь и, кивнув на «Паккард»:

— А что не так? Наши «пенсы» по ресторанам на таких машинах не ездят?! Ну так я буду первым, чем и буду славен в веках!

Власик, стараясь твёрдым голосом:

— Товарищ Сталин! Так делать нельзя!

Напоминаю вдругорядь:

— А я уже вам обоим не «товарищ Сталин»... Тот на стене висеть остался! А просто Иосиф Виссарионович — которому кое-что дозволяется, в том числе и небольшие человеческие слабости.

Растерянно переглядываются и я начал шантажировать:

— Не хотите составить мне компанию, я один поеду. Ну, или там «мотор» поймаю, иль даже пешком пойду... Не будете же вы меня ловить в самом деле, вязать и затем пинать ногами? ...Не будете?

Те испуганно, едва ль не перекрестившись:

— Не будем, товарищ Сталин.

— То-то же! Кстати...

Вдруг спохватившись:

— ...А что у меня с «налом»?

Похлопал себя по карманам шинели, но вместо портмоне с «деревянными» выудил маленький пистолетик в жёлтой кобуре. К моему глубочайшему разочарованию им оказался не «Mauser M.1910/14», а советский 6,35-мм пистолет ТК (Тульский Коровина) — стандартное гражданское оружие той эпохи.

Вынув из кобуры и, повертев в руках, озадачено спрашиваю:

— Не подскажите сколько за него в рублях дадут? Один раз посидеть в кабаке хватить?

Поскребышев вымученно улыбаясь:

— Товарищу Сталину не надо платить в ресторанах «налом»...

Хлопнув себя по лбу:

— Ах, да! Я и забыл, что у товарища Сталина в СССР — очень хорошая «кредитная история». Так мы едем в ресторан или нет?

Беру инициативу в руки в буквальном смысле этого слова, схватив обоих за руки и насильно потащив в сторону авто, приговаривая:

— Когда товарищ Сталин приглашает в ресторан, отказываться не принято!

Те вяло сопротивлялись, но шли. Уже у раскрытых дверей Власику:

— Одну машину можно отпустить. Мы втроём и пара «торпед», в шестиместную тачилу — свободно влезем.

Тот в панике:

— Не положено, тов...

На ухо ему:

— Про «положенных» я Вам позже и наедине кой-чѐ расскажу, Николай Сидорович! А пока делайте, что говорят и, не забудьте подсказать второму водиле — чтоб хорошенько поплутал по Москве. Объяснить для чего или сами догадаетесь?

— Аааа... Понял! Понял, товарищ Сталин.

Усаживаясь рядом с водителем, бурчу:

— Да что вы оба всё заладили: «товарищ Сталин», да «товарищ Сталин»... Называйте просто: Иосиф Виссарионович. Поняли?

— Поняли, товарищ Сталин.

— Тьфу!

Водитель «просѐк фишку» первым и как только тронулись, спросил:

— В какой ресторан ехать Иосиф Виссарионович?

И здесь я завис...

А действительно — в какой? Лично я только «Метрополь» знаю и, то понаслышке и не вполне уверен — следует ли туда вообще соваться такой компашке. И навряд ли мои попутчики тоже слишком часто в ресторанах бывают, чтоб предложить какой-нибудь из них.

— Тебя как звать, то?

Водила так резко тормознул, что я едва в лобовое стекло головой не «въехал»:

— Удалов... Эээ... Павел Осипович.

Читал про такого, но вроде бы тот был начальником «Гаража особого назначения»...

Или, это было позже?

Ладно, не важно:

— Нам нужен такой ресторан, чтоб никого из посторонних там не было... Я имею в виду иностранцев и криминальный элемент.

Такого тоже не знали, но я предложил:

— А давайте поймем первого встречного таксиста и у него спросим.

***

Конечно, же сразу бросилась в глаза удручающая по сравнению с моим временем малочисленность не только легкового...

ЛЮБОГО!!!

...Автотранспорта.

Поэтому когда Удалов пропуская на перекрестке пару полуторок, «Захара» (ЗИС-5) и

троллейбус, недовольно заметил:

— Сегодня движение просто бешенное...

Я с всхлипываниями — то ли засмеялся, то ли наоборот — зарыдал... Чем вызвал нешуточный переполох:

— Что с вами, Иосиф Виссарионович?

— Да, так... Ничего. Анекдот вспомнил.

— Какой «анекдот»?

— Смешной.

Поплутав по вечерним, но ярко освещённым московским улицам и, не обнаружив «хвоста», пристроились в тёмном переулочке. Удалов вышел и, где-то примерно через полчаса поймав таксиста на жёлтом как яичный желток «ЗИС-101», придя назад сообщил:

— Есть такой ресторан.

Название «Арагви» и даже его расположение на улице Горького, мне ничто не говорило. Ибо я не москвич и в той жизни бывал в столице всего пару раз, да и то проездом. Но если таксист не соврал, там хотя и «кусающиеся» цены — но очень хорошая грузинская кухня, которую обожала московская богема и «элитка» среднего уровня... Но главное — были отдельные «кабинеты».

Потирая руки в преддверии знатной вечеринки:

— То, что нам надо! Поехали.

Когда припарковались, я выкатил новый «арбуз»:

— Сегодня гуляем все! Или я в общем зале присаживаюсь за любой столик со свободным местом... Ну?

Удалов сразу пошёл в отказ:

— Увольняйте, Иосиф Виссарионович... Но в ресторан я с Вами не пойду!

— Почему?

— Потому, что я на работе.

Людей простых — но принципиальных, я крепко уважаю, поэтому:

— Ну на нет и суда нет. Но учтите, Павел Осипович: когда станете старым, как я — волосы на собственной жопе рвать станете, что упустили случай погулять в кабаке с самим... СТАЛИНЫМ!!!

Тот улыбается:

— Ничего! Зато, хоть доживу... До старости.

— Хорошо...

Понимающе кивнув ему, говорю Власику:

— ...Тогда позаботьтесь, Николай Сидорович, чтоб его покормили не хуже чем нас.

«Торпеды» тоже заартачились:

— Наше дело Вас охранять, Иосиф Виссарионович, а не... Только поймите нас правильно!

Развожу руками и достав пистолет, предельно огорчённо:

— Ну не под дулом же вас туда заводите, в самом то деле.

И засунув «ТК» обратно:

— Тогда сидите на входе и изображайте из себя «нипель».

— А это как?

— Всех запускайте, но никого не выпускайте, пока мы не закончим гулять. И самое главное...

Мы думали в одном направлении, но Власик меня на полфразы опередил:

— Сразу же возьмите под контроль телефон. Чтоб без моей санкции никто никуда не звонил.

Профессионал же!

Осталось только напомнить:

— ...И обязательно хорошенько покушайте: когда ещё доведётся хорошей грузинской кухни отведать.

Те удивлённо переглянувшись:

— На вашей Ближней даче нас постоянно грузинской кухней кормят.

Хлопаю себя по лбу (эдак, он скоро совсем синим будет):

— Ах, да... Постоянно забываю, что я по отцу грузин... Или осетин? Мда... Склероз нельзя вылечить, но хорошо — что о нем можно забыть.

Глядя на оставшихся двоих уточняю, переводя взгляд от одного к другому, разъясняю план сегодняшнего «мероприятия»:

— «Гулять», это значит — «употреблять»... В смысле — «закладывать за воротник»... Или опять не поняли? «Калдырить», в конце концов!

Поняв, Власик начал ту же «волынку»:

— Я при исполнении, поэтому пить не буду. Посижу просто рядом и всё.

— А если я прикажу?

Тот, с трудно скрываемой усмешкой:

— Вы ж — самый обычный пенсионер, Иосиф Виссарионович! Попросить Вы меня можете, а вот приказать — нет.

— Моего письменного заявления не было, тем более приказа на увольнение в связи с выходом на пенсию. Поэтому до сих пор, Вы являетесь Начальником моей личной охраны.

— В круг моих обязанностей, как Начальника вашей личной охраны — не входит «закладывать» с Вами «за воротник».

Пригрозив пальцем, как непослушному мальчику:

— Вот же Вы бюрократ какой, оказывается! А если я Вас за это в своих мемуарах прокляну? Иль, напишу что вы носки у товарища Сталина тырили, а свои дырявые — подкладывали, чтоб он их донашивал?

Улыбается:

— Всё равно не буду.

Отворачиваюсь обиженно:

— Ну и чёрт с Вами... Александр Николаевич?

Тот, делая больше глаза:

— Я ж отродясь не пил, Иосиф Виссарионович! И не считаю нужным начинать сейчас.

Гневно зырякая на них жёлто-тигриными сталинскими глазищами (это я так думаю):

— Вот как вы товарища Сталина любите! Как «зажмурится» — так поди даже стопку к губам за его упокой не поднесёте...

Одна из причин, почему не стоит «попадать» в сильных мира сего: чуть что и выпить не

с кем!

Вдруг в голову пришло одно решение:

— ...Хорошо! Тогда давайте так: товарищ Власик!

— Слушаю, товарищ Сталин.

— Слушайте приказ: как заходим, так сразу ищите мне как минимум двух собутыльников...

Смотря на достаточно оживлённую улицу, предлагаю иной вариант:

— ...Иль лучше среди прохожих пригласить кого?

Тот, рукавом шинели вытирая вспотевший на морозе лоб:

— Давайте я вам лучше по телефону «собутыльников» вызову?

— Как Вам будет угодно, Николай Сидорович... Но чтоб люди в питейном деле были проверенные! И прибыли не позже чем через полчаса.

***

На входе «заведения» был самый настоящий фейсконтроль, но я его прошёл, даже не останавливаясь. Лишь приветливо кивнув двоим вмиг офонаревшим мордovorотам и, предупредив:

— Эти люди со мной.

Встретивший нас в полупустом зале метрдотель типично-кавказской нужности, сперва разинув рот обомлел каменным статуем, а затем без какого-нибудь переходного состояния стремительно исчез., оставив после себя только звук:

— Мынуточку...!

Естественно, после нашего появления произошёл лёгкий ажиотаж среди ужинающей и «употребляющей» публики... Все на меня таращились, я же таращился на первых виденных в этом времени женщин, среди которых я опознал даже молодую Раневскую. И, тут же вспомнив подходящий к случаю афоризм из её репертуара, произнес вслух:

— «Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать. Первые месяцы просто буду сидеть в кресле-качалке».

Поскребышев доверчиво «купился» и недоумённо спросил:

— А потом?

— «А потом я начну раскачиваться».

До Власика не дошло, скорее его мысли были заняты чем-то другим (не трудно догадаться чем именно), а вот Заведующий Особым сектором прыснул и тихонько захихикал.

Минута, две или три прошло, но действительно относительно скоро в зал влетает уже знакомый метрдотель, а за ним ещё один «сын гор» — видать управляющий рестораном или типа того.

Увидев меня, он восторженно воскликнул:

— Слава великому Сталину!

— Героям слава, — небрежно «зиганул» я, — скажите, пожалуйста, у вас нет отдельного кабинета для нашей небольшой компании?

— Почему «нет», слышай?! — у того даже усы расщепырились от неделанной обиды, — для товарища Сталина и его друзэй, мы всегда дэржим наготове кабинет... Самый лучший кабинет! Мынуточку...

Поняв его намерения, я остановив их выставленной вперёд ладонью:

— Товарищ Сталин хочет выпить и покушать... Понимаете? А если Вы имеете что ему сказать — напечатайте речь в трёх экземплярах и вручите перед уходом.

Недоумеваает, тараща глаза:

— Пачэму «в трёх экзэмплярах»?

Показывая на своих:

— Им тоже будет интересно послушать.

***

Для этого времени, «отдельный кабинет» был довольно шикарен... По крайней мере я так думаю, ибо других пока не видел. В нем имелось пианино фирмы «C. Bechstein Pianoforte AG» и электрофон фирмы «РСА» с пачкой винила от «Berliner's Gramophone Company». Кроме почти новой и тоже — явно «не от отечественного производителя» мебели, в нём имелись «удобства» и даже телефон, на который тут же «присел» Власик. Не знаю для каких персон он «держался наготове» — но портрет товарища Сталина на одной из его стен тоже имелся... Правда, посреди каких-то пейзажей и слегка косо всящий, из-за чего можно заключить, что его повесили буквально только что.

Ну, да ладно...

Невообразимой красоты официантки (или мне так показалось после многолетнего старческого «воздержания») славянской наружности, едва держась на ногах от страха, но тем не менее — довольно быстро и без особых происшествий расставили посуду... Затем не менее перепуганный официант принёс меню. Пробежав глазами список, я спросил сотрапезников:

— Что заказывать будем...?

Увидев совершенно оловянные глаза, обратился к официанту:

— ...Хорошо: тогда всем нам ваши фирменные блюда. Имеются такие в «Арагви»?

За официанта ответил сам управляющий, или кто он там:

— Канэчно, товарищ Сталин!

— Огласите весь список, пожалуйста.

— Харчо, цыплёнок табака с чесночным соусом, хинкали...

Пока официант дрожащей рукой записывал, тот намекнул про напитки:

— У нас имеется отличная коллэкция грузинских вин: «Хванчкара», «Атени Мцване», «Маджари»...

Делаю большие глаза, как будто покакать собрался:

— «Грузинские вина»?! Товарищ Сталин не грузин — а русский грузинского происхождения. Поэтому несите водки. Пока три бутылки «Особой московской», а там как попрёт.

Если «послезнание» не врёт, тогда наша пищевая промышленность выпускала всего четыре сорта водки: 40 %, 50 %, 56 % и «Особую московскую». Первая, была самой обычной смесью недорогого ректификата и речной воды для простого советского «гегемона». Крепкие сорта — изготавливались из спирта двойной перегонки и предназначались для советского «среднего класса» — инженеров, совслужащих и командиров Красной армии и доблестного Красного Военно-Морского Флота.

«Особая московская» — изготавливалась из чистого зернового спирта, смягчённого добавками. Пили её...

Пилю её далеко не все!
Только слуги народные.

Чуть не забыв, уже вдогонку:

— Ну и минералки не забудьте, будь так любезны...

«Надеюсь, «Боржоми» они ещё подделывать не догадались?».

— ... Холодная из холодильника есть?

Увидев совершенно квадратные глаза, тут же вспомнил:

«Зачем холодильник, когда сейчас на дворе зима? 12 января 1941-го года? Шарик, вы — балбес!».

Когда персонал убежал шуршать на кухню, оторвался от телефона Власик:

— Двоих «собутельников» я Вам нашёл, Иосиф Виссарионович. Пригласил в ресторан и предложил выпить за мой счёт...

В этом месте, он развел руками:

— ...Не мог же я сказать что за ваш счёт и, тем самым разгласить место вашего пребывания.

— И кто такие? Я их знаю?

Тот, как-то странно на меня глядя:

— Товарищи Косынкин и Виноградов... Вы их знаете?

У меня волосы зашевелились от ужаса: если капитан госбезопасности[1] Косынкин Петр Евдокимович — командир отдельного батальона ГУГБ НКВД СССР (начальник кремлёвской охраны), то профессор Виноградов Владимир Никитич...

...Мой лечащий врач!

Стоит мне только в его присутствии открыть рот, как тот влёт поймёт — что у товарища Сталина, «что-то с головой». А стоит ему только с кем-нибудь поделиться этим «открытием», то у меня появляется «блестящая» перспектива провести остаток дней Реципиента не на Ближней — а на «Канатчиковой даче», что несколько не одно и то же.

Что делать?

Первой мыслью было отменить «пьянку-гулянку» и побыстрее отсюда свалить на Ближнюю дачу.

Я уж было оторвал зад от шикарного стула и, раскрыл рот...

Затем опомнившись, захлопнул «варежку» и сел на место:

От судьбы не убежишь!

Во-первых, этому «телу» так или иначе врач нужен. Так что наша встреча с профессором Виноградовым — неизбежна, как собственная кончина.

Во-вторых: я уже и так изрядно засветился!

Соратнички могут специально направить его ко мне (и обязательно это сделают!), чтоб узнать:

«А чего это он вдруг взбесился?».

Наконец, начальник моей личной охраны — Власик, обязан доложить «по инстанции» о замеченных странностях в поведении подопечного...

А вдруг это болезнь какая, угрожающая здоровью или даже жизни подопечного лица?

В общем, «шила в мешке» не утаишь и придётся открыться «ближнему кругу», чтоб моё

невольное самозванство не стало достоянием более «широких масс».

Ничего не ответив Власику, я всё встал, походил и, остановился сперва у большого зеркала на входе, затем напротив портрета Реципиента на стене... Поправив его, я вынес вердикт:

— Ой, не похож. Ой, халтура. Понимаешь, у того лицо умнее.

***

Наконец, по одному с небольшим интервалом прибыли «собутыльники», как раз к тому времени — когда стол был накрыт источающими вызывающий зверский аромат блюдами и стоящими промеж них тремя запотевшими графинчиками — в кои прямо при нас, была перелита «Особая московская» из бутылок с зелёными наклейками.

Каждого я встречал у дверей, здоровался, объяснял причину «мероприятия» и лично провожал до почётного места за столом: Косынкина по правую руку, Виноградова по левую. Непьющие — в конец стола, ибо мне с ними неинтересно. Предупредил, что называть меня надо только по имени-отчеству — иначе «штрафная». Заметил, что профессор сразу же стал давить на меня «косяка»... Почуял что-то неладное, в общем.

Ну а я что говорил?

Когда всё было готово к началу «банкета», предложил:

— Сперва давайте покушаем, а то «возлияния» крепких горячительных напитков на голодный желудок вредят организму... Верно, профессор?

Тот, изумлённо таращась то на меня, то на стоящие на столе бутылки водки:

— Верно, тов... Иосиф Виссарионович. Но по пятьдесят грамм под харчо, организму не повредят.

— Придётся довериться медицине. Тогда как кавказский человек, я должен произнести первый тост...

Наливаю в рюмки по «пясюрику» и встав:

— Ну... За знакомство!

Все уставились на меня, как будто впервые увидели... Но промолчали. Один лишь Виноградов проявил интеллигентскую натуру всему перечить:

— Какое же это знакомство? Мы ведь с Вами уже...

— Пейте, профессор! Просто пейте и всё. И не забывайте хорошенько закусывать.

И залпом опрокинул в сталинский рот сей божественный напиток, не забыв после этого оценить его качество:

— Ключница водку делала!

Профессор и здесь вставил свои «пять копеек»:

— Не знаю, как сейчас, а раньше — при царизме, эту «ключницу» звали «Московский казенный винный склад № 1»...

— Закусывайте, Владимир Никитич, закусывайте. А то ещё вдруг скажете, что позже эту водку будет делать «Открытое акционерное общество «Московский завод «Кристалл»».

И не ответив на недоумённый взгляд, приступил к трапезе...

***

Фирменные блюда у «Арагви» были просто сказочно чудесны, словами не опишешь!

После того как практически в полном молчании скушали харчо и цыплёнка табака с чесночным соусом, оставив хинкали на закуску, я на правах хозяина разлив по рюмкам уже по «соточке», обратился к собутыльникам:

— Здесь перед вашим приходом, Николай Сидорович спросил: а знаю ли я вас...

Встав, сделал круг вокруг стола, подыскивая слова и остановился напротив Виноградова:

— Затем уже Вы, профессор — удивились, что я предложил тост за знакомство.

Тот согласно кивнув:

— Да и до сих пор меня это обстоятельство удивляет...

По его глазам было видно, что удивляет его ещё много чего в моём поведении, а не только это «обстоятельство».

— Сейчас я всё объясню. Только проверьте сперва — крепко ли вы на стульях сидите...

Проверили?

Глубоко вздохнув и перекрестившись как перед прыжком в прорубь с ледяной водой на Крещение и, начинаю саморазоблачаться:

— Дело в том, что до сегодняшнего дня, я никого из вас не знал... Лично!

Затем, подняв указательный палец вверх:

— Зато я знаю, что Владимира Никитича — посадят в 1952-м году по «Делу врачей», якобы за отравление Жданова. Потом вроде бы отпустят... Впрочем насчёт последнего утверждения, я не уверен — ибо особо не вникал, уж извините.

Оставив того пребывать в глубочайшем ступоре, продолжаю «бомбить», перейдя на личности Власика с Поскрёбышевым:

— И вас, друзья мои, посадят!

Оба соскочили и хором:

— За что, Иосиф Виссарионович?!

Ржу, не могу:

— Было бы за что — расстреляли б!

Затем, посерьёзнев:

— Вас, Николай Сидорович, посадят за какое-то трофейное немецкое барахло, якобы вами присвоенное... Вас, Александр Николаевич — за какие-то пропавшие якобы секретные документы... Точно не помню, извините оба. Точно также не помню дат и обстоятельств ваших смертей, как-то мало интересовался — ещё раз извините...

Затем, встав напротив Косынкина и надавив на плечо, чтоб он не соскочил на ноги как намеревался:

— А Петр Евдокимович неожиданно и скоропостижно скончается у себя на квартире 15 февраля 1953 года... Незадолго до того (5 марта) — как при таких же обстоятельствах, «почиет в бозе» и сам Иосиф Виссарионович.

Все как хором:

— ВЫ?!

— Мы, мы... Иль думали, что товарищ Сталин бессмертен, аки Царь Кошей из русских сказок?

И мы всем столом уставились на портрет на стене.

— Так ведь и того загеноцили, добравшись до его яйца!

Власик с Поскрёбышев, придя в себя первыми, рвали на груди рубахи:

— Я сроду не был барахольщиком! Не был им и никогда не буду!

— Да, чтоб у меня хоть одна бумажка со стола пропала!

Усмехаюсь:

— Вы это не мне — следователю с прокурором расскажите. А «важняком[2]» в те времена был... Эээ... Будет! Некий Рюмин. А как историки говорят, он любил... Эээ... Будет задавать вопросы с резиной дубинкой в руках. Видать насмотрелся, мразь, пиндосовских видосов про копов.

Власик с Поскрёбышевым вновь вышли из зоны доступа. Косынкин тоже сидел не ворохнувшись — как будто на кол посаженный, а до Виноградова начало доходить:

— Так Вы хотите сказать...

Прерываю:

— Прежде чем я ещё что-то «захочу сказать», давайте выпьем...

Растолкал капитана госбезопасности, почти насильно всучив ему в руку рюмку с водкой и, тут к нам «вернулся» мой личный охранник:

— Мне тоже налейте...

Не деланно обрадовавшись:

— Ну вот, а Вы ерепенились, Николай Сидорович!

К счастью предусмотрев этот момент — соответствующую посуду принесли и на непьющих, поэтому я смог удовлетворить его просьбу, не забыв спросить у Поскрёбышева:

— А Вы, Александр Николаевич, не решились ещё бросить трезвый образ жизни?

Этот, воистину железный человек сталинской эпохи — такое услышать и не запить «горькую», энергично закрутил головой:

— Нет, не решил.

— А зря! Выпили б с нами, покуролесили малёха... А то в тюрьме Вам и вспомнить будет нечего.

Чокнувшись с «употребляющими», произнёс следующий тост:

— Ну... За здоровье!

***

Выпив по «соточке» и основательно закусив хинкали, которое оказалось ничуть не хуже харчо и цыплёнка табака с чесночным соусом и, видя что мои сотрапезники начинают «оживать», продолжаю:

— Уверен, у всех вас (даю на отруб большой палец... Мизинец ноги!) один вопрос: что это с товарищем Сталиным и с чего это вдруг он стал пророчить... Так?

Виноградов кивнул, с заметным беспокойством в глазах:

— Вот как раз это, я и хотел у Вас спросить... Вы себя хорошо чувствуете, Иосиф Виссарионович?

Усмехнувшись понимающе, я:

— Прежде чем вызывать «мозговеда» и двух санитаров с «рубашкой», ответьте: Вы верите в существовании души у человека?

У того подозрительно забежали глазки, но он ответил в духе времени:

— Нет, не верю — я материалист!

— А в переселение душ из одного тела в другое?

Врач ответил по-одесски, то есть вопросом на вопрос:

— Если я не верю в существование души, как я могу верить в их переселение?

— А верите ли Вы, Владимир Никитич, в перенос души во времени и пространстве и вселение её в другого человека с полным подавлением личности реципиента?

После недолго молчания, тот процедил:

— Я Вас очень уважаю, Иосиф Виссарионович... Но мне начинает казаться, что Вы надо мной издеваетесь.

Примеряющим тоном:

— Погодите обижаться профессор и хвататься за шапку и макинтош! Я тоже как и, Вы — в эту хренотень не верил... Пока... Вы на стульях крепко сидите? Тогда слушайте.

И я вкратце рассказал свою настоящую биографию: когда и где родился, учился, служил в армии... Обойдя лихим маневром распад СССР и лихие 90-е (это ни к чему), я рассказал сколько раз и на ком женился и, при каких обстоятельствах очутился здесь, в теле их любимого Вождя.

Не позабыл извиниться за последнее:

— ...Вы уж извините, но так получилось! Моего преднамеренного умысла, в каких либо злокозненных намерениях — здесь нет от слова «вообще».

После пары минут гнетущей тишины, первым подал голос Виноградов. Глядя то на Власика, то на Косынкин, он раздражённо:

— А по-моему товарища Сталина просто-напросто подменили. Если это не его собственный розыгрыш с какой-то непонятной для нас целью.

Власик было:

— Исключено. Я сегодня от товарища Сталина не отходил...

Его перебил Поскрёбышев. Обведя всех шалыми глазами, он горячо затараторил:

— А вы знаете, я ему верю. Потому что видел «это»!

Все позабыв про меня, повернулись к нему:

— Что Вы видели, Александр Николаевич?

Тот от волнения несколько сбивчиво заикаясь затараторил:

— Когда сегодня в Генштабе произошло «это», я как раз смотрел не на товарищай Жукова и Павлова у карты, а на товарища Сталина. И вдруг он вздрогнул как будто от удара электрическим током, а потом обмяк — как будто потерял сознание или даже умер... Я уж хотел было бить тревогу, как вдруг он также неожиданно ожил, открыл глаза и начал с удивлением оглядываться вокруг — как будто только что туда попал и не понимает, что с ним и где он находится. Всё это произошло буквально за минуту-полторы. А как только он впервые заговорил со мной, я сразу стал подозревать что это совсем другой человек.

Власик подтверждающее кивнул в мою сторону:

— По крайней мере до Генштаба — «это» было товарищем Сталиным. А там я от него не отходил. Даже извините, в отхожем месте, мы с ним справляли «малую нужду» в один лоток, стоя рядом.

Все снова уставились на меня, видимо ещё до конца не определившись: верить в эту историю или нет.

Изрядно помолчав, вопрос задал всё тот же профессор Виноградов:

— А скажите мне... Эээ... А как Вас хоть зовут по-настоящему:

— Иосиф Виссарионович. Знать мои настоящие ф.и.о. ни к чему: это Вам равным счётом ничего не даст.

Ещё не хватало, чтоб при самом «минорном» для меня раскладе — до моих предков раньше фашистов добрались...

Тогда Виноградов, с хитрым мордам лица «перезакинул удочку»:

— А скажите мне Иосиф Виссарионович: вот с ваших же слов, дожив до столетних преклонных лет — Вы часто и подолгу болели...

У стариков, как известно, их «болячки» — любимая тема. Вот и я, аж расцвёл заулыбался:

— Не то слово, профессор! Я просто жил на одних лекарствах — на которые уходила, как бы не половина моей пенсии. Хорошо ещё, что внучка медик: иначе я бы к вам «переселился»... Эээ... Ещё до коллективизации.

Тот, вкрадчиво — как будто взрослый, уличающий во лжи пакостливого — но умственно недоразвитого ребёнка:

— Вот про них то — про свои болезни и, особенно про лекарства — которыми их лечили и, расскажите нам.

Нашёл о чём спрашивать покойного пенса!

И я не задумываясь, буквально «тащась», как будто рассказываю не о собственных «хворостях» — а о многочисленных «романах», тут же начал:

— Слава Богу: до рака, Альцгеймера и сахарного диабета 2-го типа — я не дожил, а вот до...

И дальше я выдал весь «букет» типичных стариковских болезней начала 21-го века и список пилюль которыми меня он них пичкала медицина, не забыв упомянуть катаракту с заменой хрусталика и, керамику — которой я успел заменить отстойную нержавейку с напылением в зубных протезах, прежде чем очутиться здесь.

У Виноградова шары на лоб:

— И Вы с такими болезнями так долго прожили?!

Пожимаю плечами, типа ничего особенного:

— Современная медицина, что Вы хотите, профессор? Попади Вы куда-нибудь в Средневековье (не приведи Господь, конечно!), тоже б поди удивляли бы хроноаборигенов своим долголетием.

Тот, с возбуждённым видом:

— Вы говорили, что переменили множество профессий... Случайно не были причастны к медицине?

— Нет, никаким боком. Я до выхода на заслуженную пенсию так сказать, был в основном... Эээ... Так сказать, на руководящей работе.

— Как жаль... А может, рецепты каких-нибудь лекарств помните?

— Эх, знать бы прикуп — жил бы в Сочи!

Наморщив лоб:

— Знаю, что пенициллин — чудо-лекарство 20-го века, открыли англичане изучая какую-то плесень на лобках у старух... Или, нет? А нет, вспомнил: плесень на среднеазиатских дынях.

Рассказал всё что знал об пенициллин в частности и об антибиотиках в целом, а знал к

сожалению я очень мало. Затем ещё раз напруг «послезнание» и выдал кое-что более существенное:

— В данный момент проще сперва освоить стрептоцид, или же — сульфаниламид.

Профессор:

— Красный стрептоцид или иначе «пронтозил» открыт ещё в 1934-ом году в Германии и ныне используется как дезинфицирующее и антисептическое средство для ухода за ранами.

— Это так, но вскоре (если не уже) на его основе откроют «белый стрептоцид», который окажется не в пример более эффективным...

И здесь «Остапа понесло»:

— ...Надо срочно озадачить группу химиков, стимулировав с одной стороны — Сталинской премией, с другой — работой в лесозаготовительной промышленности и, дело будет в шляпе.

Тот, кажется позабыв о чём вообще идёт речь, вяло махнув рукой:

— Даже, если и откроют они ваш «белый стрептоцид», дальше дело не двинется: в СССР нет свободных мощностей в химической промышленности...

— Зато есть производство химического оружия — боевых отравляющих веществ! Которое, можно без всякого ущерба для обороноспособности страны, перепрофилировать в производство лекарств. Если вместо этой бесполезно-опасной дряни...

Я не закончил мысль, ибо вспомнив «тему», Виноградов как подскочит и указывая на меня трясущейся рукой — как на ожившего мертвеца:

— ОН ГОВОРИТ ПРАВДУ!!!

Я разлил по рюмкам и произнёс следующий тост:

— Ну... Тогда за взаимопонимание!

***

Выпили, закусили и я продолжил:

— Можете задавать вопросы, но по одному и, учтите: я не Сталин и быть им не собираюсь! Я открылся вам не для того чтобы изменить историю, а для того чтобы вы меня прикрыли от разоблачения и дали возможность спокойно дожить до... До неё самой. Поверьте моему недавнему опыту: двенадцать лет до смерти, это не так уж и много.

Подобно опытному педагогу помолчав, давая «усвоить материал»:

— Взамен же я дал вам возможность вовремя поменять образ жизни и тем самым избежать всего вышеперечисленного «форс-мажора». К примеру, можно уехать куда-нибудь поглубже в провинцию и, спокойно дожить в почёте и уважении до самой старости...

Подумав: а ведь услуга мне так и так положена, делаю вполне прозрачный намёк:

— ...Или же остаться при персональном пенсионере И.В. Сталине, который не занимается политикой, а следовательно — не подставляет свой «ближний круг».

Первым задал вопрос Власик:

— А от чего умер товарищ Жданов и почему в его смерти обвинили меня и врачей?

— Точно не знаю, что-то с сердцем. По словам некоторых историков, Сталин прочил Александра Алексеевича в свои приемники и, когда какая-то медсестра написала, что его лечили неправильно — рассвирепел. Вы уж извините, профессор, что так у нас с ним получилось!

— Ничего, ничего... А сам товарищ Сталин умер своей смертью?

— Не могу утверждать ничего определённого, ибо наши историки до сих пор спорят на эту тему до неприличной хрипоты. Доподлинно известно одно: после перенесённых нескольких ишемических инсультов, у него произошло кровоизлияние в мозг...

То что Вождь «Одной шестой части суши», Верховный Главнокомандующий, победитель в самой кровопролитной войне в истории человечества — чуть ли не сутки валялся на полу своей собственной дачи, как последний бомжара в подворотне... Я говорить не стал.

А зачем?

Виноградов крайне осторожно:

— При склонности к инсультам, кровоизлияние в мозг можно вызвать медикаментозными препаратами, повышающими давление.

Положа руку на сердце:

— Не знаю. А всем без исключения историкам, особенно — официальным, не верю! Поэтому врать не буду.

Николай Сидорович Власик — дураком далеко не был, как про то учебники пишут и телесериалы снимают!

Он за считанные годы сумел выстроить практически идеальную структуру службы безопасности высшего лица государства, которую потом тщательно скопируют в других странах. Последней будет Америка после убийства Кеннеди.

«Картину маслом» он срисовал мгновенно:

— Похоже на тщательно спланированную акцию: сперва убрав в лице Жданова приемника Вождя и заодно — лечащего врача товарища Сталина... Затем скомпрометовав — отстранили нас с товарищем Поскребышевым, затем... Кем был в 1953 году товарищ Косынкин?

— Заместитель начальника УКМК (Управление коменданта Московского Кремля. Авт.) СССР...

— ...«МГБ»?!

— «Министерство государственной безопасности». После войны вместо наркоматов будут министерства.

Потом тяжело вздохнув, настоятельно рекомендую:

— Только Вы, Николай Сидорович, на все эти свои выводы забейте.

— Как это «забейте»?

— Да вот так! Просто забейте и всё.

Тот, не успокаиваясь:

— Да как же мне «забить», если это антиправительственный заговор? Кто за всем этим стоял, скажите?

— Я же сказал: не знаю! И до этого «заговора» ещё более десяти лет — всё ещё сто раз изменится-переменится, в связи с моим уходом на пенсию.

Заглядывая мне в глаза:

— Товарищ Берия?

Не хотел говорить, но видимо под действием «винных паров», усмехаюсь и несколько развязно:

— Лаврентий Павлович может и участвовал в заговоре: вполне может быть — поэтому не исключено... Но в результате него — пострадал больше всех! Вас то просто посадили да выпустили... Петра Евдокимовича если и, траванули — то хотя бы похоронили по-человечески и больше не трогали...

Указательный палец вверх:

— ...Товарища Берию же арестовали и, обвинив во всех смертных грехах — вплоть до похищения с улиц московских школьниц, их изнасилованиях и убийствах... И — расстреляли! И до сих пор... Хи, гкхм... Даже через почти сто лет, в первой половине 21-го века — про него пишут очень нехорошие книги и снимают очень нехорошие фильмы, прям как будто про Джека-Потрошителя какого.

***

Траурно помолчали, затем вопрос задал Поскребышев:

— В Генштабе Вы говорили о войне с Германией, которая начнётся 22 июня этого года...

Виноградов ахнув, прикрыл рот, Косынкин заметно напрягся.

— Я и сейчас это могу сказать: война с Германией будет! Поэтому если собираетесь последовать моему совету — уезжайте куда-нибудь подальше на Восток. И запасайтесь продуктами, ибо в стране будет реальный голод... Если имеются родственники в Ленинграде — срочно забирайте их оттуда под любым предлогом!

Не особо вдаваясь в подробности, рассказал им про ход Великой Отечественной Войны, в конце разлив по рюмкам и провозгласив следующий тост:

— Ну... За Победу!

Потрясённый Поскребышев, долго не мог поверить:

— Двадцать семь миллионов, говорите?

— Точные потери не известны. Но судя по тому, что историки спорят — не об сотнях тысяч, или даже миллионах — а о десятках миллионов... Потери были воистину ужасными.

— А налейте-ка и мне, Иосиф Виссарионович...

Под хрустальный звон и булькающие звуки:

— С удовольствием Александр Николаевич! Добро пожаловать в наш клуб анонимных алкоголиков.

Выпили уже по третьей, естественно закусили и, тут гэбист Косынкин задал совершенно неожиданный вопрос:

— Так значит, бессмертная душа всё-таки существует?

— Что касаясь моей — то определённо да. А вот про другие души ничего определённого сказать не могу — ибо своими глазами их не видел. Но так как я ничего выдающегося из себя «там» не представлял, можно считать — что и у каждого человека имеется бессмертная душа.

Тот, глядя мне прямо в глаза:

— Так значит, существует и Господь Бог?

Все замерли и смотрят на меня...

Не торопясь обдумал и в свою очередь спрашиваю:

— А что такое по-вашему Бог? Бородатый старичок с нимбом вокруг темени, сидящий на облачке?

— Нет, конечно...

— «Бог», это — просто более высокий уровень разума, чем наш. Мы же в свою очередь, являемся «богами» для всех нижестоящих — кроликов там, мышей и земляных червяков. «Религия» же, это основанная на обрывках каких-то древних знаний о «богах» технология управления обществом, вышедшим из

Дав кивком понять, что ответом удовлетворён, он задаёт ещё более неожиданный вопрос:

— Каково в будущем будет отношение Коммунистической партии и Советской власти к Русской православной церкви?

Вопрос в принципе не праздный, ибо даже несмотря на беспрецедентный двадцатилетний атеистический террор, в ходе Всесоюзной переписи 1937 года — две трети опрошенных открыто назвали себя православными верующими.

Почесав в затылке, я в свою очередь вопрошаю:

— «У нас», я читал такую историю: когда планировали реконструкцию Красной площади, то Хрущёв и Булганин убрали на макете храм Василия Блаженного... А товарищ Сталин им якобы сказал: «Сейчас же поставьте собор на место! Не Вы ставили, не Вам ломать!». Было такое?

— Нет... Не знаю.

Я, жизнерадостно:

— Ну, значит ещё будет! Как и вскоре после начала войны — отказ от политики воинствующего атеизма, возвращения церкви части конфискованной собственности и реликвий, разрешения открытия семинарий и так далее...

Уже заплетающимся языком:

— ...Говорят даже, Сталин неоднократно посещал Матрону московскую, канонизированную как местночтимую святую в нашем 1999-м году, советовался с ней и слушал ее предсказания. А когда немцы были под самой Москвой, Сталин приказал облететь Москву и Ленинград с иконой Казанской божьей матери.

Гэбист с совершенно трезвыми глазами:

— Как же, вашими словами: «значит, ещё будет», Иосиф Виссарионович — если товарища Сталина с нами уже нет?

Большим пальцем указывая на «персону» на стене:

— На товарище Сталине свет клином не сошёлся, понимаете? Это всего лишь портрет на стене: повесьте вместо него другой и, ровным счётом ничего не изменится.

Тот, слегка вдарив кулаком по столу:

— Ошибаетесь, товарищ... Не знаю, как вас там.

— Нет, не ошибаюсь! Как прижмёт от слова «конкретно» — про чёрта рогатого вспомнишь, не токмо про Христа.

— Вот именно, что про чёрта...

Улыбаюсь слегка по-идиотски:

— Время покажет, про каких чертей вспомнят в Политбюро — когда немецкие танки подкатят к Кремлю. Недолго уже ждать осталось.

— И Вы так спокойно об этом рассуждаете?!

— А что не так? Я знаю, что «дело наше правое, враг будет разбит», так почему бы мне спокойно не порассуждать?

Тот не нашёлся, что ответить и, в свою очередь я, прошерстив всю имеющуюся инфу про него:

— А чего это у Вас, Петр Евдокимович, такое трепетное отношение к Православной религии? Вроде бы как капитан госбезопасности, герой пограничник — если «Вики» не врёт...

— Я родился в Саратове в семье потомственного священнослужителя и, до того как стать «героем-пограничником» — ещё мальцом прислуживал в православных храмах...

— Ах вот оно что... Как интересная биография!

Разливаю по стопкам:

— Ну... За веру!

Выпив, крикнув — «крепка ещё Советская Власть!», замечая:

— Что закусь практически на нуле... Николай Сидорович: Вы ближе к телефону — распорядитесь там насчёт холодных закусок.

Показывая на изрядно опустевшую стеклотару:

— И это... Повторить!

— Может, Вам уже достаточно?

— Чё? Распустились здесь без меня, пАнимаешь... Я требую продолжения банкета!

Власик подошёл к телефону, взял трубку и через минуту:

— Что-то не отвечает... Пойду сам схожу.

Когда он вышел, вопрос задал Виноградов:

— А скажите мне... Хм, гкхм... Иосиф Виссарионович, коммунизм то хоть построили? Что-то Вы как-то очень ловко избегаете этой темы...

Я с энтузиазмом:

— «Коммунизм»? Конечно, построили...!

После воистину театральной паузы:

— ...Вот только не для всех. Не для того, для кого обещали построить — трудящихся, стало быть.

— А для кого тогда?

— «Для кого», спрашиваете? Счас...

В «той жизни» я отличался завидным здоровьем и, даже в шестьдесят лет мог засадить литр водки (под хорошую закуску, конечно) и даже не шатнуться после этого.

Но видать организм Реципиента был непривычен к столь крепким напиткам и, стал быстро «косеть». Поэтому против своей воли, я заплетающимся языком понёс про события, что случилось в стране после смерти Сталина.

Пропустивший мой краткий доклад про XX партсъезд вернувшийся Власик стоя выслушал про коммунизм для партноменклатуры в «эпоху Застоя», про Перестройку и наконец про распад СССР и, в сердцах воскликнул:

— Так вот для чего они это всё затеяли!

Пожав плечами:

— Скорей всего «они» затевали «это» не думая. Ибо, чтоб думать — мозги нужны, а у соратников Сталина их отродясь не было. Один лишь инстинкт доминирования, как у самцов горилл... Скажите, «сам таких выбирал»? Отвечу, что выбирает не руководитель, а

«Система»! Система русской государственной бюрократии — сформировавшаяся ещё как бы не при Рюрике и доставшаяся большевикам вместе с другими «родимыми пятнами»... Так что там с салатиками и «догоняловом», Николай Сидорович?

— Говорят, что «Ацецили» должен полчаса настояться...

— Из чего он хоть? А то у меня была аллергия на грибы, которыми меня пыталась отравить моя вторая «бывшая»... Вдруг, это чисто психологическое?

Тот вспоминает:

— Куриное филе, баклажаны, болгарский перец, грецкие орехи... Нет, грибов в составе салата «Ацецили» нет.

— Годно! Тогда давайте ещё по соточке под «Боржоми», да товарищу Сталину пора посетить «удобства»... Ну... Чтоб нам всем не дожить до «Эпохи перемен»!

***

Когда после посещения «удобств» выпили под «Ацецили» «за лося», Виноградов спросил про «личное»:

— Извините, Иосиф Виссарионович... Ваша «вторая бывшая», это кто?

— «Вторая бывшая»? «Бывшими» мы называем жён с которым развелись. А «вторая» — порядковый номер. Их у меня было четыре, помните? Наташа, Анжелика — ноги до ушей, Алиса с силиконовыми сиськами и ещё раз Наташа, вот с такой жоппой.

Слегка презрительно:

— Вы наверное, были ловелас? Соблазняете доверчивых женщин и бросаете?

Печально усмехаюсь:

— Да куда там мне с моим-то фейсом! Здесь я — рябой, а там был — вообще урод-уродом на рожу.

— Женщины в последнюю очередь смотр на красоту мужского лица.

— Согласен с вами на сто процентов, Док! Первую Наташку, признаюсь: да — соблазнил. Но бросила меня она, через три года убежав к одному барыге, челночлившему в Китай. А вот следующие — уже сами соблазнили меня и, мне как честному человеку — пришлось на них жениться.

С крайне заинтересованным видом:

— Вы говорили, что ваша вторая «бывшая»... Так, что «с ногами» — пыталась Вас отравить...

Недоумеваю:

— Что Вас смущает, профессор? Алиса, так та вообще ко мне киллера подсылала. И если б не пацаны, я б к вам... Ещё бы до Революции «попал» — прямо в сибирскую ссылку в Туруханский край.

У того, аж кусок куриного филе изо рта выпал:

— А я сперва подумал, это Вы так шутите.

— Да, какие там «шутки»... Последняя Наташка, так вообще — по судам решила затаскать, отняв всё нажитое непосильными трудами добро... Пришлось срочно овдоветь и, взять на воспитание единственную нажитую с четырьмя «бывшими» дочь. Ну и заодно изменить образ жизни — чтоб та не выросла такой же жадной стервой, как её мать.

— Вы её... убили?!

Обиженно:

— Почему я? Для таких дел специальные люди есть. Сам я, как из тюрьмы вышел —

пальцем никого не тронул.

Вся компания разом выдохнула:

— Так Вы ещё и сидели...

В ответ показывая вилкой на стену:

— А чем я хуже него?

Виноградов кивнув:

— И то верно... А первых трёх «бывших»?

— Первую Наташку я просто нахер послал, когда она вернулась и типа: «Давай всё забудем и начнём жить сначала»... А Анжелику пацаны сами в асфальт закатали, пока я пребывал в коме под капельницей.

— Живую?!

— Сказать по правде не интересовался.

— А Алису?

— В тюрьме на собственных трусиках повесилась: у меня там кое-какие подвязки имелись.

Виноградова аж затрясло:

— Вы — страшный человек!

Показывая на портрет на стене:

— Даже страшнее, чем сам товарищ Сталин? Не думаю.

Наливаю по рюмкам:

— Ну... За любовь!

***

После того как выпили, Виноградов «ушёл в себя», а Косынкин спросил с оттенком брезгливости:

— Так Вы кем по профессии были, Иосиф Виссарионович? Неужто простой бандит?!

Слегка покачиваясь:

— Презираете, да?

Тот, не став кривить душой:

— Да, презираю!

— А зря... У каждого времени свои герои и свои парии: в моё время точно так же презирали вас — чекистов: как уже подобно вам вымерших — так и ныне здравствующих. А героями считали бандитов да валютных проституток. Про них фильмы снимали: «Бандитский Санкт-Петербург», «Интердевочка»... Ими мечтали стать мальчики и девочки — а вовсе не пограничниками и лётчицами, к примеру.

Тот, подумав:

— Возможно, Вы и правы... Расскажите, как Вы дошли до жизни такой?

Всем столом на меня с жадным любопытством уставились и, я не подкачал:

— Да, запросто! После института и полутора годов в армии, работал инженером в опытно-экспериментальном нашего машиностроительного и, уж было дослужился до замначальника цеха, как вдруг... Ну, я же уже рассказывал, да?

— Про Перестройку, распад Союза и эпоху рыночных реформ? Да, рассказывали.

— Когда наш завод закрыли, меня уволили, а Наташка сбежала к барыге... Поверив тому что втирали в мои уши по «ящику» я решил заняться честным бизнесом. Заложил в банке

доставшуюся от родителей квартиру, занял недостающих денег и начал помаленьку «раскручиваться». Дело на удивление пошло как по накатанному и, уже где-то через два года с небольшим — я сделал свой первый «лям зеленую»...

Кулаком по столу, аж рюмки подпрыгнули и зазвенели:

— ...Но меня «кинул» человек, которого знал едва ль не с самых пелёнок, которому я больше самого себя доверял. Я остался мало того, что с пустыми руками и, в буквальном смысле на улице — так ещё и «на счётчике» у весьма серьёзных людей!

— Я едва-едва нашёл его гуляющим вот в точно таком же ресторане в окружении центровых шлюх. Когда спросил: «Что ты творишь, друг?» — он расхохотался мне в лицо: «Ты не вписался в рыночную экономику, ибо сколько тебя знаю — всегда был «совком». А при капитализме друзей не бывает — только конкуренты. «Человек человеку волк!» Так что вали отсюда лузерок, пока тебя отсюда ресторанные халдеи не выкинули».

— Я растерянно смотрел на него, а шлюхи на до мной ржали и, здесь на меня накатило что-то до сих пор мне неизвестное... Какая-то первобытно-пещерная ярость: «А ты значит — вписался в рыночную экономику?» — спрашиваю. Тот, обнимая сразу двух классных тёлок: «Как видишь!».

— И здесь я, как будто видя себя со стороны — запрыгиваю на стол и бью его со всей дури ногой в голову. Затем накидываюсь сверху и под истошный визг шлюх — душу, бью чем что под руку попадёт, грызу...

Видя реакцию. ещё раз кулаком по столу:

— Да, да! ГРЫЗУ!!! Даже когда меня оттаскивали, я грыз ему лицо...

Косынкин в ужасе от меня отпрянув:

— ВЫ — ОДЕРЖИМЫЙ!!!

Задумчиво:

— Возможно... Ведь до этого, даже драться то не особенно любил — хотя чуваком я был на редкость здоровым. Возможно и, вселился в меня какой-то...

— Бес.

— «Бес»?!. Почему, сразу «бес»? Возможно, как и в данном случае — душа какого-то средневекового викинга, которую я временами не могу контролировать... Но судебно-психиатрическая экспертиза — где я сидел почти три месяца, ничего такого не нашла и, посчитав меня здоровым — отдала в руки демократическому правосудию.

Кровавый гэбист застыл в суеверном ужасе, а Виноградов с какой-то детской непосредственностью:

— Почему Вы не пошли и не заявили в милицию?

Я так ржал и так долго, что уже увидел беспокойство в глазах сотрапезников и поспешил исчерпывающе ответить:

— Да потому что наши «менты» — это те же бандиты, просто в форме. В наши «Лихие 90-е», к ним обращались в одном случае: если надо кого-то срочно «похоронить». В нашем городе, по крайней мере... Но когда я шёл на последнюю встречу со своим компаньоном, таких мыслей у меня не было. Думал, по-людски с ним «развести»... Не получилось!

Далее «допрос» насчёт биографии продолжил Поскрёбышев:

— Ну что было дальше, Иосиф Виссарионович? Вас посадили за убийство?

Отрицающе верчу головой:

— Так как мой бывший компаньон умер не на месте — а в больничке, это уголовное

деяние на суде квалифицировали не как убийство — а как нанесение тяжких телесных повреждений нанесённых в состоянии аффекта, приведших к смерти потерпевшего. Поэтому учитывая обстоятельства, первую судимость и чистосердечное раскаяние — дали всего ничего. А там за примерное поведение — отпустили на условно-досрочное. Тогда многих отпускали, так как на зоне кормить было нечем и зэки массово вымирали от «тубика»... От туберкулёза, если по-вашему.

Разливаю по рюмкам и, не «чокаясь», мрачно:

— Ну... За усопших, даже если это «скелеты» в нашем шкафу.

***

Выпил, закусили и, уже без напоминаний, я продолжил изливать душу:

— Откинулся я сами — понимаете: «ни двора ни кола» — «всё моё ношу с собой»... Единственный «рояль» — одна инфа, услышанная от одного зэка которому ещё сидеть и сидеть. Уверен: абсолютное большинство моих современников сочли бы её бесполезной... Но мне она показалась многообещающей и весь оставшийся срок, я ломал голову над тем как её реализовать. Не знаю по какой причине — но осенило меня, как-только получил на руки справку об «удо[3]», не раньше... Иначе, я б наверное пошёл «на рывок»!

— Долго рассказывать, да и неприятно... В отдельных же местах — очень неприятно и даже стыдно за себя. Но тем не менее сколотив и возглавив так называемую «ОПГ» (организованную преступную группировку — «банду» по-вашему), всего за три года я стал фактическим правителем нашей области. К «Жирным нулевым», с моих рук «кушали» всенародно выбранный мэр и назначенный из Москвы губернатор... Глава администрации нашего региона советовался по каждому пустяку и, даже контролируемые Центром силовики — предпочитали со мной договариваться, а не воевать.

Власик непонимающе:

— Как всего этого можно добиться, возглавляя какую-то банду?

Ухмыляясь, как при объяснении первокласснику устройства ядерного реактора:

— В наше время бандиты с «наганами» на пролётках не ездят! Умник с авторучкой — отнимет в стократ больше, чем целая толпа вооружённых отморожков.

Обведя всех глазами:

— Знаете, что такое «рейдерство»?

— Нет...

С гордостью:

— Я бы одним из первых, за столбивших эту «жилу».

Смотрю и вижу полное непонимание в глаза, прямо как у генералитета не так давно:

— Осуждаете, да...?!

На меня вдруг накатил дико-злая зависть на предков:

— ...Хорошо вам здесь! Строите какое-то вам неведомое, но по вашим представлениям — светлое, справедливое общество и, в ус себе не дуετε... У вас, если девка вешается на шею — это означает что она хочет завести с вами семью, родить от вас много детей... А не поиметь вас на бабки, как последнего лоха.

Виноградов:

— Ну, ну, ну... Успокойтесь, голубчик! У нас тоже: и девки — всякие-разные бывают и, отнюдь не все советские люди — хотят строить «светлое, справедливое общество»... Вы что-

то говорили про дочь — ради воспитания которой, Вам пришлось изменить образ жизни?

— Ах, ну да... Когда вторую Наташку торжественно закопали в закрытом гробу под печальный «медляк» (до сих пор не могу забыть её феноменальную жоппу!), я сперва хотел отдать совместно нажитую нами дочь в приют...

«Они уже пьяные или просто тупые?»:

— ...Опять не понимаете? Сперва жили, как говорят — «душа в душу, а не успела родить как тут же подала на развод — требуя немало не много половину имущества. И адвокаты у неё — ну чисто волки! Откуда такие только в «Жирных нулевых» взялись — не хуже меня молодого, времён «Лихих 90-х». Поэтому к тогда полугодовой Полинке (которую, и не видел то толком), я никаких отцовских чувств не испытывал. Но когда я взял её спящую в руки, когда она чихнула и, проснувшись — улыбнулась и потянулась ко мне ручонками...

Скупая мужская слезинка покатила по щеке Реципиента и исчезла где-то в области прокуренных до состояния «ржавчины» усов:

— ...Я понял — вот ради чего стоит жить: ради своей семьи. Маленькой — всего два человека: я и она — но своей(!) семьи. И ещё я понял, что если Полинка будет воспитываться в той атмосфере, в которой нахожусь я — из неё вырастет такая же тварь, как и её мамаша. Поэтому, мы с ней в один прекрасный момент «по-английски» свинтили туда — где нас никто не знает и, никто не найдёт. Я устроился на работу по специальности — благо к концу «нулевых» промышленность стала оживать... Нашёл себе уж и потерявшую было надежду на «собственного мужика» простую русскую бабу, чтоб семья была полноценной, с которой потрудившись вместе — завёл ещё и сына...

С пьяной бахвальбой:

— ...В общем, жизнь удалась! Дождался внуки и внуков-двойняшек и, уж было готовился стать прадедушкой, как вдруг...

Разлив по рюмочкам и не чокаясь:

— Ну... За упокой!

Выпили-закусили и, мне стало грустно — хоть незаконно репрессируй кого, раз самому повеситься не получится...

Как «там» в будущем мои родные?

Вот поди убиваются, особенно внучка — благодаря которой только и протянул те последние пять лет и не «попал» с самое начало сталинских регрессий... Рефлексий...

Как их там?

...Репрессий, мать их ети!

А внуки поди спрашивают: «А где деда? Почему он умер, не научив нас фотошопить и рубиться в «War Thunder», как обещал? А ведь ещё учил-поучал нас: «Если мужик сказал — мужик должен сделать!»...».

Но долго мне грустить не дали. Первым Виноградов:

— Вы — необычайно-удивительный человек, Иосиф Виссарионович!

Затем Власик:

— Всё-таки — Вы наш, советский человек! И этого из Вас ничем не выбьешь.

Поскребышев, еле шевеля языком:

— А все же исходя из «Теории случайных процессов» профессора Колмогорова, в

товарища Сталина должен был попасть самый обычный человек. А раз нам попал такой, как Иосиф Виссарионович...

Его перебил Косынкин, едва не вставая на колени:

— Иосиф Виссарионович, простите за «одержимого».

— Бог простит... А что Вы предложите взамен?

— Вы... Вы... Вы — МЕССИЯ!!!

На что, хотя и не с первой попытки, сложив из прокуренных сталинских пальцев роскошную фигу и предьявив её сотрапезникам как пистолет, я отвечивал:

— Хуюшки! Я простой «пенс» и никаких «миссий»!

***

Дальнейшее припоминаю фрагментально да и, то с большим трудом...

Помню, докопался я до электрофона фирмы «РСА»:

— Да, как же он сзука включается? Где пульт? Чё за сервис, всех заголодоморю, нах...

Власик убежал в администрацию и прибежал с Леонидом Утесовым, которого я с взявшейся откуда-то благородной хрипотцой как у Джигурды, учил перепевать Высоцкого:

— Протопи ты мне баньку, хозяйюшка,

Раскалю я себя, распалю,

На полке, у самого краюшка,

Я сомненья в себе истреблю.

Разомлею я до неприличности,

Ковш холодный — и все позади.

И наколка времен культа личности

Засинеет на левой груди...».

Затем, за нашим столом на котором отплясывал с какой-то девкой «Камаринского» Поскрёбышев, откуда-то появилась Фаина Раневская — бывшая тоже «слегка подшофе».

Кстати вживую она ещё более страшная, чем на фотографиях — я аж трезветь было начал...

Но потом привык.

Мы с ней дуэтом спели:

«Ну что же ты страшная такая?»

Ты такая страшная...

Ты не накрашенная страшная

И накрашенная...».

Желая раскрутить её на трах, я предложил пари:

— А давайте, Фаина Георгиевна, забьём что я больше ваших афоризмов знаю, чем Вы сами... Если Вы поиграете — то сделаете мне минет. Знаете, то это такое?

— А как же!

— Войдёте во всемирную историю не только своими остроумными афоризмами, а как женщина сделавшая минет самому(!) Сталину! Моника Левински сгорит от зависти...

— А это кто такая?

— Практикантка отсосавшая у президента США... Как его? Блина Клитора, если не перепутал что-нибудь.

— Шлюха!

— Согласен. Ну, так как насчёт нашего пари?

Та, лукаво на меня посматривая:

— Заманчиво, заманчиво... А если проиграете Вы?

— ...??? Эээ... А давайте лучше спорить на раздевание!

— А это ещё как?

— Если проиграете Вы — то разденетесь сами... Если я: то Вам поможет раздеться — сам(!) товарищ Сталин.

С Фаинкой видимо не обломилось, так как в следующем «фрагменте» я подбивал Утёсова поехать «к артисткам», конкретно к Любви Орловой:

— Понимаешь, Лёня: это мечта детства. У меня на неё впервые «встал» — лет в двенадцать, если конечно склероз не внёс свои коррективы.

— Иосиф, на кой тебе эта лезбиянка нужна? К тому же она замужем.

— Вот, как?! Тогда к Серовой — пусть мне тоже, а не только одному Рокоссовскому завидуют[4]...

Затем помню, я плакался в жилетку Власику:

— Представляешь, Колян: я буду сутки валяться обосцанным и не одна падла не зайдёт проведать — жив ли товарищ Сталин или уже подох давно?

Тот кулакам по столу:

— Не допущу такого, Виссарионыч! Они у меня сами все: не только обосцутся — обосрутся, нах!

И тут вижу склонившуюся надо мной четырёхглазую рожу в шляпе... Кого вы думали?

Берии!

— Сцуко, но без тебя ни одна альтернативка не обходится, Лаврентий Павлович...».

И тут как будто выключили свет... Всё!

Game over.

[1] Звание капитан ГБ соответствовало полковнику в РККА.

[2] Следователь по особо важным делам.

[3] «Удо» — условно-досрочное освобождение.

[4] Однажды Сталину доложили, что у маршала Рокоссовского появилась любовница и это — известная красавица-актриса Валентина Серова. И, мол, что с ними теперь делать будем? Сталин вынул изо рта трубку, чуть подумал и сказал: — Что будем, что будем... завидовать будем!

Глава 3. Заговор за товарища Сталина

Из неопубликованных мемуаров Чадаева Я.Е., Управляющего делами Совнаркома (Совмина) СССР, о кризисе в высшем руководстве СССР после 29.06.1941 года:

«...На следующий день я пришел в приемную Сталина. Но Сталин не приехал. У всех было недоумение — что случилось?

На другой день я опять отправился в приемную подписывать бумаги. И Поскребышев мне сказал сразу и определенно:

— Товарища Сталина нет и едва ли будет.

— И вчера его не было?..

— Да, и вчера его не было, — с некоторой иронией произнес Поскребышев...

— Может быть, он выехал на фронт?

— Ну что же ты меня терзаешь! Сказал: нет и не будет...

Я предположил, что Сталин заболел, но спросить не решился.

...Вечером я вновь зашел с бумагами к Поскребышеву — и вновь. Сталин не появился. У меня скопилось много бумаг, и поскольку первым заместителем был Вознесенский, я попросил его подписать. Вознесенский позвонил Молотову, потом долго слушал его и, положив трубку, сказал:

— Молотов просил обождать один день и просит членов Политбюро собраться у него через два часа. Так что пусть эти документы побудут у вас...

Вознесенский поднял трубку вертушки, ждал минуту и сказал:

— Никто на даче не отвечает. Непонятно, видно, что-то случилось с ним в такой тяжелый момент.

И вот он не приехал... Ближайшее окружение было встревожено, если не сказать больше. Мы все тогда знали: проходило немного времени, чтобы тот или иной работник не был к нему приглашен. А теперь телефоны молчат, известно только одно: он на Ближней даче, но никто не решается поехать к нему. В эти дни его уединения у Молотова собрались члены Политбюро и стали решать, как быть? По сообщению обслуживающего персонала дачи, Сталин был жив, здоров. Но отключился от всех, никого не принимает, не подходит к телефонным аппаратам. Члены Политбюро единодушно решили: ехать всем...».

Я сидел у пионерского костра рядом с другими ребятами и девочками из наших «Иртышских зорь» и, вместе с ними пел под гитару:

«Юный барабанщик,

Юный барабанщик,

Он стучит, как сердце, тук-тук-тук!

Поднимает флаги

Пионерский лагерь —

Юный барабанщик тут как тут.

Дальние дороги,

Близкие тревоги —

Заклубились тучи впереди.
Ты уже не мальчик,
Храбрый барабанщик —
Сверстников на подвиг выводи!

Били — не добились,
Жгли, да не спалили.
Отчего так рано стал ты сед?
По далёким странам,
С верным барабаном,
Мы прошли, оставив добрый след.

Время боевое,
Не ищи покоя,
Взрослый барабанщик — взрослый век.
Поднимай, дружище,
Мир из пепелища,
Выручай планету, человек!»[1].

Потом мы пекли в золе потухшего костра картошку, обжигаясь ели её и пели про этот «пионеров идеал[2]», вводили хоровод вокруг костра, танцевали парами под песни «про любовь»...

Предварительно хлебнув портвейна «Три семёрки» из общей бутылки — для храбрости, я пригласил давно мне нравящуюся девочку по имени Даша и, немного освоившись — как бы случайно щупал «выпуклости» на её груди, каждый раз извиняясь и пунцово краснея лицом. В конце-концов, я до того охамел — что прижав к себе, поцеловал Дашку прямо в губки.

И было мне так хорошо...

***

...Пока не приспичило «по-маленькому».

Проснувшись с зверски «трещащей» головой, с пустыней Невада во рту после испытания ядерной бомбы, я смотрел в потолок и долго не мог понять — где я и что со мной...

Вроде ж, я уже умер?

Потом вспомнил: мать твою...

Я ж теперь — товарищ Сталин!

Твою ж, мать...

Вспомнил прошедшую вечеринку и мне захотелось тут же сдохнуть двуряд тотчас — а не ждать ещё целых двенадцать лет с лишним...

Однако желание «отлить» превалировало над желанием умереть и я зашевелился, тотчас обнаружив две вещи: я — «гол как сокол», в самом прямом смысле... рядом с «тушкой» Реципиента находится ещё одно голое тело — принадлежащие по всем признаком

молодой женщине.

«Ну значит, поход по артисткам удался, — не мог не подумать с удовлетворением, — есть значит у нас с товарищем Сталиным — ещё порох в пороховницах... Но где же у него туалет?»».

Слабо Богу за окном уже светало и только повернув голову вправо (ой, как больно!), я заметил открытую дверь в это столь жизненно важное помещение. Стараясь не скрипеть, я сел на кровати и тотчас обнаружил на полу своё исподнее... Хватаю его и на цыпочках в «присутственные места».

Закрыв за собой дверь, пошарив по стене включил — с непривычки кажущийся тускло-жёлтый свет от лампы накаливания и, на мгновение замерев, иронически хмыкнул.

Санузел у товарища Сталина хоть и был на высоте по качеству отделки и чистоте — но оказался совмещённым, как в однокомнатной «хрущёвке», где я жил в бытность свою простым советским инженером. Хм, гкхм... А вот чего у простого советского инженера (да и не только у него) — априори быть не могло быть в сортире до самого развала СССР: туалетная бумага. Правда, не в виде привычных мне рулонов — а в виде отдельных листочков-салфеток. И что самое удивительное — отечественная. Правда, как и «Московская особая» — выпускающаяся не для всех советских граждан, а исключительно только для...

Для тех самых.

Простые граждане обходились газетами с портретами вождей, возможно для этого их и печатали.

«Отлив» в унитаз, я напился из крана холодной (очень холодной!) воды...

Ой, как хорошо!

...И одел кальсоны на завязочках, чтоб прикрыв чресла. Практически такие же, в каких в армейке щеголял — но только из более качественного материала, разумеется.

Батист, если не ошибаюсь.

Возвращаюсь обратно в постель — ибо от выпитой воды реально «заштормило», но тут меня встречает гневный женский взгляд и знакомый вопрос:

— Иосиф! Как ты мог вчера так надраться?! Как простой деревенский мужик. Я такого от тебя не ожидала!

Изрядно опешив, я мямлю:

— А Вы артистка каких Больших и Малых театров будете, гражданка?

«Артистка» опешила не меньше меня: глаза по полтиннику — как у куклы Барби и ресницами хлопает...

«А ничё себе так бабца, — гляжу на её обнажившиеся «прелести» и облизываюсь, — да кто ж ты такая?»».

Мысленно набираю в своём «поисковике»: «женщины Сталина» — читаю и меня бросает в жар...

И не стыдно такое писать?

Вы что? Со свечкой рядом стояли и под одеяло к нему заглядывали?

Сволочи!

Успокоившись, делаю поправку: «тридцатые-сороковые годы»... Ага, вот оно:

«Уже сама по себе дата рождения Вали Истоминой примечательна — на свет она

появилась в день революции: 7 ноября 1917 года. В самой же Валентине не было ничего особенного. Симпатичная, но не красавица, на которую будут оборачиваться на улице. Не семи пядей во лбу, но и не дурочка. Обычная деревенская девчонка, которую из всех других выделяла разве что одна черта: неистребимый оптимизм и готовность заливаться смехом по любому поводу. Грустить Валя не любила и всегда предпочитала видеть в жизни только хорошее. Когда девушке исполнилось 18 лет, она перебралась в Москву и устроилась работать на фабрику. Там-то и ее заметил Николай Власик — начальник охраны Сталина. Он же и предложил ей «особенную работу», о которой можно было только мечтать: накрывать стол самому великому кормчему! Валя, конечно же, согласилась.

Говорят, в Зубалове юная Валентина появилась с узелком, в котором лежали тетрадки с конспектами, шерстяная шаль и открытка с портретом Иосифа Виссарионовича. Ничего удивительного в этом не было: Сталин был кумиром миллионов советских девушек. Издалека обожала его и Валя, а, узнав поближе, не изменила своего мнения. Девушка пришлась по душе всем: она была простой, веселой и жизнерадостной.

Вскоре в донесениях охранников начали появляться сообщения: «12 декабря в четыре часа утра Истомина вышла из спальни товарища Сталина и отправилась к себе». Или: «13 декабря Истомина в 5:30 вышла из спальни товарища Сталина и пошла на кухню».

А вот сам Сталин изменился, и в лучшую сторону. Все замечали — вождь повеселел, чаще бывал в хорошем расположении духа, улыбался и шутил. А еще вдруг перешел на хорошее французское белье, хотя раньше вообще не обращал внимания, что за исподнее у него под одеждой: есть — и ладно.

Как человек восточного менталитета, Вождь не любил волевых, сильных женщин. Со своей последней женой Надеждой Аллилуевой он сражался всю жизнь — и довоевался до того, что она покончила с собой. Валя Истомина была совсем другой — мягкой и покладистой. К вождю она относилась с трепетом, считала его великим человеком. Не скандалила, не спорила — чем не тихая гавань?

По свидетельствам личной охраны главы СССР, Валентина Васильевна Истомина всегда отличалась не только приятной внешностью, но и покладистым нравом. Кроме того, она была хорошей поварихой и отличной хозяйкой, содержащей дачу в идеальной чистоте.

Помимо вышеперечисленных качеств, девушка была мудра не по годам. Она умела слушать, но при этом не болтать лишнего. Не удивительно, что всего за пару лет, Истомина стала чуть ли не единственным человеком, кому Сталин по-настоящему доверял. И не только наводит порядок в его жилище и следить за опрятностью одежды, но и заботиться о его здоровье. По словам очевидцев, глава страны практически всегда не доверял врачам, но из рук Валюши безропотно принимал абсолютно любое лекарство.

После войны, когда здоровье Сталина становилось все хуже и хуже — он большую часть своего времени проводил в Кунцево, в компании своей экономки. А в конце сороковых Вождь даже стал брать с собою Валентину в поездки по стране.

Ближе к его кончине, Сталин и Валентина Истомина практически не расставались. В день его гибели Валя была безутешна. Плакали и остальные, но лишь она рухнула на колени возле дивана, уткнулась лицом покойнику в грудь и завывала в голос, как это делают в деревне. Женщина долго не могла остановиться, и никто не посмел увести ее от тела. Обмывать и переодевать Иосифа Виссарионовича доверили именно Истоминой...

...А историки так и продолжают спорить, кем же была Валентина Истомина: обычной

кухаркой или действительно Хозяйкой Хозяина[3]».

— «Артистка Больших и Малых театров...»?

Переспросила сидящая предо мной на кровати обнажённая молодая женщина и, вдруг закатилась в смехе — звонко, так переливчиво... Как мелодия на айфоне.

«Точно — она! Все приметы сходятся: возраст — чуть более двадцати на вид, веселый нрав...».

Внезапно, холодок пробежал от затылка до межгодовалного пространства:

«Доверие доверием, но женщины нутром чувствуют чужого... А вдруг она ляпнет кому, что «Хозяина» подменили?».

— Слушай, Валентина... Валя... Валюша... Я тут с пьяных глаз подумал: а не сочтаться ли нам с тобой законным браком? А то вроде — взрослые люди, а встречаемся чуть ли не тайком — как школьники.

Вновь вижу широко раскрытые в недоумении глаза и спрашиваю:

— Я вообще тебе нравлюсь... Эээ... Как мужчина?

— Хахахаха, — снова залилась как колокольчик и, дёрнув меня за завязку кальсон, так что они с меня свалились, — прыгай под одеяло, мужчина!

Ну, что ж... Если женщина просит — значит надо прыгать.

***

После безумного (почти семейного) траха, я уснул как младенец после мамкиной сиськи, без сновидения и проснулся лишь от лёгкого укуса за мочку уха и шёпота:

— Вставай, соня! Тебя люди ждут...

Переворачиваясь на другой бочок:

— Посылай их на хер, я на пенсии.

Однако, она была настойчиво:

— Вставай, говорю! Уже почти обед.

Приоткрыв один глаз:

— А замуж за меня пойдёшь?

Спросил и тут же появился вполне закономерный вопрос:

«Странно, а что они «в реале» не расписались?».

Присев на краешек кровати, погрузнев:

— Ты же знаешь, у нас никогда не будет детей...

«Понятно. Восемнадцать лет, фабрика, первый сексуальный опыт, «залёт» и, поздний, да у тому же как пить дать — «подпольный» аборт... Жаль девку».

Погладив по головке и поцеловав, ласково:

— Возьмём на воспитание сироту — мало их что ли в СССР?

«А скоро будет ещё больше».

Помолчав:

— Ты же знаешь, Иосиф: Светлана была и будет против.

Сразу спросонья не дошло:

— Кто такая «Светлана»...? Не было у меня с ней ничё. Ах, эта шлю... Хм, гкхм... Моя хм, гкхм... Дочь...

Распустил, блин, Реципиент семейку.

Однако, чё делать?

— ...Отцу перечить? Выпорю засранку!

Та, ударив по коленям ладонями, вновь закатилась в смехе, как будто я сказал что-то смешное.

Спать расхотелось, захотелось посетить «удобства» и наоборот — что-нибудь покушать. Дождавшись когда высмеется, тонко намекаю:

— Ты вроде говорила, что уже обед?

— Всё готово, товарищи ждут, как появишься в столовой — будут накрывать.

После «удобств» подхожу к платяному шкафу и открыв, долго стою, не соображая что выбрать... В чём он дома то ходил?

Хорошо, что есть у кого спросить:

— Валюш! Что мне наиболее идёт в это время суток?

После очередного взрыва хохота, я был облачён в холщовые брюки, домашние тапочки, в белую хлопчатобумажную рубашку и простенькую полотняную курточку.

Посмотрел на себя в зеркало и Реципиента в нём не узнал: по мне — так он постоянно рассекал в стального цвета френче и сапогах...

Вот что значит сложившейся образ!

Взяв Валентину под локоток:

— Пойдём, проводишь...

Затем с отчётливо слышимыми оттенками мужского сексизма, надавливаю:

— ...А над моим предложением «руки и сердца» подумай: срок у тебя до вечера.

Конечно же дети Сталина — тоже нутром почуют, что их папка — уже не их папка. Но такое изменение отношения, легко можно будет объяснить детской ревностью.

Хорошо придумано, да?

Впрочем, «хоромы» Вождя народов оказались настоль скромны, что я и один бы не заблудился. Из спальни вышли с задумавшейся Валентиной в зал с большим столом, затем через прихожую в столовую, где находился обеденный стол на восемь персон. Всё чисто, аккуратно, но...

Скромно до неприличия!

Блин, у меня — регионально олигарха и, то особнячок — как бы ни на порядок был больше и не в пример богаче обставлен.

***

За обеденным столом сидели все мои вчерашние собутыльники, плюс незваный на вечеринке гость — Лаврентий Павлович Берия. Судя по кругам под его глазами — у того в отличии от других, была бессонная ночь.

— Привет всей честной компании, — жизнерадостно поприветствовал я и, спросил, — чем опохмеляемся? ...О, «Боржоми»!

Мне давай рассказывать об завершении вчерашних приключений:

— Когда уезжали из «Арагви», Вы прихватили с собой ящик.

— Пытались рассчитаться пистолетом, но Вас не так поняли и...

Прерываю морщась как от очень кислого:

— На этом достаточно. Остальное давайте предоставим сочинять историкам.

Берия, понимающе сверкнув «стёклышками»:

— Огласки не будет, я взял с каждого посетителя подписку.

Отмахиваюсь:

— Да мне собственно по хер, я ведь не Сталин.

Налив себе стакан минералки из початой бутылки и, смакуя не торопясь осушив его, вопрошаю у Берии:

— Лаврентий Павлович! А Вас то, каким ветром занесло на нашу гулянку? Неужто заведующий тем заведением посмел на самого(!) Сталина стукануть?

Тот:

— Почему «стуканул»? Кабинет, где вы... Хм, гкхм... Так вэсело гуляли — находится на прослушке. Для специальных целей, панятно, да?

С замиранием сердца:

— Понятно, конечно. Ну, и...

Тот, понимая мою озабоченность, с лёгким кивком:

— Харашо, что я был в своём кабинете, когда дежурный сообщил что в нём сам(!) товарищ Сталин... Я всех выгнал и слушал вашу «исповедь», эээ...

— Иосиф Виссарионович.

Берия улыбнулся, хищно поблёскивая стёклышками пенсне:

— Понимаю почэму Вы не называете свои настоящие фамилию, имя и отчество.

Приложив ладонь к груди:

— Несмотря на то, что пишут про вашу личность наши продажные историки — всегда считал Вас умнейшим человеком, Лаврентий Павлович.

Тот с жестью в голосе:

— Если по-вашему я — «умнэйший человек», то почэму...?

Слова застряли у него в горле, поэтому я подсказал и сразу ответил:

— Почему Вы так плохо кончили? Потому что в политической борьбе чаще всего побеждает не умнейший — а подлейший. Вы — непревзойдённый технарь, Лаврентий Павлович. Возможно после Сталина, Вы — самый успешный менеджер двадцатого века... Но политика — не ваш конёк!

Наклонившись ко мне почти вплотную:

— Иосиф Виссарионович! Имэна тех — кто со мной так обошёлся, скажите?

— Конечно, нет.

Берия отчаянно нервничал и поэтому его акцент резал слух:

— Пачэму?

— Во-первых, я не уверен что назову истинных виновников: ведь историкам верить — себя не уважать... А вдруг всё было совсем иначе и пострадают невинные?

— А во-вторых?

— А во-вторых, потому что Вы сразу начнёте «дергаться» и станет ещё хуже. Занимайтесь чем занимались, а там куда кривая вывезет.

Тот, схватившись за голову:

— А куда она «вывезет»? Я похищал, насыловал и убивал школьниц...

— Да, да! А ещё Вы — агент разведки мусавитистов, британский шпион, заговорщик —

готовящий государственный переворот, свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры. Если что-то пропустил, Вы уж извините: специально вашей биографией не занимался.

Тот, покраснев свежесваренным раком:

— Я нэ панимаю. Я нэ боюсь смэрти: я к ней был готов в любой момэнт — ещё на подпольной работе... Если бы мэня просто расстрэляли... Но так меня ославить перед потомками... За что?

Пожав плечами:

— Не Вы первый — не Вы последний. Не так ли большевики ославили российский императоров? В будущем — довольно распространённая технология, применяемая не только к отдельным личностям — к целым народам и странам. Называется «демонизация».

Берия, уже аж рычит, аж Власик напрягся:

— Скажи мнэ, кто?!

— Мы перешли на «ты»...?

Успокаивающим тоном:

— ...Лаврентий, не кипишуй! Виноваты не отдельные личности — виновата СИСТЕМА!!! Одних уберёшь — на смену им придут другие, возможно ещё более худшие. А всю систему переформатировать — у нас с тобой кишка тонка.

Внезапно в подсознании всплыло без спросу:

«Из протокола допроса главы службы охраны Берии Рафаэля Саркисова:

"По поручению Берии я занимался сводничеством — подыскивал для него девушек и женщин, с которыми он сожительствовал. Таких женщин у Берии было очень много, и я вёл специальный список, где указывал фамилии женщин, их номера телефонов и другие сведения. Кроме меня сводничеством занимался и мой заместитель Надарая. Он, так же как и я, по поручению Берии подыскивал для него женщин и имел список"...».

— Хотя... Кое-что я могу для тебя сделать: убери из своего «ближнего круга» всех лиц кавказского происхождения — это они дали на тебя такие дикие показания. Грамотно и постепенно, конечно... Но обязательно убери.

Здесь две девушки-подавальщицы принесли обед и волей-неволей пришлось замолчать. Берия не ел, он глубоко задумался и довольно-таки долго — его не было слышно.

***

Обед на сталинской даче тоже не претендовал на особенный изыск, хотя был приготовлен безукоризненно и просто таял во рту: русский борщ, гречневая каша с маслом, отварное мясо, птица, свежие овощи и зелень.

Власик и Косынкин в присутствии грозного Наркома НКВД, видать, не решались выступить с инициативой и во время обеда, её взял на себя профессор Виноградов:

— Иосиф Виссарионович!

— Я Вас внимательно слушаю, Владимир Никитич...

— Вы рассказывали нам об поистине катастрофическом результате предстоящей войны с Германией...

— Было дело, помню. Её ещё Великой Отечественной Войной назовут — по аналогии войны с Наполеоном 1812-го года... Что Вы ещё хотели бы узнать?

В этот момент зазвонил телефон.

Поднявший трубку Поскребышев, прикрыв микрофон ладонью, смотри на меня::

— Звонит товарищ Молотов...

— Передайте ему, что заявление об увольнении по достижению пенсионного возраста, я передам через Вас завтра и положите трубку.

Все сидят переглядываются, даже Берия, а я и вида не подав:

— Так что Вас интересует, профессор?

Тот поочередно глянув на ушедшего в себя Берию, Власика и Косынкина:

— А если бы результат этой войны был бы иным — более благоприятным для нашего государства и народа, произошли бы те события — приведшие к столь беспрецедентному фиаско в начале 90-х годов?

Это была моя любимая тема, поэтому я «завёлся» сразу:

— О, по этому поводу в постсоветской России даже новый жанр ненаучной фантастики появился! «Альтернативная история» называется...

Подумав, подумав, почесав небритый сталинский подбородок, продолжаю:

— ...Конечно, страна была бы несколько другой — ведь нанесен был огромный материальный урон, погибли самые лучшие люди. А вот какой именно «другой» — лучшей или худшей, чем «реальный» СССР — угадать невозможно.

Виноградов удивляется:

— Разве может быть хуже?

— Да, запросто! Вот представьте себе, Док: Российская Империя победила бы Японик в 1905-м году... Что произошло бы?

— Не знаю.

— Наши бы политики и генералы, распетушив хвост — решили бы присоединить к Империи Маньчжурию, Корею и возможно ещё что-нибудь... И получили бы войну с объединённой коалицией ведущих мировых держав. Пример понятен?

— Вполне...

Этот ушел в себя вслед за Берией, а вместо него Поскребышев:

— Так всё-таки возможно сделать исход этой войны — более благоприятным для нашего государства и народа? Спасти хотя бы миллион жизней советских людей...?

Начинаю раздражаться и снова обратясь к Виноградову, ибо Поскребышев убежал к зазвонившему телефону:

— Миллион, пять или даже десять миллионов... Вот Вы же врач, Владимир Никитич «Попали» Вы положим в Средневековье и получив неограниченную власть в виде «рояля», спасли население большого города от эпидемии... Представляете такую ситуацию?

— Легко! Достаточно лишь самых элементарных методов гигиены.

— Без болезней, народ плодится и размножается подобно стадам австралийских кроликов... И вдруг начинает вымирать от голода, ибо тогдашняя технология сельского хозяйства не позволяет прокормить столько народа.

Тот, печально кивнул:

— Да... В сельском хозяйстве я не особо силён.

Продолжаю открытым текстом:

— Если начало и течение Великой Отечественной Войны будет более благоприятным для СССР, его высшее политическое руководство захочет присоединить к

социалистическому лагерю не только Польшу, Венгрию, Чехословакию и ГДР, а как минимум — целиком всю Германию, Австрию и страны Бенилюкса и Балкан... И война которая называлась «Холодная» — станет в новой реальности горячей. И стало быть все «сэкономленные» жизни — кошке под хвост...

Увидев произведённое впечатление, грузу дальше:

— ...И даже не будь войны, это сколько дополнительных нахлебников на шею? Которые не просто будут сидеть на нашей школе, но и бунтовать-восставать по каждому поводу и без онного. И в итоге сё кончится тем же самым: как только Россия исчерпает свои ресурсы, распадётся сперва Соцлагерь, затем — СССР.

Поскребышев, с трубкой у уха:

— Звонит товарищ Воскресенский... Что ему сказать?

— Скажите ему, чтоб больше сюда не звонил.

Помолчав, я решил поставить жирную точку на этой теме:

— В любом случае товарищ Сталин не вечен. А после его кончины начнётся дикая борьба за власть и по определению — победит в ней не самый умный и достойный, а самый подлый...

Посмотрев в глаза Берии:

— ...А самый подлый и вероломный, способный называя другом — воткнуть нож в спину.

Тот прищурившись:

— Хрущёв?

Стараясь нейтральным голосом:

— Возможно и он. А возможно и Вы, Лаврентий Павлович... Ведь власть порти человека и невозможно предугадать заранее — каким он будет после двенадцати лет пребывания в этой коdle.

Виноградов растерянно:

— Так неужели ничего сделать нельзя?

— Почему, нельзя? Можно как я и предлагал ранее — залечь на дно и постараться выжить самому и помочь выжить своим самым близким. Разве этого мало?

Обратясь к Берии:

— Вам, Лаврентий, я бы настоятельно порекомендовал уйти с этой козлячьей должности и устроиться директором какого-нибудь большого промышленного предприятия, желательно оборонного ...

Мечтательно:

— ...Я бы Вам изредка подкидывал «заклёпки», а Вы бы их дружно «пилили» с коллективом. И отвечаю за свои слова: не миллионы — но сотни тысяч жизней таким образом, мы бы с вами спасли.

Косынкин, впервые подав голос, который оказался на удивление твёрдым и решительным:

— Ваше так называемое «попадание» — это не просто так, не какая-то случайность — а промысел Всевышнего — с какой-то вполне определённой целью. И Вы обязаны её выполнить!

Категорически:

— Я не получил никаких инструкций от Всевышнего, поэтому не считаю себя обязанным.

— А тайны знаки Вам были?

— Что именно?

Неуверенно:

— Ну, не знаю... Сон какой-нибудь, например.

Вздыхнув об утраченном давным-давно в далёком будущем детстве:

— Был сегодня ночью сон. Я в пионерском лагере, пою песни, жру печённую картошку и щипу за сиськи девочку... Это «знак» и к чему он?

Тот не успел ответить, ибо вновь зазвонил телефон.

— Вас. Иосиф Виссарионович... Товарищ Каганович.

Беру из его трубку и рычу в неё:

— В Москве, что? Уж и позвонить больше некому кроме товарища Сталина? Не звони сюда больше!

Тут же кладу её на рычаги.

«Да как же он отключается?».

Подняв аппарат нахожу небольшой рычажок и выключаю звонок.

И в этом месте подал голос Берия:

— Я нэ собирался становиться ни партийным функционером, ни тэм более — Наркомом НКВД. У мэня имэются дипломы техника и строителя-архитектора и, мэня вполне бы устраивала работа на промышленном предприятии...

С грустью разведя руками:

— ...Но партия приказала и я стал тем — кэм я сэйчас есть. И нэ в моих возможностях быть тем, кэм я хочу.

Наконец, пригрозив мне пальцем и даже с оттенком злорадства:

— И Вам, Иосиф Виссарионович, не удастся уйти на заслуженный отдых. Сейчас они просто звонят, а потом приедут. И Вам придётся согласиться на их условия, иначе...

Перебив:

— ...Иначе, мне не придётся ждать целых двенадцать лет?

Кивает:

— Скорее всего, это будет так.

— Да пофиг! Не забывают: я один раз уже умер.

Берия, отсвечивая «стёклышками»:

— Скорее всего, Вас после смерти ославят — как меня в вашем будущем.

Отмахиваясь, как от докучливой мошки:

— Сталина — так и так ославят, не многим хуже — чем Вас, Лаврентий Павлович. А я так ваше — не Сталин, не забывают.

Вдруг Власик посмотрел мне в глаза:

— А как же мы, Иосиф Виссарионович? Ведь если Вас очернят уже мёртвым во всех смертных грехах, то нас сделают вашими сообщниками, и...

Поскрёбывшись поёжившись как от холода, продолжил его мысль:

— Даже страшно представить, что с нами будет...

Виноградов, с укоризной:

— Мне пока — ни в тюрьму, ни на тот свет не хочется. Я в отличии от Вас, Иосиф Виссарионович — ещё и одной то, жизни не прожил.

Косынкин, с какой-то жалостью на меня глядя — как Богородица со старинной иконы:

— Вы нас бросаете, Иосиф Виссарионович? Грех это и обязательно аукнется Вам после следующей кончины...

И тут Берия, зловеще ухмыляясь, нанёс удар «ниже пояса»:

— А что подумает Валентина Васильевна, когда узнает что Вы разъезжая на своём «Паккарде» по Москве, похищаете, насилуете и затем убиваете малолетних школьниц?

И здесь меня огнём прожгло от самых пяток до затылка:

«А ведь я ей «руку и сердце» предложил, а стало быть — защиту и покровительство обещал!».

Надо что-то делать...

Что делать?

А Берия змеем подколодным заглядывая через зловеще поблескивающее пенсне:

— Ты что-то говорил про «систему», Иосиф Виссарионович»...

Подняв руку, грозно прикрикнул:

— Тихо! Чапай думать будет...

***

Вовсе не претендуя на истину в последней инстанции, скажу одну вещь — а там каждый пусть для себя сам решает, прав я или не прав.

Ещё со школы слышал про зловещий гитлеровский план «Ост», ужасался вместе со всем советским народом, но воочию увидел и прочитал смог...

...Лишь когда в 2009 году, когда он был рассекречен.

Оставим за скобками вопрос, почему наши официальные историки — столь долго держали его в секрете от советского народа, для которого он предназначался.

Действительно:

ПОЧЕМУ???

Ответа нет и поэтому просто сделаем себе зарубочку на память: все профессиональные историки — тупые по определению или лукавые (а скорее всего — и то и, другое) и слабо соображают в том предмете, с которого кормятся или же преднамеренно врут.

Верить историкам нельзя!

Итак, читаем план «Ост»:

«Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодовитость нежелательна... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста. Каждый образованный человек — это наш будущий враг. Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим народом с железной решимостью... Говоря по-военному, мы должны убивать от трех до четырёх миллионов русских в год», — из директивы А. Гитлера А. Розенбергу о введении в действие Генерального плана «Ост» (23 июля 1942 г.):

Прочитав сие, я к собственному удивлению поймал себя на том, что меня это ничуть не ужаснуло.

Почему?

Чуть позже понял: прямо перед этим, мне довелось читать про реалии дореволюционной России...

Да у нас, все 300 лет романовского правления — действовал план «Ост»!

Действительно, разбираем по пунктам:

«Славяне должны работать на нас».

«На них» славяне работали давно — ещё задолго до рождения даже прадедушки бесноватого Адика.

Доказательства?

Сколько вашей душе угодно!

Как раз на балу Император Николай Первый спросил своего гостя французского маркиза Де Кюстина (известного русофоба, кстати):

— Вот, посмотрите вокруг. Кто все эти люди по национальности?

— Как, Ваше Величество? Русские!

— А вот и нет! Это — молдаванин. Там стоит поляк. Это — грузин. Это — армянин. Это — немец, барон. А там стоят еврей с малороссом...

— Ваше Величество, а где же русские?

— А вот все вместе они — русские!».

Самодержец всероссийский, это тот — который говоря словами Пушкина: «С ног до головы — детина, с головы до ног — скотина», изрядно лукавил...

Если посмотреть на стоящих поблизости представителей знати и простонародья любой страны мира 19-го века (кроме колониальных стран, конечно) — то сразу видно: они принадлежат к одной нации.

Да!

У первых и, прикид понарядней и побогаче и, «маней» в карманах погуще и образование полученное в Гарвардах от профессора — а не от кюре в сельской школе при костёле.

Но всё же — это единый народ, что видно невооружённым взглядом.

Если же посторонний человек сравнит русского помещика с...

Да, даже не с крестьянином!

...С русским купцом, то он сразу скажет: это представители разных народов или даже разных цивилизаций. Совершенно разная одежда, вера, обычаи, привычки... А если рот разом откроют...

Даже речь зачастую не похожа!

Нашу знать воспитывали французские гувернантки и гувернёры и, говорить свои первые слова — «мама», папа» — они начинали на иноземной мове. Лишь в уже зрелые годы — общаясь с челядью и солдатами из числа туземцев, юные оккупанты учились «великому и могучему» — русскому языку то бишь.

«Прививки и охрана здоровья для них излишни».

Каждый второй русский младенец умирал не прожив и года, а его родители редко доживали даже до пятидесяти лет — уже к сорока годам становясь дряхлыми стариками.

До «эталонного» 1913-го года, в России только от оспы ежегодно умирало от тридцати пяти до ста тысяч человек... А ведь вакцинация от этой страшной болезни — была известна ещё со времён Екатерины Великой!

Что это, если не преднамеренный геноцид населения оккупированной страны по плану «Ост»?

«Достаточно, если они будут уметь считать до ста. Каждый образованный человек — это наш будущий враг».

В соответствии с этим, оккупационной романовской администрацией, в течении трёхсот лет принимались «Законы о кухаркиных детях» — лишаящие возможности учиться грамоте представителям истинно русских широких народных слоёв.

И после этого, у отдельных представителей оккупантов находилось достаточно наглости — чтобы обвинять русский народ в природной лени, нелюбопытстве к наукам и мракобесии...

СВОЛОЧИ!!!

У меня создаётся такое впечатление, что сочиняя свой «Генеральный план “Ост”» — немцы тупо скоопирайтили его у представителей бывшей романовской правящей элиты, находящихся у них в эмиграции. Ведь именно Берлин — был столицей русской белой эмиграции, а вовсе не Париж.

***

Я к чему это?

Большевиков можно сколько угодно проклинать, сваливая груды мусора на могилы их вождей и обильно поливая их помоями. Да, они вовсе не были идеальными людьми, чрезмерно и до фанатизма увлекались мёртворождёнными экономическими идеями и наворочали много чего лишнего, без которого вполне можно было обойтись...

Но факт остаётся фактом!

Они сделали главное: воспользовавшись благоприятным моментом, большевики свергли трёхсотлетнее чужеземное иго и отстояли свободу и независимость России в ходе жестокой и кровопролитной Национал-освободительной войны.

«С ума спрыгнул, — скажите, — это ж была Гражданская война!».

Чтоб отстоять свою точку зрения, рассмотрим повнимательнее с кем воевала Красная Армия в 1918–1921 году — если пренебречь достаточно редким и эпизодическим вмешательством в эту войну всевозможных «двунадцати языков», конечно.

Учитывая то, что Украина стала не только независимой от России — но ещё и самой небратской из всех постсоветских государств образовавшихся на месте СССР, кровопролитную Гражданскую войну 1918–1920 годов — можно смело назвать «Русско-украинской». Ибо почти каждый второй белогвардеец был с Юго-Запада и, чем выше по иерархии — тем их процент становится больше.

Адмирал Колчак — из помещиков Херсонской губернии.

Генерал Врангель — ведущий свой род от дома Тольсбург-Эллистфер, чьи родовые

гнезда находились на Украине.

Генерал Юденич — из малороссийских дворян Минской губернии.

Командующий в Гражданскую белым Северным фронтом генерал Миллер — родом из Витебской губернии.

Генерал Шкуро — потомок запорожских казаков.

Генерал Гурко — из дворян Могилёвской губернии.

Генерал Лукомский — из полтавских помещиков, также как и генерал Дроздовский.

Генерал Каппель происходит из дворянского рода Ковенской губернии...

И так далее и тому подобное.

Знамо дело, автора тут же ткнут носом: а как же Деникин?

Увы, там ещё хуже. Его мать в девичестве — Вржесинская, детство Антон Иванович провёл в Варшаве и по-польски стал говорить начал раньше, чем по-русски.

Свергнувшие Императора Николая II Генералы Алексеев и Рузский — женаты на полячках, что тоже весьма красноречиво.

Единственный, кто из этого ряда выбивается — генерал Лавр Корнилов, бывший родом из Казахстана...

Земля!

***

Впрочем, эта тема достойна своего отдельного рассмотрения, сегодня мы не про это...

Мы про большевиков!

Их можно в чём угодно и сколько угодно обвинять и, во многом они заслуживают самых оголтелых проклятий. Но одного у них не отнять: в 1937 году — когда было репрессировано «сто тысяч пятьсот миллионов» гениальных стратегов, талантливых конструкторов, выдающихся политических деятелей — имеющих огромные заслуги перед мировым революционным движением... И просто незаконных жертв тоталитарного режима...

В России от оспы не умер ни один человек!

Представляете?

Всего в XX веке от оспы умерло от 300 до 500 миллионов человек — больше чем в двух мировых войнах и всех локальных военных конфликтах, вместе взятых. Даже в 1967 году, в мире заразилось оспой пятнадцать миллионов, из них умерло два миллиона человек...

А в России с 1937 года — ни одного!

В том же «эталоне» 1937 году, в стране практически не осталось ни одного неграмотного, не умеющего хотя бы читать и писать человека.

Позже, успехи нашей страны в образовании заметили даже в Америке и их президент Кеннеди — перед тем как его вальнули, успел по этому поводу сказать:

«Россия победила нас в космосе от того, что её образование самое лучшее в мире. Отныне наша задача любой ценой сделать именно наше образование самым лучшим в мире, а в космосе уже в этом же десятилетии захватить в космосе лидерство, обогнать русских и высадить на Луну наших астронавтов, и вернуть их живыми обратно. Если не сделаем этого, однажды мы все будем говорить по-русски».

Признание врага самого дорогого стоит!

***

Теперь, после этой «прелюдии» переходим непосредственно «к телу».

Если у человека извилин в мозгу хотя бы ровно столько — сколько у обычного лесного ёбжика, то он должен хорошо понимать, что после трёхсотлетней оккупации и затем кровопролитнейшей национал-освободительной войны — когда небрат шёл на небрата, нормального государства получиться не может априори.

Если как вариант исключить распад России до уровня отдельных незалежно-самостийных губерний (и неизбежную при таком раскладе оккупацию каких-нибудь очередных «общечеловеков», конечно), альтернативой большевистской диктатуре левого интернационалистского толка — могла быть только фашистская диктатура правого националистического толка. А вместо Сталина — какой-нибудь генерал-атаман, даже типа не Антона Павловича Деникина — тот был излишне жидковат для этой должности, а Анненкова или Семенова.

Какая бы тогда страна у нас была, какие в ней порядки и какое к ней было бы отношение международной общественности?

То, что в России — Холокост бы начался на двадцать лет прежде, чем в Германии — это даже к бабке не ходи. Возможно, это и понравилось бы Генри Форду — имеющего репутацию махрового антисемита, но и всего лишь. Но, платящие «за музыку» американские еврей-банкиры — сделали бы всё, чтобы демонизировать националистическую Россию похлеще нацистского Рейха... И, уж ни о какой помощи в индустриализации — даже за великие гроши, речь бы не шла от слова «ваще».

А кроме евреев, которых испокон веков на Руси били? Кому бы в таком случае, досталось бы «на орехи» больше всего?

Какому классу?

А если подумать...?

...Правильно: «добру нации»!

Почитайте про деяния этих борцов за «Единую и неделимую» и вы поймёте, что я прав[4].

***

Ну, да ладно...

Мы сегодня не создаём столь фэнтазийную альтернативочку (хотя и хочется), а обсуждаем деяния моего Реципиента — сиречь «реального» товарища Сталина.

Не мною с ним было сказано:

«Революции задумывают гении, осуществляют фанатики, а плодами их пользуются подонки»...

Ленин, замысливший Великую русскую революцию, умер вскоре после окончания Национал-освободительной (Гражданской) войны. Вслед за этим, без всякого сомнения — гением, ушли в мир иной другие, под стать ему умники — Красин, Богданов, Дзержинский... И на политическом пространстве остались политики второй и главным образом третьей категории — фанатики и подонки.

Как хоронили Кыргыз-Хана знаете-помните?

Сперва монголо-болгары истребили тех, кто копал ему могилу и потом её закапывал... Потом тех, кто истреблял гробокопателей... Затем тех, кто истреблял истребителей

гробокопателей... Затем...

Короче хоронили Киргыз-Хана до тех пор — пока в Монголии народонаселения практически не осталось, после чего — болгаро-монгольскому игу пришёл кирдык. Так что это были самые разорительно-кровопролитные похороны в истории земной цивилизации — «книгу рекордов Гиннеса» в студию!

Точно так же должен был действовать и Сталин, создавая на постимперском пространстве нормальное государство.

Не знаю осознано или по наитию — инстинктивно, но Сталин сперва всё начал делать правильно: руками подонков типа Генриха Ягоды — он уничтожил фанатиков типа Троцкого, Зиновьева, Каменева и иже с ними. Последние, в любом случае были бесполезны для строителей нового государства — ибо в большинстве своём, умели только разрушать.

Правда, сделал он это несколько непоследовательно, часть из них оставив не только в живых — но и на руководящих постах — Ворошилова, Калинина...

Это для меня непонятно: возможно он испытывал к ним какие-то человеческие чувства, что крайне недопустимо для политика. Сунулся в политику — забудь про человечность...

Только политическая цель, только она и только любой ценой!

Затем, Сталин руками... Эээ... Руками тупых исполнителей, типа Николая Ежова приступил к уничтожению попутавших берега подонков — вроде Генриха Ягоды...

После этого, ему лишь оставалось привлекая технократов типа Лаврентия Берии — помножить на ноль тупых исполнителей и, всё было бы исключительно в шоколаде.

Конечно, всё очень схематично и условно, но это именно так и никак иначе.

И вот здесь Сталин позволил себе непростительную ошибку, ограничившись истреблением очень узкой категории тупых исполнителей.

Почему? Что это вдруг на него нашло?

К сожалению, сознание Реципиента — конкретно забаненно, прав Админа у меня нет и пароль доступа подобрать невозможно.

...Разве что к гипнозу прибегнуть? К модной ныне на Западе лоботомии?

Нет, не хочу!

Ибо больно будет не Сталину, а мне.

Поэтому видно, для меня останется навсегда загадкой, почему Сталин не убрал Маленкова, Кагановича, Молотова, Микояна, Жданова, Хрущёва, Вознесенского и прочих тупых исполнителей... И, за редким исключением, не назначил во власть следующий тип руководителей — управленцев-хозяйственников.

***

...???

А если подумать?

А может эта «загадка» проста, как некий — некогда очень популярный в народе пареный овощ?

Никто не задавался себе вопросом, почему Сталин до войны занимал лишь довольно скромно звучащую должность Генерального секретаря ЦК ВКП(б), формально не имея в руках никаких рычагов власти?

«Это было достаточно, — ответите вы, — Генсек правящей компартии и есть — наивысшая власть в СССР».

Вот, как?!

А почему тогда после начала войны, после того когда стало ясно что на фронте полный разгром — который с большой вероятностью может закончиться военным поражением и оккупацией страны... При которой, не будет места ни самому Сталину — ни партии им возглавляемой, он вдруг становится Председателем ГКО, Верховным Главнокомандующим и прочая, прочая, прочая...?

Зачем?

Он же и так всесильный!

И все его приказы, распоряжения и даже тайные желания, выполняются не токмо по мановению пальца — но и по угадываемой мысли...

Власти Генерального секретаря ему уже не хватало?

А как же он до войны обходился?!

Что-то не срастаются пазлы, согласитесь?

А может проще предположить, что до войны — Сталин не обладал диктаторскими полномочиями и, получил их лишь после того — когда армия была разгромлена и страна оказалась на крае пропасти?

Кто как, а другой отгадки этой загадки — я не нашёл, как ни старался.

***

Невероятно, да?

Сталин и вдруг — не диктатор.

Увы... Большинство людей не только не умеют — не хотят думать. Простой обыватель смотрит «снизу вверх» и напевает, как в школе учили:

«Всё могут короли,
Всё могут короли,
И судьбы всей земли,
Вершат они порой...».

Сдал «ЕГЭ» и вот уже образованный человек и, сам может поучать в комментариях:

— Автор учите историю, хотя бы в общих чертах.

Но «короля делает свита» и, Иосиф Виссарионович не является исключением из этого — древнего как сам мир правила. Как и любой монарх, диктатор, законно выбранный электоратом президент, или ещё какой государственный лидер — он мог «манипулировать своей «свитой», только играя на противоречиях между отдельными кланами... Но лишь до поры до времени:

До того, как они научатся меж собой договариваться о «сферах влияния» — минуя самую высокую «инстанцию», превратившись таким образом — в некий негласный коллегиальный орган власти... До того момента, пока они не перестанут нуждаться в «сильной руке».

И с этого времени, все вышеперечисленные товарищи «на троне» — просто «говорящие головы». Если конечно, не начнут быковать, качать права и не окажутся на свалке истории со свёрнутой шеей — как положим «бедный Павел», или его точно такой же незадачливый папаша — «Пётр№ 3».

Моё предположение, что таких «моментов» в эпоху Сталина было два.

Момент первый:

Сформировавшейся исторически советской номенклатуре, чтоб элементарно выжить и сохранить власть — требовался сильный лидер, способный их контролировать и понукать. Все предвоенные годы прошли в величайшем напряжении и, была построена «вторая экономика мира» и казалось бы — несокрушимая Красная Армия...

Наконец, вопреки со страхом ожидаемому в течении двадцати лет, капиталистические страны не объединились с целью уничтожения первого в истории государства и крестьян, а сцепились между собой в новой мировой войне.

Помня, что происходило в течении Первой мировой войны: полное истощение всех участвующих стран, возникновение в них революционных ситуаций, распад империй — можно было спрогнозировать точно такое же и на ближайшие годы.

Подобно мудрой китайской обезьяне, сморим на всё это с высокой горы и готовим мешки собирать «лут».

Элита успокоилась и решила, что пора ограничить власть Сталина.

Если подумать, прямым доказательством этой гипотезы служит отстранение ряда лиц, прежде всего в военном руководстве — Ворошилова и Шапошникова, а также — ничем другим не объяснимая волна репрессий в авиации (её мы разберём и расставим все точки над «i» позже). И появление новых лиц — Мерецкова, Тимошенко и Жукова, досель бывших практически ничем.

Мало того, летом 1940-го года, отстранён от руководства Красной Армии был и сам...

...СТАЛИН!!!

Главный военный совет РККА (ГВС РККА), приказом которого № 001 и была создан во время Советско-финской войны Ставка Главного Командования, являлся высшим коллегиальным органом руководства Красной Армии — имевшим своей задачей рассмотрение и решение основных вопросов организации и устройства, боевой и мобилизационной подготовки, вооружения и технического оснащения Красной Армии.

ГВС РККА к началу финской кампании состоял из девяти человек высших военных руководителей. Ставка ГВС всего из трёх: Ворошилов, Сталин, Шапошников...

Да, да — именно в таком порядке.

26 июля 1940 года были изданы приказы НКО СССР: № 0037 с объявлением новой структуры центрального аппарата Наркомата обороны СССР, № 0038 о реорганизации Генерального штаба Красной Армии, а также приказ № 0164 о составе Главного военного совета...

Так вот, в новом списке членов ГВС РККА, фамилии с инициалами — «Сталин И.В.» не оказалось[5]!

Другим доказательством, служит то, что в 1940-го году Сталин ни разу(!) не выступал публично. От XVIII съезда партии в 1939 году — где он выступил с программной речью с работе Центрального комитета, вплоть до 3 июля 1941-го — когда прозвучало его знаменитое обращение к советскому народу, от него не было слышно публичных речей... Если конечно, не считать таковым выступлением перед выпускниками военных академий 5 мая 1941-го года, которая никогда не публиковалась и не была известна общественности вплоть до самых перестроечных времён.

Моя теория внятно объясняет, почему на переговоры с Гитлером в ноябре 1940 года —

поехал не сам Сталин, а Молотов. Другие теории, других историков (особенно официальных) по этому поводу молчат — как глухонемые партизаны на допросе.

А ведь это были знаковые переговоры!

Заодно, эта теория объясняет почему 22 июня — с обращением к народу выступил Молотов, а не «Вождь и Учитель» лично.

***

Однако, продолжим.

Но оказалось, что самоуспокоились «тупые исполнители» рано!

22 июня 1941-го года, «ровно в четыре утра» — грянул гром и нашему «коллегиальному руководству» вновь потребовалась «сильная рука».

Но в этот раз, по-видимому, учтя прежний опыт — Сталин потребовал себе официальные «регалии». Возможно после того, как 29 июня, прямо в Наркомате обороны, в присутствии соратников — был послан Жуковым на...

...Да, да — именно туда!

Если верить Молотову и писателю Стаднюку, конечно.

Не помогло!

Военные годы — являлись лишь наивысшей, критической точки этого напряжения — когда на карту было поставлено всё. В конце 1944 года, стало понятно, что война выиграна, внешний враг — больше не являются смертельной угрозой, а внутренний — так и не появился.

Значит, что?

Момент второй:

Можно расслабиться и, наконец — начинать получать удовольствия от своего привилегированного положения. Сильный лидер номенклатуре уже не нужен — напротив, он может только помешать наслаждаться властью.

В это время, у Вождя как-то — «вдруг, откуда ни возьмись», появился новый «любимчик» — генерал армии Булганин. С этого момента, никто не мог обратиться к Сталину, минуя его. В этот момент — 23 ноября 1944 года, в день когда генерал Булганин стал решать — с кем Верховному можно видаться, а с кем нет — в стране совершился никем не замеченный государственный переворот, в результате которого Сталин навсегда потерял власть.

Не... Внешне всё оставалось по-старому!

«Цезарь был на месте, соратники рядом...».

Однако, военнначальники, министры, партийные и государственные деятели и, даже конструкторы — которых обычно обозначают общим словом: «сталинские выдвигенцы» — по одному и целыми группами, стали исчезать с кремлёвского политического небосклона.

Этим кстати, можно объяснить и отказ Верховного Главнокомандующего принимать Парад Победы, а вовсе не его неумением скакать на лошади.

По крайней мере, эта версия не хуже других.

После войны, Сталин часто болеет, он фактически отходит от дел — всё чаще и чаще уезжая в отпуск на Кавказ. Даже первый послевоенный парад войск на Красной площади,

посвященный 28-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, состоялся в отсутствие Сталина...

Невиданное прежде явление и досель никем не объяснимое!

Иногда Вождь отсутствовал в своём кабинете месяцами. Бывали периоды, когда его соратники собирались за время его отсутствия на совещания Политбюро по несколько десятков раз в месяц, решая видимо какие-то важные вопросы...

Иначе, зачем было собираться именно в сталинском кабинете?

Маловажные вопросы, обычно решаются по телефону.

И вот скажите мне: это разве похоже на единоличную диктатуру Сталина?

Брежнев, которого никто и никогда в диктаторских замашках никогда не обвинял — до своего самого последнего вдоха стоял на трибуне Мавзолея!

Оттуда его и вынесли вперёд ногами... Правда, потом ещё три месяца ждали, когда после «долгой и продолжительно-скоропостижной» кончины тело остынет и лишь тогда объявили убитому горем советскому народу.

Найдутся если захотеть и другие доказательства этой теории, просто это никому не нужно. И сталинистов и их антиподов с приставкой «анти» — вполне устраивает образ Сталина, как диктатора...

Для одних — доброго, для других — злого, но именно диктатора!

...По одному лишь свистку которого — происходит всё хорошее, или на оборот — случается абсолютно всё плохое на «одной шестой части суши».

***

Итак, что мы имеем на выходе?

В какой-то исторический момент вокруг Сталина каким-то образом сложилась-организовалась «кодла тупых исполнителей» — с редкими вкраплениями среди способных организаторов-хозяйственников, иначе бы наша история из просто трагической — стала бы фатально-трагической.

В свою очередь в этой «кодле», имелся свой так сказать — «неформальный лидер», обладающий политическим влиянием — немногим меньшим, чем сам Сталин.

Думаю, сперва им был «Сталинский ешак» и «таран революции» — Серго Орджоникидзе, возглавляющий могущественный Наркомат тяжёлой промышленности — по сути являющимся в тот период «государством в государстве».

Но жадность сгубила недоучившегося сельского фельдшера и, на его место пришёл Лазарь Каганович со своим кланом.

Ныне, как можно понять, «кодлу вождей» возглавляет Вячеслав Молотов, который верховодил аж до самого 1949-го года, пока его не «подрезал» Георгий Маленков.

Товарищ Молотов (в девичестве Скрябин) — очень интересная и загадочная историческая личность!

И в этом месте давайте вновь вернёмся к советско-германским переговорам ноября 1940-го года...

Перед переговорами «Железный нарком» заявил:

«Я выражаю позицию лично Сталина».

Однако, так ли это?

Гитлер тогда предложил Советскому Союзу поделить шкуру неубитого британского льва и совершить экспансию в Иран, Ирак, Афганистан и Индию, за собой оставляя всю Европу.

«Заманчивое» предложение, конечно...

Но ведь можно было и просто отказаться, да?

Мол, у самих земли столько — что тысячу лет можно осваивать и, всё равно работы будет непочатый край.

Так что ты, Адольф Алоизовович — как-нибудь уж без нас!

И что же Молотов?

Он предложил Гитлеру вывести немецкие войска из Финляндии и Румынии, а также «упрочить влияние» СССР на Балканах и в Турции.

Что это значило для Третьего Рейха?

Безоговорочную капитуляцию!

Ведь, из Финляндии промышленность Германии получала никель, кобальт, медь и лес. Рядом Швеция: железная руда, подшипники, высокоточные станки.

Из Румынии — нефть.

Из Турции черед Балканы — хром.

В условиях ведущейся британским флотом морской блокады, взять это стратегически важное сырьё было больше нигде.

И вот теперь повторю вопрос:

Разве это сталинская позиция?

Сталинская позиция была — как можно на дольше оттянуть вступление СССР в мировую войну. Ведь согласно «учению», советский лидер был до того перепуган возможностью войны — что запрещал войскам даже носить каски близ границы, чтоб не спровоцировать их видом Гитлера на агрессию...

А тут он вдруг посылает своего Наркома иностранных дел подёргать Фюрера германской нации за его ублюдочного вида усы.

Что-то не сходится, не находите?

И тут мы обратим свой пристальный взгляд на супругу Молотова — Полину Семёновну Жемчужину, в девичестве — Перл Соломоновна Карповская. Нет я не против, когда у советских наркомов — жёны еврейки...

Совсем не против!

Даже не против, если они занимают важные государственные должности: Народного комиссара рыбной промышленности СССР — как в данном случае, хотя это уже сильно смахивает на коррупционную схему.

Так у неё ещё и родственники за границей!

А это для простого советского человека (даже еврея по национальности), как минимум — это недопущение к важным государственным секретам, а максимум — статья.

Брат Жемчужиной — Перл Карповской, эмигрировал в Штаты и, изменив никкейм на Сэм Карп — стал президентом компании «Car Export and Import Corporation», через какую якобы оказывал услуги Советскому правительству...

Какие «услуги», с какими условиями?

История об этом умалчивает, так что догадайтесь сами.

До этих переговоров, план войны с СССР — был всего лишь смелым замыслом германских генштабистов на бумаге. 18 декабря 1940 года, Гитлер подписал «Директиву № 21» — давая зелёный свет плану «Барбаросса», тем самым воплощая этот план в металле и взрывчатке — которые 22 июня обрушатся на советский народ...

Так кто Вы, мистер Молотов?

И чью позицию выражаете?

Сталина...?

...Или быть может Черчилля — желающего столкнуть лбами двух диктаторов, ради спасения стагнирующей с ещё Первой мировой войны Британской империи?

Или бери выше — Рузвельта, уже замахнувшегося на послевоенный передел мира в стиле «Рах Americana»?

Если это так, то все «белые пятна» предвоенной, военной и послевоенной истории СССР — проявляются как фотоплёнка.

Не боеготовность РККА 22 июня?

Мировой закулисе не нужно было, чтоб

«Холодная война»?

Америке нужно было пугало «красной угрозы», чтоб держать за яйца перепуганного западноевропейского обывателя и доить его как корову.

И тут я вдруг твёрдо и окончательно решил изменить реальную историю на альтернативную:

«Да, какая разница?

Давить эту гниду надо!».

А историки пусть потом в «прекрасном далёко», думают-гадают — за что товариш Сталин загноцидил своего «Железного наркома».

***

«Очнувшись», я обвёл всех «посвящённых» внимательным взглядом, стараясь каждому заглянуть в глаза. И к вящей моей радости, они взора своего не отводили:

— Я говорю: всю «систему» реформатировать надо — иначе ничего не получится. «Заклёпками» здесь не отделаешься — до того всё запущенно!

Те, переглянувшись:

— Что Вы имеете в виду, Иосиф Виссарионович?

Терпеливо объясняю, переводя взгляд с одного на другого:

— Прежде всего — полная замена правящей верхушки СССР на молодых управленцев, которых в будущем назовут «сталинскими выдвиженцами»...

Увидев на лицах непонимание, уточняю:

— На таких, как ты — Лаврентий Павлович. Остальных в целях безопасности назову после операции...

Как назло ничего не приходило на ум, кроме:

— ...После «Операции «Ы»».

Народ опешил:

— ...??? Почему «Б!»?

Угораю не по-детски:

— А чтоб никто не догадался.

Переглядываются с озадаченным видом:

— Понятно...

Едва не заржав, как целый конезавод, продолжаю:

— Вторым делом — пересмотр роли коммунистической партии в управлении государством.

Берия, с хорошо заметным оттенком недовольства:

— А чем партия большевиков тебе не угодила, Иосиф Виссарионович?

— Объясняю на пальцах, Лаврентий Павлович: партия была нужна, чтоб захватить власть, создать новое государство и контролировать чиновников и специалистов — доставшихся от старого режима. Сейчас, когда первые две задачи решены, а на важнейших должностях стоят люди — выросшие и получившие образование уже при Советской Власти, зачем нужен партийный контроль? Коммунист бдительно следит за коммунистом — это ли не полнейший абсурд?!

Тот, прощупывая меня внимательным взглядом:

— А кто должен следить за коммунистом на государственной должности? Сейчас этим занимается товарищ Мехлис.

— Товарищу Мехлису мы найдём другое занятие. А Государственный контроль, я настаиваю надо вообще сделать из беспартийных...

Оборачиваюсь к Виноградову:

— Владимир Никитич! Вы — член партии?

Тот, с таким выражением лица и интонацией, как будто говоря «да упаси Боже!», ответил:

— Не имею такой чести.

— Хотите возглавить Государственный контроль при новом правительстве СССР, чтоб контролировать чиновников-коммунистов?

Отмахиваясь, как от стада мух це-це:

— Нет, нет, нет... Я врач и им и останусь...

Наведя на него палец, как ствол пистолета:

— Вот все вы — интеллигенты такие! Критиковать власть — критикуете, а как предложите вам войти во власть — чтоб устранить «отдельные недостатки», так сразу в кусты.

В лютой растерянности:

— Не знаю, смогу ли я...

Весело, не забыв подмигнуть Берии:

— Не можешь — научим, не хочешь — заставим! Правда, Лаврентий Павлович?

Глава НКВД, успокаивающе:

— Ничего страшного, Владимир Никитич: я тоже не наркомом родился. Главное — найти способных помощников и это я Вам организую.

Тот отчаянно, как в полымя бросаясь:

— Хорошо, я согласен.

Задумчиво-мечтательно, продолжаю:

— Точно также я хотел бы видеть беспартийными прокуратуру, судебную систему и... Но пока ограничимся Государственным контролем за правительственным аппаратом.

Берия, наклонив голову:

— Какова же будет роль партии после «Операции «Б!»?»?

— Такой, какова была роль Священного синода при Самодержавии — идеология.

Тот, на некоторое время зависнув, всё же согласно кивнул:

— Достаточно важное общественно-политическое значение.

Вижу, что в душе всё же сомневается, поэтому:

— Именно это хотел сделать Сталин на XIX съезде, состоявшемся осенью 1952-го года... После этого, его и Вас... Ну, сами уже знаете.

Есть такая версия — которую называют «последней битвой Вождя». Верна она или нет — я не знаю, но постарался принять уверенный вид.

Берия долго смотрел мне в глаза, даже пенсне на минуту снял, затем:

— Хорошо, пусть будет так.

Заканчивая на эту тему:

— Партия образовалась как организация агитаторов и пропагандистов и она должна вернуться в своё амплуа, а не быть трамплином для карьеристов — дискредитируя таким образом саму идею коммунизма, как справедливо устроенное общество.

Спрашиваю других участников заговора:

— Кто-то считает иначе, чем мы с товарищем Берией?

Власик с Косынкиным дружно подняли руки:

— Мы «за»!

Когда вслед за ними «проголосовали» Поскрёбышев и Виноградов, я азарте потирая руки:

— Тогда надо действовать и действовать предельно быстро, решительно и жёстко — пока они не поняли про «подмену». Когда поймут, что я не Сталин — что-либо предпринимать — уже будет поздно.

Обращаюсь к Власику и Косынкину:

— Кстати, хотелось бы узнать об силах, которыми мы располагаем. Только предельно кратко и по существу: мы не в Генштабе во время командно-штабных учений.

Как уже кажется говорил, занимая должность руководителя 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР Николай Власик сумел за считанные годы сумел выстроить практически идеальную структуру службы безопасности Сталина.

— В нашем распоряжении четыреста пятьдесят два хорошо подготовленных и вооружённых бойца...

Как узнал из дальнейшего несколько — несмотря на предупреждение пространного рассказа, люди в охрану подбирались после строжайшего кастинга — один к одному. После чего они проходили специальную подготовку в специально созданном в Ногинском районе учебный центре и загородном военном лагере. Вооружены бойцы 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР буквально до зубов: ножи, пистолеты, автоматы «Томсона», снайперские винтовки, ручные и станковые пулемёты и, даже пушечные бронев автомобили.

— ...Все они лично преданны товарищу Сталину и, сделают всё — что я им прикажу от вашего имени.

Перевожу взгляд на Берию:

— Чем ты похващаешься, Лаврентий Павлович?

— Войсками НКВД. В первую очередь находящейся в Москве «Отдельной мотострелковой дивизией особого назначения (ОМСДОН) имени Ф. Э. Дзержинского»: три мотострелковых полка, один кавалерийский, танковый батальон, артиллерийский батальон, рота специального назначения и другие подразделения.

— Кто командует дивизией? На него можно рассчитывать в «форс-мажорных» обстоятельствах?

— Командир — мой человек: генерал-лейтенант Павел Артемьевич Артемьев, которого я уже выдвинул на повышение — начальника Управления оперативных войск НКВД СССР.

— Комендатура Кремля?

Успокаивающе кивает:

— Начальник управления комендатуры Кремля (УУКК) генерал Спиридонов — также мой ставленник. Единственно кто нам может помешать — это армия.

— Уверен, мы сможем обойтись без уличных боёв — если будем действовать внезапно и вероломно. Наша армия в таких ситуациях впадает в ступор. Вот какие у меня на этот счёт соображения...

Рассказал им свой, состряпанный буквально «на коленке» план переворота, и:

— А теперь — дебаты. Только кратко и по существу — мы не в Государственной думе.

Первым, слегка «ухи поевший» Виноградов:

— Не слишком ли радикально, товарищи?

Однако, другие заговорщики, едва не хором:

— Ничуть, когда стоит вопрос о жизнях десятков миллионов и о судьбе Советского государства!

Тот, поспешно кивая головой:

— В конце концов, это ваши же коммунисты и вам видней — как с ними поступить.

После примерно часового обсуждения, был выработан приблизительный план действий, главный расчёт которого — на внезапность и вероломство, прямо таки в стиле эпохи:

— Главное — «концов» не оставлять: рубить их — так уж рубить! Срок — десять дней: через это время у нас с вами должно быть совершенно другая страна, с совершенно другой правящей элитой и с совершенно другими идеологическим установками.

Закончив, устало:

— Теперь давайте расходиться и так уже засиделись — не заподозрили бы...

К Поскребышеву:

— Александр Николаевич! Остаётесь на моей даче на неопределённый срок: мне нужна ваша феноменальная память и умение составлять официальные документы.

Профессор Виноградов несколько выждав, недоумённо:

— А как же я?

На этом месте, предварительно постучав, в дверь столовой заглядывает Истомина:

— Товарищи уже покушали? Разрешите убирать посуду и принести чай и десерт?

— Погоди с чаем, Валя...

Я встал из-за стола, взял её за руку и подведя к гостям:

— Вам же, Владимир Никитич, я предлагаю стать свидетелем при моём бракосочетании с Валентиной Васильевной... Да, да! Сегодня утром я сделал ей

предложение — от которого, я думаю...

Та, разцвев как миллион алых роз, еле слышно:

— Я согласна, Иосиф Виссарионович.

Мои заговорщики тут же:

— Поздравляю!

— Совет, да любовь!

— Когда свадьба?

— Горько!

Приняв поздравления и поцеловав в губки суженную:

— Ну а теперь вели нести нам с товарищами чай.

***

За чаем я без обиняков заявил Берии:

— Делить шкуру не убитого медведя — плохая примета, но всё же скажу: НКВД я собираюсь «раскассировать», а тебя Лаврентий Павлович назначить Первым заместителем как Председателя Государственного Комитета Оборона (ГКО)... Займёшься вплотную военной промышленностью, особенно авиапромом — а то у нас там бардак, не хуже чем в Гоморре с Содомом: не хватает только легализовать однополые браки. Что скажешь на это?

Тот, пожав плечами:

— Скажу, что готов трудиться на любой должности.

Размешивая сахар в стакане ложечкой:

— Ещё вот, что... Человек ты амбициозный и, когда всё утрясётся-устаканится — обязательно захочешь стать «главным сусликом» в этом поле и даже попытаешься «подсидеть» товарища Сталина.

Берия вскинулся-встрепенулся и попытался было открыть рот... Но тут же его закрыл, спрятав глаза, а я продолжил:

— Сказать по правде: «обнуляться» я не собираюсь, чтоб не выглядеть в связи с неизбежным старческим маразмом — полным долбо... Долболюбом в глазах электората и, после войны — собираюсь по-настоящему свинтить на пенсию. Так что в добрый путь!

Изрядно помолчав, продолжаю глядя Берии в очи:

— Но есть одна загвоздка... Товарища Сталина — не только боятся, но и любят — такой уж он человек. Тебя же Лаврентий Павлович, можно только бояться — такой уж ты тоже человек.

Народ, аж рты разинул, а грозный нарком начал стремительно оху...евать.

Сделав несколько обжигающих глотков, рассудительно:

— Дело конечно твоё, как после меня «рулить» страной... Но я бы на твоём месте постарался быть кардиналом Ришелье при Людовике и править его именем. Для этого, тебе надо подружиться с какой-нибудь популярной (но политически простоватой) в народе личностью и потихоньку продвигать его вверх. Он — «законно-избранный», ты — типа, как самый обычный управленец — хотя и самый высокопоставленный. Ему на тебя все жалуются, он тебя при всех «дрючит»... Но понарошку.

Указательный палец вверх:

— И «пиплу» приятно и дело делается!

Поймав его взгляд:

— Ежели не последуешь моему совету, Лаврентий, не удивляйся и не пеняй мне —

когда тебя потащат в расстрельный подвал...

Тот, поёрзав на стуле:

— Да где ж такого взять?

— «Такого» можно самому вырастить. Например из лётчика.

Поскрёбывшись, встряв в разговор:

— Кстати, Иосиф Виссарионович: к тебе на приём как раз один лётчик просится.

Голованов...

Я, радостно:

— Александр Евгеньевич? На ловца и зверь бежит!

— Вы знаете такого?

— Конечно, знаю.

К Берии:

— Из ваших — из чекистов. Затем перешёл в Гражданский флот, налетал миллионы километров, награждён двумя орденами...

Наморщив лоб:

— ...А вот зачем просился в начале 41-го на приём к Сталину — убей, не припомню[6].

Берия:

— Наверное, по каким-то авиационным вопросам.

Отмахиваясь в азарте:

— Но это уже не важно! Главное, по всем статьям он на роль «Людовика» подходит: внешне обаятелен, умён и главное — в политических амбициях замечен не был.

Тот, с крайней заинтересованностью:

— И что с ним было в «реальной» истории?

— Во время войны Голованов стал самым молодым маршалом... И в самом конце войны — самым первым «сталинским выдвиженцем» попавшим в опалу. Вслед за ним «посыпались» и остальные...

Спохватившись, что выдаю информацию — которая в случае «фиаско» может погубить людей, допиваю чай, и:

— Ладно, на сегодня хватит: остальные «портфели» распределим после «Операции «Ы»». Сейчас разбегаемся и «держим паузу».

*****

ОТ АВТОРА: ВОЗМОЖНО ТАК И БУДЕМ ПОКА РАБОТАТЬ — «ПАКЕТОМ» ДВЕ-ТРИ ГЛАВЫ В МЕСЯЦ.

В ТЕКСТЕ ВОЗМОЖНЫ ИЗМЕНЕНИЯ, НАПРИМЕР Я ТАК И НЕ РЕШИЛ К ПРИТКНУТЬ ПРОФЕССОРА ВИНОГРАДОВА — ВЕДЬ НАРКОМАТ ГОСКОНРОЛЯ ЯВНО НЕ ПОТЯНЕТ.

ПРИЯТНОГО ЧТЕНИЯ И ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ В КОНЦЕ ФЕВРАЛЯ, ДРУЗЬЯ!

[1] Музыка: Сергей Томин

Слова: Евгений Долматовский

[2] «Ах, картошка, объединенье-денье-денье-денье-денье

Пионеров идеал-ал-ал!

Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья,

Кто картошки не едал-дал-дал!».

[3] <https://foto-history.livejournal.com/15589623.html>

[4] Рекомендую: Грондейс Лодевейк «Война в России и Сибири».

[5] Кто интересуется, может прочитать здесь: Н. Тархова — «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/345581-n-tarhova-zimnyaya-voyna-rabota-nad-oshibkami-aprel-may-1940-g.html>

[6] Голованов А.Е. написал служебную записку на имя Сталина, в которой обосновал "необходимость иметь такую авиацию, которая могла бы работать независимо от метеорологических условий". В итоге, в феврале 1941 был сформирован новый дальнебомбардировочный полк. В него набирали опытных летчиков из гражданской авиации, владеющих опытом слепого полета по приборам. Голованов был призван в Красную Армию и назначен командиром полка с присвоением звания подполковника.

Глава 4. Особенности рыбалки в зимний период

В. Молотов, со слов писателя И. Стаднюка о кризисе в Наркомате обороны СССР
29.06.1941 г.:

«Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на второй или на третий день. По-моему, с нами был еще Маленков. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню.

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

— Как держался?

— Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо».

Сталин И.В.:

«Мы хотим иметь государственный аппарат, как средство обслуживания народных масс, а некоторые люди этого госаппарата хотят превратить его в статью кормления. Вот почему аппарат в целом фальшивит».

«Пауза» длилась ровно три дня.

За это время я успел официально подать заявление об увольнении в связи с достижением пенсионного возраста... Поскрёбышев отвозивший заяву в Кремль, приехал оттуда «взъерошенной» — если можно так сказать про совершенно лысого человека и обрисовал ситуацию в двух словах:

— Тихая паника.

Успел сочетаться законным браком с Валентиной Истоминой, по моему настоянию оставившей прежнюю фамилию — мало ли что, чтоб потом документы вновь не переделывать... Правда, свадьбу отложили до более, не то чтобы до лучших — до более определённых времён.

Познакомиться с руководством Кунцево и особенно с участковым милиционером на участке которого расположена Ближняя дача... Успел по ночам хорошенько поработать с Поскрёбышевым и, с помощью Павла Васильевича (брата мой законной супруги), днём пристраститься к зимней рыбалке на речке Сетунь.

Рискуя испортить Реципиенту пищеварение, изучал советские газеты всё более и более убеждаясь в мысли: судя по количеству его фотографий и сравнительно с количеством фотографий «кодлы» его соратников, товарищ Сталин в данный момент — всего лишь портрет на стене, да лошадь которая тащит — не более того.

А вообще, советская пресса — это такая лютая хрень... Что руки так и чешутся срочно кого-нибудь срочно репрессировать, причём в особо извращённой форме.

За эти три дня пару раз ездил якобы по хозяйственным делам в Москву Власик, а так никто не тревожил...

Может, забыли про товарища Сталина?

Хотелось бы, сказать по правде...

Однако, не забыли ибо как и предполагал — Молотов звонил профессору Виноградову и интересовался моим здоровьем...

Мол, что это с ним было?

Тот с моей подачи ответил, что на совещании в Генштабе у меня был микроинсульт: жизни не угрожает, на трудоспособность или на мыслительную деятельность не влияет — но иногда товарищ Сталин может «гнать».

Судя по ответной реакции, такая «легенда» полностью удовлетворила «Железного наркома».

***

Той зимой холода стояли жутчайшие, поэтому чтоб товарищу Сталину можно было рыбачить, не звеня на морозе «яйцами» — на льду заводи с обратным течением была установлена большая армейская палатка с освещением от автомобильного аккумулятора и с блиндажной печкой-буржуйкой. Благодаря этому внутри было так тепло, что можно было сидеть в трусах и сомбреро... Огонь поддерживал один из охранников — так называемый «прикреплённый» который заодно грелся, второй в это время бдительно нёс службу снаружи.

Кстати, «прикреплённых» у товарища Сталина оказалось всего три в вахте — еще один сидел на даче, охраняя имущество, да комендант. Я с ними практически сразу нашёл общий язык, ибо не только по менталитету — даже внешне они были один в один с моими «торпедами». Разве что те в строгих чёрных костюмах да при галстуке, а эти в шинелях.

Здесь главное что?

Главное в людях от которых зависит твоя жизнь — видеть людей, а не элемент мебелировки и они будут готовы вас грудью прикрыть от пули.

Несмотря на то, что Сетунь невелика, там водится и оттуда ловится довольно много разнообразной рыбы: щуки, окуни, караси, голавль, жерех, плотва и, даже изредка судак. Я ловил в отвес на небольшую блесёнку и мне иногда попадались (ВОТ ТАКИЕ!!!) окуни весом до восьмисот грамм.

Вру?

Да, чтоб я ещё раз сдох!

После обеда, сижу в палатке на низком стульчике и ужу. Окунь, бойко шедший с утра — как будто вымер, зато хорошо клевала на мормышку с наживкой из мотыля крупная плотва. Выловив очередную, я забросил её в корзинку и вытерев руки об полотенце, обратился к шуряку:

— Набулькай нам, Паша, по пятьдесят капель «Особой московской».

— Валька бухтеть не будет?

— Конечно, будет — жена ж мне она как-никак, а не просто хорошая знакомая...

Я потихоньку приучал организм Реципиента к национальному напитку и это у меня очень хорошо получалось.

— А ты, кстати, мог бы поговорить с сеструхой — чтоб не была такой вредной.

Тот, за словом в карман не полез:

— Глаза на месте были когда замуж её брал? Были... Вот и не жалуйся, Иосиф Виссарионович!

Мда... Остаётся лишь в очередной раз печально констатировать: хотя я парень — хоть куда и практически без изъянов, но женщины — моя ахиллесова елда... Хм, гкхм...

Пята!

— Ладно, хватит уже про грустное, давай уж употребим...

Не успел я и пригубить, как вдруг голоса снаружи.

Кричу:

— ...Кого там чёрт принёс?

— Товарищи из Политбюро.

У меня на мгновение остановилось сердце:

«Началось...».

Не глядя на шурыка, куда-то в пространство:

— По-моему, водки сегодня мало взяли...

Хотел было закосить под Александра Третьего:

— Когда Сталин ловит рыбу, Политбюро может и подождать!

Как вдруг откидывается полог и, здравствуйте вам — с согнутой выей входят товарищи Молотов, Жданов, Ворошилов, Микоян, Каганович, и...

Хрущёв!

Я так и замер с гранённым стаканом в руке:

— Что? Пенсию мне принесли?

Шурин как-то по-английски слинял, но греющийся у печки охранник остался, незаметно перекинув автомат «Томиганн[1]» в удобное для стрельбы с бедра положение.

Явление «делегации ходоков» меня не удивило. Со слов Берии переданных через Власика: после моего демарша в Генеральном штабе среди членов Политбюро разразился зачётнейший срач.

Давай было промеж себя выбирать себе главного — но каждый отнекивался, даже Молотов. Ведь, это означало взять на себя ответственность за делишки, которые ранее они прежде обделывали за спиной Вождя.

А эта категория руководителей, очень не любила ответственности!

Каждый кто руководил группой прямоходящих приматов количеством хотя бы более двух — считая и себя, знает разницу между «делай как нам приказали» и «делай как я сказал». Судя по некоторым источникам — точно такая же история была в 1953-м году после смерти Сталина. Тогда пока все менжевались, к власти пришёл опирающийся на генеральские «штыки» Хрущёв — который во время войны был членом военного совета многих фронтов и, успел за четыре года снюхаться с лампасниками типа Жукова и Конева.

Почему, так? Почему Политбюро ЦК ВКП(б) оказалось неспособно выбрать из своих рядов нового лидера?

Вспомним те человеческие качества, которые отмечали у Вождя даже его враги. Например, перебежчик Бармин А. Г[2]. в «Соколах Троцкого» так описывает свои первые впечатления:

«Я увидел Сталина как раз в тот момент, когда он выходил из Георгиевского зала, где проходил конгресс. На нем была серая военная шинель, сапоги и гимнастерка полувоенного покроя. Он уже спускался по лестнице, когда к нему подбежал какой-то мелкий служащий из аппарата Коминтерна и задал какой-то вопрос. Я сидел в нескольких шагах, курил и наблюдал за делегатами конгресса. Служащий Коминтерна был очень мал ростом и, как это

часто бывает у низкорослых людей, компенсировал этот недостаток чрезмерной активностью. Сталин и сам был невысок, но этот клерк доставал ему только до плеча. Сталин, возвышаясь над своим собеседником, спокойно слушал, иногда кивал или вставлял одно-два слова. Маленький человечек прыгал вокруг Сталина, дергал его за рукава, за лацканы и пуговицы и безостановочно говорил, что даже у меня стало вызывать раздражение. Но что привлекло мое внимание и заставило запомнить эту сцену, было удивительное терпение, с которым Сталин слушал своего собеседника. Я подумал, что он, должно быть, идеальный слушатель. Он уже собирался уходить, но вместо этого в течение почти часа спокойно слушал собеседника, был так нетороплив и внимателен, как будто у него был неограниченный запас времени и он мог без конца слушать этого маленького суетливого клерка. В его манере было что-то монументальное.

Первое впечатление навсегда осталось в моей памяти. Это было впечатление о человеке какой-то удивительной стабильности и уверенной силы. Терпение — довольно редкая черта у людей дела. Она редко сочетается с «капризностью», «нелояльностью», «грубостью» и опасной жаждой власти — как раз теми четырьмя чертами характера, которые Ленин отметил у Сталина в своем предсмертном письме к съезду партии, известном как его «завещание»...».

Никто из членов Политбюро — ни по отдельности, ни все разом — такой «удивительной стабильностью», «уверенной силой» и тем более «терпением» не обладали. Оставшись без Сталина они бы обязательно переругались и всё бы с итоге закончилось отстранением их от власти и сменой следующим — более молодым и рьяным поколением партаппаратчиков.

Не знаю чем бы всё кончилось ибо в отличии от «реального» июня месяца — никого вторжения и разгрома РККА не было... Но всё решила докладная записка Берии по плану «Барбаросса», из которой следовало, что немцы даже уже коменданта Минска назначили — запланировав взять его на пятый день войны... Что в принципе и произошло в «реальной истории».

Худо-бедно, но сомнения в профпригодности в советском генералитете я на том совещании у соратников посеял и они тихо запаниковали. «Громко», как в «реальном» 29 июня 1941 года — они запаниковать не могли, ибо ещё е было ни «внезапного и вероломного», ни разгрома РККА в Приграничном сражении, ни потери Минска — пр которую члены Политбюро ВКП(б) узнали не из доклада собственного Генштаба, а от лондонского радио.

Опять же — не знаю, чем бы кончилась эта история, если бы не Лаврентий Павлович... Это он предложил создать чрезвычайный, обладающий диктаторскими полномочиями орган — «Государственный комитет труда и обороны» (ГКТО) и назначить товарища Сталина его Председателем.

Мнения опять же разделились, но за это предложение высказались срочно прибывшие в Москву Жданов и...

Хрущёв!

...Но окончательного решения принято не было.

И вот они здесь.

С чем, интересно, пожаловали?

***

В палатке потолок довольно-таки низкий поэтому все они — даже низкорослый Кукурузник, были вынуждены стоять не только склонив голову — но и согнувшись в спине, что выглядело несколько символично. Первым, изумлённо таращась на стакан в моей руке, открыл рот Жданов:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

После него и другие поздоровались вразнобой.

— И вам не хворать, товарищи.

Довольно-таки легкомысленно одетый Микоян, тря уши и дую на ладони, буквально взмолился:

— Коба! Может в доме поговорим?

Недружелюбно глянув на него:

— Не хрен вам там делать! Ещё натопчите и Валентина Васильевна потом ругаться будет.

Повертев стакан в руке, я вылил водку в лунку, так объяснив свой странный поступок:

— Сейчас судак должен подойти: я его здесь уже три дня как спаиваю... Хм, гкхм... Прикармливаю.

Затем подняв голову:

— Что пришли то? Поздравить с законным браком?

Молотов:

— Ты был прав, Коба: фашистская Германия планирует вероломное нападение на Советский Союз. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. В предстоящей нам войне будет решается вопрос о жизни и смерти советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение...

Я лишь фыркнул и вытянув из воды снасть, пересадил свежего мотыля на крючок мормышки:

— Не понимаю, вы мне что — повестку из военкомата принесли? Так нет такого закона — пенсионеров в армию забирать! Вот когда примете его на Верховном Совете — тогда и приходите.

И опустив снасть в лунку, принялся «дрочить»: то бишь совершать колебательные движения кончиком коротенького удилица — привлекая таким образом внимание глупой рыбы к наживке.

— Предстоит очень жестокая война, а Красная Армия к ней не готова.

Посмотрев снизу вверх, протянул:

— Мда... Посмотрел бы великий Ленин — кому он судьбу страны доверил. Разумеется, среди вас есть и такие — которые не прочь переложить вину за неготовность Красной Армии на товарища Сталина?

Молотов поспешно:

— Виновные уже найдены и арестованы. Это — генералы Тимошенко, Мерецков, Жуков, Павлов...

«Отлично! Они сами себя лишили поддержки армии. Это ещё раз говорит о том, что это — всего лишь тупые исполнители, не способные без товарища Сталина даже «на горшок»

сходить, не обосравшись».

Вслух же:

— Это не может не радовать, конечно... Но про это я мог бы узнать из газет.

И продолжаю «дрочить».

— Генерал Мерецков уже дал признательные показания...

Перебиваю:

— Наверное, про то — как товарищ Сталин мешал ему укреплять обороноспособность РККА? И наверняка некоторые из вас (например — товарищ Хрущёв), ему в этом поверили! Чё ты там, кстати, за спины прячешься, Микитка?

То хотел было что-то вякнуть, но Молотов его горячо перебил:

— Если бы кто-то попытался направить меня против тебя, я послал бы этого дурака к чертовой матери... Мы просим тебя вернуться к делам, со своей стороны мы будем активно тебе помогать.

«Помощнички, мать вашу!».

Я молчу, держу паузу, а Ворошилов с трудом скрывая ликование:

— Политбюро вновь назначило меня на должность Наркома обороны.

Безразличным тоном:

— Поздравляю, Клим, с тебя «поляна».

После неловкого молчания, Молотов прокашлялся и несколько севшим голосом:

— В преддверии войны с фашисткой Германией, Политбюро ЦК ВКП(б) решил создать чрезвычайный орган — «Государственный комитет труда и обороны» и назначить его Председателем...

И тут у меня дёрнулся кивок из конского волоса на конце удилица, я как заору:

— КЛЮЁТ!!!

Подсекаю и после довольно-таки продолжительной борьбы, к вящему своему удивлению — вытаскиваю хорошего судачка, грамм на триста-четыреста.

Разглядываю его и диву даюсь:

«Ни, хрена себе... Не ужель и вправду на водку подошёл?».

Только Жданов молчит, разглядывая меня — как будто не узнавая, да Молотов... А остальные:

— Какой крупный улов!

— Килограмм, не меньше!

И громче всех гланды надрывал Хрущёв:

— Поздравляю с удачной рыбалкой, товарищ Сталин!

Делаю большие глаза, как будто при отправлении «большой нужны»:

— Тише, черти! Рыбалка тишину любит.

Освободив от крючка, отправляю судачка в лунку, с напутствием:

— Родителей приведи, малолетний алкаш.

Как, блин, в воду глядел: минут десять — сколько ни старался, ни одна рыбёшка больше к наживке даже не притронулась.

С нескрываемым раздражением глядя на соратников:

— Ну, вот — испортили мне рыбалку... С чем пришли, то? Оно того стоило?

Молотов повторяет:

— Политбюро ЦК ВКП(б) решило создать чрезвычайный орган — «Государственный комитет труда и обороны» и назначить тебя его Председателем...

И здесь полог палатки поднимается и с клубами морозного пара вваливается шурин Паша, держащий в руках ящик «Особой московской».

Слегка «ухи поев», спрашиваю:

— ...Что это?

— Водка.

— Зачем?

— Ты же сам сказал, что мало с собой водки взяли!

Поднимаясь со стульчика:

— Ну, что ж... Вижу разговор сегодня предстоит серьёзный, поэтому приглашаю к себе домой.

Перед тем как выйти:

— Кстати, водку все пьют? Кто не пьёт, того до серьёзного разговора не допущу...

Я был уже изрядно «навеселе», даже пошатывался, но это делалось специально: некоторые странности в моём поведении — «соратнички» сочтут за результат действия паров алкоголя.

Так сказать: «двойная легенда», учитывая ещё и мнимый микроинсульт.

Уже снаружи, Жданов удивлённо на меня посмотрев:

— А профессор Виноградов разрешает тебе употреблять водку? После...

Тяжко вздыхаю, как будто крест на Голгофу тащу:

— Заставляет! Ибо, после микроинсульта нужно разжижать кровь, а к аспирину у меня аллергия... Что встали, то?

***

У порога уперев руки в бока, нас встретила сама хозяйка:

— Во! Мало того, что сам поддатый, так ещё и собутыльников в дом тащит...

В очередной раз поражаюсь: куда деваются те милые создания после того, как мы на них женимся? И откуда вдруг появляются эти остервенелые гарпии?

Впрочем, я супруг многократный и многоопытный и к таким «метафразам» привык ещё в прошлой жизни. Поцеловав вторую половинку в щёчку, ласково — но в то же время твёрдо, говорю:

— Не ругайся, Солнышко, а то сегодня я буду ночевать на втором этаже в гостевой. Лучше сообрази нам с товарищами что-нибудь закусить.

Не скрывая ревностные нотки в голосе:

— Ты и так там ночуешь с этим лысым. И что ты в нём хорошего нашёл?

Члены Политбюро уставились на меня с каким-то нехорошим любопытством.

С пылающими ушами:

— С товарищем Поскрёбышевым мы не «ночуем», а оформляем сдачу дел. Даже при сдаче колхоза требуется какое-то время, а здесь... ГОСУДАРСТВО!!!

За столом собралось почти всё Политбюро, за исключением Калинина — видимо обидевшегося за «лохматые пилотки» балерин... В принципе, фиг с ним — со «всесоюзным старостой».

Сразу бросилось в глаза: среди всех аристократом выделялся Молотов — с иголки «как денди лондонский одет». Остальные, особенно Хрущёв — выглядели не в пример мешковато, а Микоян — так даже экзотично.

Когда пропустили «по первой» под наскоро приготовленный салат из квашенной капусты с бочковыми, да с свежим репчатым луком, я глядя на Молотова спросил:

— А что? На товарище Сталине свет клином сошёлся? Назначьте Председателем «ГКТО» Щербакова, если из вас никто не готов взять ответственность за судьбы страны.

Александр Сергеевич Щербаков — секретарь ЦК ВКП(б), кандидат в члены Политбюро Первый секретарь Московского горкома и обкома ВКП(б), 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б) — персона вполне годная на место Сталина, если конечно не брать в голову тот бред — что несут про него официальные историки с подачи Поп-корна.

Посмотрел на последнего и захотелось от всей души плюнуть ему в рожу...

Мда... Жаль пожил маловато Александр Сергеевич, скончавшись от сердечного приступа на второй день после Победы — 10 мая 1945-го года.

...А эта сволочь осталась жить!

Смотрю на Хрущёва и мысленно представляю его в «светлой обуви» и в деревянном ящике, несомого под печальный медляк группой скорбящих товарищей к глубокой яме...

Затем, переведя взгляд на присутствующего в отличии от первого претендента Жданова:

— Андрей Александрович! А ты что скромничаешь...?

Тоже кстати, фигура — вполне достойная встать не место Реципиента. Тоже рано умер — в 1948 году и, тоже от сердечного приступа — что наводит на некоторые нехорошие мысли.

Молотов, на мой взгляд — с каким-то оттенком ревности, не дав тому ответить:

— Коммунистическая партия и советский народ — привыкли видеть во главе страны тебя, Иосиф.

Ворошилов, глядя преданными глазами:

— Думаю, единодушно выражу мнение: достойнее тебя никого нет.

Сразу раздались дружные голоса:

— Правильно!

— Совершенно верно!

Особенно гланды надрывал Кукурузник:

— Только товарищ Сталин и больше никто!

Скорее всего дело не в «привычке» партии и тем более советского народа... Несмотря на все страшилки и ужастики рассказанные про него после XX съезда, Сталин имел весьма уживчивый и покладистый и главное — предсказуемый характер... А вот как поведут себя Щербаков и Жданов — никто предугадать не может. Вот и счат соратнички «новой метлы».

Кивнув понимающе:

— Ах, ну да — это сколько краски надо, что все лозунги на стенах да заборах переписать. Допустим, я согласен на Председателя... Кто тогда кроме меня войдёт в состав «ГКТО»?

Молотов:

— Я, как твой заместитель. Товарищи Ворошилов, Маленков, Каганович, Микоян и

Вознесенский — члены «ГКТО», курирующие отдельные направления его деятельности.

«Ну, почти как в «реальной истории», хотя и с одним существенным отличием».

Озадаченно спрашиваю:

— А почему в членах «ГКТО» нет наркома НКВД?

— Товарищ Берия взял самоотвод — ссылаясь на то, что он всего лишь кандидат в члены Политбюро.

Предлагаю:

— Так давайте примем в наши дружные ряды его и товарища Щербаков: если и не заслужили — так у них ещё всё впереди.

Поднимаю руку:

— Кто «за», товарищи?

После довольно долгой дискуссии, когда моё предложение попросту пытались заболтать, проголосовали «за» с одним воздержавшимся... Я имею в виду любителя понюхать у балерин Калинина.

После «второй», которую мы с товарищами из Политбюро уже употребили под харчо, вношу следующее предложение:

— Как у Председателя «ГКТО», у меня должно быть три заместителя: один по внешней политике (это ты, товарищ Молотов), по вооружённым силам (товарищ Ворошилов, кто ж ещё?) и заместитель по военной промышленности. Предлагаю назначить на последнюю должность товарища Берию...

Поднимаю руку:

— ...Кто «за»?

Молотов, деланно озабоченно:

— А не велика ли нагрузка на Наркома НКВД будет?

Лаврентий Павлович считался в корешах у Хрущёва, поэтому последний подняв руку:

— Справится! Мужик двужильный.

Молотов поколебался, но поднял руку, за ним и остальные.

— Принято единогласно — если не считать «Козлика», отсутствующего по неуважительной, конечно.

После «третьей», под тоже — но уже остывшее харчо, делаю ещё одно предложение:

— А не вывести ли нам этого козлобородого лезбиянца из состава Политбюро, снять с Председателя Президиума Верховного Совета и назначить ведущим гинекологом СССР?

Поднимаю руку:

— Кто «за»?

Народ поржал, но предложение не пролезло:

— А кто за него ордена вручать будет?

Я несколько размечтался:

— Если орден — награда за труд, то директора промышленных предприятий, в особых случаях — наркомы отрасли. Красноармейцам и младшим командирам — начальники воинских частей на фронте. А полковникам и генералам только после войны — на Совете ветеранов, героев Советского Союза...

Первым расчихикался Хрущёв, за ним остальные. Я посмотрев на Кукурузника, представил его корчащегося в топке паровоза и, быстренько перевёл разговор на другую

тему:

— Должности Председателя «ГКТО» мне будет маловато, товарищи.

Все сразу посерьёзтели, а Молотов спросил:

— Что ты ещё хочешь, Коба?

— Если генерала Тимошенко арестовали, то значит место Верховного Главнокомандующего свободно? Я требую распустить Главный военный совет РККА (ГВС РККА), создать Ставку Верховного Главнокомандования (СВГ РККА) и поставить меня в её главе. Моими заместителями на этой должности, предлагаю назначить товарища Ворошилова и... Начальника Генерального штаба, которого назначат после Мерецкова.

Кстати, вот тоже ещё одна проблема нарисовалась!

После недолгого молчания, Жданов:

— В свете вышесказанного, это требование выглядит вполне логичным... Я «за»!

Его пример оказался заразительным и вскоре мое предложение было принято при одном воздержавшемся... Знамо дело, кто это.

***

Выпили по пятой, закусили поданной гречневой кашей с мясом и маслом и, как говорится — «аппетит приходит во время еды»:

— Без крепкого тыла нет победы, поэтому я требую ещё и должность Председателя Совета народных комиссаров...

Глядя прямо в глаза Молотова, с наглой прямоотой:

— «Подвинешься» ради партии, ради страны, ради народа, Вячеслав? Или, зажилишь кресло товарищу Сталину?

Не успел я это произнести, как руку «за» поднял Каганович, а за ним Хрущёв — видимо понявший куда «ветра» дуют.

Под скрещёнными взглядами, Молотов поёрзав — сам поднял руку «за», скрывая за дежурной улыбкой недовольной кисляк на лице:

— Голосую — «за»! Я и сам уже давно хотел уйти с этой должности в связи с переагруженностью на дипломатической работе.

Ага, «хотел» он... «Давно», это значит — аж с 1931-го года, когда он сменил на этой должности позже расстрелянного Рыкова. Если бы хотел — давно б уже ушёл: один хрен за него лямку Сталин тянул.

Однако, хорошо это их Лаврентий перепугал — прямо как шёлковые стали!

Наконец, после очередной рюмашечки, подхожу к самому главному:

— Кстати, насчёт «перегруженности»... В связи с невозможностью исполнять столько множество обязанностей, настаиваю снять меня с должности Генерального секретаря ВКП(б)...

И вот здесь настала великая(!) тишина, слышно было даже как на кухне посудой звенят.

Подняв руку:

— ...Кто «за»?

Кроме меня никого.

— Кто «против»?

Все подняли руки, кроме Жданова.

— Понятно: предложение отклонено большинством голосом с одним

воздержавшимся... Извиняюсь: с двумя воздержавшимся — считая и козлотородого любителя «потыкать» в молоденьких балерин.

Вот вам и сталинское так называемое «всемогущество»: меня за один вечер — дважды «прокатали по бороде» при голосовании!

Когда немного опомнились, Молотов хотя и с тихим ужасом в глазах, но непреклонно твёрдо заявил:

— Это невозможно, Коба и ты это понимаешь. Если тебе так хочется, давай выгоним из Политбюро Калинина, отменим ордена для генералов... Да, что угодно! Но только не твоя отставка с должности Генсека.

Задумчиво глядя на Лысого:

— «Что угодно», говоришь? Чтоб такое позабойнее придумать... А давайте Хрущёва повесим!

После довольно-таки неловкой паузы, я первым грянул:

— Хахахаха!!!

Первым меня поддержал сам «приговорённый», а затем и народ дружно грянул:

— БУГУГУГА!!!

Вытерев выступавшие от смеха слёзы, включаю на максимальные обороты «тупого»:

— Почему? Ведь по сути, мои обязанности как Первого или Генерального секретаря — исполняет товарищ Поскрёбышев. И надо признать — очень хорошо исполняет.

Наперебой заговорили и примерно одно и, тоже:

— Партия привыкла видеть во главе себя товарища Сталина, а не товарища Поскрёбышева и она может прийти в расстройство и запустении без него. А без партии — погибнет и Советская Власть и вся страна вместе с ней!

«Партия», если перевести с их языка на русский — это не миллионы «гегемонов» трудящихся у станка или пахущих на полях, а несколько тысяч партийной номенклатуры — первые секретари республик, краёв, областей, районов...

Рву тельняшку на груди, образно говоря, конечно:

— Так вот же я — смотрите! Не умер, не сбежал по примеру Керенского в Бразилию сбрив усы и переодевшись бабой... Я здесь, я на трёх — очень ответственных государственных постах, на которых собираюсь трудиться не покладая рук... В чём дело, товарищи?

Однако, «товарищи» прятали глаза и уходили от прямого ответа.

***

Впрочем, я ответ очень хорошо знал.

Ленин и Сталин вынуждены были из аппарата управления партией — создать второй, параллельный аппарат государственного управления. Им некуда было деваться — государственный аппарат был на то время укомплектован либо старыми, либо случайными кадрами — никак не отвечавшими за свое плохое управление Россией. А в партийном аппарате хотя бы, в случае потери большевиками власти — кадры в буквальном смысле головой отвечали за плохое управление страной.

Понятно, да?

Но когда у руля государственного аппарата встали свои люди, когда быть большевиком стало не только безопасно, но и выгодно для карьеры — партийный аппарат стал не просто лишним...

...Он стал убийственно вреден СССР, как государству!

Почему?

Все семьдесят лет существования было два типа руководителя: условно назовём их — «хозяйственник» и «партиец» и, рассмотрим типичную карьеру каждого из них.

Хозяйственник «Сталинской эпохи» (например директор завода), начинал работать простым рабочим, заканчивал рабфак, технический ВУЗ, затем работал мастером, начальником цеха, главным инженером... Чтоб преодолеть каждую следующую ступень служебной лестницы, он снова должен был учиться теории и практике, учиться своему делу, набираясь знания и опыта в течении всей жизни.

Вот источник всех достижений и побед той славной поры!

Второй тип руководителя — «партиец», предположим — секретарь районного комитета ВКП(б).

Он тоже, чаще всего был пролетарского происхождения, начинал простым работягой на предприятии, где получил направление на рабфак, после которого учился в ВУЗе...

Но здесь их пути расходятся.

Зубрению скучных математических формул будущий партиец предпочёл общественную работу. Сперва озвучивая в речах на собраниях передовицы из «Правды» — стал комсоргом, затем уже вернувшись на завод — вступил в ряды ВКП(б) и стал парторгом предприятия. Здесь он брал «повышенные обязательства» — которые выполняли другие и, если это получалось (в том числе и благодаря припискам) — его замечали «вышестоящие товарищи»... И вот он — первый секретарь райкома и, по своему статусу — начальник всех руководителей-хозяйственников района.

И получается, что у директора завода два руководства: наркомат и райком (обком) партии.

Наркомат сообразуясь с Госпланом СССР — даёт план, к примеру, выпустить сто станков в месяц. Если завод его выполнит, его руководство ждёт повышение, рабочих и ИТР-эровцев — почётные грамоты, премиальные и так далее и тому подобное...

Но тогда никто не заметит роль «направляющей и руководящей»!

Такое определение официально появилось в Конституции СССР только при Брежнев, но неофициально — оно действовало всегда.

А если никто не заметит, то какая может быть карьера у партийца?

Никакой!

И мало того — получается, что в этой «пищевой цепочке» он вообще — «пятое колесо» у собаки.

И тогда партиец вызывает на «ковёр» хозяйственника и даёт «сталинское задание»: выпустить за месяц не сто — а сто десять станков!

Однако, по плану заводу отпущено металла, подшипников, инструмента именно на сто единиц выпускаемой продукции...

Что делать?

И в Москву ехал «толкач» — выбивать недостающие фонды... В ход шли всякие махинации, начиная от банальных приписок — заканчивая хищениями материалов с других

предприятий. Но «если где-то густо, значит в другом месте будет пусто»: план по станкам перевыполнили — но не хватило металла тракторостроителям, железнодорожникам, производителям нефтедобывающего оборудования и так далее... В конце концов не хватает рабочих работать на сверхплановых станках.

И вот «плановость» советской экономики оказывается липовой, а не деле в промышленности царит — анархия похлеще, чем при так часто хаяной рыночной — капиталистической.

И вот на бумаге «вторая экономика мира», в преддверии самой кровавой в истории войны — работает едва на тридцать процентов, недодавая армии оружия, боеприпасов и снаряжения для Красной Армии.

И это самый простейший пример дезорганизации, которую вносило такое двойное управление народным хозяйством!

А не оттуда же ли растут ноги у пресловутых сталинских репрессий?

Из центра дали команду усилить борьбу с саботажем и диверсиями — которые однозначно имели место быть (или что чаще под такими подразумевались расхлябанность и отсутствие дисциплины на всех уровнях), а партаппарат на местах и рад стараться — соревнуясь друг с другом в количестве разоблачённых уругвайских шпионов, монархистов-контрреволюционеров, троцкистов-оппортунистов и прочих врагов народа.

Недавний пример «Антиалкогольной компании»: не успел Горбачёв только вякнуть о вреде «злоупотребления» горячительными напитками — как обкомы и райкомы дали команду вырубать виноградники.

Между хозяйственными и партийными работниками СССР всегда существовал глубокий антагонизм — малозаметный из-за безоговорочного подчинения первых вторым. К примеру, дали из Наркомата директору завода задание освоить выпуск новой продукции, а первому секретарю райкома — параллельно поручили «осуществлять руководящую и направляющую роль партии» в этом процессе. Пока первый решает тысячи проблем, связанных с производством, а второй вообще не понимая ничего в этих вопросах — пишет на него докладные записки о том, что тот плохо старается... Пишет тупо на всякий случай — вдруг у того ничего не получится и его спросят:

«А ты куда смотрел?».

В результате доноса приезжает комиссия и отрывая хозяйственника от дела, начинает «любить ему мозги». И если и не доведёт бедолагу до следствия соответствующими органами, то до инфаркта или паралича это точно.

Такой порядок вещей размывал персональную ответственность, морально разлагая и госаппарат. Ведь руководителю часто приходится выбирать между плохим и очень плохим решением — на то он и руководитель. Но если решения предварительно хорошо согласовать с обкомом, то в случае неудачи — можно уйти от ответственности. Ведь, это решение партии, а партия — не ошибается!

А многочисленные случаи коррупции? Когда две ветви власти снюхавшись — творили по беспределу такое, что аж...

Слов нет!

Вспомнить хотя бы предперестроечное «Хлопковое дело».

Ведь партаппарат это такая свинья — которая везде грязь найдет: плохо организовал соцсоревнование на заводе, криво висит и давно не обновлялась стенгазета, неправильно оформлен красный уголок... Мало портретов членов Политбюро и плакатов с надписями «Партия — наш рулевой!». Подконтрольный хозяйственник вынужден «задабривать» контролеров чем-нибудь «материальным» и, к концу СССР — это «материальное задабривание» стало сплошным и практически узаконенным.

Опять же вспомним про законность и правосудие в стране...

Прокуратура и суд обязаны подчиняться только законам страны, должны подчиняться только Советской власти. Но без ведома партаппарата, прокуроров и судей не могли — ни назначить на должность, ни снять с нее — а следовательно они были вынуждены были плясать под его дудку.

И кончилось всё это тем, что партаппарат в 1991-м году — убил государство, как ленточный глист в кишечнике — убивает организм на котором паразитировал.

А теперь вопрос:

А зачем им Сталин?

И почему был так страшен его уход с должности Генерального секретаря ВКП(б)?

Потому что это так или иначе восстанавливало в партии демократический централизм — внутрипартийную демократию, а это самая страшная угроза для партноменклатуры. Ибо в таких условиях люди — способные быть только погонялами и надсмотрщиками, становятся ненужными и беспомощными.

Уже сложившийся (вольно или невольно, сейчас это неважно) Культ личности Сталина защищал их от критики — как простых коммунистов или беспартийных трудящихся, так и администраторов-хозяйственников из Советского правительства.

Не станет Сталина на вершине партийной «пирамиды» — не будет и, всесилия и неуязвимости у нижестоящей партийной бюрократии.

***

С тоской смотря на их постно-паскудные лица, я:

«Мда... Не получилось с ними по-хорошему».

На правах хлебосольного хозяина наливаю, и:

— Давайте по последней и разбегаемся... У меня ж ныне «медовый месяц», как-никак.

Когда выпили, закусили, поставил последнее условие:

— В Советском Союзе, такие важные решения — как образование «ГКТиО» назначения на высшие государственные должности — принимаются на Политбюро Центрального Комитета партии, затем осуждаются на съезде ВКП(б) и наконец — законодательно подтверждаются на съезде Верховного Совета СССР... Ведь, у нас власть Советская?

Не возражают:

— Советская.

— Вот и я требую всех положенных официальных процедур! Чтоб потом на посту Председателя «ГКТО», Председателя Совета народных комиссаров и Верховного Главнокомандующего — я мог требовать от лица Советской Власти. А не от себя лично или даже от лица довольного узкого круга лиц — каковым является наше с вами Политбюро.

Поднимаю руку и каждому глянув в лицо:

— Кто за то, чтобы в самое ближайшее время (три-четыре дня, не позднее!) собрать внеочередные, чрезвычайный съезды ВКП(б) и Верховного Совета?

Переглянувшись, дружно задрали руки «в гору».

Вставая из-за стола, давая знать что разговор закончен:

— На партийном съезде я всё равно поставлю вопрос об снятии меня с должности Генерального секретаря.

Молотов, криво улыбаясь:

— Я думаю, коммунисты правильно проголосуют по этому вопросу.

За эти стояло:

«Никуда ты не денешься с этой подводной лодки!».

Я хлопнул его по плечу и пожимая на прощанье руку, глядя в глаза:

— Со съездами не затягивайте — каждый день, каждый час дорог. Как всё будет готово, найдёте меня в известном вам месте. А до этого не надоедайте, дайте человеку отдохнуть и насладиться семейной жизнью.

***

После убийства соратников, подъехали мои заговорщики — Власик и Поскребышев типа по служебным делам, Виноградов — обеспокоенный состоянием моего здоровья... Вечером, уже к ужину на обычном такси приехал Берия. Не было только Косынкина — держащего «руку на пульсе» в Комендатуре московского Кремля.

Вкратце изложив только что прошедшие переговоры, я подытожил:

— Консенсуса (хахаха!) достичь не удалось — они не договороспособные, от слова «вообще». Поэтому действуем согласно первоначально предложенного мной плана.

Виноградов иронически:

— «Операция «Ы»?»

Подмигиваю:

— Она самая, Владимир Никитич.

Тот, качая головой:

— Ох, ославят Вас в будущем историки... Похлеще, чем Ивана Грозного...

Пожав плечами:

— Кто-то же должен быть кровавым тираном? Кто, если не я...?!

Пристав слегка и перегнувшись через стол:

— ...Но если сильно настаиваете — могу назначить на своё место Вас, профессор! И Вы, с группой творческой интеллигенции действуя добрым словом «без пистолета» — накостыляете от всей души Гитлеру, а потом спасёте страну от экономической и духовной стагнации...

Тот, смеясь замахал руками, как взлетающий самолёт пропеллером:

— Нет, нет — только не это!

Посмеявшись со всеми, довольно-таки сухо поставил «жирную точку»:

— Надеюсь, Док, разговор на эту тему у нас с Вами был последним.

Затем, озабоченно спрашиваю у Берии:

— Как там у нас обстановка в Москве, Лаврентий Павлович?

— Спокойная, ничего подозрительного не замечено.

Помешать нам могли только военные и это тревожило меня не на шутку:

— Был разговор с генералом Тюленевым?

Генерал армии Тюленев Иван Владимирович — Командующий Московским особым военным округом. Сказать по правде, у меня на него практически ничего нет: стало быть во время войны он ничем не прославился — не хорошим, ни плохим. Поэтому что от него ждать — непонятно.

— Поговорили по телефону: я предупредил что во время двух съездов в городе будет введено чрезвычайное положение (обычное дело во время таких событий) и чтоб он не поддавался на провокации, от кого бы они не исходили. Что направляю к нему в штаб своих людей, чтоб координировать совместные действия в случае чего. Точно такой же разговор состоялся с генерал-майором Громадиным — заместителем командующего московским ПВО.

— Как гарнизон? Какие настроения у бойцов и командиров?

Тот, поблёскивая «стёклышками»:

— После спровоцированного мной ареста генералов и маршала Кулика, командиры частей гарнизона перепуганы. Я через верных людей распускаю слухи среди красноармейцев, что товарищи из Политбюро держат тебя на даче под домашним арестом... Так что явись только товарищ Сталин перед бойцами 1-й Московской пролетарской дивизии, к примеру — она полностью перейдёт на его сторону.

Перекрестившись на угол, где не было иконы:

— Надеюсь, до этого дело не дойдёт и всё решится «в кулуарах», образно говоря.

Следующий вопрос к Власику:

— Что там с нашими орлами, Николай Сидорович?

— Предупредил, что во время партсъезда возможны всякие инциденты: враг так сказать — не дремлет, поэтому чтоб ничему не удивлялись и выполняли любые команды товарища Сталина или меня.

Поговорили за чаем ещё с часок про малосущественные детали, потом по одному разъехались.

***

С вечера раскашлялся, затемпературил и практически весь следующий день провёл в постели под бубнёж законной супруги:

— Долазился по рыбалкам, а я ведь предупреждала! И что ты в ней хорошего нашёл, объясни мне? Хочешь водки выпить — сядь за стол, как человек и лакай её проклятушую, сколько в тебя влезет.

Я температура, аж горел весь:

— Чтоб такое понять, тебе надо было с писюком меж ног родиться, дорогая, а не с пиписькой. Но тогда бы я тебя не любил, ну вот нисколечки...

Вздыхает, меняя влажное полотенце у меня на голове:

— И почему у всех баб — мужики как мужики, а мне такое чудо как ты досталось?

Я ответил ей народной пословицей:

— Любовь зла — полюбишь и... Хм, гкхм... Генерального секретаря.

Все попытки дражайшей половины привлечь к лечению тушки брэнного тела

Реципиента светил медицины из «Кремлёвки», я отнёс с ходу, с неподдельным ужасом:

— Прощу всё — вплоть до супружеской измены сразу с четырьмя братьями Кагановичами — Лазарем, Михаилом, Юрием и Израилем... Но только не это!

И меня буквально за три дня подняла на ноги участковый врач из Кунцева — женщина средних лет с кругами от хронической усталости под глазами, хотя её и колотило всю от страха... Не за свою жизнь — за мою.

Профессор Виноградов как-то пронюхал об этом (должно быть был сигнал от охраны) и тотчас примчался высказывать мне свои обиды, но я его осадил:

— Док! При всех я промолчал, но теперь «тет-а-тет» скажу: Жданова угробили именно Вы!

У того аж очки запотели:

— ...Кто? Я?!

— Вы неправильно поставив ему диагноз. Вашей коллеге же (не буду называть её фамилии) захотелось дешёвого пиара и, она написала об этом Сталину. Тот дал сигнал в МГБ разобраться, а во главе последнего вместо Берии стоял идиот — отчего и возникло «Дело врачей-отравителей», погубившее столько народу.

То, был буквально убит наповал, недоумевая:

— «Неправильный диагноз»? Да как так могло случиться?

Популярно объясняю:

— Да, очень даже обыкновенно! Врачи обычных больниц имеют громадную практику и не менее громадное «личное кладбище». При таких условиях, человек быстро становится отличным специалистом — если он не клинический идиот, конечно.

Тот, забив на обиды, заинтересованно:

— Ну, ну... Очень интересно, продолжайте.

— Кремлёвский врач же, такой практики не имеет — будь он хоть трижды профессор или академик. Мало того, учёное звание обязывает его значительное количество времени протирать штаны — заседая во всяких там комиссиях, президиумах, защитах диссертаций... Им некогда совершенствовать свой профессионализм, понимаете?

— Понимаю, да...

— Немаловажно то, что обычный врач берясь лечить простого крестьянина, берёт всю ответственность на себя. Ваш же кремлёвский — из-за каждого «чиха» собирает симпозиум. Во-первых, он теряет время, а во-вторых — снимает с себя ответственность за лечение... А в медицине, подобная «демократия» уместна меньше всего!

Грустно на меня глядя, профессор:

— Никогда бы не пришло в голову, посмотреть с этой точки зрения.

Махнув рукой:

— Это ещё что! Вот когда «медицинские светила» начнут в Кремлёвскую больницу устраивать по блату своих деток — над которыми «природа отдохнула»...

У того «шары» круглее школьного глобуса:

— Неужели такое возможно?

— А зачем мне Вас обманывать?

Задумывается:

— Хотя на общем фоне ваших рассказов про будущее, это смотрится ещё довольно блёкло...

Пока он «грузился», меня торкнуло гениальной идеей:

— Послушайте, Док! А что если Вам выступить на Внеочередном съезде Советов с инициативой отменить все «спецполиклиники» для номенклатуры? А в качестве обоснования такого предложения — озвучите то, что я Вам только что сказал: типа для их же пользы...

Плутовато подмигнув:

— ...А под шумок мы отменим «спецмагазины», «спецпайки», «спецсанатории» и все остальные привилегии. После такого «пиара», ваша карьера как политика — считай что у Вас в кармане.

Перейдя на шёпот:

— А какую популярность Вы обретёте в народе... Такую, что вполне сможете потягаться на послевоенных выборах со ставленником самого(!) Берии!

Тот, ошарашенно на меня посмотрев:

— Ваше коварство, Иосиф Виссарионович, сродни иезуитской.

— Ну, я чё говорил? Я не Сталин... Я — хуже!

***

Дочь Реципиента Светлана заявила когда я практически выздоровел и рассеянно шарился в шлёпках по загородной резиденции, весь в думках об судьбах страны... Ждал Власика с очередным докладом об ситуации, но он прибыл не один — а с этой четырнадцатилетней «тинейджершей».

Буквально наткнувшись на неё — здоровающуюся с изрядно растерянно-испуганной Валентиной, я не придумал ничего лучшего как взять последнюю под ручку и заявить:

— Светлана! Мы с Валентиной Васильевной бракосочетались, то бишь стали законными мужем и женой. Называть её «мамой» я тебя не заставляю, но относиться к ней с должным уважением ты обязана.

Что тут началось... Боже ж ты мой!

Эта будущая прошмандовка, ещё при живом отце — менявшая как перчатки мужей (сколько у неё было любовников при таком раскладе, страшно даже подумать!), закатила такую истерику, обозвала бедную женщину такими последними словами — постовой милиционер бы покраснел, не говоря уже об извозчике и его лошади...

И потом заявила мне:

— Ты мне больше не папка!

Зарыдав, прикрыв ладонями лицо, Валентина вся в слезах куда-то убежала, а та в приказном порядке Власику:

— Вези меня обратно! Ноги здесь моей больше не будет!

Я изрядно окуел:

— Даже я называю Николая Сидоровича на «Вь»! Какое ты имеешь право «тыкать» взрослому мужчине, находящемуся при исполнении служебных обязанностей? Вообще, ты кто такая? Ты — даже не дочь Сталина, раз от него при свидетелях отказалась.

Та с вызовом:

— А ты кто такой, чтоб меня учить? Не дашь машину — пешком в Москву уйду

И хватается за шубу и шапку, с намерением одеться и свалить в московскую квартиру,

где она жила и воспитывалась в семье экономки с момента смерти своей матери.

Я б конечно, плюнул на неё и забыл, но вспомнил как-то виденное в Инете фото Крис Эванс — дочери этой особы и, стало быть — внучки Реципиента... И во мне взбурлило овно от обиды — не за державу или даже Сталина...

За всё человечество!

— «Кто я такой», спрашиваешь? Сейчас ты узнаешь, кто я такой, дрянь сопливая...

Я схватил её за шиворот и затащив в большой зал, где бросив на диван:

— Николай Сидорович, держи её крепче!

— Зачем?

— Пороть её буду.

Тот, в сомненьях:

— А может не надо, Иосиф?

— Надо, Коля, надо! Будешь её держать, или мне прикреплённых позвать?

Власик — будучи чуть ли не членом семьи Реципиента, не стал «выносить сор из избы» и, выполнил мою просьбу — хоть и был дважды укушен. Я же оголил девице зад и от всей души всыпал ремнём с дюжину «горячих»...

Тут на истошный визг прибежала Валентина с совершенно сухими глазами и вырвав у меня ремень из рук, завопила как идущий в атаку гренадёр:

— Ты что творишь, Ирод?!

— Воспитываю дочь, а ты про что подумала?

Светлана редела, как авиационная турбина набирающего высоту самолёта, переходя в инфразвук.

Та замахнулась на меня моим же ремнём:

— Тебя бы самого так «повоспитывать»!

— Было время и меня пороли а, ты думаешь почему я такой?

— Мало тебя пороли!

— Нормально! И ничего — не умер ни разу, а наоборот — человеком стал.

— «Человеком»? Зверь ты, а не человек! Хуже зверя — те над своими детьми так не издеваются...

Криво усмехаюсь:

— Ага! Те их иногда поедают.

Швырнув в меня ремнём:

— Пойдём, моя маленькая...

Валентина обняв рыдающую девочку за плечи, повела на второй этаж, напоследок грозно зыркнув на меня:

— Неделю, даже не подходи!

Мы с Власиком синхронно проводили их взглядом, после чего я хмыкнул:

— Во! Снюхались две змеюки.

Что подумал по этому поводу Власик, я не узнал, ибо он тактично промолчал.

Почесав в затылке, я:

— Слушай, Николай... Как бы сыновья ещё не заявили: накануне так сказать — решающих событий.

Тот:

— Вот и я об этом подумываю.

Официально, сыновей у Реципиента трое: двое родных — Яков носящий «девичью» фамилию Джугашвили — уже довольно-таки взрослый мужик, лейтенант-артиллерист... И Василий — уже Сталин, тоже лейтенант — но уже ВВС РККА. Кроме них был приёмный сын Артём Сергеев, ныне как и Яков — лейтенант-артиллерист, будущий генерал-майор ракетных войск стратегического назначения.

Вспомнив из «послезнания» что вытворял младшенький, я озабоченно поскрёб затылок:

Ещё две проблемы доставшиеся от Реципиента: сынок-балбес и авиация...

Ничего, разгребём!

Балбеса отправим служить на Дальний восток — подальше от московских артисток с «пониженной социальной ответственностью», а авиацию...

Подумать надо.

Ну а пока хотелось бы оставшееся до «Часа X» время провести без семейных сцен.

Как всегда, идея пришла неожиданно, но вовремя:

— Николай! А выстави-ка ты где-нибудь на подъезде к Ближней даче блок-пост...

Тот в момент поняв для чего, одобрительно кивнул, но выразил сомнения:

— По предписанию, бойцы вашей охраны обязаны пропускать родственников — которых знают в лицо. Можно, конечно приказать... Но как это будет выглядеть?

— Действительно...

Действительно, если уж какая-то соплячка так относится к охране — то что говорить об взрослых парнях в форме?

Немного подумав, я:

— ...Тогда поставь блок-пост из стажёров — те обычно более рьяные, чем уже послужившие бойцы.

У того на лице были явные сомнения в этой затее, но несколько поколебавшись, кивнул:

— Пожалуй, лучше ничего не придумаешь.

***

Валентина Васильевна всё-таки пришла в ту ночь в нашу семейную спальню. Я повернулся к ней задом и долго слушал как она шмыгала носом...

Когда надоело, спросил с недоумением:

— Что, Светку жалко? Неужель, я так её сильно? Вроде ж бил вполсилы...

Та уже не скрывая слёзы:

— Она назвала меня «мамой»...

Скептически хмыкнув:

— Это она назло отцу: возраст такой.

Ударив меня по плечу, горячо:

— У тебя нет сердца! Разве можно так отзываться об дочери?

В общем, день-два и всё наладилось. Светка хотя и дулась сперва, но когда я как ни в чём не бывало рассказал ей пару забавных историй, оттаяла и мы с ней подружились. На ближайшем же семейном совете решили, что отныне она будет жить на Ближней даче и учиться в школе с местными ребятами.

Ну а 19 января они с Валентиной провожали меня на XIX съезд ВКП(б) и, по очереди поцеловав, пожелали мне удачи...

Выехали как обычно — две машины: два совершенно одинаковых чёрных «Понтиака». В одной мы с Власиком, в другой четыре «прикреплённых». Проехав вдоль Сетуни — увидели дымящуюся от испаряющейся воды полынью...

Зачем?

...Ах, да: сегодня ж Крещение.

Перед выездом на трассу нас остановили:

— Всем выйти из машин и предъявить документы.

Власик, при водителе соблюдая субординацию:

— Армейский блок-пост, товарищ Сталин... Маневры должно быть.

— Так давайте выйдем и предъявим личности.

Тот:

— Я мог бы сделать это и сам.

Я решительно открыв дверь:

— Это — стажёры! Их нужно учить действовать по инструкции, а не пропускать без проверки «блатных» — пусть даже это будет сам товарищ Сталин.

Сказать по правде, просто захотелось вживую посмотреть на простых людей, пообщаться с ними...

Интересно же, правда?

Выхожу: армейская палатка с дымящейся печкой и четверо бойцов в валенках шапках и полушубках, с пистолетами-пулемётами «Томсона» наизготовку. На ум пришло сразу из Пушкина:

«Все красавцы молодые,

Великаны удалые...».

По виду старший из них, увидев меня заметно оху... «Похудел». Но тем не менее вскинув ладонь к шапке-ушанке со звездой:

— Сержант госбезопасности Ерофеев! Вы находитесь в закрытой зоне и для проезда должны предъявить документы.

Залюбовавшись молодецким видом, точно так же не забыв отдав честь:

— Молодец, сержант!

Затем, здороваюсь с его подчинёнными:

— Здравствуйте, товарищи!

Те, на удивление стройно и дружно гаркнули:

— Здравия желаем, товарищ Сталин!

— Давно здесь службу несём?

За старшего ответил Власик:

— Уже почти двое суток.

Обратив на него внимательно-строгий взгляд:

— Довольно-таки холодно... Как часто меняется наряд?

Тот, поняв мою «игру», вытянувшись «в струнку»:

— Через сутки, товарищ Сталин. Этих сменяют завтра утром.

— А может стоило бы почаще — учитывая погодные условия? Например, через

двенадцать часов?

Тут бойцы зашумели:

— Нам не холодно, товарищ Сталин! Мы хорошо одеты, обуты и по очереди греемся у буржуйки.

— А как с бытовыми условиями? Горячей пищей кормят?

— Кормят, товарищ Сталин! Хорошо кормят.

У Власика к старшему были другие вопросы:

— Происшествия были?

— Так точно! Вчера подъезжало такси с каким-то лётчиком-лейтенантом...

— Ну и что?

— Объяснили ситуацию, он обматерил нас и уехал... Нервный какой-то.

Кто это был — гадать не надо:

«Никак сынок Васька приезжал засвидетельствовать своё почтение... Балбес!».

Заглядываю в палатку и вижу там ещё четверых бойцов — дрыхнувших на набитых чем-то матрасах без задних ног. Стоящие на чём-то наподобие стола котелки, чайник на печке и сушащиеся рядом валенки — прямо-таки идиллия походно-полевой жизни в зимний период.

— Ночная смена, товарищ Сталин... Прикажете разбудить?

— Не надо, пусть спят.

У стенки палатки в аккуратном ряду стояли пистолеты-пулемёты Томсона — так называемые «чикагские печатные машинки», или просто — «Томми-ганы».

Власик, показывая на часы:

— Товарищ Сталин, мы опаздываем!

— Иду, иду... А «Томми-ганы» — это очень хорошо.

[1] В 1924 году Советский Союз через посредство Мексики закупил крупную партию Томми-ганов. Автоматическим стрелковым оружием были вооружены войска ОГПУ и пограничники. «Ручные пулемёты Томпсона» применялись большевиками во время войны с басмачами в Средней Азии, с его помощью охранялась граница на Памире. А в зоне ответственности Читинского дивизиона войск ОГПУ чекисты, вооружённые автоматами Томпсона, отличились при нападении бандитов на село Буй в 1930 году. Как отмечалось в документах, огонь из этого оружия вызвал замешательство у противника.

[2] Александр Григорьевич Бармин (настоящая фамилия Графф) — советский разведчик, дипломат, невооружённый (1937 год), один из создателей ЦРУ в годы Второй мировой войны.

Глава 5. Заговор против заговора и оба «за» товарища Сталина

Глава 5. Заговор против заговора и оба «за» товарища Сталина.

В своих мемуарах болгарский коммунист, глава Коминтерна Георгий Димитров так описывает удивительную сцену, разыгравшуюся на даче у Сталина во время праздничного ужина 7 ноября 1940 года:

«Как всегда там, после первых выпитых бокалов вина разговор переходил на животрепещущие темы. В 1940 году таковой темой была приближающаяся война. Речь, конечно, держал Хозяин:

— У нас теперь пехота перестраивается, кавалерия была всегда хорошая, надо серьезно заняться авиацией и противовоздушной обороной. С этим я сейчас каждый день занимаюсь, принимаю конструкторов и других специалистов. Но я один занимаюсь со всеми этими вопросами. Никто из вас об этом и не думает. Я стою один. Ведь я могу учиться, читать, следить каждый день; почему вы это не можете делать? Не любите учиться, самодовольно живете. Растрчиваете наследство Ленина».

Да, можно представить себе настроение оставшихся в живых однопартийцев, которые вошли в круг приближенных Хозяина, более того, приглашаемых к столу. Вроде бы только-только расслабились, предвкушая разносолы кавказской кухни, и тут на тебе! Попытался чуть возразить (или поддакнуть) М.И. Калинин, но это только больше завело Сталина:

— Люди беспечные, не хотят учиться и переучиваться. Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения. Вы знаете, как я это могу. Так ударю по толстякам, что все затрещат...

Все стояли прямо и слушали молча, видимо, никак не ожидали от Иосифа Виссарионовича такого. В глазах Ворошилова показались слезы. Никогда я не видел и не слышал Сталина таким, как в этот памятный вечер».

Никита Сергеевич Хрущёв в фильме «Серые волки» рассказывает о том, как его обидел Сталин:

«Я к нему пришёл и говорю, что надо уходить, через два часа здесь будут немецкие танки. А он поставил меня лицом к окну по стойке смирно! Через два часа, сам всё это время писал, спрашивает, где танки, не вижу ли я их. Он всегда со мной так... Я же живой человек!».

Подъезжаем с Власиком к Кремлю, заметил что он мрачноват и изрядно нервничает.

— Случилось что, Николай Сидорович?

— Слухи нехорошие в народе ходят, Иосиф Виссарионович...

— Ну и какие же слухи ходят, если не секрет?

Тот не стал скрывать:

— Что Вы арестованы НКВД. Конкретно — товарищем Берией.

Удивился конечно, но не успел сообразить — к добру это ли наоборот... Ибо уже приехали. Ладно, поговорят в народе и перестанут. Лишь бы анекдоты с матерками про меня не сочиняли — как например про Хрущёва.

Выхожу из машины, ко мне подбегает с докладом Косынкин и после «официальной части», шепчет:

— Иосиф Виссарионович! У меня всё готово. Ждём вашего или товарища Берия сигнала.

Надо признать, что соратнички действовали максимально оперативно и «всё было готово» уже к 19 января — как раз на Рождество Христово, что Косынкин Петр Евдокимович счёл весьма благоприятной приметой. В этот день — внеочередной съезд партии, на следующий — точно такой же съезд Советов.

Последний — XVIII съезд ВКП(б) был весной 1939-го, следующий — XIX съезд, «реальной истории» произошёл бы осенью 1952-го. На «реальном» XIX съезде, Реципиент дал последний бой партноменклатуре — пытаюсь реорганизовать партию в нечто полезное для общества и...

С треском проиграл!

Возможно, из-за того, что поздно хватился.

Я же вселившись в Сталина — обладаю «послезнанием», знаю чем всё это в итоге кончится и, решительно настроен любой(!) ценой победить.

***

Оставив Власика с двумя прикреплёнными на входе охраняемым бойцами из Полка особого назначения Управления Комендатуры Московского Кремля (УКМК), захожу в зал заседаний и...

И конкретно охреневаю!

Большой Кремлёвский дворец — резиденция императоров Всероссийских в Московском Кремле, неоднократно реконструировали и перестраивали ещё до эпохи «исторического материализма» — наступившую после Октября 1917-го года.

Но в основном так — по мелочи.

Когда же она всё-таки наступила, Большой Кремлёвский дворец перестроили уже кардинальнейшим образом — считай что построили новое. Разобрали Красное крыльцо под столовую, снесли храм Спаса на Бору под пристройку, а Андреевский и Александровский залы — объединили в огромный Зал заседаний, где до возведения Хрущёвым специального «Кремлёвского дворца съездов» — проводились партийные съезды и съезды Советов. А также — всевозможные международные конгрессы, съезды союза писателей, художников, композиторов, архитекторов и деятелей киноиндустрии... В других помещениях Большого Кремлёвского дворца происходило вручение верительных грамот иностранными послами. В залах Парадном вручали ордена и другие правительственные награды выдающимся деятелям науки и культуры...

Так как съезд был не только «внеочередным», но ещё и «чрезвычайным» — на нём были только «свои»: высшее руководство ВКП(б) и номенклатура — Первые секретари республик, краёв, обкомов и райкомов — числом 1532 с решающим голосом, 359 с совещательным голосом... Никаких посторонних, к примеру товарищей из Коминтерна — не говоря уже о любых представителях прессы. Даже секретарей, которые под приглядом Поскрёбышева записывают речи выступающих и тех — самый необходимый минимум.

Зайдя в Зал заседаний последним из членов Политбюро, я заметил что в президиуме не хватает двух человек — Берии и Хрущёва.

На душе сразу как-то стало тревожно, от скребущих её душу кошек.

На мой немой вопрос Поскребышев лишь недоумённо пожал плечами... Мол сам «в танке». Проходя мимо сидящих соратников интересуюсь и получаю ответ от Молотова:

— Товарищ Берия звонил, что он выехал на срочный вызов и немного задержится. Насчёт же Хрущёва мне ничего не известно.

Выдохнул с облегчением — кажется мои страхи напрасны.

Регламент был поставлен с ног на голову с первых же минут.

Сперва увидев меня депутаты соскочили с мест, покричали «слава великому Сталину» и бурно стоя поаплодировали...

Взбесились, что ли?

А приятно, млять, что ни говори!

...Затем, пока те дули на отбитые ладошки, получасовую речь толкнул Молотов, обрисовав международное положение как «тревожное», возможность войны — «весьма вероятной», а обороноспособность Красной Армии — «крайне удручающей»:

— Товарищи: во главе Рабоче-Крестьянской Армии оказались прохвосты, которые длительное время занимались очковтирательством...!

Ну и так далее, чуть ли не по матушке.

Когда он закончил, зал ответил взрывом возмущения:

— Возмутительно!

— Никакой пощады!

— Смерть врагам народа!

Только диву даюсь такой кровожадности:

«А пусти всё на самотёк — историки потом скажут, что это товарищ Сталин — заставлял их так вопить, требуя беззакония!».

После него, примерно тоже самое хотя и более кратко — в уши депутатам «дунули» по очереди все члены Политбюро.

Когда аудитория была достаточно «разогрета», выступал последним и, сразу же поставил «быка за рога»:

— Товарищи! Международная обстановка обострилась, ситуация накалилась и наше положение изменилось не в лучшую сторону... Бла, бла, бла... Война может начаться в любой момент — хоть прямо сейчас, а мы с вами к ней не готовы — что воочию показала недавняя война с Финляндией.

Страну-агрессора мы с соратниками по вполне понятным соображения не называли: пусть думают про кого угодно — вплоть до Великобритании.

Сделав великолепную паузу — Станиславский бы сгорел от зависти, нагнал по максимуму жути:

— Товарищи! Если мы с вами немедленно не предпримем срочные меры — то мы просрём государство, оставленное нам великим Лениным!

Зал, так и оху... Остекленел!

Затем спросил:

— Что будем делать, товарищи? Дорог каждый час!

После этого предложение Молотова об создании «Государственного комитета труда и обороны» (ГКТиО) — прошло на «ура». Следом, так же дружно и с каким-то пороссячим восторгом проголосовали за назначение Председателем «ГКТО» товарища Сталина.

Затем уже последний (то есть ваш покорнейший слуга в теле Реципиента) огласил состав этого органа: три заместителя — Молотов, Ворошилов и Берия и, четыре члена — Каганович, Микоян, Маленков и Щербаков.

Это тоже было принято единогласно, а вот моё предложение об принятии Берии и Щербакова в Члены Политбюро ЦК ВКП(б) — только наполовину, из-за отсутствия самого Лаврентия Павловича...

Начинаю беспокоиться:

«Да где ж его чёрт носит?».

Ладно, наверное под самый занавес прискачет...

Чтоб назначить меня Верховным Главнокомандующим РККА, одобрения съезда не надо — достаточно решения Политбюро. Такая же петрушка и с Председателем Совета Народных Комиссаров — депутаты были лишь поставлены в известность. Правда, за последнюю должность должен ещё проголосовать и Верховный Совет СССР.

Итак, практически свершилось.

Решения партсъезда вступают в силу после опубликования их в главном печатном органе страны — в газете «Правда». То есть завтра я получу практически неограниченные ничем и никем, диктаторские полномочия.

Ну а там...

Ну а там новые заморочки!

Впрочем, всё как обычно: решение одних проблем — рождает новые проблемы.

***

Ну а теперь самое главное, с перспективой на отдалённое будущее... На очень отдалённое будущее. Посмотрев на Поскрёбышева с «немым» вопросом — а не поступало ли каких известий от Берии и, получив в ответ всё то же пожатие плеч, я начал «чудить»:

— Товарищи! В связи с моей перегруженностью на вышеперечисленных должностях, в связи с невозможностью одного человека (даже такого, как товарищ Сталин) исполнять столько много обязанностей, прошу освободить меня от должности Генерального секретаря.

Мда... Словами этого не передать.

Это надо кино снимать и потом показывать за очень большие деньги!

Сперва никто ничего не понял и сидящие в зале стали переглядываться да перешёптываться с недоумёнными лицами. Затем послышался всё нарастающий гул как при приближении цунами и, наконец представители партноменклатуры в дружном порыве соскочили с мест... Их мимика и жесты, их выразительно вздетые руки были прямой мольбой к товарищу Сталину, подкреплённые выкриками:

— Нет! Просим остаться!

— Просим взять свою просьбу обратно!

— Нет! Только не это!

— Нет!

— Нет, нет, нет...!

Поворачиваю к Президиуму и вижу ухмыляющиеся рожи соратничков, а у Калинина — так откровенно злорадно-торжествующее.

Молотов встаёт и с места:

— Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Кто «за» — прошу голосовать.

«Лес рук», и:

— Принято единогласно.

Потом обратившись ко мне:

— Товарищ Сталин! Советский народ и коммунистическая партия не поймут вашей отставки. Мы все как один избираем Вас нашим руководителем — Генеральным секретарем ЦК ВКП(б). Другого решения быть не может.

Вот, как?

Ну, тогда я вам сейчас устрою!

Заодно и время протяну до появления Лаврентия Павловича...

Да где же он, в конце то концов?

Что это за «срочный вызов» такой — ради которого можно забыть про наш заговор?!

В первый раз после «попадалова» пожалел, что в этом мире отсутствует сотовая связь.

Подняв руку и дождавшись когда утихнет:

— Товарищи! Такие вещи с кондачка не решаются, поэтому предлагаю отложить этот вопрос до завтра. Подумайте, созвонитесь до первичных партийных организаций и посоветуетесь с товарищами на местах, а завтра вновь соберёмся и поставим вопрос об моей отставке с поста Генсека на голосование. Ну а пока прошу выслушать ещё одно моё предложение...

Немного пошумели, но потом притихли с любопытством на лицах: мол, что ещё выдумает?

И я не обманул ожиданий:

— Товарищи! Мне и товарищам из Политбюро приходится решать множество вопросов — в которых мы недостаточно компетентны. Поэтому предлагаю создать Президиум при ЦК ВКП(б), в которое назначить следующих товарищей...

Все эти товарищи — наркомы или просто крупнейшие технические руководители из плеяды так называемых «сталинских выдвиженцев». Перечислив двадцать пять фамилий, я предложил:

— ...И придать им статус кандидатов в члены Политбюро, нынешних списком переведя в полноценные «члены». Кто «за» — прошу голосовать.

Слышу за спиной удивлённые шёпотки:

— Кто составил этот список?

— Клянусь, что я никакого отношения к этому не имею. Сталин даже не спрашивал моего совета или мнения.

Первым задрал свою руку, я получил полный «кворум».

Партноменклатура была так напугана возможным уходом Сталина с поста Генсека, что

палец даю на отруб — единогласно проголосовала бы и за легализацию однополых браков...

Да, что там!

...Они бы тут же первыми бы и бракосочетались и, не исключено — что и прямо в зале и тотчас перетрахались.

Хотел было пока прёт пруха — переименовать ВКП(б) в КПСС, что проделал Реципиент на «реальном» XIX съезде... Но с этой аббревиатурой у меня связаны только негативные ассоциации, поэтому не стал.

Да где же в конце концов Берия?!

Ладно, первый этап «Операции «Ы»» можно и без него провести — силами Власика и Косынкина. А там глядишь подтянется, ибо второй этап — начнётся завтра.

План мой был довольно прост и незатейлив, как ковидный чих.

По собственному опыту знаю: всё гениальное — как правило примитивное.

Не захотели по-хорошему — будет вам по-плохому!

Прямо сейчас, забиваю Политбюро «стрелку» в своём кремлёвском кабинете. Потом Берию вызывают к телефону, а возвращаясь он заявляет, что среди них — иностранный шпион и приводит неопровержимые доказательства. Кто именно — неизвестно, но кто-то без вариантов — «крот».

В связи с этим обстоятельством, все мои соратнички вплоть до «выяснения» — помещаются под домашний арест, с приставлением к ним стражи.

После этого, на следующий день — плотно работаем со съездом. Если снова меня «прокатят» при голосовании (а так оно и будет), даю время ещё сутки подумать...

...Но уже прямо на «рабочем месте», а не в гостиничных номерах!

То есть из зала уже не выпускаем — ни еды, ни питья, ни возможности сходить в туалет. Уверен: более чем трое суток они не продержатся и, не в пример проще будет отмыть помещение от их дерьма — чем ликвидировать последствия их дел.

А если и продержатся, не беда.

Тем временем, я провожу через Верховный Совет кое-какие реформы — после которых мне на решения Съезда будет насрать.

Учитывая все процедуры, десять дней и это уже будет совершенно другая страна!

За которую будут сражаться — не только потому, что это Родина — но и...

...Потому что!

***

Сделав на прощанье Съезду «ручкой»:

— До завтра в это же время, товарищи!

Выхожу из-за трибуны и направляю стопы на выход. Сейчас я выйду, подожду соратничков и предложу им пройти в свой кабинет.

За дверьми зала заседаний явно нервничающий Власик.

Я с ходу, чуть ли не за грудки его хватая:

— Где Берия?

Тот с явно бледнеющим лицом:

— Не могу знать, товарищ Сталин! Дома его тоже «потеряли»: выехал по звонку и

пропал... И в Наркомате ничего не знают.

Мда... Видно что-то случилось...

— Тогда вот что, Николай Сидорович. Промедление смерти подобно! Найди Косынкина и, от моего имени дав приказ Коменданту Кремля — действуйте.

Власик развернулся и чуть ли не припрыжку побежал. Тут выходят мои соратнички и сразу подозрительно кучкуются.

Глядя в спину удаляющегося Начальника моей охраны, Молотов:

— Коба! Нам надо срочно с тобой поговорить. Давай пройдем в твой кабинет.

Оба-на!

«Получается, не я «забил стрелку», а мне!».

Что-то явно пошло не так...

Стараясь принять вид как можно более невозмутимый, делаю приглашающий жест рукой:

— Ну, что ж... Раз срочно — то давайте пройдемте, товарищи.

***

В моём «послезнании» информации — почти нуль, но Поскребышев и особенно Власик меня очень хорошо — с рисованием рисунков и черчением схем, заочно ознакомили с расположением важнейших объектов Кремля, поэтому я уверенно шёл впереди.

Кремлёвский кабинет Сталина находился на втором этаже Сенатского корпуса, прямо над его кремлёвской же квартирой.

Через секретариат (вотчину Покрёбышева) прошли в комнату охраны — где остались мои «прикреплённые», затем собственно в сам кабинет.

Обстановка помещения полностью соответствовала моим представлениям: приглушающая шаги красная дорожка, обшитые дубовыми панелями стены, стол на котором ничего не было лишним — два телефона (прямой и с «вертушкой»), настольная лампа, чернильница с ручкой и графин с водой...

Ну и длинный «наркомовский» стол со стульями — для посетителей и совещаний, разумеется. Выпив подряд два стакана воды, ибо во рту было сухо как в кратере действующего вулкана, я на правах хозяина уселся во главу последнего, и:

— Ну... Давайте говорите, что там такого «срочного» стряслось: Черчилль решил вступить в компартию, Рузвельт — вернуть Аляску или Папа Римский — разрешить пидарасам жениться...

Однако, шутка юмора не зашла — никто даже не улыбнулся: все сидели как на похоронах.

Чуя что приближается северный полярный лис, я ударив по столу кулаком, гаркнул:

— НУ!? Всё равно ж узнаю — признавайтесь, что натворили?

Наконец, с трудом сглотнув — как будто жевал целый рулон стекловаты, рот открыл Ворошилов:

— Коба... Твой Василий поднял вооружённый мятеж...

Если сказать, что я изумился — это значит не сказать ничего:

«Ипать... Да это уже не альтернативная история — это параллельная Вселенная какая-то».

Стоя не только больше «влезает» — стоя лучше думается. Поэтому я встав, взял со стола Реципиента трубку и вертя её в руках, не спеша сделал пару кругов и остановился напротив Молотова:

— Я так понял что мятеж провалился? Успешный мятеж — называется как-то иначе.

Тот затряс головой:

— Известно лишь, что Василий с группой командиров и генералов учащих в «Академии Генерального штаба имени Ворошилова», арестовал Берию.

Так как фамилия была произнесена без приставки «товарищ», я понял что дела ОЧЕНЬ(!!!) плохи...

Стараясь держать себя в руках:

— Какое отношение имеет мой Васька к «Академии Генерального штаба»? Где их пути с Лаврентием Палычем успели пересечься и, почему я как рогатый муж — узнаю об этом последним?

Калинин, тряся козлиной бородкой проблеял на последний вопрос... Мне показалось что с изрядной ехидцей:

— Опасаясь за твоё здоровье после «микроинсульта», Коба, мы решили, что так будет лучше.

Что называется — «моим же салом и мне же по мусалам».

— Хорошо... Тогда почему никто из Политбюро не поехал лично выяснить что происходит?

Молотов глянув на шикарные наручные часы, явно не от отечественного производителя:

— Поехал товарищ Хрущёв. Скоро — с минуты на минуту, он вернётся и всё нам подробно расскажет.

И тут я понял, что дело обстоит ещё хуже, чем я даже опасался:

Ибо, где Кукурузник — там беда!

Ну, что оставалось делать?

— Хорошо..., - сказал я, продолжая не спеша нарезать круги по кабинету, — давайте подождём товарища Хрущёва.

В принципе, ещё рано впадать в отчаяние. Мнится мне, что вместо Хруща Кукурузного — в кабинет «с минуты на минуту» зайвится Власик с Корзинкиным, да бойцами полка кремлёвской охраны.

И тогда всё будет «тип-топ», пусть и без товарища Берии...

***

Так что же всё же случилось?

Видимо встревоженный слухами про арест отца Василий, сперва попытавшись дозвониться (а телефон на Ближней даче я лично отключил), поехал на Ближнюю дачу и увидел там подтверждение ходящих в народе слухов — блок-пост НКВД, не пустивший его к нему. Наговорив сперва сгоряча грубостей, Василий возвращается в Москву и обращается за помощью...

К кому...?

Остановившись, я недолго постоял пристально рассматривая лица членов Политбюро, затем двинулся дальше.

...Конечно же он знал всех соратников отца лично и мог обратиться хотя бы к Ворошилову.

Но он обратился к другу семьи!

Кто это?

Правильно — Никита Сергеевич Хрущёв, который в начале 30-х годов учился в московской Промышленной академии, где познакомился с Надеждой Аллилуевой — женой Сталина и матерью Василия, через которую и сделал столь стремительный взлёт во власть.

Друг матери (я в хорошем смысле этого слова), это обычно и друг её детей — друг семьи, короче.

Но что произошло дальше?

Чтоб ответить на этот вопрос, надо более внимательно приглядеться к этой исторической личности...

***

В голове у меня, калейдоскопом пронеслись отрывки «послезнания» про Никиту Сергеевича Хрущёва — про эту воистину — трагикомичную личность и, к его появлению — «картина маслом» была готова.

Обычно официальные историки, а вслед за ними российские обыватели из «хавающего пиала», представляют Никиту Сергеевича таким придурковатым «волюнтаристом» и дурачком во вы... вши...

Да, как же её?

Во вывшиванке!

Но это не соответствует действительности от слова «вообще». В действительности, Хрущёв был матёрым «аппаратным бойцом», очень умным от природы человеком и прекрасным руководителем...

Иначе как бы он стал во главе СССР после смерти Сталина?

Чудес в политике не бывает, деточки!

Кроме того, Хрущёв был лично храбр не только как «подковёрный бульдог» — но и как человек. Например, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Петров — рассказывал такой случай, свидетелем которого являлся:

«...Никита Хрущев, должен я вам сказать, был человеком не робкого десятка. В первый и последний раз я видел Никиту Сергеевича на Курской дуге, в 43-м. Вокруг рвались снаряды, а Хрущев как ни в чем не бывало бравой походкой шагал по передовой. За ним с портфелем в руке тащился его адъютант. Хрущев подходил к бойцу, благодарил за службу и вручал ему орден. Причем, чтобы сделать это, Никита Сергеевич был вынужден нагибаться, поскольку не каждому награждаемому приходило на ум выпрыгнуть из окопа и принять награду как подобает...».

«Простота» же Хрущёва — она сродни той, что хуже воровства.

Имидж простоватого, но старательного сельского паренька — служил ему отмычкой во власть. Никому и в голову не могло прийти, что «Микитка» мутит что-то своё — поэтому ему доверяли, его опекали, с ним делились сокровенными тайнами. Над ним подшучивали,

на него смотрели свысока, к нему относились со снисхождением — как к умственно отсталому...

Наконец, Хрущёва ценили как отличного исполнителя.

Но никогда не относились всерьёз как к политику!

Но его лучшие качества проявлялись только тогда, когда он исполнял чьи-нибудь замыслы — в данном случае сталинские. Когда он брался воплощать в жизни что-то своё — происходила национальная катастрофа. Это — аксиома, как в математике про две непересекающиеся параллельные прямые, которую и доказывать нет необходимости — всё и так ясно.

Единственно, что ему не хватало, чтоб стать выдающимся государственным деятелем — так это воображения, что это разом переводило его в разряд тупых скотов.

Ведь чем отличается «*Homo sapiens*» от его четырёхрукого родственника по отряду приматов?

Прежде чем совершить какое-нибудь действие — человек, в уме воображает его последствия: то есть обладает абстрактным мышлением. У животных же эта особенность отсутствует напрочь.

Если бы у Хрущёва была бы хоть капелька воображения, он бы не разоблачал «культ личности» — а объявил бы себя учеником и верным продолжателем дела Сталина. Но так как он её не имел — то был попросту скотиной, хотя и незаурядно-доминантной в стаде таких же самцов как и он.

Зачем он это сделал?

Рационально это объяснить невозможно, а вот на уровне животных инстинктов — запросто. Безусловно, это была месть Сталину — за те годы, когда он был вынужден прикидываться дурачком. Ибо при отсутствии воображения, Никита Сергеевич был помещански мелочным, страшно злопамятным и мстительным...

Даже к мёртвым!

И Сталин, кстати, тело которого этот некрофил выкинул из Мавзолея — здесь не единственный пример. Ещё во время войны затаив злобу на начальника тыла Красной армии генерала Хрулева, он долго не давал разрешения его хоронить после смерти... Несколько дней покойный лежал в Доме Советской армии, пока эта мразь не дала команду его кремировать и похоронить в кремлёвской стене.

И случилось то, что случилось: после разоблачения «Культы личности» Сталина — посыпалась вся созданная им с таким трудом и с такими жертвами система... А новой — на замену ей, так и не было создано.

***

Так, так, так...

Прибегает, значит, «мой» Васька-балбес к «другу семьи» и, что?

При чём здесь командиры — учащиеся в Академии Генерального штаба РККА?

И вот здесь мы подходим к ещё одной очень интересной и малоизученной теме: «Никита Хрущёв и советский генералитет».

До войны наш антигерой возглавлял компартию Украины, на территории которой располагалось три военных округа: Киевский «особый», Одесский и Харьковский. Первый из этого списка «особым» был не только по названию — но и по своей мощи и, главное —

по влиянию в РККА. Это была «кузница кадров», в которой имели честь служить многие выдающиеся (и не очень) военачальники — такие как генералы Антонов, Ватутин, Казаков...

И несть им числа!

...Небезызвестный Власов и «герой» Крыма генерал Козлов.

И конечно же, практически вся нынешняя верхушка РККА: Начальник автобронетанкового управления (АБТУ) — генерал-лейтенант Федоренко, Нарком обороны СССР — маршал Тимошенко и, генерал армии Жуков — метящий на должность Начальника Штаба РККА.

Спроста ли это?

Нет, такие назначения спроста не происходят!

Партийная организация имеет очень огромное влияние на воинские части и соединения, расположенные на подконтрольной территории и, главным образом — на их командный состав.

Мог ли такой умный человек как Хрущёв — пройти мимо такой возможности?

Я считаю, что нет!

Думаю, «наводить мосты» Никита стал во время «массовых репрессий»: ведь он входил в состав лиц наделённых возможностью решать — кому умирать у расстрельной стенки, а кому не только жить — но и делать головокружительную карьеру в РККА. Ну а затем «выживший» приглашался в гости, на охоту (возможно на «мальчишник» в баньку) или просто «на беседу», где ему как бы между делом объясняли — кому он обязан жизнью и карьерой.

Естественно, при таком «кастинге» Первого секретаря КПУ(б) — меньше всего интересовали профессиональные качества... Главное — способность помнить «добро».

Как это делалось, через кого?

Думаю, к Ворошилову у Хрущёва имелись какие-то подходы. Ну а потом, когда ему удалось каким-то образом «подсидеть» этого долгожителя на должности Наркома обороны и посадить в его кресло своего человека (маршала Тимашенко), всё вообще оказалось «на мази».

Ведь откуда на высших «стратегических высотах» взялся Жуков — обыкновенный командир кавалерийского корпуса?

Ведь точно таких же как он, в Красной Армии — десятки, если не сотни.

Впрочем, спросим у него самого:

«— На Халхин-Гол я поехал так, — мне уже потом рассказали, как это все получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае — июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: "Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?" — "Комбриг Фекленко". — "Ну а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?" — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко. Сталин недовольно сказал: "Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы не только мог исправить положение, но и при случае надавать японцам". Тимошенко сказал: "У меня есть одна кандидатура, командир кавалерийского корпуса Жуков". —

"Жуков... Жуков... — сказал Сталин. — Что-то я помню эту фамилию". Тогда Ворошилов напомнил ему: "Это тот самый Жуков, который в тридцать седьмом году прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности". — "Ну и чем дело кончилось?" — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что выяснилось — для привлечения к партийной ответственности оснований не было... Тимошенко сказал, что я человек решительный, справлюсь».

«Картина», как говорят в Одессе — «маслом»!

Хотя конечно, Георгий Константинович — что-то в этой истории «насвистел» по своему обыкновению. С Ворошиловым то всё в общем-то понятно... Но с чего бы это вдруг Сталин в 1939-м году советовался с Тимошенко по кадровым вопросам?

Кто он такой?

Командующий войсками Киевского особого военного округа, в звании командарма 1-го ранга?

А почему тогда не с Мерецковым — командующим Ленинградским военным округом?

Почему не с маршалом Будённым — командующим «парадным» Московским военным округом? Неужели Семён Михайлович был не в состоянии порекомендовать инициативного командира-кавалериста — способного «надавать японцам»?

Или дело обстояло ещё хуже — чем я даже себе это представляю?

Тимошенко и Жуков, это как говорится — уже «хрестоматия». Но посмотрите на карьеру генерала Михаила Кирпоноса: в декабре 1939-го года он был назначен на должность командира стрелковой дивизии, 14 января 1941-го года — на должность командующего Киевским Особым военным округом.

Как бы сей «стратег» не геройствовал на Советско-финляндской войне, такой «вертикальный» взлёт невозможен без супермощного «толкача».

Кто им мог быть?

Сталин?

Нет ни одного свидетельства, что они хотя бы были знакомы лично...

А вот Хрущёв через «своего» наркома обороны — тот вполне мог.

Итак, что мы имеем на начало 1941-го года?

Свои люди во главе Красной армии, свои люди во главе самого мощного военного округа страны...

Как-то подозрительно, не правда ли?

И вот теперь на засыпку:

Для чего всё это делалось?

За просто так, что ли?

Так «за просто так» и прыщ не вскочит — это даже ребёнку известно. «Ты — мне, я — тебе» — вот основа основ практически всех людских взаимоотношений, особенно в политике. А бескорыстная дружба или любовь — бывает только в женских романах.

Итак, двух мнений быть не может: Никита Сергеевич Хрущёв опираясь на лояльных ему генералов — однозначно готовил государственный переворот ещё в 1941-ом году!

Если принять эту версию за рабочую, то можно легко объяснить очень многие

странности творящиеся в РККА перед войной.

«Какие будут ваши доказательства?».

А какие доказательства нужны?

Записка от Хрущёва Жукову: «Давай мочканём Сталина», что ли?

Это только в девственно чистых от мыслей головах обывателей, заговорщики пишут длинные списки своих сообщников, заранее составляют план переворота и заранее делят «портфели». В действительности же, все успешные перевороты происходят по этой схеме: сперва «вверх» на руководящие посты продвигаются свои люди, а потом при первом же удобном случае:

— Слушайте, хлопцы! Есть одна тема...

То есть генералы — участники предполагаемого госпереворота — до поры до времени и, знать не знали о готовящемся событии и уготованной им роли в нём. Три-четыре «посвящённых в детали» — этого вполне хватает.

Думаю, в «реальной истории» совершить государственный переворот Хрущёву помешала война — перетасовавшая его генеральскую «колоду карт» своей костлявой рукою. После войны опять же: «иных уж нет, а те далече!». Жуков, например, побывал в командующих Группой советских войск в Германии, откуда пойманный на мародёрстве — был опущен до Одесского военного округа, а затем вообще задвинут на Урал. Время Никиты Сергеевича пришло лишь после смерти Сталина, когда его «осиротевшие» соратнички — по простоте душевной позволили ему собрать воедино свою генеральскую клику и, после убийства теми Берии — совершить государственный переворот, возведя того на вершину власти.

Кто был в той самой хрущёвской «генеральской клике»?

А посмотрите на тех лампасников, чья карьера после его прихода к власти — резко скаканула вверх и всё будет ясно.

***

Это-то понятно, но что произошло только что?

С уверенностью в 99,99 процентов о данной ситуации можно сказать следующее:

После нежданно-неожиданного ареста Тимошенко, Жукова, Павлова и прочих, Хрущёв решил было что всё пропало — его генеральская мафия разгромлена. Затем неожиданный вызов в Москву — на с бухты-баракты объявленный съезд ВКП(б). С максимальной быстротой прилетев, он узнаёт от коллег по Политбюро, что Сталин не только подал в отставку со всех постов — но исчез «из зоны доступа»... То есть он не появляется в Кремле, не отвечает на звонки и никого не принимает.

В «верхах» сумятица, в народе разброд и шатания — то ли Вождь заболел, то ли он уже умер, а может...?

«Тссс! Только никому не говорите: Берия арестовал Сталина и хочет сам на трон усесться».

У нас в России по скорости распространения — подобные слухи опережают даже радиоволны!

Среди генералов паника: после ареста Тимошенко и «К», все лампасники опасаются повторения 1937-го года...

И Никита Сергеевич понял — другого шанса не будет!

И решил действовать по правилу «пан или пропан».

Исполнители есть — это его «второй эшелон»: выдвинутые им на повышение командиры из Киевского военного округа — учащиеся в Академии...

Но кто возглавит мятеж?

Самому как-то «не комильфо» — хотя бы на первых порах, а те кто мог бы отдать войскам приказ и, повести их за собой — Тимошенко и Жуков — сидят в подвале на Лубянке.

Что делать?

И тут прибегает весь в слезах и соплях сын Сталина — Васька-лейтенант: «Помоги, дядя Никита — кровавая гэбня отца арестовала!».

Здесь надо обязательно пояснить: в СССР тех лет, успешный мятеж мог произойти только «ЗА(!!!)» товарища Сталина. Тот, который «против» — был бы обречён на сокрушительное фиаско ещё на стадии смелых замыслов.

А здесь как раз такая ситуация!

И Никита Сергеевич поняв что другого такого шанса у него уже не будет — от слова «никогда», собирает «своих» слушателей из Академии Генерального штаба:

«Слушайте, хлопцы! Есть одна тема...».

Ну а дальше — цепная реакция: один взбесившийся пёс кусает и заражает бешенством десятки, а то и сотни своих собратьев...

Да и кто откажется помочь сыну самого Сталина, спасти «Вождя и учителя» из рук «кровавой гэбни» и, заодно власть трудящихся и дело великого Ленина?

А может, это какая-то проверка «на вшивость»?

И вызвав по какому-нибудь (возможно самому пустячному) поводу Наркома НКВД, Василий со товарищи его арестовывают...

А дальше что?

А дальше им терять уже нечего — только вперёд!

Так, так, так...

А какова при таком раскладе судьба товарища Сталина? То бишь моя судьба в его тушке тела?

Скорее всего незавидная: живой он Хрущёву не нужен.

Это будет напоминать свержение Лжедмитрия I во времена первой Смуты: бояре подняли народ во имя защиты того от ляхов — якобы намеревавшихся его извести... В итоге же оказался убит сам «истинный Димитрий», а царём стал Василий Шуйский — который всё это и затеял.

Итак, мы имеем редчайший случай в мировой истории: заговор против заговора и оба за товарища Сталина!

Мне аж до жуткой жути интересно стало: какой же из них победит?

***

Время шло, но ни Хрущёв со своими генералами, ни Власик с Косынкиным и бойцами полка кремлёвской охраны — не появлялись. И если задержку первого ещё можно объяснить, то...

...То надо посмотреть голой правде в её бесстыжие зенки: мой заговор потерпел сокрушительное фиаско.

Так, что?

Финиш?

«Game over» и впереди меня вновь ждёт «чёрный тоннель» со светом впереди?

Новое «вселение» и, вполне возможно в этот раз — в что-нибудь очень нехорошее, раз я не справился с «предыдущем заданием»?

На меня нахлынула волна жутчайшей паники:

НЕТ!!!

Правда я тут же взял себя в руки и стал размышлять.

«Так, так, так... А что там у нас в активе, какая «соломинка?»».

Любой переворот должен быть легитимизирован — чтоб не выглядеть слишком уж открыто узурпацией власти. Большевики в октябре 1917-го года проделали это на проходившем параллельно с переворотом (революцией) Съезде Советов...

Меня вновь бросило в жар:

«Сцука, ведь я же сам эту возможность ему предоставил — инициировав сразу два съезда — партийный и Советов!».

Нет, ты не Сталин — ты лох конкретный!

А если ещё подумать?

Так, так, так...

В заговоре Кукурузника имеются некоторые обнадеживающие моменты.

Первый момент: кроме армии, Хрущёву необходимо взять под контроль Наркомат внутренних дел — НКВД. Ведь, тупо арестом его наркома — Лаврентия Павловича Берии здесь не обойдёшься... Ведь ещё остались его заместители.

Значит, что?

Значит, надо поставить во главу этого грозно-всесильного — обладающего весьма значительными вооружёнными силами ведомства, своего человека. А это сделать без официального решения Политбюро ЦК ВКП(б) — никак невозможно. Стало быть Хрущёв сейчас сюда явится и приводя неопровержимые доказательства и самые убедительные аргументы — начнёт «уговаривать». И возможно сделает это так, что члены Политбюро и даже сам товарищ Сталин — не смогут ему отказать.

Второй обнадеживающий момент: истинные цели Кукурузника знали только «особо приближённые» — которых априори не могло быть слишком много. А раз заговор проводится «за товарища Сталина», то стоит ему только показаться среди основной массы заговорщиков — использующихся «втёмную», то это «мероприятие» сдуется как надутый водородом гондон — при прикосновении кислородно-ацетиленовой горелки.

Ведь Лжедмитрию I удалось поначалу вырваться из лап бояр-заговорщиков. Если бы он добрался бы до первой же толпы москвичей — восставших за него, то отечественная история была бы несколько иной...

Лучшей или худшей — судить не берусь.

...Но он выпрыгнув незамеченным из дворцового окна, сломал ногу и долго валялся под стенами — пока его не нашли и не добились.

Я подошёл к одному из пяти окон и, с тоской посмотрев с высоты шести-восьми метров на тщательно убранную от снега брусчатку:

«Нет, это не наш метод».

Чуть не ударив себя по лбу:

«Так дверь же есть!».

— Товарищи, я покину вас на полчаса: сбегать к себе в квартиру за томиком «Капитала» — срочно надо кой-какие знания по марксизму обновить. А придёт товарищ Хрущёв — пусть подождёт, как мы его ждали...

Только подхожу к выходу, как вдруг слышу за дверью какие-то невнятные голоса, какой-то шум.

«Поздно!».

— ...Ладно, я потом как-нибудь.

Чтоб не здороваться за руку с Хрущёвым, быстро обхожу стол и вертя в руках трубку, становлюсь напротив двери. Вежливый стук в дверь и не успел я произнести «никого нет дома!», как она распахивается и вот он — здрасьте вам!

В на мгновение открытый дверной проём я успел мельком увидеть произошедшие изменения в комнате охраны: вместо двух моих «прикреплённых» там находилась группа товарищей в синих галифе.

«Приплыли!».

— Здравствуйте, товарищи!

Поздоровавшись «списком» с членами Политбюро, Хрущёв с миной жизнерадостного идиота — буквально домашним «Шариком» обежав стол с «протянутой рукой», чтоб поручкаться со мной:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Разве что в лицо не облизал, так он был рад меня видеть...

Гляжу в его лучисто-чистые глаза и, напряжённо думаю:

«Как бы тебя паскуду, сбить с панталыка так, чтоб ты забыл зачем сюда пришёл? Ведь единственная моя «соломинка» — не допустить до голосования по замене главы НКВД, показать членам Политбюро истинное рыло этого... Этого...».

Вдруг внутренний голос мне подсказывает:

«...Этого отличного семьянина».

И тут меня прямо-таки в жар бросило:

«А ведь и правда! В отличии от прелюбодея Жукова — менявшего жён как перчатки, например, Никита Сергеевич отличался редкостной моногамией. После двух «ошибок молодости», он в 1924-м году сошёлся с Ниной Кухарчук и всю свою оставшуюся сознательную жизнь прожил с этой «коровой»...

Значит, что?

Значит, надо бить его по самому уязвимому месту.

***

— Здравствуй, Микитка!

Состряпав приветливую, но вместе с тем понимающе-насмешливую физиономию, не

без труда освободив свою руку из его на удивление сильной и цепкой ладони, указываю на свободное место за столом:

— Садись и потешь нас — расскажи, что ты там с моим Васькой-балбесом выдумал.

И произошло чудо: буквально одна фраза — а настроение моих соратников из Политбюро стало совсем иным. Из тревожного — игриво-весёлым.

Молотов с хорошо заметной иронией:

— Действительно, хотелось бы наконец услышать, с чего ты взял что товарищ Берия решил организовать государственный переворот?

— Это ему лейтенант-лётчик сказал!

— Лётчики — известные пьяницы.

— Ха, ха, ха!

— Хихихи!

«Один-ноль» в мою пользу!

Хрущёв не учёл, что его имидж сельского дурачка — может работать не только за, но и против него.

Но это только разминка: все раунды этого поединка — ещё впереди.

Явно сбитый с толка Хрущёв послушно уселся и стоически перенесся смешки в свой адрес, невозмутимо начал:

— Действительно: первый сигнал об аресте органами НКВД товарища Сталина поступил от Василя...

Ворошилов признался:

— Мне он тоже звонил, но я не придал его фантазиям значения.

Вслед за ним «посыпалось» и оказалось, что не звонил Васька только Жданову, Кагановичу и Калининну.

Хрущёв обеда всех глазами, избегая встречаться взглядом с моими, таинственным шёпотом продолжил:

— Я пытался связаться с Берией, но тот на рабочем месте и дома отсутствовал. Тогда бывший при мне Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Серов, обзвонил своих знакомых из НКВД и, выяснил что в Москве в строжайшей тайне готовится какое-то мероприятие... В повышенную готовность приведены войска НКВД — в частности дивизия имени Дзержинского. В штаб Московского военного округа и отдельные воинские части, Берией были направлены группы чекистов...

Подняв палец вверх, Хрущёв вновь обеда всех взглядом, спросил:

— ...Что это за «мероприятие» такое и, что об нём известно членам Политбюро?

Те недоумённо пожали плечами и вразнобой ответили, что ни про какое такое «мероприятие» — они и слыхом не слыхивали.

***

«Всё худшее и худшее» — как говорила девочка Алиса, попавшая с нашим Буратино в Страну дураков и «пролюбившая» там с ним всё наследство от Папы Карлы...

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга Иван Александрович Серов, Народный комиссар внутренних дел Украинской ССР — фигура без всякого стёба зловещая. Человек умный, изворотливый и смелый до беспредельной наглости... Карьера его была

стремительно-вертикальной — как взлёт баллистической ракеты с ядерной боеголовкой на борту. Придя в НКВД в январе 1939 года, он уже в январе (всего лишь через полгода!) стал тем, кем является сейчас — генерал-лейтенантом, если перевести на армейское звание и главой «гэбни» второй по величине республики в СССР.

Это за какие-такие услуги-заслуги?

Другой (чекист или армейский командир без разницы) всю жизнь в сапогах экзему на ногах зарабатывает, чтоб выйти на заслуженную пенсию майором или подполковником.

Какие-то особенные дарования или врождённые способности?

Имелись такие, куда же без них!

Серов был специалистом по «чисткам»: до войны он «чистил» от враждебных элементов вновь присоединённые территории Западной Украины и Белоруссии, страны Прибалтики... Во время войны — депортировал советских немцев, крымских татар и чеченцев с ингушами...

Но ведь этого мало!

Таких как он «специалистов-чистильщиков» у нас было много — от слова «дохуя»...

Так почему именно он? Кто был «толкачом» — «первой ступенью» его ракеты, поднявшей его в заоблачную высь?

Конечно, назначения делал Берия — нарком НКВД СССР, возможно с одобрения Сталина и товарищей из Политбюро... Но это лишь формальности! Берия — один, должностей в его «конторе» — много: как ему найти из многих наиболее достойного?

Обычно такие назначения, а потом повышения по службе — делаются по рекомендации человека заслуживающего доверия, но находящегося «этажом ниже».

Кто это?

Как и в случае с Жуковым, ответ на этот вопрос даёт карьера Серова после смерти Сталина, убийства Берии и прихода к власти Хрущёва. Если первый становится Министром обороны СССР, то второй — Председателем только что созданного КГБ. На столь высоком посту Серов продолжил своё амплуа «чистильщика» — он чистил лубянские архивы от компромата на Хрущева, после чего тот решился на разоблачение «Культа личности». Цинизм и подлость этой компашки дошла до того, что именно Серов — инициатор депортации и лично проводивший депортацию народов — выступил на XX съезде с разоблачением депортаций и обвинением в ней Сталина.

Бывали ли на свете люди, подлее этой тройки — Хрущёв, Жуков и Серов?

Конечно были, есть и ещё будут...

Но таких ещё поискать надо!

***

Мои соратники раскрыли рты и развесили уши, а Хрущёв тем временем продолжал в них дуть:

— Я всего лишь заподозрив гражданина Берия в подготовке контрреволюционного заговора — имел глупость высказать такое предположение вслух Василию, не догадавшись сперва посоветоваться с вами, товарищи...

Встав и сделав довольно ловкий «реверанс» в мою сторону:

— ...И главным образом с Вами, товарищ Сталин. Но этот юноша — горячая молодая кровь, решив видимо...

Я не торопясь обойдя стол, встал напротив него и похлопав ладоши — насмешливо-одобрительно прерываю этот мутный поток сознания:

— Маладэц, Мыкитка — харашо прыдумал. Жаль в пейзажи не пошёл: такое бы забористое фэнтази ваял — все б графоманы от зависти сдохли.

У Хрущёва начинают гореть уши.

— Я расскажу другую — более правдоподобную историю, товарищи...

Прохаживаясь туда-сюда вдоль стола, я начал:

— ...Пару месяцев назад приходит ко мне товарищ Берия и спрашивает: «Что делать?». Его сотрудники «вели» одного дагестанца заподозренного в работе на уругвайскую разведку и используя специальную заграничную аппаратуру (товарищи из Коминтерна достали) засняли того в довольно «пикантной» ситуации. Понимаете, про что я?

Калинин тряся козлиной бородкой, на мой взгляд — приличтвующей только какому-нибудь пидору, а не Председателю Президиума Верховного Совета СССР, похотливо проблеял:

— Понимаем. Очень хорошо понимаем...

Смотрю и у других соратничков глазки замаслились и продолжаю:

— И каково же было моё удивление, когда я опознал в его партнёрше... Кого вы думали?

— Кого?

— Кто такая, очень интересно...

— Да говори же ты наконец!

С видом фокусника, за уши достающего из шляпы совокупляющую пару кроликов, торжественно объявляю:

— Нину Петровну Кухарчук — сожительницу товарища Хрущёва!

Именно «сожительницу»: расписалась эта «сладкая парочка» лишь в 1961-м году, а до этого жили в блуде и разврате.

Хрущёва, по-моему — придавили к столу «рога» от уже давно вымершего гигантского оленя, а члены Политбюро оживленно:

— Не может быть!

— Ведь, у них такая любовь...

— Да, какая «любовь»? Все бабы — сучки.

Молотов:

— А ты не ошибся, Коба? Может, просто похожая на Нину женщина?

Отрицательно машу головой:

— Да, нет же! Очень качественные снимки — видны все пикантные подробно, даже волосы на её лобке можно пересчитать...

И понизив голос до «интимного» шёпота:

— ...Я уже далеко не молод, сами понимаете и, иногда бывают у меня ситуации — когда «хочется, но не может» по-мужски. Ну, сами понимаете: тяжёлое детство, вечно пьяный отец-сапожник, нервная работа революционера-подпольщика, зверские условия на царской каторге... Организм то ведь не железный! У вас уверен — тоже такое бывает: особенно после коллективизации, индустриализации и 1937-го года.

Калинин тоскливо затряс пидорской бородкой, а народ — чуть ли не хором:

— Ну, и?

Заговорщически подмигнув:

— Тогда я достаю эти снимки, рассматриваю, представляю себя на месте этого «дага»... И, вы знаете? «Стоит» — аж зубы ломит! «Деру» свою Валентина Васильевна так — что аж «дымит»!

Худо-бедно, но кроме великого государства Реципиент оставил мне в качестве «рояля» свою репутацию человека правдивого... По крайней мере в кругу своих.

Опять же, насчёт собственных «мужских способностей» никогда так не шутят: представители сильной половины человечества их сплошь и рядом преувеличивают — но чтоб преуменьшать...

Никогда!

Так что мне поверили.

Хрущёв багровеет красной свеклой (надеюсь, его прямо «Кондратий обнимет» и все мои проблемы — сами собой рассосутся), а Молотов, боясь взглянуть в его сторону:

— А при чём здесь сегодняшнее происшествие, не понимаю?

Объясняю буквально на пальцах:

— Товарищ Берия спросил меня: «Что делать? Никита мне друг и я должен ему это как-то рассказать... Может, через Политбюро?». А я ему отвечаю: «Если ты Микитке настоящий друг — загони этого «дага» пропалывать тайгу, а про «адюльтер» — ни слова. Иначе из лучшего друга — ты станешь его злейшим врагом».

С донельзя огорчённым видом развожу руками:

— Так разве молодёжь слушает советы нас, стариков? Вот и сегодняшнее происшествие — так смахивающее на вооруж...

****

Это надо видеть — в словах не опишешь!

Разве что представить сцену из фильма «Чужой» — где из вроде нормального человека, вдруг вылупляется инопланетное чудовище.

— БРЕШЕШЬ, СОБАКА!!!

Соскочив, Хрущёв — на которого страшно смотреть без сварочной маски, кидается на меня с кулаками через стол... Но соратники не сплеховав — ловят его сразу с двух сторон за руки.

Я же, возмущённо:

— Это какая такая «собака»? Не позволю так про Генерального Секретаря! Распустил я вас, пАнимаешь...

На крик дверь распахивается и заглядывают сразу две морды — одна с петличками НКВД, другая — с армейскими.

Я за словом в карман не полез:

— Закройте дверь, товарищи: у нас важное совещание по «аморалке»!

Одна из рож — та, что с тремя «ромбами» на краповых петлицах шинели, скользнув по мне наглым взглядом:

— Товарищ Хрущёв...?

Тот, видно не захотев — чтоб про его «рога» узнало слишком много народу, прорычал:

— Закрой дверь, ссука!

Затем я уравновешенно-примиряющим тоном, обратившись к мнимому рогоносцу:

— Неприятно конечно узнать, что любимая женщина тебе изменяет... Очень неприятно! Моя Надежда мне тоже изменяла с Бухариным и, что? Я разве психовал и устраивал сцены на Политбюро...?

Соратники уставились на меня, как будто впервые увидели.

— ...Я попросту пристрелил её, а Кольку-Балаболку чуть попозже расстрелял.

Подняв палец вверх:

— Вот и Вы, товарищ Хрущёв, должны были это стойко — как и подобает настоящему коммунисту перенести это, а не подбивать товарищей командиров через моего Ваську играть в декабристов. Так можно и доиграться...!

Перегнувшись через стол, смотрю ему в глаза:

— ...Так что пока не свершилось непоправимое, давай вернём ситуацию в её самое начало.

Подхожу к своему столу и сняв трубку, протягиваю её в сторону мнимого рогоносца:

— Звони и прикажи немедленно отпустить товарища Берию! Даю тебе честное слово коммуниста, что кроме партийного порицания — тебе ничего не будет...

Смотрю — «плывёт» и холодно думаю:

«Повешу я тебя — непременно повешу. И твою шлюшку — сотру в лагерную пыль. И выблядков твоих, всех до единого передавлю как вонючих клопов: чтоб ничто в этом мире — больше об тебе не напоминало, мразь. И пусть потом историки будущего об тебе влажно стонут — «жертва законных репрессий, мол», а Сталина проклинаят... Я не Сталин — мне похуй!».

— ...А про твои «семейные проблемы» — никто кроме нас не узнает. Правда, товарищи?

Те, дурни конченные — не всосав важности момента, закивали китайскими болванчиками:

— Правда, правда — всё останется между нами...

— В могилу с нами уйдёт...

— Будем немые как рыбы.

Но боже... Каким это было сказано фальшивым тоном!

Вот же Бог послал соратничков — только страну пролюбить с такими.

И сомлевший было от моего голоса Хрущёв, вдруг встрепенулся:

— Врёшь, Гуталинщик[1]!

Я, глаза в глаза:

— Тебе, что? Привести сюда эти фотографии — чтоб товарищи тоже полюбовались?

Калинин, с явной заинтересованностью:

— Мы можем всем Политбюро съездить к товарищу Сталину на Ближнюю дачу.

У «дедушки» видно серьёзные проблемы с потенцией... Очень серьёзные.

Соратнички переглядываясь:

— Ну, а что? А почему бы и не съездить?!

— Если снимки и вправду качественные — то оно того стоит.

— Лишь одним глазком посмотреть и потом забыть...

Кто-то из них не выдержал и захихикал.

У меня всё внутри обмерло:
«Писец, всё пропало!».

Хрущёва уже трясёт от ярости и ничего не соображая, он орёт:
— СИДЕТЬ!!!

Дверь вновь распахивается и в кабинет влетают трое — тот же чекист с наглыми глазами беспредельщика и тремя «ромбиками» (должно быть сам Серов, больше некому) и трое армейцев в званиях от генерал-майора до подполковника. Держа руки «у пояса», они тревожно уставились на происходящее — напоминая мне цепных псов на поводке.

Я было гаркнул на них:

— В чём дело, товарищи? Вас кто-то приглашал на важное правительственное совещание?

Но те меня проигнорировали, а Серов так ваще — так развязно-нагло посмотрел, что я железно уверовал в первоначальное намерение заговорщиков об моём убиении.

После недолгой «немой сцены» тыча в меня дрожащим от ярости пальцем, Хрущёв:

— Поедем ты и я!

Затем обведя взбешённым взглядом соратничков, которые начали какие-то телодвижения — поняв наконец что вечерок перестает быть томным:

— Сидеть, я сказал!

Молотов возмущённо:

— Мы, что? Арестованы?!

Во! Дошло до него, как до жирафа на вторые сутки.

Послышались голоса:

— Да как вы смеете, товарищи?

— Это противозаконно!

— Вы за это ответите перед советским народом!

Хрущёв едва сдержавшись чтоб не плюнуть в их рожи, скомандовал мне:

— Иди за мной!

И ртутным шариком выкатился за дверь кабинета.

Поняв, что если сам не выйду — меня вынесут и, вполне вероятно — вперёд ногами, я пожал плечами направил стопы на выход. Серов же, мимо которого проходил, меж тем успокаивающе-убаюкивающе:

— Товарищи! Вы не арестованы, а находитесь под охраной. Ведь Полк кремлёвской охраны, во главе с комендантом и его помощником — тоже участвовал в заговоре Берии и на территории Кремля до сих пор находятся вооружённые заговорщики...

Критически его осмотрев — небольшого роста, крепкий, подтянутый, уверенный в себе, думаю:

««Заговорщики»... На себя бы посмотрел, отморозок конченный!».

Тот правильно поняв мой взгляд, продолжил осуждающе качая головой:

— ...Даже начальник вашей личной охраны — Власик и, тот оказался изменником!

Едва не схватившись за «мотор»:

— Что с ним?

Тот очень спокойно, как об какой-то пустяковой ерундовине:

— Убит при попытке оказать сопротивление.

И как бы давая мне понять, что трепыхаться бесполезно, продолжил:

— Комендант Кремля Спиридонов арестован, как и его заместитель Косынкин.

Через кабинет охраны в котором находилось ещё трое военных — «на автомате» соскочивших при моём появлении, но потом с раздосадованным и обескураженным видом усевшихся обратно. Здесь Серов ласково, но тщательно, прям как у отца родного — после получки возвратившегося домой «на бровях», обшмонал мои карманы и, затем также нежно — подтолкнул меня вперёд, вслед за Хрущёвым.

Тот вышел было в секретарскую, где сидел с пришибленным видом Поскрёбышев, как к нему подкатил кто-то из вояк и приглушённо:

— Товарищ Хрущёв! У нас «ЧП»...

Тот резко остановившись, отрывисто скомандовал шедшим за мной троим командирам:

— Ждать здесь!

Смотрю и в очередной раз дивлюсь: как он не похож на того «няшного» Микитку — коим я его в первый раз «вживую» увидел...

Совсем другой человек!

Сам он с тем воякой вернулся в комнату охраны, плотно закрыв за собой дверь — после чего там произошёл какой-то разговор «на басах».

Вышел он ещё больше осатаневший и рукой подал знак следовать за ним.

Что случилось, интересно?

***

В гардеробной вместо уже привычной сталинской шинели и шапки-ушанки, на меня накинули чей-то тулуп в котором таких как Реципиент — троих завернуть можно и, подняв воротник — на голову водрузили генеральскую папаху, надвинув её на уши. Со стороны, я наверное, стал похож на бабу-сторожиху из «Операции «Б!»»...

Ясно для чего, да?

Заговор до сих пор осуществлялся «за» товарища Сталина и стоило кому-нибудь из командиров Академии Генерального штаба использующихся «втёмную» меня опознать — как все планы Хрущёва могли бы пойти насмарку. Впрочем, не всё ещё потерянно — я воспользуюсь первым же благоприятным моментом, для чего я придумал эту историю с сожительницей Хрущёва...

Как бы прочитав мои мысли, тот упёр мне в рёбра что-то очень жёсткое, по-видимому ствол пистолета и прошипел:

— И не вздумай со мной шутить, Коба!

Чуть не забыв прикинуться любящим отцом, с тревогой спрашиваю:

— Что с моим Василием? Где он?

Было бы весьма странно, если бы не спросил:

Многозначительно на меня глянув:

— В Академии Генерального штаба. Будешь вести себя хорошо — ничего с ним не случится. Понятно?

«Да заberi ты его с собой в Ад!».

С облегчением выдыхаю:

— Ага, понятно.

Сей балбес в заложниках — хотя мнит себя во главе восстания, поди.

Без всяких обиняков спрашиваю:

— Что, Микитка? Сам хочешь править-царствовать?

Тот, так же откровенно-прямолинейно:

— Да, хочу! А что тут плохого?

— Да, нет — это то как раз и очень хорошо. «Флаг тебе в руки и барабан на шею», — как говорят наши пионеры.

— Поменьше разговаривай. Ты теперь не в таком положении, чтоб шутить.

Развожу руками:

— Старческая болтливость, ты уж извини. Доживёшь до моих лет — вообще будешь срать под себя и ногой отгребать...

Я таким образом общаясь с Поп-Корном, шёл за идущим впереди генерал-майором, рядом он сам, сзади нас ещё двое командиров — полковник и подполковник.

Думал, сейчас на моём «Паккарде» поедет, но нет. Вышли чёрным входом из Сенатского корпуса и направились в сторону Спасской башни. Всегда открытый для посетителей Кремль безлюден как средневековый город после чумы, лишь маячат небольшие группки людей на въездах-выездах.

Интересно, куда идём?

В догадках долго не мучился. Возле Спасской башни стояли несколько автомобилей — в основном «членовозов» от отечественного производителя — «ЗИС-101». Судя по радующему глаза разноцветию, заговорщики использовали не только персональные (чёрного цвета) лимузины — но и «мобилизованные» цветные такси из 13-го московского автопарка.

Вот в один такой синего цвета и уселась вся наша недружная компашка: подполковник с чёрными петличками танкиста — за руль, рядом с ним Хрущёв, а генерал-майор и полковник на заднее сиденье — не слишком церемонясь зажав меня меж собой.

Выехали из Кремля не через «парадные», а через Боровицкие ворота — через которые осуществляется хозяйственная деятельность находящихся в нём учреждений и организаций... Фактически — через «чёрный вход», что навеивало точно такие — «чёрные» как газетный некролог мысли.

***

Это был полнейший разгром.

Сказать по правде, я даже где-то в глубине души обрадовался. Смерти я не боялся — лишь бы она не была слишком мучительной.

Да и то можно перетерпеть!

Ведь после неё — бесконечный тоннель со светом в конце и, неопишное земным языком чувство лёгкости, состояния — когда ты есть, но в то же время тебя как бы нет.

Может, спровоцировать?

До Ближней дачи которая находится сразу за Поклонной горой посреди леса, ехать минут двадцать и, с целью раздраконить Хрущёва как следует — я успел рассказать анекдот:

— Разводится значит супружеская пара... Судья спрашивает у мужа причину расторжения брака и тот отвечает: «Она назвала меня «кретином»». Судья: «Ну, может это она сторяча — милые бранятся, только тешатся». Муж настаивает: «Нет, это она сказала в контексте!». Судья удивляется: «В каком ещё таком «контексте»?». Муж: «Отпросился, значит, пораньше с работы, прихожу домой, открываю своим ключом дверь... И что вы

думали? А там её какой-то мужик «дерёт» раком прямо в прихожке — аж стены шатаются! А она поворачивается ко мне и говорит: «Смотри как это делается, кретин!».

— БУГАГАГА!!!

Сидящие по бокам командиры заржали, машина вильнула и чуть не врезалась во встречный троллейбус, а Хрущёв весь багрово-красный от злости обернувшись крикнул:

— ЗАТКНИСЬ, ПАДЛА!!!

— Так и знал, что тебе понравится.

Не... Не получается.

И с этой мыслью — что всё пропало, что уже ничего сделать нельзя и надо только тупо ждать — когда тебя как барана зарежут, я вдруг неожиданно для себя...

Уснул!

[1] Псевдоним "Гуталин" или же "Гуталинщик" был одним из популярнейших среди народа. Связь была наипростейшей, отец Иосифа Сталина был сапожником. Сталин также кроме кавказской, имел вполне себе персидскую внешность, а на Кавказе большинство гуталинщиков были именно люди персидской нации.

Глава 6. «Без галстуков», но с камнем за пазухой

Глава 6. «Без галстуков», но с камнем за пазухой.

Маршал А. Е. Голованов:

«37-й год мне понятен. Были такие, как Хрущев, Мехлис — самые кровавые, а потом пошло массовое писание друг на друга, врагомания, шпиномания, еще черт знает что! Великая заслуга Сталина, я считаю, в том, что он все-таки понял и сумел остановить это дело.

То, что взяли Тухачевского и прочих, видимо, было правильно, начало было правильным. Но зачем забирали простых людей по всей стране? Решили избавиться от подлинных врагов, но потом стали писать друг на друга. Я знаю одного человека. Спрашиваю: «Писал?»- «Писал». — «Почему?»- «Боялся». А ведь никто не заставлял.

Тухачевский через несколько часов на всех написал. Ворошилов возмутился: «Что это за человек?» А Рокоссовский, как его ни истязали, никого не выдал».

Уинстон Черчилль:

«Сегодня имеется человек, нанёсший вред России в 1000 раз больший, чем я. Это Никита Хрущёв, так похлопаем ему!».

Сплю я, значит, на заднем сиденье «ЗИС-101» — между генерал-майором и полковником и, снится мне что я на «том свете», если более конкретнее — в аду. Лежу значит на боку в луже скворчащего масла, на большой раскалённой сковородке, стоящей на горящих углях... Видно, чтоб я равномерно поджаривался — до хрустящей румяной корочки, меня громадными вилами переворачивает с бока на бок — довольно-таки необычно выглядевший чёрт. В шапке-ушанке со звёздочкой, армейском ватнике с петлицами красноармейца-пехотинца и в растоптанных валенках...

Что за хрень, думаю?

Чёрт в Преисподней — должен быть рогатым, хвостатым и обязательно — парнокопытным, иначе не считова.

Присмотрелся, мать моя — женщина: а ведь он на лицо — один в один как мой дедушка по матери... Правда, живым я его никогда не видел, но довоенная фотография у бабушки Ани в изголовье до самой смерти висела. Да и после того как она умерла — висела, пока не перекочевала в мой семейный архив после продажи квартиры — который в свою очередь пропал неизвестно куда, после того — как на меня надели «браслеты» и отвезли в «казённый дом», где стали задавать тупые вопросы.

Погиб он под Ржевом в 1942-м году, в декабре месяце — во время операции «Марс». Это когда «маршал Победы» — положил в сыру землю без всякого толка и пользы четверть миллиона солдат и офицеров и, отправил на переплавку почти пять тысяч танков — созданных в тылу шатающимися от голода детьми, стоящих у станков на ящиках...

Не веря глазам своим:

— Дедушка Саша, это Вы?

Чёрт весело скаля молодые, не тронутые кариесом зубы:

— Что признал, бесславный потомок? Ты был прав: не Сталин ты получился — а говно! А наш Верховный Главнокомандующий говорил: «Русские не сдаются!».

— Намёк понял, — сказал я и тут же проснулся.

***

Проснулся я как раз вовремя и, тут же поспешил предупредить:

— Впереди блок-пост НКВД и по незнакомой машине будут стрелять без предупреждения...

Водитель резко нажал на тормоза и «ЗИС» после довольно длинного заноса, сделав почти полный оборот, остановился напротив палатки — прямо под наведёнными стволами «Томми-ганов». А я не переменявшись в лице продолжил:

— ...С вас «поляна» причитается, товарищи командиры. А с Вас товарищ Хрущёв — банька с девками низкой социальной ответственности.

Все находящиеся в машине уставились на меня, а снаружи раздался голос старшего сержанта Ерофеева:

— Вы въехали в охраняемую зону. Всем выйти из машины и предъявить документы.

Я:

— Лучше подчиниться, а то эти ребята устроят здесь голливудский боевичок — наподобие Чикагской бойни в день святого Валентина.

Командиры приготовили свои «ТТ-шники», а Хрущёв обернувшись прошипел:

— Не вздумай фокусничать, не губи молодых ребят!

Отвечаю:

— Всё будет пучком — не очкуй, товарищ.

Когда вышли и встали кучкой возле машины, всё тот же старший сержант Ерофеев, подозрительно глядя на моих попутчиков поднес ладонь к шапке представился. Затем узнав меня, удивлённо вопрошает:

— А где товарищ Власик?

Чувствуя давление ствола в бок, улыбаюсь и несу первое пришедшее в голову:

— Товарищ Власик приказывает вам быть всегда начеку! Сам он остался с поломанной машиной на дороге, а мы вот с товарищами угнав первое встречное такси...

Почувствовав тычок ствола пистолета где-то в области правой почки:

— ...В общем понятно, да?

— Понятно.

Конечно, «ТТ-шники» заговорщиков против «Томми-ганов» не пляшут... Но командиры стояли так, что бойцы стреляя — неизбежно заденут меня. А так как они этого делать не будут из-за страха за мою жизнь, то эти гоблины синештанные — их всех до одного перестреляют...

Действительно — жаль молодых ребят-стажёров.

Я вздохнув вынул из кармана партбилет и сунул под нос одному из бойцов.

Итак, ещё одна надежда развеялась как дым...

Ерофеев всё-таки что-то заподозрил (да и бойцы недоумённо переглядывались от моего вида), косясь на моих «попутчиков и ловя мой взгляд:

— Всё в порядке, товарищ Сталин?

Как можно безмятежнее отвечаю:

— Всё в полном порядке, товарищ старший сержант. Несите службы бдительно, согласно должностных инструкций и ни о чём не беспокойтесь.

Когда отъехали, генерал-майор с явным давлением в мой адрес:

— Их отсюда надо убрать.

Спокойно, но твёрдо:

— Кому надо — вот тот и пусть убирает. А я напрямую охране приказывать не могу — это функция была за генералом Власиком. А теперь ждите, когда через нового наркома НКВД будет назначен новый начальник моей охраны.

Военные знали что такое «субординация», поэтому вопросов на эту тему больше не возникало. По крайней мере, сегодня.

***

Кроме дежурного коменданта и двух «прикреплённых», больше никого из охраны в сталинском особняке не было — Реципиент на удивление безалаберно относился к своей собственной безопасности. Хотя будь это по другому — как в книжках «про Культ личности» написано: пятиметровый бетонный забор с колючей проволокой сверху, вышки с пулемётами, «ДОТы», «ДЗОТы» с артиллерией и, минные поля кругом — Хрущёв бы меня сюда не повёз, это однозначно.

Даю приказ выскочившей из флигеля охране — пялившейся на меня во все глаза, не докучать мне вплоть до особого распоряжения и, входим в дом.

Здесь нас оперев руки в бока, встретила Валентина Васильевна:

— Что так рано с работы — случилось что? Во! А чё ты разodelся, как чучело?

— Почему «как», даже обидно...

Скинув тулуп с плеч, чмокнув любимую в щёчку, велю:

— ...Дорогая, мы с товарищем Хрущёвым ходим в туалет. Ибо нам с ним приспичило — от слова «конкретно».

Та, подозрительно на нас поглядывая:

— Ну раз приспичило — конечно ходите. Не забудьте стульчак поднять — я вам не служанка.

И на кухню, называемую почему-то «буфетом» — греметь самоваром да чашками.

Хрущёв шёпотом:

— Ну и где?

Так же шепчу ему:

— В туалете, не догоняешь, что ли? Вдвоём входим — ты и я, или всей нашей дружной компашкой?

У того видно свои соображения: как бы порнушку с его «коровой» в главной роли — не увидел кто лишний. Да и что ему бояться безоружного шестидесятидвухлетнего старика?

Окинув меня с головы до ног, облизнул губы, и:

— Вдвоём.

Я, внутренне ликуя:

— Ну тогда давай разоблачайся — в туалет в верхней одежде не ходят, не пались так тупо.

Тот последовал моему совету, демонстративно переложив небольшой пистолет в карман

мешковато сидящего на нём пиджака, надетого поверх расписной вы... Вши... Вывшиванки.

Я обращаюсь к командирам, показывая рукой направление в малую столовую:

— А товарищи могут пока попить чай — мы недолго...

Только разделись, как со второго этажа по лестнице слетело что-то радостно-визжащее и повесилось Хрущёву на шею:

— Микитка приехал!

Я строго-нравоучительно:

— Светлана! Мы же уже с тобой договаривались: взрослых мужчин ты должна называть по имени-отчеству. Неужели одного раза было мало, чтоб запомнить?

Так, покраснев смутилась:

— Извините, Никита... Эээ...

— Сергеевич.

— Извините, Никита Сергеевич!

И стремглав убежала наверх.

Обалдев, Хрущёв — аж раскрыл рот от удивления, глядя ей вслед, а я:

— Выпорол, как следует ремнём разок...

И, не без гордости за дело рук своих:

— ...Золото, а не ребёнок стала.

Тот сперва почесал свободной от оружия рукой начинающую лысеть голову, смотря на меня так — как будто никогда раньше не видел... Но потом спохватившись, с видом сэра Исаака Ньютона после удара по голове яблоком:

— Ах, да! Всё забываю что у тебя ж этот был... Как его?

— Микроинсульт.

Быстро-быстро кивает:

— Вот именно — «микроинсульт»! Это всё и объясняет.

***

Из прихожей через зал прошли в спальню, затем в туалет. Я по дороге деловито-популярно объясняю:

— Очень удобно хранить порнушку в туалете — рекомендую, Сергеич. Если писюк в нужный момент «на полшестого» и выше никак — отпросился у любимой в туалет, типа посцать... Ну а там уже достал фотки, глянул, «передёрнул» своего «ветерана» — чтоб уж наверняка и вприпрыжку обратно в койку к любушке.

Тот злится, аж зубами скрипит:

— Давай быстрее, болтаешь много.

Я, обиженно-нравоучительно:

— Не цените вы — молодые, наш стариковский жизненный опыт! А как ваше время придёт — что делать, как его «поднять»? А всё! Посоветовать некому: мы уже в Кремлёвской стене — рядом с Лениным...

Хрущёв досель державший руку в кармане, уже открыто вытащил пистолет и подтолкнул меня им:

— Заткнись! Просто заткнись и всё!

Как только зашли в санузел, я тут же расстегнув ширинку, вывалил своего «бойца»:

— Я сперва «отолью», ладно? Давно уж тепло: не ровен час — изольюсь «золотым дождём»...

В просьбе такого рода, мужчина мужчине обычно не отказывает — даже злейшему врагу, перед тем как его отправить в «страну вечной охоты и рыбалки».

Тот, скривившись от вида моего «красавца»:

— Отливай, раз уже не в мочь...

Шарит по помещению санузла глазами:

— ...Скажи где я сам возьму.

— Надо ещё уметь как достать: там мышеловка с сильной пружиной — пальцы прищемит. Так что придётся тебе подождать.

— Чёрт с тобой, только давай быстреей.

Встаю возле унитаза, поднимаю крышку и спустя какое-то время «зажурчало».

Долго, очень долго «журчит»...

— Быстреей не можешь?

Повернув вполоборота голову, объясняю:

— Простатит у меня, товарищ Хрущёв. Вам, молодым не понять! Да ещё ты со своим пистолетом... Напрягает! Убрал бы его, что ты мне в задницу им тычешь?

Боковым зрением вижу, что тот засунул руку с пистолетом в карман широких — мешок-мешком, брюк.

«Журчать» перестало практически тут же.

Восклицаю радостно:

— Ну вот и осушил «ящерицу»!

Наклоняюсь чтобы опустить стульчак, но вместе с этим сую правую руку между бачком и стеной и незаметно достаю оттуда свой «ТК» — пистолет системы Коровина. С досланным патроном, снятый с предохранителя — всё как положено: наводи и стреляй.

Странное место для хранения короткоствола?

А это смотря от кого предполагаешь защищаться!

Если уличных хулиганов боишься — то конечно лучше носить пистолет в кармане или в кобуре. А вот если от таких вот «друзей семьи» — то лучше вот в таких местах. «Там» например, я хранил один из своих пистолетов приклеенный скотчем под обеденным столом и, как раз — да, помогло. Иначе бы я вселился в Реципиента — ещё в его бытность учащимся семинарии, наверно.

Резко поворачиваюсь и уперев пистолет Хрущёву в пуп, собрав всю силу убеждения, приказываю:

— Сними палец с пускового крючка — а то ненароком себе яйца отстрелишь.

По движению лицевых мышц вижу, что он проделал от него требуемое.

— А теперь медленно... Слышишь: МЕДЛЕННО(!!!) достаёшь пистолет двумя пальцами и отдаёшь мне... Ну?!

В отличии от Сталина — поддерживающего отечественного производителя, Никита Сергеевич предпочитал изделия идеологического врага и, вскоре на моей ладони оказался изящный и компактный «Маузер М.1910/34», калибром 7,65 миллиметров.

Ухмыльнувшись:

— Пижонишь, товарищ Хрущёв? А Владимир Ильич Ленин как нас — большевиков

учил? Будь проще и народ к тебе потянется.

Прячу «игрушку» себе в карман и приказываю:

— А теперь ты вставай на моё место, расстегни мотню и пописай! Только стульчак не забудь поднять — Валентина Васильевна ругаться будет. И не оборачивайся, пока не разрешу.

Тот проделав лишь два первых пункта:

— Не могу...

— Что «не можешь»? Писцать?

— Угу...

Понимающе-сочувствующе:

— Это у тебя от нервов. Тогда слушай так...

Приязненно улыбаюсь:

— ...Развёл я тебя, Никита Сергеевич. Нет у меня никаких фотографий — ни с твоей кор... Хм, гкхм... Ниной Петровной, ни ещё с кем-либо. А о причине — ты и сам догадываешься, да?

Тот, с облегчением выдохнул и в унитазе сразу же «зажурчало»:

— Догадываюсь... Ну и сволочь ты, Иосиф Виссарионович!

Скалюсь:

— Думаю, по крайней мере — мы с тобой друг друга стоим, Никита Сергеевич. Не сейчас давай думать, что нам дальше делать... Сам то как считаешь?

Думаю то на эту тему, я в принципе уже давно — секунд десять.

Вариантов в принципе, у меня не так уж и много...

Оглушить ударом по затылку, связать его и потом пойти пристрелить тех троих?

Это будет означать близкий контакт, при котором более молодой и сильный противник — каким является Хрущёв, как два пальца об асфальт — одержит вверх над шестидесятидвухлетним стариком, у которого вдобавок плохо действует левая рука.

Пристрелить его, а потом действовать по первоначальному плану?

Не уверен, что звук выстрела не будет слышан в столовой — где в данный момент пьют чай командиры. Ещё менее уверен в том, что смогу в перестрелке победить троих профессиональных военных, обладающих к тому же — куда более серьёзным оружием, чем мой карманный «Коровин».

Как будто в подтверждении моих слов в спальне раздались приглушённые шаги, стук в дверь и осторожный вопрос:

— Товарищ Хрущёв...?

Ну а я что говорил?!

Тот молодец — не растерялся, рявкнул:

— Что надо? Дайте мне спокойно пописать!

Когда приглушённые шаги «раздались» в другую сторону, озабоченно-участливо интересуюсь:

— А может, товарищ тоже в туалет хочет?

— Потерпит.

Мда... Никиту Сергеевича отличало вот такое — «потребительское отношение» к людям, от которых зависела его власть. На чём он видно и погорел в «реальной» истории. Сталин и Брежнев себе такого не позволяли — поэтому и правила долго.

Однако, мне сейчас от этого не легче...

Так, что делать?

Так, так, так...

Остаётся, что?

Остаётся только дипломатия.

***

Ответа от Хрущёва я так и не дождался: хотя «журчать» уже перестало, он так и замер над унитазом с расстёгнутой мотнёй и собственным хером в правой руке. Я ж говорил — фантазии у него маловато и придумать что-то своё — ему в лом.

Исходя из этого постулата, делаю первый ход:

— Слушай, не то ты время выбрал — чтоб за власть бодаться! Война на носу и не просто с Германией — с объединённой Европой: четыреста миллионов солдат и работников — против наших неполных двухсот. Проиграем её и окажемся с тобой где-нибудь за Уралом! Конечно если японцы — не загонят куда-нибудь за Туруханск...

Помолчав, чтоб он усвоил информацию. И видя, что того должным образом впечатлила перспектива вместо своих украинцев — руководить белыми медведями, пятнистыми тюленями и северными оленеводами, продолжил:

— ...Поэтому предлагаю тебе, Никита Сергеевич, «перезагрузить» ситуацию.

Даже по его спине вижу, что переход с «Микитки» или даже просто «товарища Хрущёва» на имя-отчество — ему ужасно понравился. Так сказать — повышение уровня, как в компьютерных играх

Повернув голову, он спросил:

— Как это — «перезагрузить ситуацию»? Объясни, Иосиф Виссарионович?

Вижу что «клюёт» и мысленно потираю руки:

— То есть ты сейчас звонишь моему балбесу и говоришь ему, что с отцом всё в порядке. Что у товарища Берии — и в мыслях не было его арестовывать и всё такое прочее, не мне тебя учить. После чего вы извинившись, отпускаете Лаврентия Павловича. Тот, так же извинившись — отпускает Жукова и всю его гоп-компанию... После чего, все мы вместе и все мы дружно — начинаем готовиться к войне: ты на своей Украине, генералы — в своём Генштабе, товарищ Берия — в НКВД, Васька-балбес — в авиационном полку на Камчатке. Ну а я всеми вами руковожу — как Председатель «ГКТиО», Верховный Главнокомандующий, Председатель Совнаркома и прочая, прочая, прочая...

Спохватываюсь:

— ...А мою не совсем удачную шутку про «порнушку», объясним нашим соратникам по Политбюро моим прогрессирующим старческим «микроинсультом» и переутомлением на работе. Если что — профессор Виноградов подтвердит диагноз, собрав консилиум из лучших специалистов Советского Союза, ближнего и дальнего зарубежья... Ну и как тебе такое?

Слегка пригнув голову, Хрущёв еле слышно, сдавленным голосом:

— Не получится...

Насторожившись:

— Обоснуй?

Тот совсем убито, косясь на мой пистолет:

— Берия убит.

На мгновение перехватило дух как будто от удара под дых. Пистолет в моих руках чуть дёрнулся — до того вдруг захотелось всадить пулю в этот ненавистный затылок... Но я сразу же взял себя в руки и, как будто с облегчением вздохнув:

— Ну, что ж... Тогда будем считать, что всё что не делается — делается к лучшему. Как говорить: «мёртвые — в землю, живым — надо жить».

Примащиваюсь на краешек ванны и примирительным тоном приказываю:

— Выпусти хер из рук, застегни штаны, опусти стульчак и садись на унитаз — разговор у нас обещает быть очень долгим, Никита Сергеевич.

Когда он это выполнил, глядя в глаза спрашиваю:

— Как это произошло?

Хрущёв с изрядной, нескрываемой досадой:

— Случайно. Когда Берия задержали и предъявили обвинения в превышении власти, он вдруг полез в портфель. Один из командиров решил, что у него там пистолет и застрелил его...

Помолчав, добавил неуверенно:

— ...По крайней мере, мне так сказали.

Вроде не врёт, хотя в случайности я не верю. Может, товарищи военные играют в какую-то свою игру?

Фиг его знает, без литра здесь не разберёшься.

Следующий — очень немаловажный вопрос:

— Много народу видело это убийство?

— Трое командиров из Академии Генштаба, больше никто.

Указывая пистолетом за спину — в сторону малой столовой, интересуюсь:

— Те трое?

— Нет, не они...

И глянув мне в лицо, с вполне понятным намёком:

— ...Те что остались в Академии с Василием.

Теперь, это его самые верные люди — которые пойдут за Хрущёвым до конца и, они по сути — держат в заложниках сына Реципиента. Хотя тот видать — до сих пор ничего не подозревает и считает себя лидером этого путча «за отца».

Ещё один вопрос:

— Кому кроме меня, ты про это сказал?

— Кроме тебя никому.

Облегчённо вздыхаю:

— Тогда ещё не всё потеряно...

И, довольно бодрым тоном:

— ...Сказать по правде, я и сам Лаврентия стал побаиваться — слишком он уж много силы набрал и, уже давненько стал подумывать — как бы его... «Того»!

Продолжаю, импровизируя так — что извилины дымят:

— Весьма печально, конечно, но не фатально. Объясним случившееся несчастным случаем в результате неосторожного обращения с оружием, опубликуем в «Правде»

печальный некролог, организуем роскошные похороны в кремлёвской стене и замнём дело.

Хрущёв склонив голову набок, с явной заинтересованностью:

— А дальше, что?

Я задумался:

— А что спрашиваешь, дальше...?

***

Внезапно меня осенило и я решил осуществить «Операцию «Ы!»» руками Хрущёва. Так сказать по принципу: «кто нам мешает — тот нам и поможет».

Встав, я засунул его «Маузер» ему же в левый карман пиджачка (не забыв предварительно поставить его на предохранитель, конечно) и усевшись на место, доверительно продолжаю:

— Насколько я понял, ты хочешь вместо меня стать Генеральным секретарём ВКП(б)?

Конечно, в его понятии — партия и власть неотделимы, как сросшиеся хребтами сиамские близнецы. В то, что без Сталина власть ВКП(б) — станет чисто номинальной, он даже и не подозревал.

Хрущёв сперва немного подумав, еле заметно кивнул и с тревожным ожиданием уставился на меня. И не заставив себя долго ждать, я восклицаю:

— Так наши желания совпадают — ведь я же просил отставки с этой должности! Что ж ты, Никита Сергеевич, не поддержал меня — ни здесь на Даче, ни на Съезде?

Хрущёв облизнув губы:

— Они думали, что ты был не искренен и, хотел этим демаршем добиться ареста неугодных тебе генералов.

Похоже там в Генштабе, я «выстрелил себе в ногу»... Злюсь на собственную оплошность:

— «Они думали»! Если бы «они» думать умели — это ещё полбеды. Я не кривил душой: я действительно хочу уйти с поста Генсека...

Приблизив лицо к Хрущёву:

— ...А ты — на него хочешь устроиться. Почему бы нам с тобой друг другу не помочь, а?

Ещё раз облизнув губы, недоверчиво:

— Представим себе, что я — Генеральный секретарь... А ты? Ты кем будешь? Только не говори ничего про «пенсию», Иосиф Виссарионович... Бо, дурних нема!

Отвечаю:

— Какая «пенсия» — проснись и пой, Никита Сергеевич... Война ж на носу! Как и планировал — я займу должность Председателя «ГКТиО», Председателя Совета Народных Комиссаров и Верховного Главнокомандующего.

Вижу — и хочется и колется и, закидываю ещё одну приманку:

— Как ты считаешь, Никита Сергеевич, если мы с товарищами из Политбюро на месте Берии твоего Серова назначим — он потянет?

Насчёт этого типа я не опасался, от слова «совсем»!

В «той реальности» став во главе Госбезопасности, этот малый обнаружил ещё один «талант» — умение наживать себе врагов и, из подручного быстро превратился в главную

головную боль Хрущёва. Относясь с прохладцей к своим обязанностям, он постоянно хамил не только подчиненным — но и крупным партийным функционерам из ЦК ВКП(б), государственным чиновникам и даже иностранным дипломатам. В конце-концов, Никите Сергеевичу пришлось его снять и задвинуть куда-то на периферию, где тот и сдох — позабыт-позаброшен.

Почему в «новой реальности» должно быть как-то иначе?

Хрущёв с заметным недоверием, опасливо косясь на пистолет в моей руке:

— Потянуть то, он потянет...

Не дослушав его, я принялся делить «портфели»:

— Ну, вот и ладушки! Кроме Генсека партии, ты станешь моим Первым заместителем на должности Председателя «ГКТиО», будешь входить в состав Ставки Верховного Главнокомандования и иметь право решающего голоса в Совнаркоме СССР... Так чего тебе ещё надо, хороняка?

Испытывающее глядя мне в глаза, Хрущёв предъявляет свои хотелки:

— Нарком обороны — Тимошенко, Начальник Генерального штаба — Жуков.

Соскочив, протягиваю ему свой пистолет рукояткой вперёд:

— Ни за что! На вот — застрели товарища Сталина, но только через его труп!

Не спеша воспользоваться предоставляемой возможностью, удивлённо:

— Почему?

«Да потому что тупые олени».

Убрав от греха подальше от него пистолет, объясняю, стараясь не переходить на личности — что даётся мне с великим трудом:

— Да потому что они оба не соответствуют эти должностям и, назначить их на них — значит «пролюбить» государство, завещанное нам великим Лениным. Нет, конечно ты можешь попробовать, Никита Сергеевич... Но тогда я умываю руки, переодеваюсь Керенским и первым же философским пароходом сваливаю в Мексику. А ты здесь сам это дерьмо разгребай — большую комсомольскую лопату тебе в руки!

Видно это моя готовность торговаться до конца за каждый портфель» и убедила Хрущёва в моей искренности. Державшийся до этого настороже от моей покладистости — не без основания ожидая какой-нибудь подлянки, он заметно расслабился.

— А ты кого предлагаешь, Иосиф Виссарионович?

Я не стал что-то выдумывать, а озвучил свои давно и твёрдо обдуманые намерения:

— На должность Наркома обороны, я планирую вместо Тимошенко назначить маршала Кулика.

Хрущёв не стал спрашивать, почему именно Кулика. Потому что и без того знал что тот — человек именно Сталина, знакомый тому с обороны Царицына в 1918-м году и, задал следующий вопрос:

— А кого Начальником Генерального штаба? Снова Мерецкова?

— Мерецкова надо непременно расстрелять — ведь он в чём-то там признался. Это чтоб другим неповадно было!

Вижу — такой подход Хрущёву шибко понравился. Он одобряюще кивнул и продолжил гадать:

— Шапошникова?

Делаю категорически-отрицающий жест:

— При всём моём к нему уважении, Борис Михайлович — это как раз тот «старый конь», который пашет хоть и ровно — но неглубоко. А война — дело молодых и рьяных!

Впрочем, для Шапошникова у меня приготовлено «особо важное задание».

Затем, твёрдо и безапелляционно:

— А начальником Генерального штаба РККА — я хочу назначить Захарова, а значит — так оно и будет.

Наморщив лоб:

— Это не тот ли, это Захаров — который у меня в Одесском округе?

«Ишь, ты — «у меня»!».

Подкрепив кивком, подтверждаю:

— Да, именно тот: генерал-майор Захаров Матвей Васильевич. Он и никто иной!

Хрущёв скорчил недовольную мину, из чего я заключил, что у него с начштабом «своего» Одесского военного округа отношения не заладились. Поэтому чтоб прийти к консенсусу, предложил:

— Впрочем, ему в заместители можно назначить кого-нибудь из молодых выпускников Академии Генерального штаба. Вот положим — того генерал-майора, что сейчас пьёт мой чай... Как его фамилия, кстати?

У того вырвалось:

— Малиновский. Только он не выпускник Академии, а старший преподаватель.

С бодрым оптимизмом:

— Ну значит, это будет правильный выбор.

Тут же а памяти всплыло: летом 1942-го, немцы смяли Южный фронт — которым командовал этот «преподаватель» и, без боя заняли Ростов. Сталин был вне себя от ярости и хотел отдать командование фронта под трибунал. Член Военного совета застрелился, адъютант командующего куда-то исчез — возможно перебежал к немцам со всеми секретами. Но Хрущёв поручился за «своего» генерала и Малиновский отделался снятием с должности.

Позже, когда Красная Армия стала побеждать — он не только «реабилитировался», но и пошёл на повышение. После войны стал маршалом Советского Союза, а после смерти Сталина — министром обороны СССР.

Раньше я считал советский генералитет перед войной — некой безликой массой, мыслящим океаном — грёбаным «Солярисом»...

Я глубоко заблуждался!

Теперь я знаю, что у этой синештанно-лампасной клики есть «лицо» и, в это лицо я сейчас смотрю и думаю с грустью и печалью:

«Ну как не быть трагичными события 22 июня и далее, если военное руководство возглавляет такой вот «мозговой центр» — без капли воображения?».

Хочешь не хочешь, а придётся накидать ему ещё «плюшек». Как бы рассуждая с самим собой, я начал:

— Что касается Тимошенко и Жукова... Конечно это очень хорошие командиры (про себя: «Обоим им бы кол в жоппу»), но это — строевые(!) командиры. Хозяйственная — как у наркома обороны, или штабная работа — как у начальника Генштаба, им противопоказана

как профессиональному боксёру — тройная бухгалтерия или игра на фортепиано. Поэтому специально для этих двоих я хочу ввести новую должность — «представитель Ставки Верховного Главнокомандующего»...

Вижу — крайне заинтересовало и, со всем воодушевлением продолжаю:

— ...Суть в чём? Генеральный штаб РККА разрабатывает какую-нибудь фронтную операцию, а Верховный Главнокомандующий — посылает своего представителя её воплощать в жизнь на месте.

По сути, «велосипед» я не изобрёл: в Великую Отечественную Войну так и было.

Спрашиваю:

— Такой расклад тебя устраивает, Никита Сергеевич? И волки целы и хлопцы пьяны.

Хрущёв кивнул с довольным видом:

— Это ты очень хорошо придумал, Иосиф Виссарионович...!

Затем подумав, задал ещё один — надеюсь последний вопрос и замер в тревожном ожидании:

— ... А кого ты хочешь на «Главное Политическое управление»?

Его обеспокоенность вполне объяснима: на этой должности — Начальника «Главного управления политической пропаганды Красной армии», какая-то чехарда: Мехлис, сейчас — Запорожец, потом снова Мехлис, Щербаков...

Это называется одним ёмко-информативным русским словом: бардак!

Вопрос, конечно интересный. Вообще-то я вообще его вообще не хочу, считая всех политработников — что гражданских, что военных — по меньшей степени дармоедами...

Но попробуй такое ляпни Хрущёву!

Тут же в горло зубами вцепится и загрызёт насмерть.

Понимающе улыбнувшись, я ответил:

— Если ты будешь занимать должность Генерального секретаря ВКП(б), то назначения на эту должность — это сугубо твои проблемы будут, Никита Сергеевич. На правах же более старшего по партийному стажу товарища, могу лишь посоветовать самому её занять. По совместительству...

Вижу как у того открывается от счастливого озарения рот, продолжаю с изрядно озадаченным видом:

— ...Прошедшая финская война показала, что наши отцы-командиры нуждаются в более плотной опеке со стороны армейских партийных органов. Я бы на твоём месте, Никита Сергеевич, возродил институт комиссаров и повысил их роль до уровня — каким он был в Гражданскую.

Такой финт ушами проделали в начале Великой отечественной, когда огребли изрядно люлей от гансов.

Помогло?

Нет!

В ситуации, когда у руля два тупых «оленья» вместо одного — ответственность размазывается, но положение не улучшается.

Так нахахуа, спрашивается?

Политика!

Таким образом, надеюсь, мне удастся вбить клин между ним и его генеральской шоблой.

Интересно, догадается иль нет?

Однако в очередной раз, с чувством высокого удовлетворения убеждаюсь: у этого типа вообще нет чувства воображения!

В глазах Хрущёва вспыхнуло и загорелось ровным пламенем восторженное восхищение напополам с неподдельным уважением в мой адрес и, я понял, что выиграл эти «дипломатические» переговоры — теперь он мой весь вместе с потрохами.

Конечно и, на фиг бы мне такое «счастье» не упёрлось...

Ну, а что делать?

«Попала нога в колесо — пищи, но беги»!

***

Встаю, ставлю свой пистолет на предохранитель, прячу его в карман и протягивая ему руку, в доверительном тоне:

— Ну что, Никита Сергеевич? Договорились? Тогда немедленно возвращаемся в мой кремлёвский кабинет, дерём за «яйца» наших соратников из Политбюро и до тех пор их выкручиваем — пока они не подпишутся на эти кадровые перестановки. А для товарищей депутатов со Съезда, у нас с тобой тоже найдутся очень убедительные аргументы...

Я торжествовал:

«Операция «Б!» продолжается, господа присяжные заседатели!

Вдруг:

— ...Что с тобой?

Хрущёв тоже встал, но руки мне не протягивает. Мало того, детско-счастливое выражение на лице — ушло как солнечный диск в тень Луну при затмении, а вместо него — вернулось хмуро-озлобленное:

— Не получится.

— Обоснуй?

— Ты это конечно, всё это очень здорово придумал, Иосиф Виссарионович... Вот только с «товарищами из Политбюро» — тоже нехорошо получилось.

Удивлённо моргая:

— И что такого «нехорошего», могло за время нашего отсутствия с ними произойти? Кружок пидарастов они там вместе с твоим Серовым решили замутить со скуки и устроили групповуху прямо в Мавзолее Ленина?

Тот, с явным обвинительным уклоном:

— Из-за твоего (грубая ненормативная лексика. Авт.) «микроинсульта» и твоей (грубая ненормативная лексика, с упоминанием нетрадиционного полового акта между двумя однополыми мужчинами. Авт.) шутки, я приказал их расстрелять!

Одновременно окуеваю, лихорадочно соображаю о грозящих последствиях и с неподдельным восхищением восклицаю:

— Да ты на всю голову отмороженный, Никита Сергеевич!

Эх! Мне б пяток таких «быков» в наши «Лихие 90-е», я б такого наворотил...

Москву бы на уши поставил!

Да, что там Москву...

А то по правде сказать — все эти боксёры, каратисты и прочие представители единоборств — крутые только на ринге или татами, в присутствии судьи и полного зала свидетелей.

А как что-то по беспределу — так это, сцуко, «неспортивно», «нас такому не учили»...
ТЬфу!

Тот, не доставая пистолет — как уже давно пройденный этап в наших отношениях, наподобие его однако — уперев мне в грудь указательный палец:

— И виноват в этом — ТЫ!!!

Согласно киваю, с любопытством его разглядывая:

— Ну, да! Вали всё на товарища Сталина — он стерпит.

Причина такого его неадекватного поступка ясна как отпечатки жирных пальцев на чистом лобовом стекле автомобиля: Хрущёв не хотел, даже как смерти боялся огласки супружеской измены своей «коровы» — пусть даже и мнимой. Действительно: всемогущий диктатор, «вторая экономика мира», непобедимая Красная Армия во главе с гениальными стратегами в синих галифе с широкими красными лампасами...

И вдруг «рога» — как у трицератопса: рода растительноядных динозавров из семейства цератопсид — существовавших в конце маастрихтского века мелового периода.

Как в Тегеране, Ялте и Потсдаме — Черчиллю и Рузвельту в глаза смотреть?

Теперь же, из всех знающих об такой «шутке» на Земле всего двое — он и я и, мне надо очень постараться — чтоб такое «статус-кво» хотя бы сохранилось.

Качаю головой:

— Ай, ай, ай! Действительно — нехорошо с нашими соратниками получилось.

Не став отрицать, ибо известная доля вины на мне всё же есть:

— Пусть будет так: одним грехом на мне больше, одним меньше — адская сковородка одна за всё. Ты то, что теперь будешь делать, Никита Сергеевич? Есть какие-нибудь прожекты или ты решил пустить дело на самотёк? Типа, всё само-собой рассосётся — как нежелательная беременность у старшеклассницы?

Мы с ним снова оказались в патовой ситуации: я не могу свернуть ему шею — чего мне очень сильно хочется, а он не может без меня легитимизироваться — без чего свернёт себе шею и без моей помощи.

Ожидаемо от него, Хрущёв ещё раз продемонстрировал полное отсутствие воображение:

— Объявлю их на Съезде врагами народа, шпионами и контрреволюционерами — участниками заговора Берии...

Прищурившись — давая понять, что и меня он имеет в виду:

— ...У меня на каждого компромата достаточно накоплено. Арест, суд, приговор и расстрел — всё задним числом. Мой Серов справится.

Ну и что мне остаётся делать, как не играть в его игру?

Задумчиво пройдясь вдоль стены, говорю:

— Сказать по правде и сам уже давно подозревал в чём-то подобном своих соратников. Молотов — тот определённо был британский шпион, земля ему пусть будет с ржавыми гвоздями-сотками... У Ворошилова — жена еврейка, царство им обоим подземное...

Остальные — ещё хуже. Согласен: такая версия в данной ситуации возможно и прокатит на «ура»... Но позже обойдётся нам с тобой боком.

Склонив несколько набок бычачью голову, интересуется:

— Почему?

Помолчав, собираясь с мыслями, отвечаю:

— Ты не учёл, Никита Сергеевич, что за каждым из них (как и за тобой, впрочем) кто-то стоит — своя «группа поддержки»: партийно-чиновничий клан — если говорить своими словами, готовый биться за своё «место под Солнцем». Поэтому будет как в 1937-м году: один «враг народа» или иной из этой категории — потянет за собой десятки, сотни и тысячи! В результате в тюрьмах, в «ГУЛАГе» и у расстрельной стенки окажутся МИЛЛИОНЫ!!!

Действительно, только стоило в газетах опубликовать — что в смерти Жданова виноваты врачи еврейского происхождения, как в органы хлынул девятый вал доносов на всех «жидов» без исключения.

Мда... Менталитет народа, как и география страны его проживания — это судьба!

Удивлённо хлопая свинячьими ресницами, Хрущёв спрашивает:

— Ну и что? Такое уже было и никакого конца света не случилось. Только партия большевиков теснее сплотила свои ряды — избавившись от всякой сволочи.

Отрицательно машу головой:

— Если какая-то трагедия повторяется — она уже выглядит как фарс и приводит к катастрофе.

— Что ты этим хочешь сказать?

Нагоняю жути, надеюсь поможет:

— Да то, что на дворе не тридцать седьмой год — а сорок первый. И не более чем через полгода — начнётся война с Германией, в которой нам будет противостоять вся Европа: в общей сложности четыреста миллионов человек — из которых под ружьё можно поставить сорок.

Слегка загнул, конечно — но только для пользы дела.

Вижу впечатлило, но упорно гнёт «генеральную» линию:

— Наши военные говорят, что Гитлер на два фронта воевать не будет. А Британию он завоевать не сможет никогда, так как британский флот сильнее германского.

Думаю, точно такую же лабуду «наши военные» втирали в уши «реальному» Сталину. В результате — страна в руинах и братских кладбищах, Сталин погребён под горой мусора, а «наши военные» — сплошь и рядом все «маршалы Победы», ордена аж до самых мудей висят.

Подняв палец, грузу дальше:

— Всё это возможно так, но только чисто в теории. На практике же ты не учитываешь некоторые важные моменты (можешь погибать пальцы): «наши военные» — могут быть абсолютно тупыми (и они ими в полной мере и являются), а Гитлер — непредсказуемый психопат, который может поступить вне всякой логики... И он именно так и сделает: не заключив мира с Великобританией — нападёт на Советский Союз.

Хрущёв кивнул соглашаясь с моей позицией, затем:

— Если Гитлер всё же будет иметь наглость решиться напасть — он немедленно будет разбит Красной Армией, которая после этого немедленно перенесёт боевые действия на территорию врага.

Явно послышался дух командно-штабных учений в Генштабе, на которых я совсем недавно имел честь присутствовать.

Как можно ехиднее спрашиваю:

— Это тебе кто такое сказал? Опять «наши военные»?! Ты лучше спроси у них, за сколько дней они мне обещали всю Финляндию завоевать и сколько месяцев с ней в реале промудохались — на потеху всему миру, чтоб отгрызть у неё очень маленький кусочек — Карельский перешеек...

Округлив до неприличия глаза:

— ...Так то, какая-то сраная Финляндия! А тут война не токмо с Германией — за раз вынесшей под плинтус такую великую военную державу как Франция, не говоря уже про всякую мелочь вроде Польши, Дании, Голландии и прочих Норвегий... А со всей объединённой Европой во главе с Германией! Да, Гитлер одних только танков может до десяти тысяч в месяц выпускать не менее того самолётов.

Конечно, напроорочь я сейчас ему что немцы дойдут до Москвы, Сталинграда и Кавказа — не поверит, сочтёт фантазёром — что мне навредит. Поэтому особенно не кошмарим:

Вижу задумывается и продолжаю:

— Война предстоит очень тяжёлая, без единства и сплочённости — никак не победить такого сильного врага. А тут ещё ты Гитлеру пособишь — удалив из армии, органов безопасности и промышленности десятки тысяч специалистов и, посеяв вражду и недоверие к друг другу у оставшихся...

Шутка шутками, а скорее всего так и произойдёт.

Стучу пальцем себе по лбу:

— ...Головой думать надо, Никита Сергеевич, раз уж собрался царствовать-править — а не «Железные кресты» от Фюрера получать!

Хрущёв помолчал и, наконец-то настроившись на конструктивный разговор, спрашивает с заметным оттенком беспомощности и растерянности:

— А как ещё объяснить смерть членов Политбюро? Берия ладно — несчастный случай в результате неосторожного обращения с оружием... Но здесь же восемь человек! И каких человек!

Как бы между прочим интересуюсь:

— Надеюсь не в моём кабинете их вальнули твои отморозки?

— Нет, в подземном бункере под Кремлём... Это который под Большим кремлёвским дворцом, где съезды проходят.

И тут меня как шаровой молнией в спинной мозг торкнуло, а уже оттуда — в мозжечок и оба полушария:

— Эврика!

— Чего?

— Нашёл я, Никита Сергеевич, решение нашей проблемы и довольно-таки изящное решение.

Смотрит набычившись:

— Какое такое «изящное решение»?

Отмахиваюсь:

— Погоди чуток с вопросами, я думаю... «В подземном бункере», говоришь?

***

Так, так, так...

Напрягши «послезнание», вспомнил:

Как признаётся сам Жуков в своих «Размышлизмах...», только после войны он обнаружил, что у него — как Начальника Генерального штаба РККА, нет своего командного пункта с надёжным бункером — где можно было бы не только пересидеть авианалёт, но и продолжать управлять войсками. Только когда «гром грянул», во дворе Генштаба начали «что-то копать», но не успели до начала авианалётов Люфтваффе на Москву.

Когда начались бомбардировки столицы, работники Генштаба скрывались от бомбежек на станции «Белорусской»: там размещался командный пункт, а оставшееся место на перроне занимали рядовые жители Москвы. Каждый вечер офицерам Генштаба приходилось собирать все материалы и ехать к Белорусскому вокзалу, а утром — обратно. Несколько лучше устроились связисты: они оборудовали пункт связи в специальном поезде, стоящем в тупике за станцией.

Вот такие у нас были «стратеги», вот такая была подготовка к войне...

Что тогда что-то говорить об более низовом уровне?!

Согласно же моему «послезнанию», Сталин же задумался об нечто подобном давно — ещё задолго до войны. У него этих бункеров было два, во время войны добавился ещё один — под Ближней дачей в Кунцево.

Конечно, на эту тему у меня лишь какие-то разрозненные отрывки информации: ведь всё что находится в Кремле, над Кремлём и под Кремлём и рядом с Кремлём — до «тех пор» страшно засекречено. Но вроде бы дело происходило так:

В проекте второй очереди московского метро, между станциями «Театральная» (в те времена «Площадь Свердлова») и «Маяковская» — была станция «Советская» под Советской площадью. Но когда уже прорыли изрядной длины тоннель, метростроевцы наткнулись на очень сложный в гидротехническом отношении слой — изобилующий так называемыми «пльвунами».

«Пльвун» — это насыщенный водой мелкий, или даже пылевидный песок с примесью органических веществ — способный оплывать и растекаться при прохождении через него подземных сооружений.

Тоннель пришлось бросить, а чтоб не пропали вложенные средства — в уже вырытом участке устроили бункер для Сталина и бомбоубежище для партийной элиты и членов Советского правительства.

Но видимо что-то не устроило и, перед самой войной — для Сталина, руководства партии и правительства был возведён другой бункер — под строящимся «Центральным стадионом СССР имени И.В. Сталина». Это место и стало запасным командным пунктом Верховного главнокомандующего во время Великой Отечественной войны, а тот что под Советской площадью — отдали Московскому штабу Гражданской обороны.

Наконец уже во время войны, был возведён третий бункер — под Ближней дачей, про

что я уже рассказывал.

Однако, согласно другой инфы — ни сам Сталин, ни члены «ГКО», ни представители Ставки Верховного Главнокомандования — этими сооружениями не пользовались. Есть свидетельства многочисленных очевидцев (в числе которых сам(!) Жуков) что в бункер для Верховного Главнокомандующего была превращена станция «Кировская», после эпохи гласности переименованная в «Чистые Пруды». Именно там Сталин встретил 21 июля 1941 года первый авианалет на Москву, там же до конца войны находились отделы Генерального штаба и войск московской ПВО — для чего перрон отгородили от любопытных глаз фанерной перегородкой, а поезда шли не останавливаясь.

Так кому верить?

Я никому и не верил, а вместо этого недоумевал: да как же так?

Даже если инфа про эти три сталинских бункера верна — неужели в самом Кремле не было хотя бы простейшего бомбоубежища?

Ведь это сколько времени руководству страны надо до площади Советской «пилить», не говоря уже про «Центральный стадион»...

И на чём?

Ведь в самом Кремле станции метро нет.

И это в стране, буквально помешанной на гражданской обороне?

Посмотрите хотя бы «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, где Великого комбинатора — выловили во время учений ГО, надели противогаз, положили на носилки и как поражённого ОВ отнесли в морг... От чего он потом и сбежал в Румынию, где был неправильно понят и депортирован назад — в управдомы.

Да не может такого быть!

И я оказался прав.

Николай Сидорович Власик (да пусть свет в конце тоннеля будет для него вечен!) без напоминания просветил меня в тайны кремлёвских подземелий[1].

Строить бункер для высшего советского руководства начали ещё в начале 30-х годов, даже ещё прежде чем стали подумывать об метрополитене.

И кстати, да: первая станция московского метро и должна была начинаться из-под Кремля — связывая его в частности с проектируемым Дворцом Советов на месте взорванного храма Христа Спасителя...

Но потом что-то пошло не так.

Впрочем, обо всём по порядку.

К 1936-му году всё было практически готово: кремлёвский бункер находился на глубине тридцати с небольшим метров (высота современного десятиэтажного здания) и имел двухуровневый блок с помещениями прямого назначения — отдельные кабинеты для руководства, зал для совещаний на 750 мест, узел связи, помещения для отдыха, санузлы и вспомогательными помещениями обеспечения — машинный зал с двумя дизелями и фильтро-вентиляционными установками, склады и прочее.

В бункер вели два входа в виде лестничных маршей в трёх уровнях с герметично закрывающимися стальными дверями на каждом:

Первый вёл из Сенатского дворца, в котором располагалось правительство СССР —

Совет народных комиссаров, Всесоюзный центральный исполнительный комитет (ВЦИК), кабинет и квартира Сталина и, многая, многая, многая...

Второй вход вёл из Большого кремлёвского дворца, где проводились съезды, заседал Исполнительный комитет Верховного Совета и проживали семьи многих кремлёвских «небожителей» — в частности Ворошилова и Кагановича.

Кроме того, имелась лифтовая шахта в Мавзолее — для срочной эвакуации мумии Ильича в случае «фарс-мажора».

Но это всё ещё фигня!

Самой большой и мало кому известной тайной было то, что имелся отдельный бункер для Сталина — в точности напоминающий его кремлёвский кабинет, разве что без окон. Он находился несколько выше (всего пятнадцать метров вглубь недр) и, в стороне от основного бункера — прямо под Сенатским дворцом.

До «попадалова», мне как-то попадалась инфа, что якобы под кабинетом Сталина найден подземный ход...

Вот это оно и есть!

Но только не под кабинетом — он на втором этаже, а под квартирой.

По задумке, при объявлении воздушной тревоги, предпочитающий трудиться по ночам Вождь всего трудового человечества — мог взять папки с документами, через квартиру спуститься в бункер и, продолжать там работать как ни в чём не бывало.

Почему же Верховный Главнокомандующий не воспользовался во время Великой Отечественной Войны столь великолепным сооружением?

Власик успел просветить меня и на этот счёт.

С первых же лет возведение кремлёвского бункера превратилось в долгострой.

Во-первых, в его строительстве могли принимать участие только особо проверенные — специально отобранные люди, а их оказалось не так уж и много — что сказывалось на темпах.

Во-вторых, обнаружилось такое же естественное препятствие, как и при возведении станции Советской московского метрополитена — сложный в гидротехническом отношении грунт, насыщенный пльвунами. По этой же причине не обломилось построить станцию метро внутри Кремля: после экспертизы грунтов проектировщики — отказались от этой затеи ещё на стадии смелых замыслов.

Такая же проблема, кстати — грунтовые воды, преследовали и строителей «Фюрербункера» в Берлине. Из-за чего он располагался сравнительно неглубоко и не имел даже канализации. Ну а наши то строители — не привыкшие отступать перед законами матушки Природы, а побеждать их — всё же довели дело до конца.

Но имелись и кое-какие нюансы...

Из-за последнего обстоятельства, фаза строительства — плавно перешла в состояние перманентного капитального ремонта этого сооружения. Со стен постоянно текло, с потолка капало, постоянно работали насосы откачивающие воду. То и дело случались прорывы — нередко сопровождаемые затоплениями отдельных помещений с человеческими жертвами. Не помогла даже технология, разработанная при возведении фундамента Дворца Советов — закачка в грунт жидкого гудрона.

В общем, по всей вероятности — бункером просто не рискнули воспользоваться. А потом его видимо стало не до него, сооружение затопило и все про него забыли.

Хотя, фиг его знает!

Всей правды мы никогда не узнаем — это однозначно.

***

В общем, решение созрело мгновенно:

— Есть съезд — есть проблемы. Нет съезда — нет проблем! Соберём Президиум Центрального комитета — закон о нём должен выйти уже завтра и, всё оформим как надо. Как нам(!) с тобой надо, Никита Сергеевич.

Хрущёв недоверчиво:

— «Нет съезда — нет проблем», с этим я согласен. Но куда он денется? Не может же полторы тысячи человек — ни с того ни с чего исчезнуть, как в воду кануть?

Менторским тоном, я:

— «Ни с того ни с чего» — действительно не могут. А вот если предварительно хорошенько подготовиться...

Я рассказал ему предварительный набросок плана и, тот аж опизд...

Хм, гкхм...

...В общем, очень Хрущёву мой план понравился — даже он внёс в него кое-какие коррективы, за исключением отдельных моментов:

— Среди депутатов есть мои люди.

Он видимо имеет в виду секретарей обкомов и горкомов из Украины.

Пожимаю плечами:

— Всех или никого — иначе к нам с тобой появится очень много вопросов: если не от наших современников — так от потомков... А оно нам с тобой надо? Мои люди там тоже есть и чё? Новыми людьми обзаведёмся — такого «добра» на букву «г» в стране пока хватает. А если не будет хватать — бабы ещё нарожают.

Тот по-бычьему упрямо:

— Всего два человека. Я им дам поручение перед съездом и они туда просто не явятся.

— И кто такие?

Называет мне фамилии совершенно незнакомых мне по «послезнанию» партocrats.

Подумав, я:

— Тогда, что таким же макарон выдерни со съезда и моих людей. Их тоже двое: Щербаков и Пономаренко.

Хрущёв кивает:

— Хорошо, сделаю.

Протягиваю ему руку:

— Так что, Никита Сергеевич? По рукам?

Тот сжав её своей «клешней», как тисками:

— По рукам!

Задержав рукопожатие, глядя ему в глаза:

— Туда же и товарища Берию спишем, Власика и остальных — убиенных твоими орлами... Кстати, а Поскрёбышева часом не вальнули?

— Нет, я приказал его не трогать — пригодится.

Заявляю со сталью в голосе:

— Вот это правильно: без этого ходячего архива скрещённого с арифмометром — тебе управлять партией, а мне страной — будет невероятно трудно. Ещё мне нужен Косынкин — начальником охраны вместо Власика.

Буквально через мгновение:

— Как хочешь.

— Кстати, я черкану записки Поскрёбышеву и Косынкину — передай им, не забудь.

Настораживается:

— Что в записках?

— Что отныне мы с тобой, Никита Сергеевич — одна команда.

Встаю с ванны и знаком даю понять, чтоб тот освободил унитаз:

— Что-то засиделись мы с тобой. Давай ещё по разу пописцаем и вернёмся к нашим(!) товарищам в столовой.

Перед тем как выходить из туалета, Хрущёв протянул ладонь и вежливо — но требовательно:

— А пистолетик то отдай, Иосиф Виссарионович!

— Не доверяешь?

— Доверяю, но пистолетик на всякий случай отдай.

В принципе, оружие про которое знают враги — практически бесполезное.

Пожав плечами, вынимаю из кармана «ТК» и кладу ему на ладонь:

— Вернуть потом не забудь, Никита Сергеевич — имущество как-никак казённое.

Тот враз почему-то повеселев:

— Ну а это уж непременно — мне чужого добра не надо!

В принципе, после гибели Берии — это был бы самый идеальный вариант в Великую Отечественную Войну... Я — мозговой центр, а гиперактивный, суперэнергичный Хрущёв — исполнитель, едущий по заводам и фронтам и «строящий» производителей военной техники и оружия и, генералов. Ибо в подавляющем большинстве своём, наш чиновник и военначальник — «птица» странная: пока его не пнёшь — он не полетит.

Мне даже явственно привиделась такая «няшная» картинка:

Никита Сергеевич стучит туфлём по столу в штабе у Конева и, брызгая биологической жидкостью — орёт на оленей в синих штанах с лампасами:

«Пидарасы!!!».

Мда... Но что-то мнится мне, что из-за его точно таких же — гипертрофированных политических амбиций, наше с Никитой Сергеевичем сотрудничество не заладится.

Значит, его надо как-то...

«Того»!

Уконтропопить.

А как это сделать при таком раскладе?

Ну, это уже вопрос больше технический...

***

Когда проходили через спальню, которая в данный временной промежуток являлась и

рабочим кабинетом на Ближней даче, я написал записки своим оставшимся в живых сподвижникам: мол, так и так — слушайте во всём товарища Хрущёва и всё будет у нас хорошо.

В малом зале нас встретила Валентина Васильевна и подозрительно поочерёдно на обоих глядя:

— Во! А что вы так долго в туалете делали?

Поцеловав её в щёчку:

— Дорогая, это совсем не то — про что ты подумала!

— А чё я могла подумать, если два мужика в туалете целый час сидят?

— Ну... То, что мы ведём переговоры в стиле «без галстуков».

Не понял — шутя или всерьёз, она:

— Так «это» у вас «так» теперь называется?

Хрущёв краснеет девицей красной, а я начинаю раздражаться:

— У кого это «у нас», ты на что намекаешь? А не кажется ли тебе, дорогая, что ты стала слишком много пи...

«Пи, пи, пи...».

Вообще я считаю, что небольшие скандалчики с матерками — только укрепляют семейные отношения.

И, оказывается, считаю не зря — Валентина Васильевна тут же пошла на попятную:

— Ну переговоры — так переговоры, чё сразу истерику закатывать?

И напоследок окинув ревниво-недоумённым взглядом Хрущёва, мол: «и что он в нём нашёл?», — пригласила в столовую:

— Идите чай пить, «переговорщики туалетные» — я уже в третий раз самовар разогреваю.

Затем уже в малой столовой, где товарищи командиры тоже избегали смотреть в нашу сторону, при Хрущёве я позвонил профессору Виноградову и сославшись на улучшающееся здоровье, отменил вечерний визит:

— Да нет, профессор: ничего не случилось, всё нормально. Просто хочу хорошенько выспаться перед завтрашним днём...

Только его не хватало подписывать на эти разборки.

— ...А вот завтра вечером обязательно приезжайте, буду ждать. Хм, гкхм... Предварительно созвонившись, конечно.

Затем, Хрущёв позвонил своим архаровцам и вызвал мой персональный автомобиль. Попив чай, мы все вместе поехали на блок-пост — где я получил назад свой «Паккард», персонального шофёра Удалова и свою шинель с шапкой.

Про «прикреплённых» я не стал спрашивать — и так всё ясно, что душу лишний раз бередить?

Водитель Удалов Павел Осипович спросил, тревожно косясь на Хрущёва и его компанию:

— Что происходит, товарищ Сталин?

Положив руку на плечо и смотря в глаза:

— Происходит то, что и должно происходить. Успокойтесь, пожалуйста, Павел

Осипович.

Замечаю, что бойцы-стажёры на блок-посту тоже тревожатся — автоматы сняты с предохранителей. Оно и понятно: «шила в мешке не утаишь».

Ерофеев:

— Товарищ Сталин! Вам товарищ Власик не звонил? Где он? Почему его с Вами нет? Где вторая машина охраны? Может, случилось что?

Доброжелательно улыбаясь:

— Ничего не случилось, всё нормально. Товарищ Власик сейчас занят одним важным и срочным делом по моему поручению. Он недавно звонил мне и передавал вам, чтоб вы стойко переносили все тяготы службы и, не теряли бдительности ни на минуту.

Однако, вижу — мои слова не успокоили, а как бы даже не наоборот...

Коротко и без особых церемоний попрощавшись, пожав друг другу руки, мы разъехались: Хрущёв с подполковником-танкистом за рулём «ЗИС-101» поехали в Кремль готовится к завтрашнему «мероприятию», я с генерал-майором Малиновским и неизвестным мне пока полковником на «Паккарде» — обратно на Ближнюю дачу.

***

Оставшееся «до отбоя» время, провели всё компанией в зале и провели в общем-то, очень содержательно.

Я беседовал, а Светка получив моё молчаливое разрешение напропалую кокетничала с обоими командирами, пудря им мозги... Ведь в конце-концов, девушке надо где-то набираться опыта в таких важных для её будущего делах?

Оставшись наедине когда они выходили покурить, я подсказал ей с пяток «верных» приёмов обольщения — когда-то на мне самом испытанных. Но предупредил с оттенком доверительности, что настоящие мужчины — не ценят всё легко доставшееся и, особенно — легкодоступных женщин:

— Мы, мужики — по своей природе охотники. И чем больше за какой-нибудь «птичкой» по лесу бегаешь, чем больше при этом мозолей на ногах натрёшь и больше шишек на лбу набьёшь — тем «вкуснее» она потом тебе кажется. Понимаешь, о чём я?

— Понимаю, не маленькая уже...

Бурчу по-стариковски:

— Все вы «не маленькие», а потом — хоп: «Папа, я беременна!».

— ПАПА!!!

Заодно узнал Ф.И.О. полковника.

Им оказался Андрей Гречко — также будущий маршал Советского Союза и министр обороны...

Хотя уже вроде привыкнуть должен, но всё одно охреневаю:

Да, похоже против меня — осознанно или нет, весь так называемый «Маршальский выпуск» Академии Генерального штаба РККА!

Поднимаю глаза к небесам:

«Не, ну за что, а...?».

Немного побеседовав с обоими будущими маршалами и поняв, что наша оборона —

крепка как никогда, оставил их в качестве наглядного пособия на растерзании дочери Реципиента, а сам подошёл к вяжущей что-то шерстяное Валентине Васильевне. Некоторое время за ней с любопытством понаблюдав, негромко попросил одолжить мне «лишнюю» вязальную спицу.

Вопрошает недоумённо-подозрительно поглядывая, мол — «чудит что-то сегодня муженёк:

— Тебе зачем?

— Ну, как тебе сказать... Хочу свою трубку почистить.

Удивляется призело:

— Ты ж бросил курить?

— Ну... Это не говорит о том, что трубку не надо чистить.

Фыркнув, протягивает:

— Вечно выдумываешь всякую ерунду...

Уходя, я:

— Я пока в ванной помоюсь, если что.

Поднимает глаза и дюже заинтересованно, с огоньком в глазах:

— Спинку потереть?

— Нет, в этот раз я сам...

Получив «лишнюю» вязальную спицу, я пошёл в спальню и, из довольно-таки приличной коллекции курительных трубок — порой на вид самых замысловатых, выбрал одну — с сравнительно длинным прямым мундштуком. Здесь же в шкафчике, на полке моей благоверной, я давно заприметил маникюрный набор: пилочки, кусачки и всякая им подобная хрень.

Осталось только запереться в санузле и совершить небольшой апгрейд...

[1] Информация взята и составлена в единое целое из самых разнообразных источников, за достоверность которых автор не ручается. Но в любом случае под Кремлём что-то есть, ибо «свято место пусто не бывает».

Глава 7. «А город подумал — ученья идут...»

Глава 7. «А город подумал — ученья идут...».

Маршал А. Е. Голованов:

«Сталин был человеком не робкого десятка. Когда я работал у Орджоникидзе, мне довелось присутствовать на испытаниях динамореактивного оружия, созданного Курчевским, предшественником создателей знаменитой «катюши». У Курчевского была пушка, которая могла стрелять с плеча. На испытания приехали члены Политбюро во главе со Сталиным. Первый выстрел был неудачным: снаряд, как бумеранг, полетел на руководство. Все успели упасть на землю. Комиссия потребовала прекратить испытания. Сталин встал, отряхнулся и сказал:

— Давайте еще попробуем!».

Иосиф Виссарионович Сталин. Заметки на полях проекта конституции 1936 года:
«Чем проще решение, тем сложнее последствия».

В. И. Ленин:

«Вам не по душе это варварство? Не прогневайтесь — отвечает вам история: чем богата, тем и рада. Это только выводы из всего, что предшествовало».

Сегодняшний денёк обещает быть тяжёлым и вполне возможно — последним в моей карьере попаданца. Но почему-то у меня, с самого детства всегда было так: чем ближе и сильнее грозящая опасность — тем сильнее кураж, психика такая — тут уж ничего не попишешь. Встав спозаранку я отправил Валентину Васильевну на кухню, а сам — после выполнения всех положенных в начале дня гигиенических процедур, конечно, мурлыкая весёлые матершинные песенки, начал собираться на XIX съезд Всесоюзной Коммунистической Партии, в скобках — «большевиков».

Где должна будет произойти, так сказать — «перезагрузка», если мне, народу и стране повезёт, конечно.

Ну, а если нет...

Я сделал всё что смог, а «мёртвые бо срама не имеют»!

Выйдя в Большой зал разбудил кемаривших командиров:

— Вставайте, товарищи, нас ждут великие дела!

Генерал Малиновский вставая с дивана и потягиваясь, посмотрев на часы:

— Так рано же ещё?

— Кто рано встаёт — тому Маркс даёт!

— И Энгельс, — поддержал тот меня, — догоняет и ещё раз даёт.

— Вот, вот! Так что застегните португею и вперёд, генерал. Если, конечно, хотите стать маршалом...

И направился в Малую столовую, напевая:

— «Как надену портупею —

Всё худею и худею...».

Особенно не засиживаясь, легко позавтракали и перед тем как выехать, Малиновский созвонился с Хрущёвым и, переспросил, уставившись на меня:

— Никита Сергеевич спрашивает: «Почему так рано?».

— Передай ему: «Да потому что — мало ли что».

После чего, тот минут пятнадцать выслушивал подробные инструкции видимо, каждую минуту повторяя: «Понял, товарищ Хрущёв», «Сделаю, товарищ Хрущёв» или: «Не забуду, товарищ Хрущёв!».

Положив трубку, он взглянул на часы:

— Через пятнадцать минут выезжаем.

— Ну, что ж... Есть время почаёвничать на посошок.

При гробовом молчании пошвыркали чай, а в прихожей — пока Гречко балагурия отвлекал разговором домашних, Малиновский — несколько смущённо улыбаясь, шёпотом:

— Извините, но я Вас должен обыскать... Товарищ Хрущёв сказал, что Вы — ещё тот выдумщик и затейник, Иосиф Виссарионович.

Переложив трубку из левой руки в правую, я так же шёпотом:

— Обыскивайте, но только за задницу не лапайте, противный... Не то расскажу Никите Сергеевичу и он будет шибко ревновать.

Тот, с гадостным выражением на фейсе лица отпрянул от меня и обыск произошёл чисто формально. Да в принципе, особо искать у меня нечего: серебряные карманные часы, да полный коробок охотничьих спичек.

Затем, Малиновский безапелляционным тоном предложил мне снова натянуть тулуп и генеральскую папаху:

— Из соображений безопасности, товарищ Сталин и в ваших же интересах.

— Не имею чего возразить против, генерал, да к тому же считаю — что мне этот прикид идёт.

Так считали далеко не все!

Светка увидев меня в таком облачении фыркнула и заржала как кобыла — видно давно ремня не получала, а Валентина Васильевна всплеснув руками:

— Господи... Опять он чучелом вырядился! Не, ну почему у всех баб — мужики, как мужики, а мне это чудо в перьях досталось?

Размахиваю трубкой перед её носом и, вполне аргументированно — хотя и несколько пространно:

— Надежде Константиновне в своё время — тоже далеко не ангел с белыми леблядинными крыльями достался и, чё? Хоть кто-то, хоть раз — слышал от неё хоть одно слово жалобное? Нет! Она стойко и мужественно переносила все лишения и тяготы семейной жизни с Вождём пролетарской революции... Вот и ты, Валентина Васильевна, терпи!

Та тяжело вздохнув:

— Ну а что ещё мне остаётся делать...

Затем, после выезда — повторилась вчерашняя история, только наоборот: доехали на «Паккарде» до блок-поста, где нас поджидал вчерашний «ЗиС-101» с неизвестным мне по фамилии подполковником-танкистом за рулём.

Во время уже рутинно-привычной проверки документов, ко мне обратился сержант Ерофеев:

— Товарищ Сталин! Вчера вечером нам не привезли ужин. Сегодня, нас уже час как должны были сменить... Мы с бойцами не жалуемся, но видимо всё-таки что-то случилось.

И буквально «ест» меня глазами.

Вижу — расслабившиеся было командиры-хрущёвцы напряглись.

Я затаил дыхание...

В принципе, расположение меня, бойцов моей личной охраны и заговорщиков — было достаточно благоприятным. Можно было скомандовать и запросто скосить троих мятежников из «Томми-ганов». По крайней мере — с минимальными потерями.

А что потом?

Перестрелки или даже уличные бои в Кремле?

Скандал на весь мир?

Вопросы делегатов на Съезде и мои — самые подробные объяснения?

Массовые репрессии накануне самой тяжёлой и кровопролитной войны в истории страны?

Подумав: «Самое простое решение, не всегда является самым верным и лёгким на последствия».

Выдохнув, я положил руку с трубкой на плечо Ерофееву и, глядя ему в глаза, сказал:

— Ничего не происходит, товарищ сержант. А если же и происходит что-то — то только самое хорошее. Я разужу, почему про вас забыли и распорядюсь об смене. Пока же...

Обращаюсь к своему водителю:

— Товарищ Удальцов!

— Слушаю, товарищ Сталин!

— Отвезёшь по очереди этих молодцов ко мне на дачу и скажи Валентине Васильевне, чтоб она их покормила... Хорошенько покормила!

— Понял, товарищ Сталин!

— Если и обед не привезут — накормите и обедом.

Те было отнекиваться, но я нахмурил брови, прикрикнул:

— Я приказываю!

Те, руки по швам:

— Слушаемся, товарищ Сталин!

Проследив как первая четвёрка стажёров усаживается в «Паккард», а затем как тот скрывается за поворотом, направляюсь к синему такси:

— Однако, давайте поспешать, товарищи командиры...

В отличии от вчерашнего, въезд в Кремль через Боровицкие ворота — охранялся двойным нарядом — бойцами кремлёвского полка и командирами из Академии Генштаба.

Видно, Хрущёв сдержал слово и наше соглашение с ним насчёт Косынкина начало исполняться.

Интересно, как насчёт остальных?

Скоро узнаю — недолго осталось в догадках мучиться, ломая голову.

Автомобиль подъехал к чёрному входу в Большой кремлёвский дворец и остановился. Я скинул тулуп и папаху и, оставив их в салоне, в сопровождение генерал-майора, полковника и подполковника-танкиста — бывшего за рулём зашёл внутрь. Там нас у входа встретил Серов с ещё двумя «академиками» в звании майора каждый. Едва касаясь руками, он как профессиональный «щипач» — тщательно обшмонал меня и ничего не найдя его интересующего, косясь на трубку в моей правой руке, спросил:

— А говорят, Вы курить бросили...?

И с наглой смелостью, пытливо глянул мне в глаза.

Похотливо подмигнув, отвечаю:

— Курить бросил, а привычка сосать осталась.

Не знаю, что он там подумал, но часто-часто заморгал, едва заметно покраснел и, больше не задавал вопросов. Отвёл Малиновского, Гречко и подполковника-танкиста в сторону и что-то им втирал минут десять — после чего те вернулись ко мне изрядно «взбледнувшими» и непроизвольно отводящими глаза при взгляде.

Затем, Серов повёл нашу четвёрку через гардеробную в зал заседаний, ибо командиры — здесь видно ещё не бывали ни разу и, вообще не ориентировались в этом нагромождении комнат, залов, коридоров, переходов и галерей... Да сказать по правде и я тоже.

На ходу интересуюсь:

— А где товарищ Хрущёв?

Тот, стараясь безразличным голосом:

— Он пока задерживается по делам, но обязательно подойдёт к началу «учений».

***

В зал заседания Большого кремлёвского дворца я прибыл первым и довольно долго сидел в президиуме, наблюдая за тем как недоумённо в мою сторону посматривая, заходят и по своим местам рассаживаются депутаты XIX съезда ВКП(б).

Ещё половины зала не было, когда появился Поскрёбышев с чёрными кругами под глазами...

Ага, стало быть и насчёт него — Хрущёв выполняет наш с ним договор, что не может не радовать.

Мрачно-траурно посматривая в сторону меня и маячивших за моей спиной Малиновского, Гречко, подполковника-танкиста и ещё двух командиров в звании майора на входе, Поскрёбышев стал со своими секретарями заниматься рутинной работой — подготовкой к стенографии речей выступающих, принимаемых решений и всему такому прочему.

В Президиуме появились кандидаты в Политбюро ЦК — Шверник, Вознесенский Маленков...

А вот Щербакова среди них нет.

Молодец, Никита Сергеевич!

Пошарив взглядом по залу:

«Надеюсь и, Пономаренко здесь тоже отсутствует».

В начале 40-х годов партийная элита ещё не вся скурвилась и уверен: среди депутатов ещё есть вполне достойные люди — могущие мне пригодиться...

Но, увы!

Это как раз тот случай, когда лучше казнить сто невиновных, чем оставить в живых хоть одного преступника. А эти первые секретари республик, областей и районов — ими в полной мере являлись... Ибо, они нарушали Конституцию от 1936-го года — в которой сказано, что власть в стране принадлежит народу и осуществляется через Советы народных депутатов.

Растерянно между собой переглядываясь, с недоумением посматривая на пустующие места своих коллег — более старших по рангу, кандидаты стали рассаживаться.

Народ явно чувствовал «пятой точкой», что что-то происходит... Но не понимал, что именно происходит и оттого был слегка «на взводе».

Хрущёва пока нет и, как подозреваю — не будет.

Пора начинать.

Когда депутаты собрались в полном, ну или почти вы полном составе, оборачиваюсь и вполголоса — но тоном не терпящем возражений, обращаюсь к генералу Малиновскому:

— Мне надо выступить с речью.

Тот явно не получал на этот счёт никаких инструкций на этот счёт, поэтому стал тупить подобно своим коллегам 22-го июня — после «внезапного и вероломного». То бишь он растерялся и впал в нешуточную панику:

— Товарищ Хрущёв знает?

Глядя ему в глаза, твёрдо:

— А о чем тогда, по-вашему, мы с ним вчера целый час в сортире беседовали? Об уставе внутренней, гарнизонной и караульной службы, что ли?

Поднимаюсь и в сопровождении иду к трибунке. Боковым зрением вижу: один командир в звании майора куда-то ломанул — видимо по приказу Малиновского искать Хрущёва для получения «методичек», а четверо тупо следуют за мной.

Со стороны это видимо — выглядело как-то не совсем «правильно», поэтому гомонящий гул голосов в зале стих — сменённый тревожно-звонящей тишиной.

Под это «музыкальное сопровождение», встаю за трибуну и толкаю речь:

— Товарищи! Международная обстановка накаляется с каждым часом. Фашистская Германия разгромила и завоевала все государства в Европе, подчинив себе их экономики и вооружённые силы. С Британской империей же этой ночью, Гитлером был заключён не только мир — но и военный союз, направленный против СССР. У наших западных границ собраны несметные орды танков, авиации и пехоты...

И в таком духе и дальше — бла, бла, бла...

Боковым зрением вижу — на входе начались какие-то движняки и «поднимаю градус»:

— Нападения фашистской Германии и её союзников — можно ждать каждый час, каждую минуту! В любой момент...

Делаю паузу и, истерию подобно Адольфу в мюнхенской пивнушке — перед штурмовиками пидараста Рэма, размахивая поднятыми вверх сжатыми кулаками и переходя

на истошный визг:

— ...Да хоть прямо сейчас! Над нашей столицей могут появиться тысячные эскадры вражеских бомбардировщиков — несущие бомбы, начинённые боевыми отравляющими газами!

Таким товарища Сталина — ещё никогда не видели, таких речей от него — отродясь не слышали, поэтому депутаты были в самом настоящем шоке... Они впали в остолбенение, которое согласно психологии — в любой момент (нужен лишь небольшой толчок) сменится лихорадочной деятельностью.

Однако, небольшая проблемка: по ходу, гражданин на входе — тоже после моих слов впал в транс.

Повернув к нему голову на выход, рявкаю:

— В чём дело, товарищ? Вы что-то хотели нам сказать? Так говорите! **НЕМЕДЛЕННО!!!**

Стоящий там в сопровождении двух командиров какой-то мужик в полувойенной форме — напоминающий мне товарища Бывалова из «Волга-Волга», но гораздо крупнее — закрыл разинутый было рот, прокашлялся и «включив» полную громкость — объявил надрывая гланды:

— Товарищи! В столице нашего социалистического государства — городе Москве, проводятся учения по гражданской обороне — в которых предстоит участвовать и вам...

Прокашлявшись ещё раз, он несколько истерично — видимо заразившись паникой от меня:

— ...Всем депутатам встать, выйти из зала, получить на выходе противогазы и спуститься в подвал и оттуда — в бомбоубежище. Расставленные бойцы московской гражданской обороны, помогут вам найти туда дорогу.

Он ещё успел крикнуть:

— Только без паники, товарищи!

Уверен, каждый первый депутат сразу сложил «дважды два» и у него получилось «пять»: Политбюро нет — значит, оно уже где-то в Ташкенте...

А товарищ Сталин?

Тысяча с чем-то голов, каждая как минимум с парой глаз — уставилась на меня и, я не подкачал. Взмахнув трубкой, команду:

— **ВОЙНА, ТОВАРИЩИ!!!** Дорога каждая минута, все за мной!

И бегом на выход — к тому мужику во френче.

После этого, с десятков голосов завопил:

— **ВОЙНА!!!**

И началась она — паника.

За спиной тут же послышался топот ног — как будто за мной неслась вся славная будёновская конница.

Уже на бегу вижу: Поскребышев и его секретари остались на месте, с любопытством наблюдая за происходящим. Сдержал-таки Хрущёв слово...

Молодец, Никита Сергеевич!

***

«Вся Москва попала в пробку —

Не проехать не пройти.

Уголёк подкиньте в топку,

И счастливого пути!».

Первая «пробка» образовалась сразу же: хотя выходов было несколько — но большинство первых секретарей республик, обкомов и горкомов — предпочли ломиться за Генеральным секретарём и, нас с товарищами командирами — буквально выдавили через двери. Сзади крики, вопли, истеричные визги... Противогазы получить не получилось, ибо «раздаватели» был снесены людской толпой и вынуждены были бежать вместе с ней, как и тот мужик — напоминающий мне товарища Бывалова, как будто катящийся впереди нас на своих коротких ножках.

Вторая — более грандиозная «пробка» образовалась у дверей в подвал Большого дворца, вход в который почему-то был всего один, хотя и относительно широкий. Все депутаты кричали:

— Спокойно, товарищи, без паники!

Отчего, последняя всё усиливалась и усиливалась и людская толпа превратилась в неуправляемый бурный поток, несущийся вниз. Впереди меня было уже — как бы не с полсотни депутатов, изо всех ног, с вытаращенными глазами, ничего не соображая — несущихся в безопасное место. Сзади всё сильнее и сильнее напирала ещё примерно полторы тысячи. Если бы не Малиновский с командирами — партфункционеры меня бы просто затоптали, как бизоны зазевавшегося команчу... Как никак шестьдесят два года — это вам не шутка и даже не фунт изюма.

По плану «учений», Никита Сергеевич должен был здесь встретить меня, мы с ним должны были дождаться — когда депутаты спустятся в бункер, и...

Не я такой жестокий — жизнь наша такова!

...И проблем у нас с ним не будет. Возможно, появятся какие-то другие проблемы — не спорю. Но проблем со съездом, его депутатами и невесть куда пропавшими членами Политбюро — уже не будет.

Спускаясь вместе со всеми по лестнице в подвал, я сверху вниз увидел у входа в подземную галерею двух бойцов ГО в противохимических костюмах — которые видимо должны были закрыть за нами двери. Они стояли в углах по бокам дверей, поэтому их этим «селевым потоком» не должно занести внутрь убежища, и...

Серова.

Но Хрущёва, сцуко, не было.

«Ох и пидор же ты, дорогой Никита Сергеевич!».

Решил значит и от товарища Сталина избавиться, раз такой удобный случай подвернулся.

Впрочем, я предполагал, что Кукурузник погонится за «журавлём в небе» — а не удовольствуется «уткой под кроватью», поэтому был наготове.

Хрущёв, решив видимо сам лишний раз не светиться — послал своего шныря контролировать ситуацию, а тот попал аки кур в ошуп.

Главный «гэбист» Украины Серов, увидев несущуюся на него толпу заметался, потом выхватив пистолет и что-то истошно вопя — выстрелил в поток...

Но то был выстрел в собственную ногу!

...Первые партократы притормозили, но задние не поняв в чём дело — после выстрела ещё больше запаниковали и усилили напор и, комиссара госбезопасности — буквально занесли спиной вперёд в подземную галерею ведущую в бункер.

В самый последний момент, я в последний раз увидел его глаза — с выражением уже не самоуверенно-смелой наглости, а беспредельного ужаса...

«Так, этого мы уже потеряли».

Пусть «свет в тоннели» — закончится для тебя очком сортирным, товарищ!

***

Меж тем я вижу, что командиры начинают отставать — явно намереваясь отправить меня в подземелье без своего сопровождения...

Э, так дело не пойдёт!

Притормозив свой рысистый до этого бег, я схватился за грудь:

— Сердце... Не могу больше.

После секундного замешательства, генерал Малиновский скомандовал своим подручным:

— Хватайте его за руки и тащите!

Подполковник-танкист и майор, положили мои руки на свои выи — несколько возвысив таким образом меня над толпой. Сам генерал и полковник Гречко, шли впереди — матом и кулаками пробивая путь через успевающую опередить нас толпу партийных чиновников. Видимо они получили приказ любой ценой доставить меня в бункер...

Но без «подробностей», что будет после этого.

Уже на входе в подземелье, почувствовался перенасыщенный влагой, спёрный от испарений воздух. Лампочки аварийного освещения тускло моргали жёлтым светом — видать имелись серьёзные проблемы с изоляцией и где-то конкретно коротило.

В неопикуемой давке (у меня аж рёбра трещали и, то и дело — выпускались из кишечника «газы», ясное дело отнюдь не озонирующие общую атмосферу) прошли через вход, и спустились по первой — довольно крутой лестнице, у подножья её споткнувшись об что-то мягкое. Могу побиться об заклад: это был незадачливый соратник Кукурузника по заговору — Комиссар государственной безопасности 3 ранга Иван Александрович Серов.

Ну, как говорится — «минус один»!

Как уже было сказано: в подземной галереи ведущей в бункер имелось три разноуровневых перехода с лестницами и герметично закрывающимися стальными дверьми.

Перед спуском по второй лестнице, я перехватил трубку в правой руке так, что мундштук торчал между средним и указательным пальцами... Улучив момент, снял руку с шеи подполковника-танкиста и без замаха ударил его в спину — под рёбра с правой же стороны. Острая как игла спица, выскочила из мундштука и пронзила правую командирскую почку...

Раздался истошный вопль и тот в корчах свалился под ноги бегущей толпе. Об него споткнулись бегущие сзади и, образовавшаяся сверху лестницы «куча мала» чуть было не накрыла нас с оставшимися командирами — как альпинистов катящийся с горы снежный ком... Ну или как горнолыжников — снежная лавина, без особой разницы.

Мне удалось удержаться на ногах, лишь успев подобно черкесу перехватив трубку в зубы — правой рукой вцепиться за портупею бегущему впереди полковника Гречко...

Очень полезная вещь, оказывается, эта портупея — как будто именно для таких случаев придумана!

Чуть позже, немного освоившись, я подставил подножку майору и левой рукой — изо всех сил дёрнул его назад за воротник. Успев на прощанье забористо матюкнуться, тот упал под ноги бегущим сзади и, по всей вероятности — был ими затоптан. По крайней мере, на этом свете больше его ни разу не видел и, даже фамилии не знаю — чтоб поскорбить по несостоявшемуся генералу, а то и маршалу.

Будущий маршал, а ныне всего лишь полковник Гречко тянул меня как хороший маневренный паровоз и, было весьма заманчиво «проехаться» на нём до конца... Однако я не стал рисковать и, на следующем переходе точно таким же способом — ударом в почку, расстался с ним, да ещё и пройдясь по нему — когда он упал... Правда, последнее не было преднамеренным: мне просто ступить было некуда — кроме как на несостоявшегося министра обороны СССР.

Генерал Малиновский стал что-то подозревать, но я вцепившись ему сзади в портупею, ору в ухо:

— Мы с тобой сейчас в одной лодке, генерал: если не хочешь здесь сдохнуть — ГРЕБИ!!! Гребь, я знаю где отсюда есть выход!

Жажда жизни превысила чувство осторожности и, ещё один несостоявшийся министр обороны Советского Союза (да сколько их уже у меня «в шкафу»?!) — потащил меня как хорошая артиллерийская упряжка дивизионную гаубицу, на ходу работая кулаками и выражаясь исключительно на «русско-командном языке».

На третьем — самом нижнем уровне, после которого лестница за стальными дверями — вела уже непосредственно в бункер, было наиболее заметно — что сооружение находится в аварийном состоянии. Бетонные стены были все во влажных разводах от потеков, с прозеленью от плесени, с потолка капало, а под ногами — нет, нет — да и хлюпало от луж.

Генерал потащил было меня к замеченной им сбоку стальной двери — точно такой же, как между уровнями... Это — вход в Сенатский корпус, который по нашему с Хрущёвым плану должен был заблокирован снаружи.

Ору ему в ухо, с риском сорвать голос себе, а ему — порвать барабанные перепонки:

— НЕ ЗДЕСЬ!!! Гребь к тому пожарному щиту, что дальше в нише!

Тот меня послушался и, вот мы на месте.

В углублённой на полметра в стене нише для пожарного щита (стандартные ящик с песком, лопаты, багор и конические вёдра и, всё — красного цвета) уже было битком набито народа.

Командую:

— Выкинь их отсюда, генерал!

Малиновский послушался, после чего ещё минут десять-пятнадцать, никого туда не запуская.

***

Стоит, ждём...

Наконец, основная толпа депутатов схлынула и людской поток — что тѣк мимо нас, был хоть и был плечом к плечу — но более-менее уравновешенным в психическом состоянии. Некоторые депутаты даже между собой об чём-то оживлённо беседовали.

Генерал держался настороже, спиной ко мне предпочитал не поворачиваться и, по всему виду — лихорадочно соображал, что ему делать. Вышестоящего начальства он поблизости не наблюдал, а проявить инициативу — так это для российского бюрократа (а все советско-российские генералы и есть — суть от сути бюрократы) ломы несусветные.

Радостно-удивлённо захлопав ресницами, показываю рукой на толпу:

— Смотрите, товарищ генерал: Хрущёв...!

И запрыгав, замахав рукой с зажатой трубкой, кричу:

— ...Никита Сергеевич! Мы здесь, гребите к нам!

Малиновский буквально на долю секунды отвлекся, со счастливым выражением на лице повернулся в указанном направлении, открыв мне правый бок, и...

...И это была последняя радость и одновременно — последняя же ошибка в его жизни.

После того как я нанёс ему три молниеносных удара спицей в печень, генерал вскрикнув от боли и, прохрипел теряя сознание:

— Сцука...

И наливаясь нездоровой синевой от боли, начал медленно оседать.

Придерживая его, стоящего на коленях у моих ног, сверху вниз глядучи, не стал отрицать:

— Возможно. Но ты — первый ссучился, генерал! А я всего лишь — «возмездие и аз воздам»! Так что пеняй только на самого себя.

Не знаю — услышал он меня или нет... Да, какая разница?

Однако, «прибраться» за собой надо.

Обратился к проходящим мимо:

— Товарищи, товарищи! Генералу плохо! Помогите отнести его в убежище, пока нас ещё бомбить не начали!

Удивительно, но хотя сперва от нас шарахнулись, но всё же нашлись добрые люди — которые схватили его под руки и, отцепив от моих штанин — потащили в бункер.

Теперь мимо меня шли уже вполне упорядоченно и, то и дело узнавая меня в тускло-жёлтом свете моргающих ламп, хотя я изо всех сил старался прикинуться ветошью. Депутаты интересовались моим здоровьем и предлагали помочь добраться до убежища. В ответ отвечал, что так было и задумано по плану эвакуации: я спущусь туда самым последним. Поток стал всё жиже и жиже и, наконец совсем иссяк...

Двое последних прицепились как репей к заднице, возмущаясь:

— Товарищ Сталин, Вы видели что твориться?

— Не только видел, но и сам в этом участвовал. Проходите в бункер, не задерживайте эвакуацию.

— Как минимум десять трупов, не считая пострадавших в давке...

— Что поделаешь — война, а на войне бывают жертвы.

— Они закрыли за нами дверь, даже не попытавшись оказать помощь!

Подталкивая их в сторону входа в бункер:

— После отбоя тревоги обязательно расследуем и накажем виновных. А пока поспешите в убежище, товарищи!

Проводив их глазами, испытывая нешуточные муки совести, думаю:

«Надеюсь всё же, что это — какая-то супер-навороченная компьютерная стратегия, сшибко продвинутыми ботами...».

В любом случае, для меня все они все — уже давным-давно покойники, так что нечего понапрасну рефлексовать «добром нации».

***

Наконец, я остался один.

— «Одын, одын, совсэм одын!», — спел я и принялся за дело.

Откатив в сторону пожарный ящик, который специально для этого дела был изготовлен с колёсиками — которые просто так и не заметишь, если не знаешь сию «фишку». Подойдя вплотную, я засунул руку за щит и сняв с обыкновенного крючка — потянул за край, открыв его наподобие обычной двери. За щитом оказалась точно такая же стальная дверь, как и между уровнями — с красной звездой, с «колёсиком» и буквами «О» и «З» по бокам последнего...

Но очень уж заржавленная!

Такое ощущение, что как её здесь забетонировали — так с тех пор больше не трогали.

Струйка ледяной воды стекла за шиворот, как бы намекая мне на дальнейшую мою участь — если не начну шевелиться и, вмиг похолодев от макушки до кончиков пальцев ног — я сгоряча схватился за штурвал и, попробовал — налегая изо всех сил, покрутить его в сторону буквы «О»...

Ни с места!

Вытерев холодный пот со лба, я обратился вслух к Реципиенту:

— Коба, твою ж мать! Тебе надо было в молодости не банки грабить, а культуризмом заниматься.

«Там», в «родном» теле, я и в шестьдесят пять лет — штангу в сто кило свободно от груди жал... Правда всего лишь раз и, после этого «раза» — меня из-под неё вытаскивали и вызывали «неотложку».

Со словами из какого-то пошлого анекдота...:

— Попробуйте ещё раз!

...Я как следует налёг на штурвал: раз налёг, ещё раз, ещё и ещё много-много раз — всё тот же результат. В голову начали приходить все чёрные мысли разом:

«Заблокировали снаружи? Кто и зачем? Хрущёв про отдельный бункер для Сталина не знает, это однозначно... Или знает?».

Вдруг проснувшийся внутренний голос, с криком отчаянием прервал мои размышления: «КРУТИ ДАВАЙ!!! Устроил тут ромашку — «знает, не знает...»».

Схватившись обеими руками, я повис на штурвале, ногами из всех сил уперевшись в стену...

Ни с места.

Запыхавшись до астматической одышки, я вскоре оставил тщетные попытки и вслух процитировал Николая Гоголя из Тараса Бульбы:

— ««Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый старый козак».

Усевшись на ящик с песком, схватив голову обеими руками, я начал в отчаянии раскачиваться и попавшим в капкан волком выть:

— На кого я страну покину? На Хрущёва?! ...НЕТ!!! Что делать? Что делать... Ууууу...

Внутренний голос верещит зайцем-подранком:

«Думать надо!».

— Чё, тут думать — «звезда» нам с тобой волосатая, на букву «П»... Это однозначно!

«А ты в другую сторону пробовал крутить?».

Покрутив у виска пальцем, усмехаюсь грустно:

— «В другую сторону»? Для особо одарённых сообщаю: «О» — это открыто, «З» — «закрыто». Я крутил как написано...

««Написано»... На заборе «х...уй» написано — а там всего лишь дрова сложены».

Пытаюсь объяснить прописную истину:

— Если бы ты училось вместе со мной в институте, то знало бы: в СССР всё закрывается по часовой стрелке, а открывается — против...

Тот, не унимаясь:

«В СССР — если не всё, то очень многое — делается через жоппу и, возможно — это как раз тот случай!».

Вставая, я с вздохнул с полной безнадёгой:

— Чёрт с тобой, умру уставшим... Пусть тебя потом вплоть до Страшного суда совесть дрючит.

Взявшись за штурвал правой рукой, я без особого фанатизма попробовал повернуть его против часовой стрелки — в сторону буквы «З» и, тот...

Провернулся!

Ещё несколько оборотов и дверь легко открылась и я смог перейти в галерею, ведущую в личный бункер Сталина.

«Дебил, — торжествующе заорал мой внутренний голос, — достался же советскому народу такой «вождь» — на собственную бесславную погибель, наверное...».

Со стыда чуть не сгорев на месте, я разозлился и выйдя обратно заорал:

— Заткнись! Ещё одно слово и я здесь останусь: сам умру — но и ты, гад, подохнешь!

Испуганно:

«Молчу, молчу....».

Закрыв дверь с той стороны, я похлопав себя по карманам, снова процитировал Гоголя из Тараса Бульбы:

— «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!».

Только я взялся за штурвал, чтоб открыть дверь и поискать своё единственное — до икоты простенькое, но оказавшееся таким эффективным оружие — как раздался, хотя и приглушённый земельной толщей — но довольно-таки сильный взрыв... Пол под ногами подпрыгнув — ударил по пяткам, лампочки моргнули и погасли, сверху на меня посыпались мелкие камни, песок и всякий прочий строительный мусор... Ну и в довесок хорошенько обдало брызгами ледяной воды.

Отряхиваясь в кромешной темноте, я выругался в адрес «опытных» (словами Хрущёва) сапёров из Академии Генштаба:

— По ходу, с зарядом они перестарались... Блядь и здесь умудрились обосраться, олени жоппорукие!

За дверью уже хорошо было слышен рёв врывающейся в пустоту воды и, я со всех ног

бросился по лестнице вверх — через каждые пару шагов в темноте спотыкаясь об ступеньки, даже изредка падая и по-стариковски ворча:

— Ну что за страна мне досталась, нах? Взорвать и то по-человечески не могут...

Лестница была более пологая, чем в галерее — ведущей в общий бункер: видимо специально сделанная такой под Реципиента — отнюдь не славившегося какой-либо особенной физической прытью в его достаточно почтенные года. Поднявшись впотьмах на следующий уровень, я ожидаемо нашёл там на ощупь точно такую же дверь, что и ниже и, без всяких проблем открыл её.

Здесь ожидаемо была ещё одна лестница ведущая вверх и, к моей неописуемой радости — горел всё так же моргая электрической свет. Должно быть сеть запитана от какого-то другого источника.

Закрыв за собой дверь я поднялся уровнем выше и, обнаружил ещё одну — точно такую же. Без малейших затруднений открыв последнюю, я попал в небольшой тамбур, заканчивающийся, хотя и тоже стальной — но совсем другого образца дверью... Какую-то «гражданскую» на вид, что ли, с самой обычной дверной ручкой поворотного типа. Повернув последнюю вниз, я вошёл в...

Прямо в кабинет Сталина!

***

Встав соляным столбом, осматриваюсь.

Здесь также моргало «аварийное» освещение, но был хорошо заметен и самый обычный выключатель на стене. Видимо в личном бункере Сталина была хорошая вентиляция, отчего воздух был посуше и достаточно тёплым... Однако всё равно на стенах кое-где имелись тёмные пятна от сырости, а по углам — следы плесени.

Конечно, подземные апартаменты Вождя имели отличия от тех, что были наверху — но только самые минимальные. Например, вместо ковра на полу, лежало нечто резиновое... Вместо дубовых панелей на стенах — выложенные из керамической плитки «под дуб». Ткани из органических волокон, я думаю и, дерево — здешней сырости не выдерживали.

А так — точь в точь, даже некое подобие окон имелось — но из глянцевой керамической плитки — «под стекло».

Стол самого Реципиента с двумя телефонами — прямым и с «вертушкой», письменным прибором и настольной лампой... Длинный стол для совещаний со стульями... Несколько громоздкий и древний на вид сейф в углу...

Некоторое время стоял неподвижно, задумчиво почёсывая фабер... Почесав затылок, я подумал:

«Как бы узнать, что там наверху твориться? Вышла ли газета «Правда» о моём вступлении в должность Председателя «ГКТиО» и Верховного Главнокомандующего? Если нет — то лучше здесь и остаться...».

В советские времена, газеты кидали в почтовые ящики где-то к обеду.

Вынув из нагрудного кармана френча серебряные карманные «Longines» — подаренные Реципиенту в 1931-м году матерью, увидел на циферблате, что ещё и девяти утра нет. Блин, а как обычно в таких случаях кажется — прошла целая вечность.

«Если «Правда» и вышла, то её ещё не развезли по киоскам, не разобрали... Подождём».

«— Подождём твою маму,

Подождём твою мать...».

Потом, вдруг осенило:

«Так можно ж позвонить и узнать!».

Подошёл к столу и взялся за трубку того, что с диском: пару десятков номеров телефонов я знаю, можно куда-нибудь позвонить — например коменданту Кремля и узнать обстановку наверху. По очереди поднёс телефонные трубки к ужу — ни единого гудка. Посмотрев вожаделенным взглядом на сейф — может, там есть что-то полезное в хозяйстве?

Мне хотелось бы найти хоть самый завалящий пистолет, даже хрен с ним — ржавый и без патронов...

А где ключ? Обследовав ящики стола, я кроме как пары стопок чистой бумаги не нашёл... Пощупал их на ощупь — влажные, для письма не пригодные... Принюхался: отчётливо разит плесенью. Прислушался к себе: у меня явно начинается одышка. Пару раз кашлянув, внимательно оглядел помещение ещё раз: невооружённым взглядом видна изрядная запущенность.

Ну, что ж...

Можно сделать вывод про то — почему Вождь не пользовался этим бункером во время войны: у Реципиента слабые лёгкие и здесь ему — явно не климатило.

Как бы в подтверждении такой теории, мне сверху мне на голову капнуло.

Посмотрев с опаской на потолок, вытерев ладошкой темя, я вернулся в тамбур и подошёл к двери со «штурвалом»: из-под неё — явственно подтекает... Стало быть с той стороны — уже конкретно затопило, в любой момент может прорвать и надо отсюда срочно валить.

Вот только куда?

В кабинете имелось несколько дверей. Рядом с входом в подземную галерею ведущую в общий бункер — я обнаружил действующий санузел: унитаза — который я тут же «обновил» по маленькому и умывальник с зеркалом...

Посмотревшись в него, я:

— Ну и видон у тебя, товарищ Сталин! «Краше» только в бомжатник ведут.

Наскоро умывшись и приведя в относительный порядок одежду, я пошёл дальше.

Следующим был небольшой закуток с простой железной, не заправленной кроватью... Понятно для чего.

Одна из дверей вела в секретарскую, где видно по смелым замыслам проектировщиков — должен был трудиться Поскрёбышев со своими людьми: столы с пишущими машинками и телефонами, бюро под архивы и прочая канцелярщина.

Пройдя секретарскую, открыв следующую дверь обнаружил коридор — из которого по очереди почтил своим присутствием комнату отдыха с двухъярусными нарами, небольшую кухню с импортными холодильником и электроплитой, подсобку с вёдрами, швабрами и тряпками. И, наконец...

Лифтовая шахта!

Рядом на стене — кнопка вызова, всё как положено.

Помедлив нажимаю — ни какого видимого эффекта.

«Лифт обесточен. Рубильник где-то сверху, вот какая досада».

Однако, отчаиваться рано.

Двери в лифтовую шахту не автоматические, так что я смог их открыть и увидеть — что наверх можно было выбраться и, по узкой вертикальной лестнице — идущей вдоль стены, с огороженными площадками через каждые четыре-пять метров. Лишь бы лифтовая кабина не помешала, находящаяся в самом верхнем положении.

Ну, что делать?

— Пятнадцать метров, говоришь? Да это всего-навсего высота пятиэтажной «хрущёбы»... Куйня!

***

Подбодрив себя таким утверждением, я покарабкался вверх... Сильно мешала и замедляла подъём сгущающаяся кверху темнота и почти не функционирующая левая рука — висевшая плеть-плетью...

Уже через три площадки, я задыхаясь от одышки выmaterил Реципиента:

— Ведь ты же кавказец, «ду бин»... У тебя же от разрежённого горного воздуха, дыхалка должна быть — как у тихоокеанского кашалота, муттер твою итти...

Отдышавшись, полез дальше и через ещё три «остановки»:

— И как ты только с такой выносливостью от царской жандармерии бегал? То-то из Туруханска не вылезал, революционер-подпольщик куев, где от безделья чмырил Яшку Свердлова — заставляя его вылизывать свои миски из-под баланды.

Наконец-то добрался до верхней площадки, где за ограждением нащупал стенку лифтовой кабинки...

Что дальше?

Прошёлся по площадке вкруговую, чуть не сверзился в лестничный проём, но никакого выхода не нашарил, не нашёл:

«Замуровали! Замуровали, демоны!».

Вспомнив про спички зажёл одну и, в её свете увидел небольшие металлические скобы ведущие на крышу кабины лифта... Эге! Так там — на крыше лифтовой кабинки, должен быть люк.

Зачем?

Двух мнений быть не может: чтоб, если лифт застрянет между уровнями — можно было выбраться из него и по боковым лестницам с площадками спуститься вниз... Ну или — подняться вверх, смотря по ситуации.

Повеселел:

— Из любой ситуации есть выход, просто не у каждого есть в кармане спички!

«Надо будет запомнить и если — тьфу, тьфу, тьфу, жизнь наладится — записать в цитатник».

Подышав глубоко и часто — насыщая организм кислородом, стал карабкаться вверх, что заняло приблизительно минут пять. На крыше кабины лифта пришлось передвигаться на «четырёх костях» — из-за находящейся там системы блоков, тросов и прочей механики... Но крышку люка я нащупал сразу и, сперва перекрестившись: «Хоть бы не было замка!», — потянув за ручку и без труда открыл её.

Обрадовавшись:

— «Вот что крест животворящий делает!».

Я посветил спичкой вниз — чтоб не напороться на какой-нибудь штырь (мало ли что в лифтах оставляют строители) и, сперва сев на краешек и свесив ноги — прыгнул вниз, благо не высоко — всего метра два. Тем не менее неловко упав на колени и, сильно зашибив одно из них — я пару минут шипел от боли, как гадюка с отдавленным хвостом, затем зажёг спичку и осмотрелся «в отсеках».

Встав, уже на ощупь открыв сперва дверь кабинки, а затем дверь лифтовой шахты, я вышел и потратив ещё одну спичку, обнаружил, что нахожусь в небольшом тамбуре: спереди — стальная дверь, слева — элетрощиток. В свете догорающей спички открыв последний, я включил рубильник и, на некоторое время — был ослеплён как крот, сдуру выползший из норы в солнечный полдень.

Через пару минут проморгавшись, я взялся за ручку двери и холодея от мысли, что она может быть заперта изнутри квартиры, открыл её...

Выдохнув с облегчением и не забыв осенить лоб крестным знамением:

— Сегодня без всяких сомнений — Господь играет «за наших».

Эта дверь была довольно толстой — как бы не сантиметров двадцать и, двойной: со стороны лифта — стальной, со стороны сталинской квартиры — деревянной. Очень хорошо было заметно, что работа качественная: плотная подгонка, тщательная отделка.

Однако, куда я попал?

Передо мной была не одна из комнат кремлёвской квартиры Сталина, а снова какая-то деревянная перегородка, состоящая из двух половинок и причём — каждая с собственной ручкой, наподобие дверной...

Понимание пришло почти мгновенно:

«По ходу, это снова какие-то двери — чёрт бы их всех побрал! Но только уже двухстворчатые».

Внимательно осмотрев, я понял что на себя их не открыть. Попробовал толкнуть от себя — даже не сдвинулись.

Стараясь не впадать в отчаяние, попробовал думать логически:

«На фига две половины, когда ширина проёма позволяет сделать одностворчатые двери? ...Может, они раздвижные — как в вагонном купе?».

Здрав глаза вверх — где по моим прикидкам должен находиться тот, кто затеял всю эту лабуду, я осторожно потянул за одну половину... На удивление, она сперва негромко щёлкнув — довольно легко отошла в сторону, образовав щелочку сантиметров в пять.

Заглянув, я увидел по всем признакам кабинет Вождя — письменный стол с настольной лампой и телефонами и всё такое прочее. Но вовсе не тот кабинет — откуда меня вчера увезли Хрущёв со товарищи...

...А домашний кабинет его кремлёвской квартиры[1]!

Тогда всё сходится: когда проектировали бункер для Сталина, он жил в своей кремлёвской квартире со своей законной супругой — Надеждой Аллилуевой и, по ночам любил работать здесь — в уютной семейной обстановке. После её самоубийства же, он переселился на Ближнюю дачу и почти перестал здесь бывать, предпочитая работать этажом

выше.

Не обнаружив ничего подозрительного, смело раздвинул двери — оказавшиеся задними стенками книжных шкафов за письменным столом и оказался в домашнем кабинете Вождя. Оглянулся: вход за мной в поземный бункер автоматически закрылся.

Первым делом подошёл и посмотрел в окно — ибо, хотя это звучит смешно — успел уже изрядно оголодать по естественному освещению и чувству пространства. Это как в тюрьме: приводят тебя к дознавателю, а ты забыв про всё — уставишься с тоской в окно и, смотришь на белый свет — налюбоваться им не можешь...

Хотя сейчас любоваться особенно было не на что: пасмурно, идёт небольшой снег и, в Кремле — на удивление безлюдно... Но меня быстро отпустило и я смотрелся в кабинете. Конечно с тем что «наверху» не сравнить — но здесь на удивление уютно. Мягкая мебель — кресла и диван, книжные полки с сотнями томов, обычная вешалка у дверей, с висящими на ней шинелью и фуражкой.

Посмотрев на последние и, критически осмотрев себя в имеющиеся на стене возле вешалки зеркало — стряхнул с головы пыль, песок и паутину и, нахлобучил на неё выдавшую виды фуражку со звездой. Несколько не по сезону, конечно...

Ну а что делать?

Отряхнув шаровары и френч от грязи, надел шинель — которая оказалась не только летней, но и изношенной до торчащих ниток из обшлагов рукавов. Должно быть, Реципиент в ней всю Гражданскую прошёл, НЭП и первые пятилетки с коллективизацией совокупно.

Не успел оценить свой прикид в зеркале, как из-за дверей послышался приглушённый хорошей звукоизоляцией человеческий голос. Сперва всполошился было, но потом успокоился: этот голос, судя по знакомым интонациям — оказался из репродуктора, или «чёрной тарелки» — висящей в каждой советской квартире, коммунальной или индивидуально-персональной, не важно. А то и вовсе это устройство располагалось на уличном столбе или стене дома на площади.

Такая «тарелка» была у меня на Ближней даче и, ничего — кроме обычно-привычной лабуды про трудовые достижения советского народа и происки империалистов, я из неё не слышал...

Вот ещё одна проблемка, которую придётся так или иначе решать!

Не смотря на затрачиваемые колоссальные средства, несмотря на то, что пропагандистов в стране было — наверное больше, чем самых обычных сварщиков — идеологическая работа, была где-то на уровне даже не плитуса... Городской канализации. С такой пропагандой, страна — просто обязана развалиться и, надо только удивляться — как она умудрилась дотянуть до начала 90-х годов.

Однако, в этот раз в голосе «чёрной тарелки» мне послышалось кое-что интересное...

Приложив ухо к двери, слышу:

«...Главный Военный Совет Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ГВС РККА преобразовать в Ставку Верховного Командования и определить ее в составе: председателя Государственного Комитета Труда и Оборона — товарища Сталина, заместителя председателя Государственного Комитета Труда и Оборона — товарища Молотова, заместителя председателя Государственного Комитета Труда и Оборона — наркома

обороны СССР маршала Ворошилова, маршалов Буденного, Шапошникова, Кулика...».

Сперва обомлев, я затем возликовал:

Ура! Свершилось!

От переполнивший меня радости, я подпрыгнув, прокричал какой-то пиратско-индейский боевой клич:

— ЙОХОХООО!!!

И запев...:

«— Веселится и ликует весь народ!

Веселится и ликует весь народ!

И быстрее, всё быстрее...».

...Я со всей дури толкнув дверь, резко открыв её и оказался на пороге зала — где из-за длинного стола заставленного выпивкой и закусью, уставились на меня четыре пары глаз.

Клянусь Сургутским нефтегазовым месторождением: таких изумлённо-ошарашенных физиономий — я за свои обе жизни ещё не видел!

[1] Сколько не искал инфу про сталинскую квартиру в Сенатском корпусе Кремля, нашёл лишь что она была пятикомнатной и одну фотографию зала.

Глава 8. Лифт на эшафот

Глава 8. Лифт на эшафот.

Сэр Уинстон Черчилль:

«Хрущев является единственным в истории человечества политиком, который умудрился объявить войну мертвецу.

Но самое забавное даже не это, а то, что Хрущев эту войну проиграл»

Галет Вениамин Андреевич:

«Каждый человек безусловно хорош, когда трудится на своём месте, или вовремя закопан».

Мне больше ничего не оставалось, как как ни в чём не бывало допеть:

«...Поезд мчится в чистом поле».

И одновременно лихорадочно начать соображать:

«Примчался поезд: следующая остановка «Вылезай-ка»... Приехали блин! Так, так, так... Только без паники. Кто это такие, что они здесь делают и что от них мне ждать?».

Включаю логику:

«Судя по синему цвету штанов и знакам на петличках — это военнослужащие среднего командного звена: от лейтенанта до полковника. Судя по уставленному снедью и выпивкой столу — они здесь бухают.

Кто такие?

Судя по исторически-знакомой глуповато-детской мордашке единственного среди них лейтенанта, это сын Реципиента — Василий Сталин, заварившей всю эту бучу».

На два вопроса я ответил влёт, остался последний — самый животрепещущий: что мне от них ждать?

«Если верить Хрущёву трое оставшихся — это командиры случайно или преднамеренно застрелившие Берию и, теперь фактически держащие этого юного оболтуса в заложниках. И так как им терять уже нечего — ждать от них чего-нибудь хорошего, мне не приходится».

Хотя... Человеку всегда есть что терять и, он всегда — до самого конца своего брэнного существование, на что-нибудь да надеется.

Даже стоя на эшафоте с петлёй накинута на шею, или под занесённым над ней же топором.

Да к тому же на моей стороне — два фактора:

Во-первых, я теперь — Верховный Главнокомандующий. Стало быть — я «в своём праве» для товарищей командиров и, меня теперь — так просто «нахуй» не пошлешь, не то чтобы — «того»...

«Этого»!

Субординация всё-таки — это великая сила!

И второе: если был прав Суворов: «Удивить — значит победить», то товарищи командиры — не удивленные, нет...

Они просто убиты наповал моим внезапным появлением из ниоткуда — из казалось бы, пустого кабинета.

Поэтому пока не появился Хрущёв — действуем наступательно, нахраписто и даже нагло. И прежде всего надо срочно убрать с глаза долой это сопляка.

Взглядом чадолюбивого папаши — заставшего своего юного отпрыска за занятием онанизмом, смотрю лейтенанту в глаза и рявкаю:

— Василий! Почему мне звонят и сообщают что ты дезертировал из воинской части?

Тот ещё раз изменившись в лице, что-то хотел залепетать:

— Отец...

— МОЛЧАТЬ!!!

Никогда не мог бы подумать — что смогу крикнуть так громко. У меня самого — аж перепонки заложили, как при лёгкой контузии.

— Приказываю немедленно возвратиться на место службы и приступить к выполнению своих обязанностей!

Пытается оправдаться:

— Мне сказали...

— МОЛЧАТЬ!!!

Зверею кровавым тираном:

— От лица Верховного Главнокомандующего, объявляю Вам пятнадцать суток гауптвахты! Как поняли, лейтенант?

Тот, по стойке смирно:

— Есть пятнадцать суток гауптвахты!

— БЕГОМ!!!

Проводив Ваську-балбеса взглядом огнедышащего дракона, поворачиваюсь к его собутыльникам. Двое из них, как сидели с открытыми ртами и круглыми глазами — так и остались сидеть. Разве что уши ещё больше прижали... Фигурально выражаясь, конечно.

А вот третий в звании капитана автобронетанковых войск, вижу — уже пришёл в себя.

Крепенький такой широкоскулый здоровячек лет двадцати пяти — тридцати, смотрит на меня взглядом матёрого пса бойцовской породы. И в этом взгляде замешательство: что делать — дожидаться хозяина, или начать рвать и без команды «фас»?

И мне до жуткого ужаса захотелось приручить этого «бультерьера».

***

От всего за сегодняшний день пережитого, да ещё при виде на стол — конкретно захотелось «накатить». С самым мрачным видом сажусь за стол на место Василия... Интересно, что нынче товарищи командиры пьют?

Чем закусывают?

Оказываются, пьют они 56-градусную «Крепкую»...

При виде на бутылку вспомнилась народная байка, что путёвку в жизнь этому подвиду национального напитка дал сам Сталин. Мол, при встрече с полярниками он спросил, что те «употребляют»? Ведь обычная водка, уже при сорока градусах мороза замерзает и в горло не лезет — даже под закуску из солёного моржового сала...

Так и так мол, те отвечают: берём чистый спирт и разбавляем водой до цифрового

показателя широты местности. То есть в районе Полярного круга — шестьдесят шесть процентов, в Тикси — семьдесят, а на Шпицбергене — так все восемьдесят.

Вождю шибко понравился такой подход к делу и он приказал замутить подобное уже в промышленном масштабе. Таким образом, на широте столице появилась 56-ти градусная водка «Крепкая».

Закуска же у товарищей командиров была самая непритязательная — квашенная капуста с морковкой, с порезанным репчатым луком, заправленная подсолнечным маслом и обильно поперчённая. Ну и к ней солёное сало и чёрный хлеб...

Видимо застолье было только в самом начале: водку открыли, закуску порезали — и тут сообщение об назначениях товарища Сталина. А потом и он сам — как чёрт из табакерки выскочивший.

Молча разливаю «Крепкую» в четыре стакана по половине и, подняв свой, не чокаясь:
— Ну... Жахнем!

Залпом опрокинул водку в рот и, почувствовав привычное, хотя и усиленное жжение в пищеводе — налёг на капустку, оказавшуюся на удивление зачётной и, не забывая про сальце и хлеб. Вижу: даже не переглянувшись, товарищи командиры — как зачарованные последовали моему примеру.

Прожевав, поднимаю на эту троицу тяжёлый взгляд и спрашиваю:

— А куда Никитку-то подевали, товарищи командиры? ...Расчленили надеюсь и, в мусоропровод выкинули?

После неловкого молчания, один из командиров — тот самый в звании капитана автобронетанковых войск, ответил с непонятым выражением на лице:

— Товарища Хрущёва срочно вызвали по телефону.

Покосившись на стоящий на небольшом столике у окна аппарат, презрительно фыркаю:

— «Срочно»... Это ему сообщили, что дивизия НКВД имени Дзержинского — окружила Кремль, а Серов, Малиновский и Гречко — уже убиты. Вот он и забегал, как таракан под занесённым тапком.

Это произвело впечатление: полковник и майор побледнели школьным мелом, капитан-крепыш начал стремительно краснеть.

А я продолжаю «грузить», как ни в чем не бывало:

— Посмотрите в окно: там уже никого из ваших «академиков» нет — все кроме вас свалили подальше отсюда, пока была такая возможность.

Все трое подорвались и бегом к окну.

Пока они бегали туда-сюда, я вновь разлил водки и подняв свой стакан:

— Извините, что не «чокаюсь»: «чокаться» с покойниками — плохая примета. Ну... Вздогнули!

«Вздогнуть» со мной решил лишь капитан-танкист. Двое других видать были в состоянии полуобморочном.

Выпили-закусили и первым продолжил разговор капитан... Приложив ладонь к груди, он не пряча глаз:

— Товарищ Сталин! А за что Вы нас записали в покойники? Ведь, как было дело? Ваш сын сообщил нам, что Вы арестованы людьми Берии и просил нас помочь ему освободить Вас. То же самое подтвердили член Политбюро ЦК ВКП(б) товарищ Хрущёв, комиссар госбезопасности товарищ Серов и преподаватель Академии Генерального штаба генерал-майор Малиновский... Как мы могли ему отказать?!

Двое других командира ожив, тоже — наперебой и самыми искренними заверениями, стали убеждать меня, что их бес попутал.

Прервав их, обличительно направив палец на капитана и, спрашиваю с изрядной ехидцей:

— А товарища Берию вас тоже «бес» заставил убить? Или всё-таки товарищ Хрущёв?

Полковник и майор вновь побелев пуце прежнего, впали в ступор... Капитан же, сперва затаив дыхание, а затем с видом идущего с единственной гранатой на танк, признался:

— Так что нам оставалось делать? Опять же — мы ради Вас, товарищ Сталин! Разве помочь великому Вождю и Учителю трудящихся всего мира — это преступление?

Ага! Всё-таки вопреки заверения Кукурузника — никакой «случайности» не было.

«Вот же пидор!».

Подняв палец вверх:

— Это не преступление, товарищи командиры... Это хуже. Это — ошибка! А ошибки принято смывать кровью.

После этих слов, наступила зловещая тишина.

***

Вдруг всхлипнув, полковник достал свой «ТТ»...

Думал уже — издец мне арктический, как тот передёрнув затвор стал примащивать ствол к своему виску.

Кричу:

— СТОЙ!!! Держите его!

Затем, когда капитан успел того обезоружить, успокаивающе-укоризненно:

— Что Вы, полковник — чуть что стреляться, как царский титулярный советник — обличённый в казнокрадстве? А война скоро — кто за вас воевать будет? Товарищ Сталин, что ли?! Так старенький он уже и, сказать Вам по правде — диспозицию с дислокацией частенько путает.

Встав, сделав вокруг стола круг, я остановился напротив командиров и начал последний этап перевербовки:

— Ошибки принято смывать кровью, конечно. Но необязательно своей-собственной...

Вижу — оживают прямо на глазах и продолжаю:

— ...Хрущёв со товарищи хотел совершить военный и государственный переворот: товарища Сталина и его соратников из Политбюро ЦК ВКП(б) — убить, а самому стать императором Советского Союза и самодержцем вся Руси. А моего Василия и вас, а также других слушателей Академии — он использовал «втёмную», сочинив легенду о якобы моём аресте по приказу Берии.

Полковник и майор перебивая друг друга:

— Какой негодяй!

— Сволочь!

— Мы этого не знали, товарищ Сталин!

Капитан-танкист, с загоревшейся искоркой надежды в глазах, внёс первое конструктивное предложение:

— Товарищ Сталин! Дайте нам приказ и мы его арестуем!

Отрицающее покачав пальцем, строго:

— Никаких арестов! Он скажет, что ничего не знает и вообще — видит вас первый раз в жизни. Главные его сообщники уже мертвы и подтвердить ваши слова некому. Да и вообще: кому поверят — вам или члену Политбюро ЦК ВКП(б)?

— А что же делать?

Перехожу на заговорщический шёпот:

— Значит надо сделать так, чтобы Хрущёв не смог ничего про вас плохого сказать. Желательно даже, чтоб он вообще бесследно исчез... Понимаете, о чём я?

Те переглядываются и также шёпотом:

— Понимаем...

Сажусь за стол, разливаю остатки водки и, подняв свой стакан — со звоном «чокаюсь» с командирами и, произношу краткий тост:

— Ну... За понимание!

Выпили, закусили и капитан задал наводящий вопрос:

— Товарищ Сталин... А как нам тов... Эээ... Хрущёва? Как товарища Берию: завести в ванную — чтоб следов крови не оставалось и, застрелить?

Задумчиво на него поглядывая:

— «Застрелить»? Что-то как-то не изобретательно, товарищи командиры. И как вы только с германцем воевать собрались с таким убого-бедным воображением?

Все трое уставились на меня:

— А как тогда?

Смотря на потолок, перебрав в уме все экзотические виды казней — по ряду соображений решаю остановиться на самой банальной:

— Вы вешать умеете?

Те недоумённо переглядываются:

— Нет, не умеем, не приходилось...

Вздыхаю с укоризной:

— И чему вас только в Академии Генерального штаба учат? Ни военные перевороты по-человечески устраивать, ни взрывать толком, ни вешать... Всё приходится делать самому! Нет, всё-таки разгону я эту вашу «контору» к ебням собачьим...

Встаю и решительно озадачиваю:

— Первым делом, товарищи командиры, надо найти верёвку покрепче и мыло... Хозяйственное вполне сгодится.

Капитану:

— Вы с майором на вход: как явится Хрущёв — хватайте его и вяжите. И обыскать не забудьте — там у него где-то два пистолета должен быть: наш и производства вероятного противника. Мы же с товарищем полковником поищем инструменты возмездия.

Полковник скептически посмотрев на потолок — откуда до самого стола свисала хрустальная люстра:

— Ещё надо найти где вешать.

Я буквально на секунду зависнув, утвердительно киваю:

— Знаю я тут одно такое местечко... Совсем неподалёку, буквально в двух шагах.

Квартира оказалось пустующей — видимо жившую здесь с семьёй экономку (попутно занимавшуюся воспитанием детей Реципиента после смерти их матери) куда-то специально выселили.

Подходящей длины пеньковая верёвка и мыло, без особого труда нашлись в чулане. Кроме того, на кухне я обнаружил ещё кое-что для нас с Хрущёвым интересное и засунул это в карман шинели.

***

Не успели мы с полковником присесть в зале и передохнуть после трудов праведных, как в прихожей послышались звуки борьбы и отборные русские маты — хоть бери и записывай... Запомнить однозначно не получится, ибо уж больно сложные комбинации.

Хотел уж поспешить на помощь — полковник и пистолет было достал, но тут капитан и майор вводят с заломленными назад руками Никиту Сергеевича:

— Вот, товарищ Сталин — попался изменник делу Советской Власти и Коммунистической партии!

Я встретил Хрущёва стоя по-сталински: засунув левую руку в карман шинели, а правую — заложив за её отворот на груди и, словами Гоголя из романа Тараса Бульбы — слегла их переиначив под текущий момент, конечно:

— «Что, Микитка, помогли тебе твои ляхи?».

У того очи — размером с глобус Украины каждый, того и гляди лопнут:

— ТЫ?!

Согласен: очень неприятно в его ситуации — увидеть ожившего покойника... Самому себе такого не пожелаешь!

— Мы, мы... А ты здесь кого думал увидеть? Польского маршала Збигнева Бжезинского — которому ты продался, иуда?

В ответ послышался отборный мат, прервавшийся лишь после сильного удара по почкам — отправившего его к моим ногам.

Майор, выкладывая на стол кучу предметов:

— Вот что нашли в карманах этой контрреволюционной сволочи, товарищ Сталин.

Переложив в карман шинели свой же пистолет Коровина и проверив — заряжен ли, к остальному добру особого интереса не проявил: навряд ли Кукурузник таскал в карманах списки своих сообщников, такая инфа держится обычно в голове.

— Отнесите это в мой кабинет, потом как-нибудь займусь. И этого типа гнусного туда же тащите для экспресс-допроса.

Пока командиры добрым словом и пинками поднимали на ноги Хрущёва, подойдя к окну и посмотрев на происходящее внутри Кремля, я удивился в очередной раз:

«Где всё же народ, то? Или это уже не альтернативная история, а зомбокалипсис?».

Вдруг после взгляда на стоящий рядом стол с телефоном, меня осеняет:

«А может позвонить куда-нибудь и, спросить что случилось?».

Однако, не тут то было!

Куда я не набирал: от Секретариата Поскребышева — до Комендатуры Кремля и приёмной профессора Виноградова — никто нигде на мой звонок не отвечал.

«Вымерли они все, что ли?».

Вдруг опять посетила здравая мысль:

«А не спросить ли у Хрущёва?».

Зайдя в кабинет, предельно вежливо спрашиваю у него — боком расположившегося на кресле:

— Никита Сергеевич! Не подскажешь нам, что в городе происходит?

Тот, как взбесившийся:

— ЭТО ТЫ!!! ЭТО ВСЁ ТЫ НАТВОРИЛ... СВОЛОЧЬ!!!

И дальше — отборные маты, которые не каждая бумага не выдержит — воспламенится. Не говоря уже про электронные носители информации.

Мда... Никакого «экспресс-допроса» не получится: «объект» в высшей степени быковат и вряд ли просто так «расколется». А электропаяльника, как на грех — под рукой нет.

Задумчиво на него глядя:

— Вижу, конструктивного диалога у нас тобой не получится, Микитка...

Какой там «диалог»?!

Видимо услышав вновь из моих уст опостылевшее прозвище, Хрущёв невообразимым финтом подскочил в кресле и, в прыжке попытался меня укунить за ногу — плотоядно рыча... Быть мне покусанным и возможно тоже — взбесившимся... Но капитан не растерялся и мигом уложил нападавшего носом в довольно-таки пыльный ковёр — по которому я уже успел наследить своими прошедшими подземелье сапогами.

Слушая непрекращающиеся «идиоматические обороты», недоумённо-озадаченно чешу всей пятернёй в затылке:

«Интересно, что его так взбесило? Разве гибель всего партсъезда...? Так мы об этом с ним заранее договаривались, значит не должно вроде? Фиаско своего заговора...? Он бы тогда попытался договориться с командирами — пообещав им золотые горы и маршальские звёзды... Нет, тут что-то совсем другое».

Ладно, это всё выяснится потом — никуда оно не денется. Сейчас же срочно надо избавиться от Кукурузника: ибо это безлюдье за окном — меня не по-детски напрягает...

Как бы всё не заработало в обратную сторону!

Встав над Хрущёвым и прижав ногой его голову к коврику, чтоб не перебивал, оглашаю:

— Как Председатель ГКТиО, Верховный Главнокомандующий и прочая, прочая, прочая, приговариваю тебя — гражданин Хрущёв, к высшей мере социальной защиты — смертной казни через повешенье. Приговор привести в исполнение немедленно.

Подойдя к раздвижным книжным шкафам, скрывающим вход в подземелье, приказываю:

— Тащите приговорённого за мной, товарищи командиры.

***

На лифте спустились в бункер Сталина — где уже было по щиколотку воды и, тоже — некоторое время думали-гадали, на чём бы его повесить... На потолке нет никакого подходящего крюка, а если на торчащем из стены крючке — ногами будет доставать. Разве

что колени ему прострелить — как посоветовал капитан-танкист.

С хозяйским прищуром на него посмотрев: «А ведь он, падла, способный!», — я предложил другой, более приемлющий вариант:

— Товарищи! А давайте его к кабинке лифта привяжем, а сами поедем вверх — он и повиснет в лифтовой шахте, болезный.

В мою бытность бандитом, мы такое с пацанами неоднократно проделывали — но лишь чтобы попугать конкурентов по бизнесу. По настоящему — никогда не вешали, хотя мне всякий раз хотелось попробовать.

Когда Хрущёву накиннули на шею тщательно намыленную верёвку, а другой конец — прочно прикрепили снизу лифтовой кабины, он наконец-то почуввав смертный час — заткнул свой «фонтан».

Участливо спрашиваю:

— Ваше последнее слово, приговорённый. Может какие-то пожелания или привет кому-нибудь передать...

Тот, тяжело дыша, взглядом пытаюсь прожечь во мне дыру размером с жоппу гиппопатами:

— Сволочь! Если бы ты знал, что ты наделал...

Про что это он?

— Всё мной «наделанное» — я как-нибудь сам разгребу, не парься! Главное, что ты ничего не успел наделать.

Чуть не забыл:

— У тебя остался всего один единственный шанс чтоб остаться в живых, гражданин Хрущёв.

Тот, с смертной тоской смотрит на меня, но упорно молчит.

Достаю из кармана шинели здоровенный початок кукурузы:

— Засунешь его себе в анус — поедешь в Туруханский край председателем колхоза, учить тамошних оленеводов выращивать этот овощ в условиях вечной мерзлоты.

Вижу, что колеблется, достаю завёрнутый в газетку кусочек сала:

— Натрёшь хорошенько — зайдёт в жоппу без боли и крови... Я так думаю.

Тот, снова кусаться — еле оттащили:

— Будь ты проклят!

— Все мы там будем...

Потом пожав плечами:

— ... Ну не хочешь, как хочешь — моё дело было предложить.

«А потом будут историки понапрасну писать, мол Сталин был жестоким тираном...».

Уж было заходя в лифт, вдруг спохватываюсь:

— Товарищи командиры! Видите в бункере много воды?

Уровень грунтовых вод уже поднялся почти до середины голенища сапога.

— Видим, товарищ Сталин.

— Непорядок! Надо срочно открыть нижнюю дверь, чтоб вода ушла.

Подробно объяснив где находится дверь в галерею — ведущая в общий бункер, показываю пальцем на полковника и майора и, приказываю:

— Быстренько сбегайте, откройте ту дверь, а мы с капитаном вас подождём...

Когда они скрылись, я глядя последнему в глаза, негромко добавил:

— ...С капитаном госбезопасности.

Как известно, звание «капитан государственной безопасности» — соответствует званию полковника РККА.

Смотрю на капитана, он на меня... Думаю, мы друг друга поняли: мне нужен личный Малюта Скуратов — и он на эту роль вполне подходит. А те двое — слабаки, судя по моим наблюдениям. Ибо не каждый способен за просто так человека убить и при этом «кукушкой» не тронуться... Начнёт их совесть дрючить, сопьются, станут много лишнего болтать и один хрен кончат плохо.

Так зачем людей зря мучить?

Прошло минут пять, может чуть меньше, как вдруг со стороны кабинета послышались дикие вопли, а из секретарской — бурным потоком хлынули грунтовые воды, таща с собой мебель и мусор... Часто-часто заморгал — аварийное освещение погасло, как кабель отрубил. Капитан не растерялся и, прежде чем я успел скомандовать, нажал кнопку. Кабина лифта тут же рванула вверх, таща за собой привязанного за шею верёвкой Хрущёва.

Надеюсь, он недолго мучился и умер не от удушья — а от перелома шейных позвонков. На себе ни разу не пробовал, но британские учёные говорят, что это совсем не больно:

Раз и всё!

Благосклонно кивнув, я:

— Поздравляю с орденом «Красной звезды», товарищ капитан госбезопасности. И надеюсь, что эта награда у Вас не будет последней.

— Служу трудовому народу!

Доехали до верха и, выйдя, я нажал кнопку — отправляя кабинку лифта снова вниз, после чего на всякий случай — мы с капитаном вешалкой для одежды заблокировали дверь лифта. Затем я выключил рубильник и открыв двери в кабинет — чтоб было светло, приказал капитану:

— Достаньте пистолет и, расстреляйте электрощиток.

Что он тут же и проделал, потратив целую обойму своего «ТТ».

Как всё утрясётся-устаканится, прикажу засыпать, забетонировать сверху лифтовую шахту и ликвидировать все следы существования входа из домашнего кабинета Сталина в подземный бункер.

Зайдя в кабинет, беру со стола бумажник Хрущёва и вынимаю из него несколько фотографий. Первая, что удивительно — портрет улыбающегося Ленина в кепке.

Покачав головой, засовываю обратно, беру и рассматриваю второе фото. Это сожительница покойного.

Медленно произношу:

— Нина Кухарчук, она же Горпина Безотказная — член террористической группы «Небесная сотня», являющейся правым крылом украинской ультра-националистической организации «УХНА-УХНО».

Задумчиво:

— Далеко протянули они свои щупальца, очень далеко...

Как бы после тяжкого раздумья, спрашиваю:

— Капитан, Вам приходилось убивать женщин?

— Нет, товарищ Сталин.

Прищурившись:

— А хотелось бы попробовать?

После недолгого замешательства, тот твёрдо:

— Нет... Сказать по правде — нет.

Только радуюсь:

«А он — не беспринципный! И это очень хорошо».

Иначе б, после пары акций — его пришлось бы ликвидировать и ищи-свищи потом другого «офицера по особым поручениям».

Убрав обратно в бумажник фотографии дочерей Хрущёва, протягиваю ему ещё фото двух сыновей — Леонида и Сергея.

— Не обязательно делать это своими руками. Позже, я Вам дам документ — по которому Вы сможете выбрать себе любого исполнителя в любой тюрьме СССР. Естественно, работать надо крайне аккуратно и без лютого фанатизма: имитация самоубийства или несчастного случая... Если что я подскажу Вам несколько типовых схем. «Исполнителя» обратно в тюрьму можно не возвращать... Понимаете, про что я?

— Понимаю, товарищ Сталин.

— Где-то через месяц-другой, как всё устаканится после сегодняшних событий — можете приступить...

Вынув из кармана и открыв крышку и посмотрев на часы — почти полдень:

— ...Ну а пока давайте прогуляемся на свежем воздухе и попробуем найти хоть одного живого. Не в Кремле — так хотя бы в целой Москве.

Что же всё-таки случилось?

Держа так же — «по-сталински» левую руку в кармане шинели, а правую — с пистолетом — за отворотом на груди, я двинулся на выход.

***

Было морозно, но не ветрено и оттого не холодно, с неба не переставая валил крупными хлопьями снег.

Выйдя на белый свет из Сенатского корпуса, мы с капитаном некоторое время стояли в раздумьях — куда идти, потом заметив за снежной пеленой какое-то движение — отправились мимо Арсенала в сторону открытых настежь Никольских ворот, одноимённой башни Кремля. Уже подходя к их створу, увидели на фоне Исторического музея толпы народа со всех ног бегущие куда-то в сторону собора Покрова Богородицы во рву, иначе — Храма Василия Блаженного.

Не мог сдержать удивления:

— Куда это они так ломятся? ГУМ вроде в другой стороне?

Тому тоже интересно:

— Пока не выйдем на Красную площадь, не узнаем.

На главной площади страны уже была изрядная толпа, через которую казалось бы — нам не пройти, не пробиться даже на танке... Но едва завидев меня, народ с возгласами:

«Сталин! Сталин жив! Сталин с нами!» — стал раздаваться в стороны, как Тихий океан перед Моисеем — ведущего евреев из египетского плена в Америку и, мы смогли пройти по образовавшемуся живому коридору.

В самом центре Красной площади было относительно свободно.

Хотя и имевшие несколько растерянно-бледный вид, многочисленные милиционеры поддерживали какой-никакой — но порядок, достаточно успешно оттесняя толпу любопытствующих из центра Красной площади. Встав приблизительно на её середине, я огляделся по сторонам:

Такое ощущение, что чего-то не хватает.

Капитан тоже, замер соляным столбом — как будто увидел все творящиеся в Содоме и Гоморре непотребства разом, разинув рот и выпучив глаза по полтиннику.

Я туплю:

«Чего это он?».

Кругом засверкали магниевые фотовспышки и какой-то по-европейски одетый пронырливо-нахальный хлющ, на довольно сносном русском:

— Мистер Сталин...

— Носорог тебе «мистер»!

— Что случилось? Где Мавзолей Ленина?

И только сейчас до меня дошло:

— УХ, ТЫ!!!

А ведь и вправду:

Где Мавзолей?

— МАТЬ, ТВОЮ Ж!!!

Беспрепятственно пройдя через группу, уже не простых «москвичей и гостей столицы», а по всему видать — руководящих товарищей в гражданском и в форме, я вдруг неожиданно оказался на краю громадной ямы у стены Кремля — на дне которой чернела дымящаяся на морозе вода.

— НИХРЕНАСЕ!!!

Только и сказал я и, сдвинув фуражку на глаза, почесал в затылке.

Увязавшийся за мной папарацци, суёт какую-то хреновину под нос, похожую на микрофон:

— Мистер Сталин... Что случилось с Мавзолеем? И где тело Ленина?

Односложно отвечаю:

— Оно утонуло.

И незаметно сделал знак капитану, после чего излишне назойливый «пёс демократии» — как-то уж слишком стремительно быстро исчез из поля моего зрения и больше не докучал.

Так вот почему таким убито-потерянным был Хрущёв!

Вот почему, он сдался практически без боя.

Сей тип, имел удивительное сочетание личностных качеств амбициозного подонка и в то же время — фанатичного коммуниста-ленинца. Ведь одно из самых его обвинений уже мёртвого Сталина, был якобы отход того от ленинских принципов роли партии в государстве. Съезды ВКП(б), дескать — собирал редко и, на пленумах Политбюро ЦК — с

соратниками забывал советоваться.

***

Ну, что сказать?

Остаётся одно: всё что не делается — делается к лучшему.

В своё время, я был сознательным октябрёнком, затем — пионером и, наконец — комсомольцем... Правда, до сознательного члена партии — так и не дорос, в связи с известными событиями.

Но несмотря на свою сознательность, факт что Вождя, Учителя и Основателя — выпотрошили, высушили как воблу и выставили на всеобщее обозрение как чучело диковинного зверя в музее — меня изрядно напрягал и даже коробил. А в октябрятах, так даже по ночам на эту тему ужастики снились — отчего я плакаль и пысцался и, до четвёртого класса заикался — отчего и вырос таким стеснительным.

Отношение к мёртвым — это есть показатель культуры общества в целом.

Нет, я понимаю: студенты-медики учатся на безропотных трупах лечить пока ещё живых людей...

Потроша умерших, патологоанатомы выясняют причину их смерти и, тем самым помогают милиционерам ловить злодеев...

Негро-африканцы из Эфиопии занимаются людоедством — ибо в их организме не хватает каких-то очень важных для их существования витаминов...

А для чего (или за что?) коммунисты так жестоко надругались над телом создателя первого в мире государства рабочих и крестьян?

Не... С этой страной было что-то не так.

И если войны заканчиваются — когда похоронен последний павший солдат, то точно таким же образом, революция не может считаться завершённой — пока не погребён последний революционер...

И вот — свершилось!

***

Ко мне подходит группа военных и гражданских, среди которых я вижу профессора, Виноградова, Поскрёбышева и Косынкина...

«Приятно удивлённые» — это не то слово, относительно них!

Последний не скрываясь крестится и, со слезами на глазах:

— Слава Богу, Вы живы, Иосиф Виссарионович!

Тоже давая знать, что чертовски рад их видеть, улыбаюсь и негромко:

— Не дождутся!

Высокий мужчина в форме комиссара госбезопасности 2-го ранга, с умным, по-аристократически красивым, но в данный момент — с растерянным лицом, спрашивает:

— Товарищ Сталин! Что это было?

Это — правая рука Берия: Всеволод Николаевич Меркулов — первый заместитель наркома НКВД — начальник Главного управления государственной безопасности (ГУГБ).

В спокойном тоне отвечаю:

— Это было стихийное бедствие, катастрофа с человеческими жертвами...

Громко, чтобы меня слышало побольше народу, безапелляционно добавляю:

— ...И ничего больше!

Тот, в тему врубился сразу:

— Понял, товарищ Сталин.

Кто-то, в коем я с ходу по ряду «вторичных половых признаков» признал труженика отечественных СМИ и, как позже выяснилось — не обознался, громко причитая:

— Что делать, товарищ Сталин?

Морща лоб, как будто вспоминая, смотрю на него:

— Товарищ... Эээ...

— Пospelов Пётр Николаевич, главный редактор газеты «Правда».

«Эге... Да это — главный советский идеолог, гарпун бы зазубренный бы — ему пониже спины».

Пospelов непосредственно участвовал в создании «Краткого курса истории ВКП(б)», книг «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», «История Гражданской войны в СССР» и, лично написал несколько десятков трудов, в том числе и на иностранных языках. Позже, он станет кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, редактором многотомной «Истории КПСС».

Несмотря на якобы отмечающуюся за ним «фанатичную преданность» Сталину, Пospelов одним из первых переметнулся на сторону Хрущёва, который доверил тому возглавить комиссию по расследованию массовых репрессий. Сей беспринципный тип это «доверие» в полной мере оправдал и, материалы комиссии затем были использованы в докладе Хрущёва «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС.

И затем, Пospelов — так тщательно вылизывал Кукурузнику волосатые яйца, что советскому народу стало казаться — что войну он выиграл под руководством Хрущёва, а не Сталина.

Не... Какая может быть у государства идеология, если её возглавляет такая продажная шлюха, как этот подонок?

Точно такая же — продажная.

Долго ли будет существовать государство с продажной идеологией?

Нет!

От этого «товарища» надо срочно и безжалостно избавляться и, посмотрев на воду в яме на месте Мавзолея — мне захотелось сделать это прямо сейчас. Едва сдержав себя чтоб не столкнуть туда Пospelова, я снизошёл до ответа ему:

— «Что делать», спрашиваете? Вам лично — некролог писать, товарищ Пospelов.

Тот, неправильно меня поняв:

— Понял, товарищ Сталин. Завтра же в газетах Советского Союза выйдет некролог с наших погибших в боре со стихией товарищах...

«Ой, дурак...».

А во главе главной газеты страны, нужно поставить человека — способного как протопоп Аввакум, пойти на костёр за свои убеждения...

Да где такого взять?

«Люди, люди... Где взять преданных — не мне, а делу построения нового общества людей? Эх, был бы жив Лаврентий Павлович — он бы подсказал может...».

Увидев поблизости «последнего могиканина» — Александра Сергеевича Щербакова,

Первого секретаря Московского горкома и обкома ВКП(б) и, кандидата в Члены Политбюро, я спросил у него:

— Товарищ Щербаков! Вы товарища Пономаренко давно видели?

Тот, несколько недоумённо:

— Так вот же он — рядом с вами стоит.

И тут же с левой стороны, слышу:

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Никак не признали меня?

Поворачиваюсь, вижу плечистого мужика в шинели без знаков различия, с простым открытым лицом и умными глазами:

— Здравствуйте, товарищ Пономаренко. Извините что не признал Вас, но день сегодня...

Кивнув на яму на месте Мавзолея:

— ...Сами видите какой.

Второй — «выторгованный» мной у Хрущёва и тем самым спасённый делегат погибшего съезда — Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, был Первым секретарём ЦК КП Белоруссии. Как и на Щербакова, на этого у меня тоже очень большие надежды.

Отвечает:

— Понимаю, такое горе... У самого как будто пелена перед глазами.

Все вокруг запричитали:

— Какое горе...

— Такое горе...

— Великое испытание выпало на советский народ...

Когда слегка надоело, рывкаю на них:

— СТИХИЯ!!!

И показывая пальцем вниз, многозначительно говорю:

— На их месте, товарищи — мог бы оказаться любой из вас.

Затем, окинув онемевшую толпу руководителей взором:

— Ну что, товарищи? Делу — время, скорби — час. Предлагаю пройти в мой кабинет и обсудить дела наши скорбные.

Иду в обратном направлении первым, за мной толпа наркомов, начальников главков и прочих высших руководителей СССР. Уже на подходе к Никитским воротам, из толпы народа наперерез мне бросается какая-то растрёпанная женщина:

— Товарищ Сталин! Что ж теперь будет?

Останавливаюсь и, окинув всех взглядом, громко отвечаю:

— Теперь, товарищи, у нас с вами будет совсем другая страна.

*****

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!!!

К ВЕЛИКОМУ СОЖАЛЕНИЮ ДОЛЖЕН С ВАМИ НЕНАДОЛГО РАССТАТЬСЯ...

СЛЕДУЮЩИЙ «БЛОК» В 3–4 (А МОЖЕТ И БОЛЬШЕ!) ГЛАВ НАЧ

ВЫКЛАДЫВАТЬ ГДЕ-ТО В КОНЦЕ МАРТА — НАЧАЛЕ АПРЕЛЯ.

СРАЗУ ХОЧУ ПРЕДУПРЕДИТЬ: «ДРАЙВА» БУДЕТ ПО САМОМУ МИНИМУМУ ВЕДЬ ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ДОБИЛСЯ АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ И ЕМУ — ХОТЯ КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ, НИЧТО УГРОЖАТЬ НЕ МОЖЕТ.

ТАК ЧТО НАШ ЧЕЛОВЕК В ТЕЛЕ СТАЛИНА БУДЕТ ВСЕМИ ЕМУ ДОСТУПНЫМИ СПОСОБАМИ ОБУСТРАИВАТЬ СТРАНУ, ПЛОТНО ЗАНИМАТЬ «ЗАКЛЁПКОТВОРЧЕСТВОМ» И ПРЕДЕЛЬНО ЖЁСТКО КОШМАРИТЬ ГЕНЕРАЛОВ...

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ РОМАН В ДУХЕ «СОЦРЕАЛИЗМА», КОРОЧЕ!

ХОТЯ ВОЗМОЖНЫ И СЮРПРИЗЫ — ВЕДЬ Я ЖЕ ПИШУ БЕЗ ЧЁТКО ОБДУМАННОГО СЮЖЕТА И ПУБЛИКУЮ БУКВАЛЬНО «С КОЛЁС»...

УЖ ПРОСТИТЕ ГРАФОМАНА — ОН ПИШЕТ КАК МОЖЕТ!!!

ИТАК, ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ, ДРУЗЬЯ.

Глава 9. Буквально в двух словах об собственных «скелетах в шкафу»

Из беседы И.В. Сталина с журналистом «Scripps-Howard» (США) Роем Говардом:
«Говард:

— В СССР разрабатывается новая конституция, предусматривающая новую избирательную систему. В какой мере эта новая система может изменить положение в СССР, поскольку на выборах по-прежнему будет выступать только одна партия?

Сталин:

— Наше общество состоит исключительно из свободных тружеников города и деревни — рабочих, крестьян, интеллигенции. Каждая из этих прослоек может иметь свои специальные интересы и отражать их через имеющиеся общественные организации. Но коль скоро нет классов, коль скоро грани между классами стираются, коль скоро остаётся лишь некоторая, но не коренная разница между различными прослойками социалистического общества, не может быть питательной почвы для создания борющихся между собой партий. Где нет нескольких классов, не может быть нескольких партий, ибо партия есть часть класса. (...) Вам кажется, что не будет избирательной борьбы. Но она будет, и я предвижу весьма оживлённую избирательную борьбу. У нас не мало учреждений, которые работают плохо. Бывает, что тот или иной местный орган власти не умеет удовлетворить те или иные из многосторонних и всё возрастающих потребностей трудящихся города и деревни. Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной? Таковы будут критерии, с которыми миллионы избирателей буду подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычёркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. Да, избирательная борьба будет оживлённой, она будет протекать вокруг множества острейших вопросов, главным образом вопросов практических, имеющих первостепенное значение для народа. Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти. Наша новая конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире».

Уинстон Черчилль:

«Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха».

Премьер министр РФ В.Черномырдин:

«Чем мы провинились перед Богом, Аллахом и другими?».

Иосиф Сталин в разговоре с Михаилом Булгаковым:

«История весьма неповоротливая дама. Нужно раздавить не одну тысячу бабочек, и отдавить сотни мозолей, прежде чем она сдвинется с места».

Сперва — совсем небольшое предисловие.

Я то — понятное, дело — особо тяжёлый случай...

С детства, со школьной скамьи, история — мой любимый конёк. Но этим «коньком» я то и дело получал «по кумполу» — за то, что неправильно на нём «езжу».

Вот положим рассказывает нам на уроке учительница... Забыл имя-отчество, но положим Марьивана, про то как Киргиз-Хан собрал всех болгаро-монголов в огромное войско и повёл их за каким-то кумом к «последнему морю»...

А я ей:

— Марьивана! А на кого монголо-болгары свои хозяйства оставили? Ведь труд скотовода-кочевника, он женщине непосилен — в силу ряда её биологических особенностей.

Класс, услышав про «биологические особенности», тихонечко:

— Хихихи!

Марьивана, недовольно морщась от таких приземлённых вопросов:

— На рабов, конечно...

— Так ведь раб вскочил на коня — и иди ищи-свищи его...

Марьивана зависла, как советский калькулятор «Электроника» от десятой «Виндвы». Я же, с двусмысленной усмешкой, задаю недвусмысленный вопрос:

— А своих жён они на кого оставили? Неужели тоже на рабов? Ой, как интересно! Приезжает какой-нибудь монголо-болгарин домой из похода — а у него полная юрта детей: «Непохожих на тебя, непохожих на меня...».

Весь класс, грянул:

— Хахаха!!!

Марьивана покраснев до самых кончиков седин, хватаясь за сердце:

— ВОН ИЗ КЛАССА!!!

В результате, за четверть — еле-еле «тройка», в аттестат — кое-как «хорошо» по истории натянули, чтоб не портить отчётность у «Гороно».

Про «Обществоведение», которое вел тот же преподаватель, надо рассказывать отдельно.

— Марьивана, можно вопрос по марксизму?

— Можно.

— Согласно Карлу Марксу, каждая новая общественно-политическая формация имеет совершенно новые классы: рабов и рабовладельцев при рабовладельческом строе — сменяют крестьяне и феодалы при феодальном...

Кивает важно:

— Верно, продолжай.

— ...Последних, после переходе на капиталистический строй — сменяют пролетарии и капиталисты. Так?

— Так.

Усыпив бдительность, задаю «вопрос на засыпку»:

— Так почему после перехода к социалистическому строю, пролетарии, которым «терять нечего, кроме своих цепей» — как были ими так и остались? И мало того, вдруг откуда не возьмись — появились крестьяне, канувшие было в историческое небытие после крушения феодализма? Наконец, почему в соответствии с «традицией», не появился новый эксплуататорский класс — названный «социалистами» по аналогии с предшественниками?

Что-то как-то не по Марксу с Энгельсом, Вы не находите?

Вздыхнув, Марьивана посмотрела на потолок и, как это в Одессе раньше было принято, отвечает вопросом на вопрос:

— Эээ... Ты комсомолец?

— Пока нет.

— Вот и не будешь им, пока учишься в нашей школе.

Так что в комсомол меня приняли лишь в армии. Там вопросов задавать не разрешали.

***

Со мной то, таким образом — всё ясно: медицина в таких случаях бессильна...

Но попади в ситуацию «текущей реальности» (после 20 января 1941-го года) практически любой мой современник, он тут же бы решил что после гибели всего Политбюро, Центрального комитета ВКП(б) и практически всех партийных руководителей на местах — «всёпропало». И, тут же побежал бы в лес — чтоб поезда под откос пускать или же приготовился бы пить баварское...

Последних, кстати тоже в «моё время» — прямо-таки хоть пруд пруди.

Моим современникам такое вполне простительно и вот почему.

Читаешь какую-нибудь книгу по нашей недавней истории и такое ощущение складывается, что в СССР — не только секса...

Правительства не было!

А всем на свете заправляли районные, городские, областные и республиканские комитеты Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) во главе с их первыми секретарями. До начала Великой Отечественной Войны, выполняя решения очередных съездов правящей партии, эти организации — коллективизировали, индустриализировали страну — раскинувшуюся на одну шестую часть «землешарной» поверхности и, совершали в ней «культурную революцию»... А с началом войны и в течении — организовывали эвакуацию и мобилизацию промышленности, перестройку всей экономики страны, всего её народного хозяйства на «военные рельсы» — для нужд скорейшего разгрома врага.

И даже на территории «временно оккупированной» врагом — то и дело читаешь: «Подпольный обком действует»!

Конечно, больше всех преуспел «Маршал Победы» — договорившейся до того, что «мозгом» Красной Армии был не Генеральный Штаб (в том числе одно время возглавляемый и им самим лично) — а Центральный Комитет ВКП(б):

«Дело прошлое, но тогда, как и сейчас, считаю, что название книги «Мозг армии» применительно к Красной Армии неверно. «Мозгом» Красной Армии с первых дней её существования является ЦК ВКП(б)»[1].

Вот такая вот фигня, малыш!

Потонул в кремлёвских подземельях весь Центральный Комитет — и враз стала наша с вами армия безмозглой, как курица с отрубленной головой: приходи фашист и бери страну голыми руками...

Конечно, советским историкам, писателям и мемуаристам это вполне простительно: не упомяни они о «руководящей и направляющей» роли партии — их «нетленные произведения», навряд ли допустили бы до печати...

И если верить словам вполне взрослых и серьёзных людей, подобно этим:

«Книге Жукова суждено стать на долгое время единственным источником, в котором имеется полная, неприукрашенная правда о Великой Отечественной войне»[2].

То навряд ли мы сегодня, вообще что-нибудь знали про ту войну — если бы Константиныч в своём опусе не наврал бы с три короба...

Но такое повторяют и постсоветские историки, вслед за ними писатели, ну а там и весь «хавающий пипл» — электорат по бишь, кудахтает им в унисон...

Непонятно!

***

А как было на самом деле?

А на самом деле, нам всё наврали!

Секс в СССР был и, было его навалом — от слова «хоть зае...бись в доску».

Имелось и правительство СССР, которое называлось «Совет Народных Комиссаров» или кратко «Совнарком», или же вообще кратко — «СНК». Возглавлял Правительство СССР председатель Совета Народных Комиссаров, которым по очереди были Владимир Ленин, Алексей Рыков, Вячеслав Молотов, Иосиф Сталин... После войны правительство СССР стало называться Советом министров, а его глава — председателем Совета министров.

«Совнарком» управлял государственными наркоматами — Наркомат иностранных дел, внешней торговли, внутренних дел, обороны, образования и так далее, или отраслевыми народными комиссариатами — наркомат тяжёлой (авиационной, лёгкой, судостроительной и прочая, прочая, прочая...) промышленности, путей сообщения, почты и телеграфа и тому подобное. Последние, напрямую управляли промышленными предприятиями союзного подчинения.

Совет Народных Комиссаров СССР управлял также советами народных комиссаров пятнадцати союзных республик...

Да, да, да!

У каждой республики Советского Союза — было своё собственное правительство и свои собственные наркоматы.

Даже у не имеющей собственной компартии Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), тем не менее имелось своё правительство. В составе СНК РСФСР насчитывалось около полутора десятков народных комиссариатов:

Пищевой промышленности, Легкой промышленности, Лесной промышленности, Земледелия, Зерновых совхозов, Животноводческих совхозов, Финансов, Внутренней торговли, Юстиции, Здравоохранения, Просвещения, Местной промышленности, Коммунального хозяйства, Социального обеспечения.

Кроме этого, у России времён Сталина имелся свой собственный Госплан и Управление по делам искусств при СНК.

Возглавлял правительство РСФСР человек с типичным русским именем, отчеством и фамилией — Иван Сергеевич Хохлов. В 1943-м его сменил Алексей Николаевич Косыгин.

Знаете такого?

Ага, тот самый!

И точно также своё правительство было у каждой республики, даже автономной.

Председателем СНК Украины был Леонид Романович Корниец, Белоруссии — Ива...

Семёнович Былинский.

А кто назначал это правительство?

Не иначе как Политбюро ЦК ВКП(б), или же оно выбиралось партноменклатурой на партийных съездах...

А вот и не угадали!

По Конституции СССР от 1936-го года, в обсуждении которой участвовало 51,5 миллиона человек (то есть 55 % всего взрослого населения страны), которыми было внесено 1,5 миллионов предложений, дополнений и поправок, публиковавшихся в периодической печати — вся власть в стране принадлежит народу, который изъявляет свою волю через Советы народных депутатов — выбираемых на тайном голосовании из нескольких кандидатов, при всеобщем, равном и прямом избирательном праве.

Согласно Конституции СССР от 1936-го года, высшей законодательной властью в Советском Союзе являлся Верховный Совет, который собирался на свои сессии не реже чем два раза в год и, который принимал законы и выбирал Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров (Совнарком или просто СНК), которое было обязано претворять эти законы в жизнь. Чтоб контролировать правильное выполнение этих законов Правительством, на том же Верховном Совете избирался Исполнительный комитет Верховного Совета во главе с председателем, коими последовательно были Яков Свердлов, Михаил Калинин, Николай Шверник, Климент Ворошилов.

Правительства союзных и автономных республик в свою очередь, выбирались на своих съездах верховных советов.

Картинка ясна?

Кроме того, Советы народных депутатов выбирали местные органы власти — сельские, городские, районные и областные исполнительные комитеты.

Например, с января 1940-го года по 7 декабря 1944 года председателем Мосгорисполкома был Василий Прохорович Пронин.

Председателем Исполнительного комитета Московского областного Совета, примерно же в это время был Павел Сергеевич Тарасов.

Пётр Сергеевич Попков, с 1940-го по 1946-й год являлся Председателем исполнительного комитета Ленинградского городского Совета.

Николай Васильевич Соловьёв — Председатель Ленинградского облисполкома...

Что мы знаем про этих людей?

Да, практически ничего!

Благодаря историкам, гореть им всем в Аду, в нашей исторической памяти только первые секретари республик, обкомов, горкомов, да райкомов — они на себе всё вынесли: коллективизацию, индустриализацию, войны и послевоенное восстановление... Так ощущение, что представители Советской Власти и Советского правительства в это время, не просто за поребриком стояли и курили...

Их вообще не было!

Что это напоминает?

С поля возвращается лошадь еле-еле свои четыре копыта волоча, а с неё вдруг слетает туча мух-кровососов и назойливо жжужжит вам в ухо:

— Мы пахали!

Рисунок 35. 1936 год: студенты и студентки «Государственного института физического воспитания и спорта имени П.Ф. Лесгафта» в Ленинграде обсуждают проект конституции. Так вот вы какие — сталинские рабы... И рабыни.

***

Вообще-то Конституции СССР от 1936-го года или как её ещё называют «Сталинская конституция», это воистину уникальная вещь!

Она стала передовым документом подобного рода своей эпохи: до 1936-го года ни в одной стране мира подобные права и свободы не были официально закреплены за всеми гражданами. Про права негроамериканцев в США, я уже промолчу, но к примеру и Швейцарии — женщинам разрешили голосовать лишь в 1959-м году, в Германии в 1949-м году, в Испании в 1977-м году. В России это случилось сразу после Революции 1917-го года и, «Конституция-1936» — ещё раз закрепила это право.

Даже если рассматривать современную мне конституцию США, то там, с учетом всех поправок — у простых граждан очень мало прав и, они сильно урезаны по сравнению с теми — что были в СССР в 1936 году.

Некоторые положения этого основного документа государства Сталин написал сам, как например «Статья 9»:

«Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда».

И в результате этого творчества, на момент смерти автора этой статьи, в СССР было 114000 (сто четырнадцать тысяч, Карл! Сто четырнадцать тысяч) мастерских и предприятий самых разных направлений: от пищепрома — до металлообработки и, от ювелирного дела — до химической промышленности.

На этих предприятиях работало около двух миллионов человек, которые производили почти шесть процентов всей валовой промышленной продукции СССР. Причём артелями и промкооперацией производилось почти половина всей мебели, три четверти, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. Кроме этого, кустари и артели в производили массу самых разнообразных предметов, до которых не доходили руки у гигантских государственных предприятий: шили полушубки, катали валенки, ткали платки... Изготавливали телеги, лыжи, лопаты, скипидар, гвозди, глиняные горшки, напильники, ложки, вилки... Приготавливали и сами реализовывали квас, овощные консервы, пряники, колбасу, холодные копчения...

Всего не перечислишь — устанет рука!

Всё это было так основательно поставлено, с таким общегосударственным масштабом, что рамках этого сектора даже действовала...

Своя собственная, негосударственная пенсионная система!

Вот почему Сталина так не любят наши реформаторы-рыночники: все они по сравнению с ним — мелкие блохастые шавки, к тому же — неоднократно прилюдно обосравшиеся.

В предпринимательском секторе работало около сотни конструкторских бюро, два десятка опытно-экспериментальных лабораторий и даже...

Два научно-исследовательских института!

Поэтому вовсе не удивительно, что первые советские ламповые приемники, первые в СССР радиолы, первые телевизоры с электронно-лучевой трубкой выпустила ленинградская артель «Прогресс-радио». В блокадном Ленинграде, обладающая собственными станками, прессами и сварочным оборудованием артель «Примус», выпускала автоматы «ППС-43».

Постсоветской РФ-ляндии до такого уровня «мелкого и среднего бизнеса» — как «очком» вперёд и в положении «раком» до соседней галактики.

Нормальная же страна была!

В отличие от эпохи кукурузной «Оттепели» — плавно перешедшую в эпоху «Застоя», при Сталине имелись частнопрактикующие врачи, учителя, адвокаты, парикмахеры и прочие труженики сервиса.

Даже с якобы поголовной коллективизацией и то — не так мрачно, как об том принято считать.

Конечно колхозы — не рай земной... Но когда он на святой Руси был для крестьянина — «рай» то, тот? И кто его, когда и кому обещал при социализме?

В Сталинской конституции записано: «каждому по труду»!

Если в колхозе (в этой, по своей сути артели — издавна привычной русскому человеку формы самоуправления) народ работающий, да председателя колхозники себе выбрали хозяйственного, честного да умного — то и жили они более-менее сносно.

А что?

Разве пьяницы и туеядцы, да ещё и под плохим менеджментом — при капитализме в роскоши купаются? В лаптях от «Долче унд Габана» навоз топчут, да в Кушавелях лишние фунты, евро, да доллары прожигают?

Трудодни в колхозах маленькие — только чтоб с голода не подохнуть?

Это далеко не так: в урожайные годы колхозник получал на трудодни столько, что не мог съесть сам и реализовывал «излишки» на рынке или скармливал скоту.

А если бы и было так, то отработав положенные по договору 80 трудодней крестьянин мог остальное время работать на своём личном участке, или же заниматься любыми делами — которые он считал для себя нужными. Размер приусадебного участка в личном пользовании колхозного двора — в некоторых районах до одного и более гектар (от в среднем от 1/4 до 1/2 га) и, если крестьянин хотел заработать и умел работать — он быстро богател, продавая на рынке продукты своего труда и семьи.

И не надо забывать, что накануне войны, в СССР насчитывалось более трёх с половиной миллионов хозяйств крестьян-единоличников — сидевших на так называемом «твёрдом задании». Про него написано много ужастиков, но верить им — себя не уважать.

Многие «твёрдозаданцы» в войну — танки да самолёты покупали, да дарили их от всех щедрот русской (или нерусской, без разницы) души нашим воинам.

***

Нормальная страна в принципе то получилась, да?

И довольно-таки перспективная с точки зрения экономики, обещающая со временем — действительно стать «второй», не на словах — а на деле...

Или, даже первой в мире — а почему бы и нет?

Однако, всё вышеописанное — это в теории и на бумаге. На деле же страна была немножко не такой...

Вернее — совсем не такой, отчего и накрылась соответствующим «лохматым предметом» в 1991-ом году, оставив после себя — как приятные, так и не совсем приятные, а то и вообще — очень неприятные воспоминания.

Само собой, все те — кто обладает в голове хотя бы одной извилиной на два полушария — а не просто разделяющей их прямой линией, с тех пор задаются вопросом:

— Почему?

Чтоб понять «где собака порылась», начнём с экономики, ибо согласно Марксу именно экономика является основополагающим мерилем вся и все.

С тех пор как на «одной шестой» электорату разрешили гафкать, появилось множество книг или просто газетно-журнальных статей, авторы которых с опорой на труды ведущих западных экономистов — доказывают об неэффективности социалистической плановой экономики и напротив — об эффективности капиталистической — рыночной...

Читал такие и, изо всех сил умилялся:

Ребятишки! Вас всех развели как ушастых кроликов!

Ибо, словами Фауста:

«Суха теория мой друг,

А древо жизни пышно зеленеет».

Сча расскажу, в чём фишка...

С тех пор, как из «одной шестой» разрешили лить «за речку», в медийном пространстве появилось множество материалов об их рыночной экономике — чтоб сравнить с нашей, якобы «плановой». Вот к примеру один наш токарь с многодесятилетним стажем, в своё время удачно женившейся на «русской немке» и благодаря этому перебравшийся на её историческую Родину одним из первых, рассказывает про первый свой опыт знакомства с немецкой якобы рыночной экономикой...

Устроился сей экс-ударник коммунистического труда на какой-то частный немецкий завод... Не на «Мерседес», конечно, не на «БМВ» и даже не на «Ауди» — туда в основном турок да поляков берут, на худой конец — каких-нибудь трансильванских румын. Просто небольшой частный машиностроительный заводик, каких в каждом немецком городке по десятку, а то и больше.

То да сё — первая его рабочая смена...

Подвели его к станку со сложенными рядом заготовками, дали в руки чертёж и, объяснили на словах и на пальцах, что за восьмичасовую рабочую смену он должен обточить... Эээ... Ну, положим — двести деталей, точно уже не помню.

Наш токарь смотрит на чертёж и всей пятернёй чешет в затылке:

— Всего «двести деталей»? Зараз я розумею, чому ви войну нам продули, лохопеды конченые.

Сделал норму до обеда и после онного, сидит наслаждаясь бездельем и мечтая об баварском с таранькой после работы...

Правда, не долго.

Как это и полагается при истинном демократическом режиме — на нашего «стахановца» тут же «настучали» и подозреваю — всем трудовым коллективом и, вскоре в цех прибежал разъярённый как сто ээсовцев разом хозяин завода... Ну или там главный менеджер — в данном случае не важно.

— Варум сидим, хер Иван?

Тот, показывает на плоды трудов своих и без задней мысли, гордясь собой:

— Их бин усё зробил... Как это по-вашему, по-фашистски? Во! Хабе алесс гемахт... Ферштейн зи, хер Фриц? Ой, який вин тупенький...

Того чуть Кондратий не обнял, как его деда под Сталинградом... Ногами топает, слюнями брызгает:

— Du bist gefeuert!

Тут же добры молодцы хватают нашего передовика производства под белы ручки и, незаметно настучав ему «под микитки», выбрасывают как ветошь за проходную.

Тот, конечно в дичайшей непонятке:

— А меня то за шо?!

Конечно насмотревшись американских видосов ещё в Союзе за время Гласности и Перестройки, наш герой тут же бежит к адвокату: так и так, мол — мои права ущемляют, требую многомиллионной компенсации за причинённый моральный ущерб...

Однако ему там через переводчика объясняют: время и нормы выработки устанавливаются на предприятиях в соответствии с многолетними научными исследованиями, подтверждёнными многолетней же практикой. Если ты их не выполнил — ты или ленивый или не обладаешь должной квалификацией. Если перевыполнил, значит — где-то схалтурил и выполнил работу некачественно...

— Так что скажи ещё спасибо, что хозяин предприятия, видимо страдая комплексом вины за своего деда, через суд с тебя компенсацию за материальный и моральный ущерб не вытребовал.

«Die Ordnung», одним словом!

Это не единственный пример, кстати...

Был ещё аналогичный случай с каменщиком — за смену выполнившего три суточные нормы, с разносчиком пиццы — доставившего её клиенту на три часа раньше и, так далее и тому подобное...

Я вообще к чему это?

Вот вам пример настоящей плановой(!!!) экономики.

На более высоком уровне примеров привести не могу, но уверен — там всё ещё более регламентировано и расписано на годы вперёд.

А анархия капиталистического производства — она осталась в трудах Маркса да Энгельса, да в головах советских агитаторов и пропагандистов.

***

А что было с экономикой на «одной шестой части суши» во времена СССР?

Тем, кто её не застал — расскажу, тем кому посчастливилось — напомню...

Вот положим, есть какой-то строительный трест в каком-то городе, сообразно эпохе подчиняющийся своему — также строительному наркомату или министерству.

Госплан СССР дал задание, наркомат разработал проект строительства десятиэтажного дома и, спустил его «этажом» ниже — поручив тресту построить его... Эээ... Положим за девять месяцев, выделив на это соответствующие фонды, строительные материалы и так далее.

Вроде бы всё понятно, да?

И вроде бы всё как у людей: есть заказчик и есть исполнитель...

Кто ещё в этой схеме нужен?

Контролёр?

Так ведь контролировать сроки и качество выполнения заказа должен заказчик, а не какой-то посторонний дядя!

Что он и делает, периодически присылая на строящийся объект кураторов — следящих, чтоб арматуру как и положено — клали через четыре ряда кирпичей. А закладные плит перекрытия и панелей — сваривали, а затем изолировали от влаги и бетонировали.

Ну и так далее.

Вроде бы всё готово и, можно начинать работать...

Ан, нет!

На планёрке руководства треста, встаёт его парторг и, после обычного при таких делах обличения коварных происков мирового империализма и, напоминания про мудрость «направляющей и управляющей», выступает с инициативой:

— Товарищи! От лица партийной организации нашей организации, заявляю: мы с вами берём повышенные обязательства! Этот дом будет построен пятнадцатипятиэтажным и причём — всего за шесть месяцев!

Не... Если бы согласно партийного устава, парторг избирался бы коммунистами треста — его можно было бы и послать... Туда послать — куда и принято посылать подобных «инициаторов».

Однако тот был в своё время рекомендован(!) обкомом партии...

Да, да!

«В реале» дело так и обстояло: привозят в организацию, на предприятие или в колхоз совершенно незнакомого человека и говорят местным членам партии:

— Вот познакомьтесь, товарищи: это ваш новый парторг, голосуйте.

И всех прочих: от профсоюзных деятелей — до председателей исполкомов Советов всех уровней, «выбирали» точно также — по рекомендации первых секретарей республик, областей, краёв и так далее...

Руководство треста хватается за голову:

— Это ж надо полностью пересчитать весь проект — совершенно другой фундамент, другой диаметр водопроводных и канализационных труб, совсем другой высоты башенный кран! А вы знаете что лифты в СССР больше — чем проектной этажности не производятся? А если пожар? Нет и не известно когда будут в стране пожарные лестницы такой высоты... Где взять на треть больше кирпича, цемента, арматуры? Где взять лишних строителей и дополнительные фонды заработной платы для них? Где, где, где...?

Звонят в наркомат, но там в свою очередь тихая паника:

— Вы у нас не одни такие, так что выкручивайтесь сами.

На просьбу помочь хоть чем-то, из обкома отвечают с укоризной:

— Но вы ж, советские люди? Коммунисты вдобавок... Значит, обязаны справиться с трудностями. А не справитесь — мы сделаем соответствующие оргвыводы.

И руководители треста, начинают «выкручиваться»: стену класть толщиной не в два с половиной — а в полтора кирпича, засыпая образовавшиеся «колодцы» строительным мусором... Арматурные сетки класть не через четыре ряда, а через шесть, закладные сваривать через одну, сразу заливая их бетоном... А «лишнюю» рабочую силу нашли привлекая через тот же обком школьников, студентов и военнослужащих рядом расположенной воинской части в качестве чернорабочих... Через сверхурочные и бесплатные субботники для своих — тем самым экономя и фонд заработной платы.

Вскоре «процесс» и самим понравился: кирпич, цемент, арматуру и всё что к ним полагается — стали «экономить» в таком количестве, что их хватило на дачки товарищам их обкома — чтоб «крышевали» если чё... Командиру воинской части, ректору и директорам школ — зря они что ли бесплатную рабсилу предоставляли...

Ну и разумеется себя не обидеть — себя ни в коем случае нельзя обижать!

Фонд заработной платы же, удалось таким образом не только сэкономить — но и увеличить, что хватило на то — чтоб кураторы из наркомата-министерства закрыли глаза на некоторые «небольшие» отступления от строительных норм и правил.

Ну наконец-то конец всем мучениям и, настал воистину торжественный момент: здание построено и построено оно действительно за шесть месяцев — вместо девяти и, имеет пятнадцать этажей — вместо десяти. Под звуки фанфар играющих «Интернационал», под речи местных первых секретарей и гостей из столичных центральных комитетов, руководства, парторга и передовиков производства треста — перерезается красная ленточка и вручаются ключи от квартир жильцам...

После этого мероприятия, местное партийное начальство уезжает к себе на дачки, мечтая ещё и, об саунах и желательно с девками. Московское начальство в столицу — увозя с собой в блестящее карьерное будущее бывшего парторга треста... А простые строители вместе с счастливыми новосёлами — приступили к устранению бесчисленных недоделок да замазыванию трещин в фундаменте.

О чём разговор — здание всё-таки построено...

Но имеются и нюансы!

Стены в нём зимой постоянно промерзают до инея, а летом на них можно жарить яичницу. Вода на последних пяти этажах бывает только по ночам, а первые этажи и подвал — постоянно заливает фекалиями сверху. Лифт доходит только до десятого этажа...

Что в принципе не так уж и плохо!

Живущие на верхотуре здоровые жильцы — стали ещё здоровее, а астматики, сердечники и просто ветераны-пенсионеры — долго на этом свете не заживаясь, освобождали квадратные метры для стоящих годами в очереди на квартиру.

И всем было хорошо!

Но не долго.

Ибо простояло это здание не вечность — подобно египетским пирамидам и, даже не несколько столетий — подобно московскому Кремлю...

А всего лишь семьдесят с небольшим годиков, после чего рассыпалось в хлам.

И вот теперь вопрос на засыпку:

Это разве похоже на плановую экономику?

Тысячу раз — нет, нет и нет!

***

Кто утрирует?

Я утрирую?!

Если кто-то считает, что я изрядно утрирую с этим «строительным» примером — спешу разочаровать: я ещё и приукрашиваю истинное положение дел!

Вот вам реальная история с пресловутым «Сталинским заданием».

После успешного дебюта опытного образца на Советско-финской войне, тяжёлый танк «КВ» постановлением Правительства СССР «№ 443сс» от 19 декабря 1939-го года, был принят на вооружение без каких-либо положенных в таких случаях государственных испытаний... Даже без такого очевидного очковтирательства, как знаменитый пробег «Т-34» от Харькова до Москвы и обратно[3].

Меж тем, уже в ходе боевых действий выявилось большое количество недостатков новых тяжелых танков: частая разрегулировка главного сцепления, разрушение подшипников в бортовых фрикционах, течи топливной, масляной и водоохлаждающей системы и так далее...

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Молотов, в том же постановлении приказал до конца 1940-го года выпустить пятьдесят танков этого типа, одновременно проводя испытания и устраняя все замеченные при них дефекты.

Работа на Кировском заводе закипела и к маю уже пятая(!) серийная машина была принята военным приёмщиком и отправлена в войска. С неё же завод начал коренным образом пересматривать конструкцию всех узлов и механизмов — добиваясь одновременно уменьшения трудоёмкости изготовления и повышения надёжности танка. И с каждым новым выпущенным образцом танка, «КВ» становился всё лучше и лучше...

Казалось бы, что ещё для счастья надо?

При таком подходе к делу, к началу 1941-го года, Автобронетанковые войска РККА — вполне могли бы иметь конструкцию тяжёлого танка, пригодную для массового производства.

Однако, в июле произошла описанная в «строительном примере» история.

По инициативе какой-то сверхактивной, но тупой бляди, задание на выпуск конструктивно недоведённого танка увеличивается не на треть...

Почти в пять раз!

Вместо пятидесяти — двести тридцать тяжёлых танков, в том числе — сто «КВ-2» с «большой башней» и 152-х миллиметровой гаубицей в ней.

Этот финт ушами прозвали «Сталинским заданием», как во всех случаях — когда накосячившим инициаторам требуется спрятать концы в воду, прикрывшись именем Вождя. По крайней мере ни одного документа с подписью Сталина на этот счёт, до сих пор не было опубликовано.

В чём вред?

Вред в том, что этого момента, любые конструктивные изменения направленные на улучшения качества — стали злейшим врагом валового производства и, руководство завода

— всеми силами стало их тормозить.

Ведь за брак могут дать «по ушам» и только... А за невыполнение плана — «сделать оргвыводы».

Как и в вышеприведённом «строительном случае», завод задание выполнил и даже перевыполнил, выпустив вместо 230 «КВ», все 243...

Однако, что это были за танки?

Ответ даёт военный инженер 3-го ранга Каливода в письме Мехлису, вызвавшее грандиозный скандал в верхах:

«...В настоящее время все силы брошены на выполнение программы, а о качестве машины думают очень мало. Считаю, что в настоящий момент назвать машину боееспособной нельзя из-за вышеуказанных дефектов. Отправлять ее в армию можно только как учебную, а не боевую...

...По материалам испытаний, проведенных в течение 10 месяцев с общим километражем 5270 км видно, что характерные дефекты, о которых говорилось еще в перечне конструктивных изменений от 4 февраля 1940 года, и которые подтвердились испытаниями, не устранены и систематически повторяются на каждой испытываемой машине. Это объясняется тем, что вместо трезвой оценки дефекта и действительного его устранения завод занимается „замазыванием“ этих дефектов...».

Военпред не только критикует, но и предлагает решение проблемы:

«Целесообразнее снизить программу до конца 1940 года до 5–8 машин в месяц и перебросить все заводские силы на доработку машины. В настоящее время все силы брошены на выполнение программы, а о качестве машины думают очень мало».

Москвой была создана комиссия из авторитетных специалистов, которая обследовав ситуацию на месте, установила, что хотя да — «отдельные недостатки» имеются:

«В целом машина КВ работоспособна, но обладает рядом узлов, которые требуют срочной доводки. К таким узлам относятся коробка передач и бортовые фрикционы...».

...И далее — длиннейший список «отдельных недостатков».

Представляете?

Сашина работоспособна, но чтобы она могла воевать, возле каждой должна находиться бригада квалифицированных ремонтников с нужным инструментом и кучей запчастей.

Даже никого не расстреляли вопреки ожиданию.

Так что Кировский завод продолжал гнать брак, получив на новый — 1941-й год, задание уже в тысячу танков. Конечный результат «Сталинского задания», вы можете увидеть в виде фотографий немецких обозников, любящих делать «селфи» на фоне этих стальных монстров, сломавшихся и брошенных на обочине.

Меня в данной истории больше всего удивляют не ошибки наших уважаемых предков — им это вполне простительно, а позиция современных мне российских историков.

Вот например Максим Коломиец пишет[4]:

«...Без сомнения, военный инженер Каливода во многом был прав — качество серийных КВ еще сильно хромало. Можно конечно ругать руководство Кировского завода за то, что они не занимались улучшением качества машин. Можно «бросать камни» в руководство ГАБТУ, которое не принимало необходимых мер по контролю за качеством

продукции. Все это можно, ведь критиковать проще всего, тем более по прошествии 70 с лишним лет...

... Посмотрим, что бы было бы в случае принятия правительством предложения Каливоды о снижении программы до 5–8 КВ в месяц. При таком раскладе, к концу 1940 года в Красной Армии числилось бы едва ли больше 80–90 машин КВ. И вряд ли до начала войны их сумели изготовить много — пусть даже удалось бы довести надежность танка до требуемого уровня. Ведь для развертывания массового выпуска КВ потребовалось бы время. Думается, что при таком раскладе к 22 июня 1941 года в РККА имелось бы порядка 250 КВ да и технология их производства едва ли была бы до конца отработана. Так что о существенном увеличении выпуска КВ едва ли могла бы идти речь».

Это нечто и мало того — что-то...

Рисунок 36. Немецкие тыловики очень любили советские новейшие, тяжёлые и неуязвимые танки. Ну и заодно 52 тонны металла промышленности Третьего Рейха...

Спасибо партии за это!

Только вдумайтесь: по мнению одного их ведущих и авторитетнейших историков советского танкостроения (книжки которого даже издают в бумаге) — 250 танков «требуемого уровня надёжности» хуже, чем 364 откровенно бракованных — словами военного приёмщика, годных только на роль учебных машин, но никак не боевых.

Давайте спросим у любого руководителя любого автопредприятия — хоть таксопарка: что лучше — 250 надёжных машин, или 364 — не способных даже со стоянки выехать без приключений?

Последняя фраза вообще не по-детски вставляет:

«...Да и технология их производства едва ли была бы до конца отработана. Так что о существенном увеличении выпуска КВ едва ли могла бы идти речь...».

То бишь по мнению этого танкового эксперта: «до конца отработать технологию» и «существенно» увеличить выпуск «КВ» — можно было лишь предварительно снабдив промышленность Третьего Рейха высококачественным металлоломом... Больше никак.

Это полный звездац!

Вот это уровень нашей с вами истории, дорогие россияне.

***

Нет, такой порядок вещей надо было ломать — это и дураку понятно, а Сталина к этой категории никак не отнесёшь...

Так почему он этого не сделал?

Так почему мы — люди XXI века, помним про эту, канувшую в бесславное небытие страну — такой какой она была, а не той, какой бы она могла стать?

Почему вслед за принятием «Сталинской конституции», вместо обещанных в ней прав и свобод — начались Сталинские репрессии, от которых и до сих пор некоторые вздрагивают?

Конечно же, как и в случае с 22 июня 1941-го года и, всем что за ним последовало — проще всего это можно объяснить «сталинской паранойей». Для этого лишних извилин в мозгу, да и вообще — самих мозгов не надо: достаточно лишь сквозного прохода между

ушами и речевым аппаратом с простейшим записывающим устройством между ними.

Чтоб начать соображать, необходимо изучить место отводимое по «Конституции-1936» Коммунистической партии и сравнить с тем — что было на самом деле и, сравнить с «Брежневской конституции» от 1977-го года, когда эта организация вместе с стоящим во главе её Генсеком КПСС — впала в полный и всё разрушающий маразм.

В последней советской Конституции (точнее в её «Статье 6»), прямо и без экивоков указано «кто в доме хозяин»...:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».

...В «Сталинской» же конституции, вы что-нибудь про партию — не сразу то и найдёте!

И только лишь после более важных, по мнению авторов этого основного закона страны вещей, подобно этим:

«Статья 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления...».

Рисунок 37. Почувствуйте, как говорится, разницу!

В Статье «Конституции-1936» под номером «126», мы наконец-то найдём искомое и то — в самом её конце:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

«Руководящая и направляющая сила» и «передовой отряд»... Не дошло?

«По Сталину» коммунист должен вести в бой, а «по Брежневу» — посылать в бой.

Про «руководящее ядро», уверен — дописали «заинтересованные лица», про которых чуть позже.

Почувствуйте, как говорится, разницу!

Впрочем, «посылать» они начали — ещё задолго даже до Хрущёва, но лишь в эпоху «Застоя» — закрепили такое положение вещей законодательно...

И тогда «система» сгнила окончательно.

***

Так что же произошло?

Почему всё пошло не так?

Вовсе не претендуя на роль «последней инстанции», никому ничего не навязывая, тем не менее скажу: в том что «случилось — то что случилось», виновато сложение несколько факторов одновременно.

Ортодоксальным марксистам (чаще обзываемым «троцкистами») сильно не понравились некоторые положения «Конституции-1936», это однозначно... Ведь в ней нет ни слова про «святые святых» — про диктатуру пролетариата, при которой осуществляется своего рода «классовый расизм» — бывшее до 1936-го года разделение общества по происхождению. Ведь согласно старой — «Ленинской конституции», в СССР существовали свои отверженные: выходцы из дворян, духовенства, кулаки и прочие «чуждые классовые элементы» — так называемые «лишенцы».

Они и их дети не имели права избирать и быть избранными, не могли занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном. Они не имели право получать пенсию и пособие по безработице, им не позволялось вступать в профсоюзы. Лишенцам не выдавались продуктовые карточки, либо же выдавались по самой низшей категории.

Напротив, налоги и прочие платежи для «лишенцев» — были существенно выше, чем для остальных граждан.

В 1920-е годы одна за другой проводились кампании по выселению лишенцев из коммунальных квартир, а также исключению их детей из школ. Детям «лишенцев» было крайне затруднительно получить среднее образование и фактически запрещено получать высшее. Вместо призыва в Красную Армию, их зачисляли в так называемое «тыловое ополчение».

Сталин же приравнял «лишенцев» к гегемонам...

Как тут не возмутиться правоверным марксистам?

Недаром одним из самых тяжких обвинений Хрущёва в адрес Сталина, был отход того от «ленинских принципов»...

Ишь на что покусился, кровавый тиран и деспот!

Многими, если не всеми подобными «ортодоксами» кроме того могло двигать чувство реванша: ведь Сталин и его команда подвинули их с очень высоких постов.

Бухарин при Ленине был «любимчиком партии», а при Сталине — задвинутым куда-то под плинтус «Колькой-балоболкой».

Рыков был вторым после Ленина Председателем Совнаркома и, кто он теперь — в середине 30-х годов?

Да никто — пустое место.

Зиновьев и того бери выше — экс-председатель исполнительного комитета Коминтерна — «землешарной» организации, в которую даже правящая в СССР ВКП(б) — входила лишь

отдельной секцией...

И если даже потерявшая былую популярность поп-звезда, из кожи лезет вон чтобы восстановить своё статус-кво — то что тогда говорить про этих политиков, в душе оставшихся пламенными революционерами?

Мог быть и военный заговор, а почему бы и нет?

Во всем мире, во все времена, генералы устраивают заговоры и свергают демократически выбранные правительства или своих же предшественников.

Чем наши маршалы и командармы хуже?

В Латинской Америке, в то время фактически стоящей с Советским Союзом на одной ступни развития — военные перевороты так часты, что об них не всегда сообщает пресса. Один сукин сын заменил другого сукиного сына — никакой сенсации.

А чем отличаются всякие там Самосы, Дюпоны да Стреснеры от наших Тухачевских, Якиров да Уборевичей?

Да только тем, что те носят трусы да сомбреро, а эти — синие галифе да будёновку...

А так — один в один.

Но главный вклад в то, что «Конституция-36» — так и не стала действующим законом, внесла конечно же «Всесоюзная коммунистическая партия», в скобках — «большевиков».

Нет, вовсе не миллионы рядовых коммунистов, стоящих у станка или сидящих в кабине трактора...

И даже не верхушка «ВКП(б)», зачастую сидящая на двух стульях — государственном и партийном: как например член Политбюро Молотов — являющийся одновременно Председателем СНК и вдобавок Наркомом иностранных дел...

Всё решила так называемая «партноменклатура» — те самые первые секретари республик, обкомов, райкомов и горкомов. И стоящие за ними стояли десятки тысяч парторгов государственных организаций, промышленных предприятий, колхозов и совхозов — являющиеся своего рода «средним классом» СССР, весь период его существования.

Хотя законы могут быть сами по себе прекрасными, в конечном счёте всё решает физическая возможность их реализации. А последнюю, словами Ленина — обеспечивает «воля господствующего класса». Если он не хочет или не может исполнять написанную им бумагу, а также имеет силу заставить высшие государственные органы принять этот факт — то бумага исполняться не будет...

Хоть убейся её автор «ап стену»!

В декабре 1936-го года, на VIII Всесоюзный чрезвычайном съезде Советов, была принята Конституция СССР, согласно Статьи 141 которой:

«Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами».

То есть на одно место в Советы может быть несколько кандидатов и вовсе необязательно от Коммунистической партии.

И партийные функционеры — тот самый «господствующий класс», влёт поняли, что Сталин таким образом — хочет отстранить их от власти. Ими был инициирован Февральско-

мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937-го года, на котором формально должны были утвердить форму бюллетеня для выборов согласно Статьи 141 вновь принятой конституции. Но фактически, суть почти всех выступлений сводилось к тому, что страна наводнена шпионами, диверсантами, вредителями или просто троцкистами — пролезшими на самые высокие посты. И что органы НКВД не справляются с таким обилием врагов народа и им надо срочно помочь.

Вот так начались те самые знаменитые репрессии 37–38 годов, которые их инициаторы и исполнители — а Хрущёв был в их первых рядах, позже приписали Сталину и его маньяческой паранойи.

Однако, зададимся вопросом:

Что может сделать король и его свита, если все поголовно бароны — отказываются по его указу освободить крепостных?

Ничего!

Только констатировать сей прискорбный факт и постараться минимизировать ущерб своему королевскому авторитету.

Точно также должен был поступить и Сталин, решив отложить «битву» на более поздний срок. Ну а там — война, послевоенное восстановление...

Всё руки не доходили!

Лишь в конце 1952-го года, на XIX съезде он вновь бросил перчатку в лицо «господствующему классу» — сражаясь за власть Советов...

И вновь проиграл.

Но я не Сталин...

Я хуже!

И поэтому я этот бой выиграл. Конечно, вся война ещё впереди и будет она долгой и затяжной — возможно даже столетней... Но главное уже сделано: головы у партийной гидры отрублены. А те, которые будут пытаться вырастать вновь — я буду беспощадно прижигать.

Я — злой, жестокий и коварный и не имею право быть добрым, белым и пушистым!

[1] Г.К.Жуков «Воспоминания и размышления». М., 1975., Т.1, с.110.

[2] В.Морозов, полковник, кандидат филологических наук (1949–2022). Газета МО РФ «Красная звезда» за 15 января 1994 года.

[3] Для изготовления двух образцов танков «А-32» (предшественников «Т-34» запорол ВОСЕМЬ(!!!) комплектов брони.

На их дизелях стояла аппаратура германской фирмы БОШ.

Детали для двух моторов и КПШ отбирали из десятка экземпляров.

Все подшипники были иностранного производства,

Во время пробега до Москвы, за танками ехал технический обоз — двести водителей и половина специалистов харьковского завода. И всё равно — из двух танков до Москвы своим ходом доехал только один. Второй сломался под Белгородом.

За две недели пробега прежним остался лишь корпус да башня — остальное меняли по несколько раз. Муфту сцепления, например, приходилось менять через каждые 2 часа...

Физически здоровый человек может управлять танком лишь несколько часов в день — остальное время он будет отходить-отдыхать после полного изнеможения сил.

Механик-водитель должен каждые пять минут выпрыгивать из танка со шприцом и что-то смазывать.

Средняя скорость движения танка «А-32» до Москвы была 11 км\час — остальное время уходило на ремонт.

Наконец, наш танк «А-32» обосрался по всем статьям на совместных испытаниях с немецким «Pz.Kpfw. III», показав позорные 48 км\час против 69 немецких.

[4] «СОВЕТСКИЙ ТЯЖЕЛЫЙ ТАНК КВ-1: Первые танки Победы». Том первый.

Глава 10. А жизнь то... Продолжается!

Фаина Раневская:

«Думайте и говорите обо мне что пожелаете. Где вы видели кошку, которую бы интересовало, что о ней говорят мыши?».

Старинов, Илья Григорьевич:

«Те, кто считает, что время нельзя повернуть одним толчком, не видели, как уходит под откос железнодорожный состав».

Пикколо Макиавелли «Государь»:

«При этом надо иметь в виду, что нет дела более трудного по замыслу, более сомнительного по успеху, более опасного при осуществлении, чем вводить новые учреждения. Ведь при этом врагами преобразователя будут все, кому выгоден прежний порядок, и он найдет лишь прохладных защитников во всех, кому могло бы стать хорошо при новом строе».

На совещании в кремлёвском кабинете по поводу только что случившегося катаклизма, не мог не вспомнить Высоцкого:

«"Что там было? Как ты спасся?" -

Каждый лез и приставал,

Но механик только трясся и чинарики стрелял.

Он то плакал, то смеялся, то щетинился, как ёж.

Он над нами издевался — ну сумасшедший, что возьмёшь?».

Я не трясся, не «стрелял», не смеялся, не щетинился и, тем более — не плакал...

«Те кто выжил в катаклизме

Пребывают в пессимизме...».

Никакого «писецТсизма» — само ледяное спокойствие.

На вопрос: «Что там было?» — отвечал кратко, но при этом крайне информативно:

— Там была полная жоппа.

Ибо, чем меньше на рублике говоришь — тем тяжеловеснее каждое твоё слово.

На второй вопрос — «Как ты спасся?», мой ответ был более пространственным:

— Предлагаю наградить товарищей Берию и Власика званием «Герой Советского Союза», с вручением Ордена Ленина и медали «Золотая звезда»... Хм, гкхм... Посмертно.

Подняв руку:

— Кто «за»? Принято единогласно.

По ходу первого моего совещания в Кремле, Пospelов Пётр Николаевич — главный редактор газеты «Правда», несколько раз подходил ко мне с несколькими вариантами «хроники происшествия», из которых я выбрал наименее фантастичный и слегка собственной рукой отредактировав — разрешил опубликовать в средствах массовой информации СССР...

Но от уже принятого решения — законно репрессировать его при первой же возможности, отнюдь не отказался.

Но конечно же главным вопросом того совещания был:

— Что делать, товарищ Сталин?

На классический вопрос, ответ тоже должен быть классическим:

— Сухари сушить!

Мысленно поуговарав над их обескураженными физиономиями, успокаиваю:

— Шютка! Мал-мал капказский пошутилка, товарищи наркомы и исполняющие их обязанности. Если же серьёзно, то вы должны как и прежде — исполнять свои должностные обязанности. Больше ничего делать не надо...

Слегка рыкнул на них, шоб боялись:

— ...И даже не вздумайте!

Действительно, член Политбюро Вячеслав Молотов, к примеру, являлся в тот исторический период одновременно Председателем Совнаркома — главой Советского правительства и Наркомом иностранных дел...

Кто-то берётся утверждать, что он спал и ночевал на трёх своих должностях и причём — одновременно в трёх креслах и, теперь без него — «всё пропало»?

Конечно, нет!

У него были «негры» — заместители то бишь, которые и пахали за него. Сам же Вячеслав Михайлович, хорошо что ещё успевал особо не вникая расписываться в наиболее важных документах...

Да и то — далеко не факт.

На посту Председателя СНК, заместителем Молотова формально считался практически любой нарком. Фактически же, его обязанности выполнял Яков Ермолаевич Чадаев — имевший огромный послужной список и, надо полагать — не менее огромный опыт работы на высших (не партийных!) государственных должностях.

Знаете такого?

Конечно ж, нет — на хрен знать какого-то негра...

То ли дело, сцуко, товарищ Молотов!

И тем не менее, в годы Великой Отечественной войны — когда Сталин являлся Председателем Совнаркома СССР, правительственные постановления публиковались в печати за двумя подписями: его и Чадаева.

Так неужели Яков Ермолаевич не справится с Совнаркомом без Молотова?

На этот счёт у меня нет сомнений.

Заместителем Молотова на должности Наркома иностранных дел, был Андрей Януарьевич Вышинский...

Ну, этого то, кто не знает!

Конечно, на него грязи вылило немало — сравнимо со Сталиным и Берией... Но одного не отнимешь: это был очень жёсткий человек и при этом — умный, по-европейски образованный, блестяще владеющий несколькими языками и обладающий незаурядным ораторским искусством.

Все будущие крупнейшие международные конференции, такие как Ялта и Потсдам, не

проходили без участия Вышинского. Он же активно разрабатывал и послевоенное устройство мира.

Иностранные коллеги отзывались о Андрее Януарьевиче — как о вежливом, учтивом дипломате — вмиг превращающийся в какой-то разъярённый вулкан ненависти, если дело касается международных интересов страны.

Так кто же на должности Наркома иностранных дел СССР, может быть лучше его?

По крайней мере, я таких не знаю.

Ну а чуть позже, я к нему молодого Андрея Громыко подтяну — «на вырост», так сказать.

Точно такая же, или почти такая же бодяга и, с остальными членами и кандидатами в члены, ныне покойными, у каждого из которых были пахавшие за них заместители. Правда, вместе с Калинином — Председателем Президиума Верховного Совета СССР, утонули и оба его заместителя: Председатель Совета Союза Верховных Советов СССР Андреев и Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Шверник.

Хрен как говорится с ними, но я не про это....

Этот случай был единичный и при этом пострадал больше всего — вовсе не этот орган высшей законодательной власти страны, а советский балет — лишившейся мощной поддержки этого козлобородого лезбиянца.

Так по нему мы и так — «впереди планеты всей».

Ну, отстанем чуток и что?

Ничего страшного!

С остальными наркоматами — всё пучком.

Например, Председателем «Государственной плановой комиссия при СНК» (Госплан СССР) был Вознесенский... После его гибели ВРИО этой должности стал его заместитель Максим Захарович Сабуров.

Что-то изменится с государственным планированием в худшую сторону?

Уверен, что нет.

А вот в лучшую — вполне может быть.

Были заместители и у Кагановича — наркома путей сообщения, Микояна — наркома внешней торговли, Маленкова — начальника Управления кадров ЦК ВКП(б)...

Про Берию Лаврентия Павловича я уже говорил, ну а Ворошилов — так тот вообще: на момент своей смерти, был практически пустым местом. А у пустого места, как правило, заместителей не бывает.

Так что конца света не случилось!

В народе в таких случаях обычно говорят:

«Померли Охримы, да и хрен с ними».

Был поднят вопрос и о том, что делать с утонувшим Мавзолеем и главное — с телом Ленина.

Было даже предложение привезти с Донбасса шахтёров-стахановцев, мобилизовать московских комсомольцев и, в ударном темпе — к следующей годовщине великого Октября откопать Мавзолей и поставить его на место, чтоб руководству было откуда на парады в честь очередной годовщины смотреть. Если получится — то даже бункер отрыть, чтоб

извлечь из него тела погибших делегатов — для их захоронения в виде серого порошка в кремлёвской стене... Другие предлагали объявить об международном конкурсе мемориала у той же стены в память погибших.

Я был в принципе не против, но в свою очередь предложил проконсультироваться со специалистами и вызвать сюда кого-нибудь из «Метростроя».

И часа не прошло, как никому не известный капитан с петличками танкиста привез самого «отца советского метро» — Павла Павлович Роттерта и, тот попеременно краснея и бледнея, безбожно заикаясь — панически-истерически-категорически отверг такую возможность:

— Товарищи! Ради Маркса не делайте этого! При попытке откопать Мавзолей — провалится под землю весь московский Кремль!

Мне осталось лишь беспомощно развести руками:

— Ну, вот видите? Так что нам не остаётся ничего другого, как засыпать ту яму и восстановить брусчатку Красной площади — чтоб на ней можно было парады в честь Великой октябрьской революции проводить. А руководство страны, любоваться ими может с кремлёвской стены — там даже виднее, ибо обзорность выше.

— Насчёт увековечивания памяти погибших товарищей, же...

Походив и, типа подумав:

— ...Лучшим мемориалом нашим погибшим товарищам, будут наши успехи в деле построения социализма в нашей стране, укрепления её обороноспособности и успехи СССР на международной арене.

На этом я закончил совещание, запланировав вновь встретиться с наркочленами и исполняющими их обязанности, после завершения Внеочередного всесоюзного съезда народных депутатов — на котором я официально вступлю в должность Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и объявлю о некоторых конституционных реформах.

Все эти важные события, без всякого преувеличения — переломных и судьбоносных в истории страны, произойдут после окончания трёхдневного траура — 23 января...

Время, как быстро летит время!

Уже практически полторы недели я в теле Реципиента, а фактически ничего ещё не сделано.

***

Наконец-то все вышли, оставив в кабинете троих уцелевших посвященных: Поскребышева, Косынкина и Виноградова.

Я сразу предупредил:

— Не спрашивайте что произошло, друзья, чтоб мне не пришлось вам врать.

Скажи им, всю правду: что всё началось из-за того что я не подумав как следует — приказал Власику установить блок-пост перед въездом на Ближнюю дачу, чтоб мне не докучали сталинские детишки... После чего последовала вся эта цепь невероятных событий — приведшая к столь трагическим событиям...

Что сын Сталина был формальным главой(!) антисталинского заговора... Что из чувства самосохранения, я залюбил мозги Хрущёву якобы у меня имеющейся порнушкой(!) с его коровой... И, он как последний лох поведшись на такой тупой развод, в целях неразглашения этого фейка расстрелял Политбюро... Что в результате моего договорняка с ним в

сортире(!), тот по моему совету взорвал подземный бункер с партсъездом — от чего ушёл под землю Мавзолей с Лениным...

Нет!

Только не это — пусть думают, что хотят. Всё равно до такого не додумаются — ибо это...

За гранью добра и зла!

Впрочем, у Косынкина уже был готов ответ:

— В том что произошло, чувствуется воля ЕГО(!!!). ОН(!!!) Вас послал к нам, он и Вас и уберёт.

Внимательно посмотрел на него:

Кажется вместо просто умного, исполнительного и преданного Власика, я получил вдобавок и ещё религиозно-фанатичного Начальника личной охраны. Правда, нам с ним ещё работать и работать: в службе охраны Кремля и меня лично — обнаружены серьёзные изъяны.

Виноградов, тоже был такого же мнения, хотя менее эмоционально и крайне осторожно согласившись:

— Иначе это ничем не объяснишь.

И только Поскрёбышев сохранив хладнокровие, задал конструктивный вопрос:

— Иосиф Виссарионович! Не считаете ли Вы, что после смерти Лаврентия Павловича и Николая Сидоровича, число «посвящённых» должно быть увеличено?

Я задумался:

Действительно, что мы имеем в «сухом остатке»?

Секретарь — ходящий «отдел кадров», скрещённый с арифмометром.

Вчерашний пограничник — хотя и боевой, но ещё не освоившийся на новой должности и скорее всего человек ограниченный службой.

И профессор медицины, который в соответствии с уровнем современной медицины — разве что клизму могущий профессионально поставить, да посоветовать чаще ходить пешком.

Всё это конечно здорово, но...

Маловато будет!

Спрашиваю:

— У Вас есть кто-то на примете, Александр Николаевич?

Тот, прячет глаза:

— После вашего рассказа про будущее, Иосиф Виссарионович, я просто не решусь кого-либо рекомендовать... Вам виднее.

На другое я и не рассчитывал: секретарь — он и в Африке секретарь. Исполнит всё что угодно, но вот подсказать что...

На то существует шеф!

А «шеф» напоминаю — это я.

Посмотрев в окно, где заметно вечерело:

— Так, так, так... Завтра с утра у меня будет рабочая встреча с одним капитаном — который в данный момент тусит в секретарской...

Пора наконец познакомиться с моим «поддельником» и сделать ему предложение, от которого тот не сможет отказаться.

— ...Но это пожалуй к делу не относится.

С закрытыми глазами, в несколько секунд перебрав все известные мне варианты:

«Так, так, так... Кого ещё?».

Озарение пришло как всегда неожиданно:

— Завтра днём судя по всему, я буду шибко занят на траурных мероприятиях — посвящённых сегодняшнему происшествию... А вот вечером соберите мне в этом же кабинете следующих лиц: Льва Захаровича Мехлиса, Глеба Максимилиановича Кржижановского, обоих братьев Бонч-Бруевичей — Михаила и Владимира Дмитриевичей Розалию Залкинд по прозвищу «Землячка» и... Эх, жалко, что Антон Семёнович Макаренко уже умер...

Чуть не хлопнув себя по лбу:

— ...И Виктора Николаевича Сороку-Росинского. Если кто-то из них находится не в Москве — как последний, то вышлите за ним мой личный самолёт.

Подумав ещё:

— Но их «посвящение» должно происходить не так как вас — то была чистой воды импровизация с целью легализации, а...

Вкратце рассказал первый пришедший в голову «сценарий» — а стало быть и самый верный и, на этом мы на сегодня расстались. Поскрёбывшись остался в секретарской — ибо там всегда есть чем заняться, Виноградов направился в Кремлёвскую поликлинику — там кому-то стало плохо, а мы с Косынкиным поехали на Ближнюю дачу.

На сегодня всё!

***

Всё, да не совсем всё...

Когда мы с новым Начальником охраны приехали на блок-пост, чтоб снять с него стажёров, тех оказалось всего четверо... Отсутствовал и старший — сержант Ерофеев.

На недоумённый вопрос Косынкина — а где личный состав, те отвечают, стеснительно поглядывая на меня:

— Ужинают на даче у товарища Сталина.

Спохватываюсь:

— Ах, да... Я же сам им предложил харчеваться у себя — ибо, про них похоже забыли за этой кутерьмой. А вы то как, товарищи бойцы? Не голодны?

Гаркают хором:

— А мы уже недаром поужинали, спасибо!

Первым делом представившись новым Начальником охраны, Косынкин их озадачил:

— Скоро за вами приедет машина: дождётесь возвращения своих товарищей, сворачивайтесь и отправляйтесь в своё подразделение. Считайте, что испытательный срок уже прошли: три дня отдыха и приступить к исполнению обязанностей по охране товарища Сталина.

— Служим трудовому народу!

Люди дисциплинированные и про Власика ничего спрашивать не стали. Не стали говорить ничего и мы: в своё время сами узнают...

Зачем раньше времени настроение портить людям?

Кстати...

Когда подъехали к даче, я:

— Петр Евдокимович! Только ничего не говори моей сегодня про сегодняшнее...

Задолбает ведь до утра вопросами да своими бабьими «ахами» да «охами», а я сегодня выспаться хочу. С утра «обрадую» и сбегу на работу.

Улыбается краешками губ:

— Хорошо, Иосиф Виссарионович.

Валентина Васильевна встретила нас уперев в бока руки и с подозрением приносиваясь:

— Что так поздно?

— Дел сегодня было много — едва разгрёб.

«Сама попробуй целый партсъезд за день закопать и Мавзолей с Лениным вдобавок!».

Недоверчиво оглядывает с ног до головы:

— А чё опять напялил какое-то старьё?

Поглядывая на вытертые чуть ли не насквозь рукава старенькой сталинской шинели:

— Это рабочая форма одежды: по запарке забыл переодеться.

Иронично хмыкает:

— Хм... Ты бы ещё в строительной каске домой припёрся.

«Мда... Каска и шахтёрский фонарик во лбу, пожалуй, сегодня были бы не лишними».

Затем, настроение у моей изменилось и она чисто по-женски жалеючи:

— Не замёрз хоть? Опять поди «гавкать» всю ночь будешь и неделю носом шмыгать...

Удивительно, но за весь день, не помню чтоб чувствовал холод. Стресс должно быть и выделяющийся в избытке адреналин.

Пожав плечами:

— Сегодня на работе было жарковато: пахал как сам Стаханов в забое — только успевали оттаскивать и, замерзать было некогда.

Из малой столовой раздавались молодые голоса и звонкий девичий смех.

На мой немой вопрос, моя супружница озабоченно отвечает:

— Светка сержанта твоего охмуряет.

Ерофеева однозначно, больше среди стажёров никаких сержантов не заметил.

Интересуюсь:

— Ну и как успехи?

Вздыхает:

— Замуж пора выдавать девку, пока не испортилась...

Клюя носом:

— Раз «пора» — значит выдадим. Ты бы это, мать... Накрыла бы нам с Петром Евдокимовичем на кухне.

Спохватывается:

— Ах ведь и правду: чего это я стою — с вами лясы точу?! Мужиков же кормить надо...

И уже на бегу:

— ...Водку то пить будете?

— Водку? Водку пить будем.

Косынкин, непреклонно-категорически:

— Я не буду, товарищ Сталин: исполняю обязанности.

Бурчу по-стариковски:

— Ну и на хер мне всё это «диктаторское всесилие», если уж и выпить не с кем? Не...

Всё-таки надо было валить на пенсию, чтоб спиваться не в одиночку — аки бирюк какой, а в дружной компании...

Но настаивать не стал.

Не успели мы с Начальником охраны опустошить по тарелке борща, а я вдобавок закинуть за воротник пару стопок «Особой московской», как на кухню слетает перевозбуждённая Светка и «шепчет» на полдома:

— Папка, можно тебя на минутку?

— Меня не только «можно» — но и нужно. Но сперва поздоровайся с Петром Евдокимовичем.

Та, даже нечто вроде «книксена» сделала...:

— Здравствуйте, Петр Евдокимович!

До чего воспитанный ребёнок, ё!

...После чего бесцеремонно вытащила меня за рукав в прихожую:

— Помнишь, что ты говорил по мужчину-охотника? «Чем больше за какой-нибудь «птичкой» по лесу бегаешь, чем больше при этом мозолей на ногах натрёшь и больше шишек на лбу набьёшь — тем «вкуснее» она потом тебе кажется»...

— Эээ... Ну, говорил. Я вообще в последнее время очень много чего говорю...

— А это правило и девушек тоже касается?

— Эээ... Дай соберусь с мыслями...

По ходу, она на этого сержанта Ерофеева «запала».

Ну, а что?

Парень молодой, видный: «вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом». Я б лучше в него «попал», чем в этого... Ээээ... Старпеда рябого.

Так что же ответить?

— С одной стороны всё верно: ведь в СССР с 1917-го года существует равенство полов и женщина также вольна «охотиться» за мужчиной — как и тот за ней... А с другой стороны, мы — мужчины, существа противоречивые! «Охотник» перестанет видеть в ней «дичь» — а точно такого же «охотника» как он сам и, мало того — соперника... Если конечно, речь не идёт об приверженце так называемой «однополой любви»... Ты понимаешь, о чём я?

Та, закусив губу:

— Понимаю...

Бурчу:

— Все вы всё «понимаете», а потом выскакиваете замуж за всяких педрил... Ты, плачешь?!

Обливаясь слезами, Светка больно ударила меня в грудь кулачком:

— Он никогда не будет на меня «охотиться»... Потому что я — твоя дочь, я — Сталина...

И завывая смертельно раненной волчицей, убежала к себе наверх.

Глядя ей вслед, процитировал одного из классиков великой русской литературы:

— «Что за комиссия Создатель...».

И все мои проблемы, самому же — враз показались такими мелочными, что хоть плачь: «Мне выпить не с кем, за ней — никто не «охотится»... Повзрослев, Светлане придётся брать инициативу в свои руки и, оттого будут все её личные семейные трагедии. Бедный ребёнок...».

Закончив на оптимистической нотке:

— ...А впрочем, жизнь продолжается.

***

На следующий день, прибыв с утра в свой кабинет, первым делом ознакомился с только что вышедшим номером «Правды», из-за траурной каймы и списка погибших — бывшим, как бы не втрое более толстый, чем обычный.

Собственно то, он и состоял из художественно-документального описания самой катастрофы и длинного списка-перечня её жертв.

Из первой части, простой советский человек мог узнать, что перед тем как стать жертвами, депутаты Съезда — под руководством Политбюро ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина, длительное время затыкали образовавшийся пролом в стене бункера своими — депутатскими телами...

И причём добровольно и с песнями — распевая «Интернационал», то бишь!

Когда же депутатские тела наконец кончились, товарищи из Политбюро ЦК ВКП(б) поручили товарищам Берии и Власику — любой ценой найти выход и спасти «Вождя и Учителя». А сами навалившись на стальную дверь бункера, изо всех сил удерживали грунтовые воды — пока те были в поиске...

Товарищи Берия и Власик сумели найти аварийный выход из бункера и вывести товарища Сталина из подземелья наружу — на радость всему советскому народу, всем трудящимся всего мира и, просто — всему прогрессивному человечеству. А сами вернулись — чтоб вывести и его соратников...

Но тут новый удар стихии и все до одного умерли.

Я ржал и плакал, плакал и снова ржал... А редактору «Правды» мысленно пообещал:

«Весёлый ты парень, товарищ Пospelов! Тебя я убью последним».

Бегло прочитав список жертв и наскоро его проанализировав, я понял что перед тем нас навсегда покинуть — мои соратнички решили меня слегка «обуть», забыв пригласить на Съезд некоторых членов Центрального комитета ВКП(б), могущих оказать мне поддержку.

Сперва теряюсь в догадках:

«Неужели они не понимали, что Сталин заметит это?».

Потом вдруг осенило:

«Ах, да! Мнимый мини-инсульт... Виноградов предупредил их, что после него товарищ Сталин ведёт себя странно, может не узнавать кого-то. А потом при первой же встрече на Ближней даче, они сами убедились — что со зрительной памятью у него что-то не так... Например, я не смог узнать Андреева и это видимо было замечено».

Ну, что ж...

В любом случае, всё что не делается — делается к лучшему!

Осталось только процитировать Булгакова, несколько переиначив:

— «Никогда не читайте советских газет перед обедом... Читайте с утра — для поднятия настроения».

***

Затем у меня была встреча с тем капитаном-танкистом (ныне капитаном-госбезопасности и без пяти минут кавалером ордена «Красной Звезды»), с коим имел удовольствие законно репрессировать Хрущёва. О том, что он же убил Берию, я старался не вспоминать — помня о возрасте Реципиента, его не шибко богатырском здоровье и сердечно-сосудистых проблемах.

Сидя за письменным столом в своём кремлёвском кабинете, делаю приглашающий жест:

— Присаживайтесь, капитан. Разговор у нас с Вами будет долгим и, надеюсь — конструктивным, а в ногах правды нет.

Когда тот расположился на кресле напротив, некоторое время за ним молча наблюдал... Сразу бросилось в глаза, как тот с жадностью разглядывает книги в книжном шкафу.

Любит читать, стало быть — одно «очко» в своё копилку уже заработал.

— Представьтесь, пожалуйста: фамилия, имя, отчество и семейное положение. Происхождение меня не интересует: ибо среди представителей разных классов — хватает как порядочных людей, так и откровенных мразей... То же самое с партийностью и национальностью, добавлю.

Тот соскочив:

— Славин Пётр Алексеевич, холост, беспартийный...

Я слегка вздрогнул: «Славин» — фамилия советского диктатора из одной довольно примитивной (хотя и увлекательной для меня) компьютерной стратегии, из игрового мира «нулевых» годов. Правда, тот — просто «Славин», а этот вдобавок — «Пётр Алексеевич», как один из первых в мире космонавтов... Хм, гкхм: «что-то с памятью моей стало»...

Как первый российский император.

Невольно уставившись во все глаза на потолок:

«Это — совпадение, или какой-то знак «свыше»?».

Подумав, я решил «забить»: если «им» что-то от меня надо — пусть вышлют методичку.

— ...Про происхождение и национальность точно сказать не могу, так как сколько себя помню — детдомовец.

«Выживший, значит... Детдомовцем, может стать только самостоятельно выживший на улице ребёнок. Ещё одно «очко» стало быть».

— Ваше жизненное кредо, товарищ Славин?

С готовностью отвечает:

— Что такое «кредо» я точно не знаю... Но дядька Степан — завхоз детдома, что был мне за отца родного, учил пока жив был: «Не пей с кем попало, никогда не бери чужого и не спи со шлюхами и, никого не бойся». Стараюсь следовать этим правилам, товарищ Сталин.

С понимающей усмешкой:

— И потому до сих пор капитан?

Ему на вид где-то под тридцатник: другие уже полковники в его годы, а то и генералы.

Отвечает с юморком:

— Если учитывать, что до лета тридцать девятого года, я был всего бригадиром таксистов в Горьком — откуда меня как старшину запаса забрали для Освободительного похода на Западную Украину и, до сих пор не вернули — я сделал достаточно стремительную карьеру.

Недоверчиво хмыкаю:

— Герой, стало быть? А почему я не вижу орденов и медалей на геройской груди?

Разводит руками и, виновато:

— Так я же не при штабе «геройствовал», товарищ Сталин!

Понимающе улыбнувшись:

— Возможно, это и к лучшему. Да, Вы присаживайтесь, капитан — мы не в штабе, а я не начальник финансовой части.

Когда тот снова расположился в кресле, задаю главный вопрос и внимательно слежу за его лицом и особенно за глазами:

— Как, когда и при каких обстоятельствах, Вы познакомились с моим сыном? В Академии Генерального штаба, где учитесь?

Энергично вертит головой:

— Я не учусь в Академии! А с вашим сыном познакомился случайно.

«Стало быть он не дурак: в Академии Генерального штаба РККА — никого кроме дураков и встретишь, в этом я с Жуковым согласен... За редким исключением, конечно».

Во всех отношениях — замечательный чувачок, этот капитан!

Мне стало шибко интересно:

— Вот, как? «Случайно», говорите? Расскажите, как это было.

— Иду по Москве, в коей проездом из Карелии на Дальний Восток, люблюсь столицей нашей Родины — где ни разу не был... Вдруг — скрип тормозов, рядом останавливается такси, из него выпрыгивает какой-то лейтенант-лётчик: «Я сын Сталина, помогите мне освободить отца, которого арестовали люди Берии». Как я мог ему отказать? А потом мы с ним поехали в Академию...

— На этом достаточно.

Рассказа про убийство Берии, я могу не перенести и тут же начать неконтролируемо звереть.

Вроде... Уверен, что не врёт.

Ибо, прожив столько лет «там» — я достаточно хорошо разбираюсь в людях. Да и моя прежняя профессия главы региональной ОПГ — как у «ошибающегося всего раз» сапёра: не распознал человеческую натуру — и вот тебя уже несут в деревянном «макинтоше», а вокруг играет музыка — которую ты не слышишь. А потом над тобой не синее небо — каменный памятник, на котором твоя же фотография и по годовщинам — чётные цветы, на которые не прилетит пчела...

Задаю вопрос, чтоб понять как разбирается в людях он:

— Как Вам показался мой сын?

Подумав, тот тщательно обдумывая каждое слово:

— Горяч, глуп... Но это пройдёт с возрастом. Склонен предаваться излишествам —

спиртное, женщины. Но если прямо сейчас загрузить делом и ответственностью — выйдет толк.

В принципе, я согласен с такой оценкой этого юного балбеса — Василия Сталина.

Ну что сказать?

Без всякого сомнения сидящий предо мной человек — природно умён и, судя по карьере — обладает незаурядными качествами лидера...

Мимом таких людей проходить нельзя.

Смотрю ему в глаза и безапелляционно, как о давно уже решённом:

— Товарищ Славин! Дальний Восток отменяется, отныне будете служить при мне...

Эээ... Ну, скажем «офицером для особо деликатных поручений». Официально же — в службе охраны Кремля. Подчиняетесь мне и только мне и, больше никому.

Осторожно спрашивает:

— В чём будет заключаться моя служба, товарищ Сталин?

Встав и неторопливо сделав вокруг стола круг, наблюдая за его головой — поворачивающей за мной, подобно корзине подсолнечника — за Солнцем, усаживаюсь на место, и:

— Злодейски убитый хрущёвцами генерал Власик — да будет вечной об нём память, создал спецслужбу для охраны первых лиц в государстве...

Ткнув себя пальцев в грудь:

— ...Если быть точнее — лично товарища Сталина.

Помолчав, продолжаю:

— Но Вы как человек военный, должны понимать: лучший вид обороны — это нападение. И недавние события, когда даже НКВД во главе с товарищем Берией — аблажался по полной, тому лишнее доказательство.

Капитан удивлённо приподнял брови, но ничего не сказал, ничего не спросил. За него это сделал я:

— Почему, спросите? Отвечаю: НКВД — слишком неповоротливая структура! Чекисты могут справиться с вызовами — носящими общий и массовый характер, но перед узконаправленными — они спасуют. Да к тому же они вынуждены действовать хоть в каких-то рамках закона. А что делать когда есть «сигналы», например, но нет свидетельских показаний, улик, вещественных доказательств? Ничего нет, кроме вероятной угрозы государству?

— «Хватать и тащить»? А если потенциальная угроза исходит из окружения лица высокопоставленного? Напомню, что Николая Второго вовсе не рабочие с крестьянами свергали, а собственные генералы. Среди основателей РСДРП, тоже — нет ни одного «босяка», а одни лишь генеральские, да купеческие сынки — на коих ни один жандарм, не посмеет даже косо взглянуть без веских на то оснований.

Беру со стола бумажник Хрущёва и вынимаю из него несколько фотографий. Первая, что удивительно — портрет улыбающегося Ленина в кепке. Покачав головой, засовываю обратно, беру и перебрав фотографии хрущёвских выблядков, рассматриваю фото сожительницы покойного Поп-корна...

В реале — корова-коровой и, что он в ней хорошего нашёл?

Высокую удойность, что ли?

— Например, давно уже поступали сигналы, что Первый секретарь компартии Украины — спит не с тем, с кем ему следовало бы спать, как настоящему большевику... А с врагом Советской Власти, одним словом. А «ночная кукушка» — это сила!

Показывая капитану фото, медленно произношу:

— Нина Кухарчук, она же Горпина Безотказная — член террористической группы «Майдан промежности», являющейся правым крылом украинской ультра-националистической организации «УХНА-УХНО».

Задумчиво:

— Далеко протянули они свои щупальца, очень далеко...

Как бы очнувшись:

— ...Так далеко, что этим «сигналам» — не верили ни я, ни товарищ Берия, ни члены Политбюро — за что они и поплатились сполна, а я лишь чудом спасся. Представляете, товарищ капитан, что было бы со страной и народом — если бы погиб товарищ Сталин?

Выдыхает, с хорошо заметным чувством ужаса:

— Понимаю!

— Понимаете, что я от Вас хочу?

После недолго раздумья:

— Понимаю: Вы хотите чтоб я убивал...

Резко перебиваю:

— «Убивает» шпана в подворотне, запомните это, капитан! Вы же, товарищ Славин, будете ЛИКВИДИРОВАТЬ(!!!) угрозу для ПЕРВОГО(!!!) лица государства. Чуете разницу Или Вы разницу не чуете?

Внимательно, на меня глядя:

— Я хорошо понимаю разницу, но хочу задать ещё один вопрос, товарищ Сталин: как определить истинный этот «сигнал» или «ложный»?

Стараясь не шибко нравоучительно:

— В таких случаях, лучше перебдеть, чем недобдеть, товарищ Славин. Положим сигнал ложный сигнал и Коммунистическая партия по ошибке лишится одного или даже дюжины первых секретарей... Да хоть всех — как это произошло вчера. Что произойдёт, что изменится?

Достаточно уверенно-смело отвечает:

— Выберут других... Ничего не произойдёт, в общем-то и, ничего не изменится.

— Правильно! А что произойдёт, если убьют товарища Сталина?

С испугом — так ему не идущим, на меня таращась:

— Боюсь даже представить себе не такое!

Указательный палец вверх:

— Правильно! Потому что такие как товарищ Сталин, в нашем государстве — рождаются один раз в сто лет... И это ещё — если сильно повезёт. Вот не было в веке девятнадцатом никого на него похожего и всё! Рассыпалась Российская Империя и города её переполнились беспризорниками.

Помолчав:

— Так каков будет ваш ответ?

Капитан, больше не раздумывая, соскакивает и вытянувшись «по швам»:

— Я согласен, товарищ Сталин!

Внутренне ликуя:

«А куда б ты делся с этой планеты!».

Вслух:

— Рад это слышать и вот Вам первое задание...

Убрав обратно в бумажник фотографии Ленина и детей Хрущёва, протягиваю ему фото их матери и по совместительству — сожительницы дохлого Кукурузника:

— Капитан, Вам приходилось убивать женщин?

— Нет, товарищ Сталин.

Прищурившись:

— А хотелось бы попробовать?

После недолгого замешательства, тот твёрдо:

— Нет... Сказать по правде — нет.

Только радуюсь:

«А он вдобавок — не беспринципный! И это очень хорошо».

— Не обязательно делать это своими руками. Позже, я дам Вам документ — по которому Вы сможете выбрать себе любого исполнителя в любой тюрьме СССР. Естественно, работать надо крайне аккуратно и без лютого фанатизма: имитация самоубийства или несчастного случая... Если что я подскажу Вам несколько типовых схем. «Исполнителя» обратно в тюрьму можно не возвращать... Понимаете, про что я?

— Понимаю, товарищ Сталин.

— Где-то через месяц-другой — как всё устаканится после сегодняшних событий, можете приступать...

Увидев, как тот снова бросил жадный взгляд на книжные шкафы:

— Кстати, можете выбрать себе любую книгу. Дарю.

Славин, не заставляя себя долго уговаривать, подошёл к книгам и «завис»:

— Прямо глаза разбегаются...

Подсказываю:

— В таких случаях в нашем народе говорят: «Бери ту, какая на тебя смотрит».

Тот выдернул с полки какой-то томик и засунул его под мышку. Я успел мельком прочесть на обложке: Никколо Макиавелли «Государь».

Хороший, хотя и случайный выбор.

Глава 11. Оболганные и позабытые... Команда, ОДНИМ СЛОВОМ

Великий русский учёный-химик Ипатьев В.Н.:

«Для того, чтобы руководить хотя бы несколькими десятками людей, в каком угодно деле, необходимо обладать особыми качествами натуры и своим авторитетом так влиять на окружающих людей, чтобы они беспрекословно выполняли отданные им приказания...».

И.В. Сталин 12-й съезд партии:

«Гораздо легче, завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии товарища Будённого, чем выковать двух-трёх руководителей из низов, могущих в будущем действительно стать руководителями страны».

«Траурные мероприятия» продолжались три дня: с 21-го по 23-е января включительно. За первый день я успел побывать на нескольких траурных митингах, толкнуть там пару коротких речей, лично выразить соболезнование родным и близким и, после того как яму на месте Мавзолея засыпали, возложить к кремлёвской стене венок с надписью:

«Пацанам, которых с нами больше нет...».

А с какой ещё?

«Любим, помним, скорбим», что ли?

Так не любил я никого из них, а помнить и скорбеть собираюсь лишь по Берии и Власику — и то лишь по тому, что их мне будет явно не хватать.

Так зачем кривить душой, особенно если без особой на то надобности?

Не люблю я это...

Наконец наступил вечер и я наскоро перекусив в совнаркомовской столовой отправился в свой кабинет, где меня уже ожидали «посвященные» и те — кому только предстояло ими стать, чтоб получить предложение — от которого, они не в силах будут отказаться.

Пожалуй, моим современникам из приглашённых хроноаборигенов, самым известным был Лев Захарович Мехлис — про которого что только не пишут и, как только бумага эту писанину терпит...

Откуда растут ноги этой писанины легко понять, зная какую должность он ныне занимает: Народный комиссар государственного контроля.

Понятно?

Мехлис — главный борец с коррупцией в СССР и, на этой должности он проявив себя честным бессребреником-коммунистом — которого невозможно подкупить, став настоящим бичом для партийно-государственной номенклатуры — пытающейся поживиться за счет советского народа. Не долго проработав на этой должности — с 6 сентября 1940-го года по 21 июня 1941-го, Лев Захарович тем не менее успел возбудить свыше четырёхсот дел и успел дать «по рогам» многим коррупционерам — вызвав, естественно, страх и ненависть высшей бюрократии.

Естественно позже, те не пожалели собственного вонючего дерьма и чёрных чернил

продажных писаек, чтоб осквернить его память перед потомками.

Мехлис был безупречно честным и принципиальным коммунистом и, в любой обстановке — храбрым в любой ситуации, не поддавался панике человеком, обладающим несгибаемой волей и твердым характером.

Генерал Хренов А. Ф., начальник инженерных войск, рассказывал о таком случае на Финской войне:

«В одной из рот его и застал приказ об атаке. Он, не раздумывая, стал во главе роты и повел ее за собой. Никто из окружающих не сумел отговорить Мехлиса от этого шага. Спорить же с Львом Захаровичем было очень трудно...».

Конечно, спорить с ним было действительно трудно!

Лев Захарович был весьма не простой человек: порой излишне резок, зачастую прямолинеен в оценках и требованиях и, видел всё лишь в белом — либо в черном цвете... Но факт остается фактом — когда понимал, что был неправ, то он никогда не стеснялся признать это. Дипломатничать он не любил — никогда не стеснялся в лоб говорить, обличая подлость, трусость, халатность и прочие недостатки. Миндальничать любил ещё меньше, бывая порой не просто жёстким — но и по-настоящему жестоким, если этого требовала обстановка на войне например...

Но то же самое можно сказать и про Жукова!

Так почему тот «Маршал Победы», а этот — палач Сталина?

Где, сцуко, логика?

«Крымская катастрофа», говорите?

Дык, у Георгия Константиновича — была катастрофа Приграничного сражения и, ни чё — как с гуся вода...

Ларчик открывается просто: Жуков возглавил преступную генеральскую клику, а Мехлис противостоял ей.

Впрочем тема «Мехлис и генералы», у нас будет отдельной...

***

Рисунок 39. Глеб Максимилианович Кржижановский. Могучий старик!

Глеб Максимилианович Кржижановский — это Леонардо да Винчи советской эпохи, которого открыто ругать не принято — но и вспоминать про него стараются как можно реже:

Как так?

«Ленинский гвардеец» и вдруг не жертва сталинских репрессий — даже на пять лет переживший Вождя народов...

Как же так?

Так не бывает!

Поэтому — молчим, молчим...

Глеб Кржижановский был одним из основателей партии большевиков, соратником Ленина и автором плана «ГОЭЛРО»...

Но это бесконечно мало — почти ничто!

Глеб Кржижановский — воистину цивилизационный деятель: если Карамзин — отец русской истории, то он — основоположник советской науки.

Апофеозом последней был старт «Востока», несущего человека в космос. Кто тогда вспомнил про Кржижановского?

Никто...

Как тут не вспомнить Данко из «Старухи Изергиль» Горького?

«Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...».

В 1929-м году, глава Госплана СССР Глеб Максимилианович Кржижановский становится вице-президентом советской Академии наук (АН) и вскоре составляет пятилетний план её развития.

В нём Кржижановский наметил два пути развития советской науки: снизу — от задач развития отдельных научных дисциплин и, сверху — в виде особо важных тем, определяющих задачи всего коллектива Академии — в свою очередь исходящих из нужд развития науки в целом и из нужд развития хозяйства страны.

Кржижановский приступает к совершенствованию структуры Академии.

Было создано «Техническое отделение», включающее в себя ряд новых научных институтов и лабораторий. В 1931-м году был создан «Энергетический институт», в 1933-м — «Институт горючих ископаемых», а затем еще пять институтов по разным отраслям технических наук. Все эти институты создавались по инициативе Глеба Максимилиановича, организовывались под его непосредственным руководством. «Энергетическим институтом» он руководил лично в качестве директора.

После успешного завершения пятилетнего плана, Академия наук СССР — эта, прежде оторванная от практической жизни организация — на десятилетия превращается в мощный «стартовый стол» развития всей советской экономики.

В конце 1930-х годов Кржижановский был отстранён от всякой руководящей работы...

За что?

Якобы за нелестные отзывы в письмах о Сталине...

Хм, гкхм...

Кому предназначались «письма», что это за «отзывы», как о них стало известно тому — кто отстранял?

Наконец, почему он не был арестован и в духе эпохи не репрессирован?

Как обычно: нас заставляют глотать это дерьмо даже не разжёвывая.

Скорее всего же, к концу 30-х в советской Академии наук образовались свои «клики», которым «нужды развития хозяйства страны» были абсолютно по барабану. Одним хотелось заниматься «чистой» — академической наукой, в которой ни за что не отвечаешь. Другие намертво связали науку и марксистские догмы середины 19-го века, используя их как аргумент в спорах...

Возможно были третьи, четвёртые, пятые, десятые и так далее.

Научное общество, все эти академики, профессора и прочие «доценты с кандидатами» — это отнюдь не стадо безобидных овечек, блеющих на латыни что-то очень заумное...

Это стая безжалостных волков, насмерть грызущихся за место в иерархии!

Вот они совместными усилиями и «съели» Кржижановского.

Глеб Максимилианович был Человек с большой буквы, чей разум без труда охватывал особо важные темы. Специалистом, отлично знающим нужды развития народного хозяйства страны и, хорошо понимающим как наука может практически этим нуждам помочь. Он относится к числу уникальных по квалификации и значимости государственных деятелей, который дал мощный толчок развитию страны.

Этого «толчка» хватало надолго...

Но не навсегда!

И к периоду так называемого «Застоя», советская наука — сгнила вместе с КПСС и всем Советским Союзом в целом. И «до тех пор» — уже российская наука, хотя и гребёт из государственной казны фантастические суммы — но практическую отдачу имеет околонулевою.

Как впрочем и всё остальное постсоветское — промышленность, кинематограф, литература...

***

Уникальнейшее в нашей российско-советской истории явление — братья Михаил и Владимир Бонч-Бруевичи!

Первый — царский генерал-майор, генштабист, до революции даже среди своих коллег — имеющий репутацию махрового черносотенца. И тем не менее, сразу после отречения Николая II, он был...

Избран членом Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Пскова!

Рисунок 40. Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич (1870–1956) и Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955).

После Октябрьской революции (или переворота — кому как угодно) он первым из генералов Русской императорской армии перешёл на сторону большевиков и фактически стал создателем Красной Армии.

А кто ещё?

Журналист Троцкий и «прапорщик военного времени» Крыленко, что ли?

Не смешите мои домашние тапочки, они и так смешные!

Советские, а следом за ними российские историки — запутались с создателями РККА как сказочный долболюб Емеля в трёх соснах и, создаётся стойкое впечатление, что она создалась как-то сама по себе...

Знакомый почерк не правда ли?

Великую Отечественную Войну, советский народ якобы выиграл сам по себе — вопреки яростному сопротивлению параноика Сталина, которому изредка смел перечить Жуков... И Красная Армия в 1918-м году создавалась точно также — коллективным разумом

перепивших «балтийского чая[1]» матросов с деревянными маузерами и пулемётными лентами через плечо.

Бывший генерал являлся видным теоретиком военного дела, издал немало трудов по прикладной тактике боя и для Советской России он обладал немислимой ценностью. И став «красный генералом», Михаил Дмитриевич активно включился в создание советских вооружённых сил, последовательно занимая должности военрука Высшего Военного Совета РСФСР, Главкома Реввоенсовета (РВС), начальником Полевого штаба РВС.

Однако, ещё в самый разгар Гражданской войны Михаил Бонч-Бруевич вдруг подает в отставку и переходит на преподавательскую работу.

Что это? Нежелание воевать с бывшими коллегами, перешедшими в лагерь белых?

Навряд ли...

Ещё в Германскую, он считал многих из них «германскими шпионами» и без всяких политесов предлагал царю их вешать — за что и был подвергнут опале по настоянию самой царицы.

Скорее всего произошёл классический случай, описанный нашим стало быть Вильямом Вильгельмом... Ээээ...

Шекспиром:

«Афроамериканец сделал своё дело, афроамериканец должен уйти».

За рычаги созданной Михаилом Бонч-Бруевичем военной машины уселись окончившие три класса сельской школы и ускоренные кавалерийские курсы краскомы, а сам он стал не нужен...

Впрочем, без работы он не остался: в военном деле есть профессии — которые лихим кавалерийским наскоком не возьмёшь. Например, топография и геодезия. По поручению самого Ленина, Бонч-Бруевичем-старший сперва организовал «Высшее геодезическое управление»... Затем он же создал Государственное бюро «Аэрофотосъёмка», которым и руководил долгое время и причём — руководил блестяще, став словами современников — «дедушкой советской аэрофотосъёмки».

В 30-е годы Михаил Дмитриевич дважды арестовывался, но заменить его было некем и, избежав преследований (так же как и его младший брат) он прожил долгую и полагаю — счастливую жизнь, до конца работая в своём детище — в «МИИГАиКе».

***

Младший из братьев — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, тоже практически не известен моим современникам... Ибо советские и постсоветские историки про него упорно молчат, или что-то несвязно мычат — аки глухонемой тургеневский дворник Муму, злонамеренно утопившей боярского Герасима и теперь дающий показания становому в полицейском околотке.

А ведь это была в своё время политическая фигура, сравнимая по значимости с ленинской!

Долго рассказывать, но без него не была бы создана партия большевиков, не случилась бы Великая Социалистическая революция — да и кто такой Ленин, мы бы скорее всего не знали.

В отличии от «основателя первого в мире государства и крестьян» — в основном кабинетного теоретика, Владимир Дмитриевич был человеком дела. До октября 1920-го года

он был Управляющим делами Совнаркома РСФСР: по сути — второй человек в государстве. Это он непосредственно создавал механизм действия Советской власти и обеспечивал его успешное функционирование в первый — самый критический период.

Он национализировал банки, создал личную охрану Ленину, правительственную систему связи и медицинского обслуживания.

Бонч-Бруевич-младший был предтечей Дзержинского в деле создания «ВЧК», вместе с братом буквально «с нуля» строил Красную Армию, управлял внутренней и внешней политикой страны.

В становлении новой идеологии его заслуги безусловны и неоценимы — сравнить их было просто не с кем.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич свергал памятники царям и ставил новые революционные монументы, утверждая Советскую власть на века. Сносил церкви, кошмарил священников и курировал систему научного атеизма в СССР. И при этом являлся с сектантами.

Он редактировал партийные газеты, ведал советской литературой и искусством...

Да всего просто невозможно перечислить!

Образованнейший интеллект — именно такие люди стояли у истоков Великой Октябрьской социалистической революции. Придя к ней исходя из собственных глубоких убеждений, построенных на осмысленном взгляде на мир, историю своей страны и чаяниях на будущее... Он не цепляясь за власть, чем грешило и за что расплатилось абсолютное большинство «ленинских гвардейцев» — ушёл из большой политики, как только понял, что его прежние идеалы не соответствуют суровой реальности.

Говоря проще:

Когда понял, что «что-то пошло не так».

Добровольно побыв какое-то время директором совхоза(!) Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич — был инициатором создания и первым директором Государственного литературного музея, Литературного музея при Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина и руководитель издательства Государственного литературного музея, выпускавшего тематические летописи, сборники «Звенья», каталоги фондов и другие издания. Один из учредителей первого музея Л. Н. Толстого в Ленинграде, участник создания Толстовской выставки в Историческом музее.

После войны и до самого момента своей кончины в 1955-м году — директор Музея истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде.

Так почему же такой неординарный человек не занял в истории достойного места?

Уверен, что по той же причине, что и Кржижановский: он не соответствует критерию истинного ленинского гвардейца — который обязательно должен быть расстрелян Сталиным.

***

Ветеран партии Розалия Самойловна Залкинд, больше известная по партийному псевдониму Землячка, ныне Председатель «Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР» и, видать по сему факту — нелестных эпитетов у историков заслужила не меньше,

чем Лев Мехлис. «Красный демон революции», «самая страшная женщина-палач в истории», «еврейка, садистка, истеричка и нимфоманка» и так далее, в том же духе.

Солженицин так тот вообще обозвал эту женщину — «фурией красного террора»...

Как в народе говорить:

Что с мудака взять!

Рисунок 41. Розалия Самойловна Залкинд, Землячка (1876–1947 г.г.).

На самом деле, в отличие от этого дезертира и лагерного стукача, Розалия Самойловна — сильная личность, настоящий большевик, готовая за свои убеждения идти на костёр.

Первая женщина награждённая советским орденом — это о многом говорит!

Что касаясь приписываемых ей зверств в Крыму и в частности расстрелах «сто тысяч пятьсот миллионов» пленных белых офицеров... Так вся армия Врангеля до разгрома насчитывала всего не более трёхсот тысяч человек, из которых лишь примерно каждый десятый — офицер.

Какая-то часть погибла в боях, порядка двухсот тысяч уплыло на пароходах в Стамбул...

Кого расстреливать? Каких «офицеров», вы про что лопочете?!

Какое «красное от крови море», нах?

Расстреливали скрывающихся в горах бандитов — возможно частично и выходцев из «благородного сословия» — с тех вполне станется и, расстреливала не партийная организация Крыма — возглавляемая Землячкой, а «особые отделы» частей Красной Армии и вездесущие чекисты.

А с другой стороны, что с ними ещё делать надо было — в задницу целовать, что ли?

Где содержать этих — прошедших за время Гражданской «Крым, Рим и медные трубы» отморожков? Кем охранять и главное — чем кормить в то время, когда даже в детдомах был голодный мор ни в чём не повинных детей?

Что же касается присвоенных ей эпитетов...

ТЬфу на них!

Раз историки кого-то демонизируют — вызывая не к холодному рассудку человека, а к его эмоциям — практически к животным инстинктам хавающего пипла, то значит они однозначно пи...здят. Верить им в таких случаях — самое последнее дело...

ТЬфу на них ещё раз!

***

Учась на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, Виктор Николаевич Сорока-Росинский увлёкся экспериментальной психологией, занимался вопросами индивидуальных особенностей памяти и воображения, внимания и возможностями воздействовать на эти особенности. За эти исследования, юноша получил императорскую стипендию и освобождение от платы за обучение.

Рисунок 42. Виктор Николаевич Сорока-Росинский (1882–1960 гг.).

После университета Виктор Николаевич учился психопатологии у академика Бехтерева, работал в Военно-медицинской академии, в психологической лаборатории видного психолога Лазурского — где разрабатывал собственную науку о самовоспитании — «автогогику», которая по его убеждению — должна была занять такое же место в системе знаний о человеке, как и педагогика.

Короче, уже в дореволюционный период Сорока-Росинский заявил о себе как об оригинальном ученом-теоретике и авторитетном педагоге-практике. Главная направленность его творческого поиска — создание новой школы, установление гуманных форм и способов обучения и воспитания детей. Виктор Николаевич выступал постоянным автором ведущих педагогических журналов, где опубликовал циклы статей, посвященных педагогике и психологии детского мировосприятия и детского чтения, проблемам социологии молодежи разных стран. Параллельно с научно-исследовательской и просветительской деятельностью Виктор Николаевич занимался преподаванием истории в гимназиях и занимал должность классного наставника.

Естественно имеющие большие проблемы — как с детской беспризорностью, так и с детской преступностью большевики, не могли пройти мимо такой яркой личности.

В период Гражданской войны, Виктор Николаевич преподавал историю и литературу в училище Путиловского завода, известное своими педагогическими инновациями и представляло собой комплекс учебных заведений: городское отделение, колония для детей-сирот, детский сад, подготовительные курсы, клуб. Здесь впервые были организованы группа продленного дня и питание детей в школе. Так же впервые если не в мире, то в стране — педагогическая работа строилась на проектной основе.

Именно там и появилась первая «ребячья республика», своего рода прообраз будущей «Школы имени Достоевского» для трудно воспитываемых подростков — более известной как «Республика ШКИД».

Последней, Сорока-Росинский управлял более пяти лет, воспитав немало нормальных граждан из потенциальных преступников, но...

Как и в случае с Антоном Семёновичем Макаренко, дорогу новатору перешла тупая баба — никогда не имевшая собственных детей, но возомнившая что знает как воспитывать чужих.

Крупская писала в газете:

«Не в Чухломе какой-нибудь, а в Ленинграде процветает советская бурса, руководимая людьми, работа которых ничего общего с задачами, поставленными советской властью, не имеет... Бурса, хотя бы они и называли себя советскими детдомами, нам не надо».

После этой статьи, Сороку-Росинского освобождают от должности директора «Школы социально-индивидуального воспитания имени Ф.М.Достоевского для трудновоспитуемых».

С 1925-го по 1928-й год несдающийся педагог заведовал «Школой № 39» Центрального района города Ленинграда для особо трудных подростков. Это назначение состоялось лишь потому, что никто больше на нее не соглашался — до того трудно воспитываемым был «контингент», держащий в страхе весь близлежащий район...

Питер, это вообще — столица российского хулиганства!

И здесь Виктор Николаевич справился, принимая на перевоспитание самых трудных детей — от которых даже тюрьма отказывалась.

И тогда в 1928-м году по отношению к Сороке-Росинскому было принято беспрецедентное даже в те непростые времена решение — ему официально запретили работать в общеобразовательных школах.

Советская эпоха времён «Застоя» что-то несла про «запреты на профессии» в ФРГ...

Как писал по примерно такому же поводу Крылов в своей басне «Мартышка и очко»:

«Чем кумушек считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?».

И заметьте: до сталинских репрессий ещё очень далеко!

Всем в данный момент заправляют как раз те, по кому постсоветская «демократическая» общественность — льёт горькие слёзы и распускает липкие сопли.

Запрет был снят лишь в 1936-м году — незадолго до тех самых «репрессий», после чего Виктор Николаевич устроился в одну из обычных ленинградских школ простым преподавателем русского языка и литературы. Впереди этого, воистину — Человека эпохи Возрождения, ждала блокадная дистрофия, депортация жены-немки, нелепая смерть под колёсами трамвая и полное забвение потомков.

«Республику Шкид» и литературно-киношного «Викниксора» — написанного с него же, его же воспитанниками — иногда вспоминают все...

Виктора Николаевича Сороку-Росинского — никогда.

Подытоживая по всем этим шестерым, скажу:

Историю пишут победители!

Вот и написали победившие после смерти Вождя партократы-коррупционеры — эти оборотни с партбилетом в кармане, свою историю — которую и впаривают нам уже на протяжении почти столетия...

А мы с вами хаваем это тухлое дерьмо кишащее опарышами, дАрагие рАссияне, да ещё и нахваливаем!

Стыдно... За наш народ стыдно и больно, а не за этих шестерых — уже мёртвых.

А мёртвые, как известно из летописей — «...бо срама не имуть!».

***

Когда я вошёл в кабинет, как трое уже «посвящённых» — так и все шестеро «неофитов», были уже в сборе и в полной готовности меня слушать. Лишь Сорока-Росинский выглядел не в своей тарелке: изрядно перепугано-растерянным, каким-то помятым и бледно-зелёном на лицо...

Ещё бы!

Он — простой учитель, а стало быть по положению здесь самый низший... А тут столько начальства в том числе и сам(!) Сталин. Да и в самолёте должно быть укачало.

На чём его интересно сюда везли?

Уж не на истребителе ли, для скорости?

Хахаха!

Не без труда узнав некоторых (оно дело — отретушированные фотки в Инете и совсем

другое дело — живые «натуры»), поздоровался с каждым и, ободряющие подмигнув педагогу — мол, «не сцыте, товарич!», усевшись во главе стола жизнерадостно спросил:

— Ну, что могучие старики...? Хм, гкхм... И никогда не стареющие дамы, в количестве одной прекрасной особы... Есть ещё порох в пороховницах?

За всех, ответила вопросом на вопрос Розалия Самойловна, враз разоблачив меня:

— Порох-то есть... Но что-то, товарищ Сталин, Вы на самого себя не похожи. Уж не засланный ли Вы, казачок?

Смотрю на неё:

Ну, какая же она «фурия»?

О чём этот бородатый членосос вообще лопочет?

До боли знакомый по соседкам по подъезду типаж, но главным образом по мультфильму про Шапокляк: сухенькая такая, бойкая, гиперактивная старушенция... Которой до всего есть дело.

Однако, появилась проблема — большая или маленькая, пока не знаю...

О том, что с товарищем Сталиным «что-то не так», догадывались многие — по глазам видел. Но вслух осмелиться высказать свои подозрения — решилась лишь эта... Хм, гкхм...

Фурия.

Вообще-то я планировал начать совсем по-другому, конечно.

Типа, такая вот фигня товарищи: поступил сигнал от потомков — что к нам приближается писец полярный...

Но в данной ситуации, на прямой вопрос — ответ тоже должен быть прямым. Поэтому пришлось с места в карьер импровизировать.

Не менее жизнерадостно чем при первом знакомстве, отвечаю:

— А я, товарищи... Не Сталин! Вернее — Сталин, но не совсем.

Народ опи...зденев конкретно, переглядывается в полном ах...уе, а Мехлис резко:

— А кто Вы, если не Сталин?

— Счас всё объясню, Лев Захарович. Вы только постарайтесь держать себя в руках! А то консенсуса у нас с Вами не получится — о чём возможно, нам с вами обоим придётся горько сожалеть...

Встал, походил и остановившись напротив Кржижановского:

— Вот Вы, Глеб Максимилианович, как человек науки, в телепатию — то есть передачу мыслей на расстояние, верите?

— Ну... Вполне возможно.

— А в передачу мыслей через время? Из будущего в прошлое, например?

Не думая:

— Не может такого быть!

Спокойно, как об чём-то само собой разумеющемся:

— Ну, почему же? Эйнштейн доказал, что если что-то материальное движется со скоростью превышающей световую, то время для него движется вспять... А что может двигаться быстрее света?

Указательный палец вверх и с самым умным видом:

— Только человеческая мысль!

Кржижановский слегка надменно:

— Квантовая теория? Буржуазная наука!

— Про эту «науку» и её «буржуазность», мы с Вами позже поговорим — для этого я Вас сюда и вызвал... А пока слушайте.

Сделав ещё круг возле стола, встаю во главе его и опершись руками — возвышаясь таким образом над всей компанией, бомблю дальше:

— А что такое человеческий разум, как не набор мыслей, который может при определённых условиях перенестись в будущее? И причём не просто перенестись и пропасть бесследно, а вселиться в какое-нибудь материальное и желательно — человеческое тело...

«Театральная пауза» — сам Станиславский бы сгорел от зависти, и:

— ...Так вот, товарищи: я — человек из будущего, попавший в товарища Сталина.

Вижу опешившие лица и выпавшие челюсти, а у имевшего протез Кржижановского — в буквальном смысле.

Всей имеющейся силой воли, сдерживая рвотные позывы, делаю замечание:

— Глеб Максимилианович... Вы бы подобрали со стола «это»... Фу, какая гадость! Некрасиво, да и перед дамой неудобно.

— Шпашибо, Иошиф Вишшарионович.

Зря я это сказал!

Все устали на лежащий на тёмно-синем сукне протез довольно архаичного вида и, всем без исключения изрядно поплохело. А и без того «бледно-зелёному» после перелёта Сорока-Росинскому, сделалось совсем плохо — того и гляди харчи станет метать.

В панике обращаюсь к Поскрёбышеву:

— Александр Николаевич! Срочно проводите Виктора Николаевича в туалет — пока он мне рабочее место не заблевал.

Сороку-Росинского увели, Кржижановский вставляет гуттаперчевую челюсть, братья Бонч-Бруевичи переглядываются, Розалия Самойловна смотрит как на врага народа...

А до Мехлиса видно только дошло:

— Какие «мысли», какая «квантовая теория», какое «будущее»... Что за бред?

Вдруг, враз переменившись в лице он стремительно соскочил и лапая пустую кобуру:

— Вы... Вы... ТЫ(!!!) — двойник товарища Сталина, засланный разведками капиталистических стран! А настоящий товарищ Сталин погиб вместе с товарищами в подземелье!

Вспомнив, что ему даже застрелиться нечем, он попытался прорваться в секретарскую, вопя во все гланды:

— Так вот что это было! Диверсия!

Мехлис напрасно дёргал ручку двери: она была предусмотрительно заперта снаружи по моему приказу — чтоб никто не смог сбежать. Тогда он схватил стул и ломанулся было к окну — с твёрдо на писанным на лице намерением разбить стекло и сигануть со второго этажа...

Но положение спас Косынкин, выхватив табельный «ТТ»:

— Сядьте на место, товарищ Мехлис! Сядьте!!! Иначе я прострелю Вам ноги!

В этот раз он не сплеховал, молодец.

Тот нехотя послушался, но выглядел далеко не лучшим образом — я немало на своём веку покойников перевидал краше его нынешнего и, обеспокоенный Виноградов щупал его за запястье — пытаюсь таким образом найти пульс. Потом сунул ему за щеку какую-то пилюлю.

В общем, моё признание в попаданстве и в этот раз было каким-то скомканным, хотя водку вроде не пил и к артисткам лёгкого поведения ехать не призывал...

И как это у других получается?

Пришёл и, только сказал: «Я из будущего» — как все тебе тут же начинают жоппу шершавыми языками лизать...

Чёрной завистью завидую, блин.

***

Когда обратно привели педагога-новатора, народ (да и я признаться) уже немного успокоился и уже не только с недоумением, страхом или ненавистью посматривал на меня... Но и с изрядным любопытством.

Поинтересовавшись здоровьем Сороки-Росинского и Мехлиса и, получив от последнего сквозь зубы что-то вроде «не дождёшься, вражина», я начал:

— Товарищи! Если бы я был иностранным шпионом, или вообще — врагом Советской власти — разве я бы сделал заявление, что я не Сталин? Наоборот, я бы изо всех сил старался «косить» на него... Сами то подумайте!

Не услышав возражений — по крайней мере вслух, продолжил:

— Давайте работать в таком формате: я расскажу вам про будущее, ответу на интересующие вас вопросы по нему, а потом сделаю каждому из вас предложение — от которого уверен, вы не сможете отказаться.

Спустя какое-то время Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, обращаясь к профессору Виноградову:

— А что говорит в этом случае медицина?

Тот с полным понимаем озабоченности, уверенно отвечает:

— Если Вы про психиатрию, то Иосиф Виссарионович абсолютно здоров и находится в твёрдом уме и ясной памяти. Хотя и перенёс совсем недавно мини-инсульт.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич:

— Товарищи! Давайте, наконец его выслушаем... Может тогда поймём в чём дело.

После этих слов все пятеро уставились на меня, а Розалия Самойловна, с холодной усмешкой:

— Ну, товарищ Сталин или как там тебя... Рассказывай про будущее! Только правду и только правду: я брехню за версту чую.

Не отводя взгляда от её колдовски-чёрных — отнюдь не поблекших с возрастом глаз, отвечаю:

— Всё как есть расскажу, кроме моих настоящих фамилии, имени, отчества и дат ваших смертей, конечно...

Стараясь не смотреть в сторону Мехлиса — который в «моей» истории умер немногим раньше Реципиента, тыкаю большим пальцем себя в грудь:

— Поверьте на слово: очень тяжело жить, считая каждый прожитый день... Гитлеру не пожелаешь!

Землячка перебив:

— А когда ты сам умрешь?

Не люблю таких вопросов, ибо знаю одну историческую байку, в которой вслед за ним — «предсказателю» прилетело топором в лоб и ехидное: «А вот и неправда — ты умер сегодня, прямо сейчас!».

Личное оружие в комнате охраны забрали, но даже мужиков не обыскивали и, тем более — не залазили под юбку единственной даме...

Держась настороже, кивнув на портрет на стене, требую уточнить:

— Я, или товарищ Сталин?

Та смешавшись:

— Эээ... Товарищ Сталин.

На автомате выдаю:

— В «реальной истории» товарищ Сталин скончается пятого марта 1953-го года.

Та, помедлив:

— А ты?

— Второго октября 20...-го года.

Мехлис, скривившись как от зубной боли:

— Бред!

Но на него зашикали оба Бонч-Бруевича разом:

— Пусть расскажет! А там будет понятно — бред это или нет.

Ставлю условие, глядя в упор на Мехлиса:

— Чур, только не перебивать. Выслушайте и потом можете задавать любые интересующие вас вопросы... Договорились?

Любопытство не порок, а присущая всему живому функция организма — способствующая выживанию... Правда не всегда. Очень часто — совсем наоборот, но тем не менее... А высшая форма организма — к коей относится каждый человек, смерть как хочет узнать «что там за горизонтом» — про будущее то есть.

Поэтому тот даже с нетерпением:

— Договорились... Начинайте уже!

Избегая что-либо упоминать про лично свою — бурную событиями и нелицеприятными фактами биографию, я начал вкратце — очень вкратце рассказывать дальнейшую историю, вплоть до момента своего переноса:

— Итак, товарищи: 22 июня, ровно в четыре утра...

***

Уже в первой половине моего рассказа о грядущем, Лев Захарович уронил голову на подставленные ладони... Мне даже показалось, что он плачет и невольно вспомнился Маяковский:

«Если бы

выставить в музее

плачущего большевика,
весь день бы
в музее
торчали ротозеи.
Еще бы — такое не увидишь и в века!».

Сказать по правде и мне пока в диковинку.

Как будто на полжизни постаревшая, Землячка сидела неестественно прямо, неподвижно, плотно сжав губы, остекленевшими глазами глядя в какую-то невидимую точку прямо перед собой... Как окаменевшая Лотта — увидевшая творившееся в родном Содоме и Гоморре безобразия.

Остальные впрочем — немногим лучше, особенно Сорока-Росинский — услышавший число жертв ленинградской Блокады...

Мне их стало жалко: а не перестарался ли я?

Но я всё-таки продолжал и закончил такими словами:

— ...Таким образом, товарищи, две крупнейшие республики бывшего СССР — сцепились с собой в многолетней кровопролитной войне, на потеху всему прогрессивному и не совсем человечеству. У меня всё: чем закончился этот самый большой цирк под открытым небом и куда уехали главные клоуны — я без понятия.

Закончив, я при полном молчании, прямо с горлышка жадно допил остатки воды в графине и, напорочил:

— Уверен не ошибусь, если предугадаю что первым будет вопрос про меня. Точнее, как мой разум оказался в теле товарища Сталина... Так ведь?

Кржижановский, первым придя в себя:

— Конечно, так!

Не став особо мудрить, я бесхитростно ответил:

— Я по этому поводу ничего сказать не могу, ибо сам не знаю. Сидел за компом и вдруг, бац... Я — СТАЛИН!!!

Поскрёбышев подтвердил:

— Я в этот момент находился рядом и могу подтвердить: случившееся было полной неожиданностью для... Для...

Кржижановский подсказал:

— Для человека из будущего.

Кивнув благодарно, Поскрёбышев продолжил:

— Он выглядел растерянным, не понимающим где находится и как сюда попал...

Украдкой бросив на меня взгляд:

— ...Правда, довольно быстро освоился.

Я согласился:

— Было такое дело — не знал что и подумать и, чувствовал себя в Генштабе — как Миклухо-Маклай среди папуасов... Потом смотрю: а они все в синих штанах... Значит, свои.

Тот продолжил:

— Я и погибший совсем недавно товарищ Власик сразу заметили: хоть голос — всё тот же и, даже наличтвует характерный акцент — построение фраз совершенно другое, как и применение отдельных слов и их сочетаний. Ну, а потом он нам признался и привёл

неопровержимые доказательства...

Про тот, что это «признание» было в ресторане и совершенно мной по-пьяни, Александр Николаевич политкоррентно промолчал.

Кржижановский, недоумённо оглядывая всех и задержав пристально-недоверчивый взгляд на мне:

— Невероятно! Я достаточно легко могу поверить в способность человеческого разума путешествовать в пространстве и времени и, вселяться в кого угодно... Но то, что он случайно выбрал именно товарища Сталина — который один на всю планету, а не например — какого-нибудь китайца, коих на нашей планете большинство... Такого не может быть!

Посмотрев на потолок, решив не упоминать ни о каком «туннеле со светом в конце», ибо исключая Косынкина — здесь собрались сугубо одни атеисты-материалисты, я предположил пожав плечами:

— Возможно это был какой-то научный эксперимент, под который я случайно попал... Не знаю, в общем, а врать вам не хочу.

Не знаю чем бы всё это кончилось, ибо «ожившие» Мехлис и Землячка продолжали смотреть на меня откровенно враждебно. Да и оба Бонч-Бруевича поглядывали как-то подозрительно косо... Но положение спас Профессор Виноградов:

— Товарищи! Могу предположить, что какая-то группа учёных-коммунаров из будущего, сделав какое-то великое научное открытие — специально «переслала» нам его, чтоб всё исправить.

Естественно, появился вопрос:

— А почему он сразу не сказал это?

Тот, изрядно потев и промокая носовым платком лоб:

— Возможно из-за мини-инсульта — про который я рассказывал, он частично потерял память.

Вновь все вытаращились на меня, но уже совсем по другому... С надеждой, что ли.

Кржижановский задумчиво протянул:

— На данный момент, это единственная теория, которая хоть как-то, но всё объясняет...

Чуть не испортила всё Землячка, очковой коброй поблёскивая стёклышками очков:

— А может всё наоборот? В будущем была образована Всемирная Республика Советов, построен коммунизм... А группа уцелевших капиталистов на каком-нибудь острове, наняла продажных учёных, чтоб всё переиграть?

Как пишут в романах: «Нависла зловеще-звонящая тишина...».

Чуть приподнявшись, я пристально посмотрел в её глаза — та аж очки сняла:

— Розалия Самойловна! Так Вы стопроцентно уверены, что в данный момент — в СССР строится коммунизм? А не что-нибудь другое?

Все и ахнуть не успели, а Косынкин дёрнулся было — да и застыл в этом положении... Как достав из кармана свой «ТК», сняв с предохранителя, передёрнув затвор, я приставил холодный ствол к виску:

— Скажите мне «да» и, я тут же «уйду» от вас. А вы продолжайте строить — флаг вам в руки и барабан на шею!

Странно, но никакого «биения током» я не почувствовал... Сняли со «строго поводка», что ли? Типа, я уже настолько изменил историю, что могу стреляться, вешаться или топиться — дело сделано?

Непонятно...

Землячка первой отведя глаза, с горечью сказав:

— Увы! Но я стопроцентно уверена, что со строительством коммунизма мы идём куда-то не туда.

Поставив пистолет на предохранитель и спрятав его в карман, я оглядев всех и каждого:

— Товарищи! Что бы помешать строительству коммунизма, мне не надо было собирать вас всех здесь... Мне достаточно было просто ничего не делать, оставив всё как есть.

По ответным взглядам я понял, что переломил ситуацию на свою сторону и, с этой минуты начнётся конструктивный диалог.

— Сразу расставляю все точки над «ё», чтоб после не было непоняток между нами. Не знаю за каким хунтом меня к вам послали, но лично я никакими глобальными целями — типа построения коммунизма, не задаюсь! Ни на всём земном шаре, ни на всего лишь одной шестой части его поверхности. Лично моя цель: оптимизировать потери в будущей войне — снизив их хотя бы на пару миллионов и сделать так, чтоб нашей стране стало лучше жить... Хоть совсем на немного!

Не услышав возражений по «программе-минимум», сев на своё место во главе стола, я:

— Ну а теперь можете задавать вопросы. Только по очереди и на этот раз всего по одному: наговориться мы с вами ещё успеем.

Пока все пятеро «неофитов» переглядывались, профессор Виноградов поделился собственным опытом:

— Товарищи! Я убедился что этот человек говорит правду, задавая вопросы про современные ему медицину, наиболее распространённые болезни и лекарства. В частности, я спросил его: чем он болел в своих — довольно-таки преклонных по нашим меркам годам и чем его лечили мои коллеги из будущего...

Многозначительно помолчав, торжествуя:

— ...Так вот: придумать специально такое нельзя — эти надо самому переболеть! Вы только почитайте фантастические романы: до чего же там всё убого — даже у такого писателя как Жюль Верн... А рассказ это человека — изобилует самыми мельчайшими подробностями, над которыми фантасты обычно не задумываются при написании своих опусов.

После него, первым с изрядной патетикой, меня спросил Мехлис:

— Как вы такое могли допустить?

Я ответил той же монетой:

— А как вы могли такое допустить? Вы — первые начали!

Хотя было похоже на сценку из детства: «Дурак! Сам дурак!», но подействовало — Лев Захарович заткнулся и задумался.

Глеб Максимилианович Кржижановский:

— Извините... Эээ...

— Иосиф Виссарионович, если забыли.

— А что такое «комп», Иосиф Виссарионович?

Я, буквально млея, едва не описавшись лишь при одном упоминании:

— Ооо!!! «Комп» — народно-сокращённое от слова «компьютер», это... Это, товарищи, для моего современника...

— ...ВСЁ!!!

***

Я тараторил не умолкая!

Мой рассказ про компьютеры, ноутбуки, айфоны, смартфоны, планшеты — плавно перетекший в повествование про Интернет, «Википедию», «игрушки», социальные сети, селфи и всё такое прочее — продолжался немногим меньше, наверное — чем про историю человечества с 1941-го по две тысячи ...ой год.

Были и разумеется вопросы, с которыми меня перебивали:

— Сколько-сколько операций в секунду?

— Мой самый обычный, даже уже изрядно устаревший «Intel Pentium 4» мог обрабатывать до четырех миллиардов вычислений в секунду. А инженерные, так называемые — «большие» компьютеры — на порядок, а то и два больше. Сколько именно не знаю — не мой конёк, извините.

— Невероятно...

У Кржижановского, аж очки запотели!

— ...Производительность самого лучшего арифмометра, выпускающегося ленинградским заводом — всего сто пятнадцать вычислений в секунду.

Усмехаюсь:

— Вы бы ещё про деревянные счёты вспомнили, Глеб Максимилианович.

А вот при просьбе рассказать про устройство всех этих «ништяков», я начал буксовать и даже включать заднюю:

— Не знаю! Всё что вспомню — запишу на отдельный листик и предоставлю Вам, а пока извините.

Тот в лютой непонятке:

— Как же так? Пользуетесь, а как устроено — не знаете?

— А вот так! В моё время даже автомобили выпускались с не открывающимися капотами: отъездил пару миллионов «кэмэ» и сдал её в утиль, после чего взял кредит и купил новую.

У того, аж очки на лоб полезли:

— «Пару миллионов километров»? Невероятно!

— Даже понятие такое появилось: «пользователи». Ну, чтоб Вам было понятно — это что-то вроде класса...

После недолгих раздумий:

— ...Да-да, именно социальный класс! Ибо, в Интернете можно хорошо зарабатывать — что и делают или пытаются сделать десятки и сотни миллионов пользователей. И прямо-таки по Марксу, Энгельсу и Ленину, во Всемирной сети тут же возник ещё один — эксплуататорский класс, отнимающий у пользователей часть прибавочной стоимости —

«админы».

После этих слов, все так и оху...

«Ухи поели» и причём — досыта, до отрыжки.

После недолгого молчания, Глеб Максимилианович Кржижановский встал и торжественно заявил:

— Товарищи! Это человек говорит правду: ни в бреду, ни в здравом уме — такое специально придумать нельзя!

Профессор Виноградов торжествующе:

— Ну а я что говорил!

***

Следующим вопрос задал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич:

— Уже не сомневаясь в том, что этот человек в теле Иосифа Виссарионовича Сталина говорит правду, всё же хочу спросить: вот Вы упомянули про «пользователей» и «админов» и сказали что это нечто вроде «классов»...

— Было такое дело и, что?

— Ладно я понимаю: Коммунистическая партия к тому времени, как Вы выражаетесь — «сгнила». Но неужели рабочий класс Советского Союза, взял и просто так отдал свои завоёванные в Октябре права?

— Эээ...

Почесав затылок:

— ...Даже не знаю, что Вам и сказать, уважаемый Владимир Дмитриевич! Было дело и наши «Лихие девяностые» — приезжали разок (или два «разка», не помню точно) в Москву шахтёры и зачем-то стучали об асфальт касками. Им что-то там дали, или только пообещали что-то дать и они уехали... Всё!

Помолчав добавил:

— А впрочем, ответ Вы и сами знаете — просто боитесь себе в этом признаться: эксплуатируемые классы не имеют собственной политической воли. Чтоб угнетённые массы восстали, нужна какая-то «руководящая и направляющая сила»: новый, более прогрессивный эксплуататорский класс — говоря своими словами. Или же, какая-то группа единомышленников, иными словами — «партия». А иначе — никак нельзя: так уж мы — человеки, устроены!

Тот, ерошась — как воробей перед зачётной дракой:

— Вы разбираетесь в марксизме?

Искренне удивляюсь:

— Кто, я?! С чего бы это вдруг? Просто я много читал, а стало быть — много знаю и, немножко умею думать. Так что никаких дискуссий, увольте Владимир Дмитриевич!

Бонч-Бруевич-младший успокоившись:

— А как дело обстоит с классами и классовой борьбой в будущем? Мировой пролетариат, разве не борется за свои права?

«Рассказать ему про гей-парады — борющиеся за права секс-меньшинств и про демонстрации экологов — против выбросов «це-о-два», что ли? Пожалуй, не стоит — надо пожалеть психику».

Отвечаю:

— Такой «пролетариат», про какой Маркс говорил что ему «кроме цепей терять нечего» — давно исчез, если он конечно был когда-то. Исчез и классический капиталист — пузатый, в цилиндре и с толстой сигарой в зубах.

— Что же вместо них?

Я ненадолго задумался, затем:

— Вообще-то, никогда не парился на этот счёт... Но как-то чисто от безделья довелось читать одну книжку[2] — с очень оригинальным взглядом на тему классов и взаимоотношений между ними. Мне она показалась небезынтересной и наиболее достоверно рассказывающей об устройстве классового общества и время от времени происходящих с ним метаморфозах. Хотите буквально в двух словах, перескажу самую суть той — пост-марксистской теории?

Если заинтересуетесь, я смогу надиктовать ему или машинистке буквально слово в слово...

Тот, поёрзав на стуле:

— Извольте. Очень интересно было бы послушать.

— Так вот, классический капитализм канул в своё историческое небытие и сменился социализмом, когда вместо небольших мастерских и мануфактур с ручным трудом — появились огромные заводы и фабрики, начинённые всё более сложными и сложными станками и механизмами. Трудиться на них стали уже не прежние босяки-люмпены — застенчиво называемые «пролетариатом» или «рабочим классом», а специалисты — умеющие работать со сложными машинами...

— Так, так, так... Пока всё верно — кроме «смены социализмом», продолжайте.

— ...Капиталисты-частники по большей части разорились, а вместо них образовались акционерные общества — считай те же кооперативы, во главе которых стоят советы акционеров — которые на общем собрании избирают директора или управляющего.

— Если Вы этим Америку открыли, то спешу Вас разочаровать: всё это нам уже известно.

Не обращая внимания:

— Вот возьмём к примеру классический случай: американская автомобилестроительная компания «Ford Motor» была создана в 1903 году, когда группа инвесторов поверила уже ставшему известным инженеру-самоучке Генри Форду и вручила ему двадцать три тысячи долларов...

Оглядев всех:

— Все известны достижения этого великого организатора на своём поприще, да? Тогда я этот момент пропущу... Так вот не смотря ни на какие — воистину грандиозные успехи в автомобилестроении, Форд не был волен в своих делах — по каждому поводу спрашивая разрешения у держателей акций. Например, когда он решил взяться за производство тракторов миноритарные акционеры ему запретили и он должен был сперва организовать подставную фирму, а после первых успехов — привлечь других инвесторов и создать знаменитую компанию «Henry Ford and Son», известную по тракторам «Fordson»...

После недолгого молчания:

— И вот я спрашиваю: с какого бока это похоже на классический капитализм, товарищи марксисты и им сочувствующие?

Не дождавшись ответа:

— В принципе, это уже не важно!

Палец вверх, и:

— ...Важно то, что этот момент вы — марксисты, проспали! И называете «империализмом — как высшей стадией развития капитализма»...

— ...СОЦИАЛИЗМ!!!

Бонч-Бруевич-младший, аж с места взвился:

— БРЕД!!!

Спокойно, с ледяным хладнокровием:

— Я уже несколько раз за нашу встречу слышу это слово. Но каждый раз в конце-концов, вы со мной соглашаетесь.

Однако, жгу дальше:

— Второй момент вы проспали тогда, когда Рузвельт в разгар «Великой депрессии» объявил об социальных реформах — согласно которым государство берёт на себя опеку над самыми незащищёнными слоями населения...

Палец вверх:

— ...Всё! С этого момента, товарищи марксисты, мировую социалистическую революцию можете не ждать: она уже свершилась и причём — без вас.

Мой оппонент встал столбом, пока его старший брат — Михаил Дмитриевич, не одёрнул его за рукав. Усевшись обратно, тот растерянно:

— Так что же получается... Все развитые страны мира строят социализм?

Пожав плечами:

— Получается, что строят. Только стесняются называть вещи своими именами. По крайней мере многие советские люди, во времена «Застоя» побывавшие положим где-нибудь в Швеции, так и говорили: настоящий социализм. Даже вроде бы сам Хрущёв, так якобы разок в сердцах высказался... В чём впрочем не уверен.

Бонч-Бруевич-младший растерянно оглядываясь по сторонам:

— А мы?

Кивнув:

— Мы тоже строим социализм...

Хотел как можно более нейтральным голосом, но получилось несколько стэбно:

— ...Но как это обычно у нас принято — идём при этом своим собственным, неповторимым путём. Менталитет, так сказать... А менталитет — это судьба!

Мой визави поникнув и даже как-то съёжившись в размерах, склонил голову и еле слышно:

— Я этому человеку верю: он действительно из будущего...

***

Бонч-Бруевич-старший — Михаил Дмитриевич, хлопнул ладонь об стол и по-генеральски прямолинейно:

— Товарищи! Хватит больше проверок. Кем бы он на самом деле не был, но товарищ Сталин созвал нас не просто так — лясы поточить, а для какого-то дела... Так давайте же наконец, к нему приступим!

Я согласно кивнув:

— Конечно. Для каждого из вас, товарищи, у меня есть предложение — от которого уверен, никто из вас не сможет отказаться... С кого начнём?

Бонч-Бруевич-младший — Владимир Дмитриевич вдруг «ожив»:

— Давайте уж начнём с меня — уж очень мне любопытно, могу «сгореть»? Так что Вы мне хотите предложить, Иосиф Виссарионович?

Прямо глядя ему в глаза, чеканю каждое слово:

— Вы должны возратить Коммунистическую партию в то состояние — в котором она пребывала до Октября 1917-го года. То есть: организация теоретиков, духовных сподвижников, пропагандистов и агитаторов — а не карьерным трамплином, коей она с каждым годом всё более и более становится.

Смотрит поверх очков:

— Для чего?

— А вернитесь к началу нашего разговора: чтоб в случае чего — было кому возглавить народ, в случае если «верхи» — поведут его куда-то не туда. Так, что? Берётесь?

— Подумать надо... Не над тем — надо ли, а над тем — как это сделать.

Откидываясь назад в кресле, с облегчением выдыхаю:

— Один раз вам с Владимиром Ильичом уже удалось это сделать — не сомневаюсь, что получится и в этот раз.

Далее, «гружу»:

— Кроме этого, партия должна быть «мозговым центром» советского общества, определяющим векторы его экономического, духовного и культурного развития. Ну и самособой — его совестью, выявляющей все пороки и прежде всего — в самой себе.

Помолчав, Бонч-Бруевич безапелляционно заявляет:

— Нужно возродить в партии дискуссии, ибо истина рождается только в спорах и никак иначе.

Положив руку на сердце, горячо:

— Так в чём же дело? Главное, чтоб диспуты не выродились в словоблудие, как у средневековых схоластов — спорящих сколько бесов может разместиться на кончике елды... Пардон, Розалия Самойловна, хотел сказать «на кончике иглы».

Та понимающе усмехается, а Владимир Дмитриевич смотрит мне в глаза и режет правду-матку:

— Дискуссии обязательно приведут к фракционности в партии.

Невозмутимо отвечаю:

— Не вижу ничего плохого, если в Партии появятся фракции: «у них» — многопартийность, у нас — много фракционность в единственной правящей партии... Иначе снова сгниём!

— С одним уточнением, конечно: в двадцатые годы они являлись инструментом личной борьбы за власть, а в будущем — они должны быть инструментом поиска направления развития социализма...

Посмотрев на лепной потолок, добавляю:

— ...Ну например, в ВКП(б) будет фракция ратующих за большее развитие кооперативного движения и противостоящая ей фракция — анус рвущая за государственную промышленность. Кроме того, могут быть фракции «изоляционистов» и «интервенционалистов» на международной арене, сторонников «сухого закона» и свободной

продажи лёгких наркотиков и так далее...

Тот, с ироничной усмешкой процитировал фразу из комедии Грибоедова «Горе от ума»:

— По принципу «Шумим, братцы, шумим»?

— А почему бы и нет? Всяко лучше нынешнего болота, где только лягушки квакают...

Так, что Владимир Дмитриевич? Каков будет ваш ответ?

Махает рукой:

— А была не была... Берусь!

— Ну вот и отличненько!

Потирая азартно ладони, перевожу взгляд на Народного Комиссара государственного контроля:

— А мы с товарищем Мехлисом, по мере возможностей будем Вам помогать: я — добрым советом человека из будущего, он — словом и делом. Правда, Лев Захарович?

Тот поднял на меня глаза, в которых был немой вопрос... Но ничего не сказал.

— Вот думаю при Совнаркоме СССР создать «Совинформбюро» — «Советское информационное бюро» и, предлагаю Вам его возглавить. Вам будут подчиняться все редакции газет, журналов, все пейсатели и вся журналистская братва. Не говоря уже про радиовещание и синематограф... А я Вам подскажу парочку суперсовременных для этого времени полит-технологий: если с умом подойти — горы можно свернуть!

В «реальной истории», такой пропагандистский орган был создан только, когда жареный петух в жоппу клюнул — 24 июня 1941-го года.

Почему именно он, а не положим Щербаков — возглавивший его «в реале»?

Насколько мне известно из «послезнания», в добавок к уже описанным достоинствам, Мехлис прекрасно владел самыми различными приемами пропаганды — характерными для его времени. Говорил всегда с пафосом, но, надо отдать ему должное — он всегда искренне верил в то, о чем говорил... А это — главное условие, чтоб люди поверили даже в самое невероятное.

Так что если он согласится, у меня будет собственный доктор Геббельс...

Eh bien pourquoi pas?

Благодаря этому колченогому, немцы до самого последнего момента верили в то, что победят.

Мехлис молчит, словно в рот набрал, тогда я повышаю ставки:

— Сразу предупреждаю: лёгкой жизни я Вам не обещаю, Лев Захарович! Трудностей у Вас будет — просто невпроворот, особенно во время войны.

Слушает внимательно, но молча и с хорошо заметным недоверием в глазах — как голодная, но умная мышь на сыр в мышеловке.

Вот ты как, да?

Счас я тебя...

— Пропагандисты Третьего Рейха, чтоб разобщить народы СССР — будут бить по их национальному самосознанию и прежде всего — поднимать пресловутый еврейский вопрос. В частности, убеждая в своих листовках бойцов Красной Армии в том, что воюют они не против русского народа — а против еврейского засилья в руководстве страны. Что мол пока русские гибнут в окопах, евреи жируют в тылу — объедая их семьи...

Увы, но в «реальной истории» у Александра Семёновича Щербакова ума хватило только

на то, чтобы заставить евреев — редакторов и репортёров газет, сменить фамилии на русские. Хотя, он человек конечно — хороший, руководитель — умелый и авторитетный...

Но вот пропагандист — никакой.

— ...И Вы знаете, хотя своего они не добились, но после войны — когда домой из окопов вернулись солдаты, в СССР был всплеск антисемитизма. В результате многие граждане еврейского происхождения, почувствовал себя чужими — стали стремиться любой ценой свалить из страны, где из века в век скачут на одних и тех же граблях. Был нанесён огромный политический и экономический ущерб государству — ведь уезжали далеко не худшие специалисты и просто люди.

Не купившись на лесть, с непонятым выражением на меня глядя, Мехлис:

— А сами то Вы какой национальности? Я имею в виду — там, в своём будущем.

Пожав плечами:

— По языку я, как и Вы — русский. По крови же...

Я реально завис, затем в потолок глядучи начал перечислять свои гены:

— ...Моя бабушка по матери, иногда обзывала моего дедушку по матери «мордвином».

По последней теще же, я — саратовский немец, а мой сын женился на татарке — хотя и не чистокровной, а с примесью...

Перебивает меня:

— А как Вы лично(!) относитесь к национальному, в частности — к еврейскому вопросу?

Мотаю головой, как лошадь отгоняющая мошек:

— Я к нему никак не отношусь, но мои любимые русские поэты — Пушкин и Высоцкий. У первого как известно прадед — «арап Петра Великого», у второго дед — еврей из Брест-Литовска.

Морщит вспоминая лоб:

— «Высоцкий», говорите...? Не помню такого поэта.

Улыбаюсь снисходительно:

— Он Вас тоже не помнит, Лев Захарович! Потому что ему в данный момент... Ээээ... Два-три годика всего, не больше.

Мехлис задумался было, но вдруг вкрадчиво:

— А расскажите-ка нам один из его стихов.

Даже доли секунды не раздумывая:

— А вот это — всегда пожалуйста!

Встаю и прокашлявшись, объявляю:

— Владимир Высоцкий: «Песня о погибшем друге». Посвящается погибшим на войне лётчикам... Вообще всем погибшим на той войне.

Декламирую сокращённый вариант, стараясь с выражением, как в школе:

— «Я за пазухой не жил,

Не пил с Господом чая,

Я ни в тыл не просился,

Ни судьбе под подол,

Но мне женщины молча

Намекали, встречая:

Если б ты там навеки остался —
Может, мой бы обратно пришёл!

Для меня не загадка
Их печальный вопрос,
Мне ведь тоже несладко,
Что у них не сбылось.
Мне ответ подвернулся:
«Извините, что цел!
Я случайно вернулся,
Вернулся, вернулся, вернулся,
Ну а ваш — не сумел».

Он кричал напоследок,
В самолёте сгорая:
«Ты живи! Ты дотянешь!» —
Доносилось сквозь гул.
Мы летали под Богом
Возле самого рая,
Он поднялся чуть выше и сел там,
Ну а я — до земли дотянул.

Встретил лётчика сухо
Райский аэродром.
Он садился на брюхо,
Но не ползал на нём.
Он уснул — не проснулся,
Он запел — не допел.
Так что я вот вернулся,
Вернулся, вернулся, вернулся,
Ну а он — не сумел...

Я кругом и навечно
Виноват перед теми,
С кем сегодня встречаться
Я почёл бы за честь.
Но хотя мы живыми
До конца долетели —
Жжёт нас память и мучает совесть,
У кого, у кого она есть».

Вижу потрясённые до самой глубины лица — равнодушных не было и, слегка поклонившись говорю:
— Спасибо за внимание, товарищи.
И сел.

Через пару минут, Мехлис подскакивает как в оппу ужаленный и прижав ладонь к груди, чуть ли не со слезами на глазах:

— Иосиф Виссарионович! Товарищ Сталин! Извините что сразу не поверил Вам...

Добродушно усмехнувшись в усы, киваю на портрет на стене:

— Настоящий Вождь и Учитель говорил в таких случаях: «Здоровое недоверие — самая хорошая основа для сотрудничества». От себя же: извинять не буду — отработаете словом и делом, Лев Захарович.

Тот, едва ли божась на красный угол:

— Клянусь, что не подведу и всемерно оправдаю ваше доверие!

Слегка поморщившись от его невольной патетики:

— Если бы я в этом сомневался, мы бы с Вами здесь сейчас не разговаривали... Однако следующий, товарищи!

***

Перевожу взгляд на Бонч-Бруевича-старшего:

— Михаил Дмитриевич!

Смотрит умными глазами сквозь стёкла очков:

— Внимательно слушаю Вас... Товарищ Верховный Главнокомандующий.

— Догадываетесь, да?

Тот, несколько уклончиво:

— Скажем так: делаю некоторые предположения.

— Ходить вокруг и около не буду: предлагаю Вам звание маршал Советского Союза, орден Ленина и должность моего заместителя на должности Верховного Главнокомандующего Вооружённых Сил Союза Светских Социалистических Республик.

Все без исключения присутствующие охнули, а у генерала — расширяются и слегка вылезают из орбит глаза, как у омара — присутствующего при соитии синего кита и плоской камчатской камбалы...

Поковырявшись мизинцем в ухе, переспрашивает:

— Какого-какого «заместителя»?

— Единственного! Кроме Вас, других заместителей у меня не будет: только подчинённые.

Бонч-Бруевич-старший в полной растерянности:

— Должность заместителя Верховного? Да кто я такой? Меня то в армии уже давно никто не знает...

Кивнув на внимательно слушающего наш разговор Мехлиса:

— Это дело поправимое: скоро в советских газетах начнут печатать правду, только правду и ничего кроме правды. И весь советский народ узнает — кто на самом деле был создателем Рабоче-Крестьянской Армии. И это был не Троцкий, не Ворошилов и даже не сам товарищ Сталин... А Вы — Михаил Дмитриевич!

Перевожу взгляд на его брата:

— И кстати про Вас, Владимир Дмитриевич, советскому народу тоже надо рассказать правду. Что Вы после Октября семнадцатого года и вплоть до окончания Гражданской войны — были вторым человеком в государстве после Ленина, а товарищ Сталин — всего

лишь Наркомом по делам национальностей.

Оглядев всех:

— Товарищи! Нельзя основывать историю нашей страны на лжи — даже из самых благих побуждений. Ибо, всё равно она где-то — да прорвётся и уколёт нас же самих у сраку... И будет очень больно, поверьте!

Помолчав, уставился на усатый портрет на стене, и:

— А у товарища Сталина своих достижений хватает и, надеюсь — самые выдающиеся из них ещё впереди...

Слегка, кивком поклонившись всей честной компании, уточняю:

— ...С вашей помощью, конечно, без неё мне — никак.

Спустя минуту или две, без пяти минут маршал Советского Союза, осторожно спрашивает:

— И каковы будут мои предполагаемые обязанности и полномочия?

— Обязанность у Вас будет одна: разбить врага и желательно — не под Москвой и на Волге, а как можно западней.

Неужели кто-то подумал, что я сам лично буду командовать фронтами и театрами боевых действий? Я бы рад конечно... Но вот чего не умею — того не умею.

Однако, продолжаю:

— Насчёт же полномочий... Я Вам предоставлю любые полномочия, чтоб Вы могли как можно эффективнее выполнять вашу единственную обязанность — защищать наше с вами Отечество.

Вижу, тот отойти никак не может и добавляю «плюшек»:

— Приходилось мне читать, Михаил Дмитриевич, что Вы писали царю: «Пока не перевешаем некоторых генералов — немцев нам не победить!»...

Вижу, у того открывается рот, и:

— ...Так вот: даю вам полный карт-бланш: вешайте кого хотите и сколько хотите — хоть всех до одного генералов перевешайте, если это потребует для победы.

Того аж холодная испарина пробилла, но утершись платком и взяв себя в руки:

— Позвольте, Иосиф Виссарионович... Было совсем не так! Ко мне в штаб Северо-Западного фронта приезжали генералы свиты от императрицы Александры Фёдоровны и требовали показать карты готовящихся операций... Позже же, эти операции проваливались! Вот я и предположил, что кто-то из этих царедворцев (не генералов!) был германским шпионом. Но чтобы предлагать царю вешать генералов — такого не было: врут ваши историки!

Несколько в душе разочарован:

«Хм... А я то думал ему понравится».

— Историки всегда врут... Но я вижу дело не в этом. Корпоративная солидарность? Или, мараться об это дерьмо не хотите? Хорошо! Я дам Вам двух сатрапов и они будут за Вас бить генеральские морды, расстреливать и возможно даже вешать.

Вдруг осеняет:

«Стоп. Я ничего не забыл?».

Едва не хлопнув себя по лбу:

«Сёмка! Так я же не дал распоряжение Тимошенко и Жукова из кутузки на Лубянке

освободить!»).

Посмотрев на часы:

«Сейчас уже поздно, пусть ещё ночь перекантуются — злее будут. Завтра утром позвоню и сразу назначу обоим, так сказать — «аудиенцию»».

Улыбаясь, Бонч-Бруевич-старший:

— Ну коли «сатрапов» мне дадите, тогда я согласен!

Я тоже улыбаюсь:

— Не по-уставному отвечаете, товарищ маршал Советского Союза!

Тот по-молодецки соскочив и вытянувшись в струнку, с видом «лихим и слегка придурковатым», как рявкнет:

— Служу Советскому Союзу!

Любуясь этим бодрым, боевым стариканом:

— Надеюсь не подведёте, Михаил Дмитриевич и, благодарные потомки будут называть Вас «Маршалом Победы»...

Вслед за этим, подняв палец в потолок и слегка сочувственно:

— ...Только перед этим, Вам придётся наступить на горло собственной песТне, товарищ маршал Советского Союза.

Недоумеваает:

— Как это понимать, Иосиф Виссарионович?

— В прямом смысле этого слова.

Со всей строгостью на него глядя:

— Как Вы относитесь к генералу Драгомирову и его учению?

***

Военная доктрина России (основной принцип тактики), сформировалась во второй половине XIX века и, её дух — последовательно властвовал в армиях Российской империи, РСФСР и Советского Союза. Утверждать не буду, но вполне возможно («жив ещё курилка!») и в Вооружённых Силах Российской Федерации моего времени... Судя по их последним «успехам» — очень даже вполне возможно.

Разработана сия доктрина была в «Николаевской академии Генерального штаба» — которой долгое время руководил генерал-адъютант Драгомиров М.И., следовательно — этот известный военный теоретик и является её автором.

Смысл российской военной доктрины, изложенной в многочисленных трудах Михаила Ивановича — превалирование человеческого духа над вооружением. По его словам:

«...Усовершенствованное вооружение, хороший план, знание войсками техники дела значат, конечно, очень много, но значат не более, как нули, когда левее их стоит единица: они увеличивают количественное, но не качественное значение её; сами же по себе ничего не значат. Эта единица в военном деле, как во всём и всегда, человек...».

В принципе нет возражений, что главное для победы в бою — это моральный дух войск, знание каждого солдата — за что ему придётся идти в бой и, возможно — получить в нём тяжкое увечье или даже смерть. Но почему-то из этого утверждения делался вывод, что неважно чем вооружены войска: если они храбры и решительны, то с любым оружием — «труднее, с большими потерями, но всё же» победят противника.

Бессовестно эксплуатируя выдернутое из контекста известное суворовское изречение: «Пуля — дура, штык — молодец!», Драгомиров ловко формирует её в следующий постулат

своей доктрины: главным оружием боя является штык, а пули — это дело десятое.

По его мнению, без штыка — бой вообще невозможен!

«Слизывая» этот откровенный бред с Драгомирова, довоенный «Боевой устав пехоты РККА» гласил:

«Конечная боевая задача пехоты в наступательном бою — разбить противника в рукопашной схватке».

Именно так и, никак иначе!

Отчего на мой взгляд и, были такие огромные потери в живой силе в Отечественной Войне: ведь даже уже в её второй половине, рядового бойца больше учили колоть чучело соломенного фашиста, утверждая при этом:

«Немец штыка боится!».

Не стесняясь, Драгомиров вслух и в печатном виде считал солдата «священной скотинкой» — обязанной сдохнуть за «Веру, Царя и Отечество» и наши синештантные стратеги туда же.

С этим надо немедленно кончать!

И я это сделаю — с Бонч-Бруевичем-старшим или без него...

Но обязательно сделаю!

***

На мой прямой вопрос, Михаил Дмитриевич ответил так же — прямо и, причём — не без гордости:

— Почитаю за честь считать себя учеником Михаила Ивановича!

Случай оказывается очень тяжёлый и довольно-таки — запущенный...

Встав, молча походив по кабинету, останавливаюсь перед ним, и:

— Когда Драгомиров ваял свою «нетленку», пулемёты были редкостной диковинкой — которую долго ещё не могли куда определить куда засунуть — в пехоту или артиллерию. Последняя же била прямой наводкой и на дальность — не намного превышающую дальность стрельбы из «Бердан».

Ещё круг вокруг стола:

— Уже в начале Мировой войны всё резко и неотвратимо изменилось: пулемётов стало так много, а стреляющая из-за горизонта артиллерия — обрела такое могущество, что в штыковом бою участвовали лишь случайно недостреленные солдаты.

— Тогдашний царский генералитет этого не понял, он изо всех сил цеплялся за устаревшую как экскременты птеродактиля военную доктрину Драгомирова. В результате — кадровая армия была истреблена, а призванные из запаса многодетные мужички — не пожелали быть «священной скотинкой», и...

Посмотрев на протокольные рожи присутствующих старых и не очень большевиков и не стал продолжать тему...

Не дурак чай — сам поймёт.

Продолжаю:

— В начале предстоящей нам войны, которую по справедливости назовут Великой Отечественной, была примерно такая же история. В соответствии «с учением» кадровую армию истребили в Приграничном сражении, а призванные взамен из запаса — были до того необученные и неумелые, что их не было иной возможности применять — кроме как толпой бросать под пулемёты.

Бонч-Бруевич, удивлённо:

— Но мы же победили!

— Победили, да... Но какой ценой? И какие были последствия... Не Победы — она священна! Этой «цены» — за неё заплаченной... Погибли лучшие — которые не отсиживались в тылу с липовой справкой. Погибло первое поколение образованных советских людей — поколение энтузиастов, которое не смогло оставить после себя точно такое же потомство.

— Напротив же: крысы избежавшие фронта — размножились и породили полчища крысёнышей, сожравших страну изнутри.

Сделав ещё круг, вновь останавливаюсь напротив Бонч-Бруевича-старшего:

— Но главное даже не это. Времена с петровских времён изменились: бабы «ещё рожать[3]» новых солдат отказываются... Население сокращается — мы уже не третьи в мире — после Китая и Индии... А как бы не двадцатые.

Наклонившись над ним, глаза в глаза:

— Мы вымираем, Михаил Дмитриевич... Понимаете? МЫ ВЫМИРАЕМ!!!

***

После нескольких минут тишины, во время которых я успел усесться на своё место во главе стола, мой собеседник озадаченно:

— Так что же делать? Войн без потерь не бывает, а иначе мы воевать не умеем...

Затем, с тщательно скрываемой, но хорошо заметной ехидцей:

— ...Может подскажете, как воевать по-новому, Иосиф Виссарионович?

В ответ сам спрашиваю:

— Михаил Дмитриевич! Вы генерала Плеве помните?

То удивлённо:

— Павла Адамовича фон Плеве? Заведующего 5-й армии? Конечно, помню: в декабре шестнадцатого он сменил Рузкого на Серном фронте, где я был начальником штаба... Хороший генерал был, жаль что рано умер... Эээ... В шестнадцатом году. А почему Вы про него спрашиваете, Иосиф Виссарионович?

— Потому что он создал новую тактику пехоты: штурмовые группы. В них отбирали по лучшим солдат, вооружали карабинами, револьверами гранатами, кинжалами, топорами, ножницами для резки колючей проволоки и придавали штабу полка.

Закатив глаза к потолку, тот кивнул:

— Вспоминаю о чём-то подобном...

— Суть в чём? Действуя впереди боевых порядков, бойцы штурмовых групп вслед за огненным валом артиллерии незаметно просачиваются в глубь обороны противника, подавляют огневые точки и способствуют общему успеху. Вслед за Россией, такая тактика пехоты появилась и, у её противников и союзников...

Разведя руками:

— ...Но по окончанию Первой мировой войны, всё было всеми забыто. Всеми — кроме Германии. И её успехи в новой, Второй мировой войне — обязаны штурмовой пехоте, посаженной на автомобили и ставшей от этого мобильной. Танки же, авиация и артиллерия — лишь создают для бойцов штурмовых групп более благоприятные условия.

После небольшой паузы:

— Всё понятно, товарищ маршал Советского Союза?

— Так точно!

— Тогда слушайте мой устный приказ...

Безапелляционно требую:

— ...Вы должны официально отречься от этого учения, принародно сжечь труды своего учителя и создать другую — новую военную доктрину, отвечающую современным требованиям войны. Иначе — грош нам с вами будет цена, товарищ маршал Советского Союза.

Тот, вздохнув и как с отвесной скалы в море бросаясь:

— Раз Отечеству надо — я готов создать новую военную доктрину Красной Армии, товарищ Верховный Главнокомандующий!

Конечно, тактика штурмовых групп — это лишь первые азы современного общевойскового боя. Ещё требуется наладить взаимодействие, что невозможно без связи...И так далее и тому подобное.

Навряд ли хоть десятую часть того что хотелось бы, мы с Бонч-Бруевичем успеем сделать до 22-го июня...

Но когда-то же начинать надо?

Так лучше поздно, чем...

Мехлис с отчётливо прорывающими прежними истерическими нотками, перебил мои мысли:

— Иосиф Виссарионович! Так Вы разве, вообще отрицаете боевой дух красноармейца и командира?

— Ни в коем разе! Но всё в этом мире взаимосвязано — учите диалектику, Лев Захарович. Если красноармеец вооружён лучше противника, если он сыт, здоров и уверен что командиры — зря его на убой не пошлют... Его боевой дух так поднимется, что мама не горюй!

***

Минуту спустя, когда страсти чуть улеглись, Мехлис вполголоса:

— Неужели с нашими генералами так плохо, Иосиф Виссарионович?

Положа руку на сердце:

— Лев Захарович, дорогой... Да когда война начнётся, Вы лично — захотите шкуру с них живьём сдирать вместе с синими штанами, не токмо вешать.

Встрявшая в диалог Землячка, достаточно обольстительно для её почтенных лет улыбаясь:

— Тогда догадываюсь, для чего Вам понадобилась я.

Оторвав задницу, слегка приподнявшись и учтиво поклонившись единственной в нашей «сильной компании» даме:

— Совершенно верно, Розалия Самойловна! Хочу предложить Вам воссоздать и возглавить институт военных комиссаров в Красной Армии, замененный в августе прошлого года введением заместителей командиров по политической части...

С горьким сожалением разведя руками:

— ...Оказалось что это преждевременно: наши красные командиры без «няньки» воевать никак не могут! Не все конечно, далеко не все... Но очень многие из них, после

первых же неудачах в первой войны, пали духом и вели себя недостойно и крайне безобразно: попав в окружение — без боя распускали целые армии и даже фронты, бросали своих подчинённых и сбегали в тыл, срывали знаки различия, переодевались в гражданское и без сопротивления сдавались в плен фашистам... Даже когда наша армия стала побеждать и, то — были замечены массовые безобразные явления: пьянство, хищения государственного имущества, мародёрство трофейного барахла, манипуляция наградами среди «своих» и кумовство при повышении в званиях...

В «послезнании» вдруг всплыл рассказ ветерана ВОВ:

«Не женское дело война. К ним, во-первых, приставали все чиновники. А меняли как? Приехал командующий фронтом в армию, о, машинистка красавица! Он сразу адъютанту приказ, ее переводят туда. Вот так передавали из рук в руки. Это нехорошо конечно было... [4]».

— ...Даже принуждение к сожительству женщин-военнослужащих!

У той по-крокодильи лязгнули вставные железные челюсти:

— Вот, даже как?

— Увы! Последнее явление было настолько массовым, что даже появился термин «ППЖ» — походно-полевые жёны.

Розалия Самойловна Залкинд по прозвищу «Землячка», скрипнув от лютой ненависти зубами:

— Я согласна возглавить Военно-политическое управление РККА, Иосиф Виссарионович.

А сам помолодела — лет так на ...дцать враз, глаза так и горят!

Со злорадством думаю:

«Ну держись теперь, оборотень в синих штанах!».

***

«Так, так, так... Кто у нас там ещё остался?».

Кржижановский, уже давно изнывал он жгучего любопытства, но моё предложение...

Его просто убило!

— Глеб Максимилианович, а Вам я предлагаю помочь мне ликвидировать Академию наук СССР.

Когда не без помощи профессора Виноградова того откачали, я как ни в чём не бывало продолжил:

— А действительно: для чего нужна эта богадельня, ответьте? На данный момент в составе АН СССР имеется восемь тематических отделений — физико-математическое, химическое, геолого-географическое, биологическое, по техническим наукам, истории и философии, экономике и праву, литературе и языку... Плюс республиканские филиалы, позднее преобразованные в республиканские академии наук. Всего за этой конторой числятся две научно-исследовательские базы (Кольская им. С. М. Кирова и Северная) и одна горно-таежную станцию (Дальневосточная им. В. Л. Комарова), 47 институтов, 76 лабораторий, советов, станций, обсерваторий, баз и других научных учреждений — в которых трудятся более 4700 научных и научно-технических сотрудников, в том числе 123 академика и 182 члена-корреспондента...

«Целая армия лесорубов, одним словом — которой очень не хватает в местах добычи

целлюлозы».

Палец вверх:

— А где «выхлоп», то? Где отдача, я Вас спрашиваю, Глеб Максимилианович? Если технологию реактивных двигателей мы купили после войны у англичан, атомные секреты — стырили у американцев, а первые ракеты нам помогали делать пленные фашисты...?

Помолчав, продолжил:

— ...Лучший в мире автомат — вовсе не доцент технических наук сконструировал после защиты диссертации на учёном совете — а сержант-танкист, окончивший всего лишь сельскую школу. Самую мощную взрывчатку — не профессор химии изобрел, а простой инженер-химик[5]. Конструкцию водородной бомбы — не академик из физико-математического отделения АН СССР предложил — а младший сержант войск связи[6].

В тишине кабинета, раздался крик моей души:

— Так скажите на милость, Глеб Максимилианович: на хрена они нам такие красивые сдались?

Тот недоумённо:

— Вы же сами говорили про успехи советской науки?

Встав, походив вокруг стола, я остановился под портретом Реципиента:

— Конечно, СССР первым создал атомную станцию, первым запустил спутник, первым вывел человека в космос... Наша страна была лидером в теоретической физике и математике, океанографии, магнитогидродинамике, химическом катализе... В эпоху «Застоя» (в 1960-х — 1970-х годах) советские ученые первенствовали в термоядерном синтезе...

Обернувшись к народу:

— А что толку то!

И снова помянул Владимира Семёновича, без которого любому уважающему себя попаданцу, просто никак:

«— Товарищи ученые! Доценты с кандидатами!

Замучились вы с иксами, запутались в нулях!

Сидите, разлагаете молекулы на атомы,

Забыв, что разлагается картофель на полях».

— В ту же «Эпоху застоя» — пшеницу СССР закупал в Канаде (позорище то какое!), а советский народ бегал в поисках западных шмоток и электроники, ибо отечественные промышленные товары по всем показателям — полный отстой. Виновата в этом советская наука? Конечно! Ибо занималась вещами, которые советская промышленность не могла реализовать на практике.

— Почему так? Да потому что надо честно признать, что как и любая бюрократическая структура — советская наука стремиться стать «вещью в себе»: ничего не делая полезного — очень хорошо и беззаботно жить. В результате получилась какая-то закрытая — живущая по своим законам и только ради себя тусовка... «Сферический конь в кубе», одним словом!

— Вот возьмём к примеру систему защиты диссертаций: защитился начинающий учёный по молодости и теперь может всю оставшуюся жизнь ничего не делать, получая оклад хорошего токаря. К концу «Эпохи застоя» же, советские учёные дошли до полного бесстыдства и маразма — переписывая друг у друга, или воруя работы из западных журналов...

Помолчав, со всей силой убеждения:

— Контролировать этот процесс невозможно, ибо учёные — люди как правило умные и всегда найдут отговорку, отмазку, откорячку — почему от их работы нет практической отдачи. Напустят тумана и останутся белыми и пушистыми, а вы же — прослывёте среди потомков их гонителями, сатрапами от науки и мракобесами. Поэтому этот «гордиев узел», надо безжалостно рубить!

Усевшись на место:

— Если есть вопросы по существу — задавайте, Глеб Максимилианович. Только учтите: если откажитесь мне помочь — я ликвидирую Академию наук (как и Академию искусств, кстати) сам... И причём — в самой жёсткой форме!

Показывая на портрет на стене:

— Я вам не Сталин и, мне глубоко фиолетово — что там о нём будут говорить историки, писать пейсатели и судачить хавающий пипл... Хай они все об свой зомбящик убьются!

Кржижановский сняв очки, протерев их и вновь водрузив на переносицу:

— Предположим, я согласился с Вами, Иосиф Виссарионович... И что же Вы предлагаете вместо Академии наук? Ведь хотя бы технические науки надо развивать — хотя бы в целях той же самой обороноспособности.

Ответ у меня был уже готов давно — я его хорошо обдумал ещё «там», когда ваял очередную нетленку в Самиздате:

— Всё достаточно элементарно, Глеб Максимилианович: при каждом наркомате будет свои образовательные ВУЗы — для выращивания инженерно-технических кадров и хотя бы один научно-исследовательский институт (НИИ), в котором сотрудников будут продвигать вверх не в соответствии с толщиной диссертаций — а по количеству внедрённых в производство технологий и величине экономической отдачи от них.

В большинстве развитых стран мира, со второй половины XX века — «НИИ» стали основной формой организации коллективной научной деятельности. В СССР они тоже были созданы и, возможно даже — мы были «впереди планеты всей», но имелись и свои нюансы...

Во-первых, они были в основном в военно-промышленном комплексе — отчего нас «до тех пор» ещё не завоевали, как каких-то папуасов.

А во-вторых, подчинялись НИИ всё той же Академии наук — кабинетные теоретики которой, бдительно следили — чтоб технари-практики не позволяли себе ничего лишнего.

Посмотрев предварительно на потолок, я продолжил:

— Например: Химическое отделение АН СССР образует НИИ в Наркомате химической промышленности... После оптимизации и удаления лишнего «балласта», конечно. Геолого-географическое — НИИ вновь созданного Наркомата природных ресурсов и недропользования, биологическое — НИИ Наркомата сельского хозяйства... Ну и так далее.

Кржижановский, явно заинтересовавшись:

— А что Вы думаете насчёт гуманитарных отделений?

Пожав плечами:

— Да без проблем! Отделение языков и литературы можно подчинить какому-нибудь

литературному объединению — тому же «Союзу писателей СССР», отделение экономики — Госплану, отделение права — Наркомату юстиции...

Переведя взгляд на Мехлиса и подмигнув ему:

— А философов и историков переподчинить Совинформбюро и, пусть Лев Захарович сам решает — кого из этой кофлы тунеядцев оставить, а кого — посадить на «философский пароход» и дать прощального пинка под задницу.

Помолчали, затем я:

— Не берусь утверждать об идеальности такой системы — тёмные пятна даже на Солнце есть, но она хотя бы будет экономически эффективной.

Кржижановский, не совсем уверенно:

— Согласен, в прикладных науках это даст осязаемый результат... Но нужно развивать и теорию, то есть — фундаментальные науки.

Удивляюсь:

— Для чего? Проще и дешевле будет выписывать западные научные журналы, переводить их и рассылать по НИИ.

«В реале» что-то такое пытались сделать: был создан «Институт научно-технической информации», главной целью которого было реферирование научных статей, изданных за границей. Вслед за ним было основано издательство «Мир», публиковавшее переводы зарубежных научных книг.

— Если же темы будут закрывать — как в случае ядерной программы США, то на этот случай у нас существует разведка: библейский осёл гружённый золотом — открывает не только ворота крепостей — но и двери любых лабораторий...

Если политическая и военная разведка СССР — всего лишь «предупреждала», то научно-техническая — работала и приносила Родине огромные дивиденды. Например в предвоенные годы, разведка НКВД смогла получить 18 000 страниц технической документации, 487 комплектов чертежей и 54 образца новой технологии «в металле».

— ...И стоить это будет не в пример дешевле, чем эту кормить эту орду — хорошо умеющую лишь в конъюнктурных целях стучать друг на друга, раздувая политические компании на всю страну.

Именно этим и ничем другим, были все эти шумно-показушные процессы кибернетиков, генетиков и прочих «вейсманитов-морганистов».

В отраслевом же НИИ же, учёные будут не поднимая бровей — до убитого глаза, трудиться над решением практических задач... И меньше всего их будет интересовать, какой наукой — буржуазной или марксистской, они при этом пользуются.

Ведь наркомат будет спрашивать за «езду», а не за «шашечки»!

Кржижановский:

— А как же международный авторитет страны?

Махнув рукой:

— Какой «авторитет», о чём Вы? Таблицу Менделеева, на Западе называют просто «Периодической таблицей» и даже не подозревают, что её придумал русский учёный. И так во всём! Если мне не верите, съездите в Америку и поговорите на эту тему с Ипатьевым.

После довольно продолжительного молчания, Кржижановский:

— Если после того, как мы с Вами натворим такое — не будет мощного прорыва... Мне

придётся застрелиться! До какого года я доживу, говорите?

Внутренне ликуя:

— Палец на ноге на отруб даю — Вам стреляться не придётся! А доживёте Вы до такого года — в коем воочию увидите этот прорыв советской прикладной науки и сможете его по достоинству оценить!

Тяжело вздохнув:

— Очень надеюсь, что так оно и будет, Иосиф Виссарионович. А что Вы мне можете предложить после ликвидации Академии наук СССР? Починать на лаврах?

Кивнув — давая понять что вопрос понят правильно:

— «Починать на лаврах»? Не дождётесь!

Я соскочил и забежал вдоль стола, остановившись в конце концов напротив «отца» ГОЭЛРО:

— Работы у Вас будет не просто много... А очень много!

Начинаю загибать пальцы:

— Первым делом нам с вами нужно создать «Научно-технический комитет при Совете Народных Комиссаров СССР» — «НТК СНК СССР».

— В нём жизненно необходим Научно-Координирующий центр, для обмена информацией между отраслевыми НИИ... Ибо, даже уже сейчас из-за излишней секретности — многие работы проводятся параллельно, отчего целые коллективы учёных не имеют понятия о достижениях и неудачах коллег работающих в других научных коллективах. Далее же эта проблема будет всё больше и больше усугубляться, из-за чего примерно три четверти всех советских учёных — будет попросту даром есть свой хлеб и потреблять ресурсы, «работая на унитаза».

— Нужна специально созданная Научно-техническая разведка — чтоб не пролюбить появление у наших «заклятых друзей» чего-нибудь новенького.

— С ними должен работать Научно-аналитический центр, который изучая информацию будет определять приоритетные направления в развитии советской прикладной науки...

Кивнув на портрет Реципиента на стене:

— ...Сейчас то, ладно — я подскажу! Однако ж — «часики» тикают и мы с товарищем Сталиным не вечны.

Вижу после моих последних слов, в глазах Кржижановского факелом разгорается неугасимое пламя сердца горьковского Данко, готового идти и вести народ через самые дремучие дебри:

— А какие направления, Вы считаете приоритетными сейчас, Иосиф Виссарионович?

Приходится вновь загибать пальцы:

— Перевод энергетики и химической промышленности на природный газ — это даст небывалый рост промышленности, производительности труда и повышения уровня благосостояния населения.

— Радары — радиолокационные станции сантиметрового диапазона, способные устанавливаться на кораблях и даже самолётах.

— Турбо-компрессорные реактивные авиационные двигатели.

— Прообразы так поразивших Вас компьютеров — электронно-вычислительные машины (ЭВМ), пусть на первое время и релейные. Главное — создать свою школу конструкторов, программистов и... Пользователей!

Бонч-Бруевич-младший подал голос:

— «Админы» сами появятся...

Соглашаюсь:

— Всё согласно учению, Владимир Дмитриевич!

После того, как народ проржался, продолжил:

— Необходимо со всей энергией взяться за твёрдотельные электронные приборы — полупроводниковые транзисторы иначе, которые сделают наши радиостанции, радары и компьютеры — надёжными и компактными.

— Наконец научно-исследовательский ядерный реактор, способный нарабатывать плутоний — хотя бы для «грязной бомбы».

Про себя злорадно:

«Чтоб арийцы рождались с писюками в виде свастики... То-то Адику радости будет!».

Хотел уж было закончить, но внутренний голос:

«А чем вечно голодный народ кормить, прогрессор-затейник недоделанный?».

«Ах, ну да! Так, так, так... Чё сам-то на этот счёт подскажешь?».

Молчит, проклятый...

— Увы, но из сельскохозяйственных технологий могу предложить лишь хранение зерна в среде азота — позволяющий снизить потери от вредителей процентов на сорок.

Кржижановский, утешительно:

— Сорок процентов сохранённого для народа зерна — это просто грандиозно-гигантский прорыв в сельском хозяйстве, по сравнению даже с тем — что нам обещает академик Лысенко и весь его ВАСХНИЛ.

— Надеюсь, что так...

Перебрав «послезнание» и, ничего такого — что уже не знают хроноаборигены, или что требует десятилетий времени и вложения огромных средств, не нашёл.

Ладно, на этом пока всё:

— Всё это уже существует в опытных или малосерийных экземплярах в западных странах, или вот-вот будет создано. Как мне доподлинно известно, есть кое-какие наработки и у нас: например — двигатель Люльки и вот-вот открытое Саратовское газовое месторождение[7]. Так что реализовать в СССР эти прорывные технологии в течение двух-трёх лет все же — не является какой-то особо непреодолимой задачей.

Заканчивая, напоследок:

— Всё, что на эти темы вспомню — запишу в отдельные тетрадки и предоставлю Вам. Хотя немного, да поможет.

Кржижановский, улыбаясь:

— Хорошо, Иосиф Виссарионович! Считайте, что я не смог отказаться от вашего предложения.

— Рад это слышать, Глеб Максимилианович!

Однако это ещё не всё, надо дать последнюю вводную:

— Но предупреждаю: первым делом Вам придётся принять «буржуазную» квантовую теорию с её теорией относительности и хорошенько дать «по ушам» всяким там «механистам[8]» и всем тем, кто разделяет науку на «буржуазную» и «марксистско-

ленинскую»...

Уму не постижимо, но когда в СССР уже была создана атомная бомба, 21 марта 1949-го года, на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами физики университетов и вузов, планировалось покончить с преподаванием советским студентам квантовой физики и теории относительности Эйнштейна — как противоречащей принципам диалектического материализма изложенным в гениальном произведении Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Дебилы, блять!

— ...Иначе у Вас ничего не получится, уверяю Вас. Особенно с полупроводниками и ядерным реактором.

***

Ну... Остался последний — педагог-новатор Сорока-Росинский.

Устремляю на него свой тигриный взор, и:

— Виктор Николаевич!

Глаза у того забегали по сторонам, как у человека в панике ищущего куда-спрятаться.

— А что так скромно сидите, если Вы у нас — самый главный?

Семь пар любопытных глаз уставились на «самого главного» и места тому было мало...

Думая что ослышался, он робко ткнув себя пальцев в грудь, несмело переспросил:

— Кто? Я?!

На полном серьёзе подтверждаю:

— Вы, вы! Ну не я же.

Оглядев всех, вновь смотрю на него, как на мессию — явившуюся спасти мир:

— Все наши труды пойдут прахом, если мы не передадим эстафету в надёжные руки наших потомков.

Встал и неторопливо прогуливаясь вокруг стола:

— У наших руководителей, в значительной степени — людей «от станка», «из шахты» или «от плуга» — имеются дети и, возможно у кого-то — уже есть внуки. И вот здесь то, товарищи, обнаружилась проблема — об которой промолчали Маркс с Энгельсом и, даже Ленин не подозревал об ней...

Подняв вверх указательный палец, заостряя внимание:

— ...Вырастут эти детишки, встанут взрослыми и куда их? Обрато «к станку» или «к плугу» — откуда произошли родители? Так туда их не загонишь: высокопоставленные «предки», так или иначе — куда-нибудь да пристроят.

— Таким образом, товарищи, у нас с вами подрастает своя «золотая молодёжь[9]»!

Розалия Землячка, довольно резко:

— Иосиф Виссарионович! Мне кажется, Вы сильно утрируете. Как у самого товарища Сталина — сын лётчик, так же и у других руководящих товарищей. А у погибшего Анастаса Ивановича Микояна, сын — авиаконструктор, а ещё двое сыновей — лётчики.

Вздыхаю тяжко:

— Я бы рад «утрировать», уважаемая Розалия Самойловна... О чём разговор: многие дети — вполне достойны своих отцов...

Подумав-подумав и не найдя больше аналогов:

— ...Дюма-отец и Дюма-сын, к примеру.

Тяжело вздохнув, «какаю» бочкой дёгтя:

— ...Но вот уже младшие сыновья этого чадолюбивого товарища — Серго и Ваню, во время войны играли в Гестапо — отчего погибла молодая девушка, их сверстница.

Вижу изумлённые лица и «какаю» ещё раз:

— Да, да! Пока их сверстники — стоя на ящиках у станков, падая в голодные обмороки от недоедания — точили снаряды для фронта, для нашей Победы... Юные Микояны, Шахурины, Уманские, Бакулёвы, Хмельницкие и даже родственник товарища Сталина — Леонид Алилуев, строили в элитной 175-й московской школе на Тверской улице — Третий Рейх[10]...

«Кстати, надо будет непременно эту семейку — Микоянов, безжалостно загнобить: уж больно плодовиты оказались — а это далеко не айс... Как и стереть с лица «одной шестой Земли» семейный клан Кагановичей — все берега попутавший».

У Землячки от моих слов — чуть ли не искры из глаз, Мехлис поочерёдно краснея-бледнея — вновь лапал то место, где у него когда-то — до появления в этом кабинете, был пистолет.

— ...И ничего им за это не было — высокопоставленные родители отмазали.

Не спеша сделав ещё круг вокруг стола — пусть в себя придут, продолжил:

— Если такое происходило при живом товарище Сталин, товарищи, то легко можно себе представить — что стало твориться после того, как он покинул этот говённый мир.

Вкратце рассказал...

***

Дети партийной элиты и творческой интеллигенции, высокопоставленных сотрудников государственных служб, милиции и КГБ, прославленных ученых, знаменитых личностей в спорте и культуре — вовсе не стремились быть лётчиками, моряками или упаси Боже — космонавтами, как Юрий Гагарин... Их стиль — джинсы и кроссовки, цветастые пиджаки и яркие галстуки, стильные украшения и портативная западная бытовая электротехника. В народе их прозвали «стилягами» или «мажорами», сами же они предпочитали самоназвание «штатники» — за любовь к идеологическому врагу, за которую их деды и отцы — отправляли людей в лагерь или напрямик к расстрельной стенке.

Посторонние попасть в эту тусовку фактически не имели шансов: ведь «фирму» нельзя было просто так взять и купить в магазине — их нужно было «достать». Сделать это можно было только в том случае, если имелись не только деньги — но и связи, знакомства...

«Блат», одним словом.

Представители золотой молодежи «расслаблялись» с шиком — в ресторанах при гостиницах для иностранцев. Даже имея много денег, попасть в такие было нереально. Не так уж редки были и закрытые тусовки на папиных (номенклатурных) квартирах или загородных дачах, скорее напоминающие особняки западных богачей.

Простой народ мечтал о южном берегу Крыма или в лучшем случае о Золотых песках «братской» Болгарии... А «золотые» мальчики и девочки же — отдыхали в Югославии, зачастую в Италии, а то и в самих «Штатах» даже. Возвращались оттуда они с новым «винилом», шмотками и с ещё большим презрением к «совку».

Девиз отечественного автопрома:

«Автомобиль не роскошь — а средство передвижения»!

И против то, ничего не скажешь...

Но если простому труженику светил перед выходом на пенсию ушастый «Запорожец» или в лучшем случае «Москвич» — напоминающий набор «Сделай сам», то сынки и дочки коммунистической элиты — с юных лет катались на «Волгах» и, чем ближе к «Перестройке» — тем всё чаще и чаще пересаживаясь на иномарки.

Боролись ли с этим явлением в СССР?

Боролись!

Как и с бюрократизмом, пьянством и прочими антисоциальными явлениями.

Но и как в вышеперечисленных случаях — агитация, разъяснительная работа и другие общественные методы воздействия — должных результатов не давали...

А на более жёсткие меры не решались: свои же «кровинушки», как-никак.

***

Усевшись вновь на своё место во главе стола, я:

— Самый главный вред этого явления в том, что устраиваемые по благу на руководящие посты мажоры (над которыми природа чаша всего «отдыхает») — перекрывают так называемый «социальный лифт» выходцам из низов, даже имеющих определённые способности. От чего те уходят в оппозицию, костеря на чём свет стоит Советскую Власть и Коммунистическую партию и вредя всеми им доступными средствами.

— «Кадры решают всё!», а меж тем от поколения к поколению, товарищи — управленческие кадры становились всё хуже и хуже....

Мой принцип: «Критикуешь — предлагай», поэтому сперва спросив:

— Так что же делать, товарищи?

Сам же отвечаю:

— В мировой истории такое явление было известно и боролись с ним по-разному. В древней Византии, например, чиновников воспитывали из насильственно кастрированных мальчиков — не могущих давать потомство и поэтому полностью отдающих себя служению государству, а не мыслями — куда пристроить подросток чадо, а то и нескольких. В ещё более древнем Китае — взрослый кандидат в чиновники, должен был добровольно подать прошение об кастрации и пройти этот... Хм, гкхм... Обряд посвящения.

Народ заметно оживился и, неправильно меня поняв — был уже готов проголосовать «за»...

Но я хлопнув ладонью об стол, их несказанно разочаровал:

Рисунок 43. Ударим гандоном по мажору и стилиге!

— Но это не наш метод, товарищи! Взамен любых видов кастрации, я предлагаю законодательно — через Верховный Совет СССР, то есть — установить целый комплекс мер.

Перечисляю:

— Первое: перед поступлением на любую должность — даже дворника в правительственном учреждении, молодой человек должен обязательно отслужить в армии.

— Второе: при карьерном росте должно учитываться семейное положение и число произведённого на свет потомства... Предпочтение отдаётся имеющим наименьшее число последних и не обременённым узами брака.

— Третье: полностью перевести завод по выпуску противогазов на производство «изделий № 2»[11] и, бесплатно и по потребности раздавать их госслужащим... Я сказал что-то смешное, Розалия Самойловна?

— Да нет, ничего... Продолжайте, Иосиф Виссарионович... Хихихи!

Ударив по столу кулаком — аж графин подпрыгнул и жалобно зазвенев упал на бок, рывкаю:

— Каучука не жалеть!

Не обращая внимания на веселье в кабинете, продолжаю:

— Но как вы понимаете, товарищи, всё это лишь полумеры. Не знаю как вам, а мне больше по душе опыт воспитания отпрысков аристократии в Великобритании. Нынешний её продукт: Уильям Черчилль — не так уж и плох, а как бы даже не наоборот — если забыть его нетрудовое происхождение и то, что он премьер-министр буржуазного государства, конечно...

***

Далеко в исторические дебри залазить не буду, но среди европейцев англичане первыми озаботились вопросом централизованной подготовки элиты. В отличие от «классической» германской системы образования — легшей в основу русской, а затем и советской школы воспитания — английская система воспитания элиты не задавалась задачей вбить в детские головы обширные знания, а воспитывала целеустремленность и характер у молодого человека. Джентльмен может не знать кто такой Шекспир, или удивляться тому что Земля круглая и крутится вокруг Солнца... Но он должен уметь «прогнать под себя» — что животное, что человека. И в первую очередь — слабохарактерного «знайку».

Методы, которыми из безответственного шалопаю — коим являются практически любой нормальный ребёнок, «ковали» джентльмена — были просты и гениальны одновременно.

Школы закрытого типа, где оторванные от семьи воспитанники жили при бытовой неприхотливости, жестко-суровой дисциплине — вплоть до порки розгами за непослушание, коллективные виды спорта — вырабатывающие командный дух и вбиваемые в самую «подкорку» джентельменские принципы, типа:

Джентльмен правдив, но без необходимости правду говорить не станет.

Джентльмен всецело доверяет другому джентльмену и сам вызывает доверие у другого джентльмена.

Джентльмен преодолевает трудности, презирает опасность, сопротивляться давлению — и это даже не проявление мужества, а лишь признак хорошего воспитания.

Джентльмен неукоснительно выполняет взятые на себя обязательства, всегда готовность прийти на помощь другому джентльмену.

Джентльмен действует в обстановке соперничества, для него особенно важны общепринятые «правила честной игры». Они, как известно, запрещают пользоваться слабостью противника, бить по заведомо уязвимым местам.

Джентльмен считает ниже своего достоинства удить рыбу на закате солнца и стрелять в сидящую птицу — слишком уж это легкая добыча, недостойная джентльмена.

Джентльмен очень любит собак...

Эффективность такой системы воспитания доказала сама история. Жители сравнительно небольшого и не особо богатого природными ресурсами острова, последовательно уничтожили всех возможных конкурентов в Европе и создали самую великую в истории человечества империю — «над которой никогда не заходило Солнце».

Нацистская Германия, переняла британскую систему воспитания — полностью убрав из нее моральные и религиозные нормы.

Будучи убежденным англофилом, Гитлер считал англичан вершиной белой расы (с поправкой, что немцы — способны и обязательно превзойдут их) и говорил так:

«У кого в руках молодежь, у того в руках и будущее. Я начинаю с молодежи. Мы, те, кто стар, — отработанный материал. Мы прогнили до мозга костей. Но моя замечательная молодежь! Есть ли где-нибудь в мире еще столь прекрасная молодежь? Взгляните на этих юношей и подростков! Какой материал! С ними я смогу создать новый мир! Мое обучение будет суровым. Мы выйдем из них слабость. Необычайно активная, властная, жестокая молодежь — вот что я оставлю после себя. Молодежь должна быть равнодушна к боли. В ней не должно быть слабости и жалости. Я снова хочу увидеть в их глазах отблеск гордости и независимости хищного зверя. Я не стану проводить интеллектуальную подготовку. Знание — это крах для моей молодежи. Я хочу, чтобы они обучались только тому, что дает им их воображение. Но одной вещи они должны научиться — самообладанию. Они научатся преодолевать страх смерти благодаря суровым испытаниям».

Третьему Рейху история отвела слишком мало времени и большинство учащихся и выпускников эсэсовских школ, погибло под бомбами союзников и гусеницами русских танков... Но даже то, что мы знаем про этих малолетних «белокурых бестиях» — вызывает дрожь! Если бы наши предки дали бы им время — они бы такое показали в планетарном масштабе, что мало бы не показалось никому.

***

Я долго рассказывал с жгучим интересом внимающей аудитории про методы воспитания в Итонах, Кембриджах да Оксфордах — приплетая сюда школы для сопливых SS-манов, пока не поймал на себе насмешливый взгляд Сороки-Росинского...

Смотрю — передо мной совсем другой человек!

— Что-то хотели сказать, Виктор Николаевич?

Тот, с улыбкой уверенного в себе человека, твёрдо:

— Иосиф Виссарионович... Кого Вы учите экстремальной педагогике? Меня?! Я из лиговской шпаны[12] — людей делал, а уж с вашими «мажорами»... Как-нибудь да справлюсь, не беспокойтесь!

Не могу нарадоваться:

— Вот, как? Тогда забирайте любой правительственный санаторий на берегах озера Селигер — что на Валдае, набирайте первый «контингент» и вперёд — в добрый путь!

Позже, когда такая школа будет не одна — а целая сеть школ, закрепим на законодательном уровне обязанность совслужащих, включая и тех — что с приставкой «военно», отдавать своих детей на воспитание государству.

После короткой дискуссии договорились о правиле: сын(дочь) за отца(да мать) не

отвечает и, о праве поступления в этот закрытое учебное заведение — детей героев Советского Союза, а также павших при исполнении своего долга.

Установили, что «контингент» будет в возрасте 10–12 лет — более взрослых уже поздно перевоспитывать, а набираться он будет добровольно-принудительно. Тех папаш и мамаш кто откажется отдать своё чадо — ждёт сталинская опала и назначение в Тмутаракань, где воспитание их чад будет происходить под бдительным наблюдением северных оленей, белых медведей и полярных пестцов. Согласившихся же — сталинская «любовь и ласка» и повышение в должности при первой же открывшейся вакансии.

Обращаясь к Поскрёбышеву:

— Александр Николаевич, голубчик! Будьте так любезны предоставить нам с Виктором Николаевичем списочек наркомов, генералов и прочих ответственных работников, имеющих юнцов и юниц соответствующих годков.

Оглядев всех:

— А может у кого-то из присутствующих таковые имеются?

Поскрёбышев, слегка взгрустнув:

— У меня две дочери от первого брака, но обе ещё малолетки.

Мехлис:

— К сожалению, мой Леонид уже слишком староват для такой школы — 22-го года, курсант военного училища.

Виноградов:

— Я вообще уже дедушка! У двух моих сыновей, у которых уже у самих дети.

Братья Бонд-Бруевичи сказали примерно то же самое.

Косынкин только развел руками:

— Не женит ещё, Иосиф Виссарионович.

А Розалия Землячка лишь грустно усмехнулась...

Ну, вроде на сегодня всё...

Посмотрев на часы, озабоченно:

— Разбегаемся, товарищи! Отъедаемся, отсыпаемся и после Внеочередного Съезда Верховного Совета — официально вступаем в должности и немедленно приступаем к работе. Спокойной всем ночи!

[1] Популярный в те времена коктейль из спирта и кокаина.

[2] Эли Эшер «Людены, или Великая Октябрьская Социалистическая Контрреволюция».

[3] Наверяд ли крылатая фраза «бабы ещё нарожают» принадлежит Жукову — хотя с того и станется. Однако, в ВОВ в среде военачальников РККА ходила другая — не менее крылатая: «Война всё спишет».

[4] Драбкин Артём «Самоходчики».

[5] Евгений Григорьевич Ледин, совместно с В. П. Богдановым в 1939–1940 годах разработал новый состав взрывчатого вещества, отличавшегося повышенной мощностью.

[6] Олег Александрович Лаврентьев, предложивший в 1950-м году конструкцию литиево-водородной бомбы, которую потом доработал академик Сахаров.

[7] В 1937–1940 гг. Нижневолжским геологоразведочным трестом были начаты работы

по бурению разведочных скважин на территории Саратовской области. Первым их результатом стала заложенная в апреле 1941 года скважина № 1 Елшанской площади, из которой был получен газовый фонтан. Затем, уже в годы войны, отсюда был проложен первый в СССР газопровод Саратов-Москва, который стал снабжать газом столицу и многие московские предприятия.

[8] «Механици́зм» — метод познания и миропонимание, рассматривающие мир как механизм. В более широком смысле механицизм есть метод сведения всех сложных и непонятных явлений к элементарной механике.

[9] «Золотая молодёжь» — образное название молодых людей, принадлежащих к высшему классу, имеющих богатых и влиятельных родителей и чья жизнь характеризуется роскошью.

[11] «Изделием № 1» в СССР называли противогаз, «№ 2» — презерватив, «№ 3» — ластик, а «№ 4» — галоши.

[12] «Лиговская шпана» — группировка ленинградских хулиганов, гремевшая в 1920-е годы на всю страну.

Глава 12. Есть другая партия! Другое правительство, другая страна...

Премьер министр РФ В.Черномырдин:

«Какую бы общественную организацию мы ни создавали — получается КПСС».

Лебедев-Кумач «Песня о Родине»:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...».

Двадцать четвёртого января траур закончился и первым делом, я собрал с утра уцелевших депутатов XIX съезда, чтоб завершить начатое: снятие меня с должности Генерального секретаря ВКП(б). Ну и коль такая оказия случилась, решил заодно провести кой-какие изменения в устройстве единственной правящей в стране партии ...

Другой возможности может и не подвернуться, ведь верно?

Москва. Кремль. Большой кремлёвский дворец. Уже до свербящей попа-боли знакомый Большой зал Большого кремлёвского дворца, извиняюсь за невольную тавтологию.

На возвышении за длинным столом с графинами, единственный уцелевший из членов Политбюро ЦК ВКП(б) — Щербаков Александр Сергеевич и также единственный выживший из кандидатов в члены Политбюро — Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич...

Мда... Других уж нет и те далече!

А также новый, совещательный орган партии — Президиум при ЦК ВКП(б), состоящий из так называемых «сталинских выдвигенцев». Всего двадцать пять человек: наркомы, успешные директора крупных промышленных предприятий, генеральные конструкторы...

Сам Грабин здесь!

Военноначальники — маршал Кулик и генерал Конев... Блин, кого-то нам не хватает...

Ах, да!

Забыл приказать Тимашенко и Жукова из застенков НКВД выпустить.

Ладно, пусть пока ещё посидят: как закончу со съездом — обязательно позвоню насчёт них Меркулову.

...Выдающиеся инженеры и учёные — вроде Лысенко, один полярный лётчик — Громов, когда-то лично знавший Челюскина — если я что-то не напутал, конечно.

И даже сам(!) Стаханов!

Герои Советского Союза и наконец, конечно же — в составе Президиума при ЦК ВКП(б), был и ваш покорный слуга — Иосиф Виссарионович Сталин, то бишь...

Ибо эту лавочку без присмотра оставлять нельзя!

В общем, люди — имеющие несомненные заслуги перед страной, народом и коммунистической партией. В соответствии с одобренной в прошлый раз поправкой в

«Устав ВКП(б)», выбираются они на партийных съездах из членов Центрального Комитета сроком на два года.

Ниже, в секретариате — Заведующий «Особым сектором ЦК» Поскрёбышев Александр Николаевич со своими секретарями. Среди последних, я бы отметил новичка: молодого, но дюже способного Владимира Никифоровича Малина — который в «реальной истории», заменит его на этой должности после опалы. Буквально вчера он был секретарём ЦК КП(б) Белоруссии, но я его у Пономаренко отныкал и уже успел незаметно — но технично «вербануть»...

Ему то зачем?

Я ж для него новое назначение готовлю... А мне лишние «уши» в секретариате партии не помешают.

Ну и совсем «на уровне плинтуса» — уцелевшие депутаты погибшего съезда. Их оказалось на удивление много: целых сто шестьдесят три человека — примерно каждый десятый, то есть. Это как в результате катастрофы авиалайнера, после которой списочный список жертв — никогда не совпадает с подсчётом «по головам» на месте происшествия. Всегда оказывается, что кто-то опоздал на рейс, кто-то в самый последний момент передумал лететь и так далее...

Впрочем большинство выживших, запаниковав при объявлении учебной воздушной тревоги — бросились ломиться со всех ног куда глаза глядят и, тупо заблудились в лабиринтах Большого кремлёвского дворца — не попав таким образом в подполье.

Двадцать шесть человек из них — первые секретари обкомов Украины, которых спас Хрущёв — нарушив таким образом наше с ним «джентельменское» соглашение об двух душах с каждой стороны.

Вот сволочь!

И после своей смерти умудрился мне подосрать.

К счастью все они с Западной Украины и, чуть позже я приму закон — по которому партийные организаторы должны оставаться на территории занятой врагом и вести там подпольную работу против захватчиков...

Помните: «Подпольный обком действует»?

Вот и флаг им в руки!

Я в любом случае не проигрываю:

Не останутся — расстреляю.

Останутся — это сделают за меня фашисты, или местные бандеровцы.

Одно из двух, короче.

Ну а если уж совсем повезёт и умудрятся выжить даже в подполье — после войны повещу за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами и их прихвостнями...

Но ни одного хрущёвца я в живых не оставлю!

Ничего личного: это политика.

Перестройку партии я уже начал. На вопросы «с мест» — кого «сверху» рекомендуют на замену погибшим первым секретарям, «Особый сектор» отписывался:

— Шары надо пошире открывать и в «Устав Всесоюзной Коммунистической Партии (в скобках — «большевиков»)» — почаще заглядывать, товарищи!

А там написано, что эта должность — выборная.

— Вот и выбирайте кого хотите, а нас своими заморочками не грузите.

Осталось кое-что доделать и освободить место Генерального секретаря — чтоб перевод стрелок истории, стал необратимым.

Ну и выше всех за трибуной — ваш покорный слуга, он же — Иосиф Виссарионович Сталин. Важный весь такой из себя такой — с жёстко щетинившимися усами, нервно дёргающимся лицом, по-тигриному жёлтыми — злыми глазами...

В общем, как ему и положено: тиран — тираном.

Зеркало б напротив поставить — сам бы усрався со страху!

Стоя, почтив память погибших товарищей минутой молчания, смотрю вниз и несколько насмешливо, с нехорошим намёком:

— Ну что, выжившие в катаклизме везунцы? Поработаем?

Услышав снизу какое-то нехорошее слово — кем-то робко произнесённое, грозно набычившись, рявкаю громогласно:

— Это кто там только что, что-то про «кворум» вякнул?

Народ в зале прижал уши и поджал хвосты и никто не признался.

— Если партийная организация полка, положим — во время боя понесла тяжёлые потери, то разве уцелевшие коммунисты — должны сидеть и ждать, когда её численность восстановится до первоначальной — чтоб принять важное для победы решение? Аполитично рассуждаете, товарищ! Совсем не по-большевистски...

Впрочем, сделал вид, что иду на компромисс:

— ...Осенью же соберём новый съезд и, подтвердим и закрепим или отменим эти нововведения. Так что не сцыте, товарищи!

Осенью будет не до съездов и тем более — не до «кворумов» них, ибо «враг будет у ворот». Ну а там и привыкнут — куда им деваться с одной шестой «землешарной поверхности»...

Разве что в глубь недр на два метра, поближе к шахтёрам и Америке.

***

После такого вступления, началась по-настоящему конструктивная работа — Секретариат только успевал записывать судьбоносные решения съезда.

Первым делом ликвидировал Политбюро, а высшим органом ВКП(б) — сделал вновь образованный «Исполнительный комитет Президиума при ЦК ВКП(б)» из трёх человек который управлял всеми низовыми партийными структурами...

В пределах Устава партии, конечно.

Членами «Исполнительного комитета» по очереди становились члены «Президиума при ЦК ВКП(б)», сроком на шесть месяцев...

Вот такая вот партийная демократия!

Демократичней просто некуда.

Но Президиум это орган не постоянный, собираемый от случая к случаю для принятия каких-либо важных решений между съездами...

Кто непосредственно выполняет эти решения, какой постоянный орган партии?

Правильно: Секретариат ЦК ВКП(б)!

Возглавляет его отныне Щербаков — бывший Первый секретарь Московского обкома. По сути — это теперь главный человек в партии, а Исполнительный комитет Президиума при ЦК ВКП(б) — лишь его «ограничитель»...

Чтоб с него нового Сталина не получилось — своими словами говоря.

Почему именно Щербаков?

Полный тёзка Пушкина — Александр Сергеевич обладает многими достоинствами: огромной трудоспособностью, незаурядной памятью, умением быстро анализировать обстановку и принимать решения. Храбрый и решительный вдобавок: именно он прекратил знаменитую «московскую панику» осенью 1941-го — когда столичное начальство драпало в Ташкент, а простые москвичи — грабили магазины и склады и, ждали немецкие танки.

На него я уверен — можно оставить партию, не подведёт.

Главное же его достоинство известно только мне и нескольким посвящённым: он умрёт в 1945-м году и, стало быть — не сможет помешать операции «Преемник» и попытаться возродить всемогущество ВКП(б)... Если у него возникнет такая мысль, конечно.

Но бережённого Бог стережёт!

Секретариат ЦК ВКП(б) состоит теперь из «Оргбюро» — отдела кадров Партии «Особого сектора» — обработка и отправка всей секретной корреспонденции, контроль за исполнением секретных документов, их хранением в архиве...

По моему предложению, третий отдел Секретариата — «Управление пропаганды и агитации», переименовали в «Отдел изучения и работы с общественным мнением при ЦК ВКП(б)». Отныне лавное его занятие — работа с письмами от рядовых коммунистов и беспартийных, а также введённая мной новинка: опросы общественного мнения, результаты которых должны свободно публиковаться в прессе.

Во главе его я пока оставил Якова Васильевича Сторожева — заместителя погибшего при «катаклизме» члена Политбюро Андреева А.А.... Посмотрю, что за фрукт такой: в моём «послезнании» про него — нет ни намёка. В случае если не будет соответствовать — немедленно заменю.

А партийной пропаганды и тем более агитации у нас отныне в Советском Союзе нет!

Ни секса, ни пропаганды...

Есть только информирование общественности, которым будет заниматься Совинформбюро СССР во главе с Львом Мехлисом.

Курирующий партийные организации наркоматов и отдельных отраслей промышленности «Техсекретариат», я вывел из «Секретариата ЦК» — ибо нефуй ему там отныне делать, без товарища Сталина. И, во главе с Поскрёбышевым — переподчинил лично себе как Председателю «Государственного комитета труда и обороны» (ГКТиО).

Там он будет на своём месте.

«Отдел международной информации» — который возглавлял Георгий Димитров, в функции которого входила связь с коммунистическими и рабочими партиями зарубежных стран, сбор и анализ информации о положении в международном рабочем движении, организация советской пропаганды на зарубежные страны, контроль и организация зарубежных контактов общественных организаций СССР, подбор и контроль над

работниками внешнеполитических ведомств — решил пока не трогать...

Хотя честно признаться: не люблю я румын — слащавые они какие-то!

Ладно, посмотрим на его поведение: если Димитров и его «отдел» окажутся румынскими шпионами — отправлю всех на заготовку урановой руды, или на процесс её обогащения...

В зависимости от настроения.

Пропаганда и агитация это одно, а государственная идеология — это совсем другое и без неё нам никак, как без горящего сердца горьковского Данко в дремучем лесу.

«Институт Маркса — Энгельса Ленина при ЦК ВКП(б)» (ИМЭЛ), я конечно же разгоню сцанными тряпками — как только руки дойдут... Ибо это по меньшей мере бесполезные дармоеды на шее у трудового народа. Но при нём есть одно очень интересное образование — «Историко-литературное объединение старых большевиков», действующее так сказать на «общественных началах».

По названию понятно, что за люди там собрались, да?

Неформальным лидером этой группы нестареющих душой ветеранов революции, оказывается уже(!) является бывший ближайший помощник и фактический секретарь Ленина — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

«Историко-литературное объединение старых большевиков» было решено переименовать в общественную организацию «Совет ветеранов при ЦК ВКП(б)», которой по уставу партии можно говорить...

Всё!!!

Почему так?

Да очень просто: то что скажет Щербаков — это для народа агитация и пропаганда, которой он наелся уже вдоволь...

А вот то что скажет Владимир Дмитриевич — независимое мнение старого большевика, последним видевшем Чапаева...

...???

Ленина!

Совсем я, блин запарился.

На тему свободы слова я в завершении Съезда привёл один поучительный пример:

— Один из товарищей командиров участвующих в Освободительном походе 1939-го года, рассказывал мне такую забавно-поучительную историю. Зашёл он как-то чисто из любопытства в один католический костел на окраине Белостока и, там встретил ксендза, великолепно балакающего по-русски. Тот показал ему собственную библиотеку, на одной из полок которой — «Энциклопедия Брокгауза и Эфрона» и «Истории Государства Российского», соседствовали с книгами Маркса, Ленина и Энгельса... И даже с работой Сталина «Вопросы ленинизма». На удивлённый вопрос ксёндз ответил: «Папской буллой нам разрешено иметь такие книги. Ведь мы ведь обязаны знать психологию нашего противника»...

Приведя пример, задал вопрос:

— Товарищи коммунисты! Так неужели мы с вами сцыклявее чем какие-то польские попы?

После хора:

— Нет, товарищ Сталин, мы не ссыклявее!

Решено было жёсткость цензоры несколько смягчить, в частности разрешись гражданам иметь в личных библиотеках какую угодно литературу — даже антисоветскую, если она не используется для подрывной работы среди населения.

Ну... Лиха беда начало!

Следом, после моей получасовой речи в Устав «ЦК ВКП(б)» было внесено изменение:

«Главной целью Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) является всемерное способствование повышению культурного, духовного и материального уровня благосостояния советского народа. Ибо, лишь воочию увидев реальные достижения социализма, трудящиеся всего мира поймут его преимущество перед капитализмом и захотят совершить Мировую революцию».

Главное в жизни человека, что?

Цель её — этой жизни, иначе он быстро и неотвратно превращается в животное...

То же самое и с политическими партией: нет великой цели и она — стадо скотов.

Вот я и задал цель!

Достижима ли она?

Это вопрос последний.

Как говорил один мой хорошо знакомый:

«Всех женщин поиметь невозможно, но стремиться к этому надо».

Ну и наконец чтобы следить за «облико-морале» членов партии, мной была предложена, а Пленумом единогласно одобрена «Комиссия по этике при ЦК ВКП(б)» которую возглавила ветеран партии Розалия Залкинд, больше известная по партийному псевдониму Землячка. Ныне она Председатель «Комиссии советского контроля при Совнаркомех СССР», скоро станет Начальником Политического управления РККА, но уверен — справится на всех трёх должностях...

Ведь я же справляюсь?

Её насколько я понял даже из довольно краткого знакомства, наоборот — надо постоянно придерживать:

— Розалия Самойловна! Вы только без лютого фанатизма, я Вас умоляю... Мне накануне войны — новый тридцать седьмой год не нужен.

Смеется, враз помолодев лет на ...дцать:

— Не бойтесь, Иосиф Виссарионович: чистить партию буду глубоко, но аккуратно... По-женски!

И я почему-то стопроцентно уверен — всё у нас с ней будет хорошо.

Товарищ Землячка не подвела и с ходу взяла бычьё за рога, предложив внести закон «Об особой подсудности членов ВКП(б)», согласно которому за одно и тоже преступление, коммунист наказывался более строго, чем беспартийный.

Предложение было одобрено — хотя и не без хмурых взглядов из зала и в виде законодательной инициативы, было направлено на одобрение Верховным Советом СССР.

На другой день, двадцать пятого января 1941-го года, состоялся Чрезвычайный IX Всесоюзный съезд Советов СССР.

Сперва как обычно, чуть-чуть скучной — но необходимой теории...

До 1936-го года высшим органом власти в стране по ленинской Конституции от 1924-го года, считался Всесоюзный Съезд Советов — выборы в который были многоуровневыми, а его заседания происходили раз в несколько лет.

После того, как когда Страна Советов стала жить по «Сталинской конституции-1936», высшим органом власти стал Верховный Совет СССР.

Именно так:

ВЫСШИЙ ОРГАН ВЛАСТИ.

То есть, все прочие государственные институты, так или иначе, находились в подчиненном положении по отношению к Верховному Совету, это касается и, Правительства СССР и, Верховного Суда и даже — Коммунистической партии, которая «руководящей и направляющей силой» — стала только по брежневской Конституции от 1977-го года.

Верховный Совет СССР состоял из двух палат: Совет Союза и Совет Национальностей Согласно «Статьи 126», выборы в них были прямыми, тайными и альтернативными.

Для выборов депутатов в Совет Союза, страна делилась на примерно равные по численности избирательные округа, от каждого из которых граждане избирали по одному кандидату.

При выборах в Совет Национальностей же, каждая республика выбирала по 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

Вроде бы всё замечательно устроено, да?

Всё замечательно, кроме одного «но»: всё это было на бумаге.

В действительности же, избирателям приходило голосовать за единственного — так называемого «рекомендованного» кандидата в Верховный Совет...

А кто у нас этот таинственный «рекомендатель»?

Правильно — республиканские, областные и районные комитеты ВКП(б), точнее их первые секретари — в свою очередь, кем-то «рекомендованные».

Это даже не смешно:

«Адресованная другу,

Ходит песенка по кругу».

По меньшей мере, это — ложь!

А ложь, она как ржа разъедает души и ничего удивительного нет в том, что страна сгнила на корню и развалилась, практически даже без толчка со стороны, как куча созревшего навоза под собственным весом.

И поэтому я намереваюсь сделать так, чтобы положения Сталинской конституции выполнялись не на словах, а на деле. Условия мне благоприятствуют: партноменклатура лишилась не только «головки» — но и своего «среднего класса», а сама ВКП(б) переформатирована так, что восстановление такого порядка вещей будет практически невозможным.

***

Итак, я вновь стою за трибуной в зале Большого кремлёвского дворца — который признаться честно, уже слегка меня подзае...

Подзалюбил.

Мне бы «заклёпочками» заняться — танчиками там, пушечками и самолётиками...

Опять же: маршалов и генералов покошмарить, объяснить им что такое «служба» и как надо Родину любить — мать их...

Ну а кто не понимает человеческого языка — тех загеноцидить, аки Содом и Гоморру.

Милое дело!

Но надо, так сказать — нанести последний удар по «реальной истории», чтоб она стала «текущей реальностью» и больше с этого пути никуда не сворачивала.

Вопрос об моём назначении Председателем Совета Народных Комиссаров СССР — вместо павшего от удара стихии Молотова, даже не был поставлен на повестку дня Верховным Советом... Стоило только кому-то заикнуться — как тут же «лес рук» и «долгие продолжительные аплодисменты».

После официального назначения на должность, дождавшись когда в зале стихнет, стоя на трибуне твёрдо и уверенно заявляю:

— Товарищи! Жить — хорошо.

Депутаты, «бурными и продолжительными» вновь выразили полное со мной согласие.

Дождавшись тишины, не менее уверенным голосом:

— А хорошо жить — ещё лучше!

Бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овации. Все встают и...

В отличии от депутатов коммунистических съездов — партийных бонз, Верховный Совет СССР состоит из вполне себе обычных советских людей. Семнадцатый год, когда народ своеобразно своему менталитету расправлялся с попутавшей берега элитой — ещё был свеж в памяти, поэтому власть предержавшие — хотя бы формально придерживались приличий, «рекомендуя» — действительно представителей рабочего класса, крестьянства и прокладки между ними...

Знавал я одного такого «там» — соседа отца по гаражу и его приятеля по рыбалке: мужик как мужик — водку пьёт как все и, причём — много.

Так что в этом зале, уверен — были даже пресловутые «ленинские кухарки», в перерывах между готовкой — управляющие государством: народовластие в действии и не надо ехидно хихикать.

Примерно так: съездил(ла) в Москву на очередную сессию и снова в цех к станку, в поле на трактор или как в случае с «ленинской кухаркой» — греметь на кухне тарелками.

Конечно, были у них и льготы: бесплатный проезд в общественном транспорте, например.

Но была и общественная нагрузка: обязанность раз в неделю принимать избирателей с жалобами, для чего в горисполкоме у него был кабинет...

Поверьте, легче этот день — вагоны с цементом разгружать!

Как бы там не было, депутат Верховного Совета СССР мог по жалобе избирателя обратиться с запросом даже в Президиум Верховного Совета и даже с «сигналом» на

Первого секретаря местного комитета партии...

Другое дело, что в действительности он навряд ли это делал: себе выйдет дороже...

Кроме самых безбашенных, разумеется.

Но по крайней мере формально, никто ему запретить это сделать не мог.

Так вот: моя задача на этой сессии Верховного Совета СССР — проста и прямолинейно-незамысловата: всё написанное на бумаге Реципиентом — воплотить в жизнь.

И я абсолютно уверен, что с ней справлюсь.

Ибо, нет больше никаких «рекомендателей»: остался я и представители народа.

— Товарищи! Жить — хорошо, жить хорошо — ещё лучше. А чтоб нам с вами мешает жить хорошо? Давайте-ка мы с вами разберёмся — в чём собака порылась...

И вот тут депутаты слушали меня — затаив дыхание, не перебивая аплодисментами, в полном молчании и, открыв рот.

***

Говорил я долго, простыми односложными фразами, в нужных местах — щедро пересыпаемых вполне определёнными «эпитетами»... Простому народу это ужасно нравится.

Но если сократить мою речь, оставив только самую суть, то получится вот что:

Несмотря на успехи — безусловно достигнутые в итоге выполнения первых пятилеток и, причём — успехи громадные, к концу тридцатых годов советское народное хозяйство испытывало глубочайший кризис.

По принятому на XVIII съезде ВКП(б) плану Третьей пятилетки (1938-1942год) национальный доход страны должен был возрасти на 100 % (сто процентов, Карл, сто процентов!!!), объем промышленного производства намечалось удвоить, а сельскохозяйственного — увеличить в 1,5 раза.

Уровень потребления на душу населения — на 75 %.

Из этого следовало, что ежегодный прирост по всем вышеприведённым показателям должен быть от десяти до двадцати процентов.

Если первые две пятилетки Советский Союз догонял капиталистические страны по валовым показателя, то после третьей — страна должна была «догнать и перегнать» Запад по производству промышленной продукции на душу населения, по которой отставали...

В пять раз!

Нет, не получилось... Увы.

И «до тех пор», насколько мне известно: воз — «и ныне там».

На деле же, за три года выполнения Третьей пятилетки, прирост промышленности составлял в среднем не выше 3–4 % в год, а сельское хозяйство так вообще — топталось на месте, местами уступая позиции по основным показателям.

Среди главных причин такого положения дел, можно назвать следующие:

Органические пороки только что оформившейся — но ещё не успевшей окостенеть, централизованной бюрократической планово-распределительной системы и, главная из них — инерционность на всех уровнях.

Ведомственность: задачей каждого наркомата являлось выбивание любой ценой средств для выполнения плановых заданий и убеждение СНК, Госплана, Политбюро ЦК и лично самого товарища Сталина — в первоочередности именно своих нужд. Ну и оберегание своего наркомата от наскоков и поползновений со стороны других ведомств.

Кадровая проблема: система планового обеспечения кадрами народного хозяйства не оправдывала себя. Организованный набор рабочей силы (оргнабор) не обеспечивал и половины необходимых потребностей. Не лучше было с государственным распределением специалистов.

Огромные военные расходы, которые ложились тяжелым бременем на все народное хозяйство. Техническое перевооружение, «моторизация» Красной Армии, всеобщая воинская обязанность — введенная в сентябре 1939-го года и, увеличение численности вооруженных сил более чем вдвое, потребовали и увеличения расходов на военные нужды: с 11 % бюджета до 32,5 %. Разумеется, в условиях сокращения прироста производства — «оборонка» стала «пожирать» другие отрасли и, в первую очередь — производство ширпотреба.

Отставание производства товаров широкого потребления, в свою очередь приводило к нарастанию товарного голода и хроническому дефициту в продуктах первой необходимости. Повсеместно были введены нормы отпуска товаров в одни руки, что заставляло людей обегать по несколько магазинов в день, чтобы запастись продуктами.

Борьба с дефицитом велась главным образом «нашими методами» и, в первую очередь — административно-карательными мерами против тех, кто стоит в очередях в рабочее время.

Кроме этого, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) была создана система закрытой торговли и общественного питания для отдельных категорий граждан: военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, работников ВПК, железнодорожного транспорта и так далее...

Остальные типа — граждане второго сорта.

Всё это не могло не сказаться на моральном духе народа!

Всё труднее стало ставить перед обществом цели, всё труднее было «зажигая» людей энтузиазмом — поднимать их на свершения и трудовые подвиги... И хотя внешне формы активности оставались прежними: поощрение стахановского движения, лозунги на заборах, призывы в газетах и речи на бесчисленных митингах и собраниях — эффект от них, с каждым годом становился заметно всё меньше и меньше. У трудящихся наблюдалось возрастание политической апатии, уклонение от общественной активности...

Прогрессировал всеобщий пофигизм, короче.

Видя такое и отчётливо понимая, что на «энтузиазме» теперь далеко не уедешь, руководство страны решило что «гегемон подраспустился» и крепко «подтянуло гайки».

Для борьбы с «летунами», на всех предприятиях и учреждениях были введены обязательные трудовые книжки, в которых отмечались все перемещения работников. Следом был запрещен самовольный уход с предприятий и одностороннее расторжение трудового договора. Нарушителей ждал судебный приговор, хотя и не шибко суровый — как про то жертвы ЕГЭ глаголят спустя семь с лишним десятков лет: исправительные работы на рабочем месте сроком до шести месяцев с удержанием четверти заработка, либо тюремное

заключение на срок до четырёх месяцев.

Затем взялись за ужесточение наказаний за нарушения дисциплины.

Любое опоздание на работу на двадцать минут приравнивалось к прогулу, а повторное опоздание вело к увольнению работника.

Назначались уголовные наказания за брак на производстве, в Уголовном кодексе — были увеличены сроки заключения за экономические преступления, мелкие хищения, пьянство и хулиганство. Особенно решительно взялись за оборонные заводы, на которых уже существовал порядок изъятия паспортов у вновь принятых рабочих и служащих.

Осенью 1940-го года было образовано «Главное управление трудовых резервов при СНК» и следом был объявлен массовый «добровольно-принудительный» призыв рабоче-крестьянской молодежи в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). До войны в систему трудовых резервов успели мобилизовать порядка миллиона молодых обоюбого пола, которые после обучения были направлены на военные заводы.

Конечно, все эти меры жизненно необходимы, я не спорю... Особенно в преддверии войны.

Но народ должен увидеть и «свет в окошке»!

Хотя бы перед тем — как увидеть его «в конце тоннеля»: ибо без надежды на светлое будущее — очень тяжело жить в мрачном настоящем.

***

Объяснив всё это простыми, понятными народу словами, я продолжил:

Рисунок 44. Важнейшие стройки Третьей пятилетки. Как видно по карте, очень многие объекты (как бы не треть) попадают в зону оккупации 1941-44 г.г.

— Товарищи! Конечно, устранение большинства из этих недостатков — мешающих нам с вами хорошо жить, потребует длительного времени и значительных усилий — о чём я честно и открыто заявляю... Но почему бы не сделать то, что вполне в наших с вами силах?

Затем в не менее чем получасовой речи, я предложил с целью уменьшения нагрузки на экономику — «слегка» скорректировать «планов громадьё», подведя промышленные предприятия на реальные темпы роста (те же самые три-четыре процента), а не сказочные — которые всё равно не будут выполнены, а лишь способствовать всеобщей нервозности, откровенной халтуре и поголовному очковтирательству на всех уровнях.

— Товарищи! Я твёрдо считаю и вы уверен, меня поддержите: некоторые грандиозные стройки можно отложить до лучших времён. В первую очередь имеется в виду Дворец Советов.

Сперва не поверив своим ушам, зал затаил дыхание...

Затем — взорвался бурей аплодисментов.

Народ наш хоть и, аполитичен по сравнению с западноевропейскими — но тем не менее далеко не дурак и, очень хорошо понимает что к чему.

Точно так же, можно вполне обойтись без строящегося БАМа — перебросив рабсилу на другие, более актуальные стройки — Карагандинский угольный бассейн, Уральский алюминиевый комбинат, Норильский горно-металлургический комбинат и так далее.

Кстати в «реальной истории» тоже, поняв что строительство полудюжины крупных металлургических производств — из которых три гиганта, три гигантских металлургических завода — «Запорожсталь», «Азовсталь» и «Криворожсталь», не потянут и заморозили...

Что вы думали?

...Находящиеся на востоке Ново-Тагильский комбинаты, Амурский, Петрово-Забайкальский заводы и главное — «Орско-Халиловский металлургический комбинат», работающий на карагандинском угле и местной руде — природно легированной никелем...

Почему «и главное»?

Потому что с никелем — без которого нет и, не будет нормальной танковой и прочей брони и вообще — высококачественной стали, в СССР была...

Полная жоппа!

Хватились лишь после того, когда все «гиганты металлургии» на Украине — строящиеся или уже действующие — без особой разницы, оказались под пятой оккупанта в рогатой каске.

И вот тогда забегали, как ошпаренные тараканы...

Летом 1942-го года началось сооружение первых цехов металлургического комбината, с привлечением труда множества заключённых и «бойцов» «Трудовой армии» — в основном состоящей из депортированных немцев Поволжья... Таких же граждан СССР (как и положим украинцы), виновных лишь в том, что одна лысая блядь в вышиванке (ныне покойная) во главе одной из братских республик — перед войной тянула бюджетное союзное одеяло на себя. А затем, с визгом сдрыстнула из Киева — возглавив грандиозный драп генералов в синих штанах, отдав треть всей советской промышленности врагу.

Ценой невероятных жертв, к концу войны удалось построить только огнеупорный цех. И лишь 5 марта 1955 года домна № 1 выдала первый чугуна. 26 марта 1958 года состоялась первая плавка металла в мартеновском цехе... Пусть и с опозданием в два десятилетия, но комбинат все же заработал.

В «текущей реальности», я хочу всё сделать наоборот: стройки Третьей пятилетки в западной части страны заморозить и, за счёт этого — ускорить строительство заводов-дублёров в восточной части страны. Кое-где же, например в Прибалтике и западных областях Украины и Белоруссии — уже можно в добровольно-принудительном порядке начинать эвакуацию как промышленности, так и трудовых ресурсов.

Мало времени остаётся?

Мало!

Лучше поздно, чем никогда.

***

Наконец, самое главное:

— Товарищи! Мне и не только мне, трудящиеся очень часто задают в письмах один и тот же вопрос: «Товарищ Сталин! Что такое «социализм»?». Не по тому — как в толстых умных книжках написано, а так — «по житейски», чтоб каждый понять мог?».

Зал внимает затаив дыхание.

— «Социализм», товарищи, это не только когда дети учатся в школе, взрослые работают, больные бесплатно лечатся, а старики и инвалиды — получают пенсию. Это уже у нас с вами есть, товарищи... Но этого нам с вами — уже до обидного мало!

Помолчав, отвечаю словами Рузвельта времён «Великого депрессняка» — во время которого буржуи конкретно струхнули и, тоже решили показать электорату «свет в окошке»:

— «Социализм», это когда у каждой работающей советской семьи — есть свой дом или отдельная квартира, свой автомобиль и радиоприёмник.

Сперва тишина, затем — врыв аплодисментов как во время артподготовки...

Дождавшись тишины:

— Товарищи! Третья пятилетка была последней, в которой приоритет отдавался тяжёлой промышленности. Следующая, с 1942-го по 1946-й год, будет пятилеткой — направленной на увеличение благосостояния советского народа. Будут модернизированы и построены новые предприятия лёгкой и пищевой промышленности, вместо металлургических и тяжело-промышленных предприятий — домостроительные и автомобилестроительные комбинаты.

Долгие, продолжительные аплодисменты.

— Товарищи! Хорошо жить можно начинать уже сейчас. На днях выйдет постановление Совнаркома, об повышении заработной платы рабочим и служащим на десять процентов, а на Урале и Сибири — на двадцать...

Долгие, продолжительные аплодисменты, переходящие в бурные овации.

С продовольствием к началу войны всё более-менее наладилось, ширпотреб не было — не фиг и привыкать, а вот с жильём была полная...

Да, да!

Она самая. Поэтому я не мог обойти этот вопрос:

— Товарищи! Объявляется программа ипотечного кредитования населения для постройки индивидуального жилья. Для предоставления рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим возможности приобретения в собственность жилого дома обязать Центральный Коммунальный Банк будет выдавать ссуду в размере 8-10 тысяч рублей. Покупаящим двухкомнатный жилой дом со сроком погашения в 10 лет и 10–12 тысяч рублей покупаящим трехкомнатный жилой дом. Со сроком погашения в 12 лет с взиманием за пользование ссудой 1 % (одного процента, товарищи!) в год.

Такая замечательная программа была объявлена Сталиным в 1948-м году, но в ряду причин не была реализована. Не будет реализована и эта — а основном из-за войны, я в этом отдаю себе полный отчёт... Но накануне тяжелейших в истории испытаний, электорат сможет хотя бы помечтать об лучшей жизни: свой дом, личный автомобиль, собственный радиоприёмник...

Кроме того, имеются у меня и так сказать — меркантильные соображения:

— Условие предоставления ссуды на покупку или строительства индивидуального жилья — внесение заёмщиком первоначального взноса в десять процентов стоимости жилья и непрерывный стаж на предприятии до момента погашения задолженности по кредиту.

Долгие, продолжительные аплодисменты, все встают и дро...

...И снова аплодируют.

Из-за товарного голода покупать на заработанное всё равно нечего и, на руках у населения скапливаются громадные суммы денег — которые тупо не на что потратить. Таким коварным образом, я изымаю эти средства в государственный карман — что накануне войны будет совсем не лишним и, кроме того — закрепощаю работника на предприятии,

похлеще всяких там «драконовских» указов.

И что в этой истории самое прикольное: все «шишки» достанутся Адольфу Алоизовичу — который своим «внезапным и вероломным нападением», помешает мне осчастливить народ!

После всего сказанного, стоило мне только заикнуться, что не помешало бы нам выбрать Председателя Президиума Верховного Совета СССР — вместо безвременн усопшего Калинина Михаила Ивановича, как зал в едином порыве завопил:

— СТАЛИНА!!! СТАЛИНА!!! СТАЛИНА...!!!

У меня аж зазвенело в ушах и ещё очень долго после этого слышалось:

— «Достали, на... Достали, на... Достали, на...».

***

Напомню, что Верховный Совет СССР состоял из двух палат: Совет Союза и Совет Национальностей — выборы в которые согласно «Конституции-36» должны быть прямыми, тайными и альтернативными.

Всё так и сделали — согласно букве и духу основного закона страны и, без всякой «рекомендации» партии. Председателем Совета Союза стал Щербаков Александр Сергеевич, Председателем Совета Национальностей — Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич.

Затем, от лица Коммунистической партии, первый внёс предложение об изменении статьи под номером «126» конституции, убрав из неё слова про «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

«Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» отныне и надеюсь — во веки веков, является «...передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя».

Следом, был принят «Закон об особой подсудности членов ВКП(б)».

Всё!

Это был контрольный выстрел в голову партноменклатуре и, скоро состоится вынос тела.

Опять же, по «многочисленными письменным просьбам трудящихся», Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич внёс предложение об референдуме об образовании новых автономий: Донецко-Криворожской Советской Социалистической Республики со столицей в Харькове, Галицианской Советской Социалистической Республики со столицей во Львове и Еврейской Автономной Области со столицей в Одессе...

Есть уже такая на Дальнем Востоке?

Не беда — нехай буде две, шоб Гитлера позлить!

Решение об референдуме об образовании новых административных единиц, было принято единогласно. Состоится он после всенародного обсуждения в мае этого года.

Две крупнейшие по территории республики разделили на регионы: в РСФСР их стало девять, в КазССР — три.

Среднеазиатские же республики, закавказские и прибалтийские — наоборот объединялись в регионы с соответствующими названиями.

Здесь никакого референдума не надо, ибо не нарушается национально-территориальная целостность — в чистом виде административные меры, с целью улучшить управление территориями.

Ну и наконец, профессор Виноградов Владимир Никитич внёс предложение с ликвидации всех привилегий: спецполиклиник, спецсанаториев, спецмагазинов, спецпайков... И так далее.

Естественно за скобками остались государственные квартиры — не на улице же, или в бараке жить наркомам и прочему чиновному люду и, государственные машины — не на трамваях же им ездить, или пешком в наркоматы бегать. Ну и повышенные по сравнению со средними по стране оклады и причём — значительно: люди несущие большую материальную ответственность — должны хорошо зарабатывать... Чтоб случае чего — компенсировать ущерб из своего кармана.

На мой взгляд справедливо.

Виноградову так хлопали... Даже сильнее чем мне — отчего моё деспотическое нутро изрядно свербело и, исходило на овно.

Его предложение о создании при Верховном Совете СССР «Народного контроля» — куда будут писать письма трудящиеся об случаях нарушения их прав или коррупции «власть предержащих» — зашло буквально «на ура». Инициатива и в этот раз поимела своего инициатора и Председателем Исполнительного комитета «Народного контроля» стал сам Владимир Никитич.

Ну вот и сбылась мечта идио... Хм, гкхм...

Попаданца!

Итак, фактически — я стал диктатором всея Великия, Малыя и Белыя Руси и прочая, прочая, прочая...

А стало быть — пришла пора засучивать рукава.

Глава 13. Первый рабочий день, первые назначения, первые впечатления

Хироши Терамачи, японский миллиардер:

«В 1939 г. вы, русские, были умными, а мы, японцы, дураками. В 1949 г. вы стали еще умнее, а мы были пока дураками. А в 1955 г. мы поумнели, а вы превратились в пятилетних детей. Вся наша экономическая система практически полностью скопирована с вашей, с той лишь разницей, что у нас капитализм, частные товаропроизводители, и мы более 15 % роста никогда не достигали, вы же — при общественной собственности на средства производства — достигали 30 % и более. Во всех наших фирмах висят ваши лозунги сталинской поры».

Мой первый рабочий день на должности Великого и Всемогущего (ужасного и кровавого, нужно подчеркнуть) Диктатора Советского Союза — как и положено, начался с вопроса о моей личной безопасности... Она для любого уважающего себя деспота тирана — должна быть превыше всего и, я об этом прекрасно помнил. И про персональную охрану «вип-персон», я кой-чѐ по прежней жизни знал.

25-го (уже двадцать пятое число!) января с утра, за завтраком инструктирую генерала Косынкина:

— Эти восемь «стажѐров» во главе с сержантом Ерофеевым, всегда должны быть со мной рядом.

Конечно те так понравившиеся мне ребята — вовсе уже не «стажѐры» (точнее не «кандидаты на звание»), а полноценные сержанты госбезопасности. А Ерофеев, уже не сержант, а младший лейтенант НКВД.

Но это я так — по привычке!

— Четверо во главе с сержантом — ближний круг, четверо — внешний. Последние в штатском, передвигаются на самых обычных автомобилях и имеют на вооружении автоматы, эээ... Пожалуй нужно что-нибудь более компактное, чем «Том-гань», но пока и этим пойдут.

Сам думаю:

«Надо будет попозже у Черчилля «СТЭНЫ» выцганить или выменять на армянский коньяк».

— Кроме этого «внешнему кругу» нужны снайперские... Эээ... Не винтовки — те слишком длинные, а карабины охотничьего образца с оптикой.

Косынкин, понимающе:

— Понял, Иосиф Виссарионович, думаю — найдутся такие в нашем Наркомате, там всякого стреляющего добра хватает.

— Если сами не найдутся — сами через «Внешторг», где-нибудь в дальнем забугорье найдѐм. Ближний же круг, должен быть вооружѐн укороченными помповыми ружьями — типа «Winchester Model» 1897 (M1897).

Удивляется:

— Почему именно ими?

Уверенно отвечаю:

— Своими глазами видел: на ближней дистанции — лучше ничего не бывает. Не видел бы — не говорил.

Мда... Много на своём веку жмуров перевидал — сам раз десять чуть одним из них не заделался, но на того чувачка было любо-дорого посмотреть!

Хотя, надеюсь родной маме не показывали, пожалели старушку...

После непродолжительной дискуссии убедил и продолжил:

— Ну и для всех — пистолеты. Только вот что... Вместо наших «ТТ» и «Нагана» я бы предпочёл американский «M1911», под тот же патрон 45-го калибра, что и автомат Томсона. Только не подумайте, что я против отечественного производителя, Петр Евдокимович! Но наш делает оружие для армии, а охрана — это дело несколько специфическое и требующее специфического же оружия.

Улыбается:

— Не понимаю в чём разница, но верю Вам на слово, Иосиф Виссарионович.

— Разница в оставляемых ими «дырках»! Сами впрочем поймёте, когда перевооружите своих орлов...

Уже за чаепитием, прищурившись на него одним глазом, задаю неожиданно-провокационный вопрос:

— Впрочем, главная задача ближнего круга, не отстреливаться — а прикрыть охраняемый «объект» телами и, причём — своими. А как Вы считаете, Петр Евдокимович — прикроют бойцы личной охраны меня своими телами или нет? Не приведи Господь, конечно... Но всё же?

Тот поперхнувшись горячим чаем и едва-едва прокашлявшись, с красным лицом и невольно выступившими из глаза слезами:

— Уверен, что прикроют.

— А я вот — не совсем уверен в этом! Ибо человек так устроен, что в момент опасности думает прежде всего о себе — о любимом и это вполне естественно.

Тот видимо до глубины души обидевшись, перешёл на сухой официал:

— Наши бойцы, прежде всего думают об выполнении служебного долга — защите жизни товарища Сталина.

Скептически:

— Сомневаюсь, однако... Был бы товарищ Сталин их близким родственником — лучше всего собственным ребёнком, или на крайняк любимой женщиной — то, вполне вероятно. А так...

Резко, даже неприязненно:

— Вы ошибаетесь!

Примиряюще улыбаюсь:

— Давайте не будем спорить и ссориться, Петр Евдокимович — так как проверить правоту нас обоих может только реальное покушение... Не самим же нам его устраивать, верно?

Помедлив, всё же соглашается.

— Верно.

Задумчиво:

— Я в общем-то, вот про что... Существуют конструкции бронезилетов или по-вашему...

— Стальные нагрудники? Кирасы?

— Точно — они самые! Вот в них «прикреплённый» — вполне может решиться закрыть своей грудью охраняемое лицо. Раздобудьте такие для наших «стажёров», Петр Евдокимович.

— Понял, раздобуду.

— Ещё вот что...

Решил наконец-то запилить свою первую «заклёпочку» — сил уж нет больше терпеть:

— ...Надо срочно спроектировать и изготовить «раскладной кейс телохранителя», испытать его «на кошечках» и обеспечить ими прикреплённых ближнего круга, из расчёта один на двух бойцов: один прикрывает мою тушку тела этой штуковиной, второй — отстреливается.

Косынкин слегка начал тупить:

Рисунок 45. Современный кейс телохранителя.

— Извините, что это? Ни разу про такое не слышал.

Поискав глазами что-нибудь похоже на карандаш и кусок бумаги и не найдя под рукой, в «заклёпкоманческом» азарте чертёж прямо вилкой по белой скатерти, сперва макнув её в смородиновое варенье, конечно:

— Очень полезная штуковина, Петр Евдокимович! С виду — обычный «наркомовский» портфель, носимый за охраняемым лицом его телохранителем. Но в случае опасности... Лёгким движением руки, портфель превращается... Превращается портфель...

Наконец, сто-то похожее изобразил:

— Портфель превращается в раскладной щит — защищающий от пуль и осколков!

Внимательно рассматривая «эскиз»:

— Не тяжеловат будет?

Согласно киваю:

— Конечно, кевлара у вас нет и, как он делается — я без понятия... Мда... «Знать бы прикуп — жил бы в Сочах»! Поэтому запилить сей девайс, придётся из пластин броневой стали. Сколько к примеру щиток «Максима» весит, имели с ним дело?

— Да как бы, не килограммов десять. А нам надо в портфель два, или даже три таких запихнуть — чтоб спрятать не только голову и грудь, но и торс и желательное...

— Яйца! Хахаха!

— Хахаха!

Задумчиво:

— Эээ... Но с другой стороны нам же не надо защищаться от винтовочных пуль в упор? Никто не допустит до охраняемого человека с винтовкой... А пулю на излёте, или пистолетную и тем более осколки ручной гранаты — и сталь обычного шлема хорошо держит. Сколько там толщина?

— В пределах одного-двух миллиметров, точно не знаю.

— Вот из таких и надо.

Ещё раз внимательно посмотрев на рисунок, запоминая его, Косынкин:

— Сегодня же озадачу наших специалистов из НКВД.

Уже вставая, собираясь на выход:

— И ещё не забудьте патент оформить, Петр Евдокимович! Приоритет страны, родного ведомства и валюта — если удастся впарить забугорным фирмачам.

— А на кого оформить патент?

— На того специалиста, который будет этим заниматься. Не на товарища Сталина же в самом деле. Ему и гонораров от издаваемых трудов для Сталинских премий вполне хватает[1]...

Посмотрев на часы:

— Ну, что Петр Евдокимович? Нам пора на работу, а будут потом в Совнаркоме сплетничать: «Не успел устроиться к нам, как уже опаздывает»! Опять же историки, обязательно по этому поводу будут писать всякие гадости про товарища Сталина... Такой сволочной народ, я Вас скажу!

Задумался:

— А не начать ли их кошмарить первыми, как считаете?

— Вам видней, Иосиф Виссарионович.

На выходе нас поджидала Валентина Васильевна:

— Уже половина восьмого, а ты ещё в шлёпках! На работу не опоздаешь?

Чмокнув её в щёчку:

— Дорогая! До Кремля всего двадцать минут... Успею!

Показывая на вешалку, где висела старая сталинская шинель:

— Спецовку здесь наденешь или возьмёшь её с собой и переоденешься уже за проходной Совнаркома?

Задумавшись:

— Пожалуй, пусть пока здесь повисит: на моей должности, «спецовку» носят только в самых торжественных случаях. А сегодня — самый обычный, хотя и самый первый рабочий день.

Зевает:

— А кем тебя хоть выбрали? А то ты пришёл вчера, поужинал, упал на кровать — хорошо хоть сапоги успел снять и, дрых без задних ног до самого утра.

Облачаясь в парадно-выходную шинель и нахлобучивая шапку-ушанку, поглядывая на чёрную тарелку репродуктора:

— Да, кем только не выбрали, мать... Скоро «по радио» объявить должны, сама узнаешь. А мне некогда.

Целуется на дорожку:

— Когда с работы тебя ждать?

Чмокнув её в щёчку, вздыхаю:

— Ох, даже и не знаю... Раньше полуночи точно не жди.

Вижу направляется в столовую и вспомнив об испорченной скатерти, в панике шепчу Косынкинку:

— Валим! Срочно валим, Петр Евдокимович! Иначе и прикреплённые с «Томми-ганями» — нас с тобой не спасут...

***

До утренней планёрки-совещания в Совнаркоме ещё время есть, поэтому успел принять в своём кабинете так настойчиво добивающегося аудиенции лётчика Гражданской авиации Александра Голованова — в «реальной истории» будущего маршала авиации, с коим состоялся весьма интересный и главное — содержательный разговор.

Поздоровались и:

— Присаживайтесь, товарищ Голованов и рассказывайте с чем пришли. Только кратко, в двух словах и без ненужных прелюдий. Сразу к делу, короче!

Ну и тот сразу выкладывает правду-матку:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий! Во время Финской войны мне довелось убедиться, что в отличии от пилотов Аэрофлота — экипажи ВВС РККА совершенно не умеют летать ночью, или во время плохой погоды.

Про себя иронически хмыкаю:

«Тоже удивил! Судя по аварийности, наши «сталинские соколы» и, днём-то летают кое-как».

Вслух, указывая пальцем за спину:

— Видите что написано на стене моего кабинета, товарищ Голованов? «Критикуешь — предлагай, предлагая — делай, делаешь — отвечай!». Если Вы согласны на такой формат нашей с вами встречи — продолжайте. Нет — давай до свидания.

Тот, ещё раз прочитав надпись, твёрдо и уверенно:

— Я согласен.

Располагаясь в кресле поудобнее, настраиваясь на длинный разговор:

— Тогда, слушаю Вас.

— Товарищ Сталин! Я предлагаю создать из гражданских лётчиков учебный полк, чтобы учить их летать по приборам.

Я, любуясь этим видным во всём человеком — лицом, ростом, статной фигурой и главное — мышлением, тем не менее напустил на себя строгость:

— Во-первых, а не поздно ли спохватились, товарищ Голованов: с Финской войны — уже больше года прошло? А во-вторых, с такими предложениями принято обращаться по инстанции — к командованию нашей боевой авиацией, а не сразу к Верховному Главнокомандующему... Конкретно: к товарищу Смушкевичу, Рычагову, Локтионову.

Тот с отчаянием в голосе:

— Товарищ Сталин! Я уже почти год стучусь в те двери, а меня все посылают!

Деланно не поверил, хотя был в курсе:

— Прямо так уж и «посылают»... Вы не преувеличиваете?

— В последний раз, товарищ Рычагов сказал: «Много вас тут ходит со всякими предложениями».

Сделал вид, что удивлён:

— Вот, как?

Из-за полного отсутствия в наличии истребителей сопровождения, советская дальняя бомбардировочная авиация — не может быть иной, как только ночной и всепогодной.

Встал из-за стола, походил вдоль и поперёк по кабинету, встал у окна и глядя на кремлёвские звёзды на башнях, изрёк:

— Ну, товарищу Рычагову это простительно — его ещё ни разу не расстреливали... А надо бы, давно надо бы!

Расстреливать его я конечно не собираюсь, ибо этот генерал-скороспелка имеет какой-никакой — но боевой опыт, что среди наших лётчиков-истребителей достаточно большая редкость.

Рисунок 46. Голованов А.Е.

Но опустить с Начальника Главного управления ВВС РККА — до должности, которой он соответствует, обязательно надо и мало того — необходимо.

Но в данный момент меня интересует Голованов и его предложение, поэтому вновь усевшись за стол, задаю следующий вопрос:

— Сами то, если не секрет — на чём летаете?

— На самолёте американского производства «Дуглас Си-47».

Пытливо заглядывая в глаза:

— Как он в освоении лётчиками? По сравнению с нашим основным дальним бомбардировщиком — «ДБ-3»?

Тот, не отводя взгляда:

— На нём, я очень быстро научился летать в любую погоду. И не только я, товарищ Сталин! А вот на нашем... Хм, гкхм...

Он явно боится. Не каждый решится сказать в глаза Вождю, что эти переделанные из рекордного по дальности самолёта и выпускающиеся большой серией ильюшинские бомбардировщики — полный отстой по всем показателям, кроме той же дальности. Однако на хрена скажите мне, большая дальность бомбёру — несущему всего тонну бомб?

Не экономично!

Прерываю:

— Понятно, можете не продолжать. Как Вы расцениваете советскую копию «Дугласа» — транспортно-пассажирский самолёт «ПС-84[2]»? Только честно?

Тщательно подбирая, как бы «жуя» слова:

— Двигатели не добирают мощности, качество сборки не в пример хуже, но наиболее заметно отличии — в радиооборудовании, в частности радионавигационном...

— Так, так, так... Продолжайте!

— На «Си-47» стоит мощная приёмно-передающая радиостанция, а главное — радиокompас «Бендик» — действительно позволяющий с высокой точностью пеленговать работающие радиопередатчики и, таким образом — безошибочно определять своё место на маршруте полёта...

— ...На «ПС-84» же установлена довольно слабенькая радиостанция «РСБ-1» и радиополукомпас РПК-2 «Чайка» — с помощью которого, определить своё месторасположение можно только весьма приблизительно. А вообще то, товарищ Сталин, надо развивать всесоюзную сеть пеленгаторных баз и радиомаяков — которая у нас весьма скромная и, обеспечивает главным образом только аэрофлотские трассы.

Хотя и знал по «послезнанию» такое хреновое положение дел, но всё равно взбесило до

темноты в глазах:

«Блять, а чем интересно наши генералы от авиации занимались? Сцука, а куда интересно Реципиент с товарищами Ежовым, Берией, Мехлисом и прочими сатрапами смотрели?».

С трудом взяв себя в руки, чтоб тотчас не бежать и не начинать законно репрессировать авиаторов, продолжаю:

— Понятно... А как с этим делом обстоит в нашей бомбардировочной авиации?

Голованов невольно вздохнув:

— К сожалению, там дело обстоит гораздо хуже. Насколько мне известно, лишь каждый четвёртый «ДБ-3» оснащён радиополукомпасом...

Вдруг, решительно, как в ледяную прорубь бросившись, рубит с плеча:

— ...Да что там говорить, товарищ Сталин! На них в отличии от «Дугласа», даже антиобледенительной системы и автопилотов нет... Боевой самолёт, называется.

***

Я это хорошо знаю.

Из-за чрезмерно сдвинутой назад центровки, этот самолёт был крайне неустойчивым и очень трудным в пилотировании и, отсутствие автопилота — приводило к тому, что боевое задание превращалось в сущий ад. Полеты продолжались по двенадцать часов, пилоты работали на пределе человеческих сил — держа самолёт буквально на руках.

Рисунок 47. Транспортный «Ли-2» в качестве ночного бомбардировщика.

И таких «боевых самолётов», только в прошлом — 1940-м году, было выпущено тысяча с лишним штук...

«В УТИЛЬ!!!».

Вновь походив чтоб успокоиться, продолжаю спрашивать:

— А какой автопилот стоит на «ПС-84»?

Наморщив лоб, отвечает:

— На нём стоит отечественный автопилот «АВП-12», который стабилизирует курс, крен и тангаж.

— А американский, что стоит на «Си-47»?

— Американский намного лучше: он позволяет стабилизировать самолёт в полёте при брошенном управлении, а также может выполнять автоматически подъём, планирование, плоский разворот и вираж...

Помолчав, умоляющие:

— ...Надо бы дать задание нашим инженерам скопировать, товарищ Сталин! Как и радиоконпас «Бендик».

Твёрдо заявляю:

— Раз надо — значит копируем.

И такое в «реальной истории» свершиться: с 1943-го года радиоконпас «Бендик» известен в его советской версии как «МН-26С». С того же года в производстве была наша копия американского автопилота — «АН-42». И в моих силах сделать так, чтобы эти два

события произошли как можно раньше.

Не зря в войну командиры Дальнебомбардировочной авиации (возможно тот же самый Голованов) очень быстро обратили внимание на этот самолёт и, уже зимой 1941–1942 годов был готов военный вариант советского «Дугласа» — ночной бомбардировщик «Ли-2ВВ».

При несколько меньшей дальности полёта и скорости — не имевших особой важности для ночного бомбардировщика и, примерно одинаковой бомбовой загрузке — их экипажи, в отличие от воюющих на «Ил-4» — летали в удобной и обогреваемой кабине. На борту самолета имелся буфет и туалет и, можно было даже кемарнуть с полчаса — если устал, или «прогуляться» по салону — чтоб «размять» затекшие конечности.

Недаром по состоянию на окончание войны, «Ли-2» стал самым многочисленным советским бомбардировщиком в Авиации дальнего действия (АДД): 19 полков на «Ли-2» — всего 593 самолета.

А что если...

Ну а почему бы и нет?

***

Итак, решено: начинаем этот творческий запил почти на полтора года раньше:

— Товарищ Голованов...

— Слушаю, товарищ Сталин!

— От имени Верховного Главнокомандующего Вооружённых сил СССР и Председателя Государственного комитета труда и обороны, назначаетесь Командующим «Авиацией Особого Назначения» (АОН), с присвоением Вам воинского звания полковник. Подчиняться будете лично мне и больше никакой сволочи в синих штанах... Что надо сказать?

Тот, как гаркнет:

— Служу Советскому Союзу!

Ковыряясь в ухе — ибо оглушил, засранец:

— Товарищ полковник... Что Вы думаете насчёт того, чтобы прекратить выпуск этого говна — «ДБ-3», а вместо него вооружить «Авиацию Особого Назначения» многоцелевыми самолётами «ПС-84», приспособленными к ночному бомбометанию?

Улыбается:

— Сказать по правде у меня самого была такая мысль, товарищ Сталин. Но я не решался...

Шутливо грожу пальцем:

— В следующий раз — немедленно решайтесь, приказываю! Ибо, товарищ Сталин не кусается, обладает просто ангельским терпением и готов выслушать любое — даже самое необычное предложение. Что же касается учебного полка...

Пишу записку:

«Податель сего действует по моему прямому распоряжению и во благо Советского Государства. Всем организациям и должностным лицам оказывать полнейшее содействие.

И. Сталин».

Подаю документ в руки и уже прощаясь, на словах:

— Заверьте печатью у Поскрёбышева и вперёд! От имени Верховного Главнокомандующего дайте задание авиаконструкторам, сформируйте свой учебный полк, подберите толкового заместителя — на которого его можно оставить «хозяйство» и

готовьтесь в командировку. Сперва в Англию, потом в Америку. Уверен — сами догадываетесь для чего, да?

— Догадываюсь, товарищ Сталин.

Поднимаюсь и протягиваю прощаясь руку:

— Вот и ладушки! Подробные инструкции получите непосредственно перед отбытием.

Провожая его задумчивым взглядом, ибо Александр Евгеньевич Голованов — один из кандидатур в приёмники товарищу Сталину по окончанию Великой Отечественной Войны и, первое моё о нём впечатление:

Подходит!

Но ещё — работать и работать с ним, материалчик ещё изрядно сыроватый...

***

Ну вот наконец и первое в моей жизни заседание Совета Народных Комиссаров СССР («Совнаркома», если угодно или просто «СНК») где я председательствую. Заседания Советского правительства проходили в том же Сенатском корпусе Кремля — где находился сталинский кабинет и квартира, в специальном «Совнаркомовском» зале.

Очень удобно, кстати: «туда-сюда» можно ходить даже в домашних тапочках... Товарищ Ленин был далеко не дурак, выбирая главное административное здание для «с ноля» создаваемого государства.

Сперва разумеется поздоровавшись и выслушав встречное приветствие, «общим списком» оглядев протокольные наркомовские рожи, спрашиваю:

— Все собрались?

Яков Ермолаевич Чадаев — управляющий делами Совнаркома, отвечает с немалой озабоченностью:

— Товарищей из Наркомата авиационной промышленности пока нет. А так все.

«Их сюда не приглашали, поэтому их здесь и нет».

С ледяным спокойствием, отмороженным взглядом обвожу зал и:

— А их и не будет, товарищ Чадаев. Так как с этими, с позволения сказать... Хм, гкхм... «Товарищччами»! ...У меня будет разговор отдельный.

В зале повисла напряжённая тишина и отчётливо — как сквозняком из лубянского подвала, повеяло законными сталинскими репрессиями... Однако, с немалым удовлетворением замечаю: большинство взглядов были скорее злорадными, чем испуганными или сочувствующими потенциальным жертвам тирана и деспота с его античеловеческими замашками. По ходу, «Наркомат авиационной промышленности» или (НКАП) — эта самая большая в стране контора по распилу народного добра, уже всех до чёртиков достала своими загребущими...

Нет, не орлиными крыльями!

Куриными лапами при совершенно безмозглой башке!

Невольно поломал голову на тему:

«Как бы этой гоп-компании потактичней намекнуть чтоб начинали сами вешаться — начиная с авиаконструктора Яковлева и, избавили меня от лишних головняков?»...

Но так и не решил.

***

Наконец, начинаю:

— Товарищи! Международная ситуация накаляется с каждым днём и по всей видимости, этим летом нас ждёт большая война с гитлеровской Германией — к которой мы к сожалению, недостаточно готовы... И это ещё мягко говоря!

После гула голосов в зале и достаточно краткого объяснения: почему и по каким позициям — мы «не достаточно готовы», я провёл небольшую реорганизацию правительства:

— Наркоматы, которые будут подчиняться непосредственно мне — как Председателю Государственного Комитета Труда и Оборона (ГКТиО) — останутся наркоматами и уже сейчас переводятся на режим военного времени. Другие же (в том числе наркоматы республик и автономий) — переименовываються в «департаменты» и пока остаются в режиме мирного времени...

К последним относятся департаменты иностранных дел, финансов, внутренней и внешней торговли, здравоохранения, образования, юстиции, сельского хозяйства и так далее... Курировать департаменты будет мой заместитель как Председателя Совнархоза, член «ГКТиО» — Яков Ермолаевич Чадаев[3].

Таким образом я развязал себе руки для главного — руководства подготовки к обороне страны, всё второстепенное скинув на «зама».

Этот человек был умным, дисциплинированным, обладающим огромной работоспособностью и превосходной памятью — что немаловажно в докомпьютерную эпоху. За долгую службу в Совнаркоме, у Якова Ермолаевича практически не было замечаний — ни от кого бы то не было и, впоследствии он стал первым Управляющим делами Совета Министров СССР.

Тут же я утвердил на должности управляющими департаментами их ВРИО после недавней массовой гибели советской номенклатуры и, не забыв поздравить с официальным вступлением в должность:

— Надеюсь, мы с вами сработаемся, товарищи.

Вместо трагически погибшего Вознесенского, Председателем «Государственной плановой комиссия при СНК» (Госплан СССР) — стал Максим Захарович Сабуров, бывший до этого заместителем у погибшего Вознесенского.

Это который с «антипартийной группой» — в которую входил «и примкнувший к ним Шепилов», пытался свергнуть в 1957-м году Хрущёва.

Сказать по правде, больше ничего про этого человека не знаю, поэтому опять же — будем внимательно следить за его поведением и если что — по шапке.

Вместо безвременного ушедшего от нас Молотова, Заведующим департаментом иностранных дел стал Андрей Януарьевич Вышинский. Без всякого сомнения, этот человек со своей должностью справится.

Сразу же озадачиваю:

— Товарищ Вышинский! В преддверии большой войны нам требуется изрядно прибраться — другой возможности у нас уже может и, не быть. Поэтому в ближайшее

же время — не дольше чем через две недели, готовьте «Большое посольство» в Соединённые Штаты Америки — в эту самую большую и богатую в мире барахолку.

Бросив общий взгляд в зал:

— И товарищам наркомам и заведующими департаментами надо приготовить небольшие — но представительные делегации и, списки оборудования и ресурсов — которые необходимо приобрести для успешного функционирования.

Угрожающе:

— Вот только если узнаю, что кто-то превратит служебную командировку в шоппинг в личных целях — пеняйте на себя! «Шарашками» как в случае с Туполевым и его компанией — не отделаетесь.

Вышинский спрашивает:

— Кто будет возглавлять «Большое посольство», товарищ Сталин?

Переведя взгляд на присутствующее здесь лицо:

— Думаю, лучшей кандидатурой будет Заведующий департамента финансов — товарищ Зверев, чтоб свести до минимума проволочки с заключением контрактов и оплатой за них.

Тот поднимается и спрашивает:

— На какую сумму я могу рассчитывать, товарищ Сталин?

— Эээ... Для начала возьмите с собой пароход с золотом, а там посмотрим.

Вспомнив кое-что из послезнания:

— Кстати, товарищ Зверев... А в СССР ещё можно найти специалиста по игре на бирже?

Тот замешался, но ответил достаточно уверенно:

— Найдём товарищ Сталин.

— Как найдёте — немедленно отправьте его ко мне!

***

Из других департаментов, заданиями в тот раз озадачил три: юстиции, земледелия и образования.

Николаю Михайловичу Рычкову — начальнику Департамента юстиции СССР, дал задание подготовить три волны амнистий: к 8 марта — для всех имеющих несовершеннолетних детей женщин, к 1 мая — для всех политзаключенных (кроме причастных к шпионажу и террористической деятельности) и после начала войны — для всех уголовников-первоходок, кроме насильников и мужелонцев. Последние должны будут амнистироваться с обязательным условием добровольного вступления в ряды Красной Армии — после чего судимость с них снимается и они становятся такими же гражданами СССР, как все.

Кроме того, дал задание разработать новый закон в Уголовный кодекс, по которому лица совершившие третье преступление, считаются опасными для общества неисправимыми рецидивистами. Таковым назначается пожизненное заключение и направление на особо опасные производства — где особенно-то долго, не заживёшься...

В планах создание сперва ураново-добывающей отрасли, затем — обогащающей и, наконец — атомной промышленности.

Возможно такое, если и не ликвидирует преступность в целом — но по «воровскому миру» и «блатной романтике» — нанесёт сильнейший удар.

Ивану Александровичу Бенедиктову, ставшего Начальником Департамента сельского хозяйства СССР, приказал:

— Этой весной нашим крестьянам нужно будет потрудиться на пределе человеческих сил и даже сверх того и, засеять всё, что только можно засеять. Нужна оптимизация сельскохозяйственных культур и, в первую очередь — бросайте мудохаться с этим долбаным горным одуванчиком... Как хоть его, мать-перемать, всё забываю это дурацкое название?

Бенедиктов радостно, как будто ушам своим не веря:

— Тараксакум кок-сагыз, товарищ Сталин.

— Вот, вот! Его самого. Уже накопленный золотой запас СССР, позволяет закупать каучук в Латинской Америке для нужд промышленности.

Вспоминаю и думаю-соображаю:

«Через СССР закупает и транзитирует натуральный каучук Германия, кстати. Надо бы сделать так — чтоб часть этого добра пропадала на наших необъятных просторах по фарс-мажору...».

Ещё вот:

«А если через Вышинского подкатить к русской диаспоре в тех краях, где в лесу много-много диких обезьян?».

Аппетиты растут:

Ведь, «там где среди пампасов бегаю тюлени», не только каучук имеется... Но и например, такой ништяк как «бальса» — самая лёгкая и одновременно лёгкая древесина в мире (в высушенном состоянии легче пробки), из которой делаю доски для сёрфинга и ракетки для тенниса...

Вещь!!!

Ну и такая ерунда, как отдельные части для самолётов, или даже практически целиком деревянные самолёты, вроде британского многоцелевого «Москито».

Однако, хорош грёзить, вернёмся к нашему кок-сагызу — мать его итти.

Известная история, да?

Хотели как лучше — а получилось через жопу!

Чтоб избавиться от импортной зависимости, в СССР под эту культуру-каучуконос отводили лучшие земли. Но трудозатраты были столь огромны, выход готовой продукции столь минимален, а рентабельность (если в данном случае вообще можно применить это слово) — такая низкая, что проще всё-таки тратить золото для закупки этого сырья, тем более что никто эмбарго на его ввоз в страну победившего социализма не объявлял.

Конечно, с началом Второй мировой войны, стоимость натурального каучука скаканула в заоблачные дали...

А разве не так же резко скаканула ценность трудовых ресурсов внутри страны?

Рабочие руки, которые собирали сперва семена этих «одуванчиков» (сами попробуйте!), сеяли неизвестными мне образом, а затем выкапывали корешки и извлекали из них каучук — могли бы заниматься чем-то более полезным во время войны.

Тем более, мы не нищие попрошайки — нам есть на что покупать!

В 1941-м году, золотой запас страны достиг своего исторического максимума: 2800 тонн и его хватило аж до 1991-го года.

Так куда его девать, это золото?

И чё жопиться, приберегая презренный металл для Горби с его прорабами Перестройки да ЕБН с мальчиками-гайдарчиками?

Золото во время войны кушать не будешь!

А вот хлеб, хотя бы и чёрный — выращенный вместо этого «одуванчика», будешь уплетать за обе щёки.

Тем более я знал, что за годы войны, советской стороной по Ленд-Лизу будет получено три с половиной миллионов покрышек, примерно столько же камер и, почти два миллиона тонн синтетической резины и натурального каучука для их изготовления шин... И даже завод по их производству — который так и не был запущен, из-за нашего советского раздолбайства.

Я так же хорошо знал о военном и послевоенном голоде, когда от истощения умирали не только в блокадном Ленинграде, а например — даже в находившемся за тридевять земель от фронта Архангельске[4]...

Так на хрена тогда?

Продовольственный вопрос во время войны будет стоять очень остро!

Поэтому решать, надо начинать прямо сейчас:

— Кроме этого, товарищ Бенедиктов, по весне надо привлечь городское население — пенсионеров, школьников, студентов, рабочих и служащих в выходных и отпусках... Парткомы, месткомы, профкомы... Даже балерин, балерунчиков из Большого театра и ёперных певцов иже с ними. Да, что там... Всех клоунов из цирков!

«Потом сами спасибо скажут».

— Нужно насадить как можно больше картофеля, понимаете? Везде, где только можно — вплоть до городских парков и клумб. Понимаете, товарищ Бенедиктов?

— Понимаю, товарищ Сталин.

Продолжаю грузить:

— Сохранить урожай не менее важно, чем его вырастить. Поэтому, как только закончите с повсеместной посадкой картофеля, тут же начинайте копать овощехранилища. Не затягивайте до прилёта белых мух и пришествия полярных пестцов!

— Если встретите недопонимание на каких-нибудь уровнях — обращайтесь напрямую к чекистам, там помогут: кто откажется садить картошку или начнёт саботировать — тот отправится пилить лес.

Однако, сомнения обуревают:

«А хватит ли семенного материала?».

Нашёлся тут же:

— Если семян не хватает, Вы только свистните и, Внешторгу — будет поручено закупить семенной картофель в Америке.

Внутренний голос, ехидно-скептически:

«Фуйню какую-то придумал... Пока из Пиндосии на судах в порты привезут ту картошку, пока выгрузят... Пока погрузят в вагоны, да по городам и весям развезут... Пока то да сё — сгниёт твой семенной картофель».

«Блядь, а ведь точно... Забыл где живу!».

И несколько истерично, признаюсь, провозгласил:

— Самолётами по стране семенной материал развезить будет, но картошки насадим с

запасом!

Кроме продовольственной, ещё одна причина по которой я — как три года не евший, доеб... Хм, гкхм... Докопался до этой сельхоз культуры. Искусственный каучук в те времена делали из спирта, а самый дешёвый спирт получался как раз из картошки.

А выпуск резины, надо к этой осени увеличить не менее чем вдвое!

Воспользовавшись моментом, Бенедиктов решил срубить побольше преференций для своего ведомства и, едва не причитая:

— Товарищ Сталин, с техникой просто беда!

— Жалуйтесь, товарищ Заведующий сельским хозяйством, что за беда такая с вашей техникой приключилась?

— С заводов — ни новых тракторов, ни комбайнов, на запчастей не приходит... Грузовики стоят без шин... ГСМ выпрашиваем где только можно по чайной ложке... Механизаторов забирают в Красную Армию...

Изрядно неприязненно косясь на присутствующего здесь маршала Кулика и, надо признаться — отвечающего ему тем же, той же монетой:

— ...Имеющие же трактора, забирают в Наркомат обороны в качестве артиллерийских тягачей и, было бы не так обидно — если бы с пользой. А то ведь стоят под открытым небом на сборных пунктах, не ремонтируются, обслуживаются кем попало. Получается, что ни нашим, на вашим!

Эту проблему я знал. Поэтому понимающе кивнув и, в упор глядя на багровеющего Кулика:

— Мы с товарищами из Наркомата обороны хорошенечко поразмыслим и, уверен — обязательно придумаем, как сделать так — чтоб было «и вашим было и, нашим».

Народным комиссариатом просвещения — «Наркомпросом», враз по моей воле ставшим «Департаментом образования СССР» — руководил Потемкин: но не броненосец вовсе, а Владимир Петрович... Бывший дипломат и он мне сразу чем-то не понравился.

Бывает такое, да?

Однако с ходу никого на замену найти не смог, поэтому решил пока работать с ним, а там посмотрим.

В этот раз просто приказал ему и всё:

— С первого сентября этого года система советского образования должна быть такой: после семи классов средней образовательной школы, молодой человек — по мере врождённых склонностей и проявленных способностей — или сразу идёт работать на производство... Или поступает в фабрично-заводское училище, техникум или колледж. Последние — для гуманитарных специальностей: медики, торговцы, юристы и прочая им подобная пи...здобратия, если сами не допетрили.

— После окончания этих средне-специальных учебных заведений, выпускники направляется на промышленные или сельскохозяйственные предприятия страны, в учреждения и заведения — откуда после наработки определённого стажа, наиболее достойные будут направляться в высшие учебные заведения...

Вижу, тот что-то хочет спросить, но я повысив голос — давая понять что выслушивать возражения не собираюсь, категорически требую:

— ...Через полтора месяца жду государственного плана и графика перехода на такую систему образования. С первого сентября она должна заработать.

Что ещё?

Ах, да!

Чуть самое главное не забыл:

— В систему образования вводятся уроки обязательной начальной военной подготовки: после общеобразовательной школы допризывник должен знать строевую подготовку, стрелковое дело и тактику стрелкового подразделения. После средне-специального учебного заведения, это должен быть почти готовый младший командир. С наркомом обороны состаканьтесь на этот счёт и на всех парах — только вперёд, товарищ Потёмкин... Семь фунтов Вам под киль и попутного ветра в жо... В корму!

Давая понять, что на этом разговор закончен:

— У меня всё!

Посмотрю на его первые шаги, а потом решу: оставить его на этой должности, или снять и законопатить куда подальше.

Затем, обрадовал народ введением в самое же ближайшее время системы «Всевоенобуча» — военная подготовка населения без призыва в армию и отрыва от производства.

Кроме этого, с этой весны планируется призывать в Красную Армию и женщин, не имеющих специальностей — характерных для «слабого пола в сапогах и шинели»: например медика, связиста и так далее... Такие, главным образом — будут проходить службу в частях войск ПВО страны (заряжающими зенитных орудий, прожектористами, операторами звукоулавливающих установок и др.) и наблюдателями в подразделениях ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) ВВС РККА.

Озвучив сии намерения, разъяснил:

— Соответствующие законы уже готовится в Верховном Совете и, скоро будут одобрены всеми ветвями власти, которые я представляю.

Морщу лоб от тяжких раздумий:

«Так, так, так... Для женщин надо заказать специальную униформу: ведь у них грудь выше чем у среднестатистического красноармейца, а жопа наоборот — ширше... Опять же: специальное нижнее бельё — ведь бойцу РККА по уставу бюстгальтер не полагается. Опять же — трусея! Какие трусы должна носить женщина-военнослужащий? «Семейники» по колено или что-то вроде панталон? Ну и что-то специально для... Хм, гкхм... Для «критических дней» — чёрт бы их побрал! Обычная вата пойдёт, интересно? И сколько её надо в месяц на один «штык» в юбке? Надо бы с Валентиной Васильевной посоветоваться по этому поводу...».

Поставил в известность собравшихся об ликвидации Академии Наук и об образовании «Научно-технического комитета при Совете Народных Комиссаров СССР» — «НТК СНК СССР», под председательством Глеба Максимилиановича Кржижановского...

Уведомил об создании «Информбюро при СНК СССР» — которому подчиняются все средства массовой информации страны и, представил Льва Захаровича Мехлиса — как его Председателя.

Обрадовал и ликвидацией Всероссийской Академии художеств — вместо неё отныне

будут отдельные объединения «по интересам» — вроде Союза писателей СССР, курируемые «Информбюро» товарища Мехлиса...

И на этом отпустил заведующих департаментами, оставшись работать с наркомками.

***

Сперва, конечно такая же песня — кадровые назначения и перестановки в наркоматах.

Вместо сгинувшего в кремлёвских катакомбах Кагановича, Наркомом путей сообщения СССР я назначил совершенно нового человека — Ивана Владимировича Ковалева. Е «реальной истории», это назначение произошло лишь 20 декабря 1944-го года. До этого же, с мая 1941-го, Ковалев являлся заместителем Наркома госконтроля СССР по железнодорожному транспорту...

То есть это — человек Льва Мехлиса и, надо признать — в его команде очень способные руководители и незаурядные люди.

С началом войны был переведен в РККА и, в июле 1941-го стал начальником Управления военных сообщений Красной Армии. С 1943-го года он становится первым заместителем начальника, а в 1944-м — начальником Центрального управления военных сообщений.

На этой должности Ковалев получал сводки по итогам дня, включая сведения о задержках тех или иных транспортов, причинах задержек, принятых мерах, и ежедневно докладывал Сталину о продвижении воинских эшелонов и о состоянии железнодорожной сети. Причем докладывал только по памяти, она у него была просто феноменальная.

Достойный для этой должности человек, судя по «послезнанию»!

Так почему бы зная это, не ускорить максимально его карьеру?

Кадровые изменения, в некоторых наркоматах шли рука б руку с реорганизацией отдельных — очень громоздких и посему — трудно- и неэффективно управляемых госструктур.

Это касалось например Народного комиссариата химической промышленности (НКХП), в который входило одиннадцать главных управлений: по управлению предприятиями азотной промышленности, основной химии, горно-химической, лакокрасочной, анилинокрасочной, йодо-бромной, резиновой, каучуковой и пластических масс... Два управления производства военной химии, управления сбыта и снабжения, учебных заведений и геолого-разведка... Плюс отдельные тресты.

Химия — это очень важно для войны!

С целью разгрузить этого «монстра», я вывел из состава наркомата стекольное, фарфоровое и спичечное производства и передал их в подчинение республиканским департаментам промышленности.

Также из химпрома были выведены предприятия резиновой, шинной, асбестовой, каучуковой отраслей, трест «Союзрасткаучук», научно-исследовательские, проектные и учебные институты соответствующего профиля... Из них был создан новый наркомат — резиновой промышленности[5], во главе которого был назначен Тихон Борисович Митрохин.

Последнему была тут же поставлена задача:

— Товарищ Митрохин! Нам срочно нужен второй гигант шинной промышленности на Востоке и, лучше всего — в Омске или даже Барнауле. Через две недели жду ваших письменных соображений по этому поводу, товарищ нарком.

Про сырьё для производства синтетического каучука рассказывал — это картофельный спирт: отвратительное «пойло» — зато самое дешёвое.

По этой причине местом строительства первого советского гиганта резиной промышленности выбрали именно Ярославль — где урожайность этой культуры была наибольшей в европейской части страны.

За Уралом же, как по своему времени знаю (ибо сам родом их тех мест), рекордсмены по выращиванию картофеля — именно Алтайский край и Омская область...

Ведро с куста и картоха — во!

В довоенном СССР, единственным предприятием — производящим шины для авиации артиллерии, танков, автотранспорта был Ярославский резино-асбестовый комбинат (ЯРАК).

Во-первых, его изделий критически не хватало — отчего даже в мирное время тысячи машин стояли «разутыми»...

А во-вторых, летом 1943-го — он был полностью уничтожен авиацией Люфтваффе и, если бы не Ленд-Лиз...

Впрочем, Ленд-Лизу мы обязаны не только покрышками для всех видов техники. Но вся беда в том, что все основные «плюшки» от союзников нами были получены в 1943-1944-х годах — когда полстраны уже лежало в руинах и сплошь было покрыто братскими кладбищами...

Меня это ни в коем случае не устраивает!

Поэтому, я не намерен просто так сидеть на попе ровно и ждать милости от Рузвельта.

Как уже говорил, при каждом наркомате должно быть несколько ВУЗов — для подготовке специалистов и не менее одного НИИ — для разработки технологий.

Кто будет возглавлять НИИ Наркомата химической промышленности, я уже определил: Алексей Александрович Баландин — руководитель кафедры органического катализа на химическом факультете МГУ. Организовав лабораторию органического катализа, этот учёный в 1943–1944 годах создал технологию получения синтетического каучука из газов образующихся при крекинге нефти, за что получил Сталинскую премию.

Надеюсь теперь, Сталинскую премию он получит хотя бы на год-полтора раньше...

Конечно — не без творческой подсказки и бодрящего «пинка под задницу» со стороны «Научно-технического комитета при Совете Народных Комиссаров СССР» и нас с Глебом Максимилиановичем Кржижановским, лично.

Народным комиссаром химической промышленности был и ныне здравствующий Михаил Денисов... Но видимо со своими обязанностями во время войны он не справлялся и, посему в феврале 1942-го года — был заменён на Михаила Георгиевича Первухина, проработавшего на этой должности аж до 1950-го года, когда он был повышен до заместителя председателя Совета Министров СССР...

Так почему бы не сделать этого раньше?

«Послезнание» — великая сила и это касается не только «заклёпок»!

Выделил из Наркомата среднего машиностроения — наркоматы автомобильной (нарком — «тот самый» Лихачёв, который — «ЗиЛ») и танкостроительной промышленности

(тот самый Малышев, в «реальной истории» — «Князь танкоградский»).

Оба сразу, не сговариваясь, ринулись в бой за интересы своего ведомства.

«Тот самый» Лихачёв, а точнее — Иван Алексеевич, первый директор «ЗиСа» — второго по величине автомобильного гиганта страны (после смерти Реципиента, переименованного в «ЗиЛ») и до недавнего момента — Нарком среднего машиностроения СССР, почуяв «ветер перемен» — ринулся топить НКАП, без того на то разрешения:

— Товарищ Сталин! С автомобильной промышленностью страны, творятся самые настоящие безобразия! Нас перегружают заказами от других наркоматов, и в первую очередь — от авиационной промышленности. У нас отбирают целые заводы, и даже моторостроительные цеха основных производств — Горьковского завода имени Молотова и Московского — имени Сталина, переподчиняют для производства авиамоторов...

Сразу видно — у человека наболело и наболело конкретно:

— ...Выпуск основной продукции падает: в 1938-м году было выпущены 211 тысяч автомобилей, а в прошлом — в 40-м, всего 110 тысяч... Скажите мне: разве Красной Армии не нужны автомобили?

«Князь танкоградский», а точнее — Вячеслав Александрович Малышев, до этого — заместитель председателя СНК СССР и председатель Совета по машиностроению при СНК СССР, туда же:

— Товарищ Сталин! Моторостроительный завод «№ 75» не приспособлен к выпуску танковых дизелей «В-2», которые по технологической сложности — скорее относятся к авиационным двигателям и должны производиться на моторостроительных заводах Наркомата авиационной промышленности... Иначе, мы сорвём танкостроительную программу.

Иван Исидорович Носенко — Нарком судостроительной промышленности СССР, и поддержал:

— Товарищ Сталин! Недавно в Наркомат авиапромышленности был передан Воронежский завод судовых дизелей... Под угрозой не только выпуск малотоннажных морских судов и буксиров по программе «Большого флота» — но и производство тяжёлых понтонных парков для РККА.

Строго посмотрев на этих «трёх богатырей» — поднявших копыта на нашего разжиревшего, толстожопого и кое-как летающего дракона: не так огнедышащего — как испускающего неприличные звуки из-под хвоста и, рявкнул:

— Хватит!

Делая соответствующий жест рукой:

— Вы — трое, а ну-ка быстро подошли сюда.

Когда они оказались перед трибуной, привстав наклоняюсь к ним и шиплю:

— Товарищам новоявленным наркоматам категорически не рекомендуется скакать поперёк бабки в пекло. Как дам команду «фас!!!» — будете рвать, а сча даже гафкать не смейте. Где-то через недельку встретимся, а пока занимайтесь организационными вопросами.

Создал отдельный Наркомат артиллерии и поставил во главе него Амо Сергеевича Еяна, до этого бывшим директором «Горьковского артиллерийского завода № 92» — где главным конструктором трудился «тот самый Грабин».

Этот завод прославился... Ээээ...

Прославится!

...Конвейерным производством пушек во время войны — что без участия директора никак не возможно, а его главный конструктор — их скоростным проектированием и технологическими картами.

И я очень надеюсь, что в «текущей реальности», эта «сладкая парочка» обрадует нечто подобным на общесоюзном уровне...

Особенно после моей подсказки.

***

Как и намеривался ранее, Наркомом обороны СССР назначил маршала Кулика.

Конечно среди мои современников «там», это назначение вызвало бы бурю негодования и протеста — так как среди электората Григорий Иванович канает за «маршала поражения»...

Позвольте, но маршал маршалу рознь!

Как и среди других профессий, при всей их профессиональной тупости — среди военных существует определённая специализация: один стратег думает над каким-то хитрым стратегическим планом, другой командует войсками — выполняя этот план в реале, третий обеспечивает выполнение этого плана материально...

Это как в коллективных видах спорта, например в футболе: нападающий бежит за мячом — чтоб его забить в ворота, защитник бежит за нападающим — чтоб пнуть его по лодыжке и не позволить забить, а вратарь ловит мяч — если защитник промахнулся по лодыжке нападающего...

Тренер же сидит на скамейке запасных и на чём свет стоит материт всех троих.

Все при деле и каждый занят тем, что умеет и к чему имеет прирождённые предрасположенности.

Но видно до войны, коллективный разум Политбюро — этого не понимал (или наоборот — очень хорошо понимал) и, оттого делал очень странные назначения — поставив к примеру чисто строевика Жукова во главе Генерального Штаба РККА.

После разгромно-катастрофического начала войны же, тот же «коллективный разум» запаниковал и в поисках спасителя собственной задницы — стал отправлять командовать фронтами всех подряд, в том числе и маршала Кулика — чисто хозяйственника...

Ясное дело, что эта затея была обречена на фиаско ещё на стадии смелого замысла!

Это как в футболе, после первого же пропущенного мяча — поставить нападающего ловить мяч, тренера — бегать за мячом, вратаря — пинать по лодыжке тренера, а защитника — материться со скамейки запасных... А потом удивляться, что в наши ворота был забит второй, третий... И десятый гол.

Возвращаясь к нашим баранам, скажу: нарком обороны — должность скорее хозяйственная, чем штабная или строевая. При всех своих действительных или мнимых недостатках, маршал Кулик с 1937-го возглавляет «Главное артиллерийское управление» (ГАУ РККА) — занимающееся вопросами вооружения, перевооружения, снабжения армии боеприпасами и ещё много чем — полный список оказался бы слишком длинным...

И вот с этой-то стороны, Григорий Иванович — именно маршал Победы!

Ведь каждый принимаемый на вооружение перед войной патрон, не проходил мимо

него.

Жуков писал в своём историческом высере, что маршал Кулик якобы «недооценивал автоматы»...

Клоун!

Человек, отвечающей за вооружение — «недооценивает», а на 22 июня 1941-го года — на вооружении РККА состояло порядка ста тысяч пистолетов-пулемётов.

Откуда?

Такая же хрущёвская история, в общем то — как со Сталиным и победившим вопреки его воли советским народом.

Да, что там какие-то несчастные автоматы, или как там их — пистолеты-пулемёты...

Возьмём к примеру танк Победы: «Т-34» — даже американским каналом «Дискавери» признанный за «лучший танк Второй мировой войны»...

Уж там-то нам врать не будут!

Читаешь какой-нибудь хорошо документированный источник[6] про его создание, принятие на вооружение и начало серийного производства и, то и дело натыкаешься, например на такое:

«Необходимо отметить, что для обеспечения проведения столь масштабных испытаний полномочий начальника ГАБТУ КА Я.Н. Федоренко было недостаточно. В связи с этим заместителем народного комиссара обороны СССР маршалом Советского Союза Г.И. Куликом 25 октября 1940 г. была издана директива «№ 76791с» о проведении НИ полигоном ГАБТУ КА в период с 27 октября по 27 ноября 1940 г. испытания длительным пробегом трех полностью укомплектованных танков Т-34...».

«В первой половине января 1941 г. заместитель народного комиссара обороны СССР Г.И. Кулик подписал подготовленные в ГАБТУ КА письма на имя председателя Комитета обороны при СНК СССР и народного комиссара среднего машиностроения о результатах проведенных испытаний трех танков Т-34 длительным пробегом. В вышеуказанных письмах (№ 144090с и № 144140с) были перечислены основные недостатки танка Т-34, выявленные в ходе испытаний длительном пробегом, а в заключительной части содержалось требование о принятии решительных мер по их скорейшему устранению...».

«Руководство ГАБТУ КА согласилось с предложением А.А. Горегляда и 2 декабря 1940 г. заместитель начальника ГАБТУ КА И.А. Лебедев в письме № 77287с сообщил заместителю народного комиссара обороны СССР Г.И. Кулику, что считает возможным принять 143 танка Т-34 с максимальным углом возвышения пушки в 25° (без переделок башни). Резолюция Г.И. Кулика на этом письме была краткой — «Разрешаю». О решении Г.И. Кулика принять 143 танка Т-34 с максимальным углом возвышения пушки Л-11 в 25°, вместо 30°, ГАБТУ КА незамедлительно уведомило народный комиссариат среднего машиностроения и военную приемку на заводе № 183. В завершении рассмотрения этого вопроса необходимо отметить, что из переписки руководителей заводов № 183 и Мариупольского (письма № СО6466 и № 61с) следует, что вина в сложившейся ситуации была обоюдной...».

Так кто, как не он?

По крайней мере, другого — более опытного хозяйственника, я в армии пока не вижу. Расстреляли же его в «реальной» истории вовсе не за отсутствие таланта, а за длинный язык.

Распустил его, а коллеги-генералы — сдали, ибо среди этой коды — он держался волком-одиночкой, то есть не был своим.

Кстати, это...

Хорошо, что вспомнил про Жукова: надо будет в обед обязательно на Лубянку позвонить и сказать чтоб их с Тимошенко из кутузки выпустили.

Пока же:

— Товарищ Наром обороны СССР!

Вскакивает с места — гордый и важный такой:

— Слушаю, товарищ Сталин.

— Подойдите ко мне.

Когда Кулик, едва ли не бегом приблизился, сую ему в руки папочку с надписью «Приказ № 1» и не громко — чтоб больше никто не слышал, но на полном серьёзе:

— В Красной Амии вводится цветовая дифференциация по штанам.

— Извините, товарищ Сталин...?

Товарищ не понял.

— Объясняю буквально на пальцах, товарищ маршал СССР: от младшего лейтенанта до капитана включительно — штаны останутся синими, как на Вас сейчас. От майора до полковника — красные. Все генералы будут носить жёлтые штаны, а маршалы всех видов — в крупную клетку всех трёх цветов... Как меня слышите, приём?

Тот побагровев перезрелым помидором и мгновенно вспотев — аж ручьём побежало, глухо выдавил из себя:

— Товарищ Сталин! Требую немедленной отставки со всех должностей.

Не мог удержаться от смеха:

— Хахахаха!!! Вы хотя бы документ сперва прочтите, а потом отставки просите... Хахахаха!!!

Кулик открывает папочку и шевеля губами читает — прямо на глазах светлея и с каждой прочитанной строчкой — «проясняясь» ликом.

Наконец, закрыв документ, от счастья сияя новой Луной на чистом от облаков небом:

— Есть всему командному составу перейти на обмундирование полностью защитного цвета!

Конечно, я кое-какие финтифлюшки для удовлетворения командирского тщеславия оставил — а то ведь расплачутся, как великовозрастные ученики спецшколы для «альтернативно одарённых». От младшего лейтенанта до капитана включительно — сбоку штанов защитного цвета будет узенький красный лампасик, от майора до полковника — два узеньких красных лампасика, у генералов — один широкий, а у маршалов — два широких красных лампаса.

Кулик отошёл от меня, буквально весь — от головы до ног, лучась от прямо-таки внезапного счастья. И у меня тоже — в полном и строгом соответствии с обратной связью, настроение поднялось: ведь это так здорово для человека — осчастливить ближнего...

А разве диктатор, тиран, деспот (и далее по списку) не человек?

Ещё какой!

Самый человечный человек.

***

Главное же событие первой половины дня, которое уверен — будет иметь грандиозно-потрясающе последствия...

В сравнительно отдалённой перспективе, конечно.

Из «Народного комиссариата электропромышленности» выделил «Наркомат радиопромышленности», на который поставил академика Иоффе.

Почему именно он?

Приходилось читать, что Абрам Фёдорович был не столько учёным — сколько организатором науки, а стало быть — имеет вполне определённые организационные способности, очень надеюсь — что незаурядные.

Тот было, поначалу пошёл в глухой отказ:

— Я учёный, товарищ Сталин! Я никогда не руководил наркоматами.

Давая знать, что дискуссия в данном случае неуместна — «яйцеголовых» не переспоришь, усмехаюсь:

— Вам ещё повезло, товарищ Иоффе! Я например — всего лишь недоучившийся семинарист и, никогда ещё не был — ни Председателем Совнаркома, ни Председателем Верховного Совета, ни тем более — Верховным Главнокомандующим...

Голос мой стал несколько угрожающим:

— ...Так что не выёживайтесь товарищ академик, а назначьте себе заместителей, начальников главков по направлениям — создав таким образом свою команду, вызовите директоров заводов и приступайте к работе.

Тот видит — деваться некуда, и:

— Я согласен, товарищ Сталин.

Ну, что я говорил?

Умный человек оказался, недаром академик.

Даю первое задание:

— Нам с вами надо к лету, хотя бы вдвое увеличить выпуск продукции для Красной Армии и прежде всего — танковых, авиационных и носимых пехотных радиостанций с кварцевым резонатором. Требуется резко увеличить производство радиолокационных станций — не менее чем в пять раз! А для этого, радиопрому надо немедленно прекратить выпуск всей гражданской продукции...

Подумав, решил что учить академика нечего — дядька уже взрослый, дееспособный и имеющий голову на плечах:

— ...А впрочем, сами решайте — что делать: Вам как Наркому видней. С моей же стороны, Вам будет оказана любая посильная поддержка.

Напоминаю:

— Слышали мой разговор с товарищем Вышинским? Готовьтесь в командировку, собирайте делегацию, готовьте список оборудования и технологий — которые необходимо закупить.

Кроме всего прочего, имелось и ещё одно соображение: как среди советских, так и среди зарубежных учёных — академик Иоффе имел большой авторитет, поэтому заручиться

его поддержкой перед ликвидацией Академии наук СССР, было бы не лишним.

С той же целью, я чуток приоткрыл перед ним свои далеко идущие планы:

— В будущем же, Абрам Фёдорович, я вижу ваш наркомат таким же мощным и влиятельным, как положим — Наркомат авиационной промышленности... Не меньше!

Подняв палец вверх:

— И только в ваших силах сделать так, чтоб это «будущее» — настало как можно раньше!

Вижу, от открывающихся перед ним перспектив — у академика буквально в зобу дыханье спёрло и понимаю:

«Всё будет на мази».

К Абраму Фёдоровичу подсел Глеб Максимилианович Кржижановский и, они о чём-то начали очень оживлённо трещать... «Состаканились», стало быть.

«Ну, значит — всё будет на конкретной мази!».

В общем же, как и обещал на Съезде Верховного Совета СССР — поручил правительству скорректировать «планов громадьё» по Третьей пятилетке, добавив к принародно озвученным ещё полный отказ от программы строительства «Большого флота» — который «в реале» произошёл вскоре после начала войны и свёртывание возведение «Линии Молотова» на западной границе — которое тоже будет прекращено после «внезапного и вероломного»:

— Все силы и ресурсы на Восток, товарищи! Впрочем, на эту тему мы с поговорим ещё: как со всеми вами вместе — так и с каждым по отдельности. И причём не раз и даже не два.

[1] Факт, что фонд Сталинской премии финансировался из гонораров и зарплаты самого товарища Сталина — документально никак не подтверждается, а является получившим распространение мифом. С другой стороны, гонорары от издательств (в том числе и зарубежных) Сталин не получал — они шли напрямую в госбюджет.

Так, какая разница?

[2] Этот клон «Дугласа» более известен под брендом «Ли-2»

[3] Что удивительно, во всём Интернете не нашлось фотографии этого человека!

[4] В этом городе, зимой 1941-42 гг умер от голода каждый десятый житель.

[5] В «реальной истории» Народный комиссариат резиновой промышленности СССР был образован 28 марта 1941 года.

[6] Рекомендую Желтов И.Г., Макаров А.Ю. "Харьковские «тридцатьчетверки»"

Глава 14. «Враг моего врага» или «окончательное применение еврейского вопроса»

Русский философ-эмигрант Иван Солоневич:

«Перед Россией со времен Олега до времен Сталина история непрерывно ставила вопрос: „Быть или не быть?“ „Съедят или не съедят?“. И даже не столько в смысле „национального суверенитета“, сколько в смысле каждой национальной спины: при Кончаках времён Рюриковичей, при Батях времен Москвы, при Гитлерах времен коммунизма... — дело шло об одном и том же: придет сволочь и заберет в рабство... Тысячелетний „прогресс человечества“ сказался в этом отношении только в вопросах техники: Кончаки налетали на конях, Гитлеры — на самолётах. Морально-политические основы всех этих налетов остались по-прежнему на уровне Кончаков и Батыев...».

Историк Елена Прудникова:

«Однако пишется она (история) мужчинами. А мужчины любят играть в солдатики, и с этим ничего не сделаешь. Любой из них, едва попав на заветную тему, вроде пушки Грабина или взрывчатки Леднева, сразу забывает обо всём и принимается с упоением обсуждать, как бы повернулась война, если бы эти чудные изобретения стояли на танках или лежали в трюмах. А уж когда доходит до действий мехкорпусов, остается только доставать с полки Донцову — ничего другого в этот вечер просто не будет».

Из записи беседы посланника президента США Гарри Гопкинса с Иосифом Сталиным 31 июля 1941 г.:

«Он сказал мне, что в первую очередь русская армия нуждается в легких зенитных орудиях калибра 20, 25, 37 и 50 мм и что им нужно очень большое количество таких орудий для защиты своих коммуникаций от самолетов-штурмовиков.

Следующая большая его потребность — в алюминии, необходимом для производства самолетов.

В-третьих, необходимы пулеметы калибра приблизительно 12,7 мм и, в-четвертых, винтовки калибра примерно 7,62 мм. Он сказал, что ему нужны тяжелые зенитные орудия для обороны городов».

Оставшееся до обеда время, я молча сидел за столом в президиуме Совнаркома и внимательно слушал — в основном междуособную грызню наркомов, изредка встревая и для порядка давая «по ушам» особо рьяным спорщикам...

Пока посмотрев на часы, не дал приказ закругляться:

— Ну, всё товарищи: объявляется перерыв на обед, который — дело святое, поэтому не смею вас задерживать. Встретимся перед ужином, на вечерней планёрке, где обсудим с вами итоги дня... Ну, а теперь приятного аппетита.

Обернувшись к сидящему рядом Мехлису:

— А теперь, Лев Захарович, как и условились, приступаем к операции «Дочь еврейского

народа».

Тот, по-пионерски шутливо отсалютовав:

— Всегда готов!

Встав, обратился к женщине в зале:

— Товарищ Жемчужина!

Заметно неприязненно, исподлобья посмотрев в мою сторону, та:

— Слушаю, товарищ Сталин...

— Полина Семёновна! Подойдите ко мне, если Вас не затруднит, конечно.

Её не затруднило и вскоре вдова Молотова, оказалась подле нас с Мехлисом.

Рисунок 48. Полина Семёновна Жемчужина (Перл Соломоновна Карповская).

Женщина типичной еврейской внешности, в строгом костюме и с тремя орденами на груди, источающая аромат дорогого парфюма, с хорошо уложенной причёской и ухоженными руками, на вид возрастом...

«Где-то за тридцать».

Слегка поклонившись, со всей галантной учтивостью — так идущей любому уважающему себя деспоту, говорю:

— Полина Семёновна! Приглашаю Вас отобедать со мной и убедительно прошу не отказывать в столь ничтожной просьбе...

Вижу что боится и оттого колеблется, весело подмигнув и по-гусарски расправив рукой усы:

— Приставать и домогаться не буду — ибо не так давно сочетался законным браком, и... Хм, гкхм... Блюда супружескую верность. Да к тому же обед будет происходить не «в номерах» — а в людном месте и в присутствии товарища Мехлиса.

Улыбнулась, хотя и несколько криво:

— А я то уж надеялась...

Посмотрев почему-то куда-то влево-вверх, как будто надеясь обнаружить так какие-скрижали от царя Соломона, та недоверчиво спросила:

— ...Всего лишь пообедать?

Как кот перед тем как слопать хозяйскую сметану, делаю загадочный вид:

— Во время обеда я сделаю Вам предложение, от которого уверен — Вы не сможете отказаться.

Подумав, она наконец-то решилась:

— Хорошо, я согласна, Иосиф Виссарионович... Выслушать(!) ваше предложение.

Навряд в мыслях у Полины Жемчужиной было, что товарищ Сталин будет её сексуально домогаться и даже возможно изнасилует — со всеми положенными в таких случаях деспотическими извращениями... А вот то, что во время обеда травануть чем — так это запросто. Ибо уже стали похаживать слушки об моей причастности к гибели Политбюро и Съезда, причём — с весьма неллицеприятными подробностями...

Вот она и смотрит на меня волком, считая так или иначе виновным в смерти своего мужа.

«Муж и жена — одна сатана», говорит народная мудрость и к чете Молотовых — она подходит как ни к кому лучше.

Про покойного Вячеслава Михайловича враги и друзья говорили:

— Железный нарком!

Ну или — «Железная башка», в зависимости от обстоятельств и настроения. По некоторым свидетельствам, перед его упрямством — переходящим в упорную упёртость, даже сам Реципиент пасовал и не раз.

Про Полину Семёновну тоже можно сказать:

— Железная леди!

Жемчужина, вовсе не сидела наслаждаясь бездельем на шее у своего сверхвлиятельного мужа, вовсе нет!

Это была умная, энергичная и деловитая женщина.

Проработав сперва в партийных органах, она последовательно была директором парфюмерной фабрики «Новая заря», управляющей трестом парфюмерии, начальником Главного управления парфюмерно-косметической, синтетической и мыловаренной промышленности, заместителем наркома пищевой промышленности...

Наконец — пик карьеры: в 1939-м году Жемчужина была назначена наркомом рыбной промышленности и вроде бы даже — по настоянию самого Вождя[1]!

Ещё один «сталинский выдвиженец», короче...

Точнее — «выдвиженка».

Правда, уже через год её с наркомов «попросили» и ныне от «Железной леди» осталась лишь одна тень: в данный момент Полина Жемчужина — начальник Главка текстильно-галантерейной промышленности Наркомата лёгкой промышленности РСФСР. В «реальной истории», чёрная полоса в её жизни продолжится и, феврале 1941-го года — она будет выведена из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б)...

Ну а потом, уже после войны — широко известная и достаточно мутная история с израильским послом Голдой Меир, арест, ссылка и так далее...

Однако, у нас уже не «реальная история» — а альтернативная!

Естественно, когда её пригласили на совещание Сталина с наркоматами союзного значения, она была удивлена и заинтригована. Я за ней следил: всё время она просидела крутя головой, не понимая — зачем она здесь... И получив всего лишь приглашение на обед, по всему виду — была несказанно разочарована и даже несколько напугана: что же это такое затевается насчёт неё?

Но женское любопытно взяло вверх над страхом.

***

Обедали в том же Сенатском корпусе — в совнаркомовской столовой, где у Реципиента оказывается — был свой отдельный кабинет.

Хотя — слишком громко сказано: всего лишь огороженный лёгкими перегородками участок помещения у окна — где из всей мебели (не считая столика и четырёх стульев, конечно) был лишь единственный роскошный фикус в небольшой деревянной бочке на подоконнике.

Даже руки перед едой и то — пришлось мыть «на общем основании»!

Практически в полном молчании, лишь эпизодически отдавая дань уважения работникам кухни совнаркомовской столовой, проглотили первое, второе и вдогонку салат... Вижу: Жемчужина — всё больше и больше просто звереет от любопытства и, наконец — когда унесли пустые тарелки, у неё против воли вырвался крик души:

— И это — всё то «предложение», которое Вы хотели мне сделать, Иосиф Виссарионович? Да лучше б Вы...

Она замолчала, а я за неё продолжил:

— ...Затащил в подсобку и надругался над Вами? Только в том случае, если Вы будете слишком настойчивы, Полина Семёновна.

Та хлопнув по столу кулаком — аж вошедшая с самоваром подавальщица, его не уронила в испуге:

— Это возмутительно! Вы — просто издевались надо мной!

Соскочила с места и было дёру...

Но положение спас Мехлис, укоризненно посмотрев на меня:

— Полина Семёновна, успокойтесь! У нас, у ррусских, все серьёзные предложения делаются за самоваром...

Когда та уселась на место, укоризненно качая головой уже в её адрес:

— ...Неужели столько времени прожив среди нас, Вы этого не знаете?

Та, сев на место и смущённо поправив находившуюся в полном ажуре причёску:

— Извините, Иосиф Виссарионович...

Кивком давая понять, что инцидент исчерпан:

— Отработаете, товарищ Жемчужина. А пока давайте уж начнём чаепитие, пока самовар не остыл.

***

Тщательно перемешав сахар в стакане с горячим чаем, вынув и положив рядом с блюдечком ложку, делаю первый обжигающий глоток и, с прищуром глядя на единственную в нашей компании с Мехлисом женщину:

— Полина Семёновна... У меня к Вам даже не одно — а целых два предложения и оба довольно заманчивые.

Восклицает недоверчиво:

— Целых два?!

Подтверждающее кивнув:

— Совершенно верно — целых два. Но на выбор.

Та, поднеся к губам стакан в серебряном — с ещё царскими вензелями подстаканнике:

— Давайте уж — предлагайте уже! Я сгораю от любопытства.

Подув на чай и сделав ещё глоток из стакана:

— Предлагаю Вам стать Председателем Совета департаментов вновь образованной Еврейской автономной области: той — что со столицей в Одессе, или... Да Вы пейте чай, Полина Семёновна, почему не пьёте?

По глазам вижу — первое предложение её ничуть не обрадовало... Ну, что ж...

Вполне ожидаемо!

И тем больший эффект будет от второго предложения.

Я замолчал, чтоб снова сперва подуть охлаждая, а потом отхлебнуть ещё чаю и эта «театральная пауза» изрядно затянулась.

Жемчужина же, задержав стакан с горячим чаем возле губ, нетерпеливо:

— Да говорите уже!

Сделав глоток поставив стакан на блюдце, поднимаю на неё глаза, и:

— Предлагаю Вам стать Чрезвычайным и полномочным посланником СССР в США.

Не поверив своим ушам:

— Кем, извините...

Приподнимаюсь и почти ору в ухо:

— ПОСЛОМ В АМЕРИКЕ!!!

Дзин!!! Бряк!!!

Стакан из ослабевших от неожиданно привалившего счастья рук, падает, ударяется об блюдце и переворачивается на бок... И по всемирному закону подлости — горячий, сладкий чай выплёскивается и попадает прямо...

«Туда»!

Начинается суший бардак.

— ОЙ!!!

Жемчужина стремительно вскакивает — стол подпрыгивает (Мехлис едва успевает поймать самовар), а стул летит назад — и задирает прямо передо мной мокрый подол платья, демонстрируя такое же мокрое нижнее бельё — явно не пошива на московской фабрике «Большевичка» и, довольно-таки стройные для её ...с хвостиком лет, ножки.

Находясь в парализующем волю ступоре — раззявив рот любуюсь (когда ещё чужой бабе под юбку заглянешь?), Мехлис в панике бегаёт вокруг с полотенцем — не решаясь начать оказывать помощь... Помочь снять панталончики, то есть

В общем — в кино такое не увидишь и в книжке во всех оттенках не опишешь: кордебалет, капкан и Содом и Гоморра — одновременно!

Сюрреалистичности в эту картинку добавили двое «приклёпленных» с «Томи-ганнами» наизготовку прибежавшие на этот кипишь и замерших соляными столбами, на которых я замахал руками и зашикал:

— КЫШ, КЫШ!!! Выйдите «мелкие», вам ещё рано на такое смотреть!

«Что они, интересно, подумали?».

Наконец Жемчужина догадалась сбегать в помещение с буквой «Ж» на двери, откуда пришла изрядно смущённая и, то и дело краснеющая.

Отгоняя от себя назойливо-неприличные мысли, типа: «Это что ж теперь... Она без трусиков?!» — от которых не по-детски вставал член и, отливала кровь из головы — как у лётчика-космонавта при перегрузке, я наконец собрался с духом и, приступил к делу:

— Насколько я Вас понял, Полина Семёновна, Вам больше по душе второе предложение?

Та, ещё раз покраснев и стыдливо потупив карие с поволокой глазки:

— Ну и сволочь Вы, товарищ Сталин!

Но сказано это было таким тоном, что у меня опять произошёл отлив крови от головы — в «организм тела» ей противоположный, которым не думают, а...

Мужчины поймут!

Силой воли загнав под плинтус «основной инстинкт», развожу руками:

— Сам понимаю — что сволочь, но ничего с собой поделаться не могу...

Показывая на портрет на стене, строжаю голосом:

— ...И надеюсь что эта черта характера товарища Сталина — останется между нами.

***

Мы с Мехлисом налили ещё по стакану, пьём чай и ждём развития событий.

Наконец не прикасающаяся к чаю Жемчужина, с нескрываемой ненавистью смотря на самовар, сама — то ли спросила, то ли — подтвердила:

— Я полагаю, что такое щедрое предложение, Иосиф Виссарионович, Вы мне сделали неспроста.

Слегка наклонившись к ней, ловлю взгляд, и:

— Ясно дело, Полина Семёновна! Взрослые мужчины таким прекрасным дамам — вроде Вас, таких щедрых предложений — просто так не делают... Если конечно — это не их любимая мама. Даже от законной супруги, за это требуют... Хи, гкхм... «Взаимности»! Так что Социалистическое Отечество, товарищ посол, ждёт от Вас подвигов на дипломатическом поприще.

Растерянно-недоумённо, оглядываясь по сторонам:

— Спасибо, конечно за комплимент. Но хотя и много слышала от Вячеслава, но я ведь никогда раньше не была на дипломатической работе! Тем более — сразу на такой ответственной должности и в такой стране... Я просто не представляю себе, что мне надо будет делать.

Успокаиваю:

— А Вам ничего делать не надо будет, уважаемая Полина Семёновна! Всё за Вас будет делать нынешний Чрезвычайный и полномочный посланник СССР в США — товарищ Уманский Константин Александрович, который останется в посольстве вашим первым помощником...

Этот тот самый Уманский, чья малолетняя дочь состояла в «Четвёртом Рейхе» и была застрелена Шахтариним-младшим из-за идейных разногласий.

Указательный палец вверх и оценивающе — как цыган на лошадь в базарный день, на неё глядя:

— ...А Вы лишь должны безупречно выглядеть — что несомненно у Вас очень хорошо получится, тусоваться на светско-дипломатических раутах, встречаться и разговаривать с нужными людьми — представлять лицо страны, то есть. Ну и выполнять кое-какие мои поручения.

— Это какие, же?

— Сча расскажу, дайте срок.

Не спеша допив чай и налив новый стакан, отхлебнул немного и продолжил:

— Вот например при вручении верительной грамоты президенту Рузвельту, Вы вне протокола передадите ему моё личное письмо, а на словах...

Перебив меня:

— А что в письме, Иосиф Виссарионович? Какая-то важная государственная тайна — которую не обязательно знать глупой бабе?

Морщусь:

— Фи, Полина Семёновна... Как Вам не стыдно такое подумать про меня!

Мехлис качая головой:

— Эх Полина Семёновна, Полина Семёновна... Вы бы только знали, как Вас ценит товарищ Сталин... Прямо при мне, товарищ Вышинский предлагал ему два десятка вполне себе умных мужиков на эту должность, а он выбрал именно Вас — «глупую бабу». Стыдитесь!

Та растерялась под таким напором и чисто по-бабьи ляпнула:

— Извините, товарищи... Сглупила!

Делая вид, что ничего не слышал, продолжил:

— Никакой тайны: не государственной, ни какой другой — в том письме нет. Просто это Вам будет не интересно.

Делаю глоток и продолжаю:

— Ну сами подумайте: в преддверии большой войнушки, один взрослый мальчик просит у другого взрослого мальчика большие железные игрушки — машинки, самолётики, пушечки... Жаль танчиков не допросишься — их у того пока самого мало! Но если хотя бы машинки и пулемётики крупнокалиберные удастся выпросить — то это будет уже очень и очень хорошо! Вам это очень интересно, ответьте мне?

Улыбнувшись, Жемчужина согласно кивнула:

— Действительно, для меня — как «взрослой девочки», письмо про «машинки» — это совсем неинтересно...

Затем, не без основания вопрошает:

— ...Но такое письмо можно передать и по дипломатической почте.

Сделав большие глаза и шёпотом:

— А вот здесь то и, начинается самое интересное!

Вновь указательный палец вверх и сделав как можно более интригующий вид:

— ...И СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОЕ!!!

Изрядно помурывив чайными процедурами — Жемчужная аж этот самовар готова была голыми руками задушить, наконец начинаю:

— На словах Вы должны передать Рузвельту, что этим летом между Советским Союзом и Германией — начнётся большая война...

Та изрядно ошарашенно:

— Так война действительно будет?

Невольно подумалось:

«Блин, сидела же на совещании с утра... Неужели не слышала? Или слышала, но не восприняла мои слова всерьёз? Неужели и другие наркомы встали в «позу страуса»?».

Сожалея, что не совершенно не обладаю весьма нужными для попаданца прогрессорского типа навыками и нейролингвистического программирования и другими методами психологического воздействия — вплоть до тупо зомбирования, тем не менее — стараюсь быть как можно убедительно:

— Будет война, обязательно будет: нашей разведке удалось выкрасть планы Гитлера... Однако, не перебивайте — вопросы будете задавать потом.

— Хорошо, я — само внимание.

Встав, обошёл кругом стол и сев на место:

— Скажите Рузвельту на словах, буквально следующее: «Красная Армия совершенно не готова к войне и будет обязательно разбита в первых же боях...».

Жемчужина непроизвольно вскрикнула, но прикрыла рот ладошкой и не перебивая вопросами — внимательно слушала, лишь несколько выпучив глаза.

Жестикулируя, машу руками:

— ...Мы никогда не сдадимся — будем биться с врагом на суше, на море, в воздухе и если понадобится — под землёй, в самом Аду! Но Красной Армии придётся отступить — оставляя Третьему Рейху районы богатые ресурсами — углям, рудой, нефтью, зерном и лесом... Населением в первую очередь.

Сделав соответствующий знак:

— Заострите внимание президента Штатов именно на ресурсах(!!!), Полина Семёновна!

Кивает:

— Поняла Вас, Иосиф Виссарионович: заострить внимание президента на ресурсах — которые потеряет СССР и приобретёт фашистская Германия. Продолжайте пожалуйста.

— Скажите Рузвельту: «Вы, как человек умный, должны понимать: Соединённые Штаты Америки обязательно будут воевать с Германией Гитлера — вопрос лишь времени. И что ваша страна и, то — что останется к тому времени от нашего государства — станут союзниками, братьями по оружию. И Вы лично и весь американский народ — должны быть крайне заинтересованы, чтоб к тому времени, Советский Союз — потерял как можно меньше ресурсов, а Третий Рейх — приобрёл их как можно меньше. Ибо каждое ведро нефти добытое солдатами Вермахта на Востоке — будет стоить ведра крови американских парней, приплывших спасать Европу от нацизма»... Запомнили?

— Запомнила.

— Ещё постарайтесь подружиться с Элеонорой Рузвельт. Если это получится, у нас будет довольно сильное влияние на политику Штатов.

Усмехаясь, она:

— Вы думаете, президент Рузвельт подкаблучник?

Наливая себе в стакан ещё чаю и, как бы размышляя вслух:

— Большая часть мужчин — подкаблучники, хотя они до смерти боятся в этом признаться и тщательно маскируются. Оставшееся меньшинство — гомосексуалисты.

Посмеявшись вместе с нами, та затем сумела меня приятно удивить, заявив:

— А мы с супругой президента США уже давно знакомы: когда я в тридцать шестом году ездила в Америку, то вместе с женой Трояновского — тогдашнего посла, то была приглашена в Белый дом в Белый Дом на чашку чая к миссис Рузвельт.

Восклицаю:

— Ну, тогда и все карты Вам в руки, Полина Семёновна!

С хрустальным звоном помешивая в стакане чай, продолжаю:

— Однако, Полина Семёновна, это будет лишь первым шагом вашей нелёгкой миссии во славу нашего с вами Социалистического Отечества!

Вздохнув, та негромко:

— Я так и предполагала, что одним письмом и разговором не обойдётся.

— Знали бы Вы как я рад, что не ошибся предполагая в Вас умную женщину.

Обменявшись любезностями, продолжил:

— К сожалению после несколько непродуманной Советско-финской войны, отношения между нашими странами заметно ухудшились...

— Да, я знаю — «Моральное эмбарго», про которое мне рассказывал Вячеслав.

***

Моральное эмбарго — запрет поставок (эмбарго) из США в СССР стратегического оборудования и материалов для авиационной промышленности, введённый в декабре 1939 года — после нанесения советской авиацией бомбовых ударов по городам Финляндии, сильно ударил по советской оборонной и в первую очередь — по авиационной промышленности.

После его введения, произошло резкое сокращение экспорта в СССР стратегического сырья: кобальта, вольфрама, молибдена, алюминия и никеля. К примеру, если в 1939-м году в СССР ввезли 2893 тонны никеля и 5313 тонн алюминия из этой страны, то в 1940-м году США поставили в СССР всего лишь 15 тонн никеля и ни одной тонны алюминия.

Хотя зарубежные поставки этого металла составляли всего лишь примерно десятую часть от советского производства, зато около половины его шло в авиационную промышленность... Видно с советским алюминием, точнее с прокатом дюралюминия — было «что-то не так».

Из 848 станков, которые изготавливались в США по советским заказам (по состоянию на 21 мая 1941-го года) заказы на 809 станков были аннулированы, 42 станка реквизирировало правительство США, а на исполнении остались только три десятка штук.

Кроме того, было реквизирировано уже купленное — но не отправленное в СССР оборудование стоимостью 3,8 миллионов долларов, в том числе уникальный пресс для штамповки дюралевых деталей, заказанный в декабре 1939-го года. Аннулированы советские заказы на 20,9 миллионов долларов...

Моральное эмбарго в сфере высоких технологий, привело к замедлению развития советской авиационной промышленности, в частности к срыву доведения и запуска в производство новых мощных авиамоторов «М-90», «М-80» и «М-71».

Нефтеперерабатывающая промышленность тоже понесла тяжёлые, невосполнимые потери — так и не освоив до войны в должной мере производство высокооктанового авиабензина.

В «реальном» первом полугодии 1941-го года — ситуация несколько не улучшилась, а значительно усугубилась!

Американское правительство провело ряд враждебных мероприятий против Советского Союза. США перешли к полному запрету экспорта в СССР всех сколько-нибудь важного промышленного оборудования и технологий и, не только авиационного предназначения. Помимо этого, американское правительство запретило советским инженерам посещение заводов, ограничило свободу передвижения советских дипломатов, конфисковало уже закупленный иридий, потребовало отъезда помощников военного атташе, организовало суд над служащими «Бук-книги» для того, чтобы доказать причастность Советского Союза к пропаганде в Соединённых Штатах коммунизма...

И так далее.

Американская пресса вела прямо-таки бешеную пропагандистскую кампанию против

Советского Союза и поэтому вовсе неудивительно, что даже после нападения Германии на СССР — поправка к закону о «Ленд-Лизе», распространяющая его действие на нашу страну — была принята Конгрессом США с очень большим трудом.

«Моральное эмбарго» действовало до момента гитлеровского вторжения в нашу страну. В июле 1941 года были разблокированы счета советских торговых организаций и, СССР получил необходимые для авиационной промышленности станки и инструменты и, доступ к новейшим технологиям...

Но время было уже упущено: в условиях военного времени и упрощённого производства — заточенного на упрощённую технологию и низкоквалифицированную рабочую силу, наверстать отставание мы уже не смогли... Даже, с помощью «доброего и щедрого» заокеанского дядюшки — самого во Вторую мировую войну сносившего мирные германские и японские города до фундаментов и, ниже — за что ранее наказывал нас.

***

Однако, продолжаем:

— К сожалению (или наоборот — к счастью, здесь не угадаешь), президент США не волен в своих поступках — за всеми его действиями бдительно бдит Конгресс...

Как будто только что вспомнив, хлопаю себя по лбу:

— Кстати, Полина Семёновна... Как там поживает ваш брат — Сэм Карпинский?

Вижу — в глазах испуг и, враз охрипшим голосом он отвечает, стараясь казаться равнодушной:

— Совершенно без малейшего понятия — как он поживает и не знаю даже — жив ли вообще. Так как не переписывалась с ним с тридцать девятого года.

— А вот это Вы зря... Совершенно зря! Про родственников забывать нельзя, тем более — про американских родственников... Миллионеров!

Грозь пальчиком:

— В завещании про Вас забудет упомянуть... Хахаха!!!

Мехлис меня поддержал:

— Хахаха!!!

Как и его сестра, Сэм Карп родился Одессе, в многодетной и очень бедной семье. Но в отличии от неё, он не стал «переделывать» этот мир для всех — подавшись в революционеры, а решил «сделать себя» под этот мир. С этой целью он скопив одиннадцать рублей наличными, уехал в Америку и начал там работать — «делая себя». Сперва он вкальвал чернорабочим, затем повысил квалификацию до маляра и, наконец — стал бизнесменом, сумев скопить достаточно денег на покупку бензозаправки. Сперва — «мелким и средним» бизнесменом, затем став владельцем уже целой сети АЗС в штате Коннектикут — успешным и состоятельным миллионером, имеющим особняк в Бриджпорте, на Миддл-стрит.

Но видать «Гросс-депресняк» поспособствовал, в 30-е годы сам шайтан дёрнул связать Сэма Карпинского со своими бывшими соотечественниками!

Конкурируя с небезызвестным «Амторгом», он по сути занимался промышленным шпионажем в пользу СССР, хотя и ни разу не попался. Американскому законодательству было сложно придраться к чему-либо: принадлежащая Сэму компания «Carp Export and

Import Corporation» — умела прятать концы в воду.

И всё было ровно да гладко — пока «тырил по мелочи»...

Однако, аппетиты советских товарищей росли не по годам, а по месяцам!

Сперва им потребовались чертежи, а лучше — готовый образец крейсерской подлодки, затем — целого линкора, вооружённого шестнадцатидюймовыми орудиями.

А надо сказать, что военно-морской флот для США — эта такая «мозоль», на которую наступать нельзя!

Не захотев гореть на электрическом стуле, Сэм Карпинский лично ездил в Москву и пытаясь образумить своих партнёров, предлагал им чертежи дизелей для подводных лодок, готовый экземпляр Форда «V-8» с двумя ведущими осями...

Товарищи подарки приняли, но и от затеи с линкорами не отказались.

Долго или коротко, но кончилось всё это тем, что в сентябре 1939-го, шурина советского Наркома иностранных дел года вызвали «на ковёр» в «Специальную комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» Конгресса США, где задавали всякие нелицеприятные вопросы. Сэм Карпинский выкрутился — видимо за ним действительно ничего не было, но с советскими «партнёрами» решил больше не связываться — что видимо и стоило карьеры его сестры[2]...

Испуг в глазах Жемчужной быстро прошёл и отведя глаза в сторону, она:

— Наряд ли Сэм ещё раз захочет связаться с вами... С нами!

Сделав вид, что не заметил оговорки:

— А это смотря в чём, Полина Семёновна!

Мельком кинув косой взгляд:

— Что Вы имеете в виду, Иосиф Виссарионович?

Попунктно перечисляю:

— «Моральное эмбарго» касается всего того, что летает. Однако хотя меня и интересует всё то что «с крыльями» — но только в самую последнюю очередь. В первую же очередь...

Улыбаясь, прерывает:

— Если Вы про «игрушки для больших мальчиков», то мне это совсем не интересно.

Несколько сбитый с толку, делаю несколько глотков чаю и собравшись с мыслями продолжаю:

— Уверен, что через вашего брата — хорошо знающего американские реалии, приобрести эти «игрушки» — можно будет проще, быстрее и что самое парадоксальное — дешевле, чем через наших крючкотворов-бюрократов.

Кивнув мне:

— Почему-то я тоже в этом уверена.

Положив руки на стол, глядя в упор:

— Главное же не в «игрушках»... Хочу через вашего брата купить несколько влиятельных конгрессменов, с десятков сенаторов средней руки, успешную адвокатскую контору и с пяток популярных американских газет. Это хотя и не совсем законно... Но «все так и делают» — даже чикагские гангстеры Аль Капоне и, называется это — «лоббизм».

Покачивает головой и, в восхищении:

— Ну у Вас и аппетит, товарищ Сталин... Вы хоть представляете, во что это обойдётся?

Пожав плечами, как будто речь идёт о покупке поддержанного автомобиля для любимой тещи:

— Цель оправдывает средства, а Париж — стоит мессы.

Настораживается:

— Ну и в чём же Вы видите цель этих — столь грандиозных «приобретений»?

— В преломлении сознания американской общественности в пользу нашей страны.

К сожалению, все 70 лет существования Советского Союза — никому из его руководства, даже в голову не пришло этим заняться. Все выделяемые на главного геополитического противника средства — уходили «в свисток»: в Коммунистическую партию США, то есть.

Встав и неторопливо прохаживаясь вокруг стола:

— Видите ли, в данный момент мы для среднего американца — почти ничем не отличаемся от Германии Гитлера: нас обоих он считает неким подобием двух крокодилов и ещё не решил — какого из них прикармливать, а какого изо всех сил лупить по голове.

— Нам нужно доказать американскому истеблишменту и электорату, что наш советский «крокодил» — не в пример няшнее фашистско-германского и «прикармливать» — надо именно его и, как можно более раньше. А другого — бить чем попадя по противной зубастой морде в рогатой каске.

— А уже от мнения среднего американца, всё зависит: какое решение примут сенаторы, как проголосует за него конгрессмены и какой билль подпишет президент!

Сажусь за стол и снова принимаюсь за чай.

После достаточно продолжительной паузы, слышу вопрос:

— И каким образом, Иосиф Виссарионович, Вы решили изменить мнение американской общественности...?

С откровенным, не скрываемым стёбом:

— ...Идеями коммунизма?

Горячо, суть ли не бия себя кулаками в грудь:

— Не приведи Маркс, Полина Семёновна, Вам что-то ляпнуть про коммунизм! Не должности посла в Штатах, вообще забудьте это слово. А если будут специально спрашивать, отвечайте: «Читайте «Трест, который лопнул» Марка Твена, господа — там всё сказано». Ибо средний американец (если он не негро-африканского происхождения, конечно) реагирует на этот термин — как дикий бычара на красную тряпку... Упаси Вас Маркс, Полина Семёновна!

Мехлис несколько осуждающе глянув на меня за резкость формулировок, пояснил в более спокойных тонах:

— По новому Уставу «ВКП(б)», средний американец сам захочет установить в своей стране коммунизм, когда увидит что трудящиеся Советского Союза — живут лучше его. Именно это является главной задачей компартии, а вовсе не разжигание Мировой революции.

Жемчужина посмотрела на Льва Захаровича как на идиота, но вслух ничего не сказала...

Ибо, она была очень воспитанной женщиной.

***

Меж тем продолжаю:

— Вместо идей коммунизма для американского обывателя, Полина Семёновна, у вас будет вот что...

Достаю из лежащей рядом на свободном стуле большой папки, небольшую папочку и ложу перед ней на стол:

— Вот, ознакомьтесь вот с этим, товарищ «Чрезвычайный и полномочный представитель»...

Та читает название на обложке, перечеркнутое по диагонали большими красными буквами «Совершенно секретно! Только для служебного пользования!»:

— «Генеральный план "Ост"»...

Совершенно обалдев, поднимает на меня глаза:

— Что это?

— Это — информационная бомба, Полина Семёновна...

Выкладываю ей на стол другую папочку, с другим — не в пример более длинным названием:

«Протокол конференции по окончательному решению еврейского вопроса, под председательством начальника Главного управления имперской безопасности, обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха

20 января 1940 г., Ванзей[3]».

— ...А это — запал к бомбе. Вам с вашим братом, только осталось подложить эту «бомбу» под американское общественное мнение, поджечь фитиль и раздуть его. И она рванёт!

Как уже говорил, из всех «роялей» мне достался — не подводный атомоход с межконтинентальными ракетами на борту, не танковая армия образца семидесятых годов оснащённая танками «Т-72», «Градами» и «Шилками»... И даже не современная мне снайперская винтовка — с лазерным дальномером и баллистическим вычислителем, из которой нехер-нахер — за версту можно завалить Адольфа Алоизовича, для решения всех заморочек разом.

Всего лишь супер-феноменальная память: всё что когда-то читал в своей прошлой жизни — я мог вспомнить и, дословно — буквально «буква в букву», воспроизвести вслух. Ну а там уже дело техники и опытной машинистки из Секретариата Поскрёбышева, оформить это «послезнание» на бумаге. Во время недавнего трёхдневного траура, таким образом, я обзавёлся несколькими исторически важными документами... А то, что некоторые из них — как например эти два, в «реальной истории» в окончательном виде появятся только в начале 1942-го года...

Так кто про это знает?

И кому это интересно?

В Штатах, например, сторонники вмешательства в европейский конфликт — которых возглавлял сам Рузвельт, были в явном меньшинстве.

Пропустят ли они такой шанс?

Конечно, нет!

***

Естественно, «Дочь еврейского народа[4]» в первую очередь схватила папочку с «протоколом», раскрыла её и углубилась в чтение... С первой же страницы, глаза её стали расширяться... К середине — они напоминали таковые же у героинь японских аниме... А к концу прочтения документа — стали столь огромны, что под воздействием закона всемирного тяготения — едва не вываливались из орбит... И мне всё хотелось подставить руки ладонками вверх, что успеть их поймать.

Наконец придя в себя и достаточно быстро, захлопнув папку и с маху грянув ею об стол, она грозно спросила:

— Что это, Иосиф Виссарионович?

Недоумённо показывая на обложку:

— Разве Вы не прочитали обложку?

— Я спрашиваю — что это? Фальшивка? Провокация? Во что Вы решили меня втянуть?

Возмущённо верчу головой, и:

— Никак нет, Полина Семёновна: это копия настоящего документа, раздобытого советской разведкой. Как именно — не спрашивайте, сам не знаю.

— Почему на русском языке?

Ворчу:

— А самой догадаться, в лом? Потому что по-немецки я знаю только два слова: «Гитлер капут!» и, мне этот документ пересели с фотокопии, вот почему...

Соврал, конечно: благодаря советской школе, природным лингвистическим способностям и главным образом — последней тёще, дойче-мовой я владею достаточно хорошо — по крайней мере на уровне разговорного.

— ...Но вас с братом снабдят фотокопиями с фотокопий на немецком.

Слегка опережаю события, конечно.

В данный момент только ищется немец-переводчик с русского, русский переводчик — способный его проконтролировать, немецкие плёнки, фотобумага и фотооборудование — чтоб никакой эксперт не смог докопаться...

Но меня заверили, что всё будет выполнено качественно и в срок.

Та, чисто по-женски истерит:

— Это не может быть настоящим документом!

— Это почему же, Полина Семёновна?

Истерика прогрессирует:

— Потому что, это слишком чудовищно — чтоб быть правдой! Немцы — культурный, цивилизованный, образованный европейский народ! Да... К сожалению, в последнее время они подвержены антисемитизму... Но... Но...

С откровенным ужасом смотря на папку, отодвигаясь от ней, она вопит:

— ...Они, не способны на такое!

Ну и так далее и всё на повышенных тонах и «переходя на личности».

Вижу, конструктивного разговора дальше не получится... Мда...

Ну, что делать?

А что-то делать надо!

Против женской (да и мужской, если честно) истерики есть только одна «пилюля». Привстав и перегнувшись через стол, отвечаю ей звонкую плюху. После чего сажусь на место и глядя в изумлённые глаза, как ни в чём не бывало:

— Надеюсь полегчало, Полина Семёновна?

Держась за щёку, изумлённо смотрит на меня:

— Никогда бы не подумала, Иосиф Виссарионович, даже после истории с Надеждой — что Вы способны ударить женщину...

Но истерика прошла, что не может не радовать.

Спокойно отвечаю:

— Женщину — нет, ни за что. А вот Чрезвычайного и полномочного посланника — так это запросто! И могу в любой момент повторить.

Предварительно отхлебнув уже остывший чай, глядя на две папочки перед ней:

— Если это деза от НКВД, товарищ Жемчужина — то даже пойманная за руку, Вы всег-лишь рискуете проканать за фейкомётчицу. Да и то далеко не факт, что этот вброс свяжут именно с Вами.

Глядя прямо в глаза:

— А если это — самая настоящая правда — Вы будете соучастницей убийства по крайней мере десяти миллионов ваших сестёр и братьев по крови — мужчин и женщин, взрослых, детей и стариков...

Указательный палец ей в грудь, как на плакате и, зловеще:

— ...И я уж постараюсь всё сделать так, чтоб в послевоенном мире — это стало известно каждому еврею.

Нет, не помогло!

Вижу изумление в её глазах быстро меняется на возмущение, затем на бешенство...

Но тут положение вновь спас Мехлис, с печалью-тоской говоря:

— Эх, товарищ Жемчужина, товарищ Жемчужина... За то — чтобы это было фальшивкой, я прямо сейчас готов отдать жизнь. Но хотя в оккупированной части Франции гитлеровцы пока ограничились лишь устройством солдатских борделей в синагогах, то в Польше — евреев уже начинают сгонять в гетто. Так что к великому прискорбию для всего человечества, первая часть «Плана по окончательному решению еврейского вопроса» — уже начала выполняться... А стало быть и до концлагерей смерти и газовых камер с крематориями недалеко.

Порывшись в принесённом с собой портфеле, он выложил перед Жемчужной кипу печатных листов:

— Впрочем, германская солдатня и без всяких «планов» — творит такие вещи, что... Почитайте, что происходит сейчас на территории Варшавского генерал-губернаторства и представьте себе, что произойдёт — когда эти «образованные, культурные и цивилизованные» европейцы — придут к нам. В нашу Одессу, к примеру — где вы с вашим американским братом родились и, где наверняка — ещё осталось очень много ваших родственников.

Та, опасливо — как ядовитого аспида беря в руки:

— Что это?

— Это свидетельства очевидцев перебежавших в СССР, своими глазами видевших произошедшие зверства над евреями и поляками.

***

И это никакое не «послезнание».

Ну... Разве что — совсем чуть-чуть.

Таковые свидетельства очевидцев, в «реальной истории» имелись в достаточно большом количестве...

Их не могло не быть!

Просто советская пропаганда не давала им хода, свято блюдя «договор об ненападении».

Ну а мне по большому счёту, на этот договор насрать и испортить отношения с Гитлером я особенно не боюсь: раньше срока немцы всё равно не нападут — им дожидаться хорошей погоды нужно. Правда, есть ещё вопрос поставок оборудования и технологий от наших «заклятых друзей»...

Поэтому по моему указанию, глава «Информбюро при СНК СССР» Лев Захарович Мехлис начинает пропагандистские мероприятия по «демонизированию» Гитлера, его Третьего Рейха, солдат, офицеров и генералов Вермахта и просто всех...

Нет, не немцев!

Применять это слово я категорически ему запретил:

— На территории СССР проживают миллионы советских немцев...

В том числе и моя последняя — пока ещё шестилетняя тёща, у которой после высылки из Саратова погибнет вся семья.

— ...И упаси Вас боже бросить на них хотя бы тень, Лев Захарович! Германцы, гитлеровцы, нацисты, фашисты... Тевтоны! Просто «европейцы», наконец... Но только не немцы!

Конечно, эти свидетельства не будут публиковаться в центральной советской прессе — не стоит всё же раньше времени дрончить судьбу и портить отношения со страной, хотя и без пяти будущим противником — но пока ещё исправно поставляющей нам оборудование и технологии взамен на сырьё... Тем более что пока отношения с США не наладились.

Но кто из немецких дипломатов, или даже шпионов — коль дело на то пошло, читает всякие там многочисленные областные и районные «сельские правды» или вообще нечитанные никем фабрично-заводские «гудки»?

И тем более — армейские и флотские «звёздочки»?

— В последних, Лев Захарович, пишите побольше про зверства над пленными поляками. Здесь уже не стесняйтесь сочинять — вплоть до откровенной чернухи. Чтоб наши бойцы и командиры знали, что ждёт их в случае — если они сдадутся в плен образованным европейцам.

«Лучше, конечно, снять на эту тему художественный фильм. Я даже и название его уже знаю:

«Судьба человека»».

***

Жемчужина читает свидетельства, а я внимательно слежу за изменениями на её ухоженном и причём с минимумом косметики лице: сперва оно было недоверчивым, затем последовательно растерянным, жалобно-плаксивым, сердитым, злым... И наконец свершилось: яростно сверкнув очами — «Железная леди» начала звереть.

Вскакивает и глядя на меня вопиёт, аки львица:

— Так значит «убить еврея — это и есть наивысшее проявление культуры»...?!

Смотрю на неё и сам уж не рад, что связался с этой припадочной:

«Счас она меня этим самоваром по кумполу...».

Я аж «на автомате», на стуле сжался и втянув голову в плечи:

— Вы сказали, Полина Семёновна... Вернее — тот проклятый фашист.

Последовало такое сочетание «идиоматических выражений» на двух языках и, с такой яростью, что я даже по сторонам стал оглядываться — ища на всякий случай «пятый» угол.

Наконец сев и, сперва ударив по кипе печатных листков кулаком, твёрдо заявляет:

— Хорошо, Иосиф Виссарионович... Я согласна и готова сделать всё, что в силах — моих силах и моего брата.

«Ага... Так она имеет на Сэма какое-то влияние, раза так смело за него подписывается. И это очень и очень хорошо!».

После этого начался сплошной конструктив!

Обсудили как «подложить эту бомбу» и решили сделать так, чтобы — ни советский посол, ни её брат — здесь были не при делах.

Мало ли в Америке беженцев из Европы?

Одному из них перед самой посадкой на пароход, какой-то незнакомый немецкий офицер даст в руки какие-то фотокопии с каких-то документов. А тот по прибытию, даже не подозревая — что в них и, с целью срубить трохи бабла на первое время — передаст какому-нибудь известному и уважаемому и, истеблишментом и электоратом журналисту, случайно оказавшемуся рядом.

Правда в них или нет, поверят или нет...

Это уже не так важно — «осадочек» в любом случае останется, тем более мы обеспечим выезд в Штаты нужного количества свидетелей тевтонского зверства из Польше.

Однако, с фантазией у нашей «Железной леди», оказалось не очень:

— Иосиф Виссарионович... Ну вот заложили мы с Сэмом вашу «бомбу», она «взорвалась» и дальше что?

Отчаянно жестикулируя, объясняю:

— За дело должна взяться еврейская диаспора США — во главе с очень влиятельными банкирами и вообще — всем сионистским лобби в Конгрессе и правительстве. Демонстрации, митинги, пикеты перед германским посольством... Возглавив процесс демонизации германского «крокодила», они должны как минимум добиться отмены «Морального эмбарго» стране — потенциальной жертве агрессии и, единственной силой — способной защитить европейских евреев...

Пока языком молол, осенило гениальной мыслью:

«Параллельно надо вести кампанию лжи и клеветы против американского посла в СССР Лоуренса Штейнгардта — по чьей инициативе и началась эта история с «Моральным эмбарго». Уличить его в связях с адмиралом Канарисом — главой «Абвера», а ещё лучше с бригадефюрером СС Вальтером Шелленбергом — начальником внешней разведки «SD» (V. отдел РСХА)».

А потом натравив всю возмущённую американскую общественность, потыкать

американских конгрессменов носом в их же дерьмо:

«Вот с чьего голоса вы поёте!».

Как же это сделать?

Дам-ка задание нашим чекистам: там люди головастые — что-нибудь да придумают...

Хотя постой: есть идея и позазабористее!

Однако, возвращаясь с облаков на землю:

— Программа-максимум же, подразумевает, если и не распространение на СССР закона об «Ленд-Лизе» — который по все видимости будет принят в марте, то хотя бы предоставление нашей стране режима наибольшего благоприятствования в торговле и большого льготного кредита для закупки материалов, оборудования и уже готовой продукции — как военной, так и «двойного назначения». Ну и первую очередь — доступ к новейшим технологиям, особенно в области...

Улыбаюсь галантно и с лёгким поклоном:

— ...Впрочем, это уже про «большие железные игрушки», что и в моём письме у Рузвельту. А это интересно только «большим мальчикам».

***

После несколько подзатянувшейся паузы, Жемчужина — как примерная ученица сложив руки на столе, начала:

— Я всё это поняла и думаю, что с помощью моего брата и вашей «бомбы» (и особенно вашего «парохода с золотом») — добиться перелома в американском общественном мнении, будет не так уж и сложно...

Слегка прищурившись, несколько склонив на бок голову, пристально глядя мне в глаза:

— ...Однако вашими же словами, Иосиф Виссарионович — Красная Армия непременно будет разбита на границе и будет отступать вглубь страны. А от американских «больших железных игрушек» — лишь зависит, насколько глубоко вглубь страны она отступит, прежде чем остановится.

Опершись подбородком на подставленную руку, не отводя от неё глаз, я внимательно слушаю и лишь согласно киваю.

— Но ведь большая часть еврейского населения живёт у самой западной границы СССР... И они обречены(!) на ужасную смерть(!) в случае отступления Красной Армии!! Неужели, товарищ Сталин, Вы не предпримете никаких мер, чтоб их спасти?

Она замолчала ожидая ответа, а я его не знал... Вот всё знаю — почти всё, а как спасти евреев в западных областях Советского Союза...

Категорически нет!

Тяжело вздыхаю:

— Этого вопроса я ждал... И боялся его больше всего. Да, да! Вы не ослышались уважаемая Полина Семёновна: именно так — боялся!

Встаю и не спеша нарезая круги вокруг столика, как бы размышляя вслух:

— Вся наша беда в том, что после депортации евреев из-за «Черты оседлости» в 1915-м году, у центральной власти нашей страны очень плохая репутация в тех районах. Я уже не говорю про то, что творили наши казачки — посланные проводить это «мероприятие»... Но те евреи, кому удалось по тем или иным причинам избежать «счастья» быть переселённым

вглубь России — благополучно пережили германскую оккупацию 1915-1918-го годов. А вот оказавшиеся в числе «перемещённых лиц» — в огромной своей массе погибли от голода, холода и болезней или же потеряли своих близких уже в Гражданской войне в результате погромов.

Остановившись напротив Жемчужиной:

— Евреи западных областей отлично знают и помнят это. И, чтобы из Москвы не говорили — ни за что ей не поверят.

Сделав ещё круг:

— Ну, хорошо... С помощью войск НКВД можно просто взять и ничего не объясняя депортировать еврейское население на восток.

Про себя:

«Ещё и не таких в сорок восемь часов выселяли!».

— Конечно, для взрослых евреев работы там валом — особенно в местах наиболее густого произрастания тайги. Поэтому место на нарах в землянке и кусок «чёрной мацы» — каждому найдутся...

Потянув ноздри воздухом, с явным ужасом — самого пронявшего:

— ...Однако, куда девать детей, женщин и стариков? Нет там жилья, понимаете? От слова «вообще», нет! Ни лишнего, ни просто необходимого — для нормального человеческого существования. Даже на «великих стройках коммунизма», местные рабочие ютятся по углам насыпных бараков — даже не мечтая, например, об коммунальных квартирах как в Москве...

— ...Как и в 1915-м, самые слабые — дети и старика, перемрут в лагерях для перемещённых лиц. А всё выжившие евреи — так люто возненавидят товарища Сталина, Советскую Власть и весь русский народ в целом, что...

Хотел сказать: «...Устроят ещё одну Октябрьскую революцию и такую Гражданскую резню — что Гитлер нам с вами мелким поцем с Привоза покажется», — однако посмотрел на нехорошо зыркающего в мой адрес Мехлиса и осекся.

Вместо этого:

— Чем в этом случае, я окажусь лучше нацистов и их «Планом по...»? Да ничем!

Однако вдова «Железного наркома» была далеко не душой и, весь расклад поняла с полуслова.

Я сел на место и сожалел что самовар уже остыл, наливаю себе ещё стакан... Жемчужная же наоборот — соскочила и горячо заговорила:

— Я знаю, что делать, товарищ Сталин!

Сахар растворялся плохо, поэтому я ожесточённо работал ложкой, казалось бы полностью — как будто от этого зависело всё и вся.

Не поднимая глаз:

— Ну, ну... Я внимательно Вас слушаю, Полина Семёновна.

Она заведясь как бы не на полчаса — тараторила сорокой, а мы с Мехлисом внимали, с трудом понимая этот поток сумбурного сознания. Впрочем, со стороны наверняка казалось, что я больше занят чаем...

Наконец добившись того, что сахар растворился без остатка, поднимаю стакан,

перевожу на неё взгляд и...

И так и замер!

Высокая грудь вздымается от возбуждения, карие очи сверкают, щёки горят: не дать ни взять — размахивающая мечом Юдифь, собравшаяся с мешком по голову бесноватого Адика.

Смотрю на неё — налюбоваться и глаз отвести не могу!

Вспомнил её с задранным подолом, вообразил в том же положении — но уже без трусиков и у меня... Хм, гкхм...

Ну, мужики поймут!

В панике:

«Мля... Что делать? Ведь после обеда у меня совещание с чекистами... Мне что: так и идти к ним — со вздыбившимися спереди штанами?!».

Решил думать об антисемитизме — авось пройдёт...

***

Вообще-то надо признаться, я евреев не люблю.

И считаю, что каждый психически здоровый и не относящийся к этой нации человек, должен быть хотя бы чуточку — но антисемитом.

Это — нормально!

При всех своих несомненных и известных всем достоинствах, этот народ имеет и немало отрицательных черт: палец им в рот не клади и шибко большой воли не давай...

На шею сядут и там гадить начнут!

Поэтому наша с ними «дружба» закончится с последним выстрелом Второй мировой войны и моими словами примерно такого содержания:

— Мы с вами друг другу помогли и, на этом всё... Давай до свидания!

Но, каким бы махровым антисемитом я не был, хорошо помню:

Во-первых, моего деда по отцу — убили... Убьют! ...вовсе не евреи. И трех братьев у деда по матери — тоже не они.

А во-вторых, нем...

Хм, гкхм...

Германцы в своём антисемитизме, буквально перескочили за грань добра и зла!

Я понимаю: если считаешь кого-то своим врагом — его надо уничтожить...

Но то что творили эти европейцы — это уже слишком!

Есть же какая-то «красная линия» — перейдя которую человек перестаёт быть человеком и превращается в чумную крысу, единственное милосердие к которой — безжалостное уничтожение всего крысиного поголовья.

И я не Сталин, который вдруг заявил (сам додумался или подсказал кто, неважно) в конце войны:

«Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся».

Это, что за херня получается: раз в столетие к нам будет вторгаться очередной Гитлер, а германский народ — как бы не при делах?

Нет, уж: в этот раз не пролезет.

Я вам не Сталин... Я хуже!

Вы сами сказали, никто вас за язык не тянул:

«Один народ, один Рейх, один Фюрер»...

Вот в такой последовательности, только с конца и уйдёте все в историческое забвение!

***

Замолчав и топнув ножкой, Жемчужина в отчаянии:

— Иосиф Виссарионович! Вы меня совершенно не слушали!

Сделав большой глоток уже почти холодного чая:

— Ну, почему же, Полина Семёновна? Не знаю как товарищ Мехлис, а я Вас слушал и причём очень внимательно.

Действительно в том мутном «потоке сознания» были и рациональные зёрна, которые я уловил, развил и теперь озвучиваю с комментариями по пунктам:

— Ваша идея привлечь американский Красный крест для предупреждения еврейского населения западных областей — мне очень понравилась: своим едино- кровникам и единоверцам из-за океана — евреи поверят больше, чем мне из Москвы.

— Ещё больше мне понравилась мысль об организации под эгидой того же американского Красного креста лагерей беженцев в западных областях Советского Союза. Пока Германия и США не находятся в состоянии войны — навряд ли гитлеровские «Айнзацгруппы СС» решатся открыто приступить к уничтожению еврейского населения в них.

«А если и решатся, то вступление Штатов в войну против Рейха может произойти на полгода раньше и без всякого Пёрл-Харбора. Что принесёт СССР немало дивидендов».

Продолжаю далее:

— Неплохо звучит и вывоз еврейского населения через Одессу в безопасное место, например в Турцию, на время войны.

Сперва восхищённо:

— Ну а ваша идея насчёт строительства за счёт американской диаспоры жилья на востоке страны — вообще гениальна...!

Затем, палец вверх:

— ...Но требует некоторого уточнения: строить «финские домики» надо не только для еврейских семей — но и для местных, из расчёта «фифти-фифти». Иначе не избежать всплеска антисемитизма в тех районах... А я этого никак допустить не могу!

Как бы подытоживая, восторженно восклицаю:

— Всё просто отлично!

Помолчав, посмотрев на часы:

— Но как бы и кто бы не предупреждал, все основные движняки еврейского населения — начнутся уже после начала войны: в мирное время очень тяжело сдвинуть с места человека — задницей приросшего к земле, где похоронено не одно поколение его предков.

— А вот уже в условиях начавшейся войны, чтоб эвакуировать, чтоб спасти как можно больше людей — нужно чтобы Красная Армия, как можно дольше держалась на своих западных рубежах, сдерживая гитлеровские орды. И еврейская диаспора могла бы ей в этом деле помочь!

Жемчужина, с крайне заинтересованным видом:

— Это чем же, Иосиф Виссарионович?

Посмотрев на потолок:

— Ну например и, без всякого Рузвельтас его Конгрессом и Ленд-Лизом — это дело длительное и хлопотное, американские евреи могли бы скинуться всем миром и подарить Красной Армии кой-какие «большие железные игрушки», которых той остро не хватает — чтобы успешно противостоять германской армии даже в обороне.

Вздыхаю:

— Жаль, что Вам не интересно про это.

Жемчужина решительно достаёт из сумочки блокнот и остро наточенный карандаш:

— Да говорите уже про свои «игрушки»! Я буду записывать.

«Проси больше, получишь столько — сколько получишь».

— В первую очередь нашей армии нужны крупнокалиберные пулемёты системы Браунинга в зенитном исполнении: как одинарные — так и спаренные или даже счетверённые. Тысяч десять установок до июня месяца и к каждому стволу — хотя бы по пять тысяч патронов, могли бы спасти миллионы еврейских жизней...

С этим-то проблем, быть не должно.

Рисунок 49. Счетверенная установка крупнокалиберных пулеметов «.50 Browning M2».

«M2» — американский 12,7-мм пулемёт конструкции Джона Браунинга был разработан и принят на вооружении в 1932-м году. Во время Второй мировой войны, этот «крупняк» был настолько распространён в армии США, что обычная пехотная дивизия — их имела почти столько же, сколько ручных пулемётов системы «BAR». Всего же за время Второй мировой войны, в Штатах было произведено порядком четырёмсот тысяч стволов этого оружия и оно «до сих пор» выпускается и состоит на вооружение десятков стран мира.

На начало Великой Отечественной войны, на всю доблестную Красную Армию, на не менее доблестные Красный Флот и Войска ПВО страны — имелось порядка двух тысяч крупнокалиберных пулемётов ДШК. До конца войны же, их было выпущено всего девять(!!!) тысяч...

Это, даже не смешно!

И это о чём говорит?

Это говорит о многом, если не — обо всём относительно этого оружия, про которое отечественные диванно-интернетские экспЭрды так влажно стонут, поэтому...

ФТОПКУ!!!

— Мы бы не отказались и от лицензии, необходимого оборудования и разумеется помощи американских специалистов для производства это «игрушки» в Советском Союзе... Но это уже надо разговаривать с Рузвельтом.

Терпеливо подождав пока она запишет и, даже подсказавши как пишется название этого пулемёта на американском языке: пехотный пулемет «.50 Browning M2» и флотская счетверенная установка этих крупнокалиберных пулеметов «.50 M2HB», продолжил заказывать «плюшки»:

— Кроме этого, Красная Армия отчаянно нуждается в крупнотоннажных (пять и более тонн) грузовиках, желательно в специальном исполнении — автоцистерны, тягачи, трейлеры для гусеничной техники, мобильные ремонтные мастерские и так далее... Можно и морально устаревшие, бывшие в употреблении — лишь бы на ходу. А автомобили на войне

всё равно долго не живут.

— Радиостанции — есть же в Америке гражданские радиостанции, годные и для военного применения и, которые не попадают под всякие там «эмбарго»? Наверняка есть.

— Стрелковое оружие: пистолеты Браунинга армейского образца, автоматы Томсона и помповые ружья Винчестера. Также — мы согласны на б/у-шные... Даже на полицейский конфискат! Лишь бы исправные, в достатке снабжённые патронами и чтоб было их...

Выпучив по беспределу глаза, показываю руками огромную кучу:

— ...МНОГО!!!

Всё мной заказанное — вполне реальное и могущее быть предоставленным в течении двух-трёх месяцев.

Жемчужина:

— Сделаю всё, что в силах. Что-то ещё из «игрушек», Иосиф Виссарионович?

Виртуально чешу в затылке:

«Что бы ещё?».

— Мы находимся в таком положении, Полина Семёновна, что не откажемся от любой помощи — вплоть до ширпотреба «секонд-хенд»... Ношенных носильных вещей — то есть и обуви. Ну и всего-такого прочего — мебель, фотоаппараты, бытовая техника, мотоциклы и легковые автомобили... Здесь уже каких-то строго очерченных границ нет.

Удивляется:

— Иосиф Виссарионович! Объясните пожалуйста, чем это ношенные тряпки могут помочь Красной Армии?

— А тем, что в отсутствии собственных товаров для населения — ими можно материально заинтересовать тружеников тыла, выпускать больше оружия для бойцов Красной Армии!

Восхищается:

— Как же Вы мудры, товарищ Сталин!

Сделав лицо попоще:

— Рузвельту про это расскажите, а здесь все свои.

И посмотрел на часы, давая ей понять что пора прощаться...

***

Когда Полина Жемчужина ушла, забрав с собой лишь «Протокол конференции по окончательному решению еврейского вопроса...», я глядя ей вслед, подумал изрядно раздосадовано:

«Вот ссучка жидовская!».

Затем, взяв со стола «План «Ост»», решил забить:

«Ну, не очень то и надо! В конце-концов в Америке и русская диаспора имеется... Хотя и не такая богатая и сплочённая, как еврейская, зато какие имена! Авиаконструктор Сикорский, химик Ипатьев, композиторы Стравинский, Рахманинов и Прокофьев и, многая, многая, многая... Что-нибудь да подкинут Красной Армии от щедрот русской души».

Глядя на самовар, предлагаю:

— Ну, что Лев Захарович? По последнему?

— Не отказался бы, Иосиф Виссарионович — до ужина ещё долго терпеть.

Пока допивали чай, меня вновь осенило и я Мехлису:

— По моему, какая-то троцкистская сволочь неправильно перевела одну из цитат Энгельса.

Тот, наострив ухо:

— Это, какую же?

— «У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться варварскому игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы — Россию».

— А как должно быть?

— «Либо Россия полностью уничтожит эту европейскую враждебную силу, либо окончательно подчинится её варварскому игу — другой альтернативы нет».

Тот кивнув:

— На мой взгляд, Иосиф Виссарионович, этот перевод намного точнее и об этом немедленно должен узнать весь советский народ.

Ещё раз посмотрев на часы, допиваю чай и поднимаюсь из-за стола:

— Ну, что Лев Захарович? Пора нам к нашим товарищам чекистам... А у Энгельса (Марксом) у уверен — найдётся ещё множество цитат, нуждающихся в правильном переводе.

— Это уж точно, товарищ Сталин!

[1] Молотов В.М.: «Сталин сам назначил Полину Семёновну наркомом рыбной промышленности — я был против! Она была единственным наркомом — женщиной по хозяйственным вопросам».

[2] Подробней об этой истории здесь:

[3] Элитный пригород Берлина.

[4] Из-за этой фразы сказанной послу Израиля в СССР Голды Меир и начались послевоенные неприятности для Полины Жемчужной.

Глава 15. Наследство от Лаврентия Павловича

Берия Л.П., Народный комиссар НКВД:

«Меркулова и Кобулова вырастил я, могу сказать это без скромности. Всеволод Меркулов стал моей надежной опорой и помощником сразу как я стал 1-м секретарем Заккрайкома. С тех пор прошло много времени и поработали мы с ним много и по линии Наркомвнудела, и по линии чека и разведки. Меркулов имеет светлую голову и она всегда помогала и ему, и всем. Когда мы работали в Тбилиси, он был готов работать столько, сколько надо и в любую минуту был готов меня сопровождать в любую поездку. И всегда держал в голове всю сводку. Однажды в 1936 г. мы были в Поти, проводили совещание по портовой работе. Он меня и всех удивил тем, что знал данные по грузообороту и по вывозу марганца лучше чем сам начальник порта, не помню уже, как его фамилия. Я тогда сказал: «Ну что, товарищ, может назначить вам товарища Меркулова в помощники?» У этого начальника такой вид был, что все начали смеяться. Хотя не до смеха было, он и сам засмеялся. Работник был неплохой, но с памятью было неважно, а у Всеволода наоборот.

Богдан Кобулов мне тоже всегда был крепкий помощник и товарищ. С Всеволодом Меркуловым он хорошо срабатывался и в Тбилиси, и потом в Москве. Богдан смог быстро создать фактически новое Главное Экономическое Управление и поставил его так, как мы с товарищем Сталиным и задумывали. Брат (Амаяк Кобулов (1906–1955). — С.К.) у Богдана тоже способный работник, но Богдан берет шире.

Для меня оба эти товарища служат примером нового руководителя, воспитанного Советской властью. Мы все ей воспитаны и все быстро росли. Думаю, в Америке таких руководителей нет. Там умеют руководить, но интерес исключительно личный, а у нас хороший руководитель имеет государственный интерес как личный».

Профессор П.Л. Капица, журнал «Наука» 1994 год:

«...Вызвали меня к часу ночи. Провели в большой кабинет, где сидели два человека. Оказалось, что это заместители Берии — Кобулов и Меркулов. Оба они потом были расстреляны... Проговорили до четырёх утра. Особенно с Меркуловым, который оказался очень начитанным... Жаль. Оба эти человека обладали, по-видимому, большими организаторскими способностями, но были совершенно беспринципны. Перед концом нашей беседы один из них говорит: «Хорошо, Капица, если вы согласны поручиться за Ландау — пишите письменное поручительство, в случае чего будете отвечать». Я написал, и через два дня в институте появился Ландау...».

После обеда Лев Захарович убежал по своим делам, пообещав нарисоваться на ужин. Я снова же снова вернулся в тот же совнаркомовский зал для совещаний, где вместе с «заинтересованными лицами» принялся делить наследство Берии. То бишь занялся реорганизацией Народного комиссариата внутренних дел СССР (НКВД), который был воистину монстром — непонятно как управляющимся и выполняющим самые разнообразные и порой совершенно не взаимосвязанные функции.

В данное время «великий и ужасный» НКВД состоял из:

1) ГУГБ — Главное управление государственной безопасности.

- 2) ГУРКМ — Главное управление рабоче-крестьянской милиции.
  - 3) ГУББ — Главное управление по борьбе с бандитизмом.
  - 4) ГУПиВО — Главное управление пограничной и внутренней охраны.
  - 5) ГУШосДор — главное управление шоссейных дорог.
  - 6) Небезызвестный ГУЛАГ — не к ночи будет помянут.
  - 7) ГЭУ — Главное экономическое управление.
  - 8) ГТУ — транспорта.
  - 9) Главное архивное управление (ГАУ) НКВД СССР.
- И ещё — чего тут только не было, сам чёрт ногу сломит...

Кроме этого, каждый «Главк» это гипер-раздутой конторы, имел свои подотделы. Например, в состав ГУГБ НКВД входили:

- 1) Так называемый «Особый отдел» — контрразведка.
- 2) Иностраный отдел — внешняя разведка за границей.
- 3) Секретно-политический отдел — борьба с политическими противниками внутри страны.
- 4) Экономический отдел — борьба с саботажем, диверсиями и вредительством на производстве.
- 5) Транспортный отдел — борьба с саботажем, диверсиями и вредительством на транспорте.
- 6) Оперативный отдел — охрана руководителей партии и правительства.
- 7) Специальный отдел — шифровально дело, соблюдение режима секретности в органах власти.
- 8) Учётно-статистический отдел — оперативный учёт, статистика, архив.

Ну как тут не вспомнить Пушкина?

«В одну телегу впрячь не можно

Коня и трепетную лань», — писал поэт, а тут посмотрите: сие устройство напоминает хорошо известную басню Крылова, в которой леблядь — раком жуку, а паровоз — ни с места.

Возможно Лаврентий Павлович и, мог этой «телегой» управлять... Но ни я, ни один из его выдвиженцев — мной унаследованных от него, навряд ли.

Нет, так дело не пойдёт!

Первым делом — охрана меня любимого!

Поэтому, «Оперативный отдел» (охрана руководителей партии и правительства) и «Специальный отдел» (шифровально дело, соблюдение режима секретности в органах власти), вывел из-под юрисдикции НКВД и объединив в «Главное управление охраны при СНК СССР» — переподчинив таким образом себе лично.

Пока на эту спецслужбу, повысив в звании до генерал-лейтенанта, поставил Николая Кирилловича Спиридонова — из пограничников, потом посмотрим.

«Службу охраны первых лиц государства» в этом главке возглавляет генерал-майор Косынкин Петр Евдокимович. На «Специальном отделе» — оставил генерал-майором Алексея Ивановича Копытцева.

Кроме того, в непосредственном распоряжении «Главного управления охраны при СНК

СССР», отныне находятся «Отдельная мотомеханизированная дивизия особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского», «Полк специального назначения» (неофициальное название — «Кремлёвский полк охраны») и ряд других частей и подразделений.

Вслед за этим, переименовал НКВД в «Народный Комиссариат Государственной Безопасности» (НКГБ), поставив во главе его Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко — ранее занимавшего две должности: Первый секретарь компартии Белоруссии, Председатель Совета национальностей Верховного Совета. Эта — третья и я его ещё хочу загрузить четвёртой.

Человек незаурядный и неординарный — должен справиться!

Недаром из всех делегатов погибшего партсъезда, именно его на пару с Щербаковым, я спас по договорняку с Хрущёвым.

По образованию он — инженер-железнодорожник, служивший в РККА командиром батальона железнодорожных войск, затем перешёл на партийную работу и в разгар репрессий конца 30-х годов, был назначен Первым секретарём Белорусской ССР.

Артем Сергеев, приёмный сын Сталина, так вспоминает об этом назначении:

«Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко мне рассказывал о своей работе в Белоруссии. В частности, говорил, почему Сталин его послал туда. Это было в 1938 году. Иосиф Виссарионович дал ему четкие указания: прекратить репрессии. Сталин сказал: «Чего они добиваются? Что им нужно? Там так много людей пострадало — и до сих пор репрессии продолжаются. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года). А они не унимаются. Поезжайте, наведите порядок — остановите репрессии».

Пономаренко спросил: «А как это сделать?» Сталин посоветовал: «Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери — и пусть идет домой».

Пономаренко ответил: «Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться».

Сталин подтвердил, что, конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. От того, как вы себя поставите, будет зависеть ваш авторитет и успешность работы».

Можно конечно не верить, больно уж глянцевого картинка получается...

Но с другой стороны: почему приёмный сын Сталина, ничего подобного не вспоминает об других первых секретарях? Почему из множества номенклатурщиков, крутивших в конце 30-х годов мясорубку репрессий, он выбрал именно его?

Значит, за этим что-то кроется, значит — хоть доля правды в этих словах есть, а стало быть — Пономаренко не озверевает подобно Ежову от всемогущей должности.

Хотя, конечно, я от восторга влажно не пишу: не белый вовсе Пантелеймон Кондратьевича и совсем не пушистый — коль сумел выжить в такой «кислотной» среде.

По некоторым данным Пономаренко, выдвиженец не Сталина — а Андрея Андреевича Андреева... Но ныне нет с нами «Андрейки в кубе», так что — ничего страшного. Теперь он мой весь вместе с потрохами, ибо всеми должностями — Председателем Совета Национальностей и Наркома НКГБ — обязан только товарищу Сталину и никому более.

А на «если что», у меня есть капитан госбезопасности Славин.

Кстати, Пономаренко — ещё один кандидат на «преемника» Вождя: запасной вариант на случай, коль не срастётся с Головановым.

***

Следом за переименованием и назначением нового наркома, я провёл реорганизацию ведомства. В «Народном Комиссариате Государственной Безопасности» (НКГБ), отныне остались лишь непосредственно отвечающие за безопасность государства структуры:

«Главное управление безопасности» — борьба со шпионами и антисоветчиной во всех её проявлениях, отныне возглавляемое комиссаром госбезопасности 3-го ранга Влодзимирским.

К тому времени, когда Лаврентий Берия появился в столице, Лев Емельянович Влодзимирский уже был начальником следственной части НКГБ СССР. С этого момента он оказался в числе самых верных соратников Берии.

Если верить некоторым источникам, именно Влодзимирский занимался группой «Четвертый рейх» — которую организовали дети высокопоставленных чиновников: два младших сына Микояна, Шахурин-младший и прочие сопливые «рейхсфюреры» и «группенфюреры» — готовившиеся стать во главе государства.

То есть, этот человек — по меньшей мере смелый и принципиальный.

«Управление особых отделов» — военная контрразведка то бишь, во главе с небезызвестным Абакумовым...

В «реальной истории», Государственный Комитет Обороны принял постановление о образовании «Управления особых отделов НКВД» 17 июля 1941-го года — когда уже вся наша задница, была в шрамах от клюющих её жаренных петухов. Теперь в дивизиях РККА Особые отделы появятся чуть раньше.

Конечно, про особистов я начитался очень разного... Всякого!

Но в том числе и такого:

«Вопрос:

— Принято очень нелицеприятно отозваться об особистах. А вот вы как считаете, смогли бы мы победить без такой жесткой, даже жестокой дисциплины, которую они обеспечивали?

Ответ:

— Что скрывать, воевали с оглядкой... Но лично я прихожу к мнению, что с нашим народом по-другому нельзя. Все-таки мы люди несколько расхлябанные. Не немцы. У немцев если приказали, то он будет выполнять до конца. Пусть это и до глупости иногда доходит. А мы в этом плане совсем другие. Видимо, от природы в нас, русских, такие качества, вот иногда и получается не совсем...»[1].

Это говорит человек, живший в то время и прошедший Великую Отечественную Войну — а не слышавших о тех временах понаслышке из «зомбоящика».

Кто как, а я считаю, что эти структуры жизненно необходимы.

Что касается Абакумова...

Во время войны Виктор Семёнович был на должной высоте — это общеизвестный факт, а вот после неё — скурвился, что тоже в доказательствах не нуждается.

Ничего, будем присматривать и если что — с ним очень вовремя случится несчастный случай.

Очень и очень несчастный...

И очень-очень вовремя.

Экономический отдел (борьба с саботажем, диверсиями и вредительством на производстве) и Транспортный отдел (борьба с саботажем, диверсиями и вредительством на транспорте), я объединил в «Отдел экономической безопасности НКГБ».

На него назначил бывшего до сего момента начальником «Главного транспортного управления» — Соломона Рафаиловича Мильштейна... На Богдана Захаровича Кобулова, у меня другие виды. Единственное что я знаю про Мильштейна — был расстрелян вслед с другими «палачами» Берию...

А значит — человек хороший!

Кроме вышеприведённого, в составе НКГБ СССР остались Пограничные войска — надо объяснить для чего они и, Войска охраны тыла — переименованные из Оперативных войск, позже известных как «Внутренние войска». Назначение последних — охрана важных государственных объектов: системы правительственной связи, железных дорог, крупных предприятий, стратегически важных мостов и так далее... Конвойные войска отныне в структуру Наркомата госбезопасности не входят, про них разговор чуть позже.

Авансом повысив обоим звания, командовать пограничниками назначил генерала армии Масленикова Ивана Ивановича, «охранниками» — генерала армии Артемьева Павла Артемьевича.

Оба — люди Берию, в «реальной истории» воевали очень хорошо, после хрущёвского переворота — его не предавшие и, в обоих я уверен на все сто:

Эти — не подведут.

На этом с НКГБ СССР — всё!

«Главное управление рабоче-крестьянской милиции» (ГУРКМ), Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ), Главное управление пожарной охраны (ГУПО), Войска Военизированной Охраны (ВВОХР) и Транспортный отдел — я выдернул из НКВД и объединив — преобразовал в «Государственный департамент Внутренних Дел»...

Чисто наша милиция — что нас бережёт, ничего больше!

Во главе департамента оставил главу «ГУРКМ» — Александра Григорьевича Галкина, имеющего звание «инспектор милиции».

Как и у чекистов, у ментов тоже — свой «табель о рангах».

Ничего плохого про него не читал «там» и даже по «ящику» не слышал — иначе бы в «послезнании» отложилось... Как и плохого впрочем. Но понадеявшись, что человек хороший — повысил ему звание до «комиссара милиции 1-го ранга».

Мне это ничего не стоит, а человеку приятно.

Дальше — больше!

«Иностранный отдел НКВД» или иначе «5-й отдел», с этой поры стал отдельным силовым ведомством — «Службой внешней разведки СССР» (СВР СССР), подчиняющийся мне как главе государства.

Возглавил его профессиональный разведчик — старший майор государственной безопасности Павел Михайлович Фитин, «в реале» руководивший этой спецслужбой с 1939-го по 1949-й год.

Кто, если не он?

Сразу же его озадачил:

— Товарищ Фитин! Мной планируется ликвидация Главного разведывательного управления Генштаба РККА (ГРУ), так что готовьтесь перехватить агентуру... Если конечно, там есть чего «перехватывать» — в чём лично я сомневаюсь.

Понимающе улыбнувшись, тот в ответ:

— Что-нибудь, да есть. На что-нибудь да сгодиться.

— В любом случае Вам пригодится комплекс зданий ГРУ на улице Гризодубовой — не век же на Лубянке в бедных родственниках ютиться. Так что сразу после совещания получите в Секретариате у товарища Поскрёбышева соответствующий документ и завтра с утра начинайте переселяться...

Посмотрев на часы:

— ...А впрочем можете начинать уже сегодня: что резинку тянуть?

Первый заместитель Фитина — Павел Анатольевич Судоплатов, тоже личность всем известная, да?

И которая, в представлении не нуждается.

Про великий и ужасный НКВД, впору под печальный «медляк» запеть арию безутешно грустящей бабушки:

«Остались от козлика рожки да ножки,

Остались от козлика рожки да ножки,

Вот как, вот как, рожки да ножки,

Вот как, вот как, рожки да ножки!».

Однако я человек хозяйственный и «рожки да ножки» тоже — сумею куда-нибудь, да пристроить.

«Главное управление шоссейных дорог» (ГУШосДор) — отныне самостоятельный Наркомат дорожного и аэродромного строительства (НКДиАС), во главе с наркомом — Всеволодом Тихоновиче Фёдоровым.

Не к ночи будет помянутый (ГУЛАГ) — «Главное управление лагерей», отныне и присно и надеюсь во веки веков — «Государственный департамент исполнения наказаний». Туда же вошли и конвойные войска, к моему удивлению укомплектованные...

Контрактниками!

Чудны дела твои, Господи...

***

Ну и наконец «вишенка на торте»!

Особенно ценным приобретением в наследии Лаврентия Павловича Берии был «Главное экономического управления» (ГЭУ) в составе НКВД СССР, которое по зданию Берии создал и возглавлял комиссар государственной безопасности III ранга Богдан Захарович Кобулов.

С чем это сравнить?

У Петра Великого — царя-реформатора, были доверенные лица из числа сержантов-гвардейцев Семёновского и Преображенского полков — которые осуществляли самый жесткий и эффективный контроль деятельности чиновников в самых важных сферах государственной жизни, в том числе и в экономической сфере.

Вот таким и мыслил Берия «ГЭУ» НКВД СССР!

В состав этого органа входил своя «Следственная часть» и отделы — отвечающие за самые разнообразные отрасли промышленности: от местной до оборонной. Укомплектованы они были специально подобранными умными и технически компетентными специалистами, которые в силу своей высокой квалификации — были способны не только вскрывать факты вредительства, халатности — но и давать технические рекомендации по исправлению положения.

Рисунок 50. Кобулов Б.З..

Если у директора завода, к примеру, возникали какие-то проблемы, он звонил и неведомо откуда появляющиеся молодые люди в казённых пиджаках, с «правильными ксивами» в карманах и неограниченными полномочиями, эти проблемы решали. И снова исчезали неведомо куда.

«Кризисные менеджеры» — говоря современным мне языком.

Над данный момент «ГЭУ» НКВД СССР состоял из:

1-й отдел — оборонная промышленность.

2-й отдел — тяжелая промышленность и машиностроение.

3-й отдел — лёгкая, пищевая, лесная и местная промышленность.

4-й отдел — сельское хозяйство и заготовки.

5-й отдел — торговля, кооперация и финансы.

6-й отдел — топливная промышленность.

Следственная часть ГЭУ.

Конечно, мимо такого добра я не мог мимо пройти, чтоб не схомячить его целиком!

Теперь это «государственное око» называется «Главный промышленно-экономический отдел при Совете Народных Комиссаров СССР». И приоритеты у него отныне несколько иные:

— Товарищ Кобулов! На носу у нас, что?

На вид, Богдан Захарович был «красавец» ещё тот!

Любой беременный бегемот бы от его вида — до выкидыша перепугался.

Весил он явно больше центнера, имел непропорционально большую голову, волосатые руки и короткие кривые ноги...

Но умница — сразу видно:

— На носу у нас война, товарищ Сталин.

— Правильно! Поэтому давайте расставим с вами приоритеты: на что в первую очередь обратить внимание, на что — во вторую... А на что — вообще не стоит обращать внимание, отложив на послевоенный период! Пока думайте, переезжайте с Лубянки на новое место, а затем мы с Вами ещё раз встретимся и поговорим уже более конкретно.

Заместитель Кобулова — Авраамий Павлович Завенягин, личность тоже — весьма и весьма примечательная. В Норильске Завенягин известен «законами управления Завенягина», которые он установил для себя и подчинённых при строительстве Норильского горно-металлургического комбината:

Первый закон: максимальная работа при любых — даже самых нечеловеческих обстоятельствах.

Второй закон: спасение (в том числе собственное) — в неординарных решениях.

Третий закон: молодость — скорее достоинство, чем недостаток.

С сорок пятого года и до самой смерти Сталина, Завенягин — один из главных руководителей советского атомного проекта, в зону ответственности которого входил весь цикл производства ядерного топлива: от руды до производимого в промышленных реакторах плутония и зарядов.

Уверен, что и в «текущей реальности» он не сплхует.

— А вот товарища Мешика я у Вас заберу, товарищ Заведующий «Главным промышленно-экономическим отделом при Совнаркоме СССР»...

— И на какую же должность, товарищ Сталин? Если не секрет, конечно...

Хохотнул слегка:

— Да какие же секреты, от вас — чекистов?

Поправляет:

— Бывших, товарищ Сталин — бывших чекистов.

Указательный палец вверх:

— Бывших чекистов, товарищ Кобулов — не бывает, так же как не бывает и бывших алкоголиков. А Павла Яковлевича я назначаю Заведующим отделом Научно-технической разведки «Научно-технического комитета при Совете Народных Комиссаров СССР». Как Вы считаете, справится?

Даже не думая, утвердительно кивает:

— Справится! Про таких как товарищ Мешик, в нашем народе говорят: «молодой, да...».

Переиначиваю по своему, перебив:

— Резкий.

Действительно, самый молодой из команды Берии, Павел Яковлевич Мешик после войны занимался промышленным шпионажем в первую очередь — в атомной области и, насколько мне известно — немало в этом преуспел. Он также был папой «почтовых ящиков» — закрытых зон, городов и посёлков с особым режимом проживающих на этих территориях учёных.

Но лучше характеристикой ему было то, что Мешик — был расстрелян вместе с другими из команды Берии...

А значит он чего-то стоил.

***

Ну а прежнего ВРИО Народного комиссара внутренних дел — комиссара госбезопасности Всеволода Николаевича Меркулова, я назначил «Секретарём-референтом Председателя Совнаркома СССР»...

Если перевести эту должность с официального языка на русский, то это даже не единственный заместитель главы государства...

Это:

ВТОРОЕ Я!!!

Почему так?

Потому что не спать ночами и всё на свете делать самому, я не собираюсь...

Я не Сталин!

По моему глубокому убеждению, успешный руководитель должен иметь единственный талант: хорошо разбираться в людях — чтоб суметь найти себе «негров», которые будут за него «пахать».

Поставить перед ними задачу и...

ВСЁ!!!

Даже контроль за исполнением, можно скинуть на замов, если всё сделать по уму, конечно.

Мой немалый жизненный опыт и главным образом «послезнание» — позволяют мне найти таковых...

Так почему бы, не почему?

Рисунок 51. Меркулов Всеволод Николаевич.

Кроме всего прочего, мой секретарь-референт обладал незаурядными литературными способностями и под никкеймом «Всеволод Рокк» опубликовал несколько пьес, сценариев и брошюр. При первом знакомстве — «тет-а-тет», так сказать — почуяв в нём собрата по графомании, спросил:

— Книжки то пишете, товарищ Меркулов?

Тот, видно ожидая грандиозный разнос и, тем не менее — не решившись соврать, робко и застенчиво:

— Пишу, товарищ Сталин... Но если Вы...

— Как насчёт нового жанра, даже пожалуй двух? Называются «попаданство» и «альтернативная история».

Заинтересованно спрашивает:

— Не слышал про такие.

Вкратце рассказал пару стандартных сюжетов и, тот — явно запав, нерешительно:

— После перечисления Вами возложенных на меня обязанностей, навряд ли я найду время для литературной деятельности.

Отмахиваюсь:

— Да, ерунда! Накидайте план произведения, найдите себе литературного «негра» и пусть пашет... Так все делают!

***

Погиб Лаврентий Павлович Берия и по болезненности, это был удар мне — даже не под дых, а куда более ниже...

Мужчины поймут!

Однако после него осталась команда и твёрдая уверенность, что с ней я разгребу все доставшиеся мне после Реципиента проблемы.

Про этих людей, мой современник в конце XX или начале XXI века, не прочтает и не услышит почти ничего — кроме как «палачи Берии», а то и похлеще.

Хорошо — пусть будут палачи...

Однако, давайте разберёмся:

«Палач — лицо, приводящее в исполнение приговор о смертной казни или телесном наказании».

Он не убивает — это делает закон, в том числе и принятый в результате вполне демократической процедуры. А судья, палач — лишь механизмы при этом законе.

Так что никакого отрицательного смысла в слове «палач» нет, это всего лишь профессия и, причём — нужная профессия, хотя и изрядно грязная — как ассенизатор, например.

Насколько мне известно, право на смертную казнь имеется только у государства и ни у кого больше. Производится она после определённой — довольно геморрной процедуры: сперва проводится следствие — во время которого на подозреваемого собираются улики... Затем дело передаётся в суд, где прокурор согласно им обвиняет, а адвокат — опровергает обвинения, приводя какие-то доказательства.

Выслушав обоих и решив, что перевешивает, народные заседатели (или коллегия присяжных) выносят решение — виновен (не виновен) и, лишь потом, судья заглянув в очень толстую книжку под названием «Уголовный кодекс», приговаривает:

— Расстрелять!

Ну, или дать там какой-либо срок заключения.

Во втором же случае — отпустить на все четыре стороны, дав на прощание совет больше не попадаться.

Такое правило, как известно — действует даже среди диких папуасов: без какой-либо вполне определённой и узаконенной процедуры — там никого не едят, даже если в Эфиопии конкретный голод.

А вот теперь почитаем такой документ:

«Акт от 23.12.1953.

Сего числа в 19 часов 50 минут на основании предписания председателя специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года N 003 мною, комендантом специального судебного присутствия генерал-полковником Батицким П.Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С., приведен в исполнение приговор специального судебного присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу Берия Лаврентию Павловичу».

А вот ещё, вдогонку:

«АКТ от 23.11.1953.

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденными:

1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,

- 2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,
- 3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,
- 4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,
- 5) Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,
- 6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения, к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осужденные расстреляны. Смерть констатировал — врач (роспись)».

Что это?

Да стоило только выслать академика Сахарова из Москвы в Нижний Новгород — как правозащитники всего мира подняли воистину вселенский вой, который не стихает до сих пор.

Почему относительно этого произвола и беззакония молчат?

Ладно, фиг с ними — с правозащитниками...

Что это за «специальное судебное присутствие Верховного суда СССР» такое и что про него написано в Конституции СССР — основном законе страны?

Куда смотрят прокуроры — самим Петром призванные быть «оком государевым», следя за законностью?

И почему приговорённых расстреливают не специально назначенные для этой процедуры люди, а генералы Советской Армии?

Впрочем последнее, меня удивляет меньше всего...

Как защищать выкормивший их на собственную шею народ, так за редким исключением — после «внезапного и вероломного», генералы срывали с себя знаки различия, зарывали или топили в первом же попавшемся сортире партбилеты и переодевшись в гражданское драпали из всех ног — бросая подчинённых в образовавшихся по их скудоумию «котлах». Попав в плен же, «пели» так — что немцы даже записывать и переводить не успевали... Матерно и похабно ругали Советскую Власть и лично товарища Сталина, которому ещё буквально вчера — вылизывали всю промежность: от ануса до пениса.

А как за лишнюю лампасину на широких генеральских штанах — убить поставленного на колени беззащитного человека, выстрелив ему в затылок...

Так это — пожалуйста!

Здесь, сучо — они все до одного герои, не один не убежал перепуганным.

Нет, если задуматься, прикольно, да?

Исполнители приговоров — сиречь «палачи», отказались убивать — ибо по всему видать — люди порядочные, а эти же...

Локтями друг друга поди, даже расталкивали, твари!

Застрелившись, генерал Масленников ушёл в смерть от такой дикой внесудебной расправы и последующего позора, Судоплатов вовремя и главное — достоверно закопил под психу и, тем спасая отсидев полжизни в психушке... Остальные были подло и незаконно убиты — давайте называть вещи своими именами.

И по моему твёрдому убеждению, это лишь — верхушка айсберга.

Людей из команды Берии уровнем ниже — убивали даже без этого фигового листа, призванного прикрыть срам у партноменклатуры.

***

Я вовсе не хочу сказать, что Берия и его люди — «белые и пушистые», вовсе нет.

После более чем трёхсотлетнего Романовского ига (1613–1917 год) страна должна была пройти период очищения огнём и кровью. Жить в это время, находиться у власти и не измараться...

Так не бывает!

Это как во время Средневековья — не переболеть хотя бы каким-нибудь, самым завалящим глистом.

Однако, «судьи» кто?

Про самого Хрущёва, его ближайшего сподвижника Серова и прочих — даже говорить нечего: у них не руки чем-то там «красненьким» испачканы — они по брови в крови человеческой.

А кто такой прокурор Руденко?

В 1937–1938 годах — прокурор Донецкой области, входил в состав тамошней собой «тройки»...

Наверное, няшка эдакий — больше пятнадцати суток не давал, да?

Нет, не угадали... В рамках так называемой «Кулачковой операции» (приказ по НКВД № 00606) Руденко приговорил к расстрелу 9801 человека, а в рамках операций по «Национальным контингентам» (приказ № 00606) — ещё около 2500 человек. При многих расстрелах Руденко присутствовал лично[2].

Так почему положим Кобулов — «палач Берии», а Руденко — нет?

Что-то как-то нелогично, на мой взгляд.

На самом деле всё очень просто и чрезвычайно логично.

До 1953-го года в СССР существовали две мощные группировки элиты: партократы и технократы и, причём между ними — были острые и непримиримые противоречия, ибо первые сидели на шее у вторых.

Технократы изо всех сил стремились скинуть с себя этих кровососов — мешающих обществу развиваться. Партократы же в свою очередь — яростно этому противились, ибо ничего другого — как сидеть на шее у народа и пить кровь, они не умели...

Попробуйте, например, вытащить из задницы (не обязательно из своей) ленточного солитёра... Разве он не будет этому сопротивляться?

Ещё как будет — ибо, жить то хочется!

А жить иначе, как сидеть в чьей-то заднице — забирая у её обладателя жизненные соки, он не умеет.

Пока был жив Сталин, он как-то умудрялся обе стороны примирять. Когда же Вождь (при тех или иных обстоятельствах — в данном случае это совершенно неважно) покинул сей говённый мир — случилась война на уничтожение.

В силу ряда причин выиграла партократы и истребив верхушку противной стороны, остальных загнали в петушинный угол.

Некоторые идиоты из числа так называемого «добра нации» называют эту войну и последующее безжалостное истребление самых лучших — «оттепелью», «первой

перестройкой» и даже чуть ли не «демократической революцией»...

Ну как тут не процитировать Лаврова:

— Дебилы, плять!

Оттепель, перестройка и демократия была для партноменклатуры — которая с тех пор вообще перестала за что либо отвечать, разве что за гнилой базар между своими... А на выставке художников, Никита Сергеевич — вас вполне определённо назвал...

Пидарасами!

Чего кстати — Иосиф Виссарионович себе никогда не позволял.

Дали колхозникам паспорта?

Счастье то какое попёрло...

Зато отобрали приусадебные участки, запретили держать скот и увеличили количество трудодней.

Кооперацию уничтожили вместе с частнопрактикующими лицами и, с тех пор предприниматель на Руси — обязательно вор и сволочь, ибо заодно была уничтожена многовековая традиция артельного предпринимательства.

Рабочих же расстреливали прямо на улицах...

Опять же: какие молодцы, наши генералы!

Стратеги, плять...

Маршалы Победы!

Ну и подытоживая скажу: «палачами» — если угодно, были обе стороны.

Но если после технократов, на момент смерти Вождя золотой запас страны был 2,5 тысячи тонн...

Это — исторический максимум!

То партократы оставили после себя лишь 290 тонны...

Это — исторический минимум!

Как тут не запеть Высоцкого:

«Где деньги, Зин?».

Ведь, даже после Первой мировой и Гражданских войн... После выплат репараций Германии в 1918-м году и полякам в 1920-м, после всяких там компенсаций лимфотропам — вроде Латвии и, спонсирования большевиками мирового коммунистического движения...

Золотой запас СССР был намного больше — около четырёхсот тонн.

И этот факт говорит о многом, если не об всём!

Каждый волен делать из этого факта свои собственные выводы, дорогие россияне

Мой же вердикт таков:

В 1953-м победили убийцы, паразиты, воры и просто тупые мрази. И эти убийцы, паразиты, воры и просто тупые мрази — написали свою историю. Историю, которой вы верите, которую учат в школе ваши дети и будут учить внуки и внуки их внуков.

А история это что?

История, это политика опрокинутая в прошлое, но нацеленная на будущее...

Вам ещё не страшно?

Ведь, будущее — происходит прямо на ваших глазах.

***

Однако, хватит о грустном!

Отныне всё будет по-другому и, сегодня я положу ещё один краеугольный камень в фундамент совершенно новой истории нашего государства.

Закончив реформатирование спецслужб, вновь собрал в зале для совещаний наркомов и прочих чиновный люд. Рассказал об нововведениях и представив им Меркулова, пояснил:

— Товарищи! На заседаниях Совнаркома в моё отсутствие, слово моего Секретаря-референта — будет решающим. Если кто-то этого не понял, тот может тут же — не выходя из этого зала, писать заявление «по собственному» и искать себе место управдома... Больше ему ничего на этой «одной шестой», не светит.

Ответив на несколько не имеющих принципиального значения вопросов, заканчивая на «минорной ноте» своё первое правительственное совещание, перед тем как отпустить народ, сказал:

— Товарищи! От лица множества ответственных работников в мой адрес приходит множество жалоб на ненормированный рабочий день — не позволяющий им заниматься личными делами. И, в частности — воспитанием собственного потомства, которое без родительского пригляда — грозит вырасти конченными балбесами и шалопаями...

Чувствуя неладное, народ в зале стал переглядываться с одним и том же выражением на фейсе лица: «Какая сволочь...?». Оставляя в недоумении — ибо всё это выдумал сам, щерюсь в самой приятной из всех приятнейших улыбок и, продолжаю:

— ...Так вот спешу вас всех обрадовать, товарищи! Скоро обуза будет снята с ваших плеч. Ибо, вот-вот выйдет одобренное Пленумом ЦК ВКП(б) и Исполкомом Верховного Совета, постановление Совнаркома об обязательном государственном воспитании детей высших государственных служащих с возраста от десяти лет и выше.

Вкратце объяснил в чём суть воспитания: подальше от семьи (вторая после Валдая школа для детей элиты будет организована в сибирской Белокурихе, третья — для «особых случаев» — на острове имени барона Врангеля), поменьше ненужных знаний — никогда не в жизни не потребуевшихся (если ребёнок захочет изучать к примеру высшую математику, к его услугам будет специальный кружок), побольше свежего воздуха, коллективных и индивидуальных видов спорта (конный спорт обязательно) и, вождение всех видов техники — от мотоцикла до лёгкого самолёта... Экстремальный туризм, альпинизм, походы по местам боевой славы...

— И прежде всего, товарищи — военное дело, которое как известно — начинается с жесточайшей муштры! Ибо каждый гражданин Советского Союза — это прежде всего боец и его защитник. И наши с вами дети, товарищи — должны быть самыми лучшими бойцами и защитниками страны.

Про телесные наказания я промолчал, но вместо безусловно эффективных, но уже устаревших розг (батонов, шпицрутенов, шомполов и т. д.), мы с Сорокой-Росинским решили перейти на электроток. В данный момент, Виктор Николаевич проводит консультации с учёными и специалистами и, договаривается с начальниками колоний для несовершеннолетних об проведении ряда экспериментов по определению наиболее эффективных для воспитания — но в то же время безопасных для здоровья ребёнка параметров тока.

Не переставая приязненно щериться, доношу до аудитории дополнительную информацию:

— Уже производится набор в первую группу на добровольной основе, а после всех необходимых организационных мероприятий — такое станет обязательной нормой.

Вполне прозрачно намекнул, показав виртуальный пряник:

— Спешите, товарищи, ибо в нашей большой семье действует простое житейское правило: «Кто первый встал — того и тапки».

Намёк «про пряник» был понят правильно и без намёка на виртуальный же «кнут» и, тотчас из зала наперебой посыпались вопросы:

— У кого записываться, товарищ Сталин?

Объяснив где находится приёмная товарища Сороки-Росинского и, каков номер его «вертушки», перехожу на дальние перспективы:

— В дальнейшем же, чтобы ответственным товарищам не приходилось разрываться между службой советскому народу и собственной семьёй, кадровый вопрос будет решаться по ленинскому принципу, гласящему: «Чем меньше (в данном случае детей), тем лучше (для карьеры)». А чтобы им справиться с Природой-матушкой, Внешторгу даётся срочное задание закупить в Америке целый пароход презервативов — сиречь гандонов — не при дамах сие слово будет сказано.

Оборачиваюсь к присутствующему на совещании профессору Виноградову:

— Вы что-то хотели сказать, Владимир Никитич? Говорите, но только очень кратко: товарищи уже устали, а у меня ещё после ужина — вечернее совещание с товарищами военными...

Виноградов, тотчас соскочив и вмиг оказавшись на трибуне:

— Товарищи! Как медик заявляю: презервативы — это ненадёжно, нет стопроцентной гарантии от зачатия. Тем более, это не наши — пролетарские гандоны, а закупленные у классовых врагов презервативы! А те не поленятся наделать в них дырок — чтоб подорвать нашу трудовую, рабоче-крестьянскую власть. Поэтому от имени департамента здравоохранения СССР, рекомендую добровольную кастрацию современными хирургическими методами: чик и всё! Никаких препятствий для успешной служебной карьеры...

Достав откуда-то тетрадку и карандашик, он поверх очков посмотрев в зал:

— ...Прошу записываться, товарищи!

Слегка запаниковав, народ начал ускоренно разбегаться по кабинетам, хотя некоторые я вижу — задумались.

Ну, как говорится — почин сделан.

Повернувшись в президиуме, обращаюсь к сидящим неподалёку Народному Комиссару Государственной Безопасности (НКГБ) — Пономаренко и Начальнику его «Главного управления безопасности» — Влодзимирскому:

— А вас товарищи, мы с Львом Захаровичем приглашаем с нами отужинать.

[1] А. Дабкин «Танкисты: Новые интервью».

[2] По данным исследователя архивов Константина Богуславского, работавшего в бывшем архиве КГБ УССР.

Глава 16. Историческая память народа: Помним про своих мёртвых!

Из доклада начальника Политического управления Красной Армии Льва Мехлиса «С военной идеологии», на Совещании (10 мая 1940 г.) по итогам Советского-финской войны»:

«В вопросах военной идеологии мы оказались достаточно беззаботными. В работе давила повседневная текучка, процветал эмпиризм...

Что нам необходимо для поднятия военной идеологии и военной науки на уровень требований современной войны?

Для этого нужно, прежде всего, ликвидировать болтовню о непобедимости Красной Армии, ликвидировать зазнайство, верхоглядство и шапкозакидательство. Нам нужно прекратить разговоры о том, что Красная Армия непобедима, а больше говорить о том, что мы должны многому учиться, чтобы идти вперед.

В отношении армий малых сопредельных с Советским Союзом стран у наших командиров и политработников заметно пренебрежение и высокомерность. Эта недооценка вооруженных сил малых стран неправильна и вредна, ибо, когда эти малые страны выступят на стороне крупных империалистических держав против СССР, они сумеют притянуть на себя значительные силы Красной Армии, если мы будем их недооценивать и не будем знать их театра и методов войны. Следовательно, надо внимательно изучать и знать слабые и сильные стороны всех армий сопредельных стран, в том числе и малых...

Глубоко вкоренился вредный предрассудок, что, якобы, население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно, и чуть ли не поголовно, восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут нас встречать с цветами. Это ложное убеждение вырастает из незнания действительной обстановки в сопредельных странах. Война в Финляндии показала, что мы не вели политической разведки в северных районах и поэтому не знали, с какими лозунгами идти к этому населению и как вести работу среди него. Мы часто обходились с крестьянами как с рабочим классом, а оказывается, что этот крестьянин крупный кулак, шощкоровец, и он реагирует по-своему. Столкновение с действительностью размагничивает нашего бойца и командира, привыкшего рассматривать население зарубежных стран с общей — поверхностной точки зрения...

Неправильно освещаются также интернациональные задачи Красной Армии. В печатной и устной пропаганде на первый план выдвигается тезис об освободительной роли нашей армии. Интернациональные задачи излишне подчеркиваются и в проекте Полевого устава, где сказано, что «Красная Армия вступит на территорию нашего врага, как освободительница угнетенных и поработанных» (ПУ-39, с. 4).

Конечно, во всех случаях, мы, вступив на территорию противника, будем в роли освободителей трудящихся от эксплуататорских классов. Но в практической работе нельзя швыряться лозунгами вообще. Я считаю, что давать такой лозунг в Полевом уставе Красной Армии не нужно. Каждый лозунг должен иметь свое место и свое время. Между тем лозунг об интернациональных задачах Красной Армии сплошь да рядом дается вне времени, без учета условий и без учета того, к кому апеллируют.

...Наши политработники часто подходят к этим вопросам по-школьному. Усвоив из книг общее и безусловно правильное положение о том, что наша армия является

освободительницей трудящихся капиталистических стран, они еще не умеют применять теорию в жизни, вести пропаганду и давать лозунги, исходя из конкретной обстановки.

Аналогичная ошибка была допущена и в первый период войны с белофиннами, в особенности с правительством Куусинена. Незадачливые политработники механически усвоили лозунг об интернациональных задачах Красной Армии, об освобождении финского народа и обращались с этим лозунгом одинаково как к финскому населению и солдатам, так и к своим войскам. Не учитывали того, что если финскому солдату можно и нужно говорить о том, что Красная Армия несет ему освобождение, то для наших красноармейцев этот лозунг не всегда будет понятен и близок. Там же, на финском фронте, выходила газета под названием «За коммунизм». Это название я изменил, так как для беспартийных товарищей оно может быть не всегда понятным.

В речи товарища Молотова было сказано о том, что Красная Армия ведет войну за безопасность города Ленинграда и наших северо-западных границ, ведет войну за то, чтобы уничтожить военный плацдарм, который готовили противники Советского Союза. Когда этот правильный лозунг, данный ЦК и Правительством, вновь был подтвержден нашими политработниками, он придал гораздо больший смысл и действенность нашей пропаганде.

Этот лозунг был понятным для всего личного состава».

В том же «отдельном кабинете» совнаркомовской столовой, после того как малость перекусили и, всерьёз взялись опустошать самовар, я первым делом в присутствии Льва Мехлиса заявил Народному Комиссару Государственной Безопасности (НКГБ) Пономаренко и Начальнику его «Главного управления безопасности» — Влодзимирскому:

— Советизацию прибалтийских республик надо заморозить до лучших времён. И эту «заморозку» надо начать именно с органов НКГБ: придержите коней, товарищи чекисты!

Поясню:

После присоединения западных областей, что в принципе — можно только приветствовать, Советский Союз повёл себя как медведь в посудной лавке — перебив множество «горшков».

На благо это никому не пошло — ни самому Первому в мире государству рабочих и крестьян, ни населяющему его советскому народу, ни национальностям — населяющим эти самые «западные области».

И если с бывшей австро-венгерской Галитчины (с какого-то неведомого мне перепуга вдруг ставшей Западной Украиной) — всё в принципе понятно и, взятки с неё гладки... То ситуация с Прибалтикой, напоминает или театр бессмысленного абсурда или кем-то тщательно спланированную операцию...

Не, ну если подумать:

Латыши и эстонцы (про литовцев не знаю, поэтому врать не буду) испокон веков, ещё со времён Тевтонского и Ливонского ордена ненавидят германцев — бывших триста лет их господами и обращавшихся с ними, как с бесправными скотами. Буквально вчера (в историческом смысле, конечно) усиленные латышскими полками отряды эстонской армии, резались насмерть с добровольцами из «Фрайкора[1]» в битве при Вендене.

Однако, понадобилось менее года, чтоб прибалты возненавидели нас больше потомков своих многовековых поработителей!

Мда... Просто так этого не сделать, это надо очень хорошо постараться и иметь при

этом — особенный талант.

К счастью в отличие от Западной Украины, в случае с Прибалтикой — точка невозврата ещё не пройдена.

После добровольно-принудительного присоединения трёх республик к Советскому Союзу, оказалось что численность местных компартий — не только несерьёзна, но и просто до гомерического хохота смешна: от двухсот членов человек в Эстонии до тысячи в Литве. Поэтому первым делом пришлось искусственно создавать «аппарат» советизации и, при этом одновременно — не забывая «чистить» его от случайных и даже враждебных элементов.

Разве может обладать авторитетом у местного населения, такая «направляющая и руководящая»?

Конечно, нет!

А на хуахуа она тогда?

И мной уже было дано указание Щербакову — Секретарю-Председателю Исполнительного комитета Пленума ЦК ВКП(б), пустить дело с созданием национальных компартий в Прибалтике «на самотёк»: пускай сами само-организуются — что выйдет, то выйдет.

Одновременно через государственные органы на местах, ищется подход к патриотическим силам, настроенным враждебно к Германии. Такие должны быть, обязательно должны быть.

В принципе, первые шаги Советской Власти в Прибалтике получили поддержку широких масс.

Бесплатное обучение в средней школе для всех категорий населения, отмена платы за медицинское обслуживание, введение для рабочих и служащих обязательного государственного страхования, объявление запрета на повышение ставок квартирной платы и стоимости коммунальных услуг.

Собственность крупных помещичьих имений была рационализована, земля конфискована и поделена между безземельными и малоземельными крестьянами. Предусматривалось повышение закупочных цен на все сельскохозяйственные продукты...И главное: вопрос об коллективизации в Прибалтике — даже ещё не поднимался.

Это не могло не привлечь симпатии рабочих и крестьян.

Однако одновременно, прибалтов жёстко «обули» экономически при обмене национальных валют на рубли. Вслед за этим, в эти края пришёл невиданный доселе зверь: советский товарный дефицит — которому способствовали «понаехавшие» из «старых» советских республик «советизаторы», буквально сметавшие всё с магазинных полок.

Недовольство новыми порядками произрастёт из среды мелкой городской буржуазии и на несколько порядков усилится, как только будет проведена национализация домов, кинотеатров, аптек и прочих «табачных лавок».

Городской обыватель (чиновники, бывшие офицеры, люди свободных доходных профессий и прочая публика.) недоволен тем, что проводимые новшества нарушают его сложившиеся привычки и быт, а так же потрясают его бюджет.

Опять же патриотизм — хоть и «местячковый» и, «националистический» — называй как хош... Но это всё же — самый настоящий патриотизм и, он никуда не делся после присоединения.

Особенно он обострился когда приводили национальные части трёх республик к красноармейской присяге. Соппротивление было настоль велико, что это «мероприятие» пришлось отложить до февраля 1941-го года — видимо в надежде, что «само рассосётся»...

Не рассосалось!

Органы НКВД перехватывали вот такие письма:

«Нам советские политруки говорят, чтобы мы дали присягу советской Конституции. Мы против присяги. Нас демобилизуют или нас вышлют туда, где растёт перец, но это не важно. Что будет — пусть будет, но присяги принимать не будем и большевиками быть не хотим»...

«Мы еще не потеряли надежду, ожидаем, когда засветит солнце и возродится Литва. Сначала Советы говорили, что будет свобода, но мы почувствовали на себе, что получается наоборот, хотя нам продолжают пускать туман в глаза. Мы знаем, что нас ожидает, все равно мы не поддадимся. Нас не переделают: как были литовцами, так и останемся литовцами, мы не мальчишки. Нас агитируют, чтобы мы приняли присягу, но нам другой присяги не нужно. Мы знаем, что осенью придут другие друзья».

И это была лишь верхушка айсберга.

Что особо в этой истории умиляет, так это факт существования несмотря ни на что — до самого 22 июня, прибалтийских национальных воинских формирований. Интересно, что ждали наши стратеги в синих штанах, от военнослужащих пишущих вот такие письма?

Неужели не понимали, что за СССР они воевать не будут и при первой же возможности ударят в спину?

Так почему хотя бы не распустили ненадёжные части?

А ведь именно через них, Третья танковая группа Гота ударила в тыл Западному фронту...

Глупость или измена?

В общем накануне войны, Прибалтика оказалась на пороге политического и экономического кризиса. Недовольство во всех слоях населения росло и росло лавинообразно...

Однако по моему твёрдому убеждению — пока в этом не было ничего фатально-катастрофического. При нападении Германии на Советский Союз и вторжении Вермахта в Прибалтику у местного населения обязательно бы проснулся бы «спящий ген»: их многовековая ненависть к историческому врагу.

Но...

Но здесь за Гитлера хорошо подыграли наши верхи. Впрочем, сколь не смотрю пристально на события 22 июня и после этой даты — такое стойкое ощущение складывается, что где-то «на самых верхах» — идёт игра двух команд в одни ворота. Своими словами: наши поражения мы организовали сами, а германская армия — нам лишь помогала быть разбитыми.

Многие факты и последующие за ними события — просто нельзя объяснить чем-то другим.

Точно также решили и в данном случае!

С недовольством населения решили бороться простым, но хорошо опробованным методом — репрессиями.

Вот и документик в «послезнании» всплывает:

«Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР

«О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента»:

В связи с наличием в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР значительного количества бывших членов различных контрреволюционных националистических партий, бывших полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии и других лиц, ведущих подрывную антисоветскую работу и используемых иностранными разведками в шпионских целях, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановляют:

1. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет следующие категории лиц...».

И всё!

Эта, по своей сути — бессмысленно-бестолковая акция (ибо даже пионер знает, что насильно мил не будешь) окончательно определила отношение жителей Прибалтики — не только к Советской Власти, но и к русскому народу в целом. И не только на период Великой Отечественной Войны, но и...

На века!

Но пока, как говорится в довольно популярной в «эпоху Застоя» песТне:

«Еще пока не поздно нам сделать остановку.

Кондуктор, нажми на тормоза!».

Надеюсь, что в этот раз, в нас всё будет по другому.

***

Получив такое необычное устное распоряжение, Пономаренко и Влодзимирский отделились односложными фразами, типа: «Вас поняли, исполним» и, замолчали.

Вообще, живого диалога как в случае с Жемчужиной, разговора «за чаем» не получилось — скорее мой монолог «о намерениях»... Так была довольно раскрепощённой — привыкшая чувствовать себя в безопасности за широкой спиной могущественного муженька. Эти же, ежечасно ходили буквально по лезвию ножа и поэтому тщательно следили за «базаром» и старались лишней раз рот не открывать.

Да и видимо опарашенные новыми назначениями, они ещё не пришли в себя и держались настороже.

В принципе, может оно и к лучшему.

«Каждый солдат должен знать свой маневр», поэтому объясняю:

— Этим летом нам предстоит война с Германией и лишних врагов мне не надо! Прибалтийские республики имеют по стрелковому корпусу каждая. Возможно их боевая

ценность и довольно условная... Не спорю! Но лучше — если эта «условная ценность» будет на нашей стороне, чем на гитлеровской: ибо лишняя соломина — ломает хребет верблюду.

Влодзимирский, осторожно замечает:

— И тем не менее, товарищ Сталин, в Прибалтике полно антисоветских элементов...

Строго на него глядя:

— На данный момент между СССР и Германией происходит обмен: все желающие этнические германцы — сваливают в Фатерлянд, а взамен на историческую Родину — из Рейха приезжают якобы этнические литовцы, латыши и эстонцы... Вот те, не только «антисоветские элементы» — но и поголовно шпионы, диверсанты и подрывные элементы! Так почему-то вы их не трогаете, товарищи чекисты.

Тот, глядя куда-то в сторону:

— Таково решение политического руководства, товарищи Сталин...

Кулаком по столу:

— Так вот, отныне «решение политического руководства» таково, товарищ Начальник Главного управления безопасности: «упаковывать» таких «репатриантов» ещё на границе и в «пресс-хату» под «молотки»!

По лицам вижу: «переводить» не надо.

Пономаренко:

— Международного скандала не получится, товарищ Сталин?

Отмахиваюсь:

Рисунок 52. Комиссар госбезопасности 3-го ранга Лев Емельянович Влодзимирский.

— Да пусть получается — товарищ Вышинский как-нибудь отбрешется — на то он и на Департамент иностранных дел поставлен... Да и не будет никакого скандала: знает фашистская кошка, чьё сало съела — особенно, если мнимые «репатрианты» «запоют».

Продолжаю:

— Если же начнёте арестовывать и высылать местных прибалтов — «антисоветских элементов» станет ещё больше и их станет труднее вылавливать. Неужели это непонятно? Поэтому если нет в наличии призыва к насильственным действиям и самих насильственных действий — забейте.

Посмотрев прежде на портрет на стене, Влодзимирский нерешительно:

— А если речь будет идти о клеветнических наветах...

Тоже глянув в том же направлении, заканчивая за него:

— ...В адрес товарища Сталина? Тогда набейте — имеется в виду «хлебало» этой «шпротине» и отпустите. Но только не арестовывайте!

Мехлис, видимо решив оживить чаепитие, спросил:

— Неужели, товарищ Сталин, арест представителей крупной буржуазии, старых чиновников и офицерства — может оттолкнуть от нас широкие массы трудящегося населения Прибалтики?

Безапелляционно отвечаю:

— Ещё как может! Это самое «население», с 1918-го года воспитывалось в националистическом духе. Это как в деревне: отдельный парень может среди своих

считаться полным и ничтожным чмом... Но это наш(!) парень! Попробуй только его тронь парень из другой деревни... «Наших бьют» и стенка на стенку!

— Жизненное и главное — очень доходчивое сравнение...

Сперва улыбнувшись, затем Пономаренко спросил «по существу»:

— ...Но что все же прикажите делать с вышеперечисленными категориями, настроенными открыто враждебно к Советской Власти?

Объясняю, загибая пальцы:

— Искать к ним подходы и точки соприкосновения интересов, дать возможность уехать за границу и нам не мешать, тем или иным образом — скомпрометировать в лице соплеменников, обвинив например в ложе мужестве... Хм, гкхм... В мужеложестве, мать его итти.

Оба чекиста переглядываются и дуэтом:

— «В мужеложестве»?!

Подтвердив уверенным кивком:

— Именно в нём. Среди этой категории — таковых выше нормы, но в приличном обществе — пока не принято быть откровенным пидарасом. Вот этим можно и воспользоваться! Только всё надо делать грамотно и с использованием неопровержимых улик в виде фото- и кинодокументов.

Посмотрев в глаза Влодзимирскому, с сегодняшнего дня — главного «кровоавого гэбиста», с настойчивым нажимом:

— ...Конечно такое намного труднее, чем просто — хватать и тащить. Но «ныне, присно и во веки веков» — такое должно быть стилем вашей работы, товарищ комиссар госбезопасности 3-го ранга!

Тот, правде не сразу и не совсем уверенно, но всё же ответил:

— Хорошо, товарищ Сталин! Отныне так и будет.

Не переставая буравить того взглядом, пока он не отвёл глаза:

— У меня нет в этом никаких сомнений, товарищ Влодзимирский.

Допив стакан чая и налив новый, продолжаю:

— Выселения с территорий Прибалтики и вообще всех — не так давно присоединённых территорий, проводить конечно все же надо. Но не в таком формате! В преддверии войны и возможной оккупации этих земель, нужно вывезти в глубь страны квалитированную рабочую силу и в первую очередь — железнодорожников вместе с семьями, заменив их командированными из центральных районов. Естественно, это сделать надо грамотно, например: под предлогом переобучения под советские стандарты. Типа: «не сцыте, граждане — два-три месяца и вернём вас обратно в целостности и сохранности».

Естественно, по мере продвижения Вермахта на восток, командировочные железнодорожники будут отходить с частями Красной Армии и, у гитлеровских тыловиков — возникнут большие проблемы с железнодорожными перевозками. А если эти самые «командировочные», перед отходом ещё и железнодорожную инфраструктуру испортят — проблемы из просто больших, могут стать вообще неразрешимыми.

И писТсец тогда полярный Блицкригу!

Далее, вот ещё задумки появились:

— Прибалтийские порты находящиеся непосредственно возле границы — Лиепая и

Виндому, уже сейчас можно начинать потихоньку эвакуировать — вывозя оборудование и рабочих в Архангельск например...

Этот северный порт, во время будущей войны сыгравший такую важную роль в поставках по Ленд-Лизу — обошли стороной первые пятилетки вместе с великими стройками коммунизма и, ныне его состояние немногим лучше, чем было во времена сразу после Первой мировой и Гражданской войн.

— ...С началом же войны, это же надо проделать с Ригой и Таллинном и причём — в очень хорошем темпе и по принципу: «что не съем — то надкушу». Чтоб противник не смог воспользоваться этими портами, для снабжения своих войск — наступающих на Ленинград.

Далее:

— Перед войной, желательно удалить с территорий Западной Украины и Белоруссии всё мужское население прошедшее военную подготовку при панах, вместе с призывниками этого года и, убрать сей «контингент» подальше от границы, например: в Закавказье, Среднюю Азию и Дальний восток...

Мой горячий привет панам Бандере и Шнуркевичу!

— ...Они воевать за нас не только не будут, но и при первой же возможности — воткнут штык в спину.

Хорошенько подумав — стоит ли говорить иль нет, всё же решил посвятить:

— В конце марта-начале апреля, товарищи, произойдёт одно «событие» с очередной частичной мобилизацией, вот этим и воспользуйтесь.

Пономаренко:

— Последнее больше по части Наркомата обороны, товарищ Сталин.

— «На стыке наук» так сказать, на «стыке наук», товарищ Нарком госбезопасности.

Подытоживая разговор об недавно присоединённых территориях, сказал:

— В общем, товарищи, состыкуйтесь с соответствующими наркоматами и немедленно приступайте к работе.

***

По стариковски побряхтев, повздыхав и пару раз глянув на потолок — как бы не решаясь сказать о нелицеприятном...

Но тем не менее начал:

— Прошу отнестись со всей серьёзностью, товарищи... Забудьте старые лозунги, типа «малой кровью, могучим ударом» — это всё вредная брехня, сочинённая каким-то недобитым троцкистом! Эта война будет очень долгой, крайне тяжёлой и небывало кровопролитной: ведь по сути — нам будет противостоять вся объединённая Европа во главе с Германией. И никакого восстания германского пролетариата не будет... В конечном итоге, мы всё же конечно победим — ибо наше дело правое, но на начальном этапе войны — врагом будут оккупированы значительные территории...

Помолчав:

— ...Возможно даже до самого Днепра.

За неимением на столе «ухи», народ «поел» чая не забывая про сахарок — чстоб соображать лучше и, уставился на меня во все глаза... Мол, продолжай.

И глядя на Пономаренко, я продолжил:

— Исходя из этого, товарищ Комиссар госбезопасности 1-го ранга, он же — Первый

секретарь Коммунистической партии Белоруссии, в скобках — «большевиком», надо заранее позаботиться об создании на временно оккупированных территориях партизанского движения: кадры, базы, связь с «Большой землёй»...

В отличие от Щербакова, которого снял с должности Первого секретаря Московского обкома ВКП(б), Пономаренко я оставил во главе компартии Белоруссии. Исходя из того соображения, что в «реальной истории» эпицентром партизанской войны была именно эта республика и, точно такое же повторится и в её «альтернативном варианте».

Рисунок 53. Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Лучшего качества фото соответствующего возраста не нашлось.

Во время Великой Отечественной Войны, этот человек был Начальником Центрального Штаба партизанского движения, руководил партизанскими формированиями, подготавливал и проводил крупные партизанские операции — «Рельсовая война», «Концерт» и им подобные.

Поэтому уверен: Пантелеймон Кондратьевич и в «текущей реальности» не оплошает...

Особенно, если ему назначить в помощники полковника Старинова (надо бы такого найти ещё, ибо кроме звания и фамилии ничего не знаю[2]) с его богатейшим опытом в подобных делах и подсказать кое-что из имеющегося «послезнания».

Вот например, задаю неожиданный вопрос:

— Товарищ Пономаренко! Вы читали книгу Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол»?

Удивлённо:

— Нет, товарищ Сталин. Как-то не довелось.

— Напрасно, напрасно! Невероятно, просто чертовски интересная книжка и для Вас — как Начальника Штаба партизанского движения, представляющая несомненный интерес.

Спохватываюсь:

«Интересно, вышла ли она уже в русском переводе в СССР или нет?».

Не моргнув глазом приняв — как данность новое назначение, тот заинтересованно:

— Обязательно прочту после такой рекомендации. Но хотелось бы знать — в чём именно состоит «несомненный интерес» для Начальника Штаба партизанского движения?

С удовольствием объясняю:

— В этом, во истину — шедевральном произведении, командующий фронтом перед началом наступательной операции даёт партизанскому отряду задание взорвать мост стратегического назначения. Но...

Заостряя внимание, поднимаю палец вверх:

— ...Но с обязательным условием: тот должен быть уничтожен именно в определённый момент — в самом начале операции: не раньше и не позже. Несоблюдение этого условия будет означать провал операции в целом. Основная мысль ясна, товарищ Начальник Штаба партизанского движения?

— Ясна, товарищ Верховный главнокомандующий.

— Возвращаясь к нашей действительности, приказываю: основной целью

партизанского движения должны коммуникации противника — по которым он снабжает вторгнувшиеся вглубь нашей территории войска. И причём, в нужное время — когда Красная Армия перейдёт в решительное контрнаступление.

В «реальной истории», с задачами и целями партизанского движения изрядно напортачили, ставя во главу угла такое вот:

«Чтоб земля горела под ногами фашистских оккупантов! Чтоб ни минуточку враг не чувствовал себя спокойно на нашей земле!».

В результате горели наши сёла и очень часто — вместе с жителями, спокойно не чувствовали себя сами партизаны — за которыми охотились днём и ночью, как за дикими зверьми... А фашистские оккупанты — более-менее стабильно снабжали свою армию, дошедшую аж до самой Волги-Матушки и седых вершин Кавказа.

То, что в первую очередь партизаны должны бить по коммуникациям, важнейшем из которых являются железные дороги — дошло лишь к 1943-му году и, сразу же — потрясающий успех во время вышеназванных операций.

Пономаренко задумался и спросил:

— А разве партизаны не должны мешать врагу во время его вторжения вглубь нашей территории?

Отицающе верчу головой, рискуя что она открутится с шеи и свалится с плеч долой:

— Когда враг наступает — он силён и, значит — сможет выделить значительные воинские формирования, чтобы если и не уничтожить партизан — то хотя бы загнать их в глубь лесов и болот и там блокировать, не позволяя таким образом им выполнять свою главную задачу...

А так «в реале» и было: во время контрнаступления РККА под Москвой зимой 1941-1942-го годов, партизанские отряды не сумели помешать германскому командованию снабжать войска и подбрасывать подкрепления по железной дороге — так как рано вылезли с сиюминутными задачами и были уничтожены, или загнаны в самые глухие дебри. В результате нашей армии (и не только поэтому, конечно, эта причина — из разряда «упущенных возможностей») не удалось полностью уничтожить группу армий «Центр» и война продлилась ещё три года, принесла неисчислимые бедствия.

— ...А вот когда противник в боях с нашей армией обессилеет и обескровится, когда в бой будет брошен «последний батальон»... Вот тогда, уж!

Я грозно и не без уместного в данном случае пафоса потряс кулаками и, затем спокойно:

— А до этого партизанам сидеть на попе ровно, как мышь под веником и дышать через раз.

После чего изрядно ошарашил:

— Приветствуется даже сотрудничество партизан с оккупантами — чтоб как можно ближе подобраться к тем самым «коммуникациям», в ожидании часа «X».

Чекисты переглянулись — с вполне определённым выражением на лицах и дуэтом издали нечто вроде:

— Вот, даже как?

Как ни в чём не бывало, усмехаюсь:

— Считаете, что для Советской Власти будет лучше, если с оккупационной

администрацией будут сотрудничать её выползшие из всех щелей враги? Вылавливать и вешать коммунистов, комсомольцев и председателей колхозов? А предпочитаю, чтоб всё происходило с точностью наоборот.

Те вновь переглядываются, но уже сосем другим выражением на лицах:

— Это гениально, товарищ Сталин!

Подмигнув и заканчивая «партизанскую тему»:

— А вы, что думали, товарищи? Так что если в дальнейшем что-то будет непонятно — спрашивайте, не стесняйтесь.

***

Следующая тема происходящего чаепития:

— А скажите-ка мне, товарищ Влодзимирский, всех ли польских офицеров в Катыни расстреляли?

Тот поперхнулся чаем, довольно долго кашлял с выступившими слезами на глазах, но всё-таки ответил, причём в довольно жёсткой форме:

— Товарищ Сталин! Этот вопрос надо адресовать в Департамент исполнения наказаний — там сейчас ведают расстрелами и всем таким прочим.

Понимающе-снисходительно улыбаюсь:

— Ну не будьте таким формалистом, товарищ Начальник Управления безопасности НКГБ! Просто скажите мне: что Вам известно про массовые расстрелы пленных польских офицеров в Катыни весной прошлого — 1940-го года?

Тот в явном замешательстве:

— Если эта «Катынь» в оккупированной Германией Польше, то про «массовые расстрелы» надо спрашивать у товарища Фитина — Начальника Службы внешней разведки СССР или у товарища Вышинского...

Стараясь быть терпеливым, подсказываю:

— «Катынь» — это какая-то дыра где-то под нашим Смоленском, где находится (или до весны 1940-го года находился) лагерь для военнопленных польских офицеров. Что Вам по этому поводу известно, товарищ Влодзимирский?

Тот, вижу — тоже стараясь быть терпеливым, объясняет:

— Мне известно, товарищ Сталин, что для содержания пленных поляков осенью 1939-го были устроены три лагеря польских военнопленных. Но ни о каких расстрелах поляков в какой-то Катыни и тем более — массовых, мне ничего не известно.

Чешу недоумённо в затылке:

— И что? Так до сих пор и сидят они в тех трёх лагерях?

— Почему же? Военнопленных украинцев, белорусов и других национальностей, Родина которых на территории Западной Украины и Западной Белоруссии — уже весной прошлого года распустили по домам... Тех из поляков, кто согласился выехать на территорию отошедшую Германии, отправили туда.

С надеждой:

— А всех остальных ведь расстреляли, да?

Не сумев скрыть раздражения, тот восклицает:

— Да, нет же, товарищ Сталин!

Разочарованно бурчу:

— Скажите ещё, что отпустили предварительно хорошо накормив и погладив по

попке...

— Нет, не отпустили. Польских генералов, чиновников и вообще всех офицеров — разместили в лагере близ Старобельска, что в Харьковской области. Враждебно настроенных к Светской власти поляков, а так же разведчиков, контрразведчиков, жандармов, полицейских и тюремщиков — в Осташковском лагере близ Калинина. Кроме этого, туда перевели немало польских граждан русского происхождения, до войны состоящих в Русской фашистской партии или же состоящих в белогвардейских организациях и принимавших участие в террористической деятельности.

Жестом заострив моё внимание, Влодзимирский:

— Вот из числа этого контингента военнопленных, решением Особого совещания НКВД — около тысячи человек было оформлено «по восьмой категории».

Кивком давая понять, что понял что это за «восьмая категория» такая, спрашиваю:

— Всего «около тысячи»? Хорошо, но мало! А с рядовыми то поляками, что произошло?

— Простые пленные польские солдаты и унтер-офицеры, родом из немецкой части Польши, которые отказались туда возвращаться — содержатся в Козельском лагере Смоленской области и Путивльском лагере Сумской области.

Озадаченно переспрашиваю:

— Так, что? Польских офицеров на западе СССР нет?

— Нет, товарищ Сталин — только рядовые солдаты и унтер-офицеры.

Не сумев сдержаться, удивлённо восклицаю:

— Так откуда они там взялись?!

Все трое на меня уставились:

— Вы это про что, товарищ Сталин?

Отмахиваюсь:

— Так, мысли вслух... Не берите в голову, товарищи.

«Ларчик» открывается очень просто: польские историки — такие же бестыже-безнравственные шлюхи на службе у политики, как и их советско-российские коллеги. Правда, у этих есть одно оправдание: они протитутуют во благо национальных интересов своего Отечества. У наших же профессиональных шалав с учёными званиями, даже такой отмазки нет.

***

Никаких «братских» чувств, ни к западным — ни к южным, или ещё каким славянам — я не питаю и отлично знаю — что это взаимно. Поляки в качестве врага обходятся на порядок дешевле, чем в качестве союзника.

Поэтому никаких «армий» — ни Крайёвой, не Людовой... Ни генерала Андерса, ни Берлинга...

Никаких «Трёх танкистов с собакою[3]»!

Поляки вообще — извечный, ещё со времён как бы не Рюрика и наизлейший враг Государства Российского. Что там не говори, фашистам не удалось взять, разрушить и сжечь Москву. Французам это удалось, да и только.

Чёртовы ляхи же, не только захватили и сожгли Первопрестольную во времена Смутного времени — но и больше года в ней сидели. Даже не пытаюсь управлять

завоёванной страной — а откровенно грабя и опустошая её... И, делали это они так основательно, что долго ещё словами Нестора-борзопица:

«Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себе дяляче,
а галици свою речь говоряхуть,
хотять полетети на уедие».

«Татары», «Батый», «Иго», «Золотая Орда»?

Три раза: ХАХАХА!!!

И пламенный привет составителям ЕГЭ.

Для меня татары — первые (и возможно единственные) в этой части Галактики союзники для русских, а Батый — кто угодно, но только не монгол. Трёхсотлетнее Иго, в истории страны было только одно и, было оно отнюдь не «монголо-татарским» — а романовским. Золотая Орда же — великая евроазиатская империя, в которую Московия входила как государство-вассал...

Средневековый феодализм, мать его!

В своё время и, кстати — это было не так уж и давно, Пруссия была вассалом Ржечи Посполитной и что?

Хоть кого-то из современных германцев это напрягает?

Так что для меня что фашист, что поляк — понятия практически равнозначные. То, что они в данный момент сцепились меж собой — так это явление случайное и обусловленное двумя субъективными факторами: польской спесью и германской самовлюблённой тупостью.

И была бы у меня такая возможность (а может всё же появится?) я бы обе эти нации переселил бы подальше от наших границ...

Куда-нибудь за Атлантический океан!

Однако, бодливому попаданцу, Бог (или кто там так «играется»?) Бог рогов не даёт!

Однако, появилась проблема: до сих пор ещё живые поляки на подотчётной мне территории... Недоработал Реципиент, а мне теперь парь мозги — как будто больше их парить нечем.

Я б конечно, их всех загнал в овраг и не разбирая — кто там офицер, кто рядовой — из пулемёта...

Сам бы за «Максим» встал.

Однако, политика!

Чтоб добрый дядюшка Рузвельт подгонял мне «ништяки» и Черчиллю это делать советовал — резкие движения противопоказаны.

Поэтому, мы пойдём другим путём!

***

Кой-какие неясные моменты в этой истории остались, поэтому спрашиваю:

— Товарищи! А почему эти поляки считаются военнопленными? Насколько я знаю, ни СССР, ни канувшая «в лету» Польская Республика — войну друг другу не объявляли?

По наступившему молчанию, я понял что ляпнул какую-то — то ли откровенную глупость, то ли вопиющую бестактность.

— Хм, гкхм...

Изрядно покраснев за меня, Мехлис прокашлялся и извиняющим тоном, то и дело поворачиваясь к чекистам с выражением: «Ну, что поделаешь... Старость!», объяснил весь наш с клятыми ляхами расклад:

— Польское правительство Сикорского, ещё находясь во французском Анже, 18 декабря 1939-го года объявила войну... СССР. И не только на словах! Во время советско-финской кампании оно собрало сто тысяч добровольцев для участия на стороне Маннергейма. Правда, те собирались слишком долго и до окончания конфликта на фронте так и появились.

Мехлис замолчал, глядя на меня с видом:

«Ну что ж ты так лоханулся, а? У нас это каждому школьнику известно...».

Влодзимирский же, обменявшись взглядом с Пономаренко:

— Правительство Сикорского воюет с нами не на словах а на деле. Подчиняющейся ему «Союз вооружённой борьбы[4]», организовал в прошлом году сто с лишним терактов на Западной Украине, во время которых было убито и ранено немало советских граждан — советских и партийных работников, бойцов и командиров Красной Армии.

Чувствуя себя крайне неловко — как будто в битком набитом лифте пёрнул, я тем не менее довольно бодро:

— Так, значит между СССР и Польшей вполне себе объявленная война? Отлично! Будем геноцидить этих пшекских курв, везде где только их встретим...

Сделав таинственно-заговорщический вид:

— ...Но сперва — пропагандисткая подготовка, в которой Вы — Товарищ Мехлис, будете играть первую скрипку.

Но прежде — совсем немного, основательно забытой моими современниками истории...

***

В результате Первой мировой войны обретя независимость, Польша тут же начала войны против окружавших её как старых — типа Германии и России, так и против новообразовавшихся стран — вроде Литвы у которой оттяпала Вильно и Украинской Народной Республики (УНР) — которую поглотила полностью.

«Гиена Европы», словами сэра Черчилля — совершенно точное определение!

В результате ещё до взятия Пилсудским Киева, ответного наступления Красной Армии и её разгрома под стенами Варшавы, в плену оказалось свыше 200 тысяч человек: военных и гражданских лиц, большевиков и белогвардейцев, бойцов антибольшевистских и националистических (украинских и белорусских) формирований.

Абсолютное большинство из них — порядка 150 тысяч, были красноармейцами.

Рисунок 54. Польский лагерь смерти для пленных красноармейцев. 1920 год.

Чтоб содержать такое великое множество народу, Речь Посполитая создала огромный — раскинувшийся на территории Польши, Белоруссии, Украины и Литвы «архипелаг» из десятков концентрационных лагерей. Самые известные из них: Стшалково, Шиптюрно, Ланьцут, Тухоле — даже тогдашней европейской прессой назывались «лагерями смерти».

Кто угадает, из какого времени эти строки?

«Из всего состава (пленено было около 1000 человек), выбрали коммунистов, комсостав, комиссаров и евреев, причем тут же на глазах всех красноармейцев один комиссар-еврей был избит и потом расстрелян».

Ни дать, ни взять — сорок первый год, да?

Зверства гитлеровцев-фашистов, зондер-команды, пресловутый «Закон о комиссарах» — что ж ещё...

А вот и не угадали!

Это показания бежавшего из плена красноармейца Валуева В.В., попавшего в плен полякам 18 августа 1919-го года под Новоминском.

Нечеловеческие зверства начинались на поле боя, в ближнем тылу и продолжались на всём этапе следования в лагерь смерти.

Из показаний красноармейца Михаила Ильичева, взятого в плен на территории Белоруссии:

«...Осенью 1920-го нас везли в вагонах, наполовину заполненных углем. Теснота была адова, не доезжая станции высадки, шесть человек скончались. Потом сутки нас мариновали в каком-то болотце — это чтобы мы не могли лечь на землю и спать. Потом погнали под конвоем до места. Один раненый не мог идти, мы по очереди тащили его, чем сбивали шаг колонны. Конвою это надоело, и они забили его прикладами. Стало ясно — долго мы так не протянем, а когда увидели гнилые бараки и наших, бродивших за колючкой в чем мать родила, реальность скорой смерти сделалась очевидной».

Но это ещё не ад, это только его преддверие. Настоящий ад начинается за колючей проволокой.

Из заявления вернувшего из плена красноармейца Мицкевича А. П. 5 марта 1920 года:

«По прибытии в лагерь нас поместили в холодный барак вместе с другими военнопленными. В бараке нас окружила толпа голых, оборванных и совершенно изголодавшихся людей, похожих на скелеты, с просьбой — нет ли у кого из нас, прибывших, хлеба. Немного позже выяснилось, что пища в лагерях выдаётся такая, что ни один самый здоровый человек не сумеет просуществовать более или менее продолжительное время. Состоит она из небольшой порции чёрного хлеба, весом около 1/2 фунта, одного черепка в день супа. Похожего скорее на помой, чем на суп, и кипятку. В большинстве случаев эти помой, имеющие название супа, выдаются несолёные. На почве голода и холода заболевания доходят до невероятных размеров. Медицинской помощи никакой... Десятки людей умирают ежедневно...».

Из заявления бежавшего из плена Фридкина М., взятого в плен 5 марта 1919-го года (ещё задолго до неудачливого наступления Тухачевского на Варшаву):

«Как только нас привели туда, комендант обратился к нам с такой речью: „Вы, большевики, хотели отобрать наши земли у нас, — хорошо, я вам дам землю. Убивать вас я не имею права, но я буду так кормить, что вы сами подохнете“. И действительно, несмотря на то, что мы до этого двое суток хлеба не получали, мы и в тот же день такого не получили, мы питались только картофельной шелухой, продавали последние рубахи за кусок хлеба,

легионеры нас за это преследовали и, видя, как собирают или варят ту шелуху, разгоняли нагайками, а те, которые из-за слабости не убегали вовремя, бывали избиваемы до полусмерти.

13 дней мы хлеба не получали, на 14-й день, это было в конце августа, мы получили около 4 фунтов хлеба, но очень гнилого, заплесненного; все на него, конечно, с жадностью набросились, и заболевания, бывшие и до этого времени, но не в большом количестве, усилились (с 7000 пленных невозможно было найти санитаров), больных не лечили, и они умирали десятками. В сентябре 1919 г. умирало до 180 человек в день, никакой медицинской помощи нам не оказывали... В последнее время (около ноября) приезжала комиссия, но это тоже оказало мало помощи...».

Злодеяния «братьев-славян» зафиксированы вполне официально. Из доклада Е. Аболтина — председателя Российско-Украинской делегации Смешанной советско-польской комиссии по делам военнопленных, беженцев и заложников подготовленного в феврале 1923-го года:

«Может быть, ввиду исторической ненависти поляков к русским или по другим экономическим и политическим причинам военнопленные в Польше не рассматривались как безоружные солдаты противника, а как бесправные рабы... Пища выдавалась негодная для потребления и ниже всякого прожиточного минимума. При попадании в плен с военнопленного снимали все годное к носке обмундирование, и военнопленные оставались очень часто в одном нижнем белье, в каком и жили за лагерной проволокой... поляки обращались с ними не как с людьми равной расы, а как с рабами. Избиения военнопленных практиковались на каждом шагу[5]».

Сколько людей всего погибло в польских лагеря смерти, точно неизвестно. По некоторым данным, из взятых в плен с 13 февраля 1919-го года по 18 октября 1920-го, порядком 207 тысяч человек — домой вернулись около 76 тысяч военнопленных.

Процент сгинувших в польском плену советских граждан, вполне совпадает с таковым же — уничтоженных спустя двадцать лет в концлагерях Третьего Рейха. И вот теперь скажите мне: какая разница между фашистом в рогатой каске и с поляком в конфедератке?

Да, никакой!

Официальные советско-российские историки про это стараются не вспоминать. Европейские правозащитники — в упор не видят...

Но я то помню!

И как написано в библии:

«Мне отмщение и Аз воздам!».

***

Рассказав всё это Мехлису, Пономаренко и Влодзимирскому — сами они имели довольно смутные познания — слава интернациональной политике нашей партии, продолжаю:

— Через Верховный Совет СССР, в сжатые сроки скоро будут введены поправки в Уголовный кодекс, принят закон «об «военных преступлениях» или ещё лучше — «преступлениях против человечности». Это — я беру на себя, как Председатель Президиума Верховного Совета.

— С вас же, товарищи чекисты требуется немедленно создать комиссию и тотчас приступить к расследованию фактов геноцида советских граждан в польском плену. Поднять документы в архивах, найти и опросить оставшихся в живых свидетелей...

Пошурудив в «послезнании», обрадованно вскрикнул:

— Одного такого и искать не надо! Первый заместитель начальника Главного артиллерийского управления по боевой подготовке — генерал-полковник Николай Воронов. Он с удовольствием расскажет, как попал в плен в результате контузии, переболел тифом, воспалением лёгких и каким-то лишаём и, чуть не подох с голода в польском концлагере смерти.

Ещё вот появившаяся так кстати идея:

— Пока мы с Гитлером «друзья», надо через Департамент иностранных дел решительно потребовать доступа к польским архивам, помощи Гестапо в расследовании фактов геноцида на территории Генерал-губернаторства и выдачи лиц причастным к преступлениям против человечности.

Вспомнил кое-что:

— Если мне не изменяет память, на данный момент имеется советско-германское соглашение, согласно которому их «археологи» ищут на территории СССР могилы своих вояк времён Первой мировой войны и оккупации в 1918-м году Украины, Белоруссии и российского Крыма...

Улыбаясь, как будто опытный учитель разоблачил бесхитростные проделки школьного шалуна:

— ...Дело, конечно, не в «могилах» — это их разведчики занимаются топографической съёмкой местности. Прямо запретить без веской на то причины мы не в силах — чтоб не испортить отношения с единственной на этот момент страной, из которой получаем новейшие технологии и промышленное оборудование... Но мы можем потребовать, чтоб точно такие же группы «гробокопателей», под предлогом поисков могил замученных поляками красноармейцев, работали в оккупированной Германией территорией Польши. А вот если те не разрешат — то эта самая «веская причина» появится!

Мехлису:

— После расследования обнародовать факты, раздуть на весь мир пропагандистскую шумиху и, после вполне себе законного военного трибунала (ведь формально мы в состоянии войны с Польшей!), перестрелять всю эту сволочь.

Влодзимирский решил уточнить:

— И рядовых солдат тоже?

Спohватившись:

— Эээ... А чем они там под Смоленском занимаются?

— Дорожным строительством.

Машу рукой:

— Дорожными работами в тех краях заниматься не надо! Как бы не наоборот — надо заняться их порчей. Но на это можно поставить и обычных пятнадцатисуточников: хулиганов, тунеядцев и алкоголиков. А «простых» поляков отправить в Караганду — добывать из-под земли «солнечный камень». И крайне желательно там же — под землёй, их и навечно оставить — рядом с костями динозавров-рэксов.

Видимо подивившись моей кровожадностью, чекисты в ахуе переглянулись и, затем Пономаренко, «моим же салом — и мне же по мусалам»:

— Такое теперь относится к Департаменту исполнения наказаний, товарищ Сталин. Мда... У моего подразделения досель единого НКВД, имелись и свои «минусы», согласен. Сделав рожу кирпичом, объясняю:

— Знаю, товарищ Народный комиссар госбезопасности, очень хорошо знаю. Но вы с товарищем Влодзимирским — тоже должны быть в курсе. Ибо не на Марсе живёте, а в одном Советском Союзе вместе с товарищами из Департамента исполнения наказаний.

Завершая «польскую тему», обращаюсь ко всей троице:

— Наверное, товарищи, вы думаете — я мщу полякам? Мщу, конечно — правильно думаете! Но главная «фишка» вовсе не в этом... В войне с таким сильным противником как как гитлеровский Рейх, со стороны Красной Армии будет немало военнопленных...

Вижу вытягивающиеся лица и, несколько повысив голос, безапелляционно:

— ...Да, да! Вы не ослышались: именно «немало военнопленных бойцов и командиров» — без пленной войны не бывает.

Затем, говоря чуть ли не по слогам:

— И я хочу сделать так — чтобы каждая европейская сволочь хорошо знала и зарубила на своём арийском носу: мы про своих мёртвых знаем, мы всегда о них помним и даже через двадцать лет — мы придём к виновному в их смерти и строго спросим! За каждого из них спросим! Со всей присущей нам азиатской жестокостью спросим! И не уйти от ответственности даже в могиле — спросим с детей, внуков и правнуков!

Уперев указательный палец в Заведующего «Информбюро при СНК СССР»:

— «Слухами земля полнится» и Вы, товарищ Мехлис, должны этому процессу всемерно способствовать. Чтоб каждая арийская сволочь в Германии и за её пределами знала, как мы — русские, умеем мстить за своих мёртвых!

Тот, понятливо:

— Найти подход к доктору Геббельсу?

«Вот, молодец!».

Развожу руками:

— А почему бы и нет? Тот с радостью протрубит на весь Рейх и мир, с целью вбить клин между нами и потенциальными союзниками. Но те стиснут зубы и будут терпеть все наши выходки — ибо мы им жизненно нужны в качестве «пушечного мяса». А вот многие солдаты и офицеры Вермахта и Войск СС — воспримут эту «информацию к размышлению» правильно и, глядишь — остерегутся особенно усердствовать.

Про себя:

«Особенно, если с первых же километро-часов своего «Drang nach Osten», получат очень хороший щелчок по носу — способствующий трезвомыслию о ближайших, не очень блестящих перспективах.

***

После довольно продолжительной паузы, во время которой мы оприходовали по стакану чая и естественно — кое о чём подумали, оглядевшись по сторонам, я начал таинственным полужёпотом:

— Открою вам важную государственную тайну, товарищи...

С улыбкой:

— ...Надеюсь, «расписку» брать не надо — среди нас случайных людей нет.

После того, как каждый из троих — так или иначе подтвердил этот факт, продолжил:
— Перед большой войной с Германией этим летом, этой весной случится маленькая и надеюсь — победоносная войнушка с Финляндией.

Пономаренко, с озарённо-понимающим видом спросил полушёпотом:

— Как я Вас понял, товарищ Сталин, это Вы эту «маленькую войнушку» с Финляндией — имели в виду, когда говорили что в конце марта-начале апреля — произойдёт одно «событие» с очередной частичной мобилизацией?

Согласно кивнув:

— Совершенно верно: ещё одна «частичная мобилизация» перед большой войной — не помешает. Финляндия же стремиться к реваншу за Зимнюю войну — поэтому так или иначе, рано или поздно — окажется в союзниках у Гитлера.

Конечно, имеются и ещё — более веские причины, чтоб закончить то, что не сумел или не захотел закончить Реципиент...

Но об них как-нибудь потом.

Поочередно посмотрев на Мехлиса и чекистов и остановив взгляд на Пономаренко:

— Так вот, перед объявлением войны, всему миру, финскому и в первую очередь — советскому народу, должно быть объяснены её причины. И вот тут-то (к счастью, или несчастью — смотря как) будущие «потерпевшие» нам её сами дали... Чуть ли не преподнесли на блюдечке.

***

После провозглашения Финляндией независимости, в ней произошла своя — небольшая, но очень жестокая и кровопролитная Гражданская война, закончившаяся победой так называемых «белофиннов» под предводительством небезызвестного Маннергейма — которому не так давно... Эээ... Которому в далёком будущем, какая-то мразь додумается установить в Петербурге мемориальную доску.

Заключительным аккордом этой финской Гражданской войны, стала случившаяся весной 1918-го года резня русскоязычного населения в Выборге — многонациональном городе, расположенном на так называемом Карельском перешейке. И если поляки надо отдать им должное, убивали в своих лагерях смерти всё-таки взрослых мужчин — когда-то державших, но затем сложившим оружие и, убивали по политическим мотивам...

В принципе понять такое можно — простить нельзя.

То финны-егеря из «Охранного корпуса» и партизаны устроили самый настоящий геноцид по этническому принципу — убивая всех подряд — военнопленных и гражданских, пролетариев и предпринимателей, большевиков и белогвардейцев, взрослых и детей, мужчин и женщин...

Рисунок 55. Апрель, 1918-й год, Выборг. Как и солдаты Вермахта двадцатью годами позже, финские егеря не стеснялись делать «селфи» рядом с телами убитых их руками русских...

Убивали не обязательно русских — в числе жертв обнаруживаются совершенно «фантастические» в тех холодных краях национальности, вроде двух итальянцев.

Убивали всех, кто не понимал по-фински.

От показаний уцелевших очевидцев преступления, берёт оторопь даже меня — видавшего виды:

«...«Белые» бросились в город с криками «стреляй русских». Они вламывались в квартиры, хватали и убивали, отводили людей на валы и расстреливали... Расправлялись в основном с мужчинами, но были и дети».

«...Неподалёку от дома Пименовых были убиты два реалиста, выбежавшие в мундирчиках приветствовать «белых»; в городе убито 3 кадета; сдавшихся в плен красных «белые» оцепляли и гнали в крепостной ров; при этом захватывали и часть толпы, бывшей на улицах, и без разбора и разговоров приканчивали во рву и в других местах... Перед расстрелом срывали с людей часы, кольца, отбирали кошельки, стаскивали сапоги, одежду и т. д... Особенно охотились за русскими офицерами... родственники потом отыскивали их в кучах тел во рву: с них оказывалось снятым даже бельё».

«Пленных расставили во рву так, чтобы они образовали прямой угол. Охранявшим приказали выстроиться в цепочку перед пленными и стрелять. Первыми начали стрелять солдаты, находившиеся в начале процессии, затем все остальные, в том числе и рассказчик (...). Почти сразу, как только начали стрелять, большая часть заключенных упала на землю. Несмотря на это, стрельба продолжалась еще примерно пять минут. На валах были военные, егеря (...). Через некоторое время человек в немецкой егерской униформе приказал поднять винтовки, и огонь прекратился, после чего мужчины подошли ближе к убитым. Затем сначала двое, один из которых был в немецкой егерской форме, начали из револьвера стрелять в головы раненых, но еще живых людей. Постепенно к ним присоединились и другие».

«...Зрелище было неопишимо ужасно. Тела расстрелянных лежали, как попало, кто в какой позе. Стены валов были с одной стороны окрашены запекшейся кровью. Между валами было невозможно двигаться, земля превратилась в кровавое месиво. О поиске не могло быть и речи. Никто не смог бы осмотреть такие груды тел».

Ни дать, ни взять Нанкинская резня[6] в Европе — только закопанных живьём да пирамид из отрубленных голов, не хватает!

Казни русскоязычных жителей продолжались весь май и половину июня, хотя основное количество жертв пришлось на первые три дня. Последняя официально задокументированная расправа по этническому признаку, произошла во второй половине июня. Точное число жертв устроенного финнами в Выборге геноцида неизвестно, но по мнению некоторых исследователей — оно может составлять от трёх до пяти тысяч человек[7].

А вообще-то было дело — попалась мне как-то «там», такая инфа.

На момент провозглашения независимости, в «Великом княжестве Финляндском» проживало постоянно порядком 200 тысяч русских. После «эпохи перемен» местного разлива, из страны выехало или как-то сумело адаптироваться где-то около ста тысяч.

Остальные сгинули неведомо как и неизвестно куда...

***

Если про польские лагеря смерти — мои собеседники хотя бы слышали краем уха, то про резню в Выборге — ни сном, не духом. До меня советская пропаганда, в основном

рассказывала советскому народу, про то — как за океаном негроафриканцам в одних трамваях с белыми людьми ездить не разрешают и смотреть на их леди. А про того, как буквально в двух шагах от «Города трех революций», городе носящего имя Вождя пролетарской революции, втором по величине городе Первого в мире государства рабочих и крестьян — убивают за национальную принадлежность — так про то молчок...

Вкратце рассказал присутствующим про историю Выборгской резни 1918-го года, вызвав неподдельное возмущение, затем обращаясь к Пономаренко и Влодзимирскиому:

— Точно также как и с польскими преступлениями против человечности, товарищи чекисты, от вас требуется провести расследование и против финских. Благо эта территория уже под нашим контролем и можно никого не уговаривая, произвести эксгумацию... Ээээ... Скелетов, или что там ещё осталось от тех бедолаг.

Переведя взгляд на Мехлиса:

— От «Информбюро при СНК СССР» же требуется обнародовать результаты расследования и поднять вселенский шум до небес. После чего Советское правительство потребует от Финского выдачи военных преступников и в первую очередь главного из них — Карла Маннергейма. Естественно, правительство Финляндии откажется: финн — птица гордая и, вот тогда то...

С победоносным видом всех оглядывая:

— И вот тогда-то, с полным на то моральным основанием, мы объявим Финляндии войну! И самое главное, товарищи: в отличие от прошлой Советско-финской войны, каждый — даже самый последний красноармеец, будет знать зачем он пришёл в эту страну...

Указательный палец вверх:

— ...Чтобы спросить за своих мёртвых!

Помолчали пару минут, швыряя чай, затем Лев Влодзимирский:

— Разрешите дать совет, товарищ Сталин?

Кивнув:

— Не только разрешаю, но и требую — иначе зачем бы я вас сюда позвал?

Тот, с весьма двусмысленным выражением и интонацией:

— Если от этих расследований требуется международный резонанс, то вести их должны не органы госбезопасности...

Понимаю его: у «гэбни» — весьма скверная репутация за пределами Социалистического Отечества.

— Так, так, так... Продолжайте!

— Будет лучше, если этим займётся Следственный отдел Прокуратуры СССР, который возглавляет товарищ Шейнин.

«Это который «Шейнин»? Не тот случайно, который — Лев?».

Не сдержавшись восклицаю:

— Это тот, который написал «Записка следователя»?

Влодзимирский, слегка усмехнувшись:

— Он много чего написал[8], согласен! но главное — очень дотошный оперативник и опытный специалист.

Задумываюсь:

«После 1937-38-го годов, у Прокуратуры СССР — репутация тоже весьма подмочена. А

что если...?»).

— Пожалуй, лучше создать совершенно новый орган для расследования особо важных дел — подобно этим двум: «Следственный комитет (СК) при Президиуме Верховного Совета СССР», включив в него представителей от общественности... Например — профессора Виноградова.

— Вам видней, товарищ Сталин.

— Мне видней и посему — Следственному комитету быть!

Посмотрев на часы, допиваю чай и встаю из-за стола:

— На сегодня всё, товарищи чекисты. Приступайте к работе и удачи вам. Нам же с Львом Захаровичем, пора на встречу с товарищами военными...

[1] Фрайкор — свободный корпус, добровольческий корпус — наименование целого ряда немецких и австрийских полувоенных патриотических формирований, действовавших в период 1918–1920 гг.

[2] В августе 1940-го года Илья Григорьевич Старинов был назначен на должность начальника отдела минирования и заграждений Главного военно-инженерного управления Красной Армии, находясь на которой, в Нахабино готовил специалистов по заграждению и разминированию.

[3] «Три танкиста и собака» — известный в эпоху застоя польский телевизионный сериал.

[4] Боевая организация 14 февраля 1942 г., реорганизованная в «армию Крайову».

[5] Всё вышеописанное из разных источников и найти их проще простого, стоит только набрать в поисковике: «Польские лагере смерти».

[6] Нанкинская резня — эпизод Второй японо-китайской войны, в ходе которого в Нанкине, столице Китайской республики, японские военнослужащие совершили массовые убийства.

[7] Кто интересуется, читайте: Ларс Вестерлунд «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...». Интересно, а когда российские историки — так рьяно обличающие Сталина, Берию и репрессии — хотя бы слово скажут по данному историческому факту?

[8] Перу Льва Романовича Шейнина принадлежит несколько десятков произведений: рассказов, повестей, пьес и сценариев фильмов.

Глава 17. "И Будённый здесь, ёб твою мать..."

Чуев Ф. «Несписочный маршал».

«Не раз мы говорили (с маршалом Е.В. Головановым. Авт.) о Генеральном штабе. Особенно после книг Штеменко и Василевского. Однажды я заметил:

— Василевский пишет, что Сталин не придавал значения роли Генштаба...

— А как он мог придавать, — откликнулся Голованов, — если до Сталинграда Генштаб был такая организация, которая неспособна была действовать и работать? Какое значение можно было придавать этому аппарату, который не в состоянии был собрать даже все необходимые материалы! Все основные предложения о ведении войны были от Сталина — я там каждый день бывал, а иногда и по нескольку раз в день.

Генеральный штаб войну проморгал — вот что такое Генеральный штаб!».

Адмирала Флота Советского Союза И.С. Исакова, описал, как именно Сталин проводил совещания по военно-морским вопросам:

«Как вел свои заседания Сталин? Надо сказать, что он вел заседания по принципу классических военных советов. Очень внимательно, неторопливо, не прерывая, не сбивая, выслушивал всех. Причем старался дать слово примерно в порядке старшинства, так, чтобы высказанное предыдущим не сдерживало последующего. И только в конце, выловив все существенное из того, что говорилось, отметя крайности, взяв полезное из разных точек зрения, делал резюме, подводил итоги. Так было в тех случаях, когда он не становился на совершенно определенную точку зрения с самого начала. Речь идет в данном случае, разумеется, о вопросах военных, технических и военных, а не общеполитических. Когда же у него было ощущение предварительное, что вопрос в генеральном направлении нужно решить таким, а не иным образом, — это называлось «подготовить вопрос», так, кстати, и до сих пор называется, — он вызывал двух-трех человек и рекомендовал им выступить в определенном направлении. И людям, которые уже не по первому разу присутствовали на таких заседаниях, было по выступлениям этих людей ясно, куда клонится дело. Но и при таких обсуждениях тем не менее он не торопился, не обрывал и не мешал высказать иные точки зрения, которые иногда какими-то своими частностями, сторонами попадали в орбиту его зрения и входили в последующие его резюме и выработанные на их основе резолюции, то есть учитывались тоже, несмотря на предрешенность, — в какой-то мере, конечно».

После ужина, перед встречей с группой высшего военного руководства во главе с Наркомом обороны маршалом Куликом, зашли с Мехлисом ко мне в кабинет, где я встретился и поговорил с «отцом Красной Армии» — маршалом СССР Михаилом Дмитриевичем Бонч-Бруевичем.

Ну и Лев Захарович при этом событии присутствовал.

Тот, в новенькой форме и с большой звездой и с лавровыми листьями на петлицах и, главное — нормальных уставных шароварах защитного цвета, с двумя широкими красными лампасами по бокам... Что сразу делает его похожим на человека, а не на синештанного

«оленя».

Любуюсь им и, восхищённо на него посматривая:

— Ну и орёл!

Тот, вздыхает:

— Орёл то, орлом... Да не того происхождения. Как ещё мои коллеги и подчинённые встретят такого «маршала»...

Вижу — очкует старый солдат как новобранец перед первым боем и, подбадриваю:

— Нормально встретят! А если какая-нибудь сволочь в синих штанах, что-нибудь поперёк вякнет — так мы ему объясним, что он неправ.

Мехлис, меня поддержал:

— По-большевистски объясним, как это только мы умеем! Кстати, Михаил Дмитриевич...

Порывшись в своём «совнаркомовском» портфеле, он оттуда достал папочку, а из неё листочек бумаги и положив перед Бонч-Бруевичем:

— ...Почитайте, что мои борзописцы про Вас изваяли.

Тот читает и у него запотевают очки:

— Это разве про меня?

— Про Вас, про Вас, уважаемый «Отец Рабоче-Крестьянской Красной Армии»! Именно про Вас. А если что-то и слегка преувеличено, то это только ей на пользу.

Я, всё в том же — бодро-оптимистической тоне:

— В народе в таких случаях говорят: «Каши маслом не испортишь»!

Однако, тот предпочитает что-то более материальное, чем просто мой бодрый голос, или даже газетный пиар:

— Вы помнится, мне двух сатрапов обещали, Иосиф Виссарионович...

Вспомнив про Тимошенко и Жукова, спохватываюсь:

— Ах, да!

«Надо ж позвонить, чтоб их отпустили из застенков кровавой гэбни. Хотя, постой...».

Посмотрев на часы, спрашиваю:

— Михаил Дмитриевич! Вы же, не так давно сидели в НКВД?

Морщится, как будто аскорбинка на зуб попала:

— Было такое дело, да-с... В тридцать первом году, по делу контрреволюционного заговора вонноспецов. А что?

— Не помните случайно, когда на Лубянке ужин? Был уже, аль нет?

Тоже достав старинного вида карманные часы:

— Такое, разве забудешь... Нет, Иосиф Виссарионович, ужина для арестантов на Лубянке ещё не было.

Помня по моему «прошлому» опыту некоторые «нюансы», рассуждаю:

«Ужин для заключённого — святое дело! Как впрочем завтрак и обед. Расстреляй, но сперва положняковую пайку — дай. Поэтому позвоню насчёт Тимошенко и Жукова попозже, после того как нахряпаются баланды после нелёгкого арестантского дня и сыто поёрдывая улягутся на шконку... Ну или под шконку — в зависимости от занимаемого в «хате» положения».

Вслух же заверяю, едва не божась на пустой угол:

— Будут Вам сатрапы, товарищ маршал, обязательно будут — я от своих слов не

отказываюсь и на ветер их не бросаю... Но несколько позже.

Успокоив своего Зама на должности Верховного Главнокомандующего Вооружёнными силами СССР, тут же его озадачиваю:

— Наипервейшая наша с вами задача, Михаил Дмитриевич — реорганизация Генерального штаба РККА. Необходимо в самые кратчайшие сроки — сданным веником разогнать этот балаган с тупыми клоунами к чёртовой бабушке и создать на его месте что-то новое — более дееспособное, что предлагал ещё генерал-фельдмаршал Барятинский Александр Иванович. Знаете такого?

И тут я увидел большие...

Нет, не так: очень(!) большие глаза, в которых в свою очередь сверкали сквозь пороховой дым...

Сполохи былых ожесточённых сражений. Хотя и «подковёрных» — но стоивших Русской Императорской, а затем и Красной Армии — океанов крови.

***

Каждый кто не прогуливал уроки истории в школе, или хотя бы пролистывал по диагонали соответствующий учебник за XIX век, знает что военная реформа Александра I (1860-е — 1870-е годы) — это отмена рекрутчины и введение всеобщей воинской повинности. Самый «продвинутый» выпускник средней школы, возможно, вспомнит про новую военную форму — лёгкую, удобную и, имеющую народное происхождение, про револьверы «Смит-Вессон» и винтовки системы Бердана, про пушки Барановского и прусские стальные артиллерийские орудия системы Круппа.

Всё это так, но одновременно шли и гораздо более значимые события — имевшие более серьёзные последствия, чем всё это вместе взятое:

Выбор формы модели управления вооружёнными силами государства.

И если с внешними атрибутами реформаторы не прогадали, то с глубинной сутью — попали пальцем в жо...

В небо.

И именно в этом, уверен, кроется и вся первопричина всех наших бедствий в двадцатом и возможно — будет крыться и в веке двадцать первом... Ибо неправильно выбранная система военного управления приводит к военным поражениям. Те в свою очередь — к социальному взрыву.

И не надо ругать ни большевиков в целом, ни Ленина в частности...

Рисунок 56. Герхард Иоганн Давид фон Шарнхорст — прусский военачальник, военный теоретик и военный реформатор.

Они уже пришли на «всё готовое» и надо отдать им должное: осознано или нет — сделали всё, чтоб хоть что-то спасти.

На тот момент в мире и его окрестностях были известны две модели управления: «прусская» и «франкская».

Первую, в разгар Наполеоновских войн и после ряда поражений от «Великого корсиканца», разработала по заданию короля Пруссии целая комиссия во главе с генералом

Герхардом фон Шарнхорстом — в которую входили такие известные военные теоретики как Гнейзенау, Клаузевиц и, которую позже провели в жизнь такие практики как генералы Бевин, Гролман и Мольтке.

Проанализировав происходящее, разобрав по косточкам поражения от наполеоновской армии, Шарнхорст и его команда поняли что в военном деле началась новая эпоха. Отныне воюют не государи, с помощью вассалов и наемных армий...

Воюют даже не великие полководцы во главе «великих» армий.

Отныне воюют нации!

Исходя их это постулата, генерал Шарнхорст предложил создать нечто совершенно новое — генеральный штаб: «коллективного гения» его собственными словами, или «мозговой центр армии» — словами человека моего времени.

Сам Шарнхорст говорил примерно так про своё детище:

«Такие гении как Наполеон — приходят и уходят, а генеральный штаб вечен!».

Из того же постулата, следует следующее:

Кто подскажет: какая самая главная задача у любого — даже самого маленького государства...?

Нет, вовсе не увеличение благосостояния народов — это вам не мамка, не нянька и даже не богадельня для сырых да убогих. А как совершенно верно определил Карл Маркс — «машина угнетения». И главной его задачей является, увы...

...Самосохранение.

А не воюя, государству сохраниться нельзя!

По крайней мере, не становясь чьей-то дойной коровой.

А раз в новейшее время воюют не армии, а нации — то значит и, всё в государстве — должно быть подчинено интересам генерального штаба. Через кайзера (верховного главнокомандующего нацией) разумеется.

В чисто военном же аспекте, генеральный штаб должен быть воспитан для выполнения важнейшей интеллектуальной функции: свободной и регулярной критики и самокритики армии и её командования всех уровней. Ибо не критикуя сам, не воспринимая конструктивно критику в свой адрес, не вскроешь недостатки. А не вскроешь недостатки — не избавишься от них и так и, будешь переходить с этими недостатками переходить из века в век — как это и поныне делает наше с вами богоспасаемое Отечество.

Во время боевых действий, представитель Генерального штаба должен сопровождать полевых командиров — но не подменяя их, а консультируя и контролируя их деятельность. И в свою очередь — фиксируя и анализируя боевой опыт полевых командиров, передавая его «наверх» — в Генштаб. По мнению Шарнхорста: так и только так — будет достигнуто единение теории и практики, функциональное соединение интеллектуализма и боевой агрессивности.

И все войны, ведущиеся Германией со времён Франко-прусской (1870–1871 годов), весьма красноречиво подтверждают:

Герхард фон Шарнхорст был прав!

Победить германскую нацию во главе с таким Генеральным штабом, можно было только навалясь всем миром и только с невероятными жертвами. И надо денно и нощно благодарить Всевышнего, что вместе с этим военным гением — в этой стране не появилось

точно такого же гениального политика...

Иначе всем, кроме германцев — места на этом «Шарике» было бы мало!

Рисунок 57. Генерал-фельдмаршал Барятинский Александр Иванович.

Всех тонкостей «франкской» системы управления вооружёнными силами я не знаю и сильно сомневаюсь, что их знают сами французы. Думаю, суть её сказал сам Наполеон:

«Чернь со мной всё, без меня она — ничто».

То есть:

Есть Наполеон — есть Великая армия.

Нет Наполеона и Великой армии нет.

После поражения в Франко-прусской войне 1877–1878 годов — лягушатники сильно поумнели, мы же...

Мы же до сих пор, чуть что — лихорадочно ищем «спасителя».

Разве не так?

Формально же, если в соответствии с первой — подчинение идёт от кайзера (верховного главнокомандующего) через генеральный штаб, то у второй — через военное министерство, которому подчиняется генштаб.

Вроде не велика разница, а вот поди ж ты...

В разгар военных реформ, за прусскую модель управления вооружёнными силами ратовал «кавказец» генерал-фельдмаршал Барятинский Александр Иванович. Его идеологическим противником был Дмитрий Алексеевич Милютин, назначенный царём военным министром.

До какого крайне ожесточения дошли идеологические разногласия, говорит тот факт, что узнав про это назначение, Барятинский написал императору Александру II — что-то вообще немыслимое, не идущее ни в какое сравнение и не лезущее ни в какие рамки, даже такие как ворота:

«Отныне я ваш враг!».

Что нашло на государя-императора, я не знаю. Возможно — какая-то «ночная кукушка» из кружка либералов-реформаторов — в который тот был вхож, так «накуковала». Я там не был и свечку в тот момент не держал.

Но исторический факт: сокрушительное поражение потерпел не один Барятинский — весь Генеральный штаб Русской императорской армии, который после этого события оказался даже не на вторых — на третьих ролях, лишившись возможности хоть как-то влиять не только на государство и общество в целом — но и на вооружённые силы в частности.

Только штабные игры на картах и преподавание «сухой теории» лоснявшимся от блеска гвардейским офицерам!

Лишённая «обратной связи» Николаевская академия Генерального штаба Русской Императорской армии, поставляла в войска не штабистов — а скорее военных чиновников, напичканных ненужными и зачастую на пару поколений устаревшими знаниями.

Естественно, всё это имело последствия. Ведь в отличие от выходящих широкими

бёдрами советско-российских историков, сама история — дама очень серьёзная и не прощающая ошибок.

Антон Антонович Кереновский — пожалуй лучший военный эксперт того времени, так написал уже в эмиграции, в вышедшей в начале 1930-х годов книге «История Русской Армии»:

«Положительные результаты милютинских реформ были видны немедленно (и создали ему ореол «благодетельного гения» Русской армии). Отрицательные результаты выявились лишь постепенно, десятилетия спустя, и с полной отчетливостью сказались уже по уходе Милютин. Военно-окружная система внесла разнорядность в подготовку войск... Положение 1868 года вносило в полевое управление войск хаос импровизации, узаконивало «отрядную систему».

Однако все эти недочеты бледнеют перед главным и основным пороком деятельности Милютин — угашением воинского духа. Милютин бюрократизировал всю Русскую армию сверху донизу. Во всех уставах и положениях он провёл преобладание штабного (с канцелярским уклоном) элемента над строевым... Военному организму был привит невоенный дух. Это катастрофическое снижение духа, моральное оскудение бюрократизированной армии не успело сказаться в ощутительной степени в 1877–1878 годах, но приняло грозные размеры в 1904–1905-м, катастрофические — в 1914–1917 годах».

На мой взгляд, сказать лучше просто нельзя.

И катастрофические последствия не заставили себя ждать!

Если верить Протопресвитеру русской императорской армии протоиерею Георгию Шавельскому, в 1916-м году генерал М.В. Алексеев — Начальник штаба Ставки при царе Николае II, так изливал ему в жилетку свою скорбь-печаль:

«— Ну, как тут воевать? Когда Гинденбург отдает приказание, он знает, что его приказание будет точно исполнено не только командиром, но и каждым унтером. Я же никогда не уверен, что даже командующие армиями исполнят мои приказания...».

Это писец полярный, товарищи!

«— ...Что делается на фронте — я никогда точно не знаю, ибо все успехи преувеличены, а неудачи либо уменьшены, либо совсем скрыты».

И что вы думали?

В поисках выхода из создавшегося положения, сей генерал вступил в сговор с другими своим коллегами и либералами из Госдумы и, съёс на хер трёхсотлетний романовский режим.

Но в этот раз, дело было вовсе не в «сидевшем в кабине мудиле»...

А именно «в бобине»!

Поставленной на грань выживания страной после Февральского переворота, управляли все кто угодно — но только не те, кто отвечал за её сохранность. И положение только усугубилось.

В общем, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Не царя менять надо было, а...

СИСТЕМУ!!!

Поняв это, уже другая группа генералов-генштабистов, обратилась к куда более решительным товарищам, чем либералы-думцы...

К большевикам!

Возглавлял заговорщиков 2-й генерал-квартирмейстер (военная контрразведка) Главного управления Генерального Штаба генерал-лейтенантом Потапов Н.М... Входили в неё Начальник военной разведки ГУ ГШ генерал-майор Рябиков, генералы-генштабисты Снесарев, Свечин, Подгурский, Лебедева, Теодори, и...

И конечно же — сидящий в данный момент прямо передо мной Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, назначенный после подавления Корниловского мятежа Командующим Северным фронтом. Вполне возможно и даже вполне вероятно, что это именно через него и его меньшого братца — генералы во главе с Потаповым вышли на верхушку большевиков и, в первую очередь к Ленину.

Обратившиеся к большевикам генералы-генштабисты, предложили помочь тем с организацией переворота, с условием создания взамен в Советской Республике полноценного Генерального Штаба — который обладал бы положенным ему влиянием в политике и экономике и, разумеется — преобладающим влиянием в деле военного строительства и обороны государства...

???

...Не так дело было?

А за каким тогда хреном, дико извиняюсь, царские генералы пошли на службу к большевикам?

На этот вопрос никто из историков, более-менее внятно — так до сих пор и не ответил.

«Из чувства патриотизма»?

Прикалываетесь, что ли?!

Большевики в то время открыто говорили о своём интернационализме — который с патриотизмом стыкуется примерно так же, как кошка «дружит» с собакой. Мало того, кое-кто из большевиков не стеснялся открыто заявлять, что Россия для него — всего лишь «охалка хвороста», для того чтобы зажечь «мировой пожар Мировой социалистической революции»...

А вот белые, те да — патриоты!

Ибо, эти лузеры за «единую и неделимую».

Как бы там не было на самом деле, свою половину договора генералы-генштабисты блестяще выполнили.

И действительно: глядя со стороны на Октябрьскую революцию (переворот, если кому угодно), точнее Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде — не перестаёшь удивляться с какой потрясающей чёткостью всё это было проделано...

Здесь чувствуется рука не вышедшего из подполья агитатора или боевика-террориста, а профессионального организатора боевых операций.

А такому в тех «университетах», что прошли во время борьбы с Самодержавием «ленинские гвардейцы», не учат!

Только в Академии генерального штаба.

И Советскую Власть они же помогли отстоять в нелёгкой Гражданской войне. Ну не журналистом же Троцким, Красная Армия была создана — такое даже составители ЕГЭ уже стесняются утверждать.

А вот большевики из так называемой «Ленинской гвардии» в ответку, свою половину договорняка выполнять не спешили... Напротив, после того как убедились что словами

Вождя — власть за ними закрепились «всерьёз и надолго», начали отжимать «союзников» с командных и штабных должностей уровня комбригов-комдивов-комкоров и начальников соответствующих штабов и служб — заменяя их «социально близкими» красными командирами, или так называемыми «краскомами». К началу так называемых «сталинских репрессий», подобно Михаилу Дмитриевичу Бонч-Бруевичу все имеющие высшее военное образование бывшие офицеры Русской Императорской Армии — остались лишь на тех должностях, которые требуют военно-учётной специальности — непосильной имеющим за плечами три класса образования и ускоренные кавалерийские курсы. То есть — военные топографы, медики, военные инженеры, военные железнодорожники и прочая военно-прикладная братия...

1937–1938 годах же, в РККА по большей части шла «подковёрная война» уже между своими — между краскомами, ведущаяся за «место под Солнцем».

Жизнь так уж устроена: синих штанов много, а кресел под них — всегда не хватает!

А настроичить «сигнал» в НКВД — где точно такие же «грамотеи» и, начального образования достаточно.

Вот поэтому и был создан у нас мало-мальский нормальный Генеральный Штаб — только к середине, или даже к концу Великой Отечественной войны... И что-то глядя на последние события в моём настоящем, мнится мне — что после её окончания, «всё вернулось на круги своя».

Вот такая вот фигня, малыш...

***

Пока вспоминал да бесился от осознания упущенных страной возможностей, глаза у «Отца Красной Армии» стали нормальными и он недоверчиво спросил:

— Так Вы хотите, Иосиф Виссарионович, перестроить Генеральный штаб по прусскому образцу?

Коротко хохотнув, ответил «по-одесски»:

— А Вы разве не хотите, Михаил Дмитриевич?

Растерянно:

— Хочу, но... А не поздно ли? Перед самой войной?

С изрядным стёбом:

— А Вы считаете, что перестраиваться уже во время войны — будет в самый раз? Я с Вами категорически не согласен, товарищ маршал СССР!

— Но не мешает ли это мероприятию подготовке Красной Армии к...

— К собственному разгрому в скорой войне с Германией? Конечно, мешает — ради этого, мы с вами всё это и затеваем. А Вы думали для чего?

Вздыхает и неуверенно:

— Надеюсь, так оно и будет...

Собственно говоря, «процесс» уже пошёл с момента образования «Комитета Труда и Оборона» (НКТиО).

Кто во время войны слышал про Наркомат обороны?

Да, никто!

Ибо в «реальной истории», встав во главе Государственного Комитета Оборона (ГКО) Сталин сам встал на должность наркома — послав Тимошенко командовать фронтами.

Здесь же я сделал хитрее, назначив на эту должность не имеющего никаких политических амбиций маршала Кулика и вдобавок не его — а Бонч-Бруевича сделав своим Заместителем, как Верховного главнокомандующего. Наркомат обороны таким образом, стал вполне себе заурядным наркоматом — вроде Наркомата авиапромышленности, а так как «свято место пусто не бывает» — на главенствующее место в военной епархии выдвинулся Генеральный штаб.

Осталось только провести его реорганизацию и всё!

Помолчав, подумав, Бонч-Бруевич осторожно спросил:

— Вы сказали, Иосиф Виссарионович: «сцанным веником разогнать этот балаган к чёртовой бабушке»...

— Ага! Именно так я и сказал, а чё?

Недовольно сморщившись, требует уточнить:

— Кого конкретно в Генштабе РККА требуется разогнать таким — несколько экзотическим образом? Какие именно управления или отделы?

Как шашкой категорически махнув рукой, я:

— Всех до одного! Даже бродячих кошек и собак на ближайшей к Генштабу помойке перебить и крыс с мышами из подвалов Генштаба вытравить. Если таковые имеются, конечно...

У того аж очки на лоб от изумления лезут:

— Да от чего же? Почему? Зачем? Объясните мне такой рискованный маневр, товарищ Верховный Главнокомандующий.

Усевшись в кресле поудобнее, даю весь расклад:

— Извольте, товарищ маршал СССР. Некоторые современные мне серьёзные историки, приходят к однозначному выводу: в нашем Генштабе окопался «крот»! Иначе согласитесь: некоторые события до и во время войны — просто невозможно объяснить. Так как мне неизвестно кто это (а «кратов» роющих в пользу Гитлера может оказаться несколько и даже — несколько десятков), то придётся менять всех до одного.

Бонч-Бруевич-старший задумчиво:

— Возразить нечем: если есть подозрения что в Генштабе имеется шпион — лучше конечно же перестраховаться....

Вдруг настороженно-опасливо:

— ...И куда Вы собираетесь их определить?

Поняв с полуслова его опасения, отвечаю:

— Я вовсе не собираюсь всех «старых» генштабистов отправить чистить от лишних деревьев тайгу — слухи о моей кровожадности несколько преувеличены. Просто этих оправим в войска, а штабистов из войск — в Генштаб. И желательно — повоевавших, знающих как это делается не по теоретическим трудам Драгомирова — а на своём боевом опыте. А то действительно: как могут управлять войной люди — ни разу (или давно) её не видевшие? Не нюхавшие пороху...?

Ещё один веский аргумент:

— ...К тому же в войсках некомплект командного состава в двадцать процентов. А в Генштабе, уверен — не меньше того лишнего народа, даром синие штаны протирает. Сократить раздутые штаты надо!

Соглашается:

— Ну это как водится: чем дальше от передовой, тем больше «патриотов» в штабах и «крестов» на их грудях... Традиция-с!

— Завязывать пора с такой «традицией», Михаил Дмитриевич!

Вздыхает:

— Легче сказать, чем сделать, Иосиф Виссарионович...

Я же, довольно бодренько:

— А мы с вами всё-таки попробуем.

Вижу, всё равно менжуетса, восклицаю — хотя и, возможно — излишне жизнерадостно:

— Да, ты не очкуй, тов... Хм, гкхм... Не бойтесь, товарищ маршал СССР: самое трудное — разгонять, я возьму на себя. Вам же остаётся всего-то ничего — на пустом месте построить что-то совершенно новое.

— Легко сказать... А кого Вы планируете назначить Начальником Генштаба? Шапошников Борис Михайлович?

Отрицающе машу головой:

— Нет, не его: «Акела промахнулся».

— ...??? Извините, что?

Объясняю:

— Борис Михайлович увидел причины быстрого разгрома вермахтом Франции — не в новых методах ведения боевых действий германским Вермахтом, а в ошибках французского командования.

Корпоративная солидарность взяла своё и новоявленный маршал изрядно возмутился:

— Вам хорошо рассуждать — Вы в своём будущем всё про «методы ведения немцами боевых действий» из книжек вычитали! А каково нам? Кто из наших современников мог предугадать такое?

Невозмутимо отвечаю:

— Да есть тут такой — ныне без дела шатается и ждёт ареста... Полковник Иссерсон. Знаете такого?

— Георгий Самойлович?

— Он самый.

Задумывается, морща лоб:

— Что-то давненько про него не слышал... Кажется, он написал какую-то книгу, после чего впал в немилость. Извините, в подробности не вникал...

Усмехаюсь понимающе:

— Правильно сделали: меньше знаешь — спокойней спишь.

Однако, зело заинтересовался:

— Но сейчас то мне нечего бояться, Иосиф Виссарионович... За вашей широкой спиной, то! Что за книга: как называется и что в ней?

— «Новые формы борьбы». В ней автор практически угадал, что война с Германией начнётся без предупреждения — рассекающими сокрушительными ударами заранее сосредоточенных сил, с первых же минут массированно использующих технику — танки и авиацию. Времени на мобилизацию и планомерные действия у нас не будет, от слова «вообще»...

С сожалением вздохнув:

— ...Однако в Красной Армии эти предостережения проигнорировали. И в первую

очередь — ваш Борис Михайлович!

Помолчав, вновь спрашивает:

— Начальником Генштаба будет Иссерсон?

— Нет, не он. Ибо отличный теоретик — не обязательно хороший практик. Хотя можете использовать его по своему усмотрению: моим требованиям он вполне подходит — в 1939-м году он был начальником штаба 7-й армии, действующей в направлении Выборга. Стало быть пороху понюхать успел и как управлять войсками в боевой обстановке представление имеет.

Подумав, Бонч-Бруевич сделал первое назначение:

— Пожалуй, Георгия Самойловича поставлю на начальника Первого — Оперативного отделения...

— Как Вам будет угодно.

Настаивает:

— Так кто же будет Начальником Генерального штаба?

— Скоро сами узнаете.

Слегка набывчившись, как андалузский бык-ветеран перед корридой:

— И Разведывательное управление будете разгонять?

— Его то, в первую очередь...

Посмотрев на часы:

— ...Впрочем, «процесс» уже идёт.

Пока сперва чуть не задохнувшись от возмущения, маршал СССР подыскивал слова к мой адрес и уверен — слова очень нехорошие, достаю из стола папочку с грифом «Совершенно секретно» и кладу перед ним:

— Всякая реорганизация проходит успешней — если идёт «в процессе», так сказать. Сразу видно что за «новый человек» на «новом месте» и на что он годен... Ну и слаживание коллектива — это само собой.

Враз забыв про Разведупр и его печальную — как «Повесть об Ромео и Джульетте» судьбу, вопрошает:

— Что это?

— Мои соображения по поводу новой — весенней войны с Финляндией. Эээ... Назовём её «Советско-финляндской продолженной войной».

Открывает, листает и «по диагонали» пробежав всего то — с десятков страниц, недоумённо вопрошает:

— Ну и с какой целью и для чего нужна эта ваша... Эээ... «Продолженная война»?

Буровя его испепеляющим (я надеюсь) взглядом, на низких басах рычу тираном:

— Не моя война, Михаил Дмитриевич... А наша(!!!) война.

— Извините, оговорился... И всё же для чего, Иосиф Виссарионович, объясните?

Лично моё мнение: надо было или не начинать эту войну или если уже начали — довести её до конца...

Ибо, недобитый враг — самый опасный враг!

Но, раз уж так вышло — придётся доделывать недоделанное Реципиентом, тут ничего не попишешь.

Отвечая своему заместителю, загибаю пальцы:

— Во-первых, это даст нам возможность под прикрытием очередной «частичной» мобилизации — провести всеобщую.

— Во-вторых, накануне серьёзных событий мы обкатаем новую тактику, а войска наберутся боевого опыта.

— В третьих, оккупация Финляндии обезопасит с севера Ленинград — где находится примерно треть всей нашей военной промышленности, которую не придётся эвакуировать. Не говоря уже о том, что никакой «Ленинградской блокады» с её бесчисленными жертвами, при таком раскладе не будет.

— В четвёртых, оккупация Финляндии позволит Балтийскому флоту всю войну действовать на морских коммуникациях противника, а не ржаветь без дела в Маркизовой луже...

Из Швеции, Третий Рейх почти всю войну получал примерно половину всей железной руды, которая могла транспортироваться судами из норвежского Нарвика ... Но там оперировал «Гранд Флит» — британский военно-морской флот. Или, через Ботнический залив и Балтийское море — где всю войну не появлялся Советский военно-морской флот, загнанный Вермахтом(!) в Маркизову лужу.

Ежели Финляндия будет «наша», то даже потеряв южный берег Финского залива, наши подлодки смогут выходить на коммуникации противника и наводить там шороху.

— В пятых, мы поставим себе на службу природные богатства этой страны и, напротив Германию — лишим их...

Финляндия, это такая небольшая и очень компактная Сибирь, только без нефтегаза. Руд же в ней навалом и они очень богатого содержания.

Из этой страны, промышленность Германии получает примерно треть нужного ей никеля, а также в серьёзных объёмах медь, молибден, кобальт, хром, цинк. Наконец — лес, идущий на крепёж в угольные шахты.

Нам бы это добро тоже не помешало!

Например, в довоенном СССР кобальт не только не добывался — но даже не были известные его месторождения. А ведь это — лопатки нагнетателей для высотных авиамоторов! Финляндия же всю войну поставляла в Рейх примерно 60 тонн этого металла в год.

А хо-хо, ни ху-ху?!

Без никеля стоящей танковой брони не получишь. Но, уральские руды крайне бедны никелем — менее одного процента, а до норильских ещё дожить надо... Советской промышленности этого металла остро не хватало и, всю войну она работала в условиях настоящего никелевого голода. В результате броня советских танков была хрупкой и, например в отличии от американской или английской брони — давала при пробитии трещины и множество собственных осколков, поражающих экипаж.

И в то же время в Петсамо, что недалеко от Мурманска — буквально на передовой, у нас под носом — финны добывали для Гитлера более чем по пятьсот-восемьсот тонн никеля в год.

Абыдно, да?!

Что самое прикольное, на львиную долю никеля Петсамо СССР имел вполне себе законное право.

Никелевые рудники в Колосъйоки и в Петсамо, ещё с 1934-го года находились под

управлением англо-канадской компании «Монд Никель».

Летом 1940-го, после сложных дипломатических переговоров с этой компанией, Советский Союз и Германия договорилась об «разделе продукции»: последняя получает шестьдесят процентов произведенной продукции, СССР — сорок.

Однако «финики» до самого 22-го июня — «му-му любили», а наши дипломаты — клювом щёлкали.

Повод для Продолженной войны?

Да вот он:

«Мы пришли за своим!».

Найдутся и другие поводы, было бы желание.

— ...Ну и в шестых, разгромив Финляндию с «разгромным счётом» — мы покажем Адольфу и его «лощённым» германским генералам из «Oberkommando der Wehrmacht» (ОКВ), что мы тоже кой-чего можем — что возможно уберёжёт того от одного — известного нам с вами, весьма опрометчивого шага.

Худой мир лучше доброй войны, не правда ли?

Достав карманные часы и мельком глянув на циферблат, поднимаюсь из-за стола:

— Однако нам пора, Михаил Дмитриевич: ваши коллеги уже собрались и даже поди успели заждаться нас с вами...

***

По дороге встретили нового Начальника Политуправления РККА — Розалик Самойловну Залкинд по прозвищу «Землячка»: в новенькой кожаной — так ей идущей, с деревянным «Маузером» на боку...

При виде её, невольно вспомнились слова из «Оптимистической трагедии»:

«Ну, кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?».

Поздоровались и спрашиваю:

— Ну и как идут организационные мероприятия, Розалия Самойловна?

Улыбается:

— Беда, как поругалась с товарищем Мехлисом!

Тот при виде этой «амазонки» надулся как индюк и, как древнеславянский громовержец Перун — мечет из-под бровей молнии...

Если поругались два еврея, значит действительно — беда.

— А что так?

Та, с круглыми глазами:

— Вы не представляете, Иосиф Виссарионович, сколько разжиревших бездельников обнаружилось в этой богадельне — в Политуправлении РККА!

Незаметно толкаю локтем Бонч-Бруевича: смотри, мол, как это делается!

Отвечаю:

— Почему же? Вот этот-то как раз я и представляю и очень даже отчётливо. Не представляю только — каким сюда боком Лев Захарович?

— Заменяю людьми из Наркомата госконтроля, а он ругается и грозитя пожаловаться Вам...

Стараясь как можно более рассудительно:

— Там тоже люди нужны! Так что Вы без фанатизма, Розалия Самойловна...

Пожалуйста!

Минуту спустя, как бы рассуждая вслух:

— Пожалуй, контролирующим органам надо обзавестись своим собственным НИИ и учебными заведениями для подготовки кадров.

Повернувшись к Мехлису:

— Слышали?

— Слышал.

— Ну а раз так, Лев Захарович, будьте так добры через недельку, предоставить мне на рассмотрение соответствующий проектик...

***

Встреча с верхушкой генералитета, происходила там же — в зале для совещаний Совнаркома СССР. Народу конечно значительно меньше чем в момент моего «вселения» в Генштабе: отсутствуют командующие округами с свитами и кое-кто ещё. Только высшее военное руководство страны.

При моём появлении, генералы во главе с маршалом Куликом (последний, уже в нормальных — одного цвета с френчем штанах, что не может не радовать) соскочили и рывкнули единой лужённой глоткой:

— Зрав... Жел... Тов... Верх... Глав... Щий!!!

В ответ тоже приветствую:

— Здравствуйтесь товарищи!

Увидев знакомую усатую рожу, с наигранным удивлением произношу:

— И Будённый здесь, ёб твою мать!

Обернувшись к Землячке, шёпотом:

— Пардон, Розалия Самойловна... Традиция!

Та улыбается:

— Я про эту «традицию» знаю, Иосиф Виссарионович.

История сей забавной традиции такова.

Как-то раз Сталин и его соратники путешествовали по железной дороге, естественно останавливаясь на крупных станциях — чтоб заправить водой и углём паровоз, вагон-ресторан — выпивкой и закуской, а пассажирам — прогуляться по перрону и размять затекшие от долгого сиденья ноги.

В Ростове-на-Дону из вагона первым вышел Ворошилов... Увидевший любимого Наркома обороны народ удивился и восторженно его поприветствовал. За ним вышел Молотов — отчего публика изумилась еще больше. Когда на перроне появился Сталин, тут уж надо полагать, люди ваще охренели.

И вдруг из вагона на перрон, во всей своей красе вываливает Будённый...

Тишина... Из выпавшей в осадок толпы послышалось:

— И Будённый здесь, ёб твою мать...

С тех пор, при виде Буденного, Сталин произносил эту сакральную фразу:

«И Будённый здесь, ёб твою мать!».

Переждав не менее традиционный взрыв хохота, представляю своего заместителя:

— Прошу любить и жаловать, товарищи и, в моё отсутствие — выполнять приказы

товарища Бонч-Бруевича как мои собственные и как в присяге написано: «Точно, беспрекословно и в срок».

Вижу не совсем приятные взгляды в адрес своего Зама, но ничего...

Стерпятся — слюбятся.

Или же поменяют место в армейской иерархии, а то и вообще профессию вместе с местом проживания.

За мной не заржавеет!

Далее:

— Товарищи! Мной было принято решение восстановить институт комиссаров в РККА...

Однако вижу народ уже въехал в ситуацию и, в тихом ужасе устоял на Землячку.

Сцена напоминает кадр из советского мультфильма про Маугли, удава Каа и зачарованными последним бандерлогами... Ну, там — в Мёртвом городе, откуда этот человеческий детёныш тырил ништяки.

Поэтому чтоб не лить понапрасну воду, закончил:

— ...Ну я вижу, все в теме да? Надеюсь — сработаетесь. А не сработаетесь — то не завидую.

Поворачиваюсь в сторону Мехлиса и, выкатываю новый «арбуз»:

— Думаю, Льва Захаровича вам представлять не нужно, да? Кроме всего прочего, отныне он — Начальник «Информбюро при СНК СССР» и, доношу до ведения присутствующих: с этого дня корреспонденты «Красной звезды» должны иметь доступ везде — от красноармейского сортира до генеральской спальни. И имеют право публиковать...

Слегка потомив, вываливаю:

— ... Всё!

Делаю извиняющий жест перед Розалией Самойловной и продолжаю, приведя жизненный пример:

— Если положим командующий округом завёл себе блядь, то в «Красной звезде» так и будет напечатано: «Командующий округом, имярек, вместо того чтобы день и ночь повышать боеспособность вверенных ему частей, соединений и объединений — завёл себе блядь, чем снижает обороноспособность Красной Армии и играет на руку её врагам...».

Далее, даю весь расклад судьбы прелюбодея:

— После чего, окружной комиссар поставит перед вопросом перед руководством о соответствии занимаемой должности, окружной особый отдел роет-ищет злой умысел...

Нагоняя жути по бесприделу, на полном серьёзе:

— ...И наконец, любитель «помочить конец в чужой лунке», трибуналом ставится перед дилеммой: или — принудительный расстрел путём внесения лишнего свинца в организм, или — добровольная кастрация по методу профессора Виноградова.

Насладившись произведённым эффектом, улыбаюсь:

— Шутка, товарищи!

Повисшая было тишина — аж слышно как на улице идёт снег и с грохотом падает на асфальт, вдруг взорвалась сверхновой:

— Хахаха!!!

Поржав всеми со всеми, уточняю:

— Насчёт добровольной кастрации — шутка, конечно. Насчёт же всего остального —

вполне серьёзно.

И всем сразу стало не до смеха.

***

Поискав глазами:

— Генерал-майор Захаров здесь?

Обернувшись, Кулик:

— Где-то здесь должен быть... Товарищ генерал-майор!

Из задних рядов встаёт невысокий, но коренастый военный с решительным и одновременно умным лицом и по-уставному вытянувшись:

— Я здесь, товарищ Верховный Главнокомандующий!

В отличии от маршала Кулика — это личность довольно малоизвестная и, то я про него когда-то читал и сейчас вспомнил — это просто чудо какое-то.

Рисунок 58. Генерал-майор Матвей Васильевич Захаров.

Матвей Васильевич имеет типично «красную биографию» — лучше и выдумать нельзя: истинно пролетарское происхождение, член партии с 1917-го года, участник штурма Зимнего дворца и Гражданской войны — которую закончил помощником начальника штаба бригады, окончив Высшую штабную школу

Между войнами войны Захаров продолжил учиться. Он окончил несколько различных курсов и учебных заведений, в том числе и Академию Генштаба РККА — после которой служил Начальником штаба Ленинградского военного округа, затем — помощником Начальника Генерального штаба.

В общем, штабист уже бывалый.

С мая прошлого года он — Начальник штаба Одесского военного округа и в «реальной истории» прославится тем, что убедит своего командующего привести войска и авиацию в состояние повышенной боевой готовности (или даже действуя через его голову, сам прикажет — исторические свидетельства не сходятся), чем предохранит их от «внезапного и вероломного».

Ведь можем же когда захотим, да?

На протяжении всей Великой отечественной войны, этот генерал занимал должности начальника штаба на различных фронтах, чаще всего под командованием маршала Конева. Под его руководством было разработано и осуществлено несколько десятков успешных наступательных операций: последняя — разгром Японии на Дальнем Востоке в 1945-ом.

В своих «Размышлениях...», Жуков в основном про себя — про любимого. Но здесь он сделал исключение, охарактеризовав генерала Захарова так:

«Матвея Васильевича Захарова я знал по Белорусскому военному округу, где он был начальником оперативного отдела штаба округа... Надо сказать, что оперативный отдел штаба округа, который возглавлял М.В.Захаров, резко выделялся среди большинства приграничных округов своей сколоченностью, подготовленностью и общей оперативной культурой. Несколько позже М.В.Захаров успешно командовал стрелковым полком в Бобруйске. Возглавляя штаб 2-го Украинского фронта, Матвей Васильевич был хорошей опорой для командующего фронтом И.С. Конева».

Ещё лучше сказал сам маршал Конев, по сути обязанный Захарову своей славе одного из выдающихся советских полководцев того времени:

«Возглавляя штабы фронтов, М.В. Захаров проявил себя как один из самых опытных начальников штабов. Лично мне с ним довелось совместно работать на Калининском, Степном и 2-м Украинском фронтах, и я могу сказать, что Матвей Васильевич относится к той школе оперативных работников, которые в совершенстве постигли методы управления войсками крупных объединений. Это человек неукротимой энергии и высокой штабной культуры».

После войны Матвей Васильевич командовал «Группой советских войск в Германии», откуда после конфликта с Хрущёвым — обвинившим его в участии в каком-то пресловутом «движении сталинистов», был снят...

Лучшая характеристика, на мой взгляд!

После того как того самого сняли за «волонтаризм», кукурузу и прочую лютую гомосятину, Захаров в звании Маршал Советского Союза возглавит Генеральный штаб и станет первым заместителем Министра обороны.

***

— Товарищ Будённый!

Лихо, как будто вскочив в седло, поднимается с места:

— Слушаю, товарищ Сталин!

Посмотрев сперва на Бонч-Бруевича — как будто от того идёт, хотя тот не при делах:

— У нас сложилось мнение, что с расформирование кавалерийских корпусов мы несколько поспешили... Как Вы сами считаете, товарищ маршал?

Перед войной действительно поспешили и вместо 32 кавалерийских дивизий и 7 управлений корпусов в 1938-м году — к 22 июня 41-го осталось всего 13 кавалерийских дивизий и 4 корпуса.

Однако, начавшаяся война показала что Будённый был прав:

«Лошадка себя ещё покажет!».

Она не заставила себя долго упрашивать — показала что ещё повоюет и, уже осенью 1941-го года — было сформировано более восьмидесяти кавалерийских дивизий. К осени же 43-го, численность советской кавалерии превзошла 38-й год: десять кавалерийских корпусов, в числе которых были и три гвардейских.

В конце войны же, появились хорошо зарекомендовавшие себя на заключительном этапе конно-механизированные группы, в составе двух кавалерийских и одного механизированного корпусов.

Не раздумывая, не скрывая изумлённой радости, Будённый твёрдо отвечает:

— Я считаю, товарищ Сталин, что с расформирование кавалерийских корпусов мы поспешили изрядно. Необходимо немедленно, пока не поздно восстановить численность советской стратегической конницы.

Обращаясь к Кулику:

— Слышали, товарищ Нарком обороны? Найдите хорошего генерал-кавалериста и немедленно приступайте к восстановлению численности конных корпусов.

— Слушаюсь, товарищ Верховный Главнокомандующий!

Меж тем с любопытством наблюдаю за Будённым...

Человек этот — очень своеобразный: настоящий народный самородок, человек щедро наделённый матушкой-природой умом и здравым смыслом, способный быстро схватывать обстановку и действовать с непреклонной решимостью.

И этот военный талант был фактически закопан в землю!

С июня 1937-го по август 1940-го года Семён Михайлович командовал войсками Московского военного округа, одновременно являясь членом Главного военного совета НКО СССР. С марта 1939-го года — заместитель Наркома обороны СССР, а с 15 августа 1940 года — первый заместитель наркома обороны СССР.

Однако, повторяю: эти должности — хозяйственные, а маршал Будённый — строевой командир.

Почему так?

Думается мне, коллективный разум Политбюро боялся дать в распоряжение такого сверхпопулярного в народе военного «живые войска»...

Мало ли что, правильно?

Кроме того, он и Кулик держались среди генеральской братии особняком и не считались «своими». Их не трогали, но и к реальному управлению войсками не допускали.

Вижу — боевой задор в глазах Будённого погас и, даже его знаменитые усы поникли: он то рассчитывал — что я ему поручу «живое дело», но обманулся в своих ожиданиях и скис.

Внешне спокойно, он:

— Разрешите сесть, товарищ Сталин?

— «Сесть», Вы всегда успеете товарищ маршал СССР!

Походил раздумывая, как бы рассуждая вслух:

— Всё-таки как ни крути, кавалерия отживает своё и прежде всего — именно как самый маневренный вид войск...

Остановившись напротив Будённого, смотрю ему в глаза:

— ...Как Вы смотрите на то, чтобы создать и возглавить самый маневренный современный вид войск — воздушно-десантные войска?

У того — усы дыбом, и глаз — искры и в горле что-то забулькало.

Тут и слов никаких не надо:

— Я вижу — Вы согласны. Ну, тогда примите мои самые искренние поздравления с новым назначением, товарищ Командующий ВДВ РККА!

В марте-апреле 1941-го года, из уже имевшихся воздушно-десантные бригад — были сформированы пять воздушно-десантных корпусов (ВДК), численностью примерно десять тысяч человек в каждом. Однако до начала войны Воздушно-десантные войска, как как отдельный род войск сформирован не был... Это случилось только 9 августа 1941-го года, когда было создано управление ВДВ и назначен первый командующий — генерал-майор Глазунов...

К сожалению, про него ничего в моём «послезнании» нет.

На протяжении всей Великой Отечественной Войны, ничем особо славным — разве что героической смертью во время немногочисленных попыток десантирования, советские

десантники не прославились. Из-за нехватки транспортных самолётов, их чаще использовали как самую обычную пехоту — затыкая «дыры» на фронте.

Я же хочу попытаться исправить эту ситуацию.

Даю первое задание:

— Первым делом, товарищ Командующий воздушно-десантными войсками СССР проедьтесь по вверенным Вам корпусам и определите: имеется ли в наличии хотя бы одна бригада — готовая к боевым действиям по прямому своему назначению.

На сомнения меня наводит то, что во время Финской — не было даже попыток воздушных десантов.

Будённый, едва из штанов не выпрыгивая от счастья:

— Слушаюсь товарищ Верховный Главнокомандующий!

У меня самого, аж сердце застучало — как приятно оказывается, дарить человеку радость...

***

Однако, Будённый был последним «счастливецем» — началась раздача так называемых «слонов».

Первым попал под раздачу маршал Шапошников, к которому я обратился довольно вежливо:

— Борис Михайлович! Вы хорошо потрудились в течении жизни на благо Отечества и, оно Вам того не забудет... Но Вам пора на заслуженный отдых. С орденами и, так сказать — «с правом ношения мундира», как при Государе Императоре. Надеюсь как-нибудь ещё с Вами увидимся и «потремим» об стратегии.

Тот встал и как побитая собака:

— Я могу идти?

Довольно резко:

— Куда это Вы собрались? Вы в отставке — с завтрашнего дня! А до двадцати ноль-ноль, Вы по прежнему — заместитель наркома обороны СССР по сооружению укрепрайонов и член Комитета обороны при Совнаркоме СССР... Поэтому сидите и слушайте, вдру понадобится. Ну и заодно составляйте в голове план по прекращению строительства укрепрайонов на западной границе.

Следующим был начальник Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенант авиации Рычагов, которому я без обиняков заявил:

— Вы — наглядный пример, как из хорошего лётчика и человека, можно за сравнительно короткий срок сделать паршивого генерала и откровенного мудака...

Что характерно, сцуко, это его не удивило: стоял навтыяжку и молча угрюмо слушал. Ну, значит — не всё ещё с ним потеряно, я опасался худшего.

Арестовали и расстреляли этого авиационного генерала вовсе не за то, что он якобы обвинил Сталина в том, что тот заставляет лётчиков летать на каких-то «гробах»...

Вовсе нет.

В августе 1940-го года, Рычагов был назначен начальником Главного управления ВВС РККА, в декабре того же года — членом Главного военного совета РККА. Он мог бы стать наверно, неплохим командиром полка, а со временем и командиром авиадивизии... Но

совершенно не имел опыта штабной и административно-хозяйственной работы, необходимой на этих должностях.

И случилось то, что должно было случиться, когда человек садится не в свои сани.

В результате его командования, на ВВС РККА обрушился вал преступной халатности, всеобщей безалаберности и «пофигизма»... Ну и запредельной аварийности, связанной со слабой подготовкой лётчиков.

После прошедшей в мае 1941-го года проверки, выяснилась такая картина «маслом»:

«Главный военный совет, рассмотрев итоги боевой подготовки ВВС Красной Армии за зимний период 1941 года, отмечает:

Боевая подготовка ВВС Красной Армии проходила неудовлетворительно.

Низкие показатели в боевой подготовке авиационных частей ВВС Красной Армии сопровождались чрезвычайно большим количеством катастроф и аварий. Особенно слабо проводилась боевая подготовка в частях ВВС ОрВО, МВО и КОВО. Основные недочеты боевой подготовки за зимний период:

Переучивание летного состава на новые типы самолетов проводилось медленными темпами. Эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо.

Тренировка в пикировании на самолетах СБ и АР-2 была развернута неинтенсивно. Обучение бомбометанию с пикированиями на самолетах АР-2 и ПЕ-2 не производилось.

Летный состав боевому применению — бомбометанию, воздушной стрельбе, высотным и маршрутным полетам — обучался совершенно неудовлетворительно.

В ВВС КОВО, ОрВО, МВО на каждый экипаж приходится меньше одного полета и бомбометание, воздушную стрельбу, воздушный бой и маршрутный полет.

Средний налет на одного летчика за весь зимний период составил в ВВС КОВО 6 часов а в ОрВО — 2 часа 12 минут при среднем налете на одного летчика по ВВС Красной Армии более 16 часов.

Самостоятельный выпуск на боевых самолетах молодого летного состава недопустимо затянулся и не был закончен к концу зимнего периода.

Подготовка летного состава слепым и ночным полетам во всех частях ВВС Красной Армии была развернута слабо. Слепой полет составил 5,2 % к общему налету, ночной — 4,6 %».

Результатом, в итоге, стал тяжелый, сокрушительнейший разгром советской авиации летом 1941-го года.

Так что расстреляли его вполне заслуженно!

Но я хочу дать Рычагову шанс встать в один ряд с Кожедубом и Покрышкиным.

Слегка пренебрежительно-брезгливо оглядев с ног до головы и в обратном порядке, говорю:

— Вопрос о вашем снятии с должности Главкома ВВС — уже решён, Рычагов и обсуждению не подлежит. Но я хочу предоставить работу, которая Вам — не может не понравиться. Если Вы — действительно лётчик, а не...

Рычагов меня перебил и довольно дерзко:

— Я — лётчик, товарищ Сталин! И очень хороший лётчик.

Повышаю голос:

— Так вот, «очень хороший лётчик»: создадите мне сперва — авиаэскадрилью, а затем — авиаполк с условным названием «Агрессоры», в который сами наберёте — уже повоевавших лётчиков-истребителей, имеющих боевой опыт. И будете мне до синевы под глазами — учить в учебных боях «желторотиков», заодно отрабатывая тактические приёмы...

«Надо бы найти ему Покрышкина: по-моему в данный момент — он всего лишь лейтенант... Или капитан? Кожедуб вот тоже, если «послезнание» не изменяет — инструктор в какой-то лётной школе. Фамилия довольно редкая — это вам не Иванов, Петров Сидоров... Отыщется!».

— ...Моторесурса не жалеть! Фотопулемёты на каждой машине и, после каждого учебного боя — разбор полётов, с выяснением — кто, как и в чём — в этот раз обосрался. Постараюсь выпросить для Вас у Адольфа «Мессершмидты» — для полного реализма, хотя особо на такой «ништяк» не рассчитывайте.

Пристально смотрю в глаза:

— Вы согласны, товарищ генерал-лейтенант авиации?

Хотя, чего там спрашивать?

По глазам вижу ответ:

— Согласен, товарищ Сталин!

Не скрывая удовлетворения:

— Всё, можете идти! Командирам эскадрилий на таких «стрелках» делать нечего — не их уровень.

Когда Рычагов ушёл, спрашиваю:

— Пока мы с товарищем Бонч-Бруевичем будем подыскивать нового Главного начальника управления ВВС РККА, его обязанности будет временно исполнять Начальник штаба — генерал-майор Никишов... Среди присутствующих имеется такой?

Поднимается один, ничем не примечательный военный и рявкает:

— Здесь, товарищ Сталин!

По этому человеку у меня в «послезнании» информации — полный ноль[1].

Загибая пальцы, даю задание:

— Неделю Вам сроку, товарищ генерал и чтоб у меня на столе лежала справка по лётному персоналу, разбитая на три категории:

— Первая категория: экипажи умеющие летать в любое время суток, в любую погоду — в одиночку, звеном или строем до полка.

— Вторая категория: экипажи — умеющие ночью летать только в одиночку и только в хорошую погоду, днём в любую погоду строем до эскадрильи.

— Третья категория: экипажи — умеющие летать только при хорошей погоде, звеном или в одиночку.

Уточняю:

— «Экипаж», уточняю — это в том числе и пилот одноместного самолёта.

Многозначительно посмотрев на товарища Залкинд по прозвищу «Землячка» и, переведя взгляд на «штабного летуна», добавил никогда не лишней жути:

— Дайте запрос в лётные части и предупредите: скоро будет проверка по линии Политотдела РККА... И не приведи Маркс, если хоть какая-нибудь падла мне соврёт!

***

Посмотрев на одного из трёх среди присутствующих на совещании моряков — выделяющегося своей чёрной формой, как перепутавшие свадьбу с похоронами, спрашиваю:

— Товарищ Нарком Военно-морского флота! А укажите нам вескую причину, по которой Вы запендюрили высшее училище ПВО именно в Лиепаяу — 35(!) километров от границы с Германией? Вам что, блядь — места на «одной шестой части глобуса» мало?!

Чтобы ускорить подготовку, курсантов этого элитного военного училища решено было набирать их уже состоявшихся инженеров — выпускников технических гражданских вузов.

Увы, судьба их была незавидна!

«...Либавская база отрезана сразу.
Снаряды и бомбы ворочают базу.
Винтовки, ненужные противогазы —
И нет до сих пор к отступленью приказа.
Еще не мертвы, но уже и не живы,
Они прикрывают колонны прорыва:
«Пробейтесь, ребята! Живите счастливо!» —
И нет для фашистов пути вдоль залива.
Им только по двадцать. Мальчишки, салаги.
От них не останется даже бумаги;
Той самой, последней и скорбной бумаги:
«Ваш сын... смертью храбрых.
Согласно присяге»[2].

Практически все они поголовно погибли со своими преподавателями и командирами, в первые же дни войны.

Адмирал Кузнецов, а это именно он — Нарком Военно-морского флота СССР, делаю большие глаза отвечает:

— Товарищ Сталин! На сегодняшний момент в Лиепаяе имеются лишь «Курсы ускоренной подготовки командного состава запаса ВМФ», переведённые туда из Севастополя в декабре 1940-го года. Высшее же военно-морское училище ПВО, планируется создать на их базе лишь в марте этого года. Но если Вы...

Перебиваю его:

— Второй вопрос, товарищ Нарком ВМФ СССР: почему в Лиепаяи до сих пор не определено кто и кому подчиняется? Моряки сухопутчикам? Или наоборот? Или может быть все они подчинены зенитчикам? Артиллеристам? Лётчикам? Кто в том городе главный, в конце-концов? С кого мне спрашивать?

Главенство, так и не было установлено до конца обороны этой военно-морской базы — хотя и героической, но по причине организационного бардака — довольно короткой.

Начинает мне было что-то втирать:

— Это — вопрос согласования...

Рукой — как Ленин с броневика, показываю на портрет Реципиента на стене:

— Так что, итти твоего адмирала мать, товарищ Сталин должен эти вопросы согласовывать? Или кто-то другой? Например, один из здесь присутствующих?

— Товарищ Сталин...

Не слушая отмазок, перебиваю следующим вопросом:

— Почему в такой близости от границы, складировается так много флотского имущества, в частности — боеприпасов?

На 22 июня, на складах в Лиепаи хранилось две с половиной тысячи морских глубинных бомб — тринадцать процентов от всех имеющихся на Балтийском флоте... Семьсот семьдесят морских мин — пять процентов, сто торпед — шесть процентов. Тысяча четыреста минных защитников...

Сорок(!) процентов от всех имеющихся на Краснознамённом Балтийском военно-морском флоте СССР!

Кроме всего этого взрывоопасного добра, в Лиепае находились наиболее значительные запасы топлива (мазута и соляры) в новых прибалтийских порта. Запасы боеприпасов, продовольствия, топлива и обмундирования, накопленные на складах базы, были рассчитаны на 3–4 месяца войны, а при расходовании по сокращенной норме на 5–6 месяцев войны[3].

Что же получилось «в реале»?

Артиллерийский обстрел и атака передового отряда немцев в ночь с 23 на 24 июня, в отсутствии единого руководства привели к панике у командного состава.

Командиры, запрашивая у штаба в Риге традиционное русское: «Что делать?», получили не менее традиционный для сорок первого года ответ:

«Действуйте по обстановке».

Вот в полном соответствии «с обстановкой», первым был подорван эсминец с многоговорящим названием «Ленин», затем танкер, подводные лодки и наконец — склады...

И кто мне скажет: в каком месте здесь надо смеяться?

В ответ, Кузнецов как по писанному затараторил:

— Товарищ Сталин! В угрожаемый период, на время отмобилизования и развертывания, для КБФ вводился утверждённый план прикрытия. Основным вариантом действий КБФ в этот период будет создание минно-артиллерийских позиций, защищающих вход в Финский и Рижский заливы. На Краснознаменный Балтийский флот возлагаются следующие задачи...

Прерываю:

— Хватит! У Вас противник в тридцати верстах и противник очень сильный... Неужели он так просто, позволит Вам у себя под носом грузить мины на корабли и затем ставить их на ваших долбанных «минно-артиллерийских позициях»?

Тот понял что встрял и причём — встрял конкретно... Но сцука не понял, за что я его так прессую!

Стоит, озирается с видом:

«А нас то, за что?!».

— Почему прямо на границе с вероятным противником, у Вас базируются столь значительные морские силы, в частности 1-я бригада подводных лодок?

— Почему это военно-морскую базу со столь значительными запасами казённого добра,

сторожит всего-навсего четыре тысячи бойцов командиров, считая и наземный персонал одного единственного авиаполка на «Чайках»?

— Почему до сих пор не разработана военно-морская доктрина СССР? Как Вы разрабатываете планы на случай войны, не имея даже теории?

Дохожу до «сладкого»:

— И наконец, что за странная такая у Вас кадровая политика, Нарком Военно-морского флота СССР? Почему Черноморским флотом командует адмирал Октябрьский, который до этого большими кораблями вообще не командовал — даже эсминцем, всю службу провел на торпедных катерах? И, тем более этот «флотоводец» — не имеет ни малейшего представления о практике командования серьезными корабельными соединениями?

— Почему самым сильным — Балтийским флотом командует Трибуц, который служебный путь от командира эсминца до командующего флотом — прошел всего за три года?

— Наконец, почему самого грамотного и опытного флотоводца — адмирала Юмашева, Вы отфутболили «на Камчатку»? В Командующие Тихоокеанским флотом, то есть...

Начав службу матросом в царском флоте, тот прошел последовательно все ступени флотской службы, командовал эсминцем и крейсером, дивизионом эсминцев и бригадой крейсеров.

Когда «почему» кончились, я пристально посмотрев Кузнецову в глаза, очень задушевно спросил:

— Я вот что-то понять не могу, адмирал: Вы — просто идиот, или на Гитлера работаете? Отвечайте на счёт «три» — иначе я сам решу: раз, два...

Тот, поняв что я не шучу, поспешно:

— Идиот я, товарищ Сталин. Просто идиот.

Выдыхаю с облегчением:

— Фффуууххх!!! А я уж чёрте те что про Вас подумал.

Затем разведя руками:

— Ну, раз идиот — то ничем помочь не могу. Немедленное увольнение с лишением звания и всего такого прочего...

Без всяких церемоний, показываю не дверь:

— Вы — свободны, гражданин Кузнецов! Надеюсь, что на речной буксир Вас возьмут кочегаром. Удачи Вам и много фунтов под его плоским днищем...

***

Провожая его взглядом в понурую спину:

«Ещё один «сталинский выдвигенец», хотя и не удачливый... Такие тоже имелись и причём далеко не в единственном виде».

Задумав создание большого океанского флота, Вождь предусмотрел и создание отдельного наркомата, с наделением командующего ВМФ всеми правами самостоятельного наркома. Как обычно, Сталин хотел чтобы его военно-морской нарком был молод, современен, грамотен, энергичен и неутомим в отстаивании флотских интересов... На поиски такого человека, он потратил несколько лет и наконец нашёл.

Опять же возникает довольно интересный вопрос: как «нашёл»?

По морям-океанам с ним плавал то ли?

Коньяк в кают-компании пил?

Нет, не плавал и не пил — было и без этого, чем заняться.

Как и в многих других случаях (как в вышеописанном случае с Жуковым, например) Кузнецова Сталину «порекомендовали».

Кто порекомендовал?

Можно достаточно смело утверждать, что за Кузнецова замолвил словечко курировавший флот от Политбюро ЦК ВКП(б) Андрей Жданов. Практическая вся верхушка военно-морского командования: Исаков, Галлер, Трибуц, Левченко и прочие — являлась протеей Первого секретаря Ленинградского обкома партии.

Чем же будущий Нарком был так знаменит?

Да собственно говоря, ничем особенным.

В 1935-м году, он командовал крейсером «Червона Украина», затем был советником командующего ВМФ Испанской республики, где занимался организацией доставки вооружения морским путем в Испанию. Кроме этого, он организовал переправку золотого запаса этой страны в СССР.

Вот и весь «боевой опыт».

Далее карьера Кузнецова была стремительна!

По возвращению в Советский Союз — звание флагмана (что соответствовало контр-адмирала) и должность Командующего Тихоокеанским флотом. Там была одна неприятная история с потонувшим во время шторма эсминцем, но наш герой отвертелся-выкрутился от ответственности. И мало того, вскоре он был избран в состав ЦК ВКП(б), а вскоре и Народным Комиссаром ВМФ СССР. На тот момент Кузнецову было всего тридцать семь лет и, он был самым молодым наркомом в Союзе.

Были ли у Кузнецова какие-либо заслуги?

Конечно, были!

Но их по меньшей мере надо разделить на четыре: ведь во главе Главного Морского Штаба Наркомата Военно-морского флота, стояли такие высокоэрудированные и опытные профессионалы как адмиралы Галлер, Исаков и длительное время замещавший начальника ГМШ контр-адмирал Алафузов.

Но как звёзды на небе после восхода Солнца, все заслуги Кузнецова меркнут перед двумя нелицеприятными историческими фактами: несмотря на массовый героизм моряков и отдельных кораблей, руководимый им Военно-морской флот — всю войну фактически пробездельничал, как самостоятельный вид Вооружённых Сил СССР.

Морские коммуникации противника он не смог перерезать ни на Балтике, ни в Черном море, ни в Арктике. Ни одного соединения флота (эскадры или отряда) противника не разгромил. Ни одну военно-морскую базу, ни один порт не заблокировал.

Взаимодействие с Сухопутными войсками?

Моряки героически дрались на всех фронтах Великой Отечественной Войны, на Черном море и на Севере флот высадил несколько тактических десантов...

Однако ВМФ СССР не выполнил ни одной из задач, предусмотренных довоенными планами и уже поставленных перед ним в ходе войны.

А многие эпизоды — как например побег Балтийского флота из Таллина, а Черноморского флота из Севастополя — так вообще вопиюще позорны!

Второй нелицеприятный факт, который я никогда не прощу Кузнецову: в своих мемуарах он уподобился Жукову — пройдясь в угоду разоблачителей «Культы личности» своим язычком по их промежностям... В частности, он изрядно стебался над страстью Реципиента к крупным кораблям — линкорам и тяжёлым крейсерам...

И это показывает его во всей красе, как человека и хочется спросить:

А что ты при живом Вожде не умничал то, а? Что ж от такой высокой должности не отказывался? Что ж помогал вбухивать умопомрачительные средства в программу «Большого флота»?

Тот то, не специалист и вполне может ошибаться...

Но ты то — профессиональный военный моряк, не одну собаку на камбузе съел и должен понимать и, хотя бы попытаться отговорить.

Страшно, да?

За что?

За жизнь?

Или, за карьеру?

А за страну не страшно — насрать, да?

Не... От Жукова ещё можно ждать хоть какой-то пользы, ибо надо отдать должное — он умеет наводить дисциплину среди подчинённых. Кулаками по сытой генеральской морде, палкой по его же хребтине, расстрелами...

Но умеет!

(Кстати, надо будет не забыть позвонить на Лубянку насчёт него и Тимошенко).

От Кузнецова и такого не дождёшься.

Это — человек-пустышка, ибо на бардак творящийся на флоте — Сталин два раза ему указывал, носом как слепого щенка в собственную «лужу» тыкал — советуя брать пример с царского адмирала Вирена, при котором: «...в военно-морских базах был порядок». Два раза советовал: в 1939-м и 1946-м годах...

На третий раз — снял с должности и заодно ликвидировал саму «контору» — Наркомат ВМФ СССР, сделав флот всего лишь одним из видов Вооружённых сил СССР.

Так почему бы не последовать его примеру на шесть лет раньше?

Обращаюсь к двум оставшимся морякам, сидевшими ниже травы, тише воды и даже судя по их зелёному виду — напрочь забывшими как надо дышать:

— Товарищи адмиралы!

Когда те встали с не совсем бодрым видом и в разноголосицу ответили: «Слушаю, товарищ Верховный главнокомандующий...», заявляю:

— С отменной программы «Большого флота», отпала и нужда в отдельном наркомате для ВМФ — он ликвидируется, как и Главный морской штаб. Взамен же, в Генеральном штабе Вооружённых сил СССР, образуется «Главное военно-морское управление» — с такими же правами и обязанностями, как положим...

Глядя на сидящего в зале «главного танкиста» — генерала Федоренко:

— ...У «Главного автобронетанкового управления РККА».

Затем персонально обращаясь к каждому:

— Начальником Главного военно-морского управления назначаю Вас, адмирал Исаков. Заместителем — Вас, адмирал Галлер. Все нижестоящие назначения сделаете сами. Всё ясно, товарищи адмиралы?

Те, заметно приободряясь, дуэтом гаркнули:

— Ясно, товарищ Верховный главнокомандующий!

Сразу же, ставлю задачу:

— Первым делом требую как можно быстрее разработать военно-морскую доктрину СССР — чего от ваших предшественников, я так и не смог добиться...

Невольно возникает вопрос:

«Интересно, а появилась ли она хотя бы к двадцать первому веку?

Что-то ни разу не слышал».

— ...Хотя с отменой программы строительства «Большого флота» она будет иметь «прибрежный» характер, но что касается омываемых СССР морей — доктрина должна быть агрессивно-наступательной. Поэтому Балтийский и Черноморский флоты обязаны обзавестись знающей сухопутную тактику боя морской пехотой — на первое время хотя бы по бригаде на каждом и средствами её высадки на укрепленное побережье. На формирование бригад морской пехоты, можно пустить плавсостав недостроенных кораблей... Исключая дефицитных специалистов, конечно. Ну и призванных из запаса моряков.

***

Закончив с флотскими делами, поискав глазами, нашёл знакомую по прошлой встрече с генералитетом лысую как бильярдный шар голову, и:

— Товарищ Голиков! Обрадуйте нас последними достижениями вашего ведомства и расскажите про ближайшие — хотя бы на эту весну-лето, планы Гитлера и его компании.

Тот, недоумённо:

— Сведения секретные, тов...

Резко:

— Вы читаете, что среди собравшихся здесь имеются германские шпионы? Кого конкретно Вы имеете в виду? Товарища Мехлиса? Товарища Кулика? Или товарища Будённого? Может, Вы товарища Сталина считаете германским шпионом?

— Нет, но...

Взглянув приказав Начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА, заткнуться:

— Даже если мы все здесь — все до одного германские шпионы, то на хрена спрашивается, хранить от них германские же секреты?

Не получив ответа:

— В общем «му-му» нам не любите, товарищ генерал-лейтенант, а рассказывайте что там сообщают ваши «штирлицы».

— Кто, кто?

— Ну, или «Рамзай», не один ли хрен...

Растерянно, не понимая за что на него такой грандиозный наезд:

— Я не взял с собой документов...

— А по памяти? Нам здесь особая точность не нужна: не бюджет страны сегодня расписываем! Нам бы просто понять: чего ждать от наших западных соседей — проявивших за последние два года такую феноменальную шустрость со сказочной прытью.

И Голиков, то и дело спотыкаясь и запинаясь на каждой фразе, принялся пересказывать донесения своих военных атташе:

— Из сообщения «Марса» из Будапешта от первого января 1941-го года...

***

Надо быть абсолютно пустоголовым — до «малинового» колокольного звона под «кумполом», чтобы утверждать что Сталин (Политбюро ЦК ВКП(б), высшее политическое руководство страны) не слушал предупреждения разведчиков, не готовил страну к войне и, оттого якобы и произошли все наши беды 22 июня 1941-го года и после. Увеличивалась численность РККА, на западную границу перебрасывались всё новые и новые части и соединения... Принимались на вооружение новые образцы оружия и боевой техники, строились новые предприятия оборонной промышленности и модернизировались уже действующие...

Если это не подготовка к войне, то что же это?

На счёт же «неожиданности и внезапности» и «предупреждений разведки»...

Не надо быть разведчиком, не надо было красть из сейфов германского Генерального штаба карты со стрелочками... Надо было просто посмотреть на глобус Европы, чтоб понять:

Мы — следующие!

Сталин (Политбюро ЦК ВКП(б), высшее политическое руководство страны) готовил страну к обороне и считал, что и его генералы — делают то же самое...

Впрочем, тема «генералы и подготовка к войне» — требует отдельного рассмотрения.

Сейчас же про разведку, которая «предупреждала».

«Главное разведывательное управление» (ГРУ ГШ РККА) — это самый мощный и многочисленный отдел Генерального штаба Красной Армии.

Для сравнения: «Оперативное управление» последнего — орган, непосредственно разрабатывающий планы военных действий и руководящий операциями фронтов, состоял из следующих отделов:

Западный, Среднеазиатский, Ближневосточный, Дальневосточный.

Начальник управления, два его зама и...

Всё!

Другие — Организационное управление, Мобилизационное управление, Управление по укомплектованию войск, Управление устройства тыла и снабжения, Военно-топографическое управление и, того меньше — очень часто всего лишь один отдел, его начальник и один-единственный заместитель.

«Главное разведывательное управление» же, это...

Нечто!

Для перечисления его отделов, пальцев рук не хватит — надо разуться, снять носки и подключить «к арифметике» ещё и пальцы ног:

Западный, Балканский, Восточный, Военно-технический, Специальный, Паспортный Приграничной разведки, Радиоразведки и радиосвязи, Шифровальный, Дешифровальный, 11-й отдел[4], Внешних сношений, Центральной военной цензуры, Информационный, Спецзаданий, Общий, Кадров, Политический, Административно-хозяйственный.

ВО!!!

Не знаю у кого как, а у меня складывается впечатление, что Генеральный штаб РККА — это всего лишь прикрытие для этой сверхмощной спецслужбы!

И конечно же, как зачастую у нас на Руси водится — это всего лишь верхушка айсберга, на который в своё время напоролся «Титаник» с Леонардо Ди Каприо и его классной чувихой на борту. По всему миру, Главное разведывательное управление распустило свои щупальца, как легальные — военные атташе при советских посольствах, так и нелегальные. Всего на май 1940-го года по миру было сорок две легальные резидентуры с 194 «источниками» (агентами-информаторами, то бишь) и девяносто одна нелегальная — с 1595.

В одной только Германии, по линии ГРУ было без малого 792 (семьсот девяносто два!) «шпирлицев».

К «роковому дню календаря» по всему видно, «щупалец» стало больше ещё на порядок — так выделяемых год назад порядка пяти-шести миллионов инвалютных рублей, вдруг стало резко не хватать и, 18 апреля 1941-го Начальник Генштаба РККА Жуков писал Председателю Совнаркома Молотову об удручающем состоянии финансирования своего самого мощного отдела:

«Разведывательное управление Генерального Штаба Красной Армии испытывает большие трудности в своей работе из-за ненадежности денежного обеспечения...

...И находится под непрекращающимся нажимом справедливых требований, жалоб, претензий и недовольства со стороны командующих и начальников разведывательных отделов округов, военных атташе, легальных и нелегальных резидентов и источников[5]».

Не мной было сказано:

«Владеющий информацией правит миром»!

Ну, или где-то примерно так...

Поэтому на разведку никаких денег не жалко, был бы толк.

Был ли толк от деятельности Главного разведывательного управления Генерального штаба?

Увы!

Кроме френчей и галифе присутствующих здесь генералов — пошитых явно не из изделий иваново-вознесенских ткачих, я другого «толка» — в упор не вижу...

От слова «ВАЩЕ(!!!)» не вижу.

ГРУ ГШ РККА — это военная разведка и, она должна не «предупреждать» — для этого имеется политическая разведка и дипломаты... А по идее, выведывать военные же секреты противника: численность и состав вооружённых сил вероятного противника, характеристики его вооружения и боевой техники и наконец — применяемую им тактику.

И вот здесь за нашими «шпирлицами» — полный ноль!

Ни Генеральный штаб, ни советское политическое руководство ничего (или почти ничего) не знала об «Линии Маннергейма»... Советской пехоте и танкам, пришлось её разведывать уже в бою, ценой собственных жизней и потерянной технике.

Уже лишь за это, «контору» надо было разгонять к такой-то — вполне определённой матери!

До Великой отечественной войны, во время её и ещё очень долго после оной, насчёт количества танков и самолётов у супостата — советская военная разведка постоянно

попадала пальцем в оппу... Причём — в свою же собственную.

Что такое «Блицкриг» мы узнали только 22 июня и причём — на своей собственной шкуре. Технические подробности этой тактики, стали известны уже после начала войны — только после удачной контратаки, когда разгромив штаб одной из танковых частей «Вермахта» — наши воины захватили немецкие штабные документы и переправили их в Генштаб.

Во время войны (особенно в самом её начале) военная разведка очень часто фатально промахивалась с определением направлений главных ударов противника — отчего мехкорпуса блуждали, а наносимые ими контрудары наносились по пустому месту.

Концепция «единого пулемёта», для наших генералов была «тёмным лесом» до самого конца войны, иначе зная нашу страсть подражать — хотя бы попытались запилить нечто подобное или хотя копирнуть.

Да, что там «единый пулемёт»...

Плоский котелок и тот стал для наших военных откровение Божьим и скопирован с немецкого уже в годы войны!

До этого из круглого бойцы и командиры кашу рубали — как «во времена Очакова и покорения Крыма».

Хотя, здесь я могу и ошибаться.

Да и с «предупреждениями», если приглядеться внимательно, не всё так гладко.

Это лишь в кино, затянутые в элегантный эсесовский чёрный мундир советский разведчик, пиз...дят секретные планы из сейфа у самого Гитлера и выходит при этом сухими из воды.

В жизни же, за очень редким исключением всё бывает иначе: как-то понудить к измене Фатерлянду лицо имеющее доступ к документам с грифом «Совершенно секретно!» — задача невыполнимой сложности.

Серьёзных источников нет, а «Центр» требует информации... Или, хотя бы «активности».

Где взять?

Приходиться собирать (или выдумать) сплетни.

Вот образчик:

«Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии

Будапешт, 8 мая 1941 г.

Вагнер сообщил, что 6 мая 2 пьяных немецких офицера заявили в ресторане, что вся Европа теперь германская. На замечание штатских, что существует ещё Россия, они заявили, что кулак против СССР уже сосредоточен и что ни сегодня-завтра Германия ударит по СССР. Берлинское опровержение о сосредоточении немецких войск на границе СССР только для общественного мнения.

Француз, турок и американец сообщили, что в Будапеште проезжающие немецкие офицеры и солдаты открыто говорят о предстоящей войне против СССР.

Марс».

«Марс» — псевдоним военного атташе при полпредстве СССР в Будапеште, резидента военной разведки. «Француз, турок и американец» — военные атташе при посольствах соответствовавших стран в Будапеште.

«Пьяные немецкие офицеры», это ещё что!

5 мая 1941-го года в Центр поступила телеграмма, направленная в этот же день из Берлина «Арнольдом»:

«Советско-подданный Бозер сообщил Смирнову, что по данным немецкого офицера из ставки Гитлера, полученным через третье лицо, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР. Вторжение предполагается осуществить с направлений: Финляндии, Прибалтики и Румынии. Одновременно будут мощные налёты военно-воздушных сил на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах. Не имея уверенности в подлинности сообщения и в самом источнике, принял меры к проверке их...».

«Арнольд» — военный атташе при полпредстве СССР в Германии генерал-майор В.И. Тупиков.

Прочитав «советско-подданный», я сперва решил что «послезнание» глючит... «Переагрусил», оказывается — нет, точно «советско-подданный».

Мля... Ильф и Петров отдыхают!

Даже более серьёзные — чем «пьяные офицеры» источники, требуют пристального рассмотрения:

«2 мая 1941 г. «Рамзай» докладывал в Центр:

Я беседовал с германским послом Отт и морским атташе [Венекер] о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки и в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой.

Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты.

Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент так, что Германии останется только собрать урожай.

Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна.

Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика потому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не мешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба.

Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией».

Во-первых, возникает вполне закономерный вопрос: германский посол в Японии и военно-морской атташе — лично были в Ставке Фюрера на совещании, где тот бесповоротно решил напасть на СССР по окончании весеннего сева?

Так оно было 1-го мая!

А если учесть, что сутки в Стране Восходящего Солнца начинаются на 12 часов раньше, чем в Европе, то возможно в момент отправки той шифрограммы в Москву, того совещание ещё и в помине не было. По крайней мере в тот момент — когда на уши «Рамзая» вешалась

эта «лапша».

Во-вторых, а что этим двоим вообще на том Совещание делать? Вторжение в СССР и хоть как-то — хоть каким-то боком касается?

Не... Конечно в Третьем Рейхе был бардак, согласен...

Но не до такой же степени!

В-третьих, при чём тут Турция?

В четвертых, на лицо явное противоречие, с целью «залюбить» мозги: «Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии» и в то же время — «Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией».

Так что налицо у нас что?

Явная дезинформация от адмирала Канариса, за передачу которой через ГРУ высшему политическому руководству нашей страны — партайгеноссе Рихарду Зорге присвоили звание «Герой Советского Союза».

Слава Богу, что хоть посмертно — японским самураям огромное спасибо!

А то бы поди, до сих пор в школах рассказывал юному поколению россиян, про как он предупреждал, а впавший в маразм Сталин писал на его докладах:

«Пошёл к ебеней матери»!

Кстати, все серьёзные источники информации, как тот знаменитый — из «штаба германской авиации», относились не к ГРУ ГШ РККА, а к совсем другому ведомству:

«Сообщение из Берлина

Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

29 апреля Гитлер в речи, произнесенной в «Спортпаласе» перед молодыми офицерами-выпускниками, содержание которой в прессе опубликовано не было, заявил:

«В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».

Эти сведения получены источником от нескольких офицеров, но подлежат дополнительной проверке.

Начальник 1-го Управления НКГБ Союза ССР

Фитин».

У этого «источника» был позывной «Старшина», звали его Харро Шульце-Бойзен и, был он сотрудником отдела зарубежных ВВС (разведка) генерального штаба Люфтваффе, в звании обер-лейтенанта.

И даже он, был вынужден не тырить секретные документы их сейфов, а довольствоваться слухами!

Как известно даже школьнику из моего времени, его Сталин «послал» и причём — послал «конкретно»...

Да потому что понял, что это — сплетня.

***

И вот тут то, нужно снова вернуться к пресловутому «человеческому фактору», то бишь — к кадровому вопросу:

«Кадры решают всё!», а кто у нас во главе военной разведки?

Такое ощущение, что на неё ставили в соответствии с главным кадровым принципом времён так называемого «Застоя»:

«Не справился с промышленностью пойдёшь на сельское хозяйство!».

Ну а куда же ещё — не расстреливать же, правильно?

Если сделать поправку на время, то это будет звучать так:

«Прежде чем расстреливать — надо дать человеку шанс».

Вот кто это такой, этот генерал-лейтенант Голиков?

Профессиональный разведчик, начавший карьеру с нелегала, или хотя бы с войскового разведчика?

Ну, а як же!

Филипп Иванович начал военную службу с того, что добровольцем вступив в Красную Армию, учувствовал в подавление крестьянского восстания... Возможно разведчиком в отряде красноармейцев-карателей, история про то скромно умалчивает. Но даже если это и так, разведывал он довольно хреново и отряд был взбунтовавшимися мужиками разбит вдрабаган.

Бывает, что уж тут пенять — первый блин всегда выходит блином... Почему у начинающего разведчика должно быть не так?

Уцелев тем или иным образом, наш герой был откомандирован на учёбу и окончил в 1919 году двухмесячные... Хм, гкхм...

Военно-агитаторские курсы.

Эээ... Должно быть они так назывались для конспирации, на самом деле это — школа разведчиков.

Набравшись там познаний в разведческом ремесле, юный Голиков последовательно прошёл все его ступени: агитатор в полковой пулемётной команде, секретарь политотдела Особой бригады, инструктор-организатор политотдела стрелковой дивизии и закончил Гражданскую войну начальником информации дивизии...

И на всех вышеперечисленных должностях — разведывал, разведывал и ещё раз разведывал — как завещал разведчикам великий Ленин.

Обогащённый опытом разведывательной работы, наш возмужавший герой идёт на повышение и с 1921-го года становится начальником политсекретариата губернского военного комиссариата. С 1922-го — начальником отделения политотдела Приволжско-Уральского военного округа. Полгода спустя — начальником агитационно-пропагандистского отдела политуправления Западно-Сибирского военного округа.

И вновь на всех этих должностях, товарищ Голиков — разведывает, разведывает и разведывает...

Перспективного разведчика заметили и направили на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА (КУВНАС), после окончания которых он продолжал заниматься разведывательным делом, став начальником агитационно-пропагандистского отдела политуправления Приволжского военного округа.

Однако, в один прекрасный момент, Филипп Иванович решил:

«Хватит разведывать, ибо накопленный разведывательный опыт — уже просто некуда складывать, пора уже и полководческого набраться... Мало ли, что — вдруг пригодится».

Что-то такое «строевое» закончив экстерном(!), он был переведён на командную

должность и сперва командовал стрелковым полком. Затем также заочно(!!!) окончив «Академию имени Фрунзе» — стрелковой дивизией, после чего последовательно — отдельной механизированной бригадой, механизированным корпусом и, наконец «строевик-заочник» Голиков — член Военного совета Белорусского военного округа и член Бюро Центрального комитета Белорусской компартии.

В «репрессивные» годы над разведчиком нависли было тучи — его даже увольняли из РККА...

Жертва репрессивного сталинского режима!

...Но обошлось и, отделавшись лёгким испугом и даже не замарав синие штаны, Голиков сперва командует армейской группой в Киевском венном округе, затем армией — с коей участвует в Польском походе. И наконец, вновь возвращается к разведывательной деятельности, возглавив ГРУ ГШ РККА.

Это ещё что!

До него эту «контору» возглавлял генерал-лейтенант авиации Проскуров, который сам про себя так сказал на совещании по итогам Советско-финской войны:

«Был я в свое время неплохим летчиком, командиром, перешел в разведку...».

Могут закончить за него:

«...Где стал полным гАвном».

За промахи военной разведки во время Зимней войны, его сняли с должности заменив Голиковым и, отправили снова в авиацию — где годом позже арестовали и, вместе с Рычаговым и прочей «авиакомпанией» — расстреляли за бардак творившейся в ВВС РККА и связанную с ним высокую аварийность.

Бывший до Проскурова Александр Григорьевич Орлов, вроде бы соответствовал «профилю», ибо в тридцатые годы работал военным атташе в крупнейших европейских странах...

«Ниже» копать не будем, просто подведём общую черту: кто бы не был во главе «Главного разведывательного управления Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Армии» (ГРУ ГШ РККА) не стоял, общим было:

На всех уровнях этой «шарашкиной конторы» царил неопиcуемый словами бардак, недаром именно оттуда были все знаменитые перебежчики — начиная от Гордиевского и кончая Резуном.

Про бардак творившийся при Берзине («невинно» расстрелянном после Урицкого, но до Никонова, Гендина и Орлова) можно прочесть в мемуарах разведчика Михаила Абрамовича Мильштейна «Две встречи с Берией». Про Лаврентия Павловича там — совсем чуть-чуть: по ходу — он был упомянут в названии лишь для «хайпа»... Про бардак же в Главном разведывательном управлении — страниц триста мелким шрифтом.

Голиков начальствовал в этой «конторе» недолго и, в октябре 1941-го был заменён генералом Панфиловым. Но не тем, что — панфиловец, а... Неизвестно кем — инфы про него в моём «послезнании» ноль.

Тот в свою очередь, через год уступил кресло некому Ильичёву, Ильичёв — Кузнецову... Но не адмиралу, а...

Неизвестно кому.

Конспирация «бойцов невидимого фронта»?

Нет, ни коим образом...

Бардак!

***

Уже после окончания войны, при Кузнецове — который «неизвестно кто», СМЕРШем (военной контрразведкой) было проведено расследование деяний разведчиков-нелегалов, всю войну просидевших «в тылу врага».

В оккупированной фашистами Бельгии, то бишь.

На допросе они дали очень любопытные показания:

«...Арестованный в июле 1945 года резидент Главразведупра Красной Армии в Бельгии ГУРЕВИЧ (кличка «Кент») показал, что он был подготовлен наспех, а переброска его в Бельгию была организована непродуманно. По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал следующее:

«Перед переброской меня за границу, по существу, я никакой подготовки не получил. Правда, после оформления моей вербовки работником Главразведупра Красной Армии полковником СТРУНИНЫМ, я был направлен на курсы при разведшколе Главразведупра Красной Армии, но они для практической работы ничего, по существу, не дали. На этих курсах я в течение 5-ти месяцев изучал радиодело, фотодело, и был ознакомлен с общим порядком конспиративных встреч с агентурой за границей».

В буквальном смысле — худо-бедно подготовив, разведчика-нелегала решили забросить в Бельгию под видом мексиканского художника, побывавшего несколько месяцев в Советском Союзе и потом решившего выехать в эту страну через Финляндию, Швецию, Норвегию, Германию и Францию.

Вот что по поводу этой «легенды» говорит сам Гуревич-Кент:

«Надо сказать, что данная мне легенда была очень неудачной хотя бы потому, что я в связи с недостаточностью времени не мог получить никакой консультации о Мексике, об ее внутреннем положении, условиях жизни, и даже ее географических данных. Кроме того, испанский язык, являющийся основным в Мексике, я знал далеко недостаточно для мексиканца и говорил на нем с явно выраженным русским акцентом.

Таким образом, в пути следования я был не в состоянии отвечать на самые простые вопросы о положении в Мексике, а это, бесспорно, навлекало на меня всевозможные подозрения».

Вот так вот: мексиканец, а мексиканского языка не знает...

Поняв, что с гражданством дали маху, в Центе решили изменить «легенду». Вот как это происходило:

«Будучи в Париже, я встретился там со связником Главразведупра, который вручил мне уругвайский паспорт на одну из фамилий уругвайского коммерсанта, а я ему сдал свой мексиканский паспорт.

Получая паспорт уругвайского гражданина, я был совершенно недостаточно осведомлен о жизни Уругвая. Когда этот вопрос я поднял еще будучи в Советском Союзе, мне БРОДИН сказал, что такая возможность мне будет предоставлена.

Действительно, спустя некоторое время мне была представлена для ознакомления коротенькая справка, написанная от руки на 2-х страницах одним разведчиком, находившимся в Уругвае очень короткий промежуток времени. Причем в этой справке были

указаны две улицы Монтевидео, названия нескольких футбольных команд и подчеркнуто, что население, особенно молодежь, часто собирается в кафе. Ни географического, ни экономического и политического положения в этой справке освещено не было...».

А теперь держитесь за стулья крепче:

«Я даже не знал фамилии президента «моего государства», т. к. по этому вопросу в Главразведупре имелись противоречивые данные. Когда я заметил БРОДИНУ, что эти данные для меня недостаточно, он обещал мне их дать, но их в Главразведупре не оказалось, и мне в последний день перед отъездом было предложено пойти в библиотеку имени Ленина и ознакомиться там с УРУГВАЕМ по БСЭ. Естественно, что и там нужных мне данных, как для коммерсанта богатой уругвайской семьи, найти, конечно, не представилось возможным».

Со шпионской экипировкой у Гулевича-Кента, тоже всё было не слава Марксу:

«Выезжая из Советского Союза, я по легенде до этого находился в Нью-Йорке и других странах, а вез с собой только один, небольшого размера чемодан, в котором находились: одна пара белья, три пары носков, несколько носовых платков и пара галстуков, в то время как иностранные туристы, побывавшие в других странах, везут с собой в качестве багажа по нескольку чемоданов с различными носильными вещами, большое количество различных фотографий, личных писем и т. д..

Больше того, я, как личный турист, побывавший в Советском Союзе несколько месяцев, не взял с собой в качестве «памятки» ни единой русской вещи или даже открытки, которая бы напоминала о моем посещении этой страны.

Вследствие этого, сразу же, как только в Ленинграде я сел в вагон, в котором находились иностранцы, следовавшие в Финляндию, на меня было обращено внимание, почему именно я, как иностранный турист, не имею с собой никакого багажа».

Нашего незадачливого «Штирлица», проколы ждали буквально на каждом шагу:

«По приезде в Хельсинки я должен был явиться в Интурист и получить билет на самолет, следовавший в Швецию. Когда я обратился к швейцару Интуриста, поскольку других работников в воскресенье не было, и спросил его на французском языке о том, что мне должен быть заказан билет на самолет, он предложил мне говорить на русском языке, дав понять, что он знает о том, что я русский, и играть в прятки с ним не следует».

«По приезде в Париж я остановился в гостинице «Сейтан», и на другой день должен был зайти в кафе «Дюспо», находящееся на Криши, для встречи со связником Разведупра. При этом было обусловлено, что при входе в кафе я займу место за заранее определенным столиком, закажу чай, немедленно расплачусь за него и буду читать французскую газету. Связник должен был точно так же находиться в кафе, сидеть за столом, имея на столе французский журнал. Здесь мы должны были друг друга только видеть, сами же встречи должны были произойти немедленно по выходу из кафе, около дома № 120 или 140 по Криши.

Прибыв по указанному адресу, я не нашел кафе с названием «Дюспо». В этом доме находилась закусочная, рассчитанная на обслуживание шоферов конечной автобусной остановки, под названием «Терминюс». При входе в закусочную я увидел, что там имеется всего 1–2 стола, за которыми посетители обычно играли в карты. Посетители же в основном заказывали вино и горячее кофе, как это принято в закусочных во Франции.

То, что я занял место за столом и заказал чай, вызвало смех у официанта, и мне было предложено кофе, говоря, что чаем они вообще не торгуют.

Я пробыл в кафе более получаса, однако связника Разведупра по данным мне приметам не встретил. Полагая, что возможно был перепутан адрес, я попытался разыскать на этой улице нужное мне кафе, однако его не нашел. В действительности же оказалось, что несколько лет тому назад в помещении, в которое я заходил, было именно кафе «Дюспо», но впоследствии оно было преобразовано в закусочную».

Это ещё что!

На допросе Гуревич-Кент показал, что Главразведунром Красной Армии ему было предложено по приезде в Брюссель остановиться в гостинице «Эрмитаж». Но на месте оказалось, что эти гостиница — уже пять лет как была превращена...

В публичный дом.

Мля, Голливуд отдыхает!

Не так за державу обидно, как за наш советско-российский кинематограф...

Не, а куда наши сценаристы-режиссёры смотрят? Почему они кинокомедий по этим сюжетам не снимают?

А потом обижаются, что с «Оскарами» их регулярно обходят...

Другой арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» резидент Главразведупра Красной Армии во Франции, Треппер под оперативным псевдонимом «Отто», рассказывал чекистам не менее интересные вещи:

«Резидент МАКАРОВ (кличка «Хемниц») — несмотря на то, что он как будто бы прошел специальную школу, не знал самых элементарных понятий о разведработе, не говоря уже о том, что он не знал ни одного(!) иностранного языка. Кроме того, «Хемниц» должен был проживать как уругваец, в то время как он не имел никаких понятий о (его «родной стране»), и еще менее о стране, в которой ему пришлось работать».

«Находясь в Брюсселе, получил из Москвы паспорт для въезда во Францию. В паспорте должна была быть указана профессия — журналист. В действительности же, при получении паспорта, в нем была указана профессия не журналист, а «журналье», что означает — поденщик. Естественно, что поденщик, едущий в международном вагоне, сразу же вызвал бы подозрение у французской пограничной полиции».

«Выбор уругвайского паспорта для меня, как легализующего документа, не был достаточно хорошо продуман и подготовлен Главразведупром. В Бельгии уругвайских подданных были считанные единицы, в то же время в полиции зарегистрировались одновременно два вновь прибывших уругвайца.

Это были агент Главразведупра Красной Армии МАКАРОВ — коммерсант, родившийся в Монтевидео и купивший предприятие в Остенде, и я, тоже родившийся в Монтевидео и тоже занимавшийся торговой деятельностью в Бельгии. Причем оба наши паспорта были выданы в уругвайском консульстве в Нью-Йорке. Один был выдан в 1936 году, а другой в 1934 году. Номера же этих паспортов были последовательны, так, если один был за № 4264, то другой был за № 4265».

«В начале 1939 года Главразведуправлением в первый; раз была поставлена задача подготовки и создания собственной радиосвязи с центром. Эта задача была возложена на «Хемница», который как будто прошел до приезда полную техническую радиоподготовку.

«Кент», после своего приезда, имел задачу помочь ему в этом направлении, и его

Разведупр также считал вполне подготовленным к этой работе.

На практике оказалось, что ни тот, ни другой подготовки не имели и эту работу до конца довести не смогли. В то же самое время все полученные приборы оказались в неисправном состоянии».

Мда... Не ту страну «Уругваем» назвали...

Далеко не ту!

Хочу закончить на «оптимистической»... Ээээ... Юмористической ноте, словами того же Кента:

«Перед отъездом из Москвы Главразведупр указав мне, что в связи с провалами принято решение не создавать больших резидентур, а работать небольшими группами. После того, как Главразведупр принял решение о моем оставлении работать в Бельгии в качестве помощника резидента «Отто», мне бросилось в глаза то обстоятельство, что резидентура в Бельгии насчитывает большое количество людей, находящихся на твердой зарплате и практически не проводивших никакой разведывательной работы, и знающих о существовании нашей организации. Я обратил на это внимание «Отто», но получил ответ, что все эти люди предусмотрены на военное время...».

Понятно, да?

Вот начнётся война и вот тогда наши бельгийские «штирлицы» с уругвайскими паспортами, покажут мастер-класс разведки!

Естественно, таких «резидентов» контрразведчики страны пребывания вычисляли сразу. Почему не арестовывали?

А зачем?

Подсунуть нужных «информаторов» и нехай впаривают руководству «дезу».

***

Терпеливо дослушав Голикова, нетерпеливо спрашиваю:

— Ну и какие Вы сделали выводы из сообщений ваших «Зефилов», «Марсов», «Зевсов» и прочих «Рамзаев»? Будет в этом году у нас война с Германией и когда именно?

То, ни «бе», ни «ме», ни «кукуреку», а когда я наехал конкретно, выдал из себя:

— Выводы должно делать политическое руководство.

Я аж опешил от такой — то ли наглости, то ли тупости:

— Ну, ни хрена себе заявка! Это что? «Камешек в мой огород», что ли? А на кой ляд в таком случае Вы, Голиков, нужны — весь такой лысый и красивый? Пускай тогда ваши «источники» прямо так и пишут: «Москва, Кремль, товарищу Сталину, до востребования».

Надо понимать, как в «реальной истории» действовали руководители советских спецслужб. На многих донесениях от «источников», снизу стояла вот такая резолюция:

«Выслано Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Жукову».

То бишь, вместо того, чтобы отсеять явную «дезу», проанализировать заслуживающие доверия донесения от своих разведчиков и предоставить политическому руководству вывод: «Вот, товарищ Сталин — они нападать (не нападать) на нас собрались», — Голиков Фитин и прочие, предоставляли тому это делать самому.

А разве лидеру страны, даже в мирное время, а тем более накануне войны — больше

заниматься нечем, как читать сплетни в письменном виде и отделять зёрна от плевел?

Продолжаю:

— Это раз! А во-вторых, раз Вы, Голиков считаете, что по вашим разведанным — выводы должно делать политическое руководство, то значит Вы и ваша «контора» — занимаетесь политической разведкой...

Склонив голову набок, заглядываю в полные бессмысленной паникой глаза:

— ...А не много ли на себя берёте, товарищчч?

Тот было что-то толкать, но я прервав, безапелляционно:

— Вы уволены! Не только с занимаемой должности — но и из рядов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Кто Вы говорите по основной специальности? Массовик-затейник? Ой, извините... Агитатор-пропагандист!

Поворачиваюсь к Мехлису:

— Товарищ Начальник «Совинформбюро»! Может трудоустроите?

Тот, оглядев Голикова с ног до головы и в обратном порядке, пренебрежительно-скептически:

— Разве что киоскёром.

Уверен, что Красная Армия ничего не потеряла, ибо в «реальной истории» после отставки с должности Начальника ГРУ — сей «стратег» ничем выдающимся себя не проявил.

***

После ухода Голикова, объявил:

— Главное разведывательное управление Генштаба ликвидируется — как учреждение, не только полностью бесполезное — но и вредное. В данный момент штаб-квартира этой «конторы» зачищается подразделениями Народного Комиссариата государственной безопасности — с опечатыванием сейфов и всем таким прочим, положенным в таких случаях.

После пары минут зловещей тишины, вновь испечённый начальник Генштаба Вооружённых сил СССР — генерал-майор Захаров, недоумённо спросил:

— Товарищ Сталин! А как же я буду планировать боевые действия без разведсведений?

Повысив его в звании на одну ступень, отвечаю:

— Не путайте горячее с волосатым, товарищ генерал-лейтенант! Не знаю там, что в современных уставах РККА про разведку написано — руки не дошли пока... Но должно быть написано так: «Разведка должна вестись всеми доступными средствами и всеми подразделениями, частями и соединениями... Круглосуточно!»! Все добытые сведения об противнике должны быть проанализированы и немедленно передаваться вверх по инстанции...

Заостряя внимание, поднимаю указательный палец:

— ...Самая высокая инстанция — Разведывательный отдел Первого (Оперативного) управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР.

А действительно, если вернуться к старому списку управлений Генштаба — где там армейская разведка?

В каком месте?

Ей места там не нашлось — одни предупреждающие «шпирлицы с рамзаями»!

Так что ничего удивительного нет в том, что советское командование с первых же часов войны потеряло всякое представление об обстановке на фронте. Дело дошло до того, что советское политическое руководство узнало об потере Минска — не от собственного Генштаба, а...

Держите меня семеро!

...Из сообщения Лондонского радио.

Впрочем, хорошо известная история — вследствие которой произошла та историческая сценка, когда после конкретного наезда Реципиента, Начальник штаба Жуков то ли — заплакал и убежал весь в соплях, то ли — послал того «по матушке».

Разное по этому поводу говорят!

Однако, мало кто знает об продолжении этой истории...

Обстановку на фронте выяснил один подполковник Генштаба и, сделал он это по собственной инициативе — так как был всего-навсего старшим помощником начальника Ближневосточного отдела. И причём, сделал он это — не выходя даже за стены своего учреждения.

Каким образом?

Он просто-напросто приказал своим подчинённым обзвонить все сельсоветы в Белоруссии и отметить на карте те населённые пункты, где отвечали на дойче-мове...

И всё!

Через пару часов, перед советским политическим и военным руководством положили карту с нанесённой линией фронта и, она полностью соответствовала сложившейся обстановке.

Тот подполковник враз стал полковником, через год — генералом, а уже после войны — Начальником Генерального штаба. При Хруще-Кукурузном он слетел на второстепенный военный округ, что лишний раз говорит в его пользу.

Кто если не он?

На лицо я его не знал — даже фотографии «там» не видел, но фамилию и звание — как «Отче наш»:

— Подполковник Штеменко!

«Из галёрки» встаёт такой бравый казачина с «будённовскими» усами, всё это время чувствующий себя «не в своей тарелке» в окружении генералов да маршалов и бодренько так рявкает:

— Здесь, товарищ Верховный главнокомандующий!

— Назначаетесь Начальником Разведывательного отделения Первого (Оперативного) управления Генерального штаба Вооружённых сил СССР, с присвоением Вам очередного воинского звания — полковник.

— Служу Советскому Союзу!

Однако, вижу — не особо рад, что-то мнётся-нудится и прямо в лоб спрашиваю:

— Что-то хотели сказать, товарищ полковник?

Тот, решившись:

— Товарищ Сталин! Я думаю, что больше пользы социалистическому Отечеству я бы принёс, служа на строевой должности. Ведь я же закончил Военную академию механизации

и моторизации РККА и имею опыт командования Отдельным учебным тяжёлым танковым батальоном 5-й танковой бригады РКК.

Несколько раздражённо:

— Вы «думаете», а мы знаем(!) — где Вы принесёте больше пользы, товариш полковник!

Подумав, решил что виртуальная «морковка» под носом не помешает:

— Хорошо! Как только создадите дееспособный отдел, наладите работу армейской разведки и главное — найдёте человека на своё место, можете рассчитывать на танковую... Эээ... Дивизию.

Поочередно посмотрев на полковника Штеменко, на генерал-лейтенанта Захарова:

— А вообще-то в современной войне, основные сведения о противнике добываются разведывательной авиацией и ей надо уделить первостепенное внимание...

Задержав взгляд на Бонч-Бруевиче-Старшем:

— ...Товарищ маршал СССР! Вы же у нас — не только «отец» Красной Армии, но и «родной папаша» советской аэрофотосъёмки... А ведь аэрофотосъёмка и авиаразведка — это почти одно и то же!

Тот кивает:

— Совершенно верно, товарищ Сталин.

— Так неужели среди своих учеников, Вы не найдёте «правую руку» для Начальника разведывательного отдела Генштаба?

Буквально через пару секунд, тот уверенно:

— Найдём «правую руку» товарищу полковнику, обязательно найдём. Если надо — то и две, или даже четыре «правых руки» — как у индусского бога Шивы!

Имея в виду знаменитую «Группу Ровеля» (Kommando Rowehl) — отдельную авиационную группу Люфтваффе для ведения стратегической воздушной разведки, развиваю мысль:

— Нашему Генеральному штабу пора обзавестись «глазами»: собственным подразделением авиаразведчиков — способных на большой высоте и долго, «висеть» над интересующей командование территорией и, не только вести аэрофотосъёмку — но и передавать разведсведения в режиме «он-лайн» по радио...

— А каком-каком режиме?

Не соблаговолив опуститься до подробностей, я закончил разговор:

— Уверен, что Вы меня прекрасно поняли, товарищи.

Ничего, кстати, невозможного или просто фантастического в моём предложении нет: рекордов по продолжительности полёта и высоты — перед войной было поставлено немало, особо много самолётов в авиагруппе при Генштабе не надо.

***

Так сказать «мысли вдогонку»...

Судя по его дневникам, даже министр пропаганды Геббельс, чуть ли не самого последнего дня — ничего не знал, хотя и подозревал об намерении Гитлера напасть на СССР...

А тут, какие-то «Рамзаи» — за тридевять земель находящиеся от Ставки Фюрера, сообщают едва ли не точную дату вторжения!

Ну не смешно ли?

Ещё вот...

Вся весна 1941-го года переполнена знаменательными событиями, вроде бы напрямую СССР не касающимися, но тем не менее — довольно-таки интересными с точки зрения советского политического руководства: вторжение Вермахта в Грецию, на Балканы, в Югославию, в Северную Африку... Критская операция, наконец.

Почему ни один «Рамзай» не предупредил о них Сталина?

Что там историки по этому поводу говорят...?

Ау!

Делаем вывод: все эти «предупреждения» имеют одно происхождение, один и тот же адрес — «Берлин, Тирпицуфер, 74/76[6]».

Мне могут напомнить: Сталина не только Рамзай и его друзья предупреждал, но и такие серьёзные источника как Черчилль — премьер-министр Британии и даже...

Германский посол в СССР Шуленбург.

Беспрецедентный в дипломатии случай!

А тот один хрен в ус не дул, маразматик паранойялогический!

Разберём как это обычно, «по полочкам».

Черчиллю доверять — себя не уважить, ибо кто такой Гитлер по отношению к нашей стране — ещё не было понятно... А вот сэр Уинстон у тому времени, уже успел с 1918-го — зарекомендовать себя злейшим врагом Советской России.

Он кстати ничуть этого не стеснялся и даже после 22 июня открытым текстом говорил: «В философии русских большевиков нет ни одного социального или экономического принципа, который не был бы миллион лет назад осуществлен на практике термитами».

Хм, гкхм... Нет, это не совсем то.

«Признать большевиков — то же самое, что легализовать гомосексуализм»...

Эээ... Это совсем не то.

Да, где ж ты?

Вот, нашёл:

«Никто не был более стойким противником коммунизма в течение последних 25 лет, чем я... И я не возьму обратно ни одного сказанного о нём слова».

Даже дураку было ясно, что доверять такого «другу» нельзя, не говоря уже про то, что в «предупреждениях» хорошо заметен корыстный интерес — столкнуть лбами оба режима, ибо его словами:

«Нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма».

В общем, с Черчиллем всё ясно.

С Фридрихом-Вернером Графом фон дер Шуленбургом же, всё немножко сложнее.

Да, он намекал советской стороне о возможности развязывания войны Германией против СССР...

Однако одновременно (это очень важно!) германский посол связывал эту «возможность» с какими-то экономическими и внешнеполитическими претензиями своего руководства к Советскому Союзу — удовлетворив которые, последний мог бы избежать этого «развязывания».

Опять же на «неофициальном уровне» вбрасывалась всякая дичь по поводу этих «претензий»: от обеспечения германских потребностей в сырье в размерах больших — чем это обусловлено договором от 10 января 1941 года, до признания Турции сферой жизненных интересов Третьего Рейха и вывода частей Красной Армии из Прибалтики и Бессарабии.

Поэтому естественно, советское руководство ждало когда эти самые «требования» будут официально объявлены... Не дождавшись, через знаменитое «Сообщение ТАСС» от 14 июня 1941-го года — само сделало запрос, который в переводе с дипломатического языка — звучит примерно так:

«Чё вам от нас надо?».

Не дождавшись ответа и на этот раз, Сталин (Политбюро ЦК ВКП(б), политическое руководство) дал отмашку на приведение Красной Армии в полную боевую готовность. И если бы военное руководство, проявило бы хотя бы чуточку профессионализма и, так жидко не обосралось...

Впрочем, разговор нынче не про то.

В общем, граф Шуленбург вовсе не был другом нашей страны (с чего бы это вдруг?), как это считают некоторые... Во все не стремился к миру и дружбе между нашими народами. Он был звеном одной пропагандисткой спецоперации по вводу в заблуждению высшего политического руководства СССР.

Почему-то говоря об советской разведке, забывают о германской... А ведь она существовала и отнюдь не бездельничала!

В отличи, например, от Кента и его сотоварищей с уругвайскими паспортами в Бельгии.

***

Так, так, так...

Ну, вроде «слонов» всех раздал.

— На сегодня всё, товарищи.

Посмотрев на Федоренко:

— Начальнику Главного автобронетанкового управления РККА, через час быть у меня с результатами последних испытаний новейших танков, остальные могут быть на сегодня свободны.

Народ с хорошо слышимыми вздохами облегчения — могущими приняться за массовый пердёжь, начал рассасываться... Смотрю в одну сутулую спину и, уже почти на выходе обращаюсь к ней:

— А Вас, товарищ Шапошников, я попрошу остаться!

[1] До назначения на должность начальника штаба ВВС Красной Армии, был начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. Здесь тоже долго не задержался, в марте 1941-го года став начальником штаба Ленинградского военного округа. Во время ВОВ тоже ничем особенным не прославился и, во второй половине был отправлен на преподавательскую(!) работу.

[2] Стихи В. Репина.

[3] Булсыгин С.Б. «Оборона Лиепай (июнь 1941)».

[4] Назначение сего таинственного «11-го отдела» автор не нашёл. Возможно — внутренняя безопасность

[5] Алексеев М. «22 июня... О чём предупреждала советская военная разведка».

[6] Штаб-квартира «Абвера» — германской военной разведки и контрразведки.

Глава 18. «Демотиватор» и, «один в поле воин» — особенно если он «старый конь»

В.И. Молотов:

«Когда мы со Сталиным прочитали об этом (перелёт Рудольфа Гесса в Британию 10 мая 1941), то прямо ошалели! Это же надо! Не только сам сел за управление самолетом, но и выбросился с парашютом, когда кончился бензин. Его задержали близ имения какого-то герцога... и Гесс назвал себя чужим именем.

Чем не подвиг разведчика?!

Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро мог решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал от ЦК над авиацией. Смеху было! Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усюветит его не нападать на СССР! А тут как раз и Маленков зашел в кабинет. Мы так хохотали, будто умом тронулись».

Н.Д. Скорняков — резидент военной разведки при посольстве СССР в Берлине:

«При определенных условиях наши достоинства оборачиваются недостатками. Возьми Сталина. Трезвый, холодный расчетливый. Рационально мыслящий. Но именно этот рационализм и подвел его в оценке возможности нападения Гитлера на Советский Союз. Сталин считал, что Германия безо всякой войны получает от нас всё, что ей надо — хлеб, нефть, сырье, политическую поддержку... Зачем ломиться в открытую дверь, ввязываться в войну? С точки зрения здравого смысла действительно незачем. Но Сталин не понимал, а вернее, был не в состоянии понять, что человеком движут не только рациональные силы, особенно таким человеком, как Гитлер. Фюрер тяготился вынужденным сближением со Сталиным, с этим, как он считал, «унтерменьшем» (недочеловеком). Такой союз унижал Гитлера в его собственных глазах, и он с трудом сдерживал переполнявшие его эмоции...».

Из всемирной сети:

«Демотиватор, если рассуждать логично, должен демотивировать. То есть это что-то мрачное, негативное, что заставляет опустить руки, завернуться в простынку и тихонько ползти на кладбище».

Когда мы с маршалом Шапошниковым остались наедине в совнаркомовском зале для совещаний, ненавязчиво предлагаю тому:

— Приглашаю Вас составить мне компанию за вечерним чаепитием... Как Вы на это смотрите, Борис Михайлович?

Тот, сперва изрядно опешив, тем не менее согласно кивнул:

— Хм, гкхм... Не откажусь, Иосиф Виссарионович.

***

Через какое-то время оказавшись в совнаркомовской столовой, в том же «отдельном кабинете», за столом с знакомым самоваром и приступив к «церемонии», первым делом

извиняющим тоном расставляю все точки над «ё»:

— Я не так давно перенёс микроинсульт, так что на некоторые вновь появившиеся странности в моей манере речи и стиле поведения — не обращайтесь внимания. Консилиум кремлёвских врачей во главе с профессором Виноградовым признал это не опасным для моего здоровья, а меня самого — вполне дееспособным.

Борис Михайлович часто общался Реципиентом и враз раскусит «подделку». Возможно, это и не будет иметь фатальных последствий, но...

Чем чёрт не шутит!

Тот кивает:

— Слышал об этом и выскажу своё мнение: «микроинсульт» явно пошёл Вам на пользу, Иосиф Виссарионович.

Хм, гкхм...

Пристально вглядываюсь в него: уж не стебается ли, пенёк старый?

Так ничего и не поняв, решаю от «прелюдии» перейти непосредственно «к телу» и спрашиваю:

— Обижаетесь поди на меня, Борис Михайлович, да?

Тот предельно вежливо:

— Мне не за что на Вас обижаться, Иосиф Виссарионович. Всем чего достиг, я обязан Вам и только Вам...

Однако в его глазах я вижу бессильную стариковскую обиду, так хорошо мне знакомую по себе.

Качая головой, с горечью:

— Обижаетесь... Но что поделаешь: «война — дело молодых», а мы с Вами уже того... Вышли из этой возрастной категории! Или, Вы мне посоветуете устроить стариковскую богадельню — типа «Военного совета», что был при последнем российском Недержанце?

Тот аж перекрестился перепугано:

Рисунок 59. Шапошников Борис Михайлович.

— Господь с Вами, товарищ Сталин!

Указательный палец в небеса:

— Вот и я про то же, товарищ Шапошников! И я, уйду на заслуженную пенсию, как только подготовлю себе преемника... Ибо, понимаю: лучше отойти от дел в зените славы, чем остаться в памяти народной — несущий всякий маразматический вздор сморщенной обезьяной и сдохнуть под злорадное: «Ну, наконец-то!».

Под тень омрачившую моё чело, взаправдошно печально жалюсь:

— К сожалению, найти правителя такой огромной и имеющую столько проблем страны — гораздо сложнее, чем начальника генерального штаба её вооружённых сил...

Шапошников не стал меня разубеждать — что мол, Сталин — великий и незаменимый, что явно говорило в его пользу. Просто сидел и смотрел на меня умными, с печатью вечной усталости глазами.

В полном молчании мы с ними допили по стакану и по обоюдному согласию налили по второму...

Затем сделав первый глоток, я:

— Но перед тем, как предаться заслуженному долгой и безупречной службой на благо Отечества безделью — предварительно купив соломенную шляпу, шлёпки и бамбуковую удочку, предлагаю Вам «дембельский аккорд»...

У того, слегка вытягивается и без того смахивающее на лошадиное, лицо:

— Что, что? Какой-какой «аккорд», извините?

Как будто не слыша вопроса, смотря на лепной потолок:

— ...Месяца, скажем на три — до мая: как раз на весенний жор рыбы в Средней полосе успеете, а там и пляжи Крымского побережья подспеет.

Мечтательно, с отчётливо слышимым оттенком лютой зависти:

— Море, Солнце, белый песок и гадающие на него чайки... А Вы ходите «самоваром» среди курортниц в бикини...

— В чём, в чём?

Не вдаваясь в столь интимные подробности, восклицаю:

— Как я Вам завидую, Борис Михайлович! Сам бы ради этого поехал в командировку военным атташе в Германию...

Затем с сожалением разведя руками:

— ...Но сами понимаете: на хозяйстве оставить некого.

До моего собеседника начинает доходить:

— Вы предлагаете должность военного атташе в Германии, Иосиф Виссарионович...? Мне?!

Дурашливо-удивлённо озираюсь по сторонам и даже заглянув под стол, восклицаю:

— А, что? Здесь ещё кто-то есть?

У того — смятение чувств, на лице написанное: крайнее изумление, парализующая оторопь и даже тщательно скрываемый страх — вылезавший как шило из мешка.

Изрядно озадаченный такой реакцией, вопрошаю:

— Вам что-то не нравится, Борис Михайлович? Должность или страна? Извините, не Германия: она хотя и гитлеровская — но всё же это не Эфиопия, где Вас запросто схарчат — несмотря на дипломатический статус и невзирая на почтенный возраст.

Шапошников, хватаясь «за мотор»:

— Да, нет... Всё так неожиданно... Погодите...

Хотел уже послать «прикреплённого» за скорой медицинской помощью, как маршал пришёл в себя и, довольно адекватно спросил:

— Почему именно меня? Ведь, военный атташе — это...

Прерываю:

— Я знаю, кто такой «военный атташе»: резидент разведывательной сети в стране под дипломатическим прикрытием...

Перехожу на полушёпот:

— ...Но Вам, Борис Михайлович, ничего разведывать не надо — всё уже разведано до Вас.

У того, расширяются зрачки:

— Извините...?

Думаю:

«На хрен мне ваши «источники» с резидентами, если у меня «послезнание» есть?».

Вслух же:

— Я хотел сказать: этим будет заниматься прежний военный атташе в Берлине, на должности вашего первого помощника.

Хотя конечно, Кобулов-младший требует замены — как не соответствующей своей должности. Понавербовал там у себя в Берлине «двойников» и заваливает Центр «дезой» от Канариса. Ну, да ладно: скоро война, а «коней на переправе не меняют».

— Почему именно Вас, спрашиваете? Извините, но Вы — по всем параметрам подходите для этой архиважной миссии и, никого другого подходящего под рукой нет. А время меж тем не терпит!

Шапошников, о чём-то — о своём размышляя, допил свой чай и только потом спросил:

— И в чём же будет заключаться моя «архиважная миссия»?

— В разном. Вот например... Эээ...

Большим глотком допив свой остывший и, наливая новый стакан чая, задаю неожиданной вопрос:

— ...Борис Михайлович, Вы языком Гёте и Геббельса хорошо владеете?

Сей маршал СССР был самым образованным из своих коллег, до Первой мировой войны последовательно закончив гражданское реальное и военное пехотное училище, затем — Николаевскую академию Генерального штаба.

Языками владеть должен!

Тот, с непонятным мне испугом в глазах, очень осторожно:

— Очень давно не имел практики...

Я, жизнерадостно:

— Вот и хорошо! Первым делом плотно займётесь изучением языка среды обитания.

Соскочив и в возбуждении «закружив» вокруг столика:

— Как говорил один мой знакомый моряк дальнего плавания — знавший как бы не «двунадцать языков»: язык проще всего учить — сняв в порту проститутку... Буквально неделя и вы уже балакаете не хуже её!

Вижу вытаращенные глаза и уточняю:

— Борис Михайлович, Вам по портам бегать не придётся — слово даю! По идее, стоит только обмолвится где-нибудь в приличном обществе — и столько шлюх налетит, что только выбирать успевай. Вам какие нравятся: полненькие или худенькие? Беленькие или чёрненькие? Жаль конечно, но «в шоколадку» Вам на старость лет «потыкать» не обломится — из-за нынешней расовой политики Третьего Рейха...

Вижу, что тот что-то нудится и, понимающе-ободряюще подмигнув:

— Если имеются какие-то чисто стариковские мужские «проблемы» — то не берите «в голову», а предоставьте это делать вашей подружке!

Шапошникова краснея как помидор, возмущённо:

— Товарищи Сталин! Я бы Вас попросил...

Я примиряюще поставил перед собой руки ладошками вперёд:

— Не хотите проститутку или хотя бы любовницу? Ну и не надо! Дайте знать что ищите учительницу «deutsche Sprache» и, таковая — так скоро появится, что Вы даже удивиться не успеете.

— Для чего?

Сажусь на место и, отхлебнув из стакана:

— Для изучения германского языка — я уже раз пять сказал, Борис Михайлович.

Не догоняет:

— Не понимаю, Иосиф Виссарионович...

Попивая чаёк, я как бы рассуждая вслух:

— Уроки языка вероятного противника, должны проходить на вашей квартире, откуда

Вы иногда — минут на пять — десять, а то и на полчаса — должны исчезать «по делам», оставив открытым(!) сейф...

Развожу руками и, с горькой усмешкой:

— ...Возраст, что поделаешь! Ну, или же на квартире «учительницы» — где якобы по той же стариковской забывчивости, Вы должны оставлять свой портфель с документами.

Шапошников, часто-часто замигав:

— С какими «документами»?

Невозмутимо:

— С разными. Но в первую очередь вот с этим...

Достаю из принесённой с собой папки тоненькую брошюрку и кладу перед собеседником.

— ...Вот, Борис Михайлович, ознакомьтесь.

Тот, читает оглавление на первой — титульной странице:

«Директива № 21. План "Барбаросса"

Фюрер и Верховный Главнокомандующий Вермахта

Ставка фюрера

18.12.1940.

Верховное Главнокомандование Вермахта

Штаб оперативного руководства

Отдел обороны страны

№ 33408/40 только для командования руководство

Совершенно секретно!

Только для командования!

Только для руководства!

Передавать только через офицера!

9 экземпляров».

Поднимает на меня выпученные глаза:

— Что это?

— Там написано, товарищ маршал СССР: «План Барбаросса».

— Откуда?

— «Оттуда», Борис Михайлович... «Оттуда»!

Читает, перевернув страницу:

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...».

Вскрикивает:

— Это невозможно!

— «Невозможно» или нереально»?

— А какая разница?

— «Нереально» — спать на потолке: законы физики не позволят. А «невозможное» — вполне возможно, что в истории не раз и даже не два было доказано.

Это лишь начало!

Рисунок 60. «Директива № 21. План "Барбаросса"».

К первоначальному плану «Барбаросса» имеется два уточняющих приложения: одно за то же число, второе за 31 января уже этого года. Я их читал и смогу воспроизвести дословно даже на немецком.

Дочитывает весь документ до конца, закрыв его и положив на место, с видом Колумба открывшего Америку:

— Так вот почему Вы разогнали Главное разведывательное управление Генштаба, Иосиф Виссарионович! У Вас своя разведка имеется и действует она куда как эффективнее.

И глазом не моргнув:

— И поэтому тоже.

Шапошников, ещё раз глянув на первый лист, восхищённо воскликнул:

— Всего девять экземпляров? Однако!

Вдруг озарение сверкнула в его глаза:

— Так Вы специально хотите, чтобы о том, что Вам известен этот план, узнало высшее германское руководство?

— Конечно! Ведь та, извините за выражение — блядь, обязательно окажется «подставой»: если не от Вильгельма Канариса, так от Вальтера Шеленберга. А то и от их обоих враз.

***

Молча допили по второму стакану чая и налили себе по третьему, после чего последовал следующий вопрос:

— Восхищаюсь вашими возможностями, Иосиф Виссарионович... Но тем не менее, не могу не высказать сомнения: если имеется такая информация и такой «информатор» — как можно дать про это знать вероятному противнику? Ведь «предупреждён — вооружён»! Вашего агента легко вычислят среди этих девяти «счастливых» обладателей экземпляров, или просто сменят...

Перебив его, мрачно спрашиваю:

— Даже если это сам Гитлер?

Если бы за самые удивлённое лицо и самые выреченные глаза — давали номинацию в «Книге рекордов» Гиннеса, то Борис Михайлович её получил бы вне конкуренции:

— ЧТО?!

Смеюсь:

— Да так, ничего...

Посерьёзнев:

— Конечно, я понимаю суворовское: «Каждый солдат должен понимать свой маневр» — но не в данном случае...

Посерьёзнев уже конкретно:

— ...Здесь же, более уместно библейское: «Многие знания преумножают печаль». Так что не парьтесь по этому поводу, товарищ маршал Советского Союза — а действуйте согласно диспозиции.

Тот, на автомате:

— Слушаюсь, товарищ Верховный Главнокомандующий!

А мысли по глазам вижу — где-то далеко-далеко...

Где именно интересно?

По сути, я в первую очередь этого и добиваюсь — чтоб германские контрразведчики начали «шерстить» лощённых германских генштабистов, по меньшей мере — внося нервозность в подготовку «Барбароссы». А если к «процессу» подключится Гестапо — так это будет вообще красота.

Гитлеровские незаконные репрессии прямо накануне гитлеровского же вторжения в СССР — что может быть лучше?

Только пандемия «Ковида-19» в Третьем Рейхе!

Жаль, что ни одной бациллы с собой не захватал...

Но кроме этого есть и ещё пара идей.

Когда Шапошников пришёл в себя — а это было уже на четвертом стакане чая, продолжаю:

— Подсунуть Канарису с Шеленбергом их же сверхсекретный документ — это всего лишь полдела, Борис Михайлович. Когда достаточно обновите свои познания в языке местных хроноаборигенов, почаще появляйтесь на всяких светских и дипломатических раутах, встречайтесь с германскими политиками и особенно(!) с генералами — особенно из «Oberkommando der Wehrmacht) (OKW — Верховного командования Вермахта — германского Генерального штаба, то бишь...

— ...И везде и каждому, как бы между прочим — со смех...уёчками намекайте на то, что товарищу Сталину известен каждый — не только их шаг, но и каждая мысль.

Чуть приподнявшись, наклонившись почти вплотную к Шапошникову и, глядя прямо в глаза, с жаром-пылом шепчу по-пунктно:

— Вдолбите в их тупые тевтонские бошки: **МЫ ГОТОВЫ!!!**

— В России для них лёгкой прогулочкой не будет! Каждый русский город — будет для немецких солдат крепостью, возле каждого моста через речку — их будет ждать засада, а из-под каждого куста — в них будет стрелять партизан. Нас много, мы злые и жестокие к непрошенным гостям. Пространства наши неизмеримо огромны, природные богатства — неисчерпаемые, а наш климат по-зверски суров даже к пришельцам с Марса.

— Даже в случае, если Красной Армии придётся отступить до Волги — в конечном итоге она всё равно появится на Одере, Эльбе и Рейне, чтобы со всей своей азиатской простотой спросить: «Чё приходили, то?». Скажите им, лощённым германским генштабистам — своим коллегам: «О фрау своих подумайте и о киндерах... Ведь дикие монголы не пожалеют никого!».

— Покажите им карту СССР с нарисованными значками заводов на Урале и за Уралом и, объясните: да, наши танки и самолёты хуже немецких... Но их много и пока Вермахт будет уничтожать пятнадцать тысяч первых и тридцать тысяч вторых, предприятия на

Востоке выпускают два раза по столько.

— Наконец, постарайтесь убедить ваших собеседников, Борис Михайлович, что эта война выгодна лишь американским банкирам-евреям: сперва они дали Гитлеру и его «НСРПГ» денег на восстановление Германии после Великой войны, а теперь требуют от него за это разрушить старые колониальные империя — чтоб в мире правил их вечно зелёный доллар. И германскому народу, здесь ничего не светит — кроме воняющих собственными мертвецами развалин городов: подписавший договор с дьяволом — проигрывает ещё на стадии переговоров.

В последнее Шапошников не поверил, недоверчиво спросив:

— Гитлер же известен как самый ярый антисемит, Иосиф Виссарионович... И вдруг Вы заявляете, что он заключил какой-то договор с американскими банкирами-евреями.

— Не вижу никакого противоречия. Кто громче всех кричит «держи вора»? Тот, кто украл!

Вновь перейдя на доверительный шёпот, глядя в глаза:

— Сказать Вам про правде, Борис Михайлович — «самый ярый антисемит» на этом «шарике, это... Ваш покорный слуга!

— Вы?!

Сделав характерный жест, не моргнув глазом:

— Мамой клянусь!

«Лишний бал у германских генералов не помешает».

— Но я помалкиваю на эту тему, ибо до поры до времени предпочитаю иметь американский банковский капитал в союзниках, чем в противниках. Да и нет ничего более глупого, чем загодя оповестить врага о своих намерениях... «Иду на вы», это уже лет тысячу как не в тренде!

Шапошников зачарованно развесил уши, а я «тру» в них дальше:

— И исходя из этого, делаем вывод: Гитлер — или идиот, или работает на евреев — скрывая это показным антисемитизмом, как форсирование водной преграды за дымовой завесой.

Откинувшись на спинку стула, вопрошаю:

— Похож ли Гитлер на идиота, Борис Михайлович?

Тот, без тени сомнения:

— Нет, не похож. Это — чрезвычайно умелый и ловкий политик.

Подняв палец вверх, торжествующе:

— Значит, остаётся, что?

Мой собеседник с видом сэра Исаака Ньютона, после удара по голове фруктом:

— Вот сволочь!

Одобрительно улыбаюсь:

— Правильный вывод, товарищ маршал. И если Вы донесёте мысль о том, какая Гитлер сволочь до германских генералов — Отечество Вам будет вечно благодарно.

После того, как я закончил, мы допили чай, Шапошников процитировал Клаузевица, давая понять что понял «манёвр»:

— «Цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда

становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли...».

Воспользовавшись паузой, я закончил за него:

— «...Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, то есть не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны».

***

Конечно, не будь я сыном «своего века», прекрасно помнящим — как без единого выстрела распался обладающий целыми горами первоклассного оружия Советский Союз, чтобы бы не попытаться развязать идеологическую войну с очень хорошими шансами победить в ней.

Тем более владея «послезнанием»!

Для идеологической войны нужно своё оружие — идеи и, свои воины — пропагандисты...

С «идеями» то всё ясно-понятно: вход к нам стоить будет рубль, выход — собственных штанов, снятых вместе с кожей и болтающимися в них «причиндалами».

Но где взять в Третьем Рейхе с его тоталитаризмом и доктором Геббельсом — собственных пропагандистов?

Все коммунисты, социалисты и даже гомосексуалисты — уже в концлагерях, где успешно перевоспитываются, или же не менее успешно утилизируются. Хотя конечно, до газовых камер и крематориев — ещё сравнительно далеко.

Остаётся только одно: заслать своего «бойца идеологического фронта». И причём такого, который мало того что вхож в кабинеты к влиятельным лицам — но и которому к тому же — просто так рот не заткнёшь и в концлагерь не отправишь...

Ибо он обладает дипломатической неприкосновенностью.

Опять же вопрос:

Против кого конкретно должно быть направлено идеологическое оружие?

Против германских солдат в окопах — чтоб те «штыки в землю»?

Увы, но те в «реальной истории» сражались до конца...

Против германского народа? Против рабочих у станков и шахтёров в угольных коях — чтоб те остановили станки, выползли из-под земли и стучали касками по асфальту — требуя отмены «Барбароссы»?

Увы, ещё раз... Даже под бомбами союзников, те ударно работали на Рейх — вплоть до оккупации последнего войсками Антигитлеровской коалиции. И не только чистокровные германские рабочие-арийцы — но и польские, французские и особенно чешские.

Последних так тех вообще, Фюрер германской нации не успевал с трудовыми успехами поздравлять.

Из довоенных записей в дневнике Й. Геббельса:

«Работа чехов в области вооружения высоко оценивается фюрером. До сих пор не было ни одного акта саботажа. То, что они делают, всегда надлежащего [качества], приемлемо и солидно. Чехи достойно показали себя на деле. Они прилежны и надежны. Более чем

весомое нам подспорье. Поставленное ими вооружение нам весьма пригодилось».

Да и не решают те ничто — ни простые солдаты и офицеры, ни слесари-токари-шахтёры и прочий рабочий люд.

Нет у народа политической воли, от слова «вообще» нет!

Остаётся что?

Правильно — германская правящая элита.

Именно так и развалили СССР. Как завещал великий Кормчий — войны идеологической войны били «по штабам», благо те не особенно-то и отбивались.

Ну а мне то сам Господь велел не расплытаться при наличии одного-единственного «идеологического бойца».

Задача упрощается вот чем.

Как и во многих других исторических случаях, германская правящая элита — отнюдь не едина-монолитна. Это скорее временный «союз по интересам» трёх группировок: нацистская партия, олигархи-промышленники и вооружённые силы — сиречь генералы.

Выбей хотя бы одну составляющую и всё — сдулся Третий Рейх, как надутый гандон под гусеницей танка.

Итак, кого именно выбрать в качестве цели идеологического удара?

Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСРПГ), пожалуй — самый «крепкий орешек» из всех, ибо это идеология. Там до чёрта фанатиков — вроде того же Гитлера, которого никакими разумными аргументами не вразумишь. Да и просто мистиков — верящих во всякую чертовщину.

Хотя и можно попробовать поискать подходы... Эээ...

Ну, например, к Рудольфу Гессу.

Зря он что ли в Англию скоро перелетит?

Если это не «особо важное задание» от Фюрера, конечно, то значит тот уже(!) понимает что дело Рейха — швах и, последний не только до своего тысячелетнего юбилея не доживёт...

Даже до десятилетнего, навряд ли!

Ну, или через Германа Геринга можно попытаться вбить клин в правящую партию — тот мздоимец ещё тот и, например на Янтарную комнату — обязательно купится.

Можно попробовать заинтересовать чем-то «материальным» германских олигархов-промышленников — Бошей, Тиссенов и прочих Крупов...

Почему бы и нет?

Это люди деловые и, если им предложить парочку проектов представляющих взаимный интерес — вполне могут предпочесть верную «синицу» в руках, призрачному «журавлю» военной авантюры.

Но самый на мой взгляд выигрышный вариант — это германские генералы.

Во-первых, они чтут Бисмарка, а тот категорически не советовал воевать с Россией:

«Превентивная война против России — самоубийство из-за страха смерти» и «Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью».

Во-вторых, среди них было много сторонников не так давно умершего генерала Секта, который предупреждал:

«Если Германия начнёт войну против России, то она будет вести безнадёжную войну».

В третьих, практически все генералы «Вермахта» — участники Великой войны и они хорошо понимают, что война на два фронта — это конец для Германии.

А какой генерал захочет вести заведомо проигрышную войну?

***

Дав время Шапошникову подумать, имея в виду миссию «Дочери еврейского народа» — Полины Жемчужиной, которую я назначил послом СССР в США, вновь перехожу на доверительный шёпот:

— После такого вброса, с Вами наверняка захочет встретиться «тет-а-тет» сам адмирал Канарис... Знаете, кто такой Вильгельм Канарис, Борис Михайлович?

— Знаю, это — руководитель германской разведки — «Абвера».

— Так вот, если он захочет с Вами встретиться (а он обязательно захочет с Вами встретиться!), то сперва спросите его: «Сталин интересуется: сколько Вам платят в «МИ-6»? Он готов платить больше и причём — золотом». И наблюдайте его реакцию...

Шапошников с напряжённым вниманием слушает — аж челюсть отвисла и, он стал ещё больше напоминать старого мерина-ветерана — которого вместо заслуженного за день водопоя, привели покрывать кобылу.

Я же грузу его дальше:

— ...Если Вилли «поведётся», тогда сообщите, мол, что я (Сталин) имею информацию — которая очень(!) заинтересует его «лучшего друга» — Вальтера Шелленберга. Знаете кто такой Вальтер Шелленберг, Борис Михайлович?

Морщит лоб, пытаюсь вспомнить... И с сожалением:

— «Вальтер Шелленберг», говорите? Нет, Иосиф Виссарионович, не знаю.

— Штурмбанфюрер СС Вальтер Шелленберг возглавляет отдел Е (контрразведка) в IV управлении РСХА. Знаете, что такое «IV управление РСХА»?

— Нет, пожалуй, не знаю.

— Это Гестапо, товарищ маршал Советского Союза! Уж что такое «Гестапо», Вы наверняка знаете.

Тот, сперва поёжившись:

— Конечно, конечно... Гестапо! Как не знать, знаю...

Затем, придя в себя, мой собеседник с оттенком благородной брезгливости на лице:

— Я так понимаю, Иосиф Виссарионович, это...

— Смелее, я не укушу!

— ...Шантаж?

Излишне жизнерадостно восклицаю:

— Конечно, Борис Михайлович! Это — именно шантаж и ничего больше.

Затем, на полном серьёзе:

— Но совсем небольшой. Скажите ему: товарищ Сталин не требует от него предательства — ни Рейха, ни Фюрера, ни германского народа. Скорее даже наоборот! Вождь Советского Союза, как союзник союзника просит об небольшом одолжении...

После совсем небольшой паузы:

— ...Мне нужен достоверный компромат на Лоуренса Штейнгардта — американского

посла в СССР. Лучше всего, если это будут доказательства его работы на «Абвер».

Как известно, именно эта сволочь инициировала «Моральное эмбарго», с введением которого мы перестали получать доступ к «Пещере Алладина» — к американским технологиям в области авиапромышленности, то бишь...

Да и не только к ней.

Смочив горло уже остывшим чаем, продолжаю:

— Ежели по реакции Канариса увидите, что наш друг Вилли и британская «МИ-6» — не имеют ничего общего, зайдите с другого конца. Тот явно встретится с Вами не просто так — поболтать об перспективах урожая картошки... А желая знать: кто из тех девяти — получивших по экземпляру «Барбароссы», работает на покойного Берию.

— Вот Вы ему и намекните, что согласны «баш на баш»: мы сдаём ему своего «крота» в «Oberkommando des Heeres» (Объединённое Командование Вермахта (ОКВ)), а он нам организует письменный компромат на Лоуренса Штейнгардта.

Шапошников с непонятым выражением на своём породистом — слегка напоминающем лошадиную морду, лице:

— И кого мне назвать, если тот согласится?

Энергично машу руками, как «Сеятель» на известной картине Оси и Кисы:

— Э, нет! Так дела не делаются, Борис Михайлович! «Сперва — деньги, потом — стулья!» Можно и наоборот, конечно... Но только деньги всё равно вперёд! Так и объясните нашему камраду Вилли.

Ну, вроде всё, да?

Осталось только условится о связи:

— Обо всех подробностях давайте знать срочными телеграммами по линии НКВД: «Москва, Иванову...».

— Кто такой «Иванов»?

Вздыхаю:

— Тот, кто сидит перед Вами, Борис Михайлович.

— Ах, да...

— Сами же подписывайтесь: «Демотиватор». Отныне, это — ваш оперативный псевдоним.

Тот, не сумев удержаться от любопытства:

— «Демотиватор»? Никогда не слышал этого слова... Что это такое, Иосиф Виссарионович?

«Забавная картинка с надписью, предназначенная для создания хорошего настроения».

— Совсем не то, что Вы подумали. Но это уже не важно.

«Так, так, так... Что ещё забыл? Ах да — «легенду», почему я задержал Шапошникова после совещания».

Предварительно взглянув на часы, спрашиваю:

— Если будут спрашивать, Борис Михайлович, отвечайте что я Вас дрючил по поводу расположения укрепрайонов на «Линии Молотова»...

***

Строительство «Линии Молотова» стартовало летом 1940-го, особо интенсивные работы должны начаться весной этого года.

Основу её должны были составлять двухэтажные бетонные коробки — «долговременные огневые точки» (ДОТы) с толщиной стен до двух метров и перекрытиями до двух с половиной — выдерживающими попадание крупной авиационной бомбы. Стандартное вооружение — пушка (76-ти или 45-ти миллиметровая) и два-четыре станковых пулемёта.

В каждом ДОТе имелась казарма на два десятка человек, склад продовольствия и боеприпасов, артезианский колодец и туалет.

Благое вроде бы начинание: рассчитанные на длительную оборону и расположенные взаимно прикрывающими друг друга группами, ДОТы «Линии Молотова» должны были надёжно прикрыть страну от вторжения с Запада на период мобилизации и развёртывания РККА...

Но!

Во-первых, они априори не могли быть достроены до начала «Барбароссы».

Во-вторых, долговременные сооружения возводились непосредственно по восточному берегу Западного Буга — вдоль границы на виду у немецких наблюдателей, отчего даже не была возможной их пристрелка с целью определения секторов огня. Таким образом, положенная всеми мировыми уставами (даже у эфиопских негроафриканцев!) полоса предполья не создавалась, а расположение ДОТов не обеспечивало их своевременного занятия — не только полевыми частями прикрытия, но и даже специальными «уровскими» подразделениями. Не говоря уже о невозможности установления в приграничную реку, таких неизменных и обязательных атрибутов всякой уважающей себя полосы укреплений — как колючая проволока, противотанковые рвы и минные поля.

В «реальной истории», такое заметил даже такой — относительно далёкий от фортификации человек, как Первый секретарь Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, который в докладной записке на имя Сталина писал так:

«В округе не существует генерального плана системы укреплений погранполосы, как его, между прочим, не существовало никогда. И сейчас вопрос создания оборонительной системы понимается упрощенно, в виде той же нити капитальных сооружений на границе без какой-либо системы искусственных препятствий и вспомогательных сооружений по глубине и фронту.

Следует отметить, что никаких серьезных, длительных инспекционных поездок, глубоких рекогносцировок пограничной полосы, серьезного изучения характера местности, рельефа, подходов и т. д. не производится, хотя вообще выездов коротких и бесполезных совершается множество.

Надо сказать, что Генеральный штаб и управление РККА почти не проявляли внимания к тому, что будет возведено, где будет возведено, насколько то или иное сооружение будет эффективным в той или иной местности...

У нас виднейшие специалисты — военные инженеры занимают кафедры, читают лекции по фортификации, но никакого практического участия в разработке и строительстве сооружений не принимают».

Мда... Как и Главное разведывательное управление, Академию Генерального штаба

тоже разгонять придётся — это однозначно. Чтоб эти «военные профессора» оторвались от чистой теории и занялись чем-нибудь более практическим.

Я — принципиальный противник всякой «долговременной фортификации». Ведь, даже Красная Армия с её удручающей боеспособностью, смогла в конце-конце прорвать Линию Маннергейма.

А что тогда говорить про Вермахт, с его отработанной ещё в годы Великой войны тактикой штурмовых групп?

Разгрызёт как семечки эти бетонные коробки, обошедшие стране «в копеечку».

Уж лучше лишний танковый завод где-нибудь за Уралом иметь!

***

— ...А кстати, давно хочу спросить, Борис Михайлович: а что Вы так по-идиотски расположили укрепрайоны на «Линии Молотова», товарищи маршал Советского Союза?

Вновь вижу в глазах знакомый испуг...

Почему?

Боятся репрессий?

Вроде бы согласно «послезнанию», с Реципиента с Шапошниковым — отношения были самые прекрасные, даже по имени-отчеству его называл — что было достаточно уникальным случаем...

Внешне спокойно, невозмутимо отвечает:

— Решение о размещении «Линии Молотова» было коллегиальным и в полном соответствии с «Полевым уставом РККА» от 1939-го года, который гласит: «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»...

Улыбнувшись всем своим напоминающим лошадиную морду, благородным лицом, он:

— Как Вы сказали на XVI съезде партии, товарищ Сталин: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

— Или, как в песне про танкистов поётся:

«Чужой земли мы не хотим и пяди,

Но и своей вершка не отдадим».

— Так вот, Иосиф Виссарионович: чтобы не отдавать «не вершка» и «не пяди» — и было решено возвести «Линию Молотова» прямо по линии границы.

«И чё докопался к человеку?».

Удовольствовавшись объяснением, устало махнул рукой:

— Ладно, понял.

Чувствуя лёгкую досаду на самого себя и злясь на Реципиента совокупно, делаю зарубку на память:

«Мда... Опять получается — Сталин виноват! Впредь, надо быть поосторожнее с образными выражениями... Могут понять буквально!».

Ещё раз глянув на часы, встаю из-за стола, давая понять что «чаепитие» закончено:

— Как Вы уже знаете, Борис Михайлович, мною было принято решение о прекращении строительства «Линии Молотова» в пользу заводов-дублёров в восточной части страны. Вы, как Заместитель наркома обороны по сооружению укрепрайонов и член Комитета обороны при Совнаркоме СССР, оформите это документально и... Дня три хватит на всю эту

бюрократию?

— Хватит, Иосиф Виссарионович.

— И можете собираться в свою берлинскую «командировку», товарищ Демотиватор.

***

План мой безусловно хорош, но имеет один существенный изъян: он не подкреплён ничем материальным.

Если, даже в «Барбароссе» простой красноармеец оценивается германскими генштабистами довольно высоко:

«Оценка русского солдата: русский будет обороняться там, где он поставлен, до последнего».

То советские командиры и техника напротив, котируется крайне низко и они не стесняются про это говорить открыто. Вот, например, что сообщает своим кураторам один из «информаторов-двойников»:

«25 мая 1941 г.

Совершенно секретно

19 мая с. г. в беседе с источником НКГБ СССР «Лицеист» сообщил следующее:

...Советский Союз имеет на границе с Германией также громадные силы 4-миллионную армию, но эта армия нисколько не пугает Германию. Она опасается только того, что последствия войны будут неизбежно настолько разрушительны для Советского Союза, настолько будет дезорганизовано хозяйство, что потребовалось бы очень много времени для наведения порядка. Немедленную выгоду Германия не получила бы от этой войны с Советским Союзом.

Основная беда СССР, с точки зрения военной, заключается в полном отсутствии способных офицеров. Мировая история, пожалуй, не знает другого примера такого негодного руководства военными операциями, какой имел место, например, во время войны Советского Союза с Финляндией. И если все же Советский Союз победил наконец, то в этом нет военной заслуги. Просто — бросали так много стали на каждый квадратный километр, что сломали все, в то время как противнику в конце войны нечем было стрелять. С Германией такой маневр неприменим, там хватит чем ответить. При этом у немцев имеются сейчас такие гениальные генералы, как Браухич, Кейтель, Роммель, Лист и др., которые равняются, если даже не превосходят лучших военных руководителей мировой военной истории. У русских же вообще мало было хороших военных руководителей, кроме Суворова и отчасти Кутузова, хотя план войны 1812 года был, собственно, планом не Кутузова, а двух немецких генералов, которые были на службе у Александра Первого. Русские хотели дать Наполеону сражение в Польше, но немцы предупредили, что Наполеон сумеет разбить в открытом бою любую русскую армию. Единственно, что он не сумеет победить, это русскую зиму. Стоило больших трудов уговорить Александра послушаться советов немцев. В результате на Кутузова упала незаслуженная слава.

Советские танки, действовавшие в Финляндии, были невероятно низкого качества, часто ломались в пути. Даже в Прибалтике, где не было войны, все дороги были переполнены сломанными танками во время занятия Красной Армией Прибалтики. Разве с таким оборудованием можно воевать с германскими танками, которых не пугают тысячи километров сахарских песков?

Советско-финляндская война показала также, что советский летный состав не умеет

воевать. У финнов было максимум 200 аэропланов, а с советской стороны участвовало 2500, которые все же не смогли вывести из строя финский флот и не сумели дезорганизовать транспорт. А смотрите, что сделали немцы в Югославии и Греции?».

Так что у Рабоче-Крестьянской Красной Армии — довольно скверная «кредитная история» и одной из целей планируемой мной Продолженной (Весенней) советско-финской войны — поднять её рейтинг хотя бы на один единственный пунктик...

Чтоб к ней относились хотя бы серьёзно!

В том числе и потенциальные союзники.

Ведь в «реальной истории», пиндосы всерьёз стали говорить об Ленд-Лизе только после контрнаступления под Москвой. А до того в основном лишь раздумывали: а стоит ли вкладываться в этих русских — в заведомых лузеров.

Глава 19. День танкиста и всё, всё всё

Белтон Янгблад Купер[1] «Смертельные ловушки»:

"Когда 3-я бронетанковая дивизия вступила в бой, она насчитывала 232 танка «Шерман». В ходе Европейской кампании дивизия потеряла в бою 648 «Шерманов» и еще семь сотен было подбито, но после ремонта вернулось в строй. Потери, таким образом, составили 580 %."

"...Приходилось брать необученных рекрутов-пехотинцев, только что сошедших с парохода, и делать из них танкистов. Бывали случаи, когда весь курс обучения укладывался в несколько часов, самое большее — сутки. Такие необученные экипажи, в свою очередь, несли большие потери из-за недостатка опыта..."

Днем 8 января располагавшаяся при Вербомоне рота «Си» получила 17 танков для распределения по частям. Некоторые машины, подбитые прежде, вернулись из ремонта, другие были новыми — их прислал отдел снабжения армии взамен выбывших из строя. В наши задачи входило подготовить машины к бою и найти для них экипажи. Из 33-го бронетанкового полка нам прислали 17 танкистов, имевших ограниченный боевой опыт, — они сами лишь несколько дней тому назад прибыли для восполнения потерь. Из кадрового отдела прислали еще 35 парней, лишь несколько часов тому назад сошедших в Антверпене с парохода и до сих пор не получивших никакого инструктажа. Мы спросили, сколько из них прежде имело дело с танками, оказалось, что никто.

Большинство не то что никогда не были в танке — они даже не видели танка вблизи!

Мы отобрали 34 человека и разбили их на 17 пар. Каждая пара вместе с водителем составляла минимальный экипаж. Мы провели краткий инструктаж на тему «что такое танк», показали всем основные детали машины, пулемет и коробки со снарядами. Танки были уже заправлены, смазаны и готовы тронуться с места. Несколько механиков отогнали машины на край поля и, развернув башни в стороны, зарядили орудия бронебойными снарядами, чтобы не было осколков. Каждому танкисту дали произвести по три выстрела из башенного орудия (базовую подготовку проходили все новички, так что с пулеметами они уже были знакомы). На дальнейшую подготовку, прежде чем посыльные из 33-го полка развели новичков по подразделениям, времени не оставалось.

Было три часа дня. Когда около семи часов вечера я приехал в распоряжение 33-го бронетанкового, то обнаружил, что из 17 машин пополнения 15 были подбиты и уничтожены по дороге. Узнать, сколько человек уцелело из экипажей и были ли выжившие вообще, я не смог. Увы, подобной трагедии предстояло повторяться еще не раз... "

Генерал Фридрих Вильгельм фон Меллентин:

«Сперва русским танковым армиям приходилось дорого расплачиваться за недостаток боевого опыта. Особенно слабое понимание методов ведения танковых боев и недостаточное умение проявляли младшие и средние командиры. Им не хватало смелости, тактического предвидения, способности принимать быстрые, решения. Первые операции танковых армий заканчивались полным провалом. Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовалась неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в

случае прорыва наших позиций прекращали продвижение и останавливались, вместо того чтобы развивать успех. В эти дни отдельные немецкие противотанковые пушки и 88-мм орудия действовали наиболее эффективно: иногда одно орудие повреждало и выводило из строя свыше 30 танков за один час.

Нам казалось, что русские создали инструмент, которым они никогда не научатся владеть...».

Я вполне себе реально представляю боеспособность «непобедимой и легендарной» — находившуюся ниже плинтуса, даже после урока — преподнесённого теми же «финиками» в Зимней войне год назад и, отчётливо понимаю: разбить Финляндию в скоротечной — в «маленькой, но победоносной войне»... Да так разбить, чтоб в Берлине поняли, что точно такая же в России — им не светит ни при каких обстоятельствах...

Это — задача неимоверной сложности!

И была бы эта задача вообще невыполняемой, если бы не одно-единственное благоприятное обстоятельство: новейшие советские танки — Т-34 и особенно КВ. Они конечно же, по совокупности всех мнимых достоинств и реальных недостатков — не были лучшими танками в мире... Но одно у них не отнять: эти вооружённые пушками самоходные бронированные коробки — были непробиваемыми тогдашними штатными средствами противотанковой обороны даже Вермахта, не говоря уже про армию Финляндии.

А то, что едва ль не две тысячи этих новейших танков, практически не сыграли роли летом 1941-го года...

Так это вопрос не ко мне!

И даже не к Реципиенту, который сделал всё — чтоб они вообще появились у Красной Армии.

А к «маршалам Победы» — увешанным до самых мудей орденами.

Как бы там не было, но появление этих неуязвимых «вундерваффлей» вполне может оказать на финнов — хотя и кратковременный, но потрясающий эффект — сравнимый с первым появлением этого вида боевой техники на поле боя в Великую войну. И моя задача — максимально использовать этот эффект.

А для этого надо:

Во-первых, навести порядок в танковых войсках.

Во-вторых, провести надлежащий апгрейд самих танков.

В-третьих, разработать и обкатать на учениях новую тактику танковых войск.

Кто у нас там ныне самый главный танкист?

Генерал-лейтенант танковых войск Яков Николаевич Федоренко — Начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии (ГАБТУ РККА).

Вот с вышеописанными целями, я и вызвал его в свой кабинет, наказав прихватить с собой материалы по осенним испытаниям новейших танков.

***

Во время Первой мировой войны в Русской Императорской армии была сформирована 1-я автомобильная пулемётная рота — на вооружении которой в том числе, состояли и

броневых автомобилей. А чтоб ею управлять, в полном соответствии с многовековой российской традицией — тут же была создана бюрократическая структура: «Главное военнотехническое управление» (ГВТУ) Русской Императорской армии.

Так, фактически был рождён новый вид войск, хотя этого сразу никто не понял.

Пришедшая на смену насквозь прогнившей имперской новая — Советская власть, заценив новинку создала в 1918-м году «Совет броневых частей» (Центрбронь) — вскоре переименованное в «Главное броневое управление».

В 1929-м году был сформирован первый механизированный полк, затем — механизированная бригада, состоящая из танкового, артиллерийского, разведывательных полков и подразделений обеспечения. В ней было порядка сотни лёгких танков «МС-1», пара десятков орудий и предназначалась она для поиска организационных форм нового рода войск и наиболее выгодных способов их применения.

Последним занималось созданное вслед за первой механизированной бригадой «Управление по механизации и моторизации РККА» (УММ РККА) — первым начальником которого почему-то, стал...

Телеграфист Халепский.

Нет, не так всё плохо в принципе!

Не будь у нас в России революции, главным танкистом вполне мог бы стать специалист по балеринам из неисчислимого сонма великих князей... Так что нам ещё крупно повезло.

Под мудрым руководством телеграфиста, на базе Первой механизированной бригады, в 1932-ом году был создан первый в мире Механизированный корпус — состоящий из двух механизированных и одной стрелковой бригады, а также зенитно-артиллерийского дивизиона. На вооружении корпуса в том числе, имелось пятьсот танков и всего...

Двести автомобилей, с грузоподъёмностью в тонну каждый!

Последнее, без всяких экивоков говорит — что это была заведомо пустышка, чтоб пустить пыль в глаза стоящим на трибуне Мавзолея лохам. Но не способная ни к каким «самостоятельным оперативным действиям» по прорыву обороны противника и развития успеха в глубину его территории — для чего это формирование официально предназначалось.

Казалось бы: если командарм 2-го ранга Халепский по прежней профессии — связист-телеграфист и, до этого странного назначения — даже якобы книжки на эту тему писал, то связь в танковых войсках — должна быть в идеальнейшем состоянии и на высочайшей высоте... Тогда ему можно простить и кой-какие грешки-промашки по части неудачной организации и всего прочего «картонно-быстроходного».

Ан, нет!

Оказывается и связист из него хреновый донельзя.

Как-то раз, ещё в детстве видел ещё довоенный фильм про танкистов, не помню, как называется. Так там, чтоб доставить письменное донесение начальству, в тыл оправляют танк «БТ»...

Вот это по-нашему — вот так и воевали летом 1941-го года!

Один танк уехал с пакетом искать вышестоящий штаб, другой послали ловить парашютистов, на третьем — комдив повёз свою бабу с сопливыми детишками в тыл, четвёртый отдали для поддержки пехоте и, те его тупо утопили в болоте, а пятый сломался и

был брошен на обочине дороги.

В принципе то, рации на танках имелись... Но руководство танковыми подразделениями в бою осуществлялось с помощью флажков, как на линейной парусном флоте времен адмирала Гороха. Так что расстреляли «папу» советских бронетанковых войск в 1937-м году вполне заслуженно: не лезь, дуРРРак, туда — в чём ни хрена не соображаешь.

Следующим руководителем советских «Автобронетанковых войск[2]» был уже нам знакомый генерал Павлов, затем назначенный на Западный особый военный округ, а ныне благодаря мне — успешно осваивающий нелегкое ремесло колхозного тракториста.

При нём, жидко обосравшись при освобождении Западной Украины и Белоруссии, умывшись кровью в Финляндии — механизированные корпуса расформировали, оставив отдельные механизированные бригады и моторизованные дивизии.

Однако, после того как в мае 1940-го Панцерваффе — именно механизированными (танковыми) корпусами раскатало французов в тонкий блин с паюсной икрой из англичан, голландцев и прочих датчан — в высшем руководстве РККА произошли кое-какие изменения.

Ворошилов был снят с должности Наркома обороны, Сталин — выведен из состава Главного военного совета РККА (ГВС РККА), генерал Павлов — задвинут на Западный военный округ. Во главе Красной Армии встали выходцы из Киевского военного округа.

После назначения Тимошенко Наркомом обороны СССР, «Управление по механизации и моторизации РККА» (УММ РККА) возглавил его явный клевет — генерал-лейтенант Федоренко Яков Николаевич, до этого бывшего Начальником автобронетанковых войск Киевского особого военного округа[3].

При нём летом 1940-го года, УММ РККА было реорганизовано в «Главное автобронетанковое управление Красной Армии» (ГАБТУ РККА), состоящее из:

Управления боевой подготовки автобронетанковых войск. Бронетанкового управления. Автотракторного управления. Управления эксплуатации и ремонта автобронетанкового и тракторного парка. Мобилизационно-планового отдела. Отдела кадров и так далее...

Дальше в довоенной «реальной истории» этот род войск развивался таким образом.

В соответствии с утвержденным в начале 1941-го года положением «О Главных и Центральных управлениях НКО», на ГАБТУ была возложена ответственность за боевую и мобилизационную подготовку родов войск, своевременное его материальное обеспечение, совершенствование вооружения и техники. Начальник ГАБТУ является одновременно начальником Автобронетанковых войск Красной Армии и по этой линии осуществлял руководство начальниками автобронетанковых войск военных округов...

Тогда же началось и восстановление механизированных корпусов: сперва всего восьми, затем когда вместо ленинградца Мерецкова, Начальником Генерального штаба РККА стал киевлянин Жуков — ещё двадцати одного...

Всего таким образом, накануне «внезапного и вероломного» — у Красной Армии было 29 (ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ, КАРЛ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ!!!) механизированных корпусов, той ли иной степени укомплектованности.

Хотя по количеству танков (по штату — 1031 штук), каждый такой «мехкорпус» не уступал танковой группе Вермахта или советской танковой армии образца 1943–1945 годов — ничего общего с ними он не имел. Что и во всей своей кровавой красе, показали

потрясающе-разгромные итоги Приграничного сражения — после которых вновь пришлось
Рисунок 61. Начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии (ГАБТУ РККА) генерал-лейтенант танковых войск Яков Николаевич Федоренко

возвратиться к танковым бригадам, чтоб хоть как-то залатать дыры.

Однако, после моего «вселения» в Сталина и произошедших вследствие этого событий — «реальная история» сменилась на «текущую реальность» и такого дурдома с танковыми войсками, я ни в коем случае не допущу!

По меньшей мере я на это надеюсь.

***

После вечернего чаепития с Шапошниковым, я вернулся в свой кремлёвский кабинет и, буквально тут же явился не запыхавшись мой главный танкист:

— Здравия желаю, товарищ Сталин!

И кладёт на стол две довольно толстые папки.

Не ответив на приветствие, в достаточно грудой форме:

— Знаю, что я Сталин, а вот в том, что Вы мне «товарищ» — сильно сомневаюсь!

Вообще-то я про этого «главного танкиста РККА», многое читал — и хорошего и плохого. Скорее всего, так и было — истина всегда где-то посередине.

Но априори считая каждого «краснозвёздного оленя» конченным мудозвоном и, ни кем другим, я на него конкретно выверился:

— Есть люди, Федоренко, при одном лишь взгляде на которых чувствуешь лютую неприязнь...

Привстав, опершись руками об край письменного стола, рычу уссурийским тигром:

— ...И к этой плеяде, в должной мере относишься ты!

Тычу указательным пальцем в побледневшего — как только что выпавший иней генерала, словно стволом пистолета:

— И я б уже давно пристрелил тебя к ебням собачьим... И до сих пор не сделал это только потому, что любой другой говнюк — пришедший на твоё место, может оказаться ещё большей сволочью...!

Примерно так, в таком же стиле всю войну разговаривал с подчинёнными Жуков и, стал за это маршалом Победы. А почему бы и мне не последовать его примеру?

— ...Но я согласен с тобой возиться — лишь до первого твоего залёта, конченный недоумок!

По ходу, я перестарался: главный советский танкист впал в ступор.

Машу перед его остекленевшими глазами рукой, щёлкаю пальцами и наконец — отвечаю хотя и лёгкую, но звонкую пощёчину:

— Как меня понял, приём?

Ответом, был вопль:

Рисунок 62. Вращающийся прибор наблюдения МК-4.

— ЗА, ЧТО?!

Заглядываю ему в глаза и с изрядной плотоядной ехидцей:

— А ты думаешь — пристрелить тебя прямо сейчас, так уж прям и не за что?

Беру его папки и даже не открывая их, а лишь положив на стол и прижав сверху ладонью — бегло читаю из «послезнания» все основные дефекты — выявленные при осенних испытаниях танков «Т-34» и «КВ», что заняло примерно час...

Это произвело впечатление!

Затем:

— Я хорошо понимаю, что большинство из этих дефектов органически связаны с конструктивными промахами — допущенными ещё на стадии проектирования и, трудно устранимы... А то и вообще неустранимы. Но почему не делается, то что сделать возможно и причём — почти без всяких усилий? Взять хотя бы элементарнейшее — обзорность. «Броня крепка, но танки наши...».

Сделав из двух пальцев «козу» и резким движением — чуть не лишив собеседника зрения, приставляю к глазам:

— ...Наши новейшие танки слепошарые — как вождь древних греков Гомер, выглядывающий из-под хвоста Троянской лошади. Ты согласен с этим, Федоренко, или мне тебя всё же пристрелить?

С поспешной готовностью:

— Согласен, тов... Но товарищи конструкторы говоря, что...

Кулаком по столу:

— Да мне насрать, что они говорят! В танках гореть не им.

— А что же делать?

Насмешливо:

— Сухари сушить.

Главный танкист, ваше потерялся и поник... Я же после довольно продолжительной паузы, изрядно помучив (что не скрою — принесло немало удовольствия), подсказываю:

— Во время польского похода нами были захвачено несколько польских танков «7ТР» и танкеток «ТКС». При обследовании этой отстойно-убогой пшекской шелупони, нашими специалистами было обращено особое внимание на нечто полезное — что не грех скоопиратить: перископический прибор инженера Рудольфа Гундляха. Он, по словам наших специалистов — прост и компактен, обеспечивает почти идеальный круговой обзор и при повреждении легко заменяется изнутри самого танка...

С грохотом долблю кулаком по столу:

— ...Так почему же он до сих пор не скопирован и не состоит на вооружении наших танков?

Федоренко растерянно оправдывается:

— Тов... Возможно... Я не знал, это было ещё до меня!

Слегка остыв, всё же недоверчивым тоном спрашиваю:

— Не врёшь?

— Нет, тов...

Прищурившись, на него глядя, почти ласково:

— Но теперь то, Федоренко, ты знаешь про этот прибор?

— Так точно! Знаю!

Я не стал ставить перед ним невыполнимых задач — типа командирской башенки на трёхместной башне «Т-34» и развёрнутого поперёк корпуса дизеля... Не самодур же какой-нибудь средневековый, в самом-то деле!

— Ну раз знаешь, значит к маю месяцу этого года — чтоб каждый советский танк нового типа имел вращающийся перископический прибор наблюдения, как минимум — хотя бы у командира. К осени же этого года, его должен иметь каждый член экипажа находящийся в башне. Задача ясна?

— Ясна, тов...!

Рисунок 63. Наблюдательный прибор «МК-4» в крышке танкового башенного люка.

«Втрое открытие» этих приборов произошло уже во время войны, когда по «Ленд-Лизу» стали прибывать британские танки с установленными на них перископическими приборами польского инженера Рудольфа Гундляха, выпускаемыми по довоенной лицензии. Лишь тогда наши конструкторы на пару с производственниками задвигались-зашевелились и, в довольно короткий срок — обеспечили их «скоопитайтенными клонами» советскую бронетехнику.

Если моя затея с репликой «МК-4» выгорит, то обзорность советских танков — возможно будет лучше чем у немецких, даже без пресловутой «командирской башенки» — уже навязшей притцой во языцах. Ведь, последняя увеличивает высоту и общий силуэт танка, что крайне нежелательно.

Посмотрите на любую немецкую фотографию «Тигра», где командир торчит по пояс из башни:

«Командиры танков, которые задраивают люки в начале атаки и открывают их лишь после того, как цель достигнута, никуда не годятся или, по меньшей мере, второсортные командиры», — писал в мемуарах Отто Кариус, немецкий танковый ас.

Почему?

У командира «Тигра» для наблюдения за полем боя, обнаружения целей и целеуказания имеется в наличии в командирской башенке девять смотровых щелей в броне — затянутых бронестеклом и, стоит ему закрыть люк — как он слеп, аки обкуренный гашишем крот. То в одну мутную щелочку посмотрит, то в другую...

Командир же советского танка «ИС-2» образца 1944-го года, к примеру, имел полноценный вращающийся прицел «МК-4», с полем обзора 360 градусов.

Ему не нужна командирская башенка, он и так всё прекрасно видит!

Конечно, каплей дёгтя может стать качество стёкол «Ижумского завода оптического стекла»... Но это уже ария из несколько другой оперы.

***

Рисунок 64. Версия кнопки связи с экипажем на послевоенном чехословацком «Т-34-85».

Не особенно спеша сделав круг вокруг стола в кабинете, останавливаюсь напротив своего визави, и:

— Это ещё не всё, Федоренко! Во время боёв с японцами на Халхин-Голе, Красной Армией было захвачено несколько самурайских танков «Тип 95» (Ха-Го). Сами эти «жестянки» слова доброго не стоят (как впрочем и наши, не улыбайся!), но при обследовании специалистами «НИБТ Полигон» в Кубинке, у них было обнаружено очень полезное устройство — «кнопка внешнего вызова» пехотой экипажа...

Одной из основных задач танков является взаимодействие с пехотными подразделениями, без которого как правило, танковая атака является лишь зрящей тратой ресурсов.

А как его обеспечить, это взаимодействие — если в бою, ни пехотинцы, ни танкисты — друг друга не видят и не слышат?

Казалось бы, идея лежит на поверхности, но японцы почему-то догадались не только первыми — но и единственными из всех стран принимавших участие во Второй мировой войне.

Исполнение этой идеи было очень простым и на практике оказалось крайне полезным: японские инженеры-конструкторы разместили на корме танка замаскированную под обычную заклёпку электрическую кнопку, а в его кабине — соответственно электрическую кнопку. В случае какой-либо нужды, пехотинец, идущий сзади танка — в той или иной последовательности нажимал на эту самую «заклёпочку» и, у экипажа танка — тут же срабатывал той или иной звуковой сигнал. Таким образом командир танка получал предупреждение об грозящей опасности.

И шо ви думали?

Советские танкостроители вспомнили про этот девайс аж осенью 1943-го года!

И между дополнительными топливными баками экспериментального тяжелого танка «Объект 237» (ИС-85), появилась та самая кнопка — которую в отличие от японцев, советские конструкторы прятать не стали. Позже, ее внедрили на «ИС-2», а также и на все «ИСУ» на базе этого танка. Что просто убивает: на «Т-34» ничего подобного внедрять не стали — хотя там-то следовало бы в первую очередь. Подобный апгрейд совершили уже после войны чехи, установив свою версию кнопки вызова экипажа на лицензионных «Т-34-85» и «ИСУ-100».

— ...Почему про кнопку внешнего вызова экипажа прочно забыли?

Федоренко пришлось во второй раз вспотеть и недоумённо пожать плечами:

— Я не владею информацией на этот счёт, тов...

Тыча в него пальцем:

— Заведите себе технического секретаря-референта, генерал! Иначе в следующий раз, ваше невладение информацией по подобным «заклёпкам» — обойдётся Вам слишком дорого.

— Понял, тов...

— А эта самая «кнопка внешнего вызова экипажа», чтоб к лету была на каждом советском новейшем танке.

Кивнув на портрет Реципиента на стене:

— Выполнишь эти два задания — вновь будешь «товарищем» для товарища Сталина, а пока извини! Буду называть тебя по фамилии да по незаслуженному тобой званию, Федоренко.

Возможны и другие способы связи пехоты и танков поддержки. Например, американцы во второй половине 40-х установили на корме танка обычный полевой телефон.

Но нам бы что-нибудь попроще, хотя бы на первый раз...

А там будем «пилить» дальше!

***

— Это ещё не всё, о чём я хотел сегодня поговорить с Вами, Федоренко... Далеко не всё!

Усевшись в кресло сам, жестом усаживаю главного танкиста СССР на стул для посетителей напротив:

— Первым делом, я для краткости переименовываю «Автобронетанковые войска» в «Танковые войска». Так что отныне Вы, Федоренко — Начальник Главного управления Танковых войск РККА.

Далее:

— У Вас слишком много обязанностей, а полномочия достаточно мутно очерчены, что вредит делу и помогает Вам уклоняться от ответственности — в том числе и уголовной... Хахахаха!

— Хихихихи!

— Поэтому «Главное управление Танковых войск Красной Армии» надо разделить надвое, поручив руководство «половинками» вашим заместителям — которых выберите сами под личную ответственность. Берите бумагу и карандаш и записывайте...

По сути, я предложил реорганизацию, произошедшую в конце 1942-го года, когда «ГАБТУ РККА» было разделено на:

«Главное управление формирования и боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск Красной Армии», в состав которого вошли:

Управление формирования и укомплектования бронетанковых и механизированных войск. Управление боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск. Управление военно-учебных заведений бронетанковых и механизированных войск.

И:

«Главное бронетанковое управление Красной Армии», состоящее из:

- 1) Танковое управление.
- 2) Управление ремонта танков.
- 3) Управление эксплуатации танков.
- 4) Управление бронепоездов и бронемашин.
- 5) Научно-испытательный бронетанковый полигон.

Такая форма организации прекрасно действовала до самого конца войны и ещё очень долго после неё и, у меня нет малейшего сомнения, что и в данном случае — она окажется весьма эффективной.

— Записали?

— Так точно!

Бегло проверив писанину и удовлетворившись правильностью изложения им моих мыслей на бумаге — вернув её назад генералу, задаю неожиданный вопрос:

— «Кадры решают всё!» — кто это сказал? Считаю до трёх — потом больно бью в лоб вот этой чернильницей. Время пошло — «два» уже было...

— Вы, тов...

Зло-насмешливо:

— Правильно! Память у тебя просто феноменальная, Федоренко. Значит, все твои «косяки» — могут быть объяснены только злым умыслом.

— Я не понимаю...

Слегка склонив голову набок, пристально заглядываю в бегающие генеральские глазёнки:

— С небольшим уточнением: кадры, овладевшие новейшей техникой — решают всё. А сколько у нас в танковых училищах новейших танков, чтоб кадры ими овладели? Почему молчим, Федоренко?

Пока он молчит, объясню ситуацию...

***

Если кому-то не комильфо упоминать Сталина с его «всё решающими» кадрами, можно вспомнить слова одного из героев фильма «Два бойца»:

«Главная часть любого оружия есть голова его владельца».

А вот с этим в довоенных Автобронетанковых войсках РККА, были вполне определённые проблемы!

Мало просто иметь в наличии «лучшие танки Второй мировой войны», надо ещё иметь в наличии танкистов — которые умеют их грамотно эксплуатировать и применять по своему назначению. И глубоко ошибается тот мой современник, кто думает что раз «Т-34» намного проще и примитивней, не только напичканных сложной механикой и электроникой основных боевых танков начала 21 века — но и своих немецких современников, значит обслуживать и воевать на нём проще...

Всё с точностью наоборот!

Даже под капот обыкновенной «полуторки», шофёр 40-х годов — «нырлял» чаще чем лазил под юбку собственной жены... А умение переключать передачи на «лучшем танке ВМВ» — было сродни забойной магии, помноженной на тяжёлую атлетику. При этом ещё надо учитывать, что удобство и комфорт экипажа — не входили в приоритетные задачи разработчиков советской боевой техники.

Вдобавок к этому, система комплектования техников и обученными кадрами, в РККА была не просто не отвечающей хоть каким-то требованиям поддержания боевой готовности — но и воистину дебильно-идиотской и, это касается не только танков.

Я уже не говорю о том, вместо концентрации однотипных танков в отдельных частях, что «Т-34» и «КВ» распределялись по 29-ти механизированным корпусам «поровну» — «тонким слоем», попеременно с «лёгкими и устаревшими».

(Поставьте себя на место снабженца, да?

Дефицитное дизтопливо (газойль) для средних и тяжёлых танков, солярка или лигроин для тракторов — тягачей артиллерии, «бакинский и грозненский» (авиационный) бензин Б-70 для «БТ» и «Т-26», автомобильный 2-го сорта для «полуторок» и «захаров»...

И при этом автоцистерн — всего процентов десять-сорок от потребного количества!

А ведь вдобавок и смазочные масла для всех этих видов техники разные и запчасти, боеприпасы... Автор).

Новейшая техника отправлялась в воинские части западных особых военных округов и...

Ставилась там на консервацию.

К примеру «Т-34» 4-го и 8-го механизированных корпуса Киевского особого военного округа — одними из первых получившие эти танки, в среднем отработали до войны по 7-10 часов[4]...

Это что значит?

Обучение даже вождению на них — практически не проводилось!

А ведь кроме механика-водителя, навыки вождения танка должен получить весь экипаж. Кроме этого, чтоб успешно воевать — он обязан пройти тактическую и огневую подготовку: стрельба танков с места и в движении на полигоне и, курс боевого слаживания на уровне взвод-рота-батальона — на что также расходуется моторесурс.

А ведь многие советские танковые дивизии, получили «Т-34» и «КВ» прямо накануне 22 июня и первое знакомство с ними, у танкистов произошло уже после «внезапного вероломного».

К примеру, Западный особый военный округ в первых числах мая округ имел 72 штук «Т-34», а к началу войны уже без малого 370!

Вопрос на засыпку:

Успели до начала войны обучить воевать на них танкистов?

По-моему ответ очевиден:

НЕТ!!!

И, если после этого не назвать генералов РККА долбоё...бами — то как их ещё назвать?

Всего к тому роковому дню, в танковых войсках РККА числилось 892 танка «Т-34». Из них только 46 «тридцатьчетверок» проходили по второй категории: «бывшее (находящееся) в эксплуатации, вполне исправное и годное к использованию по прямому назначению. Сюда же относится имущество, требующее войскового ремонта (текущий ремонт)»...

То есть всего менее полусотни из почти девяти ста новейших средних танков, использовались для обучения экипажей.

Остальные же проходили по первой категории: имущество «новое, не бывшее в эксплуатации, отвечающее требованиям технических условий и вполне годное к использованию по прямому назначению»...

То есть основная масса этих танков стояла на консервации и экипажам хорошо ещё, что разрешали на них иногда взглянуть одним глазком.

Впрочем, чтоб не быть голословным приведу выдержки из документов той поры.

В 6-м механизированном корпусе генерала Хацкелевича, на 22 июня 1941 года, кроме всего прочего — «лёгкого и устаревшего», имелось свыше трёхсот новейших

«непробиваемых» — 114 «КВ» и 238 «Т-34».

А вот чего у него не было:

«В/часть 8995 (4-я танковая дивизия) и 9325 (и 7-я танковая дивизия) — классами не обеспечены из-за отсутствия помещения. Учебных пособий недостаточно: отсутствуют наставления по танкам «КВ» и «Т-34», наставления по новой материальной части оружия, «БУП» часть II-я, УТВ часть II-я, наставления по полевой службе штабов. Нет нового устав тыла. Нет наглядных пособий по новым образцам вооружения...

...Полигонов, стрельбищ и учебных полей части не имеют, так как вся прилегающая к расположению частей земля принадлежит крестьянам и занята посевами... Участки земли под стрельбища и учебные поля еще не закреплены за частями».

Вот, так!

Вдумайтесь: на самой западной границе СССР стоит танковая часть с необученными экипажами...

Не дошло?

Разъясню буквально на пальцах:

Ну дал бы товарищ Сталин приказ о приведении 6-го механизированного корпуса в полную боевую готовность — ещё 1 января 1941-го года и, что бы это в итоге дало?

Ничего!

Он был точно также разгромлен на голову — хотя и с какими-то вариациями в ту или иную сторону, возможно.

Впрочем, мощнейшему мехкорпусу РККА — не хватает не только полигонов, учебных классов, наглядных пособий и уставов:

«Жилая казарменная площадь... на одного бойца составляет 2 кв. метра. Для размещения людей сделаны 2-ярусные, а в некоторых частях и 3-ярусные нары. Кубатуры при таком скученном размещении недостаточно...

...вследствие чего люди размещены в помещениях, оборудованных 2-х и даже 3-ярусными нарами, в размещении большая скученность. Столовых ни одна часть не имеет, и прием пищи красноармейцами происходит в жилых помещениях, под открытым небом из котелков.

В/части 9207, 9143 и 1-й батальон в/ч 9331 расквартированы в землянках. Все остальные части расквартированы в жилых помещениях бывших польских учебных заведений, монастырей, имениях, тюрьме».

В других мехкорпусах положение было не лучше или немногим лучше.

11-й мехкорпус генерала-майора Мостовенко:

1. Боевая подготовка развернута во всех частях. Качество занятий еще низкое.
2. Части совершенно не имеют необходимой учебной базы, пособий и наставлений.
3. Ввиду большого некомплекта комначсостава, матчасти, вооружения, а также большого процента необученных красноармейцев, дивизии еще не являются боеспособными».

Так может элиту РККА комплектовали отборными, высокообразованными кадрами, которых учить — только портить?

Вот как обстоят дело с «кадрами» в 17-м мехкорпусе генерал-майора Петрова:

«Комплектование рядовым составом происходит главным образом за счет мартовского призыва новобранцев (70–90 %). Отдельные части укомплектованы новобранцами на 100 % ...».

А теперь на минуту прервёмся и задумаемся...

Мартовский призыв.

Пока ещё эти призывники доедут до своих частей, пока их там ещё распределяют по подразделениям и начнут хоть чему-нибудь учить — без «наглядных пособий, учебных приборов, учебного оружия, полигонов, уставов»... Даже чтобы научить современного мне человека со средним образованием вождению современного же автомобиля — нужны месяцы учёбы и, при этом далеко не все сдают экзамен с первого раза.

А этих кроме индивидуальной подготовки, надо ещё научить слаженной работе в составе экипажа, ведению боевых действий в составе хотя бы отдельных подразделений.

Как всё успеть за оставшиеся три месяца?

И на чём учить?

На стоящих на консервации танках «первой категории»?

А ведь экзамен у них будут принимать «белокурые бестии», их танковые и противотанковые пушки и, наводящие ужас на любого танкиста союзников до самого мая 1945-го — 88-мм зенитки «ахт-комм-ахт».

Продолжим:

«...Качество пополнения по образованию — до 50 % с образованием не выше 4 классов. Наличие большого количества национальностей, плохо владеющих и совершенно не владеющих русским языком, затруднит подготовку».

Если кто забыл, 4 класса образования — это люди, умеющие читать и писать «по складам», способные близко к тексту пересказать «Му-му» Тургенева и более-менее уверенно знающие как надо отнимать и делить...

Простейшие арифметические действия, то есть.

Радио для них — это просто большая черная говорящая «тарелка» на стене и, одно из семи чудес света — если они к тому же уроженцы национальных республик. И вот из этих «грамотеев», за три оставшихся до войны месяца — предстоит сделать механиков-водителей, радистов, наводчиков...

В отличие от РККА, Вермахт не имел особых проблем с «малограмотными» и «не владеющими немецким языком» призывниками. «Де-факто», обязательное 8-летнее образование — было введено в Германии еще в XIX веке и было официально закреплено Веймарской конституцией 1919 года. Ещё во время Первой мировой войны, лишь 0,04 % немцев-призывников были неграмотными, в то время как в России — 61 %. Довоенный СССР значительно сократил разрыв, но полностью ликвидировать, сумел лишь после войны.

Так может недостатки низового звена компенсируются более высокими? Более высоким уровнем подготовки начальствующего состава?

Увы, там всё ещё плачевней!

Пожалуй, самый известный советский командир-танкист — Михаил Ефимович Катук, накануне войны — полковник, командир 20-й танковой дивизии 9-го мехкорпуса, докладывает об укомплектованности личным составом:

«Начальствующий состав. По штату положено 1342 человека, имеется 584 человека, или 43 %. Особенно плохо обстоит дело с укомплектованием штабов всех степеней... В штабах полков... планировать и контролировать боевую подготовку некому. Медсоставом дивизия укомплектована на 25 %... Совершенно не укомплектованы начсоставом саперные роты. Не хватает до штата 25 связистов, ни в одной части нет химиков... Командиров-танкистов некомплект 72 %... Такое же положение с автомобилистами... Часть комсостава, назначенного в дивизию по своим качествам, не соответствуют должностям на которые назначены...

Качество присланных ефрейторов очень низкое, исполнять должности младшего начсостава последние не могут как по своему развитию, так и по подготовке. В числе присланных ефрейторов: 211 человек нерусской национальности, плохо владеющих русским языком... неграмотных — 7 человек, малограмотных — 70 человек, негодных к строевой службе — 20 человек. Все присланные ефрейторы используются сейчас на должностях младшего комсостава, но пользы от них мало, т. к. рядовые красноармейцы призыва 1940 года на сегодняшний день лучше их подготовлены».

Ему вторит, пожалуй, лучший из лучших полководцев РККА — Константин Константинович Рокоссовский, летом 1941-го года — генерал-майор, командир 9-го мехкорпуса КОВО:

«Командно-начальствующим составом дивизии укомплектованы на 15–20 %. Особенно плохо укомплектована 21 тд.

Младшим начсоставом дивизии укомплектованы в среднем на 11 %».

Так может, подобно двум вышеперечисленным, наши танковые генералы все до единого — ОГО-ГО???

Ведь, не мной было сказано, а каким-то регулярно «гадящим» нам англичанином:

«Лучше лев во главе стада баранов, чем стадо львов во главе с бараном».

Ну, а наши-то, ваще...

ОРЛЫ!!! НЕПРИЯТЕЛЬ ОТ ВАС — ДРОЖИТ!!!

Увы... Так всё ещё более печально...

Если про неграмотных и неопытных простых советских танкистов, среди которых велик процент не знающих русский язык, начальник германского ОКВ писал в своих дневниках так[5]:

«Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами».

То вот что записали немцы, после допроса сдавшегося в плен генерал-майора Потатурчева — командира 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса:

«Относительно качества своего офицерского корпуса он высказался негативно и критически. Штатный состав офицеров в его дивизии составляет около 1200 человек. Реальная численность 22 июня была около 1000 офицеров, из которых около 70 % были «молодежью»...

...Офицерский корпус в целом подготовлен плохо. Потатурчев очень жаловался на

молодых офицеров (составлявших основную массу офицерского корпуса), которые недавно прибыли из школы и у которых поголовно отсутствовал опыт, необходимый для офицеров данного рода войск.

Унтер-офицерский корпус дивизии отличался особенно плохим качеством. На допросе Потатурчев пояснил, что он прекрасно знает, что от компетентного и надежного унтер-офицерского состава зависит очень многое. Причину плохой подготовки унтер-офицеров он видит в слишком коротком сроке обучения — 2 года; кроме того, не хватает качественного обучающего персонала...».

Ну, это мы уже и без него знаем. А что он про себя — про любимого?

«...Относительно оперативного использования русских танковых войск он рассказал, что объединение танковых дивизий и танковых корпусов обсуждалось теоретически, но на практических учениях никогда не осуществлялось. Организацию большой группы (армии) он наблюдал во время Польского похода, когда танковый и кавалерийский корпуса были объединены в самостоятельно действующее соединение...».

Примечательно, что он охотно дает данные о своей дивизии, ее структуре и боевом применении, даже о тактических основах действий русских танковых сил. Ему, по-видимому, совершенно не приходит в голову, что тем самым он, с нашей точки зрения, нарушает священнейший долг офицера... Здесь показывает себя отсутствие завершеного воспитания и образования...

Бобруйск, 30 августа 1941 г.

Подписано — Хюбнер, полковник Генерального штаба».

Вот так вот...

Печально, обидно, досадно... Но приходится признать: наши «Автобронетанковые войска» — сверху донизу полное дерьмо, сколько бы «лучших танков Второй мировой войны» — численно или в процентном отношении, в них не было.

Преимущество немцев было не только в солдатах со средним образованием, но и в офицерах и особенно — в унтер-офицерах. Бессменный идеолог и главнокомандующий догитлеровского Рейхсвера — Ханс фон Зект, изначально создавал своё детище именно как «Führer Heer» (4 тыс. офицеров и 96 тысяч унтер-офицеров и нижних чинов) — «армия командиров»: это высокопрофессиональный офицерский корпус для будущей массовой армии воссозданного Рейха.

Когда пришло время, отвечающие требованиям унтер-офицеры сухопутной армии Рейхсвера — были допущены на офицерские должности, причем благодаря высокому уровню обучения в частях Рейхсвера, они оказались особо ценными офицерами.

В Красной Армии такого и близко не было, даже на стадии смелых замыслов — вот поэтому она и терпела поражения — пока ценой огромных жертв не произошёл естественный отбор и во главе её не стали на практике поднабравшиеся боевого опыта командиры.

Но сколько крови это стоило?

Сколько человеческих жизней?

Однако, «ближе к телу», как говорится.

При развёртывании производства новых танков встал вопрос о полномасштабной

подготовке кадров для этих машин. Ведь и, по устройству и по боевым характеристикам Т-34 и, тем более КВ — весьма сильно отличаются от досель имевшихся на вооружении Красной Армии Т-35, Т-28, Т-26 и БТ — не говоря уже о прочей «мелюзге», типа Т-37А, Т-38 и Т-27.

А «кадры» были ещё те!

Например, танкисты «КВ-2» на довоенных стрельбах боялись вести огонь из этих «монстров». 152-ух миллиметровую гаубицу заряжали, экипаж вылезал из машины и производил выстрел при помощи верёвки, привязанной к спусковому механизму.

Много такие навоюют?

Однако, как там наш Начальник АБТУ РККА?

Неужели до сих пор молчит...?

***

Наконец-то, я услышал сдавленный ответ:

— В Саратовское бронетанковое училище, где до этого готовили лейтенантов и воентехников на Т-28 и Т-35, до конца прошлого года прибыли два новых тяжёлых танка «с большой башней» (КВ-1) и девять с «малой башней» (КВ-1)...

У меня отвалилась челюсть:

— И ВСЁ?!

Вспомнился рассказ танкиста-ветерана Орлова Николая Григорьевича из сборника Артёма Драбкина[6]:

«В том же 39-м мне удалось поступить в Орловское бронетанковое училище имени М. В. Фрунзе. Это было одно из лучших училищ страны. За два года обучения в нем курсант получал отличное военное образование. Мы изучили почти все модификации отечественных танков: Т-27, Т-26, БТ-5 и БТ-7. И вот внезапно за полгода до окончания училища, к нашей радости, мы вдруг получили танк, подобного которому еще не было на вооружении нигде в мире. К нам в училище пришел танк Т-34! Теперь нужно было для него готовить кадры. Этот прекрасный танк стал основным объектом изучения. Воевать на нем нам пришлось год спустя... Буквально перед самой войной, за десять дней до ее начала, состоялись выпуски во всех училищах всех родов войск наших вооруженных сил, в том числе и танковых училищ: Орловского, Ульяновского и Саратовского».

Этому ещё повезло, хотя бы увидеть вживую новую технику!

Но как научиться за полгода правильно эксплуатировать «Т-34» и воевать на нём, имея на всё училище всего один единственный образец — я совершенно без понятия.

Командиров для «Автобронетанковых войск РККА» готовили четыре военных училища: Орловское, 1-е Харьковское, 2-е Саратовское и 1-е Ульяновское. В каждом из них имелся батальон обеспечения учебного процесса, в котором по новейшему штату должно было иметься 32 единицы «Т-34» и 20 танков «КВ».

Но даже на 22 июня 1941 года, Орловское училище имело всего 8 штук «КВ» и 16 «Т-34», 1-е Харьковское — 4 «КВ» и 16 «Т-34», 2-е Саратовское — 10 «КВ» и 10 «Т-34» и 1-е Ульяновское — 3 «КВ» и 10 «Т-34»...

«Батальоном», нигде даже не пахнет.

Комментарии, как говорится — излишни!

Большинство наших танкистов, даже командиров, знакомились с «лучшими танками

Второй мировой войны» в своём первом бою. Если, конечно, они ещё до него доезжали — не сломавшись во время первого же марша или не попав под бомбёжку.

С нескрываемой лютой ненавистью, скриплю зубами:

— И после этого, генерал, Вы утверждаете — что Вас не за что пристрелить на месте, как собаку?

Вскакивает и навтыяжку:

— Виноват! Сделаю всё возможное, чтоб...

Повысив голос, перебиваю:

— Я запрещаю отправлять танки «Т-34» и «КВ» в войска, пока не будет полностью укомплектованы батальоны обеспечения учебного процесса при танковых училищах. Приказ понятен?

— Так точно!

***

Чтоб понять почему я к нему прикопался, привожу характерный для всего Приграничного сражения случай.

7-й мехкорпус (14-я и 18-я танковые, 1-я моторизованная дивизии), по плану прикрытия начавший 24 июня выдвигание из Москвы и Калуги и, как раз угодивший в районе Орша — Витебск в «мясорубку» при Сенно, буквально накануне своего выдвигания получил на пополнение 40 танков «КВ».

Грозная сила, да?

Однако 75-километровый марш из Смоленска к месту расположения 14-й дивизии, для этой «грозной силы» вылился в серьёзную проблему: до места назначения дошло всего 14(!) машин, остальные сломались на разных местах шоссе. Причиной таких массовых поломок стало то, что механиками-водителями на КВ были назначены, или мехводы с танков Т-26(!), имевшие минимальный стаж вождения (кто ж опытного специалиста «чужому дяде» отдаст?) или вообще шофёры колёсных(!!!) машин.

Пришлось через штаб фронта, через ГАБТУ КА, связываться с Кировским заводом в спешном порядке перебрасывать самолётом из Ленинграда в Смоленск заводских ремонтников и запчасти для танков...

Рисунок 65. Танк «КВ-2» 28-го танкового полка, 14-й дивизии, 7-го мехкорпуса, перевернувшийся на подъёме у моста через Западную Двину в Витебске.

Враги подбили?

Нет! Водитель пересевший в этот 52-х тонный танк с «полуторки», как говорится по такому случаю в протоколах, не справился с управлением.

Дальше позориться просто некуда!

Естественно, эти мощнейшие на тот момент в мире танки, не смогли повлиять на исход битвы при Сенно, от слова «ваще». Единственный их след в истории «Приграничного сражения» — многочисленные фотографии, сделанные проезжающими мимо солдатами и офицерами тыловых подразделений Вермахта.

Продолжаю:

— Учебные батальоны при училищах обязательно должны иметь ремонтно-восстановительные роты, где специалисты с танковых заводов учили бы курсантов-командиров правильно эксплуатировать, а курсантов-воентехников — ремонтировать танки. Задача ясна?

— Так точно, тов...!

Новые танки ещё «сырые» конструктивно и априори будут недопустимо часто ломаться в шаловливых курсантских руках.

— Ещё раз скажешь «так точно» — в хлебало получишь, Федоренко. Просто пиши молча и всё! А возникли какие-то вопросы — спрашивай, не стесняйся... Ясно?

— Угу...

— Сколько надо и сколько в этом году будет выпущено командиров для КВ и Т-34?

Читает без бумажки, по памяти, чем неволью вызывает уважение:

— Потребность начсостава для новых средних и тяжёлых танков к 1 января 1942 года составит 2500 человек лейтенантов и 800 воентехников. В течение 1941 года, планируемый выпуск командиров из военных училищ для КВ и Т-34 — должен был составить 1250 лейтенантов и 400 воентехников.

Ни фигасе!

Военные ВУЗы выпускают командиров и специалистов в два раза меньше, чем боевой техники...

И это что?

Плановая экономика?

«Вертел» я такую «плановую экономику» на своём «мечике» против резьбы!

Да даже если бы Гитлер отложил нападение на год, нашим Автобронетанковым войскам ничего не светило бы.

— Некомплект пятьдесят процентов... Как будем с тобой выкручиваться, Федоренко?

— Некомплект покрывается путём переподготовки на курсах усовершенствования и на сборах лейтенантов и воентехников из подразделений, имеющих лёгкие танки в некомплекте. Всего 139 человек среднего начсостава и 511 младшего комсостава, вместе со сверхсрочниками.

— Всего? Маловато будет...

Довоенный кадровый командир-танкист обучался два года. Однако, в военное время такое — непозволительная роскошь!

Столкнувшись с суровыми реалиями, срок подготовки сократили до полугода, что конечно же — просто до смешного мало.

Попробуем найти «золотую середину», как говорится:

— Требую максимально уплотнив учебную программу, срок учёбы в училищах сократить до года — сделав таким образом сразу два выпуска этим летом... Эээ... Не позже середины мая. Уплотнить в частности, можно за счёт предметов — без которых можно обойтись без ущерба для боеспособности, вроде политучёбы...

Вижу совершенно квадратные глаза и повышаю голос:

— ...В военные училища принимают уже проверенных, политически надёжных молодых людей, в большинстве своём — комсомольцев. Их марксизму учить не надо — они сами кого угодно ему научат!

Пришлось дополнительно рявкнуть:

— Выполнять! Официальный приказ от ГКТиО получишь в ближайшее время. Буду какие-то вопросы — вали всё на товарища Сталина, он стерпит.

При последних словах, мы не сговариваясь глянули на портрет на стене.

После он украдкой перевёл взгляд со стены на меня, как бы сравнивая и сомневаясь — а не подменили ли?

Однако, маловато будет...

Поэтому:

— Приказываю при этих училищах сформировать трёхмесячные ускоренные курсы по подготовке командиров танков новых типов. Комплектовать их уже служившими в танковых подразделениях не менее года младшими командирами, в первую очередь — уже имеющих боевой опыт. Если потребуются — призывать таковых с «гражданки» на курсы переподготовки. После окончания курсов, выпускать в звании не меньше старшего сержанта. Наиболее преуспевшие в учёбе, участники боевых действий — младшими лейтенантами.

Прикидываю в голове... До смешного мало, сцуко!

И дело даже не в командирах — в экипажах танков. Мало-мальского танкиста, даже имеющего за плечами опыт езды в поле на тракторе, надо учить не менее года, а у меня уже менее половины этого срока до начала «Барбароссы»...

А если вспомнить про Советско-финскую «продолженную» войну, то и того меньше.

***

Однако, вернёмся к нашим баранам... К кадровому вопросу, то бишь. Проверив написанное и добавив кое-что малосущественное, продолжаю:

— Так что ты ещё делаешь полезного, Федоренко, чтоб кадры овладели новейшей техникой?

Тот, как заученно забубнил:

— Для ускорения технической подготовки экипажей для новых танков в частях, с заводов были присланы бригады специалистов — которые проводят теоретические и практические занятия по устройству материальной части и правилам ее эксплуатации в полевых условиях. Это мероприятие, должно сыграть положительную роль в подготовке танковых экипажей навыкам вождения и боевого применения...

— «Для ускорения технической подготовки экипажей», говоришь...?

Оскалившись, на него:

— ...Ой, ли?! А я вот уверен, что это «мероприятие» — вредительское и оно должно быть немедленно отменено.

— Почему, тов...?

— «Почему, почему»... По кочану! Потому что, оно отвлекает дефицитных заводских специалистов от их главного занятия: производства боевых машин и модернизации их конструкции. Что-то ты тупить начинаешь, Федоренко и, мне это очень не нравится... А ну-ка резко напряг свой гений!

Тот, как за соломинку хватаясь:

— Хочу упомянуть как о заслуживающим внимания, об инициативе эксплуатационного отдела «номер 70» харьковского танкового завода.

— Что они там ещё придумали?

— Они прямо на заводе проводят подготовку командного состава воинских частей, училищ и «Академии ВММ» вашего имени, тов...

Нетерпеливо, но уже несколько заинтересовано, рявкаю:

— Конкретнее!

— В программу обучения экипажей входят практические занятия по регулировке машины и вождению, причем практические занятия начинались с изучения и вождения танка «БТ-7М», и только затем экипажи переходили на танк «Т-34». Часть занятий производится непосредственно на рабочих местах в сборочных цехах отдела «100» группами по 15 человек. Для проведения этих занятий привлекаются наиболее квалифицированные работники «Завода № 183» и военной приемки ГАБТУ КА.

Уже конкретно заинтересовавшись, аж на кресле задом заелозив:

— И много ли таким макаром танкистов подготовили?

— За прошлый год — 399 человек среднего и старшего начальствующего состава и в данный момент продолжают обучаться еще 126.

Вспоминаю рассказ того же ветерана из сборника Драбкина:

«Батальон готовил маршевые роты, поставляя единовременно три роты с промежутком в пятнадцать дней. Т-34 сами собирали на заводе под руководством классных мастеров. Выполняли любую черновую работу. Каждый командир танка, а их в роте десятков, получал корпус танка, расписывался за него и доводил до конца на конвейере. Все вместе его собирали, и кто его не успел изучить — изучал на месте. Считаю, это был высший класс подготовки! Знание самой машины, ее устройства, ее эксплуатации, управление огнем, вождение с боевой стрельбой днем и ночью... И на все это предписывалось всего два месяца подготовки. На заводе танкист познавал свой танк. Там же остальные члены экипажа набирались ума и тренировались. Мне просто повезло, что я попал в тот батальон...».

Ну, а что?

Это пожалуй выход!

Вот только «с нуля» готовить танкистов, затем танковые экипажи и, наконец танковые части — это очень долго. Кровь из носа, но где-то надо взять же готовых, из которых можно было бы за пару-тройку месяцев переобучив, сформировать перед Продолженной финской войной хотя бы с пяток (а лучше с десятков!) боеспособных танковых бригад. А перед Великой Отечественной, формирование танковых бригад надо поставить на поток...

Кровь из носа надо!

Память услужливо подсказывает:

В самом начале войны, с подготовленным кадрами на новейшие танки — было так критически плохо, что после битвы при Сенно, пришлось формировать батальоны тяжелых и средних танков — из курсантов и преподавателей военных училищ.

Из командиров, стало быть...

Нет, это тоже не выход — а кто будет будущих командиров учить?

...Погодь!

Училища трогать нельзя — согласен. Но у тебя приблизительно двадцать тысяч танков (точное количество, ещё никто из современных мне историков — достоверно не подчитал), объединённых в части и подразделения во главе с командирами...

Так неужели, из последних — не наберёшь экипажей на полторы тысячи новых танков?

Из командиров?

— Федоренко! А напомни-ка мне, сколько у нас в бронетанковых войсках народа?

Не задумываясь, тот отвечает:

— По списку должно быть шестьсот пятьдесят тысяч двенадцать бойцов и командиров, тов... По факту же — чуть меньше полумиллиона.

Кстати, отличная память — вовсе не признак большого ума. Часто совсем наоборот — об памяти аутистов (страдающих дебилизмом в лёгкой форме), например — ходят легенды.

— А сколько из них командиров?

— Требуется 81 280 человек, в наличии же — всего 65 012... Некомплект, тов...!

От услышанной цифры, я малость обрадованно опешил:

«Шестьдесят пять тысяч с лихуем, уже готовых танкистов?! Ну нифигасе... Так это же тринадцать тысяч экипажей «КВ»! Или, шестнадцать тысяч — «Т-34». Да мне такого количества танкистов на всю войну хватит! Если с умом подойти, конечно...».

Довоенный кадровый командир-танкист изучал все виды танков, состоявших на вооружении РККА. Два года в училище его учили водить танк, стрелять из его огневых средств и, разумеется — давали знания по тактике танкового боя. Фактически из танкового училища выходил специалист широкого профиля — командир боевой машины, способный выполнять обязанности любого члена экипажа своего танка и обеспечить его техническое обслуживание.

Это же...

Профессионалы!

Нет, не так: это же...

ЗОЛОТО!!!

Тактика боя пехоты Красной армии осталась неизменной с Первой мировой войны — причем ее самого начала, когда даже французы ещё в красных штанах ходили. По противнику ведётся огонь артиллерии (в лучшем случае), затем со штыками наперевес и с криком «Ура!» на его позиции бежит густыми цепями пехота...

А уцелевшие пулеметчики противника выкашивают эту пехоту как косарь траву!

Атака захлебывается, артиллерия снова ведёт огонь, а затем опять с криками «Ура!» и так до тех пор — пока пехота не сточится «в ноль». Дивизии отводятся в тыл, пополняются и всё начинается сызнова...

И недостреленные Сталиным советские генералы такую тактику пехоты перенесли и на танковые войска. Только вместо «живой силы» — быстроходные керосинки, а вместо вражеских пулемётов — 37-ти миллиметровые «дверные колотушки».

Если даже набравшись за три года боевого опыта, в конце войны зачастую воевали вот так:

«Выскакивают на открытое место, а немцы их начинают избивать. Один сгорел, другой, третий. Они назад. Никому гореть не охота. Значит, один раз откатились обратно. Проходит некоторое время, опять собирает командир бригады: «Повторить атаку». Опять пошли вперед, опять потери, опять откатились. Третий раз: «Родина должна сегодня дать салют в честь нас! Мы должны взять Мемель! Наши соседи уже в Мемель ворвались, а мы все на месте топчемся! Зеленая ракета — в атаку!». Пьяный... любил комбриг это дело... Ребята

говорят: «Опять гореть будем. Надо сначала артиллерией немцев обработать. А он безрассудно гонит в атаку». Пошли в атаку третий раз. В общем, некоторые танкисты люк на дне откручивали, экипаж высыпался, а танк шел и сгорал. За три атаки роту танков положили.

Вообще, как танкисты горели, это страшное дело... Черные, обгоревшая кожа свисает ключьями, а как они кричали... Ужас!

Когда этот командир попытался погнать бригаду в четвертую атаку, один комбат достал пистолет и сказал: «Еще раз в атаку пошлешь — расстреляю. А мне все равно — сейчас сгореть или в штрафную»[7]».

То, что тогда говорить про 41-й?

Рисунок 66. У советских танкистов, начавших в 1941 году воевать на лёгких танках — не было ни малейших шансов выжить.

Из-за проблем с радиосвязью, в танковых войсках действует принцип управления в бою — доставшийся по наследству от троглодитов, охотившихся с каменной дубиной на пещерных медведей:

— Делай, как я!

Немецкие артиллеристы-противотанкисты это хорошо знали и на возглавляющую танковую атаку командирскую машину с «фанерной бронёй» обрушивается огонь всего — хоть мало-мальски бронебойного и, она в считанные секунды сгорает факелом вместе с экипажем.

Конечно, без жертв войны не бывает, я это прекрасно осознаю...

Но эти жертвы должны быть оправданы, как минимум — таким же ущербом, причинённым врагу!

А какой ущерб могли нанести «Т-26» и «БТ» — с их 45-ти миллиметровыми «пукалками» и скорострельными винтовками «ДТ», которые чисто по недоразумению прозвали «пулемётами»?

Только экономический, в результате расхода боеприпасов для своего уничтожения,

Так зачем этому золотому фонду РККА гореть в отстойно-картонных лёгких танках, в то время когда новейшие супер-танки гребятся вчерашними колхозными шоферюгами — впервые живьём, а не по фильму «Трактористы» увидели настоящий танк?

Согласен: новейшие советские танки — вовсе не самые лучшие, отнюдь не «непробиваемые»... Но надо отдать им должное: в отличие от лёгких танков, всё же Т-34 и КВ, даже неопытным экипажам из колхозных трактористов — дают неплохой шанс выжить под огнем 37-ми миллиметровых «колотушек», основных на тот момент противотанковых пушек вермахта. И возвращаться из боя, привозя подчас на броне по несколько десятков снарядных отметин, восхищая друзей и удивляя врагов.

А если посадить в них предварительно натасканных профессионалов-танкистов?

Согласен: германцы со временем научатся бороться с советским толстобронными танками...

Так ведь и, наши танкисты участвуя в нескольких боях и уцелев в них — наберутся

соответствующего боевого опыта!

И что немаловажно: финская армия — просто-напросто не успеет найти «методы» против этих стальных монстров.

А «послезнание» услужливо подсказывает вновь...

Уже в конце лета 1941 года, танковых экипажей в РККА — стало намного больше, чем самих танков — даже «лёгких и устаревших». В октябре 1941 года, Сталин дал приказ комплектовать экипажи вновь формирующихся танковых бригад исключительно средним и младшим командным составом.

Именно так, из уцелевших командиров-танкистов 15-й танковой дивизии 16-го механизированного корпуса — в последний момент выведенной из-под угрозы окружения под Уманью, была сформирована танковая бригада Катукова — доставившая столько неприятностей Гудериану. До этого, «Панцер-фазер» про «лучший танк ВМВ» говорил примерно следующее:

«Т-34 это ярчайший пример дикарских технологий».

Или же попросту в упор не замечал, как Франц Гальдер не замечал своего оппонента — Георгия Жукова...

А тут надо же!

Заскулил щеней вмэрлой:

«Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков "Т-34"», — и слёзно попросил Фюрера скопировать «дикарские технологии»!

Это ещё раз говорит о том, что не железо воюет — а человек овладевший им.

Недаром в конце войны, командиры и мехводы тяжёлых «ИС-2» отдельных танковых полков прорыва назначались из офицеров...

Опыт предков — он дорогого стоит!

Хорошенько обдумав задуманное ещё раз, решительно приступаю к его выполнению:

— А теперь пиши следующий приказ, Федоренко.

Категорично и безапелляционно, не давая ни малейшей лазейки отлынить и не допуская двойного толкования, заявляю сперва перечислив все «титулы»:

— Как Председатель Государственного Комитета Труда и Оборона, Верховный Главнокомандующий, Председатель Совета Народных Комиссаров и Народный комиссар обороны... Ты пишешь, Федоренко?

— Пишу.

— Приказываю: снять с вооружения Автобронетанковых войск РККА танки следующих типов: «Т-35», «Т-28», «Т-26», «БТ» всех типов, «Т-37А», «Т-38»... Танкетку «Т-27», первую очередь. И отправить всё это дерьмо на заводы-производители для утилизации.

***

Конечно будь на моём месте другой какой любитель «альтернативной истории», он бы тотчас приказал бы наделать из этих ездящих жестянок всяких-разных эрзац-самоходок. Которые не в атаки ходят — а в засадах сидят и ждут когда враг подъедет к ним на прямую наводку на выстрел, чтоб выстрелить по нему и сбежать на новое место засады...

«И сим победиша»!

Но я внимательно читал воспоминания ветеранов-танкистов и, прекрасно понимаю, что

эта затея обречена на фиаско. Вот, например что пишет о боях под Берлином командир «Су-76», на фронтовом сленге — «голожопного Фердинанда»:

«Это было числа 14 или 15 марта. Тепло, хорошо было. Просидел я пару дней, отдыхал после госпиталя, а потом опять на машину посадили. Другой экипаж уже, от старого никого не осталось. И 23 марта недалеко от города Хайлигенбайль — не знаю, как он сейчас называется — тяжелые бои были. Там шла железная дорога Кенигсберг — Берлин, и немцы груженые лесом вагоны поставили так, что не пробиться — ни танкам не пройти, ни пехота не может. Под колесами сидят немцы, стреляют. Выковыривали долго их оттуда. И автострада — бетонная, хорошая, автобан немецкий, а в кюветах глубоких — 88-миллиметровые зенитные орудия. Страшной убойной силы, никакая броня не держала.

До нас ходили в атаку тяжелые самоходки, 122-миллиметровые. В два захода выжгли их. Приехал Василевский — мол, почему не двигаетесь. Начальство наше сообщает — танков нет, выжгли. Он на наши самоходки показывает — а это что? Командира полка ко мне! Полкана нашего позвали, Василевский ему. Ну, а что подполковник может сделать? Приказал — мол, ребята, надо. Кто вернется живой — награжу.

Пошли. Выскочили — сколько стволов ударило сразу, я не знаю, первая машина взорвалась, а мы вернулись обратно. Тут приказ повторить атаку. Мы опять полезли. Короче говоря, я только помню вспышку перед глазами — взрыв, видно в топливный бак попало. Зад-то открытый у самоходки, меня или выкинуло, или сам выпрыгнул — так и не помню. Телогрейка загорелась на мне. Хорошо, сообразил, в свою сторону побежал. Там траншеи были. Солдаты меня уронили и начали макать в грязь, погасили. Я еще отбивался, как потом рассказали.

Потом посмотрели — некому уже наступать-то было. Подтянули артиллерию, сровняли с землей там все, что можно. А нас-то сожгли уже. Вот так-то и получилось[8]».

Если так поступал прославленный маршал Василевский — которого тупым придурком ещё никто не называл...

До меня конечно, никто не называл: я — первый!

...То что говорить о других советских военначальниках — которых, иначе как этим словом и назвать то нельзя? Которые в начале войны, даже частично бронированный артиллерийский тягач для сорокапятки «Комсомолец» и, тот пытались применить как танк — посылая его в атаки?

Примеры тупой дурости наших отцов-командиров, можно приводить бесконечно:

«Самоходка не предназначена ходить в атаку, как тридцатьчетверка потому, что у них броневая защита, а наша пушка сзади открыта. Но у Григорьевки под Одессой командование приказало нам идти в атаку вместе с танками. К счастью наша батарея в ту атаку не ходила, а так много погорело из полка[9]».

В общем, ставя в этом вопросе жирную точку:

«Придумали САУ умные(!) люди. Они предназначались для сопровождения пехоты, подавления немецких огневых точек и артиллерийских батарей, уничтожения ДЗОТов и борьбы станками. Наши САУ для этого были эффективны и необходимы. Вся беда заключалась в том, что наши СУ-76 всегда(!!!) гнали в атаку, в одном ряду с Т-34, где мы горели, как свечки. Нередко эти атаки были на сплошное «ура!», без должной поддержки и разведки[10]».

Так что, не...

Умерла, так умерла!

***

Федоренко, от удивления выронил авторучку-наливайку, уставился на меня совершенно круглыми глазами и, было замямлив:

— Конечно, Вам — как Верховному главнокомандующему, видней...

Вдруг как вопиёт, как оглашённый:

— ...Но Вы совершаете большую ошибку!

С любопытством смотрю не него, как на редкостно-гадливую нимфузорию через мелкоскоп и думаю:

«Интересно, напишет на товарища Сталина закладную в НКГБ, аль нет?».

А вслух:

— Это твой папа совершил ошибку, что тебя об простыню не вытер — когда ты ещё «мутной каплей» на его «конце» висел!

— Я буду жаловаться на Вас...

— В «Лигу сексуальных реформ»? Наверяд ли там тебе помогут.

— В Политбюро!

Я чуть под стол со смеху не сполз:

— ХАХАХХА!!!

Когда проржался, вытирая выступившие на глаза слёзы, спрашиваю:

— Вопрос на засыпку, Федоренко: как устроена противотанковая оборона самой обычной германской пехотной и сколько противотанковых средств — в частности пушек, в ней имеется?

Увидев замешательство в глазах, подняв глаза к небесам, вздыхаю:

— Я чё то ваще не понимаю: а на хера у нас разведка существует? Ээээ... Существовала. Разогнал я эту «контору» к чёртовой бабушке и правильно сделал...

Повздыхав и наяву себе представив себе бывшего Начальника ГРУ Новикова — одетого в синее галифе мотнёй назад:

— Реальная война с гитлеровской Германией будет совсем не такой, как её всякие там педарасты на «Мосфильме» снимают! Немецкий солдат, отнюдь не побежит перед нашими лёгкими танками — атакующих толпой, подобно стадам диких печенегов. У него в подсумке две обоймы по пять усиленных патронов с бронебойной пулей — способной со ста метров пробить броню до пятнадцати миллиметров, что как раз хватает для нашего «Т-26»...

Прервавшись:

— Вы бы записывали, генерал, а то так — дураком и погрёте.

Тот поспешно схватился за ручку, а я продолжил:

— Кроме того, в каждом пехотном отделении есть единый пулемёт, имеющий ленту с такими патронами... Вы знаете что такое «единый пулемёт», Федоренко?

Впрочем и так всё ясно: если бы наши генералы знали про такой «ништяк» — они бы обязательно его заказали оружейникам. Ибо умение обезьянничать — практически единственное их достоинство, хотя и изрядно сомнительное.

Ещё раз вздохнув, диктую дальше:

— Каждый пехотный взвод имеет противотанковое ружье калибра 7,92 миллиметров. Этот «слонобой» пробивает двадцать пять миллиметров брони с дистанции триста метров... Нашим «БТ» — однозначный кирдык!

— Каждая немецкая пехотная дивизия по штату располагает двадцатью 2-ти миллиметровыми автоматическими зенитными пушками «2 cm FlaK 38», в боекомплект которых входят и бронебойные снаряды — пробивающие наши «жестянки» насквозь.

Про себя добавил:

«И с близкого расстояния — даже броню «Т-34» на отдельных участках».

— Ну и наконец, кроме двенадцати-орудийной противотанковой роты в каждом полку, в каждой немецкой пехотной дивизии — имеется отдельный противотанковый дивизион с тридцатью шестью 37-ми миллиметровыми пушками «Pak-35/36». Таким образом — всего семьдесят пять(!) орудий ПТО. И это не считая полевых орудий, тоже имеющих немалый противотанковый потенциал.

Вижу, это его впечатлило и бомблю дальше:

— И если японцам вполне хватило всего одной шести-орудийной батареи 37-мм противотанковых пушек «тип 94» (всего каких восемнадцать сранных орудий на дивизию!), чтоб 3 июля 1939 года — сжечь семьдесят семь танков из ста тридцати трёх... И сорок пять бронемашин — из шестидесяти семи, 11-ой танковой бригады Яковлева... То представь только, что сделают с нашими «БТэшками» и «двадцать шестыми» немцы!

Пока тот «грузится», выкатываю ещё «арбуз»:

— А ведь их Вермахт, в данный момент активно меняют свою 37-ми миллиметровую «колотушку» на 50-ти миллиметровый «дырокол» «PaK-38», способную с пятисот метров пробить шестьдесят миллиметров брони! Правда, таких пока все две штуки на дивизию...

Указательный палец вверх:

— ...Но вот именно — «пока»!

К счастью, у «финников» даже этого нет и этим надо воспользоваться.

В глазах Федоренко, вместо недоумённого испуга и какой-то хорошо заметной затаённой злобы, вдруг появилось неподдельное уважение:

— Вы очень хорошо информированы, тов...

Презрительно-насмешливо:

— Военным делом интересоваться надо, а не просто синие штаны с лампасами в кабинетах протирать! Хочешь стать маршалом, Федоренко?

С видом бравым и, слегка туповатым:

— Как прикажете.

По глазам вижу — хочет. Любой хохол за лишнюю лычку удавится, а тут — маршальская звезда на погоны!

— Поэтому делай так, как я приказываю. Потом, после войны — ещё и спасибо в мемуарах скажешь... Скажешь мне «спасибо», Федоренко?

— Скажу!

Грожу пальцем:

— Ну смотри не проканай за балабола — с того света достану.

Подумав чуток, изменил первоначальную категоричность на более мягкий вариант ликвидации «лёгких и устаревших», как класса:

— Впрочем, некоторое количество Т-26 «первой категории хранения» (сколько именно — сам думай!) разрешаю оставить в учебных танковых подразделениях внутренних округов и военных училищ для отработки тактических задач в составе роты и батальона...

«Двадцать шестые» сравнительно экономичны по сравнению с «бэтэшками» и

сколачивать на них подразделения, учить взаимодействию — само то.

— ...Точно так же как и новейшие же «БТ-7М» с дизелем, надо изъять из войск и использовать в качестве учебных.

Всего было выпущено 706 единиц этих танков (из которых около полторы сотни штук получили войска НКВД), после чего их производство было прекращено, в связи с переходом Харьковского завода на «Т-34». Боевое значение их «околоплитусное», а вот как учебная машина (из-за более меньшего века и следовательно — большей экономичности и межремонтного пробега) — будет в самый раз.

Кроме «человеческого фактора», в моём решении есть и чисто экономический резон: каждый «лёгкий и устаревший» танк — это до пятнадцати тонн высококачественного металла... Так зачем, его оставлять врагу в виде обгоревшего, уже готового в мартены металлолома? Я по натуре своей — «хомячило» ещё тот и, никогда не проходил равнодушно мимо валяющейся на земле гайки... Обязательно её куда-нибудь подальше в кусты запинывал.

Если переплавить, броневой стали с двух «БТэшек» или трёх «двадцать шестых» — вполне хватит на один «Т-34» или пол-«КВ».

А если ещё за счёт кой-какого, самого простейшего апгрейда и более умелого применения — снизить потери танков новейших танков, то глядишь и избавим господ союзников от одной из хлопот — поставок листовой брони по Ленд-Лизу, взамен выпросив что-нибудь другое. Например, побольше алюминия, чтоб наша авиация стала менее деревянной.

А кроме тупо брони, у «лёгких и устаревших» — есть ещё немало «вкусняшек».

— ...45-ти миллиметровые пушки снять с танков и отправить на «Завод № 8» в Подлипки. Я позже там обязательно побываю, накручу руководству хвост — глядишь, что полезно-противотанковое с них запилят.

По состоянию на 22 июня 1941 года, на вооружении РККА находилось 16 621 штук 45-мм орудий. Большая часть из которых находилась в стрелковых дивизиях, в которых по последнему предвоенному штату — их должно было быть пятьдесят четыре.

Во-первых, это критически мало — по сравнению с пехотной дивизией Вермахта.

А во-вторых, что ещё хуже — выпуск этих орудий прекращён в конце 1940-го года. Производство «сорокопяток» будет возобновлено лишь после начала войны, причём — на нескольких заводах сразу.

Но время — самый ценный на войне ресурс, будет безвозвратно упущено!

Имеющиеся орудия ПТО сравнительно быстро были потеряны и, вооружать вновь формирующиеся на замену разбитых стрелковые дивизии, станет нечем. Противотанковые пушки, аж до самого 1943-го года — исчезнут из штата стрелкового батальона, а противотанковые ружья — их заменить не могут, сколько бы их не было.

А я всерьёз намереваюсь увеличить вдвое количество противотанковых пушек в штате дивизии!

И почти пятнадцать тысяч стволов — снятых со списанных танков, мне в этом помогут.

Конечно, танковая пушка «20К» и противотанковая «19К» — далеко не одно и то же, но всё-таки они имеют много общего — например ствол и затвор. Поэтому лишний «набор деталей» заводчанам не помешает.

А ведь, у каждого танка есть двигатель!

Впрочем, про двигатели «лёгких и устаревших» будет отдельный разговор... Есть у меня пара идей, куда их можно приспособить.

— Пулемёты складировать. Если кроме «ДТ» ничего более приличного к лету не запилим, будут резервом. Если же сподобимся — отдадим это дерьмо пехоте.

Есть у меня задумка в каждом стрелковом отделении иметь по два ручника. Глядишь, при счастливом стечении обстоятельств, те смогут на пару работая — «задавить» один немецкий «эмгач».

— Все радиостанции с танков снять и комплектно отправить на заводы-изготовители для ремонта, затем на заводы производящие новые танки.

Согласен: несмотря на неоднократные модернизации, находившиеся на вооружении с 1933 года советские танковые коротковолновые радиостанции «71-ТК» — уже устарели, как ленинский броневик и, с 1941-го года заменяются на более современные — «9-Р» и «10-Р»... Но тех остро не хватало и приёмопередатчиками оснащались только танки от командиров роты и выше. Взводные имели лишь приёмник, а линейные танки управлялись флажками и приёмом «Делай как я!» — известном ещё со времён линейно-парусного флота и одноглазого Нельсона.

Я же намереваюсь оснастить каждый Т-34 и КВ — хоть и хреновенькой, но именно полноценной радиостанцией!

А если экипажи в них буду сплошь и рядом командирскими, то и недостатки устаревших радиостанций в них — в значительной степени нивелируются.

Рисунок 67. Коротковолновая радиостанция «71-ТК-3», устанавливаемая на танках БТ-5, БТ-7, Т-40, Т-60, Т-34 ранних выпусков, КВ-1, КВ-2, броневедомолях БА-11.

— Всю «бронированную мелюзгу» — «Т-37», «Т-38» и, «Т-27» — отправить в Горький на автозавод: единственное, что них есть ценного — это 50-ти сильный газоновский моторчик, годный на грузовики-полторки.

— «Т-35» законсервировать, и отправить на хранение куда-нибудь подальше от западной границы... Где у нас районы с сухим климатом? После войны будем их продавать в музеи мира, как кости мамонтов и прочих вымерших динозавров, зарабатывая валюту на восстановление страны.

— Все «Т-28» подшаманить и, с группой конструкторов из перспективной молодёжи отправить на Коломенский паровозостроительный завод: глядишь, что полезное с них запилят.

Читал я в «своё» время пару зачётнейших альтернативок по поводу этого сталинского «Трёхголового дракона». Подскажу коль сами не допетрят.

— Оформишь приказ как следует и на подпись мне, членам «ГКТиО» и далее по инстанции...

Грожу пальцем:

— ...И не вздумай мне резину тянуть и Му-му ипать, Федоренко! я буду за тобой бдить — аки заботливый тесть за зятем-рукоблудом.

***

Однако, «пилим» дальше:

— Из освободившихся командиров-танкистов сформировать при Кировском и Харьковском танковых заводах учебные части. Название: батальоны, полки или бригады — сам придумаешь, не маленький уже. Штат и всё такое прочее — также на твоё усмотрение.

Тот, с видом просветлённым кивает:

— Ага... Понял.

— Самое главное, что? Эти учебные части должны готовить танковые экипажи из командиров, члены которых для лучшего ознакомления с новой техникой — будут участвовать в изготовлении «своего» танка с самого начала. Они обязаны следить, чтоб он изготовлялся качественно, был укомплектован как положено — ЗиП, шанцевый инструмент и всё такое прочее... Участвовать в его испытании ездой и стрельбой на заводском полигоне и, наконец...

Торжествуя поднимаю палец вверх:

— ...Участвовать в госприёмке, где подпись командира танка будет решающей!

Вспоминаю рассказ другого ветерана-танкиста, командира «ИС-1» из того же сборника Драбкина:

«Я был младшим лейтенантом, а мой механик-водитель как политрук имел звание «старший лейтенант», в соседнем взводе даже капитан был механиком-водителем».

— Чуть не забыл: командирами танков обязательно должны быть уже повоевавшие танкисты. Даже если положим это лейтенант, а механиком-водителем к нему попал капитан, а то и целый майор... Сечёшь?

— Секу, тов... А может таких сразу в звании повысить?

— Eh bien pourquoi pas?

— Что?

— Я говорю: языки учить надо! Конечно, повышай в звании. Хоть до маршала — если это для дела необходимо.

Однако, это я отвлёкся...

— Наводчики должны расстрелять на заводском полигоне хотя бы по полному боекомплекту, остальные — по его четверти.

Громадное значение для успеха танкового экипажа в бою, для его выживаемости, имеет умение и опыт механика-водителя. Он сам правильно площадку для стрельбы выберет, сам за укрытие спрячется или встанет так, чтобы подставить под неприятельский выстрел толстую лобовую броню, а не уязвимый бок.

Отсюда:

— Все танкисты должны иметь наезд не менее десяти часов на танках новых типов, исполняющие обязанности механиков-водителей — двадцать пять.

Федоренко осторожно:

— Средний пробег до ремонта крайне низок...

Кулаком по столу и безапелляционно:

— Значит, в этих учебных подразделениях надо иметь по два, по три учебных танка на экипаж! На одном товарищи командиры учатся воевать, на другом учатся его ремонтировать.

— Тогда отпуск танков в войска прекратится.

Неделанно-изумлённо на него тарашусь:

— А зачем войскам танки — которые больше ремонтируются, чем воюют?

Затем, с крайней подозрительность в голосе:

— Вы на кого работаете, Федоренко? На меня или на Гитлера?

Поспешно-испуганно:

— На Вас, тов...

Заговорнически подмигнув:

— Ну а тогда чё ты в натуре быкуешь? Товарищи командиры будут ломать танки, а заводские специалисты заипавшись их ремонтировать — денно и ночью работать над улучшением конструкции и устранением недостатков. И будет всё пучком в танковых войсках, а мы с тобой, Федоренко — по брови в шоколаде.

Однако, продолжаем:

— Пиши следующий приказ, Федоренко: все танки «Т-34» и «КВ» вернуть на заводы изготовители... Все до одного, как понял? Кроме тех, разумеется, что в учебных батальонах военных училищ.

— Понял, тов... Хорошо понял.

Подняв палец вверх:

— С сей поры, Начальник автобронетанкового управления РККА, порядок в танковых войсках будет такой: отправка танков с заводов промышленности в округа (в военное время — на фронты) должна была производиться только в составе сформированных, укомплектованных личным составом и матчастью, обученных и сколоченных маршевых рот.

«В реале» такой порядок был установлен постановлением правительства «№ 1749-756» от 25 июня 1941-го года.

В «текущей реальности» — на полгода раньше, что непременно скажется на Приграничном сражении и несомненно — на общем течении войны.

***

Так, так, так... Экипажи танков — считай уже почти у меня в кармане, теперь надо из них сколотить подразделения, затем — части. Сколько это займёт времени, интересно?

Спрошу у главного танкиста — больше не у кого:

— А сколько, кстати, будут переобучаться командиры на новые танки?

— Если судить по инициативе харьковчан, то не меньше месяца.

— «Не меньше месяца...»?!

Хватаюсь в ужасе за голову:

— Долго! А если учесть, что дело новое, требующее какого-то периода на организацию — то пожалуй и побольше месяца в результате получится... Качеством жертвовать нельзя!

Соскочил с места и на глазах изумлённого главного танкиста, забегал по кабинету:

«Что делать, что делать... Нет у меня столько времени... Просру таки государство оставленное мне великим Реципиентом — обязательно просру! Что делать, что делать...».

И вдруг меня озаряет и, остановившись над Федоренко, спрашиваю:

— А сколько говоришь у тебя уже готовых командиров освоивших «Т-34»? Почти четыреста?

Это, если кому самому считать лень — сто экипажей среднего танка или чуть поменьше

тяжёлого.

Подтверждает:

— Да! И ещё учатся сто двадцать шесть человек среднего и старшего начальствующего состава.

Трясу над ним кулаками и брызгая слюной:

— Этих оставить доучиваться, а первых подать всех сюда! Срочно! Немедленно! ЕЩЁ ВЧЕРА!!!

Федоренко вжав голову в плечи, потупился:

— Тов... В этом списке — командиры среднего и высшего звена, учащиеся в «Высшем военном училище моторизации и механизации РККА» вашего имени.

Если перевести с военного на русский: воентехники в звании от лейтенанта до генерала.

Отмахиваюсь и настойчиво-категорично:

— Ничего! После войны доучатся. Так сколько потребуется времени, чтоб собрать этих «почти четыреста» командиров в Кубинке?

Задумывается, потом уверенно:

— На все организационные мероприятия, тов... Неделя, не больше.

Делаю отметку в еженедельнике (не для себя, для него):

— Ловлю на слове, Федоренко!

***

Продолжаю:

— А теперь давай с тобой подумаем над организационной структурой, что в деле боеготовности — стоит на втором месте после кадрового вопроса...

Положив руку на папку с результатами осенних испытаний пробегами новейших танков — где между прочим, был такой вердикт для лучшего танка Второй мировой войны:

«Тактическое использование танка в отрыве от ремонтных баз невозможно, вследствие ненадежности основных узлов — главного фрикциона и ходовой части».

То есть, для того чтобы применять новейшие танки в составе подвижных механизированных подразделений, придётся придать каждому танковому взводу ремонтную бригаду в составе ремонтной летучки на шасси 4-тонного «ЗИС-6» повышенной проходимости, двух трехтонок «ЗИС-5» с необходимыми инструментами, приспособлениями, материалами и запчастями и, автобус для перевозки личного состава квалифицированной заводской ремонтной бригады.

Реально такое?

Нет!

Поэтому подобно отдельным «особо одарённым» не хер и мечтать об советском варианте «Блицкрига».

Исходя из этого, говорю:

— Пока не поднимем межремонтный пробег новейших танков хотя бы в три раза, даже мечтать об «глубоких операциях» и самостоятельных действиях бронетанковых войск — просто смешно! Пятьдесят-семьдесят километров — это на ближайшее время «наше всё». Поэтому пока запиливаем с тобой танковую бригаду, придаваемую общевойсковым армиям нового типа — главным образом для поддержки стрелковых дивизий на главном направлении при наступлении, или для контрударов по вклинившемуся в нашу оборону противника.

— Затем, когда надёжность танков повысится (к осени или зиме, не раньше), будем как из «кирпичиков», из них и из мотострелковых дивизий — лепить с тобой механизированные корпуса и, даже возможно — танковые армии...

Пристальный взгляд в глаза:

— ...Согласен с такой постановкой вопроса, Федоренко?

Тот глянув на те же папки с отчётом, уверенно:

— Вполне согласен, тов...

— Теперь давай подумаем с тобой, Федоренко, об организационной структуре нашей бригады.

***

Здесь я тоже хочу воспользоваться опытом предков — несколько его творчески «допилив напильником», конечно.

Несмотря на переход на бригадно-корпусную организацию бронетанковых войск, в Красной Армии во второй половине войны имелись и отдельные полки — тяжёлые танковые полки прорыва, формирование которых было начато осенью 1942 года и которым сразу же присваивали звание гвардейских.

Эти части были довольно малочисленными (двести с небольшим человек личного состава), имели на вооружении всего двадцать один танк и, минуя батальонную структуру — состояли всего лишь из четырёх танковых рот, командиры которых напрямую «замыкались» на управление полка.

В каждом отдельном гвардейском танковом полку того времени, было четыре танковых роты по пять тяжёлых танков (два взвода по два танка плюс танк командира роты). Итого двадцать линейных танков и ещё один был закреплен за командиром полка. Кроме линейных рот, по штату в каждом отдельном полку имелась собственная рота автоматчиков (94 человека), ремонтная рота и подразделения обеспечения.

Почему так это было сделано, я без понятия... Но раз оно работало — то и мне неча рожу воротить. Конечно не будь я попаданцем-заклёпочником, чтоб хоть что-нибудь — да не улучшил в соответствии с временным периодом действия таких формирований — Приграничным сражением лета 1941-го года.

Итак, начнём с самого «нуля» — с элементарной боевой единицы.

Без взаимодействия танков и пехоты — никуда!

Однако, ещё во время первых боёв в Финляндии было замечено, что пехота вслед за танками не идёт: лёжа кричит «Ура!» — но ни с места.

Вполне её — пехоту понимаю: на хрена своей жизнью рисковать — когда эта «железная дура» рядом?

«Броня крепка и танки наши быстры»?

Вот пускай и «мчатся танки ветер поднимая» — как про то фильмы до войны снимали и песни в них пели...

Глядишь и полетит:

«...наземь вражья стая

Под напором стали и огня».

Стиснул челюсти так, что чуть зубы не раскрошились:

«Поубиваю этих гнойных пидарасов!».

Хи, гкхм... Это я про наших киношников, а вовсе не про нашу «Царицу полей» — которой по-человечески страшно подниматься на неподдавленные артиллерией пулемёты.

Поэтому довольно часто, танковым командирам приходилось выходить из своих боевых машин и, кроме танковой — возглавлять ещё и пехотную атаку.

Лишь к концу Зимней войны удалось наладить взаимодействие танковых подразделений со стрелковыми частями и артиллерий, благодаря чему и удалось в сравнительно короткий срок прорвать линию Маннергейма.

Прорвали и...

...И тут же забыли про только что обретенный опыт!

И именно так — поднимая залёгшую перед пулемётами пехоту, погибнет в 41-ом на Перекопе один из лучших советских танковых генералов — Семен Васильевич Борзилов.

На мой взгляд причина в том, что это была «чужая пехота». Она и её командиры — не понимали, что такое «танк», для чего он нужен и, тем более совершенно не имела понятия — как и каким образом с ним надо взаимодействовать.

Мало того: не пехота придавалась танкам — а танки придавались пехоте!

И оттого нередко были курьёзно-трагические ситуации, наподобие этой — произошедшей уже в начале Великой Отечественной:

«17.8.41 г. танковый батальон действовал совместно с 953-м стрелковым полком в направлении Зайловец, Жежванниково. Около 4.00 в районе расположения штаба 257-й стрелковой дивизии и 953-го стрелкового полка группа противника открыла беспорядочный огонь, очевидно с целью создания паники и срыва плана наступления полка. Командир 257-й стрелковой дивизии приказал: «Ликвидировать этот прорыв силами танкового батальона». Танки, открыв огонь с места, в условиях темноты и не видя никакой цели перед собой, в дальнейшем начали движение в направлении кустов, что севернее Зайловец 1 км. Не обнаружив никакого противника перед собой, командир танкового батальона остановил танки для производства разведки, поставил задачи по организации взаимодействия между родами войск. Командир полка, который следил за выдвижением пехоты и танков, приказал: «Танки немедленно вперед, противник отходит». Танки продвинулись еще на 800-1000 м, и, не увидев никаких целей перед собой, вновь остановил танки для производства разведки, но тут же получил приказание штаба дивизии, переданное через командира полка: «Танкам наступать в направлении Жажванниково, противник отходит». При выходе из кустов в чистое поле танки попали под сильный огонь крупнокалиберных пулеметов противника (видимо — 20-мм автоматических зенитных пушек. Авт.), дальнобойной артиллерии, бомбежку авиации. Ввиду сильного налета авиации все огневые средства замолчали, и танки остались без поддержки. Наши потери от огня крупнокалиберных пулеметов 5 танков. От бомбометания авиации — 2 танка...».

Комментарии, как говорится — излишни: с такими пехотными командирами — нашим танкистам и врагов не надо было!

Вспомнилось из Драбкина:

«Танковый десант по инструкции должен составлять пять-семь человек. В реальности же было так: комбат стрелкового батальона находился на танке нашего комбата, с ним десяток-полтора пехотинцев. И дальше по убывающей. В итоге у командира линейного танка

три или четыре стрелка, а то и того не было.

Когда пехота есть, то намного проще воевать в городе: они быстрее замечают, откуда стреляют, из какого дома и окна. Своевременно подсказывали, где противник. Я относился к десанникам нормально. Ведь внутри танка проще сидеть, когда противник ведет стрельбу из пулемета или карабина. А пехотинцу надо спрятаться. Использовали наш корпус или башню. Командовал ими свой командир, мы от него только получали информацию. В конце войны я стал командиром танковой роты, тогда со мной на танке находился стрелковый ротный. Мы между собой договаривались. Если, предположим, деревню занимали, то ротный приказывал своим стрелкам: «Смотрите, пожалуйста, чтобы никто не подступил к танку».

Значит, что?

Значит, наиболее верным решением было бы дать танкам собственную пехоту, входящую в состав... Да, чего уж там мелочиться...

Экипажа!

Ведь кроме боевых задач, у того уйма прочих — вплоть до хозяйственно-бытовых.

Управление танков во время многокилометрового марша было занятием не из лёгких и, вот представьте себе, что измотавшись в дупель, вам за время краткого привала — ещё надо провести техобслуживание, регламентные работы, заправиться топливом, пополнить боезапас... Если же вы находитесь в предбоевой обстановке, кроме этого — необходимо окопать танк, вырыть щели для экипажа и замаскировать всё это... Всю ночь охранять танк и поддерживать костёр под его днищем, если дело происходит зимой.

Как это всё проделать вчетвером-впятером?

Опять же, вспомнились воспоминания ветерана-самоходчика[11], воевавшего на «ИСУ-152»:

«Что запомнилось? Очень много нужно было копать. Как только займешь какой-нибудь рубеж или переедешь — обязательно надо было закапывать машину. Командир машины постоянно находился при штабе, механика от работ освобождали совсем. Оставались наводчик, замковый и заряжающий. Вот эти 3 человека должны были самоходку каждый раз зарыть. Нормативов особых не было, но мы и сами понимали, что чем быстрее мы эту работу выполним, тем лучше это для нас. То же самое было и во время стрельбы. Если я плохо работаю, значит враг может поразить меня раньше чем я его».

А если вдобавок ещё и экипажи неполные, что на войне — далеко не редкость?

Естественно, на многие свои обязанности по техобслуживанию, танкисты «в реале» — забивали «кожаный болт» и, машина преждевременно выходила из строя. Отчего век «лучшего танка ВМВ» — был недолог и без болванки из 88-ми миллиметровой зенитки «Ахт-комм-Ахт» в люк мехвода и, довольно часто заканчивался в виде «постамент» на обочине шоссе — на радость делающим «селфи» немецким обозникам.

***

— ...Пиши, Федоренко: отныне в РККА, присно и вовеки веков — понятие «танк как боевая единица», включает в себя саму самоходную бронированную коробку с пушкой и пулемётом, экипаж и десант.

Рисунок 68. Обратите внимание, сколь много кастрюлеголовых фашистов занимается обслуживанием этого «Т-IV» с «окурком». У нас же — «три танкиста, три весёлых друга — экипаж машины боевой».

— Насчёт первых двух составляющих всё понятно, да? Разве что, каждая машина в нашей бригаде должна быть «командирской», то бишь — имеющей полную радиостанцию с приёмником и передатчиком. А на самой «коробке» надо сделать поручни, сиденья и устройство для общения десантников с танкистами в боевой обстановке — про которое мы уже с тобой говорили.

Тот, записывая:

— Понятно: «...поручни, сиденья на моторном отделении танка и «кнопка внешнего вызова» экипажа».

Втайне радуюсь:

«А он, сцука, способный! Почаще его кошмарить — толк будет».

— Ещё, Федоренко, нам с тобой надо не забыть про ящики под личное имущество десанта, его продуктовый паёк, запас питьевой воды и боекомплект. Записал?

Показывает:

— Записал.

Проверив на всякий случай, жгу дальше:

— Теперь давай с тобой как следует «обсосём» третий компонент танка — десант.

Встав, походив, подумав, выдаю:

— Десант танка должен состоять из восьми-двенадцати человек (точную численность нам с тобой предстоит опытным путём установить), во главе как минимум лейтенанта — имеющего опыт командования стрелковым взводом и двух сержантов.

Федоренко тоже входя в кураж, подсказывает:

— Для эксперимента, пехоту можно позаимствовать в Московской пролетарской дивизии...

Кивком одоблив инициативу, продолжаю его мысль:

— ...И затем «позабыть» отдать. Обязанностей у десантников просто до фигища и мы с тобой ещё об этом обязательно перетрём. Но самая главная — наблюдение за полем боя и выявление целей для танка: в первую очередь — орудий ПТО, во вторую — пулемётных гнёзд. Поэтому у десантников обязательно должно быть не менее двух биноклей и пара же ракетниц для целеуказания экипажу. Опять же для целеуказания экипажу, оружие десантников должно быть в избытке снабжено трассирующими пулями.

Хожу туда-сюда по кабинету, на ходу придумываю, а Федоренко записывает:

— Для защиты танка от пехоты противника, уничтожения второстепенных небронированных целей — на вооружение десанта должно быть два ручных (можно танковых ДТ) пулемёта, снайперская винтовка и пистолеты-пулемёты для ближнего боя. Само-собой — побольше ручных гранат... Возможно и ротный миномёт — почему бы и нет?

— Ничего страшного, если у каждого такого бойца будет по два комплекта оружия, например — снайперская винтовка и пистолет-пулемёт... Ему же, не на собственном горбу — как обычному пехотинцу, всё это добро по сто вёрст тащить?

Подумав-подумал и, решил пока на этом с «элементарной единицей» закончить — до результатов первых тактических учений.

***

— Далее — взвод. Из-за слепощарости новых танков и недостатков их радиофикации, пока сделаем взвод состоящим из двух танков... А там посмотрим!

В то время в танковом взводе было пять танков, поэтому вполне естественно сомнение у Начальника главного управления Танковых войск РККА:

— А не мало будет?

— Если мало будет — прокурор добавит.

Поугорав в душе над его видоном, продолжаю размышлять вслух:

— Едем дальше: рота... Думаю, три взвода в роте — само то будет. Два линейных взвода — средние танки «Т-34». Командирский взвод: один «КВ с малой башней» и один «КВ с большой башней» — называемые в дальнейшем как «КВ-1» и «КВ-2». Танк командира роты — именно «КВ-2»... Спрашиваешь «почему», Федоренко?

— Почему, тов...?

— Потому что его основное оружие — 152-х миллиметровая гаубица, заряжается очень долго, стреляет редко... Стало быть командиру есть время наблюдать за обстановкой. Он высокий: стало быть у него — обзор лучше. Наконец, «КВ-2» — главная ударная единица танковой роты, а его командир — самый опытный танкист в этом подразделении. По сути, все другие танки роты — должны заниматься его охраной и уничтожением второстепенных целей, чтоб командирский «КВ-2» работал спокойно и не разменивался по мелочам.

Федоренко подумав, воскликнул в восхищении:

— Вы это здорово придумали, тов...!

Приятное слово и кошке в кайф, не говоря же про Верховного главнокомандующего:

— А ты думал? Историко-диалектические процессы, вам какого-нибудь лошка в Сталины не подсунут!

Однако, хватит самопиара:

— Вот только этот командирский танк надо срочно снабдить командирской башенкой и каким-нибудь артиллерийским дальномером, что в принципе вопрос решаемый... Если мы с тобой, Федоренко, заводчан хорошенько попросим.

Тот, несколько надутно-обиженно — видать, страдая какой-то незаживающей «попабольшью»:

— Вы ещё не знаете, насколько это вредная публика...

С видом самым свирепо-отмороженным, успокаиваю Начальника АБТУ РККА:

— Это они ещё не знают, насколько убедительно может просить товарищ Сталин.

Мы, опять не сговариваясь посмотрели на портрет, а затем вновь подозрительно уставились друг на друга.

Затем я, преодолевая неловкое молчание:

— Это сколько у нас в роте получилось народа, не считая десанта?

После ничтожно короткой заминки, тот выдаёт:

— Шестнадцать командиров на четырём «Т-34», пять на «КВ-1» и шесть на «КВ-2»: всего двадцать семь человек.

— Хорошо. Со взводом и ротой мы решили, переходим на ступень выше...

***

Я продолжил говорить, скорее — рассуждать вслух, а Федоренко — записывать мои мысли:

— ...Итак, пишем: танковый батальон «нового строя» состоит из трёх танковых рот и роты управления. С первыми мы уже разобрались, а последняя состоит из взвода охраны — два «Т-34» (если его не будет в штате, комбат выделит линейные танки из рот для охраны штаба и в нём себя — любимого) и двух командирских танков... Вопрос на засыпку, Федоренко: чем отличается командирский танк от линейного?

Тот, недолго думая, бесхитростно ляпнул:

— Тем, что на нём ездит командир.

Предварительно поломав голову на тему: а не перевести ли его в колхозные трактористы — вслед за экс-генералом Павловым, всё же кивнул:

— Мда... Тоже вариант — имеющий право на существование. Но всё же более точным определением будет: «тем — что на нём не надо ходить в атаки». А стало быть, поступим как наш вероятный противник... Более, чем» вероятный»!

Рисунок 69. Увы нам, но апгрейдили самый мощный советский танк не советские конструкторы, а фашисты из Панцерваффе. На снимке трофейный «КВ-2» с командирской башенкой.

По лицу главного танкиста РККА стало ясно-понятно, что он без малейшего понятия как в аналогичном случае поступали высотехнологичные германцы. Поэтому пришлось самым подробнейшим образом «разжёвывать»:

— То есть у «КВ-2» (в нём в отличии от «Т-34» — просторнее и это ещё слабо сказано) командира батальона вместо пушки приварим её муляж (спаренный пулемёт можно оставить — он много места не занимает), освободим боевое отделение от боеприпаса и, за счёт этого — разместим ещё одного радиста с рацией помощнее для связи с вышестоящими инстанциями...

И тут Остапа, что называется «понесло»:

— Танк командира батальона должен иметь две командирские башенки, каждая с прибором наблюдения типа артиллерийской стереотрубы: чтоб в танке мог работать артиллерийский наблюдатель от вышестоящего командира или авиационный наводчик...

Федоренко просто куел от такого буйного лёта моей фантазии!

Но старательно записывал, едва не вывалив язык от усердия.

— ...Экипаж: мехвод, командир танка, командир батальона (начальник штаба), два радиста и один «прикомандированный». Сколько всего народа?

Отвечает:

— Шесть. Но «прикомандированного» можно не считать за танкиста.

— Согласен, итого — пять. Итак на батальон два таких танка... В отличии от танков командиров взводов и рот, назовём их — «командно-штабными танками»: для краткости — «КШТ». На батальон полагается два таких «КШТ»: для командира и начальника штаба.

***

«Пилим» дальше:

— Кстати, об артиллерии — раз уж к слову пришлось. Танковая бригада придаётся стрелковой дивизии находящейся на направлении главного удара при наступлении или

контрударе. Поэтому перед атакой, артиллерийская подготовка проводится полевой артиллерией — дивизионной, корпусной или даже армейской...

Тут же вспомнилось из воспоминаний битого Красного Армией немецкого генерала Фридриха Вильгельма фон Меллентина:

«Однако были у русской артиллерии и недостатки. Например, негибкость планов огня бывала иногда просто поразительной. Взаимодействие артиллерии с пехотой и танками было организовано недостаточно хорошо. Орудия перемещались вперед слишком медленно и часто даже оставались на своих первоначальных огневых позициях, в результате чего наступающая пехота, продвинувшаяся далеко в глубь обороны, долго не имела артиллерийской поддержки».

— ...Однако, все цели она подавить не в состоянии — особенно в глубине обороны: обязательно хоть что-нибудь да останется. А с артиллерийским сопровождением уже в ходе наступления — у нас всегда получается какая-то шняга, как это выяснилось во время недавней Финской войны. Поэтому...

Опять пришёл на помощь ветеран-танкист из сборника воспоминаний Драбкина:

«— Стреляли ли вы с закрытых позиций?»

— Нет, уже после войны нас начали учить стрелять с закрытых позиций. И у нас, танкистов, результат был лучше на учебных стрельбах, чем у артиллеристов. Почему? При выстреле пушку бросает назад, а танк за счет тяжелой массы остается на месте. Поэтому, когда мы отстрелялись, приехал к нам командующий Северо-Кавказским военным округом и поблагодарил нас: «Ну, молодцы!»...».

Подумав, я всё же решил поступить иначе, чем обучать танкистов стрелять из штатных танковых орудий с закрытых позиций. Всё должны делать узкие профессионалы, а не «специалисты широкого профиля» — по сути являющиеся любителями-многостаночниками.

Поэтому, запиливаем самоходную артиллерию:

— Танкистам нужна своя артиллерия сопровождения в виде гаубиц, способных стрелять с закрытых позиций — достать противника даже за пригорочком. Стало быть в танковом батальоне должна быть своя артиллерийская 122-х миллиметровая гаубичная батарея. Буксируемая, по ряду принципиальных причин не подходит, поэтому придётся нам с тобой запиливать самоходную.

Федоренко позабыв писать, с неподдельно-детским любопытством уставился — что мол ещё придумает, а меня несло и несло:

— Делаем самоходные гаубицы не просто — а очень просто! В лишённых башен и крыш боевого отделения «Т-34», устанавливаем старую добрую 122-х миллиметровую гаубицу образца 1910/30 годов. Почему именно «старую», спрашиваешь?

— Спрашиваю, тов...

Сам изрядно сомневаясь в правильности выбора, объясняю:

— Новейшая «М-30» образца 1938-го года — хотя и имеет большую дальность огня, но и соответственно — большие габариты и массу. А так как нам далеко стрелять не надо, «старая» гаубица — более предпочтительна.

Задумавшись, махнул рукой:

— Впрочем, «умозрительно» ничего не поймёшь — нужны хотя бы результаты практических стрельб на полигоне, тактических учений в поле, а ещё лучше — боевой опыт полученный на войне.

Про себя:

«На Советско-финской продолженной войне».

— Думаю, одной четырёх-орудийной батарее — два артвзвода по две самоходки, танковому батальону за глаза хватит.

— Плюс в батарее нужно два «нормальных» средних танка для командира батарее и передового артиллерийского наблюдателя-корректировщика... Внешне нормальных: где вместо орудия — будет муляж, у командира — стереотруба для наблюдения, вместо боекомплекта — ещё одна радиостанция, а вместо заряжающего — радист.

Начальник АБТУ заслушался — аж рот раззявил.

Возвращая в реальность:

— Федоренко, ты пишешь?

Захлопнув раззявленную «варежку», тот:

— Пишу, тов...

— Такие артиллерийские танки назовём «АТ-122».

«В реале», самоходные установки имели аббревиатуру «СУ» и в войсках их обзывали «суками». Очень незаслуженно обзывали!

— А танк командира батарее: «ТАН» — «танк артиллерийского наблюдателя».

Генерал насторожил уши:

— Значит, личный состав батарее можно взять «со стороны» — а не из числа командиров прошедших обучение в Харькове? Кроме мехводов, конечно...

— Соображаешь, Федоренко! Артиллеристов мы с тобой позаимствуем у «богов войны»: нам с тобой нужны профессионалы!

Склонив голову, выводит:

— Значит, пишем: шесть командиров для артиллерийской батарее танкового батальона «нового строя»...

***

Произношу в глубокой задумчивости-забывчивости:

— Пока наши новейшие танки — как «Запорожец» моего покойного дедушки: пока под ним лежишь — он ездит... Вылез из-под «Запора» — он тут же сломался при попытке завести.

Поднимает голову и недоумённо бучит на меня свои буркалы:

— Что Вы сказали, тов... Сталин?

— Я сказал: так как эти «новейшие» танки ломаются чаще, чем того хотелось бы — в составе каждого танкового батальона обязательно должен иметься ремонтный взвод...

Опять, как раз кстати, пришла на ум подсказка из Драбкина:

«В каждой танковой бригаде имелась «ремонтная летучка»: бронетранспортер или танк без башни, к нему полагалось пять-семь ремонтников. Они занимались мелким ремонтом в боевой обстановке. То, что можно было сделать после боя или прямо в бою, они четко делали. Даже вплоть до того, что меняли неисправное орудие».

— Задачи ремвзвода: регламентные работы по техническому обслуживанию, помощь в случае застревания, мелкий ремонт прямо на поле боя и буксировка на небольшие

расстояния — до пункта сбора аварийных машин (СПАМ)... По определению, это должно быть хорошо бронированная машина, могущая буксировать танк «КВ» и, в случае «фамажора» — уметь постоять за себя и за «того парня». Значит, что?

Не получив ответа, продолжаю:

— Значит, надо выделить для этого два танка «КВ-1» — ничего другого у нас с тобой не остаётся, Федоренко. Отличие «эвакуационного-ремонтного танка» (ЭРТ) от линейного экипаж (кроме механика-водителя, конечно) состоит из ремонтников во главе с командиром-воентехником. Ну и десант — как обычно, хотя и уменьшенного состава. Эээ... До четырёх-шести человек.

Федоренко пишет и считает вслух:

— В ремзводе два танка с экипажем по пять человек... Итого — десять.

Давлю лыбу: незаурядные математические способности у него — налицо.

— Кроме этого, в этих танках неполный боекомплект — чисто чтоб на раз отбиться, а вместо него — запчасти и оборудование для мелкого ремонта на внешних носителях: лебёдки, домкраты, набор инструментов... Что там ещё?

Мой собеседник уверенно:

— Народ в «Высшем военном училище моторизации и механизации РККА» вашего имени — грамотный! Сами разберутся, что им нужно для мелкого ремонта танков.

— Абсолютно верно!

***

Что ещё?

Опять вспомнилось из Драбкина:

«Зима, декабрь месяц, солнце взойдет... Авиации раздолье. Десятки немецких самолетов висели над степью. Зенитные средства корпуса были подавлены. Самолеты в считанные минуты достигали междуречья Аксая и Мышковы. Бомбовые удары в сочетании со штурмовками истребителей просто парализовали любое передвижение. «Мессеры» парами гонялись за всем движущимся в степи, буквально за каждым человеком. Доставлять боеприпасы, горючее, пищу стало просто невозможно.

— Какие у вас были зенитные средства?

— В каждой бригаде были зенитно-пулеметная рота и зенитно-артиллерийский дивизион 37-миллиметровых автоматов. Слабовато, конечно. Немцы их сразу засекали. В открытой степи не спрячешься. Да они еще на тяге — машина недалеко стоит. Считай, это уже ориентир для летчика. В общем, быстро они нас задушили. Авиация противника не давала дышать, просто давила нас. Первыми заходами они вышибли все наши зенитные средства. Спокойно расстреляли автомашины. А потом принялись глумиться над танками. Помню, один румын еще грозил кулаком. Там, конечно, и немцы были. Но в основном над нами летали румынские самолеты. Истребителей наших мы почти не видели...».

Мне стало так стыдно:

«Ёб твою мать... Какие-то сраные мамалыжники, кошмарят наших танкистов как хотят, да ещё и кулаками им грозят! Где, в каких «Размышлениях» про то написано?».

Мда... Уж у «маршалов Победы» — уши то поди не горели!

Однако, тем хоть сцы в глаза — всё из-под Маркса «золотой дождь».

А мне так за державу стало обидно, что аж уши загорелись — как будто их как медный

самовар — с песком надрали... Не... Что-то с этим надо обязательно делать!

Вслух же, всё тем же тоном:

— Товарищ Федоренко! На наши атакующие танковые подразделения противник первым делом бросит свою штурмовую авиацию — как самый мобильный род войск. Поэтому нашему танковому батальону требуются собственные зенитные средства... Причём — хорошо защищённые от огня как с воздуха, так и с земли.

Тот, с недоумением вопрошает:

— А как же наша авиация? Где наши истребители?

Не смог сдержаться, каюсь:

— Где, где... В Караганде!

С безнадёгой, которую не смог скрыть от собеседника, продолжаю:

— Я бы на наших «красных соколов» сильно не рассчитывал. Ибо в авиации бардак ещё более лютый, чем в автобронетанковых войсках — возглавляемых Вами, генерал.

Странно, но это его так приободрило, что сам дотумкался:

— «Запиливаем» самоходную зенитную установку из «Т-34»?

Вздыхнул про себя:

«Эх... Был бы хотя бы самый куёвенький БТР... Да где ж его взять при нищете нашей? А если и возьмёшь где-то — то наши недостреленные «стратегии», тотчас пошлют его в атаку».

Чё делать?

Вспомним ещё раз интервью ветерана ВОВ из сборника Драбкина:

«— Что делали танкисты, когда попадали под авиабомбежку?

— Сидя в машине сверху, наблюдаешь, когда немцы бросают бомбы. У них так проходило: штурмовики налетали парами. Один пикирует и бросает бомбы, одну или две, а второй включает чертову сирену, которая раздирает все внутри. Смотришь — летит бомба. Сразу не определишь, куда она летит. Перелетит или не долетит. Чаще всего происходили недолеты. Это я хорошо помню. Механик-водитель сидит, как у нас называлось, «на мази». Дашь ему команду «вправо» или «влево» — он тут же отскочит метров на тридцать или двадцать. Немцы, я вам скажу, крайне редко когда могли попасть по танку».

Значит надо делать самоходную зенитную установку с такой же бронезащитой — как и, у линейных танков: чтоб и от летающего румына — оборонять тех могла и, в атаку с ними рядом ходить.

Вздыхнув уже вслух, подтверждаю:

— А из чего же ещё? Увы, Федоренко, но выбор у нас с тобой — не шибко то велик.

Пошевелив извилинами, выдаю:

— Из башни среднего танка надо удалить орудие вместе с маской, вырезать крышу башни и, постаравшись увеличить скорость вращения башни — впендюрить туда что-либо стреляющее по самолётам...

А вот здесь, выбор у меня вообще — близок к нулю!

Куда я попал, грёбанная Рабоче-Крестьянская Красная Армия, во главе с конченными оленями в синих штанах...

В 1941-м году, 37-мм автоматическая зенитная пушка М1939 (61-К) — была редка как осетровая икра на прилавках советских магазинов... Но ещё большей редкостью были её снаряды: на 22 июня 1941-го года — 17 % (семнадцать процентов!) от требуемого

боекомплекта.

Крупнокалиберный пулемёт ДШК?

Ситуация с ним немногим лучше, да и не будет он «смотреться» на тридцатьчетвёрке...

Так, что?

— Пока давай с тобой, Федоренко, воткнём туда «М4» — счетверённую зенитную установку «Максимов»: для учебных целей вполне сойдёт — а там видно будет. Назовём этот девайс — «ЗСУ-М4».

Слава Всевышнему — но на недостаток винтовочных патронов вроде бы, никто за всю войну не жаловался.

Тот, согласно кивнув:

— И сколько таким образом мы «испортим» «Т-34»?

— Зенитно-пулемётная батарея «ЗСУ-М4» будет состоять из трёх взводов по две установки, плюс командирская машина с «прибором управления артиллерийским зенитным огнём» — «ПУАЗО».

Наличие такого малоуязвимого противовоздушного средства, а так же обучение танкистов — сведёт к минимуму потери танков и танкистов от налётов вражеской авиации.

К тому же, установка «ЗСУ-М4» может здорово помочь и в наземной атаке при подавлении небронированных целей — в том числе и стреляя с закрытых позиций. Две тысячи четыреста выстрелов в минуту каждая, это — две тысячи четыреста пуль, падающих (положим на окоп) сверху...

А если сосредоточить огонь всей батареи?

Включаем на «мониторе послезнания» калькулятор: шесть по две тысячи четыреста — 14 400 (четырнадцать тысяч, четыреста!) пуль в минуту...

Это просто обалдеть!

Одним словом — подавляющий огонь, без всякого стэба. Немецкая пехота со своими «эмгачами» — носа из укрытий не высовывает, а наша вместе с танками поддержки подходит вплотную и щедро кошмаря гранатами — выкуривает её оттуда.

Вот только надо будет подсказать такой тактический приём и обязательно обкатать его на учениях.

Держа ручку над листом бумаги наготове, Федоренко интересуется:

— С личным составом точно так же, как и в случае с гаубичной артиллерийской батареей: «наши» — только мехводы?

Согласно кивнув:

— Зенитчиков попросим у Московской ПВО: надеюсь, не откажут товарищ Сталину. А если откажут — поедут защищать небо Мурманска. Хахаха!

— Хахаха! Значит, пишем: семь человек...

***

Призадумался — «а где всё это «пилить»?», а затем спрашиваю у своего визави:

— Кстати, а имеется ли в Москве или Подмосковье танкоремонтный завод, где можно произвести эти апгрейды? Чтоб не отвлекать кировцев и харьковчан от производства танков?

После короткого замешательства, связанного скорее всего не с тугоумием — а новизной

применяемых мной терминов, Начальник АБТУ РККА вполне информативно отвечает:

— Думаю для «апгрейда» подойдут мастерские по ремонту легких танков и тракторо-тягачей «Ворошиловец», что расположены на Ходынском поле — в районе 2-го Хорошевского проезда[12]. Лёгкие танки ремонтировать больше не требуется — в связи со снятием их с вооружения...

Поняв суть прерываю дальнейшие рассуждения и требую уточнить:

— Ремонт артиллерийских тягачей можно пока оставить. Имеются ли подъездные пути и какое оборудование в этих мастерских?

— Через территорию мастерских проходит железнодорожная ветка. В самих мастерских имеется механосборочный цех с 30-тонным мостовым краном, кузнечно-прессовый, станкоинструментальный и литейный цеха, компрессорная, котельная и много других производственных и служебных помещений, включая типографию.

Потираю в азарте руки:

— Годится! А кто там главный?

— Начальник базы — военный инженер 1 ранга Мельник... Эээ... Андрей Васильевич. Ничего не вспомнив про такого из «послезнания[13]», интересуюсь:

— Толковый хоть мужик?

— Лично не встречался, но от других слышал — что очень толковый... Эээ... Мужик.

— Отлично! Эти мастерские будут базой для нашей с тобой танковой бригады «нового строя»... А не обмыть ли такое дело, Федоренко, стаканчиком хорошего чая?

— Не отказался, бы.

Поднимаю трубку:

— Два чая пожалуйста и, к чаю что-нибудь.

***

После чаепития продолжили.

Что ещё?

Ах, да:

— Танковому батальону нужны свои сапёры, чтоб всегда были под рукой — для разминирования или подрыва какого-нибудь сооружения, проделывания прохода в препятствиях и так далее. Инженерно-сапёрный взвод: два танка «КВ» без башен и за счёт этого — с усиленным бронированием в виде приваренных экранов. Как минимум, они должны иметь навесные противоминные тралы каткового типа, легко меняющиеся на бульдозерные отвалы. Кроме этого — желательна аппаратура для метания огнесмеси, постановки дымовых завес, а также бронированный отсек для перевозки взрывчатых веществ к месту их применения.

Противоминные тралы всех известных видов — катковые, бойковые и даже «электромагнитные» — разрабатывались в СССР ещё с середины 30-х годов. Почему они даже после Финской войны не были приняты на вооружение, а появились в войсках (и то — ограниченно) лишь уже в ходе Великой Отечественной — это надо у наших «маршалов Победы» спрашивать.

Хотя, ответ заранее известен:

Сталин запрещал, чтоб не спровоцировать!

Ну да ладно — дело уже былое... Хм, гкхм... Ещё не произошедшее.

Посмотрев на потолок, изрекаю:

— Назовём такие машины «инженерно-сапёрный танк» — «ИСТ».

Федоренко, оторвав перо от бумаги:

— «ИСТ»... Звучит! Для инженерно-сапёрного взвода тоже требуются всего лишь мехводды?

— Совершенно верно. Остальных, в том числе десант инженерно-сапёрных танков — мы позаимствуем у соответствующего рода войск.

Пишет:

— Ещё плюс два человека...

***

Продолжаю:

— Кроме этого, в роте должен быть санитарный взвод: ведь самое дорогое для нас — это не эти «новейшие железяки», а кадры ими овладевшие.

Опять же: для этой цели хорошо бы зашли бронетранспортёры... Но где их взять при нашей бедности?

А что делать?

Выход только один:

— Поэтому, для медицинского взвода я требую выделить два «Т-34» со снятыми башнями и внутренним оборудованием боевого отделения для перевозки раненых и сопровождающих их медиков. Желательна небольшая складная «стрела» с ручной лебёдкой...

Глядя на хлопающего глазами Федоренко, непривычного к такому подходу к людям:

— ...Чтоб медбратья могли прямо во время боя подъехать к подбитому танку, эвакуировать из него раненых и оказать им первую помощь в безопасности от пуль и осколков.

Так как тот продолжает часто моргать, рявкаю на него:

— Что-то непонятно, Федоренко? Спрашиваешь, зачем «стрела с ручной лебёдкой»? Может, заставить тебя попробовать вытащить раннего танкиста из башни — чтоб до тебя наконец дошло? Да потолще выбрать — килограммов под сто, чтоб до тебя как можно скорей дошло?

Тот, еле выдавил из себя:

— Вы состав медицинского взвода не озвучили, тов...

Блин, в военно-полевой медицине я не особо силён — особенно в нынешней, поэтому на эту тему должен был вынужден закончить несколько скомкано:

— Состав санитарного взвода и оборудование этих... Эээ... «БМЛ» — «бронне-мед-летучек», надо рассчитать после консультаций с более компетентными товарищами. Но на вскидку — двух «медбратов» и одного фельдшера на один экипаж должно хватить.

Уткнувшись в свои записи:

— Плюс ещё два механика-водителя...

На этом пока, пожалуй, всё:

— Что у нас там по танковому батальону «нового строя» в общем получилось, Федоренко?

— Сейчас подсчитаю, тов...

Минут десять он шевеля губами подсчитывал «столбиков» и наконец выдал:

— Всего в батальоне будет 31 танк (линейных и специальных): 12 «КВ» и 19 «Т-34».

Личного состава (не считая десант и вспомогательный персонал) — 128 человек.

Задумывается и, подняв на меня глаза, недоумённо молвит:

— Не считая взводов охраны, у нас в батальоне всего восемнадцать танков — участвующих в атаке. Чуть более половины...

Ему такой подход был совершенно непривычен!

Он и другие танковые командиры были уверены, что танки — в атаку стальными стадами должны мчаться, сметая всё на своём пути и вокруг него... Ну, а я, как будто о чём-то — само-собой разумеющемся:

— А это — общемировая тенденция такая, Федоренко! Особенно она заметна в авиации, где на одного лётчика — приходится с десятков человек обслуживающего персонала... Да и в обычной пехоте — всё меньше бойцов в строю и, всё больше «героев тыла» — обеспечивающих или поддерживающих их в бою, или восстанавливающих их боеспособность после боя...

Подняв палец вверх:

— ...И мы с тобой, Федоренко в частности и с Красной Армией в целом — или присоединимся к этой «тенденции», или подобно вымершим древним шумерам с бамбуковыми стрелами и копьями — будем выброшены эволюцией из мирового исторического процесса!

Конечно, тот — «реальный» гвардейский тяжёлый полк прорыва, имеющий 21 «линейный» танк — имел большую ударную силу, чем наш с Федоренко танковый батальон «нового строя».

Но в условиях лета 1941-го (или даже 1942-го) года — не имея своей артиллерии, сапёров, ремонтников — он будет «стачиваться» до «нуля», за раз... Хотя конечно, произведёт впечатление на «сверхчеловеков».

Задумываемая же мной боевая единица, будет обладать — хотя и, меньшей — зато «многократной» ударной мощью.

Однако, продолжаю:

— Итого, у нас на батальон ушло 128 человек. А всего у нас 399 командира — подготовленных на новейших танках, говоришь?

— Да, именно столько...

Как известно — «аппетит приходит во время еды» и, в азарте потирая ладони, я:

— Тогда, пока мазь прёт — давай уж с тобой «запилим» целую танковую бригаду!

***

После горячего, но конструктивного срача (во время которого Федоренко порой забывался и, то и дело — норовил схватить меня «за грудки», а я всё норовил от всей души — врезать ему по морде) договорились что будущая танковая бригада «нового строя» состоит из:

Два танковых батальона (состав — см. выше).

Штабная рота: три командно-штабных танка «КШТ», взвод охраны — 2 «КВ-1»

собственный взвод ПВО — 2 «ЗСУ-М4»...

Для прикрытия своих тылов с воздуха, танковой бригаде необходим зенитно-пулемётный дивизион. Решили что он будет состоять из двух батарей «ЗСУ-М4» — три взвода по две установки, плюс командирская машина с «прибором управления артиллерийским зенитным огнём» — «ПУАЗО», в каждой. Плюс два командирских «Т-34» дивизиона ПВО бригады.

Рисунок 70. Инженерный танк на шасси «Т-28» ИТ-28. Длина этого «мостика» 12 метров, максимальный выдерживаемый вес — 50 тонн.

Рота связи состоящая из радиийного взвода (2 «Т-34» без орудий, зато с двумя радиостанциями каждый), взвод линейщиков (проводная связь) — 2 «Т-34» без орудий, зато с полевыми коммутаторами, катушками, зарядными агрегатами для аккумуляторов, курьерский взвод — броневики, мотоциклы, верховые лошади (из-за отсутствия внедорожников) и пешие гонцы (в зимний период на лыжах)...

Всё пока приблизительно, конкретней уточним в ходе учений.

Инженерно-сапёрный батальон: рота танковых мостоукладчиков — четыре типа «ИТ-28» на безбашенном «КВ-1», плюс один командирский танк. Такой девайс необходим для преодоления нешироких — до 12 метров водных преград или противотанковых рвов. Такие уже существуют в природе...

Правда, всего в одном — опытно-экспериментальном экземпляре.

— Дай срочную телеграмму на Кировский завод, Федоренко, чтоб срочно эту штуковину в Кубинку выслали, вместе со специалистами — могущими объяснить как она работает.

Почему на все три десятка механизированных корпусов по тысяче с «хвостиком» танков в каждом, «в реале» — ни одного не было заказано?

О чём «маршалы Победы» думали, о чём размышляли?

Едет положим такая «великая армада» по дороге — чтоб пресловутый «контрудар» нанести и, вдруг впереди небольшая речка со взорванным или неподходящей грузоподъёмности мостиком... Много ли у нас в сельской местности мостов — способных выдерживать вес танков «КВ»?

И писТсец северный контрудару!

Пока брод найдёт, пока сапёры что-то там построят из подручных материалов — немцы с воздуха засекут и разбомбят скопление техники...

Обходились же «в реале» как-то без них, говорите?

Обходились, конечно... Без много ещё чего обходились — без нормальных самоходных зенитных установок, например. Днепр — который (если верить Гоголю) не каждая птица перелетит, форсировали на случайно найденных лодках, на плотках, на брёвнах, на досках или на вещмешках набитых соломой или хворостом...

Тупоумие, недалёковидность, халатная преступность одних — всегда исправляется героизмом других, так испокон веков на Руси-матушке было.

Но сколько лишней крови это стоило, сколько жизней?

Однако, продолжим.

Рота «танковых траншеекопателей» на базе «КВ», сокращенно — «ТТК». Таких тоже предполагается иметь два взвода по два — итого четыре штуки, плюс один командирский танк.

Суть в чём?

Помочь своей пехоте преодолеть открытые участки местности, особенно последние несколько сотен метров перед неприятельскими окопами — на которых та обычно залегает, отрываясь от танков.

Сама идея траншеекопателя в принципе не нова, смелыми экспериментами занимались как в Советском Союзе — так и во всём цивилизованном мире, ещё до войны. Но дальше изготовления опытных образцов дело не шло — в основном из-за сложности подобных устройств и следовательно — их дороговизны.

Советский инженер Кравцов (кроме фамилии, мне про него ничего не известно), в 1943-м году предложил до предела примитивное устройство в виде громадного плуга, прицепленного к танку. «Траншеекопатель для отрывки траншей и ходов сообщения» — как официально называлось устройство, двигаясь «змейкой» со скоростью три километра в час — делал траншеи глубиной до 90 сантиметров, что уже вполне достаточно для преодоления пехотой местности в положении согнувшись. За второй проход, «плуг» углубляет траншею до 115-ти сантиметров.

Федоренко сама идея понравилась, он упёрся по другому поводу:

— Зачем для «ТТК» расходовать целый танк? Возить этот «плуг» в обозе и в случае необходимости — прицеплять к линейному танку...

Объясняю исходя из существующей объективной реальности:

— На чём его возить прикажешь? На полуторке или на телеге с волами? Да и при первой же возможности — наши командиры эту железяку «потеряют», предпочтя загрузить свободные объёмы в обозе чем-нибудь другим — на их взгляд более полезным. А от уже готового — «в сборке», им избавиться намного труднее и, хочешь не хочешь — но придётся применять.

Конечно мы с ним оба правы — хотя и каждый со своей точки зрения... А чья правда возьмёт вверх — покажет только война.

На том и порешили.

***

Наибольшие споры вызвала батарея самоходных 152-ух миллиметровых гаубиц: два командно-штабных танка (КШТ)», три артиллерийских взвода каждая по два орудия каждый. Итого — шесть «артиллерийских танка» — «АТ-152».

Популярно объясняю:

— Такой же случай с 122-мм гаубицами на шасси «Т-34» — только более тяжёлый! Снимаем с «КВ» башню и крышу боевого отделения и впендюриваем туда старую добрую «шестидюймовку»: 152-мм гаубицу образца 1909/30 годов.

Почему не «М-10»?

По той же причине, почему не «М-30» в танковом батальоне «нового строя».

Федоренко напоминает:

— Так ведь у нас уже есть танк с таким орудием — «КВ-2»? Зачем ещё?

Объясняю, буквально на пальцах:

— «КВ-2» — это штурмовой танк, стреляющий прямой наводкой по видимой цели. А сейчас речь идёт об самоходном орудии, могущем куячить по супостату с закрытых позиций... Ты разницу чувствуешь, Федоренко? Или ты разницу не чувствуешь?!

— Я то разницу чувую, тов... Но у «КВ-2» боекомплект всего тридцать шесть выстрелов и навряд ли его будет намного больше у «АТ-152».

Подражая мне, поднял указательный палец вверх:

— Стало быть — не получится вести более-менее продолжительный огонь! А для ведущего огонь с закрытых позиций полевого орудия — именно эта способность решающая. Ведь наводчик цель не видит и подавляет её за счёт массирования огня. Это касается, кстати и «АТ-122», тов...

Помолчав, ехидно добавил:

— Так что без колёсной техники — так и так не обойтись, а Вы, тов... — категорически против неё как в батальонах, так и в бригаде «нового строя».

***

Действительно: это проблема — про которую, я сразу и не подумал...

Что делать?

А как вообще снабжали танковые подразделения в войну?

Тут же ответом на вопрос «всплыло» из того же Дрabbкина:

«Обычно после боя оставались только пулеметные диски, их всегда много. Пополняли же боекомплект бригадные тыловые службы. Они же подвозили горючее. Мы сами приходили к грузовикам и получали деревянные ящики со снарядами, которые потом приносили к танку...».

В 1941-ом году, в условиях организационного бардака с нашей стороны и господства в небе самолётов Люфтваффе с немецкой, рассчитывать на «бригадные тыловые службы» на колёсах особо не стоит.

Вот ещё вариант, оттуда же:

«...Про запас ящики ставили даже на борту, потому что боекомплекта Т-34—85, откровенно говоря, не всегда хватало. Так что за этим следили и постоянно подвозили резервы».

Ага, уже «теплее»!

Вот ещё:

«У нас такой случай был. Когда мы прорвались к Балтийскому морю, то разрезали немецкие войска на две группировки. И немцы для соединения со своими частями бросили против нас эсэсовские части. Соседняя с нами танковая бригада сдерживала их атаки, израсходовав при этом почти все боеприпасы. А тут противник как раз подбрасывает новые подкрепления. Немецкие танки готовятся к атаке. Тогда командир бригады по радиации связался с нашим полком, и комполка приказал на один танк погрузить под завязку 85-мм снаряды, даже сверху на броню ящики поставили, и он двинулся на соединение с бригадой».

Конечно, можно «лишние» выстрелы к гаубицам возить снаружи броневое корпуса, например на надгусеничной полке... Одна проблема: в отличии от 1944-1945-го годов, в 41-ом — Люфтваффе господствовали в воздухе и попавшая в «деревянные ящики со снарядами» пуля с «мессершмидта» — взорвёт их на надгусеничной полке танка не хуже, чем в кузове

грузовика... Не говоря уже об бомбе с «юнкерса».

Нет, не пойдёт!

Что же делать?

Так, так, так...

Вообще-то все эти «специальные танки» — штабные, артиллерийские, зенитные, инженерно-сапёрные, радиальные — только для наших синештаных оленей диковинка какая... Папуасы, млять! Все они были придуманы вовсе не мной — а англичанами и французами ещё в годы Первой мировой войны.

Здесь как говорится, нельзя не задаться вопросом: а чем, интересно — советская разведка все эти двадцать лет занималась? Почему товарищи командиры РККА ни хрена не знают?

По ходу, ГРУ Генштаба РККА — это скопище тупых бездельников, только тем и прозанимавшееся до войны — что подсовывало «дезу» от Каннариса про сроки нападения и его первопричины.

Ладно, это мы уже благополучно «проехали» и можно забыть про Голикова с его «рамзаями» — как про страшный сон.

Так вот: мне осталось только «запилить» последний девайс...

В конце Первой мировой войны, британские инженеры с учётом уже полученного боевого опыта — специально сконструировали на базе «Мк IX» танки снабжения пехоты.

Иными словами — «транспортные танки».

Что это такое?

Выступая как первые в мире бронетранспортеры, они были способны подвозить непосредственно на поле боя до тридцати пехотинцев или десять тонн груза за раз. Обычно, загрузка транспортного танка состояла из 10 ящиков патронов, двух минометов Стокса и 50 ящиков мин к ним, ящика сигнальных ракет, 7 ящиков гранат, 50 канистр с водой, 50 упаковок рационов питания, 100 полотенец, 20 магазинов к «Льюису», ящика сигнальных ракет, 50 кирок, 50 катушек колючей проволоки, 30 коротких и 30 длинных колов, 250 мешков под землю для устройства укрытий.

Вот я и думаю, а что если...?

Ну а почему бы и нет?

***

Строго гляжу на Начальника АБТУ РККА:

— Думаешь, Федоренко — что уел ты товарища Сталина?

Того, как под душ холодный:

— Нет, тов... Я так не думаю... Вы меня не так поняли, тов...

— В том то и дело, что ты — вообще не думаешь! Поэтому понять тебя — геморр, тот ещё.

— Бери перо и пиши: в состав танковой бригады «нового строя» входит транспортная рота, а в состав её батальонов — транспортные взвода. Транспортной единицей этих подразделений является «транспортный танк снабжения» — «ТТС», на базе... На базе чего, Федоренко? Угадай с трёх раз?

Начальник АБТУ поникшим голосом:

— На базе танка «Т-34», тов...

— Правильно! Значит, думать ты всё же умеешь — но ленишься. А десант таких «транспортных танков» можно будет использовать как грузчиков, выступающих ещё и в роли резерва для десантных отделений линейных танков.

Чуть не забыл:

— А напomini мне, Федоренко, сколько весит башня этого танка?

Посмотрев на потолок, тот назвал в принципе правильную цифру:

— Около четырёх с половиной тонн.

В уме быстренько прикидываю «хрен к носу» и выдаю:

— Значит, сняв башню с пушкой и выкинув «родной» боекомплект мы в одном «ТТС» разместим свыше сотни 152-ух миллиметровых гаубичных снарядов — весящих порядка сорока килограммов каждый, или около трёхсот 122-ух миллиметровых — имеющих массу в районе пятнадцати кило... А это уже серьёзно, с этим воевать можно!

Однако, всё это на нижнем пределе:

Масса «Т-34» выпуска 1941-го года — 26,5 тонны. Максимальный вес последней модели — «Т-34-85», достигал 32 тонн...

Значит, что?

Значит, мы имеем значительный запас прочности. Значит в «ТТС» — можно грузить не четыре с половиной тонны, а все восемь, а то и больше

Но конечно, всё это — чистые умозрения, всё решит эксперимент в поле... И на войне: на Советско-финской «продолженной» войне.

Дело даже не только в том, что колёсные машины — уязвимы от огня с земли и воздуха, но и в том — что в Красной Армии нет грузовиков с подходящей грузоподъёмностью. Самый распространённый «ГАЗ-АА» (80 % от общего количества) — берёт всего полторы тонны, отчего в народе получил прозвище «полуторка».

И вот вопрос на засыпку: сколько таких «полуторок» надо, чтоб снабжать хотя бы танковую бригаду в полсотни танков?

И, как при этом обеспечить внезапность контрудара, если пылящие колонны снабжения из «полуторок» — растянуты на десятки километров и видны за сотню вёрст даже с земли?

И главное: как их защитить от ударов с воздуха?

Объясняю всё это Начальнику АБТУ РККА, а тот не врубается от слова «тупит», лупает глазами и вопрошает:

— А где наша авиация, где наши истребители?

Меня это уже начинает бесить и, не сдержавшись, каюсь:

— «Где, где»... В п...зде на верхней полке: как зайдёшь — налево.

Так, так, так...

Что в итоге получилось?

По-моему — годнота!

В транспортные танки можно грузить не только снаряды для самоходной артиллерии и, вообще — боеприпасы... Но и горючее, продовольствие и всё остальное. Наконец, сами они могут послужить источником запчастей для других танков — линейных и специальных.

А значит, что?

Даже попав в окружение — что в условиях 1941-го практически неизбежно, такая

бригада «нового строя» — сможет сравнительно долго вести боевые действия в тылу врага и возможно даже — сумеет пробиться к своим.

Когда я рассказал этот довод своему визами, того аж затрясло:

— Как это: «в окружение»?!

— «Как, как»... Жоппой об косяк! Давай лучше подобьём с тобой общую численность бригады в танках и машинах. Вдохни несколько раз глубоко и выдохни, Федоренко — а то тебя аж «подкидывает».

После выполнения этой нехитрой дыхательной гимнастики, тот сравнительно быстро успокаивается и задаёт встречный вопрос:

— Сколько «ТТС» в транспортных взводах батальонов, сколько в транспортной роте бригады?

Вздыхнув: «Эх, как бы самому знать!» и, посмотрев на потолок:

— Думаю, пока условимся что по три во взводе, девять в роте. Командирских машин снабженцам не надо.

Тот, уткнувшись в свои бумаги и шевеля губами подчитывая столбиком, бубнить:

— В общей сложности в танковой бригаде «нового строя» будет 45 танков «КВ» и 62 «Т-34», из них боевых...

Поднимает на меня голову и так жалобно:

— ...Всего двадцать, не считая взвода охраны батальонных и бригадного штабов.

Отмахиваюсь:

— Слушай, не начинай снова гнать эту лабуду! Скажи лучше — сколько подготовленных командиров-танкистов из «Высшего военного училища моторизации и механизации РККА» моего имени, требуется для бригады?

Уткнувшись вновь:

— Триста двадцать девять...

— А у нас всего четыреста?

— Да, почти четыреста: триста девяносто девять командиров среднего и высшего звена.

Удовлетворённо потираю руки:

— Отлично! Из оставшихся можно будет сформировать запасную роту, куда в боевых условиях будут направляться «безлошадные экипажи», танкисты — прибывшие после излечения из госпиталей, направленные из учебных центров для адаптации к фронтовым условиям. «Запасникам» можно будет поручить комендантские функции: караульная и гарнизонная служба, конвоирование пленных, расстрел трусов и дезертиров... Ну и так далее.

Многое, мы с ним отложили на потом: например — ремонтно-восстановительную роту с оборудованием — допускающим возможность в сравнительно короткое время, из двух-трёх подбитых танков собрать один боеготовый.

Как и хозяйственную роту, бригадный менсанбат, похоронную и трофейную команду и так далее.

— Главное — «запилить» костяк, Федоренко! А «мясо» — оно нарастёт, дай только срок!

***

В общем, довольно конструктивно протолковали мы с Федоренко до полуночи, «обсасывая» всякие мелочи, которые должны быть занесены в «Боевой устав Танковых войск»:

— Категорически запрещаю применять танки по одному или небольшими группами! Только массировано, только силой не менее батальона. И только после тщательной разведки. Командир танковой бригады имеет право отказаться от атаки, если командование стрелковой дивизии — на участке которой осуществляется прорыв, не предоставит ему самые подробные и главное — достоверные(!) разведсведения.

— Запрещаю во время войны расформировывать потерявшие матчасть танковые части. Они должны быть немедленно выведены из боя и направлены в тыл для пополнения и получения новой техники.

— Раненных танкистов после излечения в госпиталях, направлять только в свои части.

— Категорически запрещаю использовать танкистов не по предназначению — как пехотинцев, артиллеристов и прочее! Командиры уличённые в этом, должны быть немедленно невзирая на заслуги отстранены от командования и отправлены в штрафбат.

Естественно, был вопрос:

— «Штрафбат»? А что это такое, тов...?

Многообещающе улыбаюсь:

— В своё время узнаете, Федоренко! А если будете вести себя плохо, не слушаться Верховного главнокомандующего и быковать по-бесприделу — узнаете очень скоро и на собственной шкуре.

Поговорили и, «об жизнь» в том числе и о бабах.

Нормальный мужик оказался, хотя и слегка туповатый — что можно отнести к профессиональной болезни, связанной с военной службой... На предприятиях за вредность дают молоко, а военным чтоб лучше соображалось — надо давать бесплатно сахар и, заставляя жрать его в присутствии комиссара — чтоб не обменивали на бухло и не перегоняли на самогон.

Пожалуй, чуть позже я распоряжусь.

***

Наконец прощаясь, встаю и на ходу, разминая затекшие стариковские ноги, даю последние наставления по этой теме:

— Неделя на сбор и формирование личного состава бригады, ещё неделя на апгрейд техники... Танки предназначенные в специальные — могут и должны уже с заводов приходить без башен и крыш боевого отделения. Позаботься об этом, Федоренко.

— Хорошо, тов...

— Через три недели — кровь из носа, должны начаться первые тактические учения, треть из которых — должна приходиться на тёмное время суток.

— Раз воинская часть «нового строя» — значит и его тактика должны быть новой. Поэтому главная задача товарищей командиров бригады: написание уставов, наставлений и методичек по тактике.

Федоренко уверенно:

— Командиры в «Высшем военном училище моторизации и механизации РККА» вашего

имени — грамотные, они справятся.

Остановившись напротив него:

— Я не сомневаюсь в этом, генерал. Если начну сомневаться — у «Автобронетанкового управления» будет другой начальник.

Походив ещё, продолжаю:

— Затем, не позже чем через месяц-полтора, мы с тобой начнём формировать другие бригады из командиров прошедших переподготовку в учебных частях при танковых заводах. Думаю, на первое время их должно быть не менее пяти.

Про себя:

«Чтоб успеть обкатать новую тактику в Весенней войне с «финиками» и заодно показать Адику, что мы не такие уж и лошки — как ему это из его Фюрербункера кажется».

— Затем, уже в начале лета, мы с тобой поставим формирование танковых бригад на конвейер...

«А это уже — сюрприз для фрицев!».

Наклонившись, возбуждённо шепчу:

— Представляешь, Федоренко: на конвейер!

Нет, он не представляет — по глазам вижу. Ох, уж эта генеральская тупость...

Тогда я подняв руки и задрав голову вверх, кричу:

— НА КОНВЕЙЕР!!!

Вновь наклоняюсь над ним:

— Форд поставил на конвейер автомобиль, Кайзер — морские суда... А мы с тобой, Федоренко — **ТАНКОВЫЕ БРИГАДЫ!!!** Представляешь? В итоге: ты — маршал, а я — вселишь генералиссимус...

Показывая рукой район промежности:

— ...И оба — вот до сюда в орденах!

Возможно, я показался ему буйно-помешанным, поэтому он сжался на стуле и поспешно:

— Представляю, тов... А где будет этот, как его... «Конвейер»? Полигон в Кубинке слишком мал — больше бригады там не разместится.

Мгновенно успокаиваюсь:

А действительно — где?

Конечно, Кубинка для этого слишком мала, это так — на первое время...

И опять пришла на ум подсказка из Драбкина:

«Вообще, вы знаете, что в Горьком и Гороховецких лагерях располагалась мощная танковая группировочка? Там работало целых три танковых училища, да еще три учебных полка по подготовке специалистов. Мотоциклетный полк по подготовке младших специалистов, полк по подготовке на иностранные машины и полк по подготовке на самоходки».

— ...Где-нибудь в Гороховецких лагерях, Федоренко. Так что заранее позаботься об этом заранее, товарищ Начальник Главного управления Танковых войск РККА, чтоб потом не пришлось догонять.

Тот записывает, но потом подняв голову и глядя мне в глаза:

— Конечно, я сделаю всё, что Вы прикажете... Людей мы найдём и обучим — за это я

ручаюсь. Но где взять столько новейших танков для этого «конвейера бригад нового строя»? Заводы и с нынешним то планом по выпуску бронетехники не справляются...

Наставив на него указательный палец, я:

— Ты задаёшь очень правильные и своевременные вопросы, Федоренко! Поэтому позаботься об том, что бы в ближайшее же время — в Кремле состоялось Федоренко, подумав, предложил:

— Тогда может с участием и командиров войсковых частей — уже ознакомившиеся с новейшими танками? Я просто засыпан их письмами по поводу качества...

— Не можно, а нужно! Сегодня, какое число, напомни?

— Двадцать пятое января, тов...

Торжественно, не без пафоса заявляю:

— Можешь, Федоренко, отметить сегодняшнюю дату — как самое знаменательное событие в истории танковых войск, претендующее на День танкиста!

— Отмечу, тов... Обязательно отмечу.

Посмотрев на часы и став из-за стола — давая тем самым знать, что аудиенция закончена:

— Давай до свидания, Федоренко! Через недельку встретимся с тобой на совещании с представителями Харьковского и Кировского танковых заводов и, имеющих к ним претензии командиров-танкистов. Тогда же и, предоставишь мне воочию личной состав первой танковой бригады «нового строя».

ВСЁ!!!

На сегодня рабочий день закончен:

«Домой, домой — пора домой...».

[1] Лейтенант Купер прошел от Нормандии до Эльбы с 3 й бронетанковой дивизией Армии США.

[2] Этот род войск имел исторические названия:

1929–1936 гг — «Механизированные войска».

1936–1942 гг — «Автобронетанковые войска».

1942–1953 гг — «Бронетанковые и механизированные войска».

[3] Сам Тимошенко дал такую характеристику своему выдвиженцу: «Федоренко много и упорно работает, хорошо знает состояние и нужды своих войск; в результате чего боеготовность и боевая подготовка танковых частей округа находится на хорошем уровне, ... сам Федоренко в случае необходимости может командовать крупным механизированным соединением».

[4] Здесь и далее Уланов А.А. «Первые Т-34».

[5] Гальдер Франц. «Военный дневник (июнь 1941–сентябрь 1942)».

[6] Драбкин А. «Танкисты: новые интервью».

[7] Ветеран ВОВ Шишкин Николай Константинович из сборника А.Драбкин: «Самоходчики».

[8] Ветеран ВОВ Поляков Юрий Николаевич из Драбкин Артём «Самоходчики».

[9] Там же, Зонов Арсений Николаевич.

[10] Там же, Сокольский Виктор Лазаревич.

[11] Ветеран ВОВ Кирячек Дмитрий Тимофеевич из Драбкин А. «Самоходчики».

[12] В 1941 г. с началом Великой Отечественной войны предприятие получило новый статус — Бронетанковая ремонтная база Наркомата обороны.

[13] Приказом НКО № 01941 от 03.1942 г. назначен Заместителем начальника Ремонтно-эксплуатационного управления ГАБТУ КА. Приказом НКО № 043 от 01.1943 г. назначен Заместителем начальника Управления ремонта танков ГБТУ КА. Работая в управлении, принял самое активное участие в создании системы подвижных ремонтных средств Красной Армии.

С марта 1944 г. — Заместитель начальника Главного управления ремонта танков КА. Приказом НКО № 0125 от 05.1944 г. утвержден в занимаемой должности.

С июля 1946 г. — Начальник управления ремонта танков ГБТУ БТиМВ ВС. С апреля 1947 г. — ид. начальника управления, он же Заместитель по ремонту и снабжению начальника Главного управления УРиС ГБТУ. Приказом МВС № 0858 от 02.08.1947 г. утвержден в занимаемой должности.

С 13 июля 1950 г. — 1-й заместитель главного инженера БТиМВ СА.

С 24 июня 1952 г. в распряжении командующего БТиМВ СА. Приказом ВМ СССР № 03515 от 14.08.1952 г. уволен в запас по ст. 59б (по болезни) с правом ношения военной формы одежды с особыми отличительными знаками на погонах. Жил в Москве.

Глава 20. Васька «У-Двас» — предводитель «ночных ведьмаков»

Ветеран ВОВ, Клименко Виталий Иванович из сборника Артема Драбкина «Мидрались на истребителях»:

«Почему я пошел в летчики? Время такое было. Чкалов, Леваневский, Ляпидевский, Каманин, Водопьянов, Громов — герои! Хотелось быть похожим на них. Кроме того, из моей слободы Замостье города Суджа Курской области, где я родился и жил, ребята постарше уходили в летные училища. Бывало, приедут в отпуск — в красивой форме, в таком, понимаешь, реглане... Завидно! Я и решил, что пойду только в авиацию, чтобы получить реглан, форму и освоить современный истребитель! Вот с этими мыслями по путевке комсомола в 1937 году я поступил в Роганьское летно-штурманское училище».

Заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г.К. Жуков, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и командующий ВВС РККА генерал-лейтенант А.А. Новиков, докладной записке на имя И.В. Сталина (Сталинградский фронт, сентябрь 1943 года):

«Наши истребители даже в тех случаях, когда их в несколько раз больше, чем истребителей противника, в бой с последними не вступают. В тех случаях, когда наши истребители выполняют задачу прикрытия штурмовиков, они также в бой с истребителями противника не вступают и последние безнаказанно атакуют штурмовиков, сбивают их, а наши истребители летают в стороне, а часто и просто уходят на свои аэродромы... Такое позорное поведение истребителей наши войска наблюдают ежедневно».

Константин Симонов «Разные дни войны. Дневник писателя, 1942–1945 годы»:

«...Летчик (У-2. Авт.) несколько раз закладывал крутые виражи над самой землей, словно желая что-то увидеть, разворачивался и летел дальше. И только на третий или четвертый раз я уловил в его действиях некую последовательность, отнюдь меня не успокоившую. Оказывается, свои виражи с разглядыванием он делал как раз над перекрестками дорог, и я в конце концов понял, что он, потеряв ориентировку, по карте, а может, и вообще забыв взять ее с собой, ориентируется теперь по надписям на дорожных указателях!

Не хочу брать грех на душу, утверждая это, но все же вряд ли тут были повинны только те сто пятьдесят граммов, которые выпил летчик наравне со мной».

Нет, я не Сталин, я другой!

Не «сова» как он, увы... А совсем другой птиц — «жаворонок» и мне конкретно в лом работать по ночам.

У каждого свои недостатки, верно?

Девяти часов вечера ещё не было, как распрощавшись в своём кабинете с Начальником Главного управления Танковых войск — генерал-лейтенантом Федоренко, там же пообщался по делам с Поскрёбышевым, позвонил профессору Виноградову и отчитавшись ему об состоянии своего здоровья, я вызвал генерала Косынкина и поехал на Ближнюю дачу.

Тот, в соответствии с моими указаниями — почаще менять «схемы», проявлял просто

чудеса тактической сообразительности: два бронированных «Понтиака» с охраной ехали впереди, а мы с ним пристроились за ними позади на обычной — «несколько» поддержанной на вид, «Эмке» (ГАЗ М-1).

Уже в машине, Начальник «Службы охраны первых лиц государства» достал чертёжики и предъявил мне:

— Посмотрите, Иосиф Виссарионович, что наши инженеры-конструкторы из «Главного управления охраны при СНК СССР» изобразили... Если одобрите — завтра уже будет в металле.

Уже догадавшись, всё же спросил:

— Что это, Петр Евдокимович?

Тот достаёт ещё какой-то документ и читает на первой странице:

— «Раскладной бронированный щит-портфель охранника»...

Затем, как бы намекая: «Мы здесь тоже весь Божий день — не хернёй всякой маялись», протягивает мне:

— А вот и авторское свидетельство на изобретение, за номером...

Дочитав, возмущаюсь — аж в жар кинуло:

— «Сталин»? А почему Сталин? Ведь договаривались же...

Косынкин пожав плечами — мол, «сам понимаешь»:

— Узнав что идея ваша, Иосиф Виссарионович, инженеры наотрез отказались её присвоить.

— Это то понятно... Но зачем Вы им сказали, что идея моя?

Тот, глядя мне в глаза:

— А что я им должен был сказать? Что это идея моя? Увольте меня от подобного, товарищ Сталин!

«Честность подчинённых тоже имеет свои минусы».

Отведя взгляд, ворчу:

— Придумали бы что-нибудь — какой-нибудь псевдоним, что ли... Ладно, проехали.

Тот, всполошившись прилип к задёрнутому инеем окну:

— Поворот проехали?

— Нет... Тему.

***

После произошедшего меж нами «инцидента», некоторое время ехали молча — дуясь друг на друга, как вдруг меня ни с того ни с чего — начало дрючить какое-то «дежавю»:

«Так, так, так... Что-то забыл сделать — склероз не иначе, мать его етти. Что именно, ну-ка давай вспоминай...?»

Наконец, озарило:

«...Чёрт! У Светки же её девичьи проблемы!».

Внутренний голос проснувшись, сонно поинтересовался:

«Критические дни не совпадают с календарными, штоль?».

Психую:

«Заткнись, дуррррак! От неё ухажёры шарахаются».

«Аааа... Это действительно — проблема».

Сладко зевнув, внутренний голос вновь бессовестно заснул, оставив меня наедине с

вопросом:

«Что делать? Ведь мы же в ответе за детей тех, в кого «вселяемся»...».

Как это часто со мной бывает, решение проблемы нашлось внезапно и, было оно изящно — как пируэт чемпионки фигурного катания на льду:

«Сенька! А как в таких случаях поступал вечно занятый государственными делами Реципиент? Да очень просто: перепоручал сей «геморр» охране, то бишь — генералу Власику. Николая Сидоровича с нами больше нет... Подмосковная... Эээ... Подкремлёвская земля ему пухом! Но дело его живёт в его преемнике, который в данный момент как раз сидит у меня под боком. Ура, какой я молодец!».

Поворачиваюсь к Начальнику лично охраны и, не удержавшись от мстительных ноток за «изобретение», грузу его:

— А Вам известно, Петр Евдокимович, что товарищ Власик — не только охранял товарищ Сталина от покушений всяких троцкистских недобитков, но и воспитывал его детей?

Тот, заметно дрогнувшим голосом:

— Иосиф Виссарионович! Я придумал — на кого можно переписать это авторское свидетельство...

Торжествующе пресекаю его неуклюжую попутку «спрыгнуть»:

— Поздно!

Пораскинув мозгами, «грузу» дальше:

— Ваша задача, Петр Евдокимович, облегчается тем, что из всех детей у товарища Сталина остался один — Светлана. Но затрудняется тем обстоятельством, что она находится в «опасном возрасте»: уже не девочка, но ещё не женщина...

Не дослушав, Косынкин в паническом тоне:

— Иосиф Виссарионович! Дорогой товарищ Сталин! Я не женат, я никогда не воспитывал не только дочерей, но и младших сестрёнок!

Тоном, типа «не сцыте, товарищ»:

— Сча научу, в принципе ничего сложного. Подросшей девочке перед сексуальными отношениями... Вы слушаете, Петр Евдокимович, или как католическая монашка в кому впали — услышав про «секс»?

— Слушаю, тов...

— Так вот, чтобы осознать себя настоящей женщиной, девушке перед сексуальными отношениями требуются романтические: чтоб кто-нибудь из представителей противоположного пола вздыхал по ней, дарил ей цветы, дрался за неё с другими «представителями» и лазил к ней на второй этаж в окно... Ээээ... Последнее, пожалуй лишнее, но сама суть понятна?

Тот, тяжело вздохнув:

— Раньше было проще: отдали девку замуж и забыли про неё.

В глубине души согласившись, вслух тем не менее:

— Вы ещё про те времена вспомните, когда «лишних» девок продавали на сторону, или вовсе — съедали в голодный год!

Как уже об давно решённом:

— В общем не отлынивайте, товарищ генерал-майор, а организуйте пару

«воздыхателей» из числа прикреплённых.

Не догоняет:

— Зачем «пару»?

Строжаю голосом:

— Хорош уже тупить, Петр Евдокимович! Вам это не идёт. Чтоб всё выглядело естественно: девушка и двое молодых балбесов. Опять же «третий лишний» не позволит парочке уединиться, и... Ну, сами понимаете!

Кивнув:

— Понимаю... А если дело зайдёт слишком далеко? Из двух она выберет одного, и...

— Всерьёз втрескаются друг в друга и, решат жениться что ли...? Ну что — дело молодое, сыграем свадьбу и будем молча завидовать.

Косынкин, очень осторожно:

— А если ещё хуже?

— Имеете в виду, если «романтические отношения» между ними — перейдут в сексуальные, без вступления в законный брак?

— Угу...

«В реальной истории», у дочери Реципиента первый «роман» был с каким-то маньяком-педофилом старше её на двадцать с лишним лет. Вспомню кто такой — обязательно прикажу Славину устроить этой сволочи какой-нибудь «несчастный случай», несовместимый с жизнью. Или, ещё лучше — редкий способ самоубийства с самопосажением на осиноый кол...

После этого извращения, она имела «близкие отношения» с ещё какими-то двумя пидорками из творческой богемы, после чего сочеталась законными браками с пятью мужами[1]...

Правда не со всеми разом — а по очереди, что её несколько оправдывает в морально-бытовом плане.

В результате, эта нимфоманка скончалась одинокой в какой-то американской богадельне.

Мда... И это дочь великого Сталина!

Конечно, я не смогу сделать Светлану счастливой в любви и тем более в браке — это от её личностных качеств зависит и, ни от чего больше.

Однако в моих силах «подсунуть» ей в «первые» мужчины — нормального, здорового во всех отношениях парня. А там глядишь и, с последующими наладится...

Тьфу, тьфу, тьфу!

Отвечаю с видом «чему быть — того не миновать»:

— Нежелательно, конечно... Но тоже — ничего страшного. Когда-нибудь, да «это» обязательно произойдёт. Так лучше держать на контроле этот «процесс», чем пустить его на самотёк.

Помолчав, тот:

— Неужели в будущем все такие циничные?

— Нет, я был такой один-единственный. Так что за будущее можете больше не беспокоиться: меня там больше нет.

Посмотрели друг на друга и...

Расхохотались!

***

Так «за разговорами» и приехал мы на Ближнюю дачу.

Обняв меня двумя руками за шею и поцеловав в губы, Валентина Васильевна участливо спрашивает:

— Ну и как первый день отработал? Устал, поди?

Рукавом шинели вытерев лоб:

— И не говори, мать... Устал, как собака!

Разоблачаясь от шинели, сапог и надевая домашние шлёпки, тоном отпахавшей сезон лошади, жалуясь:

— Наркомы — такие жоппорукие, а генералы... Ох и тупые, мама не горюй! Каждого надо пнуть — иначе не пошевелится, как слепого кротёнка мордой ткнуть — иначе не догадается... Ну, буквально всё на мне!

Целует ещё раз:

— Всё то ты в трудах да заботах, Иосиф Виссарионович... Может, на завтра отгул возьмёшь, отдохнёшь?

Недоумеваю:

«Что-то она подозрительно ластится, как набедокурившая кошка...».

Вздыхаю тяжело:

— Да какой там «отгул», какой «отдых», ты в своём уме? В государстве — чёрт те знает, что творится! Только отвернёшься, как тут же...

Слышу голоса из Малой столовой и вопрошаю тишком:

— У нас гости?

Отведя глядя в сторону, та:

— Василий в гости приехал....

«Василий? Васька — сын Реципиента, что ли? Так ведь я его...».

Изумлённо:

— Как это «в гости приехал»? Ведь я ж его на «губу» «на пятнашку» законопатил? А прошло всего... Раз, два, три...

Моя «вторая половинка» ещё раз крепко обняв и жарко поцеловав, вдруг вываливает новость дня:

— А я позвонила его начальнику и попросила отпустить.

Чуть на оппу, прямо в прихожке, не сев:

— ТЫ???

Та, с гордым видом:

— Да, я! Светлана соскучилась по братику и позвонив командиру Василия, узнала что ты его — ни за что не про что велел арестовать. пожаловалась мне на тебя, а я позвонила и от твоего имени велела отпустить.

«Спелись две гадюки!».

Но больше меня возмутило другое обстоятельство:

— Ты «попросила» и он тебя послушался?

Здрав нос:

— Как видишь!

«Мда... За авиацию надо братья всерьёз, засучив рукава и надев ежовые рукавицы. Зря,

кстати, Николая Ивановича сгоряча расстреляли: в данном случае он весьма бы пригодился».

— Ты хоть понимаешь, что ты натворила, Валентина Васильевна?

Та уперев руки в бока, с вызывающим видом:

— И что же?

— Теперь про меня в народе будут говорить, что я как Николашка Второй — под каблуком у собственной бабы!

«Или, как Горби Меченный — под каблуком Раисы Максимовны, гореть обоим парочкам в Аду!».

В ответ, та:

— Сравнил, тоже... Николашка, тот знамо дело — говно был. Ты же у меня...

Вновь обняв и поцеловав, она с любовью глядя в глаза:

— ...Вон — какой орёл!

И украдкой посмотрев в зеркало на свой — безусловно орлиный, но — досадно рябой профиль, я оттаял душой, не без резонна подумав:

«В конце-концов, «говорунов» — не суд присяжных судить будет, как при Николашке Недержанце... А наш — народно-пролетарский советский суд. Самый гуманный суд в мире и всё такое прочее. Так что поговорят и... Больше так делать не будут. Никогда!».

Конечно, в том что я деспот и тиран — есть свои минусы, не отрицаю...

Но и немалые плюсы!

Так что я успокоился, а успокоившись — проголодался.

Слыша как урчит в животе, спрашиваю:

— В этом доме есть что пожрать?

Направляясь в Малую столовую, Валентина Васильевна:

— Всё готово, тебя одного ждём.

***

Закончив весной 1938-го года элитное «Качинское высшее военное авиационное ордена Ленина Краснознамённое училище лётчиков имени Мясникова», Василий Сталин в звании лейтенанта авиации проходил службу в одном из истребительных полков Московского военного округа. Прошлой осенью, он чему-то там учился в Академии имени Жуковского, этой зимой — уже на Авиационных курсах усовершенствования командиров эскадрилий в Липецке, которые должен закончить в мае 1941-го года.

Сначала разговор у нас с Василием не клеился, хотя при встрече «на публику» поприветствовали друг друга довольно сердечно — как будто лет сто не виделись. Однако, натянутость была видна невооружённым взглядом: хотя наверняка его предупредили об моём «микроинсульте» — Сталин-младший отчуждённо-напряжённо-настороженно на меня посматривал, как бы не узнавая.

Чужого нутром чует, в общем.

Я же сделав вид, что это ничего не замечаю, что всецело поглощён едой — размышлял о дальнейших судьбах советской боевой авиации.

То что в мире есть три совершенно бесполезные вещи: египетские пирамиды, великая китайская стена и ВВС РККА образца 1941-го года — я понял уже давно, ещё «там».

«Доказательства»?!

Да сколько угодно!

Советская и, в первую очередь — истребительная авиация, не только практически всю войну не могла уберечь свои наземные войска от ударов Люфтваффе — но и казалось бы, что проще?

Прервать снабжение окружённых группировок Вермахта по воздуху.

Холм, Демянск, Сталинград...

В последнем случае, по воздушному мосту между «котлом» и авиабазами на оккупированной территории, ежедневно как по расписанию летала армада из самых разных германских самолетов. Все они практически беспрепятственно садились на аэродроме Питомник — располагавшемся всего в 20(!) километрах западнее Сталинграда и без особых проблем взлетали с него.

«Аэродром» — три раза «Хахаха»!

Прямо посреди степи находились стоянки транспортных самолетов, бомбардировщиков и истребителей, ремонтные мастерские, склады с продовольствием и горючим, бараки и землянки для раненых, автомобильная развязка и так далее и тому подобное. На этом аэродроме постоянно базировалась всего одна сводная эскадрилья из I. и II./JG3, получившая название аэродромная эскадрилья «Питомник» («Platzschutzstaffel Pitomnik»).

И этого вполне хватало!

Хотя на этот импровизированный аэродром совершались постоянные налёты, наши «красны соколы» ничего с ним не могли поделать всё время существования Сталинградского котла.

Ну, ладно...

Положим, Питомник был надёжно прикрыт сильной зенитной артиллерией противника...

(Опять же возникает вопрос: откуда в «котле» снаряды, Зин? Которые весьма прожорливые зенитки расходуют как перепуганные? «Оттуда»!).

...Но в воздухе то, по всему пути следования перегруженных «Тётушек Ю», зенитные орудия не расставишь!

Тем более речь идёт о территории занятой именно советскими войсками, над которой «сталинские соколы» не могли гарантированно перехватывать тихоходные транспортники — что звучит наиболее удручающе...

В результате, с 24 ноября 1942-го года по 2 февраля 1943-го — когда остатки 6-й армии сдались, транспортные и прочие самолёты (использовалось всё летающее, вплоть до бомбардировщиков и планеров) Люфтваффе доставили в котел в общей сложности 8250 тонн продовольствия, топлива и боеприпасов. В среднем — 114 тонн в день, таким образом.

Мало?

Конечно, мало и причём — критически мало!

Но заслуга в этом что «мало», не советских лётчиков-истребителей вовсе — а нехватка транспортных самолётов у Третьего Рейха, ведущего войну на истощение практически со всем цивилизованным миром. Ведь, в тоже время работал «воздушный мост» и в Северную Африку, где у «Лиса пустыни» — германского генерала Роммеля и, его «Африканского корпуса» — тоже имелись вполне определённые трудности со снабжением.

Кроме того, по воздуху из Сталинграда было эвакуировано 24 760 раненых, а также 5150 человек ненужных в «котле» технических специалистов — например, танкистов. Всего

тридцать тысяч человек, то есть около десяти процентов от общего числа количества окруженных.

И прервать снабжение окружённой группировки Паулюса, Красная Армия смогла — лишь захватив аэродромы противника, откуда взлетали гружённые транспортные самолёты. Возможно, именно тогда и появилась горькая, но жизненно правдивая поговорка сухопутчиков:

«Лучшая ПВО — свои танки на аэродромах противника».

И, как бы это горько не было, надо честно признать: Сталинград — это далеко не последнее и отнюдь не самое глубокое «днище». Кубанский плацдарм, Крым, Корсунь, Каменец-Подольский, Будапешт, Кёнигсберг, Бреслау и многие другие многочисленные «котлы» и города-крепости — не без проблем конечно, но всё же относительно сносно — снабжались с помощью пресловутых «воздушных мостов» вплоть до последних дней своего существования[2].

Почему так?

Вроде бы в отличии от сорок первого, с его фанерными «ишачками», к 1943-му году и, самолёты у Красной Армии стали более-менее современными и причём — как отечественного производства, так и от лучших мировых производителей... И лётчики вместе с их командирами — какого-никакого, но боевого опыта понабрались... А один хрен, чуть ли не строем летает прямо под головами этот трёхмоторный антиквариат и ничего с ним наши «трижды герои» сделать не могут.

Ответ прост до шокирующего изумления: авиация — гражданская, или боевая не важно — это не самолёты и даже не лётчики...

Это — система!

Система, состоящая из службы контроля за воздушным пространством, службы связи, службы наведения и так далее. И вот как раз этой то «системы», в ВВС РККА — практически до самого конца войны, не было. Отчего и эффективность советской боевой авиации была околонулевой. Чтоб это понять, надо прочесть воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны...

Нет, не лётчиков — те себя не обидят.

Пехотинцев, артиллеристов, танкистов. Конечно, там имеются упоминания об «красных соколах»... Но довольно-таки редкие и, в достаточно однообразной форме:

«Своих истребителей мы не видели».

Чаще, несравнимо чаще, чудом выжившие под бомбардировками бойцы, вспоминают об «стервятниках Люфтваффе». Как например Константин Павленков, инструктор политотдела 91-й танковой бригады, воевавший в 1942-м году под Воронежем:

«Взвод залег, поднять невозможно. Другой взвод убежал, всех, кого сумел собрать, повел в лес. Настроение паническое, все кричат — надо бежать... Доходило до того, что бредущее стадо лошадей или коров принимали за немцев.

А потом появились эти „Мессершмитты-110“, которые я запомнил на всю жизнь. Они подходили группами, а потом поодиночке выискивали свои цели, пикируя и обстреливая нас из пушек и пулеметов. Это была страшная вещь, и чисто психологически несущийся на тебя на малой высоте двухмоторный самолет, надсадно ревуший моторами, вызывал панику и ужас. Когда эта штукавина разворачивалась в твою сторону и начинала снижаться, даже я,

взрослый человек, буквально клал в штаны, а бойцы вообще визжали, как бабы!».

***

Однако в отличии от других бесполезных «чудес света», которые веками и тысячелетиями — стоят себе молча на одном месте и, «кушать» не просят — ВВС РККА пожирают ресурсы и ресурсы не малые. Первым делом это, конечно же люди: в авиацию добровольно и по призыву(!) брали лучших молодых людей — как минимум со средним или средне-техническим образованием.

Едва научившись летать, они погибали в своих первых же боевых вылетах — делая фантастические счета «бубновым экспертам»...

А на военных заводах у станков стояли вырванные войной из школьных классов дети, или увидевшие первый раз в жизни напильник домохозяйки — которые делали брак, на котором в свою очередь лучшая молодёжь страны — гробилась ещё задолго до своего первого боевого вылета.

А в «царице полей» — пехоте, ротами или даже батальонами и полками — командовали люди с четырьмя классами образования в лучшем случае.

А советский «Бог войны» — артиллерия, не могла в должной мере освоить сложные виды артиллерийской подготовки — требующие от наводчиков орудий более глубоких познаний в математике, чем просто четыре арифметические действия.

Как-то не рационально, не правда ли?

И кого-то ещё удивляют высокие потери Красной Армии?

Что касается «заклёпок»...

С момента принятия на вооружения в 1938-м году и до конца Великой Отечественной войны, было выпущено девять тысяч крупнокалиберных пулемётов ДШК, использующихся главным образом как зенитные.

Девять тысяч, это много?

Много, но смотря по сравнению с чем.

По сравнению с пресловутым «1913-м годом» — это просто дох...уя, конечно.

А по сравнению с тем же временным промежутком?

Авиационный пулемёт Березина (УБ) того же калибра — 12,7 миллиметров и под тот же патрон — «12,7×108», был принят на вооружение 22 апреля 1941-го года и до его конца, успели сдать 6300 штук. Дальше, производство «Берёзы» шло по нарастающей: 1942 год — 25000, в 1943 — 43690, в 1944 — 38340, в 1945 — 42952...

Включаем калькулятор...

Ох, ну ни х... Чего себе!

156252 (сто пятьдесят шесть тысяч, двести пятьдесят два) пулемёта!

Не... Я хорошо понимаю, что все изделия оружейника Дегтярёва — крайне низкотехнологичны и, «ДШК» — ничем не лучше семейства «ДП» или «ДС-39» и, обязань принятию на вооружение — главным образом «правильному» происхождению конструктора, но... Такой разрыв в производстве между зенитными и авиационными пулемётами, это просто...

Фантастика!

25-мм автоматическая зенитная пушка (72-К) была принята на вооружении ПВО РККА ещё в 1940-м году. Однако этот «ремейк» от шведского «Бофорса» оказался слишком технологически сложным для советской оборонки и до начала войны, в рядах Красной Армии не было ни одного его экземпляра. Потом вроде расчухались и организовав производство аж на целых четырёх заводах, осчастливили наших доблестных защитников неба аж 4888 штуками, в том числе и в спаренном варианте. Однако всё равно этот девайс был настолько редок, что даже среди трофеев Вермахта не встречается

Схожая по калибру авиационная пушка «ВЯ-23» (Волков-Ярцев, 23 миллиметра), принятая на вооружение в том же — в 1941-м году, за тот же период была произведена в количестве 64 655 штук.

Действительно: 4888 и 64 655 — земля и небо!

Единственное в чём наши зенитчики побивают наших же авиаторов, так это автоматические пушки среднего калибра: 37-миллиметровых автоматов «61-К» образца 1939-го года было выпущено 19689 штук, авиапушек Нудельмана-Суранова «НС-37» и «НС-45» — всего 6833 и 200 соответственно. Но виной тому вовсе не человеческий фактор — типа у деятелей советского авиапрома совесть наконец-то проснулась, а законы физики: несмотря ни на какие ухищрения — не выдерживали самолёты тех лет сильной отдачи от орудий «противотанкового» калибра... Иначе бы и, 76-ми миллиметровых дивизионнок «ЗиС-3» и 85-ти миллиметровых зениток «52-К» — было выпущено бы меньше, чем каких-нибудь чудо-юдо-вундерваффлей того же калибра от Шпитального и его гоп-компании.

И девятнадцать тысяч зенитных скорострелок за всю войну — это очень и очень мало!

Заводы Британской империи, к примеру, совокупно производили примерно столько же зенитных автоматов «QF 40 mm Mark I» в год(!), по лицензии от шведского «Бофорса».

Вот я сижу, жую и за процессом поглощения пищи размышляю:

«А может ну её нах — эту авиапромышленность, так и эдак её, вместе с — так и перетак мать ихнюю, военно-воздушными силами?».

В том виде, в котором та и те существуют, конечно.

Освободившиеся ресурсы кинуть на что-нибудь полезное — на ту же зенитную артиллерию в первую очередь. В ВВС РККА оставить только лучших пилотов и только добровольцев, остальных недоучек — в другие рода войск или вообще вернуть в промышленность. Уже накопленных самолётов — двадцать семь тысяч(!) на этот год хватит, а там и Ленд-Лиз подоспеет.

***

Валентина Васильевна и Светлана закончили трапезничать рано и, о чём-то о своём — об женско-девичьем болтая, вышли из-за стола и уселись на диван.

Василий весь ужин мялся, не решаясь о чём-то спросить... Наконец-то встав и, одёрнув свою гимнастёрку индивидуального пошива, решительно:

— Отец! После ареста маршала Тимашенко, лётный состав надеется на отмену «Приказа № 0362».

В конце декабря 1940 года, по престижу элиты Вооружённых Сил — авиации, был нанесён мощнейших удар. В соответствии с приказом «Об изменении порядка прохождения

службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии», выпускникам лётных училищ присваивалось звание «сержант», вместо «младший лейтенант» — приравняв их таким образом к военнослужащим срочной службы с казарменным проживанием, а сам срок увеличив до четырёх лет.

Не вижу, кстати, ничего особо страшного.

Например, финский истребитель-ас Илмари Ютилайнен — претендующий, на сбитие 94 советских самолета, дважды награжденный за это высшей наградой Финляндии — Крестом Маннергейма, закончил войну в звании «Lentäjämajestari» — то есть «мастер-лётчик». Весьма специфическое звание, которое считается старшим из сержантских — нечто вроде мастер-сержанта, но все-таки не дотягивающим до английских «уоррент-офицеров», примерного эквивалента сегодняшнего прапорщика.

Жутчее другое!

«В реале», Тимашенко накануне войны вдруг взял и сократил технический состав эскадрилий. До него и, после него — и ныне и во веки веков надеюсь, лётчик являлся лишь верхушкой такого «айсберга», как авиация. На каждый самолёт полагался техник в звании техник-лейтенант, механик, моторист и оружейник. Кроме них, на звено в три самолёта механик по приборам, механик по специальному оборудованию и ещё один механик по вооружению на звено.

Нарком обороны же решил, что это слишком жирно: что если каждый красноармеец с четырьмя классами — без всяких механиков и оружейников сам обслуживает свою винтовку, то почему бы и лётчику — с его то средним образованием и окончанным лётным училищем, не обслуживать самостоятельно свой самолёт?

Самое смешное, что в обоих случаях он был прав!

Хотя и отчасти, но прав.

Наши «красные соколы» не успев опериться и, получить синие штаны и кубари в петлицы — как тут же по деревенскому обычаю женились и обзаводились потомством, отчего военные городки при аэродромах стали напоминать цыганские таборы. А ведь каждому семейному командиру, военное ведомство обязано — кровь из носа, предоставить соответствующее жильё.

А где его взять во всё возрастающем количестве, если в стране уже лет тридцать как, кроме заводов, фабрик и плотин ГЭС — практически ничего не строилось?

Короче, испортивший москвичей «квартирный вопрос» — грозил испортить и Вооружённые Силы и, маршал Тимашенко решился на превентивные меры

Неимоверно разросшиеся технические войска — требовали всё больше и больше обслуживающего персонала: техников, мотористов, оружейников и прочих. Ведь кроме двадцати с лишним тысяч самолётов, технический персонал требовался для обслуживания не меньшего количества танков...

А где его было взять?

Призвать из промышленности?

Тогда упадёт производство оружия и техники — тех же самых самолётов и танков, запчастей к ним и обсуживать «призывникам» будет нечего.

Да и какой нарком отдаст своих специалистов без мобилизации?

Если конечно, он к «стенке» добровольно не захотел за срыв выполнения плана и

«повышенных обязательств» к нему.

В общем — проблема!

Вот только взялся Тимошенко за эту проблему — не с того места, с которого следовало бы.

Кстати, вот вспомнилось...

Хотя сын Реципиента происхождением вовсе не из деревни — как большинство его коллег по профессии, но «традиции» не избежал. 30 декабря прошлого года, в возрасте девятнадцать лет он расписался с некой Бурдонской Галиной — своей сверстнице. Перед законным бракосочетанием надо обязательно упомянуть, он получил вот такое «благословление» от родного папаши:

«Ты спрашиваешь у меня разрешения, женился — черт с тобой. Жалею ее, что она вышла за такого дурака».

Нажив двоих детей они разбежались... Эээ... Кажется в сорок третьем году.

Как тут не вспомнить Высоцкого?

«Пусть Жираф был неправ,

Но виновен не Жираф,

А тот, кто крикнул из ветвей:

— Жираф большой — ему видней!».

***

Тщательно и не торопясь дожевывая, спустя довольно продолжительное время отвечаю:

— Такие вопросы с кондачка не решаются, Василий! Мне надо подумать, посоветоваться с товарищами... В общем, подходи через недельку.

После паузы, в свою очередь спрашиваю:

— Всё хотел тебя спросить, да как-то руки не доходили... Почему ты решил стать лётчиком, Василий?

Увидев заминку, понимающе усмехаюсь и сам за него отвечаю:

— Потому что среди советской молодёжи это модно — быть лётчиком, да? Потому что в кино показывают, какие они — лётчики, молодцы? Военная форма, «курица» на рукаве и фильдеперсовые синие командирские галифе... Девчонки от одного их вида — дружными штабелями в койку падают... Так, что ли?

То, уклончиво:

— Эээ... Мне нравится летать, эээ... Отец.

Иронически хмыкаю:

— А мне вот нравится рыбу ловить, так что прикажешь? Стать рыбаком?

Киваю на портрет на стене:

— Сталин, он потому и стал Сталиным — потому что делает не то, что ему нравится... А то — что надо! Народу надо, Советскому государству... Партии, наконец, надо!

Тяжело вздохнув:

— А вот ты, Василий, фамилии «Сталин» не соответствуешь... Увы!

За этим явственно слышалось:

«А не сменить ли тебе фамилию, сынок? Чтоб её не позорить».

И он этот намёк отчётливо понял.

Если судить по «послезнанию», отец для Василия Сталина — был высшим авторитетом. Других он не признавал и, до конца жизни боролся за то, чтобы носить фамилию «Сталин».

Внимательно, оценивая рассматриваю — под вполне определённым ракурсом и прикидываю хрен к носу:

«Мда... В характере не откажешь, какой-никакой ум — но имеется, жизненный опыт — он приходит с годами. Но главный отцовский талант — политический, у него отсутствовал напрочь — на том, как говорится и погорел. А ведь мог бы стать преемником Вождя — возможности имелись и причём — не малые. К лучшему или худшему это привело бы, чем было «в реале» — когда власть досталась Лысому ублюдку и его коdle? Как знать, как знать... Хотя...

Хуже не было бы — это однозначно!

Куда уж хуже?

А вот лучше — вполне возможно. Общества с династическим управлением довольно устойчивы — взять хотя бы Северную Корею или Российскую империю — худо-бедно, но просуществовавшую триста лет с небольшим. Недостатки конечно иметься — как без них... А где их нет?».

Василий, не отрывая взгляда от портрета — как будто спрашивая у того совета, не у меня:

— И что мне делать, чтобы это было надо народу, государству и партии? Чтоб соответствовать фамилии?

Внезапно — как обычно, меня озаряет:

«Чтобы иметь шанс стать преемником Вождя, ему требуется стать самостоятельной политической фигурой. А для этого сперва необходимо обрести своё-собственное имя. А чтоб в свою очередь заполучить «имя» — надо выступить с инициативой».

Приняв решение, предлагаю «дело»:

— Ты мог бы поставить вопрос ребром: а нужна ли вообще такая авиация советскому народу, правительству СССР и коммунистической партии...

У того челюсть отвисла — кишки видны, а я продолжаю, разведя руками:

— ...Сам бы такой вопрос поставил, да я ж не лётчик! И мне любой из вашей братии — если вслух не скажет, так подумает: «Что ты лезешь туда, в чём ничего не соображаешь!».

Вновь показывая на портрет, молвлю озабоченно:

— Это подорвёт авторитет товарища Сталина — как главы государства: ведь лётчики — любимчики советского народа. А я этого допустить не могу!

Придя в себя, Василий от возмущения заикаясь:

— Как это: вопрос «нужна авиация», или не нужна? Любой школьник тебе скажет, отец: Красный военно-воздушный флот — гордость Страны Советов! И он нужен!

Презрительно усмехаюсь:

— «Любой школьник»! Ты лучше скажи: какой у тебя налёт, «красный сокол»?

Тот, гордо:

— Почти тысяча часов на машинах пяти типов!

Сделав глаза по полтиннику:

— «Почти тысяча»? «На машинах пяти типов»? Здорово!

Притворно восклицаю, затем склонив голову набок, с деланным подозрением:

— Сдаётся мне, что ты «несколько» злоупотребляешь нашей общей фамилией, Василий...

Тот покраснев как красна девица и отведя глаза, смущённо:

— Скажем так: мне не отказывают, если я хочу полетать.

Хмыкаю понимающе и интересуюсь следом:

— Всем лётчикам «не отказывают» или тебе одному? У всех наших лётчиков с общим налётом так, или только у тебя одного? Сколько часов в среднем налётывает на истребителях — хотя бы на «Чайке», выпускник лётного училища — которому отказывают, если он хочет полетать?

***

В марте 1940-го года лётные школы ВВС были переведены на ускоренную подготовку с сокращёнными сроками обучения. А чтобы снизить общий уровень аварийности, не придумали ничего лучшего, как прекратить обучать высшему пилотажу.

Потемнев лицом, Василий:

— Мало...

Я же:

— «Мало»? Так скоро налёт будет ещё меньше!

Удивляется:

— «Меньше»? Как «меньше»? Для чего, зачем «меньше»? И куда уже «меньше», отец!

Развожу руками:

— Запланировано уже в этом году иметь сто пятьдесят тысяч лётчиков... А с увеличением количества — уменьшается качество. Это — диалектика, доказанная всей историей человечества, Василий! И «человеческий фактор»: наклепать «летающих гробов» — гораздо проще, чем научить летать «начинку» для них.

В «реале», в конце последней предвоенной зимы было пробито очередное «днище».

25 февраля 1941-го года было утверждено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «(реорганизации авиационных сил Красной Армии)», согласно которому предусматривалось создание школ первоначального обучения с курсом 4 месяца в мирное и 3 месяца — в военное время с общим налетом на курсанта 30 часов, а также школ военных пилотов с курсом 9 месяцев в мирное и 6 месяцев — в военное время с общим налетом бомбардировщиков 20 часов и истребителей 24 часа.

На деле же и, это не выполнялось... Так как для этих «школ первоначального обучения» не хватало — ни учебных самолётов, ни авиабензина, ни преподавателей-инструкторов...

Но эта система действовала всю войну!

И некоторые советско-российские историки по ней — прямо-таки кипятком писцаются. Вот мы мол, какие молодцы: завалили супостата «мясом» — не только на земле, но и в воздухе.

И поворачивается же язык такое сказать...

Какая же «муха» укусила Советское руководство (Сталина, Политбюро ЦК ВКП(б)), что они так бездумно форсировали численный рост советской авиации?

Эту «муху» звали Яков Смушкевич, ныне он — генерал-лейтенант авиации на должности помощника Начальника генерального штаба РККА по авиации и, до него у меня

пока(!) не дошли руки. Во время боёв на Халхин-Голе, не сумев нивелировать превосходство японцев в воздухе более-менее эффективным руководством, он задавил их численным превосходством, а апосля заявил, что так мол и надо воевать — завоёвывая «превосходство в воздухе».

Однако в Монголии были локальные бои на сравнительно небольшом участке. Задавить массой противника на советско-германском фронте — протянувшемся от Мурманска до Кишинёва, при удручающе низкой мобильности наземных служб ВВС РККА — оказалось невозможным.

«Теоретика» конечно расстреляли, но оказалось слишком поздно.

Свою лепту, конечно, внесли и «рамзаи со штирлицами» — через ГРУ Генштаба РККА подсовывающие завышающие на порядок сводки об численности авиации и потенциале авиационной промышленности Третьего Рейха...

Адмирал Канарис и его «Абвер» — своё дело знали туго!

***

Продолжаю:

— В отличии от нашего, после лётной школы германский летчик-истребитель имеет не менее четырёхсот часов общего налета, в том числе порядка восьмидесяти — на боевой машине. После чего, он направляется не в боевую часть, а в запасную авиагруппу на фронте, где добавляет ещё двести часов на истребителе.

Оценив произведённое впечатление, спрашиваю:

— Спрашиваю тебя, Василий, как специалиста: сможешь ли ты и твои коллеги противостоять германским? Учитывая ещё и боевой опыт последних — приобретённый в боях против польских, французских, голландских и британских лётчиков?

Тот и, глазом не моргнув, режет как по-писанному:

— Сможем, отец! Если враг нападёт, советские лётчики-истребители — жизнью своих не щадя, дадут ему решительный отпор и перенесут войну на его же территорию!

«Ой, дурак! Насчёт «преемника», я конечно же — изрядно погорячился...».

Тяжёлым взглядом смотря на него:

— «Жизней своих не щадя...». Запомни: героизм имеет место там, где отсутствует профессионализм! Ты рассуждаешь не как командир, а как — школьник насмотревшийся «Первых ударов»...

«Кстати, этого графомана-фэнтазёра Шпанова — надо обязательно законопатить куда-нибудь подольше, куда не доходил пастух Макар с подопечными ему телятами».

— ...И мало того — как вредитель. Да, да: именно как вредитель!

Тот ошарашен, если не сказать больше... Убит, повержен, свергнут с небес — как сын Зевса Фаэтон, решивший сдуру без спроса прокатиться на крутой родительской «тачиле»...

Прижав руки к груди:

— Я не понимаю, отец...

— А что тут понимать? Ты, кто?

— Кто? Я?!

Молчит, в я тыкая в него указательным пальцем:

— Ты не просто Васька, сын Сталина и лейтенант авиации... Ты — представитель первого, по-настоящему советского поколения. Ты и твои сверстники, родились в двадцатые

годы. В отличие от ваших предшественников, вы не знаете ужасов Гражданской войны и не помните пошлости эпохи НЭПа... Вы воспитывались во времена величайшего энтузиазма начала тридцатых годов и учились в советских школах — вернувшись к нормальному, классическому образованию — после смело-безрассудных педагогических экспериментов двадцатых...

Это поколение было выбито войной процентов на девяносто, что по моему мнению — послужило одной из важнейших причин краха всей коммунистической идеи.

— ...Я ни капли не сомневаюсь, что вы — жизнью своих не пожалеете и, если надо — все как один ляжете в землю за наше социалистическое Отечество.

В свою очередь, прижав ладонь к сердцу, горячо говорю, прожигая его насквозь негодующим взглядом:

— А с кем останемся мы? Ты об этом подумал? Те, чьё детство пришлось на Гражданскую войну, нас — большевиков просто ненавидят за голод и лишения доставшиеся им. Те, чьё детство придётся на будущую войну — также навряд будут испытывать к Советской Власти какие-то особо тёплые чувства... С кем новое общество строить мы будем, я спрашиваю? Кто подхватит красное знамя из наших слабеющих от старости рук? КТО?!

Сталин-младший, лишь смог прошептать:

— Ты никогда со мной так не разговаривал, отец!

Подойдя ближе, положил ему руку на плечо и глядя прямо в глаза:

— Ты стал взрослым Василий и я считаю, что ты готов и должен совершать взрослые поступки.

***

После довольно продолжительно молчания, во время которого подавальщицы успели убрать посуду и принести самовар и то, что к нему полагается, Василий спросил:

— Ты предлагаешь мне помочь тебе сократить лётный персонал ВВС?

— Совершенно верно! И в первую очередь предоставив достойную альтернативу, отсеем тех — кто лётчик «добровольно-принудительно», а не по призванию. Все остальные твои коллеги будут поделены на три категории или класса: те — кто летает хорошо, те — кто летает так себе и, те — кто летает кое-как. Первые останутся в строю, в боевых частях... Вторые — отправятся в училища доучиваться... Ну, а третьи — переведены в наземный персонал или вообще — в другие рода войск, где тоже нужны грамотные и преданные Советской власти молодые люди. Естественно, до разумного предела будет сокращён и выпуск самолётов, а сильно морально устаревшие машины — переведены в разряд учебных, транспортных или вовсе списаны.

Заостряя на нужном месте вопрос, поднимаю вверх указательный палец:

— Однако, видишь в чём заковыка, Василий: Наркомат авиапромышленности и ВВС РККА — очень влиятельная сила! Возможно сопротивление, хотя и не открытое — но в виде саботажа. Поэтому желателен «толчок» так сказать «снизу». Ты согласен мне помочь?

Тот, ни секунды не раздумывая:

— Конечно! А как это сделать?

Переходя на деловитый тон:

— Завтра-послезавтра я набросаю тебе записочку с которой ты пойдёшь к товарищу Мехлису... Знаешь такого?

— Льва Захаровича? Конечно, знаю!

— Ныне он — Заведующий «Информбюро при СНК СССР» и, в его ведении находятся все газеты, журналы, широкоэвещательные радиостанции и киностудии Советского Союза.

У того в восхищении блестят глаза:

— Ух, ты... Все, все, все? Здорово!

«Какой же ещё мальчишка!».

— Он предоставит тебе журналиста, который по моей записке поможет написать статью об проблемах в ВВС РККА, которая в свою очередь будет опубликована в ведущих газетах страны и в первую очередь — в «Красной звезде».

Василий озадаченно:

— «Об проблемах в ВВС»? А это не будет разглашением военной тайны, отец?

Смеюсь:

— «Разглашением»? Перед кем? Враги про все наши проблемы — по Финляндии знают. Свои же — узнают после начала большой войны с Германией.

Широко открыв глаза:

— «С Германией»? А как же договор о ненападении?

Морщусь, как от недозрелого лимона:

— Не задавай глупых вопросов! И заруби себе на носу: в политике, договора заключаются для того — чтобы их в удобный момент нарушать.

Понятливо кивает:

— Хорошо, «зарубил».

— Так вот: пусть враги знают, что мы знаем о своих проблемах и готовы их устранять. А свои, советские люди — пускай заранее узнают, чтоб потом не говорили что их «комиссары» обманывали.

Если заранее будет известно, что война с Германией будет тяжёлой — меньшим будет шок у красноармейцев с её началом. А следовательно — меньше успехов у геббельсовской пропаганды и, как следствие — меньше сдавшихся в плен, решив что «всё пропало».

Предупреждён — вооружён!

***

Посидели, помолчали... Затем Василий:

— Отец! С теми лётчикам — которые «по призыву», понятно. Но среди тех кто летает «кое-как» — очень много мечтающих о небе. Зачем наказывать тех, чья вина лишь в том, что они на год-два родились позже «счастливицков»?

Сперва безапелляционно, я ответил встречным вопросом:

— А куда их прикажешь девать...?

Вспомнилось, что например, в прикрывающий военно-морскую базу в Лиенае и вооружённый бипланами «И-153» и «И-15бис» 148-й истребительный авиаполк, накануне войны прибыло из авиашколы два десятка лётчиков (в кавычках), имеющих по восемь-двенадцать(!) часов налёта на...

На «У-2»!

А ведь полку предстояло переучиваться на новейшие «МиГ-3» — на которых не за понюшку табака, гробились и имеющие по несколько тысяч общего налёта ветераны Испании, Китая, Халхин-Гола и Финляндии.

Так нахахуа, спрашивается?

Вдруг осенило:

— ...Хотя, постой! Кажется я нашёл способ, по которому: «и хлопцы пьяны и волки сыты». Из юных энтузиастов (которых — хоть убей, но дай им полетать) можно создать специальные легкобомбардировочные полки на «У-2». На этих самолётах и выпускники аэроклубов — воевать смогут и, причём — воевать довольно эффективно.

Василий делает большие глаза:

— На У-2 «воевать»? Как?! Отец! Я тебя конечно уважаю... Но в данном случае — ты глубоко заблуждаешься.

Насмешливо на него глядя:

— Эх, молодёжь... Всё бы вам «выше, дальше, быстрее»! Внешние эффекты для вас важнее, чем конечный результат...

Наклонившись к нему через стол:

— ...А конечный результат для любого самолёта-бомбардировщика, какой? Донести до цели бомбу и сбросить её как можно точнее. А это можно сделать по принципу «ниже, тише, незаметно». А для этого, У-2 подходит как никакой другой.

Действительно из всей советской авиации, достойны упоминания лишь этот деревянно-фанерно-полотняный самолётик, который собирался прямо на фронте — в полевых авиамастерских, из доставляемых с мебельных заводов наборов «а-ля сделай сам». У среднего российского обывателя при упоминании об этом «небесном тихоходе», в уме одни «ночные ведьмы» во главе с Мариной Расковой. Но ведь женский ночной легкобомбардировочный полк был один-единственный... А мужских — многие десятки, по некоторым данным — скинувших за годы войны около семидесяти процентов всех авиабомб.

В отличии от «Ил-2», про которого в мемуарах недобитых гитлеровцев — очень редко что-либо встретишь, да и то — лишь у их «экспертов», которые сбивали «цементбомбёры» пачками... Эта «швейная машинка» до того задолбала «сумрачный германский гений», что тот из дефицитного разведчика «FW-189» — запилил против «русс-фанер» специализированный(!) ночной истребитель — с локатором и «джазом[3]».

Тщетно!

Ночной бомбардировщик «По-2» и его экипаж были самыми живучими в ВВС РККА порядка 750 боевых вылетов на потерю. Даже сам увешанный до пупа «крестами» всех видов Эрик Хартман — «великий и ужасный», мог похвастаться всего лишь одним сбитым «У-двасом». Да и, то скорее всего — спиз...дел по своему обыкновению.

Для сравнения: пилот истребителя ВВС РККА делал в среднем 64 боевых вылета — д того как погибнуть, бомбардировщика — 48, штурмовика — 11, торпедоносца...

...Всего 3,8 (три целых, восемь десятых!) боевых вылета.

Самурайские камикадзе стоят за поребриком и нервно курят бамбук от лютой зависти!

Нередко, лётчики на «кукурузниках» делали по тысяче с лишним боевых вылетов за войну, оставаясь при этом без малейшей царапины. В этом они даже далеко превосходили своих британских коллег на «Москито» с их «Мерлинами».

Почему?

Потому что по целому ряду причин, их правильно использовали, а не бросали как дрова в ненасытную топку войны.

Сам же самолёт успешно применялся даже ещё во время войны в Корее, где он получил от наших бывших союзников уважительное прозвище «Ночной Чарли».

Конечно, «У-2» при всём моём к нему уважении — это только на первом этапе становления легкобомбардировочной авиации. Далее, надо будет запилить что-нибудь другое — более продвинутое, при сохранении общей концепции.

***

Рассказав про эту затею и все доводы-выводы, спрашиваю Василия:

— Как тебе выступить с инициативой и сперва создать учебную эскадрилью, затем отработав тактику — полк и, наконец — возглавить Управление легкобомбардировочной авиации ВВС РККА? Если ты согласен, капитана могу дать прямо сейчас — для поднятия авторитета. Генерала — сам заслужишь.

Скажем честно: моё предложение стать предводителем «ночных ведьмаков», не шибко-то воодушевило Василия. И даже внеочередное звание его не прельстило. Он долго нудился, затем вывалил:

— Отец! Я считаю, что будучи истребителем — я принесу больше пользы социалистическому Отечеству.

Снисходительно-насмешливо на него глядя:

— С чего ты это вдруг решил?

— Потому что истребители — самый главный род авиации.

Так считал не только он, а и всё руководство Советского Союза: как военное и политическое в целом — так и авиационное в частности. По этой причине, производство истребителей до и во время войны велось опережающими темпами. Ради выпуска истребителей, например, был фактически похерен с помпой лучший советский бомбардировщик — «Ту-2».

Каверзным тоном вкрадчиво спрашиваю:

— Так уж прямо и «самый главный род авиации»? Обоснуй, Василий, почему ты так считаешь?

Тот, чуя подвох, с опаской:

— Потому что, они обеспечивают воздушное превосходство.

Включив «тупого», чешу в затылке:

— «Воздушное превосходство», говоришь? И как они — истребители, его «обеспечивают»? Я не лётчик, я не понимаю что за «воздушное превосходство» такое и, как и для чего его завоёвывают... Расскажи мне хотя бы вкратце.

Пью чай, а Василий, делая руками какие-то странные пасы над столом:

— Воздушное превосходство, отец, обеспечивается патрулированием истребителей в воздухе над важными объектами.

Допив чай и отложив в сторону стакан:

— Хорошо... Давай с тобой поиграем в командно-штабные учения: я за «синих», ты — за «красных»...

— Хорошо, давай!

Беря с него пример, также делаю руками «пасы» над столом с расставленными над ним предметами:

— Положим, это район — который требуется прикрыть с воздуха. Моя сторона стола —

линия фронта, самовар — штаб фронта, вазочка на столе — склад фронта, чашки — штабы и склады армий, корпусов и дивизий...

Беру чайную ложечку и, сперва и проверив — чистая ли она, опасливо покосившись на Валентину Васильевну, провожу условные линии на скатерти:

— ...Ну и наконец, это линии коммуникаций — которые тоже требуется прикрывать с воздуха: автомобильные шоссе и железнодорожные дороги, мосты на тех и других. По диспозиции всё понятно?

Улыбается:

— Всё!

На полном серьёзе:

— Теперь про «дислокацию»... Расклад сил такой: не считая бомбардировщиков, у меня всего двадцать пять самолётов, из которых двадцать истребителей, а у тебя — целая истребительная авиадивизия... Сколько это самолётов?

Поднимает глаза в потолок и как-то неопределённо:

— Смотря сколько в ней полков — всего три или пять.

«Мда..., - думаю, — с организацией авиационных частей тоже — несусветный бардак».

Вслух:

— Положим, в твоей истребительной авиадивизии — пять полков.

— Тогда у меня триста машин — не меньше.

Недоверчиво:

— Точно «триста»? Сколько тогда истребителей в полку?

— От шестидесяти трёх до семидесяти семи. Опять же в зависимости — сколько в нём эскадрилий: четыре или пять.

«Это — жоппа!».

Лишь покачав головой, махнул рукой, типа: «Триста — так триста», продолжаю, указывая на «карту»:

— Ну а теперь рассказывай, как ты всё это будешь «прикрывать». Давай — приказывай своим «орлам», куда им лететь и когда именно.

Тот, сперва довольно самоуверенно:

— Прикажу патрулировать линию фронта.

Изобразив правой рукой «самолёт», захожу с фланга на изображающий штаб фронта самовар:

— А если я зайду со стороны соседнего фронта? Трындец командованию, связи с корпусами и дивизиями нет, управление утрачено, противник без труда прорывает фронт и идёт напрямиком на Москву. И виноват в этом кто? Василий Сталин! Вот мне «радости» будет на старость лет...

Возмущённо:

— У соседнего фронта должна быть своя авиадивизия!

Невозмутимо:

— Она там есть, но её командир вынужден по приказу командующего фронтом охранять его штаб. Ведь он же — не Сталин как ты и, вынужден подчиняться по инстанции, иначе... Ну ты сам должен понимать — не маленький.

А так чаще всего «в реале» и было: начальству спокойней работается — когда над ним гордо реют краснозвездные ястребки. А то, что кого-то там бомбят...

Так это ж из штабных окон не видно!

Такая же херня была и с сопровождением бомбардировщиков: главное — штаб прикрыть, а такая ерунда — проблема самих авиаторов.

Василий, озадаченно посматривая на самовар:

— Выделю один полк для охраны штаба фронта.

Делаю тот же «манёвр» справа, но уже нацеливаясь на вазочку со вкусностями:

— Складу фронта — триндец конкретный: «красные» остались с командованием — но без боеприпасов, топлива и продовольствия. Войска «синих» прорывают фронт и по пути разгромив штаб — идут напрямиком на столицу первого в мире государства рабочих и крестьян. Верховный главнокомандующий делает оргвыводы и отправляет незадачливого командира авиадивизии руководить сельским аэроклубом куда-нибудь в Туруханск — где когда-то и сам пребывал во времена своей бурной молодости.

Василий не сдаётся:

— Ещё один полк из пяти выделю для прикрытия фронтового склада!

Насмешливо на него глядучи:

— А штабы армий и армейские тыловые склады? А коммуникации, их узлы и мосты? А кто будет прикрывать свои бомбардировщики, наконец?

Дав ему время подумать, делаю вывод:

— Да будь у тебя хоть десять истребительных полков, прикрыть всё ты не сможешь. Не штабы будут уничтожены, так склады, не склады — так коммуникации или позиции войск на линии фронта.

Не догоняет:

— Почему?

— Да потому что ты не знаешь главного, Василий: времени налёта... Если конечно, у тебя нет своего «человека» с рацией в штабе у противника — предупреждающего об времени и готовящегося авианалёта и месте куда он будет совершён. Есть у тебя такой?

— Нет.

— Тогда тебе предстоит пережить полный разгром! Ведь твои истребители не могут весь день висеть над прикрываемыми объектами: час-полтора патрулирования и они должны возвращаться на аэродром. Самолёты надо заправлять и обслуживать, лётчикам требуется отдохнуть и покушать.

И здесь сын Реципиента ляпнул глупость — которая объясняет все потери советских ВВС в годы той войны, при всей их очень иллюзорной эффективности:

— Я разобью светлое время суток для патрулирования по эскадрильям и по звеньям.

Не удержавшись, похлопал в ладоши:

— Bravo! Ты предоставил мне возможность уничтожить твою авиадивизию по частям. Ведь мои двадцать истребителей — навалившись на твоё звено из четырёх, или даже на эскадрилью из десяти самолётов — гарантированно их уничтожат. А следом прилетевшие бомбардировщики — смешают охраняемый объект с землёй.

***

Кроме отсутствия адекватной системы наблюдения за воздушной обстановкой, оповещения и связи, причиной низкой эффективности советских ВВС являлась их тактика

— которую кроме как вредительской, иначе никак не назовёшь. Вместо «свободной охоты» и истребления самолётов противника на выбранных участках, после чего собственные ударные самолёты — делали с наземными войсками что хотели, советские авиационные теоретики-генералы считали, что господство в воздухе обеспечивает постоянное патрулирование истребителей.

В результате что?

Несмотря на всё увеличивающийся выпуск самолётов и пилотов, несмотря на достаточно щедрые поставки по Ленд-Лизу — советские ВВС были размазаны тонким слоем на всём громадном протяжении Восточного фронта и, немногочисленные — но собранные в кулак Люфтваффе, могли бить их на отдельном — выбранном по их же инициативе участке...

И это с успехом делали практически до самого последнего дня боевых действий.

Вот откуда при общем численном превосходстве в машинах с самого начала войны, все эти однотипные воспоминания советских лётчиков:

«Нас было пять, а их — двадцать пять!».

Такие доклады «на вверх», объясняющие высокие потери — приводили к тому, что военно-политическое руководство требовало всё большего и большего производства истребителей, даже в ущерб выпуска ударных самолётов и качества подготовки пилотов для них, отчего страдали наземные войска — вынужденные наступать и обороняться без нормальной авиационной поддержке.

Командование же Вермахта, свято соблюдало главный принцип стратегии, гласящий:

«Везде быть сильным нельзя»!

Поэтому ударные кулаки Люфтваффе появлялись лишь в решающих местах и в решающее время. На второстепенных же участках, Вермахт вполне себе обходился зенитной артиллерией, которая так же принадлежала ведомству Германа Геринга. Вот например, как это происходило во время неудачного советского наступления под Оршей, 19 мая 1944-го года:

«Шестерками, одни за другими, пролетали наши штурмовики Ил-2. Но с ними творилось что-то странное: когда они долетали до третьей линии немецкой обороны, выполняли задание и пытались развернуться, ничего из этого не получалось, и один за другим они взрывались и падали.

Назад возвращался один из шести. Еще во время артподготовки мы вышли из своей подземной машины (окопанного грузовика с радиостанцией в кузове. Авт.), стояли во весь рост на высоте и в недоумении наблюдали за этими катастрофическими воздушными атаками[4]».

Заметим, что все эти Ил-2 были двухместными — с крупнокалиберным «УБ» в задней кабине и стрелком. В отличии от тех что имелись в сорок первом — готовыми дать отпор «мессерам» да «фокам», заходящем в хвост.

Уши же все прожужжали про такой апгрейд «летающих танков», все поголовно авторы альтернативок про попаданцев!

Как бы это не звучало кощунственно, но всё же не удержавшись, спрошу:

Ну и как?

Помогло?

Командование советских ВВС же — желая прикрыть все, в результате не могло прикрыть ничего. Поэтому мнение, что на каком-то этапе войны СССР завоевал господств

в воздухе — является полностью высосанным из пальца.

Спустя какое-то время, возмущается:

— Это не честно, отец! У тебя тоже не было шпиона в «моём штабе», а ты знал где и когда охраняли мои истребители!

Невозмутимо отвечаю:

— У меня не было шпиона, но у меня была разведывательная авиация. Помнишь мои слова: «У меня двадцать пять самолётов. Из них двадцать — истребители». Оставшиеся пять — разведчики! Извини, конечно, что забыл предупредить.

— А у меня?

Всё также, сделав морду топором:

— А у тебя не было разведывательной авиации, так как в отличие от меня, ты считаешь что главные самолёты — истребители. Так что не обижайся!

И таким макаром, я его добил.

***

После моих слов, лейтенант Сталин впал в полный душевный раздрой, или как у нас — в двадцать первом веке говорят: «когтевидный дисбаланс». Хотя возможно, я что-то путаю.

С растерянными бегающими глазами, он спросил куда-то в пустоту:

— Так это что получается, отец? Превосходства в воздухе завоевать невозможно?

Утверждающе кивнув:

— Конечно, нет. Особенно с такой подготовкой лётчиков, тактикой и организацией, как в ВВС РККА.

— Неужели наши авиационные генералы об этом не догадываются?

Внутренне усмехаюсь:

«Ха! Да они за четыре года войны, ни об чём «таком» не догадывались — хотя их регулярно пиз...дили! Хотя в народе говорят: «за двух небитых одного битого дают», это видимо — не про нашего генерала».

И дело тут даже не в радиофикации самолётов: у японцев в конце-концов — примерно такая же шняга с ней... Но ни одному американцу не придёт в голову заявить, что война против морской авиации «джапов» над Тихим океаном — была лёгкой прогулочкой со стрельбой по уточкам.

Всё дело в том, что несмотря на громкие заверения, типа: «Бить врага только на его территории» — советская доктрина была оборонительно-пассивной. Пассивными (в «плохом» смысле этого слова) были сухопутные генералы — с их «рубежами»... Пассивными были адмиралы с их «минными позициями» — даже против такой великой морской державы, как Румыния... И авиационные генералы тоже — были пассивными, с их «патрулированием» и «превосходством в воздухе»...

А куда им деваться, если общая тенденция такая?

На вопрос Василия, я только и смог, что развести руками:

— Видимо не догадываются! Вот ты и подскажи им это, в своей статье в «Красной звезде».

Затем вопреки известной поговорке, от «наших баранов» — возвращаюсь к началу

разговора:

— Впрочем, сегодня я не про них, а про тебя. Благодаря некоторым деятелям от культуры и в частности — кинематографа...

«Пересажая, нах!».

— ...Были неправильно расставлены приоритеты среди родов авиации. Я намерен в ближайшее же время всё это исправить: ведь в конце-концов, истребители нужны не сами по себе — а лишь для обеспечения свободы действий самолётов-разведчиков и бомбардировщиков. Последние же, существуют — не красоты ради, а в интересах сухопутных войск.

— Поэтому повышенные оклады, звания и награды, впредь будут получать лётчики разведывательной авиации. Ведь вовремя добытые ими разведсведения, могут быть решающими при проведении собственной наземной операции, или сорвать таковую же у противника.

В настоящее же время, разведывательной авиации уделяется остаточное внимание...

И это ещё слабо сказано!

— На втором месте — бомбардировочная (особенно ночная дальнебомбардировочная) и бомбардировочно-штурмовая. И только на третьем месте — вы, лётчики-истребители.

Конечно, я изрядно всё упростил и нагнал излишней жути, но всё это только пользы ради.

Затем я рассказал про свои первые решения в области военно-воздушных сил: про Отдельный учебный полк ночных бомбардировщиков Голованова, Разведывательную авиагруппу Генерального штаба РККА и Особую истребительную эскадрилью Рычагова «Агрессор», после чего:

— Конечно, ты можешь вновь «злоупотребить фамилией» и устроиться в любую из этих элитных подразделений. Тебе не откажут! Там будешь быстро продвигаться по службе и в званиях, в первую очередь получать награды. Но всегда, ты будешь себя чувствовать прихлебаем, а не сделавшим себя сам...

Посмотрев на портрет на стене:

— ...Как твой отец.

Уперев ему палец в грудь, заглядываю в глаза:

— Я же тебе предлагаю шанс! Выступишь с инициативой создания легкобомбардировочной авиации ВВС РККА. Создашь её «с нуля»: это будет твоё и только твоё детище! Благодаря ему ты получишь своё собственное имя. В народе будут говорить не «Василий Сталин — сын Великого Вождя», а «Василий Сталин — великий и ужасный предводитель «Ночных ведьмаков»!»! Враги будут вздрагивать по ночам и просыпаться в липком поте, лишь услышав стрёкот твоих «У-двасов»!

У того глаза горят, как у фары тепловоза:

— Почему «Ночных ведьмаков»?

Пожав плечами:

— Так... Первое название, что на ум взбрело. Не нравится — придумай что-нибудь своё.

Задумчиво:

— Да почему же... Очень нравится. Спасибо, отец!

Ну, вроде дело сделано. Чисто для проформы спрашиваю:

— Так ты согласен?

— Конечно!

— Тогда завтра вечером получишь от меня записочку с планом статьи, а послезавтра с утра — товарищ Мехлис ждёт тебя у себя.

В голову пришла ещё одна идея, как ускорить события:

— Как, кстати, дела на семейном фронте, Василий?

Тот, непроизвольно вжав голову в плечи:

— Спасибо, отец, всё хорошо...

Подбадривающим тоном:

— Передавай привет Галине от нас с Валентиной Васильевной и Светланы, не забудь.

«Рот до ушей — хоть завязочки пришей»:

— Спасибо, обязательно передам!

Показываю ещё один «пряник»:

— Как сформируешь первый полк «Ночных ведьмаков» — жду вас обоих в гости. Эээ... Скажем на восьмое марта — Международный женский день.

С дальним прицелом думаю:

«Как раз немного времени останется, чтоб обкатать тактику легкомоторной бомбардировочной авиации перед Советско-финской продолженной войной и испытать её в деле».

Василий, чуть не захлебнувшись воздухом от радости, пробормотал что-то маловразумительное, но я понял: полк будет готов точно в срок. Особенно если ему дать в помощники пару толковых штабных командиров и технических специалистов и, не забыть озадачить конструкторов специальной версией «У-2».

От сына Реципиента, по существу — требуется только его громкая фамилия...

Ну и нерастраченная энергия и энтузиазм молодости, конечно.

Поговорили ещё об том, об сём и вдруг без всякой задней мысли, спрашиваю:

— Василий! Ты же нынче на курсах командиров авиаэскадрилий должен быть. Почему же в Москве то и дело ошиваешься? «Оргвыводов» не последует — обещаю... Но всё же?

И тот, по-детски наивно-счастливо улыбаясь, вываливает мне «арбуз»:

— С начала зимы учебные полёты отменили в связи с морозами и сильными снегопадами. На самолётах старых типов летать невозможно — из-за открытых кабин, на нового типах — из-за того, что они в отличии от старых — не снабжены лыжами... Что с тобой, отец?

***

И тут вдруг у меня потемнело в глазах. Я вспомнил: в этот год «генерал Мороз» — работал на Гитлера ...

Когда недобитые «белокурые бестии», ностальгируют об своих яйцах — утраченных в результате обморожения под Москвой, то они понятия не имеют — насколько им повезло, что Бесноватому — не пришлось в голову начать свой «Драх нах Остен» на год раньше. Ведь самая холодная зима за столетие, была в 1940–1941 году...

То есть прямо в данный момент.

«Ноябрь и декабрь 1940-года в европейской части страны были аномально холодными, а в январе — столбик термометра не поднимался выше минус тридцати, в отдельные дни

опускаясь ниже сорока мороза. Мало того, лютый январский холод сопровождался сильным ветром. В больницы поступало множество пациентов с обморожениями. Сильнейшие морозы ударили по промышленности и коммунальному хозяйству. Предприятия вставали, трубы лопались, перестал ходить транспорт. Работать на улице стало невозможно, остановилось строительство и ремонтные работы. Помимо людей, от аномальных морозов пострадала природа, когда менее устойчивые к холодам породы деревьев вымерзли на корню. Так из Московской области почти полностью исчезли дубы и клены. В садах погибло множество плодовых деревьев, даже тех сортов, которые прежде считались морозостойкими...».

За аномальными холодами пришли обильные снегопады:

«К началу первой декады февраля в Москве наступило резкое потепление. 10 февраля утром было около -8°C , а 11 февраля, к вечеру, температура поднялась до 1°C тепла. Повышение температуры сопровождалось обильным снегопадом, который начался ещё 9 февраля, но особой силы достиг в ночь с 10 на 11 февраля. Снег не прекращался весь день 11 февраля. В окрестностях Москвы снежный покров к вечеру 11 февраля достиг 60 см. Прирост снежного покрова за одни сутки составил 7 см».

Затем аномальная зима плавно сменилась аномально холодной, затяжной весной:

«Весна выдалась холодной, поздней и затяжной. Причиной тому послужило преобладание меридиональной циркуляции над зональной (эта особенность циркуляции прослеживалась ещё с осени 1940 года). В апреле среднесуточная температура была ниже средней многолетней на $1,8^{\circ}\text{C}$. Устойчивый снежный покров наблюдался до конца первой декады апреля».

Отрицательные отклонения температуры от нормы были отмечены в течение всех первых 5 месяцев 1941-го года — впервые за 120 лет наблюдений. До этого обычно после четырех холодных месяцев пятый был теплым. Но в 1941-м году холодным выдался и май месяц и, даже июнь:

«В начале июня наблюдалось очередное вторжение арктического воздуха. В ночь с 2 на 3 июня в Москве температура воздуха составила $0,4^{\circ}\text{C}$, что было близко к суточному рекорду 1916 г. Также 3 июня был отмечен слабый ливневый снег(!). Среднесуточная температура 3 июня составила всего $2,6^{\circ}\text{C}$, что на $11,5^{\circ}\text{C}$ ниже средней многолетней. А в ночные часы 4 июня столбики термометров понижались до $0,3^{\circ}\text{C}$, что является абсолютным суточным минимумом температуры для суток 4 июня и по сей день».

Хорошая погода пришла лишь к двадцатым числам июня — прямо как по заказу Гитлера:

«До конца июня большого тепла так и не было, за исключением периода с 12 по 20 июня, когда в дневные часы температура воздуха повышалась до $20...25^{\circ}\text{C}$. Например, 20 июня, когда прошли выпускные вечера, в столице стояла довольно жаркая ($25,2^{\circ}\text{C}$) погода. И лишь во второй половине дня Москву пересекал холодный атмосферный фронт, принесший ливневый дождь и понижение температуры»[5].

Эти выкрутасы природы очень сильно ударили по боевой подготовке РККА и особенно по её самому слабому звену — Военно-Воздушным Силам (ВВС РККА).

Когда три месяца морозы, летать в открытых кабинах самолётов старых типов — довольно рискованно, учитывая и без того критически-высокую аварийность в этом роде войск. Когда потеплело, из-за снегопадов летать было нельзя уже на самолётах новых типов

и без того слабо освоенных лётчиками...

Ведь до начала 40-х, все советские самолёты оснащались в зимний период лыжами. Но потом наши чиновники от авиации съездили в Европу и, в промежуткам между шопингом обнаружили, что там зимой на лыжах не летают...

А значит и нам не след!

Вышел указ Наркомата авиационной промышленности и приказ наркома Тимошенко чистить зимой аэродромы от снега — как это делают где-нибудь в Италии...

А чем?

На аэродромах даже автоцистерн и автостартёров критически не хватает, а про снегоуборочные машины и слыхом не слыхивали...

Короче, подкузьмил нам изрядно генерал Мороз...

Сволочь!

***

Когда пришёл в себя чувствую на себе обеспокоенные взгляды домашних, уставившись на телефон, шиплю сквозь зубы:

— Всем выйти!

Валентина Васильевна, обеспокоенно:

— Иосиф Виссарионович, ты здоров? Может, профессору Виноградову позвонить?

Выхожу из себя, весь как в ознобе дрожа и топнув ногой:

— Я сказал: всем выйти! Быстро! Всем вон!!!

Когда остался один, с колотившимся как отбойный молоток сердцем, беру трубку и набрав по «ВЧ» номер штаба ВВС РККА и представившись, весь кипя от злости, едва сдерживаясь чтоб не перейти на многоэтажный русский мат, спрашиваю:

— Кто в вашей «конторе» отвечает за боевую подготовку лётчиков? Как это: «ещё не назначили» — вы что там? Оху...ели?! А кто прежде отвечал? ...Что?! Генерал-лейтенант Пумпур? Как это «Пумпур»?! Вы что там — совсем оху...ели?! Ему же уже давно «лоб зелёной помазали!» Ты что, судак белоглазый? В «мёртвые души» со мной решил поиграть?! На лоскуты порву, Чичиков гребаненный!!!

Что-то моё «послезнание» виснуть стало: помню — шлёпнули этого авиастратега, а когда именно — не помню, хоть самого расстреливай.

Однако мой «собеседник» в Штабе авиации настаивает, поэтому пришлось переобуться на скаку:

— Тогда срочно меня с ним соедините — пока его ещё не расстреляли и, побыстрее — пока за Вас не принялся.

Минут пять-десять — бегаю туда-сюда по столовой как лев в клетке и, наконец-то услышав звонок, хватаю трубку и услышав незнакомый встревоженный голос, уже не сдерживаясь рычу:

— Спите, товарищ генерал, да? А я вот, сцука, из-за Вас не сплю! ...Молчать! Расскажите мне как идёт боевая подготовка лётчиков Московского военного округа...

— ...Чё «погода»? Чё за гнилой базар, олень? На всей «одной шестой земной поверхности» — снегопады и морозы за тридцать? Чё за тупые отмазки, чепушило чертоганское? ...Чё?! Ты мне ещё там покипишуй, бычара — в асфальт закатаю!

Наконец, вообще срываюсь с резьбы:

— Да вы там совсем мышей не ловите! Мать, мать, мать...!!! Вы, что там? Совсем меня и Советскую Власть бояться перестали?! Мать, мать, мать...!!! Да я вас там всех вые...бу и высушу — так передай всей своей кодле! Мать, мать, мать...!!!

«Трёхэтажно и выше» выматерив генерала, как отстирав, приказываю:

— ...Слушай сюда, сволочь! Ты вновь назначаешься Начальником Управления боевой подготовки ВВС РККА. Догоняешь? ...Не «кого» — а «что», терпила!

— Слушай боевой приказ! Не знаю как: воздухом, по железной дороге или по льду впадающей в Каспийское море Волги — но ты перебрасываешь в Туркмению самолёты выпуска до тридцать девятого года, лётный и технический персонал воинских частей, лётные училища. Вдоль всей Закаспийской железной дороги — организовываешь зимние лагеря по подготовке лётного персонала. Если бы знал географию хотя бы в объёме школьного глобуса, тупой недоумок, то понимал бы: там тепло, нет снега и ровная как стол каменистая пустыня... Сплошной аэродром, в общем: разбиться невозможно — даже если сильно захотеть.

Вроде бы американцы во время Второй мировой войны, тоже тренировали свой крылатый молодняк в пустыне Невада — где есть все условия для безаварийной посадки в любом месте... До начала ядерных испытаний там, по крайней мере.

Стучу кулаком по столу:

— И летать, летать и ещё раз летать — Баку совсем под боком, бензина — море! Нормальная лётная подготовка — с фигурами высшего пилотажа, бомбометанием и стрельбой. Отработка групповой слётанности в составе хотя бы до полка в тридцать самолётов, наведение с земли по радио — в первую очередь.

— И насрать на аварийность! Знаешь, как Николай Первый про подготовку рекрутов говорил? Сука, пропускают занятия по истории, а потом тупят! «Двух запори — одного выучи»!

Кстати, довоенная подготовка лётчиков японской авианосной авиации — менее чем через год наделавшей столько шухера в Перл-Харборе, практически ничем не отличалась от этого принципа.

— Две недели сроку тебе, утырок и, я приятно удивляюсь! И не вздумай мне фуфло толкать — до Лубянки не доживёшь, гнида!

Немного успокоившись, звоню Мехлису:

— Не спится, Лев Захарович? Вот и мне тоже...

Кратко рассказав суть дела, то да сё:

— Послезавтра с утра к тебе подойдёт Василий — выдели ему своего самого бойкого «пса тоталитаризма» и пусть они на пару, как следует пропесочит наших «летунов-петушков» в генеральских штанах.

Звоню Кобулову — начальнику «Главного промышленно-экономический отдела при Совнаркоме СССР» (ГПЭО СНК СССР) и, в двух словах рассказав ему про затею с созданием Центра подготовки лётного персонала в Туркменской ССР, приказываю:

— Проследите чтоб этот Пумпур выполнил моё задание точно и в срок и, если надо помогите ему. А если ничего не помогает — заройте его там в песок по шею и, найдите замену.

Вспомнив кое-что:

— Кстати, товарищ Кобулов... А почему среди ваших шести главков до сих пор нет авиационного?

Впрочем, ответ и так ясен: Наркомат авиационной промышленности, который одно время «крышевал» один из четырёх братьев Кагановичей — был как жена Цезаря, неприкасаем даже для сверхмогущественного НКВД. Ежели кого-то из авиаконструкторов, авиачиновников или авиагенералов и сажали, то это как правило — результат внутренних разборок: подросший и оперившийся молодняк требовал «места под Солнцем».

Услышав примерно то же самое — что и вышеописанное, требовательно:

— Так пора его создать! Пусть авиационный главк будет в вашем Отделе «седьмым» — число счастливое.

Позвонил ещё по паре адресов и пообщавшись на разные темы, глянул на часы — почти час ночи:

«Так и в «сову» недолго превратиться!»

Дверь осторожно приоткрывается в узкую щель одновременно робко заглядывают три мордашки.

Развожу руками:

— Ну а я что говорил? Без подсказки товарища Сталина и штаны — самостоятельно не догадаются снять, прежде чем «по большому» сходить.

***

Почему то после того нервного срыва, я страшно... Хм, гкхм... Возбудился в половом отношении и у нас был просто феерический секс с законной супругой: оба так и «летали» уже не знаю куда пристроиться — на потолке разве что только не пробовали.

Потом она со счастливой улыбкой уснула, а мне не спалось от слова «вообще».

Долго лежал с открытыми глазами, слушая ритмичное дыхание Валентины Васильевны — периодически переходящее в лёгкий храп и, люто завидовал. Затем встал и захватив с собой одежду, выйдя в прихожую стал одеваться. Заглянув в гостевую возле выхода из здания и спросив бдящего там прикреплённого:

— Что, не спится? Мне тоже...

Тяжело вздохнув, предложил:

— Пойдём погуляем, товарищ сержант, свежим воздухом подышим?

Тот, пытался отговорить от этой затеи:

— Мороз же, товарищ Сталин!

Улыбаясь успокаиваю:

— Оно и к лучшему — враги в засаде не усидят.

Затем, как бы не час бродил вдоль речки, периодически оттирая руками уши и размышлял:

«Эх, если бы в одной авиации было дело... И если бы всё можно было поправить одним телефонным звонком с русским матом — безжалостным и беспощадным...».

[1] Предположительные любовники Светланы Сталиной в порядке перечне: пейзаель Лазарь Яковлевич Каплер, поэт-диссидент Андрей Синявский и поэт Давид Самойлов. Мужья: правовед Григорий Морозов, сын «того самого» Жданова — Юрий, африканист (специалист по негроафриканцам) Ваню Сванидзе, гражданин Индии Баджеш

Сингх и наконец американский архитектор Уильям Питерс.

[2] Кому интересно: Дегтев Дм. «Воздушные извозчики вермахта. Транспортная авиация люфтваффе. 1939–1945 гг».

[3] «Джаз» (Schräge Musik) — немецкое название способа установки пушечного вооружения на ночных истребителях во время Второй мировой войны.

[4] Рабичев Л.Н. "Война все спишет. Воспоминания офицера-связиста 31 армии. 1941-1945».

[5] Выделенное прописным шрифтом взято из открытых источников и легко может быть проверено при желании.

Глава 21. «Кто виноват», или «возвращаясь к нашим баранам»

Адмирал флота И. С. Исаков:

«Однажды, в 1946 году, позвонил Сталин и сказал, что есть мнение назначить меня начальником Главного штаба ВМФ.

Я ответил:

“Товарищ Сталин, должен Вам доложить, что у меня серьёзный недостаток, ампутирована одна нога”.

“Это единственный недостаток, о котором Вы считаете необходимым доложить?” — последовал вопрос.

“Да”.

“У нас раньше был начальник штаба без головы. Ничего, работал. У Вас только ноги нет — это не страшно”, — заключил Сталин».

Артём Драбкин, писатель, автор сборников воспоминаний Участников ВОВ:

«Мне один ветеран высказал такую мысль, что в войну гибли прежде всего самые смелые и порядочные люди, а без них на первый план вышло много хитрованов, и с этих пор наш народ пошел на спад».

Крысов Василий Семенович, ветеран ВОВ, танкист-самходчик:

«Я согласен с такой догмой, что если о войне не сказана правда, то следующая война будет проиграна. Это мы показали уже на Афганистане, откуда ушли с позором. Врать не надо[1]».

Итак, вернёмся к самой болезненной теме:

«Кто виноват в трагедии 1941 года?».

Сперва, чисто эксперимента ради — «слегка» упростим ситуацию.

Положим на небольшой городок где-нибудь в Техасе, в котором всё как положено — мэр, судья, салун с ковбоями и трапперами и, покой которого зорко оберегает шериф с помощниками — «внезапно и вероломно» напали бандиты... И изрядно в нём «повеселились», пока их всем миром не уgomонили и не прикопали близ почтового тракта — ведущего в Калифорнию, водрузив на могильные кресты их же сомбреро.

Вопрос: кто виноват?

Первым делом в виновные напрашиваются сами бандиты...

Чего это они вдруг?

Однако, если подумать, то что с них — с бандитов взять?

Сущность их такова — нападать «внезапно и вероломно», не предупреждая заранее.

Может, судья виноват?

Выносил он слишком мягкие, гуманные приговоры — вот и потянулись в те края бандиты со всего мира... Хм, гкхм...

Как-то даже и обсуждать такой вариант не хочется.

Следующий подозреваемый мэр городка: зажил ли он деньги налогоплательщиков на

«новейшие и тяжёлые» кольты 45-го калибра для шерифа и его помощников, а уже имеющиеся «лёгкие и устаревшие» 38-го у тех — как на грех, все до одного сломались. Да к тому же он, параноик такой, верил в миролюбие и порядочность бандитов и, посему запрещал шерифу и его людям держать оружие заряженным и защищать правосудие...

Для чего спросите?

...Чтоб не провоцировать (три раза «хахаха!») бандитов на нападение.

Бред какой-то!

А может повнимательнее присмотримся к самому шерифу?

А то как-то подозрительно: все в этой истории — по брови в говне, а он один — ишь какой!

Весь в белом и на коне, красуется на главной площади города.

***

Однако от дикорастущих кактусов жарко-влажных прерий, вернёмся к родным березкам в нашем «резко-континентальном» климате.

Сталин, конечно, весь по уши в грехах — как в шелках... Но если подходить непредвзято, то повесить на него 22 июня 1941-го года и то, что за этой датой последовало — не получится. Он не был на тот момент ни Верховным Главнокомандующим, ни Наркомом обороны СССР, ни даже Начальником Генерального штаба РККА. Нет ни одного документа, где бы стояла его подпись о запрете приводить войска в боевую готовность.

А вот документов с подписью Тимошенко и Жукова — сколько угодно!

Вот пожалуйста, один из подобных образчиков:

«Военному совету Киевского ОВО, б/н, 10.6.41

Начальник погранвойск НКВД УССР донес, что начальники укрепленных районов получили указание занять предполье. Донесите для доклада наркому обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такое действие может спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чревато всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и доложите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение. Жуков».

Где здесь Сталин?

Нет его здесь от слова «вообще»!

А Жуков вот он, во всей своей воинской красе и стратегической гениальности — полюбуйтесь на своего «маршала Победы», дорогие соотечественники.

А остальные рассуждения на эту тему, придуманы уже задним числом и все до одного они — от Лукавого...

Он же — «Лысый», он же — «Кукурузник», он же — «Хрущ» или просто «Хряк».

Не удастся возложить вину и на оружие, которым недоедающий, плохо одетый и вынужденный жить в скотских условиях народ — вооружил Красную Армию, свою защитницу. Среди него попадались лучшие в мире образцы и, было их так много — что захваченных Вермахтом трофеев хватало и ему и, его союзникам.

В мемуарах гитлеровских недобитков, нет даже намёка на хулу вооружения и боевой техники РККА. Даже остервенено ругаемой нашими диванными экспЭрдами трёхлинейки Мосина, или «фанерно-перкалевого» «Ишачка» — об которого те все свои бумажные копыя сломали...

Американцы же официально, через канал «Дискавери» — объявили «Т-34» лучшим танком Второй мировой войны.

Вон эво даже как!

Нет вины за разгром не только армии — но и страны и, на простом русском солдате.

Опять же: ни в одном воспоминание недобитых гитлеровцев — нет и тени пренебрежения его личным мужеством и стойкостью.

Вот к примеру, что пишет лучший генерал Вермахта Эрик Манштейн о последних днях обороны Севастополя:

«То, что далее последовало, было последним боем армии, который не мог ни изменить её судьбы, ни принести какой-либо пользы Советам с точки зрения общей оперативной обстановки. Даже для сохранения чести оружия этот бой был бы излишен, ибо русский солдат поистине сражался достаточно храбро...!»

...Заключительные бои на Херсонесском полуострове длились еще до 4 июля. 72-я дивизия захватила бронированный ДОС «Максим Горький», который защищался гарнизоном в несколько тысяч человек. Другие дивизии все более теснили противника, заставляя отступать на самый конец полуострова. Противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии. Нередко впереди всех находились женщины и девушки-комсомолки, которые, тоже с оружием в руках, воодушевляли бойцов...».

УПС!!!

Вы тоже заметили?

А почему это идущих на прорыв красноармейцев ведут не те, у кого это является профессиональным долгом?

Почему остатки войск в последний и решительный бой ведут хрупкие, нежные и слабые женщины и девушки? Те, чьё предназначение не воевать, не погибать в боях за Отечество и во славу русского оружия — а вынашивать, рожать и выкармливать детей от своих любимых мужчин?

Кто должен быть впереди? Кто должен был призывать подчинённых бойцов, воодушевляя их своим личным примером:

— Делай, как я!

Где те, кто должен это делать — не только по букве устава, но и по духу профессионального защитника Отечества?

Где полководцы? Где командиры?

Где те, чья профессия Родину защищать?!

Ах, вот они где...

Со слов Начальника штаба 95-й дивизии майора А.П. Какурина:

«...Вместе с комиссаром отдела пошли в Камышовую бухту. То, что там я видел, меня поразило. Толпы людей с оружием и без. Все чего-то ждут. К пристани не подойти. Тысячи людей, шум, крики. Решил пойти на 35-ю батарею. Это было в 1 час 35 минут 1 июля. Придя на 35-ю батарею к её главному входу, увидел ещё худшее. Весь дворик и коридоры навеса были переполнены комсоставом Приморской армии. Двери на запорах. Здесь я узнал, что 29

июня было дано распоряжение по армии всему старшему офицерскому составу оставить свои части. Части остались без управления. Всё это было похоже на панику в полном смысле слова...».

Словами официальных советско-российских историков, это национальное позорище называется так:

«Исчерпав все возможности для обороны, Советские войска по приказу Верховного главнокомандования были вынуждены оставить город...».

Ой, ли?

Был ли тот «приказ Верховного главнокомандования»? Где он?

Пруфы в студию!

И все ли возможности для обороны исчерпаны?

Бойцы и командиры были — одними пленными Эрик Манштейн взял сорок тысяч человек... А сколько погибло, сколько прорвалось в горы?

Может, у войск оборонявших Севастополь боеприпасы кончились?

Опять пальцем в небо:

«В этот день в районе Инкермана произошёл взрыв огромной силы, который слышали и Петров, и Манштейн на своих командных пунктах. Взрыв нанёс гитлеровцам большие потери, завалив землей и камнями колонну танков и мотопехоты».

Это через десять дней после сдачи крепости, остатки гарнизона взорвали огромный склад боеприпасов и подземный завод по снаряжению боеприпасов.

Вот только вряд ли генерал Петров тот взрыв слышал... Его к тому времени и след простыл.

Перед этим грандиозным драпом, для самих немцев положение — было весьма и весьма пиковое и, сам «лучший полководец» Гитлера, это охотно признавал:

«Не было никакого сомнения в том, что противник и дальше будет продолжать ожесточённое сопротивление... С другой стороны, нельзя было не признать, что даже если резервы противника и были в основном израсходованы, то и ударная сила немецких полков была на исходе».

И почему историки беззастенчиво пишут общим списком — как на партсобрании, «советские войска» «вынуждены были оставить»?

Ф.И.О. хоть одного красноармейца, которого взяли на борт самолёта или подводной лодки, вместе с адмиралом Октябрьскими или с генералом Петровым?

Поддавшись панике, сперва побежали как сцыклявые тёлки адмиралы с генералами. За ними — полковники, майоры и прочие... И предоставленные сами себе бойцы, во главе с женщинами и девушками — погибали при отчаянных попытках прорваться из окружения, или сдавались в плен — если тех во главе их не оказывалось...

Надо полагать так оно и было.

В Стране Советов любили повторять:

«Награда нашла героя!».

А наказание нашло подлеца и труса?

Сталинская эпоха, однако, на дворе!

Счас узнав про сдачу Севастополя, Вождь прикажет словами Жукова:

«На каком основании? “Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал...”».

Квак бы, не квак!

Со слов адмирала Кузнецова:

«— Вы говорили, что там останется генерал-майор Петров? — нахмурился Сталин».

На этом всё и вопрос закрыт.

Увы, но кроме как «хмурых» бровей — никаких законных репрессий от «великого и ужасного» не последовало за это преступление. Октябрьского отправили на Амур лососёвую красную икру жрать, вот и всё наказание.

Одному мне хочется назвать этого «деспота и тирана» — ложком конкретным?

Тряпкой помоичной и соплёй мягкотелой?

***

Что-то, как-то зашла мне тема:

«Генералы и девушки: кто более России-Родине-матери дорог?».

Вот ещё один образчик.

7 октября 1941-го года под Вязьмой, немцы замкнули кольцо окружения четырёх советских армий (19-й и 20-й Западного фронта и 24-й и 32-й Резервного фронта). Через пять дней Ставка даёт приказ генералу Лукину — Командующему 19-й армии, возглавить всю группировку и прорываться к Москве.

Военная аксиома: тот, кто окружает — сам находится под угрозой окружения. Если противник серьёзный конечно: грамотный, умелый и настроен решительно.

Но генерал Лукин к таковым не относился и из всей «решительности» у него было одно...

УДРАТЬ!!!

Как и у адмирала Октябрьского или генерала Петрова полугодом позже.

Он немедленно прекращает управление войсками и мало того — дезорганизует их, приказывая выходить из окружения «небольшими группами», а перед этим — сжечь автомашины, уничтожить все материальные запасы, взорвать материальную часть артиллерии и оставшиеся неизрасходованными снаряды. В результате чего, группировка РККА из четырёх армий, уже к 12 октября была практически уничтожена. В плен попало не менее 600 тысяч бойцов и командиров, в том числе и сам виновник «торжества» — генерал Лукин.

В плену он вёл себя также «достойно», как и воевал...

То бишь — рассказал на первом же допросе, всё что знал и наплёл то, чего не знал.

Протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта Красной Армии М.Ф. Лукина 14 декабря 1941 года (Взято из «Хрестоматии по отечественной истории (1914–1945 гг.)» под редакцией А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1996):

«...Начиная с сентября этого года на Волге и восточнее Волги формируется 150 новых стрелковых дивизий, а возможно, и больше, но никак не меньше 150. Мы должны были сами отдавать из своей армии некоторых командиров и комиссаров для этих новых дивизий. Через 4–5 месяцев эти дивизии или закончат своё формирование, или уже будут на фронте. У них будут и танки. Один мой друг сказал мне, что ежедневно строится 60 танков, позднее это число будет доведено до 80. Это включая заводы Ленинграда и те заводы, которые были

эвакуированы на восток страны. Основные типы строящихся танков «Т-34» и «КВ». Также строится около 20 самолетов в сутки разных типов, но артиллерии и пистолетов-пулемётов будет немного. СССР помогают США и Великобритания, но я не думаю, что их помощь будет значительна. Нефти и нефтяных запасов не так много, чтобы полностью удовлетворить потребности, и если Вермахт дойдет до Кавказа, то их будет еще меньше...

...На фронт начинают поступать новые реактивно-пусковые установки, которые раньше имелись лишь у армий, но теперь будут и у дивизий. До сих пор существовал такой порядок, что ни одна установка не должна была быть захвачена вами, и я сам отдавал приказ об их уничтожении, если они были в опасности. Сейчас их появится очень много. Если появится возможность более точной организации их стрельбы, то их значение резко возрастет. Поскольку они просты в изготовлении, то и на фронте установки появятся скоро. Вы должны обратить на них внимание. Я не думаю, что Красная Армия начнет вести химическую войну. Теперь я прошу вас, чтобы вы знали, что все это сказал россиянин[2], который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было еще хуже. Я прошу вас сохранить всё это в секрете, так как у меня есть семья».

Представляете?

Семья у этого пидараса есть, оказывается!

И это говно, так трогательно о ней заботится...

А вот теперь сравните поведение боевого генерала попавшего в плен, с поведением хрупкой и нежной девушки — которой только вышивать крестиком и бегая тайком от мамы на свидания, целоваться с мальчиками. С поведением на допросе Зои Космодемьянской.

Рисунок 71. Герой Советского Союза (посмертно) Зоя Космодемьянская.

Из послевоенных показаний В. Клубкова, товарища З. Космодемьянской по диверсионной группе:

«Видя, что Зоя молчит, три офицера раздели её догола и в течение 2–3 часов сильно избивали её резиновыми палками, добиваясь показаний. Космодемьянская заявила офицерам: «Убейте меня, я вам ничего не расскажу». Больше её не видел. Несмотря на то что я Космодемьянскую выдал и избиения немецкими офицерами, всё же она им ничего о себе и о Красной Армии не рассказала...».

Ну и как вам?

А ведь та — всего лишь Герой Советского Союза, да и то посмертно... А Лукин ещё при жизни награжден орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.

По идее, к этому «иконостасу» — ещё бы добавить полный набор железных, золотых и рыцарских крестов от Фюрера и его НСДАП — с дубовыми листьями, мечами бриллиантами и прочей тряхомунднией... Ведь заслуг перед Третьим Рейхом — у него никак не меньше, чем у толстяка Геринга.

Дык, Адольф Алоизович ещё при жизни страдал воистину еврейской прижимитостью и прусско-солдафонским недостатком воображения — на чём и погорел в буквальном смысле этого слова, после её завершения. Если бы он воздавал по заслугам всем предателям из советского офицерства и генералитета — их дети и внуки пили бы баварское намного

раньше прихода к власти Горби Меченного и ЕБН иже с ним.

Возможно, Гитлер просто испытывал брезгливость к этой категории двуногих и не мог перебороть себя даже во имя победы Рейха?

Очень даже вполне может быть.

Личный секретарь Гитлера, Генри Пикер, в своих «записках» приводит такой пример в подтверждении моих слов:

Рисунок 72. Герой Российской Федерации Генерал Лукин. Как хорошо в фашистском плену сохранился, то... И боевых орденов на груди прибыло!

«Аналогичной была реакция Гитлера, когда ему доложили, что некий русский пленный в течение года водил грузовик в непосредственной близости от нашей линии фронта честно и надёжно, доставляя боеприпасы на позиции, а затем заявил, что он генерал, предъявил соответствующие документы и попросил повысить его в должности.

И Гитлер — под одобрительный смех всех присутствующих — принял следующее решение:

"Поручите ему возглавить целую колонну грузовиков"».

Зато у наших «власть имущих» никогда не было чувства брезгливости к подобным типам!

Свои ж, сцуко...

Кровь от крови, плоть от плоти!

Этого Иуду, власти ценят даже после смерти: в 1988-м году исполком Смоленского городского Совета народных депутатов присвоил генерал-лейтенанту Лукину звание «Почётный гражданин города-героя Смоленска».

А 1 октября 1993 года, Указом Президента Российской Федерации «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», генерал-лейтенанту Лукину присвоено звание Героя Российской Федерации.

«Герой», фули!

Ещё бы выпотрошили бы как Ильича, высушили, да рядом с ним в Мавзолей на Красной площади положили. Чтоб проходящие каждый год 9 мая, на День Победы войска Российской Федерации — равнялись на труса, предателя и подлеца...

ТЬфу!

***

Пример с Севастополем, в коем наши командиры — побежали как дешёвые шлюшки, далеко не единственный.

Читаешь любой добротный, внушающий доверие своей «документальностью» исторический труд, например про оборону Крымского перешейка в сентябре-октябре 1941-го года[3] и, буквально волосы на голове дыбом шевелятся.

С одной стороны, да — героическое сопротивление красноармейцев, о котором сообщает противник:

«В бою с противником, упорно обороняющим каждую пядь земли, к наступающим

войскам предъявлялись чрезвычайно высокие требования, и потери были значительными. С беспокойством я видел, как падает боеспособность. 25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе[4]...».

С другой стороны вот такие позорно-вопиющие случаи, связанные именно с командным составом:

«03.10.41 г. В журнале боевых действий 46-й ПД (Вермахта) отмечена внезапная ночная атака на участке 72-го пехотного полка.

В ночь с 3 на 4.10.42 г. 72-й пехотный полк 46-й ПД был атакован. Командир батальона (Красной Армии) и его комиссар, находясь в сильном алкогольном опьянении, подняли батальон в неорганизованную атаку. Неорганизованная толпа попала под пулеметный огонь, в результате которого погибла часть личного состава. Были убиты командир батальона и комиссар, 132 человека были взяты в плен...».

Заметьте: перепились как свиньи, до полной потери адекватности — не рядовые красноармейцы, как можно предположить ...

А именно командир и комиссар!

Постепенно, под непрерывным натиском превосходящих в огневой мощи войск Манштейна, боеспособность советских войск обороняющих Крым падает и, крысы побежали с тонущего корабля.

Вот опять:

«В результате разгрома 95-й СД в плен попало 2800 человек, при этом противник указывает, что в плен попало всего. 4 офицера: начальник отделения штаба 95-й СД Владимир Карман, техник-интендант Семен Стадник и командир 241-го стрелкового полка капитан (по другим данным, майор) Воскобойников. Фамилия четвертого офицера неизвестна. Вероятнее всего, это был военком полка, расстрелянный немцами».

Все четыре? А где остальные командиры?

И снова:

«Немцы при зачистке территории столкнулись с организованным сопротивлением одного подразделения в районе поселка Октябрь. В результате боя в этом поселке были пленены 28 человек из 876-го полка, 4 человека из 873-го и 24 человека из 852-го артполка (все из 276-й дивизии). Вместе с ними сражались 9 человек из 106-й дивизии. И опять: ни одного офицера. Похоже, что бойцов действительно бросили их командиры (не говоря уж о комиссарах)».

Где вы, отцы-командиры?

Ау!

Ах, вот где они...

«Из боевого отчета командира немецкого 124-го полка: 17 часов 4.11.41 г.:

«Восточнее д. Шума группировка противника оказывала ожесточенное сопротивление, ведя плотный ружейный огонь из-за крутого поворота и забрасывая гранатами изгиб дороги. Фланкирующий огонь правой группы помог преодолеть это сопротивление. Позиции противника перед и в деревне Шума были захвачены, и дорога на Алушту была открыта.

Пехотное противостояние с противником на высотах северо-восточнее Алушты

прекратилось, населенный пункт был захвачен, были захвачены пленные, в их числе много командиров и комиссаров, передевших в гражданскую одежду».

Живы, как видите и здоровы наши профессиональные защитники Отечества и, даже пока рядовые и сержанты отстреливались, успели под их прикрытием прибарахлиться цивильными шмотками.

Неприятно поражает разговорчивость пленных командиров. В книге приведён всего один единственный случай их достойного поведения:

«...Капитан Голунов остался в передовом опорном пункте и был к тому времени уже пленен и расстрелян немцами. Протокол его допроса говорит о том, что «пленный на вопросы отвечать отказался и сказал, что своей жизнью он не дорожит и готов принять смерть, защищая Родину»».

Основная же масса тех, чья профессия «Родину защищать» — говоря словами из популярного советского кинофильма «Офицеры», тем или иным образом попав в плен — «пели» немецким разведчикам как курские соловьи.

***

И такие явления происходили с самых первых часов войны.

Читаешь книгу про битву за Умань[5], вместе с немцами восхищаешься стойкостью наших солдат, и...

Просто беспрецедентнейший случай в военной истории, достойный «Книги рекордов Гиннеса»!

«Из имевшихся в распоряжении штаба 12-й армии боеспособных танков сформировали особую колонну (10 танков БТ и Т-34), которая теперь должна была действовать вслед за группами прорыва. На них предполагалось вывезти из окружения часть штаба 12-й армии во главе с генералом И.Н. Музыченко. По этой причине сформированная колонна получила название «колонна особого назначения»). Все вошедшие в ее состав танки были полностью укомплектованы экипажами, боеприпасами и топливом. Для них специально выделили горючее из двух захваченных днем немецких автоцистерн. Видимо, в баки «колонны особого назначения» залили все имевшееся топливо без остатка, ничего не оставив машинам, выделенным для поддержки отрядов прорыва...

Возглавил ее бывший командир 8-й танковой дивизии полковник П.С. Фотченков, начальником штаба стал подполковник В.С. Породенко. Известно, что в качестве пассажиров в танках разместились: подполковник В. С. Породенко (головная машина), полковник П.С. Фотченков, генерал-лейтенант И.Н. Музыченко, комбриг Н.П. Иванов члены Военного совета дивизионный комиссар Н.К. Иванов и бригадный комиссар Л.С. Грищук, начальник оперативного отдела полковник М.А. Меандров, а также майор М.А. Семенюк».

Просто дух захватывает от масштабов драпа!

Вспоминает военком штаба 44-й танковой дивизии Ф.А. Щербина:

«...Услышали в лесу грохот танков. Майор Красных и еще группа командиров начали приводить людей в порядок и занимать оборону. Я же взял Васю Рязанского со связкой гранат, и мы стали пробираться на лесную дорогу, по которой шли танки... Я выполз на дорогу и увидел: идут четыре танка Т-34 прямо облепленные людьми... А за ним шли автомашины. Я вскочил на ноги и начал махать фуражкой, дескать, не стреляйте, свои. А

они в ответ: «Ура!» — думали, что вышли из окружения на соединение с частями 18-й армии».

Очевидно узнав, что прорыв еще не завершён и испытав глубочайшее разочарование в жизни, командир 12 армии РККА генерал-лейтенант Музыкаченко приказал двигаться дальше, а оставшиеся в поле красноармейцы в количестве 70–75 человек оказались предоставленными самим себе.

И опять же: историки говорят, что Т-34 — были лучшими танками в мире, но их в Красной Армии было мало — отчего и случилась вся эта некрасивая история с проигранным Приграничным сражением...

Врут, собаки!

Лучших в мире танков было так много, что на них удирали армейские штабы. Было бы ещё больше — то же самое проделывали бы и корпусные, дивизионные и полковые и, тогда бы нам...

И тогда нам была бы вообще — полная жоппа!

Правда среди предателей нашёлся «предатель в кубе» и, может поэтому — далеко товарищи командиры не уехали:

«Как только колонна приблизилась к селу, хауптман фон Айманнсбергер и комендант штаб-квартиры 1-й горно-егерской дивизии обер-лейтенант Рисе ручными гранатами подбили ехавший впереди всех броневедомоцикл. Из него выбрался полковник, и, не оказывая никакого сопротивления, сдался в плен. Им оказался начальник оперативного отдела штаба 6-й армии полковник М.А. Меандров. На допросе он рассказал о замысле прорыва, основных задействованных силах и направлениях движения. Самым важным для немцев из того, что сообщил полковник, стало известие, что в составе танковой колонны на прорыв пошло командование 6-й армии во главе с генералом И.Н. Музыкаченко».

Танки «особой колонны» были подбиты устроившей засаду немецкой артиллерией, а разбежавшиеся по кустам «пассажиры» — взяты в плен.

На допросе генерал-лейтенант Музыкаченко, вёл себя более чем достойно:

«Он... искал виновников своего пленения. Он назвал несколько фамилий и даже в письме написал, что его бросили начштаба комбриг Иванов и члены Военного совета Попов и Грищук, удравшие от него, контуженного, где-то южнее с. Давыдовка на танке БТ».

И действительно — было такое дело!

Осчастливил своим возвращение РККА — самый наимудрейший из всей этой шоблы-ёблы, иначе никак не назвать:

«...Воспользовавшись возникшей заминкой, комбриг Н.П. Иванов приказал изменить направление движения и вместо Первомайска решил выходить на Звенигородку и Смелу для соединения с частями 26-й армии. Видимо, его машина следовала последней, что позволило ему ускользнуть незамеченным, не нарушив своими действиями общий порядок следования колонны. Минувя полями села Теклиевка, Оксанино, Бабанка, Доброводы, Тальное, к 4.00 6 августа танк оказался в лесу восточнее Звенигородки...».

А теперь держитесь за стулья!

Случай — воистину уникальнейший, даже в этой уникальной истории:

«...Но вскоре танк был обнаружен и обстрелян группой немецких солдат. БТ выскочил из-за деревьев на дорогу и помчался, набирая скорость. Немцы просились догнать его на автомашине...».

На автомашине, Карл! На автомашине!!!

«...Преследуемый(!!!) ими танк вырвался на дорогу и по ней сумел оторваться от погони.

Ночной прорыв мимо позиций 97-й и через тылы 24-й и 125-й немецких дивизий прошел благополучно. Комбриг оказался исключительным везунчиком».

Вероятно танки серии «БТ» (быстроходный танк), изначально для того и были созданы: чтоб на них командный состав РККА мог благополучно удрать — как от собственных подчинённых, так и от автомобилей противника... А некий Витёк Резун, пишущий свои тупые высеры под никеймом «Виктор Суворов» — не разобравшись с перепою в ситуации, залупил что это дескать — «автострадные танки» и были предназначены они для завоевания как минимум Европы...

Закусывать надо, товарищчч!

Или хотя бы разбавлять шотландский скотч джин-тоником, как это все добропорядочные джентльмена делают.

Не... Каков герой, да?!

И Родина, так сказать, щедрой рукой вознаградила своего сына за подвиги на ратном поприще.

Иванов Н.П. во время войны занимал высшие руководящие должности, вплоть до командира гвардейского корпуса в звании генерал-майора, был награждён многими орденами и медалями. После окончания же войны Иванов учился в Высшей военной академии, что вовсе не удивительно, по окончании которой работал там же на должностях старшего преподавателя, заместителя начальника кафедры истории военного искусства.

Интересно, какому «искусству» он учил?

Как драпать на «быстроходном» танке от своих подчинённых и от автомобилей противника?

Других же «военных искусств» он и не знал.

Самое загадочное в этой истории с побегом штаба 12-й армии, так это то, что после войны расстреляли не генерал-лейтенанта Музыченко — бросившего свою армию, а генерал-майора Понеделина Павла Григорьевича — худо-бедно, но взявшего руководство кроме своей 6-ой армии, ещё и над брошенной 12-ой... И, испившего со своими бойцами и оставшимися верными присяге командирами до конца из горькой чаши поражения.

Воистину:

«Умом Россию не понять...».

Загадочная у нас с вами страна, дорогие россияне!

Мягкотело-добрая и щедрая к трусам и предателям и, жёсткосердечно-злая к своим настоящим защитникам.

***

Примеры генеральской подлости можно приводить вечно: эта тема неисчерпаемая как

материя и бесконечная как геометрическая прямая.

Если кто-то скажет, что такие позорные явления были лишь в 1941-м и 1942-м годах, а потом дескать наши командиры исправились, а совесть у них пробудилась...

То тот глубоко ошибается!

Во время контрнаступления противника под Винницей в январе 1944-го года, танк 3-го танкового батальона 40-й Гвардейской танковой бригады, с экипажем под командой молодого лейтенанта Борисова, ночью отбился от своей части и, долго проблуждав в одиночестве...

Дальше словами непосредственного свидетеля:

«В конце концов, только под утро нашел своих. Но в этой деревне всего несколько танков находилось. Моего комбата нет, только начальство в основном и машины штабные. И когда я появился, ко мне подбегает какой-то офицер:

— Кто такой? Откуда прибыл?

Так и так, отвечаю...

— Очень хорошо! Как же ты вовремя прибыл. Идем со мной!»

А я вижу, что они взволнованы, и чувствую, что-то нехорошее намечается...

Подходим к какой-то машине:

— Товарищ подполковник, вот еще один танк у нас появился.

Оказывается, это начальник разведки бригады, и он распорядился:

— Займись им!

Принесли нам чего-то поесть, но вскоре этот офицер опять прибегает и говорит мне тихонько:

— Лейтенант, положение наше аховское! У нас тут штаб бригады во главе с комбригом и знаменем, а танков всего три. А немец уже на подходе и хочет здесь нас окружить. Поэтому так: сколько в твой танк народу поместится?

— Даже не знаю...

— Хорошо, я тоже на твоём танке пойду.

Сколько на мой танк залезло людей, не знаю, не считал, но много. И вовнутрь залезли, а снаружи так облепили, что самого танка и не видно. Друг за дружку держались...

Как приехали, этот начальник разведки записал мое имя в блокнот и предупредил:

— Товарищ лейтенант, — хоть я еще младший, — я доложу начальству, чтобы вас наградили!»[6].

Не... Если человек мёртвый — это надолго.

А вот если он подонок — то это навсегда.

Если кто-то думает:

«Да чёрт с ней — с этой моралью! Главное, что наши генералы во второй половине войны воевать и бить германских генералов научились».

Взять того же генерала Петрова: в 1941-м году он убежал из Одессы, в 1942-м — из Севастополя...

И, что в итоге?

Воевать же научился — фронтами под конец войны командовал?

Недаром уже после смерти Сталина, он дослужился до генерала армии и должности

начальника Главного управления боевой и физической подготовки Минобороны СССР и далее — до главного научного(!) консультанта при заместителе министра.

Кто так считает — тот тоже ошибается.

Народ русский в таких случаях говорит:

«Сцы нашему генералу в глаза — ему всё божья роса»!

С августа 1942-го года Петров командовал 44-й армией Закавказского фронта, с октября того же года — Черноморской группой войск Закавказского фронта, с мая 1943-го — всем Север-Кавказским фронтом.

За подъёмом последовал откат: за неудачное проведение ряда частных наступательных операций Петров был освобождён от должности командующего Приморской армией, зачислен в резерв Ставки ВГК и понижен в звании до генерал-полковника.

За откатом — новый подъём: командующий 33-й армией Западного фронта, командующий 2-м Белорусским фронтом...

И снова откат!

После критики перед самим Сталиным членом Военного совета фронта Львом Мехлисом, Петрова снимают с должности.

Так уж и хочется пристрелить скотинку, чтоб не мучился сам и людей не гробил...

Но случилось чудо: после двухмесячного ничегонеделания, непотопляемого Петрова ставят командующим 4-го Украинского фронта. Правда, членом Военного совета фронта ему назначают «лучшего друга» — Льва Мехлиса, чтоб хорошенько присматривал, видимо.

А вдруг снова убежит?

Вот про то, как набравшись «боевого опыта», «герой» Севастопольского драпа воевал под самый занавес Великой Отечественной Войны, о том как он командовал войсками во время проведения Моравско-Острожской операции (10 марта — 5 мая), пишут современные мне историки:

«Немецкой разведке удалось вскрыть подготовку советских войск к наступлению, а также установить точное время его начала. Чтобы избежать потерь от артиллерийского огня немецкое командование в ночь на 10 марта отвело свои войска с переднего края на вторую линию обороны.

К утру 10 марта в полосе действия ударной группировки фронта разыгралась снежная буря. Видимость упала до 100–200 м, что исключало применение авиации и точное ведение огня артиллерией. Оценив обстановку, командующий 38-й армией генерал-полковник К. С. Москаленко предложил командующему фронтом обратиться в Ставку ВГК с просьбой отложить начало наступления до улучшения погоды. Его поддержал командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник А. А. Гречко. Однако И. Е. Петров отклонил предложение командармов...».

Вот как про ту же Моравско-Острожскую операцию, про то — как командовал вверенными ему войсками генерал армии Петров и заодно — про его «совесть», рассказывает непосредственный свидетель описываемых событий — писатель Константин Симонов,[7]:

«Мы спустились в блиндаж. Там стояли стол, три стула и голая кровать с железной сеткой.

— Что говорят метеорологи? — сразу же спросил Мехлис.

— Ничего хорошего не обещают, — сказал Гречко.

Погода и в самом деле была отвратительная. Ночью шел дождь, земля размокла, а дождь продолжался. Похоже было, что он затяжной.

— Может быть, вы отмените наступление? — в упор глядя на Гречко, сказал Мехлис.

Я почувствовал за этими словами напоминание о неудаче предыдущего наступления. Гречко ничего не ответил.

— На какой час у вас намечено? — спросил Мехлис.

— Артподготовка намечена на десять, — сказал Гречко. — Но мы сначала в семь двадцать проведем частичную артподготовку и разведку боем. По одному батальону от каждой из трех дивизий. Этой разведкой боем мы обнаружим, не ушел ли противник, захватим пленных и узнаем от них, не догадался ли он о предстоящем ударе. А если он раньше не догадался и начнет отходить на вторую линию сейчас, встревоженный этой разведкой боем, то сделать этого он все равно не успеет.

— На сколько назначена разведка боем? — переспросил Мехлис.

— На семь двадцать, — повторил Гречко.

Мехлис вышел на улицу, постоял там несколько минут и вернулся в блиндаж.

— Ничего не видно, видимости никакой.

— Да, видимости никакой, — согласился Гречко.

— Может быть, есть смысл отложить? — сказал Мехлис, впиваясь в Гречко глазами. — Сколько осталось времени до вашей частичной артподготовки?

— Еще двадцать пять минут, — сказал Гречко. — Сейчас я прикажу начальнику штаба связаться с командующим фронтом. На то, чтобы всех известить, что откладывается, нужно десять минут. Все сидят на телефонах. Товарищ Павлов? — Гречко назвал начальника штаба каким-то псевдонимом. — Позвоните от моего имени командующему, что видимость не улучшается. Есть основания все отложить на час.

Мехлис чуть заметно поморщился. Кажется, ему не понравилась эта формула запроса.

Мы вышли из блиндажа. Через некоторое время Гречко тоже вышел и сказал Мехлису, что приказано все отложить на час. Он вернулся в блиндаж, а я продолжал стоять с Мехлисом на воздухе. Погода была все та же. Минуту и семь часов, и семь двадцать, и восемь... В начале девятого Гречко снова вышел из блиндажа, и я оказался свидетелем их разговора с Мехлисом.

— Погода не улучшается, — сказал Мехлис. — Может быть, лучше вообще все это отложить?

— Командующий фронтом не давал мне таких указаний, — сказал Гречко.

— Но вы-то высказали ему свое мнение, что вы против того, чтобы начинать?

— Высказал.

— Ну и что он?

— Приказал отложить на час. Никаких других указаний не давал.

— То есть это вы считаете, что высказали ему свое мнение, когда при мне связывались с ним через своего начальника штаба по телефону? — сказал Мехлис.

— Да, — спокойно сказал Гречко.

— Возьмите на себя ответственность и отложите, — сказал Мехлис.

— Командующий фронтом таких указаний не давал, — еще раз повторил Гречко.

— А вы сами! Вы знаете решение Ставки по прошлому наступлению?

— Нет, не знаю, — сказал Гречко.

— Так вот я вам скажу. Решение Ставки было таким: мы могли попросить об отсрочке, нам бы ее дали, если б мы ее попросили. А мы этого не сделали и поплатились. Я бы на вашем месте отменил сегодня наступление. И донес бы об этом.

— Нет, — сказал Гречко. — Или я должен рассматривать ваши слова как приказание?

Это был вызов, которого Мехлис не мог принять. В таком вопросе член Военного совета не мог отменить приказания командующего фронтом. Это было бы неслыханное. И Гречко это знал...».

Тоже заметили, да?

Какой-то «не такой» Мехлис.

Ведь согласно «единственно верному учению» это — сталинский сатрап, палач!

Он должен безжалостно, раз за разом в лоб гнать войска в наступление — поставив сзади пулемёты заградотрядов. А вместо этого, он не в силах приказать, уговаривает отложить наступление до улучшения погоды. И причём ссылается на прошлую неудачу.

Генерал же, который по идее — должен дрожать и пресмыкаться перед ним, говоря по-русски — «любит» ему мозги и намерен и впредь биться головой об каменную стену.

Так может и перед Керченской катастрофой 1942-го года — которую историки целиком и полностью свалили на Мехлиса, было так?

Лично для меня вопроса на эту тему больше не существует.

Как и следовало ожидать, наступление застопорилось с первых же часов:

«Едва кончилась артподготовка, как впереди начали рваться немецкие мины и возник ожесточенный пулеметный огонь, особенно слева.

— Не подавили до конца, — сказал Гречко. — Не подавили всех целей. — И грустно щелкнул языком.

(Какой сюрприз, однако? Авт.).

Через полчаса стали поступать первые донесения. Командир одной из дивизий доносил, что он дошел до железной дороги, но дальше не может продвинуться — немцы фланкируют ее справа артиллерийским огнем, и он несет потери».

Причину озвучил главный артиллерийский офицер:

«На это (Мехлису) вместо Гречко ему ответил Кариофилли:

— Тут главная беда, что в полосе наступления повсюду хутора и фольварки. А по каменным домам, чтобы их разгромить, нужно бить тяжелыми орудиями. А их ближе, чем на километр, не подтащишь на прямую наводку. А хорошо видно всего на пятьсот метров. Это в лучшем случае».

Здесь хорошо бы помогла бы авиация — на хер она тогда вообще нужна, но она...

Бездействует по причине нелётной погоды.

«Гречко тем временем продолжал обзванивать по телефону командиров дивизий.

— Подбодрите, подбодрите людей, скажите им хорошие слова. Пусть не обращают внимания на погоду. И сами помните, что я требую от вас не останавливаться до самого Прухно.

Следующий звонок к следующему командиру дивизии.

— Подтягивайте пехоту ближе, как можно ближе к разрывам наших снарядов и дружнее

атакуйте. Вот и все. В один голос жалуются на плохую видимость, — закончив переговоры, сказал Гречко.

Мехлис ничего не ответил».

«Хорошие слова» и советы объявить лютой игнор матушке-природе не помогли и, наступление (второе по счёту!) провалилось окончательно. И как обычно в нашем богоспасаемом Отечестве (иначе, как оно до сих пор существует?) бывает, за ослиную генеральскую тупость и упрямство — поплатились не они, а простые солдаты:

«Мы довольно долго стояли с Мехлисом и смотрели на кладбище вблизи от дороги, около большого фольварка, обнесенное аккуратной оградой. Внутри этой ограды поднималось пятьдесят или шестьдесят больших и малых, сбитых из досок и выкрашенных желтой и красной краской пирамид и пирамидок. Под большими пирамидами были братские могилы солдат и сержантов, под малыми пирамидками были похоронены офицеры. Немолодой солдат, держа в руках бумажку, наверно, с памяткой, окунал в ведро кисть и масляной краской писал фамилии на той пирамиде, на которой их еще не было. Я вошел в ограду. Мехлис тоже. Одна, вторая, третья. У солдат были по большей части украинские фамилии, и я обратил на это внимание Мехлиса.

— Да, да, — сказал он. — Пехота в последнее время пополняется за счет Западной Украины, Белоруссии, в особенности Западной Украины. А это самый прожорливый род войск».

Будь у наших «маршалов Победы» такая возможность, они бы и Китай опустошили — не токмо Россию с Украиной и Белоруссией.

Но поражает, даже не это...

Опять мы видим какого-то другого Мехлиса!

В отличии от «набравшихся к концу войны опыта» генералов, имеющего совесть и пришедшего почтить память погибших солдат.

А теперь оставив мораль, вернёмся к главному вопросу:

Так научились ли советские генералы воевать за четыре года войны?

Ответ даёт свидетель и участник вышеописанных событий:

«Мы ходили снаружи перед блиндажом и довольно долго молчали. Потом Мехлис сказал:

— У немцев метеорология есть составная часть военной науки. Они ждут погоды для наступления, как летчик для кругосветного полета. Ждут и пять дней, и десять, и пятнадцать, сколько им нужно. И дожидаются идеальной погоды. И в эту идеальную погоду идеально используют все, что могут использовать. А нас они давно изучили, изучили наше упрямство. Есть погода, нет погоды, раз решили, значит, будем наступать. И они это учитывают и к этому готовятся. Раз мы уже назначили день, то не отменим ни при каких обстоятельствах».

А теперь подытожим.

В нашем народе говорят, что если долго и старательно бить мартышку, она в конце концов заговорит по-русски и, причём — с выражениями... Но наши советско-российские генералы — нет, никогда не поумнеют.

Ибо, эта субстанция необучаемая в принципе.

Так, так, так...

А где же сам виновник «торжества»?

Мехлис, Гречко, артиллерист с прикольной фамилией Кариофилли... Никогда такую не слышал...

Где генерал армии Петров?

Про него ж речь?

Местонахождение командующего 4-м Украинским фронтом во время операции можно узнать по такому диалогу между Константином Симоновым и Львом Мехлисом, случившимся уже после отставки онного:

«— Вы были у Ивана Ефимовича?

— Был, — сказал я. — Позавчера ездил к нему прощаться... Он, по-моему, очень хороший человек.

— Да, — сказал Мехлис с какой-то особенно сухой нотой в голосе. И мне показалось по этой ноте в голосе, что он принуждает себя быть объективным. — Он добрый и общительный человек. Он, это безусловно, один из лучших у нас специалистов ведения горной войны. Это он знает лучше многих других. Может быть, даже лучше всех. Но он болезненный человек. Знаете вы это?».

«Болезненный человек»?!

Что это значит?

А это значит, что «Иван Ефимович» во время операции «косил» как допризывник-белоленточник от армии — двух мнений быть не может. И кстати, это не в первый раз: в приказе об снятии его с предыдущего — со 2-го Белорусского фронта, тоже была такая формулировка:

«Петров болен и слишком много времени уделяет врачам».

Но с командующих фронтом его сняли не за симуляцию и даже не по состоянию здоровья. Приказом Верховного Главнокомандующего СССР И. В. Сталина № 11045 от 25 марта 1945 года мнимый больной был снят с должности командующего войсками фронта с резкой формулировкой:

«Генерала армии Петрова И.Е. снять с должности командующего войсками 4-го Украинского фронта за попытку обмануть Ставку насчёт истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок, в результате чего была сорвана намеченная на 10 марта операция. Генералу армии Петрову после сдачи войск фронта прибыть в распоряжение Ставки».

Кажется, после «попытки обмануть Ставку» (самого Сталина!) — уже не подняться, да и времени уже нет — война вот-вот кончится...

Но вновь случилось чудо!

В конце марте 1945-го года И. Е. Петров был назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта, а в конце мая он стал...

Героем Советского Союза.

Это — пиз...дец лютый, дарагие россияне!

После таких «героев» и к другим возникает подозрение...

Например: а сбил ли те шестьдесят два неприятельских самолёта трижды герой Советского Союза Кожедуб?

Или он точно такой же «ас», как генерал Петров военначальник?

Особенно зная жалобы наземных войск на действия Люфтваффе, вплоть до самого победного мая сорок пятого.

Надо обязательно упомянуть, что сам Константин Симонов к этому «герою» относится довольно лояльно:

«При оценке причин снятия Петрова с командования Четвертым Украинским фронтом мне трудно отойти от своего личного отношения, не боюсь сказать, от своего пристрастия к этому человеку, с которым я дружил до последних дней его жизни.

Однако все же попробую это сделать.

Сказать про Ивана Ефимовича Петрова, как я сам думал тогда и как сочувственно сказал мне о нем Ортенберг: «вот уж кому не везет, так не везет...»».

Однако, скажу от себя, несколько переиначив Александра Суворова:

— Раз не повезло, два не повезло, три не повезло... Положите, наконец, что-нибудь и на врождённую тупость и благоприобретённую подлость!

Возможно, кто-то скажет:

«Этот Петров — один-единственный такой. Остальные советские генералы не такие».

Увы... Это Мехлис — такой один-единственный, рубил правду-матку. Остальные члены военных советов армий и фронтов, посланные Ставкой Верховного Главнокомандования контролировать ситуацию на местах — предпочитали закрывать глаза на «отдельные недостатки» и «не выносить сор из избы».

Иначе откуда такие большие потери РККА под самый занавес войны?

***

Интересно сравнить поведение советских генералов и командиров, не с нашими русскими девушками и женщинами — они для тех морально недосыгаемы, а с их коллегами по ремеслу — немецкими генералами и офицерами, к которым тоже имеется немало вопросов по поводу профессионализма и чисто порядочности...

Но всё же!

В отличие от группировки генерала Лукина, 6-я немецкая армия Паулюса держалась в окружении не пять дней — а почти три месяца: с 23 ноября 1942 года по 2 февраля 1943-го. И, капитулировали только после того, как на все сто процентов исчерпали все возможности для дальнейшего сопротивления — надолго сковав значительные силы Красной Армии. В результате, была сорвана ещё более грандиозная операция Советских войск по взятию Ростова-на-Дону и окружению всей северокавказской группировки Вермахта.

О чём же думал, какие распоряжения давал и какие радиogramмы вышестоящему начальству, посылал из Сталинградского котла фельдмаршал Фридрих Вильгельм Эрнст Паулюс?

— ВСЁПРОПАЛО!!! Спасайся, кто может!

Отнюдь, нет:

«Предлагаю вывезти из «котла» отдельных специалистов — солдат и офицеров, которые могут быть использованы в дальнейших боевых действиях. Приказ об этом должен быть отдан возможно скорее, так как вскоре посадка самолётов станет невозможной.

Офицеров прошу указать по имени. Обо мне, конечно, речи быть не может».

Благодаря усилиям Люфтваффе и бессилию советских Военно-Воздушных Сил (ВВС РККА) помешать действию «воздушного моста», из Сталинградского котла было благополучно вывезено порядком 30 тысячи раненых... Но вот с немецкими офицерами вышла заминка.

К примеру, Гитлеру потребовался командир, чтобы возглавить формирующийся 14-й танковый корпус и, он приказал командовавшему 16-ой танковой дивизией Гансу Хюбе вылететь из «котла».

Тот наотрез отказался выполнить приказ самого Фюрера(!), послав того... Хм, гкхм...

Послав Гитлеру телеграмму следующего содержания:

«Я привел своих солдат в Сталинград и приказал им сражаться до последнего патрона. А теперь покажу им, как это делается».

В отличие от советских, не удирали немецкие генералы и офицеры и из в свою очередь окружённого в 1944-м году советскими войсками Севастополя. Пользуясь странным бездействием советского Черноморского флота и, тем же, уже очень хорошо известным нам бессилием флота военно-воздушного — они эвакуировались морем, погибали или попадали в плен вместе со своими подчинёнными.

Не были замечены немецкие генералы и офицеры и, в попытках удрать от своих подчинённых и в других окружениях. А если и сдавались — то вместе с ними. На параде позора в 1944 году, они шли по московской брусчатке во главе колонн своих солдат. И допросов, где бы они валили всю вину на Фюрера, или сдавали бы его планы — до сих пор не опубликовано.

А Октябрьский, Петров, Музыченко, Кирпонос, Лукин и прочие «герои» — удирали из едва наметившихся окружений, даже без намёка со стороны своего Верховного Главнокомандующего. Которого якобы, со слов бессовестного Жоры-Сказочника — боялись до полной потери адекватности. А попав в плен, сдавали его при первом же допросе — как мелкая шпана своего пахана.

***

Знаю, кто-нибудь — да обязательно да скажет: это ж — советские командиры и генералы, согласно «бородатому» анекдоту — «слегка выбритые и до синевы пьяные».

Вот то ли дело «слегка пьяные и до синевы выбритые» офицеры и генералы Русской императорской армии...

Те то, знали что такое офицерская честь!

Увы, но на деле всё обстояло с точностью наоборот.

Вот немецкий генерал Гофман пишет о судьбе окружённой в Восточной Пруссии 2-й армии Самсонова:

«Русские же бродили по кольцу окружения без всякого руководства, вразброд атаковали окружающие войска, но каждый раз вновь отступали перед огнём наших слабых отрядов и в конце концов тысячами сдавались в плен гораздо более слабым германским частям. Так, один батальон 43-го полка взял в плен 17 000 человек. Утром 30-го генерал фон Шметтаз донёс, что его слабые силы у Вилленберга до сих пор взяли в плен 11 000 человек и не знают, куда их девать. Только гораздо позже, уже во время операций в Южной Польше, главное командование узнало, что всего было взято в плен 92 000 человек».

Правда, сам Александр Васильевич застрелился, что раз и навсегда избавляет этого русского генерала от каких-либо обвинений в его адрес...

«Мёртвые бо срама не имуть»!

Но это не касается его коллег-подчинённых.

Командующий 6-м армейским корпусом, генерал Русской императорской армии А. А. Благовещенский, бежал от своих войск в самом начале Восточно-Прусской операции. Бегство командира вынудило корпус отступить, чем был оголен правый фланг центральных корпусов 2-й армии, угодивших в окружение — «двойной охват». В свое оправдание генерал Благовещенский заявил, что он...

Если стоите — срочно присядьте:

...Что «не привык быть вместе с войсками».

Это ж — полная жоппа, дарагие россияне!

Командир входящего во 2-ю армию 23-го армейского корпуса генерал К. А. Кондратович, накануне окружения также сбежал от своих войск в тыл, где объявил себя больным.

Комкор-15 генерал Н. Н. Мартос был взят в плен в общей неразберихе стычек в русском тылу.

Комкор-13 генерал Н. А. Клюев приказал капитулировать перед последней цепью германских пулеметов неплотного немецкого «мешка».

И давайте различать понятия: одно дело — самому сдаться в плен в безвыходной ситуации и, совсем другое — сдать врагу вверенных тебе людей. Это уже нарушение присяги и стало быть — воинское преступление.

Для сравнения приведём такой пример: в ноябре 1915 года партизанским отрядом штабс-ротмистра Ткаченко был захвачен в плен командир германской 82-й резервной пехотной дивизии генерал Фабериус. При конвоировании в тыл, воспользовавшись оплошностью начальника конвоя, встретившего по дороге старого товарища и решившего отметить встречу крепкими напитками, Фабериус захватил револьвер и застрелился, будучи не в силах снести позор плена...

А теперь внимание:

Больше, германские генералы Первой мировой войны к русским в плен не попадали.

А российские офицеры и генералы, в основном своём, предпочли благополучно перекантоваться в плену.

Всего в Первую мировую войну было убито 35 генералов Русской императорской армии, сдалось в плен — 73 (семьдесят три!).

Рисунок 73. Господа русские офицеры ПМВ в плену. Судя по выражению на их лицах, они испытывают невыносимые — как физические, так и моральные лишения...

Ибо честь «имеют»!

Соотношение убитых и сдавшихся русских генералов — «один к двум».

Соотношение убитых и сдавшихся в плен русских офицеров чуть лучше: «три к двум».

Кое-кто до сих пор утверждает, что все наши беды от того, что Сталин накануне войны — перестрелял Бог весть сколько стратегов с опытом поимки атамана Зелёного в годы

Гражданской войны...

Однако кажись, Николай-Недержанец — никого не стрелял, лишь увешивал «висюльками» до пупа и ниже.

А вот поди ж ты, какая шняга: оказалось что чести и совести у царских генералов — ещё меньше, чем у сталинских.

Опять же есть мнение, что в начале Великой Отечественной Войны никто за преступный коммунистический режим воевать не желал — ни загнанные в колхоз и там насмерть заголодоморенные русские крестьяне, ни запуганные до полусмерти законными сталинскими репрессиями командиры... И лишь потом, поняв что гитлеровский режим стократно хуже сталинского, народ как один поднялся на защиту своего социалистического Отечества — каким бы оно не было.

Однако, вот вам доброе дореволюционное время, когда ни о каких колхозах — даже разбрасывающиеся бомбами в царей и губернаторов социалисты-революционеры, ещё не мечтали. Словами фельдмаршала Д. А. Милютина, в ходе сравнительно небольшой Русско-японской войны, было замечено никогда никем прежде не виданное явление:

«Армия же, славившаяся своей стойкостью, отступала последовательно с одной укрепленной позиции на другую, конечно, с огромным уроном и небывалым числом пленных».

В ходе же Первой мировой войны — число русских солдат предпочитавших позорный плен героической гибели, зашкалило за все мыслимые и немыслимые пределы.

В 1914–1917 годах русские армии потеряли два миллиона четыреста тысяч человек пленными.

Скажите: в годы Великой Отечественной Войны в плен сдалось больше?

Да, больше — 3 281 157 человек.

Но как сравнить ведущуюся на огромных пространствах маневренную войну — когда в «котлы» попадали миллионами, с войной позиционной?

Какое-то «не толерантное» сравнение получается, согласитесь.

Нежелание вчерашних крестьян воевать за Россию-Матушку без продрозвёрстки, колхозов и жидов-комиссаров над душой — доходило до курьёзно-анекдотических случаев.

В 1915-м году, солдат австро-Венгерской армии и будущий чешский писатель Ярослав Гашек, желая сдаться в плен («братья-славяне» тоже — ещё те «вояки») углубился в лес на нейтральной полосе где встретил несколько русских солдат. Будущий автор «Бравого солдата Швейка», бросил винтовку, поднял руки, и:

— Франц Иосиф — капут!

Однако к его великой досаде оказалось, что те в свою очередь — хотят сдаться в плен ему:

— Не угадал, братушка: Николашка — кирдык!

После бурных дебатов, с часто всеупоминаемой чьей-то — вполне конкретной матерью (полагаю даже, что не без мордобития), победило численное преимущество. Бравому солдату Гашеку пришлось возвращаться к своим во главе целой колонны и получить медаль за взятие в плен военнослужащих противника.

А сдался он в другой раз.

Иногда доводится читать: Красная Армия до такой степени не хотела воевать за опостылевший ей коммунистический режим, что сдавалась немцам-освободителям целыми полками — во главе с командирами, с развернутыми знамёнами, да под духовой оркестр — играющий «Взвейтесь соколы орлами»...

Сделаем вид что поверили в это и, скажем:

Мелко плаваете, хлопчики!

Царские генералы и адмиралы — сдавали целые корпуса (пример генерала Ключева выше), отдельные корабли и целые эскадры и, даже первоклассные крепости.

«Пруфы в студию»?!

Да, сколько угодно!

В 1904 году, генералы Стессель, Фок и Рейсе сдали Порт-Артур и 1-ю Тихоокеанскую эскадру, ещё до прихода 2-ой и 3-й Тихоокеанских эскадр.

Во время битвы при Цусиме, адмирал Небогатов сдал 3-ю Тихоокеанскую эскадру с остатками 2-ой.

В начале августа 1915 года, генерал Н. П. Бобырь сдал крепость Новогеоргиевск (Модлин). Это для тех кто не знает — самая большая крепость России, с гарнизоном в 120 тысяч солдат и офицеров и запасами на многие месяцы осады.

Куда там до него Октябрьскому с Петровым!

И если бы только одна эта крепость...

Вся линия крепостей для защиты России с запада: Ковно, Вильно, Гродно, Брест, Ломжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск, Зегрж, Варшава, Ивангород — и не подумала даже защищаться. Их гарнизоны или сбежали при виде немцев, или почти сразу сдались. Ну как сравнить такое даже с австрийской крепостью Перемышль, которую русские войска были вынуждены осаждать и штурмовать шесть месяцев?

А как же крепость Осовец, с её атакующими мертвецами — не к ночи будут помянуты?

Увы, всем нам...

Комендантом этой крепости был не русский по национальности генерал — а поляк Николай Александрович Бржозовский, ставший после Русской революции гражданином Польской Республики.

И ещё не забываем самое главное: вовсе не большевики, не жида-массоны и, тем более — не восставшие рабочие и крестьяне, «помогли» Николаю Второму «слить» Российскую Империю. А совершившие государственный переворот русские генералы Алексеев и Рузский. И когда мы говорим про преступления Ленина, Сталина и вообще — Коммунистической партии и Советского правительства в целом, то большую часть вины надо возложить именно на русское офицерство и генералитет. Если бы они, даже без всякого «беззаветного героизма», просто выполняли бы свой воинский долг согласно данной императору присяги — никаких революций, гражданских войн, коллективизаций и связанными с ними ужасов — произойти не могло бы в принципе.

Хотя отчасти согласен: вполне возможно, что взамен были бы какие-нибудь другие — совершенно иные ужасы, про которые нам неизвестно.

***

Так «откуда и есть пошла измена на земле русской»?

Читая воспоминания очевидцев событий, можно приблизительно понять — как с некоторых пор формируется и самопроизводится российская (советская и снова российская) военная элита.

В глубину истории лезть не будем. Хотя и там можно открыть много для себя чудного, например:

«Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб в места формирования армии. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию... Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей... После утомительной зимней кампании царские полки стали таять. Не спрашивая “отпуска” у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям[8]».

Возьмём времена поближе к нашим. Например, Илья Валерьевич Деревянко в своём труде «Белые пятна» Русско-японской войны», пишет:

«В период Русско-японской войны остро встал вопрос комплектования офицерского состава. Только в частях, оставшихся на мирном положении, некомплект офицеров составил 4224 человека. Это объяснялось формированием новых частей — для действующей армии, недостаточным выпуском из военных и юнкерских училищ, а также стремлением некоторых строевых офицеров переходить на нестроевые должности в управления, учреждения и заведения военного ведомства...».

Так, так, так... Горячо, горячо... Ещё горячее:

«...В данном случае характерен пример с так называемыми «воскресшими покойниками». Дело в том, что многие заболевшие генералы и штаб-офицеры, отправленные на излечение в Европейскую Россию, после выздоровления не спешили возвращаться на Дальний Восток. Они потихоньку оседали в столицах и больших городах, тем не менее числились в действующей армии и получали соответствующее содержание. В это время их частями командовали другие люди, которые, поскольку место считалось занятым, лишь «временно исполняли обязанности», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но когда закончилась война и был подписан Портсмутский договор, «воскресшие покойники» пожелали вернуться в строй и вступить в командование бывшими своими частями. Из Петербурга в армию поступило распоряжение, на основании которого новый главнокомандующий Н. П. Линеви́ч (назначенный вместо Куропаткина после поражения под Мукденом) был вынужден отдать приказ об отмене сделанных им ранее распоряжений о различных назначениях».

Ущучили ситуацию?

Обратите внимание: преступление без наказания.

А если не прижечь образовавшуюся гниль сразу — она будет порождать другую гниль, расширяясь и углубляясь подобно раковой опухоли.

Все язвы старой Русской императорской армии, перекинулась на молодую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В частности, в первом томе «Искусство вождения полка» Свечина Александра Андреевича, приводится такой пример:

«...Прапорщик К. был представлен и получил в командование роту. В бою 16 сентября на его роту идет главный натиск немцев; в ней какая-то неустойка; часть убежала.

Впоследствии я узнал, что убежал первым из окопа сам командир — прапорщик К.; при этом он увлек с собой большую часть роты; но так как окоп был наполовину завален обстрелом тяжелых гаубиц и сквозного сообщения не было, то часть роты К. не сразу узнала о бегстве командира и другой части роты, осталась в окопах и отбила немцев, подошедших к полуразрушенной проволоке. Офицеры полка знали о проделке К., но стеснялись мне донести на товарища; так как все окончилось благополучно, я остался в неведении.

Наконец в ночь на 20 сентября 1915 г. полк переживал очень критические минуты; III батальон выставил сторожевое охранение, которое было прорвано; но бой батальона продолжался. К. командовал ротой сторожевого охранения и вдруг, около полуночи, приводит роту к д. Задворники, где располагался полковой резерв, и встречает меня.

"Где ваш командир батальона?"

"Там, впереди, ведет бой".

"Как же вы — его резерв, решились без его приказа уйти? Немедленно возвращайтесь на ваше место в г. дв. Задворники и установите связь с командиром батальона".

"Но там на моем месте теперь немцы".

"На выбор — вы их выбьете, или я стреляю".

Мой браунинг уперся в грудь К. Он ответил отчетливое "слушаюсь" и увел роту в темноту, где раздавались выстрелы и мгновениями вспыхивали огоньки. Минут через 6 после ухода К. раздалось несколько выстрелов совсем близко от резерва, в том месте, куда направился К.

Через час я был на перевязочном пункте полка — в хате, расположенной на южной окраине той же д. Задворники. Старший врач доложил мне, что приходил раненый в ладонь прапорщик К. Делавший перевязку фельдшер обратил внимание на нагар, осевший на края раны; ясно, что выстрел был произведен в упор. Старший врач хотел задержать К. до моего распоряжения, но он самовольно, без перевязочного свидетельства, ушел в тыл. Я распорядился об уничтожении его представления к Георгию, находившемуся в штабе дивизии, и о предании его суду за бегство с поля сражения и за самострельство. Прапорщики, товарищи К., дали уничтожающие показания. По нескольким пунктам военных законов К. должен был подвергнуться высшей мере наказания. Но у него оказались связи, полк переходил из одной армии в другую, и соответственно передавалось и судебное дело о нем, тянувшееся почти полтора года.

Однажды, проходя с полком через какой-то этап, офицеры увидели в окно К., устроившегося временно в этапном батальоне. Я послал дозор арестовать его, чтобы расстрелять на месте и тем закончить затянувшееся следствие. Но длинные ноги и сильное сердце К. и тут ему не изменили — он удрал от дозора быстрее лани. Когда я лежал в тылу раненый, К. приходил просить меня о прощении его вины. Я отказал. Наконец, когда я уже покинул полк, К. судили, приговорили к смертной казни. Но понятие государственного интереса уже ослабело в развалившейся России — Брусиллов заменял все расстрелы вечной каторгой. Когда наступила революция, К. оказался в числе жертв царского режима, был освобожден и восстановлен в звании прапорщика.

Я его встретил в 1920 г. на улице Москвы близ Ревсовета; он был штабным работником Красной армии...».

Как говорит в таких случаях великий русский народ:

«Бери убоже, что нам не гоже».

Может, тот «прапорщик К.» — достигнув определённых командных высот в РККА в конце тридцатых, мстя и подвёл Александра Андреевича к расстрельному приговору в 1937-м году?

Не исключено, а стало быть — вполне может быть...

Читаем ещё более вопиющий пример, уже из истории Великой Отечественной Войны. Решетников Василий: «Что было — то было. На бомбардировщике сквозь зенитный огонь».

«Командиру полка никак не удавалось вытолкнуть на боевое задание старшего лейтенанта Клотаря. В лучшем случае взлетит — и сейчас же вернется. Летчик-то он опытный, другим ни в чем не уступал, но за линию фронта — ни на шаг. Несмотря на уже гулявшую репутацию трусоватого пилота, Клотарь не терял своей внешней значительности в манере держаться, в категоричности суждений и требований. Даже капризничал с достоинством. Как-никак — командир эскадрильи, хотя в этом полку он такой же рядовой, как и большинство других. То не нравится ему штурман, то машина. Но вот отдали ему прекрасного штурмана, капитана Мельника, подобрали боевых стрелков-радистов...

В тот день он долго сидел в кабине — качал рулями, щелкал тумблерами, вслушивался в гул моторов. В этом усердии постепенно распаялся, нервничал, долго не мог приладить парашютные лямки. Наконец вслед за другими порулил на старт. Широкая, плотно укатанная снежная полоса лежала впереди до самого, казалось, горизонта. Моторы выведены на полный режим, отпущены тормоза. Машина ринулась вперед. Но вдруг все больше и больше стала забирать вправо, сошла с утрамбованного наста и вздымая целый смерч свежего снега, пропахивая белую целину, зарылась по самый фюзеляж в сугробы. Двигатели, надрываясь в реве, больше не тянут, винты рубят снег, шасси не выдерживают, и самолет, ломая подкосы, тяжело оседает на живот.

Из пилотской кабины, не торопясь, выходит Клотарь. Деловым взглядом осматривает машину, переговаривается с экипажем. Выпрыгнули через пулеметную турель стрелки, открыл верхний люк штурман, но выходить не торопится. Замешкался.

Неожиданно из-под моторных капотов показался огонь.

— Выходи! — командует Клотарь штурману, но тот по-прежнему копошится в кабине. К самолету бегут люди. За ними мчит полуторка с пожарными баллонами, но пробиться к огню даже по пропаханному самолетом следу не может. Огонь еще больше набирает силу, уже лижет крыло полное бензина, охватывает фюзеляж. Там в люках на всех замках — бомбы.

Люди набрасываются на пламя, но оно с гулом растет и уже угрожает всем, кто вступил с ним в единоборство.

— Выходи, выходи! — кричат Мельнику, хотя уже все знают, что от деформации штурманской кабины в гармошках металла зажата в пятке его нога, и все попытки вырвать ее безуспешны. Теперь к нему не пробиться. Мельник видит, как огонь, охвативший весь самолет, вот-вот взорвет баки и бомбы, и сам во все горло кричит на тех, кто мечется вокруг огня, пытаясь его унять:

— От самолета! Все вон от самолета! Сейчас будут рваться бомбы!

Да, больше оставаться рядом с огнем нельзя. Взрыв неминуем в любой ближайший миг. Назревала гибель десятков людей. Теперь от самолета всех торопили и командиры. Люди отступают. Но кто-то медлит, и майор Тихонов стреляет в воздух, гоня их от самолета, и сам бежит последним, постоянно оглядываясь.

Мельник встал во весь рост. За языками пламени из верхнего люка была видна его голова в шлемофоне и плечи. Он поднял меховой воротник комбинезона, скрестил высоко на груди руки и ждал. Ждал смерти. Эти секунды были непереносимы. Можно было сойти с ума.

Взрыв! Ударная волна резко толкнула в грудь, пошатнула назад. Тихонов и два-три еще бежавших с ним были настигнуты ударом в спину, сбиты с ног. Упали, поднялись, на минуту оцепенели, пришли в себя и снова бросились к самолету. Мельник был выброшен далеко вперед. Лежал убитым. Нога осталась в кабине...

Среди застывших вокруг страшного зрелища вдруг засуетился Клотарь, стал на виду у всех вытаскивать из кобуры пистолет, примерять на себе, куда бы посподручнее направить ствол. К нему бросились, но кто-то из командиров крикнул зло и твердо:

— Ну-ка, прекрати ты, мать твою...

Окрика оказалось достаточно, чтобы он снова запихнул свой «ТТ» на место. Этот «подвиг» не для него. Он очень хотел жить. Гораздо больше других. Любой ценой. Лукавят мудрецы идейно-воспитательного фронта, ревностные носители безоблачных судеб и бестрессовых общественных забот, будто самоубийство — удел трусливых и слабовольных. Нужны немалое мужество, огромная воля и духовная сила, чтобы суметь в минуту роковую защитить свою честь пулей в собственное сердце. Клотарю это ни с какой стороны не грозило, да и нужды в том не было. Последнее больше других понимал сам Клотарь...».

Конечно же эксперты по Сталинской эпохе, тут же напророчат:

— А сейчас его в Особый отдел, а затем через трибунал в штрафбат!

Не угадали...

Хреновато мы с вами «Сталинскую эпоху» знаем, дарагие россияне.

«...Потеряв всякую надежду вытолкнуть его на боевое задание, а может, надеясь со временем подавить в нем страх перед противником, командир полка поручил ему облетывать машины после ремонта и замены моторов. Полк работал с большим напряжением, боевые летчики уставали, и у них просто не хватало времени на облет своих самолетов. И тут Клотарь пригодился как нельзя лучше. Но преодолеть себя он не мог, да, видно, и не хотел, а страх, как ползучая болезнь, перешел и на обыкновенные полеты. Каждый полет доставлял ему великие муки, был завоеванием всех, кто выпускал его в воздух. Взлетал-то он сносно, в воздухе кое-как держался, но очень скверно садился: то грохнет несчастную машину с высокого выравнивания, то ткнет ее в землю на скорости. А двумя днями раньше он был командирован в подмосковный городок Монино для перегонки на наш аэродром отремонтированной там машины.

И вдруг — звонок начальника ремонтного завода: на разбеге Клотарь отклонился в сторону, налетел на трактор, убил тракториста. Изрядно пострадал и самолет.

Не знаю, какое предписание выдал командир полка, но вскоре Клотарь тихо и незаметно исчез. Скитания ему не грозили. Начальник штаба Цоглин, под руками у которого тот больше всего любил околачиваться, восхищая своего покровителя каллиграфическим почерком, добился для него нового назначения и снабдил самыми лестными характеристиками.

Многие годы о Клотаре никто ничего не знал, но потом события прояснились. Быстро остыв от фронтовых потрясений, он сначала оказался на должности начальника штаба полка

фронтовой авиации, затем приподнялся повыше. Видимо, там он и добрался до своего личного дела и, наведя в нем «новый порядок», заставил его работать на себя. Спустя год с должности старшего помощника начальника авиаотдела армии Клотарь был зачислен на учебу в Военно-воздушную академию. Мы закончили войну, он — академию. Через несколько лет — вторую. В чинах рос стремительно, поскольку за его «фронтовые подвиги» звания шли досрочно и без задержки. В личном деле оказались записи о многих — под сотню! — успешно выполненных боевых заданиях. За наградными листами потянулись ордена. Нагрудные планки внушали почтение и тем, кто был на фронте, и старшим начальникам, с кем он работал. В манере держаться у Клотаря уже прочно закрепились самоуверенность, горделивость, в суждениях — резкость и безапелляционность. Он окончательно поверил в свою новую незакатную звезду, шел напролом, вздымаясь по крутым военно-административным ступеням, и, казалось, ничто не могло стать преградой на его пути...

...Теперь в большом и красивом южном городе он ведет, говорят, активную работу по «военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения», впадая в эйфорию воспоминаний о «былых воздушных сражениях».

Кстати, далеко не единственный случай в авиации...

Очень и очень далеко!

Примерно про такого же «сталинского сокола» я читал у Мариинского «Я дрался на «Аэрокобре». Да и в сборнике у Драбкина — нет, нет — да попадались подобные типы.

А сколько было других «героев», затаившихся и особо не выпячивающихся?

Имя им — Легион.

Отслужил особо не напрягаясь положенный срок, дожил до незаслуженной пенсии — ну и, да ладно. А случись война:

«Мы так не договаривались!».

И в кусты.

Естественный отбор не сработал — очищения командного состава Великой Отечественной Войной, не произошло.

К концу войны стали посылать на фронт полки, которые всю войну простояли вдоль обширных границ СССР. Из всех щелей и штабов начали вылезать летчики с довоенной подготовкой, которые в 1941–1942 годах боялись фронта, но теперь расхабрились. Герой Советского Союза В.Ф. Голубев вспоминал, что летом 1943-го года он хотел внутри полка повысить в должностях боевых летчиков, но вместо этого на свободные вакансии ему стали из вышестоящих штабов присылать летчиков из тыла.

На недоумённый вопрос, комдив объяснил ему вполне откровенно:

«Ты не удивляйся таким назначениям — привыкай. Полк в морской авиации передовой, воюет с меньшими потерями, чем другие, да еще и летает на Ла-5 — лучших самолетах-истребителях. Теперь желающих принять участие в войне, а также и побыть рядом с ней станет больше. Они будут слетаться в четвертый гвардейский, как осы на сладкое. Поэтому на повышение в должностях пока никого не посылай, буду помогать тебе отбиваться от посланцев, которые идут помимо нас с тобой».

В других родах войск ситуация не лучше.

Вот что повествует об послевоенном кадровом отборе офицер-танкист Борисов Николай Николаевич:

«Прибыло к нам несколько новых офицеров. Один, считай, даже не танкист. Был адъютантом у командира дивизии. Потом его назначили на роту. Всего полгода им побыл, и его назначают комбатом. Хотя ему еще учиться и учиться танковому делу. Опыта же совсем нет, фактически случайный человек.

...С какого-то момента и у нас в армии тоже стали возникать противоречия и стали видны недостатки. То сокращение шарахнуло, то немножко стабилизация идет, то какие-то переформирования придумают... То 45 лет исполнилось — вылетай из армии! А это же самое-самое обучающее звено — вплоть до командира батальона. Люди с военным опытом, самые работающие лошадки, а их вдруг стали увольнять.

...Ведь только закончилась война, уже на второй год нас, фронтовиков, осталось всего пять человек. Кого на повышение, кого уволили. И пошли ребята: начальником штаба полка стал сын прославленного маршала. Командиром батальона прибыл с академии сын бывшего начальника Главпура. А чижиков этих лейтенантов кто с Генштаба, кто еще где-то командующий прямо заполнили...».

И наконец, самое интересное высказывание Николая Николаевича, объясняющие все беды-проблемы сперва Советской, а затем и Российской армии:

«Всю войну у нас взводным-технарем был один офицер. Должность нужная, но роста там никакого. А как война закончилась, он стал выступать на всех партсобраниях с различными деловыми предложениями. Всегда деловой, в заботах, чего-то доставал для части в Москве. И вскоре его назначили ротным, а через пару лет он уже начальник автомобильной службы полка. А мы все вроде и боевые, но все на тех же должностях. Тут не то что о выдвижении, боялись как бы не вылететь за штат, а то уволят без пенсии, и все... И вот так он выскочил и раньше меня стал майором. А когда я стал майором — он уже был начальником автошколы. Такую бурную деятельность там развернул. Всякие показательные занятия, на которые съезжается разное начальство. Вот и получилось, что вместо боевых офицеров всякие подхалимы и угодники пришли... Как в обществе это появилось, так и в армии пошло. А многих настоящих боевых офицеров уволили. Новых выдвинули, но со многими мука одна. Не знают, куда их девать, потому что совсем случайные люди, хотя и академии кончали...[9]».

Запомним эти слова:

«СОВСЕМ СЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ, ХОТЯ И АКАДЕМИИ КОНЧАЛИ».

Пригодится!

***

После вышеизложенного, возникает вполне закономерный вопрос к автору:

— А как же тогда с таким военным руководством Советский Союз победил в Великой Отечественной Войне?

Отвечаю: мать-природа всё уравнивает и, тупость и головоунытие одних — исправляется мужеством и героизмом других.

Как и в ряде других войн, победили мы благодаря простой русской бабе — в большом количестве рожавшей смелых, стойких и неприхотливо-выносливых русских солдат.

Ей надо памятники на Красной Площади ставить, а не Жукову!

Знаю. кто-то заметит: похоже на утверждения, что якобы советский народ — победил вопреки отчаянно сопротивляющемуся этому Сталину, да?

Нет, это не так: вопреки тому голословному утверждению, моё подтверждено доказательствами, в том числе и документальными.

Вспоминают чудом уцелевшие защитники Брестской крепости, например лейтенант А.С. Санин, 333-й стрелковый полк:

«Командиров в нашем подразделении не было, но мы все понимали, что надо защищаться. Моя роль, как командира, сводилась к решению общих вопросов. Мне кажется, что я совсем и не командовал. Все, кто способен был действовать, действовали без всякой команды, и уж только тогда, когда что-нибудь было сделано, следовал доклад...

Никто никого не заставлял, не приказывал — как-то все шло само собой, по собственной инициативе бойцов и командиров. В то время было трудно понять, кто боец, кто командир, все были равными, все одинаково горели желанием не подпустить врага к зданию».

Ему вторит оружейный мастер 44-го стрелкового полка старший сержант А.П. Бессонов:

«Люди собрались из разных полков, и понять, где командир и где рядовой боец, нельзя было, большинство были раздеты... Люди смешались, стали действовать поодиночке или группами безо всякого руководства, этого допускать нельзя было, нужен был руководитель, но офицеров нашего полка среди нас не было... Я был назначен «снабженцем», вернее не назначен, а сам себя назначил, по доставке оружия и боеприпасов на наш участок. Ведь это входило в мои обязанности работника боепитания полка».

***

Не я сказал:

«Демография — это судьба!».

По окончании Гражданской войны и объявления Лениным «Новой Экономической Политики» (НЭПа), в Советской России случился «беби-бум». Такого никогда прежде не было и, как мнится — больше никогда уже не будет. Как будто чувствуя, что Родине скоро пригодятся герои — русские женщины рожали как перепуганные: 6,8 младенцев на одну, с 1924-го по 1929-й год.

Это было первое советское поколение!

Советскую Власть и партию большевиков можно ругать сколько угодно, но определённые достижения у них имеются и, причём — достижения не малые. Благодаря ошеломляющим успехам советской медицины и образования — подавляющему большинству из этого поколения удалось дожить до зрелых лет и стать грамотными.

Это было первое в тысячелетней истории России — образованное поколение!

И те юноши и девушки жили в потрясающее время, заражавшее их энтузиазмом. Они верили, что «рождены чтоб сказку сделать былью» и, были уверены, что у них это получится.

Вот как описывает тот же военный лётчик Василий Решетников свою курсантскую юность:

«Летная учеба в Ворошиловградской школе военных летчиков охватывала знаменитые годы — тридцать шестой, седьмой и восьмой! Наше курсантское воображение потрясли целые каскады выдающихся авиационных рекордов, великие перелеты экипажей Чкалова,

Громова, Гризодубовой, Коккинаки, а еще раньше — высадка на Северном полюсе папанинской экспедиции. В Испании советские летчики сражались с фашистами, в Китае и на Дальнем Востоке, у озера Хасан, громили японцев... Господи, жизнь шла мимо нас, а мы в своей школе летаем по кругу и, конечно, никуда не успеваем. Да только ли авиация потрясала мир — вся страна возводила великие стройки коммунизма, наполняла тракторным гудом буйные колхозные нивы. Об этом на всех страницах писали газеты, толковали политруки, а с экранов кино светились и воспевались вольная, изобильная и счастливая жизнь советского народа, — выходит, она уже была...».

Мда... Такого поколения у нас с вами уже не будет, дорогие россияне!

«Плохая им досталась доля:

Немногие вернулись с поля...».

Рождённых в начале двадцатых годов никто не жалел — ни свои, ни тем более чужие.

Рассказывает ветеран ВОВ Кузнецов Михаил Михайлович:

«В 43-м пошли вперед и в первом бою под деревней Свищево почти всю нашу роту положили. Сначала шли пешком, а потом нас посадили на машины и привезли в лес. Трое суток не спали. В час ночи пришли командиры:

— «Сейчас в наступление пойдем».

— «Куда? Чего?»

— «Да, вот эта деревня, там ничего нету!».

Ну мы идем — тишина. Сентябрь месяц. Немцы же неглупые — у них перед этой деревней ольха вырублена, все пристрелено. Они нас впустили и как открыли огонь! Всех-всех и положили. Только четверо нас и вышло оттуда. Пулемет мой там остался. Деревню ту они потом сами оставили...».

Сцука, блять, ну неужели на третьем году войны трудно догадаться сперва разведку в ту деревню выслать? Какой «боевой опыт», о чём вы?

«...Другой раз лежим мы в картошке. По эту сторону Днепра. А по ту сторону утром, в 8 часов, поднимаются: «Ура! За Родину! За Сталина!» Немецкие пулеметы их косят. Полегли. Затихло. Часа через два опять: «За Родину! За Сталина!» И так раза четыре. Про себя думаешь: «Ну как же так?! Зачем же это?! Ну видят же, что пулемет, а может, и не один! Ну подождали бы, уничтожили с орудия или авиацией!» Нет! Целое поле набито! Судить я не могу, но кажется, народ не жалели[10]».

Немногие выжившие на той войне, после рассказывали как под копірку:

«Из двадцати моих одноклассников выжило кроме меня всего два человека. Мой близкий друг Женя Гольдин, племянник певца Утесова, был летчиком-штурмовиком, за две сотни боевых вылетов на Ил-2 дважды представлялся к званию Героя, но его наградные листы не прошли... Выжил еще Селезнев, попавший в начале войны в плен, после побега прошедший все проверки и вернувшийся на передовую. Он воевал в пехоте. После войны Селезнев стал известным ученым-металлургом.

А могилы остальных наших семнадцати одноклассников разбросаны от Москвы до Берлина. За победу в войне мое поколение заплатило страшную цену. Но мы сделали все, что могли, для своей страны[11]».

Это они, смертью смерть поправ — закрывали грудью амбразуры, совершая «огненные» тараны — живьём сгорали в кабинах танков и самолётов, несломленные духом — умирали на виселицах и за колючей проволокой нацистских концлагерей...

Да, да!

К сдавшимся в плен, а до этого — брошенными своими командирами рядовым красноармейцам — неделями скитающимся по полям и лесам без какого-нибудь руководства и обеспечения — у меня никаких претензий нет. На 1 мая 1944-го года из 3 281 157 человек советских военнопленных, были расстреляны или убиты при попытке к бегству 1 030 157[12]. Так или иначе, но сопротивлялся и был за это убит — каждый третий из них.

***

Так что Победа в Великой Отечественной Войне пришла снизу, а не сверху!

Об этом, кстати, говорят и сами уцелевшие в этой «мясорубке» германцы:

«Среди них было немало украинцев, и некоторые из них кричали: “Война капут!”.

Позднее они выдавали немцам комиссаров и командиров, которые при сдаче в плен сорвали знаки различия с формы[13]...».

Хм, гкхм...

Ой, это не то!

Со слов британского историка Кларка, немецкой гауптман-танкист писал своей фразе:

«...После первых боёв не было того чувства, как во Франции, что мы в побеждённой стране. Вместо этого сопротивление, всегда сопротивление, как бы оно ни было безнадежным. Где-то одна пушка, где-то кучка людей с винтовками, а один раз из дома у дороги, выбежал парень, в каждой руке по гранате[14]...».

Свидетельствует Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта:

«Русские сражаются до последнего патрона, они не сдаются в плен, пока у них есть боеприпасы. Всяких наших вольностей, которые мы допускали во время войны с западными странами, теперь допускать нельзя. Перед нами совсем другой противник»

Наиболее сочно и красочно рассказывает о героизме бойцов Красной Армии Пауль Карель[15]:

«Немецкие солдаты начинали осознавать, что с таким противником нельзя не считаться. Эти люди демонстрировали нападавшим не только храбрость, но и изрядное коварство. Они в совершенстве владели техникой маскировки и устройства засад и были превосходными стрелками. Русская пехота всегда славилась умением наносить удары из засад. Бойцы передовых застав, смятые, израненные, дожидались, когда первая волна немецкого наступления прокатится дальше, а потом вновь начинали сражаться. Вооружённые превосходными самозарядными винтовками с оптическим прицелом снайперы, сидя в окопах, терпеливо поджидали свои жертвы. Они “снимали” водителей снабженческих грузовиков, офицеров и связных на мотоциклах...».

Тоже заметили?

Ни в одном из приведённых отрывке, вообще ничего не упоминается о советских командирах, генералах и вообще про командование РККА в целом... Как будто никакого

руководства вообще нет и каждый красноармеец воюет по своему уму-разумению и, по мере своих способностей — ведёт свою собственную войну.

Возможно, так оно и было?

Конечно же: так оно и было!

Но правда — не всегда. Из того же, последнего источника, мы наконец-то узнаём об организованном сопротивлении Красной Армии:

«Так, организация обороны Лиепай находилась на очень высоком уровне. Советские солдаты имели хорошую боевую подготовку и сражались с отвагой фанатиков. В Лиепай солдаты Красной армии впервые продемонстрировали, что при наличии у них умного, опытного командира они могут организовать надёжную оборону и способны удерживать сильные позиции...».

Но после ложки мёда, последовала бочка дёгтя:

«...В отличие от защитников Лиепай оборону Даугавпилса русские вели вяло и бестолково».

Наконец, немецкий ветеран и писатель подытоживает:

«Там, где командование противника охватывал паралич, победа немцам доставалась легко, когда же у неприятеля находилось время на организацию обороны, его солдаты дрались как черти».

Рисунок 74. Генерал-майор Дедаев Николай Алексеевич.

А мы сравним никому не известную оборону Лиепай, с всеобще известной обороной Бреста:

За период активных боёв за последний (с 22 по 30 июня), взяв в плен свыше семи тысяч советских военнослужащих — немцы потеряли 852 человека убитыми и свыше тысячи ранеными.

Все советские, а вслед за ними российские историки — утверждают что это очень высокие потери для Вермахта... Их иностранные коллеги, в принципе не возражают.

Не буду возражать и я: защитники Брестской крепости сделали всё, что могли сделать в тех условиях.

Оборона Лиепай, про которую мало кто слышал и, в ЕГЭ её тоже нет, длилась примерно столько же: с 22 июня — 29 июня 1941 года.

Части штурмующей город 10-й немецкой дивизии потеряли более чем 2 тысячи убитыми и ранеными.

Потери обороняющихся советских войск — 67-й стрелковой дивизии, 12-го пограничного отряда, военно-морской базы и местных ополченцев — мне неизвестны... Но в любом случае, они не меньше потерь Вермахта.

Защитники Лиепай не были сломлены силой оружия: после гибели на командном пункте руководителя обороной — командира 67-й стрелковой дивизии генерал-майора Дедаева Николая Алексеевича, началась уже знакомая история — безудержный драп руководства и, оборона города в одночасье рухнула.

Части гарнизона удалось вырваться морем, части по суши, а судно с двумя тысячами раненных — было потоплено немецкой авиацией.

Как бы там не было, оборона Лиепай — первый зафиксированный случай организованного(!) сопротивления вторжению. Брест же — пример сопротивления неорганизованного, ибо ни одного генерала или хотя бы полковника — в числе убитых, пленных или хотя бы пропавших без вести, в числе его гарнизона не оказалось.

Итак, что мы знаем об организаторе обороны Лиепай — генерал-майоре Дедаева Николае Алексеевиче...?

...А чё про него вообще знать?

Кто он такой?

Он же не четырежды Герой Советского Союза — как Жуков, а по количеству орденов и медалей — даже несравнимо уступает личному шофёру «маршала Победы» и его личной шлюшке...

Извиняюсь, я хотел сказать «походно-полевой жене» (ППЖ).

Тьфу на него, на лузера.

Свалил бы тот Деделов вовремя, да куда подальше — как все нормальные полководцы, или б в плен сдался — счас бы почётным гражданином, да Героем России был бы, как Генерал Лукин.

А так за что его награждать?

Рисунок 75. Фельдшерица Лидочка Захарова — личная ППЖ маршала Жукова.

Эх, до чего же боевая девка!

Он же не распускал сразу четыре армии, не сдавался в плен как Лукин и не рассказывал там немецким разведчикам — сколько стрелковых дивизий, танков и реактивных установок залпового огня — готовится в советском тылу на их головы в рогатых фашистских касках.

Он почему-то уверен, даже не почётный гражданин села Кочкурово Симбирской губернии, где был рождён на этот свет.

В советские времена имя генерала Дедаева носила одна из улиц Лиепай и всего лишь. А теперь, на его могилу на Центральном кладбище этого города — ходят сцать недобитые эсэсовцы и их расплодившиеся потомки, из числа не взятых по убогости ума на ПМЖ в Евросоюз...

Хоть эти помнят — уже хорошо!

А дарагие россияне про него забыли.

***

Генерал Дедаев был не один.

Вопрос на засыпку:

Когда и где Красная Армия в первый раз окружила части Вермахта?

Сдавший ЕГЭ на твёрдую «пЯтёрку», уверено ответит:

— В ноябре 1943 года в Сталинграде!

Более продвинутый выюнош, ещё вспомнит Демьянский или Холмский котёл и, на этом пожалуй всё.

Но это не так.

Впервые это было сделано 16 июля 1941 года, когда советская 70-я стрелковая дивизия

генерал-майора Федюнина контрударом заняла Сольцы, отрезав основные силы 8-ой танковой дивизии немцев.

Рисунок 76. Генерал-майор Федюнин Андрей Егорович.

Уже после войны, Эрик фон Манштейн довольно-таки пространно — но в изрядно обтекаемо-мутных формулировках, писал по этому поводу:

«Нельзя сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным. Мы должны задаться вопросом, не шли ли мы на слишком большой риск, недооценив под влиянием своих прежних успехов противника на нашем южном фланге?.. В сложившейся обстановке не оставалось ничего другого, как отвести через Сольцы 8-ю тд, чтобы уйти от угрожавших нам клещей. 3-я мд также должна была временно оторваться от противника, чтобы корпус вновь мог получить свободу действий. Последующие несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения.. Несмотря на это, 8-й тд удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. Всё же некоторое время её снабжение обеспечивалось по воздуху. 3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак...».

По тексту хорошо заметно, что многострадальное германско-фашистское очко у лучшего полководца Вермахта — ссаднит до сих пор.

Что мы знаем об этом сражении и о полководце, руководившим контрударом?

НИЧЕГО!!!

21 августа 1941 года Федюнин Андрей Егорович был смертельно ранен, похоронен и забыт. Благодарное Отечество (ох, как не хочется писать с большой буквы!) его вклад в своё спасение оценила в ещё довоенные два «Ордена Красного Знамени», «Орден Красной Звезды» и Юбилейную медаль «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

На слуху у всех — бездарная бойня под Ельней, где «маршал Победы» Жуков в это же время, добивал остатки кадровых дивизий РККА об немецкую оборону.

Что мы знаем о полковнике Вацлаве Тишинском, командире 237-й стрелковой дивизии, разгромившей примерно в то же время и в этом же месте, не кого-нибудь — а элитную дивизию СС «Мёртвая голова»?

Уже после войны, всё тот Эрик фон Манштейн — дымя пригоревшим пуканом, как целая угольно-мазутная ТЭЦ, писал:

Рисунок 77. Полковник РККА Тишинский В.Я.

«...Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились. Эти потери, а также и недостаточный опыт приводили в свою очередь к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои. Ибо нет ничего труднее, как научиться пользоваться моментом, когда ослабление силы сопротивления противника дает наступающему наилучший шанс на решающий успех. В ходе боев я все время должен был оказывать помощь дивизии, но не мог предотвратить ее сильно возраставших потерь. После десяти дней боев три полка дивизии пришлось свести в два.

Как бы храбро ни сражались всегда дивизии войск СС, каких бы прекрасных успехов они ни достигали, все же не подлежит никакому сомнению, что создание этих особых военных формирований было непростительной ошибкой. Отличное пополнение, которое могло бы в армии занять должности унтер-офицеров, в войсках СС так быстро выбывало из строя, что с этим никак нельзя было примириться. Пролитая ими кровь ни в коей мере не окупалась достигнутыми успехами".

Об этом успехе полковника В.Я. Тишинского сообщило ТАСС, о нём печатали статьи газеты «Правда», «Красная Звезда» и прочие. Но как только Тишинский был убит, про него немедленно забыли и не вспоминают до сих пор.

Честно, грамотно и с достоинствами выполняли свой долг гражданина и командира погибшие в бою или в плену генералы Ракутин, Ершаков, Ефремов и многие другие...

Но кому известны их имена?

Очень редкому числу любителей истории России, а не почитателей пропаганды историков.

***

В общем-то, за державу я спокоен: благодаря нашему народу и немногочисленным жемчужинам среди кучи генеральского дерьма — война будет обязательно выиграна. Особенно если к этим двум активам приплюсовать ещё как бонус моё «послезнание». Возможно даже, выиграна она будет с меньшим количеством жертв — на пять или даже десять миллионов.

Но, боже, как за неё — да державу, обидно...

Ведь «были ж люди в наше время — могучее, лихое племя»...

В июне 1807-го года в Кенигсберге тридцатитысячным французским корпусом Бельяра был окружен пятитысячный отряд генерала Каменского. Сей жабоед имел наглость лично явился в крепость и предложить русским почетную сдачу.

Каменский отвечал:

«Удивляюсь вам, генерал. Вы видите на мне русский мундир и смеее предлагать сдачу!».

Русские пошли на прорыв и штыками добыли себе свободу, прорвавшись сквозь ряды вшестеро превосходящего неприятеля.

Увы:

«Богатыри не вы!».

[1] Артём Драбкин «Самоходчики».

[2] Многие считают, что термин «россияне» появился лишь при ЕБН, но это не так. Термин «россияне» (с вариациями россияны, россияне) употребляли издавна и в XVIII веке он был широко распространён наравне с поэтической формой «россы». Однако в конце XVIII — начале XIX века, народное субстантивированное прилагательное «русский» вытесняет старый книжный грецизм. Термин «россияне» сохранялся лишь как торжественная, возвышенная, поэтическая форма (к примеру, «О, громкий век военных споров, свидетель славы россиян» у Пушкина А.С... В конце XIX века словарь Брокгауза и Ефрона писал, что форма «россияне» — искусственная и высокопарная, отживающая себя.

Термин «россияне» вновь возродился в кругах белой эмиграции с целью различения этнической и политической принадлежности. В 1929 году его употребил председатель РОВС генерал Кутепов: «Все народы, населяющие Россию, независимо от их национальности, прежде всего — россияне. Я верю, что освобожденная и возрожденная Россия будет именно — Россия для россиян!».

[3] Неменко А.В. «Оборона Крыма 1941 г. Прорыв Манштейна».

[4] Бывший командующий немецкой 11-й армией Э. фон Манштейн: «Утерянные победы»

[5] Нуждин О. «Уманский «котел»: Трагедия 6-й и 12-й армий».

[6] Ветеран ВОВ Борисов Николай Николаевич из Драбкин А. «Танкисты: новые интервью».

[7] «Разные дни войны. Дневник писателя 1942–1945 годы».

[8] Скрынников Р.Г. «1612 год».

[9] Драбкин А. «Танкисты: новые интервью».

[10] Артём Драбкин «А мы с тобой, брат, из пехоты...».

[11] Ветеран ВОВ Гак Александр Михайлович из сборника А. Драбкина «А мы с тобой брат, из пехоты...».

[12] Всероссийская Книга Памяти 1941–1945. Обзорный том. М., 1995, с. 452.

[13] Пауль Карель 2003а, с. 132.

[14] Кларк, 2004, с. 62.

[15] Пауль Карель (Пауль Шмидт, с 1984 — Пауль Шмидт-Карель) — немецкий дипломат, журналист и писатель. После войны — журналист и литератор, автор популярных книг (в том числе переведённых на русский язык) о Второй мировой войне.

Глава 22. Обо всём понемногу, а в конце об самом главном

Ветеран ВОВ Москалев Алексей Владимирович, пехотинец:

«Когда началась война, я перешел в восьмой класс, а девочки и мальчики 1923 года рождения как раз были выпускниками. Мы вместе побежали в райвоенкомат проситься на фронт. Девчонки просили взять санитарками, связистками. Мы были патриотами! Осенью, когда у меня появилась возможность по знакомству устроиться на железную дорогу и увильнуть от армии, я отказался. Морально я был готов, оставшись вдвоем с мамой, с отцовским охотничьим ружьем встретить немцев. Уже двух человек я бы убил, а потом, ладно, убивайте меня. Такой была настрой! О своей жизни не беспокоился, как и не беспокоился, когда был на фронте. Смерти не боялся».

Все же обидно и досадно — до чего мне хилый организм от Реципиента достался!

Стоило лишь погулять часок на ночном «свежем воздухе» — на котором так хорошо думается, как тут же на неделю улёгся в постель с жесточайшей простудой.

Валентина Васильевна костерила меня на чём свет стоит:

— То ему рыбалки, то прогулки... Что тебя чёрт понёс в такой холод шляться по лесу?

Я же задыхаясь, кашляя, сопливя и почти бредя от высокой температуры:

— Душа, мать, за Россию болит.

Бухтит:

— Душа у него, понимаешь, болит... Так напился бы своей проклятущей водки, как это все нормальные мужики делают и спать лёг! Ох и досталось же мне это горе луковое... За что?

Лечила меня как и в прошлый раз участковый врач из Кунцево, а профессор Виноградов сидел рядом, внимательно наблюдал и медленно тлел от зависти.

Впрочем, от врачебной практике в «Кремлёвке», его всё больше и больше отвлекали дела общественные... Ведь ныне он — Председатель Исполнительного комитета «Народного контроля» при Верховном Совете СССР. Его инициатива об ликвидации привилегий для партийной и государственной номенклатуры, неожиданно для нас обоих произвела настоящий фурор.

Наедине, конечно, с возбуждённо горящими под очками глазами, он делился своими впечатлениями об процессах происходящем с «истеблишментом» страны Советов:

— Они, прямо как взбесились, Иосиф Виссарионович! Сами стали всё и вся ликвидировать, да ещё и объявили социалистическое соревнование меж собой — кто сам себе больше привилегий отменит.

Глядя на то, как из ушей профессора шёл дым — а может я просто температурил и, мне всё это чудилось, отвечаю:

— Был «у нас» такой прецедент, Владимир Никитич — «антиалкогольная компания» назывался.

Тот, насторожившись:

— Это та «компания» — после которой «всё» и началось?

Киваю:

— Ага... Так что будьте бдительны: не иначе что-то нехорошее затевается.

А что может «затеваться»?

Не созрела ещё номенклатура, чтоб страну разваливать. И хрен теперь она у меня созреет!

Тьфу, тьфу, тьфу...

Так... Отменяют одни привилегии и, тут же придумают себе какие-нибудь другие — по этой части, сей народ весьма изобретателен...

«Круговорот привилегий в природе»!

Как то раз он:

— Жалуются мне на Вас, Иосиф Виссарионович! Как Председателю Исполнительного комитета «Народного контроля» при Верховном Совете СССР.

Хриплю как удушенный:

— Кто «жалуется»? Имя, фамилия, домашний адрес...

— Да очень многие жалуются — артисты, художники, учёные... Даже писатели!

— Ну, а Вы что?

— Ну а я пообещал что поговорю с Вами...

— Ну так говорите — слово надо держать, даже перед этой публикой.

Тот, как-то вымученно из себя выдавливает:

Иосиф Виссарионович! Ну нельзя же так?

Удивляюсь:

— Почему другим тиранам можно, а мне нельзя? Чем я хуже них?

Посмотрев куда-то на потолок:

— Потому что Вы, Иосиф Виссарионович — другое дело!

Вяло отмахиваюсь:

— Потомки не заценят и один хрен нанесут на нашу со Сталиным могилу, кучу вонючего дерьма... Так хоть пусть будет заслуженно! Не так нам с ним будет обидно.

Помолчали, потом тот опять за своё:

— В обществе растёт напряжение.

— Не в обществе, уважаемый Владимир Никитич, а в части общества — про которое товарищ Ленин как-то вполне определённо сказал. Повторить?

Отворачивается обиженно:

— Не надо, я знаю.

Примеряющим тоном:

— Вас кстати, это не касается! Вы врач, а это профессия — нужная людям специальность: не вылечит — так утешит перед смертью... А этой категории трудящихся, я нигде на трудовую мозоль не наступил. Я даже учёные звания и диссертация для медиков сохранил: так как это — другое дело! А вот когда «доктором» представляется историк, к примеру — мне до зудения кулаков, хочется дать ему в морду.

Конечно «бомонд» весь на ушах, ведь я скинув этих дармоедов с гособеспечения, заставил их заниматься чем-то полезным. А то ведь написав пару дерьмовых книжонок, можно было вступить в «Союз писателей СССР» и до конца дней своих ничего не делать,

сидя на твёрдой зарплате.

И это касалось всех прочих «творческих» личностей и, особенно учёных мужей.

Сейчас же, «как пишется — так и кушается»!

Доход писателя зависит от тиража, а тот в свою очередь — от читательского интереса.

Существует, конечно, «подушка безопасности» в виде профсоюза писателей...

Но опять же: это — совсем другое дело!

Что же касается «растущего напряжения»...

То пусть пока болтают — я даже дал распоряжение Начальнику «Главного управления безопасности» — комиссару 3-го ранга Льву Влодзимирскому, никого не трогать за разговоры.

Но приглядывать, чтоб разговоры не переформатировались в заговоры.

Потом, уже по весне, в стране будет введено чрезвычайно положение связанное с Продолженной советско-финской войной и не угомонившихся «говорунов», будут в принудительном порядке отправлять заниматься общественно-полезным трудом на свежем воздухе.... Затем — уже большая война с Германией, во время которой будет вообще не до разговоров. Ну а там — стерпится слюбится и, такой порядок станет уже традиционным.

***

Конечно же, те — «ночные» раздумья, никуда не делись...

От уже решённого вопроса «кто виноват», я перешёл к вопросу «что делать» и, вот тут-то — «завис», как деревянные счёты от введённой перфокарты.

Как-то мне приснились жирные опарыши в синих штанах — которых я травил дихлофосом, а они ползали и с умными видом бухтели что-то про рубежи, дислокацию, диспозицию и оккупацию...

Проснувшись я сказал себе:

— Сон в руку!

И решил было разобраться с этой проблемой «а-ля XIX партсъезд»: под каким-нибудь предлогом собрать до кучи всех генералов и командиров званием выше капитана на какую-нибудь конференцию и, оптом травануть всех их фосгеном... Или ипритом... Иль ещё какой гадостью «массового поражения» из арсеналов химических войск РККА.

Там этого «добра» хватает!

Не только своим генералам хватит, но ещё и чужим останется — если попросятся.

Уже было потянулся за телефонной трубкой, чтоб позвонить товарища чекистам и озадачить тех «химическим» решением «генеральной» проблемы, как вдруг догадавшись пощупать лоб Реципиента:

«Так, так, так... По ходу у этого дохляка опять высокая температура, надо срочно принять прописанные доктором пилюли».

Слабым голосом умирающего лебедя, сиплю:

— Валентина Васильевна!

Та, как будто под дверью стояла:

— Что опять?

Слабым голосом:

— Головка бобо...

— Ох, ты моё горе... Счас дам что-нибудь, потерпи.

***

Это был видимо кризис, после которого стало заметно отпускать. Денька через три дня организм Реципиента выкарабкался, температура спала...

Естественно за время болезни изрядно информационно оголодав, как только начал что-то соображать, первым делом тут же взялся за прессу.

А в советских газетах того периода, было что почитать!

Лев Захарович Мехлис — Председатель «Информбюро при СНК СССР», трудился и покладая рук — переформатируя общественное мнение страны.

В центральной советской прессе — в газетах «Правда», «Известия», «Труд» и так далее шёл процесс так называемой «демонизации» польской военщины. Свидетелей её военных преступлений 1919-1922-х годов оказалось на удивление много, вот например:

«...В сопровождении упирающейся сестры со сбитой набок косынкой и в разорванном халате в палату, гремя саблями, входят, слегка покачиваясь, два щеголеватых, свежесбранных офицера.

— Кто здесь коммунисты?

Сестра тихо, но настойчиво отвечает, что все коммунисты вчера выписаны и отступили вместе с воинскими частями.

— Врешь... — и тут последовало длинное оскорбительное ругательство, подкрепленное ударом в лицо.

Началось поголовное избиение больных.

— Встать, скурве сыне!.. Защелю зараз, холеро!.. — прерывало стоны избиваемых и плач сестры...

...— Вставать, вшищы! Вставать скорее, холеры! — раздаётся на всю палату зычный голос сержанта.

Больные испуганно поднимаются с коек, на ходу запахивая халаты.

Я не могу этого сделать. Сестра дрожащими руками накидывает на меня больничное одеяние и помогает встать на ноги. Я падаю на пол и на четвереньках доползаю к дверям.

На дворе всё началось сызноа:

— Кто здесь коммунисты — два шага вперед!

Молчание.

— А, холера, пся крев! Не хотите признаваться, так мы вас заставим заговорить. По двадцать шомполов каждому! — отрывисто подает команду сержант.

Солдаты набрасываются на больных.

— Кладнись!

Страшная экзекуция начинается. Бьют остервенело шомполами, прикладами, мнут сапогами бока до тех пор, пока жертва перестает подавать признаки жизни. На каждого палача приходится по два истязаемых. Кончившие свое дело помогают товарищам...

...Тогда один из офицеров, владеющий русским языком, меняет тактику и начинает проникновенным голосом увещевать совращенного большевиками отказаться от своих заблуждений и выдать коммунистов. Он не скупится на обещания и, лишь убедившись в тщетности своих попыток, отрывисто бросает:

— Защелить!

Жертва оттискивается в сторону, раздаётся выстрел или два и начинается преподавание польской политграмоты со следующей жертвой.

Я и поддерживающие меня товарищи входим вместе. Свои показания мне приходится давать лежа.

Быстро пропустив всю нашу группу, повторив те же вопросы, судьи, раздраженные нашим упорством, стремительно покидают комнату, отдав старшему по команде какие-то распоряжения.

Итак — расстрел.

После перенесенных пыток смерть не представляется страшной...[1]».

Думаю, где-то к маю общественное мнение будет готово и можно будет со спокойной душой, после приговора военного трибунала расстрелять пленных польских генералов и офицеров.

Ведь, мы в состоянии войны с польским правительством в изгнании генерала Сикорского, да?

Мы ещё объявим того военным преступником и потребуем от Черлилля выдачи. Тот, естественно не выдаст на расправу «своего сукиного сына», но чтоб не обострять отношения с потенциальным союзником — возможно отсыплет нам каких-нибудь плюшек...

Например, натуральный каучук из колоний.

Но главное не это!

Уверен от великого ума, Геббельс с удовольствием оповестит свою целевую аудиторию — кого большевики расстреляли и, за что — ведь он даже замыслов Гитлера ещё не знает, не токмо моих. И сильно надеюсь, что зная судьбу польских военных преступников, германские вояки — сто раз задумаются, прежде чем беспредельничать на Востоке.

Особенно если с первых же дней, у них пойдёт «что-то не так» с их «Драх нах Остен», а мы их будем осыпать листовками, типа:

«Солдат Вермахта!

Прежде чем убить русского старика, женщину, ребёнка или военнопленного — подумай об своём отце, матери, жене, сыне, дочери и самом себе...

Получишь то же самое и, причём вдвойне!».

В советской прессе уровнем ниже — республиканских, областных и районных газетах, в фабрично-заводских многотиражках и в «боевых листках» началась демонизация уже германской военщины.

Тут свидетелей, конечно, поменьше...

Но товарищам чекистам, кое-что удалось добыть!

А товарищам журналистам из ведомства товарища Мехлиса, из этого «кое-что» — удалось «раздуть слона».

Например, печатались дневники рядового Герхард М из Фленсбурга, во время польской компании служившего в 26-м пехотном полку 30-й пехотной дивизии Вермахта:

«Горящие дома, плачущие женщины, верещащие дети. Картина безнадежности. Скоро горящие здания тянулись за нами по всему пути, из огня доносились крики тех, кто прятался внутри и не мог спастись, Скот мычал от страха, собака выла, пока не сгорела, но страшнее всего становилось от крика людей. Это было жестоко, но поляки сами не хотели похорошему...».

Расправы над мирным польским населением:

«Женщина с тремя детьми вышла из автобуса, доставившего пленников на место казни и прошла 30 метров до противотанкового рва. Ей пришлось спускаться в него, держа на руках самого маленького. Потом она протянула руки за другим ребенком, а один эсэсовец поднял оставшегося мальчика и передал ей. Потом женщина заставила детей лечь на живот рядом с ней... Раздались выстрелы...

Некоторые из зрителей подошли слишком близко ко рву и их форму забрызгали полетевшие оттуда плоть, мозги и песок. Многие наши солдаты и офицеры отправляли фотопленки домой для проявки и печати снимков...

...Офицеры полка из Баден-Вюртемберга тотчас устроили попойку, на которую силком пригнали несколько десятков девушек, заставили раздеться догола и в таком виде петь и плясать. Многие из несчастных женщин были изнасилованы, а потом выведены во внутренний двор и застрелены.

...Солдаты обнаружили примерно восемьдесят-девяносто детей на втором этаже дома, лежавших и сидевших на полу в собственных фекалиях. Взбурораженные солдаты обратились к военным капелланам за помощью. Выяснив, что родители уже казнены эсэсовцами, подполковник Гельмут Гроскурт с раздражением сказал командующему 6-й армии фельдмаршалу фон Рейхенау, что было бы гуманнее убить детей одновременно с родителями и, по приказу последнего — через два дня солдаты перестреляли детей».

Но особенно подробно и даже со смакованием, рассказывалось в «боевых листках» об жестоком обращении с военнопленными:

«...Поручили охранять большой лагерь военнопленных, разбитый на территории одной из городских мануфактур, которую окружили заграждениями из колючей проволоки и установили по периметру наблюдательные вышки с пулеметами. Ежедневно прибывали тысячи военнопленных. Из-за скопления военнопленных на текстильных фабриках, где ютились уже 10 тысяч человек, скоро возникла острая нехватка продовольствия, а от голода и тесноты среди солдат начались брожения. Каждый день умирало по двадцать пять человек и нередко происходили случаи каннибализма среди военнопленных...».

Считаю, что после такого, желающих сдаваться в плен «цивилизованным европейцам» будет на порядок меньше.

Рассказывали советские газеты «второго и третьего уровня» и, об «новом порядке», установленном в оккупированной Польше:

«Через десять дней после захвата Варшавы, экономическая инспекция «Юг» издала запрет на подвоз продовольствия в польскую столицу. Эксперты подсчитали, что запасы продуктов в городе истощатся именно к этой дате. Составлявшее в предвоенный период 850 000 человек население уже сократилось вдвое из-за воинского призыва в армию и учиненной сразу же резни евреев. Полицейские устроили блокпосты на дорогах и у мостов, останавливали машины, телеги и пешеходов, отбирали еду и воспрещали крестьянам доступ в город. Тем из жителей Варшавы, кто сумел пробиться в голову очереди у той или иной пекарни, везло — они получали просяной хлеб. Окрещенный одними «кирпичом» за сходство с глиной, а другими — «наждачкой» за желтоватый цвет, такой хлеб разваливался и крошился, он плохо переваривался из-за добавленного в тесто ячменя, муки каштанов и волчьих бобов. И качество продолжало снижаться. В ноябре город словно бы вымирал на протяжении дня, только отдельные немцы и полицейские появлялись на улицах да

неподвижно сидели нищие с ампутированными или распухшими конечностями.

Польская учительница нацарапала в дневнике в День рождественских подарков 1941 году:

«Германцы празднуют. Ходят сытые и гладкие, у всех горят огни на рождественских елках. Но мы бродим как тени, голод полный. Люди добывают еду крохами, варят жидкий суп, который едят без хлеба, потому что хлеб дается дважды в неделю, 200 граммов. И такое питание — еще очень хороший вариант. Те, у кого есть что обменять, меняют в деревне, у кого нет — пухнут с голоду, уже умирают. У многих людей тиф...»[2].

Опять же, после такой идеологической обработки, желающих встречать оккупантов цветами и хлебом с солью, заметно поубавится.

Главное, что?

Ради чего это?

Со времён «афишек» графа Ростопчина, в традиции нашей пропаганды изображать противника не просто слабыми задохликами — которых даже простая русская баба по десятку зараз вилами переколет... Но и смешным. Вспомним излишне оптимистические пропагандистские плакаты времён Русско-японской войны, или Первой мировой с казаком Козьмой Крючковым — вертевшим на своём богатырском копье германцев да австрияков, по дюжине враз...

Да и советских «шедевров» времён Великой Отечественной было полно, изображающих фашистов кривоногими недомерками в рогатых касках.

В результате, что?

Рисунок 1. Российский пропагандистский плакат времён Русско-японской войны.

В первом же бою, при первой же встрече не с рисованным — а с реальным противником, наш солдат испытывал настоящий культурологический шок. Видя что «чёрт намного страшнее, чем его малюют», боец — особенно молодой и неопытный, чувствовал себя обманутым и переставал верить — как отечественной пропаганде, так и своим командирам. Конечно, это никак не могло укреплять волю к сопротивлению... Напротив, наш солдат впадал в отчаяние и чего греха таить — нередко совершал поступки, далёкие от понятия «героизм».

Я же сразу и навсегда хочу вбить в головы красноармейцев и особенно командиров образ сильного, коварного и крайне жестокого врага — к войне с которым надо относиться серьёзно и готовиться к ней заранее...

Уверен, такой подход несравнимо эффективнее, чем трескотня типа:

«Мы войны не хотим, но себя защитим,
Оборону крепим мы не даром,
И на вражьей земле мы врага разгромим

Рисунок 7. Японский пропагандистский плакат времён Русско-японской войны.

Малой кровью, могучим ударом!».

Анти- финская же пропагандистская компания начнётся позже, чтоб так сказать не спугнуть заранее.

Весной в Выборге (как бы случайно) найдут останки жертв националистического террора. «Следственный комитет (СК) при Президиуме Верховного Совета СССР» во главе Львом Шейниным начнёт расследование и после короткой — но мощной пропагандисткой компании, начнётся «маленькая, но победоносная» Советско-финская «продолженная» война.

По крайней мере, мной так задумано.

***

За время моей болезни, в советских газетах писали не только про зверства польской и германской военщины...

Было кое-что и гораздо интересней!

Председатель «Историко-литературного объединения старых большевиков» и «Совет ветеранов при ЦК ВКП(б)» — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, в своём труд «Империализм как первая стадия социализма», заявил что...

«Сталинизм» ничего общего с «марксизмом» не имеет!

Вообще то, имеет, но сходен только сам принцип научного подхода к общественным наукам.

И даже «ленинизм» при всём к нему уважении, выглядит перед ним — как давно устаревшая эволюционная теория Ламарка, перед современным учением Дарвина.

Вот характерная цитата из статьи этого, не просто ветерана революционного движения — но и как в газетах и журналах пишут: «...одного из основателей партии большевиков и мало того — второго человека у руля Страны Советов после Ленина, первые годы своего существования».

Так вот, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, в своём труде «Империализм как первая стадия социализма», заявляет:

«...«Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, а обретет он весь мир» — писали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своём «Манифест Коммунистической Партии». Но разве не доказала прошедшая Империалистическая война, что у пролетария есть Отечество, которое он будет защищать не щадя жизни? Или армии Германии, Британии, Франции и прочих — состояли из одних помещиков и капиталистов?

Так, что?

Карл Маркс и Фридрих Энгельс были неправы или трудящиеся Германии, Британии, Франции и прочих стран участвующих в той Великой войне — жили уже не при капитализме?».

Владимир Бонч-Бруевич, как чёрным по белому доказал, что чистый капитализм остался лишь в недоразвитых странах, да в головах упоротых ортодоксов из «Университета марксизма-ленинизма» (УМЛ):

«Что было во времена, когда Маркс и Энгельс писали свой «Капитал»?

Мануфактура, затем — фабрика — это просто той или иной величины сарай, где взятые прямо с улицы люмпены, разбив технологический процесс на простейшие операции —

производят какой-то нехитрый товар. Капиталист же, сам или с ограниченным числом помощников нанимает, увольняет, покупает сырьё, продаёт товар и отчуждает добавочную собственность...

Что мы видим?

Прямой контроль капиталиста над производством.

Как стало уже в конце XIX века?

Акционерные общества открытого типа с тысячами вкладчиков и миллиардными оборотами, гигантские корпорации — протянувшие свои «щупальца» на несколько континентов... Напичканные современным оборудованием, огромные корпуса заводов, выпускающие сложнейшую продукцию. И самое главное: вместо согласных трудиться за копейки десятков или даже сотен люмпенов — тысячи и десятки тысяч высококвалифицированных рабочих, каждый из которых знает свою цену.

Капиталист, при всем желании, управиться с этим сам лично не может!

Поэтому его место занято иерархической пирамидой управленцев, которые не владеют предприятием, но от имени группы акционеров всем распоряжаются. Причем сами владельцы капитала, зачастую и понятия не имеет, как именно они распоряжаются и что вообще происходит. Возможности у этого «общественного капиталиста» контролировать, по сути вообще нет.

Опять же...

Влияние государства на капитализм, заключается исключительно в том, что первое лишь «стрижёт» их прямыми и косвенными поборами, практически не участвуя в становлении капиталистических предприятий и их развитие.

Это дело рук самого капиталиста!

При социализме же, государство тем или иным образом участвует не только в управлении предприятиями...

Оно создаёт целые отрасли промышленности!».

А разве он не прав?

Вспомнить хотя бы «Атомный проект» в Штатах:

Где там виден капиталист? В каком месте?

А вот как, к примеру, по словам Бонч-Бруевича — возникла и развивалась радиоэлектронная промышленность в Социалистических Штатах Америки:

«Сразу же после вступления в 1917 году в войну, военное руководство этой страны, немедленно организовало особый «Радиодивизион управления начальника связи армии США», с привлечением в него ведущих специалистов в этой области, как своих — так и, из Англии и Франции.

Спустя год, радиодивизион, получивший новое наименование — "Army Radio Buildings", был преобразован в ведущее научно-техническое учреждение США. В нём, над задачей разработки и усовершенствования радиоаппаратуры для войск, трудилось несколько сот офицеров и мобилизованных гражданских инженеров. Кроме того, в интересах "Army Radio Buildings", конструкторскими работами в области радиотехники занимались научные лаборатории американских, английских и французских радиотехнических компаний.

Для "Army Radio Buildings", вблизи Нью-Йорка был воздвигнут целый научно-исследовательский радиотехнический комплекс, в который входили музей радиоаппаратуры, лаборатория радиопеленгования, испытательная и измерительная лаборатория, радио-авиа-

мастерская и аэродром с двумя десятками самолетов.

В результате, менее чем за полгода исследований, уже были даны заказы ведущим радиотехническим фирмам на производство радиостанций с незатухающими колебаниями. А ещё через шесть месяцев, американская промышленность наладила выпуск радиоламп с практически нулевого уровня — до 1 миллиона штук в год!

Подводя итоги же, скажу: спустя всего полтора года, в массовое производство были пущены радиотелефонные станции трех типов, самолётные и танковые радиостанции, радиокомпасные станции и многое другое радиотехническое имущество для вооружённых сил...».

Вот это я понимаю — государственный подход!

Вот именно так зародилась и, с этого момента начала развиваться, американская радиопромышленность — доминирующая в мире всё двадцатое столетие.

А то все наперебой талдычат — «рынок, рынок»... «Частная инициатива»... Представляю, что было бы с Америкой — рули ею экономикой такие типы как «наш» рыжий ворюга Чубайс, Явлинский, Немцов, да прочие «гайдарчики».

Бонч-Бруевич утверждает, что окончательно победа социализма в развитых странах произошла в годы Империалистической, которую он назвал «Первой социалистической войной», а законодательно оформилась во время «Великой депрессии».

Ну недаром президента США Франклина Рузвельта, который вопреки предшественнику — утверждающему что «рынок отрегулирует всё», взял за глотку американских капиталистов и даже конфисковал золото — за глаза называли «красным» и «коммунистом» и, даже утверждали — что он «хуже Сталина». А в созданной им «Временной чрезвычайной администрации по оказанию помощи семьям безработных», кто-то видел аналог советской ВЧК.

Автор этой сенсационной статьи, утверждает, что социалистические государства могут существовать только в виде империй, иначе они становятся...

Частью других социалистических империй!

Что на данный момент, в мире существует три мощные социалистические империи: Соединённые Штаты Америки, Союз Советских Социалистических Республик и Великогерманская империя (Großdeutsches Reich) — как официально называлась Германия при Гитлере.

Что это — разные типы социализма: корпоративный, государственный и националистической и, существующий между ними антагонизм — обязательно приведёт к новому переделу мира.

Впрочем, он уже начался 1 сентября 1939-го года...

К моему удивлению, такой постулат полностью совпадал с Резуновским, хоть я даже не упоминал это имя «посвящённым» и, тем более про его «ледокольные» опусы:

«Любая из этих трёх социалистических империй — должна или распространиться на весь мир, или распасться и так или иначе — быть поглощённой победителем.

Главное же отличие капитализма от социализма:

«Капиталист-владелец в упор не видит и не понимает социальных задач, ибо берёт

людей с улицы и туда же их выбрасывает в случае ненадобности. Отсюда и все его неприятности — начиная от забастовок и вплоть до революции.

При социализме же, управленец должен и вынужден учитывать социальные последствия своей деятельности, что мы и видим на реформах Рузвельта в Штатах».

Бывший личный секретарь Ленина доказал, что — как и капитализму, социализму присущи кризисы. Только связаны они не с перепроизводством товаров, а с «перепроизводством» управленцев... Вернее, к их самоуспокоению и «ожирению», в отсутствии конкуренции:

«А что происходит, когда «управляющий аппарат» жиреет? Он начинает думать, что все блага достаются ему не по заслугам — а по праву, а обязанностей у него нет вообще. «Аппарату» становится наплевать на объект управления. Это как если бы мужик вдруг решил, что курицу несущую ему яйца кормить не надо... Что она должна нестись, лишь «питаясь» его директивами.

Но рано или поздно, курица не только перестанет нестись, но и сдохнет. А следом за ней ноги протянет и сам мужик».

Исходя из этого, Бонч-Бруевич выдвигает требования к «аппарату»:

«Социалистической управленец должен:

Уметь мыслить стратегически, видеть большую картину в целом и видеть как действия тех или иных людей ложатся в эту картину.

Уметь влиять на людей не имея над ними никакой формальной власти. И тем более вдохновлять людей, над которыми у него есть формальная власть.

Разбираться в людях, и уметь отличать талантливых людей от всех остальных. Видеть сильные и слабые стороны людей, уметь использовать сильные стороны не задевая или компенсируя слабые.

Быть лидером, а не надсмотрщиком; направлять, а не приказывать; доверять, а не следить за каждым шагом; и давать значительную свободу в выполнении заданий.

Надо искать людей с такими задатками, или же найти способ воспитывать эти задатки в уже существующих управленцах».

Как управлять управленцами?

И это уже «камешек в мой огород»:

«Вождь социалистической империи должен эволюционно развивать методы управления, используя при том принцип «волчьей стаи», или скорее играя роль пионервожатого — заводилы очень интересной игры».

Хм... Оригинально.

Ну а это вообще сногсшибательно!

«Те, из так называемых «марксистов» — кто отказываются смотреть правде в глаза и признать существующее положение дел, оказываются в положении вооруженных копьями и стрелами туземцев против бросившего невдалеке от берега якорь броненосца...

Нужно объяснять, кто это?

Возьмите зеркало, товарищи из «Университета марксизма» и посмотрите...

Кого вы в нём видите?».

Отличное начало!

Ещё парочка таких атак и эту «контору» можно будет смело разгонять сцанными тряпками.

Кстати, я ему не надиктовывал текст... Своим собственным умом дошёл.
Я лишь совсем чуть-чуть подсказал в нужных местах[3]...

***

Как будто нутром почуяв, что товарищ Сталин выздоравливает, кроме бесконечных телефонных звонков — аж аппарат хотелось об стену разбить, ко мне в Кунцево зачастили визитеры — наркомы в основном и прочий чиновный люд. Подписать, утвердить, отменить...

Ну, это куда ещё не шло!

Настойчиво напрашивались на аудиенцию послы иностранных государств, «всемирно известные» учёные разогнанной Академии наук, «заслуженные деятели» Академии искусств — которую постигла та же участь, директора предприятий, конструкторы, генералы... И многая, многая, многая...

Все, как проснулись после зимней спячки!

Хотя был ещё слаб и голова временами кружилась от умственного напряжения, но с разрешения лечащего врача вынужден принимать отдельных просителей. Хотя бы для того, чтобы в народе опять не поползли слухи об моей скоропостижной смерти, или не дай Бог — об аресте, как в прошлый раз.

Одним из самых первых был разок у меня и Виктор Николаевич Сорока-Росинский, с докладом об успехах в деле создания специальной школы для детей элиты, где из них будут ковать будущих советских леди и джентльменов.

Школу назвали просто и незатейливо: «Селигер» — в честь находившегося неподалёку одноимённого озера, где в планах создание яхтклуба.

Чем наше название хуже Итона, или Кембриджа — которое вообще в переводе означает просто «Мост через реку Кам»?

Здание с усадьбой на берегу озера найдено, отчужденно и сейчас в авральном порядке ремонтируется-перестраивается-переделывается... Педагогический и обслуживающий персонал подбирается, первые сто с лишним «добровольцев» в возрасте от десяти до двенадцати лет, уже записаны родителями...

Затем как бы мимоходом «стуканув» на Заведующего Департаментом образования СССР Потёмкина — втихушку саботирующего мои указания по перестройке общеобразовательной системы (что я тут же взял «на карандаш»), захлёбываясь от восторга, он рассказывал об первых результатах экспериментов по наказанию нашкодивших детишек электротоком. Напомню, эксперименты проводились по моему личному указанию в колонии для малолетних преступников... Всё по науке: методом «научного тыка», нашли оптимальные параметры тока соответственно веса и возраста экзекуцируемого.

Так вот, Виктор Николаевич, захлёбываясь от восторга:

— Контрольную группу пороли розгами, как Вы и велели — так никакого сравнения! ВедикивоШестнадцатилетние оболтусы, мотающие срок за тяжкие преступления —

убийства, изнасилования и разбои — просто писцались от ужаса, только при упоминании про «электрический стул»!

Жестоко?

Да, побойтесь Бога!

На цивилизованном Западе в это же время и до самых — как бы не шестидесятых, таким «трудным подросткам» лоботомию делали!

А в британских школах, до сих — порют шкодливых чад и, ещё очень долго будут пороть.

Так что мы вполне на уровне по зверству с другими цивилизованными странами.

Довольный сам собой, ваш покорнейший слуга:

— Ну а я что говорил? На собственном опыте, кстати, такая идея мне пришла в голову: раз в детстве сунул гвоздик в розетку — меня как следует «протрясло» и, с тех пор я это не делаю и другим не советую.

Тот встав и приложив ладонь к груди, поблёскивая стёклышками очков, торжественно:

— Иосиф Виссарионович! Трудовой коллектив воспитательной колонии, выбрал Вас в почётные педагоги и ходатайствует перед Департаментом образования об присуждении Вам звания «доктор педагогических наук» без защиты диссертации.

«Интересно, был ли Реципиент в «реальной истории», другом не только физкультурников и писателей, но и педагогов? Не помню... По ходу, я его перепрыгнул!».

Конечно, очень приятно было, но вслух я сурово сказал:

— Напомните им, что в СССР диссертации и учёные звания отменены моим же указом.

Тут кое-что вспомнилось из «послезнания» и, я выдвинул следующую идейку, уже не претендуя на авторство:

— В американских школах и университетах (на добровольной основе, конечно) в «моё время» тоже проводились эксперименты с электричеством. За неправильный ответ на уроке, учащийся или студент получал вполне безопасный для жизни и здоровья, но тем не менее — очень болезненный удар током. И Вы знаете, успеваемость сразу резко подскочила по сравнению с контрольными группами — где мерилom были оценки, как обычно!

Задумчиво-заинтересованно кивает:

— Вполне достоверно звучит...

Продолжаю:

— Но Вы знаете, Виктор Николаевич, что меня поразило больше всего?

Тот, склонив голову на бок:

— Нет, не знаю, Иосиф Виссарионович? Что именно?

— Ещё большей успеваемости удалось достичь, когда разряд тока получал — не тот, кто ответил неправильно — а совсем другой человек. Часто совершенно незнакомый экзаменуемому.

Подняв палец вверх:

— А это значит, уважаемый Виктор Николаевич, что на человечестве в целом — крест ставить ещё рановато.

После непродолжительного молчания, тот спросил:

— И чем всё закончилось?

Махнул рукой:

— Закончилось всё тем, что после наступления века «политкорректности» и «толлестерии», на Западе разрешили детям самим определять свой пол.

Тот был явно шокирован, аж очки на лоб полезли:

— Вот, даже как?!

Морщусь брезгливо:

— «Подробностей не ждите»: ибо мне неприятно вспоминать, а Вы можете потерять мотивацию жить дальше.

Ещё с полминуты подумав, Сорока-Росинский смотрит на меня сквозь очки взглядом заправского серийного маньячиллы:

— Иосиф Виссарионович! Вы — от просто так, про тот «эксперимент» вспомнили? Или...

— «Или»...!

Грожу пальцем:

— ...Только смотрите мне без фанатизма! В стране ещё не преодолён дефицит электроэнергии.

***

Ну и наконец «о самом главном».

«Главное управление политической пропаганды Красной армии» (ГУПП РККА) и «Главное управление политической пропаганды флота» (ГУПП ВМФ), были объединены и преобразованы в единое «Главное политическое управление Вооружённых Сил СССР» (ГПУ ВС СССР), под началом Розалии Самойловны Залкинд по прозвищу «Землячка». Она второй после Сороки-Росинского, разок посетила меня во время болезни и мы обсудили с ней новую роль политотделов в Вооружённых силах.

В первую очередь договорились о том, что комиссар должен быть положен командиру полка и выше. Партийный контроль комсостава в ротах и батальонах же, должны осуществлять первичные организации ВКП(б).

Далее... В «реальной истории» перед войной и во время онной бросались в крайности, я же пытался нащупать «золотую середину»: комиссары не имеют права вмешиваться в оперативные вопросы и даже что-то советовать командирам...

Их обязанностью отныне стало фиксировать(!) все действия начальствующих лиц и информировать(!) об нарушениях вышестоящие органы.

Популярно объясняю: я хотел бы держать товарищей командиров и генералов на двух строгих поводках — «особые отделы» следят за изменой, комиссары — за моралью.

Вот только сомнения меня обуревают: поможет ли?

Из той же «реальной истории» мне известно, что все три «ветви» армейской власти достаточно часто снюхивались. На почве совместного «распития» солдатской водки к примеру и хищения армейского имущества.

А кроме этого были, были вполне «безобидные» в кавычках «почвы» взаимного награждения орденами, закрывания глаз на принуждения к сожительству женщин-военнослужащих и, так далее и тому подобное...

Впору приходиться в отчаяние!

По случаю вспомнилось мне про «роль» политорганов ввремя Великой Отечественной Войны и после:

«— Какое у Вас отношение к замполитам?

— У меня, например, отрицательное. Отдохнуть бы, еле на ногах стоишь, а он лезет со своими нравоучениями. Сами-то не воюют, от скуки ерунду всякую придумывают...».

«Перед возвращением батальона на передовую у меня вдруг «срочно и внезапно» заболел замполит. На следующий день под каким-то предлогом смылся в тыл начальник штаба — старший адъютант».

«Был у нас замполит дивизиона, старший лейтенант Коробко. Я его на передовой перед боем ни разу не видел. Однажды ночью он решил проверить, не спим ли мы на посту. Мы за Вислой как раз стояли. И его чуть не пристрелили, ночью ведь не видно ничего, а у самоходки стоит человек с заряженным оружием. Когда замполит без пароля подошел, часовой дал очередь в воздух, так Коробко чуть в штаны от страха себе не навалил».

«Мы их (политработников. Авт.) «попами» называли. Мне они были не нужны — я сам знал, какие у меня солдаты и что у них на душе».

Это ещё что!

Вот настоящий крик солдатской души, исстрадавшейся по хотя бы самой элементарной справедливости:

«Тыловые» и «штабные» в моем понимании — это была просто свора сволочей и бездельников, которая обжирала простого солдата. Тыловики, насколько могли, наслаждались своим положением, бессовестно жрали и пили в три рта, обвешивали себя орденами, не имея малейшего понятия, что творится на передовой.

А после войны вся эта «штабная и партийная бражка» стала писать мемуары, руководить ветеранскими комитетами и организациями, выступать на собраниях и митингах, рассказывать, мол, как они лично всю Отечественную войну выиграли, захлебываясь от своего восторга, лжи и бахвальства... Я презирал их тогда и сейчас...

И тут не только «злоба окопника» во мне говорит...

Политработников у нас тоже за людей не считали. Те же бездельники, брехуны и болтуны, жирующие в тылах на нашей солдатской крови. Так и запишите...

Самое страшное и несправедливое творилось в отступательных боях. Вся эта тыловая трусливая свора воров, бездельников и бандитов без оглядки бежит на восток, а мы должны были прикрывать до последнего патрона отход этих гадов, при этом теряя самых лучших бойцов и зачастую не успевая вытащить с поля боя своих раненых...

Я вернулся из армии совершенно другим человеком, мое сердце на фронте настолько зачерствело, что я стал грубым, необщительным и замкнутым человеком, с изуродованной психикой. Ненавидел «тыловых крыс» и всю эту ложь о прошедшей войне, которую власти и коммунисты десятилетиями вбивали в сознание народа и которой намертво прикрыли настоящую солдатскую правду...[4]».

Как всё это искоренить?

Настроение враз испортилось и, посмотрев на Начальника ГПУ ВС СССР, с лютой неприязнью к самому себе подумал:

«И такой «Титаник» полный дерьма, я водрузил на эти хрупкие женские плечи? Лучше

ничего придумать не мог, прогрессор хренов?»).

Затем, посмотрев списки, что она принесла на утверждение, воскликнул в удивлении:

— Розалия Самойловна! А чё так много ба... Женщин на должностях заместителей командиров по политической части? Я ж вроде не Керенский...

Та, грозно зыркнув на меня, непререкаемо:

— Генералами своими командуйте, Иосиф Виссарионович! А раз сами меня поставили за их моральным обликом присматривать, то дайте мне возможность самой решать такие вопросы.

Вспомнил про женщин и девушек ведущих в последнюю атаку последних защитников Севастополя и подумал:

«А может оно и к лучшему?».

Может, вот такого безобразия поменьше будет:

«Март — апрель 1943 года.

Наступление наше остановлено. Вызывает меня Рोजицкий и назначает командиром взвода управления при штабе армии. Несколько телефонистов в штабе заменяют на прибывших из запасного полка телефонисток...

...Каждую ночь мне, с требованием прислать Веру, Машу, Иру, Лену, звонят незнакомые мне генералы из насквозь развращенного штаба армии. Я наотрез отказываю им, отказываю начальнику штаба армии, командующему артиллерией и командирам корпусов и дивизий.

Девочки то и дело обращаются ко мне за помощью, и мне, как правило, удается отбить их от ненавистных им чиновных развратников-стариков. Особенно трудная история случилась с Машей Захаровой.

Она одной из первых прибыла из резерва. Окончила десять классов, отправилась на фронт защищать Родину. Девятнадцатилетняя, стройная, красивая.

В 11 часов вечера дежурный, старший сержант Корнилов, передал мне приказ генерала армии П.

Генерал потребовал, чтобы к 24 часам к нему в блиндаж явилась для выполнения боевого задания ефрейтор Захарова.

Что это за боевое задание, я понял сразу. Маша побледнела и задрожала.

Я послал ее на линию, позвонил в политотдел, доложил, что выполнить приказ не могу ввиду ее отсутствия. Дальше последовала серия звонков, грубый многоярусный мат, приказ найти Захарову, где бы она ни была. Меня обкладывают матом, грозят разжалованием, штрафбатом.

Генерал не успокаивается, звонит каждый день, грозит за неисполнение приказания предать меня суду военного трибунала. Командир роты входит в мое и Машино положение, предлагает мне временно отвезти ее в полк на передовую...

...Через месяц за Машей Захаровой начинает ухаживать мой друг — младший лейтенант Саша Котлов, и становятся они мужем и женой, только что не расписаны, а у меня с обоими дружба. Так вот, не учел Саша того, что Машу не выпускал из вида тот самый генерал, начальник политотдела армии, ревновал и предпринимал все меры, чтобы разрушить их замечательный союз. Сначала откомандировывал куда мог Котлова, потом пытался вновь и вновь заманить к себе Машу.

Скрываться от генерала помогала ей вся моя рота, да и не только. И осталось генералу одно — мстить за любовные свои неудачи Котлову.

Дважды наше начальство направляло документы на присвоение ему очередных званий, дважды направляло в штаб армии наградные документы.

Генерал был начеку: отказ следовал за отказом, на протесты заместителя командующего артиллерией не приходило ответов, а на телефонные обращения ответы были устные в виде многоэтажного мата и циничных предложений: сначала Захарова, и только потом — звания и ордена...[5]».

Разве такое было бы возможно, если бы при этом «генерале армии П.», комиссаром была решительная женщина, типа самой Землячки?

Три раза «нет»!

Скорее, это она бы его заставила стать своим «военно-полевым мужем».

Но, конечно надо обязательно заметить: были и такие женщины-военнослужащие, которые сами не упускали случая:

«— Действительно ли у всех начальников были ППЖ?

— Мне кажется, да. У командиров взводов ППЖ не было. Мы с солдатами вместе спали в одной землянке. Во всех ротах были санинструктора. А у ротного отдельная землянка, там и санинструктор. От командира роты и выше уже больше условий иметь ППЖ. В батальонах тем более. В полку была такая Катя. Ядреная баба. То ли она у командира полка была, то ли у начальника штаба. Ей столько орденов навешали, а она и фронта-то не знала. ППЖ.

— Обычно им давали медали «За боевые заслуги».

— У этой Кати были ордена Красного Знамени, Красной Звезды, еще чего-то и медали конечно[6]».

Из вышеуказанных соображений, я размашисто подписал общим списком.

Другая проблема вылезла, как шило из мешка: а куда лишних мужчин-замполитов девать?

Напряг «послезнание» и оно тут же выдало «на гора»:

«В артбригаде все замполиты прибыли на фронт в 1944 году с Дальнего Востока. Их называли «дети Апанасенко». Командующий ДВКА Апанасенко требовал от всех политработников служивших на Востоке досконального знания боевой техники и оружия своего рода войск. Например, комиссар артполка проходил долгую специальную артиллерийскую подготовку и мог спокойно заменить командира полка, если тот вышел из строя в бою[7]».

Так что овно вопрос!

Во время «реальной» ВОВ массово перековывали замполитов в строевых офицеров. И лучше всего это получалось у генерала Апанасенко. Вот туда — на Дальний Восток их и отправлю. А то из округов плачутся: командиров нет, а тут такая шобла-ёбла непонятно чем занимается.

Вспомнилось мне и иное:

«— Коммунисты поднимались в атаку первыми?

— Всегда. Призыв, команда ротного или комиссара «Коммунисты, вперед!» не был для нас «дешевой агиткой», это было состояние нашей души, зов сердца. Мы ведь тогда искренне

верили в правоту ВКП(б). Ведь на передовой простые бойцы и младшие офицеры в партик ради карьеры не вступали.

В роте обычно было не более пяти-семи коммунистов, и все партийные знали, что наш долг первыми вставать под пули. Замполитом батальона в Курляндии был хороший человек, капитан Иоффе, так он, озверев от постоянных разговоров в штабе про «жидов-интендантов в Ташкенте», пытаясь всем доказать обратное, почти в каждом бою сам приходил из штаба в роты, в первую траншею, поднимать людей в атаку[8]».

И я сказал Начальнику «Главного политического управления Вооружённых Сил СССР»:

— Понимаю, конечно: «Есть женщины в русских селеньях...». Но всё же война — дело мужчин. Каких бы они не были, но мужчин! Поэтому будьте так любезны, уважаемая Розалия Самойловна — в преддверии ждущих нас суровых испытаний, разработать систему подготовки комиссаров из низового партийного звена. Из повоевавших и выживших на войне бойцов и командиров, из раненых, потерявших трудоспособность...

Немного подумав, добавил:

— Из людей с обострённым чувством справедливости, короче. А чтоб им было легче разговаривать с чинушами, надо обязательно создать из них какое-нибудь общественное движение... «Союз-фронтовиков», например.

Как известно, по Сталинской конституции от 1936-го года, общественные движения не запрещены.

Естественно, такое вызовет яростное сопротивление все этой — гниющей в тёплом устоявшемся болоте биомассы. И ещё больше злясь на самого себя, что приходится ещё больше грузить эту, уже прямо сказать — далеко не молодую и, навряд ли — идеально здоровую женщину, я тем не менее:

— Да, будет нереально трудно, я понимаю... Но это сделать обязательно надо! Ибо, если этого не сделаем мы с вами, товарищ Землячка — этого не сделает никто.

Та, твёрдым уверенным голосом:

— Сделаем, товарищ Сталин. Раз надо — обязательно сделаем!

Затем, эта особа с загадочным видом заявляет:

— Вот только до тех — «повоевавших и выживших на войне бойцов и командиров», ещё дожить надо! Мы же с товарищем Мехлисом придумали кое-что, что можно начать уже сейчас.

Приятно осознавать, что передо мной — не «боты» какие, как в какой-нибудь примитивной компьютерной стратегии, или стандартном романчике «про попаданцев»...

А живые люди, которые могут не только на хер послать — как это сделал Жуков, или даже попытаться убить — как это попытался сделать Хрущёв...

Но и придумать что-то своё!

Сгорая от любопытства, я:

— И что же Вы там с Львом Захаровичем придумали? Рассказывайте, а то сейчас товарищу Пономаренко в «НКГБ» позвоню!

Та, не дожидаясь приезда «кровавой гэбни», колется:

— Помните, Вы не так давно приказали решить проблему с набором кадров в Наркомат государственного контроля СССР?

Киваю:

— Хорошо помню, вы ещё с ним чуть не передрались — перетягивая кадры из этого

ведомства каждый на свою сторону, как любящие супруги — одеяло зимней порой... Вот и пришлось мне приказать. Итак, слушаю...

Та, сперва на меня конкретно наехав:

— Вы, Иосиф Виссарионович, практически ничего не упомянули про комсомол, про его роль, а ведь это глубочайшая ошибка!

Я лишь подумал про себя:

«Знала бы ты эту организацию такой, какой её знал я... И ты бы, про него не упомянула!».

Но внешне, даже глазом не моргнул, только кивнул... Мол, продолжай.

— Мы с Львом Захаровичем придумали создать в каждом подразделении — батальоне, или если получится — в каждой роте, добровольческие отряды комсомольцев-коммунаров.

Услышав такое, удивлённо приподнимаю брови:

— «Отряды комсомольцев-коммунаров»...? Это что за напасть? Для чего?

Розалия Самойловна Залкинд по прозвищу «Землячка», оказывается, неплохо разбиралась в тактике пехоты:

— Бойцы-коммунары должны быть боевым ядром этих подразделений, первыми подниматься в атаку, воодушевляя своим примером других. Это будет кадровым резервом — как для политотделов в Вооружённых Силах, так и для органов государственного контроля и безопасности.

Открыто пренебрежительно к моей известной затее, она добавила:

— И эти ваши «мажоры» из спецшколы на Селигере, тоже будут обязаны на добровольному принципу пройти через эти отряды! Если они мечтают об государственной службе, конечно.

— Эге... Так это Вы, ни много не мало — замахнулись на естественный отбор элиты, говоря словами «моего времени»?

Поморщившись от ненавистного слова, Земляка всё же подтвердила, хотя и иносказательно:

— Если Вам есть предложить что-то лучшее, Иосиф Виссарионович, мы с товарищем Мехлисом в свою очередь, готовы Вас внимательно выслушать.

Немногий случай в истории, когда попаданцу пришлось сознаться:

— Увы... Пока нечего.

***

Я сравнительно надолго задумался:

— Так, так, так...

Вспомнился рассказ одного ветерана, из немногих уцелевших в сражение за Умань в 41-м, об нечто похожем:

«29 июня 1941 года нас, несколько тысяч добровольцев, исключительно комсомольцев и коммунистов, собрали в горкоме партии. Отобрали ровно тысячу человек. Примерно 80–85 % были комсомольцами в возрасте до 22-х лет. Подавляющее большинство добровольцев было студентами днепропетровских вузов и рабочими заводов города: вагоноремонтного имени Кирова, завода «Коминтерн», завода имени Ленина, и завода имени Карла Либкнехта. 70 % бойцов были русские и украинцы, и 30 % — евреи.

Отобрали из нашего состава четверых добровольцев в возрасте старше тридцати лет, и

направили на курсы политруков, а всех остальных отправили в Сумы.

Мы получили наименование 1-й Коммунистической полк. Полком командовал кадровый командир, майор Копытин, вскоре погибший в одном из первых боев от прямого попадания снаряда в наблюдательный пункт.

Всего 8 дней нас готовили на территории Сумского артиллерийского училища.

12 июля 1941 года мы приблизились к линии фронта. На вооружении каждого политбойца была винтовка СВТ с ножом вместо штыка и по одной бутылке с зажигательной смесью.

Мы были обязаны своей кровью, своими телами, своим оружием, своей беззаветной храбростью остановить немцев.

Мы, политбойцы, по праву считались наиболее преданной и стойкой боевой частью.

Ведь, если сказать, что политбойцы полка были тысячей фанатиков — камикадзе, то это утверждение будет близким к истине. Мы действительно фанатично и свято любили Советскую Родину. Пусть вам не покажутся эти слова излишне напыщенными или высокопарными. Так было на самом деле.

Только человек переживший сорок первый год, человек, подымавшийся с винтовкой в руках в штыковую атаку, сможет понять мои слова до конца...

15 июля 1941 года мы прибыли в село Подвысокое. Нас пополнили пограничниками и танкистами, потерявшими свои танки в приграничных сражениях. Мы заняли оборону в районе Подвысокое. Сзади нас — река Синюха. Здесь полк и погиб».

Ну, как обычно: самые лучше гибнут, чтоб всякая сволочь смогла «прорваться» из окружения на «лучших в мире» и «быстроходных» танках.

Вспомнил про комсомольцев-добровольцах — бойцов «истребительных батальонов» и ополченческих дивизий, погибших не за понюшку табака:

«Ну, короче говоря, вывели нас на опушку. Морозная ночь, луна светит красивая. Исходное положение для атаки заняли, и все, ждали. И вот на рассвете красные ракеты, и наш московский ополченческий батальон, человек 500–600, хорошие ребята, пошли в атаку по снежному полю. Ни одного артиллерийского выстрела, ни одного танка, ни одного самолета. Ничего. Просто бросили батальон на расстрел...».

И в очередной раз ужаснулся:

«Это сколько же мотивированной молодёжи погибло? И не только русских, украинцев и евреев... Известно, что в обороне Лиепайи участвовал и погиб в полном составе истребительный батальон созданный из местных латышей-комсомольцев».

Стоит ли удивляться, что «красный проект» провалился: выжившие приспособленцы и карьеристы стали задавать тон в послевоенном СССР. И, несмотря на впечатляющие успехи, сделанные скорее по инерции — «отдельные недостатки» погребли под собой извечную мечту человечества б справедливо устроенном обществе.

Я вскочил и в возбуждении забегал туда-сюда по кабинету, на ходу размышляя:

А ведь задумка то, в принципе, была верная:

«...Никто не требовал и не ждал от нас выполнения функций политруков и агитаторов. Задача у политбойцов была предельно проста: первыми подниматься в атаку и сражаться до последнего патрона Под Москвой и под Ленинградом политбойцов-добровольцев распределяли по стрелковым подразделениям, чтобы сплотить людей, поднять воинский

дух, показать личным примером, как надо сражаться, проявить мужество в бою, повести за собой людей в атаку и так далее[9]».

Потом, я вспомнил ещё кое-что:

«Опорой командира роты были комсомольцы. Я в партию вступил в сорок четвертом году, и молодежь, комсомольцы — моя опора. Очень хорошо партийная, политическая работа проводилась среди личного состава».

И ещё кое-что:

«Прибыв в батальон, я, пройдя вдоль строя, отобрал несколько человек, все с Северного Кавказа. Глаз у меня был уже наметанным. Ребята смелые и беспощадные. Верные мне люди. «Личная гвардия» комбата. Они стали моей «группой быстрого реагирования», отделение автоматчиков. Если в какой-то роте во время боя солдаты не могли продвинуться вперед или начинали отступать, я сразу посылал в эту роту кого-нибудь из своей «личной гвардии». И эти люди спасали положение. Не удивляйтесь, но подобная практика создания «личного резерва» была принята во многих стрелковых батальонах[10]».

И наконец, я принял возможно — самое важное с момента «попадалова» решение:

— Это вы с Ловом Захаровичем очень хорошо придумали!

Едва ли не к самому носу её поднеся указательный палец:

— Вот только в мирное время опять же, в эти «добровольческие отряды комсомольцев-коммунаров» могут с карьерными соображениями проникнуть случайные люди. Поэтому этим добровольцам, перед направлением в роты и батальоны надо пройти максимально интенсивную боевую подготовку и такой же максимально жёсткий отбор...

Вспомнив читанное и виданное, про их «зеленых беретов» и наших «краповых»... А также фильмы «Звёздный десант» и «Битва за Севастополь», я достаточно сочно рассказал Землячке про подготовку кандидатов в спецподразделения моего времени:

— Подготовка бойца спецназа чем то напоминает плен: его кормят однообразно и не досыта, издеваются всеми доступными способами, оскорбляют (хотя и не бьют), гоняют в хвост и гриву так, что после отбоя он падает и тут же засыпает. И при этом курсант имеет право говорить только два слова: «Да» и «Нет». Иначе немедленно — за ворота!

У Землячки буквально волосы встают дыбом:

— УЖАС!!!

— Согласен! Недаром суровые американские парни, называют это «три недели ада». Впрочем, «спрыгнуть с дистанции» можно и вполне осознанно, заявив что «передумал» на вечерней поверке.

В не менее ярких красках, я поведал про итоговой экзамен для выпускников:

— ...В конце выдохшегося после кросса со стрельбой, полосы препятствий и прочего, кандидата на «берет» ждёт драка с двумя свежими бойцами по принципу «до первой крови». При этом тот должен суметь устоять на ногах, иначе не считается! Отсевшимся считается и тот, чьё оружие после всего пережитого, окажется не чищенным.

Когда та буквально выпала в осадок, предлагаю свой вариант:

— Время нас поджигает, поэтому в нашем случае надо что-нибудь попроще. Главное, что? Боец-коммунар должен обладать непререкаемым авторитетом среди бойцов и командиров, а для этого он должен быть лучшим бойцом.

Перечисляю попунктно:

— Физическая подготовка: кросс с полной выкладкой через день, полоса препятствий, рукопашный бой всеми видами холодного оружия и без него в стеснённых условиях — помещения, лесу, траншеях и так далее...

— Стрелковая подготовка: изучение все видов оружия батальона, снайперский огонь хотя бы из винтовки и станкового пулемёта, знание трофейного оружия...

— Морально-психологическая подготовка: прыжки через огонь, прыжки с парашютом, «обкатка танками». Чтоб не боялся трупов и крови — практика в моргах и на скотобойнях.

— Техническая подготовка: вождение мотоцикла, легкового автомобиля и грузовика, полевой ремонт — хотя бы общие понятия.

— Общая подготовка: топография — ориентирование на местности, оказание первой медицинской помощи, умение выживать в лесу и в зимних условиях...

На мой взгляд на первый раз достаточно.

— Насчёт же «экзамена» надо ещё подумать. Единственно, что хочу с ходу придумать: прошедших его можно поощрить каким-нибудь особенным значком на грудь именованным пистолетом с правом применения в «вполне конкретных случаях»...

Землячка прищурила левый глаз, как перед стрельбой в тире:

— Говорите уж своим языком, Иосиф Виссарионович: иметь право пристрелить труса-командира, комиссара-пьяницу или вора-интенданта.

Сам не на шутку обрадовавшись от её догадливости:

— Можно сказать и так! Не прошедшие же, останутся обыкновенными бойцами-коммунарами с правом пересдачи.

— И какой срок такой подготовки, по вашему мнению?

— В стране полным-полно значкистов «ГТО», «Ворошиловских стрелков» и прочих спортсменов-энтузиастов. Для тех — месяца полтора-три. Другие же, требуют предварительной подготовки. Но, уверен — не более полугода, если человек физически здоровый, конечно.

Недолго подумав, та:

— Считаю, что ваши предложения можно принять за рабочие, товарищ Сталин. Уверена, что и товарищ Мехлис согласится с этим.

Вставая с кресла и протягивая руку:

— Ну тогда за дело, товарищ Землячка!

Провожая её взглядом, думаю:

«Бойцы-коммунары будут присматривать за комиссарами, те в свою очередь за комсоставом. Может быть, что-нибудь из этого и получится...».

***

Ну, а вообще этот «критический» период прошёл вполне нормально. Моё «второе я» — Всеволод Николаевич Меркулов, «Секретарь-референт Председателя Совнаркома СССР» — вполне справлялся со своими обязанностями, избавив меня от скучной и докучливой рутины.

[1] Соломон Бройде. «В плену у белополяков».

[2] Здесь и выше взято и творчески переработано автором из: Старгардт Николас. «Мобилизованная нация: Германия 1939–1945».

[3] В вышеприведённых цитатах используются творчески переработанные отрывки из книги Али Эшер «Людены».

[4] А. Драбкин: «А мы с тобой, брат, из пехоты...».

[5] Рабичев Л.Н. «Война все спит. Воспоминания офицера-связиста 31 армии. 1941-1945».

[6] А. Драбкин: «А мы с тобой, брат, из пехоты...».

[7] Зылев И.М. «Записки военного инженера».

[8] Там же.

[9] «Выход из окружения рассказы солдат 1941. Военные воспоминания Изота Давидовича Адамского».

[10] А.Драбкин «А мы с тобой, брат, из пехоты...».

Глава 23. Что делать?

Из письма Льва Троцкого Клименту Ворошилову:

«Положение Конной армии внушает здесь серьёзнейшие опасения. До нас с разных сторон доходят слухи о всяческих беспорядках. Конница жестоко обращается с крестьянским населением, грабит и прочее. За конницей тянется бесконечный обоз. В штабах пьянство, разврат и прочее. Такие условия могут погубить самую лучшую конницу и не раз уже губили».

Из воспоминаний Кирилла Мерецкова (с мая 1920 года помощник начальника штаба по разведке в 4-й и в 6-й кавалерийских дивизиях Первой Конной армии):

«Считаю не лишним повторить, что месяцы, проведённые в рядах Конной армии, сыграли очень большую роль в моём формировании как красного командира. Во всяком случае, вплоть до середины 1920-х годов мои взгляды на военное искусство и практическое их воплощение в жизнь определялись опытом, вынесенным именно из боевых операций 4-й и 6-й дивизий 1-й Конной армии».

Неменко А.В. «Оборона Крыма 1941 г. Прорыв Манштейна»:

«Советская армия к началу войны представляла собой «контору», в которой царили законы бюрократии (как ни странно, но это так). Чины и должности получали не те, кто мог провести операцию с наименьшими потерями, достигнув максимального результата, а тот, кто смог максимально удовлетворить запросы «начальства». Неважно, каким образом это было сделано, либо показной решительностью и беспощадностью к своим войскам, либо личным обаянием и умением угодить, или показным патриотизмом; все эти методы не изжиты и по сей день в «конторах»».

Ветеран ВОВ Кузьмичев Николай Алексеевич из сборника Артёма Драбкина: «Самоходчики»:

«— Хотелось бы задать Вам один из самых важных вопросов нашего проекта. Могли ли мы победить с меньшими потерями?»

— Да, у нас людей не жалели... Мы воевали числом, а не умением, это и тогда мне было понятно. Ведь даже я, простой сержант, видел, что мы неправильно наступаем — фактически бьем не кулаком, а растопыренными пальцами. И понимал, что сперва ведь надо как следует разведать, и потом как делал немец — ударить в слабое место кулаком. Вот тогда будет эффект! И поэтому так донаступались, что потеряли 28 миллионов...».

«Бойцы-коммунары будут присматривать за комиссарами, те в свою очередь за комсоставом. Может быть, хоть что-нибудь из этого, да получится...», — повторял я как заклинание, как мантру.

Вроде бы верное решение найдено, да?

Но чувство тревоги не отпускало:

— Обязательно же придумают же сволочи, как или угробить или облапошить юных и

оттого слегка лоховатых комсомольцев-добровольцев. Это в военном деле наши генералы — баран-баранами! А в вопросах собственного выживания — все до одного гении на врожденно-генетическом уровне.

В «подсознании», произвольно всплывали вот такие фрагменты из воспоминаний ветеранов и я буквально лез на стену — хотя и не был волком, чтоб не испугать домашних:

«Дивизия считалась «сибирской», в ней было очень много пожилых солдат — сибиряков, отличавшихся особой стойкостью в боях. Но через десять дней, из-за жутких потерь, почти 70 % личного состава стрелковых рот составляли молодые солдаты из Средней Азии, прибывшие с очередным пополнением.

Нейтральная полоса была примерно 350–400 метров. Местность впереди и позади нас была забита немецкой и нашей подбитой техникой. Огромное количество наших сгоревших танков. От этого зрелища становилось жутко. Убитых в те дни никто не убирал и не хоронил. Множество трупов лежали и разлагались на участке нашей обороны и на нейтралке. Бомбили нас ежедневно и многократно. У немцев было полное господство в воздухе».

И оттого видать продолжали сниться сны, в коих я с наслаждением геноциду высший комсостав РККА, теми или иными способами... Да так часто, что даже мой внутренний голос проснулся и недовольно пробурчал:

«Да чё ты сопли жуёшь? Организуй какие-нибудь командно-штабные учения — приближённые к боевым, собери синештаных в одном месте и взорви их всех на хер... Типа, ошибочка вышла: перепутали имитационные заряды с боевыми, мол и, учения получились слишком уж приближённые... Мне ли тебя учить? А на мнение потомков да историков будущего наплюй: ты не Сталин — тебе пофиг».

Меня же обуревали сомнения:

«Это другое дело! Высшая партийная элита была априори бесполезной, а потенциально даже вредной. Нет их и, никто даже этого не заметил. Эти же... Кого я на место генералов поставлю? На дивизии, корпуса, армии, фронты... КОГО?!».

Внутренний голос зевнул:

«Прям, так уж и некого? А если головой подумать? Ну, наше дело было предложить... Продолжай «лезть на стенку», коли так нравится».

И вновь заснул.

И сколько я его не будил — чтоб расспросить, что он имел в виду, даже тайком от Валентины Васильевны кувшин на кухне тёр — как при вызове старика Хоттабыча... Ни он — ни этот лучший после Реципиента друг пионеров, на вызов так и не явился.

Сволочи!

Да и хрен с вами, с обоими.

У меня же, как у Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР, есть Заместитель: Маршал Советского Союза Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. Он фронтами командовал ещё в то время — когда нынешние синештаные, в лучшем случае ещё в школах прапорщиков учились. А в худшем — подставляли свои суконные рязанские рыла под зуботычины царских унтеров да фельдфебелей.

Неужели, он не найдёт способ заставить советский генералитет воевать?

Да, быть такого не может!

Кстати, за время моей болезни, Михаил Дмитриевич тиснул в «Красной звезде» пару зачётных статей.

В первой, озаглавленной «К вопросу о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии», он помянув всего пару раз товарищи Сталина — что ему только в плюс... Не забыв лишний «проехаться с бубенцами» по Иудушке-Троцком — что опять же, в плюс... Все лавры создания советской регулярной армии возложил на Ленина, который имел смелость отвернуть одну из главнейших марксистских догм — «всеобщего вооружения народа», и группу патриотически настроенных генералов Российского Генштаба.

Свою роль он упомянул довольно скромно, что ему в минус...

Не понимает ещё здешний хроноабориген значение и роль пиара!

Ничего... Мы ему его ещё организуем.

Крайне интересно было почитать и его статью «Причины поражения Российской империи во время Империалистической (Великой) войны».

Главные причины Бонч-Бруевич-старший видит в импотентности верховной власти государства, вороватости промышленников, некомпетентности чиновничества и генералитета.

Первое утверждение в доказательствах не нуждается, да?

Несмотря на наличие пятерых детей, император Николай Недержанец был полным импотентом в политическом смысле.

В доказательство следующих трёх утверждений, Бонч-Бруевич-старший в числе прочих приводит такой пример:

«Так называемый «снарядный голод» возник на пустом месте и, был результатом маниакального стремления русских генералов наступать под «барабанный бой» пушек.

Куда стрелять, зачем...

Неважно!

Орудия должны палить непрерывно и точка.

В результате такого расточительства, накопленный до войны запас артиллерийских боеприпасов быстро кончился и, начался тот самый «снарядный голод» — который имел последствия более глубокие, чем просто возможность ответа на десять германских выстрелов, лишь одним своим.

На вопрос «Почему отступаем?» делегации депутатов Госдумы во главе с Рябушинским явившейся на фронт, генералы ответили односложно: «Нет снарядов».

И отныне это стало идеей-фикс!

Правительство увидело в преодолении «снарядного голода» волшебную палочку-выручалочку, промышленники из военно-промышленных комитетов — возможность нажиться. Под производство снарядов — главным образом трёхдюймовой шрапнели, было отдано всё: запасы металлов, химических веществ, станки, рабочая сила и прочее...

Да, к семнадцатому году «снарядный голод» был преодолен и, причём с запасом, которого хватило и вплоть до сегодняшних дней...

Но рухнула транспортная система страны!

Ведь с пятнадцатого года, не производились новые железнодорожные рельсы, паровозы и вагоны и, не ремонтировались старые железнодорожные пути и подвижной состав. Не на чём было доставить те же снаряды на фронт, топливо и продовольствие в столицу.

И в стране говоря словами Владимира Ильича Ленина, «сложилась революционная ситуация»...

...Чему учит нас эта история?

Война односторонности не терпит!

Военная экономика должна быть сбалансированной и, ни в коем случае нельзя допускать превышения её чисто боевой составляющей над обеспечивающей».

Сказать по правде, такой расклад для меня в диковинку, но не в этом дело...

Нет, каков аналитик, а?

Неужели не найдёт выход, неужели не подскажет, что делать?

Ну а следующее его утверждение, было уже подсказано мной:

«Следую догмам Драгомирова «о превалировании духа над материальной силой» аки каменной стены, царский генералитет угробил кадровую Русскую императорскую армию (даже гвардию!) в лесах Восточной Пруссии, на полях Галиции и на болотистой пойме реки Стоход, что под Ковелем... Мобилизованные же взамен запасные, чувствовали себя не «священной скотинкой» — словами этого теоретика, а главами многодетных семейств. Они не захотели вдовить своих баб и сиротить детей за непонятно что и, воткнули штыки «в землю» или в спину ближайших офицеров — поднимавших их в очередное бессмысленное наступление.

Но меня удивляет не это...

В конце-концов, царские генералы — слуги антинародного режима и ждать от них что-то иное, было бы совершенно наивным.

Мне интересно другое.

Почему это «превалирование духа над материальной силой» до сих пор в почёте в Красной Армии?

Неужели советские генералы и командиры, отнюдь не материалисты — как все советские люди, а верят в каких-то «духов», которые способны заговорить дуло пулемёта — выпускающего шестьсот пуль в минуту? Может, им стоит вместо синих галифе надеть бамбуковую юбку и отправиться в Африку — где среди самых диких племён, до сих пор в ходу подобные верования?

Или, же они хотят повторить печальный опыт своих предшественников погубить Советский Союз точно так же, как царские генералы — Российскую Империю?

Конечно же, нет!

Рисунок 79. П.Рыжанко: «Стояние на костях».

Пойма реки Стоход — могила Русской Императорской гвардии.

Век проходит за веком, а картинка одна и та же: отечественный генералитет истребляет лучших представителей народов, населяющих страну.

Советские военные теоретики найдут в себе силы отречься от устаревших морально и физических догм царского прихвостня Драгомирова, с его упованием на силу штыка в руках у «священной серой скотинки» и создадут новое — социалистическое военное учение. Ну, а если у них это не будет получаться, то мы с Верховным Главнокомандующим — товарищем Сталиным, им обязательно всемерно поможем...».

Эх, хорошо сказал, да?

Особенно мне понравилось про «бамбуковую юбку»: как представил в ней Наркома обороны Кулика — так и лёг плашмя от хохота.

Должен заметить, что ни старшему Бонч-Бруевичу, что младшему — с его «Империализмом, как первой и начальной стадии социализма», никто открыто в печати не возразил, хотя было объявлено об возобновлении свободы дискуссий. Наоборот, вдруг нашлось столько народу, которые «и так всё знали».

Из НКГБ, правда сообщали о «брожении» на уровне «обывательских разговорчиков», но и всего лишь.

А вот представить себе что не было тридцать седьмого и, были бы живы и здоровы и причём у власти всякие Бухарины с Рыковыми, да Зиновьевы при них? Да ещё бы и Троцкий с целым черепом, из «дальнего зарубежья» что-нибудь вякал?

Я уж не говорю про различные группировки генералитета во главе с Тухачевскими, Якирами и прочими Уборевичами...

Удалось ли мне бы тогда, так легко переформатировать государственную идеологию и вплотную подобраться к военной доктрине?

Сильно сомневаюсь!

Мда... Воистину были правы наши предки, придумавшие мудрую поговорку: «Нет худа без добра».

***

Ну и наконец, когда я полностью поправился и был готов на следующий день приступить к своим обязанностям, на дачу в Кунцево заявился Бонч-Бруевич-старший — маршал СССР, Заместитель Верховного главнокомандующего, с кругами хронической усталости под глазами. Да не один он заявился, а ещё и меньшого братца с собой притащил.

Увидев их, я обрадовался:

— Нас трое мужиков, не считая находящегося «при исполнении» Косынкина, значит что? Значит, есть хороший повод...

Подкравшаяся незаметно откуда-то сзади Валентина Васильевна, закончила за меня:

— Напитаться, да?

Пришлось прикинуться Христосиком перед Понтием Пилатом:

— Ты сказала!

Затем уперев руки:

— А кто совсем недавно подыхал, да всё про какого-то пушного зверька вспоминал?

Начал было оправдываться:

— Так это когда было?

— Всего пять дней назад!

Ишь, ты! Какая цепкая у неё память.

— Ты ещё Первую Пуническую войну припомни...

— Я тебе, ещё не то припомню, алкаш!

Ну, вот что с нею делать?

Пришлось припугнуть:

— Слышь мать... Будешь бухтеть и мне перед соратниками перечить — отменю равноправие полов и международный женский день. И вот хрен ты у меня получишь

подарок, который я тебе уже на него приготовил!

Вру, конечно: даже и не подумал ни разу на эту тему. Но кто из «нашего брата», не врёт «ихней сестре»?

Разве что гомосек какой.

Та, сразу включила заднею:

— Да ладно пейте, мне не жалко... Хоть всю её вылакайте — из «Арагви» ещё привезут.

Насторожившись:

— «Из Арагви»? Из ресторана, что ли?

— Ну, да. После того, как ты там нажр...

Морщусь:

— Немножко там погулял с друзьями 12 января... Дальше что?

— Заведующий рестораном каждый день присылает по бутылке «Особой московской».

Расслабляюсь:

— Если б было наоборот — я б пожалуй возражал. В общем готовь в Малой столовой стол, а мы пока в Большом зале пообщаемся.

— Сколько бутылок водки?

Не моргнув глазом:

— Шесть.

Та, оглядев меня ироническим взглядом с головы до ног, хмыкнув что-то неопределённое, гордой павой удалилась на кухню.

Младший Бонч-Бруевич, которому видно было присутствовать на этой семейной сцене, начал мямлить:

— А может, ну её — водку? Я бы лучше чай...

Сразу видно: человек самого Ленина знал!

И нахватался от него дурных привычек, как собака блох.

— Никаких чаёв! Разговор сегодня предстоит такой, что без пузыря не разберёшься.

***

В Большом зале, мы с Владимиром Дмитриевичем буквально минут десять поболтали об том об сём — в частности проехали по марксовой теории ценообразования и прибавочной стоимости...

Затем, Бонч-Бруевич-старший прочно перехватив инициативу начал мне жалиться:

— Чем до сих занимался Генеральный штаб, Иосиф Виссарионович, я не понимаю... В архивах завалы информации ещё с Испании, которые никто даже ещё и не думал читать и анализировать...

Перебиваю причитания и с нетерпением спрашиваю:

— Хрен с ней, с информацией! Какие планы разрабатывались на случай войны с Германией? Оборонительные? Наступательные? А то мы там «в будущем», уж все копия друг об друга сломали...

— Кроме разработанных Борисом Михайловичем и утверждённых 14 октября прошлого года «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 г.г.», я больше никаких «планов» не нашёл.

Ну вот, а кто-то говорил, что у Красной Армии никаких планов на случай войны не

было...

Брехня!

Потирая руки:

— Это уже хорошо! Так какой характер эти «Соображения» носят?

— Сугубо оборонительный. Во главу угла была поставлена задача отражения и сдерживания противника, особенно его первого удара, а в случае вклинивания противника в нашу оборону — выбивание его совместными контрударами мехкорпусов и стрелковых войск. И только затем, когда будут созданы благоприятствующие этому условия, а под ними однозначно подразумевалось и рассматривалось сосредоточение основных сил западной группировки войск РККА, переход наших войск в решительное контрнаступление всеми силами[1].

Невольно подумалось:

«Ну и пиз...дун Вы, мистер Резун! А ещё Суворовым прикинулся, гнида продажная».

Ещё не маловажный вопрос:

— А какое направление по этим «Соображениям» считается решающим?

— Главным направлением удара вероятного противника считается Минск-Москва в полосе Западного особого военного округа. Кстати, после снятия Вами с должности Павлова — должность его командующего вакантна...

Я отмахнулся:

— Не горит! Лучше скажите мне, почему же на не так давно происходивших командно-штабных учениях — на которых я имел честь попасть в товарища Сталина, об обороне (даже активной!) речь не шла, а в случае нападения — наносились какие-то дурацкие «встречные контрудары»? И почему после них главным направлением стало считаться юго-западное?

Бонч-Бруевич-старший, в общих чертах уже знал от меня ход будущей войны, особенно её начальный период — так называемое «Приграничное сражение»...

Недолго подумав, он ответил так:

— Тимашенко и Жуков — кавалеристы. Причём, отнюдь не казаки — а именно кавалеристы старой, ещё дореволюционной школы. А до Империалистической войны тактикой регулярной конницы в бою, традиционно считался «конный шок»: опрокидывание противника во встречной яростной атаке, преследование и последующее уничтожение.

Затем разведя руками, с обескураженной улыбкой:

— Они просто по-другому не умеют воевать, Иосиф Виссарионович!

Затем:

— Насчёт же второго вопроса: почему главным стало юго-западное направление... Думаю, Командующий Киевским особым военным округом генерал армии Жуков, не знал (или не был уверен) что его назначат Начальником Генерального штаба РККА и просто-напросто грёб под себя. Затем же «переигрывать» стало поздно, да и как-то неудобно.

Напряжение меня несколько отпустило и я откинувшись на спинку дивана, с облегчением:

— Спасибо, Михаил Дмитриевич! Теперь для меня всё встало по своим местам. Ну или если точнее сказать — почти всё.

***

Помолчав, чувствуя нутром, что здесь что-то не так, спрашиваю:

— Так получается, что план обороны СССР у нас есть?

Тот кивнул:

— Даже два плана, если считать и «Мобплан № 22» — мобилизационный план Красной Армии, содержащий перечень крупных мероприятий по реорганизации и передислокации войск в случае войны.

Немаловажный вопрос:

— И как они, оба эти плана, вводятся в действие?

— План прикрытия предусматривалось вводить в действие автоматически при объявлении мобилизации, а в других случаях только распоряжением наркома обороны СССР шифрованной телеграммой: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года».

— А кем объявляется мобилизация?

— Естественно Верховным Советом СССР, после объявления войны.

Пораскинув мозгами, я:

— Если в угрожаемый период объявить в стране чрезвычайное положение, то мобилизацию может объявить и Верховный Главнокомандующий Вооружёнными Силами СССР.

— Если перед этим соответствующий закон будет принят, то почему бы и нет?

Помолчав, задаю следующий вопрос:

— Имеются ли у этих планов обороны страны недостатки?

— Как же без них! «Мобплан № 22» разрабатывался ещё в 1938–1939 годы и, на сегодняшний день в значительной степени устарел и требует срочной замены...

Это-то как раз, я очень хорошо знал.

Новый мобилизационный план «Мобплан № 23» будет представлен Генштабом 12 февраля 1941-го года. В исторических документах он чаще именуется «МП-1941», или «МП-41». В соответствии с ним, предполагалось проведение мобилизации по двум вариантам — скрытым и открытым порядком. В первом случае мобилизация отдельных военных округов, частей и соединений проводилась по специальному решению Правительства СССР в рамках так называемых «Больших учебных сборов».

Последние то и были проведены в апреле — мае 1941-го года, когда из запаса было призвано восемьсот тысяч бойцов и командиров, а из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов — к западной границе двинулись три общевойсковые армии — 22-я, 21-я и 16-я.

«Открытым же порядком», мобилизация была объявлена 22 июня, после нападения Гитлеровской Германии.

Меж тем Бонч-Бруевич старший продолжал:

— ...Недостатком обоих планов является то, что исходят они из того, что мы и Германия начнём мобилизацию одновременно, а боевые действия начнутся со стычек пограничников и патрулей передовых отрядов, для чего от каждой дивизии приграничных округов выделялось по батальону. Но ведь, Вермахту мобилизация была не нужна... Он уже с 31 августа 1939-го отмобилизован!

Охотно соглашаюсь:

— Не, я понимаю телевидение у вас в зачаточном состоянии и по «ящику» ничего не узнаешь... Но такое ощущение, что составители «Плана прикрытия», не читают газет, не

слушают радио! Что они вообще из дома не выходят и не знают, что в Европе уже два года идет война. Дикость какая-то необъяснимая!

Коварно улыбнувшись, тот вдруг:

— Но главный недостаток даже не в этом, Иосиф Виссарионович...

— Как? В этом «Плане прикрытия» ещё недостатки есть? «Бомбите, чего уж там...

«Главный недостаток» был настолько сногшибателен — хорошо что на мягком сидел, а не на жёстком полу стоял:

— «План прикрытия» разработанный Генштабом РККА в 40-м году имел общий характер. Рабочие же планы поручили разработать соединениям и объединениям Особых военных округов, со сроком завершения... Первого июля(!) этого года.

Непроизвольно вырвалось:

— Ёб, твою мать...

— Вот и я про то же.

***

Придя в себя:

— «Ф.И.О» этой «аварии» известны?

Бонч-Бруевич довольно уклончиво:

— Вообще-то начальником Генерального штаба в тот период был Мерецков... Кстати, что с ним?

Не даваясь в подробности:

— Он приказал нам с вами долго жить. А «в частности»?

Тот, довольно неохотно:

— Думаю, ему помогал составлять «План прикрытия» Борис Михайлович Шапошников...

Ну, что я говорил?

«Старый конь глубоко не пашет»».

Махнув рукой, переменял тему:

— Маркс с ним, с «Планом прикрытия»... А что интересного обнаружилось в «завалах информации» у разведки?

— Много чего, в том числе и про как-то упомянутый вами при генералах «Блицкриг»...

— А по плану «Барбаросса»?

— Совсем немножко, но ясную картинку составить можно... Если захотеть, конечно. Например, в архивах ГРУ имеются донесения от «источника» — работника Министерства железнодорожного транспорта, в которых Германский генштаб уже назначил начальников товарно-узловых станций на территории СССР вплоть до Волги.

У меня аж челюсть отвисла:

— Вот, как? И тоже — «никто не читал и не анализировал» до Вас?

— Почему же? На донесении есть резолюция генерала Голикова, бывшего Начальника Главного разведывательного Управления РККА: «Дезинформация. Источник вычеркнуть из списка, куратора отозвать в Москву».

«Всё же эту сволочь надо расстрелять».

Вскочив, обоим братьям:

— Товарищи! Поскучайте минуточку, я сейчас...

Звоню в «Главное управление безопасности СССР», самому Начальнику «кровавой гэбни» и вкратце обрисовав в общих чертах ситуацию, приказываю:

— Товарищ Влодзимирский! Арестуйте генерала Голикова и выясните что это: глупость или измена? ...Да, разрешаю бить. ...Да, даже ногами. Затем, в независимости от результатов, однозначно оформите «по восьмой категории».

Возвращаюсь к гостям, а маршал СССР на меня с ходу наехал:

— Иосиф Виссарионович! Вы мне обещали двух сатрапов... Где они?

«Чёрт, опять про Тимошенко с Жуковым забыл! Ладно, пусть ещё немножко посидят...».

— Да погодите со своими сатрапами! Здесь, такое...

Рассказав ему довольно пространно про свои ночные «воспоминания и размышления» — после которых слёг на неделю, я в отчаянии возопил:

— Что делать, Михаил Дмитриевич? Где нам взять Гинденбургов?

Тот, посмотрев на меня поверх очков:

— Действительно, здесь без водки не разберёшься.

И тут голосом моей Валентины Васильевны, нас наконец позвали в Малую столовую:

— Мужики! Ужинать собираетесь, или так и будете ляды точить?

Стол был сервирован грузинской кухней, а среди блюд красовались три запотевшие «злодейки» с зелёной наклейкой. Посмотрев на них, я удовлетворённо сказал:

— Проси в два раза больше — получишь именно столько, сколько надо.

Мои собутыльники согласились с этой мудростью от потомков...

***

Когда выпили по первой и закусили, отдав должно качеству напитка и искусству работников кухни, Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич вдруг заявляет:

— Сказать по правде, Иосиф Виссарионович, я не понимаю вашего беспокойства. И заверяю Вас: в нём нет ни малейшего повода...

Я аж растерялся:

— Вот, как? Как это «нет повода для беспокойства»?

Привстав в волнении:

— Будет выбито практически целое поколение, а Вы не понимаете моего беспокойства?!

«А на того ли маршала, я поставил? Может, он тоже из этих же? Из «синештанников»? Да, нет: Михаил Дмитриевич — просто слегка туповатый... Счас объясню всё «на пальцах» и он всё поймёт».

Кулаком по столу:

— Вы не понимаете всей важности проблемы!

Дверь открывается и на издаваемый мной шум, в узкую щель тревожно заглядывают «обеспокоенные лица»... Сразу три: моя благоверная, дочь Реципиента и один из «прикреплённых» по имени Слава:

— Всё в порядке?

Не сумев сдержать раздражения:

— Буяним по-пьяне... Нельзя что ли?

«Прикреплённый» дематериализовался молча, Светка предварительно прыснув со смеху, Валентина Васильевна недовольно буркнув:

— Буяньте на здоровье, но чтоб посуда осталась целой!

Ценой достаточно значительных усилий взяв себя в руки, я уселся на место и стараюсь быть спокойным:

— Объясняю ещё раз: всем достижениям, что мы имеем за годы Первых пятилеток — мы обязаны людям, получившим образование ещё в годы Империи. Любого советского наркома, учёного или конструктора копни, хотя бы церковно-приходская школа за плечами — но у него есть!

Действительно, взять хотя бы известнейших советских оружейников, не считая таких «патриархов», как Фёдоров или Дегтярёв:

Сергей Гаврилович Симонов: Окончил 3 класса сельской школы. С 16 лет работал в кузнице. В 1915 году пошёл работать слесарем на небольшом заводе, окончил технические курсы. В 1917 году приступил к работе на Ковровском заводе слесарем.

Георгий Семёнович Шпагин: Закончив 3 класса церковно-приходской школы, вынужден был зарабатывать на жизнь, был мальчиком у торговца, пастухом, возчиком песка и топлива на стекольном заводе. В 1916 г был направлен в оружейные мастерские.

Пётр Максимович Горюнов: Закончив три класса начальной церковно-приходской сельской школы, начал работать слесарем на Коломенском паровозостроительном заводе.

Михаил Владимирович Марголин: 3 класса гимназии...

— Все двадцатые годы в стране проводился один сплошной педагогический эксперимент. Объявленная цитаделью «казенщины» и «казарменного воспитания», старая классическая школа — была разрушена до основания. Было отменено буквально всё: от школьных оценок и экзаменов — до традиционной классно-урочной системы. Вместо них детишками были предоставлены: школьные комитеты, выборность учителей самими учащимися и увольнение «нелояльных» к Советской Власти педагогов, общественная супер-активность — типа борьбы с «церковным мракобесием», социальная сегрегация — когда в школах «второй ступени» не могли учиться дети «лишенцев» — священников, бывших власть имущих и нэпманов... Запрет таких детских книг, как «Конёк-Горбунёк», или даже народных сказок, где встречаются слова «царь», «Бог», «рай», «ад» и даже «чёрт»...

Восклицаю с удивлением:

— Чёрт то им, марксистам-ортодоксам, чем не угодил? Ведь тот, классово близок к самой угнетаемой части пролетариата — к шахтёрам! В общем, стремились получить на выходе не специалиста, а «правильного» строителя коммунизма[2].

Про прекрасную и ужасную эпоху НЭПа можно говорить вечно!

Впрочем, наверное, как и про любую другую....

— Что хорошего с этого могло получиться? Да ничего! В конце-концов, даже Крупская поняла, что советские школы гонят брак, сказав: «Мне стыдно оттого, что за 10 лет Советской власти — грамотность в стране значительно убавилась».

— Но поздно пить «боржоми»: целое поколение граждан уже потеряно! Нормальное образование получили лишь те из учеников 20-х годов, чьи родители — или сами были

высокообразованными людьми, или имели средства нанимать репетиторов. Остальные — это человеческий хлам! Ни на что не способный генетический мусор, с тем не менее — гипертрофированным инстинктом самосохранения и размножения...

Озарило догадкой:

«А не из этого ли «человеческого хлама», как опарыши из гниющего трупа — выползли командиры РККА среднего звена? Командиры полков, дивизий и корпусов времён Великой Отечественной Войны? Тогда нам полная жоппа при любом раскладе: не один стратегически «План прикрытия» — даже самый гениальный, не сработает — если подведут низовые исполнители».

— ...Возращение к старой, доброй классической школе — с её дисциплиной и авторитетом учителя, произошло лишь в начале тридцатых годов — когда стране потребовались специалисты, а не «активисты». И лишь в конце это десятилетия, советские школы стали выпускать таковых.

И действительно, следующее поколение советских оружейников уже из школьников 30-х годов, как например Михаил Тимофеевич Калашников, 1919-го года рождения закончивший сельскую(!!!) школу на далёком от столичных университетов Алтае... Он воевал в Великую Отечественную и был ранен...

А если бы погиб?

Меня как кипятком залитым за шиворот, ошпарило:

«А вдруг я так изменил историю, что он погибнет?!».

Сцуко, не дам!!!

Снова вскочив от возбуждения, я наклонившись над столом, отчаянно жестикулируя правой рукой практически над головой старшего из Бонд-Бруевичей, орал:

— Это же — золотой фонд государства! Это — будущее нашего народа!! Это — надежда всего человечества на справедливо устроенное общество!!!

Наверное, со стороны казалось, что я хочу врезать Михаилу Дмитриевичу по «морде лица», потому что тот максимально отклонился назад на спинку стула и как зачарованный — уставился на меня слегка выпученными, но изрядно расширенными и округлившимися глазами. Его меньшей брат, весь напрягся-напружинился и переводил взгляд с одного на другого — готовый в любую секунду встать между нами, как миротворец ООН между племенами хуту и тутси в эфиопской Руанде...

Но обошлось, слава Марксу!

— И знаете, что с ними произошло? Они были практически выбиты войной, из-за этих вот — баранов в синих генеральских штанах!

Я на память процитировал одного из выживших:

— «Из двадцати моих одноклассников выжило кроме меня всего два человека. Мой близкий друг Женья Гольдин, племянник певца Утесова, был летчиком-штурмовиком, за две сотни боевых вылетов на Ил-2 дважды представлялся к званию Героя, но его наградные листы не прошли... Выжил еще Селезнев, попавший в начале войны в плен, после побега прошедший все проверки и вернувшийся на передовую. Он воевал в пехоте. После войны Селезнев стал известным ученым-металлургом.

А могилы остальных наших семнадцати одноклассников разбросаны от Москвы до Берлина. За победу в войне мое поколение заплатило страшную цену. Но мы сделали все, что могли, для своей страны[3]...».

Потом наведя указательный палец как дуло пистолета в переносицу, спросил:

— Вот видите: один из трёх выживших стал известным ученым-металлургом... А если бы выжила хотя бы половина? Вы представляете, каким был бы тогда Советский Союз? Вы понимаете, что при таком раскладе — развалился бы кто угодно, но только не он?

После этих слов с меня — как воздух с шарика выпустили, я обмякнув опустил на стул и набычившись, угрюмо замолчал.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич точно также молча налил в рюмки водки, мы как на похоронах «не чокаясь» молча выпили и также молча, взялись за закуску.

***

Мой Заместитель и маршал Советского Союза, опорожнив тарелку с первым и красноречиво поглядывая на второе, первым нарушил молчание:

— Харчо у Вас, ну просто на удивление хорош, надеюсь и цыплёнок-табака таков ж...

И затем вдруг без всякого перехода:

— ...Рассказать Вам одну историю, Иосиф Виссарионович?

Несмотря на приятное жжение в животе от выпитого, я был не в настроении и это ещё слабо сказано:

— Расскажите «историю», Михаил Дмитриевич, раз больше Вам рассказать мне не с чем...

Тот, не заставил себя долго ждать:

— Зимой 1837-го года, в отсутствии Императора в Зимнем дворце случилось возгорание. Спешно прибыв на место, Николай I тотчас распорядился об эвакуации семьи, выносе регалий и драгоценностей и, приказал приступить к тушению пожара[4]...

Что-то такое слышал когда-то, но без таких подробностей, поэтому не удержавшись спросил:

— А что? Без Императора, уж и приказать тушить пожар было некому? Где...

— Не перебивайте! Как закончу, сами всё поймёте.

— Хорошо, не буду... Продолжайте.

— Видя, что силами пожарных, придворных и прислуги не справиться, Николай I приказал прибыть во дворец гвардии. И вот здесь внимание...

Оглядев поочерёдно на нас с Владимиром Дмитриевичем, заостря наше внимание, подняв указательный палец вверх:

— ...Но впопыхах, забыл сообщить для чего(!) той следует прибыть ко дворцу. Просто прибыть и всё!

Торжествующе поблёскивая стёклышками очков:

— И гвардейские полки с всевозможной поспешностью прибыв по приказу Императора ко дворцу, несколько часов подряд простояли на морозе — глядя на горящую резиденцию Императора(!) и ничего не предпринимая, пока тот про них не вспомнил. Но время было уже упущено и осталось только приказать тем не тушить пожар — тушить его было уже поздно, а выносить имущество! Что бравыми гвардейцами и было героически, с риском для жизни проделано[5].

Мы с Владимиром Дмитриевичем только переглянулись в обалдении:

— Однако!

С несколько снисходительным удовлетворением оценив произведённое на меня

впечатление, Бонч-Бруевич-старший продолжил:

— Следующую историю мне совсем рассказал новый Нарком путей сообщения СССР — Иван Владимирович Ковалев. Во время конфликта на реке Халхин-Гол, в район боевых действий начали перебрасывать военные грузы: сперва по Транссибу до Читы, а потом по железнодорожной ветке до станции Соловьевская... Так вот, тут же по всему Транссибу — образовалась «пробка», превосходившая всякое разумение... Сколько вы думали?

Переглянувшись, мы:

— Километров сто, двести...

— Более чем на 2000 вёрст!

Мы с Владимиром Дмитриевичем только ахнули:

— Бог ты, мой!

— Вот именно! Разгрести пробку из Наркомата путей сообщения послали нынешнего Наркома, а в то время — заместителя.

Бонч-Бруевич-младший сгорая от нетерпения:

— И что он обнаружил? В чём причина?

— Причина оказалась примитивной до полного неправдоподобия. Управление военных сообщений Генерального штаба РККА, выдало наряды всем начальникам эшелонов с указанием станции выгрузки: «Соловьевская». Но эшелонов туда прибывает сотни каждые сутки, а на той станции — всего два выгрузочных пути, да и те без нужных для выгрузки высоких платформ...

Мы с Владимиром Дмитриевичем, недоумённо спрашиваем:

— А что, если попробовать выгружать на других станциях? Тех, что поближе? Или Соловьевская — одна на весь Трансиб?

— Вот и товарищ Ковалев пробовал уговорить начальников эшелонов, а как правило — это командиры частей, выгружаться на других станциях... Однако, те неизменно отвечали: «У нас приказ выгрузиться в Соловьевской, и мы его выполним, чего бы нам это ни стоило». Пришлось решать этот вопрос едва ли не через самого товарища Ворошилова! Лишь тогда «пробка» рассосалась.

Задумавшись, я:

— Так Вы, Михаил Дмитриевич, хотите сказать, что...

— Вот именно это, я и хочу сказать! Наш генерал — этот то же чиновник, а наш чиновник с сотворения Адама — был и остаётся рабом параграфов, положений и статей законов-указов. Понимая это, не следует ждать от нашего генерал ничего героического: ему надо просто приказать действовать в соответствии с вышеуказанным. И причём приказать надо так — чтобы он понял приказ, даже если не хочет этого делать.

Кивнув, Владимир Дмитриевич подтвердил слова старшего братца:

— Владимир Ильич ещё в девятнадцатом году это понял, сказал мне как-то раз: «Нам, большевикам, только кажется, что мы управляем Россией. На самом деле сто тысяч русских чиновников как управляли страной, так и продолжают управлять».

Старший из братьев продолжил, слегка снисходительно поглядывая на меня:

— Не знаю почему, но наша верховная власть этого никогда не понимала. Вот например, 2-ю Тихоокеанскую эскадру незадачливого контр-адмирала Зиновия Рожественского, отправили за тридевять морей без какой-либо чётко поставленной цели. Просто приказали идти в Порт-Артур, где присоединиться к 1-й Тихоокеанской эскадре. За

время её «хождения», генералы (опять же не имея приказа — во чтобы то ни стало, дождаться прихода подмоги) сдали эту крепость... И, что?

Отвечаю:

— Зиновий получил приказ плыть во Владивосток, но туда не доплыл.

— Вот именно! Все очевидцы того боя говорят: никакого плана боя у русских не было. Наши броненосцы и крейсера просто шли в пункт назначения, вынужденно отстреливаясь от наседавшего флота японского — напротив имеющего чёткую и внятную задачу: победить!

Осталось только и молвить:

— Мда... И не придерёшься: они выполняли приказ.

В свою очередь пристав, наклонившись ко мне через стол и вперившись в меня горящими глазами, Бонч-Бруевич старший:

— А если бы на месте Николая Второго II был не этот «Царскосельский суслик» — любитель стрелять по воронам да бродящим кошкам, а...

Прижав к груди ладонь:

— Сразу заявляю: я пас! Я и на Сталина — хрен бы подписался, будь моя воля.

От приятных воспоминаний, я аж прикрыл глаза:

«Я б лучше в том «тоннеле» и остался навсегда... Там, так хорошо! Не о чем думать, нечего решать, нечего бояться...».

К суровой действительности меня вернули слова Михаила Дмитриевича:

— ...Да хоть его венценосная супруга — Императрица Александра Фёдоровна! Стерва, конечно — этого у неё не отнять... Но хотя бы у той какой-никакой характер имелся, в отличии от этого слизняка.

Недовольно открыв глаза, спрашиваю:

— И как бы она поступила, по-вашему?

— Уверен, родись эта стерва в штанах, она бы приказала генералу Куропаткину в Маньчжурии: «Ни шагу назад!». Генералам Стесселю, Смирнову и Фоку в Порт-Артуре: «Стоять насмерть!». А адмиралам Рожественскому и Небогатову: «Найти и уничтожить неприятельский флот!». И к каждому по жандарму приставила бы, с приказом: пристрелить как собаку изменника — если тот даже подумать посмеет об отступлении или о сдаче... И Русско-японская война была бы Россией выиграна!

Вспомнил я всякие наши «Цуссимские форумы», где всякие экспЭрды привстав с дивана — об броненосцы класса «Бородино» напильники тупили и, удивился:

«И всего то делов?».

Не поверил сперва:

— Да, ну на фиг... Так всё просто, оказывается?

— Да, да... Именно так: была бы выиграна! Это заявляет Вам человек, лично общавшийся с генералом Куропаткиным и адмиралом Рожественским.

Забыл, блин, с кем, с человеком какой эпохи разговариваю. Пришлось согласиться:

— Ну, коли так... Тогда, вероятно Вы правы, Михаил Дмитриевич.

Младший Бонч-Бруевич, довольно скептически:

— Всё равно бы это не спасло Самодержавие: оно было обречено лишь фактом своего существования.

Старший не стал с ним спорить:

— Зато, это спасло бы честь русского оружия.

Но по всему его виду было понятно, что он был иного мнения.

***

С хрустальным звоном «чокнувшись», выпили по третьей за упомянутую честь русского оружия, закусили цыплёнком в табаке и затем я спросил:

— Так, что? Нам с вами только и остаётся делать, как сочинять правильные планы, отдавать приказы и контролировать их выполнение?

Старший Бонд-Бруевич безапелляционно:

— Конечно! Доверять составлять планы командирам на местах — в округа и в отдельные объединения-соединения — категорически недопустимо! Кто такое придумал?

— Надо полагать предшественник вашего Захарова на посту Начальника Генштаба РККА — генерал Мерецков. Кто ж ещё?

— И исходя из каких соображений, интересно?

Пожимаю плечами:

— Сейчас уже, увы, не спросишь, ибо тот расстрелян как чей-то шпион.

— Это Вы поспешили, Иосиф Виссарионович!

Ещё раз равнодушно пожав плечами:

— Не «мы», а они: мои, в свою очередь — уже тоже покойные, соратнички по «Политбюро». Я в принципе не возражал: одним мудаком в рядах РККА — больше, одним меньше — ни я не замечу, ни Гитлер...

После неловкого молчания, тщательно разжевав и проглотив внушающий уважение кусок цыплёнка под острым соусом, возвращаюсь к основной теме разговора:

— Так Вы полагаете, что такое решение способно сорвать «Блицкриг»?

Тот, оживлённо поблескивая глазами:

— Совершенно уверен! Вот Вы, как «человек из будущего», не могли бы привести пример боевых действия какой-нибудь армии, корпуса или хотя бы дивизии РККА в первые дни после начала вторжения? Ход самой войны, я с ваших слов уже примерно себе представляю... Но мне он не так интересен, как именно ход вашими словами — «Приграничного сражения».

Действительно, зачем ему знать про Берлинскую операцию?

Хотя мной изменено по минимуму, но уже и ежу понятно, что она может быть раньше, позже или её может — вообще не быть...

Показав жестом — мол наливайте, тщательно пошурудив в «послезнании», я согласно кивнул:

— Хорошо! Я расскажу Вам про славный боевой путь 85-ой Ордена Ленина стрелковой дивизии, которая в первые дни войны обороняла Гродно...

Бонч-Бруевич-старший оживился:

— «Гродно»? Это там где Наполеон переправился через Неман? В том месте, если Вам неизвестно, во время Империи была Гродненская крепость или «Крепость Гродна» — в которую до Империалистической войны вбухали десять миллионов золотом, а во время онной — взорвали при приближении германцев...

Хмыкаю понятливо:

— Узнаю почерк! «Преемственность поколений», так сказать: попилили бабло, а концы

в воду.

С нездоровым любопытством:

— Что? «У вас» тоже что-то взорвали?

— Ну, а как же! Только если я буду это «что-то» перечислять — Вторая мировая война успеет закончиться. «У нас» работали серьёзно, не мелочась на какие-то там несчастные крепости...

Помолчав, Бонч-Бруевич-старший настойчиво повторил вопрос:

— И всё же? Крайне любопытно было бы мне узнать, как за этот стратегически важный населённый пункт, сражалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия в новую мировую войну.

Непроизвольно зевнув, я ответил:

— Да, впрочем как и за все остальные — «стратегически важные» или не очень, населённые пункты. Давайте накатим «по писюрику» — ибо рассказ будет долгим, да я начну помолясь...

***

Наполеон был далеко не дурак и, где переправляться через реки — хорошо знал

Город Гродно расположен в западной части Белоруссии области, вблизи границы с Польшей и Литвой (в 15 и 30 км соответственно), на крутом восточном берегу реки Неман. С началом 20-го века, это уже не только одни из «ворот» в Россию — но и важнейший узел железнодорожных и шоссейных коммуникаций, за который говоря словами американцев: «Надо держаться на ринге, даже если зубы выскочат». Поэтому ровно через сто лет после того, как Наполеона прогнали совместно «остервенение народа, зима, Баклай, да русский Бог[б]», в этом месте начали строить крепость — об неоднозначной судьбе которой, только что вкратце поведал мой Заместитель на должности Верховного Главнокомандующего.

Перед Великой Отечественной Войной, в тех краях дислоцировалась 3-я армия РККА входящая в состав Белорусского особого военного округа и, командовал ею генерал-лейтенант Кузнецов...

Ещё один Кузнецов!

Да сколько их в Красной Армии и доблестном военно-морском флоте?!

Рисунок 80. Топографическая карта города Гродно и его окрестностей.

Про этого полководца в частности и про его 3-ю армию в общем, современные мне историки писали (напишут) так:

«Военный талант(!) Василия Ивановича Кузнецова сформировался и проявился на белорусской земле — в Белорусском (Западном особом) военном округе в 1938–1941 г.г. В звании комкора он служил здесь командующим 3-й армией (с 1 сентября 1939 года). В начале Великой Отечественной войны 3-я армия в составе 4-го стрелкового и 11-гомеханизированного корпусов, 68-го укрепленного района (УР) и ряда артиллерийских и других соединений вела тяжелые оборонительные бои в районах Гродно, Лиды, Новогрудка».

В результате этих самых «тяжелых оборонительных боёв» под руководством «военного

«таланта», 9-я армия Вермахта генерала Штрауса (пять пехотных дивизий) взяла Гродно на второй день войны — 23 июня 1941-го года...

Мда... Чтоб сдать крупный город на второй день войны — нужен вполне определённый «военный талант», иначе никак.

1 июля Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498(!) вооружённых красноармейцев и командиров.

Из ста тысяч — менее полутысячи...

Вот это талантище!

Белый свет никогда таких ещё не видывал талантов и слухом про них, ничего не слыхивал...

Наполеон Буонапарт! Джузеппе Гарибальди! Ганнибал Гаструбалович! Гай Юлий Цезарь!

Да, что там...

Сам Саня Македонский и его тёзки — Невский и Суворов (но не тот, что Резун) иже с ним.

Мемуаров по-военному талантливое Василия Ивановича, читать мне не доводилось, поэтому врать не буду. Но понять как происходил сам «процесс», можно из воспоминаний боевого сподвижника «военного таланта» — командира 85-ой Ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майора Александра Васильевича Бондовского.

Все мемуары вспоминать не буду: нас с Бонч-Бруевичем старшим пока интересует подготовка его дивизии к войне и боевые действия в её первые часы и дни.

Итак, очень-очень краткий пересказ[7]...

***

85-я Ордена Ленина стрелковая дивизия формировалась на Урале для участия с Советско-финской войне, но на неё не успела и спустя какое-то время была направлена в Западный особый военный округ. В Гродно из-под Минска, это соединение прибыло за месяц до начала войны и, расположилась в лагере Сола, за исключением 59-го стрелкового полка, разведбата, медсанбата, автобата, полевого автохлебозавода. Эти части перед «вероломным и неожиданным» квартировали в военном городке, что недалеко от станции Гродно.

Как вспоминает командир дивизии:

«Сразу же началась боевая учеба. Особое внимание уделялось политзанятиям, тактической подготовке бойца и подразделений и, огневой подготовке...».

Конечно же, без политзанятий никуда — это то, как раз понятно!

А вот дальше пошло совсем непонятное.

Еще зимой, когда дивизия дислоцировалась в Минске, её сапёрный батальон был отправлен на строительство УР в район города Белостока. За две недели до начала войны, стрелковые полки выделили по одному стрелковому батальону для завершения работ в укрепленном районе «Линии Молотова» на границе. В полках осталось по два батальона, с которыми части 22 июня вступали в бой. Самая неблагоприятная обстановка сложилась в 59-м стрелковом полку, из которого кроме того — распоряжением штаба 3-й Армии, были

взяты три роты (по сути — полноценный батальон) для охраны самого армейского штаба и для работы на складе боеприпасов. Таким образом эта воинская часть вступила в бой, фактически имея на лицо всего один батальон и подразделения поддержки.

Напрашивается известная детская песенка про любимого бабушкой серенького козлика, которого — оставив «рожки да ножки», съели не серые волки...

Отнюдь!

Сама коварная, жестокая и подлая старуха — свалившая затем преступление на «санитаров леса».

Тем более были и ещё кое-какие неблагоприятные обстоятельства.

Дивизионная артиллерия активно перевооружалась на новую материальную часть, но если в легко-артиллерийском полку этот процесс прошёл сравнительно безболезненно, то в перешедшем на тягачи гаубичном артиллерийском — были вполне определённые проблемы, связанные с мехтягой... Вернее с её отсутствием. Фактически, трактора получил лишь один из его дивизионов, два других остались на конной тяге...

Однако, личный состав последних, был сокращён и приведён к штату численности на мехтяге!

Пришлось выкручиваясь из создавшегося положения, назначая недостающих ездových из числа бойцов из орудийных расчетов, что не могло фатальным образом не сказаться на боеспособности дивизионной артиллерии в целом.

Слабость можно компенсировать хорошо проработанным планом боевых действий, не так ли?

Так!

Имела ли 85-я стрелковая дивизия план на случай войны?

А как же!

У нас и экономика то — и то плановая. А уж в составлении то военных планов, так мы...

ВООБЩЕ!!!

Впереди если не Вселенной всей — то обитаемой части нашей Галактики, это уж точно.

По распоряжению видимо свыше (так называемый «План прикрытия мая 1941-го года»), разработка плана боевых действий дивизии была закончена 20 июня. Утвердить его должен был командарм-3 (генерал Кузнецов В.И.)...

22-го июня 1941-го года!

Интересно, это случайность такая или галимый стэб изменника и предателя?

Ладно, пока почтём за случайность...

Резонно сказать:

«Хрен с ним с утверждением! План известен командирам его разрабатывающих и с началом войны его надо выполнять».

А по плану, что?

По тревоге части (вернее то, что от них осталось) выводятся из казарм, создают несколько отрядов по борьбе с неприятельскими авиадесантами...

Это — лютый пизДетц, товарищчи!

...И совершают марш к границе, где должны наступательными действиями —

ликвидировать вторгнувшегося на нашу территорию противника.

Хм, гкхм...

План хорош и вполне выполним, слов нет!

Так почему же его не выполнили?

Пристегнитесь и приготовьте целлофановые пакеты, взлетаем!

В разработке плана командиры частей участие не принимали: только командир дивизии, начальник штаба, начальник артиллерии и начальник связи. Не был допущен даже заместитель командира дивизии по политчасти...

Его то, за что?

Мало того, будучи утверждённым, он должен был храниться не в штабе дивизии, а в...

В сейфе Оперативного отдела Штаба 3-й Армии.

Чтоб ознакомиться с ним, командиру полка надо было после объявления тревоги срочно прибыть в штаб армии, получить под роспись опечатанный пакет и в течении нескольких часов его изучать. После чего вернуться в часть и не меньшее время, разжёвывать суть предстоящих манёвров командирам батальонов.

«Комеди-Клуб» отдыхает!

Ладно, хрен с ним — с планом.

Всё одно, как это заметил сам(!) Наполеон, всякий план действует лишь до первого выстрела. После него, начинается сплошная импровизация.

Как импровизировали Командарм-3 и командиры 85-ой стрелковой дивизии?

Тем более что в отличии от Бреста, например, Гродно распложен сравнительно далеко от границы и про них нельзя сказать, что при первых же разрывах снарядов, они с собственными и чужими жёнами — бегали в одном нижнем белье, от точно таких же плохо одетых красноармейцев...

В ночь с 21-го на 22-е июня командование дивизии отнюдь не развлекалось в театре с московскими артистками, оно даже не спало. Оно находилось при штабе соединения и мало того — «о чём-то» подозревало.

Словами главного свидетеля:

«После короткого доклада текущей почты майор Заварин был отпущен на отдых, а я заглянул на минуту в комнату отдыха. Там оказался и еще не спал тов. Гурьев. Он сообщил мне новость, которая не могла не возмутить: «Скрипачи» обнаглели, предъявив ультиматум нашему правительству о возврате Молдавии, угрожая войной. (Я понял, что речь идет о Румынии). Было ясно, что новость эта не из приятных. Война вплотную подступала к советской границе».

Ещё одна палка меж ног историкам, утверждающим, что накануне войны — командиры РККА были ни сном, ни духом.

И наконец, началось:

«Так и тогда за тяжелым вздохом я машинально потянулся к ручным часам. Часы показывали 4 часа 22.06.1941...

Первые разрывы авиабомб послужили сигналом тревоги. Часть дивизии, как расположенные в городе, так и в лагере, быстро поднялись и начали рассредоточиваться в

районах северо-восточной окраины города и рощах западнее лагеря Солы. Майор Заварин, вернувшийся ко мне в помещение штаба дивизии с первыми разрывами авиабомб, получил от меня указание и отметки на карте, где должны рассредоточиваться части, стоящие в лагере. Полковник Тарасов по телефону давал распоряжения артиллерийским частям о районах, куда они должны выйти по тревоге. Командир 59 СП полковник Терентьев самостоятельно принял решение о выводе полка и других частей из казарменного городка, о чем доложил мне по телефону. Мне оставалось уточнить районы рассредоточения в северо-восточной окраине города, как полка, так и других частей».

Пока всё идет правильно, нет даже записей о жертвах бомбардировки среди бойцов и командиров, а стало быть их удалось избежать:

«Невредимыми остались штабы корпуса и дивизии, мосты через р. Неман. Склады и лагерь Солы не бомбились. Надо полагать, что склад горючего на юго-западной окраине города противник приберегал для себя. Что касается складов боеприпасов и взрывчатых веществ, то о них немцы или не знали, или не хотели подвергать уничтожению склад горючего, расположенного недалеко от склада боеприпасов.

На лагерь Солы не было первого налета бомбардировщиков немцев в 4 часа 22 июня. Можно предполагать, что нахождение дивизии в лагере Солы противнику было неизвестно».

Как всё удачно складывается, да?

Те, кто находились в это же время в Бресте — даже мечтать об таком не могли...

Сразу же выяснилось, что мы с Наполеоном правы:

«При моих явках по вызову в штаб армии как утром, так и днем 22.06.1941 ни наштарм, ни начальник оперативного отдела о планах не вспоминали, ибо было видно, что события развиваются далеко не по плану и вопреки ему».

За кадром остаются многочисленные вопросы, типа:

А какие «события» ожидались? А на хрена надо было разрабатывать планы, которые первой же бомбёжки становятся «ни больше — ни меньше как грудой ненужных бумаг»?

Молчит на этот счёт наш «Дэвид Копперфильд», упорно молчит... Хотя и понимает некоторые очевидные вещи:

«Город Гродно имел объекты, большое военное значение которых было бесспорно: Штаб 3-й Армии, штаб 4-го стрелкового корпуса, штаб дивизии; склады горючего, боеприпасов и взрывчатых веществ; железнодорожный и городской мосты через реку Неман; в 3–5 км западнее и южнее города лагеря Фолюш и Солы; казармы вблизи ст. Гродно».

Ну раз понимаешь, то значит что?

Занимай своей дивизией город, готовь его оборону.

Вместо этого вполне логичного решения, он получает другой план:

«Я вызывался в штаб (третьей) Армии дважды. Первый раз за получением задачи дивизии на оборону рубежа р. Лососно. Задачу мне ставил командарм–3 генерал-лейтенант Кузнецов Василий Иванович в своем кабинете. В это время вблизи штарма рвались авиабомбы. На всю жизнь запомнилась завидная собранность и внешнее спокойствие командарма Кузнецова, повлиявшие и на меня...

Второй раз в штаб Армии вызывался с докладом о положении на фронте. Того нервоза, который был в штабе вначале, я уже не видел. Штаб перестроился для работы в цокольном этаже».

Дав приказ генерал-майору Бондовскому оборонять священные берега неведомой мне речки с несколько стрёмным названием, «завидно собранный и внешне спокойный» «военный талант» по фамилии Кузнецов и его «перестроившийся» штаб 3-й армии РККА, уже вечером того же дня драпанули из города:

«Командарм Кузнецов и его штаб выехали из города только после 19 часов 22 июня. Обстановка на фронте складывалась неблагоприятная, особенно на флангах армии».

Начальство не просто драпануло со свистом и с пробуксовкой, оно ещё и забрало с собой один из стрелковых полков и разведывательный батальон дивизии. Видимо для прикрытия самого себя от вездесущих «авиадесантов противника».

Тем временем Комдив-85, готовит к обороне город. Но делает это очень странно. Свои и без того куцые силы, он распыляет по окрестным лесам:

«141 СП из рощ 3 км юго-западнее и западнее лагеря Солы начал движение для обороны участка: устье р. Лососно — северная опушка леса южнее Новики — западная окраина Гродно. На оборонительный участок полк сопровождал я, я же ставил и задачу командиру полка подполковнику Малинину.

103 СП из леса 2.5 км южнее лагеря Солы в назначенный ему оборонительный участок: лес южнее Новики — Чеховщина — Колбасино, начал движение по получении задачи, которую ставил командир штаба дивизии.

167 легко-артиллерийский и 223 гаубичный артиллерийский полки становились на огневые позиции в районах: юго-западная окраина Лососно — Колбасино — восточный выступ леса южнее Колбасино — СТФ».

От такой «диспозиции» возникает недоумённый вопрос:

А кто будет оборонять Гродно?

Дед Пыхто?

Так, так, так...

Стоит призадуматься над этим — воистину маниакальным нежеланием советских полководцев защищать города.

Всю войну, германцы стойко обороняли буквально каждую мал-мальски удачно расположенную деревеньку — превращая её в опорный пункт. Города с прочными каменными зданиями — в настоящие крепости, штурм каждой из которых — стоил нам большой крови.

Вот, например:

«Попково — довольно большая деревня, расположенная на равнине. Примерно в 300 метрах от восточной ее окраины начинается подъем холма в нашу сторону. Дома, да и другие постройки — кирпичные. Кирпичная, внушительных размеров церковь в центре деревни и двухэтажная кирпичная школа на окраине деревни с нашей стороны.

Сама деревня представляла собой внушительный рубеж обороны. Каждый дом — дот. Особенно серьезными оборонительным и наблюдательным пунктами были церковь и школа. Но немцы еще больше укрепили свою оборону, проложив перед деревней траншею окопов с пулеметными ячейками и ледяным бруствером, а обрушив крыши и перекрытия крайних домов, устроили мощные доты с амбразурами подвальных окон. Подходы к деревне со стороны наступающих представляли собой открытую равнину с одной кирпичной

постройкой бывшей машинно-транспортной станции в виде большого сарая[8]».

Красная Армия же, предпочитала «оборонять» леса и болота — легко отдавая противнику даже такие крупные города, как Львов, Минск, Смоленск, Ригу, Киев, Ржев, Вязьму, Орёл и так далее... По сути, она начинала защищаться только прижатая задницей к воде: Одесса, Севастополь, Ленинград, Сталинград... Единственное исключение — Тула, с обороны которой началось декабрьское наступление под Москвой.

Почему?

Возможно, эта привычка осталась со времён Гражданской войны?

Кроме Красной, Чёрно-красной (анархисты Махно) и Белой армий, в ней принимали участие и так называемые «Зелёные». Это вовсе не защитники экологии, а убеждённые дезертиры, прячущиеся от призыва любой из сторон в труднодоступных местах. Песенка даже такая народная была, из которой помню только первый куплет:

«Зелёная армия,
Кустарный батальон...».

Сперва «зелёноармейцы» были не за тех, ни за других. Затем — за тех, кто побеждает. То есть — за красных.

Так может меж них имелось какое-то тайное «братство» и первым делом «перекрасившись», они затем методом детёныша кукушки поочерёдно выкинули «из гнезда» — в первую очередь военспецов, затем истинных краскомов? Ну и как собака с улицы блох в дом, принесли в стратегию РККА две свои основополагающие привычки: прятаться в лесу и выждать чья возьмёт — чтоб потом присоединиться к победителю.

А чем ещё объяснить?

Ну да ладно, всё равно всей правды не выяснишь, вспоминаем дальше...

Один хрен не пригодилось!

«Первые выстрелы» не прекращались, отменяя всё новые и новые планы нерасстрелянных вовремя «военных талантов»:

«К концу дня 22 июня над армией нависла угроза охвата ее флангов и прорыва немецко-фашистских войск к переправам через р. Неман у Лунно и Мосты.

Командарм принял решение в ночь с 22 на 23 июня, оставив Гродно, отвести войска на рубеже р. Котра и Свислочь. Здесь же отдал приказ:

85 СД с наступлением темноты начать отход с рубежа р. Лососно на оборонительный рубеж р. Свислочь. Отходя, применить метод подвижной обороны по рубежам...».

«Военный талант» по кличке «Кузнецов», придумал воистину гениальный ход, чтоб насыпать кварцевого песка в подшипники германского «Блицкрига»:

«Чтобы замедлить продвижение противника, Командарм приказал организовать и осуществить: взрыв железнодорожного и городского мостов через р. Неман, уничтожение складов горючего на юго-западной окраине города, боеприпасов на южной окраине и взрыввеществ на северной окраине Гродно».

Даром что ли, его впоследствии Героем Советского Союза объявили?

А в чём суть сего гениального маневра?

А вот хрен догадаетесь, для этого генералом Красной Армии надо быть, да не простым

— а природно одарённым!

Впрочем, судите сами про изящество задумки:

«Ставилась задача — воспользоваться шумом взрывов, чтобы прикрыть отход дивизии...

(Ой, держите меня семеро — сейчас грохнусь оземь со смеха!!!)

...Определение времени начала взрывов и начала отхода возлагалось на меня. Командарм сообщил, что подготовка мостов к взрыву уже началась и поручено саперам другой части. Командарм знал, что дивизия саперного батальона не имеет».

Заботливый, падла, попался!

Как говорится: «ломать — не строить».

Взрывать народное добро — не производить его, выжимая последние копейки с народа и, вот:

«В 0 час. 30 мин. 23.06.1941 последовали взрывы на р. Неман, взрывы снарядов на складе боеприпасов, вспыхнул пожар на складе горючего. В это время я выезжал на шоссе Гродно — Лунно. Взрывы были огромной силы. Казалось, что город поднят в воздух. Это были взорваны мосты через р. Неман. Началось уничтожение склада боеприпасов. Огромное пламя огня на складе горючего быстро разрасталось, захватывая пожаром юго-западную окраину города...».

Заметим для себя: это происходило тогда, когда не один фашист в рогатой каске, не был замечен в окрестностях Гродно. Хотя виновник этого «торжества», задним числом писал такое:

«Отход начался при отсутствии наземного воздействия со стороны противника, но ещё вечером до наступления темноты, в бинокль можно было рассмотреть подходы к Гродно немецкие мотомехчасти...».

На Гродно наступала обычная пехота, хотя и возможно усиленная штурмовыми орудиями «StuG». Вот она и взяла на следующий день город и, причём — почему-то не заметив взорванных с таким «фейерверком» мостов.

Одно радуется:

«Поскольку было уже темно, авиации противника в воздухе не было. Началось оставление Гродно».

Правда, радость та была недолгой:

«Начался рассвет, а с рассветом появились бомбардировщики немцев. Началась бамбежка отходящих колонн. Колонны несли потери в автомашинах, конском составе, повозках».

Самое милое дело для любой авиации — бомбить неприкрытые с воздуха колонны и особенно обозы отступающих войск и, это удовольствие советские «военные таланты» — лётчикам Люфтваффе в полной мере предоставили:

«Тяжелую картину увидели все мы на дорогах, идущих из Гродно в сторону нового рубежа обороны р. Свислочь: в одиночку и группами стояли подбитые автомашины или остовы сожженных автомашин нашего 2-го автомобильного батальона...».

Будь я Герингом, я б награждал советских генералов «Железными крестами» и бриллиантов бы к ним не пожалел...

Прямо таки брал бы горстями и раздавал: заслужили, сцуки!

В результате этого хитрого манёвра, 85-я стрелковая дивизия осталась без автомобильного транспорта и видимо имущества находящего в кузовах грузовиков и, в буквальном смысле — без куска хлеба, ибо вместе с автобатом — был уничтожен и полевой автомобильный хлебозавод.

Но самое страшное, даже не это!

Полетел в корзину с мусором и очередной хитрый план нашего «военного таланта»:

«Остановка на первом рубеже грозила ничем неоправданными потерями в людях и технике, потерей времени для занятия основного рубежа обороны по р. Свислочь. Эти же причины говорили не в пользу осуществления подвижной обороны и на последующих рубежах и подсказали отказ от нее. Создавшаяся обстановка диктовала необходимость сохранения живой силы и технических средств для основной задачи — обороны рубежа р. Свислочь, тем более, что наземного преследования со стороны противника не было. Под непрерывным воздействием авиации противника части отходили, не задерживаясь на промежуточных рубежах...».

В общем, драп благополучно продолжился без остановок, сюрпризы продолжались:

«При проведении рекогностировки оборонительной полосы дивизии было установлено разрушение моста через р. Неман в Лунно, на который мы ориентировались при организации подвоза продовольствия и фуража со ст. Скидель. Это еще больше усугубляло обстановку снабжения всеми видами довольствия...».

Такое положение на военном языке, это называется «оперативное окружение».

И кто его совершил?

Германский Вермахт в результате «Блицкрига»?

Нет, не он...

А кто? Угадайте с трёх раз?

Неужели этот мост взорвали вопреки командующему 3-й армией, генералу Кузнецова — незаурядному «военному таланту» и без пяти минут Герою Советского Союза?

Да, быть такого не может!

Поэтому, заслугу в деле окружения целых советских армий или даже фронтов, надо разделить пополам между германскими и советскими генералами...

Ведь обе стороны приложили в этом деле максимальные усилия и ещё надо подсчитать — кто из них больше.

Я к примеру, плюсюю именно за генерала РККА Кузнецова — Героя Советского Союза и кавалера всевозможных полководческих орденов.

«...С 24 июня дивизия вынуждена была перейти на использование носимого НЗ продовольствия, в последующем продовольствие добывалось или путем изъятия из складов, оставленных интендантствами или ушедшими вглубь страны советскими организациями, и наконец, иногда нас снабжали колхозники через свои МТФ. Все, что добывалось, не составляло набор продуктов хотя бы близких к пайку».

Зубы на полку, стало быть, а ведь ещё Наполеон говорил:

«Армия воюет брюхом!».

Так фули нам какой-то Наполеон?

У нас собственные военные таланты есть!

Наполеон, который нам не указ, ещё и что-то там про порох вякал... Мол, современные

армии разучились воевать без него.

Фигня!

С боеприпасами в дивизии также были не лады, после взрыва складов 3-й армии в Гродно....

Так воевали же!

Помогала наша русская находчивость:

«Начальник артиллерии дивизии полковник Тарасов, руководивший со своим штабом отходом артиллерийских частей при оставлении Гродно, докладывал, что артиллеристами был обнаружен в лесу южнее Новики склад снарядов на земле...».

Нашли ж!

И смекалка:

«...В дальнейшем пополнение боеприпасами проходило только за счет собирания патронов, гранат у раненых и убитых бойцов, а снарядов за счет оставленных на поле боя другими частями».

Когда чего-то не хватает, «голь на выдумки хитра», как в случае с топливом для чудом уцелевших тракторов и грузовиков:

«Горюче-смазочными материалами с армейских складов дивизии ни разу не пополнялась. Горючее добывалось только путем слива его из выбывших из строя или оставленных на поле боя машин».

Как же дивизии пополняться с армейских складов, коли их сами же и взорвали?

Вот так и воевали в первые дни войны: своими руками уничтожили склады полные народного добра и теперь снабжаемся по «бабушкиному аттестату»!

С миру по ниточке, с бору по сосенке.

Драпали, драпали, драпали...

Весь день драпали, а к вечеру остановившись и, стали задаваться вопросом:

А от кого, спрашивается, драпаем?

«Днем 23 июня перед оборонительной позицией на р. Свислочь ни пехота, ни танки противника не появлялись. Ближняя разведка 103 и 141 СП доходила до заданных рубежей, но, не добыв сведений о наземном противнике, возвращалась в части».

Это было бы очень смешно, если бы не было так трагично...

Если кто-то решил, что это — самое дно, то пусть прислушается:

Снизу стучат!

«Во второй половине ночи с 23 на 24 был получен боевой приказ командарма — 3. Дивизии ставилась задача совершить марш и наступать на Гродно с целью восстановить прежнее положение взять Гродно».

Нет, больше не могу...

Хихихихи! Хахахаха! Хохохохо!

Нет, не так:

БУГАГАГА!!!

Дико извиняюсь...

Очередной хитрый план «военного таланта» начал выполняться:

«Остаток ночи прошел в подготовке к маршу. С исходных пунктов колонны начали

движение по заданным маршрутам в 9 час. 30 мин. 24 июня...».

85-я стрелковая проделала немалый путь, на марше с утра и до обеда — не встретив ни танков, ни мотопехоты противника — от которых так резво удирала накануне, пока не случилось то, что должно было случиться:

«...Со стороны Гродно появилась девятка «юнкерсов». Началась бомбежка левой колонны. На смену отбомбившейся девятки «юнкерсов», появилась девятка «мессершмиттов», начавшая штурмовать, поливать огнем колонну. На смену штурмующим «мессершмиттам» появилась новая девятка «юнкерсов». Штурм сменился бомбежкой. Так, штурм чередовался с бомбежкой, непрерывно, в течение 9,5 часов: начался в 13 часов и закончился в 22 часа 30 мин. Правая колонна начала бомбиться и штурмоваться с той же интенсивностью, но несколько позднее, а закончилась также в 22 часа 30 мин. От бомб и пулеметного огня колонны понесли очень большие потери, особенно в орудиях, специальных машинах, конском составе. Пехота, боевые расчеты артиллерии и спецчастей, водители автомашин сошли с дороги в сторону, окапались, замаскировались. Потери в людях были менее значительны. Шоссе профилировано, съезжать с него в сторону не везде возможно. Только отдельные специальные машины съехали с него и замаскировались, но и по ним наносились бомбовые и огневые удары. С третьего или четвертого захода бомбардировщиков — точно не помню — выведена была моя радиостанция и я остался без радиосвязи. Колонны были прижаты к земле до наступления темноты. Задача дня боевого приказа командарма — 3 не была выполнена».

Дальше всё понятно: 85-ой ордена Ленина стрелковой дивизии — как таковой не стало. Но забавляет последняя фраза:

«Задача дня боевого приказа командарма — 3 не была выполнена».

А что?

Кто-то всерьёз рассчитывал, что она — «задача дня», будет выполнена?

Что накануне бомбившая дивизию германская авиация, устыдилась содеянного и больше этого делать не будет?

Что одетый в «фельдграу», со «штальхельмами» на головах и с «машиненпистолями» в руках немецкий пролетариат восстанет и, оставшиеся без топлива, боеприпасов и даже без куска хлеба — «рожки да ножки» «ордена Ленина», отобьют важнейший узел коммуникаций?

Этот план сочиняли взрослые люди, или сопливые детишки из школы «для особо одарённых»? Которые и задницу то — подтереть самостоятельно не могут, чтоб с ног до головы не измараться в собственном дерьме???

Или, всё-таки план генерала Кузнецова был успешно выполнен? Как и все предыдущие? Но он имел своей целью совсем не то, про что официально заявлялось.

Автор разбираемых «по косточкам» мемуаров — генерал-майор Александр Васильевич Бондовский, командир 85-ой ордена Ленина стрелковой дивизии, пишет по этому поводу:

«Идея решения командарма — 3 на оставление Гродно и отвод войск на рубеж р. Котра и р. Свислочь в ночь на 23 июня с целью ликвидации угрозы охвата флангов и воспрепятствования прорыва немецко-фашистских войск к переправам через р. Неман у Лунно и Мосты была проста и понятна...».

У него не хватило мужества (а скорее всего он был в сговоре), а я за него закончу:

«...Своими руками угробить 3-ю армию РККА, сдать важный пункт коммуникаций

врагу и открыть ему путь в тыл Западного фронта».

Других «идей» в этих решениях — не просматривается, от слова «вообще».

Кстати, автор вышеприведённых материалов, тоже в своём роде «талантливый уникам»: единственный советский генерал — дважды в 41-м году пролюбивший вверенные ему дивизии, дважды вследствие этого попадавший в фашистский плен и, соответственно — дважды совершивший побег из плена.

Прям, Дэвид Копперфильд — да и только!

Историки уверяют доверчивый электорат, что за пребывание в плену — всякому бойцу и командиру грозили всяческие кары: как минимум — штрафбат, а коль совсем не повезло — то и расстрел.

«Конструкторы человеческих душ» — писатели, книжки про то же пишут — «Архипелаг ГУЛАГ» и прочие, за что получают Нобелевские премии, а сценаристы с режиссёрами — фильмы снимают, с участием лучших артистов страны, набирающие десятки миллионов просмотров и формирующие мировоззрение целых поколений проживающих на «одной шестой» части землешарной поверхности...

Взять хотя бы «Холодное лето 53-го», где brave капитана-разведчика за пару часов плена — очень надолго определили в «ГУЛАГ», где он до самой смерти Сталина и бериевской амнистии — трудился в лесопромышленности с компанией воров-рецидивистов, убийц, сексуальных маньяков-насильников, дезертиров, бандеровцев и прочих нацистов, гениальных конструкторов и других невинных жертв режима.

Брешут, собаки!

Тут человек два раза подряд был в плену, а его не то чтобы не расстреляли — из армии не уволили и даже не понизили в звании.

Правда, следуя пословице про «альтернативно одарённого» и «мужской детородный орган из стекла» — дивизий ему больше не доверили. Зато...

Какая приятная неожиданность, описаться на радостях можно!

...Вместо хотя бы штрафбата, генерал-майора Бондовского отправили преподавателем тактики на курсы усовершенствования офицерского состава «Выстрел» — где как надо полагать, он учил молодёжь — как надо правильно «пролюбить» дивизии, как следует вовремя сдаваться в плен, а затем...

Ну, магические способности, далеко не у каждого генерала открываются!

Ибо подобных чудес, история Великой Отечественной войны — больше не знает.

И видимо, учил очень здорово — дослужившись к июлю 1943-го года до назначения — Начальника учебного курса по тактике.

В этом же контексте следует рассматривать и следующий эпизод, которым я пожалуй и завершу рассказ про славный боевой путь «85-й ордена Ленина стрелковой дивизии РККА» и первые дни Великой Отечественной Войны:

«В 4 часа 25 июня майор Данильчук доложил о чрезвычайном происшествии в сформированной конной разведке. Заканчивая формирование разведки, майор Данильчук приказал построить ее в полной боевой готовности для проверки и смотра. Во время проверки наличия выделенных в группу бойцов ст. лейтенантом Безматерных, перед строем группы вместе с т.т. Данильчук и Безматерных появился зам. начальника особого отдела дивизии ст. лейтенант Жраков.

Неожиданно для всех ст. лейтенант Жраков выстрелом из револьвера убил ст. лейтенанта Безматерных. Последовало замешательство среди разведчиков, а затем выстрел, которым в упор был убит зам. начальника особого отдела одним из бойцов конной разведки».

Что это за «чрезвычайное происшествие» и зачем про него надо было вспоминать?

Чтоб в очередной раз лягнуть «кровавую гэбню», мешавшую нашим «военным талантам» бить врага?

А может, за этим стоит нечто другое?

Имеется основанная на собственном житейском опыте чуйка, что дело обстояло несколько не так...

А возможно — совсем не так.

Скорее всего, особист что-то (на третьи сутки!) заподозрил и увидев в действиях генерала Бондовского измену Родине и служебному долгу — выраженные в решении сдать в плен, решил арестовать последнего...

Однако, в завязавшейся перестрелке был тем убит, после чего по каким-то вновь открывшимся обстоятельству — сдаваться в плен стало «не комильфо» и пришлось отложить до следующего раза.

Почему особист был убит именно им — генералом Бондовским, а не положим майором Данильчуком?

Потому что вспомнил этот — в принципе малозначительный на фоне происходящих событий, эпизод. Видимо, это был его первый опыт личного убийства человека... А к преступнику всегда приходят во сне и наяву «мальчики кровавые в глазах» и его всегда тянет на место преступления.

***

После моего рассказа Бонч-Бруевич младший, наливая всей честной компании ещё по одной, задумчиво протянул:

— Мда... Такого бардака, я что-то даже в Гражданскую войну не припомню. Хорошо, что Владимир Ильич не дожил!

Старший же:

— Не забывайте всё ж, что в Гражданскую — Красной Армией командовали военспецы под присмотром настоящих — ещё дореволюционного «призыва» большевиков, а не эти...

И тем не менее когда жажнули по соточке, маршал Советского Союза, закончил на довольно оптимистической ноте:

— И всё же я не вижу повода отчаиваться. На примере всё той же 3-й армии (в которой на всякий случай надо срочно сменить командование), я скажу что надо делать.

Затем, предварительно закусив, он стал перечислять по пальцам:

— Первым делом Генштабу надо разработать подробнейший план обороны Гродно для каждой из частей, ознакомить под расписку командиров, предупредить об ответственности за невыполнение и непрерывно контролировать, и... Всё!

Переспрашиваю:

— «Оборона Гродно...»?

Тот, широко разведя руками:

— А нам ничего не остаётся, как только оборона городов находящихся на узлах

транспортных коммуникаций. Для «маневренной обороны» Красная Армия недостаточно маневренна, а противник имеет подавляющее превосходство в воздухе — что не позволит наносить мощные контрудары достаточно крупными силами и главное — внезапные. А без внезапности любая операция обречена на провал.

Возражаю, хотя и чисто для поддержания разговора:

— Отдав инициативу в руки врага, мы войну не выиграем.

Горячится, едва командирскую гимнастёрку на груди не рвя:

— Пеший, может успешно воевать против конного — только находясь в укреплённом месте и никак иначе! Кроме того, для создания сплошной полосы обороны, у нас недостаточно плотности войск. Естественно, локальные контрудары по флангам прорвавшегося противника, я не исключаю... Я на них настаиваю!

Всё это я и сам прекрасно понимаю, но всё же, сомнения меня гложут:

— Вы предлагаете тактику «фестунгов» — городов-крепостей, Михаил Дмитриевич? Не шибко то она помогла Гитлеру и его «гоп-компаниям».

— «Фестунги»?! А это что за напасть?

Вкратце рассказал про эту последнюю «соломинку» за которую ухватился Гитлер, после чего мой Заместитель, после недолгого раздумья заявил:

— Не забывайте, Иосиф Виссарионович, что перед тем истощив резервы и ресурсы Германия вела уже проигранную(!) войну. Нам же подобная тактика позволит, избежав излишних потерь — после объявления всеобщей мобилизации и перевода экономики на военные рельсы, последовательно и непрерывно наращивать силы — чтоб к зиме получить превосходство в живой силе и технике, перейти в наступление и разбить противника.

— «Гладко было на бумаге...».

— Согласен! Любой план кажущийся безупречным до войны, после начала войны — оказывается никуда не годным. Диалектика!

Соглашаюсь:

— Она самая, мать её етти... Владимир Дмитриевич... Вы ещё не налили?

Ну, что ж...

Хотя я сильно сомневаюсь, что тактика «фестунгов» способна что-то радикально изменить и, общая обстановка — все равно останется крайне неблагоприятной для РККА всё же частных успехов на отдельных направлениях — безусловно добиться можно. Окружённая в крупном городе — узле коммуникаций и, продержавшаяся хотя бы неделю дивизия или армия — принесёт гораздо больше урону Вермахту, чем как стадо волков — обложенная в лесной чаще или даже в чистом поле и, погибшая при попытке прорваться... Или же распущенная на «мелкие группы» собственными командующими.

И главное, действительно он прав: ничего другого не остаётся. Так что условимся, что на вопрос «Что делать?», худо-бедно — но я уже нашёл ответ.

Как будто читая мои мысли Бонч-Бруевич старший спросил:

— Надеюсь на ваш первый вопрос, Иосиф Виссарионович, я ответил?

Помедлив, утвердительно киваю:

— Вполне. Теперь ответьте на второй вопрос: «Где взять Гинденбургов?». Ибо, для обороны вполне достаточно стойкости простых бойцов и тупой исполнительности

командиров. А вот для успешного наступления — к которому рано или поздно Красной Армии предстоит перейти, требуется какой-никакой — но полководческий дар у наших генералов. А ведь большинство потерь, бывает именно во время наступления...

[1] После подписания 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией и, следовательно исчезновения угрозы войны на два фронта, «План прикрытия» начал перерабатываться. На утверждение Наркомату обороны Тимошенко, он должен был поступить 22 июня.

[2] Кто интересуется, рекомендую книгу: Рожков А. «В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов».

[3] Ветеран ВОВ Гак Александр Михайлович из сборника А. Драбкина «А мы с тобой брат, из пехоты...».

[4] Пожар в Зимнем дворце 17 декабря 1837-го года, охвативший Зимний дворец в Санкт-Петербурге во время царствования Императора Николая I, считается одним из самых грандиозных пожаров в истории дореволюционной России.

[5] Из мемуаров бывшего офицера Преображенского полка Д. Г. Колокольцева известно, что «эти батальоны, вызванные по тревоге, более часа простояли перед дворцом на площади в полном бездействии, ожидая распоряжений растерявшегося начальства, и появились в здании только тогда, когда пламя вспыхнуло над дворцом ослепительно ярким заревом».

[6] Из А.С. Пушкин «Евгений Онегин».

«Гроза двенадцатого года Настала — кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?».

[7] Кого интересуют подробности: Бондовский Александр Васильевич: «Боевые действия 85-ой Ордена Ленина стрелковой дивизии в первые дни Великой Отечественной войны».

[8] Андреев П. «Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика».

Глава 24. «Где бы мне взять Гинденбургов»?

Глава 24. «Где бы мне взять Гинденбургов»?

И. В. Сталин, 1940 год:

«Вот возьмите лучшего полководца нашей страны Суворова, он монархист, был феодал, дворянин, сам граф, но практика ему подсказала, что нужно некоторые устои ломать и он выдвигал людей, отличившихся в боях. И только в результате этого, он создал вокруг себя группу, которая ломала все. Его недолюбливали, потому что он нарушал традиции цеховщины. Вот он не очень способный полководец, но позвольте, у него такая фамилия, такие связи во дворе, такой милый, как же его не любить. А он двигал малоизвестных людей, ломал устои цеховщины. Его за это не любили, однако, он создал вокруг себя группу способных людей, хороших полководцев. То же самое, если взять Ленина. Как Ленин ковал кадры? Если бы он видел только таких, которые лет 10–15 просидели в партийной среде на руководящей работе и проч. и не замечал тех молодых, которые растут как грибы, но они способные люди, если бы он этого не замечал и не ломал традиций стажа, пропал бы. Партия, литература, армия — всё это организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь того, когда отомрут старые. Если мы будем ждать, пока старые отомрут, и только тогда будем обновлять, мы пропадём, уверяю вас... И у нас в партии тоже — стариков, которые никогда не старятся душой, которые способны воспринимать всё молодое, — таких стариков мало».

Ветеран ВОВ Чистяков Николай Александрович из сборника Артёма Драбкина «А мы тобой, брат, из пехоты...»:

«Я могу где угодно сказать, что они (немцы. авт) воевали лучше нас, когда мы в колоннах наступали и бросали пушечное мясо — нате, бейте! А если бы грамотно воевали, толково? Если бы у нас тактика была, как у немцев, то мы бы за два года закончили эту войну. А может быть, даже и меньше. Именно безалаберщина, преступно-халатное отношение к ведению боя — вот что и привело к таким потерям. Одну дивизию уничтожили, давай другую, третью. Немцы очень грамотно воевали. И отступали тоже умело».

Из телеграммы И. Сталина Л. Мехлису по поводу обстановки на Крымфронте, 1942-й год:

«Других генералов у меня для вас нет. Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов».

Генерал Фридрих Вильгельм фон Меллентин, послевоенные мемуары:

«Никто не сомневается, что у России может быть свой Зейдлиц, Мюрат или Роммель, — в 1941–1945 годах русские, безусловно, имели таких великих полководцев».

Если про «Фестунги» я и сам нет, нет — да подумывал, то ответ на второй вопрос был для меня полностью неожиданным:

— Э, бросьте, Иосиф Виссарионович! Какой ещё «полководческий дар», какие к чёрту «Гинденбурги»? Нужны соответствующие духу времени боевые уставы и досконально знающий их — аккуратный, вьедливый, терпеливый и требовательный начальник штаба на месте наших «волевых» командиров и, не более того.

— ...??? Извините, Михаил Дмитриевич?

Не замедлив с ответом, тот:

— В уставах РККА практически ничего нет про оборонительные действия и совершенно ничего про такие сложнейшие виды боевых действий, как отступление. Вообще, в них больше политики и пропаганды, чем руководства к действию.

Усмехаюсь:

— Поздравляю, Михаил Дмитриевич: Вы открыли Америку и можете смело рассчитывать на Сталинскую премию во всех трёх номинациях!

Тот, попустив мимо ушей:

— Но это ещё не вся беда, это полбеда... Наши командиры их зачастую не знают!

Как, так? Я понимаю, простые красноармейцы не знают уставов, ибо только что из деревни или завода... Но чтобы командиры и мало того — генералы?

Это же — профессионалы!

Согласен — тупые, согласен — морально нестойкие в большинстве своём...

Но всё же — профи.

Как играть в хоккей не зная правил?

И хоккей ли это будет — а не фигурное катание, к примеру? Иль даже кордебалет на льду?

Ошарашенно спрашиваю:

— Вы это серьёзно, что ли?

Заместитель Верховного Главнокомандующего был серьёзен, как дальний родственник со стороны невесты на свадьбе миллионера:

— Ещё как! Мало того, они не изучают и соответственно — не знают действующих приказов Наркома обороны и, следовательно — не выполняют их. И это на уровне командующих родами войск, Иосиф Виссарионович! Вот к примеру, ещё сразу после Финской войны...

Он вкратце изложил суть своих претензий к товарищам командирам и генералам.

На майском «Совещание по итогам Советско-финской войны[1]», были изданы следующие приказы Наркома обороны СССР:

«1. В целях лучшего взаимного изучения родов войск, практиковать стажировку авиационных командиров в наземных войсках и наоборот — общевойсковых командиров в частях ВВС.

2. Приказом Народного комиссара обороны обязать всех командиров наземных войск изучить боевые уставы бомбардировочной и истребительной авиации, а также устав воздушной разведки, который начальнику ВВС Красной Армии представить на утверждение наркома не позже 1 июня 1940 г.

3. Начальнику Генерального штаба, совместно с начальником ВВС Красной Армии, провести с командующими военных округов авиационную игру, на которой поверить основные положения разрабатываемого начальником ВВС «Наставления по оперативному

применению ВВС...».

— ...Уже прошло более чем полгода, но ни один из этих приказов не был выполнен!

Интересуюсь:

— Причина?

Тот, недоумённо-беспомощно пожав плечами:

— Традиция-с! К примеру во время последней Германской войны, некий полковник Генерального штаба... Эээ... Кудрявцев, если не изменяет память, проанализировав — уже годовой как фронтовой опыт, составил брошюру «Общие указания для борьбы за укрепленные полосы» и получив одобрение тогдашнего начальника штаба генерала Алексева, разослал её экземпляры в штабы Действующей армии... И что вы думали? Дс семнадцатого года они пылились на полках и, никто их даже не соблаговолил прочесть!

Вертя в руках пустую рюмку, печалюсь:

— Мда... Сталина на них не было.

Тот, ехидно на меня посматривая:

— У нас же при товарище Сталине, выходит ещё смешнее... Спрашиваю одного командующего армией: «Почему не знаем приказов Наркома?». И знаете, что он мне отвечает? «На службе нет времени читать, а домой брать для изучения не разрешает секретная часть».

Овно во мне начинает потихоньку закипать:

— Похоже не на просто отговорку, а на открытое издевательство...

Бонч-Бруевич старший потянувшись за новой бутылкой, огорчённо:

— Боюсь, что Вы правы, Иосиф Виссарионович.

Перебрав в уме «послезнание», я меж тем подумал:

«А ведь насчёт уставов он прав! Кроме «лучшего танка Второй мировой войны» и овладевших ими опытных кадров, третьей причиной успеха бригады Катуква между Мценском и Орлом, было строгое следование действующим уставам. Это заметили как танкисты Гудериана:

«...Русские танки больше не позволяли отгонять себя артиллерийским огнем».

Так и в Главном автобронетанковом управлении РККА:

«...Бригада стала на путь твердого выполнения уставных требований как в отношении организации разведки, так и в отношении организации самой обороны. Обороне была придана упругость путем [создания] танковых огневых точек как по фронту, так и в глубину. Причем огневые точки были кочующие, что не расшифровывало оборону. Короче говоря, организация обороны была произведена строго по уставу».

И организации обороны «строго по уставу» оказалось вполне достаточно, чтобы «Длинноногий Гейц» (Гудериан) резко сбавил свою прыть: вместо предыдущего пробега 250-ти километров за четыре дня — всего каких-то жалких три десятка километров от Орла до Мценска, его «ролики» ползли почти неделю.

И тут же главный танкист Панцерваффе заскулил побитой шавкой об превосходстве «Т-34» над танками Рейха!

До этого он их в упор не видел.

.

***

Выпили «за Победу», не забыв хорошенько закусить и, маршал Советского Союза без напоминания стал чинно-степенно рассказывать про свои дела-занятия, про успехи-достижения:

— Мы с новым Начальником Генерального штаба Вооружённых Сил СССР — генерал-лейтенантом Захаровым и с Заведующим Первым (оперативным) управлением — полковником Иссерсоном, параллельно занимаемся разработкой уставов и новым планом «Прикрытия»...

Из его рассказа я наконец-то понял, почему после Финской войны Тимашенко назначили Наркомом обороны СССР, а Жукова чуть позднее — Начальником Генерального штаба РККА...

Нет не для составления каких-то «гениальных стратегических планов», отнюдь нет. Не до планов было!

Для наведения в армии и в её «голове» элементарного порядка. Однако надо признать: победив болезнь «лекарство» — чуть было не оправило вслед за ней и сам организм. Этих двух товарищей надо было держать на очень жёстком поводке и в строго очерченных рамках полномочий. А им же (единолично Сталин или коллективный разум Политбюро ЦЕ ВКП(б) в данном случае не важно) — предоставили полный карт-бланш, за что потом пришлось расплачиваться большой кровью всему народу.

— ...Кстати, спасибо за подсказку по кадровому вопросу, Иосиф Виссарионович! Кандидатуры оказались именно такими, какие мне и требовались для реорганизации Генштаба — хладнокровные, методичные и аккуратные и при этом — жёсткие и требовательные штабные работники. Есть на примете ещё такие же?

Отсалютовав по-пионерски:

— Всегда готов!

До этого молчавший и даже вроде бы не слушающий разговор, Бонч-Бруевич младший, вдруг ожив:

— Действительно, а что за проблема найти «Гинденбургов»? Вы же знаете историю предстоящей войны, знаете кто и как воевал на ней... Назначайте и повышайте в должности тех, кто воевал хорошо. Прочим же, напротив — карьеру следует притормозить, а то и... Ну, сами понимаете!

Вздыхаю:

— Понимаю, как не понять...

Военные таланты в «Непобедимой и легендарной» конечно имелись и причём «скрывались» они, подчас в весьма неожиданных местах. Вот к примеру, взять уже упомянутый выше Уманский котёл — из которого бросив войска, на «лучших танках Второй мировой войны» пытались сбежать строевые генералы и командиры 6-й армии. А вот генерал-майор Григорий Моисеевич Зусманович, как-то сумел вывести к своим остатки трёх дивизий!

И кем он был, угадайте с трёх раз?

Командиром одного из корпусов?

Комдивом?

Комбригом?

А вот хрен вы угадали: командующий тылом армии.

Рисунок 81. Генерал-майор Григорий Моисеевич Зусманович.

Интендант, короче... Ему бы драпануть первым и, потом до конца войны — тырить то из казённого имущества, что плохо лежит. А то что лежит хорошо — перекладывать и всё равно тырить... А после войны писать мемуары про маразматика Сталина и, всему увешанному полководческими орденами — втирать подрастающему поколению, как надо Родину любить.

А вот — поди ж ты!

На следующий год, Григорий Моисеевич оказался уже в Харьковском окружении, где раненый в ногу попал в плен и несломленный духом погиб в Освенциме... В благодарном ко всяким мразям Отечестве поди, ни одна падла — про него не вспомнит и рюмку с «горькой» к губам не поднесёт...

От переизбытка чувств, я налил всем троим и не объясняя повода и не чокаясь:

— Ну... За упокой! Дико извиняюсь... За здоровье!

Вылупившимся на меня сотрапезникам, достаточно информативно объяснил, после того как хорошенько закусил, конечно:

— Про хорошего человека вспомнил, вот и навеяло. Насчёт же вашего вопроса, Владимир Дмитриевич...

Я снова тяжело вздохнул.

Вопрос конечно интересный и очень важный и, я постарался ответить на него максимально исчерпывающе:

— Увешанных до пупа орденами — «на примете» у меня, просто до х... Очень много! Ибо, во второй половине войны — это «добро» товарищам офицерам и генералам раздавали просто вёдрами. Ещё б год-два — они бы «на своих двоих» ходить бы не могли и, пришлось бы адъютантам — на паланкинах их носить, как китайских богдыханов.

По крайней мере у меня такое ощущение сложилось.

— Но как отделить зёрна от плевел? Историкам я перестал верить ещё в седьмом классе, мемуарам — по прочтении «Воспоминаний и размышлений Жукова».

Хотя свой «чёрный списочек» я уже начал создавать. На первом месте в нём стоит конечно же Власов, за ним «герой России» Лукин, Петров, Музыченко, Батов... И все Кузнецовы оптом.

Что с ними делать?

Надо хорошенько подумать...

Есть у меня и «серый список».

Под двумя — хотя и довольно-таки уже «косыми», но тем не менее — внимательными взглядами, продолжаю:

— Возьмём к примеру двух условных генералов — командующих перед войной механизированными корпусами. Один на Западном фронте сразу же оказался под главным ударом танковых войск противника, был разбит и попал в плен — где пав духом, вёл себя не совсем достойно.

— Мехкорпус второго, до начала войны располагался в Киевском военном округе, на

второстепенном направлении — где наступала германская пехота. Прежде чем быть разбитым, он участвовал в маршах, контрударах, отступлениях и всё́м таком прочем. «За одного битого, двух небитых дают» — наш народ это не зря подметил! За это время генерал накопил какой-никакой — но боевой опыт и, в дальнейшем воевал сравнительно хорошо — командуя армия и фронтами, закончив войну маршалом и трижды Героем Советского Союза...

Подняв палец, я задал своим собеседникам вопрос, который меня мучил больше всего:

— ...А если их поменять местами? Как знать, может, первый генерал на месте второго — ещё лучше воевать будет? А второй пав духом в плену, будет вести себя не просто «не совсем достойно» — а совершенно безобразно?

Осознав всю сложность проблемы передо мной стоящей, братья Бонч-Бруевичи глядели на меня весьма сочувственно, а я делая знак, что пора бы и налить ещё по «джус-грамм», подытожил:

— Так что я уверенно могу назвать Вам не более дюжины советских «Гинденбургов», которых попозже собираюсь определить на особо важные командные должности. С вероятностью «фифти-фифти» — наскребу ещё с полсотни, которых надо назначать держа кукиш в кармане... Но этого же катастрофически мало!

Маршал СССР, довольно легкомысленно для звания, должности и возраста (а может оттого, что тоже вполне вероятно что он был уже пьян), заявил:

— Остальные сами отыщутся методом естественного отбора.

Повысив голос, я:

— Я бы с Вами согласился, уважаемый Михаил Дмитриевич, если бы был уверен, что в дальнейшем всё́ будет идти в соответствии с «реальной историей». Но у меня есть все основания полагать, что если мы добьёмся слишком большой успех на начальной стадии войны с Германией — западные союзники перекроют нам «кислород» по Ленд-Лизу. Ведь по разумению демократов, к концу войны за передел мира — Третий Рейх должен оказаться в гробу, а Советский Союз — на операционном столе.

— А если мы проявим излишнюю прыть на заключительном этапе Второй мировой войны — она тут же перерастёт в Третью, без промежуточной стадии в виде Холодной войны. И вот тогда ваш «естественный отбор» — вылезет нам боком!

У моих собеседников разом приподнялись брови:

— Даже так?!

— Это не исключено, а стало быть — вполне вероятно. Значит нам, надо быть готовыми и к такому повороту событий.

Минуту спустя Владимир Дмитриевич, уже заплетающимся языком:

— После войны, мы должны как минимум контролировать Германию целиком. Иначе её будет контролировать кто-то другой. Владея Германией же, мы будем контролировать и всю Европу...

Кулаком по столу и решительно:

— Правильно! Европа — это наша «корова». И доить её будем мы!

***

Выпив по «джус-грамм» и не забыв закусить, мы помолчали каждый о своём думая и,

наконец Михаил Дмитриевич молвит:

— «Где нам взять Гинденбургов...». Раз Вы задаёте вопросы, Иосиф Виссарионович, стало быть — уже давно над ними думали-размышляли прежде... Возможно ещё «там», у себя. Ну а таком случае, у Вас уже должен быть ответ... Или, я ошибаюсь?

Устремив на него тяжёлый взгляд исподлобья:

— Вы не ошибаетесь, но я предполагал услышать ответ от Вас, товарищ маршал.

Тот, за ответом в карман не полез:

— А я предполагал, что Вам из будущего виднее!

Попёр на него буром:

— «Из будущего», Михаил Дмитриевич, я приказал Вам расформировать Академию Генерального штаба, а Вы до сих пор этого не сделали! Саботируете, да?

Тот, тоже покраснев как варенный вживую дальневосточный омар, дерёт глотку:

— А Вы при свидетелях мне двух сатрапов обещали... Где они?

Внутренне осознав, что он прав, всё же недовольно бурчу:

— «Сатрапы, сатрапы...». Привыкли, понимаешь, при товарище Сталине, что без сатрапов никуда.

Мой оппонент с обидой, аж по-моему прослезился, если мне пьяных глаз не кажется:

— А Вы думаете, это всё время — мы с товарищами Захаровым и Иссерсоном в тенёчке прохлаждались? Мало нам организационных мероприятий, нового плана прикрытия и уставов — так Вы ещё и со своей «Продолженной» войной с финнами... Да я присел то по-настоящему первый раз за неделю только у Вас!

Подсев поближе и примиряюще похлопывая его по плечу:

— Ладно, ладно, что Вы... Успокойтесь, Михаил Дмитриевич! А Вы, Владимир Дмитриевич, раз в дискуссии не участвуете, так хоть наливали бы почаще... Что ж, нам? До утра с этими несчастными полутора литрами сидеть?

Из-за двери послышался голос моей благоверной:

— Долго там не засиживайтесь, пропойцы! Помните, что завтра с утра вам на работу.

Подняв палец вверх:

— Во, слышали? Так что быстрее набулькайте нам по сто грамм с прицепом, да потом ещё «на посошок» и разбегаемся.

Не торопясь дозируя «по булькам», младший Бонч-Бруевич недоумённо спросил:

— Я, конечно, человек не военный, но всё же... Чем же Вам помешала Академия Генерального штаба, Иосиф Виссарионович?

Сделав ладонь жест, как будто что- лишнее отрезав, безапелляционно заявляю:

— Да тем же, что и остальные академии — наук, искусств и марксистко-ленинской истории... Это — гнездовища бесполезных тунеядцев! А в случае же с Академией Генштаба — это ещё и, центр вредительства и измены в государственном масштабе.

Старший смотрит на меня волком, а этот сподвижник Вождя мирового пролетариата — чья сушёная мумия по нашей с Хрущёвым милости, вместо всеобщего обозрения в Мавзолее, как какой-нибудь забавный урод в Кунсткамере — покоится с миром где-то во глубине московских недр, не унимается:

— Обоснуйте свою позицию, пожалуйста.

«Грея» посуду в руке, я:

— С удовольствием, Владимир Дмитриевич! Но сперва спрошу нашего уважаемого маршала: откуда берутся и как готовятся младшие командиры РККА — сержанты и старшины?

Тот, с уничижительными нотками в голосе:

— Сержанты и старшины не «берутся», Иосиф Виссарионович, а подготавливаются в полковых школах младших командиров.

Прищурился один глаз, смотрю на своего Заместителя:

— Кто и кого туда направляет?

Маршал слегка раздражённо:

— Командование части направляет в полковую школу красноармейцев, которых оно считает достойными быть сержантами и старшинами.

— Правильно! А для кого(!) оно туда направляет достойных красноармейцев, ответьте? Для чужого дяди?

Начинает психовать:

— Да для себя же! Красноармейцы, закончившие полковую школу, там же — в полку и останутся дослуживать младшими командирами...

— Правильно! А теперь вопрос на засыпку: считаете ли Вы, Михаил Дмитриевич, такой порядок достойным всяких похвал?

Тот, чувствуя какой-то непонятный подвох, растерянно вертит головой, вопросительно смотрит на меньшего братца, типа: «Что ему от меня надо?». Но тот лишь недоумённо пожимает плечами, мол: «Сам в домике, как в танке».

Наконец, не отрываясь смотря на рюмку в моей руке — как будто надеясь отыскать истину на дне её, отвечает:

— Да, я считаю такой порядок не только достойным всяких похвал, но и единственным из всех возможных.

Поддавшись вперёд, уставившись в его уже заметно окосевшие глаза, спрашиваю:

— Тогда почему средний, высший и генеральский состав — формируется не из достойных, а из случайных людей?

Маршал Советского Союза, хотел что-то ответить... Но вдруг вытаращил глаза и так и застыл с открытым ртом.

Я же воспользовавшись случаем, «закинул за воротник» и начал закусывать остатками какого-то весьма острого салата.

***

Действительно, с сержантами мы разобрались...

А откуда берутся лейтенанты, которые спустя какой-то срок — пройдя все положенные карьерные ступени, превращаются в подлейших из подлейших — в генералов, то бишь?

На первый вопрос ответ очевиден:

«Из военных училищ они берутся, а откуда же».

А кто их туда направляет?

«Никто их не направляет, сами туда приходят и поступают...».

Вот в этом то по моему убеждению и, «порылась собака»!

Выпускники школ поступают в военные училища не потому, что профессия командира

— это их призвание и, другой заниматься они не могут чисто органически...

Откуда в семнадцать лет знать, какое у тебя призвание?

Ладно ещё, если в семье кто-то уже служит, а то ведь профессию «Родину защищать» чаще всего выбирают насмотревшись пропагандистских фильмов снятых по сценарию Шпанова (своими руками задушу подлого графомана!), а то и вообще — увидев на улице одетых «с иголки» молодых командиров РККА, на которых вешаются центровые девчонки.

«Вот бы и мне так!».

Даже «в моё время», таковое имело место быть, а что говорить про тридцатые годы?

В свою очередь военные училища, гребут всех подряд — был возраст подходящий, образование соответствующие и анкетные данные в порядке.

У подавляющего большинства, понимание что «мы не туда попали» приходит с первых же дней пребывания в казарме. Но советская военная машина была устроена как огромный ниппель: влезть в неё можно было и, без мыла — а вот вылезти целым и невредимым...

Только в порядке редкого исключения.

И вот по сути своей сопляки с «кубарями» в петлицах и офицерскими званиями, приходят в войска, где тут же начинается...

Отрицательный отбор!

Сча поясню: предположим, у командира роты три взводных — три молодых лейтенанта, недавних выпускников какого-нибудь пехотного училища. Двое из них вполне адекватных, а вот третий...

Так себе.

Предвоенная Красная Армия стремительно росла (да и прежде, из-за «известных событий», то и дело появлялись свободные вакансии) и командиру роты приходит разнарядка: направить одного из взводных на повышение.

Кого он направит?

Своего лучшего взводного?

Да ни за что!

Он его оставит при себе, придержав присвоение ему очередное звание, а на повышение отправит того — кто «так себе».

Вот и начальная ступень для карьеры!

И так начинается естественный отрицательный отбор.

Несколько таких «ступенек» и, вот уже наш «так себе» — учится на «маршала Победы» в «Академии Генерального штаба РККА имени Фрунзе».

После окончания же сего учебного заведения, включаются следующие принципы «естественного отрицательного отбора»: направление на повышение «по дружбе», продвижение по карьерной лестнице «своих». Таким образом, в общем болоте создаются кланы — которые и делают всю погоду в Вооружённых Силах страны.

Недаром осознав этот факт, «реальный» Сталин сказал 15 апреля 1942-го года:

«Вы, военные, в свое время загубили армию тем, что посылали в училища и управления разный хлам».

Ещё один вопрос:

А кто этих без пяти минут «маршалов Победы» учил военному искусству?

И снова на этот вопрос, 17 января 1942-го года даёт ответ «реальный» Верховный

Главнокомандующий:

«Много преподавателей (Академии Генштаба РККА. Авт.) по 6–8 лет не были в войсках[2]».

Чему может научить тот, кто и сам ничего не знает?

Только тупому начетничеству!

Вспоминается рассказ одного ветерана, направленного на такую «учёбу», уже после войны:

«В итоге против своей воли я оказался в Урюпинском пехотном училище. Учимся, ходим на занятия. Спрашиваем преподавателя по тактике:

— Вы на фронте были?

— Нет.

— Так вот, объявляйте перекур, мы вам расскажем, как надо воевать.

И он объявлял четырехчасовой перекур[3]».

Надо ли ещё что-то объяснять?

***

Ожив, Бонч-Бруевич старший рассеянным взглядом блуждая то по столу, то по нашим с Бонч-Бруевичем младший лицам:

— Вы же знаете, Иосиф Виссарионович, что в конце 30-х годов начали создавать школы по типу юнкерских — как в царское время. Вот в Киеве, например, совсем недавно были созданы артиллерийская спецшкола, военно-воздушная спецшкола и военно-морская спецшкола.

— Эээ, бросьте, Михаил Дмитриевич! Всё это полумеры. Российской империи не особенно то помогли юнкерские училища. Советский Союз — они тем более не спасут! Нужна коренная перезагрузка всей системы снизу доверху, а не её частичная модернизация.

Бонч-Бруевичем младший меня поддержал:

— Здесь возможно уместна такая историческая аллегория, друзья: Александр II не провёл реформу по отмене крепостного права до конца, не освободил крестьян с землёй и, тем самым — заложил мину замедленного действия в фундамент Российской империи. В семнадцатом году она взорвалась прямо у нас тобой на глазах, брат!

Охотно воспользовавшись поддержкой, я усилил давление на старшака:

— Вы хотите переустроить по «прусскому образцу» Генеральный Штаб Вооружённых Сил СССР, оставив как есть кадровую систему комплектования командного состава? Вы ещё к корове кавалерийское седло присобачили, товарищ маршал и на ней бы командовали парадом Красной Армии на 7 ноября!

Наконец сдавшись, мой Заместитель со злостью снял очки, протерев их и снова водрузив на нос, спросил:

— Вы что-то предлагаете, товарищ Верховный Главнокомандующий? Или всё это на уровне критики?

— Я не из таких! Если я критикую — то обязательно что-то предлагаю, заставляю это делать и, не забывая контролировать сам «процесс».

— Например?

Как о чём-то само собой подразумевающимся, даже некоторой лентой я начал:

— Если требуются сержанты — командиры отделений, командир роты посылает в полковую школу лучших красноармейцев, потому что это... Для себя! Понимаете? Для себя!!!

— Понимаю.

Но в глазах пустота, как у оловянного солдатика...

— А взводных командиров ему дают по принципу «что Бог подаст». В свою очередь, лейтенантов на повышение он посылает по принципу «Бери убоже, то нам негоже». Почему так? Потому что они предназначены «для чужого дяди». Он их может больше, в жизни никогда не увидит.

Наконец, сквозь «стёклышки» заметен блеск какого-то озарения:

— Так Вы предлагаете...

— Времени «предлагать» у меня уже нет!

Смачно приложив ладонью столешницу — аж пустые рюмки подпрыгнули, а та — из которой употреблял мой оппонент, подобно шахматному королю — с жалобным хрустальным звоном упала на бок:

— Я ТРЕБУЮ!!! Я требую, чтоб командиры взводов — не присылалась хрен его знает откуда «готовенькими», а подготавливались на дивизионных курсах лейтенантов из лучших сержантов и старшин по направлению командира роты. И так по всей иератической цепочке: комбат направляет для учёбы на ротных командиров взводных, командир полка — батальных и так далее, вплоть до самых высших инстанций.

Глядя в расширенные глаза:

— Понятно, товарищ маршал Советского Союза?

— Понятно.

— Главное, что соблюдалось железное правило: направляемый на учёбу — всегда возвращался к тому, кто его туда направил. Ну или, хотя бы в то же подразделение или воинскую часть, откуда его направили на учёбу...

Нечто вроде предлагаемой мной кадровой системы, завелось в «реальной» Красной Армии во второй половине войны, когда задница у наших генералов и маршалов — вся стала в отметинах от «жаренного петуха»: армейские и фронтовые курсы младших лейтенантов. Однако как только от жопы немного отпустило, эти центры подготовки были распущены... Всё вернулось на круги своя и «отрицательный отбор» вновь заработал — поднимая по карьерной лестнице людей в лучшем случае случайных.

Мало того, «процесс» опустился «этажом ниже»!

Мотивируя тем, что призывник ныне пошёл сплошь и рядом со средним образованием, полковые школы младших командиров расформировали, а сержантов стали готовить сразу из призывников в специальных воинских частях — в «учебках».

Если бы тот, кто принимал такое решение был бы американским шпионом — то он бы не смог сделать ничего большего для снижения боеспособности геополитического противника!

«Сержант по принуждению» оказался ещё хуже, чем лейтенант ошибившейся при выборе профессии!

В воинских частях расцвели махровым цветом такие невиданные прежде явления, как

«дедовщина» и «землящичество». И, родители — прежде с гордостью отправлявшие своих сыновей в «школу жизни» с напутствием: «Там из тебя человека сделают!» — стали готовы платить любые деньги, чтоб «отмазать» своих чад от армии — опасаясь получить назад морального или физического уroda... А то и в мирное время — запаянный цинковый ящик, со стандартным бланком:

«Погиб при исполнении служебного долга, в результате несчастного случая в казарме...».

Извиняюсь:

«...На учениях».

Меж делом, появились и ещё кой-какие идейки:

«Вообще надо ввести традицию существовавшую во второй половине войны: раненные после излечения в госпиталях — возвращались только в свою воинскую часть. А у англичан в Первую мировую войны такой достойный подражанию обычай — брать в армии целыми классами или даже футбольными командами, в которых уже известен лидер. Вот он то и становился сержантом — который даже в отсутствии офицера, мог поддерживать порядок в подразделении».

***

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич сперва соглашается:

— Вы всё это очень хорошо придумали, Иосиф Виссарионович, что касемо рот, батальонов и возможно полков...

Но затем пошёл в глухой отказ:

— ...Но для того чтобы хотя бы руководить боевыми действиями соединения уровня дивизии и выше — нужен подготовленный в Академии Генштаба специалист.

Раздражённо отмахиваюсь:

— Эээ бросьте, Михаил Дмитриевич! Немцы уже вторую по счёту мировую войну — без всяких «академий» воюют и не жалуется. В Вас же прежде всего — говорит узкопрофессиональная зашоренность, проснувшаяся в «одном месте» ностальгия по «альма-матер», ну и наконец — корпоративная солидарность с этими говнюками в синих штанах. Хотя сам они, буквально вчера об Вас ноги вытирали!

Начинает психовать:

— Почему же Вы тогда выбрали меня? Я не напрашивался!

«Потому что, другие ещё хуже».

— Что-то не припомню, что Вы сильно-то отнекивались, гражданин маршал.

— «Гражданин...». Это что? Угроза?

— Нет, это просто предупреждение.

Подумавав, идёт на уступку:

— Согласен, что командующего дивизией, корпусом, армией или даже фронтом — можно подготовить по вашему способу... Мне ещё — и не таких «командующих», за жизнь доводилось видеть! Но тот только командует... А операции разрабатывает штаб! А штабной работник должен иметь специальную подготовку.

В свою очередь удивляюсь:

— Почему это вдруг обладающего определёнными способностями командира дивизии,

нельзя обучить на штабного работника армейского уровня на курсах при штабе армии? Особенно во время войны? Стажируюсь при действующем начальнике штабе?

Фыркаю:

— Вы ещё мне расскажите, что нельзя научить лётчика летать на самолёте с двойным управлением.

Безапелляционно отвечает:

— Потому что прежде чем допустить к стажировке, штабному работнику надо привить базовые знания.

Раскрыв «шары» пошире:

— Какие-такие «базовые знания», о чём Вы? Читать-писать учить взрослого дяденьку? Таблицу умножения его учить заставить? Ботанику с её пестиками и тычинками? В возрасте, в коем обычно поступают в вашу Академию — чему-то учить уже поздно!

Мой дядька по матери — офицер инженерных войск, казалось всё моё детство находившийся в звании капитана, получив наконец большую звезду промеж двух «просветов» — поступил в Академию Генерального штаба. Я тогда как раз техникум заканчивал.

Так вот, когда он как то проезжая — то ли в Москву, то ли напротив — из Москвы, остановился у нас, я полюбопытствовал чему их там учат...

В ответ, он показал мне конспекты по...

Сопромату[4]!

Не... Это просто уебалтуриться можно, говоря словами одного моего знакомого по переписке.

Как может практически сорокалетний (и сильно пьющий) мужик выучить предмет, который и в голове двадцатилетнего студента, едва-едва укладывается?

Так что учёба в Академии — это заведомо очковтирательство.

Но попробуй ему втолдычь!

Ещё при последнем Недержанце генерал Бонч-Бруевич славился среди коллег несносных характером и упёртостью сродни носорожьей.

Сам то я, кстати, немногим...

Худше!

Поэтому, подумав:

«Ну что ж... Сам такого выбрал, поэтому надо с ним работать!».

И стал объяснять прописные истины:

— В таком возрасте, Михаил Дмитриевич, человек или умный, или... Или, не очень. И никакая учёба не поможет: «ум» — это от папы, мамы и результата случайной игры хромосом! А вот опыт то перенимать — как раз самое время.

Прищурившись как через прицел во врага народа:

— И что Вы предлагаете вместо Академии, Иосиф Виссарионович?

— Кратковременные курсы повышения квалификации, где учить будут не «профессора военных наук» — по десять лет не бывавшие в казармах и тем более в окопах, а командиры имеющие реальный боевой опыт.

Тот, психует:

— Но это опять же уровень максимум бригад! А кто и где будет учить командующих

армиями и фронтами?

— Чему учить? Черчилль сказал (или скажет, точно не уверен): «Две вещи обычно требуются от главнокомандующего в битве: составить хороший план и держать сильный резерв». Всё!

— ДуРРРак ваш Черчилль!

— Во-первых, Черчилль — не мой. А во-вторых, дурак не дурак — но Британская империя имела самые низкие потери среди воюющих великих держав.

— Ему легче: спрятался за Ла-Маншем — охраняемый самым сильным и до сих пор — никем непобедимым флотом и, горя не знает.

— Тогда следуя вашей логике, мы должны были «спрятаться» за самой сильной и непобедимой сухопутной армией — и горя не знать. Однако, «в реале» почему-то этого не произошло.

Бонч-Бруевич старший, с твёрдокаменной, непоколебимой ничем уверенностью:

— Но ведь победили же? Пусть не малой — большой кровью, но победили!

Я посмотрел на потолок и с тоской вздохнул:

«На колу висит мочало — начинай всё с начала...».

— Ага... И если надо — повторим.

***

Уже кивающий носом и казалось бы задремавший Бонч-Бруевич младший, вдруг поднял голову:

— В Древнем Риме не было никаких «генеральных штабов» и «академий», а в полководцы назначали первого попавшегося консула или сенатора... Вернее, сразу двух. И тем не менее она побеждала всех своих противников на протяжении тысячелетий! Вы спросите почему?

— Почему? — спросил я.

— Потому что у римлян были профессиональные центурионы!

Обратившись к единственному среди нас профессионалу, спрашиваю:

— «Центурионы» — это типа наших комбатов?

Бонч-Бруевич старший смотря на Бонч-Бруевича младшего с видом «И ты, Брут продался большевикам», ответил:

— Скорее, что-то типа наших комбригов.

Представил себе Красную Армию в которой нет генералов — выше должностью чем командир бригады и, в голове сразу стало что-то проясняться...

Меж тем, Владимир Дмитриевич продолжал жечь глаголом:

— В истории Древнего Рима даже был случай, когда заподозрив в измене, центурионы арестовали обоих консулов, после чего наголову разгромили противника...

Представил себе картинку — вроде мультика, как перед «внезапным и вероломным» — комбриги РККА арестовывают Павлова, всех подряд Кузнецовых и прочих «Кирпоносов» и, переодев в светло-синие штанишки шириной назад — отправляют их «кукарекать» на зону и, в голове начал складываться некий план переустройства Вооружённых Сил.

— Когда же консулы брали вверх над центурионами, то с римской армией случались всякие несчастья — Канны, Карры, Тевтонбургский лес и...

Перебив, продолжил список:

— ...22 июня 1941-го года.

Обращаюсь к Бонч-Бруевичу старшему:

— Не так давно Вы меня убеждали, Михаил Дмитриевич, что наш генерал — этот то же чиновник, со всеми своими заморочками? Говорили такое?

— Ну... Говорил!

— Тогда вопрос на засыпку: в чём заключается главное отличие между военным и гражданским чиновникам? Говоря существующими реалиями: в чём разница между генералом РККА и начальником главка одного из наркоматов СССР, или любой из союзных республик?

То, забежав глазами:

— Отличий много, но какая из них «главная»...

Не стал дальше мучить ветерана ещё Русско-японской войны и, отвечаю на свой же вопрос сам:

— Главное отличие в том, что у чиновника — «дурь» видна всегда, а у генерала — только когда «гром грянет»... Объяснить или и так всё понятно?

Объясняю «на пальцах»: так называемый «сталинский выдвиженец» ещё в мирное время проходил жёсткий и даже изуверски жестокий искусственный отбор. Казалось бы случайного человека назначали на высокую должность, предоставляли ему почти неограниченные полномочия и ставились перед ним невыполнимые задачи — которые он должен был её любой ценой, так или иначе выполнить, или...

Не справился?

Освободи место другому!

Конечно, бывало по-разному, но зачастую неудачник был вынужден расплачиваться жизнью за свою бесталанность...

Можно сколько угодно критиковать, ставить под сомнения результаты — но никуда не уйдёшь от факта, что во время Великой Отечественной Войны, советская экономика, военная промышленность и народное хозяйство в целом — отработали на все «сто» и даже более того. И это воистину в экстремальных условиях, которые обеспечили им...

Кто?

Правильно!

В отличие от гражданских, военных «выдвиженцев» в мирное время проверить было практически невозможно. Смотрят на человека — орёл орлом: рост, стать, грудь колесом, удаль молодецкая и голос зычный — всё как положено. Биография подходящая, всех трёх «классиков» поимённо знает и их заветам верен.

Опять же в «Академию» его кто-то направил?

Направил!

Пару синих штанов он там протёр?

Протёр!

Стало быть достоин.

А как они — синие штаны на нём сидят...

Залюбуешься!

Сразу видно — не простой человек, а военный талант.

Ну как такого не назначить на армию, а то и на округ?

— Товарищчч! Назначаешься гениальным стратегом с перспективой стать «маршалом Победы».

— Служу трудовому народу (Советскому Союзу)!

Утрирую конечно, но если призадуматься...

А как ещё проверить военного чиновника на профпригодность?

Локальные конфликты довольно редки и с грядущей — самой грандиозной, жестокой и кровопролитной войной в истории человечества — ни в какое сравнение не шли.

Как можно в преддверие пожара на буровой нефтяной платформе, оценить профессиональные качества «специалиста» — имеющего опыт тушения мусорного контейнера возле вашего подъезда?

Это невозможно в принципе!

«Военные учения»?

Боксёру можно иметь сколько угодно большой опыт избиения беззащитной «груши», или даже своего спарринг-партнёра — предоставленного ему для кулачной расправы тренером... Но он обязательно продует на кубке «WBA» — если ни разу не участвовал в подобного рода соревнованиях.

Тем более на предвоенных учениях РККА типа «Киевских» — имело место быти лютейшее очковтирательство, замеченное даже приглашёнными иностранными наблюдателями.

***

— Слово «полководец» появилось тогда, когда воевали действительно полками в три-четыре, максимум десять тысяч воинов. В современных войнах сражаются миллионы, которые не водят... Ими управляют!

Смотрю на маршала Советского Союза и стараюсь как можно убедительней:

— Кто непосредственно организует бой?

Вспоминается песня группы «Любэ»:

«Комбат-батяня, батяня-комбат,

Ты сердце не прятал за спины ребят...».

— Командир батальона, полка, бригады... Не более!

Бонч-Бруевич старший:

— Дивизии. Антон Иванович Деникин «водил» в Германскую «Железную дивизию» и это у него неплохо получалось.

Не стал спорить, хотя по воспоминаниям ветеранов Великой Отечественной Войны — они и, командира полка то — только по самым большим праздникам видели:

— Пусть будет дивизиями в исключительных случаях — ибо «железных дивизий» в Русской Императорской армии, не так уж и много было. Суть одна и она остаётся прежней: все вышестоящие инстанции — «полки не водят» и, непосредственно боем-сражением не руководят. Они организуют(!) их взаимодействие и снабжением всем необходимым для боя-сражения... Всё!

Привстав, я:

— И чем тогда руководитель какого-нибудь наркомата, отличается — от командующего

армией или фронтом? Ну, кроме цвета штанов и прочих знаков отличия? Только тем, что у него имеется опыт организации взаимодействия и снабжения, а у того нет.

Тот тоже приподнявшись, горячится:

— Тем, что он специалист! Даже Ленин... Да, что там, Ленин! Даже Троцкий знал и понимал значение военных специалистов!

Я презрительно фыркнул:

— Журналист Троцкий, которого привезли к нам на блиндированном пароходе из Америки — это конечно же для Вас наивысший авторитет! А я больше прислушиваюсь к словам Генри Форда, который сказал так: «Нельзя стать узким специалистом, не став, в строгом смысле, болваном. Специалисты так умны и опыты, что в точности знают, почему нельзя сделать того-то и того-то, они везде видят пределы и препятствия. Если бы я хотел уничтожить конкурентов, то предоставил бы им полчища специалистов[5]».

Понимая к чему я клоню, мой Заместитель на должности Верховного Главнокомандующего ВС СССР встаёт из-за стола и, тыча в меня пальцем, ярится:

— Товарищ Сталин! Это рассуждения дилетанта. Вы совершенно ничего не понимаете в военном деле!

Я также весь на взводе, вскакиваю со стула и машу рукой перед самым его носом:

— Зато вы и вся ваша «генеральская рать» — всё понимаете и, тем не менее — проигрываете все войны подряд! Или же выигрываете их, завалив противника костями и мясом солдат...

С ясно читаемым на лице твёрдым намерением схватить оппонента за грудки, ору:

— ...Не позволю больше! НЕ ДАМ!!!

Бонч-Бруевич младший встав между нами стеной:

— Друзья, друзья! Успокойтесь! Мы с вами много выпили, опьянели и наговорили друг другу много лишнего... Нам надо разъехаться по домам, выспаться, протрезветь и затем спокойно поговорить на эту тему ещё раз.

Взяв себя в руки усевшись на место, уже более спокойно:

— Над каждым из нас довлеют какие-то «скрепы» — вбитые в подкорку где-нибудь в «Московском пехотном юнкерском училище» и затем в «Николаевской академии Генерального штаба». Согласен: без них никак — ибо это наши руководства к действию в определённых ситуациях.

Младшему из братьев:

— Владимир Дмитриевич! Разливайте что там во «флаконе» осталось «на посошок», да попрощаемся на сегодня...

Затем, обращаясь изрядно заплетающимся языком к сидящему угрюмо-мрачному, но тем не менее — глубоко задумавшемуся маршалу СССР:

— Однако жизнь не стоит на месте, время идет и, всё вокруг стремительно меняется! И те «скрепы» — к которым мы привыкли, которые врезались не только в нашу плоть — росли уже в кости, уже не руководства к действию... А якорь на ногах, мешающий плыть!

— В отличии от животного, у каждого из нас есть выбор: держаться этих «скреп» и утонуть безымянным в этом потоке бытия — превратившемся в застойное болото... Или же вырвать их — пусть и, с кровью и мясом и, придумать что-то иное — новенькое, что позволит ему и всему человечеству сделать очередной маленький шаг в будущее... Именно

про таких людей слагают стихи, пишут книги и именно это их портреты вешают на стены в кабинетах истории...

Поднеся указательный палец к самому носу оппонента:

— ...А про Вас и ваших «специалистов», в лучшем случае в очередной «Войне и мире» напишут: «Die erste Kolonne marschieret, die zweite Kolonne marschieret...[6]». Скучно, девочки!

Хотел ещё что-то добавить, но тут язык мой заплёлся окончательно и я замолчал, недоумённо оглядываясь вокруг:

«Сам то понял, что сказал?».

— Я не слишком витиевато выразился, друзья? Если что, то прошу извинить...

Глянув на угрюмо набывчавшего старшего брата, Владимир Дмитриевич:

— Витиевато, конечно... Но мы вас поняли, Иосиф Виссарионович. Хорошо поняли!

И с нажимом в интонации, переспросил его:

— Мы ведь же хорошо с тобой поняли товарища Сталина, Михаил?

Тот, встряхивая головой, как будто отгоняя наваждение:

— Опять ты меня в какую-то авантюру втягиваешь, Владимир! Из прошлой то, как только живыми выбрались — чудо прямо какое...

Тот:

— Тогда мы с тобой были молоды и ничего не боялись. Сейчас же, что? Ты боишься умереть стариком, Миша?

И уперев руки в бока — совсем по-ленински, звонко рассмеялся.

Старшак только глубоко вздохнул и затем спросил меня, не поднимая глаз:

— Иосиф Виссарионович! Вы мне обещали как минимум двух сатрапов. Конечно, я Вас сильно уважаю... Но сколько можно Вам напоминать?!

Искрой радости мелькнуло в сознании:

«ВСЁ НА МАЗИ!!!».

Похлопав себя по нагрудным карманам френча — как будто ища сигареты и спички:

— «Сатрапов»? Это мы прям сейчас...

Пошатываящейся походной подхожу к телефону и довольно-таки быстро дозвонившись до Наркома обороны СССР, на удивление твёрдым голосом приказываю:

— Товарищ Кулик! Генералов Конева и Ерёменко направить в распоряжение Ставки Верховного Главнокомандования Вооружёнными Силами СССР... Срочно!

[1] Н. Тархова «Зимняя война: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.)».

[2] Здесь и выше: Бирюков Николай Иванович «Танки — фронту!».

[3] Москалев Алексей Владимирович в сборнике А.Драбкина «А мы с тобой брат, м пехоты...».

[4] Взаправдошная история, кстати.

[5] Некоторые источники приписывают эти слова Валентину Васильевичу Яглову (1901

— 1962).

[6] «Первая колонна марширует, вторая колонна марширует..» (нем.). Фраза из романа «Война и мир» (1868) Л. Н. Толстого (1828–1910). Слова немецкого генерала на русской службе Пфуля, который в романе составляет план кампании 1812 г. Против Наполеона и зачитывает его отдельные положения русским военачальникам.

Глава заключительная. И сим победиши!

Шумилин А.И. «Ванька-ротный»:

«Война — это как раз то, о чём не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот, с передовой, вернулись одиночки. Их никто не знает, и на телепередачи их не приглашают, а если кто-то из них и решается сказать правду о войне, то ему вежливо закрывают рот...

Вот и сейчас, я пишу и вижу — они передо мной, как живые... Я вижу изнуренные, бледные лица солдат, и каждый из них, умирая, хотел что-то сказать... Сказать тем, кто останется после них жить на этой земле, пропитанной их кровью. Эти мысли и не дают мне покоя.

Они — фронтовики и окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мёрзли, леденели и застывали насмерть в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы.

Осужденный на смерть, по дороге на эшафот, так же как и солдат с винтовкой в руках, идущий на немца, всеми фибрами своей души ощущает драгоценность уходящей жизни. Ему хочется просто дышать, видеть свет, людей и землю. В такой момент человек очищается от корысти и зависти, от ханжества и лицемерия. Простые, честные, свободные от человеческих пороков солдаты каждый раз приближались к своей последней роковой черте.

Без «Ваньки-ротного» солдаты вперёд не пойдут. Я был «Ванькой-ротным» и шёл вместе с ними...».

Маршал С.К. Тимошенко, Нарком обороны СССР, 1940 год:

«У нас еще много брехни. Бывают случаи, когда набрешет много, а на самом деле, если коснуться глубже в существо дела, то там многое не так, о чем тебе докладывали. Я думаю, что этот род брехни у нас еще живет, но корень ее не в самих людях, люди у нас хорошие, а в нашей системе. Вот за перестройку этой системы мы и должны сейчас взяться, воспитать в себе нетерпимое отношение к любому, даже малейшему недостатку».

Генерал-майор танковых войск В. Г. Лебедев:

«Если солдат совершает подвиг, то это означает, что его командир или дурак, не способный видеть дальше своего носа, или подлец, для которого чужая жизнь копейка».

Карл фон Клаузевиц:

«Если профессия военного вообще что-то значит, она должна опираться на непоколебимый кодекс чести. Иначе те, кто следует за барабанами, будут всего лишь кучкой наёмных убийц».

Следующий день после закрытия моего бюллетеня был 1 февраля 1941-го года — воскресенье и, проснувшись с конкретного бодуна, я решил устроить себе выходной...

Ведь я же не Сталин и Трудовой кодекс чту свято!

А по нему, в воскресенье у всех трудящихся заслуженный отдых.

А я кто, если не трудящийся?

Эксплуататор, что ли?!

Сча, репрессирую...

До обеда опохмеляясь минералкой, бродил как призрак отца Гамлета по дому, не подходя к раскалившемуся от звонков телефону и, рассеяно огрызаясь на бухтение своей благоверной, типа:

— И где мои глаза были, когда замуж выходила... Ведь говорила же мне мама...

— Не трож покойную тещу! Это святое.

— Что за мужик? Не успел день проработать, как на больничный, а затем в запой...

— Это смотря как работать, Валентина Васильевна! Иной и за один день — столько «дров наломает», что и целый «ГУЛАГ» на лесоповале — за год не управится. И вообще: убавь громкость, любимая — и без тебя голова трещит.

— Пить меньше надо, чтоб голова не трещала!

— Всего ж по «флакону» на рыло... Да куда уж меньше?!

***

Естественно, не просто так ходил-бродил, а размышлял: а не погорячился я вчера по пьяному делу — решив поставить во главе армий и фронтов «цивильных»?

Однако чем ближе к обеду, тем всё больше и больше я убеждался, что я на правильном пути.

Приведший Францию к победе в Первой мировой войне политик и государственный деятель Жорж Клемансо — которого в идиотизме никак не заподозришь, сказал как-то:

«Война — слишком серьезная вещь, чтобы доверять её военным».

За ним эту фразу повторяли Черчилль и прочие и, ни разу я не слышал, чтоб её кто-то подверг хоть какой-нибудь серьёзной обструкции. В соответствии с ней, «в моё время» в Европейских странах назначали министрами обороны кого угодно — хоть женщин на сносях, как это было в Испании...

Но только не генералов!

А мы же, с непосредственностью альтернативно одарённого дитяти ржём над этим и считаем, что если человек хороший пастух — то и сельским хозяйством в целом, он руководить сможет... Коль шахтёр — ударник труда, то его надо обязательно назначить руководить стахановским движением... Если лётчик сбил с десятков самолётов противника — то и все Военно-воздушные силы страны, ему по плечу.

А потом удивляемся:

— А почему это в отличии от людей, у нас всё через жоппу?

Мы сравниваем несравнимое, путаем совершенно разные понятия и, при этом то и дело талдычим, бия себя кулаками по гордо выпяченной тельняшке на грудях:

— Если надо — повторим!

А вот через такой «повтор» пройти не желаете?

«...Но, пожалуй, самая страшная картина днем 21 сентября складывалась на берегу, в районе центральной переправы. Среди обгоревших развалин портовых складов и сооружений, беспорядочно сваленного заводского оборудования, которое не успели эвакуировать, скопились сотни жителей и беженцев, ожидавших погрузки на корабли. Здесь же вповалку лежало множество раненых, брошенных на произвол судьбы. Помощь им никто

не оказывал, продовольствия почти не было. Мучаясь от жажды, многие люди подползали к реке и пили воду прямо из нее. Повсюду среди воронок валялись изуродованные трупы и человеческие останки, которые никто не хоронил. Вонь от разлагающихся тел, стоны раненых, крики женщин и плач детей, грохот взрывов и вой сирен немецких пикирующих бомбардировщиков создавали у любого, кто видел этот ад, ощущение конца света.

Когда к берегу причаливала очередная баржа или паром, начиналась поспешная разгрузка. Спрыгивающие на берег солдаты стремились поскорее попасть под обрыв, чтобы уйти с открытого пространства. Беженцы, наоборот, стремились как можно скорее попасть на судно. В этот момент начиналась страшная давка. Потерявшие человеческий облик люди, сминая и втаптывая в грязь друг друга, с дикими криками ломались на причал. Малочисленные сотрудники НКВД с автоматами были не в силах контролировать этот процесс. И тут происходит самое страшное: в небе появляются немецкие самолеты. С ощущением собственной безнаказанности они ровным строем идут прямо над берегом. С ужасом люди видят, как отделяются бомбы и с воем устремляются вниз.

Корабли тут же отчаливают и устремляются прочь от берега. Люди виснут на бортах, многие падают в воду, но их никто не спасает, каждый предоставлен сам себе. Те, что на суше, бегут, наталкиваясь друг на друга и спотыкаясь в поиске каких-нибудь укрытий. Кто-то просто ложится там, где стоял, и закрывает голову руками. Гремят взрывы, в небо поднимаются огромные столбы воды, песка и щебня. Некоторые бомбы взрываются прямо в толпе, разбрасывая на сотни метров куски человеческого мяса и ошметки одежды. Вскоре две последние уцелевшие пристани охвачены огнем. Пламя и дым полностью скрывают из вида восточный берег. Через некоторое время налет заканчивается, и все начинается сначала. Трупы и останки погибших никто не убирает, до них вообще нет дела. Тяжелораненые тоже брошены умирать. Вскоре по ним уже ездят автомобили, раскатывая в дорожной колее то, что еще недавно было человеком...[1]».

Желающие «повторить» уже построились в очередь?

А может, следует присмотреться-приглядеться к мировому опыту?

Как там у них?

Взять к примеру армию США, которая в 30-е была одна из самых маленьких в мире (130 тысяч «штыков») и уступала по численности даже таким «великим державам» как Польша, Румыния и Чехословакия. За время с декабря 1941-го — когда Америка официально вступила во Вторую мировую войну и, по сентябрь 1945-го — её вооружённые силы стали самыми мощными в мире, насчитывающими двенадцать миллионов солдат и офицеров.

Вот и вопрос на засыпку: откуда, из каких «Вест-Пойнтов» — взяли командующие американскими батальонами, полками, дивизиями, корпусами и армиями?

А ведь при каждом должен быть штаб от десятка до пары сотен человек!

Так откуда ж «дровишки», если по утверждениям наших военных специалистов и историков, для подготовки майора — способного организовать работу штаба полка, требуется целых двадцать лет?

«Там» этой темой не интересовался, увы...

«Знал бы прикуп — жил бы в Сочи!».

Но уверен что в отличии от нас, не имея такого сонма генштабистов — окончивших «академии», американцы обладали ещё большим количеством управленцев-менеджеров — прошедших не менее жёсткий отбор рынком, чем сталинские выдвиженцы «планом».

Вот они то и встали во главе частей и соединений американской армии.

Кто-то скажет, что американская армия воевала плохо и, за ней не числится таких выдающихся подвигов — как штурм и взятие Берлина, к примеру...

Отвечу: а перед ней разве ставились такие задачи?

Зачем?

«Не считаясь с потерями», русские дурачки разгромят Германию, захватят столицу Рейха и отдадут «главному спонсору» его львиную долю.

Армия есть инструмент внешней политики и если по результатам войны Штаты стали контролировать три четверти бывшей столицы бывшего Третьего Рейха (Западный Берлин) и двумя третями послевоенной Германии (ФРГ) — то значит, воевала она достаточно хорошо.

И самое главное: обошлось ей это всего в 405339 погибших — американцы подчитали свои потери вплоть до последнего солдата, официально и с положенными воинскими почестями похороненного в сентябре 1945-го года. А мы до сих пор «статистические погрешности» — миллионами (а то и десятками миллионов) считаем и, разыскиваем по лесам да по болотам кости непогребённых защитников Родины.

***

После сытного обеда кемарнув часок, исполнил супружеские обязанности — которые был не в состоянии исполнить ночью, окончательно пришёл в себя и, оставив все сомнения за поребриком, сам позвонил Бонч-Бруевичу старшему... Поздоровался, не забыл спросить про здоровье «после вчерашнего», анау-мынау и, наконец вопрос «в лоб»:

— Михаил Дмитриевич! Наш вчерашний договор в силе?

Тот, довольно бодро:

— Уже работаем над претворением его в жизнь, Иосиф Виссарионович.

Приятно осознавать что в отличии от меня — могущего позволить себе денёк побездельничать деспота и тирана, угнетаемое мной народонаселение трудится даже в выходной и про «КЗОТ» лишний раз не вспоминает.

Естественно не мог не поинтересоваться:

— И каким образом Вы претворяете наш договор в жизнь, Михаил Дмитриевич? Если не секрет, конечно...

Тот, сама любезность:

— Какие могут быть секреты от Верховного Главнокомандующего, Иосиф Виссарионович?

— Ах, да... Иногда забываю кто я такой. Ну так я Вас внимательно слушаю?

— Вы не забыли случайно, что у нас должности командующих двумя военными особыми округами — Западного и Киевского, вакантны? Кого собираетесь назначить вместо Павлова и Жукова?

Голова вновь начала болеть:

— Ох не сыпьте мне соль на... Везде. Не знаю и до понедельника — думать даже на эту тему не хочу.

Тот понимающе хихикает и затем спрашивает:

— Вашими словами — «вопрос на засыпку»: кто в отсутствии командующего, руководит в РККА военным округом?

— Смею предположить, что начальник штаба.

— А вот и не угадали, Иосиф Виссарионович! Военный совет округа.

Так, так, так...

— И кто же у нас самый главный член военного совета Киевского военного округа?

— Корпусной комиссар Николай Николаевич Вашугин. Знаете такого?

28 июня 1941 года, не вынеся разгрома советских механизированных корпусов в «треугольнике» Дубно-Луцк-Броды — он застрелился, что говорит о том, что в отличие от того же Жукова — совесть у него была.

Отвечаю:

— Ну а как не знать! Не знаю какой из него ВРИО командующего округом — скорее всего никакой, но как комиссар — он вполне на своём месте.

— Мы в данный момент готовим проект постановления «ГКТиО», по которому председатели советов народных комиссаров республик — в которых расположены «особые» военные округа, получают полномочия генерал-губернаторов времён Российской империи. То есть в их руках будет сосредоточена вся административная и военная власть — в том числе и над военными советами округов, которые необходимо усилить хорошими руководителями-администраторами из Центра.

И вот в этом месте я призадумался:

— «Военные советы», говорите...?

***

Однако если в отечественных «сусеках» поскрести — тоже кое-что интересно-полезное найдётся, не только в заокеанских.

У всех на слуху командующие армиями и фронтами — на них возливалась вся слава побед и возлагалась... Ответственность за поражения же — в любом случае возлагалась и, донныне возлагается — на «Усатого», его «сатрапов» — вроде Мехлиса, или в крайнем случае — на коварных, вероломных и неожиданных фашистов.

Ух, какие бяки нехорошие!

Наши же командующими армиями и фронтами — вне всякого подозрения, аки похотливо-блядовитая супруга Юлия Цезаря.

Даже генерала Лукина — сдавшего «дальние подступы к столице» и самого сдавшегося в плен — и того Героем России сделали... Стало быть — официально призвали тех у кого «профессия — Родину защищать», на него равняться. Так что не за горами тот день, когда...

Ну, это я отвлёкся!

Лишь Власов у нас пока в предателях значится, да и того — того и гляди реабилитируют и, из нацистских прихвостней — сделают защитником демократических свобод и общечеловеческих ценностей.

По крайней мере такова тенденция на лицо.

Однако историки очень редко упоминают, что у любого командующего есть штаб во главе с начальником штаба.

Вот к примеру, кто был начальником штаба 1-го Белорусского фронта Жукова во время Берлинской операции?

Да никого не было — он сам всё разруливал!

«Маршал Победы» же: на кой ему штаб — только под ногами путается.

По крайней мере в «Размышлениях и воспоминаниях», ни про каких «начальников штабов» не упоминается:

— Я так решил и точка!

Ну а если что пошло не так:

— А вот здесь мы облажались, уважаемые потомки...

Кто «мы»?

Молчит, проклятый!

И тем не менее, в отличии от чести и совести — был у Георгия Константиновича штаб, был и начальник штаба...

Но в данном случае, я не про это.

При Командующем 1-м Белорусским фронтом был не только начальник штаба и начальник политуправления — но и аж целых три(!) члена Военного совета: генерал-майор интендантской службы Михаил Стахурский, генерал-лейтенант Константин Телегин и генерал армии Николай Булганин.

Что этих троих объединяет?

То, что они «академиев» не кончали!

То бишь несмотря на генеральские звания, военными они не были.

Последнего, надеюсь представлять не надо?

Не надо. Скажу лишь, что в 1938–1944 —м годах, товарищ Булганин занимал должность Председателя Государственного банка СССР и Заместителя председателя СНК СССР.

То есть это — опытный управленец.

Мог ли при Сталине, человек на таких должностях — быть дураком?

В отличии от Начальника штаба — категорически нет.

Мог ли Булганин быть при Жукове просто статистом?

Снова — категорически нет!

Константина Телегина историки называют «другом Жукова»... Возможно это и так — ведь мародёрничали в послевоенной Германии они вместе, вместе и под суд пошли. Однако до того момента, он был скорее человеком Берии: с 1936-го года — на военно-политической работе в войсках НКВД, в начале сороковых — служил в центральном аппарате этого ведомства.

С началом Великой Отечественной Войны, Телегин становится членом Военного совета сперва Московского военного округа, затем — целого ряда фронтов.

Опять же, чем славился Лаврентий Павлович?

Тем, что подбирал в свою «контору» умных и способных организаторов. Вот и этот видать из таких же.

Но самым интересным мне показался стоящий на первом месте в этом «триумвирате» — Михаил Михайлович Стахурский. Максимально высокая должность которую он занимал до войны...

Заместитель народного комиссара земледелия Украинской ССР!

С началом же её, этот человек становится членом военных советов ряда армий и фронтов. По результату своей деятельности на этих должностях, он был награждён многочисленными медалями, двумя орденами «Отечественной войны I степени», орденом «Богдана Хмельницкого I степени», орденом «Кутузова I степени» и тремя «орденами Ленина».

Что может сей «боевой организатор-аграрий» посоветовать Жукову до и во время Берлинской операции?

Чем может помочь?

Тайна сия — велика есть!

Не... Чего-то мы про ту войну не знаем... Вернее, мы не знаем про неё вообще ничего.

Соратник-соперник Жукова по штурму «логова зверя» — Командующий 1-м Украинским фронтом маршал Конев, тоже имел при себе трёх членов Военного Совета: это генерал-лейтенанты Никита Хрущёв, Крайнюков и Кальченко.

Кроме того, что «академиев не кончали» и одинаковых званий, всех трёх объединяет дата вступления в должность: 20 октября 1943-го года. А стало быть это...

Одна команда!

Первого надеюсь, представлять не надо?

Организатор, да ещё и какой!

И это без всякого стёба: если перед ставились задачи — Никита Сергеевич мог горы свернуть и моря досуха вычерпать. А вот когда ставить задачи стал он...

Ну, это никому рассказывать не надо — все и так знают!

Второй по биографии — чисто комиссар и, какого чёрта лысого он здесь делает — без понятия.

А вот Никифор Тимофеевич Кальченко...

В первой половине 20-х годов учился в Полтавской школе садоводства, затем окончил Полтавский сельскохозяйственный институт по специальности агроном-организатор. Работал агрономом, директором МТС, начальником зернового управления областного земельного отдела.

С марта 1938-го года и по август 1941-го года — Председатель исполкома Одесского облсовета. После этого — последовательно член военных советов 56-й и 46-й армий, Воронежского и 1-го Украинского фронтов. Удостоен множеством правительственных наград, в том числе и восемью(!) «орденами Ленина».

Опять же — не успела закончиться война, как он возвращается к мирной профессии в области сельского хозяйства, а затем становится Председателем Совета министров Советской Украины.

Даже при Хруще Кукурузном, на такие должности дураков не ставили.

И таких биографий, если захотеть и поискать, можно найти множество.

Хохлов, Иван Сергеевич:

До войны и в её начале — Председатель СНК РСФСР, с октября 1941-го года и по 1944-й — член Военного совета Западного фронта в звании генерал-лейтенанта интендантской службы. Затем до конца войны — член Военного совета 3-го Белорусского фронта.

А вот человек в «текущей реальности» — без пяти минут «вице-губернатор» Центральной и Западной Украины, где располагался Киевский особый военный округ:

Корниец Леонид Романович — прошу любить и жаловать.

Пройдя все нижестоящие инстанции, в 1938-м году был избран Председателем Президиума Верховного Совета УССР, а через год — Председателем Совета Народных Комиссаров республики. На этом посту он руководил процессом присоединения западной Украины, эвакуацией на восток промышленности, развертыванием подпольно-партизанского движения... Наконец, с июня 41-го и по май 43-го — был членом военных советов ряда армий и фронтов.

Грачёв Леонид Павлович:

В 1939-1941-м годах — первый заместитель Наркома лесной промышленности СССР.

В 1941-1944-м — член Военного Совета 4-й отдельной армии, заместитель командующего войсками Волховского и Ленинградского фронтов по тылу.

1944—1946-м — первый заместитель наркома целлюлозной и бумажной промышленности СССР.

Ну и так далее...

А теперь вопрос:

А что это за должность такая — «член Военного Совета»?

Может, это пустышка какая?

Никак нет:

«Член Военного совета делил с командующим всю полноту ответственности за состояние и боевую деятельность войск, участвовал в разработке оперативных планов, заботился о том, чтобы каждая операция была бы обеспечена материально. Вместе вызывались они и в Ставку...[2]».

Конечно, среди этой категории были всякие: талантливые организаторы, не очень и вообще — никакие организаторы. Видимо этот институт создавался Сталиным по наитию, впопыхах и часто из людей случайных...

Каждому то, в душу не заглянешь и мысли не прочтёшь!

Он запоздал по сроку и главное — встретил сильное сопротивление «профессиональных» военных, которым не нравилось, что в их управление войсками кто-то вмешивался. Часто с их стороны был скрытый саботаж по принципу «на зло маме уши отморожу» — какой мы видим по вышеприведённому примеру взаимоотношений генерала Петрова и Мехлиса.

Но сама то идея вполне здрава: к «волевому» командиру приставить умного и опытного управленца.

А у меня другая идея появилась — ещё более здравая: к умному и опытному управленцу — приставить «волевого» командира. А то и вообще — обойтись без последнего: для контроля нижестоящих инстанций — вполне достаточно и «особого отдела».

Ну вот представим себе, что во главе 1-го Белорусского фронта не маршал Жукова — а генерал армии Николай Булганин, с двумя помощниками — генерал-майором интендантской службы Михаилом Стахурским и генерал-лейтенантом Константином Телегин...

Что изменится?

Да, практически ничего: привычка воевать «не считаясь с потерями» — уже выработана сверху донизу.

А вот если этот «триумvirат» возглавит Западный особый военный округ весной 1941-го, то...

Очень вероятно, что изменится буквально...

ВСЁ!!!

И причём — в лучшую сторону.

***

— Иосиф Виссарионович, Вы там случайно не заснули?

Звук в телефонной трубке был там громким, что я вздрогнул и встрепенувшись, бодрым голосом ответил:

— Случайно? Нет, не заснул... Думаю вот, что по примеру «ГКТиО» — «на местах» надо организовать «республиканские комитеты труда и обороны» в который входил бы председатели военных советов округов, руководители комитетов госбезопасности, погранвойск, милиции и так далее...

Доводилось где-то читать, что глава Белоруссии Пономаренко (это, который сейчас Председатель НКГБ) перед войной очень деятельно готовил города республики к обороне: население рыло окопы, противотанковые рвы и возводило укрепления всевозможных видов. Но войска Красной Армии предпочитали «обороняться» — не в созданных руками советских граждан укреплениях, а в лесах и болотах...

Привычка, это вторая натура:

«Зелёная армия,

Кустарный батальон...».

Они ж ему не подчинялись!

В текущей же реальности, глава «Комитета труда и обороны Белоруссии», имеет полное право приказать(!) Военному совету Западного особого округа занять оборону в городах и стоять там до последней капли крови.

«Неровно» подышав в трубку, Бонч-Бруевич согласился:

— Пожалуй, так будет ещё лучше.

Однако это будет лишь лёгкий апгрейд «верхушки айсберга»!

Понимая это, мой Заместитель на должности Верховного Главнокомандующего, предлагает создать одну общевойсковую армию под командованием «цивильных» и обкатать её «на деле» в предстоящей нам уже этой весной «Продолженной советско-финской войне»:

— Тогда у нас с Вами будет весьма серьёзный аргумент для полной перестройки всех Вооружённых сил. А то как бы нам с вами, Иосиф Виссарионович, генералы новый «Февраль» не устроили!

Военного переворота я боюсь меньше всего: потому что кроме армейских генералов — у меня есть генералы, командующие войсками НКГБ. Имеются и «особые отделы» в войсках политотделы и так далее...

Отвечаю:

— Я настолько уверен в этой задумке, товарищ маршал СССР, что требую создать сразу тр... Пять таких армий! Пять армий объединённых в группу армий.

Михаил Дмитриевич сомневается, типа: а вдруг вновь обосрёмся пред всем миром?

Рейтинг РККА, мол и, так то — на уровне плитуса в общаге для секс-меньшинств вообще — опустится ниже городской канализации...

Энергично машу рукой, как шашкой рублю:

— Никаких «а вдруг»! Тем более, что Архангельский, Ленинградский и Прибалтийский «особый» округа — никуда от границы с Финляндией не денутся: они будут стоять за спиной нашего «новообразования», служить источником пополнений для него и подстраховывать в случае так сказать — «фарс-мажора».

Немного поговорили о организационной структуре армий и маршал предложить исключить такое по его мнению «лишнее звено», как корпуса. Эти воинские объединения должны напрямую состоять из дивизий, плюс вспомогательные части — типа танковых, артиллерийских, инженерно-сапёрных и прочих бригад и полков.

Не возражаю:

— Согласен, в «ту войну — что ещё не началась», от корпусов тоже в первые же месяцы отказались. Так как командующие армиями (а то и фронтами!), имели привычку командовать дивизиями через головы корпусного командования. Потом, правда — всё вернулось «на круги своя»... Но это совсем другая история.

Поговорив согласились, что прежнюю структуру надо оставить для таких отдельных (не входящих в состав общевойсковых армий) объединений — как кавалерийские, авиационные и возможно артиллерийские корпуса и, после достижения надлежащей технической надёжности новейших танков — механизированные.

Затем, мы с ним довольно долго беседовали — уточняя всякие нюансы, после чего попрощались, решив подробно обсудить всё остальное попозже и не один раз.

***

После Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича я позвонил главе «Главного промышленно-экономического отдела при Совнаркомe СССР» (ГПЭО СНК СССР) и, сперва с полчаса побеседовав об успехах и проблемах, дав «ОЦУ» (особо ценные указания) и, слегка вздрючив — чисто для профилактики и порядка, не терпящим возражения тоном заявляю:

— Товарищ Кобулов! Вашего Заместителя по промышленности — Завенягина, я у Вас забираю. Прямо сейчас.

Тот конечно стал возмущаться и, от волнения — что-то бухтеть с сильным... Ээээ... Кавказским акцентом...

Но я лишь рявкнул:

— Ничего, не обеднеете! До свидания.

И положил трубку.

Авраамия Павловича Завенягина, мои современники практически не знают...

А что они вообще знают?

ЕГЭ — рулёз!

Родился он в семье железнодорожников, в 1901-м году и успев закончить реальное училище при Империи, в апреле 1917-го вступил в партию большевиков...

Рисунок 82. Авраамий Павлович Завенягин.

Стало быть это не смотря на возраст — не только грамотный человек, но и — убеждённый коммунист. А не примазавшийся к партии — когда она стала победительницей в Гражданской войне и единственно правящей на «одной шестой части» земной поверхности.

Вступив в партию, юный Завенягин сразу же показал себя не как злоупотребляющий «рреволюционной фразой» трибунный болтун — каковых было большинство среди его однопартийцев... А как врождённый организатор — сразу став лидером молодёжи Тулы.

В 1919-м году он назначается начальником политотдела Рязанской пехотной дивизии, с боями прошедшей до Донбасса. В 1919-1920-м годах, молодой Завенягин был членом Центрального Исполнительного Комитета Украинской республики, занимался мобилизацией населения на борьбу с адмиралом Колчаком и генералом Деникиным, формировал воинские части и лично участвовал в боях против местных банд.

После окончания Гражданской войны — ответственный секретарь окружкома ВКП(б) в городе Юзовке (Донецке). Затем — учащийся «Московской горной академии», которую закончил в 1930 году, став во время учёбы проректором — помощником самого(!) академика Губкина.

Недолго пробыв первым(!) директором только что созданного «Московского института стали», Авраамий Павлович работал в Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции СССР, затем — Заместителем начальника Главного управления металлургической промышленности.

В тридцать два года Завенягин возглавил строительство одного из крупнейших объектов периода Первых пятилеток — Магнитогорского металлургического комбината, а после более чем успешного завершения строительства, стал его первым директором.

В 1938-м году Завенягин возглавил начатое тремя годами ранее строительство Норильского горно-металлургического комбината и с успехом: первая промышленная плавка будущего «НГМК» состоялась в марте 1939-го года...

Заметив его недюжинные организаторские способности, его подтянул к себе Лаврентий Павлович Берия — назначив своим Заместителем, осуществлявший общее руководство промышленно-строительными структурами НКВД.

После войны и, вплоть до смерти Сталина и Хрущёвско-жуковского государственного переворота — Завенягин заместитель Берии в советском атомном проекте, в зону ответственности которого входил весь цикл производства ядерного топлива и зарядов — от руды до производимого в промышленных реакторах плутония.

Уцелев после этого события и, тем не менее — не будучи замечен в охаивании «сталинско-бериевского режима», Завенягин отошёл от административной работы в промышленности — переключившись на координацию прикладных и фундаментальных исследований в области атома. Он санкционировал проектирование и постройку первой в мире АЭС в 1953-м году, играл одну из ведущих «скрипок» в деле создания советского атомного флота...

Так неужели?

Конечно, сможет!

А когда интересы безопасности страны потребуют создания ядерного оружия, я верну Авраамия Павловича на место.

***

Через Поскрёбышева звоню по «ВЧ» в Норильск и, сперва поздоровавшись поинтересовавшись — как там поживают местные полярные песТцы: не холодно ли ныне им за Полярным кругом и, не собираются ли они посетить вскоре нашу Среднюю полосу, спрашиваю:

— Товарищ Завенягин! У Вас есть заместитель, на которого можно оставить строительство Норильского горно-металлургического комбината?

Это кстати, ещё одна «проверка на вшивость»: у хорошего руководителя — всегда есть парочка заместителей, которым можно доверить всё.

С чувством глубокого удовлетворения услышав утвердительный ответ, я:

— Тогда срочно сдавайте ему все дела — три дня Вам сроку и, немедленно вылетайте в Москву.

Темнить особо не стал и, постарался вкратце дать ответ на некоторые естественно возникшие вопросы:

— Назначаетесь Командующим «Группой армий», с присвоением Вам звания «генерал-полковник... Да! В Вооружённых Силах СССР — грандиознейший провал... ..Да, может назначить в свой штаб людей в которых уверены и которым доверяете... Подробности узнаете по прибытии... Всё, до встречи!

***

После чего позвонил главе «Секретариата Государственного Комитета Труда и Оборона» Поскрёбышеву — этому некому подобию синтеза отдела кадров, «Википедии» и электронного калькулятора:

— Александр Николаевич! Бросайте все дела и срочно подыщите нам с Михаилом Дмитриевичем пять... Эээ... Двадцать девять командующих армиями из числа союзных и республиканских наркомов. Желательно с командой: одним-двумя заместителями и даже с секретут... Хм, гкхм... С секретаршами.

На новом месте и в новой должности, легче работается — если есть хотя бы парочка проверенных людей рядом.

Из пятерых то, я одного — точно выберу!

А остальные будут при нём «учиться, учиться и ещё раз — учиться», стажироваться и дублироваться — находясь в резерве. И таким образом после «Продолженной войны» с «финниками» — я смогу заменить всех командующими общевойсковыми армиями РККА, после чего «процесс» пойдёт «ниже».

После этого ответил на некоторые уточняющие вопросы:

— Конечно, чтобы без существенного вреда для дела... Что значит «невероятно сложно»? Надо постараться, Александр Николаевич! Голова нам с вами дадена — не токмо шапку носить.

Кое-что уточнил, типа:

— Желательно, чтоб вообще без военного опыта: ибо, нет хуже занятия — когда переучиваешь, выбивая из головы какие-то наглухо туда вколоченные понятия и привычки.

***

Спрашивается: а что с товарищами командирами и генералами делать?

Им дело найдётся!

Сохранив звания, оклады, награды и прочие любые для их глаза цапки — назначить на должности не выше командира дивизии. Максимум — командующего отдельным корпусом. В связи с развёртыванием армии — «пустых вакансий» достаточно, безработных не будет. Заставить учить уставы и строго предупредить:

Воевать по-старому не выйдет!

Если командиром дивизии допущены ничем не оправданные большие потери — он без всяких «промежуточных» вариантов, после пары месяцев интенсивной переподготовки — будет командовать «полчком». Затем — батальоном и, наконец закончит свой земной путь — рядовым штрафного батальона.

Короче, предполагается чёткое разделение на полевых командиров и штабных — даже некоторая кастовость... В разумных пределах, конечно.

Конечно, в такой системе имеются свои «минусы», но «плюсов» побольше.

Например, не будет командования «через голову». Не будет раздербанивания боевых частей, как это произошло «в реале» с 85-й ордена Ленина стрелковой дивизии, обороняющей Гродно и со многими другими. Как говорили в древности:

«Вассал моего вассала — не мой вассал».

Например «в текущей реальности», на требование командарма Кузнецова выделить батальон или полк для охраны штаба 3-й армии, комдив Бондовский ответил бы так:

— У тебя есть комендантская рота? Есть! Вот она пускай твой штаб и охраняет, а от меня отвянь.

А на приказ занять оборону вдоль какой-то речки:

— Ты мне дал приказ Гродно оборонять? Дал. Вот я и буду его оборонять! А как я его буду оборонять — не твоё собачье дело.

Ну а если даст приказ взорвать склады, ответ будет один:

— «Взорвать»? Ты там часом берега не попутал? А чем мои бойцы стрелять будут и, чем я их буду кормить? Так что пошёл ты на х...уй, товарищ командующий.

И конечно же, в Красной Армии не будет вот таких безобразно-позорных сцен:

«Уже после взятия Альтдама (ныне Dąbie) огневики нашей 2-й батареи, стоявшей в 50 метрах слева от дороги Штаргард — Штеттин, рассказали такой случай. Генерал, замкомандующего 9-м гвардейским корпусом, проезжая в направлении Альтдама, остановил машину у стоявшего на дороге танка с неисправным мотором и потребовал, чтобы танк немедленно шел в бой. Переговоры кончились тем, что генерал вытащил из кобуры пистолет и стал стрелять то ли по танку, то ли по танкистам. Экипаж танка не пострадал, а раненный в руку солдат, направлявшийся в медсанбат и присевший у танка отдохнуть, получил от своего генерала второе ранение. Отстрелявшись, генерал сел в машину и продолжил путь. Танкисты перевязали рану солдату, и он, довольный, что остался жив, отправился в тыл. На обратном пути генерал опять остановил машину у танка, но теперь экипаж был настороже. Двое из танкистов убежали на батарею, а один захлопнул за собой крышку переднего люка. Обойдя вокруг танка и постучав по броне рукояткой пистолета, генерал залез на танк и стал спускаться внутрь через башенный люк. Танкист, не желая встречаться с генералом, вылез через передний люк, закрыл его, а заодно и башенный люк и тоже убежал на батарею, где

спрятался в ровике. Генерал оказался в ловушке. Батарейцы, слыша, как генерал пытается проломить броню, хотели было выпустить пленника, но побоялись — может и застрелить. Освободил же генерала его шофер, который все это время держал машину в укрытии, метрах в ста от танка, под кронами деревьев.

Об этом генерале у нас много ходило историй, похожих на правду. Вот одна из них. Остановилась колонна танков. Проезжающий мимо генерал кричит: «Вперед, вперед!» — и выстрелом из пистолета убивает командира танка. Экипаж разворачивает башню и стреляет по удаляющейся машине, но генерал, вовремя заметив опасность, успеваает из машины выскочить. Машина разбита, генерал остается живым.

Я дважды наблюдал этого генерала за подобным занятием, похожим скорее на бред. Первый раз — в районе Штаргарда: он с палкой в руке ходил по полю между наступающей пехотой и огневыми позициями батарей и всех попадавших ему под руку бил палкой и кричал «Вперед!», не разбирая, солдат это или офицер и какую задачу он выполняет. И второй раз — это было севернее Берлина. На мост через канал выстроилась длинная колонна машин, повозок, орудий и др. Солнце уже высоко. Жарко. Наш дивизион остановился в стороне, под деревьями. Генерал в седле мечется у переправы. Наводит порядок. Увязая по щиколотку в песке, к переправе подходит батальон пехоты. В шинелях. С пулеметами, винтовками и вещевыми мешками. Усталые и потные. Увидев подходящую пехоту, генерал бросается навстречу с криком: «Кто командир?» Из хвоста колонны выбегает офицер с погонами капитана. Такой же, как и солдаты, — в шинели с полами под ремень и потный. На ходу пытается отрапортовать, но генерал его не слушает. Кричит «Бегом, бегом!» и бьет капитана палкой между лопаток. Капитан тоже командует солдатам «Бегом!» и пытается бежать, но ни у него, ни у солдат бега не получается, ноги тонут в песке.

В офицерских кругах говорили, что генерал-майор, о котором идет речь, раньше командовал корпусом и имел звание генерал-лейтенанта, но он дважды своими неумелыми или преступными действиями уничтожил вверенные ему корпуса. За первый ему простили, а за второй понизили в звании и должности...

...Надо бы отыскать имя этого генерал-майора, бывшего весной 1945 года заместителем командующего 9-м гвардейским корпусом, а до того в звании генерал-лейтенанта — командующим корпусами[3]».

Если какой-нибудь генерал «из цивилильных» себе такое позволит, то любой полевой командир его попросту пристрелит, плюнет на труп да забудет.

Но я почему-то уверен, что такие неадекватные скоты бывают только в армии... В нашей с вами армии, дорогие россияне!

***

«Хлеб — всему голова», — кто будет спорить с сей народной мудростью?

В понедельник — который «день тяжёлый», с утра и до обеда занимался «чёрной дырой» советской экономики — сельским хозяйством.

На совещании в Кремле присутствовал как Начальник Департамента сельского хозяйства СССР Бенедиктов — так и, ему подчинённые начальники соответствующих республиканских департаментов... А также «другие заинтересованные лица» — среди которых одним из самых заинтересованных, был Нарком обороны СССР маршал Кулик.

— «Армия воюют брюхом», — напомнил я ему слова Наполеона, — поэтому как проведём весеннюю страду — так и будем воевать осенью и зимой!

А в Красной Армии, в первый же год войны был самый натуральный голод:

«Мучная подсоленная водица и мёрзлый, как камень, черный хлеб. Его когда рубишь, не берет даже сапёрная лопата, не будешь же его пилить двуручной пилой — поломаешь все зубья...!»

Нехватка продовольствия усугублялась воровством интендантов на всех уровнях:

«...Суточная солдатская норма в траншею не доходила. Она как дым, как утренний туман таяла и исчезала на КП и в тылах полка[4]».

Речь шла о резком увеличении производства картофеля, под который весной должен быть использован любой подходящий клочок земли:

— К программе подсобных хозяйств должны быть привлечены буквально все. В том числе и Рабоче-Крестьянская Красная Армия, военно-воздушный и военно-морской флот. Сам по весне всем семейством за лопату возьмусь и, посажу на даче соток шесть картохи!

Конечно, вооружённые силы должны заниматься боевой подготовкой, но...

Такая уж у нас страна: не я её выдумал — не мне и переделывать.

Это кстати, не моя личная «шиза»...

Так делали все!

Имеется в виду страны, которые рассчитывали победить во Второй мировой войне.

В частности в Штатах, которые никогда не испытывали особой нужды в продовольствии, после Перл-Харбора была запущена государственная программа «Сады победы» (Victory Gardens)...

Скажите мне после этого, что Америка — не социалистическая страна!

Под пропагандистку шумиху и реальную государственную помощь сельхозинструментами, семенами и советами учёных-аграриев — население как перепуганное кинулось выращивать фрукты и овощи буквально везде — вплоть до лужаек перед собственными домами, их крыш и даже багажников автомобилей.

Выслушав от начальников департаментов что делается и что предполагается делать в этом отношении, вновь наезжаю на Наркома обороны:

— В случае начала широкомасштабной войны — никакой мобилизации тракторов и автомобилей из колхозов! Если нет возможности мобилизовать и машинно-тракторные станции, конечно — благодаря которым они и «дышат». Лучше займитесь созданием собственной ремонтной службой для уже существующих артиллерийских тягачей, товарищ нарком.

Грех смеяться над убогими, но артиллерийские тягачи для ремонта (те же сельскохозяйственные трактора), до войны отправляли...

На предприятия Наркомата земледелия!

ПисТсец конкретный...

Толку от мобилизации тракторов и полуторок из колхозов и совхозов было ничуть. Ушатанные в хлам на только что прошедшей посевной, они по большей части сгнили на сборных пунктах или были захвачены врагом и использованы в виде металлолома.

А оно мне надо?

Отобрав у маршала «мешок сахара», подсовываю ему сладкую карамельку «Чупа-чупс», чтоб не плакал:

— А вот лошадей можно начинать потихоньку мобилизовать уже сейчас, формируя «транспортно-гужевые батальоны».

Как известно, такие формирования — насчитывающее порядком пятисот повозок каждое, внесли в Победу вклад не меньший, чем хваленные ленд-лизовские «Студебеккеры».

Но не Ленд-Лизом единым жива Красная Армия!

— Дополнительно попросим лошадей у Монгольской Народной Республики — прикиньте примерно сколько на эту весну-лето-осень понадобится, товарищ маршал и подайте заявку по инстанции.

Как известно, эта без кавычек — братская страна, помогла нам в «реальную» войну немногим меньше, чем Америка.

Почему бы ей не начать помогать нам на полгода раньше?

— Кроме того, товарищ маршал, надо присмотреться повнимательнее к таким видам гужевого транспорта как верблюды — способные везти по хорошей дороге до семисот килограмм на вьюке и, Маркс весть сколько — впряжёнными в телегу...

Не удивлюсь, если окажется что тонны три — как «Захар», грузовик «ЗИС-3» то бишь.

— ...Не откладывая в долгий ящик, приказываю взять всех имеющихся в стране верблюдов на воинский учёт и, уже к этой весне сформировать два-три — а лучше десять транспортно-гужевых «эскадр» из этих «кораблей пустыни».

Не успел под общий здоровый смех закончить про верблюдов, как вспомнилось из Ильфа и Петрова:

«А вот в Самарканде никакого трамвая не надо. Там все на ешаках ездят. Ешак три рубля стоит — дешевка. А подымает пудов десять!».

Ещё мне вспомнился рассказ одного моего знакомого, «там» прожившего полжизни в Средней Азии:

«Этой скотины там столько много, что их никто не считает! Надо узбеку что-нибудь куда-нибудь привести или куда-нибудь съездить — вышел из кишлака, поймал первого встречного и вперёд! Попользовался и там же — за кишлаком, отпустил дальше пастись».

На скорую руку пробежавшись по «послезнанию», я так же вспомнил что по крайней мере одно соединение РККА времён Великой Отечественной Войны — 128-я гвардейская горнострелковая дивизия, геройствовавшая в Крыму, а затем в составе 4-го Украинского фронта освобождавшая Европу — имела именно «ешачьи» транспортно-гужевые подразделения.

Не отходя от кассы, озадачил маршала Советского Союза:

— А почему ешаками брезгуем, товарищ Кулик?

Тот выпучил на меня красноватые от хронического недосыпа очи:

— «Ешаками»?

— Да! Именно ими! Сия скотина в отличии от лошади — карикатурно неказиста, но на вьюке тащит почти вровень с нею. А её невеликий рост и неприметность — были бы незаменимыми при доставке боеприпасов на самую передовую и вывозу оттуда раненых.

Тот поскрипев мозгами, нехотя выдавил из себя:

— «Ешаки», говорите? Для батального обоза не помешали бы...

Обращаюсь в зал:

— Товарищи начальники департаментов сельского хозяйства среднеазиатских

республик! Нужно обеспечить Красную Армию требуемым количеством этих замечательных животных.

Переглянувшись, те обратились напрямую к Наркому обороны:

— А сколько надо ешаков, товарищ Кулик?

Тот, посмотрев на потолок и промокнув белоснежным платком лоб, выдал точную цифру:

— В случае войны их потребуется очень много.

Те, переглянувшись ещё раз:

— Если «очень много» — то это надо в Персии закупать. У нас столько ешаков нет!

Врал что ли мне тот «знакомый»?

Доживу до его рождения и убью!

Ну что ж...

В «реальной истории» была оккупация северного Ирана Красной Армией — надеюсь и в «текущей реальности» она произойдёт. Надо будет воспользоваться моментом и национализировать сих животных.

В целом отложив решение «ешачьего» вопроса на потом, а в частности — поручив Кулику провести ряд экспериментов, чтоб понять — стоит ли с этой скотинкой вообще заморачиваться:

— К весне, чтобы хотя бы одна дивизия с ешачьими гужбатами, но была!

Подучив ответ «Будет исполнено, товарищ Сталин!», успокоился и перешёл дальше:

— Товарищ Начальник департамента земледелия Казахстана!

Таковым являлся Ахмет Дакишевич Даулбаев — довольно примечательная личность, талантливый специалист и способный организатор, которого Бенедиктов неоднократно звал в Москву к себе в заместители. Но тот следовал мудрой русской поговорке: «Где родился, там и пригодился» и оставался хозяйствовать на земле предков.

— Товарищ Даулбаев! В преддверии предстоящих стране суровых испытаний, требуется резко увеличить производство продовольствия и в первую очередь — зерновых. И другого способа сделать это — как поднять Целину в вашей республике, я не вижу...

Вновь распаханые земли, способны два-три года давать урожай «сам-сорок», а то и выше. Затем без внесения удобрений и применения гербицидов урожайность резко снизится, но...

Но там и война уже кончится!

Вполне конструктивно обсудив эту тему с Даулбаевым и другими товарищами, решили в первый год особо широко не замахиваться, начав с трёх областей — Петропавловской, Кокчетавской и Акмолинской. Распахивать вдоль железной дороги — чтоб было легче вывозить при существующем остром дефиците автотранспорта. Распахивать полосами поперёк «розы ветров», чтоб не было ветровой эрозии и сразу же заняться насаждением лесополос.

Создаваемые посёлки совхозов первоцелинников сперва будут состоять из армейских палаток, затем из землянок и наконец — из саманных или бревенчатых домов, которые в первое время будут возводить зеки, к которым с началом войны присоединятся эвакуируемые из западных областей СССР.

Конечно, тут же возникает вопрос:

«А на чём Целину распахать собрался? Ведь «в реале», приходилось по пять-шесть тракторов» гуськом впрягать...».

Мне его не преминули задать, но я был во всеоружии: даром на это совещание маршала Кулика и пригласил — предварительно засрав ему мозги всякими «верблюдами, да ешаками».

— Товарищ Нарком обороны! Придётся передать во временное пользование товарищу Даулбаеву тягачи «Ворошиловец».

Сие чудо отечественного военпрома имело «вместо сердца» «пламенный» дизель «В-2» от новейших советских танков и, являлось первым советским тяжёлым тягачом не имеющим дефицита мощности. Его сила тяги ограничивалась лишь сцеплением гусениц с грунтом, а одной из главных проблем являлось разгибание буксирного крюка под излишне великой нагрузкой.

Естественно, под него придётся изготовить соответствующие «обвесы» — плуги, бороны, культиваторы...

Но это уже не проблема!

«Проблемой» был маршал Кулик.

Как он разбухтелся...

Маркс ты, мой!

Хоть портреты классиков со стены снимай и вон выноси.

Свою довольно длинную и бурную на выражения речь, он закончил такими словами:

— ...Товарищ Сталин! Накануне войны Вы лишаете нашу артиллерию механической тяги! И ваши верблюды с «ешаками» навряд ли её заменят!

Мне захотелось тут же его незаконно репрессировать, однако собрав всю силу воли в кулак, я в весьма доброжелательно тоне:

— Закройте «поддувало», товарищ Нарком, слушайте сюда и попробуйте хоть раз в жизни подумать головой — а не тем местом, которыми шаровары протираете.

«Шаровары» кстати на нём — нормального защитного цвета, что сразу снимало значительную часть того лютого раздражения — которое всегда испытывал при виде рожи какого-нибудь военного, званием выше капитана.

Когда он последовал моему совету, я:

— «Ворошиловцы» предназначены для буксирования орудий большой и особо большой мощности. Первый период предполагаемой войны будет оборонительной операцией — в которой Красной Армии придётся, в том числе и отступать. В условиях оборонительной войны тяжёлые орудия — малополезны, а в случае отступления — ещё и излишне обременительны... Их попросту придётся бросать! Не лучше ли будет, держать такие артиллерийские системы подальше в тылу и использовать лишь при переходе в решительное наступление?

Кулик, как будто после озарения, просветлев ликом:

— Конечно лучше, товарищ Сталин!

— То-то же! Так что Вы мне ещё и спасибо скажите, что к моменту наступления, благодаря мне сохранили эти «большие игрушки».

Примерно так и было в «реальной истории»... Правда прежде чем наших «маршалов Победы» осенило — как Кулика сейчас, было потеряно немало «сталинских кувалд» — 203-

мм гаубиц «Б-4» и прочей артиллерии большой и особой мощности — расположенной почему-то (почему?) в непосредственной близости от границы.

Завершая разговор на эту тему, я пообещал Наркому обороны СССР:

— Через пару дней проведём специальное совещание по артиллерийским тягачам и, я такие «преференции» предложу товарищам артиллеристам, что Вы с ними забудете про эти несчастные несколько сот «Ворошиловцев».

Вот только хватит ли их, для хотя бы локального и растянутого по времени освоения Целины?

Или, что-нибудь дополнительно в Америке прикупить?

Надо хорошенько подумать, посоветоваться с товарищами...

Но немного позже.

Ещё одна тема, которую я поставил перед начальниками департаментов земледелия республик:

— Война — дело непредсказуемое и значительные территории СССР (возможно даже вплоть до Днепра) — окажутся в зоне боевых действий, а то и вообще — под пятой оккупанта...

Эти слова произвели воистину ошеломляющее действие и заглушающий мои слова ропот, но я невозмутимо продолжал, несколько повысив голос:

— ...Таким все наши сельхоз- труды в западных областях страны окажутся насмарку и даже могут пойти на пользу врагу. В то же время, если сорвать там весенние полевые работы — то под угрозой голода окажутся миллионы людей. А это наши — советские люди! Поэтому надо сделать так, требуется этой весной посеять такие культуры — чтоб и в Германию вывезти было нечего и, в то время — нашим гражданам было что кушать.

Хотя, что там думать?

Та же картошка!

В отличии от «компактных» зерновых, клубни картофеля состоит в значительной степени из воды, а следовательно — требуют больше подвижного состава, больше гемorra при погрузке-выгрузке, более ёмких хранилищ и более привередливых условий для транспортировки и хранения.

Но возможно существует и иные решения — пусть хорошенько подумают.

***

«Сатрапы» для Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича задерживались: генерал-лейтенант Конев — до моего вызова являлся Командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, а генерал-лейтенант Ерёменко и того дальше — Командующим 1-й Краснознамённой армией на Дальнем Востоке.

К счастью их назначения состоялись вот-вот только что — в прошедшем январе, поэтому сдавать тем ничего не надо — ещё и принять-то ничего толком не успели. Однако с существующим развитием транспорта, даже с помощью авиации — с одной стороны «одной шестой части суши», на другую — мгновенно не попадёшь.

Им мы с Бонч-Бруевичем старшим хотим поручить им создание института представителей Ставки Верховного Главнокомандующего при армиях и фронтах...

Ибо за генералом — даже из «цивильных», нужен глаз да глаз!

Ведь точно такая же сволочь — только прошедшая предельно жёсткий искусственный отбор, а стало быть — опытная и умеющая выкручиваться из критической ситуации.

Оба обещались прибыть в Москву не позже среды, а пока я решил начать перезагрузку Вооружённых Сил СССР с самых низов.

Представший предо мной после обеда экс-нарком обороны маршал Тимошенко, был одет в новенькую — но явно с чужого плеча форму с положенными ему знаками различия, худ телом и бледен на лицо, хотя и не имел явных признаков побоев на нём. Следов сломленного духа, кстати, я тоже не заметил: держится хотя и настороженно — но без понятного бы в этом случае подобострастия...

Встретив его стоя, поздоровавшись и предложив сесть в кресло напротив, первым делом с участливой улыбкой спросил:

— Вы успели пообедать на Лубянке, товарищ Тимошенко? А то я как позвонил товарищу Пономаренко — так с тех пор места себе не нахожу...

Тот едва не прослезившись от такой заботы об его ничтожнейшей особе, с дрожью в голосе:

— Спасибо, товарищ Сталин... Успел!

— Ну значит, тогда сразу приступим непосредственно к делу.

Вообще то, он мне симпатичен. Не хватая звёзд с неба конечно (а кто в 41-м и 42-м их хватал?), Тимошенко как мог руководил фронтами... Были у него и взлеты, и падения, но он благополучно отвоевал всю войну, пользуясь заслуженным авторитетом в военных кругах и среди простого народа страны. После разоблачения «Культа личности», решительно отказался писать мемуары, заявив, что всей правды написать ему не позволят, а лгать он не станет ни при каких обстоятельствах.

И вспомнился мне Высоцкий:

«И взвод отлично выполнил приказ.

Но был один, который не стрелял».

Вдруг посерьёзнев ликом, строго спрашиваю:

— Что Вы натворили своим «Приказом № 0362», товарищ маршал...?

В конце декабря 1940-го года, по престижу элиты Вооружённых Сил — авиации, был нанесён мощнейший удар. В соответствии с приказом «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии», выпускникам лётных училищ присваивалось звание «сержант», вместо «младший лейтенант» — приравняв их таким образом к военнослужащим срочной службы с казарменным проживанием, а сам срок был увеличен до четырёх лет.

Тот встав и решительно одёрнув гимнастёрку:

— Товарищ Сталин! Известно, что каждая авиационная часть должна быть готова в любой момент перебазироваться в любой район соответственно требованиям обстановки. При нынешнем же положении наши авиачасти часто оказываются неспособными выполнить это требование. Вместо организованных воинских частей с должным военным распорядком, они превратились в поселки полугражданского типа — в которых военные составляют лишь незначительную часть, а большую часть составляют члены их семей. При передислоцировании авиачастей семьи остаются на месте, а взамен убитых расселяется

новая часть. Это приводит к тому, что в гарнизонах проживают семьи нескольких частей. В некоторых гарнизонах на одного летчика приходится до полутора десятков членов семьи. Все это делает недвижимыми и неподвижными наши авиачасти, приковывает их к месту расквартирования...

— А почему Вас прозвали «другом авиации», знаете?

Кроме того, он взял и сократил вдруг технический состав эскадрилий. До него и, после него — и ныне и во веки веков надеюсь, лётчик являлся лишь верхушкой такого «айсберга», как авиация. На каждый самолёт полагался техник в звании техник-лейтенант, механик, моторист и оружейник. Кроме них, на звено в три самолёта механик по приборам, механик по специальному оборудованию и ещё один механик по вооружению на звено.

— Товарищ Сталин! Кроме самолётов, технический персонал требуется для обслуживания танков... Добавьте сюда ещё и флот — на который берут лучших из всех призывников и специалистов и, окажется что в пехоте и артиллерии — и служить то уже и некому!

И опять мне возразить нечего: в обоих случаях виноват не он, а тот (или вернее — те) кто приказал наклепать двадцать семь тысяч самолётов и немногим меньше танков — не понимая (а может наоборот — очень хорошо понимая), что страна «не резиновая».

Вполне резонно спрашиваю:

— Тогда почему Вы ограничились только авиацией? Разве в других родах войск не такая же ситуация?

В принципе то понятно: он сухопутчик и, «своих» трогать — ему и на ум не пришло бы. А Военно-морской флот — это вообще был(!) отдельный наркомат со своими порядками, наркому обороны СССР практически не подчиняющийся.

— Любой сопляк — отучившийся два года в каком-нибудь «пехотном» училище и нацепивший в петлицы «кубари», тут же тащит в «ЗАГС» первую попавшуюся ему на улице дуру — везёт её в военный городок, где начинает размножаться как перепуганный.

— Случись внезапное нападение противника, куда он побежит? К своим бойцам или к семье? К брюхатой бабе и сопливым ребятишкам?

Тимошенко удивлённо смотрит на меня и недоумённо хлопает ресницами:

— К бойцам, конечно...

— А я вот не уверен! Долг командира в него вбивали всего два года, а инстинкт самца — защищающего свою самку и детёнышей, природа вырабатывала миллионы лет.

Многие вопросы возникающие к поведению товарищей командиров в первые часы или даже дни войны — можно легко понять, смотря с точки зрения именно этого «основного инстинкта». Недаром при государе-императоре, господам офицерам разрешилось жениться только после достижения тридцати лет, испросив разрешения у начальства и предоставив так называемый «реверс» — доказательство имущественного обеспечения в виде денежных средств и имущества, способного прокормить молодую семью.

Со времён Петра считалось, что офицер, на обучение и содержание которого тратились немалые государственные деньги — сначала должен сформироваться как специалист, а уж потом думать о своих личных интересах.

У нас же...

Эх, колхоз — «Большое дышло»!

Помолчав:

— Впрочем я Вас вызвал не того чтобы в чём-то обвинять, товарищ Тимошенко... Наоборот: как Председатель «Государственного Комитета Труда и Оборона» (ГКТиО) и как Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами СССР, я предлагаю Вам должности исключительной важности.

У того, аж рот от удивления открылся и челюсть едва не до колен отвисла, но стоическим усилием воли его захлопнув, соскочил и вытянувшись по стойке смирно, он:

— Готов выполнить любое ваше задание, товарищ Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами СССР!

Едва его усадив на место перед собой, вопрошаю:

— Кто сказал: «Армией командую я и сержанты»?

Тимошенко не раздумывая:

— Вы, товарищ Сталин[5]!

Сперва посмотрев вверх-влево, сделал морду кирпичом и согласно кивнул:

— Совершенно верно! Это сказал товарищ Сталин.

Затем:

— Однако, хорошие сержанты получаются лишь из хорошо подготовленных солдат... Красноармейцев, хотел сказать. Не правда ли?

— Совершенно верно, товарищ Сталин.

— А где и как у нас подготавливают красноармейцев?

— Непосредственно в воинских частях, тов...

Перебиваю:

— А если воинская часть расположена непосредственно на границе, а прямо сейчас — война? Бойцу неподготовленным идти в бой? Даже не умеющим стрелять и окапываться? А то и не успевшим принять присягу?

А ведь так и было: четверть, а то и как бы не треть всех военнослужащих встретившись роковое утро 22 июня на границе — были призыва весны 1941-го года...

Ну дали бы им приказ о приведении в полную боеготовность ещё в мае, и чё?

Ещё хуже бы получилось!

Ибо вместо обучения на плацу, в классах и на полигонах — новобранцы торчали бы в окопах у границы, где невозможно даже строевой заниматься — не то чтобы огневой подготовкой.

Ещё смешнее (и трагичнее) обстояло дело с мобилизуемыми с началом войны. В воспоминаниях ветеранов войны, часто упоминаются об их безоружных колоннах — даже спустя недели после «внезапного и вероломного» шедших к границе для доукомплектования расположенных там дивизий Первого стратегического эшелона...

Им приказали — они выполняли!

А навстречу им шли германские танки.

Идиотизм тех, кто готовил Красную Армию к войне — просто зашкаливал за все мыслимые и немыслимые рамки.

Во время войны, по крайней в её самом начале вообще — опустилась ниже

«...Основную массу прибывающих составляли деревенские жители, безграмотные

мужички, с бескрайних просторов России. Военному делу они были обучены плохо, солдатские навыки им приходилось приобретать непосредственно в боях».

Такие погибали прежде их чему либо успевали обучить и, в свою очередь — не успевали обучить прибывшим им на смену.

Тимошенко долго сидел загруженный, а я помалкивал, пока он первым не спросил:

— Так что же делать, товарищ Сталин?

— Нам с вами надо работать, товарищ маршал СССР... Больше ничего нам делать не остаётся.

Достаю из стола тоненькую папочку, переданную мне через Секретариат Бонч-Бруевичем старшим:

— Это проект постановления «ГКТиО» «О кадровой реформе в Вооружённых Силах СССР». После доработки он будет принят решением Верховного Совета...

***

В чём суть, если буквально в двух словах?

Подготовка рядового личного состава и младших специалистов будет проводиться во внутренних военных округах. В особые военные округа (в военное время — на фронты) они будут попадать в составе маршевых рот или уже в составе сколоченных боевых частей и соединений.

А где личный состав обучать-подготавливать?

Да есть тут некоторые места — специальное для этого предназначенные...

Вспомним, что мы знаем про военные училища СССР, готовившие в годы Великой Отечественной Войны младших лейтенантов — командиров взводов:

«Подготовили нас очень слабо. Преподавателей-фронтовиков в училище не было. Нас просто шесть месяцев гоняли в марш-броски по горам и полям. Пулемет «максим» мы еще с грехом пополам изучили, но, например, я так и не увидел в глаза ППШ или миномет 82-миллиметровый. Вообще, вся учеба в училище у меня в памяти ассоциируется со словами: жара, горы, пот, тупая муштра. Было довольно голодно. Нас все время кормили «ржавой» селедкой. В середине июля 1942 года состоялся выпуск нашего курса. Всем присвоили звание младшего лейтенанта, выдали сапоги, новое армейское обмундирование. Но если говорить честно — командовать взводами мы так толком и не научились...[6]».

Автору этих воспоминаний повезло: бывалые солдаты его взвода «отнесли ко мне покровительственно» и научили всем фронтовым и командирским премудростям...

А на хрена такие сложности, спрашиваю?

Почему бы не назначить командиров взвода одного из тех «старых солдат», которые способны научить воевать даже младшего лейтенанта — выпускника военного училища? И почему бы затем после переподготовки в полковой школе, не выдвинуть его на ротного?

И что мы видим из программы подготовки офицера Красной Армии?

Да, ничего из программы подготовки офицера — мы не видим, от слова «ваще»!

Мы видим довольно жёсткий курс первоначальной подготовки рядового бойца:

«Нас просто шесть месяцев гоняли в марш-броски по горам и полям», «жара, горы, пот, тупая муштра...».

По сути своей, довоенная подготовка офицерского состава — ничем кроме срока

обучения, не отличалась от времён уже войны:

«В училище нас гоняли на совесть. О войне и о немцах мы практически ничего не знали. Не знали его техники и тактики, боеспособности и взаимодействия его танков с авиацией и пехотой. Мы были хорошо подготовлены физически, умели отлично стрелять, читать карты и разбираться в топографии, но к войне мы морально, теоретически и практически не были готовы[7]».

Так почему бы не назвать вещи своими именами?

Это не офицерское — а солдатское училище, готовящее отличных (почти отличных!) бойцов.

И почему бы не поступить сообразно названию?

***

В соответствии с задумкой приказываю:

— Выпускников военных училищ этого года немедленно выпустить в войска младшими лейтенантами...

Правильнее было бы выпустить старшими сержантами — как лётчиков, но это перед самой войной сильно подорвёт моральных дух. Да и тем я хочу сократить срок срочной службы с четырёх лет до года.

— ...Из преподавателей пехотных училищ и курсантов первого года службы, требую организовать «центры первоначальной подготовки личного состава РККА» (ЦППЛС РККА). Срок подготовки — шесть месяцев, в военное время сокращённый вдвое за счёт запредельной интенсивности. Программа обучения: строевая, физическая (включающая и навыки рукопашного боя), тактическая, огневая и общая подготовка. Курсант прошедший «ЦППЛС РККА» должен уметь окапываться, понимать тактику стрелкового отделения, знать и хорошо владеть всеми видами имеющегося в отделении оружия, иметь понятие об ориентировании по карте на местности, владеть приёмами оказания первой медицинской помощи при ранениях.

Сделав паузу добавил:

— Политзанятия проводить по минимуму: наша молодёжь и без них сознательная.

Увидев вытянувшееся ошеломлённое лицо, рявкнул:

— С Политуправлением РККА уже согласованно!

Мы с товарищем Залкинд по прозвищу «Землячка», пришли у вывода что в плотной опеке — как раз нуждается как раз командный состав Красной Армии, а не рядовые красноармейцы.

Продолжаю:

— Окончивший такой центр боец — маршевой ротой направляется в войска, где распределяется по учебным взводам строевых стрелковых рот.

Понятно, да?

Муштровать новобранцев, гонять их «по долинам, да по взгорьям», учить колоть штыком чучело и разбирать-собирать оружие — могут люди и без фронтового опыта...

Дело то, нехитрое!

А вот последний, молодой боец получит в учебном взводе от бывалых вояк.

— Это, что касается пехоты. Артиллерийские, танковые и прочие училища — по тому

же принципу переформируются в «центры подготовки военно-технических специалистов» (ЦПВТС РККА). Туда направляются военнослужащие окончившие «ЦППЛС РККА» имеющие соответствующее образования, навыки и способности.

Наконец, заканчивая на сегодня разговор:

— Все эти «центры» объединяются в «Армию подготовки резервов Вооружённых сил СССР» и, её Командующим назначаетесь...

После воистину театрально паузы, встаю из-за стола:

— ...Вы, товарищ Тимошенко!

Протягиваю руку:

— Поздравляю с новым назначением!

— Служу Советскому Союзу!

Провожая его взглядом до двери:

«Ну, лиха беда — начало...».

Командиров взводов будут готовить из сержантов в тех же полковых школах — это уже решено. Готовится проект постановления о создании «армейских курсов усовершенствования командного состава» (АКУКС) — для подготовки командиров рот и батальонов. Центр подготовки командиров полков и дивизий, будет создан в Москве при курсах «Выстрел». При Генеральном штабе РККА, будет учить «азам» — хотя бы военной терминологии и азам штабной работы командармов и, членов военных советов фронтов из «цивильных»...

«Дело считай наполовину сделано!».

По-моему хорошо придумано, да?

Однако, у нас на Руси всегда было так: самая лучшая задумка гробится на стадии реализации тупыми или ленивыми исполнителями...

Менталитет, мля!

Но, ничего...

Прорвёмся!

***

Чем дальше, тем всё больше и больше убеждаюсь, что такие неимоверно высокие потери в Великой Отечественной Войне — наша страна понесла благодаря не только советским и германским генералам...

Но и из-за «конфликта поколений».

Сию вот, бегло просматриваю списки командного состава частей и соединений РККА от роты и выше, роюсь в «послезнании» и выясняется, что подавляющее большинство генералов — рождены в конце девятнадцатого или начале двадцатого века и, получили хотя бы качественное трёхлетнее образование в церковно-приходской школе — как к примеру сейчас сидящий предо мной Георгий Константинович Жуков. Следующими «университетами» у них была Русская императорская армия — где царские фельдфебели, кулаками и жесточайшей муштрой учили их Родину любить и понимать, что такое «служба». Ну и наконец выпускные экзамены у них принимали две войны подряд — Первая мировая и Гражданская и надо признать: им они вполне соответствовали...

Беда в том, что случившаяся Вторая мировая война — была на те очень мало похожа, а

то и вовсе — совершенно другой.

Не мной было сказано:

«Генералы всегда готовятся к прошлой войне».

Однако, если спуститься «этажом ниже» — картина совершенно иная.

Командиры рот, батальонов и полков РККА времён Великой Отечественной Войны — как правило родились в десятых годах двадцатого века. Детство у них прошло в «Эпоху перемен» — чего и злейшему врагу не пожелаешь: во время Революции и Гражданской войны — во время анархии и разрухи и, последовавших за ними голода, эпидемий и массовых казней. Многие из них, зачастую ещё в дошкольном возрасте — были свидетелями смертей своих близких, видели на улицах своего села или города — валяющиеся прямо на улице трупы расстрелянных, на фонарных столбах — трупы повешенных, разбросанные фрагменты трупов изрубленных «в капусту»... Жизни многих из них буквально висели на волоске и чтобы элементарно выжить — приходилось самим совершать преступления, в том числе и убийства.

Человеческая жизнь для таких, не просто копейка...

Она для них вообще ничего!

Чужая человеческая жизнь, на всякий случай уточняю. За свою собственную жизнь, представители этого поколения — в любой момент готовы были сражаться с неистовством загнанной в угол крысы — иначе б, они не выжили в то лихолетье.

Чтоб человеку убить себе подобного — надо переступить какой-то психологический барьер. У поколения прошедшего через ужасы братоубийственной войны, такой барьер был по крайней степени снижен до минимального, если не вообще сломлен...

Психологи говорят, что Чикатило (не к ночи будет помянут!) стал во взрослом возрасте маньяком — ребёнком видя сцены насилия и убийств во время германской оккупации, а возможно и сам был жертвой насилия. Представив себе его, ставшим командиром или комиссаром РККА перед войной и тогда многие сценки невероятной жестокости к своим же подчинённым, становятся вполне понятными:

«Вторая батарея ночью сменила позицию. Огневики всю ночь копали капониры для пушек и укрытия для боеприпасов и личного состава. На рассвете, оставив на огневой дежурными двух красноармейцев, все ушли в деревню отдыхать. Комиссар батареи — помполит, носивший в то время четыре треугольника, уже отдохнувший, пошел проверять дежурство. Застав дежурных дремавшими, сидя на станинах пушек, поднял батарею по тревоге и перед строем собственноручно их застрелил.

Помполит затем рос как на дрожжах. Уже в 1944 году он носил погоны полковника-политработника... Мой бывший однополчанин... писал мне, что он уже в семидесятые годы спрашивал бывшего помполита, как он оценивает тот свой поступок с расстрелом опухших от голода солдат. Комиссар вести разговоры на эту тему отказался[8]».

Что называется, дорвался!

Не... Я вполне понимаю и одобряю, когда командир в бою застрелил трусившего солдата, чтоб паника не перекинулась на всё подразделение... Для этого и именно для этого ему пистолет и даден.

Ну ещё чтоб самому застрелиться во вполне определённых ситуациях, спасая офицерскую честь...

В этом же случае, зачем убивать людей?!

Если считаешь, что совершён требующий наказания дисциплинарный проступок — отдай виновного под трибунал, не бери грех на душу...

Так, нет — обязательно своими руками!

Хочется, понимаете?

Когда вспоминаем об погибших в годы Священной войны за Отечество — давайте вспомним и об таких, убитых собственными командирами и комиссарами...

Сколько их было?

Судя по всему — очень много:

«С рассветом где-то накопили картошки. Сварили и, усевшись на полу (стола в доме не было) вокруг ведра с картошкой, принялись за еду. Неожиданно наше застолье было прервано. Дверь распахнулась: на пороге стоял начальник связи дивизиона младший лейтенант Ильин. После того как несколько дней тому назад, прихватив с собой штабные документы, убежал начальник штаба дивизиона (фамилию его не помню), Ильин был назначен исполняющим обязанности начальника штаба. Мы его знали как довольно-таки трусоватого человека и любителя выпить. Вот и теперь — глаза блестят, лицо красное. Правая рука на рукоятке пистолета, заложенного за отворот шинели. Звучит команда «Встать!», и дуло пистолета упирается мне в грудь:

— За мародерство — расстрел! Шагом марш!

Мы тогда не понаслышке знали, что есть строжайший приказ, предписывающий расстрел на месте, без суда и следствия, за самое незначительное мародерство. Например, на днях, буквально дня два-три тому назад, в стрелковом полку были расстреляны два красноармейца: один за то, что, когда подразделение проходило через деревню, выдернул из грядки замерзшую свеклу, а второй за то, что срезал кочан капусты...

...Как-то, когда я рассказал этот эпизод из своей военной жизни, меня спросили: что я чувствовал в это момент? Положа руку не сердце, должен признаться, что страха не было. И не потому, что я не верил в намерение Ильина. Скорее наоборот. Из приказов, объявляемых нам со дня прибытия на фронт, и по слухам, передаваемым из уст в уста, мы знали, что за расстрел на фронте никто из командиров не несет даже символического наказания, наоборот, такие люди только поощряются. Так что сомнений в вероятности выстрела не было...[9]».

Жизнь солдата Красной Армии была дешевле сырого овоща.

А потом, пропагандисты льют крокодильи слёзы:

«Нет в Советском Союзе семьи, в которой хоть кто-нибудь — да не погиб в боях за социалистическое Отечество!».

А почему про тех не вспоминаем, кто погиб между боями за кочан капусты?

Что стесняемся, то?!

Это — единичные случаи?

Отнюдь!

Это — система.

Школьные годы поколения родившегося в десятые годы 20-го века, пришлось тоже — на очень «интересное» время.

Ещё в годы Гражданской войны понял, что со взрослыми нового общества не построишь, упоротые на всю голову марксисты во главе с Луначарским и Крупской принялись за детей:

«Создавать не мешанского ублюдка, не собственника, а человека, преданного социализму, мыслящего и действующего в интересах трудящегося коллектива, всегда увязывающего теорию с практикой и отдающего себе полный отчет в своих действиях[10]».

Всё школьное поколение «лихих 20-х», неоднократно испытав на себе множество учебных экспериментов — являлись типичными подопытными кроликами. «Комплексный метод», затем — «Дальтон-план»... Хуже наверное может быть только наш «Единый государственный экзамен» — более известный по аббревиатуре «ЕГЭ».

Учащиеся «трудовых школ», в которых «шкраб» (школьный работник, учитель) получал зарплату вдвое меньше школьного же дворника и, мог быть уволен голосованием учеников — были перезагружены «общественными поручениями», вроде борьбы с «религиозным дурманом». А учебная программа сплошь забита уроками политграмоты и обществоведения — по факту являющимися пересказами всемирной и российской истории с точки зрения господствующей идеологии.

Школьники эпохи НЭПа, не получали в школе даже необходимый минимум знаний!

Традиционные школьные предметы отменялись: каждый ученик сам выбирал предметы и объем изучаемого материала, учителя лишь консультировали учеников — а не вели уроки, а аттестация велась по так называемому «проектному методу».

Политика большевиков в сфере образования в эпоху НЭПа, привела к катастрофическим последствиям в сфере как школьного — так и высшего образования. Даже в Москве четверть всех учеников — были отстающими второгодниками с лексиконом Элочки-Людоедки и с задатками записных уроков — не способными даже внятно выразить свои мысли и, хотя бы и с ошибками — изложить их на бумаге.

Удалось ли сделать из этого поколения стойких приверженцев идей коммунизма?

Из какой-то их части — да: иначе откуда «комсомольцы-добровольцы» на великих стройках Первых пятилеток?

Однако в целом, первое поколение выросшее при Советской Власти — было прагматичнее, циничнее и эгоистичнее дореволюционной молодежи. Голодное детство, когда вопрос элементарного выживания — стал для них насущным с самых ранних лет, взросление под сильным идеологическим прессом — выработало у них защитные механизмы в виде равнодушия к громким лозунгам и стремления прежде всего обеспечить самого себя...

Вспомним фильм «Однажды в Америке»: психологический тип — практически один в один.

Если бы эпоха «НЭПа» продолжилась, то став взрослыми они скорее всего устремились бы в предпринимательство — легальное или криминальное, чтоб элементарно разбогатеть.

Но она уже закончилась!

Началась эпоха индустриализации, государственной собственности и жёсткой командно-административной системы.

И тогда они расползлись по «тёплым местам» и, одним из таких «мест» стала Рабоче-Крестьянская Красная Армия — куда вплоть до Сталинской конституции 1936-го не брали выходцев из семей так называемых «лишенцев». Самое простое — остаться на сверхпрочную

и держаться подальше от начальства и, поближе к кухне и каптёрке — откуда тащить всё что только можно «для семьи».

Но это для самых бесхитростных!

Те, кто имел хотя бы две извилины в голове и мало-мальски преуспел в грамоте — освоим хотя бы чтение, письмо и четыре действия арифметики, мог запросто стать командиром РККА. Обстоятельства благоприятствовали как никогда прежде и позже: в военные училища юношей принимали по направлению комсомольских организаций и, принимали кого?

Правильно: наиболее «политически активных».

Вытеснив естественно ушедших на повышение или пенсию предшественников... Или — «неестественно» попавших в подвалы ОГПУ-НКВД, к чему без всякого сомнения приложили руку, представители первого советского поколения стали командирами рот, батальонов и полков.

И жизнь таки удалась!

Конечно, свою мечту детства — разбогатеть, в государстве рабочих и крестьян осуществить практически невозможно...

Но вот особо не напрягаясь жить просто сыто — вполне:

«Теперь много говорят и пишут о воровстве в современной армии, обвиняя во всем нынешнее правительство и президента. Обвинители стараются показать, что это зло родилось вместе с демократическим режимом. Думаю, что воровство в армии началось гораздо раньше.

Пример на уровне полка. Солдаты голодают (речь идёт о довоенном времени. Авт.). А находясь в наряде на кухне, мы видели, как весь день в больших противнях в кипящем масле жарились пончики. Не знаю, ели ли их офицеры, но рядовой и сержантский состав о них даже представления не имел. Кроме того, в полку была ферма, где выращивались коровы и свиньи. Обслуживал ферму взвод солдат срочной службы, и иногда им в помощь посылали солдат из батарей. Ферма была, а вот ни молока, ни мяса солдаты не ели и даже не видели. Обворовывать солдат продолжали и на фронтах, все годы войны... [11]».

Прапорщик возвращающийся домой из солдатской столовой, с авоськами полными жратвы... Знакомая картина для тех, кто служил в «непобедимой и легендарной», не правда ли?

И всё бы было складно и гладко, да в конце 30-х «первое советское поколение» столкнулось со «вторым поколением» — выросшем и получившим образование при Советской Власти и, сравнив его с собой — сделало выводы не в свою пользу.

После почти десятилетия экспериментов, в конце 20-х — начале 30-х годов, вместе с экономической политикой — сменился и приоритет в политике образования. Советское правительство взявшее курс на индустриализацию и построение социализма в отдельно взятой стране, заявило что ему нужна не революционная — а образованная и дисциплинированная молодёжь. Твёрдой и бесцеремонно-жесткой сталинской рукой, в школах и ВУЗах была введена строгая дисциплина и установлен железный порядок. Отныне, педагог наделялся беспрекословным авторитетом, во главу учебного процесса ставилось усвоение учебного материала — а не общественная работа и дискуссия с учителем по любому поводу.

И к концу десятилетия это дало о себе знать: за всю — как бы не тысячулетнюю

историю России, это было первое образованное поколение.

Мало того, это было поколение убеждённых строителей нового общества!

Ведь они росли и воспитывались на примере трудовых свершений Первых пятилеток, рекордов стахановцев и подвигов челюскинцев. Они бредили испанским небом и степями Халхин-Гола и, больше смерти боялись опоздать на будущую войну с фашизмом.

По многим причинам (среди которых желание защищать Социалистическое Отечество — стояло отнюдь не на последнем месте) они поступали в военные училища и, закончив их — выпускались в войска младшими лейтенантами — командирами взводов.

И познакомившись с ними, с их уровнем образования и морально-волевыми качествами — «первое советское поколение» почувствовало смертельную угрозу для своего существования. Ведь на равных условиях, шансов против «второго поколения» у них нет, от слова «совсем». Пройдёт совсем немного времени и они их просто «подвинут» с должностей, а то и пересажая за шибко вольготное обращение с казённым имуществом...

Представив себе панику в их стройных рядах, я аж улыбнулся Жукову — с ожидающе-угрюмым видом сидевшим напротив меня и внимательно следящим, как я перебираю списки среднего комсостава с пометочками.

И тут словами одного «великого и выдающегося»:

«Не будь этой войны, её надо было обязательно придумать и развязать».

Ломы вспоминать кто такой и по какому поводу это было сказано...

Началась Великая Отечественная Война и придя в себя после недолгой растерянности, «первое советское поколение» вскоре адаптировалось к знакомым с детства условиям и оказалось как рыба в воде.

Наш народ это заметил и отреагировал очередной мудростью:

«Кому война, а кому мать родная!».

Главное, что можно было не заморачиваясь особо — избавиться от этих лейтенантов-«знаек» с играющей в «одном месте» романтикой.

Так сказать:

— Давить паровозы — пока они всего лишь чайники!

Всего то делов — послать взвод или роту во главе с таким лейтенантом в атаку в лоб на пулемёты. Откажется — пристрелить на месте на вполне законных основаниях. Выполнит — его застрелят фрицы.

Выживет?

Тоже не беда — эта высотка на пути к Берлину далеко не последняя.

Вот вполне откровенное признание одного их таких, записанное по памяти одним из выживших лейтенантов — весной 1941-года закончившим военное училище, а осенью-зимой того же года сражавшегося под Москвой в должности командира роты:

«Меня как-то вызвали в штаб полка. Ожидая приёма, когда освободится начальство, а нас при этом обычно держали на ветру, я наткнулся на подвыпившего капитана. Не знаю, кем он был при штабе, но он посадил меня рядом с собой на бревно, дал папироску и сказал мне:

— Вот послушай! Одни жили-были, живут и ночуют в избах, и считают себя фронтовиками. А вас посадили в сугробы и на вас нет смысла переводить сало и прочие

съестные запасы. Другое дело основной состав полка...

— ...В полку фронтовики — это отец наш родной, его заместители и штабные, как я. В полку мы не одни. Тут снабженцы и кладовщики, начфины, еврей-парикмахеры, медики, повара, и сотня повозочных. При штабе портные, сапожники и шорники, сапёры, телефонисты и санитарочки в санроте, сам понимаешь! Все они фронтовики и защитники Родины. Это основной и постоянный состав полка, а вы, как это сказать? Временные людишки, переменный состав, всего на две, на три недели. Вас считай... Сегодня вы были, а завтра вас нет!

— А кто останется? Кто будет стоять против немцев?

— Ты знаешь, сколько вашего брата желторотых лейтенантов за это время успело отправиться на тот свет? Нас в полку сейчас больше, чем вас там, сидящих в траншее. Мы штабные живучие, тем мы и сильны! Нас совершенно не интересует, какие у вас там потери. Чем больше, тем лучше, это значит, что полк воевал и мы поработали! Что я? Это я уже лишнего говорю! Иди, тебя зовут! Нет, это не тебя! Сиди и слушай дальше! Чего там скрывать! Кроме меня тебе никто не откроет глаза на то, что здесь происходит. Ты мне с первого раза приглянулся. Сразу видать, когда у человека открытое лицо. Вот слушай! Застелят вашими костями нашу матушку землю и ни один человек после войны не узнает ни ваших фамилий, ни ваших могил. Видишь разница в чём? А мы будем живые и наши фамилии будут фигурировать в отчётах и наградных листах...[12]».

Что разум, что сердце — отказываются в подобное верить: ну не может человек быть настолько подл...

Но увы: нарочно такое не придумаешь и ничем кроме вышенаписанного не объяснишь!

***

Что делать?

По нашей с Землячкой задумке, за проблему уже решено браться «снизу». Группы бойцов-коммунаров в каждом батальоне — будут не только подавать личный пример, первыми поднимаясь в атаку... Но и иметь право заглянуть в солдатский котёл и поинтересоваться у интенданта:

— А где приварок?

И за руку отвести его в ближайшую военную прокуратуру.

Они могут заступиться за бойца совершившего дисциплинарный поступок и потребовать наказать командира превысившего свою власть.

Они могут вызвать корреспондента армейской, окружной или даже центральной газеты, или сами написать статью о каких-то злоупотреблениях со стороны командования и редакция обязана её немедленно опубликовать. А вышестоящее начальство — соответствующе отреагировать на «сигнал».

В военное же время, боец-коммунар имеет даже право на применение оружия в исключительных случаях, оговоренных специальным положением.

Вообще, предполагается такая «прокладка» — между совершенно бесправными «окопниками» и совершенно офуевшими в военное время «штабными».

Ну это как я уже сказал «снизу»...

Решение «сверху» — сидело прямо сейчас предо мной, напряжённо шевелило «извилинами», потело от психического напряжения и «благоухало» на весь кабинет —

казалось даже портрет Ленина на стене морщился. Не смотря на то, что его переодели в чистое и наскоро побрызгали каким-то одеколоном — несостоявшийся «маршал Победы» источал вонь немывтого тела, баланды и параши.

Изредка оторвавшись от бумаг на столе, поглядываю его и невольно люблюсь:

Несмотря на все свои известные недостатки — это настоящий мужик!

Если до моего предложения на лице у Тимошенко было радостно-тревожное ожидание более лучшей участи, то у Жукова — лишь желание «бодаться» до конца. Ни лубянские застенки, ни довольно жёсткий прессинг на допросах — не сломили его.

Бывший глава ГРУ Генштаба РККА Голиков, так сразу «раскололся» — признавшись в участие в заговоре по подготовке поражения Красной Армии, свалив вербовку на Мерецкова — у которого уже ничего не спросишь. Что-то как-то подозрительно тогда поторопилось «Политбюро» — у которого тоже ничего уже не спросишь. Да и я тоже маху дал — «подмахнув не глядя»...

Правда, ситуация тогда была совершенно другая, что меня несколько оправдывает.

И где теперь искать «ниточки» — Маркс его знает...

У этого же — никакого подобострастия перед человеком, который щелчком пальцев может стереть его в порошок...

Молодец!

Жаль не в то время родился сей альфа-самец. Ему бы в Средневековье какое — стал бы основателем какой-нибудь королевской династии, зуб Реципиента даю.

Ну, что ж...

«Телепортировать» туда его не могу, придётся использовать на месте.

Наконец отодвинув в сторону списки с «галочками», открыто поднимаю глаза на сидящего в кресле напротив стола Жукова и как ни в чём не бывало, как будто продолжая давно начатый разговор:

— В отличии от Холкин-Гола, Советско-финскую войну мы провоевали совершенно бездарно и безобразно... Вы согласны со мной, товарищ Жюков?

В отличии от первого конфликта — на втором он не присутствовал, поэтому ответ можно было предсказать с точностью триста процентов:

— Согласен с Вами, товарищ Сталин.

И снова уставился на меня, мол: «И что из этого следует?».

Я не заставил себя долго ждать:

— Мы с товарищами из Политбюро ЦК ВКП(б) — которые не так давно покинули нас героически погибнув в результате природной катаклизмы, считали что «рыба гниёт с головы» и решили заменить высшее военное командование — поставив Наркомом обороны СССР маршала Тимошенко, а Вас планируя на Начальника Генштаба Красной Армии...

Вижу — глазёнки маслянно заблестели, весь он непроизвольно чуть-чуть подался вперёд.

С видом «Вас хорошо понимаю — но абсолютно ничего не могу для Вас сделать», с обескураживающим видом развожу руками:

— Однако ознакомившись в деталях с состоянием дел, я понял простую вещь: кого в его главе РККА не ставь и какие бы гениальные планы он бы не разрабатывал — в случае войны

с Германией, наша с вами армия обречена на позорно-разгромное поражение... Ибо как говорил летописец Нестор: «Порядка в ней нет!».

Сказав сие, я ожидающе уставился на собеседника, типа:

«А что скажет товарищ Жюков?».

И тот «завёлся с полпинка», как хорошо прогретый двигатель внутреннего сгорания:

— Причины неудач нашей армии на финском фронте прошлой зимой, я вижу в слабой морально-психологической подготовке рядового состава. Надо готовить людей преодолевать страх! Например, учить красноармейцев и младших командиров тому, что в атаке нельзя ложиться...

Внимательно слушаю, согласно киваю и думаю:

«Учи не учи — а инстинкт самосохранения сильнее. И лучше всего помогает преодолевать страх у бойцов — качественно и по всем правилам проведённая артподготовка».

Меж тем тот продолжал жечь:

— ...Особенно заметна низкая дисциплина и расхлябанность личного состава в авиации, товарищ Сталин! Вы только на их — лётчиков, «вихляющую» походку и никуда не годную выправку посмотрите: в отличие от выправки кавалериста к примеру — чувствуется полное отсутствие строевой подготовки!

Строевая подготовка или иначе «муштра», в армии необходима — даже спорить на эту тему бессмысленно...

Нужна ли она лётчикам?

Нужна, ибо она позволяет лётчику обладать «чувство своего места» в строю. А без него, без этого чувства — группового воздушного боя не будет, что и наглядно продемонстрировали сплошные неуспехи наших «сталинских соколов», на фоне отдельных героических подвигов.

Вслух же я с готовностью поддакнул:

— Они ещё себе пословицу выдумали: «Когда Бог раздавал дисциплину, стройбат зарылся в землю, а авиация улетела». Совсем распустились, пАнимаешь...

Взгляд Жукова, из колючего — тут стал почти дружелюбным и я подумал:

«А может назначить его Командующим ВВС?».

Подумал, подумал... И решил не назначать.

Меж тем, Георгий Константинович продолжил перечислять недостатки, мешающие Красной Армии воевать как следует:

— ...Необученность и незнание характера боя для младшего командного звена. Для старшего — оперативного искусства.

Жестом прервав поток сознания:

— Вот про последнее я и хочу с вами поговорить, товарищ Жюков. Театр начинается с вешалки, а армия с уставов. А устав, это...

После чего, в стиле «а-я старшина Васьков», довольно долго объяснял офонаревшему генералу армии что такое «устав», по всему виду — заработав у него немало бонусов на свой счёт.

Закончив армейской мудростью:

— ...«Действуй по уставу — завоеешь честь и славу!».

Я наконец перешёл непосредственно «к телу», спросив:

— А как у нас в Красной Армии, дела со знанием уставов обстоят на деле?

Плотно положив ладонь на не так давно просмотренные в его присутствии бумаги с «галочками и крестиками» — как печатью припечатал, сам на этот вопрос отвечаю:

— При выборочной проверке даже в Московском(!) военном округе — подавляющая часть командиров рот, батальонов и полков и начальников штабов — их совершенно не знает...

Схватив кипу бумаг, потрясая ими перед физиономией собеседника, вопию как оглашенный:

— Как с такими воевать, я Вас спрашиваю?!

Кинув бумаги на стол, уже более спокойно:

— А ведь Генеральный штаб РККА в лихорадочной спешке готовит новые — более современные уставы, основные положения которых — идут в полное противоречие со старыми...

Интересно, как бы он отреагировал, узнай что пишут в проекте нового «Боевого устава РККА», например, о про роли и значении рукопашного боя:

«В современном общевойсковом бою рукопашный бой большая редкость. Автоматическое индивидуальное стрелковое оружие сводит к минимуму вероятность его возникновения на открытых пространствах, делая рукопашные схватки делом случайным и возможным лишь при особых обстоятельствах: при плохой видимости (тёмное время суток, туман, осадки и т. д.) или в стеснённых обстоятельствах (траншеи и блиндажи, густой лес, помещения в городской застройке).

Но это не значит, что изучение приемов рукопашного боя надо исключить из физической подготовки. Наоборот, они являются важнейшим элементом психологической подготовки каждого военнослужащего воспитывающей бойцовские качества и уверенность в себе. Кроме того, навыки рукопашного боя необходимы бойцам специальных подразделений Красной Армии: десантникам, разведчикам, диверсантам и прочим, для которых ближний бой наиболее вероятен...».

Или вот вместо «Наступательный бой — основной вид боевых действий Красной Армии...» в старом Уставе, теперь вот такое:

«Наступательный и оборонительный бой являются основными видами боевых действий Красной Армии. Предпочтительность отдаётся тому виду боя, который в данный момент является наиболее эффективным для основной цели боя — уничтожения вражеской силы и техники противника, при максимальном сбережении своих сил и средств».

Ну а это — вообще из ряда вот выходящее для хроноаборигенов носящих синие штанишки и ромбы со звёздочками в петлицах:

«Отступление является самым сложным видом оборонительного боя и имеет целью:

а) Сберечь свои войска от разгрома в случае подавляющего превосходства противника.

б) Действиями из засад измотать противника — подготавливая сперва жёсткую оборону, а затем переход в контрнаступление...».

Наверняка задушил бы меня прямо здесь и сейчас голыми руками!

Но, ничего: стерпится — слюбится.

С горестным видом вопрошаю:

— ...Как их учить воевать по новым уставам, если они и старых то совершенно не знают?!

Действительно, читаешь про наших командиров и складывается такое ощущение, что они не только уставов не знают — а вообще об военном деле понятия не имеют. Как будто их с улицы по объявлению на работу взяли. А войсками командовать они учились по фильму «Чапаев» и, причём не по эпизоду «с картошкой» — в коем Василий Иванович объяснял Петьке основы тактики...

А исключительно по «психической атаке» каппелевцев, прущих на пулемёты под барабанный бой!

«Через день или два после взятия Попково мы вчетвером на дровнях, сейчас уже не помню, с каким заданием, приезжали в одну из тех деревень. Дорога на протяжении двух километров пролегла по открытой, без единого кустика равнине с уклоном в сторону обороны противника. Мороз. На линии обороны противника спокойно. Выстрелов не слышно. Наши солдаты не встречаются. Спустившись вниз, метров через пятьсот, на месте бывшего леса мы увидели страшную картину. За восемь месяцев войны многое пришлось повидать, но такое увидели впервые...

Метров за пятьсот от бывшей уже линии немецкой обороны увидели редкие трупы наших солдат, припорошенные снегом. Чем ближе подъезжали к немецким позициям, тем плотнее лежали убитые. Наконец трупы так плотно покрыли землю бывшего редкого леса, что мы вынуждены были оставить лошадь, чтобы не ехать по телам. Пришлось шагать по замерзшим убитым солдатам, в большинстве своем одетым в полушубки и валенки, а примерно в 300 метрах от огневых точек немцев убитые лежали уже в два слоя, последние — всего в 10 метрах, перед самыми пулеметными гнездами. Местами трупы были придавлены деревьями, срезанными пулями. Огонь немцев, вероятно, был настолько плотный, что редкое дерево устояло, и от леса остались лишь пни метровой и более высоты с расщепленными пулями срезами. Оружия у солдат не было, и создавалось впечатление, что наступавшие шли на огонь противника безоружными...

...Из рассказов очевидцев и приказа по армии, зачитанного офицерскому составу, стала известна трагедия произошедшего.

Дивизия полного состава прибыла с Дальнего Востока. Ранее в боях не участвовала. Получила приказ выбить противника из упомянутых мною ранее крохотных деревень. К месту сосредоточения для атаки опоздала. На хорошо просматриваемую противником равнину вышла батальонными колоннами, вышла, когда уже рассвело. До подхода на дистанцию ружейно-пулеметного огня колонны подвергались артиллерийскому и минометному обстрелу. Выйдя на опушку леса, дивизия разделилась на две части. Одна часть без артиллерийской подготовки бросилась в атаку на находившиеся прямо перед ней немецкие пулеметы и, не добившись ни малейшего успеха, полегла полностью. Из боя не вышел никто...

Вторая часть дивизии наступала на другую, такую же крохотную деревеньку, расположенную примерно в километре от первой. Участь ее постигла та же, что и первую. Дивизии не стало.

В приказе говорилось, что командир дивизии, видя, что линейные полки успеха не имеют, бросил в бой штабы и хозяйственные подразделения, и тоже безуспешно. Позже,

после взятия Попково, немцы деревню оставили без боя.

Не больше двух рот оборонявшихся немцев уничтожили кадровую дивизию полного состава. Причем деревни находились в лесном массиве. Между ними обороны противника не было. И справа и слева от них можно было пройти беспрепятственно и легко окружить противника. В приказе по армии было сказано, что командир и комиссар дивизии преданы суду военного трибунала...[13]».

Нет, это вообще — просто нечто за гранью добра и зла!

Что вместо мозгов было у командира это дивизии?

И где интересно, такого долбо...ёба вообще нашли?!

***

Встав и почти насильно усадив вскочившего Жукова на место — нажав ему на плечо, стал прохаживаться по кабинету, как будто рассуждая вслух:

— Я хорошо понимаю, что детство у товарищей командиров было тяжёлым, а игрушки — деревянными... «Времена не выбирают — в них живут и умирают!». Они не виноваты, что взрослые дяденьки решили «весь мир насилья разрушить, чтоб потом...». Чтоб потом создать какого-то «нового человека» — чего Матушка-природа за миллионы лет сделать не сумела.

Остановившись перед Жуковым и положив ему руку на плечо — пресекая очередную попытку соскочить, смотрю в глаза:

— Нет, я вовсе не самодур какой! Я готов пойти «первому советскому поколению» на встречу... Чтоб новые боевые уставы легче запоминались, к их написанию уже привлечены лучшие писатели нашей страны. Для самых тупых командиров — уставы будут изложены в стихотворной формы, снабжены картинками и изданы в виде комиксов... Извиняюсь: в виде лубков! Наконец, при Генштабе РККА уже создаётся киностудия «Соввоенфильм» — на которой будут сняты учебные фильмы...

Встав напротив Жукова и в очередной раз усадив его на место, я:

— Но если враг не сдаётся — с ним что делают?

— Уничтожают, товарищ Сталин!

Подняв палец вверх:

— Правильно! А если командир Красной Армии не в состоянии выучить Боевой устава — он должен быть отстранён от командования и направлен... Куда по вашему мнению, товарищ Жюков?

— В строй рядовым красноармейцем, товарищ Сталин.

С любопытством — как на какую-нибудь чудную зверюшку в зоопарке на него глядя, думаю:

«Сам-то он, интересно, уставы знает?».

Вслух же одобрительно:

— Совершенно верно!

Сажусь за стол и достаю из ящика тоненькую папочку. Задержав её в руках, глаза в глаза, стараясь как можно более проникновенно:

— Сказать по правде, после Халхин-Гола, я Вас на должности наркома обороны СССР видел...

У того аж «в зобу дыханье спёрло», судя по исчезновению «аромата» баланды на основе

кислой капусты.

— ...Но товарищи из «Политбюро ЦК ВКП(б), из каких-то мне неведомых соображений предпочли Тимошенко и сумели меня убедить.

Следя за его реакцией — которая была «не совсем однозначной», злорадно думаю: «Не тебе одному все грехи на мёртвых валить!».

Тру по ушам дальше:

— Увы и маршал Кулик на должности Наркома обороны — оказался всего лишь толковым администратором, но не больше.

Глядя в его лицо честными глазами, думаю:

«А мне больше ничего от него и не надо!».

Сложив под столом из пальцев фигу, вслух:

— Так что это назначение за Вами, товарищ Жюков!

Тот, аж глазом хлопнул.

— Но сперва, Вы должны навести порядок среди среднего состава РККА: отсеять неспособных и заменить их подающей надежды молодёжью из училищ. Иначе у нас с Вами, ничего не получится — какие бы должности мы не занимали. Согласны со мной?

Тот, с превеликим энтузиазмом:

— Согласен, товарищ Сталин!

Наконец протягиваю ему папочку, а на словах:

— Вы назначаетесь Председателем «Комиссии по переаттестации среднего командного состава РККА при Комитете Труда и Обороны СССР».

После официального принятия новых боевых уставов, у товарищей командиров будет ровно месяц на их изучение, после чего будет проводиться проверка знаний. Поучившие «отлично» будут рекомендованы на повышение, «хорошо» — оставлены в занимаемой должности, «посредственно» — понижены в звании и должности. Те же, чьи знания оценены в «плохо»...

— Государство уже потратило на них немалые средства, поэтому не может позволить себе просто-напросто уволить из Вооружённых Сил. Для таких будут созданы специальные подразделения — «штрафные батальоны», в которых они...

«Сдохнут в самом начале войны!».

— ...В мирное время — продолжают изучать уставы, но уже на казарменном положении и в звании рядовых красноармейцев и, после успешной сдачи экзаменов — продолжают службу в РККА командирами взводов. В военное же время — будут изучать «Боевой устав пехоты-41» непосредственно на поле боя.

Помолчав:

— Вашим первым заместителем и одновременно Командиром штрафного батальона, я планирую назначить генерал-майора Гордова... Знаете такого?

Хотя сей «стратег» в моём «чёрном списке»:

«Под Витебском очень тяжелые бои были. Бригада почти вся погибла. Командовал 33-й армией генерал Гордов, который был потом расстрелян. Гордов был жестокий человек. Я его не видел, но те, кто видел, говорили, что он страшно жестокий человек был. Там, зимой 1943 года, он нашу бригаду и погубил...».

Но я следую заветам Ленина:

«Всякий мерзавец для нас может быть полезен именно тем, что он мерзавец». Про Владимира Ильича можно говорить разное... Но дураком он не был.

Отвечает:

— Знаю я генерал Гордова, товарищ Сталин.

— Как считаете — работаетесь с ним?

— Сработаюсь.

— Кого ещё из генералов, Вы хотели бы видеть в своей команде?

В перечисленном моим визави после некоторых раздумий достаточно внушительном списке, по «послезнанию» я знал лишь про генерал-майора Захарова... Но не того Захарова, что ныне Начальник Генерального штаба Вооружённых сил СССР — тот Матвей Васильевич... А другого — Георгия Фёдоровича, который сейчас Начальник штаба Уральского военного округа.

Последний, в «реальной истории» с декабря 1941-го по май 1942-го — Заместитель Жукова на должности командующего Западным фронтом.

Вот что вспоминают очевидцы событий о стиле его «командования»:

«Окончательно стало ясно, что прорваться через шоссе без средств усиления, можно лишь ночью на лесном участке обороны немцев и нигде больше.

Действия и поступки Захарова становились странными и неоправданно свирепыми. Он по очереди вызывал к телефону командиров полков и дивизий, атаковавших шоссе, и, оскорбляя их самыми отборными ругательствами, кричал:

«Не прорвешься сегодня через шоссе — расстреляю, мерзавец!».

Он приказал судить и немедленно расстрелять пять человек командиров, бойцы которых не смогли прорваться через шоссе. Среди расстрелянных были: командир 160 кавполка 1-й гв. кавдивизии подполковник Юшин, инструктор по комсомолу политотдела 1-й гв. кавдивизии ст. лейтенант Голиков, командир одного лыжного батальона и еще два командира. Несчастные просили лишь об одном, — не сообщать их семьям о том, что они расстреляны.

«Умоляем вас, — говорили они, — не трогайте наши семьи, пусть они думают, что мы погибли в бою».

Трагедия была потрясающая. На третий день пришло помилование. Но поскольку Захаров отдал приказ о немедленном расстреле, помиловали уже мертвых... [14]».

Другие их жуковской «команды» — видимо такие же, если не ещё хуже.

С любопытством посмотрев на Жукова, я вспомнил анекдот про тонущий пароход с неверными жёнами и слова Господа Бога: «Давно я вас, блядей, в одном месте собираю!» и, мысленно потирая ладони:

«Весёленькая компашка собирается! Прямо один к одному».

Конечно же, никакого «наркома обороны» сему несостоявшемуся «маршалу Победы» не светит... Окончательно ещё не решил, но судя по всему, после выполнения этого задания Жуков застрелится от переутомления и будет со всеми почестями похоронен... Эээ... На своей «малой» родине — в селе Стрелковка, Малоярославецкого уезда, Калужской губернии — после чего все про него забудут.

И это вовсе не моя личная прихоть как диктатора-самодура, не какая-нибудь личная

неприязнь, а государственная необходимость.

Сча объясню...

***

Во время того же контрнаступления под Москвой (с декабря 1941-го по май 1942-го), в начале апреля 1942-го года в окружение попала 33-я армия генерал Ефремова. Сам Михаил Григорьевич отказался эвакуироваться на самолёте и, был полон решимости организовать прорыв из котла или умереть вместе с бойцами. Так он и поступал, застрелившись после разгрома, чтоб не попасть в позорный плен...

Вечная память герою!

Но среди стада не без паршивой овцы...

Начальник штаба 338-й стрелковой дивизии 33-й армии полковник Тётушкин высадил из самолёта тяжелораненого офицера, младшего по званию и заняв его место под видом раннего улетел из «котла».

Узнав о самовольном бегстве, генерал Ефремов отправил в Военный совет фронта радиogramму с требованием арестовать и осудить полковника Тётушкина за дезертирство с поля боя.

И что вы думали?

Поразительно, но в то время когда его заместитель Захаров — ни за что ни про что расстреливал боевых командиров, командующий Западным фронтом генерал армии Жуков — заступился за явного труса и подонка. Тётушкин не только избежал ареста, но и приобрёл в лице Жукова защитника. Мало того, тот сам написал на Ефремова докладную — обвинив к тому времени уже героически погибшего генерала во всех смертных грехах.

А через месяц Жуков назначил его командиром 141-й стрелковой дивизии.

После того как загубил её 29 сентября 1942-го года, полковник Тётушкин в тот же день был навсегда смещён с командной должности и направлен...

Куда, кто как думает?

А если ещё подумать...?

...Правильно: в Москву, на преподавательскую работу на курсах подготовки командного состава!

В послевоенные годы трус, дезертир и просто подонок Тётушкин написал книгу мемуаров под названием «Умри, а держись».

Так почему это вдруг Жуков был так лоялен к этому подобию командира?

Да потому что подобно Хрущёву, он собирал кофлу людей ему чем-то обязанных!

К любому из которых можно в любой момент подойти и сказать:

— Помнишь, я твою задницу от трибунала отмазал? Пришло время отдавать долг.

***

— Берите в свою комиссию всех кого посчитаете нужным для выполнения задания «ГКТиО», товарищ генерал армии.

Встав, давая понять что на сегодня беседа закончена, протягиваю руку:

— Конечно — задача невероятной сложности, практически невыполнимая... Но нет невыполнимых задач для большевиков! Я в Вас верю, товарищ Жюков!

И тот, вытянувшись как на плацу перед фельдфебелем:

— Я справлюсь, товарищ Верховный Главнокомандующий!

Проводив генерала армии Жукова до дверей, вернулся на своё место и немного помечтал с закрытыми глазами...

Какой я вижу будущую армию?

Не периода Великой Отечественной Войны, а именно будущую послевоенную Советскую Армию?

Такую — которая «всегда готова»?

Серьёзная допризывная подготовка с выездом в полевые летние лагеря, «экскурсии» в казармы и полигоны ближайших воинских частей. Курирует подготовку представитель части, в которой им предстоит служить после призыва. Возможность новобранцам служить в одном подразделении с друзьями, знакомыми и одноклассниками. Карьера призывника от рядового — до командира роты без всяких «училищ», лишь после прохождения полковых курсов...

А дальше?

Офицер, дослужившийся до командира роты и считающийся перспективным, после обучения на специальных курсах, увольняется из армии и назначается...

Председателем отстающего колхоза!

Ну или цеха завода и так далее, типа того...

Если он его поставит «на ноги», то вновь принимается на военную службу командиром батальона. Послужив какое-то время, вновь увольняется и назначается председателем исполнительного комитета районного совета. Набравшись управленческого опыта, назначается уже на полк...

Ну и так далее вплоть до «пары» нарком — командующий армией или округом.

Открыв глаза, я:

— Эх, мечтать не вредно, вредно не мечтать!

Конечно, я вполне понимаю старую солдатскую поговорку:

«Легко было на бумаге, да забыли про овраги...».

Но я знаю и другую народную мудрость:

«Под лежащий камень вода не течёт».

Поэтому двигаться надо, двигаться!

Моим принципом было всегда:

«Делай как считаешь должно и пусть получится то, что получится».

[1] Дегтев Дм. «Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ 1942 г».

[2] Штеменко С.М. «Генеральный штаб в годы войны».

[3] Андреев П. «Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика».

[4] Шумилин А.И. «Ванька-ротный».

[5] Авторство приписывают многим, начиная от Суворова до Рокоссовского и Жукова.

[6] Ветеран ВОВ Гак Александр Михайлович из сборника А.Драбкина «А мы с тобой»

брат, из пехоты...».

[7] Шумилин А.И. «Ванька-ротный».

[8] Андреев П. «Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика».

[9] Там же.

[10] Фетисов М. Некоторые вопросы школьного быта // Революция и культура. 1928. № 5. С. 53.

[11] Андреев П. «Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика».

[12] Шумилин А.И. «Ванька-ротный».

[13] Андреев П. «Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика».

[14] Дроздов С. «О стиле командования Западного фронта зимой 1941/42 года».